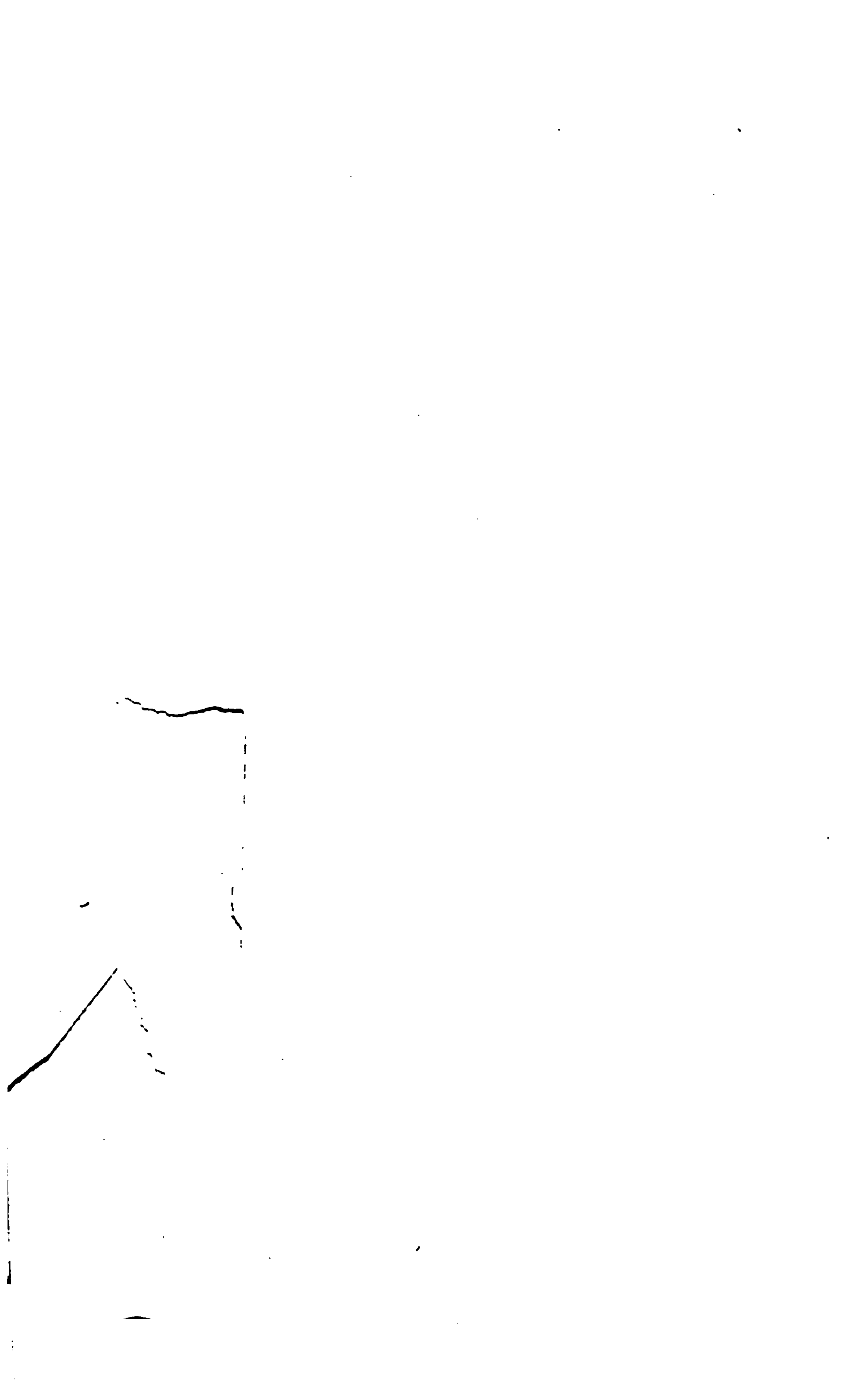
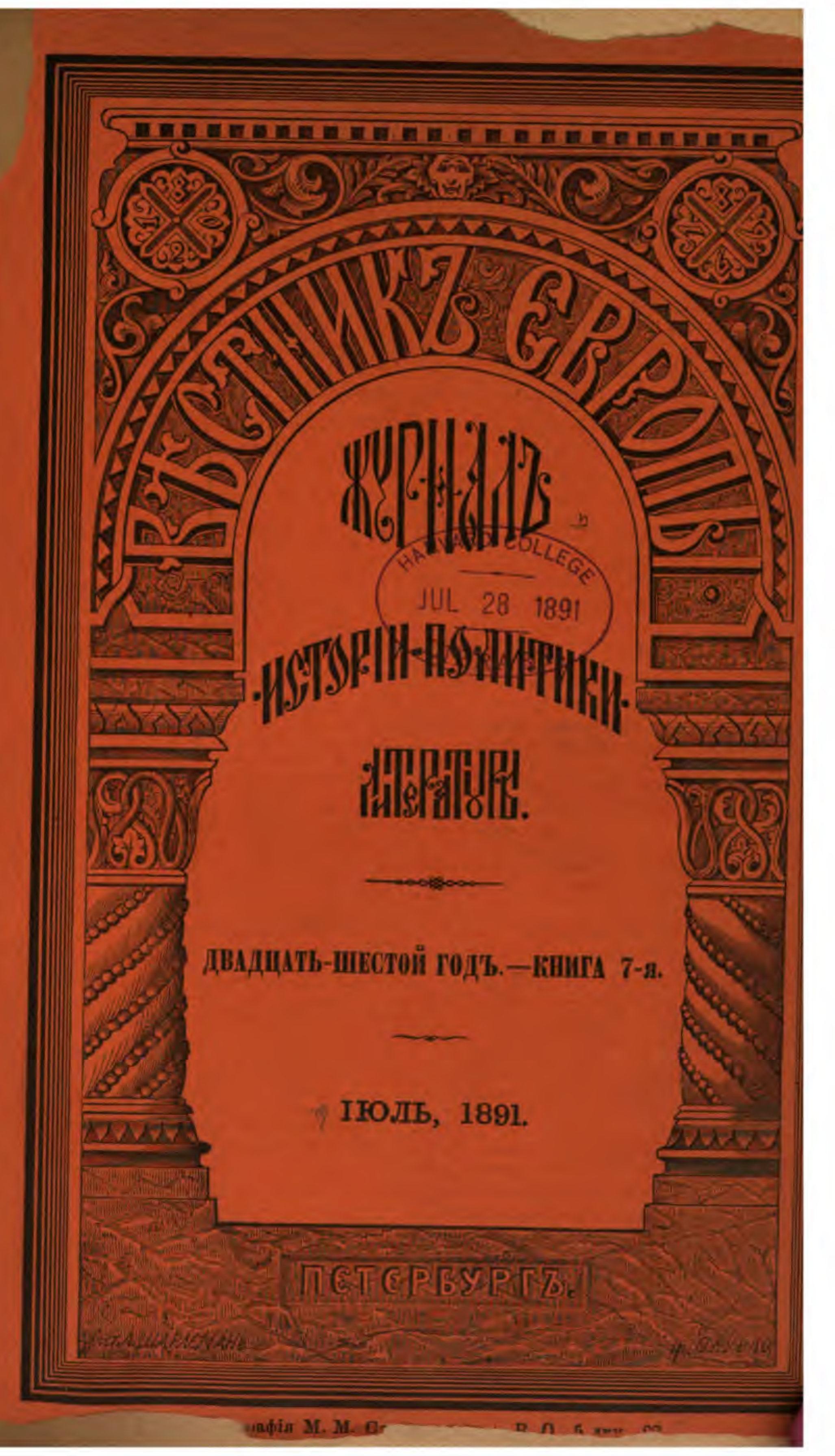
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE
RI
TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE




ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.
ІЮЛЬ, 1891.
ПЕТЕРБУРГЪ.
JUL 28 1891

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1891.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1891 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки).

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LV. — ТОМЪ CCCXXIV. — 1/13 ІЮЛЯ, 1891

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

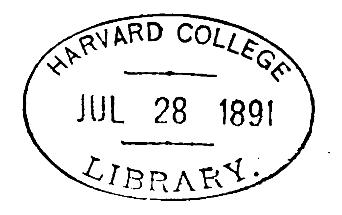
Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1891

(1827)



АРТИСТКА

Романъ въ 4-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XI *).

Чемезовъ сталъ бывать у Леонтьевыхъ не только каждый день, но и по нѣскольку разъ въ день, и чѣмъ чаще онъ бывалъ у нихъ, тѣмъ больше влекло его туда.

Его самого удивляло, какъ быстро и легко сблизился онъ съ Ольгой за нѣсколько короткихъ дней, и онъ почти не вѣрилъ порой тому, что было время, и еще такъ недавно, когда онъ не зналъ ея и она была ему совсѣмъ чужая. Теперь онъ уже не могъ представить себѣ свою жизнь помимо нея. Она вдругъ стала его другомъ, его любовницей, его сестрой, его ребенкомъ и сразу наполнила собой все его существованіе.

Любовь ея какъ бы распахнула передъ нимъ дверь въ какое-то новое свѣтлое и чудесное царство, недоступное и непонятное для него прежде, главную прелесть которому придавала сама она.

Порой онъ даже не понималъ, что за чувство было у него къ ней. Анализируя его, онъ сознавалъ, что никогда не былъ „влюбленъ" въ нее, не влюбленъ и теперь, доказательствомъ чему служило уже то, что онъ не замѣчалъ въ себѣ того ослѣпленія, свойственнаго всѣмъ влюбленнымъ, которое изъ обыкновенной, дѣйствительной женщины создаетъ мечту, полную иллюзій, очень

*) См. выше: іюнь, 631 стр.

скоро, впрочемъ, разрушающуюся подъ невольнымъ разочарованіемъ; напротивъ, онъ прекрасно видѣлъ всѣ ея недостатки, которыхъ въ ней было такъ много, онъ огорчался ими и волновался, страстно желая исправить ихъ и въ то же время, почти безсознательно для себя, точно еще сильнѣе любилъ ее именно за нихъ.

Онъ не чувствовалъ къ ней и того глубокаго уваженія, которое невольно чувствовалъ къ нѣкоторымъ женщинамъ, въ родѣ Елены, и которое обязательно желалъ бы чувствовать къ своей женѣ, но этого какъ будто и не требовалось для полноты того чувства, которое развилось въ немъ къ ней и которое было полно и прекрасно даже и безъ подобнаго глубокаго уваженія и безъ ослѣпленной влюбленности. Съ ней онъ точно самъ дѣлался моложе, добрѣе, ко всему отзывчивѣе и несравненно счастливѣе. Въ ней была, безсознательная для нея самой, какая-то живящая, благотворная, жизнерадостная сила, которою она привлекала къ себѣ людей, и въ то же время, несмотря на очевидную искренность и открытость ея натуры, въ ней всегда было что-то новое, неожиданное и внезапное, чтò заинтересовывало и увлекало его.

Но та простота, съ которой она отдалась ему, и трогала и тревожила его одновременно, по-неволѣ нагоняя на него порой ревнивыя подозрительныя мысли.

По отношенію къ нему у нея не проснулось даже того женскаго, лукаваго кокетства, которое заставляетъ женщину хорошенько помучить даже любимаго человѣка, прежде чѣмъ отдаться ему. Она просто, довѣрчиво и радостно пошла на встрѣчу къ нему, не колеблясь, не разсуждая, не мучая ни его, ни себя, и отдалась ему съ какимъ-то радостнымъ, покорнымъ счастіемъ. Они оба какъ бы чувствовали другъ въ другѣ ту судьбу, непреодолимую и роковую, изъ которой сложилась индійская легенда о двухъ разрѣзанныхъ половинахъ яблока, ищущихъ по свѣту одна другую, чтобы снова соединиться, и которую они оба точно инстинктивно почувствовали впервые въ ту минуту, когда онъ вошелъ въ ея уборную и она такъ радостно кинулась на встрѣчу ему. Но насколько его любовь была сознательна и глубока, настолько ея—безотчетна, порывиста, страстна, минутами даже экзальтирована.

Почти все время они проводили вмѣстѣ; вмѣстѣ гуляли больше въ сумерки, когда на улицѣ уже темнѣло, магазины ярко освѣщали свои витрины, и они могли, никѣмъ незамѣченные, ходить такъ рука объ руку, близко прижавшись другъ къ другу и дѣлясь каждымъ впечатлѣніемъ; вмѣстѣ просиживали по цѣлымъ часамъ въ ея комнатѣ, все говоря и не успѣвая наговориться другъ съ другомъ.

Онъ провожалъ ее въ театръ и дожидался ее у выхода послѣ спектакля.

Каждый разъ, что она играла, онъ непремѣнно былъ теперь въ театрѣ на своемъ мѣстѣ во второмъ ряду, и каждый разъ во время спектакля выносилъ одно и то же чувство волненія, страха и гордости за нее.

Теперь, когда онъ видѣлъ ее на сценѣ, онъ почти уже не замѣчалъ въ ней „артистки", создающей художественные, прекрасные образы,—онъ видѣлъ только свою Ольгу, которая „играла", и волновался за нее, слѣдилъ за каждымъ ея словомъ и движеніемъ, боясь, какъ бы она не сдѣлала какого-нибудь промаха, и стараясь замѣчать всѣ удачныя и неудачныя мѣста, чтобы послѣ указать ей на нихъ.

Ея успѣхъ льстилъ ему какъ бы свой собственный, но то отвлеченное наслажденіе, которое она давала ему прежде, какъ артистка, уже исчезло для него; потому-то онъ не видѣлъ уже ни Марію Стюартъ, ни Дездемону, такъ художественно создаваемыхъ ею, а видѣлъ только Ольгу, играющую Марію Стюартъ или Дездемону.

А между тѣмъ она, объятая знакомымъ и такъ любимымъ ею вдохновеніемъ, играла въ это время еще лучше, кажется, чѣмъ прежде. Едва выходя на сцену, она отыскивала его глазами въ толпѣ и, волнуемая, воодушевляемая его присутствіемъ, играла „для него" и жаждала его похвалъ и одобренія больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ. По глазамъ его она угадывала, доволенъ онъ ею или нѣтъ, и если чувствовала, что доволенъ, она одушевлялась еще больше отъ какого-то радостнаго наслажденія и гордости.

Все, что̀ касалось Ольги, стало близко и Чемезову; онъ еще больше полюбилъ Пелагею Семеновну, и даже Варя и Павлуша и въ особенности маленькій Сережа казались ему теперь чѣмъ-то близкимъ, своимъ. Онъ съ удовольствіемъ приходилъ въ ихъ квартиру, всегда шумную, людную, и его, такъ не любившаго чужое общество, такъ привыкшаго къ тишинѣ своей одинокой квартиры, здѣсь это не только не раздражало, но скорѣе даже нравилось ему.

Во всемъ этомъ былъ все тотъ же своеобразный, милый ему теперь, Леонтьевскій духъ.

Его только удивляло, какъ при подобной обстановкѣ Ольга могла учить и обдумывать свои роли.

— Привыкла!—говорила она, смѣясь его удивленію. Впрочемъ она и не церемонилась ни съ домашними, ни съ го-

стями и, когда они надоѣдали ей, она просто уходила въ свою комнату и запирала дверь на задвижку.

Чемезовъ, большею частью, прямо проходилъ въ ея комнату, гдѣ они любили сидѣть вдвоемъ подлѣ камина; тутъ онъ слушалъ, какъ она разсказывала ему что-нибудь съ присущей ей своеобразной манерой, всегда живой, мѣткой, остроумной, съ той слегка насмѣшливой, легко скользящей по всему, хотя и не глубоко захватывающей, наблюдательностью, которая была особенно развита въ ней.

Для нихъ не истощались тэмы,—ихъ давала имъ любовь: все, что̀ касалось одного, интересовало другого, и хотя теперь, когда они сидѣли такъ по вечерамъ, прильнувъ одинъ къ другому, имъ казалось, что они всю жизнь знали другъ друга, но на самомъ дѣлѣ они не знали еще почти ничего изъ жизни другъ друга до своей встрѣчи. И чувствуя потребность все лучше и глубже узнавать другъ друга, все ближе сливаться между собой, они обо всемъ разспрашивали, вспоминали, разсказывали, мечтали и дѣлали планы будущаго. Часто она заставляла его разсказывать о сестрахъ, дѣтствѣ, службѣ, друзьяхъ, его знакомыхъ, сослуживцахъ и обо всемъ, что̀ такъ или иначе соприкасалось съ нимъ; ее все интересовало, она все хотѣла знать въ мельчайшихъ подробностяхъ, во всемъ ему сочувствовала и живо на лету схватывала его мысли, желанія, понимая ихъ съ нѣсколькихъ словъ.

Она любила становиться на колѣни у ногъ его и, облокотясь на него руками, слушала его внимательно и чутко, не сводя съ его лица своихъ мечтательно горящихъ глазъ.

Сначала это стѣсняло его; ему было точно совѣстно, что она такъ стоитъ передъ нимъ, и онъ заставлялъ ее пересѣсть на маленькій диванчикъ, рядомъ съ нимъ, но она не слушала его и не вставала.

— Нѣтъ, оставь меня!—говорила она:—мнѣ такъ лучше видно твое лицо.

Тогда, по-неволѣ покоряясь ей, онъ подолгу разсказывалъ ей, лаская ея теплыя, нѣжныя руки, обо всемъ, что̀ накопилось у него на душѣ за эти годы, въ которые ему не съ кѣмъ было дѣлиться ни впечатлѣніями, ни мечтами, ни желаніями, и самъ не замѣчалъ, какъ, смотря въ ея прекрасные слушающіе глаза, у него легко и просто выливались предъ ней самыя завѣтныя, затаенныя мечты и мысли, которыми до сихъ поръ онъ еще не дѣлился никогда и ни съ кѣмъ.

Было только одно, о чемъ она съ нимъ говорила неохотно— это ея былыя увлеченія... А между тѣмъ они-то и интересовали

его; ему хотѣлось, чтобы она и о нихъ разсказала ему такъ же откровенно и искренно, какъ говорила обо всемъ другомъ, хотя въ то же время, при мысли объ этомъ, его заранѣе охватывалъ какой-то болѣзненный, ноющій страхъ; но онъ заглушалъ его, говоря себѣ, что лучше знать всю правду, чѣмъ блуждать въ догадкахъ и предположеніяхъ, быть можетъ, худшихъ, чѣмъ дѣйствительность. Эти люди, которыхъ она любила до него, мучили и волновали его, заставляя ревновать къ ея прошлому, которое не принадлежало ему и даже не было ему извѣстно.

Онъ хотѣлъ знать, по крайней мѣрѣ, кто были они и какъ любила она ихъ, и почему разсталась, хотя говорить объ этомъ ему было стыдно и больно.

— Зачѣмъ, зачѣмъ тебѣ это нужно!—воскликнула она съ тоской разъ вечеромъ, когда онъ особенно упорно заговаривалъ объ этомъ.

Они сидѣли у догорающаго камина—онъ на креслѣ, она въ своей любимой позѣ, у ногъ его—и пламень огня, вспыхивая, озарялъ ея прекрасную, пластичную фигуру и пушистые, точно отлитые изъ темной бронзы, волосы ея, низкимъ узломъ заложенные на тонкой, гибкой шеѣ.

— Отчего мнѣ не знать объ этомъ?—сказалъ онъ тихо вмѣсто отвѣта.

Она задумчивыми, чуть щурящимися глазами глядѣла на огонь и молчала и въ лицѣ ея была тоскливая, робкая нерѣшительность.

— Зачѣмъ?—повторила она, какъ будто не ему, а самой себѣ, и вдругъ встала и взволнованно прошлась по комнатѣ.

— Помнишь, — сказала она, останавливаясь передъ нимъ съ скрещенными на груди руками и какой-то странной, загадочной улыбкой въ глазахъ,—какъ это сказано у Майкова:

Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ борьбы, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній,—
Что тутъ думать: я твоя, ты мой!

И она засмѣялась и, присѣвъ на ручку его кресла, обвила его рукой и заглянула ему въ глаза, повторяя съ тихимъ, нѣжнымъ смѣхомъ: „я твоя, ты мой!“

— Да, — сказалъ онъ, цѣлуя ея руку и съ невольной ревностью въ голосѣ,—но это не всегда такъ было!

Она поблѣднѣла и въ глазахъ ея мелькнули страхъ, боль и тоска, но она сейчасъ же встала и опять засмѣялась безпечнымъ и шутливымъ, покоробившимъ его, смѣхомъ.

— Мало ли чтò было!.. Какъ это говорится: чтò было, то быльемъ поросло... Оставимъ мертвое мертвымъ, а живое живымъ... И зачѣмъ, зачѣмъ!—воскликнула она вдругъ, страстно до боли сжимая свои руки:—зачѣмъ тебѣ это знать! Ты не такъ на это смотришь, какъ я... зачѣмъ? для боли только и тебѣ, и мнѣ...

— Я—прервалъ онъ ее съ наружнымъ спокойствіемъ—смотрю вообще на все достаточно благоразумно, и вотъ потому-то я и желалъ бы знать твою жизнь до меня лучше, чѣмъ знаю это теперь. Отъ этого, Ольга, мы не станемъ дальше другъ другу...—прибавилъ онъ, ловя ея руку и привлекая ее къ себѣ, когда она проходила мимо.

— Кто знаетъ...—сказала она печально; но онъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ, точно убѣждая ее этимъ, что каково бы ни было ея прошлое, оно не оттолкнетъ его отъ нея и что онъ съумѣетъ найти въ себѣ силу, чтобы понять, простить и оправдать ее предъ самимъ собой теперь, когда онъ такъ любитъ ее и такъ счастливъ съ нею.

Но она точно не вѣрила и боялась и, молча прижавшись къ его щекѣ своей щекой, задумчиво смотрѣла на огонь.

XII.

— Чтò же мнѣ разсказать тебѣ?—спросила она, наконецъ, тихо и неохотно.

Сердце Чемезова дрогнуло, и ему опять стало чего-то стыдно и страшно.

— Разскажи, какъ ты... полюбила въ первый разъ?..

— Ну, это было такъ просто,—сказала она пренебрежительно,—что и разсказывать нечего. Мнѣ было 19, ему 22; я только-что пріѣхала на сцену въ провинцію; онъ тоже тамъ служилъ. Оба свободные, молодые, здоровые... какъ тутъ не влюбиться, да притомъ еще играя вмѣстѣ каждый день влюбленныхъ... это вѣдь рѣдко даромъ проходитъ, особенно смолоду. Ну, мы и влюбились, разумѣется; это была смѣшная, глупая любовь. Впрочемъ нѣтъ!—воскликнула она вдругъ горячо, опровергая самое себя:—это не глупая была любовь—наивная, молодая, розовая, но не глупая. Теперь, когда я сама уже постарѣла и измѣнилась, она можетъ казаться мнѣ временами глупой и смѣшной, но тогда я была счастлива ею, вполнѣ счастлива, какъ только можно быть счастливой въ 18—20 лѣтъ, радостнымъ, довѣрчивымъ, молодымъ счастьемъ. И все намъ казалось въ такомъ ро-

зовомъ, ликующемъ свѣтѣ—и любовь, и люди, и жизнь, и весь міръ, и во все мы вѣрили, на все отзывались, и все было такъ ново, такъ интересно, такъ прекрасно!..

Она вздохнула съ задумчиво-мечтательной улыбкой и замолчала на минуту, точно вспоминая и снова переживая это отошедшее, далекое счастье, еще за минуту чуждое и равнодушное ей, которое, точно оживленное ея же собственными словами, снова встало предъ ней и напомнило о себѣ съ какой-то сладкой, тихой грустью.

Чемезовъ глядѣлъ въ ея задумавшіеся, кому-то улыбающіеся глаза, и ревнивое чувство зашевелилось опять въ душѣ его; онъ съ невольной рѣзкостью сжалъ ея руку, чтобы оторвать ее отъ непріятныхъ ему грезъ и заставить ее продолжать.

Она тихо вздрогнула и подняла глаза, машинально улыбаясь ему.

— Быть можетъ,—продолжала она задумчиво,—этотъ годъ прошелъ бы для меня такъ же радостно и счастливо и со всякимъ другимъ человѣкомъ, потому что во мнѣ самой было столько радости, молодости, и воспріимчивости, что мнѣ было, кажется, все равно кого любить, лишь бы любить! И ему вѣрно тоже. Судьба столкнула насъ—и мы влюбились, влюбились какъ любовники и были счастливы еще какъ дѣти!.. Да, это было хорошее, очень хорошее время! И больше оно уже не повторится!.. Нѣтъ, не любовь не повторится,—сказала она, горячо обнимая его, потому что по глазамъ его угадала мысли его,—но время. Въ немъ-то и была вся прелесть, все очарованіе, оно-то и красило все въ розовый цвѣтъ!

— И долго это продолжалось?

— Годъ, даже больше; тебѣ это кажется мало, а между тѣмъ это самое продолжительное мое увлеченіе... Остальныя были еще короче.

— Но отчего же вы разошлись?—спросилъ Чемезовъ. Какой-то злобный духъ заставлялъ его дѣлать всѣ эти вопросы, отъ которыхъ въ душѣ его поднималась та боль, напоминающая боль зуба, вередить который доставляетъ иногда болѣзненное наслажденіе.

Она подумала немного, прежде чѣмъ отвѣтить.

— На это трудно отвѣтить, — сказала она: — отчасти онъ, отчасти я была виновата, а вѣрнѣе просто потому, что оба мы были еще слишкомъ молоды для вѣчной любви; мнѣ кажется, что въ 20 лѣтъ трудно полюбить на всю жизнь.

Чемезовъ сомнительно покачалъ головой.

— Ну, не всегда; это не отъ лѣтъ зависитъ!—сказалъ онъ,

думая, что такія женщины, какъ Елена или Мери вѣроятно не разлюбятъ только отъ того, что полюбили рано. Но Ольга, занятая своими мыслями, не замѣтила его намека и продолжала все съ тѣмъ же мечтательно-оживленнымъ видомъ:

— Отецъ, пожалуй, первый положилъ начало моему охлажденію; я слишкомъ горячо вѣровала въ него и уважала его, чтобы слова его не оказали на меня вліянія въ этомъ случаѣ. А онъ нашелъ его „мелкимъ“ для меня; это врѣзалось мнѣ; я стала приглядываться, разбирать, критиковать—и любовь исчезла. Любить нужно безъ анализа, а иначе анализъ непремѣнно пересилитъ и убьетъ любовь. И вотъ мнѣ онъ тоже сталъ казаться мелкимъ, глупымъ, пошлымъ, а я хотѣла чего-то необыкновеннаго; великаго —въ молодости всѣ хотятъ великаго и необыкновеннаго, а тутъ явились новые люди, новыя впечатлѣнія... и мы разстались.

Она замолчала опять и, нѣжно гладя одной рукой по волосамъ Чемезова, задумчиво глядѣла на огонь, точно видя что-то въ его фантастическихъ очертаніяхъ.

— И что же... видѣлась ты съ нимъ потомъ?

— Представь, всего разъ, и то уже чрезъ нѣсколько лѣтъ! Я ѣхала къ Сергѣю въ Кіевъ, а онъ съ труппой дѣлалъ артистическое путешествіе, и вотъ въ поѣздѣ мы встрѣтились. Сначала я даже не узнала его—до того онъ обрюзгъ, растолстѣлъ и окончательно пріобрѣлъ тотъ опереточный видъ, который я стала подмѣчать въ немъ уже только подъ конецъ нашей любви. Но когда онъ подошелъ ко мнѣ и я узнала его, то въ первую минуту я и испугалась чего-то, и обрадовалась, и потерялась, и чуть не заплакала даже, но чрезъ нѣсколько первыхъ же фразъ все прошло и я почувствовала, что мнѣ совсѣмъ все равно, и мы поѣхали до Кіева всѣ вмѣстѣ, даже въ одномъ вагонѣ, и говорили съ нимъ, смѣялись, но для меня онъ былъ, какъ и всѣ другіе, совсѣмъ чужой и даже дальше пожалуй! Да и я ему вѣрно тоже, хотя онъ и не прочь былъ, повидимому, опять поухаживать за мной, но это было бы ужъ слишкомъ пошло!

И она разсмѣялась спокойнымъ и веселымъ смѣхомъ, который лучше всего доказывалъ, какъ она стала равнодушна къ этому человѣку, котораго когда-то любила своей первой, ослѣпленной любовью.

— Да,—сказала она спокойно,—къ нему у меня уже ничего не осталось, но то время, которое я провела съ нимъ, всегда останется мнѣ близко и мило и всегда волнуетъ меня, когда я вспоминаю его.

Они замолчали и нѣсколько минутъ сидѣли молча, каждый занятый своими мыслями.

— Ну, а второй?.. — спросилъ Чемезовъ чрезъ нѣсколько минутъ, тихо сжимая ея руку, не то для того, чтобы вывести ее изъ задумчивости, не то, чтобы смягчить невольную боль своего вопроса для себя и неловкость для нея.

Но она не смутилась и, оторвавшись глазами отъ огня, со спокойной, открытой лаской взглянула ему въ лицо.

— Второй романъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ,—начала она такъ просто, точно говорила о комъ-то другомъ:—это былъ Орлинъ,—знаешь, художникъ?

— Орлинъ?—воскликнулъ Чемезовъ съ удивленіемъ, вдругъ съ необычайной ясностью вспоминая нѣкоторыя его картины, которыми, бывало, любовался когда-то на выставкахъ, не подозрѣвая того, что имя этого человѣка современемъ такъ больно уколетъ его.

— Да, Орлинъ,—спокойно повторила она:—это единственный, съ которымъ мы остались дружны; мы до сихъ поръ время отъ времени переписываемся съ нимъ и видимся каждый разъ, что онъ пріѣзжаетъ въ Москву. Я и теперь люблю его почти такъ же, какъ любила тогда, и это вѣроятно оттого, что никогда не была влюблена въ него, да и онъ тоже; но зато мы такъ понимали другъ друга... Лучше его никто никогда не понялъ меня.

— Гдѣ же ты съ нимъ познакомилась?

— Въ театрѣ, конечно, все тамъ же. Я играла Дездемону, и въ антрактѣ одинъ мой знакомый привелъ его ко мнѣ въ уборную и познакомилъ насъ. Мнѣ онъ сразу понравился, не то чтобы какъ мужчина, которымъ я склонна была бы увлечься, но какъ человѣкъ, какъ другъ, который—я сразу какъ-то почувствовала это—могъ бы выйти изъ него для меня. У насъ съ нимъ было много схожаго и въ натурахъ, и во взглядахъ; для любви это не годится, но для дружбы хорошо! Онъ былъ свой братъ, артистъ, и мы съ нимъ дѣйствительно скоро совсѣмъ сдружились. Дома онъ тоже всѣмъ понравился, особенно отцу. Онъ началъ писать съ меня большую свою картину. И это тоже сближало насъ. Мы съ нимъ много говорили, спорили; онъ находилъ во мнѣ большой талантъ, но доказывалъ, что онъ еще слишкомъ мало обработанъ, что я недостаточно образована, мало видѣла, мало читала, и убѣждалъ меня поѣхать путешествовать, чтобы видѣть и тѣ страны, и тѣ народы, героинь которыхъ мнѣ такъ часто приходилось играть, а также посмотрѣть, поучиться кое-чему у другихъ европейскихъ артистовъ. Онъ

сталъ уговаривать меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Италію и во Францію, куда онъ тогда собирался. Отецъ тоже раздѣлялъ его мнѣніе, тоже совѣтовалъ мнѣ ѣхать путешествовать;—самъ онъ никогда не бывалъ за границей, ни у кого ничему не учился, но для меня хотѣлъ „расширить“, какъ онъ говорилъ, дорогу. И вотъ я собралась, и мы съ Орлинымъ уѣхали, уѣхали вмѣстѣ, какъ два товарища, какъ попутчики. Онъ нарочно повезъ меня дальней дорогой, черезъ Константинополь и Аѳины, чтобы дать мнѣ возможность больше увидѣть. Я нигдѣ не бывала, даже моря никогда не видѣла и, конечно, всѣмъ интересовалась, всѣмъ поражалась и увлекалась. Орлинъ всю Европу объѣздилъ и зналъ ее какъ свои пять пальцевъ; лучшаго гида, товарища и наставника придумать нельзя было; онъ мнѣ все объяснялъ, все показывалъ, все заставлялъ подмѣчать и наблюдать, и мы цѣлые дни проводили вмѣстѣ, то на морѣ, то въ музеяхъ, то на улицахъ, среди новой мнѣ природы и толпы. Въ Италіи мы особенно долго прожили, всю ее объѣздили, даже во всѣхъ маленькихъ мѣстечкахъ побывали,—онъ особенно ее любитъ,—а затѣмъ поѣхали въ Парижъ. Тамъ мы жили совсѣмъ по-студенчески—дома только спали, а всѣ дни проводили на улицахъ, въ галереяхъ, дворцахъ, а вечера—въ театрахъ; онъ нарочно водилъ меня смотрѣть всѣхъ лучшихъ артистовъ. Это было чудное и полезное путешествіе; я и не замѣтила, какъ прошли пять мѣсяцевъ, и такъ жаль было, когда они прошли и нужно было возвращаться. Въ пути мы невольно сблизились, да и нельзя было иначе: все—и настроеніе, и природа, и впечатлѣнія—все вливало въ насъ любовь и толкало другъ къ другу. Разъ—это было въ Неаполѣ—мы стояли на балконѣ и смотрѣли на море, все залитое луной; ночь была такъ хороша, такъ волшебна, что онъ невольно обнялъ и поцѣловалъ меня впервые не какъ товарища, а какъ женщину. Мы не были страстно влюблены другъ въ друга, но оба были еще молоды, красивы, и прелесть нашего путешествія была бы неполна, если бы мы не сдѣлались любовниками. Но мы и въ любви даже оставались больше друзьями, чѣмъ влюбленными. Наконецъ, мнѣ надо было возвращаться въ Россію—въ тотъ годъ я только-что поступила на московскую сцену и должна была торопиться домой; мнѣ надо было еще заняться съ отцомъ и хорошенько подготовиться къ началу сезона, а онъ ѣхалъ въ Египетъ. До Вѣны онъ проводилъ меня и тамъ мы разстались, безъ слезъ, безъ упрековъ, даже безъ тоски, но зато съ самымъ хорошимъ и искреннимъ чувствомъ на душѣ. Онъ посадилъ меня въ вагонъ, мы обнялись, поцѣловались въ

послѣдній разъ и разъѣхались въ разныя стороны—болѣе чѣмъ когда-нибудь искренними друзьями. Но, весной мы рѣшили опять съѣхаться въ Вѣнѣ, чтобы оттуда ѣхать опять вмѣстѣ въ Германію, Англію и Испанію, куда ему непремѣнно хотѣлось свозить меня. Я вернулась домой и занялась своимъ дѣломъ; переписывались мы то часто, то рѣдко, то огромными письмами, то короткими, какъ Богъ на душу положитъ; но ни я его, ни онъ меня не считали связанными другъ съ другомъ; намъ въ голову не приходило ревновать и мы нисколько бы не удивились и не огорчились, если бы одинъ изъ насъ увлекся кѣмъ-нибудь. Мы вѣрили только дружбѣ другъ друга и единственно въ ней считали себя связанными. Но въ то же время я никогда не понимала и не признавала связей безъ любви или хоть увлеченія по крайней мѣрѣ, а обстоятельства сложились такъ, что за всю ту зиму я ни разу даже не подумала объ любви. Не знаю, какъ онъ,—я его никогда объ этомъ не спрашивала; у меня было слишкомъ много работы, хлопотъ и непріятностей по театру. Вообрази, что, несмотря даже на вліяніе отца, на всеобщую любовь и уваженіе къ нему, несмотря даже на мои успѣхи въ публикѣ, мнѣ за ту первую зиму въ Москвѣ пришлось пережить столько закулисныхъ интригъ, зависти и недоброжелательства, что я совсѣмъ было-потерялась и чуть не бросила Москву и не уѣхала обратно въ провинцію. Но у отца было больше энергіи и опыта, и онъ не пустилъ меня. Онъ зналъ, что, въ концѣ концовъ, ко мнѣ привыкнутъ и примирятся съ тѣмъ успѣхомъ, которымъ я многимъ въ труппѣ мѣшала, и все само собой кончится и успокоится.

Я осталась и мало-по-малу, хотя съ большимъ трудомъ и непріятностями, но завоевала себѣ мѣсто и права; зато уже мнѣ было не до увлеченій и любви. Весной я опять стала свободна и опять могла уѣхать. Орлинъ ждалъ меня не въ Вѣнѣ, а въ какомъ-то маленькомъ итальянскомъ мѣстечкѣ, гдѣ вздумалъ писать картину и долженъ былъ встрѣтить меня только въ Венеціи. И вотъ, я могла опять ѣхать къ нему, чтобы продолжать наше прелестное путешествіе...

— Но не поѣхала?—прервалъ ее Чемезовъ, думая, что романъ ея съ Орлинымъ больше не возобновился.

— Нѣтъ, я поѣхала,—сказала Ольга, смѣясь и угадывая его мысли:—„но“ случилось уже послѣ и совсѣмъ не поэтому!

— А почему же?

— Ну, вотъ слушай! Въ Венецію я пріѣхала и съ моимъ милымъ Орлинымъ встрѣтилась такъ, какъ до тѣхъ поръ встрѣ-

чалась только съ Сергѣемъ, когда мы, бывало, подолгу не видались. Я даже расплакалась отъ радости, что снова вижу его, снова свободна, какъ птица, далеко отъ всѣхъ нашихъ театральныхъ интригъ, снова подъ чуднымъ небомъ, въ чудномъ городѣ, съ моимъ милымъ другомъ, а впереди опять, точно въ сказкѣ, цѣлая перспектива новыхъ путешествій, впечатлѣній, счастья, радостей и любви! Какъ же было не радоваться! Мы съ нимъ и радовались, и цѣловались тутъ же на вокзалѣ, и я даже не захотѣла ѣхать въ гостинницу переодѣваться. Мы отдали мои вещи, велѣвъ отвести ихъ въ тотъ отель, гдѣ онъ стоялъ, а сами, взявшись за руки, побѣжали бродить по улицамъ и ѣли мороженое въ какомъ-то маленькомъ, скверномъ, но ужасно понравившемся мнѣ ресторанчикѣ.

Мы такъ были рады другъ другу, столько намъ надо было разсказать, что, казалось, года мало было для передачи всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя пережили порознь и которыми я уже привыкла и любила дѣлиться съ нимъ!

Ему такъ хорошо было разсказывать, онъ такъ умѣлъ понимать! Весь день мы только и знали, что разсказывали другъ другу обо всемъ, чтò случилось за это время, волновались, перебивали одинъ другого, разспрашивали и не замѣтили, какъ насталъ вечеръ. Тогда мы вздумали отправиться въ театръ, въ первый, который попадется по дорогѣ.

Это оказался маленькій, плохенькій театръ; въ немъ не было даже постоянной труппы, но въ то время изъ Милана пріѣхала туда одна оперная труппа и давала тамъ свои представленія.

Я была очень довольна, что мы попали въ оперу, потому что надо тебѣ сказать, что если я долго не слышу музыки, то у меня въ душѣ дѣлается точно какое-то пустое мѣсто, которое точно ноетъ и тоскуетъ и проситъ звуковъ. Въ Италіи подобное чувство во мнѣ всегда особенно сильно—тамъ да еще у насъ тоже иногда, знаешь, гдѣ-нибудь въ глуши, въ деревнѣ, въ сѣренькій пасмурный денекъ... У насъ такъ и тянетъ вотъ запѣть тихонечко „Не одна во полѣ-то дороженька", или хоть услыхать откуда-то издали нашу русскую заунывную, жалобную какую-нибудь пѣсню, такую, чтобы тоска взяла и плакать захотѣлось бы; а тамъ, подъ этимъ жгучимъ синимъ небомъ, вокругъ этихъ страстныхъ, живыхъ, смуглыхъ лицъ, ужъ, наоборотъ, хочется не заунывнаго, за душу хватающаго напѣва, а звуковъ радостныхъ и громкихъ, полныхъ любви, страсти и вдохновенія!

И въ тотъ день мнѣ этого какъ-то особенно сильно хотѣлось

и вотъ мы съ Орлинымъ взяли билеты, пробрались въ первый рядъ и сѣли.

Я люблю эти маленькіе итальянскіе театрики; въ нихъ какъ-то совсѣмъ особенно чувствуешь себя, да въ нихъ и публика-то совсѣмъ тоже особенная,—не такая, какъ наша, сѣверная! Живая, страстная, впечатлительная, несдержанная, подчасъ даже рѣзкая, она вся точно бурлитъ страстями, вся дышетъ жизнью, да не нашей—вялой и холодной, а своей—южной, горячей, такъ и прорывающейся въ каждомъ крикѣ, въ каждомъ движеніи. Мнѣ кажется, что она сама собой вдохновляетъ артиста, потому что она дѣйствительно сливается съ нимъ, дѣйствительно живетъ вмѣстѣ съ нимъ, страдаетъ, любитъ вмѣстѣ, кажется, даже дышетъ однимъ дыханіемъ! Передъ такой публикой играть—наслажденье! Она или уже любитъ артиста—и тогда готова вознести его на своихъ ручахъ, вѣнчать его, какъ героя, поклоняться ему, какъ богу, и забрасывать его лаврами и цвѣтами, или же ненавидитъ и презираетъ—и тогда ему уже плохо, она не станетъ церемониться. Я только разъ въ жизни играла передъ ней... но этого раза я не забуду никогда. И вотъ попали мы какъ разъ въ одинъ изъ подобныхъ театриковъ, гдѣ въ антрактахъ публика ѣстъ апельсины и громко смѣется и шутитъ другъ съ другомъ, а во время представленія, если оно ей только нравится, все замираетъ въ какомъ-то сладкомъ очарованіи.

Давали ихъ излюбленную „Травіату", и надо имъ отдать справедливость — шла она прекрасно, какъ только можетъ идти у истыхъ итальянцевъ, которые точно ужъ родятся прямо музыкантами и пѣвцами, и гдѣ часто выходной пѣвецъ на крохотныя партіи знаетъ и любитъ музыку лучше многихъ нашихъ премьеровъ, а ужъ поетъ, конечно, съ гораздо бо́льшимъ вкусомъ и пониманіемъ, чѣмъ большинство изъ нихъ.

Травіату пѣла какая-то некрасивая, высокая, черноволосая итальянка. И одѣта она была такъ смѣшно и скверно, въ какомъ-то старомъ яркомъ атласномъ платьѣ съ поддѣльными камнями, вмѣсто брилліантовъ, и шея у нея была такая худая, длинная, черная, а когда она пѣла, то жилы на ней вздувались и точно разбухали. Но какъ она играла, какъ она пѣла! Да я сама актриса, но я готова была руки ей со слезами цѣловать—такъ она играла! Никто не замѣчалъ ея старыхъ, смѣшныхъ платьевъ и костлявыхъ рукъ—она всѣхъ покорила, всѣхъ заставила жить съ собою! А между тѣмъ она совсѣмъ не считалась важной примадонной и никогда не была знаменитостью! Я сама не понимаю, почему это произошло: можетъ быть, она была для этого слишкомъ некрасива, можетъ

быть, не повезло, но, вѣроятно, просто потому, что въ Италіи вообще много талантливыхъ артистовъ, къ нимъ привыкли, ихъ уже не такъ цѣнятъ и они не поражаютъ, какъ исключенія! И вотъ вышелъ Арманъ... Вѣришь ли, когда онъ вышелъ, я точно онѣмѣла, онъ точно сразу парализовалъ меня. Это была такая дивная красота, что даже Орлинъ, художникъ, и тотъ поразился... А когда онъ запѣлъ... Боже мой, что это былъ за голосъ! Я никогда больше, никогда не слыхала такого голоса, ни раньше, ни позже. Вѣришь ли,—когда онъ пѣлъ, на душѣ поднимался вдругъ такой восторгъ, такое сладкое упоеніе, что плакать хотѣлось, молиться, умереть въ какомъ-то экстазѣ, какъ въ дивномъ снѣ... и любить... любить... каждый звукъ его пѣлъ о любви и поднималъ въ душѣ любовь.

Я тебѣ даже не съумѣю сказать, какой онъ былъ актеръ— плохой или геніальный, какъ игралъ, дурно ли, хорошо ли... въ этихъ звукахъ все забывалось... Я только слушала его, какъ очарованная, только видѣла одно лицо его и даже не лицо, а глаза, эти глаза, прекрасные, какъ поэма! И онъ тоже почему-то смотрѣлъ на меня... Сначала я думала, что это только такъ кажется мнѣ, что это простая случайность, просто оттого, что я сижу прямо противъ него. Но онъ все глядѣлъ!.. И когда первый актъ кончился и занавѣсъ упалъ, публика стала апплодировать, кричать и вызывать его и Травіату, я все еще была какъ во снѣ и не могла понять, зачѣмъ они такъ кричатъ и отчего онъ больше не поетъ. Помню только, какъ Орлинъ восхищался его голосомъ и красотой и какъ онъ сказалъ:

— Да, такія головы рѣдкость; вотъ кабы списать его!

Онъ звалъ меня потомъ выйти немного на воздухъ, но мнѣ не хотѣлось ни двигаться, ни говорить, ни думать ни о чемъ... кромѣ него,—и я осталась, а Орлинъ пошелъ и принесъ мнѣ апельсиновъ и разсказывалъ о чемъ-то; но я не понимала хорошенько, о чемъ онъ говоритъ, и только машинально улыбалась въ отвѣтъ, и вдругъ онъ пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Какое у тебя странное лицо стало!

И я помню, какъ я испугалась и какъ мнѣ вдругъ стало стыдно и страшно того, что онъ угадаетъ сейчасъ, чтò дѣлается со мной; я стала притворяться, смѣяться, шутить, но мнѣ это было такъ трудно, что я сама чувствовала, какъ неестественно это выходитъ у меня, и онъ, должно быть, тоже понялъ это и сказалъ мнѣ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ:

— Лучше ужъ не принуждай себя!..

Тогда я перестала притворяться и замолчала. Начался второй актъ.

Онъ опять вышелъ и опять пѣлъ, стоя противъ меня, и глаза его, уже не отрываясь, смотрѣли на меня; это уже не казалось мнѣ и не могло быть случайностью. Онъ точно говорилъ мнѣ что-то, точно пѣлъ для меня одной. И мнѣ дѣлалось еще болѣе жутко и сладко какъ-то въ то же время, и я боялась глядѣть на него и не могла уже не глядѣть.

Но когда я нарочно пересиливала себя и отводила глаза въ другую сторону, онъ точно замѣчалъ это и переходилъ туда, куда смотрѣла я, и голосъ его точно звалъ и укорялъ меня... И я... я невольно опять поднимала на него глаза и встрѣчалась съ его глазами; тогда онъ улыбался и голосъ его звучалъ еще прекраснѣе... точно онъ радовался и благодарилъ меня. Такъ шло до самаго конца. Когда все кончилось и Орлинъ взялъ меня за руку, чтобы пробираться въ толпѣ къ выходу, я шла какъ во снѣ и не вѣрила, что все это былъ одинъ только вечеръ, что теперь все кончилось и я, быть можетъ, уже никогда не увижу его. Мнѣ казалось, что это была цѣлая жизнь, моя жизнь, что я сама играла съ нимъ эту Травіату... Я невольно оборачивалась, чтобы взглянуть на него еще разъ, и каждый разъ встрѣчалась съ его глазами, печально глядѣвшими мнѣ вслѣдъ, —точно и ему также было жаль, что я ухожу, точно и онъ боялся также, что никогда не увидитъ меня больше.

Мы вышли и сѣли въ гондолу. Ночь была темная, душистая, почти жаркая еще; мы ѣхали молча—я не могла принудить себя говорить, Орлинъ тоже молчалъ. Луна еще не вставала и только все небо, темное и глубокое, было усѣяно яркими южными звѣздами; я такъ живо помню, какъ мы ѣхали, какъ эти звѣзды, дрожа, отражались въ водѣ каналовъ и разбивались золотистыми искрами подъ взмахомъ веселъ, какъ дома, дворцы, высокіе выгнутые мостики, подъ которыми мы поминутно проплывали, вырѣзывались въ воздухѣ какими-то фантастическими силуэтами.

Мнѣ какъ-то странно было сознавать, что я — русская, москвичка—вдругъ почему-то очутилась здѣсь, въ этой Венеціи, на этихъ каналахъ, и люблю уже чужого, незнакомаго мнѣ человѣка, какого-то итальянца-пѣвца. Я сама себѣ казалась какой-то чужой, иной... точно будто это была не совсѣмъ я сама, а какой-то мой двойникъ. И такъ странно непривычно было все и кругомъ, и на душѣ... Грезилось даже, что будто я сама родилась и живу всегда здѣсь, въ этой Венеціи, но не теперь, а когда-то очень, очень давно, сто-триста лѣтъ тому назадъ.

Изъ театра возвращалась публика и насъ все обгоняли гондолы, то полныя народомъ, шумливыя и веселыя, проѣзжавшія мимо съ пѣснями и смѣхомъ, то таинственныя, молчаливыя; отъ ихъ разноцвѣтныхъ фонариковъ по водѣ тянулся длинный блестящій слѣдъ... А я все ждала, что онъ тоже сейчасъ обгонитъ насъ, заглянетъ къ намъ и я опять увижу его.

Но его не было и мы молча доѣхали до нашего отеля. Это была старая, не-модная гостинница, передѣланная изъ какого-то полуразрушившагося дворца, оригинальная и сумрачная, но Орлинъ любилъ ее.

И вдругъ въ ту минуту, какъ мы подъѣхали, я точно проснулась и вспомнила, зачѣмъ пріѣхала я сюда и что̀ такое для меня Орлинъ... и мнѣ стало такъ страшно, и стыдно, и противно, что хотѣлось бѣжать отъ него куда-то, какъ отъ какого-то страшнаго кошмара во снѣ... Я помню, какъ мы шли по корридорамъ, уже полутемнымъ отъ спущенныхъ лампъ, и какъ я мучилась какимъ-то болѣзненнымъ, нервнымъ, почти паническимъ страхомъ... я представляла себѣ, какъ мы сейчасъ дойдемъ до моей двери, какъ онъ отворитъ эту дверь и войдетъ туда... вмѣстѣ со мной... и мнѣ казалось, что если онъ только дотронется до меня, то я закричу, ударю... убью его даже!..

И когда мы, наконецъ, остановились и онъ наклонился надъ замкомъ, просовывая туда ключъ... я помню, какъ у меня стучало сердце и похолодѣли руки.

Но онъ отворилъ дверь, вошелъ, зажегъ свѣчу, опять пристально взглянулъ на меня и сказалъ какимъ-то совсѣмъ особеннымъ голосомъ, сухимъ и рѣзкимъ, какимъ никогда не говорилъ со мной:

— Ну, ты, кажется, совсѣмъ утомилась послѣ дороги; тебѣ лучше всего скорѣе лечь и заснуть. Спокойной ночи!

Онъ пожалъ мнѣ руку и ушелъ къ себѣ. Едва онъ ушелъ и я сняла шляпу, мой страхъ разомъ прошелъ; я вдругъ успокоилась и мнѣ стало совѣстно и смѣшно, что я такъ поддавалась какому-то глупому, нелѣпому чувству; мнѣ даже хотѣлось пойти позвать его и разсказать ему обо всѣхъ глупостяхъ, нашедшихъ на меня, но потомъ я передумала, что завтра разскажу ему обо всемъ этомъ и мы посмѣемся вмѣстѣ съ нимъ. Но спать мнѣ тоже не хотѣлось, я была еще вся слишкомъ взволнована. Я сѣла у окна, рѣшивъ, что если увижу Орлина тоже подлѣ окна, то теперь же кликну его. Наши комнаты были почти рядомъ, всего черезъ одну, и обѣ выходили на каналъ; но его не было, и только невдалекѣ отъ его окна была маленькая

пристань гондолъ, и оттуда слышались голоса собравшихся тамъ гондольеровъ и въ темномъ воздухѣ поминутно вспыхивали огоньки ихъ коротенькихъ трубокъ или сигаръ. Я машинально глядѣла на эти огоньки и прислушивалась къ ихъ гортаннымъ итальянскимъ голосамъ—и опять мнѣ было какъ-то дико сознавать, что я здѣсь въ Италіи, а не у себя въ Москвѣ, гдѣ такъ привыкла быть... Потомъ кто-то подъѣхалъ и плескъ веселъ сначала сливался въ тишинѣ ночи съ голосами, а потомъ оборвался и затихъ; кто-то подъѣхалъ къ пристани, и на минуту голоса тамъ замолкли, а потомъ снова возобновились, но какъ-то тихо и неувѣренно, точно кто-то о чемъ-то разспрашивалъ и ему тихо отвѣчали... И вдругъ мнѣ пришло въ голову, что это онъ, мой пѣвецъ, разыскиваетъ меня, и самой стало смѣшно своихъ дѣтскихъ фантазій, а сердце все-таки же невольно забилось, и хоть я и говорила себѣ, что все это вздоръ и нельзя такъ поддаваться ему, но сама невольно прислушивалась и вглядывалась въ темноту, гдѣ силуэты людей почти сливались съ воздухомъ. Слышно было, какъ кто-то одинъ побѣжалъ къ отелю, стуча башмаками по каменнымъ плитамъ, но не къ главному подъѣзду, а къ маленькой калиткѣ, ведшей въ садъ и во дворъ. Потомъ чей-то голосъ тихо и осторожно сталъ кликать „Джіовани", и чрезъ нѣсколько минутъ Джіовани, должно быть, вышелъ, потому что у калитки послышалось уже два тихихъ совѣщавшихся о чемъ-то голоса и потомъ уже двое побѣжали назадъ къ пристани...

Но тутъ я захлопнула окно и отошла въ глубь комнаты. Мнѣ было стыдно и досадно на самоё себя, что я такъ ребячусь и воображаю Богъ знаетъ какой вздоръ... Я всегда любила мечтать, и воображеніе мое очень склонно разгораться и играть до такой степени, что я иногда только яркостью и силой его могу создавать себѣ въ головѣ цѣлые вѣка, прошедшіе и будущіе, разныя мѣстности, процессіи, народы, которыхъ никогда не видала и не знала, но которые, благодаря ему, вдругъ встаютъ и проходятъ предо мной съ такой живостью и яркостью, точно я сама жила тамъ. Мнѣ нравится эта способность въ самой себѣ, я люблю ее и скучала бы, еслибы вдругъ утратила ее... Но тутъ было совсѣмъ другое, и я не хотѣла поддаваться. Я нарочно спокойно переодѣлась въ ночной пеньюаръ и заплела себѣ на ночь, какъ всегда, косу, не думая и не позволяя себѣ думать о всемъ этомъ... Но въ комнатѣ было страшно душно и заснуть съ закрытымъ окномъ было бы невозможно; я подошла и снова распахнула его... Вдругъ увидѣла... его!.. Онъ былъ опять противъ меня, какъ и тамъ въ театрѣ, и въ ту ми-

нуту, какъ раскрылось окно, онъ поднялъ ко мнѣ руки и я... и я невольно протянула къ нему свои...

Ольга остановилась и замолчала, смотря предъ собой вдаль влажными отъ блеска глазами и съ какой-то блуждающей улыбкой на лицѣ.

— Ну и что же?—рѣзко сказалъ Чемезовъ.

— Помнишь,—сказала она разсѣянно и мечтательно,—какъ это въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь“: „распустилась коса, и не помню, что̀ стало со мной“... Знаешь, что это можетъ быть правдой... Представь, я тоже какъ-то не помню, долго ли онъ стоялъ такъ у моего окна, что̀ говорилъ мнѣ и говорилъ ли даже... Я машинально сидѣла на подоконникѣ окна и машинально смотрѣла на него, сознавая только какъ-то неясно и въ туманѣ, что онъ, эта мечта, прекрасная какъ его родина, стоитъ тутъ подлѣ меня и говоритъ мнѣ о любви...

Помню только, какъ вдругъ стукнуло гдѣ-то рядомъ окно; я вскочила какъ разбуженная и захлопнула почему-то окно...

Помню еще, что всю ночь я видѣла его во снѣ, и сны эти были такъ прекрасны и волшебны, что лучшихъ я никогда еще не видала...

На утро, самое раннее утро, когда кругомъ еще была тишина и солнце только-что взошло, меня вдругъ разбудила чья-то пѣсня, прекрасная какъ и мои сны—я разомъ проснулась и узнала его голосъ; онъ пѣлъ гдѣ-то рядомъ почти со мной... Я бросилась къ окну—и въ ту же минуту пышный букетъ изъ розъ влетѣлъ въ мою комнату и упалъ подлѣ меня... Онъ пѣлъ, стоя въ гондолѣ и одѣтый какъ простой гондольеръ, прямо противъ моего окна, и розовый отблескъ солнца освѣщалъ и его, и воду канала, и старыя мохнатыя стѣны дворцовъ, и все въ его свѣтѣ казалось розовымъ и озареннымъ...

Боже мой, какое это было чудное утро! И никто никогда уже больше не пѣлъ моему пробужденью такую дивную пѣсню...

Я взяла его розы, душистыя и влажныя еще отъ утренней росы, и цѣловала ихъ, пьянѣя отъ ихъ аромата... Онѣ еще и до сихъ поръ хранятся у меня—но теперь это уже засохшія, сморщенныя старушки — а тогда! „Какъ хороши, какъ свѣжи были эти розы“!

И вотъ счастье началось! Оно влетѣло вмѣстѣ съ этими розами и было такъ похоже на нихъ! Такое же прекрасное и такое же короткое! и умерло почти въ тотъ же день, какъ завяли онѣ...

Я одѣвалась и пѣла, точно счастливая дѣвочка, охвачен-

ная первымъ, не думающимъ, не разсуждающимъ, безумнымъ счастьемъ... Его гондола уплыла, но я уже знала, что она вернется, и что онъ мой! мой, вмѣстѣ съ его красотой, Венеціей и пѣніемъ!

Я забыла и объ Орлинѣ, и о Москвѣ, или не то чтобы забыла, но какъ-то не думала объ этомъ: они вдругъ стали казаться мнѣ какими-то далекими и чужими и я знала только одно, что съ Орлинымъ все кончено и что я должна сейчасъ же сказать это. И это единственно, что смущало и тревожило мой дивный сонъ... сонъ, потому что все это было слишкомъ хорошо для дѣйствительности! Орлинъ пришелъ очень скоро, едва я успѣла одѣться; онъ вошелъ спокойно и мы поздоровались какъ всегда, цѣлуя другъ друга въ лобъ. Но вдругъ онъ увидѣлъ розы и усмѣхнулся.

— А!—сказалъ онъ:—вотъ уже и розы...

Я стояла противъ него и думала, знаетъ онъ или не знаетъ; по этой фразѣ и по его лицу мнѣ казалось, что знаетъ, но я не понимала, откуда онъ узналъ такъ скоро; но думать мнѣ объ этомъ не хотѣлось,—я сама чувствовала, какъ горятъ у меня отъ счастья глаза и невольно улыбаются губы.

— И такъ,—сказалъ онъ вдругъ,—наше путешествіе, значитъ, разстроилось и ты со мной не ѣдешь?

Меня поразило, какъ онъ скоро это угадалъ; я потерялась въ первую минуту и молчала; онъ тоже молча, съ какой-то грустной, нѣжной улыбкой смотрѣлъ на меня. Я сознавала, что ему надо что-нибудь сказать, но сказать мнѣ было нечего, и я машинально сказала первую фразу, пришедшую въ голову:

— Что ты теперь будешь думать обо мнѣ?

— Ничего,—сказалъ онъ спокойно,—ничего дурного и ничего новаго. Для перваго я тебя слишкомъ люблю и уважаю, какъ человѣка, какъ друга, а для второго—слишкомъ знаю твою натуру! Я даже думаю, что знаю тебя лучше, чѣмъ ты сама себя. То, что случилось, тебя удивляетъ, а меня нисколько; я всегда былъ готовъ къ этому... Ты—одна изъ тѣхъ натуръ, которыя не могутъ жить безъ страстныхъ порывовъ и увлеченій, и я только удивлялся тому, какъ дологъ на этотъ разъ былъ твой спокойный промежутокъ.

Онъ и прежде не разъ говорилъ мнѣ это, и въ этомъ, конечно, было очень много правды, но я боялась, что въ этотъ разъ это слишкомъ уже близко коснулось самого его, и что онъ неискрененъ въ своемъ спокойствіи и, быть можетъ, въ душѣ раз-

драженъ и возмущенъ противъ меня гораздо сильнѣе, чѣмъ высказываетъ это.

Но онъ засмѣялся, когда я сказала ему это, и нѣжно, точно свою любимую сестру, обнялъ меня.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—мы съ тобой всегда были скорѣй друзьями, чѣмъ любовниками, и ужъ конечно я не пущу пули ни въ него, ни въ себя, ни въ тебя. Я не говорю, что мнѣ это совсѣмъ безразлично,—конечно, нѣтъ, и, конечно, я предпочелъ бы, чтобы нашъ планъ не разстраивался и мы продолжали бы наше путешествіе, какъ и прошлый годъ; ты единственная женщина, съ которой я люблю путешествовать, да и для тебя это было бы очень полезно; но я знаю, что если теперь тебя насильно оторвать и увезти, то путнаго все равно ничего не выйдетъ,—напротивъ, для тебя, какъ для артистки, это отчасти даже очень хорошо. Тебѣ надо узнавать жизнь какъ можно шире, съ самыхъ разнообразныхъ ея сторонъ. Бери свои вдохновенія повсюду, какъ пчелы медъ. Я зналъ, что ко мнѣ, какъ къ любовнику, ты скоро охладѣешь, ужъ хотя бы потому, что я самъ никогда не былъ страстно влюбленъ въ тебя, не говоря уже о тебѣ! Зато у тебя нѣтъ болѣе искренняго и вѣрнаго друга, чѣмъ я—и менѣе эгоистичнаго, какъ видишь!—прибавилъ онъ, смѣясь.

— Да,—сказала я, невольно протягивая ему руку: — останемся всегда друзьями; право, я часто даже не знаю, кого больше люблю, тебя или Сергѣя?

— Ну, вотъ и отлично! Я всегда хотѣлъ имѣть сестру, и ты для меня съ самаго же начала стала именно этой сестрой, самымъ близкимъ, милымъ и дорогимъ для меня существомъ изъ всѣхъ, кого я знаю и люблю. А иначе я никогда и ничѣмъ не считалъ тебя связанной со мною.

— А я тебя!—сказала я и мы обнялись и поцѣловались съ нимъ такъ искренно и горячо, какъ это случалось до сихъ поръ только между мной и отцомъ или Сергѣемъ, и никогда я не любила его такъ, какъ полюбила съ этой минуты, и такое чувство такъ и осталось у меня къ нему потомъ ужъ навсегда.

Онъ въ то же утро уѣхалъ въ Римъ оканчивать свою большую картину и я провожала его.

Онъ рѣшилъ, что останется тамъ мѣсяца два-три и вообще не уѣдетъ изъ Италіи, пока не уѣду изъ нея и я, и взялъ съ меня слово, что при первой опасности или какой-нибудь непріятности я тотчасъ же дамъ ему знать и вообще время отъ времени буду писать ему.

— А зато,—сказалъ онъ мнѣ на прощанье,—какъ ты послѣ Джульету сыграешь! Теперь, когда любила самого Ромео!

И это вышло правдой: когда я вернулась, Джульета стала одною изъ самыхъ моихъ любимыхъ ролей; она напоминаетъ мнѣ тѣ дни...

— Ну,—прервалъ ее Чемезовъ сухо,—я не понимаю твоего г-на Орлина: оставить молоденькую, увлекающуюся и неопытную женщину, которую вдобавокъ ему довѣрили изъ дома, одну въ чужомъ городѣ, въ чужой странѣ, для того, чтобы она могла завязать романъ съ какимъ-то итальянцемъ... тоже признаюсь...

— Во-первыхъ,—прервала его Ольга запальчиво,—это былъ не „какой-то“ итальянецъ, а извѣстный пѣвецъ, котораго знала вся Италія; а во-вторыхъ, Орлинъ не бросалъ меня одну, а нарочно, чтобы не оставлять меня одну, какъ я тебѣ уже сказала, остался въ Римѣ, откуда я каждый день, въ случаѣ чего-нибудь, могла вызвать его... Пожалуйста, никогда не задѣвай его при мнѣ: это мой самый дорогой другъ... И наконецъ, не забывай, что мы—артисты, т.-е. дѣйствительно не совсѣмъ обыкновенный народъ, что у насъ свои взгляды, свои понятія, которые, очень можетъ быть, совсѣмъ не походятъ на ваши... Нѣтъ!—воскликнула она съ раздраженіемъ:—я знала, что лучше тебѣ не разсказывать, я говорила, что отъ этого будетъ только больно и мнѣ, и тебѣ...

Но онъ заставилъ ее все-таки продолжать, и она позиновалась сначала неохотно и вяло, но постепенно опять все больше и больше увлекаясь собственными воспоминаніями.

— Все это въ разсказѣ выходитъ вяло и блѣдно, — сказала она съ неудовольствіемъ:—въ словахъ нѣтъ краски, яркости, колорита, а тамъ, подъ этимъ небомъ, все блещетъ и горитъ въ яркихъ лучахъ. Что̀ бы я тебѣ ни сказала, это все будетъ уже не то, да я и не съумѣю даже разсказать подробно, день за днемъ, что̀ мы дѣлали, о чемъ говорили; это, знаешь, похоже на то впечатлѣніе, которое остается иногда послѣ какого-нибудь сна, въ которомъ реальность такъ перемѣшалась съ фантазіей, что выходитъ что-то въ родѣ волшебной сказки, и когда проснешься, то кажется, что сонъ весь еще живъ и ярокъ въ памяти, а начнешь разсказывать—и все какъ-то спутывается, и ничего не выходитъ... Такъ и здѣсь... Я тебѣ, между прочимъ, уже сказала, что это продолжалось очень недолго, всего три недѣли; да такъ и слѣдовало: еслибы это затянулось, то потеряло бы всю свою прелесть и стало бы обыкновенной и даже пошлой исторіей.

— Какъ же вы говорили? — спросилъ Чемезовъ съ удивленіемъ.

— Да,—засмѣялась она,—въ этомъ-то и есть загадка и сила любви! Положимъ, я и тогда уже говорила немного по-итальянски, я подъучилась еще въ первый мой пріѣздъ, но говорила все-таки плохо — а онъ не говорилъ никакъ, кромѣ какъ по-итальянски. И представь, мы отлично понимали другъ друга, да кромѣ того лицо его было такъ живо, такъ полно мимики и подвижности, что я читала по немъ, какъ по своимъ ролямъ, и оно досказывало мнѣ за него все, чего я не понимала на словахъ. Онъ разсказалъ, какъ замѣтилъ меня тогда въ толпѣ въ театрѣ и какъ почему-то его поразили мои глаза... И все, что̀ онъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ, было такъ похоже на то, что̀ я сама почувствовала, увидѣвъ его, съ той только разницей, что я не вѣрила тому, что мы можемъ узнать другъ друга, и сомнѣвалась даже въ собственной любви, не говоря уже объ его; а онъ съ пылкостью итальянца повѣрилъ этому съ первой же минуты и тутъ же рѣшилъ во что бы то ни стало разыскать меня. Я никогда не могла хорошенько понять, какъ онъ умудрился такъ скоро найти меня, но онъ увѣрялъ, что разыскалъ бы меня, даже еслибы я уѣхала изъ Италіи, а не только здѣсь въ Венеціи, гдѣ первый же гондольеръ подлѣ ихъ театра указалъ ему того, съ которымъ уѣхали русскій художникъ съ дамой, въ большой бѣлой шляпѣ съ голубымъ перомъ... Онъ съ чуткостью артиста угадалъ, что я иностранка; но открытіе, что я русская, привело его совсѣмъ въ восторгъ: для него романъ съ русской былъ такъ же новъ и интересенъ, какъ для меня—съ итальянцемъ. Онъ говорилъ, что полюбилъ меня съ перваго взгляда и сразу почувствовалъ, что я именно та, которую онъ всегда мечталъ найти, что встрѣча наша была заранѣе предназначена въ нашей судьбѣ, и разныя тому подобныя вещи, которыя онъ говорилъ съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ, съ такой наивной страстной увѣренностью, какъ это можетъ говорить только южанинъ, всегда немного похожій на пылкаго, увлекающагося ребенка. Но тогда я не замѣчала этого, и все казалось мнѣ такъ просто и естественно, что я и сама почти вѣрила въ то же самое, хотя въ то же время какъ-то смутно сознавала, что все это не болѣе какъ какой-то чудный бредъ и что длиться это не только вѣчно, какъ воображалъ онъ, но даже и долго не можетъ, потому что въ концѣ концовъ это все-таки же было какъ-то неестественно. При всемъ моемъ увлеченіи я не могла вполнѣ слиться съ нимъ и стать вдругъ изъ русской, настоящей кровной русской—итальянкой, чуждой мнѣ по духу и по крови, и онъ тоже не могъ переродиться для меня и обрусѣть только потому, что влюбился въ русскую; я не могла остаться

навсегда въ Италіи, онъ не могъ уѣхать навсегда въ Россію; и хотя въ тѣ дни все въ насъ звучало такъ гармонично другъ съ другомъ, какъ еслибы мы дѣйствительно были рождены и приготовлены другъ для друга, но для того, чтобы это длилось всегда такъ—между нами стояла какая-то стѣна, преграда, которую при всемъ желаніи мы не могли бы ни разрушить, ни перейти ужъ хотя бы потому, что родились и выросли слишкомъ далеко одинъ отъ другого. Но пока я не хотѣла думать ни о чемъ подобномъ и только наслаждалась.

Каждое утро, почти на зарѣ, онъ приходилъ за мной, и мы садились въ гондолу и уплывали далеко въ море.

Онъ почти всегда былъ переодѣтъ крестьяниномъ, рыбакомъ или гондольеромъ: онъ, кажется, сознавалъ, что къ красотѣ его—слишкомъ идеальной и типичной, къ этой головѣ, напоминавшей голову Антиноя—не подходитъ черный фракъ или жакетъ, и инстинктивно, съ чуткостью и вкусомъ художника, искалъ яркихъ красокъ, больше гармонировавшихъ съ его красотой. Къ этимъ переодѣваньямъ у него была положительно какая-то страсть, страсть итальянца, обожающаго карнавалъ и актера, невольно, уже по самой профессіи своей, привыкшаго къ ношенію разныхъ костюмовъ. Онъ не довольствовался однимъ своимъ переодѣваніемъ и часто упрашивалъ дѣлать то же и меня. „Такъ мы будемъ свободнѣе, насъ никто не узнаетъ!“ умолялъ онъ и даже нарочно для этого принесъ мнѣ костюмъ крестьянки.

Меня, положимъ, и безъ того никто не зналъ, но его знали всѣ, и подъ видомъ крестьянина или рыбака онъ, дѣйствительно, меньше привлекалъ на себя вниманіе. Мы были съ нимъ почти ровесники, а мнѣ шелъ всего 23-й годъ, но онъ казался моложе меня. Въ его южной натурѣ, лѣнивой и пылкой въ одно и то же время, была какая-то удивительная смѣсь мужественности съ наивностью, почти ребячествомъ; онъ былъ горячъ, вспыльчивъ, ревнивъ и, судя по тому злому блеску, которымъ загорались иногда глаза его—я думаю, даже мстителенъ, и въ то же время добръ, кротокъ и довѣрчивъ, какъ ребенокъ; онъ могъ убить, но могъ и плакать какъ дитя, умоляя себѣ прощенье за какой-нибудь вздоръ. Все въ немъ—и восторгъ, и гнѣвъ, и тоска, и радость—были сильнѣе, чѣмъ заслуживало то, что вызывало ихъ; онъ ничего не могъ дѣлать въ половину и отдавался всему, что дѣлалъ или говорилъ, не только всецѣло, но даже слишкомъ горячо; еслибъ онъ не былъ южанинъ, то я сказала бы даже, что всѣ его чувства были преувеличены, но въ немъ они были искренни; его

натура была такъ своеобразна и нова для меня, такъ непохожа на тѣ, къ которымъ я привыкла уже среди своихъ...

Даже говорилъ онъ какъ-то иначе, по своему; въ его манерѣ выражаться была смѣсь восточной красивой, поэтичной образности съ простымъ народнымъ, нѣсколько грубымъ даже, языкомъ простолюдина. И то, что̀ по-русски вышло бы, быть можетъ, смѣшно и сентиментально, въ итальянскихъ звукахъ выходило такъ просто, красиво и гармонично, что походило на какую-то музыку...

У него былъ прелестный голосъ. Каждый разъ, что онъ пѣлъ, я, конечно, была въ театрѣ и сидѣла въ маленькой боковой ложѣ, которую онъ нарочно оставлялъ для меня, потому что она была болѣе другихъ закрыта. И каждый разъ это были самыя восторженныя минуты моей любви къ нему: тутъ онъ являлся во всей силѣ своего очарованія и красоты и къ тому же онъ былъ баловнемъ всей этой толпы, которая рукоплескала и кидала ему подъ ноги цвѣты, а это всегда сильно дѣйствуетъ, особенно на насъ, женщинъ...

Всѣ рукоплескали ему и ловили звуки голоса его, какъ наслажденіе,—а онъ пѣлъ мнѣ одной, и глаза его искали моего взгляда и улыбались мнѣ одной... Въ эти минуты онъ былъ такъ хорошъ, что казался какимъ-то молодымъ, прекраснымъ богомъ, вдругъ воскресшимъ изъ древней миѳологіи. И этотъ богъ молился мнѣ! И я испытывала за него такую тщеславную, счастливую гордость, что порой мнѣ хотѣлось крикнуть имъ всѣмъ: онъ мой, мой!—и никогда мои собственныя оваціи не приносили мнѣ такого захватывающаго, головокружительнаго восторга!

А онъ выбѣгалъ на вызовы нетерпѣливо, почти сердясь, когда они затягивались, и едва спектакль кончался и публика расходилась, онъ спѣшилъ ко мнѣ въ ложу и со своей страстной, несдерживаемой горячностью бросался предо мной на колѣни и осыпалъ поцѣлуями мои руки, клянясь, что пѣлъ такъ хорошо только потому, что *я* слушала его, и называлъ меня своимъ вдохновеніемъ, своей музой и геніемъ...

Я разсказала ему, что я тоже актриса, и это привело его въ такой восторгъ, что онъ только и мечталъ о томъ, какъ бы увидѣть меня на сценѣ. Онъ разспрашивалъ меня, что̀ играла я, какія роли, и радовался какъ ребенокъ, когда я называла ему между прочими Дездемону и Джульету.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ просто бредить тѣмъ, чтобы увидѣть меня на сценѣ, онъ заставлялъ меня говорить по-русски цѣлые монологи изъ „Ромео и Джульеты“ и не спускалъ съ меня при этомъ блестящихъ, восхищенныхъ глазъ, угадывая чутьемъ,

по одному какому-нибудь движенію или мимикѣ, какое мѣсто говорю я, и шепталъ его за мной по-итальянски.

Мы вдвоемъ разыгрывали съ нимъ цѣлыя сцены, и звуки русскаго языка поражали и восхищали его, какъ что-то совсѣмъ новое и необыкновенное. Но иногда, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, я выучивала эти мѣстечки по-итальянски, и тогда это такъ трогало его, что онъ чуть не плакалъ и увѣрялъ, что не успокоится, пока не увидитъ меня на сценѣ. Я смѣялась надъ нимъ—такъ необычайно казалось мнѣ это желаніе, и вдругъ оно осуществилось и такъ неожиданно, такъ внезапно, что до сихъ поръ не могу понять, какъ могла я на это рѣшиться.

Та пѣвица, которая пѣла Травіату и всѣ первыя партіи, вдругъ заболѣла, т. е. вѣрнѣе она перессорилась со всѣми, и съ антрепренерами, и съ Лео, и съ другими товарищами. Я подозрѣваю, что она была сильно неравнодушна къ Лео и какъ-нибудь—что̀ было очень въ сущности не трудно—узнала про меня, потому что вдругъ стала капризничать и дѣлать всѣмъ сцены и, наконецъ, объявила, что не будетъ больше пѣть въ однѣхъ съ нимъ операхъ. Она сказалась больной, заперлась дома, и какъ старый Санчіо, ихъ антрепренеръ, ни упрашивалъ ее перестать дурить, она не соглашалась и говорила, что скорѣй умретъ, чѣмъ будетъ пѣть вмѣстѣ съ нимъ. Не знаю, можетъ быть это была ревность не женщины, а зависть актрисы, которую публика принимала холоднѣе, чѣмъ ея соперника, только она сдержала слово.

Сначала всѣ потеряли головы и не знали, что̀ дѣлать, потому что замѣнить ее сразу было некѣмъ. Но тутъ вдругъ Лео пришла въ голову сумасбродная идея—заставить пѣть вмѣсто нее меня! Ты удивляешься? Конечно, это было дерзко и рискованно, но вотъ отчего пришла ему подобная мысль. Въ молодости у меня былъ очень недурной голосъ и я даже довольно долго училась пѣть, хотя особенно серьезно никогда къ этому не относилась, потому что отецъ находилъ, что выдающейся пѣвицей я все-таки никогда не буду, да кромѣ того онъ всю жизнь провелъ въ драмѣ, и меня ему хотѣлось посвятить всецѣло ей же.

Но я любила пѣть, и когда на второй годъ служила въ Харьковѣ, то у насъ одновременно было двѣ труппы, оперная и драматическая, и я нѣсколько разъ по собственному желанію исполняла небольшія партіи, въ родѣ Ольги въ „Русалкѣ" и Гориславы въ „Русланѣ", но моей завѣтной мечтой была всегда Маргарита... Я спала и видѣла сыграть ее; но поставить Фауста въ драмѣ при нашихъ силахъ было невозможно, и вотъ я стала мечтать о томъ, чтобы хоть спѣть ее въ оперѣ. Я добровольно разучивала

всѣ ея аріи, обдумывала каждое мѣсто ея роли и только ждала случая, чтобы спѣть ее. Публика меня тамъ очень любила и на мои оперныя попытки смотрѣла не только снисходительно, но даже слишкомъ любезно, и потому я расхрабрилась еще больше, и вотъ удобный случай насталъ, наша примадонна заболѣла и я уговорила Ивана Максимовича, антрепренера, дать мнѣ спѣть Маргариту. Сначала онъ колебался, боясь, что и я-то провалюсь, да и отецъ мой разсердится на него за это, но потомъ, понадѣясь на мои силы и на любовь ко мнѣ публики, согласился и благословилъ. И вотъ я добилась своего и пѣла Маргариту! Я была такъ счастлива этимъ, что, благодаря увлеченію, исполнила ее дѣйствительно очень недурно и хотя не отличалась, какъ пѣвица, быть можетъ, зато выкупила все игрой. По крайней мѣрѣ харьковцамъ я такъ понравилась, что въ продолженіе тѣхъ двухъ недѣль, что Павловская была больна, я шесть разъ пѣла въ „Фаустѣ", и каждый разъ все было полно, и на мою долю досталось столько апплодисментовъ и букетовъ, что я чуть и совсѣмъ въ оперу не перешла.

Вотъ этотъ-то случай я разсказала какъ-то Лео; теперь онъ это припомнилъ и придумалъ здѣсь заставить меня пѣть Маргариту. Его такъ занимала мысль играть вмѣстѣ со мной, пѣть въ одной оперѣ, что онъ умолялъ меня объ этомъ все время, убѣждая, что переучить партію по-итальянски, разъ что я пѣла ее уже по-русски, ничего не значитъ, и увѣрялъ меня, что если я захочу, то могу сдѣлать это въ однѣ сутки. Онъ обѣщалъ помогать мнѣ въ каждой нотѣ, въ каждомъ словѣ и самому пройти со мной всѣ мѣста по нѣскольку разъ; но я была поражена его выдумкой и страшно трусила, хотя въ то же время эта мысль нравилась и мнѣ самой. Во-первыхъ, насъ, актеровъ, если мы долго не играли, тянетъ на сцену такъ же, какъ пьяницу къ вину; а во-вторыхъ, играть вмѣстѣ съ нимъ казалось мнѣ такимъ наслажденіемъ, что я готова была все перенести—и страхъ, и рискъ, и интриги, которыя могли встрѣтиться. Когда онъ увидѣлъ, что въ душѣ я почти согласна, онъ пришелъ окончательно въ восторгъ и бросился къ директору, изъ котораго дѣлалъ все, что хотѣлъ, благодаря тому, что былъ ему нуженъ; онъ заявилъ, что нашелъ такую великолѣпную Маргариту, какой еще никогда не было и послѣ которой Франческа Граціана умретъ со злости! Конечно, тотъ, несмотря на восторженныя увѣренія и клятвы Лео, былъ сначала все-таки въ сильномъ сомнѣніи, но потомъ, вѣроятно, мое русское имя, которое, впрочемъ, я не позволила выставить на афишѣ, замѣнивъ его простымъ „синьора Ольга",

подкупило его, и онъ сообразилъ, что это уже изъ одного любопытства можетъ очень усилить сборъ, а что если я и провалюсь потомъ, то сборъ все-таки будетъ въ карманѣ, а до другого раза они меня тогда не допустятъ. И дѣло было рѣшено такъ скоро, что я не успѣла опомниться, какъ все уже было устроено, и отказываться было уже невозможно. Тогда на меня напалъ такой страхъ, что я готова была бѣжать и изъ Венеціи, и изъ Италіи, и отъ самого Лео, только чтобы скрыться въ какой-нибудь такой глуши, гдѣ меня нельзя уже было бы заставить пѣть на сценѣ вмѣсто Франчески Граціана. Ты не можешь себѣ представить, какой страхъ нападаетъ на насъ, актеровъ, когда мы готовимся выйти въ первый разъ передъ незнакомой публикой. Меня даже и у себя въ Россіи онъ охватываетъ каждый разъ въ каждомъ новомъ городѣ и даже въ каждой новой роли, но тутъ я все-таки у себя дома, гдѣ меня всѣ уже знаютъ и любятъ, а тамъ это былъ не только новый чужой городъ, но и чужая страна, чужой народъ, чужой языкъ и чужая, совсѣмъ чужая публика, которая обо мнѣ даже никогда не слыхала, и въ довершеніе всего я выходила не въ драмѣ, къ которой привыкла, а въ оперѣ! При томъ же я предчувствовала, что если потерплю фіаско, то такое же фіаско потерплю и у Лео. Я была увѣрена, что какъ онъ, съ его горячей, впечатлительной натурой, еще сильнѣе способенъ увлечься мною въ случаѣ успѣха, такъ въ случаѣ неуспѣха непремѣнно охладѣетъ ко мнѣ. Но съ другой стороны у меня разгорѣлась страсть артистки. Мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, побѣдить эту чужую толпу, покорить ее, заставить ее рукоплескать себѣ, какъ рукоплескали мнѣ свои, заставить ее понять, полюбить себя сразу, въ одинъ вечеръ. О, ты не знаешь—это часто случается между актеромъ и публикой; они иногда, не только съ одного вечера, но съ одного дѣйствія, съ одного какого-нибудь мѣста даже, вдругъ поймутъ и полюбятъ другъ друга. Ни художникъ, ни писатель не могутъ такъ сильно чувствовать это, такъ ощутительно наслаждаться своимъ успѣхомъ, какъ мы, актеры, мы, получающіе награду, тотчасъ же по исполненіи и получающіе ее громко, открыто для всѣхъ, сразу отъ тысячной толпы. О, ты не знаешь, сколько въ этомъ наслажденія! Мнѣ часто кажется, что жизнь другихъ людей, лишенныхъ этого, такъ вяла, такъ скучна, такъ блѣдна!..

— Ну положимъ!—возразилъ Чемезовъ, усмѣхаясь и покачивая головой.

— О, ты не можешь этого понять!—воскликнула она, взглядывая на него своими блестящими отъ одушевленія глазами,

точно съ какимъ-то сожалѣніемъ.—Тотъ только пойметъ это, кто уже испыталъ это самъ, кто жилъ въ этомъ чудномъ, захватывающемъ тріумфѣ... А кто жилъ въ немъ, тотъ уже не можетъ жить потомъ безъ него... Но слушай же... На приготовленіе мнѣ было дано всего двое сутокъ. За это время я уже не отрывалась отъ партитуры и Лео страстно помогалъ мнѣ. Онъ училъ меня каждому непонятному мнѣ слову; мы разучили съ нимъ не только всѣ наши дуэты, но всѣ мои отдѣльныя аріи, речитативы, все, все до послѣдней ноты,—и онъ увлекался все больше и больше и съ восторгомъ увѣрялъ меня, что я буду имѣть огромный успѣхъ. Я и вѣрила, и не вѣрила, боялась вѣрить и боялась не вѣрить. Я была въ такомъ напряженномъ нервномъ состояніи всѣ эти двое сутокъ, что не могла ни ѣсть, ни спать, ни думать, ни говорить ни о чемъ другомъ. Были, конечно, репетиціи, даже три, изъ любезности ко мнѣ, какъ мнѣ дали понять, потому что для другихъ достаточно было и одной,—и какъ же меня оглядывали на нихъ мои новые товарищи! Всѣ рѣшительно—и артисты, и капельмейстеръ, и его оркестръ, и даже театральная прислуга разная—всѣ знали, что я пою экспромтомъ, а главное, что я русская,—что̀, кажется, сильнѣе всего прочаго занимало ихъ—и что я драматическая, а не оперная актриса. Когда я пѣла, мучительно боясь и конфузясь въ душѣ, но на видъ стараясь оставаться спокойной, я видѣла, какъ всѣ жадно, съ любопытствомъ и сомнѣніемъ слѣдятъ за мной и перешептываются за моей спиной; нѣкоторые относились съ явнымъ недоброжелательствомъ, почти съ насмѣшкой, а другіе, наоборотъ, были очень любезны и какъ будто сочувствовали мнѣ, ободряли и успокаивали,—и такихъ, представь, было большинство! Лео стоялъ все время подлѣ меня и я видѣла по его лицу, взволнованному и блѣдному, что онъ тоже боится, почти такъ же мучительно, какъ и я сама; онъ не спускалъ съ меня тревожныхъ глазъ, но при каждомъ удачномъ мѣстѣ, при каждой удачной нотѣ его лицо принимало радостное выраженіе и онъ обводилъ всѣхъ гордымъ, торжествующимъ взглядомъ.

Директоръ былъ ко мнѣ очень любезенъ; это былъ лысый, жирный, короткій человѣкъ, заискивающій и надменный въ одно и то же время; онъ слушалъ равнодушнѣе всѣхъ; что касается его, то сборъ на мой спектакль, о которомъ онъ успѣлъ уже протрубить на весь городъ, заранѣе нарочно разжигая во всѣхъ любопытство, былъ уже обезпеченъ, а до остального ему, кажется, было мало дѣла, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что въ случаѣ и успѣха, и фіаско, я не буду пѣть больше одного раза.

И вотъ насталъ этотъ вечеръ! Боже мой, да нѣтъ, я никогда не съумѣю разсказать, что̀ я тогда испытала, что̀ перечувствовала! Этого нельзя разсказать, это надо пережить самому, чтобы понять! Сколько бы я ни прожила, а тотъ вечеръ я всегда буду помнить какъ вчерашній. Мнѣ кажется, что тогда я была въ такомъ нервномъ состояніи, что въ случаѣ неуспѣха, способна была бы застрѣлиться, утопиться и Богъ знаетъ чего надѣлать.

Еще передъ началомъ спектакля Лео поминутно прибѣгалъ ко мнѣ и, сжимая мои руки своими, тоже похолодѣвшими отъ волненія, умолялъ успокоиться и не бояться.

— Ты должна ихъ покорить и ты покоришь!—восклицалъ онъ страстно, съ какой-то фанатической вѣрой.—Ты увидишь, какъ только ты выйдешь и они увидятъ тебя, съ ними будетъ то же, что̀ было со мною. О! я знаю ихъ! Они станутъ твоими рабами, только не бойся!

— Но я боялась!.. еще утромъ мнѣ самой казалось, что я ихъ покорю, а теперь я уже почти не вѣрила даже и тому, что они захотятъ меня слушать! Мнѣ казалось, что когда я выйду и запою, то всѣ они, сколько ихъ тамъ есть, вскочутъ и убѣгутъ, освистывая меня и требуя съ директора обратно свои деньги!

Я только инстинктивно старалась одѣться и загримироваться особенно хорошо. Я хотѣла быть хоть красивой, какъ для него, моего Лео, такъ и для этихъ итальянцевъ, которые обожаютъ только двѣ вещи — музыку и красоту!

— И макароны, — вставилъ Чемезовъ; но Ольга не слушала его.

— Это большое счастье,—продолжала она, воодушевленная своими воспоминаніями,—для пѣвицы, а тѣмъ болѣе для дебютантки, что она въ „Фаустѣ“ показывается публикѣ раньше, чѣмъ поетъ; это хоть сколько-нибудь все-таки освоиваетъ съ той толпой, предъ которой она должна потомъ пѣть. Когда я сѣла за прялку въ живой картинѣ и меня освѣтили бенгальскимъ, голубоватымъ огнемъ, у Лео вдругъ вырвался крикъ такого восторга, радости и счастья, что я невольно вздрогнула и почувствовала, какъ всѣ бинокли потянулись въ мою сторону; нѣкоторые даже привставали и перегибались черезъ спины сосѣдей, чтобы только лучше разглядѣть меня. Лео стоялъ прямо противъ меня и на нѣсколько секундъ точно замеръ, пораженный и очарованный; вмѣстѣ съ нимъ невольно замерли другіе. Онъ схватилъ свой кубокъ и выпилъ его, не спуская съ меня блестящихъ влюбленныхъ глазъ, съ такимъ восторгомъ и вдохновеніемъ, какъ это могъ сдѣлать только или

геніальный артистъ, или дѣйствительно страстно влюбленный человѣкъ,—и въ тотъ мигъ, когда онъ, сбросивъ сѣдую бороду и темный плащъ, обернулся къ публикѣ уже молодымъ, прекраснымъ, преображеннымъ, вся зала разразилась рукоплесканіями. Тутъ свѣтъ, наведенный на меня, потухъ и я сошла съ подмостковъ.

Санчіо любезно подалъ мнѣ руку и помогъ мнѣ спуститься.

— Э, э, синьора,—сказалъ онъ съ усмѣшечкой:—это хорошій знакъ! Они простили ему любовь къ вамъ; да, да, итальянцы ревнивы, синьора! это вѣрно! Старый Санчіо никогда не ошибается; онъ возится съ ними 40 лѣтъ и знаетъ ихъ какъ свои пальцы!.. Да, да, синьора, если бы вы имъ не понравились, такъ они бы ошикали его теперь, за дурной вкусъ, который не намѣрены раздѣлять. Но вы имъ понравились, и они аплодировали ему!

И онъ тихонько посмѣивался, щуря свои хитрые, заплывшіе глазки и потирая съ удовольствіемъ руки, видя, что я смотрю на него съ недоумѣніемъ и сомнѣніемъ. Но представь, что какъ это ни странно, но должно быть это дѣйствительно было такъ, потому что Лео прибѣжалъ ко мнѣ тоже совсѣмъ сіяющій.

— О!—кричалъ онъ въ восторгѣ еще издали:—половина дѣла сдѣлана!.. Ты была такъ прекрасна, что я влюбился въ тебя во второй разъ, и они всѣ тоже вмѣстѣ со мною! Теперь не бойся уже ничего!

Когда я вышла въ слѣдующемъ актѣ, то случилось нѣчто неожиданное; я была увѣрена, что первый мой выходъ обойдется безъ пріема, но и безъ шиканья, и вдругъ случилось и то, и другое.

Половина аплодировала горячо и громко, а другая шикала. Одни—вѣроятно только изъ любезности къ моему русскому имени да къ внѣшности, которая имъ понравилась—уже готовы были, съ свойственнымъ итальянцамъ легко увлекающимся жаромъ, сдѣлать мнѣ маленькую овацію; но другіе еще не желали этого и шикали—не столько, кажется, мнѣ, сколько аплодирующимъ. И такъ продолжалось нѣсколько секундъ; партіи разгорячились и подзадоривали другъ друга, и то рукоплесканье покрывало шиканье, то шиканье—рукоплесканье. Я стояла немного растерявшись и не зная, что мнѣ дѣлать, но Лео вдругъ схватилъ мою руку и вмѣстѣ со мною подошелъ прямо къ рампѣ и обвелъ ряды публики такимъ гнѣвнымъ, негодующимъ взоромъ, точно хотѣлъ защитить меня собой отъ нихъ. Тогда аплодисменты раздались вдругъ съ такой силой, что разомъ заглушили шиканье; они аплодировали не мнѣ, а ему, своему любимцу, котораго не

хотѣли обижать оскорбленіемъ, и къ тому же еще не заслуженнымъ, любимой имъ женщинѣ, и едва пропѣла я свою первую, самую незначительную фразу, какъ апплодисменты снова раздались и уже такъ дружно, что, право, тронули меня.

Очевидно было, что половина театра взяла меня подъ свое личное покровительство и видимо желала быть со мной какъ можно любезнѣе, рѣшивъ всячески ободрять меня.

Ну, я тебѣ не стану разсказывать актъ за актомъ, сцену за сценой—это было бы слишкомъ долго, да этого и не передать подробно,—но только со второго же моего выхода я убѣдилась, что публика ко мнѣ расположена, и я невольно стала успокаиваться и вдохновляться. Да, именно вдохновляться! Мнѣ кажется, что никогда не чувствовала я такой силы, такого восторга въ груди, какъ въ этотъ вечеръ, когда пѣла вмѣстѣ съ нимъ, рядомъ съ нимъ. Мнѣ кажется, что сыграла бы я тогда хуже,—мнѣ именно хотѣлось пѣть, все пѣло внутри меня, и такъ хорошо, такъ дивно хорошо было изливать въ этихъ звукахъ, такихъ прекрасныхъ и влюбленныхъ, свою любовь и свое счастье! Я чувствовала сама, какъ голосъ мой точно вдругъ выросъ и окрѣпъ и звуки вылетали изъ груди моей такъ легко и свободно, что я сама слушала себя, сама почти не вѣрила, что это я, я!—и сознавала только, что никогда я не пѣла и не буду уже больше такъ пѣть. Это была моя лебединая пѣсня, мое вдохновеніе, какое-то чудо!

Но лучше всего вышла у насъ сцена въ саду, когда мы пѣли этотъ знаменитый дуэтъ; мы забыли обо всемъ; я видѣла передъ собой только его прекрасное лицо, дышавшее такой страстью и нѣгой, что у меня захватывало дыханіе и кружилась голова. Мы не притворялись, не играли, не изображали, но мы, дѣйствительно, любили, мы жили, мы наслаждались этимъ мгновеніемъ, и толпа невольно замирала отъ восторга и жадно пожирала насъ глазами. Мы чувствовали, какъ она точно пьянѣетъ отъ нашей любви, какъ любуется нами, какъ наслаждается каждымъ нашимъ звукомъ, и это еще больше вдохновляло насъ. Все замерло въ тишинѣ, мы одни царили надъ всѣмъ, и вдругъ чей-то голосъ, тихій и растроганный, сказалъ почти шопотомъ, но такъ, что его все-таки слышалъ весь театръ:

— O, che sono belli questi innamorati!

И эти слова, легкія какъ дыханіе, обхватили меня такимъ растроганнымъ счастіемъ, такой гордостью, что я готова была зарыдать...

Когда актъ кончился, то она, эта южная, горячая толпа, руко-

плескала намъ какъ безумная; она вызывала насъ несчетное число разъ, стучала палками, махала платками, кричала. И женщины, съ блестящими глазами и разгорѣвшимися лицами, срывали съ себя цвѣты и бросали ихъ намъ, и какъ сейчасъ помню я какую-то высокую, красивую, черноволосую дѣвушку, одѣтую простой работницей, которая, сорвавъ съ своей груди маленькій букетъ изъ какихъ-то яркихъ, пахучихъ пунцовыхъ цвѣтовъ, кинула его намъ подъ ноги и громко закричала „Accettate questo da parte mia, o belli innamorati!“... И когда я подняла его и, улыбнувшись ей, приколола его къ своему поясу, она засмѣялась, захлопала ладошами и чрезъ весь театръ рукой послала намъ поцѣлуй...

За кулисами насъ сейчасъ же всѣ окружили, поздравляли меня, Лео, почему-то обнимали насъ, улыбались намъ, цѣловали, что-то говорили; но я была какъ въ чаду и ничего не слышала, ничего не понимала. Я чувствовала только, какъ мой Лео крѣпко сжимаетъ мою руку и смотритъ на меня гордыми, влюбленными глазами; и я только молча улыбалась ему въ отвѣтъ и сжимала его руку, потому что отъ счастья и радости не могла ничего говорить...

Помню только, какъ старый Санчіо прибѣжалъ вдругъ откуда-то, протискался сквозь толпу и бросился ко мнѣ, цѣлуя мои руки.

— О, синьора!—воскликнулъ онъ восторженно:—я не знаю, кто вы, но вы великая артистка!..

И я невольно обняла и поцѣловала его.

Онъ колотилъ себя въ грудь и говорилъ тѣмъ приподнятымъ тономъ, какимъ говорятъ всѣ итальянцы, когда увлекутся.

— Да, синьора,—кричалъ онъ:—старый Санчіо сталъ грубъ и скупъ, и многіе ругаютъ его, но онъ все же артистъ въ душѣ, онъ сильно чувствуетъ и глубоко понимаетъ!

Но Лео, и сердясь, и торжествуя въ одно время, перебивалъ его, упрекая и дразня его тѣмъ, что онъ трусилъ сначала и не хотѣлъ брать меня, не вѣря ему, Лео, который увѣрялъ его, что нашелъ замѣчательную артистку. Мы пришли всѣ вмѣстѣ въ мою уборную, и Лео ни на минуту не отпускалъ моей руки и не сводилъ съ меня глазъ, а старый Санчіо все цѣловалъ мнѣ руки и уговаривалъ остаться у нихъ навсегда.

— Останьтесь у насъ совсѣмъ!—кричалъ онъ, жестикулируя:—мы сдѣлаемъ изъ васъ Ристори и Патти вмѣстѣ! И вся Италія будетъ у вашихъ ногъ, и Лео вѣчно будетъ васъ любить, и вы будете самая счастливая и самая прославленная женщина въ мірѣ!..

Но я качала головой; я знала, что это могло быть только мгновеніемъ, что я никогда уже не пропою такъ во второй разъ и что я русская, русская всей душой, каждой мыслью, каждой жилкой, и что нигдѣ я не могу жить, не могу быть счастлива вполнѣ и долго, какъ только тамъ у себя въ Россіи и даже именно въ Москвѣ, и что я все-таки уѣду туда, хотя бы дѣйствительно вся Италія лежала у моихъ ногъ и Лео вѣчно любилъ меня. И вдругъ меня такъ потянуло къ себѣ домой... Все это время я совсѣмъ не думала объ этомъ, и нисколько не желала возвращаться; напротивъ, рядомъ съ Лео я и сама точно перерождалась какъ-то, и минутами, когда, бывало, онъ пѣлъ, сидя у ногъ моихъ, свои старинныя итальянскія пѣсни, которыя я любила больше всякихъ оперъ, а вдали сверкало море—мнѣ какъ-то не вѣрилось, что я не жила здѣсь всегда, что я тутъ только на время и что рано или поздно, но я опять должна буду оторваться отъ всей этой красоты и вернуться къ себѣ; тогда на меня нападало какое-то щемящее чувство, и страхъ, и жалость, и я не могла себѣ представить, какъ вернусь и какъ начну жить тамъ, послѣ этой чудной сказки,—и все мое, т.-е. Россія, Москва, семья, даже театръ и отецъ, точно отходило отъ меня въ какую-то даль и казалось чужимъ и... даже непріятнымъ. А тутъ, именно теперь, когда всѣ эти итальянцы вздумали такъ баловать меня, меня вдругъ страстно потянуло въ эту самую мою милую, грязную Москву, къ мамѣ, къ семьѣ. Мнѣ странно стало видѣть, вмѣсто родныхъ, знакомыхъ лицъ, эти чужія итальянскія физіономіи, слышать кругомъ итальянскій говоръ; мнѣ казалось даже дико, что я почему-то играю со всѣми этими людьми, а не со своимъ толстымъ милымъ Барсуковымъ. Нѣтъ, сказала я себѣ, я уѣду! зачѣмъ я тутъ?

Когда я вышла на сцену, меня снова втянула роль и охватило опять страстное желаніе играть и покорять—покорять еще сильнѣе, еще больше, чѣмъ въ предъидущихъ дѣйствіяхъ, чтобы надолго остаться въ ихъ памяти.

Это былъ актъ въ тюрьмѣ... Къ тому странному какому-то двойственному состоянію, которое охватило меня тогда, онъ подходилъ какъ нельзя лучше.

Когда мой Фаустъ, Лео, умолялъ меня бѣжать и навсегда уже остаться съ нимъ, онъ не зналъ еще, что это почти правда, а я уже чувствовала, что не останусь съ нимъ больше, что я убѣгу и отъ него, и отъ этого чуднаго края, убѣгу съ радостью и тоской въ одно и то же время, и что завтра онъ уже не найдетъ меня. Я боялась только, что вдругъ не хватитъ силъ добровольно оторваться отъ всего этого опьяняющаго счастья.

Въ звукахъ вальса вмѣстѣ съ словами безумной Маргариты мнѣ вспоминалось невольно, какъ мы увидѣли другъ друга и какъ любили, и когда онъ, обнимая, насильно увлекалъ меня къ дверямъ, умоляя бѣжать скорѣй, я боролась съ нимъ искренно, страстно; боролась и съ нимъ, и сама съ собой.

Но онъ не зналъ этого, и когда занавѣсъ упалъ, онъ бросился ко мнѣ, поднялъ меня на руки и на рукахъ унесъ въ уборную. Насъ вызывали, кричали, но онъ не пускалъ меня, онъ упалъ на колѣни у ногъ моихъ и рыдалъ, цѣлуя мои колѣни.

— О!—восклицалъ онъ съ восторгомъ:—я нашелъ свой геній! съ тобой я тоже буду великимъ!..

И я тоже плакала, плакала, сама не зная о чемъ, и отъ счастья, и отъ жалости, и отъ того нервнаго напряженія, въ которомъ была оба послѣдніе дня. Я чувствовала, что мое счастье слишкомъ велико, слишкомъ хорошо, чтобы могло продолжаться, что его надо оборвать разомъ, чтобы оно навсегда такъ и осталось чудной, волшебной сказкой.

Мы вмѣстѣ вышли изъ театра съ руками, полными цвѣтовъ, и когда мы показались у подъѣзда, насъ уже ждала тамъ небольшая толпа, человѣкъ въ сто, которая хотѣла еще разъ взглянуть на насъ. И они опять апплодировали намъ, кричали разныя привѣтствія и бросали подъ ноги цвѣты, пока мы проходили мимо нихъ. Ночь была такая теплая и душистая, вся пропитанная ароматомъ цвѣтовъ, вся усѣянная звѣздами по небу. Мы долго, обнявшись, сидѣли на балконѣ моей комнаты, повиснувъ совсѣмъ надъ темной водой канала и слѣдя за проѣзжавшими мимо гондолами; мы говорили шопотомъ, мечтали, вспоминали, о чемъ говорили. Да развѣ это разскажешь! этого даже не запомнишь— такъ это безсвязно, но хорошо. И небо ужъ розовѣло, когда онъ ушелъ отъ меня. Бѣдный, онъ думалъ, что мы увидимся на утро!..

Когда онъ цѣловалъ меня въ послѣдній разъ, я глядѣла въ его чудные глаза, которые хотѣла запечатлѣть въ себѣ навсегда, чтобы въ каждую минуту, когда захочу, вызвать ихъ передъ собой, такими же живыми и прекрасными, какъ они были тогда и улыбались мнѣ. Но когда онъ вышелъ и шаги его, все удаляясь, замерли вдали корридора, я чуть не бросилась за нимъ, чуть не крикнула его назадъ, чуть не разсказала ему, что̀ задумала. Но я вспомнила, что если не теперь, такъ это придется сдѣлать, все равно, потомъ, и, быть можетъ, чѣмъ дальше затянется это, тѣмъ больнѣе будетъ разрывъ. И я не окликнула его, и только вышла на балконъ, взглянуть на него въ послѣдній разъ. Онъ уже былъ въ гондолѣ; увидя меня, онъ поднялъ ко мнѣ голову

и съ улыбкой крикнулъ мнѣ еще разъ „A domani!“ Гондола его скрылась за поворотомъ, а я осталась одна.

Да, я осталась одна... Ну, и представь себѣ, что я ничего не чувствовала въ тотъ мигъ, ни тоски, ни боли... ничего. Я спокойно вернулась въ комнату, спокойно собрала свои вещи, переодѣлась въ дорожное платье, написала маленькую записочку Орлину о томъ, что уѣзжаю домой и подробно напишу ему о всемъ уже оттуда. Затѣмъ потребовала счетъ, пріѣхала на вокзалъ, взяла билетъ, сѣла въ вагонъ и помчалась въ свою милую Россію. И мнѣ было даже весело. Мы ѣхали насыпью, идущей отъ Венеціи къ берегу; по обѣимъ сторонамъ ея сверкало море; было еще очень рано и въ вагонѣ было мало народу,—все больше иностранцы,—но я чувствовала себя бѣглянкой, боялась, что они узнаютъ меня по вчерашнему спектаклю и пряталась отъ ихъ взглядовъ, высовываясь въ окно, изъ котораго еще виднѣлась вдали Венеція; казалось, она точно выросла какимъ-то чудомъ прямо изъ этого ярко сверкавшаго на солнцѣ синеватаго моря, со всѣхъ сторонъ обмывающаго ее своими волнами. Я глядѣла на нее... и удивлялась сама, почему я не чувствую ни тоски, ни сожалѣнія. Вѣдь несомнѣнно, что я любила его, моего Лео, или вѣрнѣе, что я страстно была влюблена въ него. Но теперь я глядѣла на весь этотъ мой романъ съ нимъ точно посторонній зритель—я любовалась имъ, какъ художникъ, и совсѣмъ не страдала, какъ любовница. Ему я тоже оставила записку—всего нѣсколько строкъ, ихъ не стоитъ передавать, но онѣ были искренни... Я знала, что воспоминаніе о немъ, о его любви и о всѣхъ этихъ дняхъ, будетъ самымъ прелестнымъ воспоминаніемъ моей жизни, но я написала ему, что наша любовь была слишкомъ прекрасна для того, чтобы длиться всю жизнь—она должна была быть только мигомъ, такъ, чтобы мы навсегда остались въ памяти другъ друга молодыми, влюбленными и счастливыми, какъ были въ тѣ дни. Ее не надо было портить. А для того, чтобы тянуть ее всю жизнь, мы въ концѣ концовъ все-таки слишкомъ мало подходили другъ къ другу.

Ольга замолчала и задумалась.

XIII.

— Ну и что же?—спросилъ Чемезовъ, видя, что она молчитъ:—что же дальше?

— Дальше?—сказала она, встрепенувшись:—а дальше ничего!—И она сладко потянулась, какъ котенокъ, зажмуривая

глаза, и засмѣялась тѣмъ милымъ, безпечнымъ смѣхомъ, который такъ шелъ къ ней, но часто коробилъ его.—Дальше я благополучно вернулась „nach Hause", къ полному удовольствію мамы, которая всегда неспокойна, пока кто-нибудь изъ ея птенцовъ не подлѣ нея, и къ большому огорченію отца, который очень жалѣлъ, что я не побывала ни въ Испаніи, ни въ Англіи, какъ ему того хотѣлось.

И они оба замолчали и долго сидѣли молча, занятые каждый своими мыслями.

— Такъ вы и не видались потомъ никогда?—снова спросилъ Чемезовъ.

— Такъ и не видались,—сказала она спокойно, но съ легкимъ вздохомъ:—можетъ быть, мы бы еще и увидѣлись, но онъ очень скоро умеръ—года чрезъ полтора или два послѣ того... У него была какая-то дуэль, и его убили. Мнѣ потомъ уже разсказалъ объ этомъ Орлинъ; онъ съ нимъ познакомился и даже началъ писать съ него портретъ, только не успѣлъ кончить—онъ такъ неконченнымъ и подарилъ мнѣ его. Я думала всегда, что изъ него выйдетъ знаменитый пѣвецъ, что-нибудь въ родѣ Тамберлика, но изъ него ничего особеннаго не вышло: это была даровитая натура, но онъ самъ сгубилъ ее. Орлинъ разсказывалъ, что подъ конецъ онъ сталъ страшно кутить и даже пить; итальянцы рѣдко спиваются, но онъ почти совсѣмъ спился и сгорѣлъ какъ свѣчка въ своемъ прожиганіи жизни.

— И очень можетъ быть, что виновата въ этомъ ты!—сказалъ Чемезовъ съ рѣзкой строгостью въ голосѣ.

— Нѣтъ,—сказала она, покачавъ головой,—не думаю: это ужъ такая натура была—слишкомъ впечатлительная и безхарактерная. Хотя мнѣ Орлинъ говорилъ, что онъ до послѣднихъ дней помнилъ меня. Когда онъ узналъ, что Орлинъ знаетъ меня, онъ обрадовался и все разспрашивалъ обо мнѣ. Потомъ они часто говорили обо мнѣ, и онъ всегда то восторгался и благословлялъ меня, клянясь, что я была его единственной настоящей любовью, и плакалъ отъ волненія почти каждый разъ, когда вспоминалъ тотъ спектакль, на которомъ я пѣла съ нимъ Маргариту, то вдругъ начиналъ бранить и проклинать меня. Въ сущности, это и естественно. Но очень можетъ быть, что у него дѣйствительно оставалась ко мнѣ нѣкоторая доля любви, хотя послѣ меня у него было еще очень много романовъ и дуэль, на которой его убили, была ужъ, конечно, не изъ-за меня.

— Скажи пожалуйста, что̀, твои домашніе знали объ этомъ твоемъ романѣ съ Орлинымъ и съ этимъ... итальянцемъ?

— „Съ этимъ итальянцемъ“!—передразнила она его, усмѣхаясь:—съ какимъ презрѣніемъ ты это говоришь!

Но онъ съ живостью опровергнулъ ее.

— Нѣтъ, нисколько,—сказалъ онъ особенно какъ-то серьезно, —я отлично понимаю, что на такую женщину, какъ ты, съ воображеніемъ и увлекающуюся, подобный романъ долженъ былъ очень сильно дѣйствовать! И обстановка, и самъ герой, и новизна положенія, все это должно было увлекать и очаровывать тебя! Нисколько!—повторилъ онъ спокойно и съ ласковой улыбкой, притянувъ ее къ себѣ, поцѣловалъ ее, точно желая лаской своей сильнѣе убѣдить ее въ искренности своего мнѣнія объ этомъ.— Меня только интересуетъ, какъ относилась къ этому твоя семья, а главное, взглядъ твоего отца на это? — сказалъ онъ чрезъ минуту.

— Какъ тебѣ сказать!.. Что касается домашнихъ, то мнѣ давно уже, какъ-то молча, безъ объясненія была предоставлена свобода; меня никогда ни о чемъ не спрашивали, хотя, очевидно, о многомъ догадывались, да я и не скрывалась отъ нихъ! Я съ 19 лѣтъ привыкла считать себя свободной и независимой ни отъ кого, и они это понимаютъ, и не думаю, чтобы когда-нибудь и кому-нибудь изъ нихъ пришло въ голову требовать отъ меня отчетовъ и объясненій. Да это было бы и безполезно.

— Да, но твой отецъ? Меня, главное, онъ интересуетъ!

— О, мой отецъ былъ совсѣмъ особенный человѣкъ!—воскликнула Ольга съ увлеченіемъ, и глаза ея вспыхнули и загорѣлись той гордостью и жаромъ, какимъ вспыхивали всегда, когда она говорила объ отцѣ.—Къ моимъ сестрамъ онъ былъ очень строгъ въ этомъ отношеніи, но на меня онъ глядѣлъ скорѣе какъ на артистку, чѣмъ какъ на дочь-барышню-невѣсту, за нравственностью которой онъ долженъ внимательно слѣдить! Онъ самъ былъ артистъ до глубины души и лучше, чѣмъ кто-либо понималъ, что нельзя приготовлять и артистку, и семьянинку одновременно. Онъ былъ противъ моего замужства, но зато онъ не отнималъ у меня моихъ правъ на свободу! Когда-нибудь я тебѣ подробно разскажу одинъ нашъ разговоръ съ нимъ, передъ тѣмъ, какъ мнѣ въ первый разъ пришлось уѣхать въ провинцію. Онъ совсѣмъ особенно и глядѣлъ, и относился ко мнѣ; мнѣ кажется, что во мнѣ онъ сильнѣе всего любилъ мой талантъ, и онъ дѣлалъ все, всѣмъ жертвовалъ, чтобы только развить и выработать его. Это была его главная цѣль и стремленіе, а на остальное онъ почти мало обращалъ вниманія.

— И что же,—спросилъ Чемезовъ, не глядя на нее, когда

она замолчала: — этотъ Лео... былъ твоимъ послѣднимъ увлеченіемъ?..

Она немного поблѣднѣла, и въ лицѣ ея мелькнуло какое-то болѣзненное выраженіе.

— Нѣтъ,—сказала она точно съ трудомъ и опуская глаза:— не послѣднее... было еще одно, но оно было самое неудачное и тяжелое для меня... и продолжалось очень недолго. Я скоро отрезвилась отъ него. Но я не люблю говорить о немъ. Мнѣ это такъ непріятно и больно вспоминать. Оно-то, я думаю, и охладило меня на очень долгое время ко всѣхъ этимъ вообще увлеченіямъ, ухаживаніямъ и ко всему этому! Мнѣ вдругъ стало все это какъ-то гадко и противно—и я невольно почувствовала, что все это не то. Совсѣмъ, совсѣмъ не то, чего я все хотѣла и искала! И больше, чѣмъ три года, я ко всѣмъ оставалась спокойной и равнодушной. Большинство изъ нихъ мнѣ даже прямо было какъ-то непріятно и противно. И вотъ, явился ты! О, милый!—и она быстро охватила его голову своими руками и долго, съ нѣжной, задумчивой улыбкой, смотрѣла въ его лицо сіяющимъ, счастливымъ взглядомъ.

— Я не знаю, отчего это такъ,—сказала она тихо, все не отводя отъ него своихъ глазъ:—но какъ только я увидѣла тебя тамъ у Глафиры, мнѣ разомъ стало вдругъ такъ хорошо, такъ радостно на душѣ... точно я нашла что-то хорошее, хорошее. И потомъ, когда я уже уѣхала, я все чего-то ждала точно, и сама какъ-то неясно понимала, чего жду, а ждала. И когда ты тогда пріѣхалъ и вошелъ ко мнѣ, я вдругъ поняла, чего ждала! И тутъ, только тутъ я поняла любовь! О, какъ то̀, что̀ было раньше, было блѣдно и ничтожно! Если бы ты зналъ только, какъ я тебя люблю! Знаешь!—воскликнула она, вдругъ блѣднѣя и съ тоской и испугомъ смотря на него:—знаешь, мнѣ иногда кажется, что это погубитъ меня! что въ этомъ будетъ мой конецъ!

— Ну,—сказалъ онъ съ ласковой усмѣшкой, привлекая ее къ себѣ:—Богъ дастъ, не погибнешь! Меня удивляетъ только,—прибавилъ онъ черезъ минуту:—какъ за эти послѣдніе годы тебя съ твоей натурой и при твоемъ образѣ жизни, гдѣ ты встрѣчаешь столько людей, самыхъ разнообразныхъ, среди которыхъ много есть очень выдающихся, не нашелся ни одинъ, который бы съумѣлъ серьезно заинтересовать и привязать тебя къ себѣ!..

— Не знаю,—сказала она задумчиво,—отчего это такъ вышло! Меня многіе любили; я въ этомъ отношеніи всегда была очень счастлива; я сама даже не знаю, чѣмъ я вызываю въ людяхъ любовь,—она, большей частью, является какъ-то помимо даже моего желанія и старанія,—и нѣкоторые изъ нихъ, я знаю, любили

меня дѣйствительно искренно и горячо... Были и выдающіеся, какъ ты сказалъ, болѣе или менѣе люди. Но изъ этого какъ-то ничего не выходило. Должно быть, я безсознательно ждала тебя! —прибавила она, смѣясь.

Они оба замолчали опять и нѣсколько минутъ сидѣли молча, задумчиво смотря предъ собой. И Чемезовъ невольно думалъ: почему въ этой женщинѣ, несмотря на все ея прошлое, чувствуется все-таки же какая-то удивительная чистота души, которая точно все смываетъ и очищаетъ съ нея?.. То, что̀ онъ узналъ, не только не оттолкнуло его отъ нея, но даже точно еще больше какъ-то сблизило и привязало къ ней. То, что̀ въ третьей долѣ поразило бы и возмутило бы его въ Еленѣ или Мери, или Зинѣ, то̀ въ ней ему казалось почти естественно. Онъ признавалъ, что всѣ эти увлеченія, которыя лично для него были ему больны и тяжелы. должны были быть у нея, что безъ нихъ, быть можетъ, изъ нея даже не создалась бы та артистка, которая такъ всѣхъ увлекала своей искренностью и горячностью на сценѣ, не создалась бы даже и та Ольга, которую полюбилъ въ ней онъ самъ. Но онъ совсѣмъ не раздѣлялъ взгляда Орлина, совѣтовавшаго собирать ей свои вдохновенія повсюду, какъ пчелы медъ, хотя былъ согласенъ со старикомъ Леонтьевымъ, что замужство для нея не годится. Зато ему казалось, что какъ для самой Ольги, такъ и для ея таланта будетъ полезна прочная связь съ хорошимъ, любящимъ ее, разумнымъ человѣкомъ, который могъ бы оберечь, наставить ее, а также во многомъ перевоспитать, исправивъ ея дурныя стороны, которыя, какъ ему казалось, прививались къ ней больше отъ той среды, въ которой она вращалась, и укрѣпить хорошія, которыхъ въ ея натурѣ было, въ сущности, такъ много. И онъ давалъ себѣ слово быть этимъ ея другомъ и руководителемъ, котораго со смертью отца ей не хватало, и въ то время, какъ онъ думалъ все это и какъ давалъ себѣ это слово, въ душѣ его, вмѣстѣ съ любовью къ ней, какъ къ женщинѣ, какъ къ его любовницѣ, поднималось еще какое-то новое, другое, заботливое и нѣжное чувство, похожее на то, какое у него было къ Зинѣ, но только еще болѣе сильное и нѣжное.

— Вотъ, я все разсказала тебѣ,—сказала она тихо и серьезно, съ какой-то пытливой тоской смотря въ его глаза,—и не знаю, будешь ли ты и теперь любить меня такъ же, или...

Но онъ не далъ договорить ей и, крѣпко прижавъ ее къ груди, долгимъ, нѣжнымъ поцѣлуемъ поцѣловалъ ея глаза, и она вся, радостно вспыхнувъ, вдругъ взяла его руку и крѣпко, крѣпко

прижавъ ее къ своимъ губамъ, заплакала о чемъ-то счастливыми, радостными слезами.

XIV.

Марья Дементьевна была не мало поражена и даже не на шутку обижена страннымъ поведеніемъ Чемезова. Онъ заѣзжалъ къ нимъ всего три-четыре раза и оставался очень недолго, а все остальное время проводилъ неизвѣстно гдѣ.

Марья Дементьевна знала, что Чемезовъ пріѣхалъ въ Москву для отдыха, а потому не могла объяснить себѣ его отсутствіе дѣлами и стала „раскидывать умомъ", какъ она говорила, въ другія стороны.

Съ свойственной женщинамъ въ этомъ отношеніи смекалкой, ищущей всегда и во всемъ прежде всего другую женщину, она догадалась, что и на этотъ разъ дѣло было вѣрно не безъ увлеченія и ухаживанія за кѣмъ-нибудь.

И хотя Марья Дементьевна всегда сама старалась натолкнуть его на эти ухаживанія, подыскивая ему для этого подходящихъ дамъ и дѣвицъ, но ухаживанія его, помимо ея содѣйствія, тревожили и даже обижали ее, задѣвая почему-то ея самолюбіе. Не зная еще, „кто она" и есть ли даже эта „она"—она, тѣмъ не менѣе, заочно уже ревновала къ „ней", приписывая ей всевозможные пороки и интриги и записывая ее уже въ число своихъ антипатій.

Марья Дементьевна считала Чемезова почему-то человѣкомъ непрактическимъ и даже неопытнымъ въ отношеніи женщинъ, изъ которыхъ каждая, по ея мнѣнію, могла „провести и вывести его", хотя до сихъ поръ еще ни одна даже съ ея собственнымъ содѣйствіемъ не достигла этого. Но Марья Дементьевна въ разсчетъ этого не принимала и всегда ужасно боялась, какъ бы какая-нибудь изъ недостойныхъ сестеръ ея не забрала его „въ свои лапы".

Во время его пріѣздовъ въ Москву она не на шутку считала себя обязанной „оберегать его отъ пагубныхъ увлеченій" и зорко стояла всегда на стражѣ подлѣ него, выбирая для него достойныхъ и деспотически отгоняя недостойныхъ.

До сихъ поръ онъ почти не выходилъ изъ повиновенія, относясь по большей части одинаково равнодушно и къ достойнымъ и къ недостойнымъ, и—вдругъ!

Марья Дементьевна положительно тревожилась и сердилась на него одновременно—обходилась съ нимъ рѣзко, перестала

даже заказывать на обѣдъ его любимыя блюда, а ко всѣмъ своимъ знакомымъ дамамъ приглядывалась очень подозрительно. Сильнѣе всѣхъ подозрѣвала она интересную вдовушку, которую сама же подыскала ему было въ невѣсты, но которая теперь сильно безпокоила ее тѣмъ, что безпрестанно увѣряла съ своимъ таинственнымъ видомъ, что будто ни разу не видала Чемезова съ тѣхъ поръ, какъ вмѣстѣ съ нимъ обѣдала у нея.

Алексѣй же Степановичъ, какъ мужчина и человѣкъ къ тому же съ нѣсколько отвлеченно-разсѣяннымъ складомъ ума, этимъ вопросомъ мало занимался и ничего подозрительнаго или необыкновеннаго въ Чемезовѣ не замѣчалъ.

— Ну, матушка,—спокойно возражалъ онъ супругѣ, когда та дѣлилась съ нимъ своими опасеніями:—у тебя все любовь на умѣ! Просто занятъ человѣкъ, оттого и не идетъ!

Но Марья Дементьевна на равнодушіе супруга еще больше только сердилась.

— Да чѣмъ ему тутъ-то въ Москвѣ занятымъ быть?

— Да мало ли чѣмъ.

— Да нѣтъ, ты скажи—чѣмъ?

— Да я-то, матушка, почемъ же знаю!

— А ну, вотъ то-то же и есть! — восклицала Марья Дементьевна съ торжествующимъ видомъ:—ужъ меня-то не проведешь!—горячилась она, принимая воинственный видъ, точно заранѣе желая устрашить своего неизвѣстнаго врага.—Я каждаго насквозь вижу! Дѣла! Скажите пожалуйста! просто какая-нибудь шельма въ юбкѣ завертѣла!

— Да тебѣ-то что?

— Какъ мнѣ что! Человѣкъ въ домѣ какъ родной, все равно какъ на сына на него гляжу, и вдругъ—какое мнѣ дѣло!

Но Алексѣй Степановичъ только благодушно подсмѣивался надъ женинымъ гнѣвомъ и даже поддразнивалъ ее еще иногда, увѣряя, что встрѣтилъ Чемезова съ какой-то очень интересной особой.

— А вотъ я же разузнаю!—объявила рѣшительно въ одинъ прекрасный день Марья Дементьевна и дѣйствительно узнала все въ тотъ же вечеръ, но такъ случайно и неожиданно, что сама долго послѣ того была еще поражена и озадачена своимъ открытіемъ.

XV.

По счастливой случайности день рожденья покойнаго Льва Егоровича совпадалъ съ рожденіемъ Ольги, и потому день этотъ съ поконъ вѣку справлялся у Леонтьевыхъ особенно торжественно.

Еще за добрую недѣлю Пелагея Семеновна начинала уже волноваться и усердно готовиться къ нему, заранѣе разъѣзжая по лавкамъ и заказывая всякую провизію, а въ квартирѣ поднимала генеральную чистку и мытье, такъ что даже занавѣси, безъ цѣли пылившіяся на рояли, тщательно стряхивались и навѣшивались, наконецъ, на голыя окна.

Вслѣдствіе этого, всю предъидущую недѣлю, добродушную Пелагею Семеновну нельзя было застать иначе, какъ въ страшныхъ хлопотахъ, съ засученными рукавами, съ вспотѣвшимъ лицомъ и съ разными тряпками и щетками въ рукахъ.

Дѣти всегда подсмѣивались надъ этой материнской возней, сами въ ней участія не принимали и по цѣлымъ днямъ пропадали изъ дома, чѣмъ впрочемъ Пелагея Семеновна, съ искреннимъ удовольствіемъ входившая въ свою роль, совсѣмъ не обижалась.

Къ торжественному дню вся квартира, съ своими чисто-начисто вымытыми полами и пышными занавѣсями на окнахъ, принимала парадный, несвойственный ей въ обычное время видъ. Утромъ торжественнаго дня вся семья отправлялась къ обѣднѣ, гдѣ заказывался потомъ заздравный молебенъ за новорожденную и панихида по усопшему, и Пелагея Семеновна, пышная и нарядная, въ шолковомъ, шумящемъ по полу платьѣ, усердно молилась и плакала, и за панихидой, и за молебномъ.

Затѣмъ семья возвращалась и начинался „пріемъ“.

Чемезовъ все придумывалъ, что̀ бы подарить ему въ этотъ день Ольгѣ; ему не хотѣлось дарить ей какую-нибудь дорогую бриліантовую вещь, мысль о которой непріятно коробила его; ему хотѣлось подарить ей что-нибудь простенькое, небольшое, но что̀ имѣло бы значеніе и могло бы служить всегда памятью о немъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ зашелъ къ Фульду и выбралъ у него гладкое кольцо съ небольшой, но прекрасной формы и цвѣта бирюзой, на внутренней сторонѣ котораго велѣлъ вырѣзать годъ, мѣсяцъ и число, когда онъ пріѣхалъ въ Москву и пришелъ къ ней въ уборную. Сегодня оно должно было быть готово, и онъ зашелъ сначала за нимъ къ Фульду, а оттуда отправился къ Леонтьевымъ.

Ихъ еще не было и дома была только Настасья, тоже раз-

ряженная и нарядная, накрывавшая въ столовой большой чайный столъ. Она поклонилась Чемезову съ той сдержанной манерой, съ которой всегда кланялась ему, и сказала только, что господа еще въ церкви.

Чемезовъ прекрасно чувствовалъ, что Настасья относится къ нему съ какимъ-то скрытымъ недоброжелательствомъ, точно внутренно возставая противъ выбора своей барыни, и съ самаго же начала между нею и Чемезовымъ установились сдержанныя и вѣжливыя на видъ, но непріязненныя въ душѣ отношенія.

Въ залѣ уже красовалась масса разнообразныхъ корзинъ, съ душистыми, живыми цвѣтами, которыя, накрывъ столъ, Настасья все такъ же молча начала разставлять по разнымъ угламъ и столамъ съ большимъ вкусомъ и проворствомъ.

Наканунѣ пріѣхала Милочка и г-нъ Донецъ-Гонскій. Это не особенно нравилось Чемезову, какъ и весь, впрочемъ, этотъ день, совсѣмъ отнимавшій отъ него Ольгу; не нравилось тѣмъ болѣе, что дней этихъ оставалось уже очень немного,—дня черезъ два онъ долженъ былъ вернуться въ Петербургъ; его и то уже мучило, что онъ на нѣсколько дней просрочилъ свой отпускъ, и невольно тянуло въ департаментъ, тѣмъ безпокойнымъ чувствомъ, которымъ часто тянетъ уѣхавшую хозяйку дома къ себѣ домой; теперь онъ боролся между желаніями побыть лишній день съ Ольгой—и нетерпѣніемъ вернуться къ себѣ и приняться, наконецъ, за дѣло.

Нѣсколько разъ раздавались звонки. Чемезовъ каждый разъ думалъ, что это вернулись Леонтьевы, но это все были либо телеграммы, либо новыя корзины съ цвѣтами, количество которыхъ невольно удивляло его. Онъ почему-то и не воображалъ, что у Ольги столько поклонниковъ—такъ мало она говорила о нихъ.

Наконецъ, на лѣстницѣ послышалось разомъ нѣсколько громкихъ, оживленныхъ голосовъ, и Настасья, не дожидаясь звонка, побѣжала отворять дверь.

На этотъ разъ это дѣйствительно были они.

Квартира сразу наполнилась голосами; дамы еще въ передней уже разсказывали что-то такое Настасьѣ, которая раздѣвала ихъ.

Первая вошла, тяжело запыхавшись отъ лѣстницы, съ просвирками въ рукахъ, Пелагея Семеновна, которая, не переходя порога, тутъ же благочестиво перекрестилась и помолилась на висѣвшій въ углу образъ и поклонилась потомъ на всѣ стороны. Она улыбнулась Чемезову и подошла къ нему.

— Здравствуйте, батюшка!—сказала она ему своимъ пѣву-

чимъ голоскомъ:—Богъ милости прислалъ.—И осторожно, съ благоговѣніемъ, отломивъ кусочекъ просфоры, подала ему его.

Пелагея Семеновна попрежнему была съ нимъ ласкова и привѣтлива, но какъ будто бы уже не такъ искренна, какъ прежде, и часто стала мѣнять прежнее „ты" на „вы". Чемезову казалось, что въ душѣ она тоже немножко ревнуетъ его къ дочери, но не смѣетъ только высказать этого, и это очень огорчало его, тѣмъ болѣе, что, самымъ добросовѣстнымъ образомъ относясь къ себѣ, онъ положительно не могъ ни въ чемъ признать себя виновнымъ предъ ней. Ольга вѣдь давно была свободна отъ домашней опеки и сама говорила ему объ этомъ, а между тѣмъ имъ какъ будто были недовольны.

Дамы, т.-е. Ольга, Милочка и Варя, вошли всѣ сразу, нарядныя, оживленныя, съ блестящими глазами и улыбающимися лицами.

Увидѣвъ Чемезова, лицо Ольги оживилось еще больше, и съ тѣмъ быстрымъ, радостно-порывистымъ движеніемъ, которое теперь почти всегда прорывалось у нея при встрѣчахъ съ нимъ, она съ сіяющей улыбкой протянула ему руку.

— Ахъ, какая прелесть!—воскликнула Милочка, увидѣвъ корзинки съ цвѣтами:—посмотри, Ольга, одна лучше другой!

И онѣ вмѣстѣ съ Варей занялись разсматриваніемъ ихъ, а Ольга, крѣпко сжавъ руку Чемезова въ своей рукѣ, увлекла его въ свой кабинетъ и, едва переступивъ за порогъ, бросилась къ нему на шею и горячо расцѣловала его.

— Вотъ, Ольга,—сказалъ онъ, вынимая кольцо:—я хочу сдѣлать тебѣ маленькій, только очень маленькій подарокъ, который ты всегда бы могла носить.

Она вспыхнула, точно молоденькая дѣвушка, и глаза ея, когда она прочла надпись внутри кольца, заблестѣли растроганнымъ, влажнымъ блескомъ.

— О, милый!—сказала она тихо, нѣжно прижимаясь щекой къ рукѣ его.

— Дай я тебѣ его надѣну,—сказалъ Чемезовъ.—Онъ чувствовалъ по лицу ея, какъ она довольна его маленькимъ подаркомъ, и радовался, что придумалъ сдѣлать его.

Но она остановила его.

— Постой,—сказала она, отнимая отъ него ту руку, на которую онъ уже хотѣлъ надѣть ей свое кольцо и протягивая ему другую:—надѣнь его сюда; я хочу носить твое кольцо отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, рядомъ съ отцовскимъ. Отцовское у меня завѣтное; онъ всегда самъ его носилъ, а когда онъ умеръ, мама сняла его съ руки и отдала мнѣ. Я его никогда не сни-

маю и ношу отдѣльно отъ другихъ... но твое... пусть будетъ рядомъ съ нимъ... и его я тоже никогда не сниму... оно тоже будетъ завѣтное...

— Дай Богъ!—сказалъ Чемезовъ, нѣжно цѣлуя ее.—Онъ привлекъ ее къ себѣ и съ любовью поцѣловалъ ея прекрасный, открытый лобъ. Она, нарочно для него, отчесала со лба всѣ вьющіяся пряди волосъ, какъ онъ это любилъ, и надѣла его любимое бѣлое платье, то, въ которомъ онъ увидѣлъ ее у Обуховыхъ. Онъ замѣтилъ всѣ эти мелочи, и онѣ невольно трогали его. Вся она сегодня, съ этимъ радостно-нѣжнымъ лицомъ, съ этимъ счастливымъ влажнымъ блескомъ въ своихъ сіяющихъ, какъ звѣзды, глазахъ и съ безотчетной улыбкой свѣжихъ губъ своихъ, казалась ему еще лучше, прекраснѣе и жизнерадостнѣе, чѣмъ всегда. Онъ съ восторгомъ цѣловалъ ея лицо, ея глаза и руки, и чувствовалъ невольно, какъ много въ ней его счастья, какъ много радости и любви...

— Можно къ вамъ? — раздался вдругъ у дверей голосъ Милочки.

Они невольно вздрогнули и отодвинулись другъ отъ друга.

— Можно,—сказала глухо Ольга.

Милочка вошла и мелькомъ, пытливо оглядѣла ихъ.

— Идите, Юрій Николаевичъ, чай пить, васъ мама ждетъ!—сказала она Чемезову. Ольга хотѣла тоже выйти вмѣстѣ съ нимъ, но Милочка удержала ее.

— Ну, показывай!—сказала она, какъ-то многозначительно улыбаясь.

— Что?—спросила Ольга сухо. Она по тону сестры уже поняла ея мысли, и онѣ задѣвали ее какъ что-то оскорбительное и для нея, и для Чемезова.

— Да нечего, нечего!—засмѣялась Милочка:—что̀ онъ подарилъ-то тебѣ?—И замѣтивъ въ эту минуту на рукѣ сестры новое кольцо, она сразу догадалась, чье оно, и быстро схватила ея руку.

— Ну, сними.

— Не сниму,—сказала Ольга, холодно отстраняя отъ себя сестру.

Милочка съ удивленіемъ посмотрѣла ей въ лицо и расхохоталась.

— Ахъ, Ольга, Ольга, ты все та же!—воскликнула она, насмѣшливо покачивая головкой:—ну, можно ли въ наши годы такъ дурить! Вѣдь это же ребячество!

— Ну, и не дури!—сказала Ольга, хмурясь.

— Да мнѣ тебя-то жалко! Точно дѣвочка! Ну, да Богъ съ тобой, еще разсердишься пожалуй! Покажи лучше кольцо-то!

Ольга неохотно, предугадывая заранѣе, что̀ скажетъ сестра, и заранѣе уже оскорбляясь этимъ, протянула ей руку; Милочка, зорко, однимъ быстрымъ взглядомъ, оглядѣла интересовавшую ее новость.

— Только-то!—хотѣла она воскликнуть, но удержалась и только молча, немножко насмѣшливо, съ видомъ тонкаго, опытнаго знатока, стала разсматривать бирюзу.

— Ничего,—сказала она снисходительно:—бирюза не дурна; и цвѣтъ, и профиль хорошіе... рублей 70—80 далъ.

— Ну, Милочка,—сказала Ольга, съ негодованіемъ вспыхивая и выдергивая у сестры свою руку:—ты точно жидъ на базарѣ! такія вещи совсѣмъ не по цѣнѣ дороги...

— А я такъ признаюсь,—весело разсмѣялась Милочка,—всегда предпочитаю вещи именно по цѣнѣ дорогія! Тѣ, по крайней мѣрѣ, не теряютъ своей цѣнности, даже когда и... любовь проходитъ!

— Ну, пойдемъ лучше чай пить!—сказала Ольга съ гнѣвнымъ огонькомъ въ глазахъ, нетерпѣливо прерывая ее, и онѣ вмѣстѣ вышли въ залъ.

Увидѣвъ здѣсь Настасью, Милочка нарочно остановилась предъ зеркаломъ, какъ бы поправляя что-то на своемъ лифѣ, и глазами подозвала къ себѣ Настасью.

— Что онъ ей, матушка, подарилъ?—тихо спросила та, подкалывая ей какой-то бантъ.

— Дрянь ужасную,—сказала Милочка съ презрѣніемъ, также тихо:—какое-то колечко съ бирюзой, точно она дѣвчонка въ 15 лѣтъ!

Настасья зло усмѣхнулась.

— Не расщедрился!—сказала она насмѣшливо и замолчала.— И что это она нашла въ немъ только! — воскликнула она чрезъ минуту съ какой-то злостью и отчаяніемъ, не присущими ей вообще.

— Да ужъ!—протянула Милочка, покачивая головой.—Надо отдать ей справедливость,—прибавила она вдругъ,—что не будь у нея таланта, такъ навѣрное нищей была бы.—И Милочка съ удовольствіемъ оглядѣла въ зеркалѣ свою хорошенькую фигурку и полюбовалась, какъ искрились, слегка покачиваясь въ маленькихъ розовыхъ ушкахъ, ея большіе солитеры.

— Нѣтъ,—созналась она, добродушно смѣясь:—я не въ нее, я интересанка.

— Оно и лучше, матушка,—сказала Настасья одобрительно:— по крайней мѣрѣ старость себѣ обезпечите... А такъ-то тоже чтò хорошаго...

Къ чаю собрались только свои, какія-то двѣ старушки, близкія пріятельницы Пелагеи Семеновны, да Варина подруга, тоже консерватòрка, бывавшая каждый день.

Маленькая размолвка между сестрами, сдѣлавшая на нѣсколько минутъ дурное впечатлѣніе, сгладилась подъ всеобщимъ пріятнымъ настроеніемъ, и Ольга, уже не хмурясь больше, весело болтала съ сестрой; въ сущности, несмотря на несходство взглядовъ, онѣ все-таки же очень любили другъ друга.

Пелагея Семеновна совсѣмъ сіяла. Почти всѣ ея птенцы были съ нею, и она съ счастливой, добродушной гордостью посматривала то на Милочку и Борю, который еще не былъ пьянъ, то на Ольгу и внучатъ.

Милочка привезла съ собой къ бабушкѣ свою дочку, хорошенькую пятилѣтнюю дѣвочку, всю въ бѣлокурыхъ локонахъ и бѣлыхъ кружевахъ, нарядную, забавную и граціозную; она съ звонкимъ смѣхомъ бѣгала кругомъ стола, играя съ смуглымъ, черноглазымъ Сережей, и поминутно съ визгомъ бросалась въ колѣни счастливой бабушки.

Чемезовъ разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, глядѣлъ на всѣхъ этихъ людей, къ семьѣ которыхъ вдругъ такъ неожиданно сталъ принадлежать, и чувствовалъ, что, несмотря на всю его любовь къ Ольгѣ и симпатію къ ея матери и старшему брату, семья эта все-таки же чужда ему и всегда останется чужой. Даже дѣти, такія красивыя, дѣтски прелестныя, почему-то не привлекали его.

Раздался звонокъ и явился первый визитёръ.

Это былъ Ардальонъ Михайловичъ, расчесанный, надушенный и элегантный болѣе чѣмъ когда-либо.

Онъ любезно перецѣловалъ ручки у всѣхъ дамъ, приподнесъ Ольгѣ какую-то совсѣмъ особенную, оригинальную бонбоньерку, а Пелагеѣ Семеновнѣ—двѣ огромныя просфоры.

— Вотъ-съ, достопочтенная Пелагея Семеновна, извольте получить! нарочно посылалъ сегодня въ монастырь, чтобы вынуть частицу за здравіе ваше и новорожденной и частицу за упокой души Льва Егоровича.

— Ахъ, родной мой, голубчикъ вы мой, ну спасибо вамъ!— всполошилась Пелагея Семеновна, вся даже розовѣя отъ удовольствія и цѣлуя поочередно то просфоры, то голову Ардальона Михайловича:—вотъ ужъ, можно сказать, порадовали, отъ души порадо-

вали. Варенька, поди поставь въ божницу! Чайку, Ардальонъ Михайловичъ, не угодно ли, либо кофе, вотъ съ кренделькомъ-то— сама пекла для новорожденной.

— Какъ же, какъ же, всенепремѣнно; я даже и не завтракалъ нарочно, зная, что вы на эти крендели первая мастерица въ Москвѣ.

— Ну, гдѣ ужъ мнѣ!—возражала Пелагея Семеновна, конфузясь и радостно улыбаясь:—все-то вы меня, старуху, балуете, совсѣмъ скоро захвалите, еще возгоржусь пожалуй.

И Пелагея Семеновна собственноручно налила ему большую чашку кофе, съ густыми сливками, съ которыхъ нарочно постаралась снять для него всѣ большія пѣнки. Ардальонъ Михайловичъ, принявъ отъ нея чашку, началъ тотчасъ же разсказывать дамамъ всякія послѣднія петербургскія новости и происшествія, которыхъ, вмѣстѣ съ анекдотами, у него всегда былъ цѣлый складъ.

Нѣсколько разъ онъ обращался вскользь, но съ большой любезностью, къ Чемезову, которому не выразилъ ни малѣйшаго удивленія по поводу его присутствія.

Милочка еще наканунѣ узнала все отъ матери и Настасьи и вчера же поспѣшила сообщить объ этомъ Ардальону Михайловичу; но Ардальонъ Михайловичъ держалъ себя по обыкновенію вполнѣ джентльменомъ и ни однимъ словомъ не намекалъ о томъ, что ему что-нибудь извѣстно.

Пріѣхалъ еще визитёръ какой-то, высокій, худой актеръ, Ольгинъ товарищъ по театру; потомъ явился еще какой-то полный, плѣшивый старикъ, уже не актеръ; потомъ какая-то дама и юный офицеръ—и пріемъ начался.

Чемезову, въ этой чужой, незнакомой ему компаніи, опять сдѣлалось скучно и одиноко, и онъ тихонько, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ.

Его уходъ замѣтила только Ольга; она выбѣжала за нимъ и, догнавъ его уже въ передней, нà-скоро, крѣпко обняла его.

— До вечера!—шепнула она, весело блеснувъ глазами, и онъ молча кивнулъ ей головой и холодно поцѣловалъ ея руку.

— И чего она радуется!—сказалъ онъ себѣ съ раздраженіемъ, когда вышелъ уже на улицу:—неужели ей дѣйствительно все это такъ нравится?

И вдругъ его страстно потянуло въ его квартиру, въ департаментъ, къ бумагамъ и дѣламъ, къ которымъ онъ уже столько времени не прикасался, и раскаяніе за то, что онъ бросилъ все и даже почти не думалъ объ нихъ все это время, болѣзненнымъ укоромъ охватило его.

— Неужели же и она будетъ мѣшать мнѣ?.. будетъ постоянно отрывать меня отъ дѣла, отъ занятій?..—спросилъ онъ себя со страхомъ и тоской, и мысль эта еще впервые пришла ему въ голову.

XVI.

Когда вечеромъ, часовъ около восьми, Чемезовъ пришелъ къ Леонтьевымъ, у нихъ уже собралось человѣкъ двадцать, именно той разнокалиберной публики, которая была возможна только у нихъ.

Сидѣли въ столовой, за чайнымъ столомъ, раздвинутымъ почти во всю длину комнаты.

Его встрѣтила сама Ольга; она торопливо, на ходу, пожала ему руку и сейчасъ же провела его въ столовую. Она уже переодѣлась въ другое—черное кружевное платье, съ прозрачной кружевной грудью и рукавами, и пришпилила на корсажъ и въ волосы яркіе пунцовые маки, отъ которыхъ ея разгорѣвшееся, съ блестящими глазами лицо, казалось еще оживленнѣе и красивѣе. Знакомить со всѣми она его не стала, ограничившись только ближайшими его сосѣдями—какимъ-то некрасивымъ, рябымъ и застѣнчивымъ господиномъ, оказавшимся потомъ однимъ изъ первыхъ московскихъ милліонеровъ, и изящной худощавой барыней съ прелестными, но злыми глазами, которыми она безпощадно кокетничала съ бѣднымъ милліонеромъ.

Она была одѣта съ тѣмъ тонкимъ, восхитительнымъ вкусомъ, который дается очень немногимъ женщинамъ, невольно отдѣляя ихъ отъ толпы, и дѣлаетъ ихъ интересными, даже если онѣ и не обладаютъ красотой.

Это была одна изъ театральныхъ премьершъ, главная соперница Ольги, съ которой онѣ притворялись для чего-то чуть не пріятельницами, въ сущности почти ненавидя другъ друга, и даже Ольга, такая искренняя и откровенная во всемъ другомъ, невольно шла зачѣмъ-то на этотъ обманъ.

Говоръ голосовъ такимъ гуломъ стоялъ въ столовой, что въ первыя минуты, казалось, трудно было даже говорить.

Пелагея Семеновна, съ чулкомъ въ рукахъ, безъ котораго по привычкѣ она теперь ужъ не могла обходиться, сидѣла у конца стола подлѣ самовара и добродушно болтала съ какими-то двумя дамами и маленькимъ, худенькимъ старичкомъ.

Варенька, такая же спокойная и равнодушная, какъ и всегда, только болѣе нарядная, въ своемъ голубомъ кашемировомъ платьѣ, разливала подлѣ нея чай и съ изумительнымъ терпѣніемъ отпу-

скала уже сотый стаканъ, нисколько, повидимому, не тяготясь своей трудной обязанностью. Разряженная и вся залитая брильянтами Милочка и Боря, замѣчательно красивый, съ его тонкимъ, прекраснымъ профилемъ и волнистыми длинными волосами, занимали гостей, что, впрочемъ, было не трудно, такъ какъ всѣ знали другъ друга, а если и не знали, то знакомились такъ просто и скоро, что чрезъ полчаса чувствовали себя уже старыми пріятелями. Всѣ разговаривали съ тѣмъ оживленіемъ и остроуміемъ, которыя встрѣчаются только въ театральныхъ кружкахъ, гдѣ почти каждый много видѣлъ, много слышалъ и умѣетъ все подмѣчать и схватывать съ той часто поверхностной, но всегда мѣткой и острой наблюдательностью, которая невольно развивается у актеровъ. Общество собралось, такъ сказать, „театральное", если не по профессіи, то по той любви, которая влекла и связывала ихъ съ театромъ и артистическимъ міромъ; много было изъ богатаго московскаго купечества, въ которомъ театральная жилка развита особенно сильно.

Но были и совсѣмъ неожиданные субъекты, въ родѣ, напримѣръ, двухъ бухарцевъ изъ бухарскаго посольства, находившихся въ Москвѣ проѣздомъ въ Петербургъ и неизвѣстно почему и для чего очутившихся на Леонтьевскомъ вечерѣ; ихъ обернутыя бѣлыми чалмами, типичныя смуглыя головы, съ большими выгнутыми носами, и шолковые пестрые халаты рѣзко выдѣлялись среди черныхъ сюртуковъ и европейскихъ платьевъ и невольно поразили Чемезова.

— Какъ они къ вамъ попали? — спросилъ онъ Ольгу съ удивленіемъ.

Она засмѣялась и махнула рукой.

— Право, не знаю! — сказала она, пожимая плечами: — должно быть, кто-нибудь привезъ... У насъ такъ часто случается... — прибавила она, смѣясь его удивленію, не постигавшему, какъ въ домѣ могутъ быть лица, которыхъ сами хозяева не знаютъ.

Дамы очень интересовались этими бухарцами, особенно однимъ изъ нихъ, молодымъ, толстымъ и красивымъ, которому Милочка, кажется, не шутя задумала вскружить голову.

Она сидѣла подлѣ нихъ, въ обществѣ двухъ юныхъ, розовыхъ гвардейцевъ и еще одного высокаго, дороднаго господина, съ большими польскими усами и лысиной во всю голову, смотрѣвшаго степнымъ помѣщикомъ, и заставляла красиваго бухарца переводить съ русскаго разныя фразы. Ея кавалеры усердно помогали ей въ этомъ, подсказывая нарочно все самые пикантные вопросы, при которыхъ все огромное туловище степного помѣщика на-

чинаю колыхаться и подпрыгивать отъ громкаго хохота, а глаза бухарцевъ становились все маслянистѣе. Но Милочка сердилась за это и приказывала имъ молчать. Бухарцы навѣвали на нее почему-то меланхолически-поэтическое настроеніе, и она хотѣла знать, какъ звучатъ на ихъ языкѣ такія слова, какъ напримѣръ: любовь, звѣзды, красота, луна и т. д.

Вдругъ раздался чей-то—знакомый Чемезову—громкій голосъ, и, обернувшись, онъ, къ полному своему удивленію, увидѣлъ Марью Дементьевну, которую совсѣмъ почему-то не ожидалъ встрѣтить здѣсь. Она подъ-руку съ Ольгой и въ сопровожденіи интересной вдовушки входила въ столовую и что-то громко говорила Ольгѣ.

Ей всѣ очень обрадовались; оказалось, ее тутъ почти всѣ знаютъ; всѣ звали ее садиться подлѣ себя, очищая на-скоро мѣсто, и цѣлыхъ двѣ, три минуты продолжались звонкіе дамскіе поцѣлуи и восклицанія.

— Да и онъ тутъ! — воскликнула она вдругъ своимъ громкимъ, мужественнымъ голосомъ, неожиданно увидѣвъ Чемезова.— Нѣтъ, нѣтъ, сидите, Милочка, я вонъ къ пріятелю подсяду.— И съ трудомъ пробираясь между стульями, она дошла до Чемезова и усѣлась рядомъ съ нимъ.

Вдовушка, шурша длиннымъ шолковымъ шлейфомъ, тоже подошла къ нему и тоже выразила большое удивленіе по поводу ихъ встрѣчи здѣсь.

На ней было богатое, красное съ золотомъ платье и огромные солитеры въ ушахъ. Она вся блестѣла брилліантами и была очень интересна своей невольно бросающейся въ глаза, но все-таки же немножко приторной красотой. Появленіе ея произвело громадный эффектъ, и видимо сознавая это, она сдержанно улыбалась и какъ бы нечаянно, мимоходомъ обжигала всѣхъ съ удовольствіемъ осматривавшихъ ее мужчинъ своими жгучими глазами. Нѣсколько человѣкъ сейчасъ же окружили ее и даже молодой гвардеецъ, Милочкинъ поклонникъ, покинулъ свою даму и бухарцевъ и поспѣшно подсѣлъ къ вдовушкѣ.

— Опять три дня глазъ не показывали!—сердито сказала Чемезову Марья Дементьевна, но къ ней подошла Варенька съ чашкой чая и печеньемъ.

— Ну, что, Варюша, какъ музыка?—спросила она у нея.

— Ничего, идетъ себѣ понемножку,—отвѣтила та съ своей равнодушной улыбкой и отошла назадъ къ самовару.

— А гдѣ же Алексѣй Петровичъ? — спросилъ Чемезовъ у Марьи Дементьевны.

— А онъ попозже пріѣдетъ; къ нему тамъ одинъ господинъ зашелъ.

Гости все прибывали; въ столовой становилось ужъ совсѣмъ душно, и отъ голосовъ стоялъ одинъ общій гулъ, но всѣ продолжали сидѣть тамъ и не переходили въ другія комнаты.

Между пріѣзжавшими Чемезову стало попадаться все больше знакомыхъ лицъ, если не лично, то хотя по наслышкѣ: разные писатели, драматурги, пѣвцы, профессора и тѣ московскіе тузы, которыхъ Пелагея Семеновна окрестила однимъ общимъ именемъ „милліонщиковъ“.

Начали было составлять карточные столы, но къ картамъ шли противъ обыкновенія какъ-то вяло и неохотно, а одинъ докторъ, большая знаменитость въ Москвѣ и страстный винтёръ, прямо даже и на-отрѣзъ отказался.

— Нѣтъ ужъ,—сказалъ онъ,—увольте, Ольга Львовна! Если у васъ винтить начнемъ, такъ скоро прямо ужъ въ ложи придется столики ставить, чтобы публика въ антрактахъ не скучала.

— Тутъ одни разговоры интереснѣе всякихъ картъ! — засмѣялся толстый степнякъ.

— Такъ переходите по крайней мѣрѣ въ другія комнаты!— предложила Ольга, очень, кажется, довольная, что картъ не составилось.

— А, вотъ это другое дѣло!

И всѣ встали, задвигавъ стульями, и начали расходиться, точно обрадовавшись сами, что рѣшились, наконецъ, двинуться.

XVII.

Ольга обняла Марью Дементьевну, и онѣ вмѣстѣ прошли въ ея кабинетикъ, еще пустой и прохладный, въ которомъ повсюду стояли присланные утромъ цвѣты, а съ потолка спускался голубой фонарикъ, тихо покачивавшійся въ воздухѣ и обливавшій комнату мягкимъ блѣднымъ свѣтомъ.

— Какая у васъ сегодня масса народу!—сказала Марья Дементьевна, не безъ кокетства поправляя предъ зеркаломъ волосы.

— Да ужъ это всегда такъ бываетъ, по этимъ нашимъ традиціоннымъ днямъ!—сказала Ольга, смѣясь. Чѣмъ больше бывало у нихъ народу, тѣмъ больше ей это нравилось, приводя ее этимъ всегда въ особенно пріятное возбужденіе.

— И кого, кого только у васъ не увидишь! — продолжала Марья Дементьевна, безъ всякой задней цѣли, потому что совсѣмъ

не „подозрѣвала“ Ольгу:—вотъ я за это-то и люблю эти ваши собранія, что чего хочешь—того просишь, настоящее „смѣшеніе племенъ, нарѣчій и состояній“! По моему, въ этомъ-то и есть вся прелесть вашихъ вечеровъ! Только какъ это вамъ моего пріятеля удалось залучить? вѣдь онъ у насъ порядочный бука!

— Кого?—спросила Ольга, вспыхивая и инстинктивно угадывая, о комъ говоритъ Марья Дементьевна.

— Да Чемезова!

— Онъ у насъ часто бываетъ...—сказала она, нарочно стараясь говорить равнодушно; но глаза ея, эти свѣтлые, все отражавшіе въ себѣ глаза — выдали ее. И чувствуя, что она выдаетъ себя, а Марья Дементьевна какъ-то пытливо всматривается въ нее, она покраснѣла еще больше, но не отвернулась, а приподняла голову, точно сдаваясь ей, и взглянула ей прямо въ лицо своими ликующими, влюбленными глазами.

— Такъ это вы!—вскрикнула Марья Дементьевна, поражаясь внезапной мыслью и схватывая Ольгу за руки!—Такъ это вы!—повторила она съ изумленіемъ, не понимая сама, какъ это, подозрѣвая всѣхъ, она не подозрѣвала только Ольгу, несмотря даже на то, что за послѣднее время не разъ слышала отъ Чемезова ея имя.

И хотя восклицаніе Марьи Дементьевны не имѣло никакой связи съ ея предъидущими словами, и смыслъ его, казалось, трудно было угадать, но Ольга инстинктомъ угадала его.

— Я!—сказала она тихо, но съ такой влюбленной, радостной гордостью, что чувствовалось невольно, какъ сама она наслаждается этимъ сознаніемъ.

Марья Дементьевна стояла молча, все еще не придя въ себя отъ изумленія и даже не зная, радоваться ей подобному открытію или огорчаться. Но Ольга вдругъ порывисто обняла ее и заплакала, хотя все лицо ея сіяло счастьемъ и восторгомъ.

Марья Дементьевна крѣпко прижала ее къ себѣ и тоже заплакала.

— Ахъ, вы дѣти, дѣти!—говорила она, цѣлуя ее, плача и смѣясь, радуясь и тревожась въ одно и то же время.—Да какъ же это случилось у васъ?—воскликнула она снова, поражаясь и недоумѣвая.

— Не знаю...—сказала Ольга, улыбаясь сквозь слезы:—не знаю... мнѣ кажется, это всегда было...

Марья Дементьевна симпатизировала и Чемезову, и Ольгѣ почти въ одинаковой степени, и для каждаго изъ нихъ готова была, еслибы пришлось, хлопотать до изнеможенія силъ; ихъ

любовь поражала и радовала ее, хотя въ то же время она не была вполнѣ увѣрена, хорошо ли это для нихъ и подходятъ ли они другъ къ другу настолько, чтобы составить счастіе одинъ другого. И она то съ сомнѣніемъ качала головой, то снова трогалась и со слезами на глазахъ начинала ласкать и цѣловать Ольгу, разсказывая ей, какъ она давно уже стала замѣчать въ Чемезовѣ что-то новое, и догадывалась, что̀ это—только не знала: кто!..

— Ахъ, вы дѣти, дѣти!—повторяла она съ растроганной улыбкой, когда Ольга безсвязно, но радостно разсказывала ей, какъ онъ вошелъ къ ней тогда въ уборную, какъ она вдругъ это почувствовала и поняла, и какъ на другой день онъ пришелъ опять, и такъ просто и прямо, какъ свою уже, поцѣловалъ ее въ первый разъ, и какъ все это было такъ хорошо, такъ прекрасно, и какъ она теперь совсѣмъ, совсѣмъ счастлива.

Марья Дементьевна, слушая ее, глядѣла на ея взволнованное, счастливое и заплаканное лицо и вспоминала свою молодость и свою любовь.

— Ну, пойдемте,—сказала она, наконецъ, со вздохомъ отрываясь и отъ своихъ воспоминаній, и отъ Ольгиныхъ безсвязныхъ, спутанныхъ, но милыхъ и такъ понятныхъ ей разсказовъ,—пойдемте, а то еще войдетъ кто-нибудь.

Онѣ обнялись въ послѣдній разъ, крѣпко, крѣпко поцѣловали другъ друга, какъ были—обнявшись—вошли въ залу, изъ которой неслись звуки пѣнія, и остановились на порогѣ въ дверяхъ.

Это пѣла Варенька своимъ прекраснымъ, высокимъ и чистымъ, но холоднымъ голосомъ; она пѣла какой-то новый мудреный романсъ, одинъ изъ тѣхъ, полныхъ красивыхъ, но пустыхъ словъ, которые такъ непохожи на прежніе, старинные, наивные, но прелестные.

Марья Дементьевна и Ольга машинально слушали ее, сжимая руки другъ друга, но въ груди ихъ пѣла лучшая музыка, и онѣ обѣ нѣжными и влажными еще отъ слезъ глазами глядѣли въ одну сторону, на одного и того же человѣка.

И Марьѣ Дементьевнѣ казалось, что это она сама опять молода и прекрасна, и влюблена въ какого-то такого же прекраснаго молодого героя, или въ самого Чемезова, или, пожалуй, даже снова въ своего же собственнаго Алексѣя Петровича, только не такого, какимъ онъ сталъ теперь, а какимъ былъ тогда... въ то далекое, милое ей время, которое теперь ей, взволнованной и мечтающей, казалось еще лучше, чѣмъ то̀ было на самомъ дѣлѣ.

Чемезовъ почувствовалъ, что на него глядятъ, хотя и не смотрѣлъ въ ихъ сторону, тихонько разговаривая съ своимъ со-

сѣдомъ, тѣмъ самымъ докторомъ, который не хотѣлъ винтить; но обернувшись и увидѣвъ, что онѣ обѣ стоятъ и смотрятъ на него съ таинственной и нѣжной улыбкой, тоже всталъ и осторожно пробрался къ нимъ, угадывая по ихъ лицамъ, что случилось что-то, что, вѣроятно, касается его и Ольги.

— Подите сюда, подите! — сказала шопотомъ Марья Дементьевна, беря его за руку и увлекая въ кабинетъ.

Онъ пошелъ съ улыбкой, но и съ опасеніемъ, предчувствуя, что она склонна сдѣлать маленькую сцену, которая заранѣе его смущала тѣмъ, что ихъ могли видѣть и застать другіе.

— Ахъ, вы дѣти, дѣти!—сказала опять тихонько Марья Дементьевна, когда они всѣ трое вошли въ кабинетъ, и, взявъ руку его и Ольги, она вложила ихъ одна въ другую и крѣпко сжала въ своей.

— Ну, поцѣлуйтесь!—сказала она вдругъ съ такимъ добрымъ, милымъ умиленіемъ, смотря на нихъ, что Чемезовъ невольно простилъ ей эту выходку и только разсмѣялся на ея неожиданное предложеніе.

Но Ольга, не думавшая о томъ, что застанутъ, радостно закинула ему на шею руки и, вся прижавшись къ нему съ сіяющимъ счастьемъ въ лицѣ, горячо поцѣловала его въ голову и въ глаза, какъ любила; и хотя Чемезову совсѣмъ не нравилась эта сцена, и онъ слегка даже хмурился, но, тронутый ея лаской, онъ тоже невольно забылся и нѣжно обнялъ ее.

И Марья Дементьевна опять о чемъ-то заплакала и тоже обняла ихъ обоихъ вмѣстѣ, радуясь и любуясь ихъ счастіемъ, молодостью и любовью.

XVIII.

Въ залѣ между тѣмъ устроились танцы; но гости, какъ говорила Пелагея Семеновна, еще „не разошлись“ и танцовали довольно вяло.

Народу набиралось все больше, и многіе толпились даже на площадкѣ лѣстницы, куда распахнули двери. Мужчины устроили тамъ себѣ нѣчто въ родѣ курительнаго кабинета, и кто стоя, кто сидя на ступенькахъ, громко разговаривали и разсказывали другъ другу анекдоты и послѣднія происшествія въ театрѣ.

Но анекдоты и вообще всѣ подобныя пикантныя исторійки были спеціальностью „тетки Анфисы“, какъ ее звали театральные. Эта была одна изъ лучшихъ комическихъ старухъ, уже сильно пожилая, очень толстая, но все еще видная женщина, которая

славилась своимъ мастерствомъ разсказывать и у которой былъ неистощимый „репертуаръ“, какъ говорили про нее товарищи.

Никто лучше ея не умѣлъ разсказать „анекдотецъ“ или передать „въ лицахъ и съ жестами“ какое-нибудь закулисное происшествіе. Ее и теперь вытащили на лѣстницу изъ гостиной, гдѣ она скромно и величаво засѣдала съ другими, болѣе солидными гостями, и заставили разсказать, какъ вчера поутру Добровъ выгналъ свою кухарку и самъ жарилъ себѣ бифштексъ.

— Ну, вотъ, милыя, прихожу я это къ нему утречкомъ кофе пить,—начала она, усѣвшись на одной изъ ступенекъ, своимъ спокойнымъ, нѣсколько тягучимъ голосомъ, и хотя происшествіе было въ сущности самое обыкновенное и ничего особеннаго въ немъ не было, но всѣ, слушая ее, покатывались со смѣху, и даже самъ Добровъ, толстенькій, низенькій комикъ съ зоркими, хитрыми, заплывшими отъ жира глазами, одобрительно посмѣивался, несмотря на то, что она представляла его въ самомъ комическомъ, безпощадномъ видѣ.

— И вретъ же шельма ловко!—говорилъ онъ, хитро подмигивая своимъ заплывшимъ глазкомъ:—вѣдь все это у нея самой случилось, а не у меня совсѣмъ; и кухарку-то не я мою выгналъ, а она свою, и кофе-то даже не она ко мнѣ, а я къ ней пить приходилъ! все какъ есть перепутала!

Но это еще больше только всѣхъ смѣшило, и на лѣстницѣ дѣлалось все веселѣе и многолюднѣе, чѣмъ въ комнатахъ. Мужчины потребовали сюда вина и прохладительныхъ напитковъ и намѣревались, кажется, просидѣть здѣсь до самаго ужина.

Въ комнатѣ Бориса тоже былъ устроенъ маленькій буфетъ, состоявшій исключительно изъ пива и бутербродовъ, уничтожавшихся въ невѣроятномъ количествѣ; по оплошности надзоръ за нимъ поручили самому Борису, который такъ усердно всѣхъ угощалъ, что теперь уже началъ ко всѣмъ придираться и говорить высокопарныя рѣчи на неизвѣстномъ языкѣ. Къ его выходкамъ уже давно всѣ привыкли, и никто не обращалъ на нихъ больше вниманія; но чтобы не огорчать Пелагею Семеновну и Ольгу, гости сами уложили хозяина спать тутъ же на диванѣ и караулили только, чтобы онъ не проснулся и не ушелъ бы какъ-нибудь изъ этой комнаты, гдѣ никого не смущалъ своимъ, не вполнѣ подходящимъ для званаго вечера, видомъ.

Около перваго часа, Чемезовъ, не находившій во всемъ этомъ ничего пріятнаго и интереснаго, хотѣлъ уже незамѣтно уйти, но его увидѣла Марья Дементьевна, разговаривавшая съ Пелагеей Семеновной, и онѣ не пустили его, увѣряя, что „настоящее ве-

селіе" начнется только послѣ ужина. Пелагея Семеновна знала это по опыту и потому никогда ужиномъ не опаздывала. Накрывали его обыкновенно въ два стола: одинъ въ столовой, для молодежи, т.-е. для Вариныхъ и Павлиныхъ пріятелей, всегда стремившихся сидѣть почему-то въ сторонѣ отъ старшихъ, которые впрочемъ ничѣмъ ихъ не стѣсняли, а другой—„почетный"—въ залѣ.

Въ началѣ второго часа, гостей безцеремонно попросили перейти въ другія комнаты, а залъ и столовую очистить, чтобы можно было накрывать столы.

Публика разошлась, нисколько не претендуя, съ говоромъ и смѣхомъ, и большинство наполнило Ольгинъ кабинетикъ. Сюда же пришли съ лѣстницы и Добровъ съ Ярославцевымъ.

Они были большіе друзья, хотя служили на разныхъ сценахъ. Добровъ былъ божкомъ оперетки, а Ярославцевъ—высокій, красивый, пожилой уже человѣкъ, съ могучей грудью и прекрасными, добрыми какъ у сенъ-бернардской собаки глазами—въ Маломъ театрѣ. Они вѣчно ревновали другъ друга немножко къ публикѣ и, несмотря на искреннюю дружбу, никакъ не могли простить—одинъ слишкомъ большого успѣха, который Ярославцевъ называлъ дутымъ и рекламнымъ, другой же—Малаго театра, въ который самъ тщетно стремился попасть.

Это служило между ними предметомъ нескончаемыхъ, горячихъ споровъ, а иногда даже и ссоръ, которыя впрочемъ всегда скоро и благополучно заканчивались между ними бóльшей частью возлѣ буфета. Они и теперь, кѣмъ-то подзадоренные, сейчасъ же попали на своего любимаго конька.

— Комизмъ—кричалъ Ярославцевъ, уже увлекшись и разгорячившись—только тогда художественъ и прекрасенъ, когда онъ простъ, когда въ немъ нѣтъ ни одного утрированнаго слова, ни одного шаржированнаго жеста! А вы, нынѣшніе комики, лицедѣи оперетки, готовы для бóльшаго успѣха хоть на карачкахъ предъ публикой ходить, лишь бы она погромче загоготала! А если ты истинный артистъ, если тебѣ дѣйствительно дорого искусство и твое званіе, и твой талантъ, а не дутая реклама, за которой вы всѣ ныньче погнались, такъ ты не долженъ допускать ни малѣйшаго заигрыванья съ толпой! Пускай она лучше тебя не пойметъ и даже ошикаетъ, чѣмъ будетъ гоготать и рукоплескать твоимъ „кренделямъ" передъ нею!

— Правы, правы, голубчикъ! Отъ всей души сочувствую вамъ! —воскликнула горячо Марья Дементьевна, крѣпко пожимая ему руку. Она сидѣла въ кабинетикѣ Ольги, въ числѣ прочихъ гостей,

которые окружили Ярославцева и Доброва и съ видимымъ удовольствіемъ слушали ихъ споръ, раздѣлившись на два замѣтные лагеря, изъ которыхъ одинъ сочувствовалъ Ярославцеву, другой—Доброву.

— Нѣтъ,—кричалъ Добровъ, приподнимаясь для чего-то на цыпочки и сердито размахивая руками предъ лицомъ Ярославцева:—нѣтъ, ты поставь мнѣ сначала строгую грань между шаржемъ и истиннымъ комизмомъ! Вотъ ты, неистовый поклонникъ Шекспира, проведи-ка мнѣ эту грань въ его „Виндзорскихъ кумушкахъ"! Развѣ его Фальстафъ въ нихъ не такая же натяжка и шаржъ, къ какимъ и мы, грѣшные, прибѣгаемъ теперь?

— Во-первыхъ, не надо забывать, что „Виндзорскія кумушки" были написаны съ спеціальною цѣлью посмѣшить королеву Елизавету, которой такъ понравился Фальстафъ въ „Генрихѣ IV", что она пожелала увидѣть его еще разъ въ какой-нибудь другой пьесѣ.

— Позволь, позволь!—съ торжествующимъ видомъ, радуясь, что поймалъ пріятеля въ непослѣдовательности, воскликнулъ, перебивая его, Добровъ и еще сильнѣе замахалъ руками:—да развѣ королева не была въ данномъ случаѣ такой же публикой, какъ и прочіе? А если это такъ, то почему же съ ней ты допускаешь возможность „заигрыванья", какъ ты изволилъ только-что выразиться, а съ публикой не допускаешь? Ты самъ тысячу разъ говорилъ, что не артистъ долженъ спускаться до уровня толпы, а толпу стараться поднять до своей высоты! Ужъ коли правило, такъ безъ исключеній, одинаковое для всѣхъ! Самое глупое во всѣхъ правилахъ—именно исключенія! Тѣмъ болѣе твой Шекспиръ—ужъ хотя бы только потому, что онъ былъ Шекспиръ—не долженъ былъ спускаться до подобныхъ исключеній, хотя бы всѣ королевы міра пожелали того! А ужъ коли онъ, геній, позволялъ себѣ это, такъ намъ-то, грѣшнымъ, и Богъ велѣлъ! Онъ старался посмѣшить королеву, а я—публику! Для меня публика такая же можетъ быть королева, какъ для него его Елизавета была! Да-съ! вотъ что!

И Добровъ, заложивъ руки въ карманы брюкъ, засмѣялся и съ удовольствіемъ прошелся по комнатѣ, чувствуя, что попалъ въ самую слабую струнку пріятеля, который преклонялся предъ Шекспиромъ, но на котораго онъ, Добровъ, смотрѣлъ съ маленькимъ ехидствомъ, увѣряя не разъ, что явись этотъ самый Шекспиръ теперь и начни писать все то, что онъ тогда писалъ, то никто не обратилъ бы на него вниманія, а можетъ быть и просто даже выругали бы безъ церемоніи!

— Ну,—сказалъ, разсердясь на пріятеля, Ярославцевъ:—съ тобой и разговаривать бы послѣ этого не стоило; ты, какъ баба, начнешь споръ объ искусствѣ или философіи, а кончишь гостинымъ дворомъ и лентами!

— Извиняюсь за него, mesdames!—воскликнулъ Добровъ, ядовито расшаркиваясь предъ сидящими вокругъ дамами, весело засмѣявшимися ему въ отвѣтъ. Но Ярославцевъ не слушалъ его и продолжалъ съ тѣмъ же увлеченіемъ.

— Во-первыхъ,—кричалъ онъ, въ горячности не замѣтивъ даже своей оплошности предъ дамами, которою тѣ совсѣмъ впрочемъ, повидимому, и не обидѣлись:—и драматизмъ, и комизмъ—прямыя отраженія своей эпохи! По тому, въ чемъ извѣстный вѣкъ или отдѣльный народъ видитъ драму, и по тому, чему онъ смѣется и отъ чего плачетъ, можно составить вѣрное понятіе о нравахъ этого народа, объ общемъ уровнѣ его образованія и о характерѣ его времени! Шекспиръ былъ величайшимъ выразителемъ своего времени; но то, что казалось истинно смѣшно или истинно драматично двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ, то въ наше время часто можетъ казаться уже неестественнымъ и утрированнымъ хотя бы только потому, что оно уже исчезло изъ современной жизни и изъ нашихъ нравовъ и самыя условія этой жизни рѣзко измѣнились. Оттого и „Виндзорскія кумушки“ кажутся тебѣ шаржированными, что ты не можешь отрѣшиться отъ взглядовъ и нравовъ своего времени и глядишь на прошлые вѣка съ современной точки зрѣнія! А этого нельзя; ты попробуй отрѣшиться отъ нашихъ нравовъ и войти мысленно въ тѣ вѣка и тѣ нравы прошлаго, и ты увидишь, что нѣтъ ни фальши, ни натяжки, ни шаржа, потому что тогда все это было возможно и естественно и въ самой жизни, и снято, можетъ быть, почти живьемъ съ какого-нибудь мѣстечка старой Англіи того времени. А если такъ относиться къ вопросу, какъ ты, то и король Лиръ окажется тоже неестественнымъ и утрированнымъ, потому что онъ тоже исчезъ изъ нашей жизни, и теперь ужъ не найдется больше царскихъ или не-царскихъ дочерей, которыя выгонятъ своего отца и выколютъ ему глаза вдобавокъ, и онъ, какъ звѣрь, будетъ скитаться бездомнымъ по лѣсамъ. Такъ и Гамлетъ—натяжка, потому что опять-таки въ нашей жизни уже не встрѣтишь такого случая, чтобы шесть царственныхъ особъ и вельможъ разныхъ перерѣзались и переотравлялись вдругъ всѣ въ одинъ часъ.

— Да, въ литературномъ произведеніи,—сказалъ Чемезовъ, невольно тоже вступая въ ихъ споръ,—важна не фабула, которая, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ г-нъ Ярославцевъ, всегда

согласуется съ духомъ и нравами своей эпохи, а характеры, которые, если они созданы такъ, какъ ихъ создавалъ Шекспиръ, остаются вѣчными, неизмѣнными и понятными каждой эпохѣ и каждому народу, болѣе или менѣе общаго между собой уровня образованія, конечно!

— И больше даже!—воскликнулъ знаменитый докторъ, до сихъ поръ слушавшій молча, съ лукаво-насмѣшливымъ выраженіемъ въ своихъ близорукихъ глазахъ, которыми онъ внимательно глядѣлъ на спорящихъ поверхъ золотыхъ очковъ.—Больше того! —повторилъ онъ, вскакивая съ кресла и тоже начиная волноваться и махать руками:—больше того! потому что я увѣренъ, что если бы хоть „Отелло", напримѣръ, взять, и поставить гдѣ-нибудь—ну, хоть у абиссинцевъ, что-ли, то и они поймутъ точно также и характеръ самого Отелло, и Яго, и Дездемону! И они вынесутъ такой же восторгъ и удивленіе—въ сильнѣйшей или слабѣйшей степени только, я ужъ тамъ не знаю,—какое выносимъ и мы, образованные народы! Въ этомъ-то и есть сила генія Шекспира, въ которой нѣтъ у него почти равнаго, потому что другія произведенія даже великихъ людей, какъ напримѣръ Расина или Вольтера, почти не переживаютъ своей эпохи, значительно блѣднѣютъ для слѣдующихъ поколѣній и не возбуждаютъ въ нихъ больше того страстнаго, захватывающаго интереса, который возбуждали въ современникахъ, хотя и глядятся еще съ удовольствіемъ. А Гётевскій „Фаустъ" продолжаетъ оставаться все въ той же силѣ и красотѣ и для насъ, какъ и для своихъ современниковъ, и будетъ, вѣроятно, еще долго оставаться такимъ и для многихъ слѣдующихъ поколѣній. И въ этомъ онъ, значитъ, стоитъ выше Вольтера; но зато его красотами можемъ наслаждаться только мы, образованные народы, а для дикаря онъ будетъ недоступенъ и непонятенъ, и не подѣйствуетъ на него такъ, какъ подѣйствуетъ король Лиръ или Отелло. Да чего дикарю,—Фаустъ даже и женщинѣ-то, въ сущности, туманенъ; онѣ въ немъ только и схватываютъ, что первую любовную часть! И въ этомъ онъ, слѣдовательно, ниже Шекспира, понятнаго для всего человѣчества!

— Пожалуйте кушать, дорогіе гости!—сказала Пелагея Семеновна, входя вмѣстѣ съ Ольгой и низко кланяясь гостямъ своимъ.

Всѣ съ шумомъ поднялись и со смѣхомъ и шутками направились въ залъ.

— Вотъ это тоже понятно для всего человѣчества!—сказалъ, засмѣявшись, знаменитый докторъ.

— Да,—одобрительно согласился Добровъ, прищуреннымъ глазомъ аппетитно оглядывая разставленные на столѣ балычки, икру,

паштеты и прочія закуски и заранѣе какъ бы уже смакуя ихъ.

—Да,—сказалъ онъ, наливая себѣ и доктору по рюмкѣ рябиновой:—я такъ вотъ признаюсь, что для меня рюмка хорошей поповки, да на закусочку свѣжая икорка съ лукомъ, много понятнѣе и прекраснѣе всякихъ Шекспировъ и Вольтеровъ и всѣхъ этихъ господъ! За ваше здоровье!

Они дружелюбно чокнулись съ докторомъ и оба ласкающимъ взглядомъ начали осматривать закуски, ища себѣ между ними болѣе по вкусу, и разомъ забыли всякіе споры.

XIX.

Столъ, накрытый во всю длину залы, представлялъ изъ себя довольно любопытное зрѣлище; онъ щедро былъ уставленъ всевозможными закусками и винами, но сервированъ такой разнокалиберной—то очень дорогой и красивой, то совсѣмъ простой и грубой—посудой, что это невольно бросалось въ глаза. Видимо своей не хватило, и ее сбирали нà-скоро по всѣмъ сосѣдямъ, откуда попало, и потому серебряные ножи и вилки перемѣшивались съ растрескавшимися деревянными черенками и рядомъ съ тонкой граненой рюмкой стоялъ вдругъ толстый, зеленоватаго стекла стаканъ; но зато середину стола украшала великолѣпная японская ваза съ живыми цвѣтами, присланная кѣмъ-то поутру въ подарокъ Ольгѣ.

Пелагея Семеновна сама не садилась за столъ и только прохаживалась вокругъ него, угощая своихъ гостей и присаживаясь на минутку то тамъ, то здѣсь.

На одномъ концѣ царила Милочка, усадившая подлѣ себя всѣхъ своихъ поклонниковъ, въ томъ числѣ бухарцевъ, съ которыми видимо не желала разставаться. Къ нимъ присоединились Добровъ съ Анфисой и степнякъ-помѣщикъ, отчего на ихъ концѣ было очень шумно и весело; на другомъ сидѣла Ольга, Марья Дементьевна, Алексѣй Петровичъ, Чемезовъ, Ярославцевъ и знаменитый докторъ.

— Ахъ, я тоже поближе къ вамъ подсяду! у васъ тутъ кажется ужъ очень хорошо,—сказала интересная вдовушка, пробираясь между стульями и садясь между Чемезовымъ и Ардальономъ Михайловичемъ, который съ самой любезной своей улыбкой и съ бокаломъ въ рукѣ сегодня повсюду слѣдовалъ за ея шлейфомъ.

Она ему очень нравилась, и, предоставивъ Милочкѣ кокетничать съ ея поклонниками, самъ онъ весь вечеръ сильно пріударялъ

за вдовушкой. У Леонтьевыхъ никогда никого не усаживали, а всѣ садились, гдѣ сами хотѣли; такъ выходило гораздо проще и веселѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ, садитесь лучше рядомъ со мной!—сказала Марья Дементьевна вдовушкѣ, раздвигая ей свободное мѣсто между собой и Ярославцевымъ, потому что ей хотѣлось, чтобы Ольга сидѣла рядомъ съ Чемезовымъ; но Чемезовъ не хотѣлъ этого и быстро отодвинулъ для вдовушки стулъ возлѣ себя.

Онъ былъ не совсѣмъ въ духѣ и уже замѣчалъ не разъ, что когда ему случалось видѣть Ольгу въ большомъ обществѣ, его всегда въ ней что-то коробило и точно раздражало. Она сидѣла рядомъ съ знаменитымъ докторомъ и какимъ-то очень красивымъ брюнетомъ, о которомъ Марья Дементьевна уже успѣла шепнуть Чемезову, что это Рогозинъ, извѣстный художникъ. И обоимъ имъ Ольга видимо очень нравилась, и Чемезовъ не то чтобы ревновалъ ихъ къ ней, но ему было непріятно, что эти люди сидятъ къ ней слишкомъ близко, смотрятъ на нее нехорошими глазами, цѣлуютъ ея руки и говорятъ ей разный вздоръ,—тотъ вздоръ, который возможенъ только на подобныхъ ужинахъ или обѣдахъ, когда всѣ уже немножко „en bon courage", а она съ своимъ разгорѣвшимся лицомъ, съ влажными, полуоткрытыми губами, съ которыхъ почти не сбѣгала улыбка, и съ краснымъ макомъ въ растрепавшихся волосахъ, не только не оскорблялась и не смущалась этимъ, но ей точно даже нравилось все это, и она весело смѣялась, шутила и сама дурачилась съ ними.

За большимъ столомъ прислуживали лакеи, спеціально взятые на этотъ вечеръ, и Настасья, а у молодежи въ столовой—какая-то домашняя кухонная прислуга.

Настасья, впрочемъ, не столько прислуживала, сколько угощала и распоряжалась всѣмъ, добровольно принявъ на себя роль метръ-д'отеля. Она имѣла озабоченный, но очень довольный видъ и, обнося соусъ или салатъ, останавливалась сзади чьихъ-нибудь стульевъ и начинала разговоры съ тѣми изъ гостей, которыхъ наиболѣе почитала. И точно такъ же, какъ и тогда въ Петербургѣ, ее всѣ знали, всѣ съ ней заговаривали и шутили.

Вдругъ совсѣмъ неожиданно раздался хоръ нѣсколькихъ голосовъ. Оказалось, что это на Милочкиномъ концѣ вздумали чествовать хозяевъ и, вставъ съ мѣстъ и поднявъ стаканы, грянули „славу" подъ дирижерствомъ Доброва и Анфисы, которые были зачинщики этой мысли.

Многіе сейчасъ же съ удовольствіемъ подхватили это, и вдругъ почти всѣ гости запѣли хозяевамъ:

Слава хозяюшкамъ
Свѣтъ-ли Семеновнѣ,
Съ Ольгой-ли дочерью
Свѣтъ нашей Львовной и т. д.

Пелагея Семеновна, поднявшись съ того мѣста, на которомъ было-присѣла, встала и, поклонясь въ поясъ по старинному, во всѣ стороны, пошла опять обходить гостей, чокаясь и даже цѣлуясь съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Ольга тоже встала, и пока ее величали, тоже обошла всѣхъ съ бокаломъ въ рукѣ и тоже перецѣловалась со многими не только женщинами, но и съ товарищами-мужчинами.

Вся молодежь высыпала изъ столовой и присоединилась къ хору, послѣ чего съ хохотомъ и шумомъ набросилась на Ольгу и зацѣловала ее. Всѣ эти молоденькія, розовенькія консерваторочки и гимназисточки, питали къ ней чуть не институтское обожаніе и пользовались каждымъ случаемъ, чтобы выражать ей свой восторгъ. Потомъ спѣли „славу" Милочкѣ, потомъ гостямъ, потомъ, разохотившись пѣть, даже и Настасьѣ, причемъ такъ усердно заставляли ее чокаться и цѣловаться со всѣми, что она, чрезвычайно довольная оказаннымъ ей вниманіемъ, даже раскраснѣлась и растрепалась слегка. Послѣ славы начали-было другую, тоже русскую и старинную пѣсню, но поддерживали ее уже не такъ охотно, и она скоро оборвалась, заглушенная говоромъ, смѣхомъ и спорами, поднявшимися почти въ каждомъ отдѣльномъ кружкѣ.

Спорили обо всемъ—кто о Бисмаркѣ и Андраши, кто о переселенческомъ вопросѣ, кто о театрахъ и литературѣ, кто о винахъ: какія лучше—крымскія, заграничныя или кавказскія,—и всѣ почти спорили той безтолковой русской манерой, въ которой два спорящихъ чуть что не всегда толкуютъ о совершенно двухъ разныхъ мысляхъ, не слушая и перебивая одинъ другого, спѣша только громче и скорѣй выкрикивать свое собственное мнѣніе.

Но Добровъ, не кончивъ ужина, выскочилъ вдругъ изъ-за стола, подбѣжалъ къ роялю и, самъ себѣ аккомпанируя, запѣлъ, съ тѣмъ мастерствомъ, ради котораго ему платились въ опереткѣ бѣшеныя деньги, какіе-то новые, очень остроумные и смѣшные куплеты.

Многіе, не кончивъ мороженое, тоже вышли изъ-за стола и окружили его; но большинство еще оставалось на мѣстѣ, доканчивая вино и споры.

Добровъ былъ въ ударѣ и пѣлъ почти художественно, невольно всѣхъ смѣша и „расшевеливая", какъ онъ самъ о себѣ

выражался. Онъ пропѣлъ совершенно добровольно чуть не десять различныхъ куплетовъ, тогда какъ въ театрѣ, заупрямившись иной разъ, не желалъ повторять и второго, несмотря на неистовые вызовы публики.

Но онъ заразилъ своимъ желаніемъ пѣть и другихъ, и едва онъ кончилъ, какъ его мѣсто занялъ уже другой молодой человѣкъ, съ тонкимъ, красивымъ, нѣсколько женоподобнымъ лицомъ. Онъ посадилъ аккомпанировать себѣ толстяка, славившагося какъ замѣчательный аккомпаніаторъ, и запѣлъ прелестную арію Радамеса изъ перваго дѣйствія „Аиды".

Переходъ отъ комическихъ куплетовъ къ подобной аріи былъ очень, въ сущности, рѣзокъ; но уже съ нѣсколькихъ же первыхъ нотъ пѣвецъ овладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ, и Марья Дементьевна шепнула Чемезову, что это тоже одно изъ будущихъ свѣтилъ, дивный голосъ и большой талантъ, котораго дирекція даже на свой счетъ отправляетъ въ Италію для окончательнаго музыкальнаго образованія.

И дѣйствительно, это былъ хотя и не очень сильный, но мягкій и гибкій, прекрасный голосъ, въ которомъ было что-то, что̀ невольно захватывало и вливалось въ душу.

Споры оборвались; всѣ затихли и слушали пѣвца съ взволнованными лицами.

Чемезовъ обернулся, ища глазами Ольгу; она стояла недалеко отъ рояля, съ поблѣднѣвшимъ вдругъ лицомъ и глаза ея, страстные и влажные, задумчиво, какъ очарованные, глядѣли на пѣвца.

И Чемезову невольно припомнился ея разсказъ объ Италіи и о томъ, какъ Орлинъ по одному ея лицу угадалъ, что она влюбилась въ этого Лео... Что-то болѣзненно сжалось въ сердцѣ его, и онъ съ какимъ-то страннымъ, жесткимъ чувствомъ слѣдилъ за каждымъ измѣненіемъ ея поблѣднѣвшаго, очарованнаго лица. Но она точно почувствовала это, обернулась, слабо улыбнулась ему, отошла отъ рояля и тихонько пробралась къ нему.

— Нѣтъ,—опускаясь на стулъ подлѣ него и крѣпко, незамѣтно для другихъ, сжимая его руку своей похолодѣвшей рукой,—нѣтъ, это совсѣмъ не то,—сказала она съ той чуткостью, которая не разъ уже поражала его въ ней,—я просто люблю музыку... и она всегда волнуетъ меня, особенно пѣніе... но это совсѣмъ, совсѣмъ не то...

Въ эту минуту пѣвецъ кончилъ и раздался цѣлый громъ рукоплесканій.

Всѣ апплодировали и благодарили; дамы жали пѣвцу руки и восхищались имъ; мужчины цѣловали и обнимали его, а Добровъ,

особенно тронутый его пѣніемъ, даже ругался отъ избытка чувствъ съ какой-то растроганной нѣжностью и непремѣнно хотѣлъ съ нимъ выпить по этому случаю.

— Вотъ,—говорилъ онъ, подходя къ знаменитому доктору и стряхивая слезинки съ своихъ заплывшихъ глазокъ:—вотъ на Шекспира мнѣ наплевать! Ну вотъ ни чуточки не трогаетъ, а насчетъ пѣнія слабъ! сейчасъ какъ баба разревусь!..

— Помилуйте! — кричалъ съ восхищеніемъ Ардальонъ Михайловичъ: — да такого голоса на русской оперѣ никогда и не было! Вы увидите, что̀ изъ него только выйдетъ: всѣхъ итальянцевъ затмитъ! А главное что̀ пріятно—что это ужъ нашъ собственный, русакъ настоящій! Даже не малороссъ!

— Ну, это кто его тамъ еще знаетъ!—сказалъ съ насмѣшкой знаменитый докторъ:—всѣ они русаки по псевдонимамъ-то!

Но Ардальонъ Михайловичъ и Марья Дементьевна увѣряли, что хорошо знаютъ его, и ручались чуть не головой, что онъ самый что ни на есть русскій человѣкъ.

Марья Дементьевна знала даже тетку его крестной матери и сама состояла съ нимъ въ какомъ-то родствѣ, въ такомъ, впрочемъ, отдаленномъ, котораго, спутавшись на третьемъ колѣнѣ, и объяснить не могла.

Но пѣвца заставили спѣть вмѣстѣ съ Варенькой дуэтъ изъ „Гугенотовъ“, и споры объ его происхожденіи по-неволѣ прекратились. Голосъ Вареньки, замѣчательно чистаго, нѣсколько металлическаго звука, сливаясь съ бархатнымъ теноромъ пѣвца, почти покрывалъ его своей силой; но она пѣла холодно, безъ воодушевленія, и даже лицо ея оставалось все такимъ же равнодушнымъ и спокойнымъ, какъ всегда. Варенька не то чтобы портила, но какъ-то расхолаживала общее впечатлѣніе и, не увлекаясь сама, не могла увлечь и другихъ.

Когда они кончили, имъ поаплодировали, но уже далеко не такъ горячо, какъ апплодировали, когда Павлишинъ пѣлъ одинъ. Разговоры снова возобновились; кто вернулся къ столу доканчивать вино и кофе, кто принялся опять за прервавшіеся-было споры, а нѣкоторые даже вздумали уѣзжать.

— Ой, тетка, тащи балалайку! покажемъ имъ, какъ хохлы поютъ! — закричалъ вдругъ Анфисѣ Ярославцевъ, раздобывшій откуда-то изъ внутреннихъ комнатъ гитару. Всѣ обрадовались и привѣтствовали ихъ шумными восклицаніями и апплодисментами, но „тетка“ упиралась и не хотѣла пѣть послѣ Павлишина.

— Что̀ ужъ... куда ужъ!..—нарочно жеманясь, говорила она

словами одной изъ своихъ ролей, куда ужъ намъ „съ суконнымъ... да въ калашный рядъ"!..

Но всѣ смѣялись и насильно тащили ее къ Ярославцеву, который, не обращая никакого вниманія на ея отговорки, поставилъ посреди залы два стула и уже настроивалъ гитару.

Наконецъ, Анфису усадили, и она, притворяясь совсѣмъ оробѣвшей и сконфуженной, закрывала лицо своими толстыми руками и строила уморительныя ужимки и гримасы, но подъ-конецъ бросила ломаться и съ живымъ, полнымъ юмора талантомъ пропѣла вдвоемъ съ Ярославцевымъ еще очень свѣжимъ и недурнымъ голосомъ комическую малороссійскую пѣсенку, такъ хорошо, какъ если бы они дѣйствительно были оба истые хохлы. Публика опять развеселилась, а степнякъ-помѣщикъ, у котораго имѣніе оказалось въ полтавской губерніи, такъ разошелся, услыхавъ звуки родного языка, что не вытерпѣлъ и самъ сталъ имъ подтягивать.

Но еще лучше и смѣшнѣе они спѣли потомъ втроемъ съ Добровымъ „Паулину", которою привели всѣхъ въ восторгъ; всѣ хохотали и упрашивали пропѣть еще что-нибудь въ этомъ родѣ, но Анфиса не хотѣла.

— Нѣтъ, пускай Оля теперь споетъ,—сказала она, кивая головой въ сторону Ольги,—а ужъ мою душу отпустите на покаяніе, дайте вздохнуть! Я вамъ потомъ за то „Куманька" лучше спою.

— Да, да, въ самомъ дѣлѣ, Оля! Ольга Львовна! спойте, спойте! нѣтъ, ужъ отказываться нельзя! Пѣть такъ всѣмъ пѣть!— кричали всѣ, обступивъ Ольгу, и тащили ее, какъ за минуту предъ тѣмъ тащили Анфису, на средину зала.

Чемезовъ никогда не слышалъ ея пѣнія, и онъ почти испугался за нее, думая, неужели она, послѣ такого мастерского, каждое въ своемъ родѣ, исполненія, рѣшится тоже пѣть.

Но она рѣшилась и, смѣясь, съ оживленнымъ, разгорѣвшимся опять лицомъ, сѣла на мѣсто Анфисы. Ея мечтательно взволнованное настроеніе, навѣянное прелестной аріей изъ „Аиды", прошло, и ей видимо самой уже хотѣлось пѣть, дурачиться и смѣяться.

— Ну, грянемъ, Олечка! — сказалъ Добровъ:— „Ночи цыганскія"!

— Нѣтъ, мы лучше съ Колей „Морозецъ" споемъ!—сказала она, улыбаясь Ярославцеву.

— Да, да, „Морозецъ", „Морозецъ"!—закричали всѣ, потому что знали, что она съ Ярославцевымъ особенно хорошо поетъ его.

И они запѣли.

Ярославцевъ вдругъ точно помолодѣлъ на добрыхъ двадцать

лѣть; глаза его, съ любующимся выраженіемъ глядѣвшіе на Ольгу, заблестѣли и заискрились, въ голосѣ зазвучала какая-то молодая, безшабашная русская удаль, и онъ пѣлъ съ такой страстью и воодушевленіемъ, что казался красавцемъ, и всѣ невольно любовались имъ.

Чемезовъ ужъ больше не боялся. Ольга пѣла такъ хорошо, въ каждомъ звукѣ ея было столько молодой, радостной жизни, столько искренняго увлеченія, что невольно всѣхъ воодушевляло и всѣмъ, глядя на нее, хотѣлось жить, пѣть, любить и радоваться чему-то. Прелестное лицо ея, оживившееся еще больше, было точно отраженіемъ каждаго слова и вся она точно сливалась съ той пѣсней, которую пѣла.

— Ахъ, хороши наши ребята!—воскликнулъ съ восторгомъ Добровъ, когда они кончили.—Олечка, радость моя, любовь, богиня, дай на колѣночки встану и ножки тебѣ расцѣлую!—умолялъ онъ, опять прослезившись и дѣйствительно вставая предъ ней на колѣни и цѣлуя кончикъ платья ея. Ольга смѣялась и радовалась, что спѣла такъ хорошо: она сама это видимо чувствовала и съ счастливой улыбкой отвѣчала на поцѣлуи, объятія и восхищенія, которыми ихъ съ Ярославцевымъ всѣ засыпали.

— Ну, и счастье же вамъ нестоющему!—сказала радостно Марья Дементьевна Чемезову, любуясь Ольгой и радуясь опять отъ всей души за Чемезова:—вѣдь вы почувствуйте только, что это за талантъ! что за душа!—И она не выдержала и, соскочивъ съ своего кресла, бросилась къ Ольгѣ и тоже крѣпко расцѣловала ее.

— А ну-ка, дѣтушки, теперь „Куманька“!—крикнула расходившаяся, глядя на Ольгу, Анфиса:—да хоромъ только, дѣтушки!

— Хоромъ, хоромъ!—согласились всѣ съ полнымъ удовольствіемъ, потому что и всѣмъ давно уже не сидѣлось простыми только слушателями и хотѣлось пѣть самимъ.

Куманекъ, побывай у меня...

—запѣла Анфиса,—и весь огромный, добровольный хоръ радостно подхватилъ за ней:—

Побывай, бывай, бывай у меня...

Добровъ изображалъ куманька и съ уморительной мимикой отвѣчалъ ей, что и радъ бы побывать у нея, да только у нея собачка больно зла!

Я собачку на веревку привяжу...

—заливалась Анфиса—и всѣ почти, не давъ ей еще докончить этихъ словъ, съ восторгомъ подхватывали уже:

Привяжу, вяжу, вяжу, вяжу, вяжу!..

Мужчины подтопывали ногами, дамы подергивали плечами и всѣ съ одушевленнымъ ожесточеніемъ, словно разгораясь еще больше отъ увлеченія другъ друга, выводили это нелѣпое, но всѣмъ забавное—

Привяжу, вяжу, вяжу...

Пѣла и Марья Дементьевна, и степнякъ-помѣщикъ, богатырскій басъ котораго, точно изъ бочки, раскатывался по всей залѣ, и знаменитый докторъ, который, не довольствуясь однимъ пѣніемъ, азартно дирижировалъ себѣ въ тактъ и ногами, и руками, и даже головой; пѣла и Милочка съ своими гвардейцами, и застѣнчивый милліонеръ, и интересная вдовушка, и Ардальонъ Михайловичъ, и даже Пелагея Семеновна, тоненькимъ, чуть слышнымъ голоскомъ выводившая это „привяжу“, и наконецъ сама Настасья, стоявшая въ дверяхъ съ подносомъ въ рукахъ.

Даже Чемезова съ Алексѣемъ Петровичемъ захватила эта волна всеобщаго увлеченія,—и они тоже, дурачась и смѣясь, вторили другимъ. Но вдругъ Анфиса какъ-то взвизгнула и, подергивая на ходу толстыми плечами, мелкой дробью побѣжала по всей залѣ, и Добровъ, не выдержавшій этого зрѣлища, вдругъ тоже стремительно вырвался изъ хора и прямо въ присядку, выдѣлывая какія-то удивительныя штуки ногами и подпрыгивая чуть не до потолка, пошелъ на встрѣчу Анфисѣ.

— Столы, столы отодвиньте!—закричали всѣ тѣмъ, кто стоялъ ближе къ столу, и кое-кто бросился нà-скоро сдвигать ихъ въ сторону. На подмогу поспѣшно прибѣжали два лакея и какая-то толстая, рыжая баба въ подоткнутомъ сарафанѣ и въ кожаныхъ полусапожкахъ, изъ которыхъ и спереди, и сзади торчали тесемчатыя ушки. Она нà-скоро забрала въ обѣ руки тарелки и ножи, но, увидѣвъ такой плясъ, не вытерпѣла и вмѣсто того, чтобы бѣжать скорѣе въ кухню, остановилась, какъ была, нагруженная посудой и улыбаясь всѣмъ широкимъ рябымъ своимъ лицомъ, съ восторгомъ смотрѣла, „какія баринъ штуки откалываетъ“.

— Ну,—громко сказала она Настасьѣ, одобрительно покачивая на Доброва головой,—энтотъ и нашего Ванюху, пожалуй, за поясъ заткнетъ!

Наконецъ, и танцоры, и пѣвцы утомились.

Пѣсню оборвали, и мужчины рѣшили по этому случаю выпить.

Подали на́-скоро собранные остатки шампанскаго, а кому не хватило его, тотъ безъ претензіи пилъ другое вино и даже просто пиво.

Всѣ разсѣлись отдыхать и обмахивались вѣерами, а мужчины вытирали платками раскраснѣвшіяся, вспотѣвшія лица. На нѣсколько минутъ въ залѣ настала почти тишина, отъ которой спавшій у себя въ комнатѣ Борисъ вдругъ неожиданно проснулся и вышелъ въ залъ, слегка уже отрезвѣвшій, но все еще съ заспанными, безсмысленными глазами.

Пелагея Семеновна испугалась, какъ бы онъ чего не выкинулъ, и съ тревогой посматривала на него; но онъ какъ ни въ чемъ не бывало подсѣлъ къ одной изъ Вариныхъ подругъ и началъ разговаривать съ ней.

— Ахъ, это прелестно! — воскликнула на всю залу Милочка.—Бухарцы тоже хотятъ пѣть! Они говорятъ, что споютъ какую-то свою бухарскую пѣсню! Ахъ, это прелесть! слушайте, слушайте, господа! — кричала она, заставляя всѣхъ молчать.

— Ахъ, это въ самомъ дѣлѣ интересно! слушайте, слушайте!— говорили за ней другіе, съ насмѣшливымъ ожиданіемъ и любопытствомъ смотря на бухарцевъ.

Тѣ запѣли.

Это были звуки странные и дикіе, казавшіеся для непривычнаго, европейскаго уха рѣзкими и некрасивыми, лишенными всякой мелодіи; но бухарцамъ они очевидно нравились нисколько не меньше, чѣмъ русскимъ только-что пропѣтый „Куманекъ“.

Они пѣли плавно, раскачиваясь въ тактъ головой и всѣмъ туловищемъ, то налѣво, то направо, но пѣснь изъ заунывной перешла, должно быть, въ какую-нибудь воинственную и грозную, потому что звуки изъ мѣрныхъ и протяжныхъ становились все рѣзче и громче и глаза ихъ, вырѣзываясь изъ-подъ надвинутыхъ на густыя брови бѣлыхъ чалмъ, дико сверкали на кого-то.

— Прелестно, прелестно!—шептала Милочка съ упоеніемъ, но остальнымъ эта пѣсня мало, кажется, понравилась или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не понравилась; никто ничего не понялъ, а угрожающее выраженіе бухарскихъ лицъ было какъ-то жутко и многимъ даже непріятно.

Имъ поаплодировали, когда они кончили, жидко и неохотно, больше изъ вѣжливости, чѣмъ изъ удовольствія; но бухарцы раскланивались теперь, прикладывая руки ко лбу и къ сердцу самымъ миролюбивымъ и любезнымъ образомъ.

— Ишь черти!—сказалъ, неодобрительно поглядывая на нихъ,

Добровъ:—попадись имъ тамъ въ этой ихней Бухарѣ проклятой—они покажутъ!

— Да, покажутъ!—меланхолически согласился Ярославцевъ, которому послѣ пятой бутылки различныхъ винъ вдругъ стало какъ-то грустно на душѣ.

— Выпьемъ по этому случаю!—предложилъ имъ знаменитый докторъ, увѣрявшій все время Ярославцева, что у него навѣрное есть болѣзнь почекъ, которую онъ видитъ въ немъ по многимъ внѣшнимъ признакамъ, и предлагавшій даже даромъ лечить его отъ нея, чѣмъ приводилъ того въ еще бóльшую меланхолію, хотя въ обыкновенное время Ярославцевъ чувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ человѣкомъ.

— Э, полно, другъ, не печалься! сказалъ: вылечу! выпьемъ лучше вотъ!—продолжалъ знаменитый докторъ, переходя съ нимъ на „ты“. И такъ какъ вина больше уже не было, хотя гостепріимные хозяева заготовили всего вдоволь, то они вчетверомъ съ Добровымъ и степнякомъ-помѣщикомъ налили себѣ по рюмкѣ водки, смѣшавъ ее предварительно съ остатками какого-то ликера.

Былъ однако уже пятый часъ. Кто усталъ, кто опьянѣлъ; понемногу начали наконецъ разъѣзжаться. Въ эту минуту къ роялю подошелъ какой-то маленькій, скромно, почти застѣнчиво все время державшійся человѣчекъ съ нѣсколько болѣзненнымъ, нервно подергивающимся лицомъ и заигралъ совершенно неожиданно, сначала немного какъ будто конфузясь и стѣсняясь, но съ каждымъ ударомъ все лучше и увлекательнѣе, какую-то Шопеновскую вещь.

Это былъ извѣстный піанистъ, одинъ изъ профессоровъ консерваторіи, человѣкъ, который обожалъ музыку и игралъ самъ дивно, но предъ публикой выступалъ очень рѣдко и игралъ въ обществѣ охотно только иногда, послѣ подобныхъ долгихъ вечеровъ и ужиновъ, когда на него находило вдохновеніе; тогда онъ добровольно игралъ по нѣскольку часовъ, между тѣмъ какъ въ другое время его съ большимъ трудомъ можно было уговорить на это.

Въ первую минуту публика, услышавъ звуки прекрасной музыки, снова-было встрепенулась, и даже тѣ, которые уже собрались уѣзжать, остановились и слушали. Но большинство уже сильно устало, и впечатлѣнія не отражались съ той силой, какъ въ серединѣ вечера. Первыя двѣ-три пьесы прослушали всѣ съ видимымъ удовольствіемъ, тѣмъ бóльшимъ, что надѣялись, что онъ скоро кончитъ. Но тотъ, увлекшись самъ своей игрой, взялся за четвертую; тогда разговоры снова начались, громко и безцеремонно, и кто было-остановился слушать—опять сталъ разъѣз-

жаться. Пелагея Семеновна съ Павлей и Настасьей стояли въ передней, потому что каждую минуту надо было съ кѣмъ-нибудь прощаться, провожать и помогать одѣваться. Въ залѣ оставались теперь только наиболѣе охмелѣвшіе и упрямые, которые продолжали отрывочные разговоры, и какіе-то, плохо ими же самими уже понимаемые, споры, но спорили уже не съ прежнимъ увлеченіемъ и горячностью, а съ какой-то тупой, вялой придирчивостью другъ къ другу.

Піаниста никто уже больше не слушалъ и не обращалъ на него никакого вниманія; но онъ не замѣчалъ ни разъѣзда, ни безцеремонныхъ, почти заглушающихъ его разговоровъ и все игралъ и игралъ, все лучше и лучше, все съ большей силой и увлеченіемъ, видимо слыша только себя и наслаждаясь тѣми дивными звуками, которые вылетали изъ-подъ его быстро бѣгающихъ по клавишамъ рукъ.

Чемезовъ уѣзжалъ въ одно время съ Борковыми и долженъ былъ провожать вдовушку, или вѣрнѣе она желала проводить его, подвезя опять въ своей каретѣ, что̀ въ сущности ему совсѣмъ не нравилось.

— Что же этотъ господинъ,—спросилъ онъ у Ольги уже въ дверяхъ,—долго у васъ еще забавляться будетъ?

— О,—засмѣялась она,—теперь онъ разъигрался, такъ ужъ ничего не помнитъ! Съ нимъ иногда случается, что онъ вплоть до слѣдующаго дня такъ и проиграетъ гдѣ-нибудь!

— Вамъ уже спать пора, вѣдь шестой часъ уже скоро; неужели же эти господа все еще будутъ продолжать сидѣть и пить тутъ!—сказалъ онъ съ неудовольствіемъ, не понимая, какъ можно такъ злоупотреблять любезностью хозяевъ.

Но Ольга нисколько этимъ не безпокоилась.

— Да я и уйду, — сказала она спокойно. — Съ ними тутъ Боря и Павля останутся, а мы съ мамой никогда не дожидаемся, пока всѣ разъѣдутся; да это и безполезно — все равно не дождешься!—прибавила она, безпечно засмѣявшись.

„Что за безобразіе!“—подумалъ Чемезовъ; его поражали подобные порядки.

Гости всѣ еще разъ перепрощались, а Марья Дементьевна обняла и крѣпко-крѣпко, съ какимъ-то многозначительнымъ, таинственнымъ, понятнымъ только имъ двоимъ да Чемезову, видомъ, поцѣловала Ольгу опять.

— Ну, смотрите же!—сказала она и не договорила, а только улыбнулась все съ тѣмъ же таинственнымъ видомъ.

Ольга вмѣстѣ съ Настасьей вышли на лѣстницу и свѣтили имъ, перегибаясь чрезъ перила.

— Не простудитесь, Ольга Львовна!—сказала заботливо любезная вдовушка.

— Нѣтъ, ничего... до свиданья!—крикнула она еще разъ, когда они были уже внизу, и Чемезовъ, невольно поднявъ кверху голову, увидѣлъ тускло озаренное свѣчей ея милое, издали улыбающееся ему, лицо.

— Ну что? — спросила у него съ торжествомъ Марья Дементьевна, когда они всѣ вышли на улицу:—вѣдь, правда, весело было? У нихъ всегда ужасно весело бываетъ!..

Чемезовъ усмѣхнулся и съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Слишкомъ много только ужъ разныхъ у нихъ талантовъ!—сказалъ онъ въ отвѣтъ.

Марья Дементьевна съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Ахъ, вы противный!—сказала она, сердясь:—да послѣ этого вамъ и сходиться не слѣдовало, коли вы талантовъ пугаться будете! Плохіе же, коли такъ, товарищи вы другъ другу будете!

— Ну, авось, Богъ дастъ, поладимъ какъ-нибудь!—сказалъ Чемезовъ, смѣясь и цѣлуя у нея на прощанье руку.

Она съ минуту, не выпуская его руки, задумчиво смотрѣла на него.

— Ахъ, ужъ и не знаю,—сказала она опять, вздыхая и покачивая головой,—радоваться мнѣ за васъ обоихъ или печалиться, право!..

Мар. Крестовская.

ДОЛГОЛѢТІЕ

ЖИВОТНЫХЪ, РАСТЕНІЙ и ЛЮДЕЙ.

V *).

Послѣ всего вышесказаннаго очевидно само собою, что главный факторъ, опредѣляющій продолжительность жизни, представляется для насъ скрытымъ по скудости нашихъ познаній и чрезвычайной нѣжности живого вещества, и намъ по-неволѣ остается обратиться къ изученію другихъ условій, отражающихся такъ или иначе на долголѣтіи.

Къ числу ихъ, конечно, послѣ состава тѣла должна прежде всего относиться организація животныхъ тѣлъ, т.-е. бóльшая или мéньшая сложность ихъ строенія. Для того, чтобы намъ отвѣтить на этого рода вопросъ, слѣдуетъ прослѣдить, насколько то возможно, за продолжительностью жизни различныхъ представителей животнаго царства, начиная отъ простѣйшихъ и кончая самыми сложными организмами.

Если начать съ простѣйшихъ животныхъ, съ protozoa, то мы уже видѣли раньше, что нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ не погибаютъ естественною смертью въ обычномъ смыслѣ этого слова; у нихъ смерть совпадаетъ съ актомъ размноженія, съ актомъ подраздѣленія ихъ на двѣ особи. Тѣмъ не менѣе, мы въ правѣ смотрѣть на актъ подраздѣленія такихъ организмовъ какъ на конецъ ихъ индивидуальнаго существованія, и въ такомъ случаѣ вѣкъ ихъ представляется очень и очень короткимъ. Актъ подраздѣленія у

---

*) См. выше: іюнь, 538 стр.

многихъ амёбъ можетъ совершаться чрезъ каждые два часа, и слѣдовательно, весь срокъ ихъ индивидуальной жизни измѣряется 2—3 часами. Сюда, кромѣ амёбъ, корненожекъ, относится и zoothamnium. Впрочемъ, нѣкоторые низшіе организмы могутъ жить нѣсколько недѣль и дней; spongilla fluviatilis (прѣсноводная бадяга) живетъ даже одинъ годъ.

Изъ низшихъ морскихъ животныхъ извѣстенъ слѣдующій точный случай объ одной морской анемонѣ, т.-е. отдѣльно живущемъ полипѣ. Въ августѣ 1828 года англійскій натуралистъ Далейель поймалъ въ морѣ актинію и посадилъ ее въ аквaріумъ. Она уже тогда была большимъ экземпляромъ и по сравненію съ другими такими же животными имѣла, по крайней мѣрѣ, уже 7 лѣтъ отъ роду. Въ 1848 г. ей было уже около 27 лѣтъ, и еще въ 1882 г. ее показывали въ эдинбургскомъ ботаническомъ саду, какъ замѣчательный образчикъ долговѣчности. Ей было, слѣдовательно, тогда уже 61 годъ отъ рода. Другіе полипы живутъ всего годъ, иные же больше. Hydra viridis, послѣ размноженія, осенью помираетъ; но сложныя гидры живутъ обыкновенно больше года.

Многія моллюски, различныя улитки и ракушки, по свидѣтельству о нихъ Клессія, живутъ всего одинъ годъ, другіе—два года, при чемъ и тѣ, и другіе помираютъ послѣ кладки ими яицъ; видъ же heliceen живетъ отъ 2 до 4 лѣтъ; paludineen—отъ 3 до 4 лѣтъ; двустворчатыя живутъ 2 года. Наяды же большого размѣра часто переживаютъ десятилѣтній возрастъ.

Относительно продолжительности жизни морскихъ моллюсокъ извѣстно, что гигантская форма tridacna gigas, по заявленію Бронна, можетъ жить отъ 60 до 100 лѣтъ. Головоногіе всѣ вообще переживаютъ одинъ годъ, а большіе экземпляры живутъ и 10, и болѣе лѣтъ. Агасисъ опредѣлилъ возрастъ одной большой улитки въ 30 лѣтъ. Что касается асцидій, то, на основаніи наблюденій Дорна, произведенныхъ въ зоологической станціи въ Неаполѣ, онѣ выживаютъ около 5 мѣсяцевъ и затѣмъ, послѣ размноженія, погибаютъ. Причины этого быстраго вымиранія еще точно не опредѣлены. Вообще можно сказать, что всѣ улитки, ракушки и моллюски отличаются очень короткимъ срокомъ жизни, за исключеніемъ большихъ экземпляровъ, требующихъ времени для своего роста, развитія и размноженія.

Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣденій относительно продолжительности жизни червей, но полагаютъ, что они могутъ жить долго, если только не размножаются, такъ какъ, давая жизнь другимъ животнымъ, они обыкновенно погибаютъ. Дождевые черви и нѣкоторые другіе, повидимому, могутъ жить нѣсколько лѣтъ.

Говоря о продолжительности жизни насѣкомыхъ, намъ слѣдуетъ помнить, что жизнь ихъ должна быть разбита на періодъ ихъ личиночнаго состоянія, періодъ куколки и, наконецъ, періодъ вполнѣ развитого состоянія. Первые два періода являются подготовительными стадіями развитія совершеннаго животнаго. Жизнь въ формѣ куколки должна быть исключена почти совсѣмъ изъ всего срока жизни, такъ какъ животное въ этомъ состояніи замираетъ какъ бы на время, соотношенія его съ окружающей средой совершенно прекращаются, и оно выходитъ изъ этого состоянія, чтобы начать жить въ формѣ развитого насѣкомаго.

Что касается срока личиночной жизни, то онъ очень различенъ и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ легкости добыванія пищи и степени ея питательности. Личинки пчелъ въ 5—6 дней превращаются въ куколки, но зато онѣ и питаются такими питательными продуктами, какъ медъ, цвѣточиая пыль и т. д. Не болѣе этого времени требуютъ и личинки-наѣздники, развивающіяся въ видѣ паразитовъ въ другихъ насѣкомыхъ и питающіяся ихъ соками, и отъ 8 и до 10 дней—личинка мясной мухи, которая должна дѣлать болѣе движеній для добыванія себѣ пищи. До 6 и болѣе недѣль растягивается періодъ личиночнаго состоянія, разъ личинкамъ приходится питаться малопитательными веществами, напр. листьями, какъ это дѣлаютъ гусеницы бабочекъ. Для насѣкомыхъ, питающихся деревомъ, періодъ личиночнаго состоянія длится иногда въ теченіе 2—3 лѣтъ, какъ это видимъ на ивовой липаридѣ. У многихъ насѣкомыхъ, живущихъ жизнью развитого животнаго всего день, періодъ личиночнаго состоянія длится, однако, 2—3 года, и это, конечно, при трудности добыванія ими пищи.

Никакъ не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы между срокомъ личиночной жизни и періодомъ жизни развитого насѣкомаго имѣлись какія-нибудь опредѣленныя соотношенія; факты показываютъ, что періодъ личиночнаго состоянія у пчелъ и муравьевъ совершенно тотъ же, а продолжительность жизни ихъ въ развитомъ состояніи разнится на цѣлый годъ.

Періодъ же жизни развитого насѣкомаго или, какъ его называютъ, imago, представляется сравнительно очень короткимъ, и онъ оканчивается размноженіемъ, которое къ тому же длится, повидимому, самое короткое время.

Личинка майскаго жука ѣстъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ растительные корни, прежде чѣмъ она превратится въ развитого жука, и этотъ результатъ, достигнутый столь большой затратой силъ, представляется крайне преходящимъ, такъ какъ жучокъ этотъ поги-

баетъ спустя не болѣе какъ мѣсяцъ послѣ выхода изъ состоянія куколки. И это не представляетъ рѣдкаго исключенія, такъ какъ большинство дневныхъ бабочекъ живетъ и того меньше, а между пауками имѣются нѣкоторые, какъ напр. psychidae, которые живутъ всего только нѣсколько дней и даже менѣе 24 часовъ. Нѣкоторые виды однодневныхъ насѣкомыхъ, куда относятся и эфемеры, живутъ въ развитомъ состояніи всего 4—5 часовъ. Къ вечеру вылупливаются они изъ покрывающихъ ихъ оболочекъ, и какъ только отвердѣли у нихъ крылья, такъ они поднимаются на воздухъ для цѣлей размноженія, спускаются затѣмъ на воду, на которую и выпускаютъ сразу всѣ яйца, и вслѣдъ за этимъ погибаютъ. Едва ли, такимъ образомъ, хоть одной эфемерѣ удалось видѣть однажды восходъ солнца!

Кромѣ того замѣчено еще слѣдующее общее явленіе: у пчелъ, осъ, муравьевъ, термитовъ—продолжительность жизни бываетъ различной въ различныхъ полахъ, а именно самки живутъ несравненно дольше самцовъ. Такъ царица пчелинаго улья живетъ, какъ извѣстно, 2—3 года, а чаще и 5 лѣтъ, тогда какъ самцы живутъ всего 4—5 мѣсяцевъ. Джону Лёббоку удалось сохранять самокъ-муравьевъ и муравьевъ-работницъ въ теченіе 7 лѣтъ, тогда какъ самцы выживали не болѣе нѣсколькихъ недѣль. Этой разницы въ продолжительности жизни самцовъ и самокъ не наблюдается у предполагаемыхъ предковъ пчелъ и муравьевъ, а именно у травяныхъ осъ.

Бабочки, если доживаютъ до зимы, обыкновенно и умираютъ зимою. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ—ихъ, повидимому, удается сохранить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Относительно бабочки mantis religiosa говорятъ, что она можетъ жить цѣлыхъ восемь лѣтъ. Многія бабочки предохраняются отъ смерти воздержаніемъ отъ размноженія. Очевидно, что этотъ актъ сильно сокращаетъ ихъ жизнь.

О рыбахъ полагаютъ, хотя и довольно смутно, что многія изъ нихъ живутъ очень долго, хотя собственно точныхъ указаній по этому вопросу не имѣется. Бюффонъ видѣлъ въ помѣстьяхъ Морепа карповъ, имѣвшихъ, по его мнѣнію, 150 лѣтъ отъ роду, и они казались столь же живыми, какъ и юные. Дюгамель, видѣвшій спустя нѣсколько лѣтъ тѣхъ же карповъ, ограничивается указаніемъ на то, что карпамъ этимъ, навѣрное, болѣе столѣтія отъ роду. Никакихъ точныхъ доказательствъ, впрочемъ, не приводится. Еще невѣроятнѣе исторія жизни одной щуки: въ Гейльброннѣ въ 1497 году поймали щуку, вѣсившую 350 фунтовъ и имѣвшую въ длину, будто, 19 футовъ. На ней найдено кольцо

съ слѣдующей надписью: „я первая рыба, которую собственноручно пустилъ въ это озеро Фридрихъ Второй, 5 окт. 1230 г.“. Ей, если повѣрить надписи, было, слѣдовательно, 267 лѣтъ, Впрочемъ Пеннанъ разсказываетъ также о 90-лѣтней щукѣ, Плиній—о 60-лѣтнихъ муренахъ, а Жанель—о столѣтнихъ семгахъ.

Изъ древней римской исторіи намъ также извѣстно, что въ рыбьихъ прудахъ различныхъ магнатовъ находились мурены, достигавшія 60-лѣтняго возраста, и которыя дѣлались такими ручными, что Крассъ оплакивалъ даже смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ. Лосось быстро ростетъ, зато и быстро погибаетъ, тогда какъ медленно ростущій окунь живетъ гораздо дольше.

Касательно амфибій свѣденія наши крайне скудны, и Смелли наблюдалъ, повидимому, 36-лѣтнихъ жабъ, а Гриндеръ приписываетъ лягушкамъ жизнь срокомъ въ 16 лѣтъ.

Среди пресмыкающихся—черепахи и крокодилы считаются весьма долговѣчными. И крокодилы, и черепахи ростутъ очень медленно и представляютъ крайне флегматичныхъ и медленно двигающихся животныхъ; черепаха ростетъ такъ медленно, что въ теченіе 20 лѣтъ прибавляется всего на нѣсколько дюймовъ и доживаетъ до 100 и болѣе лѣтъ. Гриндеръ разсказываетъ про черепаху съ острововъ Галапагосъ, возрастъ которой опредѣлили въ 175 лѣтъ на основаніи ея медленнаго роста въ зоологическомъ саду въ Лондонѣ. Другая черепаха съ мыса Доброй Надежды жила въ садкѣ губернатора около 80 лѣтъ, но ей давали 200 лѣтъ. Крокодилы, по мнѣнію многихъ путешественниковъ, продолжаютъ рости въ теченіе почти всей жизни и живутъ, повидимому, нѣсколько вѣковъ. Относительно змѣй мало что̀ извѣстно, да и приведенныя данныя не отличаются особенною достовѣрностью.

Переходя къ птицамъ, мы наталкиваемся на болѣе богатый и притомъ болѣе достовѣрный матеріалъ.

Маленькія пѣвчія птицы живутъ отъ 8 до 18 лѣтъ; соловей въ плѣну живетъ 8 лѣтъ, черный дроздъ—12 лѣтъ, на свободѣ же, конечно, дольше. Канарейки въ заключеніи живутъ 12—15 лѣтъ. Вòроны жили въ заточеніи, повидимому, около 100 лѣтъ, сороки—20 лѣтъ и болѣе. Попугаи въ заточеніи жили 100 и болѣе лѣтъ. И кто же не знаетъ Гумбольдтовскаго атуренъ-попугая, про котораго индѣйцы говорили, что его не понимаютъ потому, что онъ говоритъ языкомъ исчезнувшаго племени атуръ? Кукушка живетъ болѣе 32 лѣтъ, курица—отъ 10 до 20 лѣтъ, золотой фазанъ—15 лѣтъ, индѣйскій пѣтухъ—16 лѣтъ, голуби—10 лѣтъ. Орлы отличаются замѣчательною долговѣчностью: въ 1719 г.

погибъ въ Вѣнѣ орелъ, который былъ, какъ говоритъ Брэмъ, пойманъ передъ тѣмъ за 104 года. Зельвандъ получилъ въ подарокъ пойманнаго въ горахъ сокола, на которомъ находилось золотое кольцо съ надписью на англійскомъ языкѣ: „Его королевское величество, король Англіи, Яковъ. Годъ 1610". Такъ какъ Зельвандъ получилъ его въ 1792 г., то, слѣдовательно, съ момента, обозначеннаго на кольцѣ, протекло уже 182 года, а сколько ему было лѣтъ еще до того, о томъ ничего неизвѣстно. Только глаза у него были мутны и, повидимому, слѣпы. Бѣлоголовый коршунъ, пойманный въ 1706 году, погибъ въ вѣнскомъ зоологическомъ саду въ 1824, и слѣдовательно, онъ прожилъ въ заточеніи 118 лѣтъ. Гусь можетъ жить 100 лѣтъ, а про лебедя полагаютъ, что онъ можетъ жить и 300 лѣтъ; утки же, напротивъ того, всего 10 лѣтъ.

Что же касается млекопитающихъ животныхъ, то мы уже имѣли случай говорить о продолжительности жизни многихъ изъ нихъ, и теперь укажемъ еще только на кита, живущаго, по свидѣтельству многихъ, 300—400 лѣтъ, и на азіатскаго слона, могущаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, жить до 500 лѣтъ; носорогъ и гиппопотамъ живутъ отъ 70 до 80 лѣтъ; верблюдъ—по Брауну—до 100 лѣтъ, а остальныя животныя—въ предѣлахъ отъ 5 и до 50 лѣтъ.

Бросивъ взглядъ на рядъ приведенныхъ чиселъ, относящихся къ продолжительности жизни представителей различныхъ классовъ животнаго царства, мы легко видимъ, что на вопросъ о томъ, въ какой зависимости находится продолжительность жизни отъ степени сложности организаціи, мы уже въ состояніи дать въ общихъ чертахъ отвѣтъ: по мѣрѣ усложненія организаціи нормальный срокъ индивидуальной жизни, повидимому, все болѣе и болѣе увеличивается; это мы видимъ при переходѣ отъ безпозвоночныхъ къ позвоночнымъ, и среди послѣднихъ—при переходѣ отъ низшихъ классовъ къ высшимъ. Хотя и среди полиповъ мы встрѣчаемся иногда съ возрастомъ въ 65 лѣтъ, тѣмъ не менѣе эти исключенія стираются передъ господствующими, сравнительно высокими, числами продолжительности жизни у позвоночныхъ животныхъ вообще и въ особенности среди класса птицъ и млекопитающихъ, у которыхъ жизнь въ нѣкоторыхъ представителяхъ достигаетъ даже нѣсколькихъ столѣтій. Этотъ выводъ, впрочемъ, совершенно естественъ, если вспомнить, что для развитія организмовъ болѣе сложной организаціи требуется, конечно, и больше времени, а намъ уже извѣстно, что чѣмъ медленнѣе развивается организмъ,

чѣмъ дольше длится періодъ его роста, періодъ его сформированія, тѣмъ длиннѣе должна быть и продолжительность жизни.

Далѣе, изъ тѣхъ же данныхъ вытекаетъ, что чѣмъ больше величина тѣла животныхъ, тѣмъ больше времени должно идти на періодъ ихъ роста и развитія, и слѣдовательно, тѣмъ больше должна быть и продолжительность всей жизни. За весьма малыми исключеніями оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, въ особенности если сравнивать животныхъ, относящихся къ одному и тому же классу. Такъ, среди класса полиповъ, моллюсокъ, насѣкомыхъ, долговѣчность идетъ рука объ руку съ ихъ величиной. Въ особенности это ясно на высшихъ позвоночныхъ животныхъ, на птицахъ и млекопитающихъ, среди которыхъ самые крупные экземпляры и пользуются благами наиболѣе долгой жизни. Такъ, среди птицъ выдаются въ этомъ отношеніи наиболѣе крупныя изъ нихъ: орлы, коршуны, соколы, лебеди, гуси, попугаи, а среди млекопитающихъ —громаднѣйшіе по своей величинѣ: китъ, слонъ, носорогъ, гиппопотамъ. Среди пресмыкающихся—крокодилы и гигантскія черепахи, и только среди рыбъ мы имѣемъ съ виду исключеніе въ лицѣ щукъ и карповъ, хотя и тутъ рѣчь шла о щукѣ громаднѣйшей величины, да и то исключеніемъ являются они, быть можетъ, потому, что намъ вовсе неизвѣстенъ срокъ жизни остальныхъ крупныхъ экземпляровъ рыбъ.

Итакъ, мы въ состояніи пока подвести слѣдующій итогъ всему сказанному: условіями долговѣчности животныхъ является медленное и длительное развитіе организма, идущее въ большинствѣ случаевъ рука объ руку съ сложностью его организаціи. Намъ слѣдуетъ прежде, чѣмъ идти дальше, устранить возможность одного недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что приведены были соображенія, указывавшія на то, что съ усложненіемъ организаціи ростетъ и уязвимость организма со стороны разнообразныхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ условій существованія, а между тѣмъ изъ обзора вышеприведенныхъ фактовъ оказывается, что продолжительность индивидуальной жизни ростетъ, переходя отъ животныхъ низшихъ къ высшимъ. Можно было бы думать, что при усиленной уязвимости высшихъ организмовъ шансы ихъ на долгую жизнь должны были бы падать, а въ дѣйствительности выходитъ какъ бы обратное.

Дѣло, впрочемъ, тутъ въ кажущемся противорѣчіи и объясняется довольно просто. Усложненіе организаціи сказывается развитіемъ и обогащеніемъ организма разнообразными нервными регуляторными механизмами, управляющими функціями разнообразныхъ органовъ тѣла и поддерживающими ихъ въ томъ гар-

моничномъ сочетаніи, которое наиболѣе обезпечиваетъ цѣлость и сохранность жизни цѣлаго организма. Чѣмъ болѣе такихъ регулирующихъ механизмовъ, чѣмъ совершеннѣе дѣйствуютъ они, тѣмъ болѣе бываетъ обезпеченъ организмъ отъ такихъ пертурбацій функцій, которыя могли бы смертельно отражаться на жизни цѣлаго организма.

Поясним сказанное примѣрами. Въ тѣлѣ высшихъ животныхъ существуетъ нервный механизмъ, управляющій просвѣтомъ кровеносныхъ сосудовъ и вызывающій ихъ сжатіе или расширеніе, смотря по надобности. Игрой этого механизма поддерживается то или другое распредѣленіе крови по тѣлу, сообразно съ положеніемъ послѣдняго и цѣлымъ рядомъ физіологическихъ функцій органовъ. Если помѣстить кролика вертикально, головой кверху, ногами внизъ, то, какъ показали опыты Реньяра, Салатэ и др., онъ погибаетъ чрезъ нѣсколько часовъ, тогда какъ собака, морская свинка, кошка вовсе отъ этого не страдаютъ; положеніе головой внизъ, а ногами вверхъ переносится всѣми животными безъ послѣдствій и даже кроликомъ включительно. Въ чемъ же дѣло? Отчего погибаетъ только кроликъ при положеніи головой кверху? Вскрытіе его показываетъ, что головной мозгъ бываетъ при этомъ обезкровленъ, и кровь скопляется въ нижней половинѣ тѣла, въ сильно расширенныхъ сосудахъ. Очевидно, смерть произошла отъ анэміи мозга. Нервный механизмъ, завѣдующій сжатіемъ сосудовъ нижней половины тѣла, дѣйствуетъ у кроликовъ настолько слабо, что кровь, направляющаяся по тяжести въ нижнюю половину тѣла, не встрѣчая въ стѣнкахъ сосудовъ, заправляемыхъ нервами, достаточнаго отпора, тутъ и скопляется; мозгъ же, вслѣдствіе этого, бѣднѣетъ кровью, и результатомъ является смерть. У собакъ и другихъ животныхъ нервно-сосудистый механизмъ нижней половины тѣла дѣйствуетъ болѣе совершенно, и когда кровь по тяжести устремляется внизъ, сосуды настолько сокращаются, что устраняютъ возможность скопленія здѣсь крови и обезпечиваютъ достаточный запасъ крови мозгу.

Другой примѣръ. Бываютъ нерѣдко случаи сильнаго всеобщаго сжатія кровеносныхъ сосудовъ, затрудняющаго работу сердца и препятствующаго свободному движенію по нимъ крови. Для устраненія такого неудобства, грозящаго сердцу параличемъ, а быть можетъ, и разрывомъ, сосуды и самое сердце снабжены особенными чувствующими нервами, которые, возбуждаясь сжатымъ состояніемъ сосудовъ и расширеннымъ состояніемъ сердца, вызываютъ чрезъ центральную нервную систему рефлекторное расширеніе сосудовъ и тѣмъ устраняютъ бывшія предъ тѣмъ препятствія въ

сосудистой системѣ, столь невыгодныя для жизни организма, и въ особенности сердца. Эти регуляторныя депрессорныя нервныя нити дѣйствуютъ буквально въ качествѣ предохранительныхъ клапановъ, предназначенныхъ поддерживать на извѣстной нормѣ ширину кровяного ложа и объемъ сердца. Никакъ не меньшее, если не большее значеніе имѣютъ задерживающіе и ускорительные нервы сердца, усиливающіе и ослабляющіе нервы, призванные регулировать дѣятельность этого важнаго органа при разнообразныхъ физіологическихъ и патологическихъ условіяхъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда сердцу угрожала бы опасность истощенія, вслѣдствіе очень частыхъ біеній, блуждающіе нервы возбуждаются изъ своихъ центровъ и замедляютъ и задерживаютъ въ извѣстной степени дѣятельность сердца, стремясь привести ее къ нормѣ, и наоборотъ, когда біенія почему бы то ни было дѣлаются медленными и могутъ угрожать разстройствомъ кровообращенія, тогда вмѣшивается ускорительный нервный механизмъ сердца и своимъ возбужденіемъ повышаетъ ритмъ сердцебіеній.

Интересно дѣйствіе блуждающаго нерва въ качествѣ предохранительнаго клапана при перемѣнахъ положенія тѣла животнаго, напр. головой внизъ. Если бы сердце продолжало работать при этомъ безъ измѣненій, то головѣ вообще и мозгу въ частности угрожалъ бы сильный наплывъ крови въ головной конецъ тѣла, что̀ могло бы повести къ сильному переполненію кровью сосудовъ мозга, къ усиленному давленію на мозгъ и, быть можетъ, къ разрыву сосудовъ, апоплексіямъ, сильно нарушающимъ дѣятельность мозга и оканчивающимся нерѣдко смертью. Что̀ дѣлается, однако, на самомъ дѣлѣ при здоровой задерживающей системѣ блуждающаго нерва? При поворотѣ головой внизъ кровь усиленно устремляется въ черепъ, но тутъ, вслѣдствіе раздраженія усиленнымъ давленіемъ ея задерживающихъ центровъ сердца въ продолговатомъ мозгу, замедляются сердцебіенія, что̀ неминуемо понижаетъ притокъ крови къ мозгу и избавляетъ его отъ опаснаго при этомъ положеніи прилива къ нему крови.

Легко убѣдиться и на человѣкѣ въ существованіи подобнаго цѣлесообразнаго приспособленія. Если сосчитать біенія сердца здороваго человѣка при стоячемъ положеніи и затѣмъ перевести его въ лежачее положеніе, то біенія рѣзко замедляются, а при поворотѣ головой книзу, а ногами кверху, это замедленіе дѣлается еще рѣзче. Цѣлесообразность этого явленія, регулируемаго блуждающимъ нервомъ, вполнѣ понятна изъ вышесказаннаго и не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ того, какъ, благодаря нерв-

нымъ регуляторнымъ механизмамъ, поддерживается постоянство температуры тѣла, и это только у высшихъ животныхъ, снабженныхъ термическими регуляторными центрами. Существованіе послѣднихъ можетъ считаться теперь вполнѣ доказаннымъ у животныхъ теплокровныхъ, съ человѣкомъ включительно, и назначеніе этихъ термическихъ центровъ сводится къ тому, чтобы, несмотря на всѣ рѣзкія колебанія окружающей температуры въ сторону холода или жара, поддерживать температуру тѣла животныхъ на одной и той же высотѣ. Цѣль эта достигается тѣмъ, что при вступленіи теплокровныхъ животныхъ въ холодъ теплообразовательные нервные центры приводятся дѣйствіемъ же холода на чувствующую периферію тѣла—въ усиленную дѣятельность, метаморфозъ въ тѣлѣ повышается, а вмѣстѣ съ этимъ и развитіе тепла, и такимъ образомъ покрываются усиленныя потери тепла тѣломъ при нахожденіи его на холодѣ; къ тому же результату ведетъ и одновременное сокращеніе сосудовъ периферіи тѣла, уменьшающее тепловыя потери и, слѣдовательно, сберегающее животную теплоту. При вступленіи же теплокровныхъ животныхъ въ теплую, жаркую среду наступаютъ обратныя явленія, предохраняющія животныхъ отъ усиленнаго согрѣванія: а именно, благодаря разслабленію термическихъ центровъ метаморфозъ падаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ ослабѣваетъ и образованіе тепла въ тѣлѣ, а съ другой стороны расширяются сосуды кожи и усиливаются потери тепла тѣломъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такіе термическіе центры, регулирующіе животную теплоту, заложены въ извѣстныхъ частяхъ головного мозга и даже въ области мозговыхъ полушарій.

Можно было бы привести еще много подобныхъ примѣровъ нервной регуляціи, напр. дыхательныхъ движеній, дѣятельности железъ и т. д., но полагаемъ, что и приведенныхъ выше фактовъ достаточно для доказательства того положенія, что организмы высшихъ животныхъ въ отличіе отъ низшихъ снабжаются все болѣе и болѣе сложными, совершенными регуляторными нервными механизмами, дѣйствующими въ качествѣ предохранительныхъ клапановъ при такихъ нарушеніяхъ функцій разнообразныхъ органовъ тѣла, которыя могли бы грозить жизни послѣдняго. Неудивительно, такимъ образомъ, что высшіе организмы, снабженные бо̀льшимъ числомъ такихъ предохранительныхъ клапановъ, болѣе обезпечены въ своемъ существованіи и болѣе независимы отъ рѣзкихъ перемѣнъ въ условіяхъ существованія, чѣмъ низшіе организмы, а потому и жизнь первыхъ можетъ въ общемъ длиться дольше, чѣмъ у вторыхъ.

Къ категоріи такихъ регуляторовъ должна быть отнесена и вся сфера психическихъ явленій, идущихъ рука объ руку съ развитіемъ нервной организаціи, такъ какъ психикой регулируются всѣ отношенія животныхъ къ окружающей ихъ средѣ, обезпечивающія наибольшую цѣлость и совершенствованіе организмовъ, при чемъ работа психики тратится не столько на приспособленіе организма къ внѣшнимъ условіямъ существованія, сколько на приспособленіе послѣднихъ къ внутреннимъ, естественнымъ требованіямъ организма. Естественно, что при болѣе развитой психикѣ, при болѣе высокомъ разумѣ и болѣе сильной волѣ, какъ это видимъ у высшихъ животныхъ, жизнь въ среднемъ должна быть болѣе обезпечена, нежели тамъ, гдѣ, какъ у низшихъ животныхъ, психика бываетъ слабѣе развита.

Кромѣ всего вышесказаннаго, существеннымъ физіологическимъ условіемъ, могущимъ a priori вліять на продолжительность жизни животныхъ, служитъ быстрота, съ которой протекаетъ жизнь, или скорѣе темпъ обмѣна веществъ въ тѣлѣ и всѣхъ жизненныхъ процессовъ. Уже Лотце говорилъ въ своемъ „Микрокосмѣ", что большія и быстрыя движенія изнашиваютъ органическія массы, и поэтому быстроногія охотничьи собаки и даже обезьяны стоятъ со стороны продолжительности жизни позади человѣка и болѣе крупныхъ хищныхъ животныхъ, удовлетворяющихъ свои нужды сравнительно болѣе рѣдкими и сильными мышечными усиліями. Намъ кажется, что темпъ жизни нерѣдко служитъ однимъ изъ важныхъ условій, опредѣляющихъ продолжительность жизни, въ особенности если сравнивать различныхъ представителей одного и того же класса, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и различныхъ классовъ.

Сопоставимъ, въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія темпа жизни, слона съ какимъ-нибудь мышенкомъ или колибри, и воробья съ громаднымъ гусемъ. Какой поразительный контрастъ представляютъ быстрота, живость, подвижность мышенка, колибри и воробья рядомъ съ медленностью, флегматичностью, неуклюжестью движеній слона и гуся. Едва ли возможно допустить, чтобы такія разницы въ скорости теченія жизненнаго потока не отражались на продолжительности всей жизни, и чтобы животныя съ высокимъ темпомъ жизни не обладали болѣе короткой жизненной дугой, сравнительно съ животными съ медленнымъ темпомъ жизни. Факты подтверждаютъ это предположеніе, такъ какъ извѣстно, напримѣръ, что жизнь колибри, воробья и мыши много-много длится лишь нѣсколько лѣтъ, тогда какъ жизнь слона и гусей можетъ растянуться болѣе, чѣмъ на столѣтіе. Какъ, однако, объясняется этотъ фактъ? Весьма просто тѣмъ, что у животныхъ съ

высокимъ темпомъ жизни дѣятельность всѣхъ системъ органовъ представляется повышенной; рядомъ съ повышенной и ускоренной нервно-мышечной дѣятельностью у нихъ наблюдается болѣе дѣятельное кровообращеніе, болѣе частый пульсъ, болѣе частое дыханіе и рядомъ съ этимъ болѣе дѣятельное прижизненное разложеніе тканей, о которомъ можно судить по количеству выводимыхъ на единицу вѣса тѣла продуктовъ окисленія тканей— угольной кислоты и мочевины. Воробей выводитъ, какъ это доказано прямыми опытами, на единицу вѣса своего тѣла несравненно бо̀льшія количества угольной кислоты, нежели гусь, и то же самое наблюдается при сравненіи мыши съ большой собакой и т. д.—и слѣдовательно, процессы взрывчатаго разложенія жизненнаго пороха у животныхъ съ быстрымъ темпомъ жизни протекаютъ несоизмѣримо быстрѣе, нежели у животныхъ съ низкимъ темпомъ жизни.

Жизненный порохъ живой протоплазмы, разлагаясь у нихъ быстрѣе, требуетъ болѣе энергическаго и частаго возобновленія со стороны созидательныхъ силъ организма; эти послѣднія, вслѣдствіе того, быстрѣе истощаются и обусловливаютъ тѣмъ самымъ болѣе короткій срокъ жизни. Такимъ образомъ, экономія въ расходѣ жизненныхъ силъ организма является однимъ изъ существеннѣйшихъ условій долголѣтія.

Съ этой же точки зрѣнія становится понятнымъ и значеніе, которое можетъ имѣть величина тѣла въ вопросѣ о долголѣтіи. Если сравнить животныхъ, относящихся къ одному и тому же классу, но рѣзко отличающихся по своей величинѣ, то легко замѣтить, опираясь на опытныя изслѣдованія, что весь обмѣнъ веществъ, всѣ функціи организма, словомъ—весь темпъ жизни бываетъ вообще у маленькихъ животныхъ выше, нежели у большихъ. Объясняется это просто тѣмъ, что организмы малой величины сравнительно съ массой тѣла имѣютъ бо̀льшую поверхность, нежели организмы большой величины, такъ какъ массы ростутъ какъ кубы радіусовъ, а поверхности—какъ квадраты радіусовъ. Очевидно, что при уменьшеніи величины тѣла масса его будетъ уменьшаться быстрѣе поверхности, и слѣдовательно у маленькихъ животныхъ должна относительно преобладать поверхность сравнительно съ животными крупныхъ размѣровъ. Такъ какъ, однако, животныя теряютъ чрезъ поверхность массу тепла, то эти потери не абсолютно, но относительно будутъ больше у маленькихъ животныхъ, и для сохраненія постоянства температуры интензивность процессовъ теплообразованія должна у нихъ быть выше, и слѣдовательно, весь круговоротъ жизни, весь метамор-

фозъ веществъ, всѣ процессы взрывчатаго разложенія жизненнаго пороха, должны у нихъ протекать несравненно живѣе, нежели у животныхъ крупныхъ, теряющихъ сравнительно меньше тепла чрезъ относительно меньшую поверхность тѣла.

Вотъ почему животныя малыхъ размѣровъ съ высокимъ темпомъ жизни имѣютъ при остальныхъ равныхъ условіяхъ меньшіе шансы на долголѣтіе, нежели животныя крупныхъ размѣровъ. Въ добавленіе ко всему сказанному можно указать еще на черепаху, какъ на животное, типическое по медленности своихъ движеній и по медленному обмѣну веществъ; въ ней интензивность процессовъ какъ разрушенія, такъ и созиданія, представляется крайне слабой, темпъ жизни поэтому крайне низокъ, силы организма экономизируются, и въ результатѣ мы видимъ, что, несмотря на свои сравнительно небольшіе размѣры, черепахи доживаютъ нерѣдко до столѣтія, а иногда и больше. Такимъ образомъ мы въ правѣ прибавить къ вышеупомянутымъ условіямъ долголѣтія, а именно къ медленному росту организма и къ сложности его организаціи, еще одинъ факторъ, это—экономію въ расходѣ живыхъ силъ организма.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что продолжительность жизни не обусловливается одною величиной животнаго, сложностью его строенія и темпомъ жизни. Напримѣръ, самки и работницы муравьевъ живутъ нѣсколько лѣтъ въ то время, какъ самцы живутъ едва ли болѣе двухъ недѣль. Всѣ они не отличаются рѣзко ни величиной тѣла, ни строеніемъ его, за исключеніемъ полового аппарата, ни темпомъ обмѣна веществъ, а между тѣмъ мы встрѣчаемъ между ними такую громадную разницу въ продолжительности жизни. Очевидно, что продолжительность жизни приспособилась къ опредѣленнымъ условіямъ существованія, къ извѣстнымъ требованіямъ жизни, среди которыхъ сохраненіе рода, какъ увидимъ, стоитъ на первомъ мѣстѣ. Съ этой точки зрѣнія станутъ для насъ понятны многія явленія изъ жизни, въ особенности, птицъ и насѣкомыхъ.

Начнемъ съ послѣднихъ. У всѣхъ почти насѣкомыхъ смерть наступаетъ вскорѣ послѣ размноженія, и вся жизнь у нихъ какъ бы направлена къ тому, чтобы довести животное до выполненія какъ бы высшей цѣли природы—поддержанія рода. Жизнь и со стороны своей продолжительности какъ бы приспособилась къ осуществленію этой конечной цѣли индивидуальной жизни. Если судить по тому, что̀ мы видимъ на мірѣ насѣкомыхъ, то при-

рода вовсе не печется объ обезпеченіи индивидуумамъ въ зрѣломъ возрастѣ возможно долгой жизни, а напротивъ того, удѣляетъ какъ зрѣлому возрасту ихъ, такъ и періоду ихъ размноженія, наивозможно короткое время. Такъ какъ всѣ почти насѣкомыя въ развитомъ состояніи подвергаются безчисленнымъ нападеніямъ и истребленію со стороны другихъ животныхъ и къ тому же относятся къ животнымъ самымъ продуктивнымъ, т.-е. могущимъ въ самый короткій срокъ давать громадное количество яицъ, то ничего не могло бы быть цѣлесообразнѣе, съ точки зрѣнія сохраненія рода, говоритъ Вейсманъ, какъ укоротить возможно болѣе жизнь насѣкомыхъ и ускорить моментъ наступленія размноженія.

Впрочемъ и въ этомъ отношеніи есть уклоненія, смотря по тому, бываютъ ли готовы у насѣкомыхъ яйца при выходѣ ихъ изъ куколки, должны ли они летать для добыванія пищи, должны ли они раскладывать эти яйца въ разныхъ мѣстахъ или нѣтъ,—словомъ, необходимо ли имъ затрачивать время и усилія для сохраненія рода; сообразно со всѣми этими уклоненіями удлиняется у разныхъ насѣкомыхъ и продолжительность жизни. Въ томъ же смыслѣ говоритъ и фактъ болѣе долгой жизни самокъ сравнительно съ самцами у пчелъ, осъ, муравьевъ, термитовъ.

Мы уже сказали, что царица пчелъ живетъ 5 лѣтъ, тогда какъ самцы-трутни всего 4—5 мѣсяцевъ. Аналогичныя явленія наблюдаются у осъ, муравьевъ и термитовъ. Къ чему же такая разница въ продолжительности жизни различныхъ половъ? Дѣло въ томъ, что роль самцовъ, напр., у пчелъ, послѣ свадебнаго полета въ дѣлѣ поддержанія рода совершенно исчерпывается; они не приносятъ пищи и не помогаютъ устроиваться, они становятся безполезными для общины, и жизнь ихъ быстро потухаетъ. Не то вовсе съ царицей пчелъ и съ пчелами-работницами. Сохраненіе ея на возможно долгое время гарантируетъ болѣе долгій срокъ кладки ею яицъ и, слѣдовательно, болѣе многочисленное потомство, и эта цѣль ей вполнѣ доступна, такъ какъ, живя въ ульѣ и окруженная работницами, грѣющими, кормящими и защищающими ее отъ враговъ, она можетъ вполнѣ предаваться дѣлу размноженія. Вотъ почему жизнь ея и работницъ болѣе продолжительна, чѣмъ жизнь трутней. Очевидно, что продолжительность жизни индивидуумовъ приспособляется къ цѣлямъ охраненія рода.

Этому выводу съ виду можетъ противорѣчить поразительно-долгая жизнь птицъ, надолго переживающихъ начальный періодъ ихъ размноженія. Но это только кажущееся противорѣчіе; если

вспомнить, что многія птицы кладутъ только по одному или по два яйца въ годъ, какъ напр. орлы, и это положенное яйцо подвергается цѣлой массѣ опасностей какъ отъ непогодъ, такъ и отъ другихъ хищниковъ, если представить себѣ, что вылупившійся изъ него птенчикъ все время находится въ опасности, вслѣдствіе безпрерывныхъ отлучекъ родичей, обязанныхъ приносить имъ кормъ, то для обезпеченія рода мыслимъ одинъ только путь—это долголѣтняя жизнь, дающая имъ возможность класть въ теченіе жизни большее число яицъ, изъ которыхъ хоть нѣкоторыя могутъ дать потомковъ, продолжающихъ родъ.

Млекопитающія животныя въ общемъ нуждаются для этой цѣли въ менѣе продолжительной жизни, такъ какъ многія изъ нихъ, напр. кролики и др., могутъ рожать почти ежемѣсячно и давать каждый разъ потомство изъ нѣсколькихъ индивидуумовъ, при томъ уже съ самаго начала жизни болѣе обезпеченныхъ отъ враговъ, нежели птицы, вслѣдствіе наличности періода внутриутробнаго развитія, котораго птицы совершенно лишены.

Зато слонъ, дающій обыкновенно заразъ одного потомка, внутриутробный періодъ развитія котораго длится цѣлыхъ два года, а ростъ не заканчивается еще въ 30 лѣтъ,—слонъ, говоримъ мы, долженъ обладать бо̀льшимъ вѣкомъ для цѣлей сохраненія рода, что̀ на самомъ дѣлѣ и есть.

Въ общемъ мы въ правѣ, слѣдовательно, заключить, что продолжительность жизни есть величина колеблющаяся, опредѣляемая не только внутренними физіологическими условіями организма, но и внѣшними условіями существованія. Физическимъ приспособленіемъ организма къ внѣшнимъ условіямъ существованія, направленнымъ къ достиженію опредѣленныхъ полезностей для цѣлей сохраненія рода, опредѣляется частью также и продолжительность жизни. Приспособленія эти отражаются отъ цѣлаго организма и на образуемое имъ яйцо или оплодотворяющую жидкость, а чрезъ нихъ передаются наслѣдственно уже ряду послѣдующихъ поколѣній.

Если на извѣстную продолжительность жизни того или другого животнаго возможно смотрѣть съ извѣстной точки зрѣнія, какъ на явленіе, обусловленное приспособленіемъ, то и естественная смерть, которой заканчивается жизнь въ тотъ или другой срокъ жизни, не можетъ не считаться также явленіемъ приспособленія, разсчитаннымъ на достиженіе извѣстной цѣлесообразности въ общей жизни природы. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы крысы и кролики отличались долголѣтіемъ слоновъ и человѣка, то при страшной плодовитости ихъ и высокой способности къ

размноженію они, говоритъ Мантегацца, вскорѣ такъ бы заполонили собою міръ, что обратили бы его въ кладбище, и тотъ же результатъ получился бы, конечно, и въ томъ случаѣ, если-бы люди или слоны, при свойственномъ имъ долголѣтіи, обладали еще плодовитостью кроликовъ или крысъ.

Очевидно, что для поддержанія равновѣсія въ жизни природы требовалось, чтобы животныя, обладающія высокой плодовитостью, одарены были въ то же время болѣе короткой индивидуальной жизнью, а животныя менѣе плодовитыя—болѣе длинной дугой жизни. Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, и въ этомъ сказывается приспособительный характеръ естественной смерти, какъ явленія, цѣлесообразно опредѣляющаго продолжительность жизни въ различныхъ животныхъ формахъ. Но вѣдь мы видѣли, что существуютъ многіе низшіе организмы, носящіе въ себѣ условія вѣчнаго существованія, и которымъ вовсе несвойственна смерть въ обычномъ смыслѣ слова. Какъ же тогда понять этотъ фактъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности, и почему смерть, являясь необходимымъ приспособленіемъ для высшихъ организмовъ, необязательна въ то же время для низшихъ?

Мы уже раньше подробно разбирали причины, по которымъ многіе низшіе, недифференцированные организмы могутъ не оканчивать индивидуальной жизни смертью, а довершаютъ ее размноженіемъ или, точнѣе, раздвоеніемъ. Намъ остается поэтому указать здѣсь только на то, почему эта способность низшихъ организмовъ къ вѣчному существованію не противорѣчитъ законамъ цѣлесообразности въ жизни живой природы. Если низшіе, одноклѣточные организмы и носятъ въ себѣ задатки къ вѣчной жизни, то они въ то же время погибаютъ отъ цѣлой массы разрушающихъ ихъ насильственно механическихъ, химическихъ и т. д. вліяній и, кромѣ того, уничтожаются, поѣдаются цѣлой массой другихъ животныхъ; этимъ низшимъ, одноклѣточнымъ организмамъ предстоитъ одно изъ двухъ: или, минуя случайно опасности, находиться въ полной неприкосновенности и слѣдовать пути безконечнаго размноженія, не помирая въ обычномъ смыслѣ слова, —или подвергаться полному насильственному разрушенію. Послѣдняя альтернатива, въ виду малости и нѣжности ихъ тѣла, представляется настолько распространенной, что умѣряетъ результаты ихъ безпримѣрной способности къ безконечному размноженію путемъ раздвоенія, и слѣдовательно, несмотря на наличность этой способности, эти организмы не угрожаютъ заполонить собою міръ и нарушить равновѣсіе въ явленіяхъ живой природы. Мы можемъ сказать даже, не переступивъ границъ возможнаго, что

эта исключительная способность многихъ низшихъ формъ къ безконечной жизни является тоже въ извѣстной степени цѣлесообразнымъ приспособленіемъ въ видахъ поддержанія рода, такъ какъ безъ такой способности формы эти, въ виду ихъ высокой разрушаемости условіями окружающей среды и остальными животными, были бы обречены на скорое истребленіе и полное исчезновеніе.

Итакъ, смерть въ громадномъ большинствѣ болѣе развитыхъ животныхъ, также какъ и отсутствіе естественной смерти во многихъ низшихъ формахъ, представляютъ явленія цѣлесообразныя съ точки зрѣнія поддержанія въ природѣ болѣе или менѣе опредѣленнаго баланса во взаимныхъ количественныхъ соотношеніяхъ различныхъ животныхъ формъ.

Еще два слова о непосредственныхъ причинахъ естественной смерти животныхъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы эта смерть являлась обыкновенно результатомъ полнаго истощенія созидательныхъ силъ всѣхъ клѣтокъ организма; обыкновенно ей предшествуютъ старческія измѣненія, охватывающія не въ одинаковой степени различные ткани и органы; чаще всего поражаются первыми сосудистая и пищеварительная системы. Подробности этихъ пораженій будутъ указаны въ другомъ мѣстѣ. Пока же упомянемъ только, что вслѣдствіе измѣненій стѣнокъ сосудовъ и сердца, а равно и стѣнокъ пищеварительной трубки и снабжающихъ ее соками железъ, разстроивается питаніе тканей и, главнымъ образомъ, составляющихъ ихъ клѣтокъ.

Послѣднія подвергаются различнымъ измѣненіямъ и перерожденіямъ, появляются атрофіи, жировыя и пигментныя перерожденія. Жизненный порохъ живой клѣточной протоплазмы измѣняется въ своемъ составѣ, и функціи органовъ поэтому извращаются, ослабѣваютъ и прекращаются. Угасаніе функцій при приближеніи естественной смерти, какъ это было уже замѣчено извѣстнымъ Биша́, идетъ какъ бы отъ периферіи къ центру: сначала исчезаютъ функціи животной жизни, связанныя съ дѣятельностью аппаратовъ, поддерживающихъ взаимныя соотношенія животныхъ съ окружающимъ міромъ, т.-е. функціи чувства и движенія, а затѣмъ уже только немощь жизни охватываетъ другъ за другомъ и функціи растительной жизни, поддерживающей питаніе организма.

Этотъ ходъ исчезанія функцій при приближеніи естественной смерти, обратный ходу расцвѣта функцій при первоначальномъ ростѣ и развитіи организма, является крайне цѣлесообразнымъ въ смыслѣ разставанія животнаго съ окружающимъ его

міромъ, такъ какъ, благодаря такому теченію, у животнаго лишь мало-по-малу перерываются нити, связывающія его съ окружающей средой: органы чувствъ притупляются, воспріимчивость нервная, также какъ и подвижность, слабѣютъ, и животное незамѣтно уходитъ какъ бы въ себя и, устраняясь все болѣе и болѣе отъ окружающихъ условій жизни, облегчаетъ свое окончательное разставаніе съ нею.

Не всегда, однако, нормальная смерть является послѣдствіемъ медленныхъ старческихъ измѣненій тканей. Такъ, у нѣкоторыхъ животныхъ и въ особенности у насѣкомыхъ нерѣдко наблюдается смерть, зависящая отъ быстраго и почти внезапнаго истощенія организма, такъ-называемая смерть отъ катастрофы. Многія бабочки, однодневныя насѣкомыя послѣ полового акта или послѣ кладки яицъ моментально погибаютъ, не представляя никакихъ видимыхъ измѣненій или перерожденій. Замѣчательны въ этомъ отношеніи самцы пчелъ, умирающіе тотчасъ послѣ полового акта. То же наблюдается и надъ нѣкоторыми пауками, погибающими вслѣдъ за кладкой яицъ. Смерть отъ катастрофы, встрѣчающаяся въ видѣ исключенія у нѣкоторыхъ животныхъ, обратилась для нѣкоторыхъ видовъ насѣкомыхъ въ правило. Такая смерть находитъ отрывочныя аналогіи и въ человѣческомъ родѣ, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда внезапная смерть является послѣдствіемъ сильныхъ аффектовъ, или душевныхъ волненій, или сильнаго нервнаго возбужденія вообще; такъ, внезапная смерть Суллы явилась послѣдствіемъ сильнаго гнѣва, а папы Льва X—сильной радости.

Сказаннымъ исчерпываются главные моменты, опредѣляющіе собою продолжительность жизни животныхъ, и намъ предстоитъ коснуться вкратцѣ продолжительности жизни растеній. И здѣсь, конечно, продолжительность эта представляетъ величайшія колебанія и разнообразные переходы, начиная отъ одноклѣточныхъ водорослей, которыя, подобно амёбамъ, дѣлясь черезъ каждые 2—3 часа на двѣ новыя особи, тѣмъ самымъ живутъ индивидуальной жизнью всего лишь 2—3 часа, и кончая громаднѣйшими деревьями баобабовъ (adansonia digitata), срокъ жизни которыхъ исчисляется въ 1.000 лѣтъ. Въ промежуткѣ мы имѣемъ короткую жизнь травъ, болѣе длинную—кустарниковъ, и длиннѣе ихъ еще – жизнь разнообразныхъ деревьевъ.

Несмотря на то, что жизнь растеній болѣе доступна нашему непосредственному наблюденію, нежели жизнь всевозможныхъ дикихъ звѣрей и животныхъ, проводящихъ свою жизнь на свободѣ,

собираніе точныхъ свѣденій о продолжительности жизни растительныхъ организмовъ представляетъ все же не мало затрудненій. Во-первыхъ, ботаники, подобно зоологамъ, изучая различныя растенія, рѣдко отмѣчаютъ продолжительность ихъ жизни; они весьма часто судятъ о продолжительности жизни по экземплярамъ, находящимся въ гербаріяхъ, и нерѣдко принимаютъ за травы или кустарники то, что на самомъ дѣлѣ относится къ деревьямъ.

А между тѣмъ такое смѣшеніе должно вести къ крупнымъ ошибкамъ, такъ какъ вѣкъ травъ несравненно короче вѣка кустарника, а вѣкъ послѣднихъ вообще безконечно короче жизни деревьевъ.

Далѣе, по экземплярамъ, культивируемымъ въ садахъ, ботаники судятъ нерѣдко о продолжительности жизни тѣхъ же растеній, живущихъ на свободѣ при нормальныхъ природныхъ условіяхъ. А это, между прочимъ, можетъ вести къ крупнымъ ошибкамъ. Такъ, родъ ricinus (клещевина) ростетъ въ своемъ отечествѣ въ видѣ деревьевъ, тогда какъ у насъ при культивированіи въ садахъ она смотритъ однолѣтнимъ растеніемъ; душистая же резеда можетъ при культивировкѣ въ садахъ сдѣлаться кустарниковымъ растеніемъ, въ то время какъ въ естественномъ видѣ, на свободѣ, она представляетъ растеніе однолѣтнее. Извѣстная belle de nuit (mirabilis jalapa), ростущая у насъ въ видѣ однолѣтняго растенія, на своей родинѣ, Америкѣ, цвѣтетъ нѣсколько лѣтъ.

Наконецъ, главная трудность въ дѣлѣ опредѣленія продолжительности жизни растеній лежитъ въ неопредѣленности самаго понятія о растительномъ индивидуумѣ. Слѣдуетъ ли разумѣть подъ индивидуумомъ всякое растеніе, развившееся непремѣнно изъ сѣмени путемъ полового воспроизведенія, или же, кромѣ этого, къ индивидуумамъ должны быть отнесены и растенія, которыя, выйдя изъ своего материнскаго растенія, способны жить отдѣльно и самостоятельно, въ то время какъ самое растеніе-мать—погибаетъ. Если въ основу нашего представленія о растительномъ индивидуумѣ принять первую точку зрѣнія, то въ такомъ случаѣ всѣ агавы, покрывающія каменистыя части Италіи, Греціи, берега Средиземнаго моря и т. д., мы должны были бы принять за одинъ индивидуумъ, такъ какъ всѣ они размножились въ Европѣ, послѣ перевезенія ихъ изъ Америки, не путемъ сѣмянъ и, слѣдовательно не половымъ образомъ; если же стать на вторую точку зрѣнія, то многія наши орхидеи должны бы были быть причислены къ однолѣтнимъ, такъ какъ ежегодно одинъ только побѣгъ, образованный материнскимъ растеніемъ, ведетъ растительную жизнь, тогда какъ самое материнское растеніе погибаетъ. Ни одно изъ

этихъ представленій, однако, не является безупречнымъ, и слѣдовательно оба могутъ считаться неудовлетворительными. Очевидно, что если самое понятіе объ индивидуальности въ мірѣ растеній является неустановленнымъ, то тутъ и труднѣе, нежели въ животномъ царствѣ, обсуждать вопросъ о продолжительности индивидуальной жизни.

Наименѣе всего недоразумѣній представляетъ въ этомъ отношеніи жизнь деревьевъ, ростущихъ въ видѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, у которыхъ есть, кромѣ того, и объективные признаки для опредѣленія ихъ возраста. Дѣло въ томъ, что ростъ въ толщину стволовъ деревьевъ претерпѣваетъ періодическія замедленія или остановки съ наступленіемъ болѣе холоднаго времени года, послѣ которыхъ онъ вновь возобновляется съ наступленіемъ весенняго тепла. При каждомъ такомъ вегетаціонномъ періодѣ образуется новый слой древесинъ, рѣзко отдѣляющійся отъ таковаго слоя какъ предшествующаго, такъ и послѣдующаго года и называемый *годичнымъ древеснымъ кольцомъ*. Эти годичныя кольца легко отличаются даже простымъ глазомъ, такъ какъ древесныя массы, образуемыя въ началѣ вегетаціоннаго періода, имѣютъ другой видъ, нежели тѣ, которыя образуются осенью. Первыя являются болѣе рыхлыми, они болѣе богаты сосудами, состоятъ изъ болѣе широкихъ клѣтокъ, въ особенности въ радіальномъ направленіи, нежели слои осенніе, болѣе плотные и состоящіе, наоборотъ, изъ сжатыхъ въ радіальномъ направленіи клѣтокъ.

Благодаря этому, слои осенніе имѣютъ болѣе темный видъ и бóльшую плотность, вслѣдствіе чего ихъ легко бываетъ отличить на глазъ отъ каждаго послѣдующаго весенняго отложенія древесины. Такъ какъ въ теченіе года образуется одно такое кольцо, обнимающее собою наслоенія какъ весеннія, такъ и лѣтнія и осеннія, то по числу этихъ колецъ легко высчитать и возрастъ даннаго дерева. Вслѣдствіе отсутствія такихъ колецъ на травахъ и неопредѣленности ихъ на кустарниковыхъ труднѣе, конечно, бываетъ опредѣлить возрастъ ихъ, и для этой цѣли приходится за ними безпрерывно слѣдить.

Въ статьѣ профессора Сорокина „О долговѣчности растеній“ приведена масса любопытныхъ примѣровъ деревьевъ-патріарховъ, жизнь которыхъ измѣряется вѣками и тысячелѣтіями. Въ виду громаднаго интереса, представляемаго этими великанами долговѣчности, мы считаемъ нелишнимъ ознакомить съ ними читателей, руководствуясь тѣми матеріалами, которые собраны въ статьѣ вышеназваннаго автора.

Дубъ—этотъ символъ крѣпости и долголѣтія—можетъ дости-

гать глубокой старости. Такъ, во времена Плинія имѣлись дубы, которымъ, по малой мѣрѣ, было 1.500 лѣтъ; три такіе экземпляра стояли на мѣстѣ древняго Тибура, четвертый же—на мѣстѣ Ватикана, и къ нему относились съ большимъ почтеніемъ, такъ какъ онъ считался уже очень старымъ во время основанія Рима. Въ настоящее время около Дармштадта имѣется экземпляръ дуба въ 36 футовъ въ окружности, которому приписываютъ возрастъ въ 1.000 лѣтъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи имѣются дубы, имѣющіе болѣе 43 футовъ въ обхватѣ и, слѣдовательно, далеко пережившіе 1.000-лѣтній возрастъ. Въ Силезіи имѣется дубъ, которому 1.200 лѣтъ, и въ его дуплѣ расположились мастерскія портного и сапожника. Во Франціи существуетъ дубъ, полый внутри; въ немъ поставленъ круглый столъ съ мѣстами для 12 человѣкъ; въ это громадное дупло ведетъ дверь, а въ стѣнкѣ дуба продѣлано окно. Дубу этому 2.000 лѣтъ отъ роду.

Знаменитый каштанъ горы Этны, корень котораго имѣетъ въ окружности 196 футовъ, по мнѣнію Тандона, живетъ уже 650 лѣтъ, но многимъ ботаникамъ цифра эта кажется черезъ-чуръ малой.

До какой долговѣчности можетъ достигать липа, примѣромъ тому могутъ служить слѣдующіе факты. Декандоль описываетъ экземпляръ липы во Франціи, число лѣтъ которой, по разсчету этого ученаго, равняется 538 годамъ (это относится къ 1804 году). Въ Виртембергскомъ королевствѣ есть липа, которой теперь 670 лѣтъ. Ее уже воспѣвали въ стихахъ въ 1408 году; съ 1831 года она была подперта 106 столбами. Близь Фрейбурга имѣется экземпляръ липы, изломанной бурею, который было по крайней мѣрѣ, 817 лѣтъ, и она еще въ 1476 году обращала на себя всеобщее вниманіе своими грандіозными размѣрами. Въ Саксоніи, возлѣ мѣстечка, гдѣ родился философъ Фихте, ростетъ еще липа въ 43 фута въ окружности, возрастъ которой не менѣе 1000 лѣтъ. По словамъ Россмеслера, самымъ громаднымъ экземпляромъ липы можетъ считаться тотъ, который еще въ 1849 году изуродованъ былъ, вѣроятно, бурей, и уже въ 1390 году былъ гигантскихъ размѣровъ. Нынѣ сохранилось только дупло этого дерева, прожившаго 1235 лѣтъ.

Между елями, кипарисами и кедрами насчитываютъ также много преклонныхъ старцевъ; такъ, извѣстны ели, живущія 700 лѣтъ, кипарисы 1.500 лѣтъ, кедры 2.000 лѣтъ и, наконецъ, тиссы (Taxus) 3.000 лѣтъ. Описываютъ кипарисы, имѣвшіе 1450 годичныхъ слоевъ, а Страбонъ видѣлъ въ Персіи экземпляръ такой

величины, что его едва обхватывали пять человѣкъ и возрастъ котораго оцѣнивался въ 2.500 лѣтъ.

Чинары относятся также къ деревьямъ, достигающимъ необыкновенно глубокой старости. Въ окрестностяхъ Константинополя стоитъ чинаръ въ 90 футовъ вышины и 150 футовъ въ обхватѣ. Крона дерева покрываетъ 500 квадратныхъ футовъ и возрастъ его опредѣляется въ 4.000 лѣтъ. Кедры ливанскіе достигаютъ 1.300—1.500 и болѣе этого лѣтъ.

Нѣкоторыя фруктовыя деревья отличаются также большой долговѣчностью. Такъ, близь Лейпцига имѣется грушевое дерево гораздо старше 300 лѣтъ; вишневыя деревья иногда не уступаютъ въ этомъ грушевымъ, и грецкій орѣхъ, обыкновенный орѣхъ, оливковыя и лавровыя деревья свободно доживаютъ до 200 лѣтъ. Въ Крыму близь Балаклавы находится грецкій орѣхъ, возрастъ котораго опредѣляется въ нѣсколько тысячъ лѣтъ; ежегодно онъ приноситъ до 100.000 орѣховъ и служитъ кормильцемъ пяти татарскихъ семействъ. Апельсинное дерево, ростущее въ саду монастыря St. Salina, было посѣяно въ 1201 году и, слѣдовательно, имѣетъ въ настоящее время почти 700-лѣтній возрастъ.

Впрочемъ не только деревья, но и иные кустарники отличаются также долголѣтіемъ. Такъ, въ мѣстечкѣ Гильдесгеймъ подъ защитой каменныхъ церковныхъ стѣнъ находится могучій кустъ шиповника, извѣстный всей Германіи подъ названіемъ „der tausendjährige Rosenstock“. Плющъ вблизи Монпелье, по описанію Декандоля, еще въ 1804 году имѣлъ 485 лѣтъ отъ роду, а плющъ въ аббатствѣ Fauntair долженъ быть не моложе 1.000 лѣтъ.

Въ тропическихъ странахъ, благодаря изобилію влаги и тепла, насчитывается несравненно болѣе старыхъ деревьевъ, нежели въ другихъ климатахъ. Такъ, въ Калифорніи возрастъ одного срубленнаго экземпляра мамонтова дерева былъ равенъ 3.000 годамъ, и таковыхъ имѣется нѣсколько. Такъ, имѣется дупло отъ сваленнаго дерева, подъ названіемъ „школа верховой ѣзды“, въ которомъ можно проѣхать верхомъ 75 шаговъ, а одинъ стволъ мамонтова дерева, лежащій нѣсколько столѣтій на землѣ, имѣетъ въ окружности у самаго корня 1.010 футовъ. По приблизительному счету годичныхъ слоевъ возрастъ дерева не менѣе 5.000 лѣтъ.

Громадной долговѣчности достигаютъ въ Остъ-Индіи и смоковницы; такъ, при рѣкѣ Нербудѣ, въ Индіи, имѣется баньяновая смоковница, которую видѣлъ еще Александръ Македонскій; она одна представляетъ тѣнистый лѣсъ, въ которомъ отдыхаютъ

многочисленные путешественники съ слонами и лошадьми; возрастъ ея оцѣнивается въ 3.000 лѣтъ. На островѣ Цейлонѣ стоитъ еще теперь священная смоковница (ficus religiosa), подъ тѣнью которой, по мнѣнію туземцевъ, отдыхалъ самъ Будда. 2.000 лѣтъ тому назадъ къ дереву этому относились съ благоговѣніемъ, также какъ и теперь. Можно представить себѣ, какъ старо это дерево, и оно все же и въ наши дни продолжаетъ все рости въ ширь, даетъ свѣжую и зеленую листву, укрывающую по прежнему отъ горячихъ солнечныхъ лучей множество факировъ и богомольцевъ.

Но первенствующее мѣсто среди всѣхъ этихъ гигантовъ старины принадлежитъ по справедливости патріарху лѣсовъ—баобабу Сенегамбіи (adansonia digitata), этому слону между растеніями. Самый старый изъ извѣстныхъ экземпляровъ ростетъ въ Сенегамбіи, близь деревни Гранъ-Галарквесъ. Въ срединѣ онъ пустъ, и дупло превращено въ залъ, въ которомъ собирается до 200 человѣкъ. По вычисленіямъ, этому баобабу должно быть болѣе 5.000 лѣтъ, и слѣдовательно онъ является наиболѣе старымъ живымъ памятникомъ въ мірѣ. Адансонъ полагаетъ, что экземпляръ этотъ есть современникъ строителей большихъ египетскихъ пирамидъ, и что дерево это приносило плодъ въ то время, когда созвѣздіе южнаго Креста было видимо на балтійскихъ берегахъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, драконово дерево можетъ считаться соперникомъ баобабу, и особенной старостью отличается экземпляръ, имѣющійся на островѣ Тенерифѣ. Гумбольдтъ указываетъ на преданіе, по которому гуанки, исчезнувшіе первобытные жители острова, поклонялись этому дереву, и въ 1402 году оно было такъ же толсто, какъ и теперь (т.-е. во время наблюденія Гумбольдтомъ этого дерева, въ 1799 году). Отсюда легко видѣть, какъ дерево это медленно утолщается и сколько должно было пройти вѣковъ, чтобы стволъ достигъ 12 футовъ въ діаметрѣ.

Представивъ здѣсь картину этихъ патріарховъ растительнаго міра, мы все же должны сказать, что они не дѣлаютъ исключенія изъ общихъ законовъ, управляющихъ ходомъ развитія и роста растительныхъ индивидуумовъ.

Каждому растенію предстоитъ пройти черезъ двѣ фазы развитія, а именно, черезъ фазу произрастанія или вегетаціи и другую фазу—размноженія, обѣ обусловленныя явленіями питанія. Въ простѣйшихъ случаяхъ обѣ эти фазы продѣлываются одной и той же клѣткой: она, будучи органомъ воспринятія пищи, перерабатываетъ ее для собственнаго роста, который направленъ къ

тому, чтобы накопить въ клѣткѣ столько энергіи, чтобы простымъ подраздѣленіемъ образовать два новыхъ индивидуума, причемъ прекращается индивидуальное существованіе первоначальной клѣтки.

Иначе, хотя и подобно, проявляется жизнь у тѣхъ растеній, которыя по своему сложному строенію представляютъ противоположность простымъ клѣткамъ. И здѣсь все питаніе растенія въ основѣ своей направлено къ тому, чтобы сдѣлать его способнымъ къ размноженію; но здѣсь эта конечная цѣль достигается самымъ различнымъ образомъ и въ самое различное время, и когда она достигается, то далеко не во всѣхъ случаяхъ жизнь прекращается вслѣдъ за размноженіемъ.

Одни растенія пробѣгаютъ въ безпрерывномъ ростѣ весь жизненный путь свой вплоть до окончательной цѣли размноженія, собираютъ во все это время силы при посредствѣ своихъ органовъ питанія, и какъ только дѣлается возможнымъ актъ размноженія, то они воспроизводятъ его и, какъ бы истощенныя имъ, вслѣдъ за этимъ погибаютъ. Другія растенія не въ состояніи въ короткій срокъ достигнуть своей половой зрѣлости; они нуждаются для этого въ болѣе продолжительномъ срокѣ. Этой цѣли они достигаютъ тѣмъ, что ростутъ въ теченіе нѣкотораго времени и затѣмъ переходятъ въ покой, послѣ котораго вновь наступаетъ періодъ повышенія роста и силъ, пока, наконецъ, не достигнута будетъ половая зрѣлость. Послѣ совершившагося размноженія и они помираютъ, истощенныя этимъ актомъ. Третья группа, наконецъ, достигаетъ способности къ размноженію въ теченіе бо̀льшаго или мѐньшаго срока времени, и, достигнувъ этой цѣли, растенія эти не затрачиваютъ всѣхъ силъ на образованіе своихъ потомковъ, но, рядомъ съ затратой воспринятой пищи, на эту цѣль идетъ затрата другой части ея на образованіе постоянныхъ, стойкихъ органовъ, благодаря которымъ растенія послѣ образованія плода могутъ существовать и дольше, и вновь стремиться къ размноженію, продолжая вновь накоплять и образуя все далѣе постоянные стойкіе органы.

Согласно съ этими тремя категоріями растеній, мы и замѣчаемъ въ нихъ самую разнообразную продолжительность жизни, и если мы спросимъ себя, въ чемъ же лежитъ причина этихъ различій, то мы должны будемъ придти къ тому заключенію, что они отчасти обусловливаются приспособленіемъ къ окружающимъ внѣшнимъ условіямъ климата, почвы и т. д. Конечно, условія эти не могутъ сами по себѣ, помимо активнаго участія самого растенія, заставить его приспособляться, и въ растеніи самомъ лежитъ актив-

ная жизненная способность реагировать на вліянія, дѣйствующія извнѣ, и тѣмъ самымъ видоизмѣняться въ направленіи, наиболѣе благопріятномъ для жизни вообще и для самой продолжительности послѣдней въ частности. Изученіе самыхъ разнообразныхъ растеній, произведенное Гильдебрандомъ, показало, что существуютъ роды и виды растеній, которые въ отношеніи продолжительности жизни и способа своего произростанія представляются теперь совершенно установившимися, другіе же, напротивъ того, находятся въ состояніи неустойчивомъ, колеблющемся; одни, слѣдовательно, уже совершенно приспособились, другіе же находятся на пути безпрерывныхъ приспособленій.

Детальное изученіе предмета ясно указываетъ на то, что продолжительность жизни растеній рѣзко измѣняется подъ вліяніемъ многообразныхъ внѣшнихъ условій. Климатъ стоитъ въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ, такъ какъ температура, влажность, освѣщеніе и воздушныя теченія суть условія, въ тѣсной зависимости отъ которыхъ стоитъ вся жизнедѣятельность растеній. Далѣе, и почвенныя условія отражаются также на образѣ жизни растеній и на продолжительности ихъ жизни. Кромѣ того, растенія также зависятъ отъ окружающихъ ихъ растеній и животныхъ, могущихъ быть имъ вредными или полезными. Сообразно со всѣми этими условіями и самое растеніе должно измѣняться, приспособляться, чтобы выдержать натискъ тѣхъ или другихъ невыгодныхъ условій существованія.

Животное царство находится въ меньшей зависимости отъ измѣнчивости внѣшнихъ условій жизни, такъ какъ животныя своимъ свободнымъ передвиженіемъ могутъ легче ускользать отъ этихъ перемѣнъ, а потому мы и встрѣчаемъ въ растительномъ царствѣ большее разнообразіе въ продолжительности жизни, нежели въ животномъ царствѣ. Что касается холода, то онъ можетъ, смотря по растеніямъ, вести то къ укороченію, то къ удлиненію жизни; растенія 2 — 3-лѣтнія въ теплыхъ климатахъ могутъ обратиться, попадая въ болѣе холодные пояса, въ однолѣтнія, если только они могутъ такъ ускорить весь ходъ своего развитія, чтобы дать плоды до наступленія зимы. И напротивъ того, растенія, не обладающія такой скоростью роста и развитія, будутъ подъ вліяніемъ холода удлинять свое существованіе, перезимовывать и накоплять силы для цвѣтенія въ будущемъ, черезъ два-три и болѣе года.

Такъ, на крайнемъ сѣверѣ и на Альпахъ однолѣтнія растенія почти совершенно исчезаютъ,—говоритъ Браунъ.—Объясняется это тѣмъ, что благодаря ночному холоду, какъ въ весеннее, такъ

и лѣтнее время, удлиненіе ствола задерживается, и сохраненный запасъ силъ и матеріи идетъ на одеревенѣніе стволика и на превращеніе его въ болѣе постоянное образованіе. По наблюденіямъ Бэра, многія растенія одного и того же вида въ Новой Землѣ ростутъ втрое дольше, чѣмъ въ Петербургѣ.

Повышеніе температуры можетъ вліять въ обоихъ направленіяхъ: на одни растенія повышенная температура вліяетъ ускоряющимъ образомъ, способствуя наступленію цвѣтенія, послѣ котораго растеніе быстро истощается и погибаетъ; на другія же дѣйствуетъ наоборотъ, какъ это видимъ на тропикахъ, и какъ на это указано было Гильдебрандтомъ.

Каждое растеніе въ извѣстной мѣстности болѣе или менѣе приспособилось къ условіямъ господствующей влажности. Повидимому, влажность дѣйствуетъ на продолжительность жизни только въ одномъ направленіи, а именно увеличивая ее: вегетативныя части растенія больше ростутъ, цвѣтеніе обнаруживается позже и сѣмена позднѣе поспѣваютъ, и такимъ образомъ изъ однолѣтнихъ они нерѣдко превращаются въ многолѣтнія. Не столько холодъ, сколько сырость замедляетъ поспѣваніе плодовъ въ различныя времена года. И географическое распредѣленіе однолѣтнихъ растеній показываетъ, что сырость не благопріятствуетъ имъ. Такъ, въ Новой Зеландіи и проч. однолѣтнія растенія отступаютъ на второй планъ и господствуютъ многолѣтнія. Сухость же дѣйствуетъ въ обратномъ смыслѣ, въ особенности въ связи съ высокой температурой, т.-е. способствуетъ укороченію жизни растеній.

Сильныя воздушныя теченія естественно могутъ вредить какъ однолѣтнимъ нѣжнымъ травамъ, такъ и громаднымъ деревьямъ, ломая тѣ и другія и уничтожая ихъ жизнь. Форма кустиковъ съ глубокими корнями представляется при сильныхъ воздушныхъ теченіяхъ наиболѣе благопріятной, и на самомъ дѣлѣ на Фолкландскихъ островахъ, въ Японіи и Вестъ-Индіи форма кустовъ и низкихъ деревьевъ является господствующей, а вмѣстѣ съ этимъ, конечно, приспособляется къ формѣ растенія и самая продолжительность его жизни.

Что касается до вліянія освѣщенія, то интересно то, что болѣе слабый свѣтъ способствуетъ усиленному росту вегетативныхъ частей растенія и замедляетъ образованіе цвѣтовъ и плодовъ, удлиняя тѣмъ самымъ жизнь. Такъ какъ съ слабымъ освѣщеніемъ идетъ обыкновенно рука объ руку и низкая температура, и усиленная влажность, то все это, вмѣстѣ взятое, должно тѣмъ болѣе вести къ удлиненію срока жизни растенія Географическое

распредѣленіе растеній указываетъ намъ въ общемъ на слѣдующую черту: равномѣрный климатъ способствуетъ развитію долговѣчныхъ и одеревенѣвающихъ растеній, т.-е. деревьевъ, тогда какъ періодически мѣняющійся климатъ благопріятствуетъ, напротивъ того, преобладанію растеній съ короткой продолжительностью жизни, т.-е. травъ и кустарниковъ.

Почва сухая, песчаная, благопріятствуетъ развитію растеній съ короткимъ періодомъ жизни, и напротивъ того, почва сырая, богатая питательными веществами, способствуетъ развитію долговѣчныхъ растеній и деревьевъ.

Изъ приведеннаго, далеко не полнаго, перечня условій, вліяющихъ на продолжительность жизни растеній, легко видѣть, что величина эта колеблется и, конечно, въ несравненно болѣе широкихъ предѣлахъ, нежели у животныхъ организмовъ.

Какія же, спрашивается, аналогіи и какія разницы существуютъ въ отношеніи условій, опредѣляющихъ продолжительность жизни животныхъ и растеній? Главный результатъ, къ которому приходитъ Гильдебрандтъ, на основаніи анализа продолжительности жизни растеній, имѣетъ много общаго съ выводами, сдѣланными нами по отношенію къ продолжительности жизни животныхъ. Оказывается, что продолжительность жизни растеній не представляетъ неизмѣнной величины, и что она можетъ рѣзко видоизмѣняться подъ вліяніемъ разнообразныхъ жизненныхъ условій. Изслѣдованіе показало, что съ теченіемъ времени и при измѣненіи внѣшнихъ условій существованія однолѣтнее растеніе можетъ превращаться въ многолѣтнее, и наоборотъ, многолѣтнее—въ однолѣтнее. Только внѣшнія условія, вліяющія на продолжительность жизни, представляются для растеній иными, чѣмъ для животныхъ; это и понятно, если вспомнить все различіе въ условіяхъ существованія животныхъ и растеній. Въ то время, какъ въ продолжительности жизни животныхъ разрушеніе зрѣлаго индивидуума играетъ существенную роль въ экономіи природы,—растенія, разъ они успѣли подрости, болѣе обезпечены въ своемъ существованіи, такъ какъ отжившія части деревенѣютъ и составляютъ твердый остовъ для дальнѣйшаго развитія все новыхъ и новыхъ клѣточныхъ поколѣній, складывающихся все въ новые и новые побѣги. Главный періодъ разрушенія выпадаетъ на ихъ первый ранній возрастъ, подобный тому, какъ это мы видимъ и на животныхъ, и отражается, главнымъ образомъ, на степени ихъ плодовитости, а не прямо на продолжительности ихъ жизни. Здѣсь вліяютъ больше климатическія условія, въ особенности періодическая смѣна лѣта и зимы, или періоды засухи или ливней, отъ

которыхъ растенія не могутъ находить защиты въ природѣ. Во всякомъ случаѣ существуетъ то общее между растеніями и животными, что продолжительность жизни несомнѣнно зависитъ у тѣхъ и другихъ отъ внѣшнихъ условій существованія, и что только высшія многоклѣточныя растительныя формы носятъ въ себѣ зародышъ смерти, тогда какъ низшіе одноклѣточные организмы носятъ въ себѣ задатки безпредѣльной жизни.

Кромѣ того, мы и въ растительномъ царствѣ видимъ, что съ усложненіемъ организаціи, съ появленіемъ принципа подраздѣленія труда между органами и тканями, повышается и продолжительность ихъ жизни,—и долговѣчность, измѣряемая тысячелѣтіями, составляетъ, на самомъ дѣлѣ, нерѣдко принадлежность гигантскихъ деревьевъ, ростущихъ въ ровномъ и мягкомъ климатѣ. Общее для растеній и животныхъ, безсмертное ядро ихъ пропагаторныхъ клѣтокъ является лишь слабымъ утѣшеніемъ того, что то, что̀ чувствуетъ себя какъ индивидуумъ, безвозвратно погибаетъ въ нашей земной жизни. То же, что̀ жизнепостоянно, что̀ вѣчно, какъ въ животныхъ, такъ и въ растеніяхъ, не есть индивидуумъ, не есть тотъ комплексъ клѣтокъ, который чувствуетъ и представляетъ себя какъ *я*, а индивидуальность низшаго порядка, совершенно чуждая ихъ сознанію,—именно, одна отдѣлившаяся отъ нихъ клѣтка, именуемая зародышевымъ яйцомъ.

Интересна еще одна аналогія между растительнымъ и животнымъ царствомъ: періодъ размноженія у многихъ животныхъ, соотвѣтствующій періоду цвѣтенія и образованія плодовъ въ растительномъ царствѣ, ведетъ во многихъ случаяхъ къ ослабленію жизнедѣятельности и къ прекращенію жизни тѣхъ и другихъ. Многія однолѣтнія растенія уподобляются въ этомъ отношеніи міру насѣкомыхъ, которыя, вслѣдъ за совершившимся размноженіемъ, вслѣдъ за кладкой яицъ, прекращаютъ свое земное существованіе. Рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ міромъ деревьевъ, жизнедѣятельность которыхъ, подобно жизнедѣятельности многихъ высшихъ животныхъ, не истощается выполненіемъ функцій размноженія, а переживаетъ надолго эти послѣднія, причемъ весь запасъ силъ употребляется у растеній на вегетативные процессы, на дальнѣйшій ростъ и увеличеніе объема, а у животныхъ на поддержаніе тѣла въ извѣстномъ statu quo.

Однако между тѣми и другими наблюдается и весьма существенная разница. Такъ, у растеній продолжительность періода роста не стоитъ ни въ какомъ прямомъ отношеніи къ продолжительности всей жизни; существуютъ растенія съ короткимъ

періодомъ роста, но отличающіяся большой долговѣчностью, и наоборотъ, такія, которыя весь вѣкъ свой безпрерывно ростутъ, но самый-то вѣкъ ихъ представляется несомнѣнно короткимъ. Очевидно, что въ этомъ отношеніи растенія и животныя рѣзко отличаются между собою, и способъ, предложенный Флурансомъ для измѣренія естественной продолжительности жизни, сводящійся для животныхъ къ упятеренію продолжительности періода ихъ роста, непримѣнимъ къ растеніямъ. Эта разница, впрочемъ, совершенно понятна, если вспомнить, что отличительной чертой растительнаго міра служитъ преобладаніе вегетативныхъ процессовъ надъ всѣми другими жизненными функціями. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ растенія во время своей жизни развиваютъ малое количество живыхъ силъ, т. е. представляютъ лишь самую слабую степень развитія тепла, почти полное отсутствіе активныхъ движеній, отсутствіе и всякихъ проблесковъ психической дѣятельности, на развитіе которыхъ требовалось бы взрывчатое разложеніе живого, составляющаго ихъ, клѣточнаго вещества,—то и понятно, что вещества, усвоиваемыя ими изъ почвы и воздуха, должны, накопляясь въ растеніяхъ и превращаясь созидающими силами клѣтокъ въ живое клѣточное вещество, идти безпрерывно на ростъ ихъ и на размноженіе, что̀ на самомъ дѣлѣ мы и видимъ.

Растенія суть по преимуществу живые механизмы синтеза веществъ, и этимъ обусловливается, главнымъ образомъ, вегетативный характеръ ихъ жизни; тогда какъ животныя суть по преимуществу механизмы анализа, взрывчатаго разложенія сложныхъ и возобновляемыхъ ими органическихъ соединеній, и поэтому процессы роста тканей, органовъ и всего тѣла въ совокупности отступаютъ у нихъ на второй планъ, а на первый выдвигаются функціональныя отправленія, источникомъ которыхъ служатъ живыя силы, развиваемыя безпрерывнымъ взрывчатымъ разложеніемъ жизненнаго пороха.

Неудивительно поэтому, что характеристичной особенностью растеній служитъ безпрерывный ростъ ихъ во время жизни, періодически задерживаемый и усиливаемый сообразно съ временами года, съ періодическими смѣнами холода и тепла; единственнымъ же актомъ въ жизни растеній, во время котораго особенно дѣятельно развиваются живыя силы, является актъ размноженія, актъ цвѣтенія и образованія плодовъ, сопровождающійся усиленнымъ газообмѣномъ и теплопродукціей; въ этомъ какъ разъ періодѣ особенно дѣятельно происходятъ въ растеніяхъ и процессы взрывчатаго разложенія живого клѣточнаго вещества, служащіе источ-

никомъ развитія живыхъ силъ, необходимыхъ для осуществленія высшаго назначенія растенія—его размноженія.

Въ качествѣ примѣра того, что цвѣтеніе растеній сопровождается усиленнымъ развитіемъ теплоты, укажемъ здѣсь на наблюденія Губерта, произведенныя имъ на островѣ Бурбонѣ. Когда авторъ этотъ помѣщалъ вокругъ термометра пять початковъ arum cardifolium (colocasia odora), то ртутный столбикъ въ термометрѣ повышался до 44°, при температурѣ окружающаго воздуха въ 19°; когда же онъ окружилъ шарикъ термометра 12 початками, то термометръ повысился до 49,5°, и слѣдовательно они развили такое количество собственной теплоты, которое повысило температуру окружающей термометръ среды на 30,5°.

Другой актъ, въ высшей степени дѣятельный въ жизни растеній, а именно проростаніе сѣмянъ, также сопровождается развитіемъ тепла. Фактъ этотъ настолько общеизвѣстенъ, что мы упоминаемъ о немъ лишь вскользь и желаемъ отмѣтить здѣсь только лишь то общее явленіе, что всѣ крайне дѣятельныя фазы въ жизни растеній сопровождаются явнымъ развитіемъ живыхъ силъ и, слѣдовательно, рѣзкими превращеніями и разложеніями живой клѣточной протоплазмы.

Вотъ, между прочимъ, почему актъ цвѣтенія истощаетъ большинство растеній, замедляетъ въ нихъ вегетативные процессы и служитъ нерѣдко финаломъ ихъ жизни. Изъ массы примѣровъ укажемъ здѣсь на бамбукъ и agave americana. Бамбукъ въ тропическихъ странахъ ростетъ и достигаетъ до 25 метровъ высоты при толщинѣ въ 10—15 сантиметровъ, и послѣ цвѣтенія и созрѣванія плодовъ онъ на вѣки погибаетъ; по выраженію проф. Сорокина, тамъ, гдѣ незадолго шумѣлъ изящный зеленый лѣсъ, можно видѣть только кучу поблекшихъ, мертвыхъ листьевъ и сухихъ палокъ.

Другое растеніе, agave americana, въ жаркихъ поясахъ въ теченіе 10—15 лѣтъ, а въ нашихъ южныхъ мѣстахъ въ теченіе 50—60 и болѣе лѣтъ, даетъ только пучокъ большихъ и толстыхъ листьевъ, покрытыхъ иглами; затѣмъ растеніе это вдругъ, съ удивительной быстротой выгоняетъ высокій стволъ въ нѣсколько метровъ, вершина котораго покрывается цвѣтами; по образованіи плодовъ растеніе начинаетъ быстро желтѣть, сохнуть и затѣмъ вскорѣ совершенно погибаетъ.

Сказанное объ этихъ двухъ растеніяхъ повторяется, конечно, и на цѣлой массѣ другихъ растеній, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ. Очевидно, слѣдовательно, что актъ цвѣтенія истощаетъ многіе растительные организмы и для многихъ изъ нихъ служитъ

мотивомъ ихъ гибели. Поэтому однолѣтнія растенія можно заставить сдѣлаться многолѣтними, предупреждая ихъ цвѣтеніе и фруктифицированіе, и этотъ опытъ можетъ продѣлать каждый съ обыкновенной резедой (reseda odorata). И наоборотъ, двухлѣтнія растительныя формы (melilotus dentata, echinospermum lappula), давая при извѣстныхъ условіяхъ цвѣтъ и плоды, на первый же годъ вслѣдъ за этимъ погибаютъ, т.-е. изъ двухлѣтнихъ обращаются въ однолѣтнія.

Такимъ образомъ, продолжительность жизни растеній не стоитъ ни въ какомъ прямомъ отношеніи къ періоду ихъ роста, а находится въ извѣстной связи съ болѣе раннимъ или болѣе позднимъ наступленіемъ періода ихъ цвѣтенія и образованія плодовъ; чѣмъ ранѣе, повидимому, наступаетъ первое цвѣтеніе, тѣмъ кратковременнѣе обыкновенно бываетъ срокъ жизни растенія, и наоборотъ. И въ самомъ дѣлѣ, цвѣтеніе травъ наступаетъ въ болѣе ранній срокъ ихъ развитія, нежели цвѣтеніе кустарниковыхъ, а цвѣтеніе послѣднихъ несравненно ранѣе цвѣтенія большинства деревьевъ, и сообразно съ этимъ мы и видимъ, что долговѣчность ростетъ, начиная отъ травъ и кончая деревьями. Впрочемъ мы не имѣемъ никакого понятія о числовыхъ отношеніяхъ между срокомъ жизни растенія до его перваго цвѣтенія и всею продолжительностью его жизни.

Спрашивается теперь: каковы непосредственныя причины естественной смерти растеній?

Жизнь растеній, подобно жизни животныхъ, въ сущности, должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ наличности находятся созидающія силы клѣточнаго живого вещества. Эти силы, подобно тому, что мы видѣли и у животныхъ, имѣя своимъ первымъ источникомъ созидающія силы, кроющіяся въ оплодотворенныхъ сѣменахъ, по мѣрѣ образованія все новыхъ и новыхъ клѣточныхъ поколѣній должны, конечно, также постепенно ослабѣвать и изсякать, и потому мы и въ мірѣ растеній встрѣчаемся съ знакомой нами дугой жизни съ ея восходящей частью, апогеемъ развитія и упадка. Но только кривая эта представляетъ ту отличительную особенность, что восходящая часть, соотвѣтствующая періоду роста, является преобладающей надъ всѣми остальными частями жизненной дуги и, вытянувшись въ нѣкоторыхъ растеніяхъ на протяженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, быстро падаетъ и изсякаетъ.

Дуга животной жизни представляется, слѣдовательно, отличною отъ дуги жизни растеній, и въ то время, какъ у большинства животныхъ вся дуга можетъ быть подраздѣлена на двѣ при-

близительно равныя половины—восходящую, соотвѣтствующую періоду роста и развитія, и нисходящую, соотвѣтствующую періоду упадка и разрушенія съ періодомъ апогея въ серединѣ,—у растеній періодъ баланса уже почти отсутствуетъ, и періодъ упадка быстро слѣдуетъ за длиннымъ періодомъ восходящей части дуги жизни, выражающей собою періодъ роста. Это, впрочемъ, понятно, разъ мы вспомнимъ, что вся жизнедѣятельность растеній сконцентрировывается на вегетативныхъ процессахъ и на актѣ размноженія, и только мало расходуется на взрывчатыя разложенія живой матеріи, лежащія въ основѣ развитія живыхъ силъ.

Что же служитъ, слѣдовательно, ближайшей причиной смерти травъ, кустарниковъ и деревьевъ? Неспособность ихъ клѣточныхъ образованій усвоивать питательныя вещества изъ внѣшней природы, изъ почвы и воздуха, и превращать въ живыя ткани, составляющія ихъ. Сигналомъ къ такому прекращенію можетъ и не служить истощеніе всѣхъ созидательныхъ силъ во всѣхъ клѣточныхъ образованіяхъ различныхъ органовъ растенія,—въ листьяхъ, корняхъ и въ камбіальномъ слоѣ корней и стволовъ, а достаточно, чтобы такое истощеніе наступило въ какой-либо одной изъ существеннѣйшихъ частей растительнаго организма,—въ корняхъ его, въ листвѣ или въ клѣточныхъ элементахъ образовательнаго слоя.

При отмираніи корней все растеніе уже не въ состояніи получать питательныхъ веществъ почвы, необходимыхъ для новообразованія и дальнѣйшаго роста клѣтокъ. При исчезаніи листвы, растеніе уже не въ состояніи усвоивать углекислоты воздуха и превращать углеродъ ея въ углеродистыя составныя части—въ крахмалъ, клѣтчатку и т. д. И такимъ образомъ все, что подрѣзаетъ приходъ веществъ извнѣ и превращеніе ихъ въ ткани растенія, подрываетъ его жизнь, и такимъ образомъ гибнутъ какъ травы съ короткимъ срокомъ жизни, такъ и тысячелѣтнія гигантскія деревья.

Легко узнать погибшее растеніе, погибшее дерево, конечно, не по отсутствію въ немъ движеній или чувствительности, не потому, что оно тотчасъ сваливается, какъ это случается обыкновенно съ животными и чего не бываетъ никогда съ индивидуумами растительными, а по прекращенію всѣхъ образовательныхъ вегетативныхъ процессовъ, по отсутствію новыхъ побѣговъ, неспособности давать листву и т. д. Тысячелѣтнее погибшее дерево, въ видѣ голаго остова, долго еще послѣ смерти своей продолжаетъ держаться на своемъ мѣстѣ, въ видѣ печальнаго образа своего прежняго величія, и, подвергаясь разрушительному вліянію

времени, постепенно переходитъ въ тлѣніе, гніеніе и подъ конецъ обращается въ элементы тѣхъ стихій, которымъ оно было обязано своей жизнью.

Преждевременная смерть цѣлой массы растеній и деревьевъ обусловливается, также какъ и въ животномъ царствѣ, развитіемъ цѣлаго ряда болѣзней, поражающихъ ихъ, и гибель растительныхъ формъ можетъ зависѣть, какъ отъ пагубнаго вліянія развивающихся на нихъ паразитовъ, какъ явнобрачныхъ, такъ и тайнобрачныхъ, отъ различнаго рода пораненій, такъ и вредныхъ условій климата и почвы.

Не слѣдуетъ забывать, что растеніе, благодаря отсутствію способности къ двигательной реакціи, къ передвиженію и т. д., несравненно беззащитнѣе животнаго въ дѣлѣ борьбы съ вредными условіями жизни; растеніе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ способно защититься отъ опасности, а отклонить отъ себя ее почти никогда не въ состояніи. Отсюда понятна та легкость, съ которой животныя, люди и паразитныя растенія уничтожаютъ міръ растеній, и что громадное большинство растеній гибнетъ насильственной, а не естественной смертью.

Природа, — говоритъ проф. Сорокинъ, — озаботилась построить дерево такъ, что оно можетъ при благопріятныхъ условіяхъ жить безконечно долго: толстая кора мѣшаетъ холоду и жару вліять на внутреннюю часть древесины, тонкая кожица покрываетъ нѣжныя части и не допускаетъ сильнаго вреднаго испаренія сочной ткани; восковой налетъ на листьяхъ и плодахъ также защищаетъ ихъ отъ смачиванія и, слѣдовательно, предохраняетъ отъ гніенія. Мельчайшія отверстія устьицъ, то закрывающіяся, то развертывающіяся, впускаютъ газы и воздухъ во внутренность органовъ, дышущихъ постольку, сколько растеніе этого требуетъ. Ясно, что пораненія коры, кожицы, наконецъ трещины въ стволѣ — обусловливаютъ вхожденіе воды въ центральныя части растенія и даютъ первый толчокъ къ гніенію; сюда же устремляются зародыши низшихъ растеній и животныхъ, и начинается процессъ настоящаго разложенія. Паразиты, проникающіе въ эти раны растительнаго организма, приводятъ и безъ того больное растеніе къ смерти медленной, но вѣрной. И если громадныя, стойкія деревья гибнутъ при этихъ условіяхъ, то тѣмъ быстрѣе подвергаются той же участи мелкіе, молодые и нѣжные представители растительнаго міра. Такъ какъ трудно допустить, чтобы дерево не имѣло гдѣ-либо трещины и тому подобныхъ поврежденій, то трудно отыскать экземпляры, пережившіе всѣ невзгоды. Изъ этихъ соображеній можно было бы ошибочно заключить, что

не будь всѣхъ этихъ невзгодъ—растенія и деревья могли бы жить безконечно. Такое мнѣніе противорѣчитъ, однако, дѣйствительности, такъ какъ каждое растеніе и дерево описываютъ свою жизненную дугу, длина и ходъ которой опредѣляются наличностью унаслѣдованныхъ созидательныхъ силъ клѣточныхъ образованій; нормальнымъ, обязательнымъ истощеніемъ этихъ силъ, по мѣрѣ приближенія къ старости, обусловливается періодъ упадка жизни растительныхъ формъ, въ теченіе котораго эти послѣднія, подвергаясь старческой слабости и перерожденіямъ, легко подпадаютъ вліянію вредныхъ условій и погибаютъ. Въ этомъ выражается естественная смерть въ отличіе отъ насильственной, при которой растенія погибаютъ раньше срока предназначенной имъ жизненной дуги, вслѣдствіе разнообразныхъ заболѣваній и поврежденій, парализирующихъ преждевременно ихъ силы.

Резюмируемъ теперь всѣ главные выводы, относящіеся къ продолжительности жизни въ живомъ, организованномъ мірѣ растеній и животныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что главнымъ моментомъ, опредѣляющимъ длину жизненной дуги у тѣхъ и другихъ, служитъ наслѣдственность, физическимъ субстратомъ которой является для животныхъ оплодотворенное зародышевое яйцо, а для растеній—омологъ его, оплодотворенное растительное сѣмя. Въ физико-химическихъ свойствахъ этихъ элементовъ, недоступныхъ еще нашему изслѣдованію, кроются въ скрытой формѣ всѣ силы, опредѣляющія будущее развитіе индивидуумовъ, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Длина жизненной дуги находится въ опредѣленной зависимости отъ періода роста у животныхъ и отъ періода цвѣтенія у растеній. Чѣмъ раньше прекращается ростъ у животныхъ и чѣмъ раньше наступаетъ цвѣтеніе у растеній, тѣмъ, повидимому, короче дуга ихъ жизни. Продолжительность жизни находится въ прямомъ отношеніи къ сложности организаціи и къ величинѣ тѣла; чѣмъ сложнѣе организація индивидуума и чѣмъ больше величина ихъ тѣла, тѣмъ длиннѣе, повидимому, дуга ихъ жизни.

Скорость теченія жизненныхъ отправленій, т.-е. самый темпъ жизни, или скорость расхода силъ и матеріи, не остается безъ вліянія на продолжительность жизни и при равныхъ остальныхъ условіяхъ способствуетъ сокращенію дуги жизни.

Несмотря на всѣ эти условія, опредѣляющія, повидимому, продолжительность жизни, эта послѣдняя не представляетъ все же величины постоянной, неизмѣнной для каждаго индивидуума,

а, напротивъ того, является колеблющейся и зависящей также отъ приспособленія организма къ внѣшнимъ окружающимъ условіямъ съ цѣлью, главнымъ образомъ, сохраненія рода; удлиненіе жизни получается при наилучшемъ приспособленіи организма къ окружающей его средѣ, и напротивъ того, дурное приспособленіе или неспособность къ нему ведетъ къ укороченію жизни.

Природа печется больше о сохраненіи рода и крайне мало заботится объ удлиненіи жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ и то, что женскіе индивидуумы среди многихъ животныхъ обладаютъ болѣе длинной дугой жизни, нежели индивидуумы противоположнаго пола.

Приспособленія организма, пріобрѣтаемыя индивидуальнымъ опытомъ жизни и способствующія его долговѣчности, отражаются и на жизненныхъ свойствахъ зародышеваго яйца и передаются имъ наслѣдственно ряду послѣдующихъ поколѣній.

Всѣ эти заключенія представляютъ для насъ высокій интересъ въ виду ихъ значенія и въ вопросѣ о долговѣчности человѣка. Важно то, что хотя главнымъ опредѣляющимъ факторомъ долговѣчности служитъ наслѣдственность, тѣмъ не менѣе и приспособляемость самого организма къ окружающимъ условіямъ, и явленія подбора—могутъ также вести все къ болѣе и болѣе широкому расширенію предѣловъ индивидуальной жизни, опредѣляемыхъ наслѣдственностью, и приводить къ увеличенію индивидуальной долговѣчности какъ растительныхъ, такъ и животныхъ организмовъ.

Ив. Тархановъ.

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ
ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА

— „Безъ догмата“. Современный романъ. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. М. 1891.

Въ „Божественной Комедіи“ встрѣчается грозная, такъ сказать, симфонія отчаянія, которая оглушила Данта, едва онъ вступилъ въ страшные врата ада съ ихъ извѣстною надписью о безнадежности каждаго, входящаго этими вратами: „Вздохи, стоны, пронзительные крики раздавались въ этомъ беззвѣздномъ воздухѣ, такъ что,—говоритъ Дантъ,—я заплакалъ. Разные языки, страшные возгласы, страдальческія жалобы, крики гнѣвные, громкіе, хриплые, всплескиванья рукъ—безпрерывно гудѣли и кружились въ воздухѣ, не знающемъ времени, подобно песку, когда подуетъ вихрь. И я, ошеломленный ужасомъ, спросилъ: „Учитель, чтò это я слышу и чтò это за толпа, столь удрученная страданьями?“ И онъ отвѣчалъ: „Ты видишь жалкую участь тѣхъ несчастныхъ, которые жили, не заслуживая ни похвалы, ни порицанія. И съ ними вмѣстѣ здѣсь тотъ хоръ дурныхъ ангеловъ, которые не были ни вѣрны Богу, ни вѣроломны, но жили только сами для себя. Ихъ небо изгнало, чтобы они не затемняли его красоты, но и глубокій адъ ихъ отталкиваетъ, чтобы грѣшники не возгордились ихъ присутствіемъ“. И я снова спросилъ: „Учитель, какое же мученіе выпало имъ на долю, и чтò заставляетъ ихъ такъ сильно плакать?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Они лишены надежды умереть, и ихъ слѣпая жизнь такъ низменна, что они завидуютъ всякой другой участи... и Милосердіе, и Правосудіе, равно ими

пренебрегаютъ. Взгляни и пройди мимо". И я увидѣлъ стягъ, который, кружась, несся впередъ съ такою быстротою, что малѣйшая остановка, казалось, была ему невыносима. И за нимъ неслась такая длинная вереница людей, что никогда бы я не думалъ, что смерть уже стольких погубила. И я внезапно понялъ и убѣдился, что эту толпу составляли тѣ несчастные, которые стали столько же неугодны Богу, какъ и Его врагамъ".

Великій флорентинецъ былъ, какъ извѣстно, и ревностный гибеллинъ, и вмѣстѣ строго-ортодоксальный католикъ. Убѣжденный послѣдователь извѣстнаго политическаго идеала, до того нетерпимый къ своимъ врагамъ, что ими одними онъ, не задумываясь, населяетъ весь адъ,—онъ не только безпощадно бранитъ или издѣвается надъ ними, но въ своей великолѣпной гордости праведника даже безжалостно отталкиваетъ ихъ отъ своей ладьи или рветъ ихъ за волосы [1]). Фанатикъ своей идеи, Дантъ въ то же время—истинный „человѣкъ партіи". Шаткость убѣжденій и всякіе компромиссы были ему и непонятны, и ненавистны; вѣрхомъ же преступности и порочности является для него вѣроломство, отступничество, измѣна относительно кого бы и чего бы то ни было. Измѣнники и предатели казнятся въ самыхъ глубокихъ кругахъ адовыхъ, а въ самомъ центрѣ преисподней, въ трехзѣвной пасти самого Диса, онъ видитъ вмѣстѣ съ Іудой Искаріотомъ, предателемъ своего Бога—и Брута, и Кассія—предателей своего друга и цареубійцъ, особенно ненавистныхъ ему, какъ приверженцу священной римской имперіи. Поэтому *первые*, кого великій путешественникъ по мрачному „граду печали" встрѣчаетъ, едва вступивъ въ его стѣны, это—души *неопредѣленныя*, *шаткія*, не настолько падшія, чтобы мучиться въ аду, но и недостойныя быть со свѣтлыми ангелами,—души, не съумѣвшія отдаться ни добру, ни злу, но вѣчно колеблющіяся между тѣмъ и другимъ. Вмѣстѣ съ возвышенными душами великихъ языческихъ мудрецовъ, поэтовъ и героевъ, и съ душами невинныхъ, но некрещенныхъ младенцевъ, эти нейтральныя души на вѣки осуждены томиться въ первомъ кругу ада. Только Гомеръ, Софоклъ, Аристотель и имъ равные пребываютъ въ „лимбахъ" (такъ называется по католическому катехизису этотъ кругъ ада)—въ мѣстѣ, гдѣ ни свѣтло, ни темно, гдѣ царствуетъ какой-то грустный покой, „вѣчное желаніе безъ надежды", какъ говоритъ Виргилій. Всего ужаснѣе тутъ наказаніе людей, „къ добру и злу постыдно-равнодушныхъ", вѣчный мракъ, вѣчный вихрь, метущій ихъ, какъ песчинки,—безпрерывное

[1]) Пѣснь XXXII, стр. 85.

наказаніе, жестокое по своей неопредѣленности, похожее на тотъ ужасъ, который испытывается при кошмарахъ,—ужасъ чего-то таинственно-мрачнаго, вѣчнаго и неопредѣленно-неизвѣстнаго!

Эта дивная страница самой строго-догматичной поэмы въ мірѣ возстала въ нашей памяти сама собою, когда мы прочли новый романъ Генриха Сенкевича—„Безъ Догмата". Талантливый польскій романистъ самымъ названіемъ своего романа какъ бы осудилъ вмѣстѣ съ Дантомъ одну изъ такихъ душъ, жившую не для Бога, но и не для ада, а только для самой себя, за такое ея преступленіе; въ этомъ романѣ рисуется подобное же наказаніе и предъ нами раскрывается такая же мрачная бездна страданій души современнаго человѣка...

Леонъ Плошовскій, главное дѣйствующее лицо романа, тотъ самый, о комъ авторъ говоритъ, что онъ *„безъ догмата"*, человѣкъ дѣйствительно далеко не обыкновенный, хотя и необыкновенною личностью назвать его нельзя. Одаренъ онъ всѣми благами, какъ матеріальными, такъ и духовными. Съ одной стороны, это носитель старинной аристократической фамиліи, богатый наслѣдникъ и будущій владѣлецъ одного имѣнія подъ Варшавой, музея древностей и цѣлой картинной галереи въ Римѣ, и вообще обладатель очень солиднаго состоянія, обезпечивающаго ему полную свободу дѣйствій и пріятнѣйшую жизнь то въ центрахъ Европы, среди новой западно-европейской космополитической аристократіи, то въ кружкахъ художниковъ, то въ путешествіяхъ, то у себя на родинѣ, среди людей, что называется, смотрящихъ ему въ глаза и вѣчно ожидающихъ отъ него какихъ-то великихъ дѣяній. И эти люди пожалуй имѣютъ полное основаніе ждать ихъ, ибо и съ духовной, и съ интеллектуальной стороны Плошовскій является богатою натурой. Способности его, весьма и весьма блестящія отъ природы, получили прекрасное и широкое развитіе. Онъ отлично образованъ, выросъ подъ руководствомъ отца—утонченно-развитаго дилеттанта — и гувернера аббата, человѣка глубоко-преданнаго искусству. Искусство, во всѣхъ его отрасляхъ, съ самаго ранняго дѣтства окружало со всѣхъ сторонъ мальчика, а потому онъ во всѣхъ отдѣлахъ и видахъ его—свой человѣкъ, обладаетъ не только рѣдкими познаніями и вѣрными и глубокими взглядами, но и тонкимъ вкусомъ и истиннымъ пониманіемъ въ каждой сферѣ художественной. Съ наукой европейской и всѣми главнѣйшими теченіями европейской мысли и малѣйшими оттѣнками ея онъ также основательно знакомъ. Онъ одаренъ серьезнымъ и блестящимъ умомъ, необыкновенной наблюдательностью, отзывчивостью на все прекрасное, ненавистью ко всему пошлому и безобразному;

вообще Плошовскій—натура талантливая, чуткая ко всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ впечатлѣніямъ. Къ тому же это человѣкъ много видавшій на своемъ вѣку, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова—человѣкъ, переживпгій массу всевозможныхъ романовъ и столкновеній и въ свѣтѣ, и въ полусвѣтѣ, довольно разочарованный уже или, какъ онъ самъ выражается, „обстрѣлянный воробей", или „опытный фехтовальщикъ". Однимъ словомъ, это человѣкъ настолько интересный, симпатичный и незаурядный, что не однѣ парижскія свѣтскія красавицы, польскія барышни и нѣмецкія артистки увлекаются имъ, но даже и самъ читатель невольно покоряется обаянію этой интересной личности и часто съ трудомъ можетъ относиться къ нему безпристрастно.

Уступая просьбамъ тетки, добродушнѣйшей ворчуньи и большой оригиналки, Плошовскій пріѣзжаетъ въ Варшаву и встрѣчается со своей молоденькой кузиной Анелькой, на которой тетка задумала женить его. Плошовскій, не желая играть въ руку старой графинѣ, выдаетъ ея планы молодой дѣвушкѣ при первомъ же свиданіи съ ней; но это оригинальное признаніе ведетъ къ тому только, что молодые люди сразу становятся на почву вполнѣ задушевной близости и искренности, которая не медлитъ перейти и въ болѣе теплое чувство. То-есть собственно такимъ оно становится лишь въ сердцѣ Анельки; Леонъ же, какъ истинный знатокъ, цѣнитель всего прекраснаго, восхищается граціей и красотой этого прелестнаго искренняго полу-ребенка, полуженщины, но еще болѣе занимается тѣмъ, что „играетъ на ея душѣ какъ на струнахъ", и хотя „боится, что для нея это—не соната quasi una fantasia, а—quasi un dolore", но „не можетъ не играть, несмотря на все свое самоугрызеніе, потому что... любитъ эту дѣвушку". Странная любовь,—но Плошовскій объясняетъ это тѣмъ, что, „при извѣстной степени нервной утонченности, мы, мужчины, обладаемъ чисто-женскимъ характеромъ" (женщины, по его мнѣнію, „ставятъ выше самаго чувства формы чувства"). Притомъ, какъ онъ самъ говоритъ, онъ „слегка эпикуреецъ въ дѣлѣ чувства" и потому не хочетъ, „чтобы у него пропадало хоть что-нибудь изъ этихъ волненій, изъ этихъ впечатлѣній, изъ этого очарованія, которымъ полны недоговоренныя слова, вопросительные взгляды, ожиданіе". Онъ „хочетъ довести свой романъ до конца... но слишкомъ дорожитъ этими головокружительными покатостями, этимъ созерцаніемъ огромной тяжести, висящей на тонкой нити и готовой каждую минуту оборваться, этимъ сердцемъ, которое трепетало чуть не на его ладони,—ему не хотѣлось кончать сразу". То-есть, попросту говоря, онъ играетъ въ любовь и завлекаетъ

Анельку. Отъ рѣшительнаго предложенія онъ, однако, уклоняется, какъ Онѣгинъ, не желая потерять постылую свободу. Но и Анелька, отдавшаяся своему чувству со всѣмъ жаромъ нетронутаго сердца, и тетка, и мать ея, со дня на день ожидають этого рѣшительнаго слова, и всѣ обстоятельства такъ складываются, что Плошовскій долженъ не сегодня-завтра окончить это столь пріятное препровожденіе времени, такъ или иначе, но чѣмъ-нибудь положительнымъ. Однако, именно этого-то Плошовскому и не хочется; при одной мысли, что „щеколда каждую минуту можетъ опуститься“, онъ чувствуетъ, что „страхъ, какъ говоритъ Гомеръ, беретъ его за волосы“. И вдругъ, о, спасеніе!—телеграмма, извѣщающая объ опасной болѣзни отца, то-есть предлогъ все это хоть на время бросить, ничего не рѣшать и все предоставить на волю обстоятельствъ и времени. Плошовскій поспѣшно уѣзжаетъ въ Римъ, не связавъ себя никакимъ словомъ и лишь многозначительно обѣщая „написать“ что-то важное. Но, конечно, этого обѣщанія онъ не исполняетъ, малодушно играя въ прятки съ самимъ собою: то оправдываясь тѣмъ, что цинично думать о сватовствѣ, когда подъ бокомъ умирающій отецъ, то увѣряя себя, что это онъ спасаетъ вѣрующую, полную свѣта и жизни Анельку отъ брака съ такимъ изломаннымъ существомъ, какъ онъ. Мало-по-малу Анелька „подергивается голубою дымкой“, въ родѣ той, которая окутываетъ отдаленныя горы, то-есть Плошовскій начинаетъ относиться къ Анелькѣ, какъ къ чему-то давнопрошедшему, забытому, но не находитъ нужнымъ дать ей знать, что между ними все кончено. Пусть себѣ тамъ раздѣлывается со всѣмъ этимъ, какъ знаетъ!

Отецъ Плошовскаго умираетъ, а вскорѣ послѣ его смерти Леонъ весьма близко сходится съ красавицей m-me Дэвисъ, женой ихъ римскаго знакомаго, полусумасшедшаго богача. M-me Дэвисъ не только красавица, но и очень умная и артистически-образованная женщина,—весьма интересный типъ почти языческой поклонницы красоты—и только красоты, въ частности же своей собственной. Никакихъ другихъ принциповъ у нея, повидимому, не имѣется. Плошовскій же — поселившійся съ Дэвисами на ихъ виллѣ въ Пельи, близь Генуи,—проповѣдуя о безнравственности обманывать такого жалкаго больного, какъ Дэвисъ, преспокойно, однако, продолжаетъ его обманывать.

Анелька, въ Плошовѣ, въ недоумѣніи и отчаяніи проводитъ цѣлые мѣсяцы безъ всякихъ извѣстій отъ Леона, и, наконецъ, вѣра ея въ него начинаетъ колебаться. Ее къ тому же сильно поразили дошедшіе до нихъ слухи о прежнихъ многочисленныхъ романахъ Плошовскаго; а мать ея—несчастная, вѣчно больная

женщина, желающая видѣть дочь пристроенною до своей смерти (тѣмъ болѣе, что ихъ родовое имѣніе совершенно разстроено и всѣ дѣла запутаны)—прямо высказывается противъ Плошовскаго. А тутъ на Плошовскомъ горизонтѣ появляется ихъ дальній родственникъ Кромицкій—какой-то дворянинъ аферистъ, занимающійся поставками въ Туркестанѣ; онъ уже и раньше явно имѣлъ виды на Анельку. Анелька все еще борется съ матерью, все еще чего-то ждетъ и совсѣмъ больна. И вотъ старая тетка пишетъ Плошовскому о томъ безпокойствѣ и тревогѣ, въ которой онѣ всѣ находятся, и умоляетъ вывести ихъ изъ недоумѣнія. Одинъ онъ, Леонъ, можетъ двумя словами или утѣшить бѣдную, измученную душу, вд-время остановить этотъ ужасный бракъ, или хоть прекратить эти пытки неизвѣстности.

А Леонъ тѣмъ временемъ уже значительно успѣлъ охладѣть къ своей „черноволосой Юнонѣ". Ибо, какъ они ни сходны, эти два поклонника древней Эллады, но m-me Дэвисъ, какъ натура, гораздо грубѣе и цѣльнѣе Плошовскаго. Она отдается своему увлеченію безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти и безъ всякой двойственности. А Плошовскій, едва черезъ недѣлю послѣ того, какъ Лаура Дэвисъ окончательно забыла своего бѣднаго мужа, уже пишетъ въ своемъ дневникѣ, что „душа христіанина, хотя бы въ ней изсякъ совершенно источникъ вѣры, не можетъ жить только красотою формы", какъ души древнихъ грековъ. „Въ нашихъ душахъ много готическихъ извилинъ, отъ которыхъ намъ не освободиться. Наши души, какъ готическіе своды, инстинктивно стремятся кверху—ихъ души съ яснымъ спокойствіемъ и простотой разстилались по землѣ. Тѣ изъ насъ, въ которыхъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, бьется пульсъ Эллады, требуютъ отъ жизни красоты и ревниво разыскиваютъ ее повсюду; но и они, хотя и безсознательно, желаютъ, чтобы у Аспазіи были глаза Дантовской Беатриче. Подобныя желанія живутъ и во мнѣ. Когда я подумаю, что этотъ дивный образчикъ полу-человѣка, полу-звѣря, Лаура, принадлежитъ мнѣ,—меня охватываетъ восторгъ и мужчины, и поклонника красоты, — а вмѣстѣ съ тѣмъ чего-то мнѣ недостаетъ, чего-то мнѣ нужно. На алтарѣ моей греческой святыни стоитъ мраморное изваяніе богини, но готическій мой храмъ пустъ. Я признаю, что обладаю чѣмъ-то почти граничащимъ съ совершенствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу избавиться отъ мысли, что отъ этого совершенства идутъ тѣни. Я прежде думалъ, что совѣтъ Гёте: „будьте подобны богамъ и звѣрямъ", охватываетъ всю жизнь и представляетъ послѣднее слово человѣческой мудрости, а теперь, когда исполняю этотъ совѣтъ, чувствую, что въ немъ

недостаетъ искры божества". Мало-по-малу Плошовскій все болѣе и болѣе вноситъ разрушающій анализъ въ свои отношенія къ Лаурѣ, тѣмъ болѣе, что совѣсть его все-таки слишкомъ страдаетъ отъ той унизительной роли, которую онъ играетъ относительно Дэвиса; передъ мужемъ ни Лаура, ни Леонъ, болѣе даже не находятъ нужнымъ скрывать свою любовь. Съ каждымъ днемъ замѣчанія въ дневникѣ Плошовскаго о Лаурѣ становятся все болѣе мѣткими и язвительными; наконецъ, онъ сознается, что „не Юноной должна она называться, а Цирцеей, и что ея прикосновеніе обращаетъ людей... какъ бы это выразить помиѳологичнѣе... въ воспитанниковъ Эвмея". Плошовскій уже ясно сознаетъ, что не любитъ Лауру и даже „никогда не любилъ ея". Ему уже хочется уѣхать, но онъ никакъ не можетъ опять-таки сразу сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ.

Въ это самое время приходитъ упомянутое тревожное письмо отъ тетки. И вотъ тутъ-то эгоистическая, неспособная ни къ какому непосредственному, великодушному порыву, натура Плошовскаго проявляется во всей своей неприглядной дряблости и сухости. Его „охватываютъ чувства, пролетавшія съ быстротою тучъ, гонимыхъ вѣтромъ"; то онъ сожалѣетъ Анельку и собирается бѣжать скорѣе въ Плошовъ, чтобы утѣшить и успокоить эту страдающую душу, то радуется, что „все зависитъ отъ его воли", и что онъ однимъ мановеніемъ руки можетъ все поправить; то его охватываетъ гнѣвъ при мысли о Кромицкомъ и о томъ, какъ смѣетъ пани Целина не довѣрять ему, Плошовскому. Этотъ гнѣвъ, въ концѣ концовъ, пересиливаетъ всѣ остальныя чувства. Плошовскій не можетъ перенести мысли, что его, Леона Плошовскаго, какъ будто ставятъ на одну доску съ какимъ-то Кромицкимъ; очевидно, что Анелька жертвуетъ Леономъ „ради мигреней матери", а отсюда въ свою очередь очевидно, что Анелька не болѣе какъ барышня, ловящая жениховъ. Такая грубость и пошлость въ высшей степени оскорбляютъ его утонченно-возвышенную душу, и въ припадкѣ раздраженія онъ посылаетъ въ Плошовъ „письмо, смыслъ котораго: желаю пани Анелѣ счастья съ паномъ Кромицкимъ и пану Кромицкому счастья съ пани Анелей". Отославъ письмо, Плошовскій, какъ и полагается подобному характеру, тотчасъ же начинаетъ раскаяваться и терзать самого себя представленіями того счастья, которое было такъ близко, такъ возможно. Утѣшается онъ тѣмъ, что все „свершилось—это единственное утѣшеніе для такихъ людей, какъ я, которые могутъ сложить руки и коснѣть по прежнему". Занимался онъ также и анализомъ того, почему онъ, „человѣкъ, ко-

торый не только хвалится необычайно-развитымъ самопознаніемъ, но и дѣйствительно обладаетъ имъ",—какъ могъ онъ вдругъ дѣйствовать чисто подъ вліяніемъ минуты? И приходитъ къ весьма справедливому заключенію, что „не обладаетъ спокойствіемъ мужского ума. Нервовъ своихъ я не держу въ уздѣ, я весь изломанъ; меня можетъ ранить, по словамъ поэта, лепестокъ розы, свернувшійся вдвое. Въ моемъ интеллектѣ есть что-то женственное. Можетъ быть, что въ этомъ случаѣ я не представляю исключенія и что множество людей, носящихъ штаны (преимущественно у насъ) принадлежатъ къ тому же самому типу... *Умъ такого сорта можетъ понимать многое, но и съ нимъ человѣку трудно отыскивать путь къ жизни: онъ кидается изъ стороны въ сторону, колеблется, обдумываетъ малѣйшее движеніе и, наконецъ, запутывается въ сѣти расходящихся во всѣ стороны дорогъ. Вслѣдствіе этого уменьшается способность къ дѣлу, слабость характера развивается и становится врожденною особенностью.* Я ставлю себѣ новый вопросъ: еслибы въ письмѣ тетки не было упоминанія о Кромицкомъ, пришло ли бы дѣло къ другой развязкѣ. И, честное слово, не смѣю отвѣтить: да! Развязка послѣдовала бы скоро, это вѣрно, но кто знаетъ, привела ли бы она къ лучшему?.. А что изъ этого слѣдуетъ?—что я тряпка? Ничуть!.. у меня много упрямства, наслѣдственной отваги, я былъ бы способенъ на многія смѣлыя дѣла... темпераментъ у меня живой и въ подвижности недостатка нѣтъ. *Но когда дѣло доходитъ до разрѣшенія какой-нибудь жизненной задачи, мой скептицизмъ лишаетъ меня силъ, умъ теряется въ лабиринтѣ мелочей и побочныхъ соображеній, волѣ не на что опереться и поступки мои становятся въ зависимость отчасти отъ моихъ нервовъ, отчасти отъ внѣшнихъ обстоятельствъ*".

Плошовскій окончательно охладѣваетъ къ Лаурѣ, но все еще не знаетъ, какъ приступить къ отъѣзду. Онъ хватается за письмо отъ адвоката, вызывающаго его въ Римъ по дѣламъ наслѣдства, но и то рѣшается заговорить объ этомъ письмѣ только для того, чтобы посмотрѣть, какъ Лаура приметъ это извѣстіе? Лаура смѣло даетъ рѣшительный оборотъ дѣлу вопросомъ: „Но ты вѣдь вернешься, да?"—и тѣмъ представляетъ Плошовскому возможность уѣхать. Онъ уѣзжаетъ въ Римъ, поселяется въ покинутомъ отцовскомъ домѣ и тутъ, на свободѣ, предается всевозможнымъ размышленіямъ и самотерзаніямъ, которыя подкрѣпляются вольными и невольными сравненіями между самимъ собою и нѣкіимъ скульпторомъ Лукомскимъ (симпатичнѣйшей личностью, нарисованной Сенкевичемъ съ поразительной рельефностью какими-нибудь

двумя-тремя чертами). Одно время Плошовскій совсѣмъ-было рѣшается ѣхать въ Плошовъ, чтобы поправить то, чтò могло надѣлать его письмо, но вскорѣ благоразумно отказывается отъ этого намѣренія. Онъ предпочитаетъ послать второе письмо, посредствомъ котораго, опять-таки ничѣмъ не связывая себя, хочетъ узнать, какъ тамъ дѣла,—ибо, во-первыхъ, „не думаетъ, чтобы дѣла шли такъ быстро“. Съ другой стороны, онъ полагаетъ, что хотя, „отлетѣвъ отъ ногъ Лауры, онъ весьма вѣроятно спустился бы къ ногамъ Анельки“, но со стороны Анельки и ея матери слишкомъ грубо было сразу ставить вопросъ на почву выбора между имъ и Кромицкимъ. Это заставляетъ Плошовскаго даже заранѣе строить самыя оскорбительныя фантазіи на ту тэму, какъ Анелька опошлится подъ вліяніемъ такого мужа и превратится въ самую ординарную женщину. Наконецъ, Плошовскій прямо говоритъ, что горе его происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что онъ „не столько любитъ Анельку, сколько чувствуетъ, что могъ бы полюбить ее, и вотъ этого-то именно, этой единственной возможности наполнить счастьемъ свою жизнь, ему и жаль, страшно жаль“. Въ этихъ безплодныхъ, хотя подчасъ и очень глубокихъ и вѣрныхъ размышленіяхъ проходятъ цѣлыя недѣли.

И вотъ получается новое письмо съ извѣстіемъ, что Анелька дѣйствительно выходитъ за Кромицкаго. Ее, какъ Татьяну,—

...съ слезами на глазахъ
Молила мать...

—и для Анельки также—

Всѣ были жребіи равны.

Она, какъ очень многія молодыя дѣвушки, разочаровавшись въ своей первой любви, полагаетъ, что навсегда покончила съ своимъ личнымъ счастіемъ, что она съумѣетъ прожить остальную жизнь, лишь руководясь чувствомъ долга, и даже съумѣетъ полюбить мужа, котораго выбрала ей мать. Тетка пишетъ, что жестокое пожеланіе Плошовскаго произвело желаемое дѣйствіе: оно разомъ вылечило Анельку отъ всѣхъ ея иллюзій и надеждъ. „Анелька видѣла,—такъ пишетъ тетка,—что было письмо отъ тебя, потому что бѣдняжка всегда выжидаетъ Хвастовскаго (управляющаго) и беретъ у него письма изъ рукъ, какъ бы подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы положить ихъ около моего прибора, а на самомъ дѣлѣ—чтобы увидать, нѣтъ ли на конвертѣ адреса, писаннаго твоей рукой. Вотъ она увидѣла твое письмо; она разливала намъ чай, и ложечки задрожали въ чашкахъ. Меня кольнуло какое-то предчувствіе; я колебалась, не отложить ли твое

письмо въ сторону, но подумала, не захворалъ ли ты, и не могла удержаться. Видитъ Богъ, чего мнѣ стоило сохранить спокойствіе, тѣмъ болѣе, что я чувствовала, какъ Анелька не сводитъ съ меня глазъ. Кое-какъ я оправилась, даже нашла въ себѣ силы сказать: „Леонъ грустить по прежнему, но, слава Богу, здоровъ и посылаетъ вамъ поклонъ“. Анелька спросила самымъ обыкновеннымъ голосомъ: „а долго онъ пробудетъ въ Италіи?“ Я понимала, что заключается въ этомъ вопросѣ, и у меня не хватило отваги сказать правду, тѣмъ болѣе, что это было при Хвастовскомъ и при прислугѣ. Я отвѣтила: „Не долго; я думаю, что онъ скоро сюда пріѣдетъ“. Еслибъ ты видѣлъ свѣтъ, который озарилъ ея лицо, радость, усиліе, чтобы не расплакаться! Бѣдняжка! Мнѣ плакать хочется, когда я вспомню объ этомъ. Что я передумала, возвратившись въ свою комнату, ты не повѣришь. Но ты написалъ ясно: „желаю ей счастья съ Кромицкимъ“, и нужно было—совѣсть моя заставляла—открыть ей глаза. Мнѣ не понадобилось звать ее—она пришла, и я сказала ей такъ: „Анелька, я знаю, что ты умная, хорошая дѣвушка и примиришься съ волей Божіей. Мы должны говорить откровенно. Я знаю, дитя мое, что между тобой и Леономъ начинало возникать что-то въ родѣ привязанности, и скажу тебѣ, что я радовалась, смотря на васъ, но вѣрно на это не было Божіей воли. Если у тебя остались какія-нибудь надежды, то откажись отъ нихъ“. Она поблѣднѣла какъ полотно; я думала, что она упадетъ въ обморокъ, но, къ счастью, этого не случилось. Она только склонилась къ моимъ колѣнямъ и начала повторять одно и то же: „тетя, что онъ поручилъ вамъ сказать мнѣ? тетя, что онъ поручилъ сказать мнѣ?“ Я скрывала, мнѣ не хотѣлось передавать твои слова, но тутъ мнѣ пришло въ голову, что для нея будетъ лучше узнать всю правду, и я, наконецъ, сказала, что ты желаешь ей счастья съ Кромицкимъ. Она встала и проговорила совсѣмъ другимъ голосомъ: „поблагодарите его, пожалуйста“,—и сейчасъ же ушла.

Кромицкій, какъ нарочно, пріѣхалъ на другой день. Черезъ недѣлю онъ посватался и получилъ согласіе, а теперь всѣ торопятъ свадьбой: пани Целина, боясь своей близкой смерти; Кромицкій—стремясь уѣхать вновь по какимъ-то дѣламъ на Востокъ, а Анелька „хочетъ поскорѣе испить свою чашу до дна“.

Наконецъ, Плошовскій чувствуетъ, что онъ сдѣлалъ, и ему „хочется удариться головой объ стѣну, но не отъ ревности, не отъ досады—а отъ горя“... И, конечно, теперь, когда все уже рѣшено, вдругъ въ Плошовскомъ просыпается сознаніе, что „невозможно складывать руки и признавать себя побѣжденнымъ, что такой

супружескій союзъ былъ бы чѣмъ-то чудовищнымъ". Тотчасъ же Леонъ проявляетъ необычайную энергію: ѣдетъ въ Краковъ, вызываетъ туда общаго ихъ съ Анелькой друга, писателя Снятынскаго, умоляетъ его быть его адвокатомъ передъ Анелькой и уговорить ее отказаться отъ брака съ Кромицкимъ. Но для Анельки ея рѣшеніе выйти за Кромицкаго было дѣломъ нешуточнымъ и явилось не слѣдствіемъ минутнаго каприза „нервовъ, не знающихъ узды", да и не изъ тѣхъ она натуръ, которыя такъ легко мѣняютъ свои рѣшенія. Поэтому само собою разумѣется, что всѣ усилія Снятынскаго не приводятъ ни къ чему. Онъ телеграфируетъ Плошовскому: „Все напрасно. Собери силы и отправляйся путешествовать". И первая часть романа заканчивается торжественнымъ восклицаніемъ Плошовскаго: „Такъ я и сдѣлаю, моя Анелька!"

Во второй и третьей части романа развивается самая драма, которая, въ сущности, вся сводится къ столкновенію и борьбѣ двухъ началъ: начала ясной вѣры, цѣльности чувства и непоколебимой преданности извѣстнымъ принципамъ и „догматамъ", съ одной стороны,—и начала рефлекса, анализа, вѣчнаго шатанія чувства и мысли и сомнѣнія во всемъ—съ другой.

Первая часть романа заканчивается словами: „*моя* Анелька", и въ этихъ словахъ заключается завязка всего послѣдующаго дѣйствія; ясно, что Плошовскій, вмѣсто того, чтобы отнынѣ считать себя совсѣмъ постороннимъ Анелькѣ—женѣ Кромицкаго,— этимъ словомъ: *моя*, какъ будто признаетъ, что если не фактически, то въ силу права чувства, онъ считаетъ себя связаннымъ съ Анелькой въ глубинѣ сердца, и что эта вдругъ упрочившаяся любовь какъ будто даетъ ему право называть такъ Анельку.

Плошовскій сначала исполняетъ совѣтъ Снятынскаго—путешествуетъ (причемъ странствованія его захватываютъ даже Исландію); потомъ онъ проводитъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, гдѣ преспокойно видается съ m-me Дэвисъ, а также, какъ бы мимоходомъ, успѣваетъ покорить сердце талантливой молодой пьянистки Клары Гильстъ. Затѣмъ Плошовскій возвращается на родину. Во-первыхъ, онъ сопровождаетъ Клару, желающую концертировать въ Варшавѣ. А во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, потому, что Кромицкій тотчасъ послѣ свадьбы продалъ Глуховъ—это стоившее стольких слезъ и жертвъ имѣніе пани Целины, предки которой владѣли имъ четыреста слишкомъ лѣтъ,—а потомъ уѣхалъ продолжать свои предпріятія на Востокъ; Анелька же и мать ея, потерявъ свой послѣдній уголъ, вновь поселились въ Плошовѣ по

приглашенію старой графини. Плошовскій еще въ Парижѣ мечтаетъ на ту тэму, что ему очень возможно добиться любви Анельки, и мечтаетъ не столько потому, что его къ этому побуждала настоящая горячая любовь, сколько изъ желанія „отомстить Анелькѣ“—неизвѣстно за что,—причемъ посредствомъ цѣлой сѣти тончайшихъ софизмовъ и глубочайшихъ психологическихъ парадоксовъ онъ оправдываетъ себя передъ самимъ собою и доказываетъ, что „имѣетъ право украсть чужую жену“. Онъ прехладнокровно даже заранѣе обсуждаетъ, какъ ему будетъ удобно вести свою игру въ Плошовѣ, гдѣ они всѣ будутъ жить въ совершенномъ уединеніи, гдѣ обѣ старыя дамы, „наивныя, какъ дѣти, въ своей ничѣмъ не запятнанной чистотѣ... прошли сквозь жизненныя испытанія, никогда не осквернивъ своей мысли понятіемъ зла“, а потому имъ „и мысли не можетъ явиться, чтобъ Анелькѣ грозила какая-нибудь опасность, разъ она вышла замужъ“. Правда, пріѣхавъ въ Плошовъ и увидѣвъ Анельку, Леонъ сначала такъ тронутъ ея смущеніемъ при встрѣчѣ, ея прежней безхитростностью и сердечностью, ея необычайной добротою, правдивостью и чистотою ея души, такъ искренно жалѣетъ Анельку, видя по ея лицу, какъ она несчастлива,—что онъ забываетъ всѣ свои планы мщенія и только радуется, глядя на Анельку, и любуется ея внѣшней и душевной красотой. Но это продолжается недолго. Вскорѣ отношенія Плошовскаго къ Анелькѣ, неуловимыми для него и для читателей оттѣнками, мало-по-малу, принимаютъ совершенно другую окраску. Заключивъ по первой встрѣчѣ съ Анелькой, что она по прежнему неравнодушна къ нему, Плошовскій рѣшается во что бы то ни стало добиться ея взаимности. Но всѣ его хитрости, игра то въ дружбу, то въ страсть, то въ великодушіе,—всѣ его старанія напасть врасплохъ и заставить ее выдать себя какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ,—всѣ его попытки заставить ее ревновать,—все знаніе женщинъ, всѣ тѣ теоріи, которыя онъ пускаетъ въ ходъ, при случаѣ, о свободѣ чувства, о лжи въ бракѣ безъ любви и о честности расторженія подобнаго брака,—всѣ эти шахматные ходы разбиваются „объ то, отсутствіе чего въ Плошовскомъ разнуздало и освободило всѣ его мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ привело къ нему зачатки стремительной болѣзни и стало его трагедіей—о катехизическую прямоту души Анельки“. Ей не легко дается эта борьба, тѣмъ болѣе, что въ сердцѣ Плошовскаго подъ вліяніемъ сопротивленія разгорается настоящая страсть. Но Анелька рѣшительно останавливаетъ всякую попытку Плошовскаго говорить о любви, не дѣлаетъ ему ни малѣйшей уступки и на всѣ его безконечныя объясненія, философскія теоріи и лю-

бовныя тонкости отвѣчаетъ самыми простыми словами: „Оправдать все можно; но когда дѣлаешь дурное дѣло, совѣсть всегда скажетъ: нехорошо, дурно, и ничѣмъ не дастъ убѣдить себя". Изъ дневника Плошовскаго видно какъ онъ самъ хорошо понимаетъ разность ихъ воззрѣній и всей сущности ихъ духовной жизни.

„Мои запутанныя мысли—пишетъ онъ—почти утратили всякое представленіе о прямотѣ. Мой духовный взглядъ страдаетъ нѣкоторымъ дальтонизмомъ и не различаетъ многихъ красокъ. Я понять не въ состояніи, какъ можно извѣстное правило—какимъ бы ореоломъ давности оно ни было осѣнено—не разсмотрѣть съ обѣихъ сторонъ, не разложить на части, частички, атомы,—словомъ, разлагать до тѣхъ поръ, пока оно не разсыплется въ прахъ и не дастъ себя сложить вторично.

„Анелька понять не въ состояніи, какъ можно на правило, признанное и религіей, и людьми, смотрѣть не такъ, какъ на обязательную для всѣхъ заповѣдь. Мнѣ все равно, сознательный ли это у нея взглядъ, или инстинктивный, выработала ли она его своимъ умомъ, или получила извнѣ,—достаточно, что онъ составляетъ неразрывную часть ея существа. У Анельки нѣтъ никакихъ колебаній, никакихъ сомнѣній. Ея душа такъ чисто отдѣляетъ плевелы отъ сѣмянъ, что сбить ее на словахъ нѣтъ силъ. Она не трудится надъ выработкой собственныхъ нормъ, беретъ ихъ готовыми изъ религіи и общихъ моральныхъ понятій, но проникается ими такъ сильно, что онѣ становятся ея собственными, входятъ въ ея плоть и кровь. Чѣмъ эта сортировка добра и зла проще, тѣмъ вѣрнѣе и тѣмъ неумолимѣе. Въ подобномъ этическомъ кодексѣ смягчающія обстоятельства не принимаются въ разсчетъ. Женщина замужняя должна принадлежать своему мужу,—значитъ, та, которая отдается другому, дѣлаетъ дурно. Въ этомъ кодексѣ нѣтъ мѣста толкованіямъ, разсужденіямъ, соображеніямъ; есть только правая сторона для праведниковъ, лѣвая для грѣшниковъ, надъ ними милосердіе Божіе, но между ними ничего, никакой середины. Это кодексъ... настолько простой, что люди, подобные мнѣ, перестаютъ понимать его. Намъ кажется, что жизнь, что душа человѣческая через-чуръ сложна, чтобы могла помѣститься въ немъ. И дѣйствительно, намъ, можетъ быть, и неудобно въ немъ помѣститься. Къ несчастью, мы не изобрѣли ничего другого, и поэтому мечемся, какъ сбившіеся съ дороги птенцы, въ пустотѣ и тревогѣ.

„Но большинство женщинъ, у насъ въ особенности, признаютъ только этотъ кодексъ. Душа женщины такъ догматична, что я зналъ нѣкоторыхъ женщинъ, у которыхъ даже атеизмъ принималъ

всѣ формы религіи. Вещь всѣмъ извѣстная, что „кодексъ достойный Магды“ не лишаетъ женщину ни яснаго ума, ни тонкости мысли, ни полета мечты. Необычайныя тонкости мысли и чувства соединяются въ Анелькѣ съ величайшею простотою моральныхъ понятій. Этотъ вопросъ для меня—почти вопросъ жизни... мое больное мѣсто, мое несчастье, потому что я безсиленъ передъ этими скрижалями, со своею запутанною и сложною философіею любви. Да и что я могу сдѣлать, если *самъ первый не особенно вѣрю въ свою философію, а по временамъ такъ и просто сомнѣваюсь въ ней*,—тогда какъ Анелька вѣритъ спокойно и невозмутимо въ свои скрижали“.

Вслѣдствіе ухудшенія въ болѣзни пани Целины, всѣ,—то-есть пани Целина, Анелька, старая графиня, Плошовскій и внезапно вернувшійся Кромицкій,—ѣдутъ въ Гаштейнъ. Тамъ все идетъ та же борьба, непрерывная борьба между Плошовскимъ и Анелькой. Онъ измучиваетъ и себя, и Анельку, но достигаетъ лишь того, что совершенно самъ запутывается въ софистическихъ самооправданіяхъ, мечется, какъ сумасшедшій, въ своемъ безвыходномъ положеніи и окончательно теряетъ всякое представленіе о томъ, что̀ хорошо, что̀ дурно. Даже прославленная тонкость и изящество его натуры утрачиваются въ этой борьбѣ, даже Кромицкій въ своихъ взглядахъ оказывается щепетильнѣе его; такъ, напримѣръ, Плошовскій собирается прямо „купить“ Анельку у Кромицкаго; а когда этотъ дѣлецъ все-таки проявляетъ извѣстныя твердыя правила и нравственныя принципы и всѣ подходы Плошовскаго принимаетъ просто за болтовню fin de siècle, а не за серьезныя слова,—то Плошовскій подъ благовиднымъ предлогомъ снабжаетъ Кромицкаго деньгами для его дальнѣйшихъ аферъ и, такъ сказать, сплавляетъ его на Востокъ. Анелька, въ отчаяніи, хочетъ уже оставить больную мать на попеченіи тетки хоть съ мужемъ. Тогда Плошовскій ухитряется-таки такъ устроить, что всѣ возстаютъ противъ ея намѣренія, и она остается, чтобы не дать подозрѣній матери, а Плошовскій грубо говоритъ: „Ты осталась, потому что я такъ хотѣлъ“. И все-таки, несмотря на всѣ эти грубыя и нечестныя средства, Плошовскій, какъ говорится въ военныхъ реляціяхъ, терпитъ пораженіе за пораженіемъ на всѣхъ пунктахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ искренно терзается, его страсть и ревность къ Кромицкому разгораются до такихъ размѣровъ, что можно невольно поддаться убѣжденію, будто Плошовскій *искренно любитъ* Анельку, и совершенно забыть, что это два обстоятельства очень различныя: *искренно страдать* отъ нераздѣленной

страсти и оттого, что всѣ аттаки разбиваются о непоколебимую стойкость честной женской души,—или *искренно и глубоко любить*. Начиная именно съ конца этой второй части романа, можно видѣть въ Плошовскомъ лишь страдальца, жертву, а никакъ не самотерзателя и виноватаго, каковъ онъ былъ до сихъ поръ на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ Плошовскій то сознается самому себѣ, что—„еслибъ она сегодня стала свободною, я взялъ бы ее безъ колебаній; но еслибъ она совсѣмъ не выходила замужъ... кто знаетъ, мнѣ стыдно выговорить эту мысль, но, можетъ быть, она представлялась бы мнѣ менѣе желанною",—то онъ пускается въ такія разсужденія: „Чистота и сила этого чувства оправдываютъ также и мое поведеніе передъ Анелькой. Я обманываю ее, говоря, что мнѣ ничего не нужно, кромѣ сочувствія,—обманываю, увѣряя, что ничего не добиваюсь; но все это было бы ложно, только въ томъ случаѣ, еслибъ сама любовь была ложью. Но любовь и правда синонимы, а передъ такою правдой тактика—только дипломатія чувства. Извѣстно всѣмъ, что даже женихи пускаются на хитрости, чтобы добиться признанія отъ своихъ невѣстъ. Что касается меня, то я искрененъ даже тогда, когда лгу". Или вотъ что̀ еще пишетъ онъ въ дневникѣ: „Ангельское заблужденіе, что на свѣтѣ можетъ быть только одна правда! Не вступай со мной, моя Анелька, ни въ какой споръ, потому что если я вѣрю въ какую-нибудь правду и въ какіе-нибудь аргументы, то развѣ въ правду и право любви, и *достаточно ловокъ, чтобы каждый твой аргументъ вывернуть, какъ перчатку*, и сдѣлать изъ него *оружіе противъ тебя*. Не спасутъ тебя ни твои умствованія, ни моя жалость къ тебѣ, потому что чѣмъ умнѣе окажешься ты, лучше, добрѣе, тѣмъ больше взволнуешь меня, тѣмъ больше я тебя полюблю; а чѣмъ больше полюблю, тѣмъ болѣе захочу обладать тобою. Для тебя у меня только крокодиловы слезы; когда онѣ текутъ изъ моихъ глазъ, хищность моя усиливается. Это заколдованный кругъ любви".

Но это не заколдованный кругъ любви, а просто весьма вѣрное изображеніе того, какъ умъ людей такого типа, какъ Плошовскій, всегда является не строгимъ судьею его же поступковъ и побужденій, а лишь „покорнымъ слугою, съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и преданностью готовымъ къ услугамъ его" страстей и желаній. И это несмотря на то, что самъ же Плошовскій не разъ возвращается къ тому, что въ немъ два человѣка: одинъ дѣйствуетъ, а другой критикуетъ дѣйствія перваго, а потому и вѣчно мѣшаетъ ему дѣйствовать; и несмотря на то также, что самъ онъ, Плошовскій, издѣвался надъ Лаурой, у которой „не-

обыкновенный умъ разыгрывалъ роль раба, ползающаго у ногъ ея красоты и завязывающаго ея котурны". И если человѣкъ, пишущій въ своемъ дневникѣ, что чѣмъ лучше любимая имъ женщина, тѣмъ болѣе онъ старается достигнуть своего, и потому тѣмъ болѣе онъ становится относительно ея въ положеніе нападающаго непріятеля — человѣкъ этотъ, очевидно, одаренъ недюжинной аналитической способностью и тонкимъ пониманіемъ логики страстей—но, съ другой стороны, онъ совершенно лишенъ способности *тонкаго и безсознательнаго созвучія* съ душою любимаго существа, чѣмъ именно и отличается настоящая любовь отъ страсти. Можно глубоко жалѣть Плошовскаго, какъ дѣйствительно несчастнаго, измученнаго своею двойственностью и изломаннаго рефлексомъ человѣка, но любви его къ Анелькѣ вѣрить нельзя. Мы видимъ только, что Плошовскій захваченъ водоворотомъ страсти.

Въ концѣ концовъ онъ, однако, готовъ отказаться отъ всякихъ надеждъ и покориться желанію Анельки, чтобы ихъ отношенія оставались чисто братскими. Но тутъ онъ узнаетъ, что Анелька беременна. Бѣшеная ревность до такой степени овладѣваетъ Плошовскимъ при этомъ извѣстіи, гнѣвъ и негодованіе такъ переполняютъ его сердце, что онъ моментально уѣзжаетъ въ Берлинъ, жестоко оскорбляя Анельку такимъ внезапнымъ отъѣздомъ. И это новое доказательство, что не беззавѣтная любовь живетъ въ сердцѣ его, а ревнивая и себялюбивая страсть, готовая каждую минуту оскорблять и унижать любимое существо и потомъ вновь переходить къ нѣжности. Вотъ что̀ говоритъ Плошовскій: „она не перестала быть чистой, а я, однако, скорѣе простилъ бы ей всякое преступленіе. И не могу я, Богомъ клянусь, не могу простить тебѣ потому собственно, что такъ любилъ тебя. Повѣришь ли ты, что на свѣтѣ нѣтъ женщины, которую въ настоящее время я презиралъ бы такъ, потому что одновременно у тебя было двое: я—для платонической любви, а Кромицкій—для супружеской! И видишь, мнѣ хочется удариться головой о стѣну, но, ей-Богу, хочется и смѣяться... Это-то идеальное существо, которому даже и платоническая любовь казалась чѣмъ-то недозволеннымъ, которая, вмѣсто: „любовь", говорила: „пріязнь"!

„Я видѣлъ ея глаза, широко раскрытые отъ страха, видѣлъ взглядъ опозоренной мученицы... и было во мнѣ два человѣка; одинъ говорилъ: чѣмъ она виновата? другому хотѣлось плюнуть ей въ лицо". И объясненіе этому гнѣву и негодованію мы находимъ вотъ въ какихъ знаменательныхъ словахъ: „Моя ревность пережила мою любовь. И ревность-то двойная: не только къ

фактамъ, но и къ чувствамъ. У меня душа на части разрывается при мысли, что ребенокъ, который явится на свѣтъ, захватитъ все сердце Анельки для себя и—что̀ для меня самое главное—склонитъ ее въ сторону Кромицкаго. Еслибъ эта женщина была свободна, я не жаждалъ бы обладать ею, но я не могу вынести предположенія, что она будетъ любить мужа. *Я отдалъ бы остатокъ дней за то, чтобъ ее уже никто въ жизни больше не любилъ, и она никого.* Подъ этимъ условіемъ я съумѣлъ бы существовать". Невольно сравниваешь эти слова съ извѣстнымъ стихомъ Пушкина:

Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

Вотъ это—настоящая, сердечная любовь, человѣчески-глубокое, гуманное чувство!

Въ Берлинѣ Плошовскій доходитъ до такого отчаянія и сознанія пустоты своей одинокой жизни, такъ ужасно терзается и такъ срываетъ своимъ анализомъ послѣдніе остатки всего похожаго на идеалы и вѣру въ жизни своей и въ жизни всего міра, что, наконецъ, организмъ не выдерживаетъ, и Плошовскій очень опасно заболѣваетъ. За нимъ съ самоотверженною преданностью ухаживаетъ Клара Гильстъ, концертирующая въ это время въ Берлинѣ. Выздоровѣвъ, Плошовскій дѣлаетъ предложеніе Кларѣ, ибо жизнь его никому и ни на что не годна, счастья онъ болѣе не найдетъ, а подаривъ свою ненужную личность Кларѣ, онъ сдѣлаетъ ее счастливою. Главное же, что̀ ему улыбается, это то, что такимъ образомъ онъ „увеличиваетъ пропасть между собой и той женщиной", и докажетъ ей, „что если она рыла эту пропасть со своей стороны, то и онъ съумѣетъ—со своей. Тогда уже будетъ конецъ всѣхъ концовъ". Онъ докажетъ „пани Кромицкой, что отказывается отъ нея не оттого, что *такъ долженъ*, а оттого, что *такъ хочетъ*" [1]). Клара, уѣхавшая на время въ Гамбургъ, отвѣчаетъ Плошовскому на письмо—отказомъ, и отказомъ потому, что „она его глубоко любитъ и послушалась голоса, который говоритъ ей, что высочайшая любовь не должна быть величайшимъ эгоизмомъ, и что невозможно ей пожертвовать имъ ради себя". Она хорошо сознаетъ, что его предложеніе было слѣдствіемъ „благородной признательности и какого-то отчаянія". Эта простая и наивная дѣвушка чисто чутьемъ своей артистической натуры съумѣла понять Плошовскаго, и хотя ея любовь заставляетъ ее видѣть его въ идеальномъ свѣтѣ, она отлично понимаетъ, что у

---

[1]) Курсивъ автора.

него къ ней никакого чувства нѣтъ. И какое истинно задушевное письмо пишетъ она! По искренности и глубинѣ чувства оно развѣ только равняется удивительному письму гр. Пойана въ послѣднемъ романѣ Бурже. Такое же безкорыстное, глубокое, проницательное—именно вслѣдствіе своей сердечности—чувство говоритъ въ обоихъ. А Плошовскій въ отвѣтъ на это письмо можетъ только отмѣтить въ своемъ дневникѣ: „Во мнѣ живетъ человѣкъ, который умѣетъ прочувствовать и оцѣнить всякое слово этого письма. Ничто изъ него не пропадетъ для меня... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, во мнѣ живетъ человѣкъ измученный, у котораго отняты жизненныя силы, который, сочувствуя, не любитъ, ибо все, что въ немъ было, онъ вложилъ въ другое чувство, и который ясно видитъ, что если отойдетъ на нѣсколько шаговъ, то ему невозможно уже будетъ возвратиться“.

Но въ душѣ Плошовскаго уже начинается переворотъ. Хотя онъ самъ виноватъ во всемъ несчастьи своей жизни, хотя въ немъ до сихъ поръ говорило лишь чувство оскорбленное, ревнивое, себялюбивое, но оно такъ заставило его страдать, оно сожгло его душу такимъ по истинѣ адскимъ огнемъ, что она и очистилась въ этомъ пламени. Плошовскій во многомъ еще прежній Плошовскій, быть можетъ; такъ, напримѣръ, получивъ отъ Кромицкаго одну за другою двѣ телеграммы, изъ которыхъ первая извѣщаетъ, что для спасенія судьбы Кромицкаго надо немедленно прислать еще денегъ, а вторая „заключаетъ столько отчаянія, сколько можетъ умѣститься въ нѣсколькихъ словахъ“,—получивъ эти телеграммы, Плошовскій сначала относится къ нимъ совершенно безучастно, а потомъ даже говоритъ, что „въ его сердцѣ есть уголокъ, гдѣ по поводу этой катастрофы возникло ликованіе. Подумать, что если эти люди и будутъ существовать чѣмъ-нибудь, такъ только благодѣяніями тетки, которая, по ея собственнымъ словамъ, не что иное, какъ хранительница имѣнія Плошовскихъ. Теперь я не имѣю намѣренія отвѣчать Кромицкому, но еслибъ и вознамѣрился, то, вмѣсто всякаго отвѣта, поздравилъ бы съ будущимъ потомствомъ. Потомъ—дѣло другое!—потомъ я снабжу ихъ средствами, даже хорошими средствами“. Но, съ другой стороны, Плошовскій уже долженъ „бороться съ голосомъ, который все чаще и чаще раздается въ немъ и спрашиваетъ: „Чѣмъ она виновата, что ей подкинули этого ребенка? Почемъ я знаю, что дѣлается въ ея сердцѣ? Была ли бы она женщиной, еслибы не полюбила своего ребенка? Кто мнѣ сказалъ, что она не чувствуетъ себя такою же несчастною, какъ я?“

Поступаетъ же Плошовскій опять-таки, какъ и прежде, то-

есть рѣшаетъ одно, а дѣлаетъ другое. Онъ собирается ѣхать въ Римъ, чтобы тамъ въ домѣ на Бабуино предаваться свободно своимъ размышленіямъ и сожалѣніямъ, „какъ человѣкъ, который предается воспоминаніямъ о прежней жизни за рѣшеткой монастыря". Но приходитъ письмо отъ тетки, которая ужасно безпокоится о здоровьѣ Анельки. „Анелька теперь въ такомъ отчаяніи, какъ будто ее опозорили. Каждый день на ея щекахъ видны слѣды слезъ. Жалко смотрѣть на ея похудѣвшее лицо, ввалившіеся глаза, на всегдашнюю готовность разрыдаться, на выраженіе какого-то горя и униженія". Тетка недоумѣваетъ, почему Анелька такъ трагически относится къ своему положенію, и приписываетъ это тому нелѣпому воспитанію, которое дала ей мать, вѣчно доводившая до крайности свою pruderie. Но Плошовскій сразу догадывается, что „не къ своему положенію она относится трагически, а къ моему бѣгству, къ моему отчаянію, которое она поняла, къ разрыву нашей связи, которую она послѣ стольких страданій и усилій съумѣла превратить въ чистый союзъ. Теперь я вхожу въ ея душу и думаю за нее. Ея трагедія стоитъ моей!" Плошовскій примиряется съ тѣмъ, что онъ уже не будетъ для Анельки тѣмъ, „чѣмъ былъ, а въ особенности тѣмъ, чѣмъ могъ бы быть... но пока въ ней будетъ тлѣть хоть искорка чувства ко мнѣ, я не уйду, потому что не могу уйти, потому что уйти мнѣ некуда". Плошовскій чувствуетъ, что „прежній человѣкъ умеръ въ немъ". И дѣйствительно съ этой минуты онъ какъ будто перерождается, и послѣднія страницы романа представляютъ намъ отношенія Плошовскаго къ Анелькѣ совсѣмъ новыми: она для него теперь „не только самая желанная женщина, но и самое дорогое существо". Леонъ возвращается въ Плошовъ, встрѣчается съ Анелькой какъ съ искренно-любимымъ другомъ и окружаетъ ее всевозможными нѣжными заботами. Но такое перерожденіе было слишкомъ поздним, и вотъ теперь, когда Плошовскій, наконецъ, хорошо понимаетъ Анельку и ясно видитъ, на чьей сторонѣ была истина, — теперь судьба, эта „Ananke", которая, по словамъ Леона, съ самаго начала вмѣшивалась въ его отношенія къ Анелькѣ, наноситъ свой послѣдній и уже непоправимый ударъ. Плошовскій пожинаетъ плоды того, что посѣяла его вѣчная забота разыгрывать какую-нибудь роль, его медлительность и эгоизмъ. Промедленіе въ отвѣтѣ на телеграмму Кромицкаго оказалось роковымъ. Адвокатъ, котораго Плошовскій послалъ къ Кромицкому черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ пришла первая телеграмма, уже не могъ ничего спасти. Кромицкаго посадили въ тюрьму, нарядили слѣдствіе, и этотъ несимпа-

тичный человѣкъ оказался гордымъ по-своему: онъ не перенесъ своего позора и застрѣлился.

Тщетно стараются родные скрыть въ продолженіе нѣкотораго времени его гибель отъ Анельки. Наконецъ, приходится сообщить ей ужасную вѣсть. Но эта строгая къ себѣ женщина невольно считаетъ себя косвенной причиной смерти мужа. Плошовскій совершенно вѣрно понялъ, что эта смерть должна была тѣмъ сильнѣе взволновать ее, что она не любила его, и что эта требовательная къ самой себѣ душа будетъ испытывать ужасныя угрызенія, начнетъ подозрѣвать „не соотвѣтствуетъ ли смерть ея мужа какимъ-нибудь ея затаеннымъ желаніямъ свободы, какимъ-нибудь желаніямъ, которыя она не смѣла высказать... Эта смерть дѣйствительно открываетъ передъ Анелькой новую жизнь. Это будутъ двѣ разительныя перемѣны, два удара грома, которые падутъ на ея бѣдную голову". И дѣйствительно, эти два удара погубили ее. Ея организмъ, слишкомъ надорванный предшествовавшей непосильной борьбой, не вынесъ этого потрясенія, и послѣ нѣсколькихъ дней ужасныхъ страданій бѣдная Анелька умираетъ въ преждевременныхъ родахъ. Передъ смертью она призываетъ Леона и говоритъ ему: „Не бойся, Леонъ,—мнѣ гораздо легче, только, во всякомъ случаѣ, я хочу, чтобы послѣ меня что-нибудь осталось... Можетъ быть, я не должна была дѣлать такихъ признаній тотчасъ же послѣ смерти мужа, но такъ какъ могу умереть, то хочу сказать тебѣ теперь, что я очень любила тебя, очень любила".

Какъ въ этихъ словахъ эта прелестная душа вѣрна себѣ! Даже тогда, когда она свободна, она строго слѣдитъ за тѣмъ, не являются ли снова ея посягательствомъ на честь и права покойнаго мужа. И какъ трогательно это: „не бойся"! Анелька умираетъ; она только потому и сознается въ любви къ Леону; но этому чуткому сердцу больно огорчить его; она старается успокоить его, говоря, что ей легче, и что это только такъ, на всякій случай, она высказываетъ все.

Послѣднія страницы романа производятъ глубоко-грустное впечатлѣніе, и становится искренно жаль несчастнаго Плошовскаго. Заключеніе же романа, можно сказать, потрясаетъ. Плошовскій заканчиваетъ свой дневникъ словами, дающими понять, что и онъ покончитъ съ собой. Приводимъ эту послѣднюю страницу романа дословно:

„Римъ, 5 декабря.

„Я могъ быть твоимъ счастьемъ и сталъ твоимъ несчастьемъ. Это я причина твоей смерти, потому что еслибъ я былъ дру-

гимъ человѣкомъ, еслибъ у меня не было недостатка въ жизненныхъ основахъ, на тебя не обрушились бы тѣ потрясенія, которыя убили тебя.

„Это я понялъ во время послѣднихъ минутъ твоей жизни, понялъ и поклялся идти за тобой. Я обручился съ тобой на твоемъ смертномъ одрѣ, и теперь первая моя обязанность быть при тебѣ.

„Твоей матери я оставлю мое состояніе, теткѣ—Христа, въ любви къ Которому она найдетъ утѣшеніе своихъ послѣднихъ дней, а самъ иду за тобой, потому что долженъ идти.

„А ты думаешь, я не боюсь смерти? Боюсь, потому что не знаю, чтò тамъ; вижу только одинъ мракъ безъ границъ и дрожу передъ нимъ. Не знаю, есть ли тамъ чтò, или это какая-нибудь жизнь безъ пространства и времени; можетъ быть, какой-нибудь междупланетный вихрь носитъ тамъ духовныя монады со звѣзды на звѣзду и вселяетъ въ новыя существа; не знаю, царитъ ли тамъ безмѣрная тревога, или покой, покой безмѣрный и такой совершенный, какой могутъ дать только Всемогущество и Всеблагость. Но если ты умерла вслѣдствіе моего „не знаю“, то какъ же я могу оставаться здѣсь и жить?

„Чѣмъ больше я боюсь, чѣмъ больше не знаю, тѣмъ болѣе не могу отпустить тебя одну, не могу, Анелька моя,—и иду.

„Или мы вмѣстѣ погрузимся въ Ничто, или пойдемъ вмѣстѣ одною дорогой, а здѣсь, гдѣ мы столько настрадались, пусть послѣ насъ останется только молчаніе“.

Но какъ-то не вѣрится, что Плошовскій покончитъ съ собой. Такъ и кажется, что появится четвертая часть дневника, гдѣ появится то же безплодное и мучительное для героя и читателя самоугрызеніе и анализъ, доведенный до чего-то фантасмагорически-чудовищнаго, все то же ужасное, безпросвѣтное самонаблюденіе—совершенное подобіе состоянія тѣхъ душъ осужденныхъ, что „жили только для себя“.

Едва ли г. Сенкевичъ думалъ этимъ аккордомъ примирить читателя съ Плошовскимъ и гармонически заключить свою трагическую повѣсть. Мы видимъ въ этой страницѣ умышленно-оставленный безъ разрѣшенія диссонирующій аккордъ. И мы думаемъ, что отъ этого весь романъ только выигрываетъ въ своей законченности. Плошовскій явится намъ совершенно вѣрнымъ самому себѣ, если онъ, на время лишь излеченный или, говоря точнѣе, на время, подъ вліяніемъ любви, забывшій о своей вѣчной Grübelei, опять вернется къ ней, и если послѣднимъ его словомъ будетъ нерѣшительное to be or not to be. Плошовскій самъ го-

воритъ, что „современный человѣкъ, въ минуты величайшаго нравственнаго разстройства, не найдетъ ни въ чемъ столько аналогіи съ собой, сколько въ этой драмѣ, основанной на грубой и кровавой легендѣ Голлиншеда. Гамлетъ—это человѣческая душа, какою она была, какою есть и какою будетъ... Какимъ образомъ Шекспиръ могъ въ семнадцатомъ вѣкѣ перечувствовать всѣ психозы, составляющіе достояніе девятнадцатаго"?.. и т. д. Заслуга Сенкевича заключается въ томъ, что онъ понялъ и съ поразительною тонкостью и вѣрностью изобразилъ, какъ этотъ вѣчный типъ измѣнился въ наше время противъ своихъ праотца, прадѣдовъ, дѣдовъ и даже отцовъ. При всемъ своемъ сходствѣ съ ними, этотъ „сынъ *конца* нашего вѣка" носитъ въ себѣ характерныя черты, опредѣляемыя новымъ выраженіемъ: fin de siècle. Извѣстно, что всего легче найти частное несходство именно въ вещахъ, имѣющихъ какое-нибудь общее крупное сходство. Поэтому, именно, на почвѣ анализа и сомнѣній и можно лучше всего замѣтить всѣ современныя особенности этого новаго мученика рефлекса.

Гамлетъ мучается сомнѣніями съ начала и до конца; все на свѣтѣ для него шатко, и все онъ разсѣкаетъ своимъ, рѣжущимъ, какъ ножъ хирурга, скептицизмомъ,—но „другъ Гораціо" всегда остается для него другомъ, и Гамлету не придетъ въ голову, какъ Плошовскому, что, можетъ быть, дружба съ нимъ объясняется только тѣмъ, что мы съ нимъ жили на разныхъ концахъ Европы". Нѣтъ, Гамлетъ только потому и друженъ съ Гораціо, что „въ толпѣ другъ друга" они „узнали", потому, что оба любятъ одинаково правду, ненавидятъ вѣроломство, возмущены злодѣйствомъ-однихъ и ничтожествомъ другихъ, потому наконецъ, что оба знаютъ, именно что̀ любитъ и какъ думаетъ каждый изъ нихъ. А Плошовскій объясняетъ, какъ видимъ, свою дружбу съ Снятынскимъ только, такъ сказать, *недоразумѣніемъ*, тѣмъ, что они живутъ на разныхъ концахъ Европы, издали интересуются другъ другомъ, но чуть узнали бы поближе — такъ пожалуй и дружбѣ конецъ. Гамлетъ совѣтуетъ Офеліи „идти въ монастырь": онъ такъ не вѣритъ человѣческой природѣ, такъ презираетъ ее, что осыпаетъ оскорбительными насмѣшками это дорогое ему существо и становится причиной ея смерти. Плошовскій, вспоминая знаменитое: „Я любилъ ее такъ, какъ ее не могли любить сорокъ тысячъ братьевъ", — говоритъ, что онъ сдѣлаетъ маленькую поправку и скажетъ: „Я любилъ Анельку болѣе, чѣмъ сорокъ тысячъ Лауръ". Но Гамлетъ своими словами говоритъ, что Офелія для него прежде всего *душа*, и единственно любимая имъ, а Плошовскій — что Анелька, *какъ и Лаура*, *женщина* для него,

хотя и страстно любимая. Отсюда — Гамлетъ, глубоко любя Офелію, но не вѣря возможности счастія вообще, разомъ и на вѣки порываетъ съ нею; а Плошовскій, оскорбляя поминутно Анельку и вѣчно колеблясь между страстной любовью и унизительной ревностью и подозрѣніями, не переставая мучить Анельку, все-таки преслѣдуетъ ее, какъ женщину. Еще болѣе разницы въ сыновнихъ отношеніяхъ обоихъ скептиковъ. Отецъ для Гамлета—существо, не допускающее къ себѣ критическаго отношенія и анализа; его слово—законъ, его память — свята, самъ онъ— идеалъ; а за смерть его этотъ нерѣшительный человѣкъ, эта утонченная изъ утонченныхъ душа мститъ кровавой местью, какъ самая дикая, примитивная натура. Потому-то, какъ и дружба, сыновнее чувство Гамлета—это „догматъ" своего рода, до котораго онъ никогда не дотронется разсѣкающимъ все скальпелемъ анализа. А Плошовскій даже къ смерти отца относится двойственно; онъ все анализируетъ свои впечатлѣнія и критикуетъ свои чувства, сравниваетъ себя и отца, и доходитъ опять-таки до глубочайшихъ и важнѣйшихъ взглядовъ на жизнь и смерть, въ частности на то, какъ живутъ и умираютъ люди вѣрующіе и насколько имъ легче, чѣмъ невѣрующимъ. И ни одного горячаго слова или позыва горя, ни минуты самозабвенія! Все слова, вѣрныя, тонкія, глубокія мысли и наблюденія, и не согрѣта эта масса словъ огнемъ истинной сыновней любви. Въ одномъ письмѣ дневника Плошовскій самъ говоритъ, что въ немъ все время было два человѣка: „одинъ—сынъ, у котораго страшно болѣло сердце, который грызъ пальцы, чтобъ подавить подступающія къ горлу рыданія, другой—педантъ, наблюдающій психологію смерти". И, прибавимъ мы, прежде всего опять-таки наблюдающій самого себя. „Я несказанно несчастливъ, — такъ заканчиваетъ Плошовскій эту фразу,—потому что натура у меня несчастная". Казалось бы, въ эту минуту можно было бы и не помнить о „своей натурѣ", и если и сказать: „я несчастливъ", то только потому, что умеръ отецъ.

Плошовскій, не разъ говорящій намъ, что онъ невѣрующій, все-таки заказываетъ молебенъ „за Леона и Анелю". Объясняетъ онъ это такимъ образомъ: „*Религіозныя вѣрованія*, которыя я вынесъ нетронутыми изъ мецскаго коллежа, *не уцѣлѣли* отъ столкновенія съ естественно-философскими книгами. Изъ этого не выходитъ, чтобъ я былъ атеистомъ. О, нѣтъ! Въ прежнія, давно минувшія времена, если кто-нибудь не признавалъ духа, тотъ говорилъ себѣ: „матерія"—и успокаивался. Теперь только самые отсталые философы стоятъ на такой отсталой точкѣ зрѣнія. Теперь философія

такихъ вещей не обсуждаетъ, отвѣчаетъ на жгучіе вопросы словомъ: „не знаю“, и это „не знаю“ вкореняется въ человѣческую душу... Мнѣ легко будетъ обрисовать мое умственное состояніе. Вотъ оно: не знаю, не знаю, не знаю!.. Метода, сущность, душа твоя (философіи)—это сомнѣніе и критика. И эту методу, и этотъ скептицизмъ ты такъ привила въ моей душѣ, что они перешли въ мою плоть и кровь. Ты, словно каленымъ желѣзомъ, выжгла во мнѣ тѣ нервы духа, которымъ вѣрятъ безхитростно, просто,— и теперь, *еслибъ я и хотѣлъ повѣрить, то не могъ бы: мнѣ нечѣмъ вѣрить.* Ты позволяешь мнѣ ходить къ обѣднѣ, если у меня явится охота, но ты отравила скептицизмомъ до такой степени, что сегодня *я скептически отношусь* не только къ самому *себѣ, но и къ своему скептицизму,* и не знаю, не знаю, не знаю... и мучусь, и шалѣю въ этой тьмѣ... *Я, съ этимъ безконечнымъ „не знаю“ въ душѣ, соблюдаю предписанія религіи* и не считаю себя неискреннимъ. Было бы такъ, еслибъ вмѣсто „не знаю“ я могъ бы сказать: знаю, что ничего нѣтъ! Но нашъ скептицизмъ— не открытое отрицаніе; это скорѣе болѣзненное и мучительное подозрѣніе, что *можетъ быть* ничего нѣтъ... Я хожу въ церковь потому, что я скептикъ, возведенный въ квадратъ, а это значитъ, что я скептически отношусь даже къ своему собственному скептицизму... Очевидно, никто не стоитъ такъ близко къ безднѣ мистицизма, какъ безпощадный скептикъ. Тѣ, которые усомнились въ идеалахъ религіозныхъ и соціальныхъ, тѣ, которые утратили вѣру въ могущество знанія и человѣческаго разума—вся эта масса людей, по бо́льшей части развитыхъ, сбившаяся съ дороги, лишенная всякихъ „догматовъ“, всякихъ надеждъ, теперь все болѣе и болѣе погружается во мглу мистицизма“.

Оберманнъ, этотъ первый „больной волей“ герой въ современной литературѣ, не можетъ выносить суетной и мелкой европейской жизни, не оправдавшей тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нее во время великихъ переворотовъ конца прошлаго вѣка, и бѣжитъ въ горную глушь Швейцаріи, но онъ прячется отъ шумной городской жизни прежде всего потому, что видитъ явную *свою* неспособность къ какой бы то ни было дѣятельности, и можетъ вести только созерцательную жизнь. Плошовскій доходитъ до такого же признанія своей несостоятельности вслѣдствіе иныхъ причинъ. По его мнѣнію: „Здѣсь (въ Польшѣ) люди еще *играютъ* въ аристократію и демократію, и есть между нами много такихъ, которые поставили цѣлью своей жизни борьбу съ демократическими теченіями и защиту общественной іерархіи. Я считаю это за *спортъ,* настолько же хорошій, какъ и всякій

другой. Я настолько скептически отношусь къ каждому изъ обоихъ лагерей, что нахожу невозможнымъ пристать ни къ одному. Демократіи не выносятъ мои нервы, то-есть не людей низкаго происхожденія, а тѣхъ, которые почитаютъ себя за патентованныхъ демократовъ. Объ аристократіи я думаю, что если дѣйствительно раціональность ея существованія основывается на историческихъ заслугахъ предковъ, то большинство этихъ заслугъ у насъ такого сорта, что потомки должны были бы надѣть на себя власяницу и посыпать голову пепломъ. Наконецъ, въ дѣйствительности *эти лагери сами въ себя не вѣрятъ*, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣсколькихъ индивидуумовъ, да и то глупыхъ. Иные *прикидываются искренними изъ личныхъ цѣлей* [1]), а такъ какъ я притворяться не умѣю, то участіе въ подобной борьбѣ—работа не по моему плечу... Я ясно вижу, что вся бѣда заключается въ моемъ черезъ-чуръ утонченномъ умѣ. На мнѣ должны дѣлать діагнозъ старческой болѣзни вѣка и цивилизаціи, такъ какъ во мнѣ эта болѣзнь выразилась въ самыхъ типическихъ чертахъ. *Кто скептически относится къ вѣрѣ, къ наукѣ, къ консерватизму, къ прогрессу, etc., тому по истинѣ трудно дѣлать что-нибудь*".

Есть у насъ, въ русской литературѣ, одинъ герой, къ которому всего чаще примѣняютъ названіе „лишняго человѣка"—это Рудинъ. Но Рудинъ знаетъ, во имя чего онъ идетъ умирать на баррикады. А Плошовскій, тоже не разъ называющій себя „геніемъ безъ портфеля, какъ бываютъ министры безъ портфеля" и не разъ примѣняющій къ себѣ слышанную имъ фразу объ „improductivité slave",—Плошовскій весьма изящно и ѣдко издѣвается надъ тѣмъ, что теперь „различныя кровли, подъ которыми живутъ люди, обрушиваются имъ на голову. Религія, самое названіе которой обозначаетъ связь, — развязывается. Черезъ кровлю, которая называется отечествомъ, начинаютъ проникать соціальныя теченія. Остается только одинъ идеалъ (идолъ?), передъ которымъ даже самые отчаянные скептики снимаютъ шапки—народъ. Но на цоколѣ статуи разные шалуны уже выписываютъ болѣе или менѣе циничныя остроты, а что страннѣе всего: первые клубы тумана сомнѣнія поднимаются изъ тѣхъ головъ, которыя по природѣ вещей должны были бы склониться

[1]) Какъ эти слова похожи на то, чтó не разъ высказывалъ, и отъ своего имени, и отъ имени своихъ героевъ, Бурже, который во всѣхъ волненіяхъ и борьбѣ послѣднихъ 20 лѣтъ во Франціи ничего не съумѣлъ увидѣть болѣе важнаго и серьезнаго, какъ только борьбу тщеславій, честолюбія и всяческихъ мелкихъ и своекорыстныхъ побужденій.

ниже. Придетъ, въ концѣ концовъ, какой-нибудь геніальный скептикъ въ родѣ Гейне, опишетъ этого божка, какъ въ свое время сдѣлалъ Аристофанъ, — и оплюетъ его не во имя какихъ бы то ни было старыхъ идеаловъ, а только во имя свободы мысли, а что тогда наступитъ — я не знаю. Вѣрнѣе всего, что на этомъ огромномъ пустомъ листѣ дьяволъ будетъ писать сонеты своей возлюбленной". Для Плошовскаго, какъ мы видимъ, всякое горячее сочувствіе какимъ бы то ни было общественнымъ дѣламъ — все это „игрушки", даже то, что французы называютъ „vieux jeu", какой-то атавизмъ и отсталость. Отсюда понятно, что и Лукомскій-скульпторъ, и Снятынскій-писатель, кажутся ему какими-то феноменами по той „громадѣ чувства, которую носятъ въ себѣ; съ этимъ чувствомъ имъ можетъ быть хорошо или худо, но во всякомъ случаѣ они гораздо богаче меня. У каждаго изъ нихъ запасъ живучести на десятерыхъ. И я тоже чувствую нѣкоторую связь съ родиной, но это чувство не такъ непосредственно; оно не горитъ во мнѣ, какъ пламень въ лампадѣ, оно не стало частью моего существа. Я могу въ жизни обойтись безъ всякаго Козлувка, или Михны, или Плошова — вѣрнѣе сказать, тамъ, гдѣ для Лукомскаго или Снятынскаго бьютъ живые ключи, изъ которыхъ они черпаютъ смыслъ жизни, я нахожу сухой песокъ".

Возьмемъ мы даже ту „науку страсти нѣжной", которой такъ занимались Онѣгинъ и Печоринъ. Кто не помнитъ X и XI строфы первой главы Онѣгина, кто не знаетъ пресловутыхъ словъ Печорина: „ей хочется танцовать со мной, ей мѣшаютъ—ей захочется вдвое болѣе"—и его радость по этому поводу?! Кто не помнитъ и знаменитаго, къ досадѣ княжны Мери перекупленнаго ковра?.. Кто изъ насъ не приведетъ еще массы подобныхъ глупыхъ и милыхъ мелочей изъ исторіи всѣхъ героевъ разочарованія, отъ скуки забавлявшихся той самой „наукой", которую воспѣлъ Назонъ?

Но развѣ хоть одинъ изъ нихъ доходилъ до подведенія такихъ мелочныхъ счетовъ своимъ достоинствамъ, своимъ поступкамъ и разнымъ „дѣйствительнымъ средствамъ" для привлеченія къ себѣ своей избранницы, какъ то дѣлаетъ Плошовскій? Какъ московскія барышни, словечка не могущія молвить въ простотѣ, Плошовскій не можетъ привезти картины изъ Рима, нанять дорогую дачу, сказать слова добраго, подать копѣйки нищему или просто, кажется, плюнуть, чтобы тотчасъ не отмѣтить: „Это ей покажетъ мою щедрость"; „это ей покажетъ мое великодушіе", „это ей докажетъ мою доброту". Мы не говоримъ о той

леденящей сердце разсчетливости (не въ денежномъ смыслѣ, а въ смыслѣ разсчета на произведеніе впечатлѣнія), которая заставляетъ Плошовскаго не отвѣтить сразу Кромицкому на его отчаянную телеграмму, дабы дать совершиться разоренію, и потомъ разыграть роль великодушнаго спасителя, „дающаго имъ средства, даже много средствъ". Нѣтъ, подобнымъ мелкимъ, низкопробнымъ эгоизмомъ не отличался пока еще ни одинъ изъ героевъ анализа. А Плошовскій еще постоянно ссылается на то, что онъ „высшая натура". Плошовскій и дѣйствительно на двѣ головы выше остальныхъ героевъ современности. Онъ привлекаетъ къ себѣ читателя почти столько же, какъ и Клару, и Анельку, и Лауру, и настолько же, насколько другіе представители fin de siècle отталкиваютъ отъ себя своею дрянностью и ничтожностью. Но какимъ мелочно-эгоистичнымъ, вѣчно рисующимся даже передъ самимъ собою, лишеннымъ всякаго чувства, всякаго принципа, всякаго незыблемаго „догмата", какою блѣдной тѣнью кажется онъ намъ по сравненію со своими предшественниками! И какъ онъ сухъ и мертвъ—этотъ, повидимому, полный жизни страдалецъ, рядомъ со всѣми остальными дѣйствующими лицами романа!

Наиболѣе похожъ онъ, какъ мы видѣли, на m-me Дэвисъ, и вѣроятно именно въ томъ сходствѣ натуръ и кроется причина ихъ внезапнаго почти сближенія и не менѣе быстраго охлажденія. Оба они вѣчно играютъ: она—въ свою религію красоты, онъ—въ свой скептицизмъ, а въ сущности оба заняты только своей собственной особой. Но, если внимательно прочесть главы романа, относящіяся до Лауры, мы замѣтимъ даже въ этомъ чисто чувственномъ увлеченіи Плошовскаго столько холода, такую безжизненность, такую стариковскую разсудительность и предусмотрительность, что рядомъ съ ними выигрываетъ даже Лаура, эта „богиня" и „полузвѣрь", ибо она, именно какъ животное, красива по той безсознательности и непосредственности, съ которыми идетъ на встрѣчу своей чувственной страсти.

Всѣ остальныя лица романа, каждый по своему, представляютъ контрастъ Плошовскому.

Тетка, аристократка по рожденію и по убѣжденіямъ, религіозная до суевѣрія, горячо-преданная всѣмъ своимъ и душу готовая положить за нихъ, всю жизнь прожившая то съ братомъ, который потерялъ жену, то съ племянникомъ, то съ больной Целиной или брошенной, такъ сказать, мужемъ Анелькой, однимъ словомъ, всегда съ тѣми, кому нужна поддержка и помощь—какая это симпатичная старая оригиналка! До старости сохранила она

юношескую способность увлекаться всѣмъ, за что возьмется, даже скачками и лошадьми, и даже въ мелочи, въ родѣ соперничества съ дамами-патронессами другого благотворительнаго общества, вносить она самую уморительную молодую энергію. И наивность, и чистота въ ней тоже юношескія: зная о предъидущей любви Анельки къ племяннику, она и мысли допустить не можетъ, что послѣ свадьбы Анелька могла бы продолжать любить его. А она хорошо знаетъ, что первая любовь можетъ оказаться и послѣднею, и вѣчною,—она, которая потеряла жениха 20-лѣтней дѣвушкой, въ тотъ самый день, когда должна была ѣхать къ нему за границу, и никогда уже не захотѣла выйти замужъ. Въ этомъ фактѣ вся она сказывается, эта *молодая* старушка.

Анелька, этотъ благоуханный бѣлый цвѣтокъ, выросшій на здоровой почвѣ деревенской, немного старозавѣтной жизни богатаго помѣщичьяго польскаго общества,—почвѣ, еще почти неиспорченной разлагающими элементами сомнѣнія и анализа,—какъ она привлекаетъ насъ къ себѣ, эта темноволосая маленькая красавица съ дѣтскими свѣтлыми глазами, кажущимися темными отъ необыкновенной густоты рѣсницъ и бровей, и съ пушкомъ на щекахъ! Какая въ этомъ граціозномъ ребенкѣ невинность и глубина чувства въ первыхъ страницахъ романа, и какъ мало-по-малу этотъ ребенокъ все выростаетъ въ нашихъ глазахъ, и все крѣпнетъ ея стойкость и вѣрность своему долгу, несмотря на всѣ искушенія этого тоже выросшаго чувства. Какую недюжинную силу выказываетъ она, когда, склонившись къ колѣнямъ тетки, она на одну минуту какъ бы готова поникнуть подъ бременемъ горя, но черезъ минуту уже встаетъ и говоритъ *„другимъ голосомъ“*:—поблагодарите его! Этой минуты ей было достаточно, чтобы сразу понять Плошовскаго и разомъ рѣшить все свое дальнѣйшее отношеніе къ нему. А впослѣдствіи, несмотря на всѣ маневры Плошовскаго, несмотря на то, что бѣдняжка сама мучится, несмотря на вѣчныя сравненія, которыя она невольно дѣлаетъ между равнодушіемъ мужа и страстной любовью Леона —она не выдаетъ своей тайны. А что̀ самое главное—эта честная душа очевидно вначалѣ и сама не понимаетъ, что у нея въ сердцѣ осталось все то же чувство. Она такъ оскорблена Плошовскимъ, такъ убита, такъ искренно вѣритъ, что если она и не любитъ пока мужа настоящею любовью, то съумѣетъ полюбить его. И когда открываетъ свою преступную, по ея мнѣнію, любовь, она только еще тверже прежняго рѣшаетъ скрыть ее навѣки, переломить. Это видно съ перваго ея возгласа въ отвѣтъ на слова Плошовскаго о любви: „Я не хочу этого слушать, Леонъ, не

хочу, не хочу". Среди всѣхъ современныхъ героинь, преисполненныхъ всяческихъ компромиссовъ и поблажекъ себѣ и другимъ, Анелька—чрезвычайно отрадное явленіе.

Противоположностью Плошовскаго является Кромицкій. Этотъ —даже по наружности своей антипатичный—дѣлецъ, дюжинная натура, человѣкъ, который, не задумываясь, продаетъ стоившее стольких трудовъ и жертвъ имѣніе, такъ свято хранимое Целиной для дочери, человѣкъ, для котораго денежные интересы превыше всего—этотъ Кромицкій въ то же время является представителемъ энергіи и личнаго труда. Онъ не такой человѣкъ, который могъ бы сидѣть на мѣстѣ, сложа руки, да у него и нѣтъ громаднаго Плошовскаго наслѣдія. Худо ли, хорошо ли онъ распоряжается, продавъ сначала свое, а потомъ женино имѣніе и вдавшись въ свои поставки въ Туркестанѣ — это другой вопросъ. Можетъ быть и правъ Плошовскій, объясняя всю дѣятельность Кромицкаго денежнымъ неврозомъ, тогда какъ у него, Плошовскаго, неврозъ скептицизма. Во всякомъ случаѣ Кромицкій не страдаетъ болѣзнью воли, и его поступки всегда вытекаютъ изъ его желаній и рѣшеній.

Такими же энергичными людьми, знающими, чего они хотятъ добиться, являются и молодые Хвастовскіе—докторъ и техникъ, сыновья управляющаго Плошовскаго,—представители здоровой половины нашего молодого поколѣнія.

Если мы возьмемъ ту сферу, гдѣ Плошовскій плаваетъ, какъ рыба въ водѣ—сферу искусства, то и тутъ мы видимъ, что въ то время, какъ для отца его и патера Кальви искусство было и утѣшеніемъ, и смысломъ жизни, такъ какъ „они по настоящему *любили* его",—Плошовскій относится къ нему „какъ дилеттантъ; оно ему нужно, какъ дополненіе къ другимъ впечатлѣніямъ жизни. Оно принадлежитъ къ числу вещей, пріятныхъ ему, но не къ числу его страстей. Онъ не можетъ обойтись безъ искусства въ жизни, но и жизни за него не отдастъ". Не говоримъ уже, какая разница въ этомъ отношеніи между Плошовскимъ и Кларой,—уже не любительницей, а настоящей артисткой.

Однимъ словомъ, чего бы и кого бы мы ни коснулись въ романѣ, мы видимъ, съ одной стороны, что у каждаго есть что-нибудь *свое*, дорогое, вѣрное, у всякаго изъ этихъ людей есть точка опоры въ жизни. И съ другой стороны, какая поразительная бѣдность всякихъ серьезныхъ интересовъ, всякаго яркаго чувства, всякихъ основъ—въ главномъ героѣ; ему не за что держаться въ жизни. И вотъ что̀ изъ этого происходитъ: „*У меня нѣтъ никакихъ убѣжденій*, — говоритъ Плошовскій, — *никакихъ вѣро-*

ваній, никакихъ основаній, никакой почвы подъ ногами—все выѣла во мнѣ критика и рефлексія. У меня есть только врожденныя жизненныя силы, которыя, не находя исхода, соединились въ чувствѣ любви къ этой женщинѣ. И я ухватился за эту любовь, какъ утопающій хватается за соломенку... Женщина и любовь къ женщинѣ не играютъ и половинной роли въ жизни людей труда и людей, имѣющихъ передъ собою серьезныя задачи, серьезныя цѣли. Крестьянинъ женится только для того, чтобы жениться и обзавестись хозяйствомъ... Человѣкъ науки, вождь, политикъ посвящаетъ женщинѣ самую незначительную часть жизни. Исключеніе составляютъ только артисты... Вообще только въ богатыхъ кружкахъ, въ которыхъ множество людей отстраняется отъ дѣлъ, женщина властвуетъ неограниченно и наполняетъ всю жизнь этихъ людей сверху и до низу. Она овладѣваетъ всѣми мыслями, становится единственнымъ двигателемъ, единственной цѣлью всѣхъ ихъ стремленій. Да иначе и быть не можетъ. Беру я въ примѣръ самого себя... Ни одинъ изъ сложныхъ факторовъ теперешней цивилизаціи не привлекалъ меня къ себѣ и не наполнялъ мнѣ душу по той простой причинѣ, что эта цивилизація сама насквозь пропитана скептицизмомъ. Если она сама чувствуетъ свой близкій конецъ и сомнѣвается въ себѣ, то трудно требовать, чтобы я повѣрилъ и посвятилъ ей свою жизнь. Вообще я жилъ, какъ человѣкъ, висящій на воздухѣ, потому что не могъ прицѣпиться къ землѣ... Я принесъ съ собой на свѣтъ живой умъ, страстную натуру и недюжинныя силы. *Силы эти должны были найти какой-нибудь исходъ и могли найти его только въ любви къ женщинѣ.* Мнѣ ничего другого не оставалось. Я сознаю это и подчиняюсь, потому что нелѣпо было бы бороться съ такою силой. *Любовь къ женщинѣ—единственный резонъ, единственное основаніе моей жизни... Еслибъ во мнѣ жила внутренняя потребность къ труду,* можетъ быть я приневолилъ бы себя заняться какою-нибудь простою работою. Но дѣло идетъ объ одной видимости. *Я хочу работать только для того, чтобы привлечь къ себѣ любимую женщину*".

Въ этихъ словахъ все разъясненіе не только поведенія Плошовскаго въ романѣ, не только всей его предшествовавшей и послѣдующей жизни—если онъ останется жить, какъ мы предполагаемъ,—но и жизни всѣхъ Плошовскихъ вообще. Равнодушіе ко всему на свѣтѣ, отсутствіе всякихъ убѣжденій, всякихъ интересовъ, всякой живой связи и со своимъ народомъ, и съ религіей, и съ наукой, и съ искусствомъ,—скептицизмъ ко всему на свѣтѣ, и рядомъ съ этимъ одно, что занимаетъ всѣхъ этихъ жал-

вихъ героевъ, чтò наполняетъ имъ жизнь — вѣчныя любовныя исторіи, то-есть опять-таки вѣчное занятіе собой лишь въ другомъ лицѣ. Немудрено, что и въ этихъ безконечныхъ романическихъ исторіяхъ такіе герои постепенно творятъ то глупости, то преступленія, то ошибки, а чаще всего просто пассуютъ. И если уже давно наши герои подобнаго типа могли увидѣть, какую непривлекательную роль они играютъ въ силуэтѣ, приподнесенномъ имъ авторомъ „Русскаго человѣка на свиданьи", то теперь, въ портретѣ, нарисованномъ Сенкевичемъ, мы видимъ уже не русскія, но общеевропейскія черты, и портретъ этотъ поражаетъ насъ своимъ ужаснымъ, печальнымъ сходствомъ со всѣмъ, чтò мы видимъ и слышимъ теперь повсюду, и велика заслуга писателя, который показалъ намъ страшную болѣзнь, лишившую новое поколѣніе всякой силы, всякой энергіи и всякаго значенія въ общечеловѣческомъ смыслѣ.

Если стать на точку зрѣнія чисто художественной критики, то и тутъ мы получимъ полное удовлетвореніе. Написанъ романъ съ большимъ художественнымъ талантомъ. Всѣ душевныя перипетіи Плошовскаго очень тонки, сложны, и переданы онѣ съ замѣчательною вѣрностью и деликатностью; тутъ *работа* писателя совсѣмъ незамѣтна, и иного читателя можетъ даже прямо утомить, ибо слѣдить приходится не только за вѣчно колеблющейся мыслью и вѣчными хамелеоновскими измѣненіями въ сознаніи двойственной натуры, но буквально за каждымъ *словомъ* автора. Очень часто одного слова или полуслова Плошовскому достаточно, чтобы воздвигнуть или подломить всю сложную постройку своихъ паутинно-тонкихъ, нервически-капризныхъ, хитроумно-парадоксальныхъ или удивительно вѣрныхъ и глубокихъ умозаключеній. По нашему мнѣнію, Сенкевичъ достигъ въ этомъ романѣ своего высшаго совершенства. Ни въ своихъ историческихъ романахъ, ни въ „Американскихъ разсказахъ", ни въ разсказахъ изъ жизни польскаго крестьянства („За хлѣбомъ", „Старый слуга", „Ганя", „Бартекъ-побѣдитель" и др.) нигдѣ, говоримъ мы, Сенкевичъ не дошелъ ни до такой широты взгляда, ни до такого мастерства своей, впрочемъ, всегда мощной и колоритной кисти. Какія это все живыя лица —всѣ его главные и второстепенные герои; какъ выдержанъ характеръ каждаго, и какими это достигнуто небольшими штрихами! Какія колоритныя и поэтичныя описанія природы! Вспомнимъ, напр., грозу въ Плошовѣ, Средиземное море въ бурю и въ затишье, видъ на Римъ съ Monte Pincio въ лунную ночь, и т. д., и т. д.

Форма романа въ видѣ дневника дозволяетъ автору (часто просто для лучшей выдержки субъективнаго тона) дѣлать разныя

отступленія и высказывать многія, совершенно постороннія роману, но имѣющія общій интересъ, мысли. Знакомство автора и съ наукой, и со всѣми отраслями искусства, однимъ словомъ, его громадная эрудиція даетъ богатый просторъ этимъ „постороннимъ мыслямъ", часто поразительнымъ по своей глубинѣ или оригинальности. Таковы, напримѣръ, его отзывы о правдѣ и неправдѣ въ новѣйшихъ французскихъ романахъ, о вредѣ газетъ для средняго человѣка, о мистическомъ направленіи, принимаемомъ европейской мыслью за послѣдніе годы, и о мистицизмѣ почти всѣхъ нашихъ крупныхъ писателей. Или еще: какое удивительное описаніе впечатлѣнія, производимаго cis-мольной сонатой Бетховена, мысли о Шопенѣ, о музыкѣ будущаго и о современной музыкѣ. Вообще Сенкевичъ выказалъ большую самостоятельность, новизну и глубину мысли какъ въ выборѣ задачи, такъ и въ своемъ отношеніи къ ней, и отъ него можно ждать еще многаго впереди.

Влад. Каренинъ.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Разсказъ изъ давно минувшихъ лѣтъ.

Окончаніе.

V *).

Люди, стоявшіе близко къ Марципанову, свидѣтельствовали, что послѣ посѣщенія Дудыченко онъ какъ бы смягчился и пришелъ опять въ благодушное настроеніе. Было замѣчено, что въ тотъ день, часовъ въ пять пополудни, онъ вышелъ на балконъ и, приложивъ руку къ переносицѣ, въ видѣ козырька, нѣкоторое время пристально смотрѣлъ вдаль и потомъ сказалъ:

— Ага! Дѣйствительно возятъ!

Затѣмъ онъ позвалъ чиновника Волохонскаго и ему также предложилъ смотрѣть вдаль.

— Взгляните, пожалуйста, не ошибаюсь ли я? Камень ли тамъ везутъ!?

Чиновникъ Волохонскій, подражая Марципанову, тѣмъ же способомъ приложилъ ладонь ко лбу у самой переносицы и глядѣлъ вдаль.

— Это дѣйствительно камень, ваше превосходительство!— отвѣтилъ онъ съ полнымъ убѣжденіемъ.

Марципановъ поглядѣлъ на рѣку, на набережную, на зданіе думы и на прочія зданія, и ему сдѣлалось ужасно скучно. „Чортъ возьми!—подумалъ онъ:—облеченъ я, можно сказать, весьма значительной властью въ здѣшнихъ мѣстахъ, а между тѣмъ скука

---

*) См. выше: іюнь, 465 стр.

смертная! Не странно ли это?" Онъ прошелся по балкону, вошелъ въ комнату и тамъ прошелся. Наконецъ, онъ нѣчто придумалъ и опять обратился къ чиновнику Волохонскому:

— Велите-ка лодку снарядить! Рыбку ловить поѣдемъ!

Черезъ четверть часа Марципановъ ѣхалъ на лодкѣ внизъ по рѣкѣ. Четыре дюжихъ молодца ловко владѣли веслами; чиновникъ Волохонскій управлялъ рулемъ; кромѣ того, въ лодкѣ сидѣли два чиновника особыхъ порученій, приставъ и городовой. Лодка проплыла мимо массы суденъ и пристаней. Всюду, завидѣвъ лодку, снимали шапки и кланялись. Вотъ городъ кончился; рѣчка, какъ бы почувствовавъ свободу, разлилась вширь и заросла по краямъ камышемъ и вербами. Тутъ-то лодка и остановилась. Чиновникъ Волохонскій зналъ разныя мѣстечки, въ особенности такія, гдѣ ловились окуни. Приставъ размоталъ волосяную удочку, городовой надѣлъ червяка, чиновники особыхъ порученій приспособили поплавокъ, а Волохонскій сказалъ:

— Вонъ туда, ваше превосходительство, около камышеваго куста; тамъ окунь водится!

Марципановъ туда и забросилъ удочку и черезъ какія-нибудь двѣ минуты вытащилъ порядочнаго окуня. Одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій снялъ рыбу съ крючка, другой впустилъ ее въ стоявшую на днѣ лодки, спеціально для этого приспособленную посудину, городовой надѣлъ новаго червяка, приставъ почтительно поплевалъ на него, а Волохонскій сказалъ:—Въ то же мѣсто, ваше превосходительство!

Ловля была замѣчательно удачна. Марципановъ то-и-дѣло таскалъ окуней, чиновники особыхъ порученій усиленно работали, приставъ поплевывалъ, а городовой все боялся, что червяковъ не хватитъ. Но, несмотря на удачу, легко было замѣтить, что съ лица Марципанова все время не сходила мрачная тѣнь. Окуней таскалъ онъ какъ-то машинально, и, повидимому, это почти не забавляло его. И въ то самое время, когда окуни стали ловиться одинъ за другимъ, онъ вдругъ положилъ удочку въ лодку и сказалъ:

— Домой!

Чиновники особыхъ порученій переглянулись между собою, а потомъ съ чиновникомъ Волохонскимъ: „что съ нимъ дѣлается? какой бѣсъ его тревожитъ?" всѣ разомъ подумали они. Но отвѣтить на этотъ вопросъ было невозможно, ибо и самъ Марципановъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается. Чувствовалъ онъ, что недоволенъ, крайне недоволенъ собой и окружающими предметами; хотѣлось ему, до страсти хотѣлось, вотъ этихъ са-

мыхъ чиновниковъ особыхъ порученій и просто чиновника Волохонскаго и пристава и даже городового взять да и уволить отъ должности безъ всякаго повода. Мало-по-малу, неизвѣстно почему, въ его воображеніи всталъ образъ Дудыченка. Зачѣмъ? Марципановъ считалъ этого господина ничтожной личностью и относился къ нему безразлично. Но въ эту минуту онъ ненавидѣлъ его отъ всего сердца. За что? Казалось бы, наоборотъ, слѣдовало чувствовать къ нему расположеніе, такъ какъ онъ, по возвращеніи изъ отпуска, первымъ долгомъ счелъ угодить ему, Марципанову.

Такимъ образомъ Марципановъ томился въ полномъ невѣденіи причинъ своего томленія, и даже чиновникъ Волохонскій, который зналъ досконально всѣ мѣста, гдѣ водятся окуни, не могъ объяснить этого. Такъ дѣло стояло до самаго того момента, когда лодка подкатила къ мостику недалеко отъ квартиры Марципанова. Марципановъ сошелъ на берегъ и на мгновеніе остановился, какъ бы пораженный чѣмъ-то внезапнымъ. Онъ поднялъ слегка голову и сталъ къ чему-то прислушиваться. Въ груди его зашевелилось знакомое острое ощущеніе. Онъ ступилъ нѣсколько шаговъ и увидалъ группу рабочихъ, ремонтировавшихъ мостовую у его квартиры. Бо́льшая часть ихъ уже собралась домой, но нѣкоторые еще стучали молотами, спѣша раздробить начатый кусокъ дикаря. Этотъ стукъ, вся эта картина разомъ осѣнили голову Марципанова. Онъ понялъ все.

Онъ понялъ, что ненавидитъ Дудыченка за то, что тотъ смирилъ его, отвлекъ его отъ праведнаго возмездія. И уже теперь образъ Дудыченка поблѣднѣлъ въ его памяти, а на мѣсто его всталъ образъ Ивана Петровича, подкапывающагося подъ „престижъ" Марципанова.

Марципановъ вновь и съ новой силой ощутилъ въ груди своей жажду мести и, подозвавъ къ себѣ чиновника Волохонскаго, сказалъ ему, сдвинувъ брови:—Прошу васъ завтра тщательно проштудировать газеты и доложить мнѣ все касающееся муниципалитета!

Это распоряженіе вытекало изъ хорошаго изученія мѣстныхъ газетныхъ обычаевъ. Половина столбцовъ въ прирѣченскихъ газетахъ обязательно наполнялась муниципальнымъ матеріаломъ. Разныя замѣтки подъ заманчивыми заглавіями: „Вниманію кого слѣдуетъ", „Подвиги муниципальныхъ дѣятелей", „Непростительная небрежность", „Къ порядкамъ на городской бойнѣ" и т. п., и цѣлыя передовыя статьи, трактующія о разныхъ муниципальныхъ несовершенствахъ,—все это было любимымъ матеріаломъ

приреченскихъ газетъ, такъ какъ это была единственная область, въ которой они пользовались правомъ полнаго обсужденія. И ужъ ежели приреченскому газетному писателю попадалась подъ перо какая-нибудь состоящая въ вѣденіи городского управленія лужа, то онъ выливалъ въ нее всю злобу, накопившуюся въ его сердцѣ противъ всего, чего онъ не смѣлъ трогать.

И Марципановъ, дѣлая свое распоряженіе, зналъ, что найдетъ въ завтрашнихъ газетахъ много пищи для своего оскорбленнаго сердца; также хорошо зналъ онъ это, какъ чиновникъ Волохонскій зналъ, что у камышеваго куста водятся окуни.

Вечеръ Марципановъ провелъ въ самомъ дурномъ и мрачномъ настроеніи. Въ прежнее время онъ иногда ѣздилъ въ англійскій клубъ, оставался тамъ часа два, даже въ безикъ игралъ. Теперь это было невозможно. Въ клубѣ была масса муниципальныхъ дѣятелей, встрѣча съ которыми дѣйствовала на Марципанова какъ стукъ двѣнадцати молотовъ о глыбу дикаря. Попробовалъ-было онъ сѣсть на балконъ съ цѣлью созерцать мирное и тихое теченіе рѣки. Но едва онъ сѣлъ и облокотился на перила, какъ на углу набережной и ближайшей улицы собралась кучка обывателей, которая съ каждой минутой увеличивалась. Черезъ пять минутъ въ ней можно уже было насчитать съ полсотни; обыватели устремили взоры прямо на Марципанова и, повидимому, ждали только удобной минуты, чтобы закричать „ура“ и замахать шапками. Очень любили подобнаго рода демонстраціи обыватели города Приреченска. Впрочемъ, надо замѣтить, что на самомъ дѣлѣ они никогда „ура“ не кричали и шапками не махали, а только имѣли такой видъ, будто хотятъ это сдѣлать. А такъ какъ Марципановъ былъ первый человѣкъ въ городѣ, хотя и штатскій, то, естественно, ему нерѣдко приходилось быть жертвой этого пристрастія. Пришлось съ балкона уйти. Тогда Марципановъ сдѣлалъ послѣднюю попытку найти себѣ развлеченіе. Онъ подошелъ къ книжному шкафу и вытащилъ оттуда увѣсистую брошюру, которую онъ не такъ давно получилъ, но до сихъ поръ еще не собрался разрѣзать и прочитать. Брошюра принадлежала одному петербургскому пріятелю Марципанова, не добившемуся еще желаннаго поста, и трактовала „о задачахъ и наилучшихъ способахъ мѣстнаго управленія“. Но съ первыхъ же строкъ Марципановъ убѣдился, что забрался въ совершенно чуждую ему область, ибо, управляя много лѣтъ ввѣренной ему частью, онъ никогда не думалъ ни о задачахъ, ни о способахъ управленія и, тѣмъ не менѣе, до послѣдняго инцидента управлялъ вполнѣ благополучно и плодотворно. Пришла-было ему еще одна

мысль, и онъ уже протянулъ руку къ звонку, чтобы позвонить чиновника Волохонскаго, который былъ при немъ во всякое время и для всякихъ надобностей, но прежде чѣмъ рука его успѣла взять звонокъ, мысль какъ-то сама собой обнаружила всю свою несообразность. Мысль эта была слѣдующая: „не поѣхать ли въ кафе-шантанъ?“ Кафе-шантанъ существовалъ въ лѣтніе мѣсяцы при городскомъ садѣ. Пѣли тамъ пѣвицы нѣмецкія по преимуществу, и скука тамъ была нестерпимая. Но такъ какъ на дому приръченская публика еще больше скучала, то кафе-шантанъ былъ посѣщаемъ. Марципановъ вспомнилъ, что тамъ нѣтъ такого мѣста, которое было бы со всѣхъ сторонъ загорожено непроницаемымъ заборомъ и къ которому велъ бы подземный ходъ. Появленіе же Марципанова въ публикѣ при обыкновенныхъ условіяхъ произвело бы сенсацію и неблагопріятно отразилось бы на его престижѣ. Однимъ словомъ, Марципанову оставалось лечь спать съ горькимъ сознаніемъ, что первый человѣкъ въ городѣ— самое несчастное существо, въ особенности когда онъ отпустилъ семейство въ Москву и поссорился съ муниципалитетомъ. И Марципановъ легъ въ постель, но легъ въ самомъ злостномъ настроеніи, и при этомъ всю вину за дурно проведенный вечеръ почему-то взвалилъ на Ивана Петровича Черешкова. Всю ночь ему снился стукъ молотовъ, разбивающихъ глыбы дикаря; стукъ этотъ сначала раздавался въ его пріемной, потомъ въ кабинетѣ, залѣ, спальнѣ, во всей квартирѣ, затѣмъ молоты стали ударять о гранитъ на протяженіи цѣлаго околотка, участка, во всемъ городѣ, въ цѣлой губерніи и, наконецъ, по всей Россіи раздавался неистовый стукъ молотовъ; среди этого ада на каждомъ шагу высовывались и подкапывались подъ него, Марципанова, какія-то морды, и всѣ эти морды удивительно походили на почтенное лицо Ивана Петровича Черешкова.

Ровно въ семь часовъ утра чиновникъ Волохонскій явился въ канцелярію и спросилъ у сторожа, принесли ли газеты.

— Точно такъ!—отвѣчалъ сторожъ и подалъ Волохонскому мѣстныя газеты (ихъ было двѣ), каждую въ двухъ экземплярахъ. Волохонскій прежде всего взялъ по одному экземпляру и подклеилъ ихъ къ огромнымъ тетрадямъ, которыя предназначались для поступленія въ архивъ. Затѣмъ онъ усѣлся за столъ и началъ внимательно изучать газеты по очереди. Впрочемъ онъ не тратилъ времени на прочтеніе всего, что̀ было въ нихъ напечатано. Приръченскія газеты имѣли обыкновеніе каждой замѣткѣ давать ясное и выразительное заглавіе. Когда, напримѣръ, Волохонскій встрѣчалъ передовую статью подъ заглавіемъ: „Къ во-

просу о русскомъ каботажѣ", онъ говорилъ: „Ну, это къ чорту! Не понимаю, кого это можетъ интересовать!" Когда ему попадалась замѣтка съ заглавіемъ: „Еще одна жертва желѣзнодорожной распущенности", онъ говорилъ: „Ну, это кому-нибудь обѣ ноги отрѣзало! Это неинтересно!" Но вотъ замѣтка: „О томъ, какъ плакали городскія денежки", гдѣ разсказывается о мостовой, которая прослужила одно лѣто и уже требуетъ ремонта... Чиновникъ Волохонскій трепетной рукой схватываетъ синій карандашъ, обводитъ замѣтку жирной полосой, потомъ хватаетъ ножницы и съ видомъ какой-то кровожадности вырѣзываетъ замѣтку. Такихъ замѣтокъ въ этотъ день онъ наловилъ съ десятокъ. Каждую онъ вырѣзывалъ и наклеивалъ на чистенькомъ и аккуратненькомъ листѣ бумажки, заранѣе приготовленномъ, а сверху надписывалъ, изъ какой газеты и за какимъ нумеромъ. Судьба этихъ вырѣзокъ была довольно почтенна. Ихъ докладывали его превосходительству, а потомъ составляли по каждой изъ нихъ бумагу, адресованную кому слѣдуетъ, съ порученіемъ препроводить въ управу для объясненій, а въ случаѣ, ежели замѣтка окажется справедливой,—чему даже самъ Марципановъ не вѣрилъ, — для принятія надлежащихъ мѣръ. Въ экстренныхъ же случаяхъ дѣйствовали кратчайшимъ путемъ. Къ бумагѣ пришивалась наклейка съ газетной замѣткой и приписывалась покорнѣйшая просьба, по минованіи надобности, приложеніе возвратить. Всѣ подобныя бумаги Марципановъ внимательно просматривалъ, передѣлывалъ, заставлялъ вновь переписывать и подписывалъ.

— Надо давать мѣсто голосу общественнаго мнѣнія!—говорилъ Марципановъ.

Но вотъ замѣтка, въ которую чиновникъ Волохонскій такъ и впился глазами. Она была невелика и заглавіе ея было кратко: „Вопіющіе порядки въ городской лечебницѣ". Волохонскій какимъ-то чиновничьимъ инстинктомъ почуялъ, что эта замѣтка для его превосходительства будетъ настоящимъ кладомъ. Онъ дважды, сильно надавливая, обвелъ ее карандашомъ, но не синимъ, а краснымъ, что̀ уже само по себѣ указывало на экстраординарность замѣтки, и вырѣзалъ ее съ какими-то вычурными краями. Потомъ онъ наклеилъ ее на бумагу бо̀льшаго сравнительно съ другими формата, положилъ поверхъ другихъ, словомъ, сдѣлалъ все, чтобы его превосходительство замѣтилъ ее и обратилъ на нее вниманіе. Нарѣзавъ и наклеивъ такимъ образомъ порядочную кучку предательскихъ замѣтокъ о несовершенствахъ приреченскаго муниципальнаго управленія, чиновникъ Волохон-

скій положилъ ихъ въ особый легкій кожаный портфельчикъ, на которомъ было золотомъ оттиснено: „memento“, а портфельчикъ отнесъ въ кабинетъ Марципанова и почтительно положилъ его на столѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ.

Марципановъ всталъ въ восемь часовъ. Одѣвшись, умывшись и Богу помолившись, онъ быстро отмахалъ два стакана чаю со сливками и прошелъ въ кабинетъ къ столу. Нечего и говорить, что онъ сейчасъ же принялся потрошить „memento“, а занявшись этимъ дѣломъ, сію же минуту натолкнулся на замѣтку, окаймленную кровавой линіей и трактовавшую „о вопіющихъ порядкахъ въ городской лечебницѣ“. Въ замѣткѣ этой съ тонкимъ юморомъ описывалось, какъ одинъ больной, котораго только-что привезли въ лечебницу, пролежалъ три дня безъ всякаго леченья, потому что болѣзнь его вызвала споръ между старшимъ врачемъ и ординаторомъ. Старшій врачъ утверждалъ, что у него тифъ, а ординаторъ—что воспаленіе легкаго. Въ виду такого разногласія, больного не лечили ни отъ того, ни отъ другого, „и только благодаря этому,—ѣдко прибавлялъ репортеръ,—больной выздоровѣлъ“. Прочитавъ эту замѣтку, Марципановъ встрепенулся и глаза его загорѣлись, какъ у охотника передъ облавой.

— Ага! Вотъ мы посмотримъ! Мы посмотримъ!—сказалъ онъ самъ себѣ, но громко и внушительно, и позвонилъ чиновника Волохонскаго. Тотъ вошелъ.

— Прикажите экипажъ и все прочее.

„Все прочее“ означало двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, безъ которыхъ не обходилось ни одно путешествіе Марципанова. Черезъ полчаса генералъ Марципановъ вышелъ въ полной формѣ. „Все прочее“ было уже готово и стояло въ передней, недоумѣвая, куда и зачѣмъ. Марципановъ никогда не предупреждалъ. Внезапные наѣзды были его страстью. Онъ никому не открывалъ своего намѣренія до послѣдней минуты, боясь, чтобы не предупредили намѣченную жертву. Только когда всѣ были на своихъ мѣстахъ и самъ Марципановъ сидѣлъ уже въ коляскѣ, онъ сказалъ:

— Въ городскую лечебницу!

И торжественный, но въ то же время и зловѣщій поѣздъ покатилъ. Глядя на него, обыватели останавливались и говорили: „Дѣло дрянь!“—ибо не ждали ничего хорошаго отъ такого поѣзда. Того и гляди, кого-нибудь накроютъ.

Пріѣздъ Марципанова произвелъ въ городской лечебницѣ необычайный, потрясающій эффектъ. Привратникъ, сидѣвшій спокойно на скамейкѣ, при видѣ подкатившей коляски, сопровож-

даемой блестящей свитой, подскочилъ на мѣстѣ, какъ резиновый мячъ, и вытянулся въ струнку съ такимъ усердіемъ, что у него хрустнуло разомъ во всѣхъ суставахъ. Прислужники, сбивая съ ногъ другъ друга, помчались искать начальство. Сестры милосердія, фельдшера, сидѣлки, надзиратели—все это мчалось черезъ палаты, сбивая съ ногъ другъ друга, все спѣшило привести себя и свою часть въ порядокъ. О больныхъ совсѣмъ забыли, ибо каждый смотрѣлъ на этотъ моментъ въ томъ смыслѣ, что онъ ближе всего касается его собственной шкуры.

Но самый страшный переполохъ произошелъ среди больныхъ. Видя всю эту суматоху и не зная, въ чемъ дѣло, они вообразили, что случилось несчастье. Многимъ даже послышалось слово: „пожаръ". Произведя такимъ образомъ прежде всего крайній безпорядокъ въ лечебницѣ, Марципановъ пришелъ въ ужасъ отъ царящихъ въ ней порядковъ. Тѣмъ не менѣе, онъ хотѣлъ быть справедливымъ и для достиженія этого останавливался передъ кроватями и спрашивалъ больныхъ, стараясь придать своему голосу оттѣнокъ сострзданія:

— А что, мой милый? какъ у васъ тутъ? Хорошо лечатъ? А?..

Больные старались встать, но это имъ не удавалось. Они ограничивались тѣмъ, что издавали безпомощные стоны.

— Они совершенно запуганы здѣсь! Ихъ, вѣроятно, бьютъ!? Послушай, милѣйшій, бываютъ такіе случаи, что бьютъ? а?

„Милѣйшій", изнывавшій отъ какой-нибудь „pneumonia chronica", отвѣчалъ ему жесточайшимъ кашлемъ.

Марципановъ ничего не добился.

Но передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ коляску, онъ сказалъ, обращаясь къ чиновникамъ особыхъ порученій:

— Можете себѣ представить, что за порядки!

Когда старшій врачъ лечебницы, ординаторы, смотритель и другія лица собрались въ пріемной комнатѣ, для того, чтобы представиться столь именитому посѣтителю, Марципановъ уже исчезъ, и имъ оставалось только развести руками.

VI.

Все это сдѣлалось какъ-то необыкновенно быстро. Въ половинѣ десятаго Марципановъ былъ уже дома и сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе чиновнику Волохонскому:

— Прошу васъ немедленно пригласить ко мнѣ заступающаго городского голову, господина Черешкова.

— Прикажете написать, ваше превосходительство?

— Нѣтъ надобности писать! Просто сходите и пригласите немедленно!..

Чиновникъ Волохонскій отправился въ управу. Случилось такъ, что въ кабинетѣ Ивана Петровича въ это время были Марьюшкинъ и Дудыченко. Марьюшкинъ сидѣлъ въ своей обычной царственной позѣ и курилъ сигару. Иванъ Петровичъ подписывалъ бумаги, которыя подсовывалъ ему Сидоръ Карповичъ, а Дудыченко разсказывалъ о томъ, какъ Марципановъ заключилъ его въ объятія и сказалъ: „вотъ именно такіе люди нужны Россіи!“ и при этомъ давалъ за жеребца сейчасъ, сію минуту, наличными деньгами тринадцать тысячъ.

— Но я сказалъ: ваше превосходительство! Все, что̀ угодно вашему превосходительству: руку, ногу... клянусь честью!.. Вотъ прикажите мнѣ ногу отрѣзать—ничего не скажу; но жеребца, ваше превосходительство, жеребца, чтобы я провалился, не могу!..

Въ это самое время вошелъ смущенный письмоводитель и заявилъ:

— Чиновникъ отъ Марципанова!

При этомъ слово „чиновникъ“ было произнесено съ нескрываемой гадливостью.

Иванъ Петровичъ поднялъ голову, Дудыченко вскочилъ и встрепенулся, а Марьюшкинъ плюнулъ въ стоявшую неподалеку плевальницу.

— А что̀ ему надо?—спокойно и съ достоинствомъ спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Желаетъ видѣть васъ лично!

— Что-жъ, я за входъ не беру; пусть смотритъ!—Письмоводитель вышелъ. Сидоръ Карповичъ пристально посмотрѣлъ на Ивана Петровича. „Странное дѣло!—подумалъ онъ:—чиновникъ отъ Марципанова пришелъ, а онъ такъ спокойно говоритъ! Тутъ что-то не такъ!“

— Что̀ бы это такое могло быть? а? Какъ вы думаете, Иванъ Петровичъ?—въ волненіи спрашивалъ Дудыченко.

— А, право, я даже объ этомъ не думаю! Какая-нибудь новая претензія!—съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Иванъ Петровичъ. „Даю голову на отсѣченіе, что онъ это не спроста такъ говоритъ!“ — подумалъ Сидоръ Карповичъ. Вошелъ Волохонскій и сейчасъ же сталъ расшаркиваться и улыбаться по направленію къ Ивану Петровичу.

— Почтеннѣйшему Ивану Петровичу... — началъ-было онъ, но Иванъ Петровичъ поднялъ голову и смѣрилъ его взглядомъ.

— Что вамъ угодно, господинъ Волохонскій?—спросилъ онъ не то чтобы грубо, а съ какой-то преобиднѣйшей улыбкой. Чиновникъ Волохонскій понялъ, что его хотятъ „сократить", какъ онъ это называлъ, и сейчасъ же оставилъ рискованные манеры и тонъ. Онъ принялъ строго оффиціальный видъ и сказалъ:

— Его превосходительство требуетъ къ себѣ господина заступающаго городского голову!

— Что-съ?

— Его превосходительство требуетъ къ себѣ господина...

— Скажите его превосходительству, что, во-первыхъ, онъ не имѣетъ права требовать господина заступающаго городского голову, а можетъ только пригласить его и при томъ въ вѣжливой формѣ; во-вторыхъ, что господинъ заступающій городского голову къ таковому требованію его превосходительства остается равнодушенъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, если его превосходительство имѣетъ къ заступающему городского голову серьезное, а не пустяшное дѣло, то пусть благоволитъ прислать ему оффиціальное приглашеніе!

— Такъ и сказать?—спросилъ изумленный чиновникъ Волохонскій.

— Именно такъ и, если можно, даже буквально!

— Очень хорошо-съ!—промолвилъ Волохонскій и такъ при этомъ посмотрѣлъ, точно хотѣлъ сказать: „Ну, послѣ такого отвѣта тебѣ не сдобровать, голубчикъ!" Онъ вышелъ. Дудыченко заметался по кабинету, какъ будто его ошпарили кипяткомъ.

— Но это же, это... клянусь честью! Это до крайней степени... невозможно... Марципановъ, онъ такая личность... огромная личность. Нельзя же такъ прямо! Ежели-бъ какъ-нибудь дипломатично, это—другое дѣло!..

Сидоръ Карповичъ съ своей стороны смотрѣлъ на Ивана Петровича выразительнымъ, полнымъ ужаса и отчаянія, взглядомъ. Въ головѣ его рисовалась картина внезапнаго удаленія отъ должности не только Ивана Петровича, но и его, Сидора Карповича, какъ ближайшаго его помощника. Однако отъ времени до времени у него мелькала мысль: „но не можетъ быть, чтобы онъ это такъ, безъ всякой заручки! Нѣтъ, у него есть заручка!"

Въ это время Марьюшкинъ поднялся съ своего мѣста, вынулъ изо рта сигару, подошелъ къ Ивану Петровичу и протянулъ ему руку:

— Это по моему! по моему, коллега!

Иванъ Петровичъ пожалъ его руку съ большой горячностью. Правду сказать, Марьюшкинъ не очень былъ щедръ на подобныя

трогательныя изліянія,—поэтому ихъ надо было цѣнить. „Боже мой, Боже мой!“ думалъ Сидоръ Карповичъ, стоя у стола: „какъ люди не дорожатъ своимъ положеніемъ. Ну, вотъ они живутъ себѣ, занимаютъ почетныя мѣста, пользуются уваженіемъ въ городѣ, получаютъ по три тысячи,—хорошее вѣдь это жалованье (Сидоръ Карповичъ получалъ всего лишь полторы). Ну, что имъ стоитъ угодить Марципанову? Ноги, что-ли, отвалились бы у Ивана Петровича, если бы онъ взялъ да и сходилъ къ нему по его требованію! Вѣдь шепнетъ Марципановъ кому слѣдуетъ, и сейчасъ его и этихъ, и всѣхъ, кого захотятъ: милости-молъ просимъ—и безъ объясненія причинъ!“

— Однако-же, однако-же! Зачѣмъ же бы это?—волновался Дудыченко:—вѣдь это же въ дѣйствительности было, что онъ совсѣмъ успокоился и жалъ руку, и благодарилъ, и прочее!.. Зачѣмъ же теперь? Клянусь честью!..

— Зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ. Хотите, я вамъ скажу, зачѣмъ?—сказалъ ему Марьюшкинъ:—это онъ догадался, что вы его надули!..

— Какъ? что такое значитъ?

— А такъ! Стоялъ онъ себѣ на балконѣ и считалъ: много ли камня повезли въ Карнакскую долину. Смотритъ—маловато. Эге, думаетъ, такъ это Дудыченко меня надулъ!

Дудыченко взбѣленился. Его маленькіе глазки сдѣлались большими, налились кровью и безпокойно забѣгали. Губы позеленѣли, плотно сомкнулись и вздрагивали.

— Н-ну, ужъ... ужъ... ужъ...—Во гнѣвѣ Дудыченко заикался, а въ углахъ рта у него появлялась слюна.—Ужъ этотъ Викторъ Алек-сѣичъ... Всегда что-нибудь в...выдумаетъ!..

— Что-жъ тутъ невѣроятнаго?—продолжалъ невозмутимо спокойнымъ тономъ Марьюшкинъ.

— И, кромѣ того, онъ вспомнилъ про жеребца.

— И что же такое жеребецъ?!..

— А какъ же?!.. Марципановъ хотѣлъ купить его у васъ, тринадцать тысячъ давалъ, а вы не захотѣли.

— И не захотѣлъ... И не возьму... Клянусь честью, не возьму... Мнѣ восемнадцать тысячъ дадутъ... Вотъ!.. Я иду въ свое отдѣленіе!..

Онъ схватилъ шляпу и вышелъ, хлопнувъ дверью.

— Зачѣмъ вы его злите?!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Меня это потѣшаетъ!—отвѣтилъ Марьюшкинъ и спокойно продолжалъ курить свою сигару. Сидоръ Карповичъ покончилъ съ бумагами и вышелъ. Но, выходя, онъ столкнулся въ дверяхъ съ двумя господами, которые чуть не сбили его съ ногъ. Го-

спода эти влетѣли въ кабинетъ взволнованные и блѣдные. У одного изъ нихъ, господина невысокаго роста, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, была небольшая остренькая сѣдоватая бородка и синія очки; другой былъ мужчина высокій и плотный, съ бритымъ по-нѣмецки лицомъ и съ длинными бѣлокурыми волосами. Первый былъ старшій врачъ лечебницы, докторъ Авдѣевъ, второй—смотритель ея, Егоръ Макаровичъ Овечкинъ. Они до того были разстроены, что забыли даже поздороваться, а прямо начали повѣствованіе о томъ, какъ Марципановъ посѣтилъ больницу. Иванъ Петровичъ и Марьюшкинъ едва успѣвали уловить, въ чемъ дѣло...

— Помилуйте, это невозможно! Я прошу на будущее время избавить лечебницу отъ этихъ почетныхъ посѣщеній!—дрожащимъ голосомъ говорилъ старшій врачъ:—вы поймите, что это пагубно, просто пагубно! Поймите! Вообразите, у меня въ палатѣ легочныхъ, понимаете ли, сегодня у всѣхъ температура поднялась на цѣлый градусъ! Одинъ умеръ и вовсе не въ свое время! Сумасшедшіе рвутъ на себѣ одежды... Вѣдь это же ужасно!.. Нѣтъ, я покорнѣйше прошу... и если мнѣ не гарантируютъ, что подобная штука больше не повторится, я подаю въ отставку...

Смотритель лечебницы держался за виски и увѣрялъ, что онъ совершенно потрясенъ всѣмъ совершившимся. Иванъ Петровичъ и Марьюшкинъ старались успокоить ихъ. Въ то время, какъ они этимъ занимались, вдругъ въ кабинетъ вбѣжалъ Дудыченко и съ торжествующимъ видомъ обратился къ Марьюшкину:

— Ну, вотъ видите, вотъ видите! и совсѣмъ же неправда, что за камень и за жеребца! Я узналъ... Это въ лечебницѣ его разсердили... Тамъ такой большой безпорядокъ нашелся и цѣлый скандалъ вышелъ, а не жеребецъ!

— Извините!—сказалъ старшій врачъ: — безпорядка у насъ никакого не было!

Дудыченко ужасно смутился, увидавъ старшаго врача и смотрителя.

— А, это вы? Ну, я же съ чужихъ словъ говорю... Можетъ быть, и не было! Мнѣ даже и дѣла нѣтъ до этого! Лечебницей завѣдую не я, а Клишé, такъ это его дѣло. А я не виноватъ, что у него желудокъ больной, клянусь честью!

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда Ивану Петровичу подали пакетъ, запечатанный сургучемъ. Сверху была надпись: „Экстренно-срочное", а почеркъ былъ Марципановской канцеляріи.

— Ага! Вотъ оно! — сказалъ Иванъ Петровичъ: — Посмотримъ!

Всѣ ожидали съ напряженнымъ вниманіемъ. Дудыченко какъ-то болѣзненно скорчилъ лицо, точно у него желудокъ разстроенъ или вообще что-нибудь внутри было не въ порядкѣ. Даже Марьюшкинъ интересовался узнать, какой оборотъ приняло дѣло. Иванъ Петровичъ открылъ конвертъ и прочиталъ вслухъ: „Г. Заступающему прирѣченскаго городского голову. Имѣю честь обратиться къ вашему превосходительству съ почтительнѣйшей просьбой не отказать безотложно пожаловать ко мнѣ для переговоровъ по общественному дѣлу, весьма важному и не терпящему отлагательствъ". Внизу стояла собственноручная подпись Марципанова.

— Ну, вотъ это я понимаю. Это, по крайней мѣрѣ, вѣжливо!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Мягко онъ стелетъ, а можетъ случиться, что жестко будетъ спать!—замѣтилъ Дудыченко.

— Ну, это уже мое дѣло!—сказалъ Иванъ Петровичъ и послалъ гонца къ себѣ за фракомъ.

Черезъ десять минутъ онъ уже былъ въ пріемной Марципанова. Такъ какъ это былъ пріемный часъ, то тутъ оказались уже просители: отставной военный на костыляхъ и барыня въ траурѣ съ явно подведенными бровями. Марципановъ не заставилъ долго ждать себя, сейчасъ же вышелъ и прежде всего извинился передъ дамой, сославшись на очень важное дѣло. Затѣмъ онъ нахмурилъ брови и обратился къ Ивану Петровичу.

— Я удовлетворилъ ваше желаніе и послалъ вамъ оффиціальное приглашеніе.

— Мнѣ кажется, что такимъ образомъ ваше превосходительство удовлетворили свое желаніе, ибо это именно ваше превосходительство желали видѣть меня, а не наоборотъ.

„Ого-го!"—мысленно сказалъ стоявшій за своимъ столикомъ чиновникъ Волохонскій. А еслибы здѣсь былъ Сидоръ Карповичъ, то онъ непремѣнно подумалъ бы: „ну вотъ, я же говорю, что у него есть заручка!.." Марципановъ нервно закусилъ нижнюю губу и сказалъ:

— Впрочемъ, это не относится къ дѣлу. Я говорю съ вами какъ съ представителемъ городского управленія. Сегодня я посѣтилъ городскую лечебницу и нашелъ тамъ вопіющіе безпорядки.

— Я могу засвидѣтельствовать,—мягко перебилъ Иванъ Петровичъ,—что въ нашей городской лечебницѣ царствуетъ образцовый порядокъ. Городское управленіе затрачиваетъ массу денегъ; старшій врачъ—знающій и добросовѣстный человѣкъ; всѣ другіе врачи серьезно относятся къ своимъ обязанностямъ; смотритель лечебницы—человѣкъ опытный и усердный.

— Превосходная аттестація! — иронически замѣтилъ Марципановъ. — Я вѣрю, что всѣ они прекрасные люди, и тѣмъ не менѣе самъ былъ свидѣтелемъ вопіющихъ безпорядковъ.

— Причиной этихъ безпорядковъ были вы, ваше превосходительство! — сказалъ съ улыбкою заступающій мѣсто городского головы.

— Что-съ?

— Вы, ваше превосходительство, были причиной этихъ безпорядковъ!..

Марципановъ отступилъ на одинъ шагъ, потомъ приподнялъ плечи и откинулъ голову съ выраженіемъ необычайнаго величія.

— Если вы пришли сюда для шутокъ, то это напрасно. Я не расположенъ шутить.

— Такъ же, какъ и я, ваше превосходительсто. Но я повторяю, что у насъ въ лечебницѣ всегда былъ образцовый порядокъ, вы же своимъ внезапнымъ посѣщеніемъ произвели страшный переполохъ. Больные вообразили, что случился пожаръ. Наконецъ, я не могу скрыть, что одинъ больной отъ внезапнаго и сильнаго потрясенія преждевременно умеръ.

Чиновникъ Волохонскій выпустилъ изъ рукъ толстую книгу въ переплетѣ, которая упала съ шумомъ. Лицо Марципанова сдѣлалось багровымъ. Слѣдующія слова онъ вмѣсто того, чтобы произнести обыкновеннымъ своимъ громкимъ голосомъ, прохрипѣлъ:

— Такъ вы еще обвиняете меня въ убійствѣ? Да знаете ли вы, что̀ я могу съ вами сдѣлать, милостивый государь? Да я васъ...

— Не болѣе того, что̀ позволитъ вамъ законъ, ваше превосходительство! — спокойно и съ достоинствомъ отвѣтилъ Иванъ Петровичъ. Этотъ отвѣтъ подѣйствовалъ на Марципанова, какъ раскаленное желѣзо, приложенное къ больному мѣсту. При словѣ: „законъ“, его всего какъ-то передернуло и глаза заискрились.

— Законъ? А Бутузовская исторія? Забыли, милостивый государь? А? з-забыли? А-а-а!.. Такъ я напомню, я напомню!..

Сперва Иванъ Петровичъ былъ какъ бы огорошенъ этими словами. Въ глазахъ его зарябили какіе-то зеленые кружки, и ему показалось, что изъ-подъ его ногъ исчезаетъ почва. Но это было одно мгновеніе. Нельзя требовать отъ человѣка, чтобы напоминаніе о такомъ роковомъ событіи въ его жизни не произвело на него сильнаго впечатлѣнія.

Онъ сейчасъ же оправился и совершенно просто отвѣтилъ:

— Во-первыхъ, ваше превосходительство, это ни къ чему не поведетъ, а во-вторыхъ, это и къ дѣлу не относится!

Трудно сказать, что подумалъ бы въ это время Сидоръ Карповичъ, еслибы находился здѣсь. Но, по всей вѣроятности, убѣжденіе его насчетъ „заручки" окончательно окрѣпло бы. Не можетъ человѣкъ говорить такимъ образомъ съ столь большимъ человѣкомъ, не имѣя вѣрной и твердой опоры въ другомъ, еще большемъ.

Спокойный отвѣтъ Ивана Петровича охладилъ и Марципанова.

— Хорошо-съ! Я знаю языкъ, какимъ слѣдуетъ разговаривать съ вами! Больше я ничего не имѣю.

Иванъ Петровичъ, который, что называется, „разошелся", хотѣлъ еще что-то сказать, но Марципановъ уже стоялъ къ нему спиной и очень громко спрашивалъ даму въ траурѣ, чѣмъ можетъ онъ служить ей. Иванъ Петровичъ вернулся въ управу чрезвычайно довольный собой. Онъ глядѣлъ такъ весело и такъ мило улыбался, что Марьюшкинъ сказалъ:

— Похоже, будто Марципановъ угостилъ васъ стаканомъ пунша!

— Не знаю, какъ онъ меня, но я его угостилъ хорошо!—не безъ нѣкотораго даже хвастовства промолвилъ Иванъ Петровичъ.

— Ну-те, ну-те!..

Иванъ Петровичъ разсказалъ все по порядку, причемъ, разумѣется, умолчалъ о напоминаніи Марципанова про Бутузовскую исторію. Никто не замѣтилъ, какъ передъ началомъ разсказа въ кабинетъ вошелъ Сидоръ Карповичъ, прослушалъ весь разсказъ и столь же незамѣтно вышелъ. Марьюшкинъ былъ въ восторгѣ. Представители лечебницы понурили головы, какъ бы въ ожиданіи какой-нибудь казни. Дудыченко же былъ блѣденъ и видимо струсилъ.

— Непріятное дѣло будетъ, чтобы я провалился!—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.—Вотъ увидите, что тутъ отнятіемъ правъ пахнетъ!..

— Да,—сказалъ Марьюшкинъ, которому бѣшенство Дудыченка доставляло истинное наслажденіе:—ужъ теперь онъ за жеребца вашего и десяти тысячъ не дастъ!

— Пр-рошу васъ не касаться до моего жеребца, ежели не хотите слышать дерзость!

Цѣль была достигнута: Дудыченко былъ взбѣшенъ, заикался и пускалъ слюни. Марьюшкинъ былъ доволенъ.

Когда Иванъ Петровичъ пришелъ домой обѣдать, то первымъ его движеніемъ было подойти къ письменному столу, открыть ящикъ, вынуть оттуда письмо и развернуть его. Письмо это онъ

получилъ заказнымъ изъ Петербурга вчера вечеромъ, прочиталъ его уже разъ двадцать и зналъ наизусть. Тѣмъ не менѣе, ему еще разъ хотѣлось прочитать то мѣсто, которое давало ему храбрость въ сегодняшнемъ сраженіи съ Марципановымъ. Онъ пробѣжалъ глазами двѣ первыя страницы и сосредоточенно прочиталъ въ концѣ второй: „Такимъ образомъ, что̀ бы тамъ ни случилось, мѣсто это для тебя обезпечено. Ты получишь его во всякое время, когда тебѣ вздумается разстаться съ твоимъ строгимъ Марципановымъ".

Мѣсто, о которомъ говорилось въ письмѣ, было, конечно, не губернаторское, но отъ него уже туда рукой подать. Въ концѣ же письма стояло post-scriptum: „что же касается Бутузовской исторіи, то нынче взглядъ на подобныя вещи перемѣнился и на нее смотрятъ какъ на комическій эпизодъ, не болѣе".

Такимъ образомъ, ясно, что проницательность Сидора Карповича и на сей разъ не измѣнила ему. У Ивана Петровича дѣйствительно оказалась „заручка".

VII.

На другой день состоялось экстренное засѣданіе управы, въ которое былъ приглашенъ и Клише. Этотъ благодушный красавецъ съ бѣлокурыми кудрями и свѣтло-голубыми открытыми глазами, стройный, высокаго роста, по внѣшнему виду походилъ на артиста. Между тѣмъ въ головѣ его таились замѣчательныя способности финансиста. Завѣдывая финансами города Прирѣченска, онъ въ теченіе восьми лѣтъ поправилъ бюджетъ города, совершенно запущенный его предшественникомъ. Кромѣ того, ему еще навязали надзоръ за лечебницей и всякаго рода благотворительными учрежденіями. Онъ и тутъ всему завелъ образцовый порядокъ. Происходя отъ швейцарскаго гражданина, попавшаго въ Россію въ качествѣ часовыхъ дѣлъ мастера, Эдуардъ Клише обладалъ въ Прирѣченскѣ двумя большими домами и хлѣбной конторой, принялъ русское подданство, прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ и не могъ пріобрѣсти только двухъ вещей: русскаго желудка и умѣнья обращаться съ начальствомъ. Первый недостатокъ создалъ ему катарръ, отъ котораго онъ безпрерывно лечился, а второй заставлялъ его нерѣдко ударяться въ бѣгство. Чуть только онъ замѣчалъ, что надвигалось какое-нибудь недоразумѣніе съ начальствомъ, куда, по всѣмъ признакамъ, могутъ пріобщить и его, онъ подъ благовиднымъ предлогомъ заблаговре-

менно улепетывалъ. Въ свое оправданіе Клише приводилъ такой доводъ: „я человѣкъ дѣловой и въ своихъ дѣйствіяхъ привыкъ руководствоваться своими соображеніями, основанными на здравой логикѣ. Начальство же руководствуется „высшими соображеніями" (основанными, безъ сомнѣнія, на высшей логикѣ), которыя совершенно внезапно налетаютъ на мои обыкновенныя соображенія и разбиваютъ ихъ въ пухъ и прахъ. Послѣ каждаго сношенія, хотя бы даже и дружелюбнаго, съ начальствомъ, я чувствую себя такъ, какъ, должно быть, чувствовали себя французы послѣ Седана".

На этотъ разъ Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ Клише на квартиру и силой привезъ его въ управу.

— Позвольте!—отбивался Клише:—вѣдь я въ отпуску!.. Мнѣ еще недѣля сроку!

Но Иванъ Петровичъ и слушать не хотѣлъ. Онъ усадилъ бѣднаго Клише на извозчика и доставилъ на мѣсто.

— Ну что?—спросилъ его Марьюшкинъ:—исправили вашъ желудокъ?

— Ровно на недѣлю меньше, чѣмъ слѣдуетъ! — отвѣчалъ Клише.

— А вотъ мы его вамъ этой бумагой еще на мѣсяцъ испортимъ.

— Ахъ, Викторъ Алексѣевичъ! Боже мой!—стоналъ Дудыченко, который успѣлъ уже струсить и потерять голову:—какъ это можно такъ говорить, какъ это можно!?..

— А вы знаете, чего онъ такъ убивается?—донималъ Марьюшкинъ Дудыченко, обращаясь къ Клише:—Марципановъ давалъ ему тринадцать тысячъ за его жеребца—онъ не взялъ; теперь и десять готовъ взять, да Марципановъ не даетъ.

Дудыченко поблѣднѣлъ, окрысился и заслюнявилъ.

— А ч... ч... А чтобъ я треснулъ, когда я за него хотя бы с-семнадцать съ половиной возьму!—высокимъ фальцетомъ пропищалъ онъ, ударивъ ладонью по столу:—этому Марьюшкину ничего не стоитъ сказать такую пакость!..

Марьюшкинъ дѣлалъ пресерьезное лицо, а Клише хохоталъ.

Иванъ Петровичъ пригласилъ выслушать бумагу Марципанова, которую, впрочемъ, всѣ давно уже прочитали. Марципановъ подробно описывалъ, какъ онъ въ присутствіи чиновниковъ особыхъ порученій, коллежскаго секретаря Аздоева и коллежскаго совѣтника Чибикина, посѣтилъ городскую лечебницу и нашелъ въ ней вопіющіе, изъ ряда вонъ выходящіе безпорядки. Въ заключеніе Марципановъ требовалъ созыва экстреннаго засѣданія думы, „для обсужденія мѣръ", а также, — прибавлялъ Марципановъ,—„въ

интересахъ общественной безопасности всю администрацію лечебницы уволить въ трехдневный срокъ и замѣнить ее другою".

Окончивъ чтеніе этой бумаги, Иванъ Петровичъ сказалъ:

— Прошу васъ, господа, высказаться по поводу этого предложенія!

— Къ сожалѣнію, я боленъ, господа!—сказалъ Клише и взялся за шапку.

Иванъ Петровичъ поднялся, чтобы удержать его, но Клише, который по мѣрѣ чтенія бумаги Марципанова, начиналъ чувствовать себя „какъ французы послѣ Седана", махнулъ обѣими руками, ринулся къ двери и, промолвивъ скороговоркой:—я въ отпуску еще!—скрылся.

— Это лучшее, что можно было придумать!—сказалъ Марьюшкинъ.

— Однакоже! Надо же постановить что-нибудь!

— Да вотъ что напишите: читали съ удовольствіемъ, но, по причинѣ неисправности желудка члена управы Клише, ни къ какому рѣшенію придти не могли!—продолжалъ Марьюшкинъ своей октавой, не выпуская изо рта сигары.

Иванъ Петровичъ разсмѣялся, а Дудыченко былъ серьезенъ.

— Но можно ли такъ говорить? Вѣдь это же такая личность, которая можетъ всякаго ногой растереть... Боже мой, Боже мой! Какъ можно такъ говорить! Вѣдь онъ же хочетъ въ думу—ну, и пускай въ думу. Такъ и напишемъ: постановили доложить думѣ. А ежели дума ему непріятность сдѣлаетъ—наша хата съ краю, и больше ничего! Клянусь честью!

— Вы настоящій дипломатъ, Антонъ Лукичъ! — замѣтилъ Марьюшкинъ.

— А что вы думаете? Въ самомъ же дѣлѣ, у меня это есть, эта, какъ бы сказать, дипломатичная жилка! Есть, есть, клянусь честью!—хвастливо подхватилъ Дудыченко.

Управа постановила: „предложеніе Марципанова доложить думѣ, для чего созвать экстренное засѣданіе".

— Однако, коллеги, какъ ни оригинально предложеніе Марципанова, все-таки оно важное!—сказалъ Марьюшкинъ.—А важное оно потому, что самъ Марципановъ человѣкъ крупный. А крупный, коллеги, всегда можетъ не-крупному вредъ сдѣлать!.. Мнѣ, положимъ, наплевать. Но все-таки съ какой же статьи мы втроемъ должны выдерживать этотъ натискъ? Ну Клише... Богъ съ нимъ, у него желудокъ не въ порядкѣ; но нашъ почтенный голова Ѳедоръ Ивановичъ Азарьянцевъ... Не выписать ли намъ его?..

Предложеніе понравилось. Азарьянцевъ былъ сильный человѣкъ въ городѣ Прирѣченскѣ. У него былъ и капиталъ большой, и чинъ немалый. А главное онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ среди гласныхъ. Повѣстка, подписанная Азарьянцевымъ, навѣрно соберетъ хоть одну треть думскаго состава, тогда какъ безъ него въ лѣтнее время никакія марципановскія угрозы и требованія не въ состояніи заманить гласныхъ въ думу. Иванъ Петровичъ сейчасъ же отправилъ Азарьянцеву телеграмму, въ которой тонко намекнулъ на инцидентъ съ Марципановымъ. Часа черезъ три отъ Азарьянцева былъ полученъ отвѣтъ: „Покорно благодарю. Мнѣ и здѣсь хорошо. Заварили—расхлебывайте!“ Послѣ такого отвѣта, прирѣченской управѣ оставалось одно: разослать гласнымъ повѣстки, что̀ и было сдѣлано.

Въ назначенный день, въ два часа, въ залъ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія думы, пришли Иванъ Петровичъ и Дудыченко. Антонъ Лукичъ выразительно понюхалъ воздухъ, вынулъ изъ жилетнаго кармана золотые часы, взглянулъ на нихъ и сказалъ, обращаясь къ Ивану Петровичу:—Страшная жара! А вѣдь не состоится?

— И я такъ думаю!—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Ну, а что жъ тогда? Какъ Марципановъ?

Иванъ Петровичъ развелъ руками:—Какъ ему будетъ угодно!

Дудыченко посмотрѣлъ на него какъ-то искоса, прищурилъ лѣвый глазъ и сказалъ:—Гм... Клянусь честью!..

Это восклицаніе относилось къ мысли, которая только-что мелькнула въ головѣ Дудыченка. Онъ припомнилъ, какъ Марципановъ говорилъ про оппозицію Ивана Петровича и какъ онъ, Дудыченко, тогда въ душѣ смѣялся. „А вѣдь, дѣйствительно, чортъ побери, онъ все какъ-то брыкается, этотъ Черешковъ! Храбрый такой сталъ, просто удивленіе! Прежде безпрестанно старался угодить Марципанову, а теперь:—какъ, говоритъ, ему будетъ угодно!“

Въ четверть третьяго было всего только семь гласныхъ, въ половинѣ третьяго пришелъ еще одинъ, а въ заключеніе появился Марьюшкинъ, который всегда приходилъ послѣднимъ и какъ разъ тогда, когда надо было начинать. Увидавъ Марьюшкина, секретарь, который началъ-было раскладывать на столикѣ свои журналы и протоколы, сейчасъ же сложилъ ихъ обратно въ портфель, а Иванъ Петровичъ объявилъ, что засѣданіе не состоялось. На улицахъ города Прирѣченска въ это время стояла такая страшная духота, что ничего другого отъ гласныхъ нельзя было и ожидать.

Когда Марципанову донесли о томъ, что засѣданіе думы не состоялось, онъ сказалъ:

— Гм... ладно... Подождемъ второго...

И сказалъ онъ это не только безъ всякаго гнѣва, но даже, какъ показалось докладчику, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, а въ глазахъ у него въ это время игралъ огонекъ. По всему видно было, что имъ уже принято рѣшеніе, но онъ отчасти по своему великодушію, отчасти же какъ истый русскій человѣкъ, несмотря на фамилію, хотѣлъ испытать до конца.

Иванъ Петровичъ, между тѣмъ, назначилъ засѣданіе во второй разъ и, прождавъ около часу, повидался только съ Дудыченко. Изъ гласныхъ же на этотъ разъ не нашлось ни одного праведника. Дудыченко изображалъ изъ себя олицетворенный испугъ, былъ блѣденъ, сгорбленъ больше обыкновеннаго, смотрѣлъ пугливо и говорилъ тихо и съ какимъ-то шипѣніемъ, точно боялся, что его можетъ услышать самъ Марципановъ.

— Сами себѣ яму роютъ! клянусь честью!—повторялъ онъ десятокъ разъ и при этомъ клятву свою сопровождалъ какимъ-то слабенькимъ ударепіемъ въ грудь маленькаго старческаго кулачка.—Вѣдь онъ, ежели захочетъ, можетъ...—Дудыченко на мгновеніе остановился и подумалъ о томъ, что̀ собственно можетъ сдѣлать Марципановъ, если захочетъ; затѣмъ, очевидно, рѣшилъ этотъ вопросъ и продолжалъ:—можетъ плюнуть и растереть!

— Ничего онъ не можетъ болѣе того, что̀ позволяетъ законъ!—твердо и спокойно сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Законъ!?—переспросилъ Дудыченко, какъ-то сомнительно покачалъ головой и не прибавилъ ни слова. Онъ подошелъ къ городскому секретарю и сказалъ:—Пожалуйста, прошу васъ, хорошенько отмѣтьте, что я всѣ разы былъ... прошу васъ, хорошенько отмѣтьте!

Иванъ Петровичъ смотрѣлъ на струсившаго Дудыченка и думалъ: „какъ онъ струсилъ, бѣдняга... А интересно, какъ бы я велъ себя, еслибъ не получилъ письма?!“ И ему подумалось, что онъ велъ бы себя прескверно,—пожалуй, хуже Дудыченко. Тогда у него мелькнула другая мысль: „Какъ хорошо, что я получилъ письмо!“

По поводу этихъ двухъ засѣданій, хотя и несостоявшихся, но сдѣлавшихся потомъ знаменитыми, по городу ходили разговоры самаго разнообразнаго свойства. Люди консервативнаго образа мыслей полагали, что дума поступила дурно, люди же либеральнаго образа мыслей утверждали, что дума поступила хорошо. Газеты готовили на завтра передовыя статьи. При этомъ

они съ рѣдкимъ единодушіемъ сходились на томъ, что со стороны думы это непростительное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, и вообще изрядно-таки напустились на городское управленіе, потому что никакъ не могли напуститься на Марципанова.

На другой день утро было ясное. Солнце взошло такъ же пышно и красиво, какъ всегда, и вообще въ природѣ не произошло никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ. Между тѣмъ въ жизни города Прирѣченска произошла такая странная штука, что обыватели сначала протирали глаза и ничего не понимали, потомъ поняли, но не хотѣли вѣрить, и наконецъ повѣрили и развели руками.

Въ особенности недоумѣніе постигло господъ гласныхъ прирѣченской думы. То, чего не могли сдѣлать двѣ повѣстки Ивана Петровича, сдѣлалъ листъ „Прирѣченскихъ Губернскихъ Вѣдомостей",—газеты, конечно, оффиціальной,—и даже не листъ, а всего лишь полъ-столбца. Гласные торопливо выходили изъ своихъ квартиръ и стремительно посѣщали другъ друга, съ нумеромъ „Вѣдомостей" въ рукахъ. При этомъ разговоры сводились къ слѣдующему діалогу:

— Видали?—спрашивалъ прибывшій гласный гласнаго-хозяина, ударяя ногтями пальцевъ правой руки въ то мѣсто „Вѣдомостей", гдѣ были напечатаны знаменитые полъ-столбца.

— Видѣлъ и не могу придти въ себя! Что-жъ это такое означаетъ?

— Чортъ знаетъ! Ничего не понимаю!

— Вѣдь онъ не имѣетъ права!

— Не имѣетъ!

— Значитъ, ему не дозволятъ?!

— Кто?

— Найдутся такіе!

— Гм... А мы какъ?

— А мы? жаловаться будемъ!

— Ого! какъ бы не осѣчься!..

Однимъ словомъ, люди были огорошены, сбиты съ толку и не могли хорошенько понять, что̀ это: шутка ли, превышеніе ли власти, или праведное возмездіе?

Дѣло же заключалось въ томъ, что въ „Вѣдомостяхъ" кратко и общепонятно объявлялось, что Марципановъ, въ видахъ общественной безопасности, нашелъ необходимымъ поручить высшій надзоръ за городской лечебницей состоящему при немъ чиновнику особыхъ порученій коллежскому секретарю Аздоеву, съ правомъ

увольнять, въ случаѣ надобности, весь персоналъ больницы и замѣнять его другимъ.

Коллежскій секретарь Аздоевъ въ восемь часовъ утра былъ уже на мѣстѣ своихъ новыхъ обязанностей. Онъ съ важностью, являющейся у всѣхъ на свѣтѣ чиновниковъ особыхъ порученій въ тѣхъ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ, дѣйствительно, даютъ особое порученіе, сейчасъ же потребовалъ представленія ему всего персонала. Но ему пришлось ограничиться пріемомъ фельдшеровъ, сестеръ милосердія, сидѣлокъ и служителей. Весь высшій персоналъ, т.-е. смотритель, старшій врачъ, а за нимъ и всѣ другіе врачи помчались въ управу и сію же минуту подали въ отставку.

Такимъ образомъ лечебница осталась безъ врачей и вообще въ ней произошелъ невообразимый кавардакъ. Это было только началомъ; дальнѣйшія же событія слѣдовали за событіями съ невѣроятной быстротой. Въ то время, какъ гласные таращили глаза на нумеръ „Вѣдомостей“, разводили руками, пожимали плечами и вообще изображали всевозможные знаки удивленія, Марципановъ позвонилъ чиновника Волохонскаго и приказалъ приготовить „экипажъ и все прочее“, а черезъ полчаса, въ сопровожденіи обычной свиты,—причемъ только на мѣстѣ коллежскаго секретаря Аздоева, который находился при исполненіи „особаго порученія“, сидѣлъ другой коллежскій секретарь, Ваксинъ,—Марципановъ мчался на городскія скотобойни. Нечего и говорить, что внезапный пріѣздъ Марципанова съ блестящей свитой привелъ въ совершенное замѣшательство не только персоналъ, но и животныхъ, предназначенныхъ для убоя, такъ что Марципановъ, садясь въ карету, имѣлъ полное право воскликнуть, обращаясь къ полиціймейстеру:—Можете себѣ вообразить, что это за порядки?..

На другой день въ „Прирѣченскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано: „Принимая во вниманіе... и въ интересахъ общественной безопасности, поручить надзоръ за городскими скотобойнями чиновнику особыхъ порученій коллежскому асессору Чибикову, съ правомъ увольнять, и проч.“.

Завѣдующій скотобойнями и ветеринарные врачи въ тотъ же день подали въ отставку.

Въ то время, какъ гласные обсуждали положеніе, вызванное этимъ послѣднимъ событіемъ, Марципановъ успѣлъ побывать на городской сельскохозяйственной фермѣ, составлявшей отдѣленіе школы прикладныхъ знаній. Посѣщеніе его сопровождалось обычными послѣдствіями внезапности и повело за собой новую статью

въ „Приръченскихъ Вѣдомостяхъ", гдѣ было сказано, что въ интересахъ общественной безопасности Марципановъ нашелъ необходимымъ поручить надзоръ за фермой состоящему при немъ чиновнику особыхъ порученій коллежскому секретарю Ваксину, съ правомъ увольнять, и пр., и пр.

Директоръ фермы мгновенно подалъ въ отставку. Не мало было еще въ вѣденіи приръченскаго управленія учрежденій, въ которыхъ можно было открыть вопіющіе безпорядки, и въ видахъ общественной безопасности поставить во главѣ ихъ чиновниковъ особыхъ порученій. И тѣмъ не менѣе Марципановъ остановился. Впрочемъ, остановился онъ не потому, чтобы призналъ общественную безопасность вполнѣ возстановленной, а единственно потому, что у него не хватило чиновниковъ особыхъ порученій. Но остановиться просто на № 3 Марципановъ тоже не могъ. Это походило бы на то, какъ еслибы виртуозъ, дающій концертъ, взялъ да и остановился бы на полуфразѣ, раскланялся и ушелъ, не сдѣлавъ никакого пассажа, ни ферматы. Марципанову тоже нужна была фермата. И вотъ собственно поэтому въ тотъ же день всѣ оказавшіеся въ наличности дѣятели приръченскаго муниципалитета получили изъ канцеляріи Марципанова приглашеніе пожаловать завтра въ 12 часовъ дня къ самому Марципанову, причемъ ни слова не было сказано о томъ, ожидаетъ ли господъ муниципаловъ любезно предложенная чашка чаю или нѣчто совсѣмъ изъ другого порядка.

VIII.

„Я, конечно, пойду. Мнѣ неловко не пойти, какъ заступающему мѣсто головы. Пожалуй, Дудыченко прибѣжитъ, Марьюшкинъ зайдетъ, а изъ гласныхъ навѣрно никого не будетъ. Ужъ это вѣрно... Съ какой стати въ самомъ дѣлѣ?! Вѣдь, въ сущности, онъ это безъ всякаго права, и даже можно сказать, что это небывалый случай. А впрочемъ, это ничего... Тѣмъ бо̀льшій эффектъ произведетъ мое присутствіе".

Такъ думалъ Иванъ Петровичъ, получивъ приглашеніе Марципанова. Да, онъ рѣшилъ идти. Конечно, онъ давно понялъ, что ему придется покинуть приръченское служеніе, такъ какъ отъ Марципанова уже ждать было нечего, но онъ хотѣлъ до конца держаться лойяльнаго образа дѣйствій.

Однако ему пришла фантазія зайти въ англійскій клубъ и разузнать, что̀ говорятъ и какъ чувствуютъ себя гласные. Но, къ

своему крайнему удивленію, Иванъ Петровичъ не нашелъ тамъ ни одного гласнаго.

„Понимаю! — подумалъ онъ. — Они всѣ хотятъ сказаться больными“.

Иванъ Петровичъ былъ спокоенъ, но, въ виду такого необычайнаго приглашенія, ожидалъ всего. Поэтому онъ завернулъ на телеграфную станцію и на всякій случай запросилъ Петербургъ: „Могу ли питать увѣренность и дѣйствовать рѣшительно?“

Часовъ въ одиннадцать ночи у Ивана Петровича въ кабинетѣ появился Сидоръ Карповичъ. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ примазанной и прилизанной шевелюрой, съ лицомъ, выражавшимъ тихую задумчивость,—словомъ, какъ будто онъ говѣлъ и пришелъ къ Ивану Петровичу исповѣдоваться.

— Сидоръ Карповичъ? что такъ поздно?—удивился Иванъ Петровичъ.

— Ужъ вы извините, Иванъ Петровичъ. А мнѣ необходимо съ вами поговорить.

— Очень радъ! Очень радъ! Садитесь!

Сидоръ Карповичъ сѣлъ, но молчалъ. Заложивъ большой палецъ правой руки за сюртукъ между двухъ пуговицъ, онъ какъ-то методически игралъ остальными пальцами по сукну.

— Ну-съ! Такъ въ чемъ же дѣло, Сидоръ Карповичъ?—спросилъ Иванъ Петровичъ, развалившись въ помѣстительномъ креслѣ и приспособляясь чистить ногти.

Сидоръ Карповичъ издалъ тихій и медленный вздохъ.

— Что-жъ дальше будетъ, Иванъ Петровичъ?—спросилъ онъ сиплымъ голосомъ и откашлялся, потому что у него отъ волненія что-то засѣло въ горлѣ.

Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ на него, улыбнулся и подумалъ: „за шкуру свою боишься, бѣдный ты человѣкъ!“

— Дальше?—сказалъ онъ:—а что̀ Богъ дастъ.

Сидоръ Карповичъ опять поигралъ пальцами по сукну сюртука.

— Богъ-то зря не даетъ, Иванъ Петровичъ; надобно заработать!—вкрадчиво сказалъ онъ.

— Какъ сію аллегорію понимать прикажете, Сидоръ Карповичъ? а?

— Я, Иванъ Петровичъ, въ томъ смыслѣ, что ежели у человѣка никакой увѣренности за будущее нѣтъ, такъ не можетъ быть и смѣлости въ его поступкахъ.

Иванъ Петровичъ подозрительно и не безъ удивленія взглянулъ на своего гостя.

— Однако, статскій совѣтникъ, ваше статское совѣтничество не даромъ вамъ досталось. Вы научились-таки читать въ сердцахъ человѣческихъ.

— Да, я могъ-бы таки, въ случаѣ надобности!—очень серьезно сказалъ Сидоръ Карповичъ, принявшій замѣчаніе Ивана Петровича за комплиментъ, и продолжалъ,—а значитъ-таки есть заручка, Иванъ Петровичъ?

— Есть, Сидоръ Карповичъ!

— Ну, и слава Богу!

— Да вамъ-то какая корысть отъ этого, Сидоръ Карповичъ?

— Мнѣ? А я такъ разсчитываю: ежели по случаю васъ и на меня падетъ, а вы, между прочимъ, будете при заручкѣ, такъ и я не пропаду.

— Ну, вы-то напрасно боитесь! Васъ не коснется!—успокоилъ его Иванъ Петровичъ.

— Оно положимъ... А на всякій случай не мѣшаетъ поговорить. Теперь я спокоенъ. Имѣю часть кланяться!

Сидоръ Карповичъ ушелъ, съ полною вѣрой въ то, что если общественные ордера прекратятся, то пойдутъ казенные; а для него было это безразлично.

Утромъ, едва только Иванъ Петровичъ проснулся, ему подали телеграмму. Онъ прочиталъ: „Дерзай“. И этого было совершенно достаточно, чтобы въ головѣ его моментально родился блестящій планъ блестящаго дѣла, которое должно было поставить въ тупикъ Марципанова. Напившись чаю, онъ сѣлъ за письменный столъ и съ тщательностью писца написалъ на листѣ бумаги двѣнадцать строчекъ крупнымъ, разборчивымъ почеркомъ. Затѣмъ, перечитавъ и присыпавъ песочкомъ, онъ сложилъ бумагу вчетверо и положилъ ее въ боковой карманъ фрака, который висѣлъ еще въ шкафу. Въ этотъ день ему не хотѣлось заходить ни въ управу, ни на кирпичное поле, ни въ городской садъ, ни въ другія, управляемыя имъ, мѣста; онъ даже почувствовалъ необходимость бриться дома и позвалъ для этого къ себѣ цирульника. Наконецъ, около двѣнадцати часовъ онъ одѣлъ фракъ и отправился къ Марципанову.

Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ былъ нѣсколько удивленъ, увидѣвъ, что пріемная комната, та самая, въ которой онъ выслушалъ первую грозную рѣчь Марципанова, была полна народа. Сначала онъ даже былъ склоненъ подумать, что это случайное совпаденіе и что у Марципанова сегодня большой наплывъ посѣтителей. Но, приглядѣвшись хорошенько, онъ убѣдился, что все это были почтенные дѣятели приреченскаго муни-

ципалитета. Они стояли очень близко другъ къ другу, скучившись, съ выраженіемъ тревоги, какъ овцы, заслышавшія первый отдаленный порывъ надвигающейся бури, и угрюмо молчали. Это было какое-то могильное молчаніе. Весь общій видъ этого необычнаго собранія какъ бы говорилъ: „нѣтъ, чтò бы тамъ ни было, разразись надъ нашими головами гроза, съ громомъ и молніей, а мы... мы будемъ молчать, подобно камнямъ безсловеснымъ“.

Взглянувъ на нихъ, Иванъ Петровичъ подумалъ:

„Ага, голубчики, струсили! Вишь какъ всѣ валомъ привалили!“ Онъ еще разъ и еще внимательнѣе присмотрѣлся, и взглядъ его не нашелъ Марьюшкина. „Да,—продолжалъ думать Иванъ Петровичъ,—этотъ вѣренъ своему принципу. Оттого онъ и саламандра!“

Дудыченко, имѣвшій обыкновеніе всюду захватывать переднія мѣста, оказался въ задней парѣ, такъ что виденъ былъ только паричокъ, по которому Иванъ Петровичъ и узналъ его.

— Что, господа, пришли-таки?—сказалъ Иванъ Петровичъ, пожимая кое-кому руки.

Ему никто не отвѣтилъ. Прирѣченскіе гласные не сговаривались. Какая-то невѣдомая сила подтолкнула каждаго изъ нихъ непремѣнно и во что бы то ни стало пойти на приглашеніе Марципанова. У каждаго была одна и та же мысль, только выраженная въ разныхъ варіаціяхъ. „Ежели онъ, въ интересахъ общественной безопасности, на мѣсто врачей—чиновниковъ особыхъ порученій посадить можетъ, размышляли прирѣченскіе гласные, то чтò же помѣшаетъ ему сказать: а посему я нашелъ нужнымъ, въ интересахъ общественной безопасности, думу упразднить, а на ея мѣсто посадить чиновника особыхъ порученій? Хе, самоуправленіе! (такъ размышлялъ каждый въ отдѣльности гласный прирѣченской думы) дѣло оно хорошее и довѣріе это намъ лестно. Примѣрно—я. Готовъ служить вѣрой и правдой, какъ передъ Богомъ, и не кривя душой! Но ежели во всякое время можно это самое самоуправленіе чиновникомъ особыхъ порученій замѣстить, такъ зачѣмъ было и огородъ городить, ей Богу!“

...„Да это что! Онъ можетъ, ежели захочетъ, разумѣется,—думали другіе,—и меня на приличное разстояніе отъ города Прирѣченска удалить, тоже въ интересахъ общественной безопасности. И даже безъ посадки на мое мѣсто чиновника особыхъ порученій. А это ужъ какъ хотите... Оно и отечеству служить трудновато, ежели про собственную шкуру доподлинно не знаешь, твоя она собственность или на пользованіе тебѣ Марципановымъ дана впредь до новаго распоряженія“, и т. д., въ томъ же родѣ.

Изъ двери, ведшей въ кабинетъ, поспѣшно вышелъ Волохонскій и сталъ за своимъ столикомъ. Господа гласные слегка зашевелились, поправили галстухи, вытерли вспотѣвшіе лбы. Видъ у нихъ былъ въ это время безусловно покорный; они какъ бы говорили: „что̀ бы тамъ ни было, а мы винимся, авансомъ винимся, только бы наши шкуры оставили въ покоѣ, да по домамъ безъ замедленія отпустили“.

Вслѣдъ за Волохонскимъ, наконецъ, вышелъ Марципановъ. Онъ стучалъ каблуками, и его сапоги какъ-то насмѣшливо поскрипывали. Войдя въ пріемную, онъ остановился на нѣкоторомъ разстояніи отъ гласныхъ и оффиціально, но очень вѣжливо поклонился.

— Мое почтеніе, господа! Я радъ васъ видѣть у себя!— промолвилъ онъ строгимъ, сановнымъ голосомъ, которому нисколько не соотвѣтствовалъ добродушный и простоватый пошибъ его лица.

Гости ничего не отвѣтили на привѣтствіе. А Иванъ Петровичъ, который стоялъ немножко особнякомъ, счелъ своимъ долгомъ отвѣтить за всѣхъ почтительнымъ поклономъ..

Марципановъ помолчалъ съ полъ-минуты и, забравши легкими большой запасъ воздуха, словно собирался разомъ излить все накипѣвшее у него въ груди негодованіе, продолжалъ:—Да, милостивые государи, я очень, очень радъ видѣть васъ у себя! Очень радъ!..

Но тутъ произошла странная заминка, которой никакъ нельзя было ожидать. Марципановъ, еще за минуту передъ этимъ, когда онъ въ пріятномъ волненіи побѣдителя расхаживалъ по кабинету, былъ вполнѣ убѣжденъ, что скажетъ громовую, внушительную и во всякомъ случаѣ длинную рѣчь. До того онъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что даже и не подумалъ приготовиться, набросать планъ хоть мысленно. Онъ зналъ только одно, что скажетъ имъ все,—да, рѣшительно все—и не оставитъ ничего недосказаннымъ. И вдругъ онъ почувствовалъ, что ему нечего сказать, совсѣмъ-таки нечего. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое случилось? съ чего началось? Стукъ молотовъ, разбудившій его жену раньше, чѣмъ слѣдуетъ? Но можно ли о подобныхъ вещахъ серьезно говорить передъ такимъ многолюднымъ и солиднымъ собраніемъ? Безпорядки въ лечебницѣ, на бойнѣ, на фермѣ? Но въ чемъ собственно они выразились, въ чемъ? Вѣдь это на столбцахъ оффиціальнаго органа легко было начертать: „въ виду оказавшихся безпорядковъ... а посему“... А тутъ приходится говорить съ живыми людьми и въ то же время смотрѣть имъ всѣмъ въ глаза. Да, говорить передъ пятью-шестью десятками паръ чело-

вѣческихъ глазъ, хотя бы и покорныхъ—это не то же, что помѣстить приказъ въ оффиціальномъ губернскомъ органѣ.

Но такъ какъ нужно было, во что бы то ни стало, продолжать, ибо молчаніе въ столь торжественномъ случаѣ было бы противно и чину, и положенію Марципанова, то онъ и продолжалъ:

— Я радъ, милостивые государи, потому... потому я радъ, милостивые государи, что... что вашимъ присутствіемъ, вашей, такъ сказать, отзывчивостью на мое приглашеніе вы доказали... да, да, вы доказали, милостивые государи, готовность идти рука объ руку съ благими начинаніями...

Казалось бы, ничего особеннаго не заключалось въ этихъ словахъ, или, по крайней мѣрѣ, ничего такого, чтò могло бы разжечь оратора и заставить его возвысить тонъ. Между тѣмъ Марципановъ послѣднія три слова, а именно: „съ благими начинаніями", произнесъ на цѣлую терцію выше всего предъидущаго, и при этомъ въ глазахъ его загорѣлись гнѣвныя искры и брови нахмурились. И онъ дѣйствительно разсердился. Разсердился Марципановъ потому, что... да что-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, такое и на что это похоже? Пригласилъ онъ гг. муниципальныхъ дѣятелей для того, чтобы сдѣлать имъ строжайшее внушеніе, показать имъ ихъ настоящее мѣсто, однимъ словомъ, сказать имъ „все, рѣшительно все" (разумѣя подъ этимъ все самое непріятное), и вдругъ вмѣсто этого онъ говоритъ имъ чуть ли не комплименты, послѣ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, только и остается прибавить: „а за симъ, милостивые государи, приглашаю васъ въ столовую, на чашку чая!" Что же это такое? Чтò они подумаютъ? И въ какомъ видѣ онъ представляетъ себя передъ ними? Въ это время взглядъ Марципанова случайно скользнулъ по лицу Ивана Петровича, и ему показалось, что въ лѣвомъ углу рта почтеннаго старшаго члена прирѣченской городской управы видимо собиралась заиграть насмѣшливая улыбка, и этого было достаточно, чтобы изъ устъ его вырвалось громогласное, все сказанное раньше опровергающее „но".

— Н-но, милостивые государи, — заговорилъ Марципановъ уже высокимъ, нервнымъ и видимо раздраженнымъ голосомъ:— къ моему глубокому сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, милостивые государи, что событія, которыя имѣли мѣсто въ послѣдніе дни... имѣли мѣсто, милостивые государи... не должны были бы имѣть мѣста, если бы... если бы во главѣ муниципалитета стояло лицо... лицо, которое...

— Ваше превосходительство! — деликатно и почти нѣжно проговорилъ Черешковъ, ясно видѣвшій, что гнѣвное краснорѣчіе

завело Марципанова въ такія дебри, изъ которыхъ трудно выбраться.

— Что-съ?—спросилъ Марципановъ тѣмъ же гнѣвнымъ голосомъ, посмотрѣвъ на Черешкова уничтожающимъ взоромъ. Но въ глубинѣ души онъ былъ доволенъ, что ему помѣшали говорить. Никогда онъ не отличался краснорѣчіемъ, но, обладая твердыми принципами и яснымъ взглядомъ на свое призваніе, онъ, при помощи этихъ двухъ орудій, всегда, когда это требовалось установленнымъ порядкомъ, весьма благополучно начиналъ и оканчивалъ рѣчь, ни разу въ своей жизни не ударивъ лицомъ въ грязь. Но тутъ съ нимъ случилось нѣчто небывалое. Съ каждымъ словомъ онъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что ему грозитъ опасность никогда не кончить начатаго предложенія и что тутъ-то именно, наконецъ, ему придется ударить лицомъ въ грязь. Впрочемъ, въ деликатномъ обращеніи Ивана Петровича заключалась не малая опасность. Черешковъ умѣлъ говорить гладко и не прочь былъ пересыпать свою рѣчь едва уловимыми, тонкими колкостями, до которыхъ Марципановъ не былъ охотникъ. Поэтому Марципановъ уже хотѣлъ было сказать, что не имѣетъ въ виду вести споры и выслушивать возраженія, но въ это время Иванъ Петровичъ повторилъ:

— Ваше превосходительство!—и сказалъ онъ это съ такою мягкостью въ голосѣ, съ такою почтительностью во взглядѣ, что опасенія Марципанова исчезли. Теперь уже онъ былъ почти увѣренъ, что Иванъ Петровичъ скажетъ: „Ваше превосходительство! простите, больше не буду!“ и допустилъ Черешкова говорить. Иванъ Петровичъ сказалъ:—Ваше превосходительство! Вы изволили высказать, что рады видѣть насъ у себя. На это я позволилъ бы себѣ отъ лица моихъ товарищей отвѣтить, что мы, съ своей стороны, еще болѣе рады видѣть себя у васъ и слышать отъ васъ столь любезное привѣтствіе... („Шпилька это или нѣтъ?“ мысленно спросилъ себя Марципановъ.) Вы изволили также высказать, что радуетесь готовности прирѣченскаго муниципалитета идти рука объ руку съ благими начинаніями вашего превосходительства. И здѣсь вы, ваше превосходительство, поставили „но“, которое я покорно принимаю на свой счетъ. Любя сердечно городъ Прирѣченскъ и болѣя душой за его интересы, я не желаю, чтобы между благими начинаніями вашего превосходительства и дѣятельностью этого почтеннаго собранія стояло какое бы то ни было „но“, и посему я считаю своимъ долгомъ просить ваше превосходительство принять отъ меня эту...

Тутъ Иванъ Петровичъ досталъ изъ бокового кармана бумагу и, подавая ее Марципанову, докончилъ:

— Эту просьбу—ходатайствовать для меня...

— Что такое?..

— Объ отставкѣ! —ясно и торжественно отчеканилъ Иванъ Петровичъ.

Гласные обратили на него вопросительные взоры. Марципановъ же, держа въ рукахъ неразвернутую бумагу, смотрѣлъ какъ-то растерянно. Это именно было то, чего онъ никакъ не могъ предвидѣть.

— Но... Но я вовсе этого не... не добивался!.. Это... Это противъ моего желанія!..—сказалъ онъ совсѣмъ не тѣмъ возвышеннымъ голосомъ, которымъ говорилъ рѣчь.

— Да, это по моему личному желанію, ваше превосходительство!—съ почтительной язвительностью отвѣтилъ Иванъ Петровичъ. Марципановъ закусилъ нижнюю губу.

— Хорошо-съ!.. Я... я буду ходатайствовать!—сказалъ онъ отрывисто, поклонился гласнымъ и ушелъ въ кабинетъ, унося съ собой бумагу.

Муниципальные дѣятели стали молча расходиться, глядя на казенно-выкрашенный полъ пріемной и какъ-то излишне шевеля ногами. По лѣстницѣ тоже спускались молча, при чемъ Дудыченко былъ впереди всѣхъ, а Иванъ Петровичъ шелъ послѣднимъ. Когда же вышли на улицу, всѣ какъ-то мгновенно куда-то разбрелись, кто пѣшкомъ, кто въ экипажѣ. Спускаясь по ступенькамъ подъѣзда, Иванъ Петровичъ видѣлъ только спины господъ прирѣченскихъ муниципаловъ, уходившихъ поспѣшно и съ самымъ жалкимъ видомъ. „Ай-ай-ай!—подумалъ Иванъ Петровичъ:—вотъ такъ заячье самоуправленіе!.. Однакожъ,—прибавилъ онъ:—надо и то принять во вниманіе, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ заручки, а безъ этой штуки въ наши времена даже и волкъ хвостъ поджимаетъ. А эти почтенные люди и добрые отцы своихъ семействъ —какіе же они волки?!“

На другой день всѣ три чиновника особыхъ порученій были возвращены къ своему первобытному состоянію. Это было сдѣлано безъ особаго объявленія, просто Марципановъ призвалъ ихъ и сказалъ: „Довольно съ васъ, господа! можете идти по домамъ!“ И сейчасъ же въ лечебницу вступили врачи, на бойню и на ферму—директора, и все пошло по старому. Марципановъ ѣздилъ рыбку ловить на лодочкѣ, но былъ грустенъ, да и рыба какъ-то плохо ловилась. Когда же онъ прочиталъ въ мѣстныхъ газетахъ, что такого-то августа назначенъ отъѣздъ въ Петербургъ бывшаго

члена управы Ивана Петровича Черешкова, то на него нашло чрезвычайно странное настроеніе. Съ одной стороны, онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, потому что вѣдь это же не подлежало никакому сомнѣнію, что побѣда осталась за нимъ. Но, съ другой стороны, онъ какъ будто ждалъ другихъ результатовъ. Иванъ Петровичъ удалился съ большимъ достоинствомъ. Того ли искалъ Марципановъ? Нѣтъ, онъ дожидался, что Иванъ Петровичъ придетъ къ нему и скажетъ: „простите, ваше превосходительство! виноватъ! но больше не буду!“ И онъ отечески простилъ бы и вновь сталъ бы возвышать его. Вѣдь, въ сущности, Марципановъ любилъ Ивана Петровича и любилъ главнымъ образомъ за тотъ рѣшительный характеръ, который онъ проявилъ въ бутузовскомъ дѣлѣ, лишь благодаря злому року оказавшемуся неудачнымъ. И вотъ въ самый день отъѣзда Ивана Петровича Марципановъ сидѣлъ у себя на балконѣ и его томила тоска, словно уѣзжалъ не тотъ самый человѣкъ, котораго онъ съ такимъ жаромъ преслѣдовалъ, а лучшій его другъ. Раза три уже къ нему входилъ чиновникъ Волохонскій съ какими-то глупыми докладами, и всякій разъ Марципанову ужасно хотѣлось вдругъ уволить этого вѣрнаго и преданнаго чиновника безъ объясненія причинъ. Это кровожадное желаніе въ послѣднее время стало нерѣдко посѣщать его. Вдругъ на балконѣ появился слуга и доложилъ:

— Иванъ Петровичъ Черешковъ!

Марципановъ сначала не понялъ, потомъ удивился и, наконецъ, разозлился. „Что это, онъ поразить меня желаетъ джентльменствомъ?“

— Проси въ кабинетъ!—сердито сказалъ онъ лакею.

Черезъ минуту онъ былъ въ кабинетѣ, и Иванъ Петровичъ былъ тамъ. Иванъ Петровичъ, разумѣется, привѣсилъ орденъ, полученный имъ „по милости Марципанова“.

Марципановъ встрѣтилъ его сухо и сухо пригласилъ садиться. Иванъ Петровичъ глядѣлъ беззаботно, говорилъ мягкимъ голосомъ, даже съ оттѣнкомъ нѣжности, какъ человѣкъ, которому послѣ цѣлаго ряда удовольствій предстоитъ новое удовольствіе, самое большое.

— Не странно ли, ваше превосходительство, сегодня только десятое августа, а въ воздухѣ уже чувствуется, такъ сказать, приближеніе осени?

— Да, да!..—отвѣчалъ Марципановъ, хмуря брови.

— Оно еще жарко, разумѣется, но нѣтъ той интенсивности, той, такъ сказать, безнадежности жары, когда просто не знаешь, куда дѣваться...

— Именно-съ! — грубо подтвердилъ Марципановъ. Иванъ Петровичъ помолчалъ только двѣ секунды и продолжалъ:

— Я думаю, ваше превосходительство, вы теперь съ нетерпѣніемъ ждете возвращенія вашего милаго семейства? соскучились!

— О, да!

— А когда предполагаетъ пріѣхать ваше семейство?

Марципановъ заигралъ пальцами по столу „Скобелевскій маршъ".

— Двадцатаго!—сказалъ онъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Иванъ Петровичъ всталъ, и Марципановъ тоже.

— Я хотѣлъ спросить у васъ, ваше превосходительство...— началъ Иванъ Петровичъ, и при этихъ словахъ Марципановъ весь вытянулся и насторожился. Теперь, конечно, онъ коснется послѣднихъ событій и, быть можетъ, скажетъ какую-нибудь ѣдкость. Надо быть готовымъ къ отраженію.

— Я хотѣлъ спросить у васъ, ваше превосходительство: быть можетъ, у васъ осталось въ памяти—въ Курскѣ долго ли стоитъ курьерскій поѣздъ?

— Въ Курскѣ? Не помню!..—почти бѣшено сказалъ Марципановъ:—могу ли я помнить!..

— У меня тамъ родственникъ, такъ я думалъ, не успѣю ли повидаться съ нимъ... Мое почтеніе, ваше превосходительство! Позвольте васъ просить передать мой нижайшій поклонъ ея превосходительству...

Марципановъ холодно подалъ ему руку и остался въ кабинетѣ. Послѣ ухода Ивана Петровича онъ цѣлый часъ просидѣлъ въ креслѣ, въ какомъ-то злобномъ оцѣпенѣніи. Беззаботность Ивана Петровича, его вѣжливость, почтительность и та тактичность, съ которой онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ объ „исторіи", потрясли его. Ему было бы гораздо пріятнѣе, еслибы Иванъ Петровичъ сказалъ ему дерзость.

Когда Иванъ Петровичъ пришелъ домой, его ожидала цѣлая шеренга депутацій. Такъ какъ до отхода поѣзда оставалось еще цѣлыхъ шесть часовъ, то каждая изъ депутацій имѣла полную возможность высказать свои чувства. Первой привѣтствовала его депутація отъ управы, которая состояла изъ всего наличнаго числа ея членовъ, т.-е. изъ Дудыченко, Марьюшкина и Клише.

Дудыченко сказалъ привѣтствіе, которое начиналось слѣдующимъ образомъ: „Дорогой коллега! Когда мой рѣзвый „Огонь" увлекъ меня въ другой городъ и я покидалъ Приреченскъ для того, чтобы пожать лавры славы моего знаменитаго жеребца, — думалъ ли я, клянусь честью, думалъ ли, что вотъ теперь при-

дется сказать вамъ: прости!“ А кончалось такъ: „Клянусь честью, Иванъ Петровичъ, вы были добрымъ товарищемъ!“ При этомъ Дудыченко вручилъ Ивану Петровичу альбомъ, гдѣ были виды всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстъ города Прирѣченска. Вслѣдъ затѣмъ выступила депутація отъ служащихъ въ канцеляріи управы. Сказавъ небольшое привѣтствіе, ораторъ воскликнулъ: „вы были намъ добрымъ начальникомъ,—спасибо вамъ за это, дорогой Иванъ Петровичъ!“—и поднесъ мраморную чернильницу. Депутація отъ народныхъ городскихъ учителей, въ которой ораторомъ была молоденькая дама, поднесла какую-то толстую книгу. Ораторша закончила свою рѣчь словами: „Вы были нашимъ добрымъ руководителемъ, глубокоуважаемый Иванъ Петровичъ!“ Садовники поднесли корзину изъ цвѣтовъ и тоже воскликнули: „Добрый Иванъ Петровичъ!“ Труженики городского кирпичнаго поля притащили цѣлую модель какой-то постройки изъ кирпича, съ надписью: „постройка будущаго“, и тоже подтвердили, что Иванъ Петровичъ былъ добрымъ человѣкомъ. Наконецъ, подошла послѣдняя депутація—Сидоръ Карповичъ самъ отъ себя. Онъ почтительно наклонилъ голову и сказалъ дрожащимъ и тихимъ басомъ:

— Иванъ Петровичъ! Вы уѣзжаете, а я остаюсь! Неизвѣстно, что̀ будетъ завтра. Вы всегда были добры ко мнѣ,—не забывайте и впредь.

Иванъ Петровичъ жалъ руки, обнималъ, прослезился и говорилъ:—Господа! господа! Я сказалъ бы вамъ многое, многое! Но не могу, не могу!—Дѣйствительно, онъ не могъ, потому что былъ растроганъ.

Онъ думалъ: „Что это они всѣ зарядили: добрый да добрый? Неужели я и въ самомъ дѣлѣ такой добрый? Ну, а бутузовская“...

Но тутъ онъ прервалъ себя и сказалъ себѣ мысленно: „Нѣтъ, что-жъ, это такъ-себѣ! Бываетъ и на старуху—проруха, а въ сущности я-таки добрый... И Марципановъ вѣдь тоже добрый, и Дудыченко не злой, и гласные, предобрѣйшіе люди... А и про̀пасть же насъ, добрыхъ людей, на Руси!“

Вечеромъ поѣздъ умчалъ Черешкова въ Петербургъ. На другой день пріѣхалъ самъ Азарьянцевъ и вступилъ въ должность.

И. Потапенко.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

IX *).

Изъ путевыхъ записокъ.

Сорренто, 28-го іюля 1840 г.—„Черезъ Пуццоли, Неаполь и Кастеламаре, съ Искіи переѣхали мы въ Сорренто, и вотъ уже два дня, какъ наслаждаюсь я благословеннымъ воздухомъ родины Тассовой, ежедневно нѣсколько разъ проходя мимо его дома. Думаю, что здѣшняя природа всего ближе можетъ объяснить страны, воспѣваемыя Гомеромъ. Синѣющая даль моря, усѣянная цвѣтущими островами, далеко вьющійся берегъ съ высокими горами, лазоревое небо съ дымящимся Везувіемъ, плескъ волнъ, дробимыхъ о высокій берегъ, и шумъ освѣжающаго вѣтерка между густыми садами оранжей, подъ палящимъ солнцемъ и жаркимъ небомъ,—неужели какая другая страна въ мірѣ можетъ превзойти красотою и роскошью ту, которою я теперь наслаждаюсь? Охотно перенесу я теперь суровую природу своей родины, населяя ея пустынныя степи и дремучіе лѣса незабвенными мечтами своего воображенія, которыя такъ заманчиво теперь увлекаютъ мою душу восхитительной дѣйствительностью. Еще новый даръ благого Провидѣнія!".

Сорренто, 29-го іюля.—„Читая сегодня „Рай" Данта, вдругъ изъ своего окна, изъ-за оливъ и оранжей, услышалъ я отдаленные звуки органа, согласованнаго съ пѣніемъ, заманчиво теряющимся вдали. Я оставилъ книгу, и по звукамъ отправился въ францисканскій монастырь, гдѣ тогда служили обѣдню, и проси-

*) См. выше: іюнь, 563 стр.

дѣлъ въ церкви нѣсколько минутъ, погруженный въ тихое благоговѣніе: случайно, но какъ нарочно, пришлось мнѣ у Данта читать жизнь св. Франциска. Только тогда понимаешь поэта, когда его стихи вдыхаешь вмѣстѣ съ воздухомъ и растворяешь ихъ высокими звуками молитвы... Вчера и сегодня восхищался я здѣшней природой: удивляешься, какъ всякая ничтожная вещь, ручеекъ, камушекъ, мостикъ—будто нарочно брошены для того, чтобы восхищать воображеніе своею живописностью".

Piano di Sorrento, 2-го августа.—„Вчера изъ Сорренто переселились мы сюда къ сторонѣ M. S. Angelo. Сначала я жалѣлъ оставленную мною комнату, окно которой осѣнялось густыми оранжами и прозрачными оливами, изъ-за которыхъ такъ поэтически неслись ко мнѣ звуки утренней и вечерней молитвы францисканскаго монастыря; а теперь своимъ новымъ жилищемъ я удовлетворенъ совершенно: окна мои глядятъ и на востокъ, и на югъ, и на западъ, такъ что я по теченію солнца постоянно принужденъ затворять ставнемъ которое-нибудь изъ нихъ. Съ одной стороны я вижу горы, амфитеатромъ окружающія равнину соррентскую; съ другой—Сорренто, съ его берегомъ и уходящимъ въ море мысомъ, оканчивающимся полуразвалившеюся башнею; съ третьей — широкое море съ неаполитанскимъ берегомъ и островами Прочидою и Искіею. Сколько людей многимъ бы пожертвовали, чтобы видѣть то, чтò такъ изобильно пресыщаетъ мои взоры!"

12-го августа. — „Вчера былъ одинъ изъ замѣчательныхъ дней моей жизни: я кончилъ Данта. Такимъ образомъ, онъ будетъ навсегда напоминать мнѣ своею возвышенною поэзіею тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями моихъ восторговъ, имъ возбужденныхъ: въ Неаполѣ я читалъ „Адъ", въ Искіи — „Чистилище", въ Сорренто—„Рай". Такъ, козни папъ напомнятъ мнѣ мои разговоры съ графомъ Сергіемъ Григорьевичемъ [1]); географическія указанія въ „Божественной Комедіи" напомнятъ, какъ я на висячей картѣ изучалъ по Данту географію Италіи; пѣснь Казеллы напомнитъ мнѣ, какъ я гулялъ по узенькимъ тропинкамъ виноградниковъ Искіи; сравненіе человѣка съ червякомъ, изъ котораго потомъ образуется бабочка, чтобы летѣть на небо, или сравненіе вечерняго звона съ прощальнымъ вздохомъ умирающаго дня увлекутъ мое воображеніе, какъ я читалъ эти стихи, сидя подъ сѣнью виноградныхъ лозъ нашего сада въ

---

[1]) Къ моему крайнему сожалѣнію, никакъ не могу теперь припомнить, о чемъ были эти разговоры. Графъ такъ часто и подолгу бесѣдовалъ со мной.

Исхіи; наконецъ, эти возвышенные восторги райскіе, переполнявшіе душу поэта, эти возвышенныя бесѣды со святыми мужами читалъ я здѣсь, въ тѣни оранжей и оливъ, среди природы, неба, моря, и земли, и воздуха, которые для насъ, жителей суровой природы, должны казаться райскими. Чтобы понимать Дантово наслажденіе раемъ, надобно самому просвѣтить свою душу высокимъ наслажденіемъ природы—и гдѣ же, какъ не здѣсь? Никогда и нигдѣ поэзія не являлась мнѣ столь высока и величава, какъ у Данта: у него она идетъ рука объ руку съ религіей, на тронѣ правосудія, съ очами, просвѣтленными для высшей мудрости, до которой не достигаютъ мудрецы въ своей философіи. Вся поэма—это шествіе поэта отъ преисподняго ада къ жилищу Божію, которое есть высшая ступень и послѣдняя строка поэта. Вотъ ощутительный образъ того, какъ поэзія стремится къ выраженію божественнаго!"

14-го августа. — „Вчера подъ густыми оранжами при закатѣ золотистаго здѣшняго солнца на крутомъ берегу моря, волнистаго и насупившагося, читалъ я Тасса. Не знаю, оттого ли, что теперь его болѣе понимаю, или оттого, что свое впечатлѣніе отъ чтенія растворяю соотвѣтственными прекраснымъ стихамъ—прекрасными образами природы, только теперь я наслаждаюсь Тассомъ далеко больше прежняго, когда я читалъ его въ Москвѣ.—Сейчасъ пришелъ я съ купанья: море волнуется ужасно. Цѣлую минуту, я думаю, меня покрывала собою огромная волна; когда я вздумалъ-было ее переплыть, соленая вода натекла мнѣ и въ уши, и въ носъ; мы поминутно сваливались отъ новаго напора волны, приближеніе которой стремительною стѣною невольно приводитъ душу въ какое-то опасеніе".

16-го августа. — „Сейчасъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ, читалъ я у Тасса описаніе красотъ и хитростей очаровательницы Армиды. Отъ внутренняго удовольствія, приносимаго стихами, или отъ желанія свободнѣе дохнуть благорастворенны́мъ воздухомъ, по временамъ отнималъ я отъ поэмы свои мечтательные взоры, перенося ихъ на разстилающееся изъ-за зеленаго сада синее море, яхонтовое, прекрасное, изъ-за котораго вдали, въ полуденномъ туманѣ разстилался Неаполь со своими окрестностями. Пусть это чудное мѣсто поэмы, теперь еще болѣе растворяющее мою душу наслажденіемъ отъ содѣйствія природы, нѣкогда на родинѣ напомнитъ мнѣ по созвучію со своими звонкими риѳмами тотъ сладкій звукъ, который здѣсь такъ стройно ему вторилъ!"

27-го августа. — „Прошлое воскресенье ѣздилъ я на островъ

Капри и былъ въ знаменитомъ лазоревомъ гротѣ. Если воспоминаніе всегда болѣе или менѣе украшаетъ предметы поэтическими грёзами, то какова должна быть память о предметахъ, которые и на самомъ дѣлѣ кажутся поэтическими образами мечты несбыточной?—О! Никогда не забуду эту очаровательную пещеру, дно которой голубѣе и блистательнѣе неба, освѣщаемаго лучами заходящаго солнца! Будто какой подземный свѣтъ изъ морскихъ чертоговъ Θетиды ярко струится изъ-подъ величественно висящихъ надъ морскою бездною скалъ; рыбки мелькаютъ въ сіяніи ясно и осязательно, будто птички летаютъ по голубому поднебесью; а вотъ и живая фигура человѣческая плещется въ этомъ голубомъ сіяніи; не такъ ли блаженныя души у Данта въ раю купаются въ таинственномъ сіяніи небесныхъ лучей? Неужели самые греки могли вообразить поэтичнѣе и очаровательнѣе купанье стыдливой Діаны съ ея непорочными нимфами? Отъ игриваго движенія членовъ летитъ и разсыпается серебро, яркое, бѣлое, какъ снѣгъ по синему полю: не изъ такой ли сіяющей влаги родилась божественная Венера? Именно теперь только я понимаю, почему богиня красоты и любви избрала море своею родиною: эта яркая, то блестяще-лазурная, то темно-яхонтовая влага—не само ли небо во всей своей роскошной ощутительной вещественности! О, страна, благословенная небомъ! Пусть всегдашняя любовь моя къ тебѣ будетъ вѣчною моею признательностью за тѣ блаженныя минуты, которыми я насладился въ тебѣ!“

30-го августа.—„Сейчасъ была страшная буря; началась она вскорѣ послѣ обѣда и продолжалась около часу; громъ гремѣлъ безпрерывно; дождь вмѣстѣ съ градомъ, крупнымъ, съ голубиное яйцо, лилъ какъ изъ ведра; тучи воздушными полками неслись надъ страшно волнующимся моремъ со стороны Monte Sant Angelo къ Punta di Sorrento. Во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола. Страшно было смотрѣть, какъ на всѣхъ парусахъ мчалась по морю изъ Неаполя маленькая барка“.

11-го сентября.—Сегодня съ Тассомъ въ рукахъ ходилъ я къ капуцинскому монастырю. Солнце уже закатилось, когда я пришелъ на террасу и сѣлъ возлѣ водруженнаго въ каменныя перила деревяннаго креста. Читалъ, какъ усопшая Клоринда явилась во снѣ неутѣшному Танкреду. Звуки два дня назадъ слышанной мною „Весталы“ Меркаданте—звучали въ моемъ сердцѣ, когда я пробѣгалъ умилительныя строфы: пѣсня идущей на смерть дѣвы какъ-то томно гармонировала съ загробною пѣснью прекрасной воительницы. Море не было бурно, волновалось однако негостепріимно; Везувій испускалъ дымъ вышиною почти съ самого себя;

сначала онъ вился прямо вверхъ, какъ изъ трубы, а потомъ сгибался и тянулся по безоблачному небу длиннымъ одинокимъ облакомъ надъ Неаполемъ, Позилиппо и Искіею; изъ-за горъ и островомъ, ниже этого длиннаго облака, багровѣла вечерняя заря; изъ церкви монастырской изрѣдка раздавалось монашеское пѣніе; передо мной на первомъ планѣ возвышались высокій дубъ и деревянный крестъ. Душа была полна умиленіемъ невыразимымъ: чудные стихи были красой всему меня окружающему! Я ихъ перенесу на свою родину, а вмѣстѣ съ ними и тѣ случайные, но согласные звуки и образы, которые волновали мое сердце сладостнымъ томленіемъ и тихимъ восторгомъ".

12-го сентября.—„Сегодня моимъ товарищемъ въ прогулкѣ былъ monsieur Duclère [1]). Я во всемъ былъ ему подъ пару, помогая ему носить его живописные препараты; оба въ блузахъ, мы были настоящими артистами. Capo di Monte и потомъ Capo di Sorrento были цѣлью нашей прогулки. Солнце уже заходило, когда около соррентскаго мыса спустились мы къ морю. Сѣли немножко отдохнуть на краю морской бездны, тамъ, гдѣ древне-римская арка соединяетъ море съ Piscina di Pollione. Виднѣлся тотъ же заливъ Неаполитанскій, тотъ же Везувій, та же равнина Соррентская—и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько новыхъ прелестей! Синее море глубоко вдавалось въ извитый зигзагами берегъ Соррентской равнины, цвѣтущіе сады которой ярко обливали розовые лучи заходящаго солнца; дымящійся очень сильно Везувій и Sant Angelo высились окруженные тѣмъ же радужнымъ свѣтомъ. За нами былъ римскій прудъ (Piscina); возлѣ него—какія-то, въ родѣ сводовъ, углубленія, клоаки, мостики и т. п., все это римское—твердое, какъ желѣзо, достойно вѣчности, на которую оно было разсчитано. Тутъ же возвышается и полуразвалившаяся варварская башня среднихъ вѣковъ, напоминая времена войнъ и убійствъ; а недалеко отъ нея—каменные слѣды римскаго зданія, подобно древесному корню вросшіе въ прибрежную скалу: такъ мощно природа умѣетъ переработывать творенія рукъ человѣческихъ въ свою собственность, и изъ самаго разрушенія творитъ новыя для себя прикрасы. Это остатки виллы Полліона, котораго воспѣвалъ Виргилій. Вотъ еще новая незабудка для моихъ поэтическихъ воспоминаній! Читая въ Россіи Виргиліеву эклогу, буду вспоминать и синее море, и цвѣтущій берегъ Сорренты, и далекія горы, блещущія въ различныхъ цвѣ-

[1]) Французскій пейзажистъ, жившій тогда въ Сорренто. Съ нимъ познакомился графъ Строгановъ еще въ Неаполѣ и заказалъ ему нѣсколько ландшафтовъ съ разныхъ мѣстностей на Искіи и на берегахъ соррентскихъ.

тахъ заходящаго солнца. На камняхъ разрушенной римской виллы варваръ среднихъ вѣковъ построилъ свою грозную башню; такъ, на маленькомъ мысу можно считать по памятникамъ цѣлые вѣка. Duclère—этотъ мысъ съ развалинами хочетъ взять за первый планъ своей картины, далекимъ фономъ которой будетъ берегъ Соррентскій съ Везувіемъ".

24-го сентября. — „Ходилъ въ капуцинскій монастырь. За мрачными облаками не видать было, какъ садилось солнце: небо было покрыто дымными облаками; неподвижное и безмолвное море — синевато-сѣрымъ туманомъ; Везувій съ берегомъ неаполитанскимъ мрачно темнѣлись вдали; дымъ изъ Везувія курился вяло, будто погашенный сальный огарокъ. Въ Cappuccini, на террасѣ, я сидѣлъ одинъ-одинехонекъ передъ чернымъ, водруженнымъ въ каменныя перила, крестомъ; за мной возвышались вдоль стѣны длиннымъ рядомъ надгробные кипарисы надъ плодовитыми оливами. Я читалъ Тасса, думая о морѣ, когда изъ-за сада услышалъ печальное монашеское пѣніе. Но оно вскорѣ смолкло, давъ голосъ минутно, какъ бы для того только, чтобы придать бо̀льшую таинственность тишинѣ и сумраку, господствовавшимъ вокругъ меня. Нѣсколько минутъ попрежнему продолжалась тишина, которую снова прервалъ унылый звонъ монастырскаго колокола. Было уже очень темно, когда я вышелъ изъ монастыря; изъ церкви слышалась вечерняя молитва монаховъ".

25-го сентября.—„Не подлый ли народъ неаполитанцы? Я послалъ въ Неаполь поправить свою палку—украли! Разини стерегутъ, а мошенники грабятъ! Да это и не первая покража: зонтъ и два платка. Самый подлый, воровской и низкій народишко!..

Восемь часовъ вечера. Сейчасъ пришелъ я изъ Сорренто. Погулявъ около Capo di Monte, зашелъ въ магазинъ деревянныхъ издѣлій. Становилось темно, когда я, идучи въ домъ Тасса, но услышавъ звуки органа въ церкви Дѣвичьяго монастыря, зашелъ въ него: священники служили торжественно передъ алтаремъ, ярко освѣщеннымъ свѣчами; пѣснь органа была неизъяснимо пріятна въ своихъ безконечныхъ переливахъ; за исключеніемъ алтаря, вся церковь была темна; народу почти никого не было; по другую сторону сидѣли въ темнотѣ двѣ дамы. Таково было предисловіе къ посѣщенію дома Тассова. Во вновь выстроенномъ домѣ показывали мнѣ комнаты и гдѣ родился Тассъ, и гдѣ онъ занимался литературою: шарлатанство—надувать путешественниковъ! Остатки стариннаго дома обрушились въ море, но природа, всегда неизмѣнная, осталась та же, и сидя на Тассовой

террасѣ, надъ безконечнымъ моремъ, передъ прекрасно-страшнымъ Везувіемъ и далекимъ берегомъ блаженной Италіи, кто не одушевится памятью великаго поэта, фантазія котораго впервые была взлелѣяна такимъ разнообразіемъ роскошной природы! Эти сладостные и улыбающіеся образы должны были представляться и поэту, когда онъ мечталъ о своей благословенной небомъ родинѣ, въ безнадежной любви своей, терзаемый бурями жизни въ мрачной Феррарѣ, съ ея гордымъ дворцомъ и душною темницею, которую случилось мнѣ посѣтить, когда изъ Венеціи возвращался я въ Болонью.

Сегодня въ исторіи Италіи, Ботты, я читалъ о завоеваніи норманнами Италіи, о Салерно и Амальфи, о Неаполѣ, Капри и Аверсѣ. Какъ живо представлялось мнѣ читанное, когда вмѣсто ландкарты прибѣгалъ я къ своей памяти, что̀ видѣлъ, или, еще лучше, самодовольно обращалъ взоры изъ своего окна на заливъ Неаполитанскій, весь передо мною разстилавшійся. Сегодня тамъ же читалъ я о поклоненіи горѣ Гаргану (Monte Sant Angelo), которую почти ежедневно вижу передъ своими глазами, и о горѣ M. Cassino [1]), на которую самъ я съ живѣйшимъ интересомъ всходилъ недавно въ самый полдень; помнится, всѣ окружныя горы въ своемъ жаркомъ парѣ будто дымились, заливаемыя яркими лучами палящаго солнца.

Теперь, къ сожалѣнію, уже нѣсколько дней у насъ сирокко, которымъ, какъ нарочно, на прощанье угощаетъ насъ Средиземное море: небо заволакивается сѣрыми парами, даль чуть виднѣется; море лѣниво колеблетъ свою поверхность, мѣстами становясь неподвижно; жаръ восходитъ до 25^0 въ тѣни. Сегодня ровно годъ, что я въ Италіи: этотъ день прошлаго года былъ я въ Веронѣ“.

26-го сентября. — „Опишу свою поѣздку въ Амальфи. Читая Тасса, вдоль отвѣсныхъ утесовъ ѣхалъ я въ лодкѣ; время отъ времени выдавались впередъ скалы, съ построенными на нихъ башнями: весь берегъ представлялъ видъ неприступной крѣпости. Какая противоположность гостепріимной ровнинѣ Сорревтской! а между тѣмъ не далѣе двадцати верстъ отъ нея. Тамъ и сямъ высоко въ ущельяхъ горъ лѣпились города и деревеньки. Видъ на Амальфи съ моря несравненный! Непрерывную цѣпь скалъ прорѣзываютъ двѣ глубокія долины одна возлѣ другой, раздѣленныя скалою; пологіе скаты долинъ къ морю обра-

---

[1]) Съ знаменитымъ Бенедиктинскимъ монастыремъ, близъ Sant Germano по дорогѣ изъ Неаполя въ Римъ, куда уѣзжалъ я въ маѣ мѣсяцѣ на двѣ недѣли.

зуютъ ровныя отмели съ удобными пристанями, защищенными заливомъ, между Punta di Conca и Capo d'Orsa. Такое-то мѣсто выбрали моряки среднихъ вѣковъ для своего главнаго пристанища. Начиная отъ приморскаго берега, дома выше и выше полукругомъ, какъ въ древнемъ театрѣ, поднимаются на окружныя скалы, обратясь фасадами къ морю, единственному поприщу дѣятельности здѣшняго народа. Остроконечныя скалы по сторонамъ города на самыхъ вершинахъ своихъ вооружены башнями и замками, которые нѣкогда служили городу сильною защитою, а теперь своими развалинами только украшаютъ его живописное мѣстоположеніе. Влѣво, если смотрѣть съ моря, по скалѣ вьется дорожка къ капуцинскому монастырю, огромному зданію, которое, какъ бы отстраняясь отъ суеты житейской, стоитъ одно, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, вися на скалѣ, возлѣ огромной пещеры.

„Пріѣхавъ въ пять часовъ вечера девятнадцатаго сентября въ субботу, тотчасъ я отправился черезъ долину Атрани въ Равелло. Въ Атрани влѣво указали мнѣ жилище Мазаніелло; какъ вороново гнѣздо, прилипло оно высоко къ скалѣ. Долина полна зеленью и ручьями, которые мѣстами бьютъ живописными водопадами, чтò представляетъ яркую противоположность съ необъятными стѣнами скалъ, суровыми, свѣтло-дикими, съ причудливыми обломками и пещерами, гдѣ взоръ напрасно ищетъ жизни и растительности. Громады эти покрыты каменистыми волокнами и сосульками, висящими въ воздухѣ, когда скала своевольно вгибается внутрь, образуя трещину или пещеру. Подумаешь, что все это въ первобытномъ кипѣніи элементовъ, тая и плавясь, отъ внезапнаго дуновенія вдругъ остановилось, застынувъ въ своихъ плавучихъ формахъ. Долина около часу времени прекращается, поднимаясь выше и выше. Равелло стоитъ на горѣ. Церковь св. Пандалеона замѣчательна своими двумя каѳедрами, одна противъ другой, украшенными мозаикою. По правую руку каѳедра на четырехъ столбахъ, извитыхъ винтомъ и стоящихъ на львахъ; наружная часть ея лѣстницы и перила наверху украшены мозаиками изъ птицъ, звѣрей, звѣздъ и различныхъ чудовищъ: въ этихъ изображеніяхъ видна какая-то дикая фантазія, любящая необычайное. Каѳедра на лѣвую руку безъ колоннъ тоже съ мозаиками: съ одной стороны, какое-то морское чудовище, а съ другой—должно быть, китъ, съ Іоною въ пасти. Двери церкви XII вѣка, кажется, 1176 г. (если не ошибаюсь въ единицѣ), съ надписью, всѣ украшены въ маленькихъ четвероугольникахъ изображеніями: тамъ сидитъ мадонна, или идетъ какой святой; тамъ двое со щитами въ рукахъ, въ одеждахъ, похожихъ на короткіе

русскіе кафтаны, дерутся какими-то палками: тамъ, вѣроятно, св. Георгій на конѣ поражаетъ змія, а тамъ какая-то фигура натягиваетъ лукъ. Изображенія отличаются неумѣлостью; сюжеты обозначаютъ духъ воинскій и суровый. Уже становилось темно; въ обширной церкви раздавались звуки органа, кругомъ тишина пустыни и сумерекъ! За церковью развалины какого-то средневѣковаго зданія: стѣны украшены столбиками изъ глины, далѣе ворота, сквозь башню, какъ въ нашемъ Кремлѣ—это башня съ круглымъ сводомъ, со столбиками и по сторонамъ съ какими-то мраморными фигурами стариковъ съ чашами или вазами. Проводникъ говоритъ, что это изображенія четырехъ временъ года; не потому ли такъ думаютъ, что всего четыре фигуры, а не болѣе или менѣе; впрочемъ, онѣ такъ изуродованы, что трудно, кажется, сказать о нихъ что-нибудь положительное. Черезъ длинную аллею, покрытую виноградными вѣтвями съ висящими кистями вошелъ я во внутренность или, лучше сказать, atrium зданія: темноватый портикъ подъ сводами, съ частыми въ два ряда тоненькими мраморными колоннами; онъ съ трехъ сторонъ окружаетъ внутренность весьма тѣснаго двора; съ четвертой стороны, изъ виноградника, разсматривалъ я наружность портика: вверху двойной рядъ колоннъ сходится продолговатымъ полукругомъ съ острою вершиною; выше на стѣнѣ изъ штукатурки извиваются круги; еще выше рядъ маленькихъ витыхъ колоннъ. Темнота и таинственность царствовали подъ этимъ темнымъ портикомъ: сумерки еще больше тому способствовали. А вотъ съ другой стороны и садъ невѣдомыхъ жильцовъ этого зданія, съ прекрасною террасою вдоль моря, которая оканчивается бесѣдкою съ витыми колоннами на львахъ, по сторонамъ, съ каменнымъ столомъ посреди, украшеннымъ арабесками. Виноградныя лозы изобильно осѣняютъ террасу. Прямо разстилается далеко внизу безконечное море; влѣво ближнія скалы съ маленькими городами на ихъ ребрахъ и далекая полоса береговъ Калабріи.

Въ воскресенье, двадцатаго сентября, рано поутру до восхода солнца, разбудили меня моряки. Желая ли видѣть далекій берегъ Италіи, освѣщенный восходящимъ солнцемъ, или еще болѣе, можетъ быть, подъ вліяніемъ стиховъ Тасса, которые наканунѣ читалъ я, какъ Ринальдъ передъ своимъ геройскимъ подвигомъ любовался на восходъ солнечный, поѣхалъ я на лодкѣ въ далекое море посмотрѣть, какъ встаетъ солнце изъ-за горъ Салернскихъ. Но волны поднимались выше и выше, съ юго-запада неслись черныя тучи, тогда какъ за горами востокъ яснѣлъ рождающеюся зарею, лодка наша сильно колыхалась отъ напора волнъ. Нѣтъ! нужна была

Ринальдова твердость побѣдить чувственные инстинкты, чтобы насладиться прекраснымъ восходомъ дневного свѣтила: у меня недостало рѣшимости пуститься далѣе, и лодка быстро понеслась назадъ; волны по временамъ хлестали въ лодку.

Потомъ отправился я въ Капуцинскій монастырь. Огромные камни, лежащіе подъ нимъ далеко въ морѣ, кажутся остатками тѣхъ, которыми когда-то гиганты разили въ небо. Портики на дворѣ монастырскомъ съ двойными колоннами (т.-е. въ два ряда). Виды съ террасы чудесные: и городъ, и скалы, и далекое море съ берегомъ; недостаетъ въ ландшафтѣ только одного — самого монастыря, который кажется мнѣ главнымъ украшеніемъ вида на городъ. Стоя у монастырскаго грота, смотрѣлъ я на утреннюю зарю, какъ солнце изъ облаковъ бросало свои цвѣтистые лучи на отдаленные берега. Не думаю, чтобы было много гротовъ, живописностью своею равняющихся съ пещерою Капуцинскаго монастыря въ Амальфи: природа будто нарочно вылила ее изъ металла съ различными фигурами сталактитовъ, загнутыми, круглыми, тянущимися вдоль и висящими въ высотѣ: подобные узоры случайно выливаются въ стаканѣ воды изъ воску, когда на святкахъ дѣвушки гадаютъ о своей судьбѣ. Надобно же было, чтобы, какъ нарочно, этотъ гротъ образовался на планѣ полукруга, подъ сводомъ въ видѣ алтарной апсиды! Природа же постаралась вдоль всей стѣны грота кругомъ выбить уступъ, а монахи въ религіозномъ усердіи разставили на немъ въ натуральную величину раскрашенныя фигуры мадонны и разныхъ святыхъ. Тутъ же около изъ каменистой стѣны пробивается какое-то деревцо,—кажется, фиговое. Посреди грота водружены три неискусно сработанные креста, вышиною вдвое больше человѣческаго роста. Кажется, сама природа создала эту пещеру для божественнаго алтаря, а капуцины, чувствуя все великолѣпіе, которымъ убрала природа этотъ нерукотворенный храмъ, не дерзнули украсить его ухищреніями искусства и только осѣнили его водруженіемъ деревянныхъ крестовъ съ тѣми немудреными статуями мадонны и святыхъ.

Есть вещи, которыя не забываются во вѣки. На возвратномъ пути, подъѣхавъ къ Punta di Conca, лодка наша была на пути къ гибели; скалы, разимыя волнами, въ своихъ пещерахъ издавали глухой, страшный ревъ, а брызги взносились выше высокихъ деревьевъ. Было страшно. Тутъ узналъ я, о чемъ думаютъ, когда, умирая, прощаются съ жизнью".

29-го сентября, десять часовъ вечера.—„Сегодня, вѣроятно, въ послѣдній разъ ходилъ я на Capo di Monte. Жаль мнѣ было идти по этимъ извилистымъ тропинкамъ подъ густыми

вѣтвями непрестанныхъ садовъ, безъ Тасса, котораго уже я такъ привыкъ читать, ходя здѣсь; хотя его уже и кончилъ я, однако взялъ и читалъ о садахъ Армидиныхъ, гуляя между садами Тассовой родины. Подъ наитіемъ очарованій и прельщеній жилища этой волшебницы, взошелъ я на Capo di Monte и сѣлъ на свой обычный камень, на которомъ мѣста для сидѣнья такъ ловко истерты, вѣроятно, отъ давняго употребленія. Прямо подо мною Marina di Sorrento, которую я такъ люблю, съ ея тремя гротами и лѣстницею на аркахъ, на подобіе той, какая пристроена снаружи къ помпейскому амфитеатру; далѣе идетъ усаженная оранжами долина, берегъ которой опоясанъ городскою стѣною. Далѣе — вотъ монастырская церковь; она весь день съ растворенными дверьми: иди къ Богу безъ всякаго доклада, была бы лишь на то своя воля. Еще далѣе бѣлѣется гостинница „Сирена", а за ней домъ Тассовъ. А это длинное зданіе, съ балконами и окнами на дворъ—женскій монастырь. Съ улицы онъ неприступенъ, какъ крѣпость во время войны.

Счастливо было мое посѣщеніе Capo di Monte. Небо наградило меня прекраснѣйшимъ закатомъ солнца. Безчисленныя облака, разнообразно испещренныя, подобно цвѣтамъ на лугу, были разбросаны по нѣжно-голубому небу. Чѣмъ ближе къ сторонѣ заката, тѣмъ ярче и живѣе пестрѣли краски; роскошная смѣсь оранжеваго и лиловаго съ блестяще-голубымъ и серебрянымъ. Радужное небо неутомимо влекло къ себѣ мои жаждущіе взоры, которые однако напрасно искали чудотворнаго виновника этого безподобнаго зрѣлища: солнце, какъ бы не желало своимъ блескомъ поражать мои взоры, чтобы не нарушить всеобщей гармоніи; подобно скромному неизвѣстному благодѣтелю, укрывалось оно отъ меня за высокими горами. О, какъ прекрасно было тогда небо! О, чудная страна! Какъ не любить тебя, когда въ тебѣ впервые постигъ я всю небесную красоту! Влѣво отъ меня закатывалось солнышко, прямо противъ меня—тихое море съ дымящимся Везувіемъ: красы природы неизмѣнныя, съ которыми уже я такъ сроднился. Вправо—равнина Соррентская. Здѣсь все прекрасно: и небо, и море, и земля! До сихъ поръ еще не наслаждался я до-сыта, любуясь на долину Соррентскую; спокойная грація, ласковая красота царствуютъ на ней; самое море кажется громаднымъ зеркаломъ, въ которое глядятся съ низкаго берега опушающія его зеленѣющія дерева. Суровыя, высокія горы виднѣются за другими вдалекѣ, и то для того только, чтобы оградить и защитить собою прекрасную равнину, которая, разстилаясь едва

замѣтнымъ къ морю скатомъ и уютно поднимаясь на пригорки, вся кажется по истинѣ райскимъ садомъ.

Въ Сорренто есть прекрасная долина, или, точнѣе сказать, оврагъ, вдоль котораго прогулка всегда наполняла мое сердце неизъяснимымъ удовольствіемъ. Разнообразная зелень пышными кистями, какъ изъ рога изобилія, виснетъ по берегамъ оврага, а тамъ, гдѣ оба берега ближе сходятся, за густою листвою совсѣмъ не видать дна, вмѣсто котораго взоръ нѣжно упадаетъ на зеленѣющее нѣдро растеній. Живописные мостики, тамъ и сямъ небрежно перекинутые черезъ оврагъ, роскошно убраны вѣнками, гирляндами и густыми кистями зелени, а тамъ, на самомъ низу оврага, гдѣ онъ развѣтвляется, свѣтится огонекъ въ часовнѣ съ мадонною: природа и искусство, кажется, нарочно согласились за-одно, общими силами, произвести восхитительный ландшафтъ".

Сентября 30-го. — „Тотъ же день, т.-е. двадцать-седьмого сентября, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Помпеѣ, знаменитъ въ моей жизни и тѣмъ, что, идя изъ Помпеи пѣшкомъ въ Castelamare, я кончилъ Тасса. Помню, какъ я читалъ тогда о примиреніи Армиды съ Ринальдомъ, мѣсто самое трогательное и нѣжное. Позади меня дымящійся Везувій казался сѣдымъ отъ золы, серебрящейся подъ солнечными лучами; передо мной широкими волнами поднимались высоты за Castelamare; до сихъ поръ не видалъ я горъ, такъ роскошно осѣненныхъ свѣжею зеленью, какъ Monte Sant Angelo. Нѣжно успокаивался взоръ мой на тучной его зелени, которая, то стемняясь до черныхъ полосъ въ долинахъ, лежащихъ въ прохладной тѣни, то блестя ярко-зеленымъ на ихъ окраинахъ, освѣщенныхъ солнцемъ, казалась бархатною мантіею, накинутой густыми складками. Несмотря на занимательность поэмы, глаза мои, невольно отрываясь отъ книги, жадно стремились блуждать по живописнымъ холмамъ и долинамъ".

Неаполь, 4-го октября. — „Послѣднимъ посѣщеніемъ въ окрестностяхъ Неаполя вчера былъ Камальдольскій монастырь, стоящій на вершинѣ высокаго холма. Я ѣхалъ на ослѣ, сперва подъ навѣсомъ виноградныхъ лозъ, отягощенныхъ спѣлыми гроздями, которыя висѣли какъ разъ надъ моей головою, а потомъ черезъ густую каштановую рощу. Пріѣхавъ, сначала въ церкви отстоялъ службу монаховъ, пѣвшихъ густыми, протяжными басами, и отъ всего сердца помолился вмѣстѣ съ братіею на ея вечерней молитвѣ. Изъ церкви вышелъ на монастырскую террасу надъ крутымъ обрывомъ скалы. Солнце уже

клонилось къ западу, разливая далеко вокругъ себя ослѣпительное золото. Вмѣстѣ съ закатывающимся солнышкомъ, и я прощался съ этою чудною страною, и съ Сорренто, и съ Искіею, въ которыхъ я провелъ столько блаженныхъ часовъ, и съ Неаполемъ, и съ Помпеею, гдѣ столькому я научился, и съ озерами, и съ пригорками Пуццольскими, по которымъ я часто гуливалъ, и съ заливомъ Байскимъ, вдоль котораго еще наканунѣ я дѣлалъ свои археологическія наблюденія. Прямо передо мною рядъ заливовъ, островoвъ, озеръ отъ Камальдоло до Искіи представлялъ чудное смѣшеніе земли и моря; направо—безконечный берегъ Италіи терялся между моремъ и землею; далекіе маленькіе острова казались птичками, мелькающими по пространству, наполненному парами заходящаго солнца. Влѣво панорама заключалась Везувіемъ, вправо—необозримымъ пространствомъ Италіи, съ равнинами и горами, берегами и моремъ; вся даль синѣла. Проводивъ съ небосклона солнышко, отправился я домой. Вечеромъ при лунномъ сіяніи въ послѣдній разъ гулялъ я по Villa Reale и сидѣлъ на террасѣ. Прощай, Неаполь! Черезъ часъ я тебя оставляю и, можетъ быть, навсегда!"

X.

Въ началѣ октября 1840 г. переселились мы съ береговъ Неаполитанскаго залива въ Римъ, гдѣ прожили семь мѣсяцевъ до конца апрѣля 1841 г. Въ теченіе двухъ лѣтъ это уже третій разъ судьба приводитъ меня въ стѣны вѣчнаго города.

Въ первый разъ, какъ вамъ уже извѣстно, мы останавливались въ немъ только проѣздомъ, всего на нѣсколько дней, и успѣли осмотрѣть наскоро, въ общихъ чертахъ, самыя крупныя изъ его примѣчательностей, такъ что въ моихъ путевыхъ запискахъ, набросанныхъ тогда впопыхахъ, я ничего не могу найти такого, что освѣтило бы и прояснило мои смутныя воспоминанія о первыхъ впечатлѣніяхъ, которыя, вѣроятно, поразили меня тогда необычайною силою. Помнится только, что я просто-на-просто былъ совсѣмъ ошеломленъ. Но вотъ что любопытно и странно, что изъ всей этой головокружительной сумятицы живо и ярко запечатлѣлся въ моей памяти одинъ случай, который я въ свои записки не внесъ. Это было въ колоссальныхъ развалинахъ Каракалловыхъ тэрмовъ. Графъ Строгановъ со своимъ семействомъ и я остановились на широкой полянѣ, покрытой сѣрымъ щебнемъ въ перемежку съ зеленою травою. То была нѣ-

когда одна изъ громадныхъ залъ въ тэрмахъ. Направо саженяхъ въ тридцати отъ насъ поднималась далеко вверхъ громадная стѣна шириною въ крѣпостной валъ. На ея вершинѣ по синему небу при закатѣ солнца вырисовывалась передъ нами въ черныхъ силуэтахъ группа нѣсколькихъ человѣкъ. Въ серединѣ, отдѣлясь отъ прочихъ, стоялъ одинъ, размахивалъ руками и указывалъ имъ то въ ту, то въ другую сторону. Это былъ не кто иной, какъ Отфридъ Миллеръ, тотъ самый, книга котораго служила мнѣ превосходнымъ руководствомъ по классической археологіи, о чемъ я не разъ говорилъ вамъ. Отправляясь въ Грецію съ ученою цѣлью, онъ остановился на нѣсколько дней въ Римѣ. Графъ, освѣдомясь въ германскомъ археологическомъ институтѣ, что въ извѣстный день и часъ будетъ онъ въ Каракалловыхъ тэрмахъ, повезъ насъ туда же, чтобы показать намъ этого знаменитаго ученаго. Мѣсяцевъ черезъ пять дошло къ намъ въ Неаполь извѣстіе, что Отфридъ Миллеръ скоропостижно скончался въ Греціи.

Я уже имѣлъ случай упомянуть вамъ, что въ маѣ 1840 г. ѣздилъ я изъ Неаполя въ Римъ одинъ на двѣ недѣли, чтобы навсегда съ нимъ проститься. Въ этотъ короткій срокъ я столько исходилъ по всему Риму и его ближайшимъ окрестностямъ, по церквамъ, дворцамъ и вилламъ, по галереямъ и музеямъ, по развалинамъ и всякимъ другимъ урочищамъ, я столько насмотрѣлся всего и перечувствовалъ, столькому научился, что иному не поспѣть бы за мною и въ два мѣсяца. Заранѣе составилъ я себѣ планъ съ обдуманно строгимъ выборомъ, что̀ надобно мнѣ въ Римѣ осмотрѣть и гдѣ быть, и не ограничивался бѣглымъ обзоромъ, даже по нѣскольку разъ побывалъ тамъ и внимательно изучалъ то, что̀ особенно меня интересовало и что̀ казалось мнѣ самымъ важнымъ и необходимымъ. Въ головѣ моей крѣпко засѣла всего меня охватившая мысль, что этихъ сокровищъ знанія и образованія я уже потомъ никогда не увижу. Двѣ майскія недѣли слились для меня въ одинъ торжественный праздникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мое ликованіе растворялось унылымъ ожиданіемъ разлуки.

Чтобы дать вамъ наглядное понятіе о тогдашнемъ расположеніи моего духа, привожу изъ моихъ путевыхъ записокъ двѣ выдержки.

Римъ, 16-го мая 1840 г. [1])—„Есть на землѣ счастье! Возвышеннѣе и блаженнѣе того, какое я вкушалъ сегодня, не могу себѣ и представить! Я опять въ Римѣ... Городъ городовъ, сто-

[1]) По нашему стилю 4-го мая.

лица столицъ, городъ, освященный и исторіей, и искусствами, и судьбою, и религіею!

Въ три часа пополудни, за 15 миль, показался намъ на отдаленномъ горизонтѣ этотъ чудесный городъ. Я сидѣлъ въ передней коляскѣ дилижанса и потому могъ наслаждаться вполнѣ необъятною панорамою, которая открылась намъ съ послѣдняго спуска на огромную равнину, на которой лежитъ Римъ. Вправо въ солнечномъ туманѣ волновались граціозными линіями горы, оканчиваясь пригорками, за которыми вновь поднимались въ туманной дали другія горы; передъ нами разстилалось изгибающееся холмами широкое поле; Рима еще не видать было за большимъ холмомъ влѣво; когда же мы обогнули его, вдали на концѣ горизонта открылась темноватая полоса, которою раскинулся вдали Римъ: зданія сливались въ одну сплошную массу и только одинъ св. Петръ своимъ куполомъ возносился надъ этой полосой, подобно вѣщей головѣ сказочнаго исполина, лежащей на костяхъ всемірнаго побоища народовъ, и высоко рисовался по синему небу; все исчезало въ пространствѣ и сливалось съ землею, отъ которой величаво поднимался куполъ великаго храма храмовъ.

Такъ вѣрою возносится человѣческая душа надъ сутолокою житейскихъ заботъ".

31-го мая.—„Послѣдній день прекраснаго мая моей жизни! Какъ подумаю, что, можетъ быть, послѣдній разъ въ жизни пишу въ Римѣ, сердце такъ и обливается кровью и жмется съ невыразимою тоскою! Какъ велики, какъ священны для сердца человѣческаго первый и послѣдній разъ! Такъ всегда сладко первое свиданіе и такъ горька разлука! Разстаться съ Римомъ? Легко сказать. Это одно и то же, что навсегда уже отказаться отъ всего великаго и прекраснаго въ мірѣ и жить только воспоминаніями прошедшаго. Какъ сумасшедшій, какъ страстный любовникъ, прощался я сегодня съ св. Петромъ, Сикстинскою капеллою, ложами Рафаэля"... и такъ далѣе, въ томъ же выспреннемъ стилѣ восторженныхъ диѳирамбовъ въ перемежку съ трогательными элегіями.

Когда съ Соррентской равнины переѣхали мы въ Римъ, насъ ожидало вполнѣ уже приготовленное курьеромъ де-Мажисомъ помѣщеніе съ мебелью и со всевозможными удобствами въ двухъ этажахъ дома, который назывался „casa Dies". Онъ образуетъ собою уголъ двухъ улицъ, via Gregoriana и via Sistina, который выходитъ на небольшую площадь, отлого спускающуюся внизъ; ея верхняя часть, гдѣ мы жили, называется „Capo-le-case". Via Gregoriana, на которую обращенъ былъ фасадъ нашей квартиры,

господствуетъ надъ низменностью лучшихъ кварталовъ Рима съ главною улицею Corso; послѣдняя, раздѣляя ихъ, тянется прямою линіею съ сѣвера на югъ отъ воротъ городской стѣны съ такъ-называемою Народною площадью (piazza-dei-Popoli) и до самаго Капитолія. Къ сѣверу, направо отъ насъ, минуты въ двѣ-три дойдешь до площади съ церковью Trinità-di-Monte и съ великолѣпною мраморною лѣстницею, спускающеюся уступами площадокъ на Испанскую площадь (piazza-di-Spagna), а отъ той церкви тотчасъ же начинается городское гулянье на Monte Pincio по тѣнистымъ аллеямъ и лужайкамъ, обрамленнымъ изгородью душистыхъ петаспорумовъ и оливъ; кое-гдѣ высоко подымаются голенастыя пальмы со своими развѣсистыми, длинными вѣтвями въ видѣ перьевъ. Къ югу, налѣво отъ насъ, по via Sistina, минутъ черезъ пять будешь у дворца Барберини съ площадью того же названія, на которой стоитъ Капуцинскій монастырь. А если спуститься по нашей площадкѣ, то-есть къ западу, то тутъ же направо будетъ вамъ знаменитая пропаганда съ институтомъ всесвѣтныхъ миссіонеровъ, а налѣво черезъ нѣсколько домовъ—не помню какой-то улицы—очутишься на небольшой площади, которая вся занята громаднымъ фонтаномъ Треви со скалами, по которымъ стремятся потоки, и съ мраморными статуями античныхъ божествъ.

Я уже сказалъ вамъ, что мы размѣстились въ двухъ этажахъ. Я жилъ въ верхнемъ этажѣ. Въ моей комнатѣ вмѣсто оконъ были двѣ стекольчатыя двери, выходившія каждая на свой балкончикъ, такъ что, находясь у себя дома, я всегда могъ любоваться безподобною панорамою западной части Рима.

Вотъ вамъ выдержки изъ моего римскаго дневника въ томъ же выспреннемъ стилѣ, только уже безъ минорныхъ нотъ.

Римъ, 15-го ноября. Утро. — „Чѣмъ бы ни пожертвовалъ я прежде, чтобы взглянуть хоть минуту на зрѣлище, которымъ теперь я могу ежедневно любоваться съ балконовъ передъ моими окнами. Римъ широко разстилается по равнинѣ и потомъ легко поднимается къ холмамъ Ватикана и Яникула, на которыхъ дворцы и виллы, подобно цвѣткамъ, тамъ и сямъ возникаютъ, разноцвѣтные, изъ густой зелени. О, какъ прекрасна эта часть города поутру, освѣщаемая розовыми лучами только-что проснувшагося солнышка! А Великій Святой Петръ весь, кажется, облитъ неземнымъ свѣтомъ вышнихъ силъ, ликуя въ радостномъ розовомъ сіяніи, отъ котораго тѣмъ ярче выступаютъ по нѣжному утреннему небосклону его прекрасныя формы. Сейчасъ насладился я такимъ зрѣлищемъ; иду на балконъ взглянуть еще разъ!“

19-го ноября. — „Зрѣлище величественное! Съ своего балкона сейчасъ смотрѣлъ я, какъ нисходили первые лучи восходящаго солнца на святого Петра: сначала освѣтился фонарь, потомъ, мало-по-малу, куполъ и наконецъ все зданіе съ сосѣднимъ Ватиканомъ. За святымъ Петромъ все было сумрачно, тогда какъ онъ самъ горѣлъ розовымъ сіяніемъ: вотъ истинный символъ церкви! Такъ нисходитъ Святой Духъ на освященный алтарь, вѣрилъ я тогда въ преизбыткѣ глубокаго умиленія. Кстати пришлось, что передъ такимъ чудомъ природы я, какъ нарочно, во второй пѣснѣ „Пургаторія" читалъ о лучезарномъ явленіи ангела. Но такъ высока и исполнена поэзіи моя дѣйствительность, что сейчасъ видѣнное мною предпочитаю сказанному даже самимъ Дантомъ"...

Въ Римѣ распредѣлялся день нашъ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ Неаполѣ.

Значительно осложнились и расширились въ Римѣ мои интересы, задачи и ученыя занятія. До сихъ поръ я былъ вполнѣ сосредоточенъ въ себѣ самомъ и не чувствовалъ ни малѣйшей потребности въ сношеніяхъ съ людьми; ничего другого я не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть, кромѣ памятниковъ искусства, кромѣ многовѣковыхъ развалинъ, которыхъ значеніе и характеръ я такъ любилъ разгадывать,—наконецъ, кромѣ восхитительной природы, съ тѣхъ поръ, какъ я почуялъ безконечное разнообразіе ея красотъ. Съ людьми я сносился только мимоходомъ, съ встрѣчными и прохожими, и то лишь для разспросовъ, куда идти, или какъ пройти, чтò тамъ такое, и для чего оно, или какъ оно называется и т. п. Несмотря на мою врожденную застѣнчивость и нелюдимость, теперь, когда я очутился въ оригинальной обстановкѣ римской жизни, я почувствовалъ потребность короче сблизиться съ мѣстными обывателями, съ ихъ нравами и обычаями и со всѣми мелочами ежедневнаго обихода.

Папская столица, мнѣ казалось, жила еще тогда жизнью среднихъ вѣковъ, нѣсколько подкрашенною вкусами и манерами временъ Ришельё и Людовика XIV. Куда ни пойдешь, повсюду аббаты и разновидные монахи въ своихъ бѣлыхъ, черныхъ и коричневыхъ рясахъ, а то кардиналъ въ своемъ багровомъ облаченіи или какой другой вельможный прелатъ ѣдетъ въ высокой позлащенной каретѣ на красныхъ колесахъ, съ нарядными гайдуками. Такія колымаги можно видѣть теперь въ московской Оружейной Палатѣ или въ какомъ-нибудь историческомъ музеѣ. Зайдешь куда въ лавку, а тамъ ужъ непремѣнно торчитъ монахъ; пойдешь поутру бриться въ цирюльню, а тамъ уже си-

дятъ аббаты съ намыленными щеками и подбородкомъ, подвязанные бѣлыми салфетками. Разъ далъ я цирюльнику наточить мою бритву съ черенкомъ изъ слоновой кости; вмѣсто этой воротилъ онъ мнѣ чужую съ черенкомъ изъ дешеваго костяного матеріала съ нацарапанной подписью: „Padre Travaglini". Такъ и привезъ я съ собою въ Москву клерикальную бритву, которою я и пользовался до тѣхъ поръ, пока съ разрѣшенія эмансипаціи пересталъ брить бороду. Однажды случилось мнѣ быть на аукціонѣ въ книжномъ магазинѣ Аркини на Корсо. Предварительно у себя на дому внимательно просмотрѣлъ я каталогъ продаваемыхъ съ молотка книгъ и отмѣтилъ себѣ болѣе любопытныя для меня и рѣдкія. Заблаговременно являюсь къ Аркини. Магазинъ наполняется толпою преимущественно изъ канониковъ и аббатовъ. Начинается аукціонъ по каталогу. Я слѣжу нумеръ за нумеромъ. Идетъ подъ молотокъ дрянь за дрянью или вещи вовсе мнѣ ненужныя, но, какъ нарочно, все отмѣченное мною вмѣстѣ съ другими рѣдкостями освобождается отъ аукціонной переторжки и выдается прямо въ руки то тому, то другому изъ святыхъ отцовъ. По окончаніи аукціона я обратился къ хозяину магазина за разъясненіемъ непонятныхъ для меня порядковъ такой распродажи и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что тѣ книги и многія другія были уже куплены тѣми лицами заранѣе.

Авторитетъ католической церкви еще поддерживался тогда всевозможными средствами и въ великомъ, и въ маломъ, и обаяніемъ торжественныхъ церемоній и крестныхъ ходовъ, и разными ухищреніями и фокусами для возбужденія сантиментальныхъ ощущеній и суевѣрія. На Корсо, самой многолюдной изъ римскихъ улицъ, у наружной стѣны великолѣпнаго дворца, на тротуарѣ я видѣлъ нѣсколько дней сряду лежащаго на соломѣ изможденнаго старика, прикрытаго дырявымъ рубищемъ, въ плачевномъ образѣ ветхозавѣтнаго Іова или евангельскаго Лазаря. Проходящіе мимо останавливались и, сострадательно умиляясь, каждый бросалъ свою лепту на рубище этого живописнаго олицетворенія нищеты. Съ другою курьезною сценою на томъ же Корсо вы можете познакомиться изъ слѣдующаго эпизода моихъ путевыхъ записокъ.

Римъ, 15-го января.—„Сегодня, идя по Корсо, увидѣлъ я узенькій, но высокій ящикъ, какъ шкафъ съ отворенными половинками; въ немъ стоитъ восковая статуя старика; все платье на немъ изувѣшено разными амулетками. Это былъ какой-то святой, а женщина торговала какими-то бумажками и шнурочками, приложивъ ихъ сначала къ рукѣ восковой фигуры. При этомъ она перечитывала заученную рѣчь, въ которой объясняется

польза этихъ амулетокъ, что, нося ихъ и читая такія-то и такія-то молитвы, никто не умретъ, не принявъ святыхъ Таинъ, и въ концѣ присовокупляла, что эта чудодѣйственная бумажка, ведущая къ спасенію души, стоитъ всего одинъ баіокъ [1]). Какой-то простакъ-мужичокъ въ синемъ плащѣ, убѣдившись похвалами женщины своему товару, изъ толпы подалъ набожный голосъ и купилъ амулетку, потомъ, поцѣловавъ ее, положилъ въ карманъ. Еще какая-то женщина купила другую для своей маленькой дѣвочки. Отойдя, я думалъ о продажѣ папскихъ индульгенцій, о веронскихъ галстухахъ и о новоизобрѣтенныхъ ваксахъ и мылахъ, которыя расхваливаютъ продавцы по римскимъ улицамъ".

Католичество я понималъ и къ нему относился по своему. Какъ православный русскій человѣкъ, я, разумѣется, рѣшительно не признавалъ догмата папской непогрѣшимости и папскаго главенства. Это убѣжденіе, вкорененное во мнѣ еще на родинѣ, я укрѣпилъ въ себѣ въ самой Италіи великимъ для меня авторитетомъ Данта, который велъ ожесточенную борьбу съ римскими намѣстниками святого Петра и немилосердно посрамлялъ, громилъ и казнилъ ихъ въ своей Божественной Комедіи, но при всемъ томъ оставался онъ въ моихъ глазахъ самымъ лучшимъ и преданнѣйшимъ изъ католиковъ, священную поэму котораго даже въ Италіи когда-то прочитывали въ церквахъ съ каѳедры, несмотря на то, что ея авторъ подвергался папскому проклятію и отлученію отъ церкви. Не углубляясь въ разногласія богословскихъ догматовъ, отдѣлившія западное католичество отъ нашего православія, за отсутствіемъ русскихъ церквей, я усердно молился и въ итальянскихъ, ничего не находя въ этомъ предосудительнаго для своей религіозной совѣсти. Молятся же подъ открытымъ небомъ чумаки, остановясь со своимъ обозомъ на широкомъ раздольѣ степей, или плавающіе по морю на корабельной палубѣ.

Еще въ аудиторіяхъ московскаго университета изъ лекцій Шевырева и Погодина я вынесъ съ собою въ Италію высокое понятіе о вѣротерпимости нашего православнаго народа. Только изверͅгнутые изъ среды его раскольники и сектанты отличаются отъ него своимъ упорнымъ изувѣрствомъ, къ которому наклонно и католичество въ своихъ крайностяхъ пропаганды, вооруженной

---

[1]) Въ то время монетная система была въ Италіи не та, что теперь. Въ Римѣ нашему серебряному рублю соотвѣтствовалъ скудо и равнялся полутора рублю; раздѣлялся на десять паоловъ (paolo), а каждый изъ нихъ на десять баіоковъ. Въ Неаполѣ вмѣсто скудо ходилъ піастръ, цѣною въ нашъ рубль; въ немъ было десять карлиновъ, а въ каждомъ карлинѣ по десяти торнезе.

огнемъ и мечомъ, іезуитствомъ и инквизиціею. Отличнымъ образцомъ качествъ русскаго народа былъ для меня въ Италіи тотъ же милый и простодушный Пашоринъ, который оберегалъ меня въ морскихъ волнахъ, когда мы купались въ нашемъ заливчикѣ у Соррентской равнины. Хотя онъ брилъ бороду и носилъ сюртукъ, даже умѣлъ читать и съ грѣхомъ пополамъ писать, но нравомъ, обычаями и складомъ ума былъ какъ есть русскій самородный крестьянинъ, средняго роста, плотный и коренастый. Я уже говорилъ вамъ, что, живучи на виллѣ близь Сорренто, я часто заходилъ въ тамошнія церкви помолиться. Однажды рано поутру отправился я къ обѣднѣ въ Капуцинскій монастырь. Народу было немного; кто сидитъ на скамьѣ, кто стоитъ на колѣняхъ, и, къ великому моему удивленію, между колѣнопреклоненными я сзади призналъ тучную и сутулую фигуру своего Пашорина. Онъ отличался отъ другихъ широкими взмахами правой руки, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ежеминутно клалъ земные поклоны, встряхивая каждый разъ голову на крестьянскій манеръ, когда поднималъ ее отъ поклона. По окончаніи обѣдни мы пошли вмѣстѣ домой. На мое одобреніе его вѣротерпимой набожности онъ отвѣчалъ мнѣ, что не видитъ въ этомъ ничего особеннаго, а ходитъ онъ въ обѣднѣ въ итальянскія церкви потому, что здѣсь нѣтъ русскихъ, молиться же Богу вездѣ хорошо: вѣдь сказано, что „на всякомъ мѣстѣ владычество Его“. И въ Римѣ, когда рано поутру до кофе иной разъ во время прогулки заходилъ я въ ближайшія къ намъ церкви, иногда заставалъ то въ той, то въ другой изъ нихъ усердно молящагося Пашорина: онъ всегда стоялъ на колѣняхъ по обычаю итальянцевъ, но ни разу не видѣлъ я его сидящимъ на церковныхъ скамейкахъ. Особенно изумилъ меня до умиленія одинъ благочестивый его подвигъ. Въ Римѣ около Латеранской базилики съ баптистеріемъ Равноапостольнаго царя Константина, гдѣ, по преданію, онъ принялъ святое крещеніе, стоитъ одна капелла, называющаяся Святою Лѣстницею (Santa Scala). Въ давнія времена переведена была въ Римъ изъ Іерусалима та мраморная лѣстница, по которой восходилъ самъ Іисусъ Христосъ, когда вели его во дворецъ къ Пилату; именно для нея и была построена та капелла. Со стороны фасада, обращеннаго къ Латеранской базиликѣ, она открыта во всю ея длину и высоту въ родѣ портика подъ навѣсомъ, который упирается на стѣны зданія и на два столпа по обѣимъ сторонамъ. Все это пространство портика, какъ сказано, открытое наружу, занято тою лѣстницею Пилата, такъ что, поднимаясь по ней, будто идешь въ его іеру-

салимскія палаты. Но такъ какъ благочестіе воспрещало попирать ногами тѣ ступени, которыя самъ Христосъ освятилъ своими слѣдами, то богомольцамъ дозволяется подниматься по ней не иначе, какъ на колѣнкахъ, что̀ составляетъ немалый подвигъ религіознаго усердія, потому что въ лѣстницѣ будетъ по малой мѣрѣ ступеней до сорока. Когда достигнешь ея вершины, очутишься на площадкѣ во всю ширину лѣстницы передъ входомъ въ самую капеллу, которая называется Святая Святыхъ (Sancta Sanctorum), потому что содержитъ въ себѣ большое количество реликвій и разныхъ святынь. Для тѣхъ, кто не можетъ или не хочетъ всползать сюда на колѣнкахъ, по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, отдѣленными отъ нея упомянутыми столпами, всѣ ступени снизу до верху облицованы деревомъ, которое дозволено попирать ногами. Однажды проходя мимо этого зданія, къ великому моему удивленію, между богомольцами, ползущими вверхъ по лѣстницѣ, вижу своего Пашорина, какъ онъ, грузно упираясь руками и карабкаясь съ медленной выдержкой, переваливаетъ по ступенямъ одну колѣнку за другой. Чтобы встрѣтить его на верхней площадкѣ, я взбѣжалъ туда по облицованному краю лѣстницы. Когда онъ, наконецъ, доползъ до помоста, на которомъ я его поджидалъ, насилу могъ онъ приподняться съ колѣней и едва держался на ногахъ; его качало изъ стороны въ сторону, потъ градомъ катился съ его лица. Онъ совсѣмъ ошалѣлъ, будто ничего не видитъ и не слышитъ, а когда замѣтилъ меня, осклабился своей ясной, широкой улыбкой и промолвилъ: „Какъ хорошо! И вы здѣсь! Это все равно, что на часокъ побывать въ святомъ Іерусалимѣ". Послѣ я узналъ отъ него, что почти каждую недѣлю онъ совершалъ свое пилигримство по Святой Лѣстницѣ.

Нечего грѣха таить, я любилъ посѣщать римскія церкви и зналъ, и изучилъ ихъ лучше и подробнѣе московскихъ, но далеко не изъ одной набожности, хотя и усердно въ нихъ молился, а изъ ненасытнаго желанія наслаждаться ихъ художественнымъ убранствомъ, разгуливать подъ ихъ высокими сводами, по ихъ капелламъ, или, по нашему, придѣламъ, по ихъ переходамъ и галереямъ, восхищаясь окружающими меня со всѣхъ сторонъ изящными произведеніями живописи, мозаики и скульптуры. Тогда храмъ превращался для меня въ музей художественныхъ рѣдкостей, и я въ интересахъ науки обогащалъ запасъ своихъ свѣдѣній новыми фактами по исторіи искусства и древностей. Я любилъ присутствовать при церковныхъ обрядахъ и пышныхъ церемоніяхъ, и чѣмъ больше увлекался ихъ необычайною новиз-

ною, тѣмъ яснѣе становилось для меня убѣжденіе, что католичество отличается отъ нашего православія не столько богословскими догматами, сколько своимъ потворствомъ человѣческимъ слабостямъ и прихотямъ, уловляя въ свои сѣти суевѣрную паству прелестями изящныхъ искусствъ въ украшеніи церквей и разными пустопорожними затѣями ухищренныхъ церемоній. Тогда храмъ становился въ моихъ глазахъ театральною сценою, а церковнослужители превращались въ искусныхъ актеровъ. Но вотъ вамъ еще нѣсколько отрывковъ изъ моего римскаго дневника.

Римъ, 8-го ноября.—„Сегодня въ монастырской церкви San Silvestro, на улицѣ Conversiti, видѣлъ я посвященіе графини Руффоли въ монахини. Еще до прибытія кардинала были розданы печатные экземпляры сонета, по этому случаю написаннаго какимъ-то поэтомъ. И кардинала Patrici, и посвящаемую встрѣтила торжественная музыка. Затѣмъ капуцинъ сказывалъ проповѣдь, въ подкрѣпленіе обѣту новоизбранной. Особенно мнѣ нравилось начало проповѣди, гдѣ онъ говорилъ объ отношеніи тріумфа къ жертвѣ, о необъятномъ величіи перваго и ничтожности второй. Къ концу онъ весьма кстати удерживается отъ своего слова, дабы не замедлить исполненіе сильнаго желанія посвящающейся скорѣе совершить свой обѣтъ. До сихъ поръ капуцинъ сидѣлъ, но потомъ, воспламеняясь, быстро всталъ съ мѣста и заключилъ свое слово обращеніемъ къ маловѣрному вѣку, изгоняя тѣхъ, кто осудитъ совершаемое теперь въ этомъ храмѣ. Вся эта рѣчь была обращена къ будущей монахинѣ, и потому въ капуцинѣ незамѣтно было того театральнаго кривлянья, которое иногда смѣшитъ въ католическихъ проповѣдникахъ передъ простымъ народомъ. Затѣмъ начался обрядъ постриженія. Наперсница приносящей обѣтъ плакала, ея глаза были красны отъ слезъ; сама же графиня Руффоли и въ церковь вошла гордо и твердо, и сидѣла, не движима никакою страстью, потупивъ свои большіе глаза и накрывъ ихъ длинными черными рѣсницами. Она была блѣдна и худа: видно, что долгій постъ и молитва предшествовали этому дню. Что-то важное и покойное напечатлѣвалось на ея прекрасномъ, чисто римскомъ личикѣ и только по временамъ ясная улыбка, подобно лучу сквозь облака, освѣщала ея выразительныя черты. Когда кардиналъ возложилъ на ея голову корону, блестящую алмазами, въ своемъ бѣломъ вѣнчальномъ убранствѣ съ длиннымъ шлейфомъ, она была прекрасна! Онъ вывелъ ее изъ церкви: потомъ уже она появилась за рѣшеткою, позади алтаря. И раздѣвали, и потомъ одѣвали ее въ новую одежду на глазахъ у всѣхъ: также за рѣшеткою стояла она и потомъ, хотя въ другомъ одѣя-

нія, но съ тою же блистательною короною на головѣ. Какъ нѣчто недостижимое моему зрѣнію, черты ея стройной фигуры мелькали во мракѣ за рѣшеткою; пѣли пѣвчіе, оркестръ игралъ прекрасно. Вся эта чудная дѣйствительность походила на какую-то драму, съ этой оперной музыкой, съ превращеніями, съ этой наперсницей, замѣняющей нашихъ дружекъ на деревенской свадьбѣ, и т. п. Мнѣ пришла мысль о греческомъ храмѣ и театрѣ. Да и средніе вѣка такъ и навѣвали на меня своею набожною мечтательностью сладкія воспоминанія".

29-го ноября. — „Сегодня я былъ за папской обѣдней въ Сикстинской капеллѣ. Окна, задернутыя темными занавѣсками, разливали таинственный полусвѣтъ въ наполненную народомъ капеллу. Мѣстами пробивались въ окна широкими полосами солнечные лучи, а надъ ними изъ полутумана торжественно, подобно вышнему міру, выходили ветхозавѣтныя фигуры Микель-Анджело. Нѣкоторые моменты службы были по истинѣ торжественны: такъ, когда до двадцати кардиналовъ съ своею свитою становились широкимъ полукругомъ передъ алтаремъ и „Страшнымъ Судомъ" того же Микель-Анджело, и когда папа появлялся, окруженный служителями, облеченными въ красныя одежды, со множествомъ свѣточей, я думалъ видѣть сонмы святыхъ душъ въ „Раю" Данта. Такъ католическое великолѣпіе церкви восполняли для меня своими художественными образами великій поэтъ и великій живописецъ".

25-го декабря. — „О чемъ же, какъ не о празднествахъ и церковныхъ обрядахъ римскихъ, напишу я сегодня, въ день Рождества Христова. Мой день начался Святымъ Петромъ. Самъ папа служилъ въ немъ обѣдню со всевозможнымъ торжествомъ и церемоніями. Народу набралось бездна; но онъ былъ только по сторонамъ; вся средняя часть храма, окруженная строемъ гвардіи, была пуста. Присутствовали королевы испанская и сардинская. Дамы сидѣли на приготовленныхъ для нихъ эстрадахъ, одѣтыя всѣ степенно, покрытыя черными вуалями по-итальянски. Была торжественная минута, когда всѣ пали ницъ колѣнопреклоненно, и папа совершалъ Св. Тайны. Духовая музыка какой-то торжественной кантатой оглашала своды величественнѣйшаго въ мірѣ храма. Надо видѣть подобное празднество, чтобы судить, до какой торжественности можетъ достигнуть религіозный обрядъ. Глава народа и высшій государственный совѣтъ, жрецы этого торжества, и духовная, и воинская, и гражданская власти, все преклоняется передъ величественнымъ царемъ-пастыремъ. Возможно ли знать католицизмъ, не отслушавъ папской обѣдни въ Святомъ Петрѣ? Папская церемонія съ десятками кардиналовъ и

монсиньоровъ, папа въ храмѣ св. Петра—вотъ что̀ называется католичествомъ. Художественная, живописная и музыкальная религія! Но дѣйствіе и сцена перемѣняются. Послѣ обѣда ходилъ я на капитолій въ церковь Ara Coeli. Вся лѣстница чуть не во сто ступеней переполнена была простымъ народомъ и продавцами священныхъ книжекъ, листиковъ съ молитвами, четокъ и образковъ. Вхожу въ церковь: налѣво въ капеллѣ изъ восковыхъ фигуръ въ натуральную величину представлена театральная сцена Рождества Христова—Божія Матерь, младенецъ Христосъ, Іосифъ и колѣнопреклоненные пастухи въ вертепѣ; надъ ними группа играющихъ на инструментахъ и поющихъ ангеловъ въ нѣсколько рядовъ, изъ-за которыхъ въ свѣтломъ ореолѣ является Господь Саваоѳъ. Все освѣщено свѣчами. Передъ этимъ „presepio" на небольшой эстрадѣ стоитъ дѣвочка, лѣтъ десяти, въ шляпкѣ и салопѣ, и, размахивая ручками, читаетъ заученую наизусть рацею толпящемуся у ногъ ея народу: она говоритъ и указываетъ на представляемое въ той капеллѣ. Передъ ней сказывала рацею другая, послѣ будетъ еще третья. Въ этомъ обрядѣ проповѣди младенцевъ о рожденіи младенца Христа такъ много простоты, наивности, даже язычества: вотъ что̀ называется католицизмомъ. Мы суровѣе католиковъ, они наивнѣе насъ. И суевѣріе, и причудливость среднихъ вѣковъ сохраняются здѣсь еще нетронутыми. Потомъ отправился я, какъ по обѣщанію, въ Maria Maggiore. Кругомъ стоитъ множество экипажей. Вся церковь блистательно освѣщена, по обѣимъ сторонамъ на каждомъ столпѣ по нѣскольку свѣчей, а ужъ о трибунѣ и говорить нечего. Древнія мозаики со своимъ золотымъ фономъ такъ и горятъ въ блескѣ огней. Звуки органа, соединяясь съ прекраснымъ пѣніемъ, оглашаютъ громадную церковь, переполненную народомъ. Иные стоятъ смирно, въ благоговѣйномъ настроеніи молитвы; другіе болтаютъ промежъ себя или толкутся изъ стороны въ сторону и заходятъ въ боковыя капеллы. Особенно въ капеллѣ, гдѣ помѣщенъ древній образъ Богоматери, въ тѣснотѣ стоятъ на колѣняхъ и молятся. Вмѣстѣ съ тѣмъ все исполнено праздничнаго веселія: церковь похожа на залу московскаго благороднаго собранія, а между тѣмъ эти колѣнопреклоненные такъ горячо молятся Богу: вотъ что̀, наконецъ, называется католичествомъ.

7-го февраля.—„Даже сны мои исполнены бываютъ иногда величія, свойственнаго тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя составляютъ мою дѣйствительность. Такъ, нынѣшнюю ночь я видѣлъ страшный сонъ: мнѣ снилось, будто горитъ соборъ св. Петра. Пламень, какъ въ „Неопалимой Купинѣ" Рафаэля, двумя вѣнцами

окружилъ и зданіе, и куполъ великаго собора. Сердце мое разрывалось. Тогда же будто я шелъ въ русскую церковь, но въ ней никого еще не было, только пѣвчіе спѣвались къ обѣднѣ. Всѣ заняты были пагубнымъ событіемъ св. Петра. Тутъ, въ преддверіи русской церкви, явилась какая-то дама и разсказывала мнѣ про Грецію, откуда только-что воротилась, и возбуждала во мнѣ желаніе посѣтить это первобытное отечество искусства. Невольно призадумался я надъ этимъ сномъ, сегодня поутру, гуляя по Monte Pincio. Къ чему эти двѣ церкви—одна горитъ, другая хотя готова къ служенію, но пуста? Къ чему эта Грецiя? Тутъ же, между прочимъ, мечтался мнѣ эпизодъ въ родѣ Дантовскаго, какъ двое встрѣтились на томъ свѣтѣ, и въ разговорѣ ихъ странное недоразумѣніе, когда одинъ, только-что пришедшій изъ земной жизни, считаетъ прожитые года десятками, другой—уже давнымъ-давно преставившійся—столѣтіями. Самое вдохновеніе, о которомъ я вчера писалъ, не есть ли нѣчто въ родѣ подобнаго сна? Помню, что, сознавая и во снѣ свое сновидѣніе, и тогда же находя его достойнымъ поэзіи, я говорилъ себѣ: но вѣдь это не мое; я не могу всего этого описывать, выдавая за свое; эту подробность изъ сновидѣнія я помню ясно. Да чье же все это, что̀ снится? Нельзя ли изъ этихъ мечтаній сновидѣнія переступить къ какому-нибудь вѣрному взгляду на поэтическое одушевленіе?“

Прошу васъ обратить вниманіе на послѣднюю выдержку изъ моего дневника. Что-то тогда смутно копошилось въ моей пылкой, безалаберной головѣ. Долго потомъ не могъ и не умѣлъ я разобраться въ этой фантастической путаницѣ блуждающихъ идей и загадочныхъ чаяній, пока, наконецъ, по возвращеніи на родину, не привелъ въ ясность тревожившіе меня вопросы. Тогда накропалъ я небольшую статейку и, послѣ многихъ исправленій и передѣлокъ, напечаталъ ее въ мартовской книжкѣ Погодинскаго „Москвитянина“ 1842 г., подъ названіемъ: „Храмъ св. Петра въ Римѣ“. Это былъ самый ранній изъ моихъ литературныхъ опытовъ, который изъ-за юношеской его незрѣлости и напыщеннаго слога я не помѣстилъ въ собраніе позднѣйшихъ этюдовъ, изданное недавно подъ заглавіемъ: „Мои Досуги“. Въ названной статейкѣ я говорю, между прочимъ, и о католичествѣ вообще, не касаясь, однако, его догматической стороны, и указываю въ немъ традиціонные, вѣками накопившіеся подонки язычества и очевидную примѣсь античныхъ идеаловъ и художественныхъ формъ, а храмъ св. Петра приравниваю къ Вавилонскому столпотворенію, отъ котораго пошло смѣшеніе языковъ и разселеніе народовъ по лицу всей земли.

Степану Петровичу Шевыреву сравненіе это очень не понравилось тогда, но Михаилъ Петровичъ Погодинъ сказалъ: „ничего, сойдетъ". Послѣ того, какъ Римъ сдѣлался столицею объединенной Италіи и резиденціею королевской власти, мнѣніе Погодина оправдалось: верховное владычество папы ниспровергнуто, монастыри по всей Италіи упразднены, монахи и монахини изъ нихъ повыгнаны и разсѣяны, а храмъ св. Петра стоитъ въ запустѣніи, и рѣдко, рѣдко когда огласится праздничною церемоніею, лишенною прежней торжественности и царственнаго величія.

Я уже сказалъ вамъ, что по пріѣздѣ въ Римъ я сталъ гораздо сообщительнѣе и почувствовалъ потребность въ знакомствѣ и въ сближеніи съ людьми. Теперь уже не было при насъ моего руководителя и наставника, графа Строганова, который направлялъ мои молодыя силы къ успѣхамъ своими со мною бесѣдами, совѣтами и указаніями. Онъ уѣхалъ въ Москву, завѣдывалъ своимъ учебнымъ округомъ и слѣдилъ за преподаваніемъ въ университетѣ. Теперь волей-неволей пришлось мнѣ пробавляться своимъ умомъ-разумомъ и искать себѣ другихъ руководителей и совѣтчиковъ. Сверхъ того, мнѣ хотѣлось потверже укрѣпить свою итальянскую рѣчь въ бесѣдѣ съ людьми начитанными и образованными и сильнѣе овладѣть разнообразными формами богатаго итальянскаго языка, а для всего этого надобно было мнѣ завести себѣ знакомство съ такими людьми.

Первымъ и самымъ главнымъ изъ нихъ былъ извѣстный уже вамъ изъ моихъ воспоминаній Франческо Мази, „Scrittore latino della Biblioteca Vaticana", по нашему—помощникъ библіотекаря, завѣдующій отдѣломъ латинскихъ рукописей. Я имѣлъ къ нему изъ Мюнхена рекомендательное письмо отъ Степана Петровича Шевырева, который учился у него говорить по-латыни. Кого же другого могъ я выбрать и для себя лучше, какъ не Франческо Мази, который былъ учителемъ моего дорогого наставника и профессора московскаго университета. Мази охотно принялъ мое предложеніе руководить меня въ практическомъ изученіи итальянскаго языка на чтеніи и разборѣ литературныхъ произведеній, преимущественно старинныхъ, изъ временъ Данта, его предшественниковъ и ближайшихъ послѣдователей. Самъ Мази интересовался этою эпохою и по ватиканскимъ рукописямъ издалъ небольшое собраніе канцонъ, сложенныхъ ранними итальянскими трубадурами. Между прочимъ, я читалъ съ нимъ хронику Дино Компаньи, Дантова современника, и другую, болѣе обширную — Джіованни Виллани. Но особенно было для меня интересно изданное въ двухъ большихъ томахъ собраніе лирическихъ произве-

деній итальянскихъ поэтовъ XII и XIII столѣтій. Тутъ я впервые познакомился съ безподобными гимнами и одами самого Франциска Ассизскаго, котораго я уже и прежде успѣлъ полюбить и высоко чествовать по внушеніямъ Данта въ Божественной Комедіи и по мистическимъ изображеніямъ на фрескахъ Джіютто.

Мы уговорились заниматься у меня на дому по два раза въ недѣлю по вечерамъ до девяти часовъ и оканчивали свой урокъ по-московски распиваніемъ чая, который моему учителю очень нравился. Мази любилъ поболтать; онъ былъ витіеватый ораторъ, а также и стихотворецъ, сочинялъ на разные случаи сонеты и канцоны. Спустя много лѣтъ, когда я съ женою провелъ въ Римѣ зиму 1874—1875 г., я засталъ моего дорогого Мази еще въ живыхъ; онъ былъ ревностнымъ клерикаломъ, пользовался расположеніемъ и милостями папы Пія IX и состоялъ профессоромъ литературы въ римскомъ университетѣ, который въ Римѣ слыветъ подъ названіемъ Sapientza. Но возвращаюсь къ моимъ итальянскимъ урокамъ. Мнѣ остается сказать о нихъ еще нѣсколько словъ. Чтеніе и грамматическій разборъ старинныхъ памятниковъ итальянской литературы мнѣ особенно былъ полезенъ для уразумѣнія и практическаго усвоенія различныхъ формъ и оттѣнковъ стиля и склада итальянской рѣчи, потому что мой учитель постоянно перелагалъ мнѣ вышедшіе нынѣ изъ употребленія устарѣлые обороты на новые, принятые въ современномъ языкѣ. Чтобы утвердить теоретическое знаніе на практикѣ, я къ каждому уроку для навыка писалъ ему небольшое сочиненьице, обыкновенно въ формѣ письма, чтобы дать просторъ разговорнымъ формамъ рѣчи, а иногда дѣлалъ и переводы съ латинскаго изъ Тита Ливія и Тацита, которые составляли любимое мое чтеніе на развалинахъ древняго Рима.

Моему милому Франческо Мази обязанъ я знакомствомъ съ однимъ ученымъ энтузіастомъ, который всю свою жизнь посвятилъ изученію Данта, а его Божественную Комедію зналъ наизусть съ перваго стиха и до послѣдняго, такъ что по одному намеку на какую-нибудь самую мелкую въ ней подробность онъ тотчасъ же могъ приводить на память цѣлую цитату въ нѣсколько стиховъ. Это былъ Вентури, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, средняго роста, худощавый, смуглый, какъ большинство итальянцевъ; черные волосы, немножко посеребренные просѣдью, всегда растрепаны отъ привычки ежеминутно всклокачивать ихъ правою рукою, когда онъ, воодушевляясь своими идеями, наблюденіями и открытіями, бывало, бѣгаетъ изъ стороны въ сторону по своему кабинету, то вдругъ замедлитъ шаги, то остановится, какъ вко-

паный, инстинктивно подчиняя свои движенія и жесты теченію своей страстной импровизаціи, то плавной, то порывистой; а я между тѣмъ сижу у его рабочаго стола, стоящаго посреди комнаты, внимательно слушаю и самъ воодушевляюсь его пламенной рѣчью. Ученаго изслѣдователя, болѣе восторженнаго предметомъ своихъ занятій, я никогда не видывалъ. Иной разъ онъ казался мнѣ самымъ искуснымъ актеромъ, насквозь проникнутымъ своею ролью, когда онъ такъ любовно и благоговѣйно относится къ Данту, будто онъ тутъ же очутился передъ нимъ и ласково ободряетъ его, или когда громитъ сарказмами порицателей и ненавистниковъ божественнаго поэта, или же когда язвительно издѣвается надъ тупоумными его комментаторами.

Изъ этихъ бесѣдъ съ Вентури или, точнѣе сказать, изъ моего безмолвнаго слушанья его краснорѣчивыхъ монологовъ, пламенныхъ и бурныхъ, я очень многому научился. Отъ него впервые я узналъ и ясно понялъ, какъ необходимо для полнаго уразумѣнія Божественной Комедіи подробно ознакомиться съ другими произведеніями Данта, состоящими съ этой поэмой въ неразрывной связи, каковы: Vita nuova, прелестная повѣсть о любви поэта къ Беатриче, изложенная прозою въ перемежку со стихотвореніями; Convito, ученый трактатъ схоластическаго и мистическаго содержанія, какъ необходимое руководство для истолкователей Божественной Комедіи, и изслѣдованіе о народномъ языкѣ или народной рѣчи (De vulgari eloquio), въ которомъ Дантъ возстановляетъ права разговорнаго языка въ литературѣ новыхъ европейскихъ народовъ, которые въ средніе вѣка пробавлялись только латинскою письменностью. Въ своемъ долголѣтнемъ изгнаніи изъ Флоренціи, блуждая по многимъ провинціямъ Италіи, онъ внимательно прислушивался къ различіямъ въ ихъ мѣстныхъ говорахъ, и въ этомъ трактатѣ приводитъ любопытныя подробности, какъ даже въ одномъ и томъ же городѣ по его кварталамъ видоизмѣняется своими особенностями употребляемая обывателями разговорная рѣчь. По этому сочиненію Данта я впервые оцѣнилъ высокое значеніе провинціализмовъ для ученыхъ изслѣдованій о языкѣ, которыя впослѣдствіи сдѣлались главнымъ предметомъ моихъ занятій.

По порученію графа Строганова и съ письмомъ отъ него я долженъ былъ явиться къ аббату Марки, завѣдывавшему тогда Кирхеріанскимъ музеемъ, находящимся въ Іезуитскомъ коллегіумѣ. Въ богатомъ собраніи римскихъ древностей и особенно этрусскихъ этотъ музей содержитъ въ себѣ знаменитую коллекцію древне-римскихъ монетъ, о которыхъ Марки составилъ очень

дѣльную монографію. Я уже говорилъ вамъ, что графъ былъ знатокъ въ нумизматикѣ и теперь воспользовался моимъ посредничествомъ, чтобы войти въ сношеніе съ отцомъ Марки. Этотъ благопріятный случай открылъ мнѣ свободный доступъ въ Кирхеріанскій музей, и я, подъ руководствомъ Марки, принялся изучать бронзовыя издѣлія раннихъ племенъ, нѣкогда населявшихъ Италію. Этотъ ученый іезуитъ, между прочимъ, много занимался и древне-христіанскими памятниками искусства, которыми переполнены подземелья римскихъ катакомбъ, и отъ него впервые я узналъ о капитальныхъ сочиненіяхъ по этому предмету, изданныхъ Бозіо и Аринги, со множествомъ иллюстрацій. Чтеніе этихъ книгъ, разумѣется, пробудило во мнѣ сильное желаніе самому посѣтить тѣ таинственные подземные переходы, маленькія капеллы и обширныя залы, которыя описаны у Бозіо и Аринги, и собственными своими глазами въ оригиналахъ видѣть священныя изображенія, которыя они предлагали мнѣ въ гравированныхъ копіяхъ, далеко меня не удовлетворявшихъ. Я имѣлъ уже нѣкоторое понятіе о катакомбахъ по неаполитанскимъ св. Януарія, но въ римскихъ еще не бывалъ. Къ великому несчастію, желаніе мое не могло быть исполнено. Входъ въ римскія катакомбы былъ тогда строжайше воспрещенъ по повелѣнію папы Григорія XVI, вслѣдствіе одной страшной катастрофы, совершившейся незадолго до нашего прибытія въ Римъ. Нѣсколько семинаристовъ изъ какого-то училища со своимъ надзирателемъ отправились въ праздничный день за городскія стѣны съ тѣмъ, чтобы посѣтить однѣ изъ катакомбъ, окружающихъ Римъ; спустились въ глубокія подземелья и такъ тамъ навсегда и остались. Несмотря на поиски, произведенные цѣлою ротою солдатъ въ теченіе многихъ дней, не было найдено ни малѣйшаго слѣда погибшихъ. Можетъ быть, они провалились въ какую-нибудь пропасть или изъ однѣхъ катакомбъ зашли въ другія, такъ какъ онѣ соединяются между собою переходами, и когда у нихъ догорѣла послѣдняя изъ свѣчей, съ которыми они отправились въ подземелье, разумѣется, они въ перепугѣ разбрелись въ разныя стороны въ кромѣшной тьмѣ по узенькимъ корридорамъ, которые своими извилинами перепутываются между собою, составляя настоящій лабиринтъ. Такъ и не суждено было мнѣ посѣтить тогда подземныя святилища древнихъ христіанъ и усыпальницы великомучениковъ съ ихъ мраморными саркофагами, стоящими въ нишахъ, будто въ алтарной апсидѣ, подъ сѣнью сводовъ, расписанныхъ священными изображеніями.

Чтобы хотя нѣсколько ознакомиться съ нравами и характе-

ромъ римскихъ горожанъ и хорошенько наторѣть въ итальянскомъ разговорѣ съ оттѣнкомъ мягкаго римскаго произношенія, я во-время догадался тотчасъ же по пріѣздѣ въ Римъ добыть себѣ товарища и спутника въ моихъ прогулкахъ, конечно, по найму, часа на два или на три по два раза въ недѣлю. Такого человѣка нашелъ и рекомендовалъ мнѣ нашъ всезнающій курьеръ де-Мажисъ, въ лицѣ достопочтеннаго аббата донъ-Антоніо, въ тѣхъ видахъ, что особѣ его званія открытъ доступъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ въ сокровенные тайники общественной и частной жизни итальянцевъ по всѣмъ ступенямъ ихъ сословій, начиная отъ прелатовъ и высшей аристократіи до подонковъ простонародья. Донъ-Антоніо былъ человѣкъ не молодой и не старый, средняго роста, полный и тучный, упитанный, большой весельчакъ, разговорчивъ до-нельзя, всегда и со всѣми милъ и любезенъ, одѣтъ щеголевато въ своей черной сутанѣ и въ широкополой шляпѣ на манеръ донъ-Базиліо въ „Севильскомъ Цирюльникѣ"; только говорилъ онъ не оглушительнымъ басомъ, а мягкимъ баритономъ съ переливами отъ низкихъ нотъ къ нѣжнымъ и вкрадчивымъ настоящаго тенора. Мы хорошо сошлись между собою, даже подружились, и гдѣ только мы съ нимъ не бывали! Обыкновенно я самъ заходилъ за нимъ на его квартиру, которую онъ нанималъ со столомъ у одной вдовы, семья которой состояла всего изъ двухъ ребятишекъ, дѣвочекъ лѣтъ пяти и шести; она сама готовила кушанье и убирала комнаты. Наши, такъ сказать, походные или гулевые уроки были назначены отъ часа пополудни до трехъ или четырехъ часовъ. Иногда заставалъ я его вмѣстѣ съ его хозяйкою и дѣтьми за обѣдомъ. Бывало, приходилось ему во время нашего запоздалаго урока отправиться въ какую-нибудь церковь служить вечерню, и я шелъ за нимъ туда же, помогалъ ему въ сакристіи облачаться въ ризы, а пока онъ священнодѣйствовалъ, я прогуливался недалеко отъ церкви, поджидая его, когда онъ кончитъ свою коротенькую службу. Если гдѣ въ городѣ происходила какая-нибудь интересная церемонія или народное сборище, донъ-Антоніо зналъ это впередъ и велъ меня туда. Вотъ вамъ, напримѣръ, маленькая замѣтка изъ моего римскаго дневника, относящаяся къ рождественскимъ празднествамъ.

Римъ, 28-го декабря.—„Вмѣстѣ съ Don Antonio былъ я на preseрio въ Іезуитскомъ коллегіумѣ. Въ присутствіи кардинала предсѣдательствовали престарѣлые монахи и священники въ прадѣдовскихъ костюмахъ, размѣстившись полукругомъ на двухъ-сто-

ронныхъ креслахъ. Ученики читали латинскіе и греческіе стихи, итальянскія октавы, сонеты, терцины и т. п.“

Только подъ авторитетною охраною моего милаго товарища и руководителя могъ я разгуливать привольно и льготно по вѣчно грязному и зловонному жидовскому кварталу Гетто, по его коррпдорамъ, вмѣсто улицъ съ переулками, въ слякоти и въ полусвѣтѣ во всякое время дня, между отворенными настежъ дверями въ нижнихъ этажахъ, замѣняющихъ окна: тутъ и лавки со всякимъ товаромъ, и вмѣстѣ жилье самихъ торговцевъ. По стѣнамъ этихъ корридоровъ, тоже съ обѣихъ сторонъ, на веревкахъ развѣшено для продажи изношенное платье и разное тряпье, возбуждающее гадливость во всякомъ, кто привыкъ дышать вольнымъ воздухомъ. Повсюду толкотня и давка, говоръ, гамъ и крики. Изъ предосторожности, чтобы не окатило насъ случайно какою-нибудь дрянью изъ верхнихъ оконъ, мы проходили по этимъ ущельямъ каждый подъ своимъ зонтикомъ и не рядомъ, а гуськомъ, чтобы, направляясь по самой серединѣ корридора, не задѣвать развѣшенной по сторонамъ отвратительной рухляди. Но и здѣсь Донъ-Антоніо былъ свой человѣкъ: одного спроситъ, какъ идутъ его дѣла, и выгодно-ли продалъ то-то и то-то; у матери спроситъ, поправляется ли ея ребенокъ, который недавно сильно захворалъ; дѣвушкѣ изъявитъ свое желаніе, чтобы вышла замужъ за того молодца, котораго она ему хвалила. И со всѣми-то былъ онъ милъ и любезенъ, будто забывалъ, что обращается не къ своей католической паствѣ.

Благодаря популярности и обширному знакомству донъ-Антоніо въ средѣ простого народа, я могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ интересовавшихъ меня нравахъ и обычаяхъ трастеверинцевъ, то-есть стародавнихъ обывателей квартала по ту сторону Тибра. Съ такимъ же радушіемъ встрѣчали и привѣтствовали моего донъ-Антоніо изъ своихъ оконъ болтливыя трастеверинскія Сусанны, Граціи и Чечиліи, какъ онѣ, по свидѣтельству Гоголя, встрѣчали своего любезнаго фактотума Пеппе. Свою веселую болтовню съ ними, приправленную забавнымъ остроуміемъ, онъ умѣлъ уснащать прибаутками и пословицами. Для примѣра, вотъ вамъ двѣ изъ записанныхъ въ моемъ дневникѣ: „tre donne fanno un mercato“, то-есть, гдѣ сойдутся три бабы, тамъ цѣлый базаръ; „a donna piangente non creder niente“—не вѣрь женщинѣ, когда она плачетъ.

Кругъ моего знакомства въ Римѣ особенно расширился посѣщеніемъ мастерскихъ, въ которыхъ я внимательно изучалъ направленіе, стиль и вообще характеръ живописи и скульптуры

той далекой поры, которая была тогда для меня современностью, и входилъ въ сношенія съ самими художниками, которые всегда съ любезной готовностью объясняли мнѣ свои произведенія, указывая въ нихъ не однѣ подробности сюжета, но и основную идею, какую хотѣли выразить. Особенно была мнѣ интересна бесѣда съ тѣми изъ нихъ, которые, по врожденной откровенности, не стѣснялись передавать свои замыслы и попытки, свои наклонности и влеченія въ выборѣ сюжетовъ для своихъ работъ и въ различныхъ затрудненіяхъ, которыя надобно преодолѣвать при ихъ техническомъ производствѣ. Впрочемъ вспоминать теперь объ этихъ мастерскихъ и художникахъ я не стану, потому что, сколько нужно, обо всемъ этомъ по моему римскому дневнику я давно уже внесъ въ свой этюдъ: „Задачи эстетической критики", перепечатанный въ первомъ томѣ „Моихъ Досуговъ". Если бы вамъ вздумалось когда-нибудь просмотрѣть эту статью, то я долженъ предупредить васъ, что фактамъ, занесеннымъ мною въ дневникъ за полстолѣтіе назадъ, я далъ теперь новое освѣщеніе, согласно историческому развитію и громаднымъ успѣхамъ, которые были совершены въ искусствахъ и эстетической критикѣ.

Впрочемъ мнѣ хочется разсказать вамъ кое-что о художникахъ русскихъ, работавшихъ тогда въ Римѣ, и сообщить вамъ кое-какія подробности о моихъ довольно близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Особенно сблизился я съ живописцемъ Скотти, со скульпторами Логановскимъ и Пименовымъ и съ граверомъ Іорданомъ.

Скотти и Логановскій жили вмѣстѣ въ уютной квартирѣ о пяти или шести комнатахъ: двѣ изъ нихъ назначались для мастерскихъ, въ двухъ были спальни и одна пріемная. Оба они были еще совсѣмъ молодые люди, недавно оставившіе свою академію и родину. И въ нравахъ и обычаяхъ, и въ пылкихъ стремленіяхъ, и въ юношескихъ мечтаніяхъ, рѣшительно во всемъ походили они на моихъ товарищей, съ которыми я прожилъ четыре года въ студенческомъ общежитіи московскаго университета. Оба они еще не успѣли свыкнуться тогда съ чуждою имъ обстановкою и такъ любовно воспоминали о покинутыхъ ими друзьяхъ и родственныхъ связяхъ тамъ, далеко, что я самъ, невольно подчиняясь ихъ патріотическимъ чувствамъ, освобождался отъ своихъ итальянскихъ увлеченій и забывалъ, что я въ Римѣ, когда, бесѣдуя съ ними, будто въ Москвѣ въ Желѣзномъ трактирѣ Печкина, курилъ изъ длиннаго предлиннаго чубука знаменитый Жуковъ табакъ, которымъ они съ гордостью меня угощали, какъ драгоцѣнной рѣдкостью. Хотя я промѣнялъ уже тогда трубку

на сигару, но мнѣ такъ пріятно было вмѣстѣ съ ними чувствовать себя въ дымной атмосферѣ студенческой комнаты московскаго трактира.

Пименовъ былъ почти однихъ лѣтъ съ этими обоими художниками, но, кажется, немножко постарше ихъ курсомъ академическаго ученія, раньше ихъ прибылъ въ Римъ и совсѣмъ уже освоился, прижился въ немъ. Онъ былъ очень красивъ собою, высокаго роста, стройный и живой, всегда веселъ и любезенъ; умѣлъ пользоваться ласками и милостями римскихъ красавицъ; товарищи любили его и отдавали справедливость его дарованіямъ. Мастерскую имѣлъ не при квартирѣ, а въ особомъ помѣщеніи недалеко отъ нея. Онъ тогда работалъ статую по заказу для Его Высочества Цесаревича Александра Николаевича, посѣтившаго Римъ въ 1838 г. Я часто заходилъ въ мастерскую Пименова и съ большимъ любопытствомъ внимательно наблюдалъ и слѣдилъ за пріемами техническаго производства, когда онъ лѣпилъ и формовалъ изъ глины съ натурщика свою модель, съ которой потомъ будетъ высѣчена изъ мрамора настоящая статуя и окончательно во всѣхъ подробностяхъ отдѣлана рѣзцомъ. Въ изваяніи представлялся мальчикъ лѣтъ семи или восьми, обнаженный, одну руку протянулъ впередъ, прося милостыни. „Я думаю,—говорилъ мнѣ Пименовъ,—будетъ умѣстна такая статуйка во дворцѣ Наслѣдника всероссійскаго престола, напоминая ему о нищетѣ и состраданіи". Натурщикомъ былъ прехорошенькій мальчикъ, бойкій и шаловливый, но замѣчательно граціозный, и, когда надобно стоять смирно, не шелохнувшись, позировалъ на своемъ пьедесталѣ терпѣливо и сдержанно. Пименовъ очень его любилъ, баловалъ всякими сластями и заботился, чтобы онъ какъ-нибудь не простудился, когда во время лѣпной работы приходилось ему быть обнаженнымъ. Для того сырая и холодная мастерская въ теченіе всего сеанса постоянно протапливалась, а какъ только Пименовъ переставалъ лѣпить, хотя бы минутъ на пять, тотчасъ же отпускалъ мальчугана пробѣгаться вдоль и поперекъ по всей мастерской, а иной разъ и самъ бросится за нимъ въ догонку, схватитъ его на руки и потащитъ къ пьедесталу. Впрочемъ не всегда оглашалась мастерская веселою болтовнею и хохотомъ; бывало раздавался въ ней плачъ и хныканье бѣднаго ребенка, когда скульпторъ долженъ былъ во что бы то ни стало уловить на его умненькомъ лбу, въ большихъ выразительныхъ глазкахъ и во всемъ обликѣ такое выраженіе, какое ему требовалось для умилительной и слезливой мины маленькаго горемыки. Представьте себѣ, что же онъ тогда дѣлалъ? Онъ напускалъ на себя азартъ, ни съ того, ни съ сего

кричалъ на ребенка, топалъ ногами, щипалъ его и давалъ слегка подзатыльники,—и все это для того, чтобы вызвать требуемое для своей статуи вполнѣ реальное, безошибочное выраженіе. Самому мнѣ ни разу не пришлось видѣть эту артистическую экзекуцію. Сообщаю вамъ о ней по разсказамъ самого Пименова.

Граверъ Іорданъ жилъ отъ насъ такъ близко, что нельзя больше. Прошу припомнить, что нашъ домъ, casa Dies, составлялъ уголъ двухъ улицъ, via Gregoriana и via Sistina, и выходилъ на отлогій спускъ площадки, называемой Capo-le-Case, а въ угольномъ домѣ на Систинѣ въ бель-этажѣ нанималъ квартиру Іорданъ. По малосложной и негромоздкой обстановкѣ гравернаго мастерства Іорданъ не нуждался въ отдѣльной отъ своего жилья мастерской и работалъ въ самой большой изъ занимаемыхъ имъ комнатъ, которая обращена была къ юго-западу на ту же площадку Capo-le-Case. Это былъ человѣкъ уже среднихъ лѣтъ, привѣтливый, милый и очень образованный. Его могли хорошо знать и оцѣнить по достоинству посѣщавшіе Петербургскій Эрмитажъ, гдѣ онъ десятки лѣтъ завѣдывалъ отдѣленіемъ гравюръ. Изъ русскихъ художниковъ, жившихъ тогда въ Римѣ, онъ былъ первый, съ которымъ я успѣлъ познакомиться и, благодаря его любезности, снискалъ его полное къ себѣ расположеніе. По сосѣдству я часто, проходя мимо, забѣгалъ къ нему. Онъ не стѣснялся моимъ присутствіемъ, когда я заставалъ его за работою, и, продолжая чертить штрихи по своей мѣдной доскѣ, высказывалъ мнѣ, будто думая вслухъ, разныя интересныя для меня подробности о микроскопическихъ мелочахъ гравированья. Тогда онъ только-что еще началъ свою знаменитую гравюру съ Рафаэлева „Преображенія" по безподобной копіи, сдѣланной имъ самимъ въ величину гравюры. Нѣсколько головокъ было уже готово, но остальное въ фигурахъ было только означено очерками рѣзца. Одинъ уголъ рабочей комнаты былъ заваленъ ворохомъ бумажекъ разной величины. Это были десятки пробныхъ оттисковъ каждаго мѣстечка гравюры по мѣрѣ того, какъ Іорданъ мало-по-малу его обрабатывалъ и доводилъ до надлежащаго совершенства. Куда дѣвались эти драгоцѣнные для гравировальной техники документы? Для Іордана это былъ хламъ, и если бы тогда я догадался попросить, онъ далъ бы мнѣ изъ него сколько угодно.

Разныя случайности,—все равно, крупныя или мелкія,—на которыя натолкнется человѣкъ въ ранней молодости, иногда могутъ оказать рѣшающее дѣйствіе на всю его жизнь, направляя его интересы, наклонности и даже пристрастія въ ту или другую сторону. Такъ было и со мной вслѣдствіе моего знакомства и

сближенія съ Іорданомъ. Полюбивъ гравера, я полюбилъ и гравюры, оцѣнилъ художественное ихъ достоинство и важное значеніе въ исторіи искусства, и такъ къ нимъ пристрастился, что потомъ, въ теченіе всей моей жизни, собиралъ ихъ, гдѣ ни попало, и составилъ себѣ довольно порядочную коллекцію, большею частью по самымъ дешевымъ цѣнамъ, потому что лѣтъ за двадцать назадъ, а за сорокъ и подавно, можно было пріобрѣтать ихъ очень дешево и въ Россіи, и за границею, особенно если знаешь, гдѣ и какъ добывать ихъ.

Въ Римѣ на первый разъ я былъ тогда заинтересованъ гравюрою не самой по себѣ, а по ея непосредственному хронологическому отношенію къ работамъ знаменитыхъ живописцевъ. Рафаэль и его ученики изготовляли въ черновыхъ очеркахъ многіе рисунки, которые дошли до насъ только въ гравюрахъ, скопированныхъ съ нихъ великимъ мастеромъ Маркъ-Антоніемъ Раймонди, современникомъ этихъ живописцевъ. Сокровища эти были мнѣ тогда не по карману, но я могъ видѣть ихъ, разсматривать, сколько угодно, и внимательно изучать въ антикварной лавкѣ одного услужливаго и любезнаго старичка, съ которымъ познакомилъ меня Іорданъ.

Кромѣ названныхъ русскихъ художниковъ, я разумѣется, посѣщалъ мастерскія Иванова и Бруни, работавшихъ тогда въ Римѣ; но ни о томъ, ни о другомъ не умѣю теперь ничего прибавить къ тѣмъ свѣденіямъ, которыя уже приведены мною въ указанной выше статьѣ, перепечатанной въ „Моихъ Досугахъ“.

Къ великой моей радости, пріѣхалъ въ Римъ мой университетскій товарищъ Василій Ивановичъ Пановъ, и тотчасъ же отыскалъ меня. Такъ и хлынуло на меня родною атмосферою нашихъ аудиторій, гдѣ мы оба воодушевлялись лекціями Шевырева, Погодина и Крюкова. Онъ говорилъ мнѣ о Москвѣ, о нашихъ товарищахъ и друзьяхъ, а я—о чудесахъ Рима, предлагая ему свои услуги быть его проводникомъ по римскимъ галереямъ, музеямъ, церквамъ, дворцамъ, вилламъ и развалинамъ. На первый разъ онъ помѣстился въ гостинницѣ, но вскорѣ нанялъ себѣ очень помѣстительную квартиру близехонько отъ насъ на via Sistina, въ той ея половинѣ, которая спускается отъ Capo-le-Case къ площади Барберини, на лѣвой сторонѣ, если идти отъ насъ. Вы не осудите меня за эти топографическія подробности, когда узнаете, что домъ, гдѣ занималъ квартиру мой милый Пановъ, долженъ быть памятенъ и дорогъ сердцу всякаго русскаго человѣка, который любитъ и высоко цѣнитъ свое отечество.

Однажды утромъ въ праздничный день сговорились мы съ

Пановымъ идти за городъ и именно, хорошо помню и теперь, въ виллу Albani, которую особенно часто посѣщалъ я. Положено было сойтись намъ въ cafe Greco, куда въ эту пору дня обыкновенно собирались русскіе художники. Когда явился я въ кофейню, человѣкъ пять-шесть изъ нихъ сидѣли вокругъ стола, приставленнаго къ двумъ деревяннымъ скамьямъ, которыя соединяются между собою тамъ, гдѣ стѣны образуютъ уголъ комнаты. Это было налѣво отъ входа. Собесѣдники болтали и шумѣли: это былъ народъ веселый и беззаботный. Только въ томъ углу сидѣлъ, сгорбившись надъ книгою, какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ, и въ теченіе получаса, пока я поджидалъ своего Панова, онъ такъ погруженъ былъ въ чтеніе, что ни разу ни съ кѣмъ не перемолвился ни единымъ словомъ, ни на кого не обратилъ хоть минутнаго взгляда, будто окаменѣлъ въ своей невозмутимой сосредоточенности. Когда мы съ Пановымъ вышли изъ кофейни, онъ спросилъ меня: „ну, видѣлъ? познакомился съ нимъ? говорилъ?“ Я отвѣчалъ отрицательно. Оказалось, что я цѣлыхъ полчаса просидѣлъ за столомъ съ самимъ Гоголемъ. Онъ читалъ тогда что-то изъ Диккенса, которымъ, по словамъ Панова, въ то время былъ онъ заинтересованъ. Замѣчу мимоходомъ, что по этому случаю узналъ я въ первый разъ имя великаго англійскаго романиста: такъ и осталось оно для меня навсегда въ соединеніи съ наклоненною надъ книгой фигурою въ полусвѣтѣ темнаго угла.

Когда Пановъ устроился въ своей квартирѣ, Гоголь поселился у него и прожилъ вмѣстѣ съ нимъ всю зиму 1840—1841 г. На все это время Пановъ, забывая, что живетъ въ Римѣ, вполнѣ предался неустаннымъ попеченіямъ о своемъ дорогомъ гостѣ, былъ для него и радушнымъ, щедрымъ хозяиномъ, и заботливою нянькою, когда ему нездоровилось, и домашнимъ секретаремъ, когда нужно было что̀ переписать, даже услужливымъ приспѣшникомъ на всякую мелкую потребу.

Въ жизни великаго писателя всякая подробность можетъ имѣть важное значеніе, особенно если она касается литературы. Гоголь желалъ познакомиться съ лирическими произведеніями Франциска Ассизскаго, и я черезъ Панова доставилъ ихъ ему въ томъ изданіи старинныхъ итальянскихъ поэтовъ, которое, уже вы знаете, рекомендовалъ мнѣ мой наставникъ Франческо Мази.

Какъ-то случилось, что въ теченіе двухъ или трехъ недѣль ни разу не привелось намъ съ Пановымъ видѣться: ко мнѣ онъ перестaлъ заходить, я нигдѣ его не встрѣчалъ, спрашивалъ о немъ у нашихъ общихъ знакомыхъ, но и отъ нихъ о немъ ни слуху, ни духу,—совсѣмъ запропастился. Наконецъ, является ко

мнѣ, но такой странный и необычный, какимъ я его никогда не видывалъ, умиленный и просвѣтленный, будто какая благодать снизошла на него съ неба; я спрашиваю его: „что съ тобой? куда ты дѣвался?“ — „Все это время,—отвѣчалъ онъ,—былъ я занятъ великимъ дѣломъ, такимъ, что ты и представить себѣ не можешь; продолжаю его и теперь“. И говоритъ онъ это такъ сдержанно, таинственно, чуть не шопотомъ, чтобы кто не похитилъ у него сокровище, которое переполняетъ его душу свѣтлою радостью.. Будучи погруженъ въ свои римскіе интересы, я подумалъ, что гдѣ-нибудь въ развалинахъ откопанъ новый Лаокоонъ или новый Аполлонъ Бельведерскій, и что теперь пришелъ Пановъ сообщить мнѣ объ этой великой радости. „Нѣтъ, совсѣмъ не то,—отвѣчалъ онъ:—дѣло это наше родное, русское. Гоголь написалъ великое произведеніе, лучше всѣхъ Лаокооновъ и Аполлоновъ; называется оно: „Мертвыя Души“, а я его теперь переписываю набѣло“. Тутъ въ первый разъ услышалъ я загадочное названіе книги, которая стала потомъ драгоцѣннымъ достояніемъ нашей литературы, и сначала вообразилъ себѣ, что это какой-нибудь фантастическій романъ или повѣсть въ родѣ Вія; но Пановъ разувѣрилъ меня, однако не могъ ничего сообщить мнѣ о содержаніи новаго произведенія, потому что Гоголь желалъ сохранять это дѣло въ тайнѣ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, во время своего пребыванія въ Римѣ, Гёте жилъ на Корсо въ одномъ изъ домовъ, на стѣнѣ котораго теперь красуется надпись на мраморной доскѣ, извѣщающая всѣхъ и каждаго, что здѣсь жилъ тогда-то великій поэтъ Гёте. Зиму 1874—1875 г. я провелъ вмѣстѣ съ женою въ Римѣ, и мы напрасно отыскивали тотъ домъ, въ которомъ нашъ Гоголь изготовлялъ свои „Мертвыя Души“ для печати. Тогда я обратился къ скульптору Антокольскому, и онъ обѣщалъ навести точныя справки объ этомъ домѣ съ тѣмъ, чтобы на стѣнѣ его помѣстить такую же мраморную доску съ надлежащею надписью. Не знаю, исполнилъ ли онъ свое намѣреніе. Если кому изъ васъ угодно будетъ освѣдомиться о мѣстожительствѣ Гоголя въ Римѣ зимою 1840—1841 г., я долженъ предупредить васъ, что нижняя половина улицы Систины называлась тогда via Felice.

Немногіе друзья, товарищи и знакомые, которыми я окружилъ себя въ Римѣ, какъ вы сами видите, не могли отвлекать меня отъ моихъ любимыхъ занятій. Одни изъ нихъ были моими наставниками, руководителями; въ бесѣдахъ съ другими я освѣжалъ свои досуги новыми для меня интересами или просто раз-

сѣивался немножко и отдыхалъ отъ своихъ работъ и ученыхъ экскурсій.

Тогда я пополнялъ и приводилъ въ систему отрывочныя свѣденія, которыя мало-по-малу набиралъ я по разнымъ городамъ и мѣстностямъ Италіи, каждый разъ справляясь съ руководствами Отфрида Миллера и Куглера, такъ что теперь въ Римѣ я дошелъ до того, что оба эти учебника я зналъ такъ твердо, какъ прилежный ученикъ гимназіи свою школьную латинскую грамматику передъ экзаменомъ. Этотъ общій обзоръ пройденнаго мною пути какъ разъ соотвѣтствовалъ тогдашнему расположенію моего духа. Маститый Римъ, слагавшійся мало-по-малу, въ теченіе многихъ тысячелѣтій, раскрывалъ теперь на моихъ глазахъ всю исторію европейской цивилизаціи, которая осязательно, во-очію предстала передо мною въ этихъ бурыхъ и посѣдѣлыхъ, обросшихъ травою и кустарникомъ, развалинахъ древне-римскаго могущества и величія, въ этихъ стародавнихъ храмахъ, относящихся къ раннимъ вѣкамъ христіанской церкви, восторжествовавшей, наконецъ, надъ язычествомъ, во всѣхъ этихъ разнообразныхъ зданіяхъ и сооруженіяхъ, которыя изъ вѣка въ вѣкъ строились и перестроивались, представляя своеобразную смѣсь стилей и вкусовъ, въ этихъ великолѣпныхъ дворцахъ и храмахъ, построенныхъ Микель-Анжеломъ, Брамантомъ, даже самимъ Рафаэлемъ. Чтобы разобрать по строкамъ и уразумѣть эту раскрытую передо мною книгу историческихъ судебъ, я долженъ былъ непремѣнно изучать исторію города Рима. Въ настоящее время это не представляетъ никакихъ затрудненій, благодаря множеству разныхъ пособій и руководствъ; но тогда иное дѣло, и я бы не умѣлъ и не зналъ, какъ удовлетворить своимъ желаніямъ и намѣреніямъ, если бы графъ Сергій Григорьевичъ передъ своимъ отъѣздомъ не указалъ и не оставилъ мнѣ для пользованія свой экземпляръ самаго лучшаго въ то время описанія города Рима, которое было составлено на нѣмецкомъ языкѣ Эрнстомъ Платнеромъ и Лудвигомъ Ульрихсомъ.

Сочиненіе это я читалъ и изучалъ у себя на дому, а для прогулокъ по развалинамъ бралъ съ собою, смотря по расположенію духа, то Тита Ливія или Тацита, то Горація. Я вовсе не имѣлъ намѣренія по этимъ писателямъ осматривать и изучать то, что̀ я видѣлъ передъ глазами: мнѣ хотѣлось только своимъ неяснымъ, блуждающимъ мечтаніямъ давать опредѣленные образы и возсоздавать изъ безмолвныхъ развалинъ давно прошедшую жизнь, которую оглашали мнѣ эти свидѣтели и очевидцы въ своихъ классическихъ произведеніяхъ. Бывало, присяду на камнѣ у входа въ такъ-называемый „золотой“ дворецъ Нерона, передъ гро-

надою Колизея, и читаю Тацита, а то заберусь въ трущобы по ту сторону форума и Палатинской горы, и, воображая себя при самыхъ началахъ римской исторіи, читаю у Ливія, какъ волчица кормила своими сосцами Ромула и Рема, и какъ Нума Помпилій поучался премудрости отъ нимфы Эгеріи,—и проходятъ тогда въ моихъ мечтаніяхъ вереницею Туллъ Гостилій, Тарквиній Гордый и другіе баснословные цари, въ которыхъ, еще по лекціямъ Крюкова, я прозрѣвалъ длинные періоды до-историческихъ временъ. Я и тогда уже любилъ сказочныя потемки народныхъ преданій, на разработку которыхъ впослѣдствіи, будучи профессоромъ, я положилъ не мало труда.

Кто изъ васъ познакомился съ римскимъ форумомъ, Палатинскою горою и съ другими урочищами развалинъ въ теперешнемъ ихъ состояніи, тотъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго понятія объ оригинальной, безподобной живописности всѣхъ этихъ мѣстъ. Останки древне-римскихъ зданій и сооруженій, нѣкогда погребенные на нѣсколько саженъ въ щебнѣ и наносной землѣ, теперь разрыты, и оголѣлые торчатъ, будто изувѣченные огнемъ и мечемъ разрозненные члены зданій на пожарищѣ. Вотъ вамъ, напримѣръ, выдержка изъ моего римскаго дневника о Палатинской горѣ, которая тогда была покрыта виллою богатаго англичанина Мильса, а теперь представляетъ груду обнаженныхъ развалинъ въ каррикатурѣ на Неаполитанскую Помпею.

Римъ, 20-го ноября.—„Былъ я въ Палатинской виллѣ, устроенной на развалинахъ императорскихъ дворцовъ, теперь засыпанныхъ щебнемъ и покрытыхъ землею, которая накоплялась на немъ отъ праха и пыли въ теченіе многихъ столѣтій. На этой землѣ теперь разведенъ садъ. Изъ него безподобный видъ на форумъ, на развалины и на весь Римъ новый съ св. Петромъ—вправо, и на римскую Кампанью и горы—влѣво. Кажется, какъ бы нарочно, и исторія и природа, и останки прошедшаго, и жизнь настоящаго соединяются при зрѣлищѣ съ развалинъ дворцовъ, гдѣ обитали всемірные владыки. Вдоль террасы, спускающейся отвѣсно къ уровню долины между форумомъ и термами Каракаллы, возвышается рядъ надгробныхъ кипарисовъ. Искусно убранныя группы цвѣтовъ и деревьевъ, со своими симметрически извивающимися дорожками, бесѣдками изъ плюща и съ фонтанами становятся еще привлекательнѣе и интереснѣе, когда посреди этой цвѣтущей жизни новой повсюду встрѣчаешь слѣды вѣковой древности. Тамъ цѣлая долина, примыкающая къ саду, ограждена исполинскими стѣнами; тамъ густо сплетенные между собою мирты окружаютъ люкъ, черезъ который проходитъ свѣтъ

въ тѣ великолѣпныя палаты римскихъ императоровъ, будто въ какое подземелье, въ видѣ катакомбъ. Сквозь это отверстіе я любовался прекрасными формами то круглыхъ сводовъ, то многоугольныхъ нишъ, гдѣ было когда-то обиталище царственнаго величія и пышности, а теперь все это кажется безмолвными могилами, которыя были ограблены и искажены неумолимымъ временемъ и человѣческой алчностью, а природа украсила это подземелье плющемъ, который роскошными кистями, какъ изъ рога изобилія, изъ верхняго отверстія спускается густыми массами на дно покоевъ, а подстриженный кустарникъ, кругомъ люка, получалъ видъ короны, которою увѣнчала его заботливая рука человѣка.

Мильсъ, владѣлецъ этого чуднаго помѣстья, гулявшій тогда по саду съ дамами, позволилъ мнѣ войти во внутренность его виллы. Она построена на сводахъ и аркахъ древне-римскаго сооруженія. Балконъ императорскаго дворца съ колоннами и сводами—во всей своей формѣ и съ выемками потолка между колоннами и стѣною—сполна античный. Онъ теперь весь заключенъ въ кабинетѣ или павильонѣ самого Мильса. Вотъ идеалъ кабинета; лучшаго не желалъ бы я, еслибы обладалъ средствами имѣть самое лучшее. Этотъ Августовъ балконъ, древній портикъ на гранитныхъ колоннахъ украшенъ самимъ Рафаэлемъ! Любопытны сочетанія искусства древняго и новаго генія съ вѣками. Только во фрескахъ на древнихъ портикахъ, какъ здѣсь, поймешь всю родственность классическаго древняго искусства съ Рафаэлемъ. Могъ ли онъ не подчиниться древности, расписывая древній портикъ?"

Еще задолго до того, какъ цвѣтущіе и благоуханные сады англичанина Мильса, съ его оригинальною виллою, были превращены въ безобразное пожарище Палатинскихъ дворцовъ, названныя фрески, по неисповѣдимымъ судьбамъ житейскихъ превратностей, очутились теперь у насъ въ Петербургѣ, даже и съ той штукатуркой, на которой были писаны когда-то Рафаэлемъ и его учениками по заказу кардинала Бибіэны, и вы можете сколько угодно любоваться представленными на нихъ обнаженными фигурами Венеры, разныхъ нимфъ и другихъ эротическихъ прелестей въ одной изъ залъ Петербургскаго Эрмитажа и составлять себѣ самое наглядное понятіе о вкусѣ и о наклонностяхъ безбрачныхъ священнослужителей и высшихъ сановниковъ римской церкви. Не знаю, самъ ли Мильсъ обанкротился, или кто изъ его наслѣдниковъ, только эти фрески были сняты со стѣнъ и, какъ предметъ высокой цѣнности, отданы подъ залогъ въ римскій государственный банкъ. Нѣкто Кампани, кажется, директоръ

этого банка, купилъ ихъ на казенномъ аукціонѣ по дешевой цѣнѣ, и потомъ выгодно продалъ къ намъ въ Эрмитажъ вмѣстѣ съ разными античными статуями. Когда я пріѣхалъ въ Римъ въ 1874 г., вмѣсто садовъ Мильса засталъ уже оголенныя развалины, а стѣна, къ которой приложенъ былъ его кабинетъ, высоко торчала, будто остатокъ отъ трехъ-этажнаго дома, и вдоль верхняго яруса этого торчка ясно обозначались тѣ мѣста, откуда были сняты тѣ драгоцѣнныя фрески. Грустно было смотрѣть на эту жалкую стѣну, и казалась она мнѣ монументальнымъ термометромъ, по которому я измѣрялъ теченіе времени въ его вѣковыхъ переворотахъ, которые, мнѣ тогда чаялось, зацѣпили нѣсколько мгновеній и изъ моей жизни, когда я, лѣтъ тридцать тому назадъ, войдя прямо изъ сада въ кабинетъ Мильса, остановился въ уровень съ этимъ верхнимъ ярусомъ стѣны и восхищался безподобными фресками, ее украшавшими.

Главнымъ чтеніемъ моимъ въ Римѣ былъ Винкельманъ. Гдѣ же было лучше всего изучать мнѣ его исторію классическаго искусства, какъ не въ Римѣ, который переполненъ сокровищами античной скульптуры, и въ музеяхъ, въ Ватиканскомъ и Капитолійскомъ, и въ виллахъ Боргезе, Альбани, Памфили-Дорія, Людовизи, и во дворцахъ Фарнезе Колонна и, наконецъ, по улицамъ и площадямъ? Самъ Винкельманъ жилъ у кардинала Альбани въ его виллѣ, когда изготовлялъ и обработывалъ свои драгоцѣнныя изслѣдованія. Его книгу и прежде я изучалъ внимательно, какъ систематическое обозрѣніе исторіи искусства; теперь эта книга въ ея мельчайшихъ подробностяхъ стала для меня необходимымъ, почти ежедневнымъ указателемъ, по руководству котораго я направлялъ свои римскія похожденія, изысканія и наблюденія, чтобы немедленно осмотрѣть своими собственными глазами въ означенной мѣстности то художественное произведеніе, о которомъ я только-что прочелъ у Винкельмана. Такъ, напримѣръ, для сравненія античнаго стиля съ новѣйшимъ, онъ указываетъ на статую одного изъ позднѣйшихъ скульпторовъ, именно Бернини, который, между прочимъ, въ манерномъ стилѣ барокко украсилъ мраморными ангелами мостъ черезъ Тибръ, ведущій къ крѣпости св. Ангела, и по указанію Винкельмана я иду взглянуть на ту статую и повторить на себѣ впечатлѣніе, произведенное ею на великаго ученаго, который обладалъ такимъ тонкимъ вкусомъ. Вотъ вамъ выдержка изъ моего римскаго дневника.

Римъ, *16*-го *декабря*.—„Сегодня былъ я въ церкви святой Бибіаны. Когда я шелъ туда, погода была пасмурна; мрачное небо наводило задумчивость и на мою душу. Далеко, въ уеди-

неніи, окруженная пустырями, стоитъ эта церковь. Внутренность ея тѣсна и бѣдна, но духъ вѣры и искусства тоже обитаетъ и въ ней. Въ углу, при входѣ въ церковь, стоитъ столбъ изъ краснаго мрамора, глубоко изборожденный цѣпями. Когда-то, привязавъ къ нему, замучили св. Бибіану. Ваза изъ восточнаго алебастра подъ алтаремъ сохраняетъ останки святой, а вотъ надъ алтаремъ у стѣны и ея прекрасный ликъ, лучшее произведеніе Бернини. Обаятельны тайны религіи, когда онѣ подъ покрываломъ искусства. Смотря на краснорѣчивый мраморъ, не вѣришь холодной гробницѣ, и въ утѣшеніе думаешь, что душа святой переселилась въ эти прекрасныя черты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ самые памятники мученія и смерти, горестно настроивая душу, и самому произведенію искусства даютъ характеръ меланхолическій. Черты лица Бибіаны выражаютъ умиленіе, то состояніе духа, которое наполняетъ душу и глубокою тоскою, и восторгомъ; къ плачу настроенное выраженіе освѣщаетъ все лицо полуулыбкою, мелькающею на устахъ. Одна нога ея, поставленная выше другой, сгибается, выдавая впередъ колѣнку, какъ ангелы того же Бернини на мосту St.-Angelo: то же barocco, но не столько рѣзкое, какъ у послѣднихъ. Нѣжненькая ручка ея, придерживающая платье, имѣетъ излишнюю гибкость, такъ что пальчики и ладонь, отъ малаго прикосновенія къ ткани, какъ перышко, гнутся назадъ. Я бы и это назвалъ barocco, хотя весьма позволительное здѣсь, даже не излишнее. Черты лица Бибіаны имѣютъ много индивидуальнаго, портретнаго: оттого съ перваго мгновенія лицо ея не понравится; надо вглядѣться въ него, чтобы полюбить его. Кончикъ носика слишкомъ заостренъ и выдается впередъ, нарушая гармонію греческаго профиля. Это изящное произведеніе при мощахъ святой и около позорнаго столба, при которомъ ее истязали, произвело на меня впечатлѣніе самое гармоническое, самое полное, вмѣстѣ и трогательное, заунывное, но и сладостное, успокоительное. Сумрачное небо согласовалось съ окружавшей меня печальной обстановкой и съ расположеніемъ моего духа". Поводомъ къ этой прогулкѣ было замѣчаніе Винкельмана, стр. 180.

Мнѣ было отрадно и лестно направлять свои прогулки по слѣдамъ самого Винкельмана, будто въ его сообществѣ, и воодушевлять себя его собственными впечатлѣніями, переживать въ себѣ самомъ его ощущенія и мысли, его увлеченія и восторги. Такіе затѣйливые опыты эстетическаго образованія расширяли мои задачи и цѣли далеко за предѣлы однихъ лишь научныхъ интересовъ. Я не довольствовался только изученіемъ стиля, типи-

ческихъ подробностей и основной идеи художественнаго произведенія: оно должно было меня воодушевлять, улучшать и облагораживать, воспитывая во мнѣ высокіе помыслы, очищая мой нравъ отъ всего низкаго и пошлаго, отъ всего, что̀ оскорбляетъ человѣческое достоинство. Можетъ быть, тогдашнее настроеніе моего духа дастъ вамъ новую черту для характеристики такъ-называемыхъ людей сороковыхъ годовъ, въ родѣ Райскаго у Гончарова и Рудина у Тургенева.

Въ тѣхъ же видахъ самовоспитанія и совершенствованія, я любилъ отдыхать и освѣжать свою голову отъ ученыхъ занятій въ Сикстинской капеллѣ и Ватиканскихъ Стансахъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы изучать знаменитыя фрески Микель-Анджело и Рафаэля, которыя я уже зналъ во всѣхъ подробностяхъ, а для того, какъ это казалось мнѣ тогда возможнымъ, чтобы войти въ интимныя, симпатическія отношенія съ обоими великими художниками, чтобы проникнуться насквозь ихъ геніальными помыслами, заглянуть въ самое святилище ихъ вдохновенія, когда они творили эти восхитительные образы, которые теперь меня окружили со всѣхъ сторонъ и повсюду на меня смотрятъ. Чтобы понять такое расположеніе моего духа, прошу васъ припомнить, что въ мое далекое время еще вѣрили въ наитіе свыше и чаяли себѣ таинственныхъ откровеній. Если мнѣ мечтался Винкельманъ спутникомъ и руководителемъ въ моихъ археологическихъ прогулкахъ по Риму, то почему же не могли бы быть моими собесѣдниками и наставниками Микель-Анджело и Рафаэль, когда я приходилъ къ нимъ въ гости въ Сикстинскую капеллу и въ Ватиканскіе Стансы? Теперь все это кажется смѣшнымъ, даже глупымъ, но тогда было оно какъ слѣдуетъ.

Ѳ. Буслаевъ.

НЕУДАЧНИКЪ

— Un raté, par Gyp.

IV *).

Обѣдъ кончился. Выходя изъ-за стола, Жакъ спросилъ г-жу Миръ:

— Какъ вы нашли своего сосѣда?

— Въ немъ нѣтъ ничего особеннаго... Онъ все время говорилъ со мною о лошадяхъ. Кажется, только это его интересуетъ...

— Несомнѣнно, онъ не отличается остроуміемъ, но зато какъ красивъ!

— Красивъ?—презрительно переспросила Сусанна.—Можно ли назвать красивымъ человѣка съ такими плечами? Онъ похожъ на носильщика...

Жакъ мелькомъ взглянулъ на себя въ зеркало, противъ котораго они теперь сидѣли, и съ горемъ долженъ былъ сознаться, что плечи у него еще шире, чѣмъ у герцога; еще менѣе изящества было въ фигурѣ мужа Сусанны, занятаго своей чашкой кофе и повернувшагося къ нимъ спиной. А между тѣмъ Сусанна нѣкогда была влюблена до безумія въ этого человѣка. Тогда ей нравилось въ мужчинахъ атлетическое сложеніе, о которомъ теперь она отзывалась съ такимъ презрѣніемъ.

— Однако, оставимъ герцога въ покоѣ,—сказала она,—и поговоримъ о васъ. Кажется, вы утѣшились, если судить по вашей улыбающейся физіономіи... И прекрасно, а то я боялась за васъ...

— Неужели?

---

*) См. выше: іюнь, 731 стр.

— Вы принимали такой трагическій видъ... Теперь все прошло, не правда ли?

— Что̀ прошло?

— Ваша безумная любовь?..

— Да... все кончено.

— Не надолго же хватило вашей страсти!..

— На двѣнадцать лѣтъ тайныхъ страданій и на двадцать четыре часа открытаго безумства...

Сусанна закинула свою головку съ разсыпавшимися пепельными локонами на спинку кресла и, полузакрывъ свои холодные, спокойные глаза, спросила:

— Разскажите мнѣ подробно, какъ все это было...

— Нѣтъ... я не люблю говорить о покойникахъ!

— Я не суевѣрна. И мнѣ кажется, что напрасно смерть представляютъ такой ужасной; смерть—это тишина, успокоеніе, полное очаровательныхъ грезъ...

— Это зависитъ отъ сопровождающихъ ее обстоятельствъ.

— Послушайте, представьте себѣ, что женщина, любящая васъ до безумія...

— Вы, напримѣръ?

— Я, если хотите... Это безразлично, такъ какъ тутъ одно предположеніе... Такъ вотъ, представьте себѣ, эта женщина вамъ говоритъ: я отдаюсь вамъ, но подъ условіемъ... потомъ мы умремъ?..

— Чортъ побери!

— Вы бы согласились?

— Никогда! Я не стану передъ вами притворяться: я васъ люблю, скажемъ лучше—любилъ... со всѣмъ пыломъ, со всею страстью, на какую я только способенъ... сильнѣе я никого еще не любилъ... настолько, что плакалъ какъ мальчикъ, когда окончательно убѣдился, что вы меня никогда не полюбите... Но умереть съ вами... нѣтъ, я на это не способенъ!..

— Я была въ этомъ увѣрена!

— Въ вашихъ глазахъ я—ничтожество, достойное презрѣнія, я это вижу, но... я самъ не могу обманываться и передъ вами лгать не стану... Но теперь, когда я съ такою искренностью отвѣтилъ на вашъ вопросъ, отвѣтьте и вы на мой!

— Съ удовольствіемъ.

— Сознайтесь, вѣдь это не ваша выдумка? Не ваша это идея: умереть послѣ того какъ... ну, вы понимаете?

— Вы угадали,—отвѣчала Сусанна, покраснѣвъ.

Жакъ засмѣялся.

— Вотъ то-то и есть... Вы меня удивили; я никогда не замѣчалъ въ васъ такихъ романтическихъ идей и сложныхъ чувствъ... А, вотъ и Монтрё; я уступлю ему свое мѣсто: онъ лучше меня съумѣетъ васъ занять.

Юный Монтрё сѣлъ возлѣ г-жи Миръ, казавшейся разсерженной и отвѣчавшей крайне односложно и съ выраженіемъ величайшей скуки на всѣ комплименты, которыми осыпалъ ее молодой человѣкъ. Около одиннадцати часовъ, когда гостей набралось уже достаточно, такъ что можно было устроить танцы, маркиза обратилась къ Жаку съ просьбой позвать тапера и попросить его сыграть вальсъ.

— Съ удовольствіемъ, тетя, только самъ я не въ состояніи принимать участіе въ танцахъ.

— Это почему? Напротивъ, тебѣ нужно хорошенько встряхнуть себя.

— Меня ужъ и такъ порядкомъ „встряхнуло“ сегодня.

Маркиза внимательно поглядѣла на молодого человѣка.

— Но неужели же ты можешь относиться серьезно къ этой исторіи?—сказала она:—мнѣ кажется, у тебя хватитъ здраваго смысла и жизнерадостности, чтобы не принимать трагически подобный вздоръ! Нѣтъ, я вижу, что ошибалась насчетъ твоего характера; я думала, что у тебя совсѣмъ нѣтъ...

— Совсѣмъ нѣтъ сердца? вы это хотѣли сказать, тетя Шарлотта?.. Увы, его у меня слишкомъ много, и я напрасно открылъ его передъ вами... Вы теперь безпокоитесь...

— Нисколько...

— Не говорите... Я васъ хорошо знаю и отлично вижу, что вамъ весь вечеръ не по себѣ.

— Я такая же, какъ и всегда...

— Вы въ лихорадкѣ и по вашимъ глазамъ можно видѣть, что думы ваши гдѣ-то далеко... Мнѣ до сихъ поръ только разъ еще пришлось васъ видѣть въ такомъ состояніи: это было съ годъ тому назадъ, наканунѣ того дня, когда я долженъ былъ драться съ этимъ негодяемъ де-Марейль. Ну, вы помните... по поводу ареста герцога Орлеанскаго?

— Да... я помню... мнѣ тогда разсказали.

— Вотъ вечеръ-то былъ!—продолжалъ Жакъ, улыбаясь:—я былъ убѣжденъ, что вы ничего не знаете. Помните, еще я пѣлъ вамъ съ дядей шансонетки! Я-то заливаюсь—а вамъ тогда разсказала обо всемъ г-жа де-Марейль. Я-то пою—а вы ходите взадъ и впередъ по комнатѣ, блѣдная и съ такими же глазами... какіе у васъ теперь.

— Вотъ какую старину вспомнилъ!

— Вспомнилъ, потому что вы и сегодня въ такомъ же волненіи!

Маркиза сдѣлала нетерпѣливый жестъ:

— Не за тебя, во всякомъ случаѣ, волнуюсь!

— Я это знаю. Вы боитесь за Сусанну, которую любите не менѣе меня, и считаете, какъ крестная, своимъ долгомъ охранять. Ну, такъ вотъ клянусь вамъ—слышите?—клянусь, вы можете быть совершенно спокойны!

— Прекрасно, но, пожалуйста, похлопочи насчетъ тапера... Это все, чего я отъ тебя требую на сегодняшній вечеръ!—Когда раздались первые такты вальса, Гекторъ де-Реаль подскочилъ къ г-жѣ Миръ, приглашая ее танцовать, и маркиза издали видѣла, что та ему отказала. Маркиза подошла къ своей крестницѣ, разсѣянно обмахивавшейся вѣеромъ и сидѣвшей съ сжатыми губами и тоскливымъ, блуждающимъ взглядомъ.

Она подсѣла къ молодой женщинѣ.

— Тебѣ скучно, Сусанна?

— Нѣтъ, крестная...

— Неужели же ты дуешься на то, что я не пригласила молодого человѣка, который тебя интересуетъ? Посмотри, сколько здѣсь элегантныхъ кавалеровъ, отличныхъ вальсеровъ.—Сусанна отвѣчала нѣсколько сухо:

— Еще больше милыхъ болтуновъ! Я имѣла удовольствіе за обѣдомъ узнать, что въ Нанси мостовыя требуютъ, чтобы лошадей подковывали по системѣ... Шарлье, кажется; въ противномъ случаѣ лошади будутъ вѣчно портить себѣ ноги...

— Гекторъ глупъ, это мнѣ отлично извѣстно, и кромѣ того—дрянь во всѣхъ отношеніяхъ; но есть же и кромѣ него...

— Ахъ, всѣ они другъ друга стоютъ!—вскричала съ горячностью молодая женщина: — всѣ они одинаково пусты, пошлы, ничтожны, ординарны до одурѣнія, и одинъ какъ другой! У всѣхъ только и рѣчи, что о скачкахъ, собакахъ и лошадяхъ... Все это меня нисколько не занимаетъ!

— Меня тоже! Но я въ первый разъ слышу тебя мечущей такіе громы на бѣдныхъ молодыхъ людей...

И, поднимаясь, она прибавила:

— Будь умницей, Сусанна, танцуй! Надо умѣть побороть такіе припадки отвращенія...

Маркиза пошла черезъ залу, пробираясь между танцующими парами.

Становилось удушливо жарко.

Г-жа де-Гюре открыла дверь на террасу и вышла, чтобы подышать немного свѣжимъ воздухомъ. Ночь была теплая, хотя и вѣтреная. Порою луна выступала изъ-за облаковъ, тяжелыми массами двигавшихся по небу, и тогда на мгновеніе свѣтъ ея игралъ на стеклахъ противоположнаго зданія и вновь погасалъ, когда темная, непроницаемая облачная завѣса закрывала ея ликъ.

Маркиза спустилась въ садъ и прошла по широкой буковой аллеѣ до скамейки, гдѣ и сѣла. Отсюда она могла видѣть весь ярко освѣщенный фасадъ замка. Звуки музыки, долетавшіе до нея, ласкали слухъ, смягченные разстояніемъ.

На сіявшихъ стеклахъ оконъ мелькали силуэты танцующихъ. Маркиза сидѣла неподвижно, смотрѣла, ничего не видя, подавленная, разбитая, не будучи въ состояніи мыслить, даже отдать себѣ отчетъ, почему она пришла сюда.

Но вотъ образъ, мелькнувшій въ окнѣ залы, вывелъ ее изъ этого оцѣпенѣнія.

— Жакъ!—прошептала она:—бѣдный юноша! Онъ любитъ искренно и искренно несчастенъ! О, она понимаетъ его, понимаетъ, что̀ значитъ страдать!—Въ эту минуту маркиза старалась анализировать чувство глубокой скорби, наполнявшей ея душу, разложить его и побѣдить, если можно. Но она не была изъ тѣхъ женщинъ, въ которыхъ рефлексія преобладаетъ надъ чувствомъ; нѣтъ, она умѣла чувствовать съ необычайной силой, чувство достигало въ ней страшной интенсивности, разсужденія ей не помогали. Съ самаго утра она копалась въ своемъ сердцѣ, жестоко мучая самоё себя, и въ эту минуту передъ ея внутренними очами проходила вся жизнь ея, воспоминаніе рисовало одну картину за другой съ необычайной яркостью.

Вотъ она выходитъ замужъ; это бракъ по любви и, кромѣ того, вполнѣ удовлетворяетъ практическимъ соображеніямъ. Довѣрчивая, наивная, она разсчитываетъ найти въ немъ все, что̀ сама принесла съ собою. Въ какомъ смущеніи, въ какомъ гнѣвѣ была она, когда увидѣла, какъ отличны ея взгляды на бракъ, на семью, отъ воззрѣній на нихъ всего общества и въ частности ея мужа, маркиза де-Гюре! Потомъ умираютъ ея дѣти; обоихъ смерть уноситъ въ нѣсколько дней. Въ какомъ она была отчаяніи, какія сомнѣнія терзали ее! Скорбь убила въ ней всѣ чувства; изъ этого испытанія она вышла равнодушной ко всему; она уже больше не желала ни дѣтей, ни любви.

Но на фонѣ этихъ скорбныхъ воспоминаній въ воображеніи маркизы возстаетъ улыбающійся, свѣтлый образъ ребенка, кото-

рый, мало-по-малу занялъ такъ много мѣста въ ея сердцѣ и скрасилъ собою ея существованіе.

Ей представляется, какъ она входитъ, послѣ свадебнаго путешествія въ старый отель, въ которомъ жилъ маркизъ съ братомъ и своей belle-soeur и встрѣчаетъ на лѣстницѣ маленькаго десяти-лѣтняго мальчика, которому она на первый взглядъ не дала и шести.

Онъ сталъ передъ нею, заложивъ руки за спину, и, вглядываясь въ нее, объявилъ своему дядѣ:

— Тетя, которую ты привезъ, очень мила!—Съ этой минуты онъ овладѣлъ понравившейся ему тетей, слѣдовалъ за нею повсюду, не желая болѣе разставаться съ нею. До тѣхъ поръ ребенокъ росъ на попеченіи слугъ. Ни больной отецъ, ни преданная свѣтскимъ удовольствіямъ мать не заботились о немъ. Маркиза относилась къ нему съ безконечной, истинно-материнской нѣжностью и не измѣнилась къ нему даже и тогда, когда уже у нея были собственныя дѣти.

Какъ-то разъ, посмотрѣвъ съ восторгомъ на свою юную тетю, Жакъ вскричалъ:

— Знаешь, тетя Шарлотта, ты очень милая и добрая!

— Это мама твоя—милая, а не я!—возразила маркиза.

Онъ отвѣчалъ серьезно и вдумчиво, съ видомъ глубокаго убѣжденія:

— Можетъ быть, мама и добрѣе тебя, но зато ты такая хорошенькая и свѣжая!—„Свѣжая“—это слово въ устахъ ребенка звучало такъ странно, что маркиза не могла не расхохотаться. Тогда еще она не придавала никакого значенія своей красотѣ. А теперь много бы дала она, чтобы вернуть былую свѣжесть поблекшимъ щекамъ; но молодость прошла и уже не воротится болѣе, и она съ невольной грустью оглядывалась назадъ.

Позднѣе Жакъ потерялъ родителей и съ этихъ поръ безраздѣльно принадлежалъ своей тетѣ. Маленькій, худенькій, дурно сложенный пятнадцати-лѣтній мальчикъ, онъ обѣщалъ быть необыкновенно дурнымъ собой. Его безобразіе, а главное, тотъ родъ, къ которому оно принадлежало, приводилъ маркизу въ отчаяніе. Рядомъ съ этимъ некрасивымъ ребенкомъ росла, распускаясь какъ весенній цвѣтокъ, хорошенькая Сусанна, бывшая моложе его на два года и уже переросшая его на цѣлую голову. Глядя на своего обожаемаго мальчика, маркиза воображала себѣ, сколько ударовъ самолюбію, сколько горя придется ему испытать, благодаря своимъ физическимъ недостаткамъ. Девятнадцати лѣтъ, съ успѣхомъ выдержавъ всѣ экзамены, юноша долженъ былъ отпра-

виться въ Туръ, для отбыванія воинской повинности. Въ ту пору это былъ низенькаго роста, неуклюжій, съ неправильными чертами лица и нерѣшительной, колеблющейся походкой молодой человѣкъ. Тетка съ нѣжностью обняла его на прощанье и сквозь слезы поглядѣвъ на него съ безнадежностью, не могла удержаться, чтобы не сказать:

— Ахъ, мой бѣдный мальчикъ! ты не можешь разсчитывать, что будешь особенно счастливъ въ жизни.

Черезъ шесть мѣсяцевъ Жакъ заболѣлъ гнилой лихорадкой, и маркиза немедленно поѣхала провѣдать его. Она не узнала прежняго тщедушнаго мальчика въ этомъ блѣдномъ, высокомъ юношѣ, съ установившимися и почти правильными чертами лица, поднявшемся ей на встрѣчу. И когда молодой человѣкъ прижался къ ней, охвативъ ея шею своими большими, сильными и нервными руками, покрывая ея щеки звонкими поцѣлуями, въ первый разъ поняла она, что не можетъ уже болѣе быть матерью этому взрослому юношѣ, несмотря на ея протесты продолжавшему душить ее въ своихъ объятіяхъ. Жакъ возвратился изъ полка солиднымъ, сильнымъ мужчиной. Наоборотъ, Сусанна, бывшая уже шесть мѣсяцевъ замужемъ, казалась теперь, по сравненію съ нимъ, блѣдной и тщедушной. Полная и свѣжая какъ яблочко дѣвушка превратилась въ вялую и нервную женщину.

Г-жа де-Гюре не могла наглядѣться на своего племянника и не помнила себя отъ радости, что видитъ его если не красавцемъ, въ полномъ смыслѣ этого слова (она терпѣть не могла такъ-называемыхъ „красавцевъ-мужчинъ"), но полнымъ силы и здоровья, рослымъ, атлетически сложеннымъ юношей.

Жакъ сталъ вести „подвижную", какъ онъ выражался, жизнь и въ два года просадилъ двѣ трети своего состоянія. Онъ любилъ все прекрасное, рѣдкое и дорогое—женщинъ, лошадей, наслажденіе искусствомъ, тратилъ безъ счету, и если, наконецъ, угомонился, то не потому, что испугался перспективы окончательнаго разоренія, но просто въ силу пресыщенія и сознанія, что жизнь, которую онъ велъ, по существу безполезна и пуста. Итакъ, въ одинъ прекрасный день онъ объявилъ дядѣ и теткѣ, что онъ до сихъ поръ тратилъ время, силы и деньги на пустяки, но теперь намѣренъ остепениться и для начала предполагаетъ совершить путешествіе, а затѣмъ выберетъ себѣ дѣло по вкусу.

Маркиза вполнѣ одобрила его благое намѣреніе. Въ силу своего независимаго характера и присущей ей серьезности, маркиза относилась весьма критически къ такъ-называемой „свѣт-

свости", и считала, что Жакъ достоинъ лучшей участи, чѣмъ эта узко-эгоистическая жизнь свѣтскаго эпикурейца.

Но когда онъ уѣхалъ и полный теплоты и радости голосъ этого большого ребенка не раздавался болѣе ни въ просторныхъ покояхъ стараго городского отеля, ни „Подъ буками", она почувствовала томительную пустоту и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, несмотря на всѣ усилія, не могла побѣдить удивлявшую ее самоё мучительную тоску.

Ей тогда было тридцать-три года, и она находилась въ полномъ расцвѣтѣ силъ и красоты. За ней волочились, ухаживали, но г-жа де-Гюре со спокойнымъ достоинствомъ умѣла ограничивать всѣ притязанія и притомъ такъ, что почти всегда сохраняла въ качествѣ друзей тѣхъ, которые разсчитывали на нѣчто большее.

И все это время постоянно мысль ея была съ отсутствовавшимъ, и лишь въ тѣ часы, когда она держала въ рукахъ покрытое штемпелями самыхъ удивительныхъ городовъ письмо, извѣщавшее ее о далекомъ путешественникѣ, лишь въ эти часы она испытывала искреннюю радость. Пропутешествовавъ три года, Жакъ однажды вечеромъ, безъ всякаго предупрежденія, какъ снѣгъ на голову, нагрянулъ „Подъ буки".

За эти года, проведенные въ убійственномъ тропическомъ климатѣ, онъ совершенно измѣнился. Загаръ, покрывавшій его лицо, и которому уже не суждено было сойти, дѣлалъ его годовъ на десять старѣе своихъ лѣтъ. И передавая его въ руки своей жены, блѣдной, пораженной, съ дрожащими губами, маркизъ вскричалъ:

— Чортъ побери, что̀ такое съ тобою тамъ сдѣлали? Ты теперь годишься въ дяди своей теткѣ!

И странно—это восклицаніе глубоко взволновало маркизу; она вся покраснѣла, когда отъ всего сердца Жакъ обнялъ ее, и должна была согласиться, не безъ тайнаго удовольствія, за которое сейчасъ же упрекнула себя, что онъ дѣйствительно казался гораздо старше ея. Съ этихъ поръ Жакъ почти не разлучался со своей теткой и дядей. Онъ, какъ и всѣ молодые люди хорошаго происхожденія, отличался скромностью и тактомъ, и потому никогда не избиралъ г-жу де-Гюре конфидентомъ своихъ похожденій. Съ своей стороны, она нерѣдко слышала отъ свѣтскихъ сплетницъ о томъ, съ кѣмъ онъ путается, но никогда ничего не говорила ему. Если теперь онъ, рыдая, открылъ ей, что любитъ Сусанну, любовь его дѣйствительно, значитъ, глубокая, истинная. Это было не уже обыкновенное увлеченіе молодого человѣка. Жаку уже тридцать-два года! И въ тайникѣ своей души г-жа

де-Гюре сознавала, что лгала, когда сказала племяннику: „Сусанна тебя не любитъ?.. Тѣмъ лучше!“—Нѣтъ! она сама страдала, видя его страдающимъ! О, она, не задумываясь, отдала бы свою жизнь, чтобы прекратить его терзанія,—и ничего-то, какъ есть ничего, не можетъ она тутъ подѣлать, даже утѣшить его не можетъ, какъ утѣшаетъ мать любимое дитя,—не можетъ потому, что хорошо помнитъ, какъ содрогнулось все въ ней, когда онъ, прижавшись къ ея груди, заплакалъ,—потому что она понимаетъ, что сама любитъ его! Она болѣе не можетъ себя обманывать, но другихъ и особенно его самого она должна обманывать, должна похоронить свою тайну глубоко въ себѣ и на вѣки.

Въ то время, какъ эти мысли вихремъ проходили въ головѣ ея, маркиза увидѣла силуэтъ Жака, мелькнувшій на стеклѣ, и съ нимъ другой, въ которомъ она узнала своего мужа.

Вслѣдъ за тѣмъ молодой человѣкъ вышелъ, скрываясь въ тѣни террасы и крикнулъ дядѣ:

— Она должна быть тамъ... Я пойду ее поищу!

Маркиза поняла, что это ее ищутъ. Дѣйствительно, Жакъ остановился у входа въ аллею и позвалъ:

— Тетя Шарлотта!

Безотчетный страхъ наполнилъ ея сердце,—страхъ остаться хотя минуту наединѣ съ Жакомъ. Она боялась его, боялась мрака этой ночи, боялась всего болѣе самой себя, и, подобравъ рукою свое платье, она пустилась бѣгомъ по длинной аллеѣ и бѣжала до тѣхъ поръ, пока не принуждена была остановиться, чтобы перевести духъ.

„Онъ не станетъ меня искать такъ далеко“,—подумала она.

Здѣсь она еще долго оставалась, предаваясь своимъ мечтамъ, пока стукъ отъѣзжающей по дорогѣ въ Нанси кареты не вывелъ ее изъ задумчивости.

— Начинаютъ разъѣзжаться,—пробормотала она:—мнѣ надо возвратиться.

V.

— Должно быть это очень интересная книга, что ты со вчерашняго дня не можешь отъ нея оторваться,—сказалъ г-нъ Миръ, закуривая свою трубку:—не успѣли мы встать изъ-за стола, какъ ты опять въ нее уткнулась.

Сусанна, собиравшаяся открыть книгу въ желтой обложкѣ, отвѣчала протянувшись на длинномъ креслѣ:

— Это „Les trois Coeurs“, Эдуарда Ро.

Инженеръ надулъ щеки и, выпустивъ цѣлое облако табачнаго дыма, спросилъ:

— Это что-нибудь забавное?..

— Нѣтъ, совсѣмъ въ другомъ родѣ,—отвѣчала молодая женщина, погружаясь въ чтеніе.

— А что же дѣти сюда не придутъ?—спросилъ опять мужъ.

— Они такъ шумѣли, что я ихъ отослала наверхъ. У меня голова трещитъ.

— А меня такъ ихъ крикъ нимало не безпокоитъ! Я такъ привыкъ послѣ завтрака смотрѣть, какъ они играютъ.

И говоря это, инженеръ поднялся.

— Ты уходишь?—спросила Сусанна.

— Да.

— Ты что-то часто сталъ за послѣднее время уходить изъ дома.

— Боже мой, у меня столько дѣловыхъ визитовъ!..

— Дѣловые визиты... Неужели?..

— Не думаешь ли ты,—забезпокоился инженеръ,—что я на свиданія хожу?..

— Какъ сказать... Во всякомъ случаѣ, не по дѣламъ. Однимъ словомъ, я знаю все отлично, повѣрь мнѣ!..

— Что же ты знаешь?—видимо взволновался мужъ:—ну, скажи, что̀ ты знаешь?..

— Съ удовольствіемъ... У тебя есть любовница!..

— У меня?..

— О, не представляйся, пожалуйста, удивленнымъ—я все знаю! знаю даже кто она, мнѣ говорили...

Г-нъ Миръ вскричалъ съ выраженіемъ негодованія, на какое только хватило его искусства притворяться.

— Это подлая ложь!

Потомъ, поколебавшись съ секунду:

— Мнѣ было бы очень любопытно знать,—сказалъ онъ,—имя этой моей любовницы! Кто она?

— Одна изъ „этихъ“ особъ, безъ сомнѣнія. Впрочемъ, имени ея мнѣ не называли.

— „Слава Богу, она ничего не знаетъ!“—про себя сказалъ мужъ, убѣдившись, что Сусанна не подозрѣваетъ истины.

Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Хотѣлъ бы я знать имя того господина, который вамъ это сообщилъ...

Сусанна поспѣшно отвѣчала:

— Мнѣ не господинъ это сообщилъ!

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь! Ни одинъ мужчина не можетъ быть настолько низокъ, чтобы передать такую грязную сплетню...

Видя, что онъ собирается уходить, Сусанна положила книгу на колѣни и сказала гнѣвно:

— Ступайте къ ней!.. Ступайте!.. Не стѣсняйтесь!..

Г-нъ Миръ, взявшійся уже было за ручку двери, повернулся къ ней.

— Повторяю тебѣ, моя милая, что вся эта исторія—чистѣйшій вздоръ, и ты не должна вѣрить въ ней ни одному слову!.. Вѣрнѣе всего, что у тебя разстроены нервы, или просто ты не знаешь, какъ убить время, пока кто-нибудь не явится съ визитомъ—вотъ и придумываешь себѣ развлеченіе.

— Ступайте же! Не заставляйте ее ждать васъ!

Выведенный изъ себя, инженеръ вернулся и, ставъ передъ своею женой, сказалъ, немного возвышая голосъ:

— По истинѣ, Сусанна, ты хочешь меня вывести изъ терпѣнія! Еще разъ повторяю: все, что̀ тебѣ наговорили про меня, ложь... да, ложь!.. Но еслибы даже это и было правдой, мнѣ кажется, что ты менѣе, чѣмъ кто бы то ни было, имѣешь право упрекать меня!

И видя, что она слушаетъ съ насмѣшливой, вызывающей улыбкой, онъ вскричалъ:

— Подумай, видано ли еще такое супружество, какъ наше? Супружество, въ которомъ роль мужа ограничивается почтительнымъ обожаніемъ и лицезрѣніемъ супруги издалека?..

— Что-жъ тутъ такого,—отвѣчала Сусанна:—я думаю, что много есть мужей, которые находятся въ такомъ же положеніи, какъ и ты!

— Въ такомъ случаѣ, ты не имѣешь права меня упрекать. Должна предоставить мнѣ свободу.

— Не всѣ же мужчины живутъ какъ скоты!

— Какъ скоты!—вскричалъ г-нъ Миръ, задыхаясь.—Какъ скоты!.. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Ты думаешь, что человѣка моихъ лѣтъ можно ставить въ такое положеніе... То ты больна, то у тебя умеръ другъ, то просто погода дурная—и ты въ меланхоліи. Но, однако, позвольте!..

— Что-жъ дѣлать!—сказала, смѣясь, жена.

— Будь спокойна... Но только не воображай пожалуйста, что въ сорокъ лѣтъ я могу жить монахомъ! Я не могу!.. не могу!.. не могу, чортъ побери!

И онъ шумно вышелъ изъ комнаты. Сусанна поднялась и

сдѣлала-было движеніе побѣжать за нимъ и остановить; лицо ея нѣсколько мгновеній выражало нерѣшительность и тоску, но, подумавъ, она успокоилась и снова сѣла:

— Ба!—сказала она сама себѣ:—рано или поздно, но все придетъ къ одному!

И, откинувшись на спинку отлогаго кресла, она открыла книгу на той страницѣ, на которой остановилась наканунѣ.

— Ганюжъ правъ,—думала она:—я нахожусь въ особенномъ душевномъ состояніи!

Тамъ, въ глубинѣ сердца, гдѣ-то далеко, она не могла не чувствовать, что затѣяла нѣчто, не обѣщающее хорошаго конца, но что дѣлать? Развѣ она виновата, если больше не любитъ своего мужа? Несомнѣнно, ея бѣдный Поль—человѣкъ достойный, образованный, но какой толстый, грубый и банальный!.. Вѣчно занятъ своими мостами, дорогами, совершенно равнодушенъ къ высшимъ вопросамъ и ни капельки не сантименталенъ.

Ихъ простая, обыкновенная любовь, безъ всякихъ фразъ и позъ, казалась ей теперь такой пошлой; она мечтала объ иной любви, которая вся состояла бы изъ платоническихъ воздыханій и фразъ, а все остальное чтобы въ ней не играло никакой роли. Когда Жакъ де-Гюре цѣловалъ ее, она не потеряла самообладанія, осталась совершенно холодной, тогда какъ сантиментальные разговоры съ Ганюжемъ приводили ее въ нервное, угнетенное состояніе, наполняли смутными, влекущими желаніями. А главное, чего она страшилась—это что у нея будетъ еще ребенокъ.

И такъ послѣ рожденія ея второй дѣвочки у нея испортилось два зуба; новая же беременность грозила и ея таліи, и волосамъ. Она дрожала за свою красоту, не допуская, чтобы потерявшая привлекательность молодости женщина могла нравиться и полагая весь смыслъ своего существованія въ томъ, чтобы нравиться.

Глубоко убѣжденная въ неотразимости своего очарованія, зная, какъ ее любитъ и обожаетъ мужъ, Сусанна была вполнѣ спокойна, и ей въ голову не приходило, что онъ можетъ—разъ она сдѣлалась для него недоступной—искать на сторонѣ того, чего не находилъ дома. Когда, нѣсколько дней тому назадъ, Ганюжъ сказалъ ей, что г-нъ Миръ имѣетъ любовницу, она была поражена и сначала не хотѣла вѣрить.

Первымъ движеніемъ ея было немедленно спросить обо всемъ мужа, но молодой декадентъ отсовѣтовалъ ей это; а такъ какъ она въ послѣднее время находилась подъ сильнымъ его вліяніемъ, если не въ полномъ подчиненіи, то и воздержалась. Ганюжъ,

казалось, былъ въ отчаяніи, что причинилъ ей огорченіе, выдавъ тайну ея мужа. Но онъ полагалъ, что ей давно все извѣстно! О, онъ никогда не проститъ себѣ, что такъ некстати проболтался! Но развѣ есть мужья, которые вели бы себя иначе? О, онъ понимаетъ, какъ тяжело ей, съ ея тонкой, возвышенной натурой, наталкиваться на подобныя вещи! Она кажется ему предназначенной къ болѣе высокой цѣли, чѣмъ быть самкой, насѣдкой, рабой и наложницей грубаго, ограниченнаго человѣка! Есть любовь болѣе высокая, чувство болѣе тонкое, и т. д., и т. д., и т. д.

И Сусанна, сравнивая свою стройную, изящную фигуру съ неуклюжей, медвѣжьей фигурой толстаго инженера, приходила къ заключенію, что молодой человѣкъ говоритъ правду.

Со времени своего пріѣзда въ Нанси, постоянно встрѣчаясь съ Сусанной, Ганюжъ держался обычной въ такихъ случаяхъ тактики. Сперва, обѣдая съ нею у Дюкло, онъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія; потомъ лишь изрѣдка бросалъ на нее разсѣянные взгляды; наконецъ, видимо заинтересовался ею, и скоро лицо его стало выражать восторженное обожаніе; видимо, онъ побѣжденъ ею, но борется и возмущается этимъ игомъ; по его словамъ, онъ хотѣлъ бѣжать—и... не могъ! Онъ потерялъ власть надъ собою! Ахъ, онъ погибъ! погибъ безвозвратно! Надо сказать, что первое впечатлѣніе, произведенное имъ на Сусанну,—въ чемъ она не могла не сознаться самой себѣ,—было далеко не благопріятно для него. Его напыщенныя рѣчи казались ей странными, дѣланными и непонятными; непріятно поражалъ ее и шутовской нарядъ Ганюжа. Но когда она замѣтила, что всѣ относятся съ презрѣніемъ къ этому „высокообразованному" человѣку—въ послѣднемъ она искренно была убѣждена—она почувствовала къ нему уваженіе, какъ къ непонятому ничтожной толпой, и это уваженіе перешло въ обожаніе, когда она убѣдилась, что побѣдила своею красотой это существо съ высшей организаціей, столь непохожее на всѣхъ окружавшихъ ее простыхъ смертныхъ.

Его любовь возвышала ее въ собственныхъ глазахъ. Она наслаждалась сознаніемъ, что этотъ высокій, вѣчно печальный умъ, это сердце, болѣющее міровою скорбью, удостоило ее своей любви, такъ какъ онъ вѣдь любитъ ее! Теперь не могло быть въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія! Онъ ее любитъ, и не обыкновенною, грубою, чувственною любовью, которой она теперь такъ боялась, но любовью чистой, высокой, мистической, выражающейся единственно въ общеніи душъ.

Пробило три часа. Сусанна, отложивъ книгу, стала проха-

живаться по комнатѣ. Ганюжъ обѣщалъ быть именно въ этотъ часъ. Она остановилась передъ зеркаломъ и нашла, что сегодня положительно недурно одѣта. Шолковое платье, отдѣланное кружевами, немного парадно, правда. Сознавая свою привлекательность, она затѣмъ прибрала кое-что въ комнатѣ: переложила диванную подушку на другое мѣсто, переставила цвѣты, потомъ открыла окно, сѣла на край его и принялась смотрѣть на дорогу, на которой долженъ былъ появиться Ганюжъ.

Замѣтивъ, наконецъ, коричневую шляпу молодого человѣка, шедшаго сзади рѣшетки сада, она перемѣнила свою небрежную позу на болѣе изящную и, оставаясь въ окнѣ, окруженная, какъ рамой, гирляндами вьющихся растеній, ждала недвижная, сознавая, что очень мила среди цвѣтовъ и зелени, и желая, чтобы Ганюжъ, войдя въ садъ, замѣтилъ ее въ такой обстановкѣ.

Онъ же еще издалека запримѣтилъ въ окнѣ Сусанну и сейчасъ же перемѣнилъ равнодушное выраженіе своего лица на задумчивое и мечтательное. Онъ шелъ, высоко поднявъ голову, съ остановившимся, какъ будто созерцающимъ какое-то видѣніе, взглядомъ, съ выраженіемъ страданія въ крѣпко сжатыхъ губахъ. Казалось, какая-то одна ужасная мысль поглотила все его существо.

Наивная Сусанна, не подозрѣвая, что это только поза, нарочно принятая имъ, хотя сама только-что продѣлала аналогичный маневръ, чтобы показаться въ лучшемъ свѣтѣ, почувствовала къ нему глубокую жалость.

„Какъ онъ страдаетъ!“—подумала она.

И въ ту минуту, когда молодой человѣкъ отворилъ калитку и медленно пошелъ по садовой дорожкѣ, она сорвала большой голубой цвѣтокъ и бросила имъ въ него, крикнувъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ:

— Bonjour!

Онъ вздрогнулъ и, казалось, выведенный изъ какого-то ужаснаго оцѣпенѣнія, отвѣчалъ патетическимъ тономъ, составлявшимъ необыкновенно комичный контрастъ съ незначительностью произносимыхъ словъ:

— Bonjour, madame!.. Какъ ваше здоровье?—Затѣмъ, наклонившись, онъ поднялъ упавшій къ его ногамъ цвѣтокъ, сдулъ съ него пыль, поцѣловалъ и отправилъ его въ карманъ своего бархатнаго пиджака. Затѣмъ тѣмъ же медленнымъ шагомъ вошелъ въ домъ. Слуга, отворившій дверь, провелъ его въ гостиную. Сусанна ждала его стоя, прислонившись къ косяку окна. Протянувъ ему руку, которую онъ мягко пожалъ, она пригласила его садиться.

Прежде всего онъ началъ говорить о самомъ себѣ:

— Неужели я не найду въ себѣ достаточно мужества, чтобы бѣжать, вмѣсто того, чтобы приходить сюда! Я могу думать только о васъ! Не могу работать! Мои друзья по возбужденному тону моихъ писемъ поняли, въ какомъ я состояніи,—поняли, что мною овладѣла безумная страсть, и заклинаютъ меня вернуться въ Парижъ...

— И какъ же вы намѣрены поступить?—спросила съ тревогою Сусанна.

Онъ замѣтилъ ея безпокойство и печально отвѣчалъ:

— Какъ я намѣренъ поступить? Я думаю послушаться ихъ совѣта... Теперь я страдаю...

— Но,—спросила она,—почему же вы здѣсь страдаете?

— Почему я страдаю?..—вскричалъ онъ трагическимъ голосомъ:—это зависитъ отъ тысячи разнообразныхъ причинъ! Я страдаю потому, что живу въ такую безцвѣтную, ничтожную эпоху; страдаю, видя, какъ разъѣдающій анализъ моего разсудка гаситъ пламя моей воли. Я страдаю, ибо не могу болѣе думать безъ тайной горечи объ окружающей меня дѣйствительности!..

Онъ вскочилъ и сталъ расхаживать большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

Сусанна робко спросила его:

— Ну, а въ Парижѣ... Тамъ уже вы не будете страдать?

Онъ вдругъ залился визгливымъ смѣхомъ.

— Если всѣ эти причины и останутся на-лицо, то все же мнѣ будетъ легче... Вы не станете болѣе меня мучить!

— Я?—удивилась Сусанна.

Она не понимала, какъ онъ можетъ на нее жаловаться; она не отказывала ему въ сочувствіи, тѣмъ болѣе, что онъ и не просилъ его у нея. Тѣмъ не менѣе, ее опечалило, что она, противъ своей воли, заставила его страдать.

— Я васъ мучаю? Вы страдаете изъ-за меня?—повторяла она.

— Ахъ, неужели же вы этого не видите? Я ужъ вамъ сказалъ, что ни о чемъ не могу думать и любовь подчинила меня всего... И уже ничто болѣе не манитъ меня съ того дня, какъ я васъ встрѣтилъ. Что̀ могу я сказать? какъ могу объяснить вамъ возвышенность того влеченія, которое я испытываю къ вамъ? Не говорю: вами самой,—буду ли я когда-нибудь владѣть, хотя вашими мыслями? Тогда какъ я и во снѣ, и на яву мечтаю лишь о васъ, съ сердцемъ, переполненнымъ страстью, вы предпочитаете мнѣ толпу пошлыхъ угодниковъ, наглыхъ хлыщей, составляющихъ вашъ придворный штатъ!..

— Ахъ, нѣтъ!—возразила Сусанна послѣ нѣкотораго колебанія:—вы ошибаетесь. Всѣ эти молодые люди вовсе не составляютъ моего двора, какъ вы называете,—это просто знакомые, мои кавалеры на балахъ, какъ напр. Монтрё, или друзья дѣтства, какъ Жакъ.

— Это вы Гюре называете „Жакомъ"?—съ горечью спросилъ Ганюжъ.

— Да,—отвѣчала она, немного смущенная.

— А онъ васъ, вѣроятно, зоветъ Сусанной?

— Да, конечно.

— Какъ это трогательно!..

— Боже мой, это такъ естественно. Мнѣ было десять лѣтъ, когда я узнала Жака, тогда двѣнадцати-лѣтняго мальчика.

— И вы меня будете увѣрять, что Гюре за вами не ухаживаетъ? Такой извѣстный волокита, у котораго и въ головѣ-то ничего нѣтъ, кромѣ интрижекъ!..

Г-жа Миръ покраснѣла. Она вспомнила сцену въ паркѣ.

Ганюжъ замѣтилъ это и еще болѣе утвердился въ своихъ подозрѣніяхъ. Онъ боялся Жака, какъ своего конкуррента и друга Сусанны.

— Я очень люблю Жака Гюре!—продолжалъ онъ:—это милый, добрый малый, но слишко легкомысленный и пустой. А главное, это человѣкъ мускуловъ, не нервовъ. Поэтому онъ совершенно невоспріимчивъ къ иллюзіямъ высшаго порядка, къ тонкимъ, духовнымъ впечатлѣніямъ. Я постоянно встрѣчаю его въ Парижѣ въ сомнительной средѣ, которой онъ служилъ лучшимъ украшеніемъ.

— Я знаю... знаю...

— Какъ! онъ вамъ объ этомъ говорилъ?

— Онъ говорилъ, что встрѣчалъ васъ нѣсколько разъ въ одномъ избранномъ кружкѣ, гдѣ...

— Да... и тамъ тоже!—нетерпѣливо прервалъ молодой человѣкъ, и опасаясь, что Жакъ уже представилъ въ смѣшномъ видѣ вышеозначенный „кружокъ", онъ на всякій случай прибавилъ:

— Я подозрѣваю, что посѣщенія нашихъ литературныхъ собраній доставили ему не много удовольствія,—и знаете почему?

— Нѣтъ, не знаю.

— Между нами будь сказано, я думаю, онъ нашелъ, что имъ недостаточно занимаются и восхищаются.

Для того, кто зналъ, какъ Сусанна, необыкновенную скромность Жака, сразу выказывалась несообразность обвиненія.

— Вы ошибаетесь!—съ жаромъ вскричала она:—Жакъ не такой человѣкъ, чтобы желать играть роль и выдвигаться.

Ганюжъ принялъ ущемленно-наставительный видъ и отвѣчалъ:

— Позвольте мнѣ думать, что я знаю Жака де-Гюре такъ же хорошо, какъ вы самоё себя. Я съ нимъ такъ же *интимно* знакомъ, какъ и вы!

То, какъ онъ произнесъ это слово „интимно", не понравилось молодой женщинѣ; она отвѣчала:

— Я знаю давно Жака, и мы всегда были очень близки другъ къ другу; это лучшій изъ моихъ друзей.

Ганюжъ при послѣднихъ словахъ ея возвелъ глаза къ небу.

— Лучшій изъ вашихъ друзей! Но понимаете ли вы хоть значеніе этого великаго слова „другъ"? Одинъ звукъ этого сладкаго наименованія будитъ въ душѣ таинственные отголоски самыхъ высокихъ, самыхъ рѣдкихъ чувствованій! Постойте, я дамъ вамъ прочесть письмо моего друга Луи Томаса, котораго я тоже могу назвать лучшимъ изъ своихъ друзей! Вы, быть можетъ, поймете тогда, что̀ такое дружба въ истинномъ смыслѣ этого слова, связывающая существа, воплощающія въ себѣ высшую духовность!

И онъ принялся рыться въ оттопыренномъ карманѣ своего пиджака. Коробочка съ папиросами, очки, записная книжка, цвѣтокъ, брошенный ему Сусанной, появлялись попеременно; наконецъ, онъ вытащилъ нѣсколько исписанныхъ листковъ, пересмотрѣлъ ихъ и протянулъ одинъ, смятый и измаранный, молодой женщинѣ:

— Хотите, мы вмѣстѣ его прочтемъ?

И, не дожидаясь ея отвѣта, онъ подсѣлъ къ ней и фамильярно обнялъ одной рукой, въ другой держа передъ ея глазами письмо.

Она инстинктивно сдѣлала движеніе, чтобы отстраниться, но такое легкое, что онъ его не замѣтилъ и спокойно началъ чтеніе:

„Мой милый геній!

„Благодарю за твое нѣжное письмо; благодарю и за то, что ты далъ возможность побыть вблизи твоего сердца, подслушать его біенія, но въ то же время мы всѣ безпокоимся о тебѣ, болѣе—мы въ отчаяніи! Такого друга, какъ ты, тяжело уступать кому бы то ни было. Мы тебя ревнуемъ! мы хотимъ одни владѣть тобою! О, возвратись, забудь! Бѣги отъ этой безнадежной страсти, которая засосала твое „я", которая тебя пожретъ, если ты не спохватишься во̀-время!"

Молодая женщина сдѣлала движеніе, и Ганюжъ поспѣшилъ ее успокоить:

— Не бойтесь, я не исповѣдовалъ имъ своей страсти до конца, не называлъ имя той, которая мнѣ ее внушила!..

Между тѣмъ какъ онъ говорилъ, г-жа Миръ машинально разсматривала его руку, державшую письмо—нѣжную, пухлую, съ глянцовитой кожей, съ продолговатыми и довольно грязными ногтями; онъ продолжалъ:

„Неужели ты, отъ котораго мы ожидаемъ такъ много, неужели ты сойдешь съ избраннаго пути? Кончай свое вдохновенное „la Raréfaction vibratile du moi“ и спѣши съ нимъ въ объятія тѣхъ, которые тебя любятъ и удивляются тебѣ!

„Мы обнимаемъ тебя и жарко прижимаемъ къ нашимъ сердцамъ! Здѣсь подъ этими точками подразумѣвай поцѣлуй... Я надѣюсь вскорѣ уже инымъ образомъ получить его обратно...

„Весь твой

„Луи.

„Ты возвратишься?..“

Когда чтеніе письма было окончено, Ганюжъ съ торжествомъ вопросительно посмотрѣлъ на Сусанну, видимо избѣгавшую его взгляда.

Она затруднялась высказать свое мнѣніе объ этомъ странномъ письмѣ, приторныя нѣжности котораго возбуждали въ ней чувство неловкости; съ другой стороны, она не могла не признать, что если вѣрить этому письму, то Ганюжъ имѣлъ друзей, дѣйствительно безумно любившихъ его.

Такъ какъ она молчала, то Ганюжъ спросилъ:

— Не правда ли, было бы безбожно послѣ такого письма не послѣдовать совѣту моихъ друзей?

— Да,—отвѣчала она, но въ голосѣ ея не слышно было убѣжденія.

Ей было тяжело и непріятно думать, что онъ уѣдетъ. Она, конечно, еще не любила по настоящему, но, во всякомъ случаѣ, Ганюжъ производилъ на нее сильное впечатлѣніе и внушалъ новыя, еще незнакомыя и сложныя чувства.

Нравиться человѣку, котораго она почитала существомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, само по себѣ уже льстило ея самолюбію, но, кромѣ того, ей хотѣлось прогнать то облако безнадежной печали, которое постоянно омрачало черты этого человѣка; она заставитъ его улыбаться, заставитъ благословлять свое существованіе, которое онъ доселѣ проклиналъ! Въ жалости къ нему Сусанна обрѣтала особое, вполнѣ реальное удовольствіе.

И ея жизнь, до сихъ поръ пустая и вялая, наполнилась и пріобрѣла новый интересъ. Дни летѣли незамѣтно. Она постоянно думала о своемъ Ганюжѣ, изобрѣтая тысячи предлоговъ, чтобы встрѣчаться съ нимъ, устроивая вечера, прогулки, наряжаясь для него.

— Итакъ, вы намѣрены уѣхать въ Парижъ,—спросила она, наконецъ,—черезъ нѣсколько дней?

— Но я еще думаю совершить нѣсколько прогулокъ по лѣсу. Гортензія перебирается въ свой деревенскій домъ.

— Но вѣдь это очень далеко отсюда!

— Да, но я купилъ лошадь, и, если вы мнѣ позволите, я каждый день буду пріѣзжать къ вамъ?

— Конечно, я вамъ это охотно позволю!—отвѣчала Сусанна, не замѣчая, что покупка лошади мало согласовалась съ проектомъ отъѣзда въ Парижъ.

Дверь гостиной отворилась; Сусанна мгновенно отодвинулась отъ Ганюжа,—но это слуга принесъ чай. Когда онъ удалился, молодой человѣкъ снова придвинулся къ ней.

— Кажется, могъ бы этотъ лакей постучаться, прежде чѣмъ войти!—сказалъ онъ ворчливымъ тономъ.

— Постучаться? Въ дверь гостиной? Но этого никогда не дѣлается!—отвѣчала Сусанна съ удивленіемъ. Подобнаго рода странныя выходки Ганюжа, по большей части по поводу мелочей, всегда заставляли ее всматриваться въ него съ удивленіемъ и спрашивать себя: въ какомъ кругу онъ вращался, что не знаетъ самыхъ обыденныхъ вещей? Но всякій разъ она себя успокаивала тѣмъ, что поэты и мечтатели всегда отличаются отъ обыкновенныхъ людей, кажутся странными и неловкими, предоставляя другимъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ высшихъ интересовъ, заботиться о внѣшности. Она старалась не замѣчать вычурности костюма, длинныхъ волосъ и дурныхъ манеръ своего декадента.

Если же ужъ никакъ нельзя было не обратить вниманія на сомнительность его бѣлья и грязные ногти, она утѣшала себя такимъ разсужденіемъ: „Что-жъ, это только доказываетъ, что онъ работаетъ, вмѣсто того, чтобы все свое время проводить за туалетомъ, какъ дѣлаютъ это другіе“.

Она искренно вѣрила, когда Ганюжъ говорилъ ей о „своихъ работахъ“, что онъ даетъ послѣднюю отдѣлку сочиненію, которое должно покрыть его имя славой. Она, правда, и отдаленно представить себѣ не могла, что это за произведеніе, и даже не смѣла произнести его заглавіе, боясь его перековеркать. Еслибы она увидала, какъ „работаетъ“ этотъ господинъ, котораго она

про себя называла „мой поэтъ“, она сильно бы разочаровалась. Вся его работа заключалась въ томъ, что онъ курилъ безъ перерыва папиросу за папиросой, то дома, валяясь на постели, то болтая съ пріятелями въ пивной или въ какомъ-нибудь кафé.

— Каждый разъ, что этотъ дуралей отворяетъ дверь, я думаю, что это вашъ мужъ!—продолжалъ Ганюжъ, видимо струсившій и все еще не могшій успокоиться послѣ ложной тревоги.

— Мужа нѣтъ дома,—отвѣчала Сусанна. Вспомнивъ о своемъ мужѣ, котораго она все-таки любила въ силу привычки, она почувствовала сожалѣніе, что такъ сурово обошлась съ нимъ передъ приходомъ Ганюжа.

— Скажите, то, что̀ вы передавали о немъ, дѣйствительно вѣрно?—спросила она.

— Что̀ именно?

Она отвѣчала немного взволнованнымъ голосомъ:

— Что онъ меня обманываетъ?

Ганюжъ сморщилъ брови.

— Я очень жалѣю, что такъ опрометчиво вывелъ васъ изъ счастливаго невѣденія, но,—заключилъ онъ, принявъ торжественный видъ,—клянусь вамъ, я говорилъ правду!

— Назовите же мнѣ фамилію возлюбленной моего мужа!..

— Я не могу вамъ этого сказать, положительно не могу,—поспѣшно отвѣчалъ Ганюжъ.

— Потому, что вы не знаете, какъ ее зовутъ.

— Знаю, но считаю безчестнымъ назвать вамъ эту госпожу.

— Какъ!—вскричала удивленная Сусанна:—такъ это „госпожа“?!

Онъ понялъ, что сказалъ глупость, и поспѣшилъ поправиться.

— Ну, да, если хотите, то можно назвать ее и „госпожой“... это не болѣе, какъ „manière de parler“.

— Скажите же мнѣ ея имя!

Она нѣсколько разъ повторила свою просьбу умоляющимъ, почти льстивымъ голосомъ:

— Скажите мнѣ, я васъ прошу!

— Менѣе, чѣмъ кто бы то ни было, я имѣю право вамъ это сказать!..

И такъ какъ онъ опять испугался, не сказалъ ли слишкомъ много, то прибавилъ:

— Вы понимаете, мое положеніе относительно вашего мужа такое деликатное, что я вынужденъ быть крайне осмотрительнымъ.

Онъ умолкъ, услышавъ громъ колесъ подъѣзжающей кареты. Она остановилась у рѣшетки сада.

— Ну, къ вамъ кто-то съ визитомъ. Какая досада!

И заглянувъ въ окно, онъ вскричалъ съ выраженіемъ крайняго неудовольствія:

— Г-жа де-Гюре!.. Этой еще недоставало!..

Онъ сталъ искать свою шляпу. Сусанна очень огорчилась тѣмъ, что онъ уходитъ, и просила его остаться, но Ганюжъ отвѣчалъ:

— Я не люблю вашу крестную и предпочитаю удалиться!

Въ эту минуту вошла маркиза. Она съ перваго взгляда поняла, что явилась не вѣ-время и некстати, нарушая пріятный tête-à-tête молодыхъ людей.

— Я къ тебѣ на минутку,—сказала она Сусаннѣ.

Потомъ, повернувшись къ Ганюжу, сказала ему ласково, сохраняя свой обычный добродушно-грубоватый тонъ:

— М-г Ганюжъ, я должна сказать нѣсколько словъ Сусаннѣ и прошу васъ, какъ ея друга, безъ церемоній, пойти въ садъ и выкурить папироску. Всего нѣсколько минутъ, и потомъ вы можете продолжать прерванную бесѣду.

Онъ поклонился и вышелъ.

— Чтò же вы хотите мнѣ сказать, крестная?—спросила Сусанна, видимо заинтересованная.

— Ничего! Я только хотѣла пригласить тебя къ намъ обѣдать въ четвергъ; а такъ какъ этого господина я не нахожу нужнымъ приглашать, то и предпочла сдѣлать это безъ него. Прощай

— Уже?..

— А что-жъ? Ты на меня поглядѣла и будетъ,—сказала маркиза, смѣясь.

— Я готова пари держать, что вы не хотите остаться изъ-за Ганюжа! Вы его ненавидите.

— Ну, это слишкомъ сильное слово... Я просто не люблю его.

— Я увѣрена, вы ошибаетесь въ немъ. Его такъ любятъ друзья!

Она замѣтила на креслѣ оставленное Ганюжемъ письмо и, взявъ его, продолжала:

— Онъ сейчасъ только-что показывалъ мнѣ вотъ это письмо. Другъ ему пишетъ, проситъ вернуться. Кстати, вѣдь онъ уѣзжаетъ!

— А!—произнесла маркиза съ видимымъ удовольствіемъ.

— Да... Онъ мнѣ прочелъ это письмо. Его другъ, Луи Томасъ, пишетъ ему и съ такою нѣжностью, такъ деликатно. Онъ говоритъ, что это—замѣчательный человѣкъ.

— Ну, ужъ разумѣется!

— Почему же?

— Они всѣ тамъ замѣчательные люди!

— Какъ бы то ни было, — возразила съ досадой молодая женщина, — замѣчательный онъ или нѣтъ, но что онъ любитъ Ганюжа, такъ это вѣрно.

Она разгладила письмо и протянула его маркизѣ, которая, не принимая его, отвѣчала:

— Но вѣдь онъ вовсе не желаетъ, вѣроятно, чтобы я читала его письма!

Сусанна оторопѣла. Маркиза говорила дѣло. Но ей такъ хотѣлось поднять Ганюжа въ ея глазахъ, показать, какъ его любятъ и какъ ему поклоняются друзья. Съ другой стороны, она желала, чтобы маркиза прочла и то мѣсто, гдѣ говорилось о „безнадежной страсти“, и тѣмъ показать, что ей совершенно безразлично, кто это ему внушилъ ее.

Маркиза рѣшилась, наконецъ, прочесть.

— Ухъ!—сдѣлала она, возвращая письмо г-жѣ Миръ.

И такъ какъ молодая женщина видимо съ нетерпѣніемъ ожидала ея мнѣнія, она сказала:

— Неужели ты потеряла всякое чутье, всякій здравый смыслъ, моя милая, что можешь принимать въ серьезъ этотъ вздоръ! Ты говоришь, что это одинъ мужчина написалъ другому? Я тебѣ вѣрю. Но не предупреди ты меня, и я осталась бы въ полной увѣренности, что это письмо отъ какой-нибудь литературной дамы, нервной психопатки! Я, знаешь ли, старый воробей, меня не проведешь! Ну, до свиданія. Кланяйся отъ меня мужу. Къ дѣтишкамъ не стану заходить... поцѣлуй ихъ за меня.

Между тѣмъ какъ Сусанна, нѣсколько смущенная, стояла, вертя измятое письмо въ своихъ бѣлыхъ, хорошенькихъ пальчикахъ и обдумывая все, что съ обычною откровенностью сказала о немъ маркиза, послѣдняя встрѣтилась въ саду съ Ганюжемъ, который поднесъ ей букетъ изъ розъ и проводилъ до кареты.

VI.

Гюре постоянно встрѣчали Ганюжа у Сусанны. Маркизъ кончилъ тѣмъ, что примирился съ необходимостью терпѣть его присутствіе, но г-жа де-Гюре чувствовала, что этотъ худосочный, претенціозный молодой человѣкъ съ каждымъ разомъ становится ей несимпатичнѣе. Она находила и всѣ соглашались съ ней, что его присутствіе въ гостиной Сусанны лишало собранія ея

друзей ихъ прежней веселости и задушевности. Онъ приводилъ въ отчаяніе всѣхъ своими безконечными пессимистическими причитаніями, которыя произносилъ жалостнымъ тономъ, прислонясь къ камину въ необыкновенной позѣ.

Мало-по-малу прежніе посѣтители салона хорошенькой Сусанны испарялись, и только юный Монтрё не измѣнялъ ей, скрѣпя сердце выслушивалъ рацеи „проклятаго декадента", все въ надеждѣ, авось либо хозяйка обратитъ на него свою благосклонность.

Жакъ бывалъ очень рѣдко, и то лишь для того, чтобы предотвратить возникновеніе разныхъ догадокъ и сплетенъ и не слышать при встрѣчѣ отъ г-на Миръ фразы, приводившей его въ отчаяніе:—„Что это васъ больше не видно? Вѣрно у васъ вышло какое-нибудь недоразумѣніе съ моею женой"?

Въ прошломъ году Сусанна также видѣлась гораздо рѣже съ супругами Дюкло и Лемо. Дюкло обычно проводили августъ и сентябрь въ старомъ помѣстьѣ около Томблена, а Лемо на это время поселялись въ виллѣ съ большими претензіями, но довольно безвкусной архитектуры, которую воздвигъ самъ г-нъ Лемо между мѣстечками Шампиньель и Бельфонтенъ. Къ этому году, благодаря пріѣзду Ганюжа, постоянно устроивались разные пикники.

— Бѣдный Гастонъ!—говорила г-жа Лемо жалостнымъ тономъ:—необходимо, чтобы онъ немного разсѣялся!

У нея-то и пожелалъ поселиться братъ, чѣмъ ея сестра Матильда очень огорчилась, разсчитывавшая, что онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ гостить поперемѣнно то у нихъ, то у Лемо. Но Ганюжъ отказался отъ ея гостепріимства: достопочтенный Дюкло наводилъ на него ужасъ. Онъ не щадилъ юнаго декадента и постоянно давалъ щелчки его самолюбію.

Пивоваръ, работавшій какъ волъ всю свою жизнь, не могъ взять въ толкъ, какъ это двадцати-двухъ-лѣтній молодой человѣкъ можетъ проводить время, не трудясь, не охотясь, даже не читая, только куря папироску за папироской и приправляя свои „bocks" безконечными тирадами, которыя пивоваръ весьма непочтительно называлъ философской дребеденью.

Естественно, что Ганюжъ предпочелъ грубому пивовару деликатнаго архитектора Лемо, который ни разу не погладилъ его противъ шерстки.

Поселившись на виллѣ Бельфонтенъ, Ганюжъ объявилъ, что желаетъ завести себѣ лошадь. Высказанное имъ желаніе привело въ ужасъ обѣихъ сестеръ; пивоваръ же вскричалъ:

— Но вѣдь ты не умѣешь ѣздить верхомъ, несчастный!

На это молодой человѣкъ отвѣчалъ со свойственной ему спокойной самонадѣянностью:

— Я научусь. Вѣдь что собственно нужно для того, чтобы хорошо ѣздить верхомъ? Единственно только смѣлость!—И онъ немедленно отправился не покупать лошадь, а нанять ее въ манежѣ на мѣсяцъ. Хозяинъ этого заведенія по первому взгляду опредѣлилъ, къ какой категоріи наѣздниковъ принадлежалъ его новый кліентъ. Онъ далъ ему несчастную старую клячу, уже десять лѣтъ, по крайней мѣрѣ, служившую по мѣрѣ силъ своихъ въ манежѣ и совершенно неспособную проявлять особенную рѣзвость. Какъ бы то ни было, но Ганюжъ скоро понялъ, что для верховой ѣзды одной храбрости далеко не достаточно, а потребно, кромѣ того, и умѣнье.

Первые опыты сопровождались паденіями; по третьему разу Аполлонъ (такъ звали коня) призадумался, понюхалъ воздухъ и, несмотря на то, что Ганюжъ дергалъ изо всей силы поводъ, повернулъ въ ту сторону, гдѣ находилась его прежняя конюшня, и мелкимъ галопомъ направился къ ней.

Лошадь теперь баловали; она стояла по брюхо въ мягкой подстилкѣ, какою, вѣроятно, еще ни разу не пользовалась въ теченіе своего злополучнаго существованія; куски сахара и дынныя корки, которыми ее потчивала г-жа Лемо, желавшая, какъ она говорила, „заставить лошадку полюбить ея брата“, сдѣлали то, что Аполлонъ покорился, наконецъ, необходимости таскать на своей спинѣ неумѣлаго сѣдока, и Ганюжъ могъ, наконецъ, осуществить завѣтную мечту: „поразить“ прекрасныхъ обывательницъ Нанси, такъ какъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что поразитъ ихъ, если появится на площади Станислава въ тотъ часъ дня, когда всѣ онѣ выходятъ сидѣть на балконы; кромѣ того, онъ разсчитывалъ плѣнить и г-жу Миръ, промчавшись мимо ея сада.

Онъ не представлялъ себѣ, какую смѣшную фигуру имѣлъ на своей клячѣ. Однако громкій смѣхъ, сопровождавшій его, когда онъ проѣзжалъ мимо кафé, могъ бы открыть ему глаза на то впечатлѣніе, которое онъ производилъ.

Въ ту минуту, когда онъ выѣзжалъ на улицу св. Екатерины, молодые люди, сидѣвшіе на террасѣ, замѣтивъ его, ломали себѣ голову, стараясь рѣшить вопросъ, кто бы могъ быть этотъ удивительный всадникъ.

Губертъ де-Тренъ, находившійся въ этой компаніи, утверждалъ, что это цыганъ ѣдетъ изъ табора, расположившагося въ окрестностяхъ, на старой лошади, которую онъ видѣлъ бредущей

за фурой съ цыганками, изрѣдка протягивавшей худую шею и меланхолично щипавшей выжженную траву, росшую при дорогѣ.

Но Монтрё узналъ Аполлона и возбудилъ этимъ всеобщую веселость и любопытство. Кто могъ быть этотъ смѣлый человѣкъ, рѣшившійся, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, показаться въ Нанси верхомъ на Аполлонѣ? Эта лошадь составляла предметъ всеобщихъ насмѣшекъ, и даже школьники отказывались брать ее въ манежѣ, не желая, чтобы ихъ подняли на смѣхъ.

Но когда компанія узнала всадника, всеобщей веселости не было предѣла. Ганюжъ гордо прослѣдовалъ мимо кафé, держа въ лѣвой рукѣ поводъ, а правую, вооруженную длиннымъ хлыстомъ, опустивъ вертикально. На немъ была его всегдашняя шляпа съ орлинымъ перомъ и бархатный пиджакъ, а панталоны спрятаны въ высокіе ботфорты.

Привѣтствуя знакомыхъ, онъ въ то же время усиленно сдавливалъ колѣнами бока Аполлона, желая заставить его гарцовать. Но благоразумное животное и не подумало прибавить шагу. Лошадь привыкла не обращать вниманія на разныя глупыя фантазіи своихъ сѣдоковъ и только повела ушами, разбитой рысцой труся мимо хохотавшей молодежи.

Ганюжъ надѣялся вознаградить себя, когда станетъ подъѣзжать къ дому Сусанны. Тамъ нечего было опасаться, что лошадь спотыкнется, такъ какъ дорога была гладка какъ скатерть, не то что проклятая булыжная мостовая. Проѣхавъ желѣзнодорожный мостъ, онъ-таки заставилъ свою клячу идти вскачь, но у самой садовой рѣшотки своенравный Аполлонъ вдругъ сталъ какъ вкопаный, такъ что Ганюжъ чуть не перелетѣлъ черезъ голову лошади, по крайней мѣрѣ клюнулъ носомъ ей между ушами. Бѣдное животное стояло, тяжело дыша, ея старыя ноги тряслись и нижняя губа отвисла. Маленькія дѣти г-жи Миръ замѣтили черезъ рѣшотку подъѣзжающаго молодого человѣка и, выбѣжавъ ему на встрѣчу, заливались своимъ звучнымъ, свѣтлымъ смѣхомъ.

Когда же и мать подошла къ нимъ и, стараясь удержать улыбку, приняла суровый видъ, маленькій Рене закричалъ:

— Что-жъ ты не смѣешься, мама! Смѣйся же! Вѣдь онъ такой смѣшной!

Однако Ганюжъ не унывалъ и принялся парадировать передъ молодой женщиной. Сусанна, на его горе, постоянно вращалась въ средѣ спортсменовъ и понимала толкъ въ верховой ѣздѣ. И несмотря на то, что она едва удерживалась отъ смѣха, ей было

очень горько видѣть въ такомъ комическомъ видѣ того, кого она, какъ ей казалось, любила.

Она надѣялась, что его хоть не видалъ никто, что онъ не показывался въ городѣ, но онъ поспѣшилъ разсѣять ея иллюзіи, сообщивъ о встрѣчѣ съ де-Треномъ, Монтрё и др., которые, конечно, подняли на смѣхъ его костюмъ и посадку.

Ей хотѣлось видѣть Гастона въ обычномъ положеніи, и она просила его слѣзть съ лошади, но онъ желалъ продолжать елико возможно тотъ эффектъ, который, какъ онъ полагалъ, производилъ, сидя на конѣ.

На этотъ разъ въ продолженіе визита молодого человѣка г-жа Миръ выражала ему гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенно, любезности и удивленія. Она разсѣянно слушала его любовныя жалобы и обычныя тирады. Все время онъ оставался, несмотря на просьбы Сусанны, на жевавшемъ отвисшими губами Аполлонѣ, согнувъ туловище, безобразно выставивъ колѣни и сжимая въ рукѣ повода.

Отъѣздъ его былъ не менѣе эффектенъ. Такъ какъ сталъ накрапывать дождь, то Ганюжъ развернулъ длинное драповое зеленое пальто въ видѣ плаща, привязанное къ его сѣдлу ремнемъ; облекшись въ него, онъ одну полу закинулъ на плечо и, махая своею шляпою, поскакалъ галопомъ, къ великой радости ребятишекъ, хлопавшихъ въ ладоши изо всѣхъ силъ.

Сусанна ушла къ себѣ недовольная Ганюжемъ, дѣтьми, а всего болѣе собою. Дурное расположеніе ея духа еще увеличилось, когда она увидѣла своего мужа, шедшаго пѣшкомъ въ сопровожденіи Жака. Оба громко смѣялись, идя по саду. Не было сомнѣнія, что они встрѣтили Ганюжа, и что онъ именно и былъ причиною ихъ веселости. Дѣйствительно, г-нъ Миръ, войдя въ гостиную, съ хохотомъ объявилъ:

— Мы только-что видѣли Фра-Дьяволо, мчавшагося на конѣ!..

Сусанна замѣтила только на это недовольнымъ тономъ:

— Какъ ты остроуменъ!

Инженеръ удивленно посмотрѣлъ на жену.

— Право же, я ничего не видалъ комичнѣе этого бѣднаго Ганюжа, скачущаго на манежной клячѣ! Никто не отрицаетъ въ немъ ума, образованія и таланта—зачѣмъ только ему пришла эта несчастная мысль изображать изъ себя наѣздника!

Сусанна пожала плечами; бурная веселость ея мужа разстроивала ей нервы, и въ эту минуту видѣть обоихъ мужчинъ ей было безконечно непріятно. Она втайнѣ не могла не сознаться, что Жакъ — съ сильнымъ сложеніемъ, здоровый, красивый,

элегантный—и даже ея мужъ—съ его выраженіемъ силы и добродушія—безконечно симпатичнѣе и привлекательнѣе несчастнаго, болѣзненнаго и худосочнаго юноши, нелѣпая фигура котораго, скрюченная на худой спинѣ тощей клячи, живо представлялась ей. Но именно въ силу этого она и проникалась особой жалостью къ Ганюжу и не могла простить своему мужу его великолѣпное здоровье, сверкающіе зубы, его энергію и трудолюбіе! Она не могла простить Жаку его происхожденіе, большіе, добрые глаза и умѣнье сидѣть на конѣ; послѣднее особенно выводило ее изъ себя.

И желая какъ-нибудь выместить на нихъ обоихъ свою досаду, она, подхвативъ послѣднюю сказанную мужемъ фразу, вскричала:

— Именно потому, что monsieur Ганюжъ обладаетъ образованіемъ и талантомъ, онъ и не можетъ хорошо ѣздить верхомъ!

Жакъ улыбнулся.

— Но,—сказалъ онъ мягко,—развѣ надо непремѣнно быть невѣждой, чтобы хорошо ѣздить верхомъ?

— Я говорю это не на вашъ счетъ,—отвѣчала Сусанна.

— Merci!—поклонился Жакъ.

Г-нъ Миръ вмѣшался въ разговоръ.

— Я предлагалъ Гюре остаться у насъ обѣдать, но онъ отказывается!

— Я не могу,—поспѣшилъ сказать Жакъ, прежде чѣмъ молодая женщина успѣла открыть ротъ:—я обѣдаю съ Монтрё. Намъ надо потолковать насчетъ предстоящихъ скачекъ.

— Ахъ, да!—сказала Сусанна:—въ воскресенье скачки.

— Да, въ воскресенье... Кстати, чуть было не забылъ!.. Тетя поручила мнѣ передать вамъ,—затѣмъ-то я и явился къ вамъ,—что она поѣдетъ верхомъ, дядя тоже, такъ что если вамъ нужно ландо, оно въ вашемъ распоряженіи.

— Поблагодарите, пожалуйста, хорошенько m-me де-Гюре!—отвѣчалъ инженеръ:—мы съ удовольствіемъ воспользуемся ея любезнымъ приглашеніемъ.

— Но,—возразила Сусанна, нѣсколько удивленная иниціативой, которую вдругъ взялъ на себя въ этомъ дѣлѣ ея мужъ:—мы уже обѣщали Лемо взять карету съ ними вмѣстѣ и...

— Что-жъ изъ того! Мы ихъ захватимъ съ собой...

— Но вѣдь...

— Но вѣдь тетя Шарлотта ихъ не любитъ, хочешь ты сказать? Что же до того? Вѣдь не ей придется ихъ везти, не правда ли?

— Правда, но она вообще не любитъ, когда въ экипажъ набьется слишкомъ много народа.

— Гдѣ же набьется-то? Насъ двое, да двое Лемо, какъ разъ на четыре мѣста?

— И Ганюжъ... Ты забылъ Ганюжа!—смущенно напомнила молодая женщина.

— О, нѣтъ!—вскричалъ весело инженеръ:—Ганюжъ поѣдетъ за нами верхомъ, на своемъ Аполлонѣ! Я готовъ пѣшкомъ идти на скачки, только бы полюбоваться на это зрѣлище!

Сусанна повторяла:

— На Аполлонѣ!.. на Аполлонѣ!..

Она была въ волненіи. Она уже теперь могла себѣ представить эффектъ, который произведетъ появленіе Ганюжа на скачкахъ. Ей казалось, что она слышитъ смѣхъ и шуточки толпы.

— Но развѣ Аполлонъ можетъ бѣжать рысью?—спросила она.

— Не думаю,—отвѣчалъ, улыбаясь, Жакъ:—во всякомъ случаѣ въ интересахъ Ганюжа надо пожелать, чтобы онъ оказался неспособнымъ къ этому.

Сусанна съ упрекомъ посмотрѣла на него. Она не понимала, какъ можно говорить объ этомъ такъ легко; ей казалось, что всѣ должны принимать близко къ сердцу все касающееся Ганюжа, какъ и она.

Жакъ поднялся.

— Однако мнѣ пора, Монтрё ждетъ меня!

— Погодите меня минутку,—сказалъ г-нъ Миръ:—мнѣ надо отправить письмо на почту.

Онъ вышелъ. Сусанна внимательно приглядывалась къ Жаку. Съ того самаго дня, какъ Жакъ объяснился ей въ любви, они ни разу не оставались одни; какъ-то онъ поведетъ себя?

Она боялась, чтобы молодой человѣкъ не позволилъ себѣ новыхъ безумствъ, и уже приготовилась къ защитѣ, но она скоро успокоилась: онъ ни однимъ жестомъ не выразилъ своихъ чувствъ—напротивъ, былъ сдержанъ, холоденъ и вполнѣ учтивъ. Когда, наконецъ, съ веселой простотой пожавъ ей на прощанье руку, Жакъ удалился съ ея мужемъ, Сусанна пробормотала, проводивъ его глазами:

— И этотъ тоже увѣряетъ, будто меня любитъ!.. Счастливаго пути!

Мысль ея снова возвратилась къ Ганюжу; она забыла его колѣни, волосы, длинное перо, бархатный пиджакъ, грязные

ногти и даже... Аполлона!.. Ей только представлялась его возвышенная меланхолія и поэтическая, чистая любовь къ ней!

VII.

Г-жа де-Гюре ѣхала на своей лошади по широкой лѣсной дорогѣ. Она была одна; ея мужъ и племянникъ обыкновенно ѣздили поутру, она же предпочитала совершать самостоятельно прогулку позднѣе, въ пять часовъ. Жакъ не разъ предлагалъ ей свои услуги въ качествѣ провожатаго, но маркиза отказывалась, говоря, что терпѣть не можетъ женщинъ, которыя такъ безпомощны, что постоянно нуждаются въ конвоѣ мужчинъ и не умѣютъ сами выходить изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, а принуждены налагать на своихъ домашнихъ и друзей скучную обязанность ихъ сопровождать.

Грума маркиза тоже никогда не брала съ собой. Ее раздражала мысль, что за нею по пятамъ будетъ слѣдовать лакей, передразнивающій каждое ея движеніе, и такъ какъ она весьма мало заботилась о „шикѣ“, то и предпочитала обходиться безъ этого, раздражающаго ее, спутника.

Когда она садилась, Жакъ, слѣдившій за отправленіемъ тетки изъ окна, крикнулъ ей:

— Тетя Шарлотта, еслибы вы были такъ добры и смѣрили бы препятствія? я бы вамъ далъ и мѣрку!..

— Я думала, что ты уже сдѣлалъ это утромъ?..

— Да, но этого мало. Наши боятся ошибки. У гусаровъ другое дѣло: тамъ можно надѣяться на посланныхъ сооружать препятствія. У насъ же все приготовлялъ сторожъ Кипріанъ съ двумя рабочими, такъ что ожидать особой тщательности и точности нельзя.

Маркиза подъѣхала къ окну и взяла у Жака мѣрку, которую онъ ей протягивалъ.

— Вы вѣдь знаете,—напомнилъ онъ:—надо встряхнуть ее, чтобы выдвинулись дополнительные сантиметры. Такъ-то въ ней ровно метръ.

— Мнѣ кажется, этого и довольно.

— Нѣтъ. Высота препятствій метръ и 20 сантиметровъ...

— Слишкомъ высокій барьеръ, по моему! Могутъ быть несчастные случаи...

— Ну, вотъ еще... Кто же не возьметъ такого барьера? Всякій возьметъ.

И онъ прибавилъ, улыбаясь:

— Даже Ганюжъ на своемъ Аполлонѣ!

— Непремѣнно!—сказала г-жа де-Гюре:—впрочемъ, до него мнѣ нѣтъ никакого дѣла!

Въ глубинѣ души она сознавала, что ей большое бы удовольствіе доставило, еслибы Ганюжъ, на глазахъ у Сусанны, безъ существеннаго вреда для себя, совершилъ какое-нибудь комическое сальтомортале.

— Вѣдь васъ это не затруднитъ?—продолжалъ Жакъ:—вы вѣдь такъ ловко сами, безъ чужой помощи, соскакиваете съ лошади и садитесь на нее...

— Да! да! не безпокойся... Гдѣ же поставлены барьеры?

— Два препятствія вонъ тамъ, на лѣсной опушкѣ, но я ихъ самъ повѣрю. Вы ступайте къ тѣмъ, что за дорогой... тамъ сперва идетъ пять канавъ, а дальше западня и три изгороди, ихъ-то и надо смѣрить...

— Хорошо, сдѣлаю.

— Благодарю, тетя Шарлотта!..

Маркиза двинулась въ путь. Проѣхавъ аллею, она направилась къ канавамъ. Въ это время она услышала за собою топотъ лошади, бѣгущей галопомъ, и обернулась. Близорукость не позволяла ей разсмотрѣть, кто былъ всадникъ. Она подумала, что это Кипріанъ ѣдетъ доканчивать приготовленія для скачекъ. Только уже почти поровнявшись съ нимъ, она узнала по шляпѣ Ганюжа.

Молодой человѣкъ поклонился и попросилъ позволенія быть ея спутникомъ. Онъ возвращался на виллу Бельфонтенъ, и ему приходилось ѣхать по одной дорогѣ съ маркизой.

Г-жа де-Гюре изъявила согласіе.

Хотя Ганюжъ былъ ей антипатиченъ, но она всегда держала себя съ нимъ необыкновенно вѣжливо. Кромѣ того, ей хотѣлось побыть съ нимъ наединѣ, чтобы поближе съ нимъ познакомиться и понять, если можно, что̀ такое было въ этомъ странномъ молодомъ человѣкѣ, что̀ такъ обаятельно дѣйствовало на Сусанну.

Она знала нѣсколькихъ изъ того кружка или, какъ они говорили, „школы“, къ которой принадлежалъ Ганюжъ, имѣла также представленіе и объ ихъ литературныхъ упражненіяхъ. Она немедленно навела его на тему, которая, казалось ей, могла его интересовать, и высказанныя имъ сужденія утвердили ее въ томъ, что она и раньше предполагала, что, отличаясь своей внѣшностью и манерами отъ ея друзей, по внутреннему содержанію онъ былъ такою же ординарностью. Несомнѣнно, онъ обладалъ

значительной начитанностью, интеллигентностью, но все это отзывало мертвечиной, и мысль его не привлекала прелестью оригинальности, отъ нея не вѣяло вѣчно-юнымъ духомъ генія, и его „я“, о которомъ онъ такъ любилъ говорить, казалось г-жѣ де-Гюре безцвѣтнымъ и безличнымъ. Она находила его мысли шаблонными и пошлыми. Плаксивая сантиментальность замѣняла ему истинное чувство. Все въ немъ было жеманно, отдавало заученностью; весь онъ былъ какой-то изломанный и неестественный; онъ старался подняться до великихъ идей, но всѣ его усилія не приводили ни къ чему и ничтожность души его ярче выступала изъ-подъ личины громкихъ фразъ. Маркиза замѣтила въ немъ, также какъ и у всѣхъ принадлежащихъ къ его „школѣ“, необыкновенно презрительное отношеніе ко всѣмъ уже признаннымъ человѣчествомъ великимъ людямъ; пріемъ ничтожныхъ и завистливыхъ душъ—поносить истинно великое и тѣмъ какъ бы возвышаться надъ ними—употреблялъ и Ганюжъ. По его словамъ, онъ желалъ бы жить во времена Вольтера, чтобы побить его камнями; тотъ, кто написалъ „Кандида“, былъ, по мнѣнію великаго Ганюжа, просто мошенникъ!

Въ концѣ концовъ, маркиза сказала себѣ:

— Это самый обыкновенный неудачникъ съ громадными претензіями и убогими средствами, вотъ и все!.. Какъ можетъ такая интеллигентная и милая женщина, какъ Сусанна, любить эту напыщенную жабу?.. Удивительно!..

— Или,—продолжала она размышлять,—она любитъ не его, а свою мечту? Она заинтересовалась имъ, принявъ его за натуру, выходящую изъ ряда обыкновенныхъ... Быть можетъ, ея самолюбію льститъ, что она съумѣла оцѣнить и полюбить человѣка, котораго считаетъ поэтомъ и мечтателемъ?.. Бѣдный Жакъ ходитъ повѣся носъ, а этотъ глупый инженеръ ничего не видитъ!..

Она взглянула на своего спутника и замѣтила, что онъ украдкой, съ видимымъ удивленіемъ, разсматриваетъ ее.

— Что вы на меня такъ пристально смотрите?—съ обычной своей рѣзкостью спросила маркиза.

Молодой человѣкъ отвѣчалъ жеманнымъ тономъ:

— Могу я говорить откровенно?

— Безъ сомнѣнія!..

— Прекрасно. Видите ли, о чемъ я думалъ: глядя на васъ, я думалъ, почему этотъ варварскій фасонъ амазонокъ смѣнилъ прежній, добраго стараго времени?.. Зачѣмъ эта короткая юпка смѣнила длинную, развѣвавшуюся по вѣтру?..

— Именно потому, что прежняго фасона юпки развѣвались по вѣтру!..

— А между тѣмъ какъ это было прекрасно!..

— И неудобно, вмѣстѣ съ тѣмъ!.. Прежде, покупая верховую лошадь, надо было справляться, пріучена ли еще она къ этимъ развѣвающимся амазонкамъ теперь объ этомъ никто не заботится.

— Это все такъ, но увы! прежняя поэзія исчезла!.. Также и эти ужасныя шляпы, которыхъ мужчины пока еще не рѣшаются носить...

— Извините, вы ошибаетесь: большинство мужчинъ уже давно на это рѣшилось!..

— Ахъ, это ужасно! Ну, неужели же вы не признаете, сударыня, что ваши прежнія шляпы были гораздо поэтичнѣе этихъ?..

— Вы, вѣроятно, сожалѣете также о зеленомъ вуалѣ и перчаткахъ съ крагами?

— О, да!..

— А я думала, вы стоите за все передовое?

— Не въ области костюма, во всякомъ случаѣ...

Они доѣхали до канавъ.

— Вы будете такъ любезны,—сказала г-жа де-Гюре:—измѣрить высоту вонъ тѣхъ двухъ плетней?..

Ганюжъ неуклюже слѣзъ съ лошади, взялъ мѣрку и съ недоумѣвающимъ видомъ сказалъ:

— А какъ же мнѣ быть съ лошадью, пока я стану мѣрить?..

— Держите ее въ поводу! вамъ только надо приставить мѣрку къ барьеру, вотъ и все!

Однако, замѣтивъ, что молодой человѣкъ, направляясь къ препятствію, весьма недовѣрчиво косится на бѣднаго Аполлона, который покорно плелся за нимъ, она крикнула:

— Оставьте лучше ужъ его здѣсь! Я подержу!..

Она держала Аполлона, пока Ганюжъ мѣрилъ изгороди; окончивъ это дѣло, онъ возвратился къ маркизѣ и хотѣлъ сѣсть на лошадь съ правой стороны. Маркиза, державшая Аполлона въ правой рукѣ, замѣтила это.

— Вы садитесь не съ той стороны!—сказала она Ганюжу.

— Для меня это не составляетъ затрудненія! — важнымъ, сентенціознымъ тономъ отвѣчалъ тотъ. — Я сажусь безразлично и съ правой, и съ лѣвой стороны!..

Потомъ спросилъ:

— А гдѣ кончается скаковое поле?

— Вонъ тамъ за дорогой... Мнѣ еще и тамъ надо смѣрить рогатку...

— Въ такомъ случаѣ, намъ съ вами по пути! Вы позволите мнѣ продолжать вамъ сопутствовать?

— Конечно!..

— Неужели? И это не будетъ вамъ непріятно?

— Право же, нѣтъ!.. Почему?..—прибавила затѣмъ маркиза машинально.

— Потому что,—вскричалъ Ганюжъ,—я знаю, что вы меня не любите! О, не возражайте!.. Я знаю это отлично...

— Но я и не возражаю!..

— И прекрасно дѣлаете! Весьма легко угадать, кого вы не любите...

И послѣ нѣкотораго молчанія онъ докончилъ:

— ...Или кого вы любите!..

— Неужели? — пробормотала г-жа де-Гюре, немного смущенная.

— Да... А главное, еслибы я не догадался самъ, то все бы узналъ это: мнѣ сказала г-жа Миръ...

— Какъ! Неужели она вамъ это сказала?

— Да, сказала... сказала, что вы меня ненавидите!

— О, она слишкомъ преувеличила!

— Признайтесь, что мечтатели и люди, склонные къ отвлеченности, вообще не особенно вамъ по вкусу?..

— Нѣтъ, есть такіе, которые мнѣ по вкусу!

— Но я, не правда ли, не имѣю чести принадлежать къ ихъ числу? Г-жа Миръ говорила мнѣ, что вы ее предостерегали отъ меня...

— Съ ея стороны очень глупо, что она это вамъ передала! Какъ бы то ни было, не буду отпираться, я говорила ей о васъ, но на нее слова мои не произвели никакого впечатлѣнія...

— Къ счастію для меня! — Произнеся это, Ганюжъ повернулся на сѣдлѣ и, глядя пристально на маркизу, спросилъ съ улыбкой:

— А вы считаете меня очень опаснымъ?

— И да, и нѣтъ!.. Вы лично не можете быть опасны, но если принять въ соображеніе скуку, бездѣлье и безконечную пустоту провинціальной жизни, то да—вы опасны! Почва была уже вполнѣ подготовлена, и вотъ почему вы безъ труда могли одержать надъ нѣй побѣду.

— Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ главную роль играло чувство?..

— Называйте какъ хотите: чувство, „flirt“... даже страсть, если только вы ее признаете!..

— Признаю.

— Всѣ пути передъ вами были открыты. Вы попали какъ-разъ въ такой психологическій моментъ... и вы понравились ей не потому, что вы были „вы“... просто здѣсь играла роль новизна: вы представляли изъ себя нѣчто особенное, неизвѣданное, при помощи васъ можно было разорвать цѣпи этой безнадежно монотонной, однообразной жизни безъ удовольствій и... почти безъ обязанностей...

— Вы ужъ очень суровы къ моимъ бѣднымъ достоинствамъ!..

— Ваши достоинства состоятъ въ одномъ: вы явились вò-время!..

— Итакъ, вы не допускаете, что можно нравиться, благодаря натурѣ... какъ бы это сказать?.. натурѣ...

— Высшей? Это вы хотите сказать?.. не стѣсняйтесь, говорите, чтò думаете!

— Ну да, если хотите, высшей... относительно...

— Отлично... относительно высшей!

— Такъ станете ли вы отрицать, что натура высшая можетъ могущественно дѣйствовать на другія, встрѣчающіяся на ея пути, именно этою самою высокостью своею?..

— Да, но въ данномъ случаѣ не то дѣйствовало,—не въ высокой натурѣ тутъ было дѣло, и не она плѣняла, а *новизна*... Вы не говорили того, чтò говорили ей другіе поклонники, не такъ поступали, не того искали; въ васъ она увидѣла что-то неизвѣстное и заманчивое... Вы предложили ей новый видъ интриги—платонической и возвышенной, которая позволяла еще выше, чѣмъ прежде, поднимать носъ и глядѣть, не краснѣя, въ глаза мужу; другіе говорили ей о любви — одно слово это для провинціалки, знающей, чтò оно за собой влечетъ, страшнѣе, чѣмъ дьяволъ для монаха—да, такъ вмѣсто этого слова вы употребляли другое, вы говорили о чувствахъ... „Чувство“—слово скромное и честное! Сердце, этотъ глупый мускулъ, часто начинающій биться противъ воли и заставляющій дѣлать непоправимыя и компрометтирующія глупости, въ вашихъ рѣчахъ замѣнено было „душою“, а ужъ это слово однимъ звукомъ своимъ говоритъ о вѣчномъ, безконечномъ... Однимъ словомъ, вы съумѣли представить вещи въ такомъ свѣтѣ, подать то же самое подъ такимъ соусомъ, что молодая женщина, которая дрожала при одной мысли вступить въ обыкновенную связь съ обыкновеннымъ мужчиною, съ вами не поколебалась ни минуты завязать романъ...

въ полной увѣренности, что романъ этотъ не будетъ имѣть обычной развязки...

— Мнѣ кажется,—улыбаясь, сказалъ Ганюжъ,—что вы слишкомъ высокаго мнѣнія о женской добродѣтели. Романъ, какъ вы называете то, чтò я бы скорѣе назвалъ просто страстью, только потому пріятно вести, что интересуешься развязкой, и, мнѣ кажется, женщины были бы весьма раздосадованы, если бы она не наступала рано или поздно. Представьте себѣ, что вы цѣлый мѣсяцъ читаете изо дня въ день печатающійся въ газетѣ романъ, достаточно хорошо написанный, чтобы имъ заинтересоваться, и вдругъ вамъ не даютъ конца, прерывая печатаніе, именно когда вы ждете, чѣмъ все завершится!

— Ну, такъ что же?

— А то, что вамъ навѣрно это не понравится и вы опротестуете!.. То же и въ жизни съ такъ-называемыми любовными романами.

— Вы, мнѣ кажется, ошибаетесь... По крайней мѣрѣ, г-жа Миръ не изъ такихъ женщинъ.

— Я этого не думаю. Во всякомъ случаѣ, мы на дѣлѣ увидимъ...

Маркиза насторожила уши:

— То-есть, какъ это *увидимъ?*..

— Очень просто...

И со своею злою усмѣшкой, раздвинувшей его блѣдныя губы и открывшей два зеленыхъ, гнилыхъ зуба, онъ добавилъ:

— Я, съ своей стороны, не намѣренъ оборвать романъ на предпослѣдней главѣ!..

— Если вы это сдѣлаете, то на вашей совѣсти ляжетъ злое дѣло! Вы разобьете существованіе до сихъ поръ безупречной женщины, нарушите ея спокойную, мирную жизнь, поставите неопытную женщину въ безвыходное положеніе.

— Позвольте! позвольте!.. Г-жа Миръ уже не ребенокъ! Въ ея года можно быть осмотрительной. Она знаетъ, на чтò идетъ!..— Г-жа де-Гюре замолчала. Противъ этого возражать было трудно. Сусанна дѣйствительно была на восемь лѣтъ старше Ганюжа.

— Я не досаждалъ преслѣдованіями г-жу Миръ,—продолжалъ этотъ послѣдній:—я люблю ее и вижу, что и она меня любитъ также.

— Вы въ этомъ увѣрены? Это такъ уже замѣтно?

— Она сама мнѣ это сказала!..

— А!?—произнесла только пораженная маркиза.

Помолчавъ съ минуту, она сказала:

— Знаете ли, вѣдь это очень нехорошо съ вашей стороны... такая нескромность! Вы разсказываете мнѣ то, что происходитъ между вами и Сусанной—это неделикатно!

— Я знаю, какъ нѣжно вы любите свою крестницу и, конечно, не способны ей повредить.

— Это вѣрно, я ей вредить не стану! Но, во всякомъ случаѣ, я должна принять мѣры, разъ вижу, что другой ей вредитъ...

— Мнѣ кажется, вы стоите на неправильной точкѣ зрѣнія! Видите, вначалѣ я испытывалъ къ Сусаннѣ только...

Г-жа де-Гюре сухо прервала его:

— Я васъ прошу не называть ее при мнѣ Сусанной... Я васъ покорнѣйше прошу объ этомъ!

Ганюжъ поклонился.

— Повинуюсь! Итакъ, вначалѣ г-жа Миръ внушила мнѣ просто легкое чувство... ну, какъ вообще внушаетъ всякая кокетливая хорошенькая женщина... но когда я узналъ ее ближе... съ той минуты, какъ я понялъ, что она меня любитъ и во мнѣ ищетъ утѣшенія отъ разочарованій своей жизни... я отдался ей всецѣло и поклялся сдѣлать ее счастливой! Вы видите, что я говорю съ вами вполнѣ откровенно...

— И нѣтъ сомнѣнія, — спросила маркиза, поблѣднѣвъ отъ гнѣва: — что вы также откровенны и съ другими? Въ тотъ вечеръ, когда вы съ вашими друзьями обѣдали у Сусанны... съ этими... какъ ихъ?—они еще пріѣхали изъ Парижа, чтобы повидать васъ?

— Вы говорите о моихъ друзьяхъ, Томасѣ и Барбарà?

— Вотъ, вотъ... Эти самые! Они разсматривали г-жу Миръ съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ выраженіемъ, что я тогда же подумала, что это не спроста... Вѣроятно, съ ними вы тоже *откровенно* говорите?

Не отвѣчая на этотъ вопросъ, молодой человѣкъ указалъ на изгородь, пересѣкавшую поле, на которое они выѣхали, и спросилъ:

— Прикажете смѣрять и эту?

Въ то время, какъ онъ мѣрялъ, маркиза мало-по-малу успокоилась. Съ одной стороны, она обдумывала планъ защиты своей крестницы отъ предпріимчиваго декадента; съ другой, ей приходило въ голову, что, быть можетъ, она преувеличила опасность. Кто можетъ поручиться, что этотъ глупый шутъ говоритъ правду? Несомнѣнно, Сусанна кокетка! Она любитъ, чтобы за нею ухаживали, и при этомъ, конечно, дѣлаетъ видъ, какъ будто поощряетъ поклонника дѣйствовать смѣлѣе; она можетъ играть имъ, дразнить, возбуждать въ немъ неосновательныя надежды,—но чтобы она

сама воспылала вдругъ такою серьезною любовью, чтобы отдалась ему,—до этого, конечно, далеко!

— Высота перваго препятствія—одинъ метръ и 25 сантиметровъ!—объявилъ Ганюжъ, возвращаясь, и, приставляя ладонь къ своему галстуху, добавилъ:

— Изгородь мнѣ доходитъ до сихъ поръ! Это довольно высоко!..

— Да, — отвѣчала г-жа де-Гюре:—но здѣсь такая мягкая почва.

И желая сама испытать, насколько трудно одолѣть этотъ барьеръ, она передала молодому человѣку поводъ Аполлона, котораго держала, и, ударивъ лошадь хлыстомъ, поскакала къ препятствіямъ. Лошадь перескочила черезъ первое, слегка задѣвъ только гребень изгороди задними копытами; маркиза взяла еще слѣдующій барьеръ и затѣмъ вернулась къ Ганюжу, который старался взобраться на своего Аполлона. Маркиза страстно любила всѣ требующія силы и ловкости упражненія. Щеки ея раскраснѣлись, глаза сіяли, раскрытыя губы улыбались; она совершенно забыла о томъ, чтò за нѣсколько минутъ до того произошло между нею и ея спутникомъ, и весело вскричала, даже, въ сущности, и не обращаясь къ нему:

— Что это за прелесть брать препятствія!

— Да!—отвѣчалъ съ убѣжденіемъ Ганюжъ,—и главное, это вовсе не трудно!

И какъ человѣкъ, не бравшій ихъ никогда, не подозрѣвая опасности, онъ пустилъ Аполлона въ галопъ на торчавшія вдали изгороди.

„Онъ себѣ и лошади переломаетъ ноги", подумала маркиза.

И она раскрыла уже ротъ, чтобы крикнуть ему: „остановитесь!"—но раздумала, вспомнивъ о Сусаннѣ.

„Ба! если судьбѣ угодно, чтобы онъ свернулъ себѣ шею именно сегодня, такъ это не мое дѣло!" Между тѣмъ Аполлонъ скакалъ, неся Ганюжа, болтавшаго ногами и руками, пригнувшагося къ сѣдлу и съ замираніемъ сердца собиравшагося удивить маркизу своею ловкостью. Когда онъ подскакалъ къ изгороди, она показалась ему вышиною вровень съ лѣсной опушкой. Но въ самую критическую минуту Аполлонъ вдругъ сталъ какъ вкопаный, фыркая и косясь на барьеръ, а молодой человѣкъ, описавъ кривую, перелетѣлъ черезъ изгородь и упалъ по другую сторону ея.

— Ну, такъ и есть! — сказала себѣ маркиза, поскакавъ къ Ганюжу:—но онъ, вѣроятно, отдѣлается только испугомъ!

Между тѣмъ Аполлонъ, почувствовавъ, что на спинѣ его уже больше нѣтъ тяжести, легко взялъ барьеръ и съ болтающимися стременами и волочащейся по землѣ уздой побѣжалъ по узкой тропинкѣ, ведшей къ виллѣ Бельфонтенъ, и скоро исчезъ въ лѣсу.

Подъѣхавъ, г-жа де-Гюре увидѣла молодого человѣка распростертымъ на травѣ. Она сошла съ лошади, привязала ее къ дереву и подошла къ Ганюжу. Его неподвижность испугала ее. Она упрекала теперь себя. Онъ лежалъ ничкомъ. Она перевернула его на спину и, присѣвъ на землю, положила его голову себѣ на колѣни. Онъ былъ страшно блѣденъ, и маркиза не могла понять, какъ такое, въ сущности, обыкновенное паденіе могло лишить его сознанія.

„Быть можетъ,—подумала она,—лошадь, перепрыгивая черезъ изгородь, ударила его, когда онъ поднимался?“ Изгородь скрывала его въ этотъ моментъ и не было видно.

Въ отчаяніи, со слезами на глазахъ, она склонилась надъ нимъ, приблизивъ къ полураскрытымъ губамъ молодого человѣка свою щеку. Онъ дышалъ. Она развязала ему галстухъ и принялась разстегивать его жилетъ, такъ плотно облегавшій его станъ, какъ корсажъ у женщинъ. Она даже съ трудомъ могла разстегнуть—пуговицы не поддавались ея усиліямъ. Такъ какъ нельзя было его оставлять на солнечномъ припекѣ, она поднялась и взяла его на руки, намѣреваясь донести такъ до опушки лѣса.

Онъ оказался такимъ легкимъ, что она даже удивилась. Она ждала, что ей придется употребить сверхъестественное усиліе, чтобы поднять его, а между тѣмъ она подняла его почти безъ всякаго усилія. Это его привело въ сознаніе; открывъ глаза, онъ пробормоталъ, не мало удивленный тѣмъ, что какая-то высокая женщина держитъ его на рукахъ какъ ребенка:

— Сусанна!

Потомъ жалобно спросилъ:

— Я, кажется, упалъ?

— Надо полагать, что такъ!..—отвѣчала маркиза, кладя его на траву откоса. И затѣмъ, отряхнувшись, поправивъ сбившіяся перчатки и амазонку, прибавила:

— Вотъ видите, хотя эта короткая юбка и менѣе поэтична, зато въ ней гораздо удобнѣе дѣйствовать въ затруднительныхъ случаяхъ... Ну, поднимайтесь, если вы не очень ушиблись!

Ганюжъ повиновался.

— Я себя еще чувствую не совсѣмъ твердымъ на ногахъ, но несомнѣнно, что я ничего себѣ не сломалъ!..

И, замѣтивъ взволнованный видъ маркизы, глаза которой еще полны были слезъ, прибавилъ:

— Я васъ, кажется, очень напугалъ?.. Простите Бога ради!..

Какъ только маркиза убѣдилась, что молодой человѣкъ цѣлъ и невредимъ, прежнее непріязненное чувство къ нему вернулось къ ней, и она отвѣчала рѣзкимъ тономъ:

— Вы дѣйствительно можете хоть кого вывести изъ терпѣнія своимъ легкомысліемъ! Чтò вы ищете?—спросила она, видя, что онъ съ безпокойствомъ оглядывается вокругъ себя.

— Я ищу... моя лошадь... гдѣ моя лошадь?

Г-жа де-Гюре расхохоталась.

— Вы, кажется, думали, что она станетъ васъ ждать! Ваша лошадь теперь уже давнымъ-давно дома!..

— Ахъ, сестра вѣрно придетъ въ страшное волненіе: подумаетъ, что я разбился! И потомъ,—прибавилъ онъ,—всѣ будутъ смѣяться, когда узнаютъ...

— Ничего. Свалиться съ лошади очень полезно для наѣздника!

— Но всѣ станутъ смѣяться...

— Полноте! Вы разскажете, какъ вы слѣзли съ Аполлона и стали срывать незабудки и такъ задумались о своемъ „la raréfaction vibratile du moi", что и не замѣтили, какъ лошадь убѣжала. Кстати, вы вѣдь, кажется, все ищите новыхъ впечатлѣній? Вѣроятно, когда вы летѣли черезъ заборъ, вы успѣли испытать и отмѣтить какія-нибудь необыкновенно поэтическія чувства,—не правда ли?

— Вы надо мной смѣетесь! Однако вы до извѣстной степени правы, и я, быть можетъ, даже посвящу нѣсколько строкъ описанію этихъ темныхъ ощущеній... и, вообще, выражу...

— Скажите, что вы, измѣряя, по моему порученію, изгородь, упустили Аполлона. Это будетъ все же половина истины!

— А вы сами?

— Что я?..

— Если вы разскажете?

— Я ничего никому не разскажу, можете быть спокойны, и если вы сами не проболтаетесь, то...

— Даже и г-жѣ Миръ ничего не разскажете?

— Никому, говорю вамъ!

— Побожитесь!..

— Честное слово, не разскажу никому!

— Отъ всего сердца благодарю васъ! Вы такъ добры...—началъ Ганюжъ все еще съ оттѣнкомъ удивленнаго недовѣрія.

— Не благодарите, не надо. Я потому такъ рѣшила посту-

шить, что я у васъ въ долгу. Мнѣ хочется вознаградить васъ за злое чувство, которое я питала къ вамъ. Мнѣ пришла дурная мысль въ голову, и я чуть было не поплатилась за нее. Хорошо, что все обошлось благополучно, а то бы у меня это легло на совѣсти.

— Итакъ, вы уже болѣе не относитесь ко мнѣ враждебно?..

— Напрасно вы такъ думаете!—вскричала маркиза:—я вашъ врагъ и съумѣю вамъ доказать это, если... вы меня вынудите къ тому!..

Она отвязала лошадь, сѣла и черезъ минуту Ганюжъ остался одинъ на скатѣ широкой долины.

— Такъ помните, вы дали честное слово!—крикнулъ онъ въ догонку маркизѣ, рысью удалявшейся отъ него.

Она обернулась и отвѣчала:

— И не откажусь отъ него!

VIII.

На другой день Ганюжъ верхомъ сопровождалъ ландо маркизы; она взялась въ немъ подвезти на скачки свою крестницу, ея мужа и супруговъ Лемо.

— Ахъ, madame!—обратилась къ маркизѣ г-жа Лемо, когда они подъѣхали къ мѣсту, гдѣ должны были происходить „Rallyes-paper“:—если бы вы знали, въ какомъ страхѣ мы вчера были за брата! Когда я увидѣла его лошадь, возвращающуюся безъ сѣдока, я просто думала, что умру!

— Я тѣмъ болѣе огорчена несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ съ вашимъ братомъ, — отвѣчала госпожа де-Гюре,— что до извѣстной степени я была виновата въ томъ...

— Что такое?

— Какой несчастный случай?—вмѣстѣ вскричали, перебивая ее, Жакъ и маркизъ де-Гюре.

— Какъ, ваша тетушка не разсказала развѣ вамъ о случаѣ съ Гастономъ?—спросила г-жа Лемо съ удивленіемъ.

Сусанна тоже вскричала, съ упрекомъ взглянувъ на маркизу.

— Какъ же это вы ничего не разсказали намъ, крестная?

— Онъ свалился? — весело спросилъ толстякъ Дюкло. Экипажи въ эту минуту остановились, и онъ услышалъ этотъ разговоръ, вылѣзая изъ кареты. Г-жа Дюкло спускалась за нимъ; она съ тоской повторяла:

— Боже мой! Боже мой! онъ упалъ!

Видя, что молодой человѣкъ, красный отъ смущенія, молчитъ, маркиза поспѣшила ему на помощь.

— Да нѣтъ же! Я вчера отправилась мѣрять препятствія и встрѣтилась съ m-r Ганюжемъ. Я просила его помѣрить, и онъ былъ настолько любезенъ, что согласился... Пока онъ мѣрялъ, лошадь отвязалась и убѣжала, и онъ принужденъ былъ возвратиться пѣшкомъ.

— Разсказывайте!—закричалъ пивоваръ съ громкимъ хохотомъ, отъ котораго всегда Ганюжа подиралъ морозъ по кожѣ:—я пари готовъ держать, что онъ просто свалился!

— По истинѣ, тетя Шарлотта, вы не отличаетесь болтливостью,—сказалъ Жакъ:—вы намъ объ этомъ ничего не говорили!

— Боже мой, у меня изъ головы это совершенно вылетѣло!

— А главное, — пробормоталъ въ полголоса г-нъ Дюкло, тоже явившійся на скачки: — главное, вы, конечно, не желали никому сообщать о своей прогулкѣ tête-à-tête съ такимъ обольстительнымъ молодымъ наѣздникомъ,—не правда ли?

Старый холостякъ не взлюбилъ Ганюжа съ перваго дня, какъ увидѣлъ его. Мелочной, пунктуальный въ своихъ привычкахъ, сварливый и съ особыми „пунктиками", г-нъ Дюкло терпѣть не могъ, чтобы нарушалось привычное теченіе его жизни. Въ кафé онъ всегда садился на опредѣленномъ мѣстѣ, и никто не смѣлъ занять его столикъ. На немъ лежали его зубочистки особаго рода, и никто изъ посѣтителей не трогалъ ихъ, зная что онѣ принадлежатъ старому холостяку. Ганюжъ имѣлъ несчастье сѣсть именно за его столъ въ первый разъ какъ пришелъ въ кафé. Г-нъ Дюкло страшно разозлился на него за это, и не могъ ему простить такого пренебреженія къ мѣстнымъ обычаямъ.

— А гдѣ же Монтрё?—спросила Сусанна, оглядывая экипажи и кавалеровъ:—я не вижу его...

— Онъ поѣхалъ сдѣлать кое-какія распоряженія,—сказалъ Жакъ, — и черезъ десять минутъ вернется; тогда можно будетъ начинать; я надѣюсь, что къ тому времени всѣ соберутся.—Говоря это, Жакъ отъѣхалъ, намѣреваясь дать знакъ, что скачки начинаются. Ганюжъ приблизился къ ландо, и какъ только инженеръ съ супругами Лемо вышли изъ экипажа и стали разговаривать съ другими зрителями и участниками въ скачкахъ, онъ сказалъ оставшейся одной молодой женщинѣ:

— Г-нъ Монтрё, видно, сильно васъ интересуетъ, если вы такъ безпокоитесь объ его отсутствіи?

— Я никѣмъ не интересуюсь, когда вы со мною... и вы отлично это знаете!—отвѣчала Сусанна, сопровождая эти слова

еще болѣе краснорѣчивымъ взглядомъ своихъ продолговатыхъ голубыхъ глазъ. Онъ, казалось, вздрогнулъ, потомъ поблагодарилъ ее взглядомъ, слегка поклонившись и приложивъ руку къ сердцу. Г-жа де-Гюре находилась въ эту минуту въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ и, разглядывая въ лорнетъ все общество, не упускала изъ виду и Сусанну съ Ганюжемъ. Она не слышала словъ, которыми они обмѣнялись, но отлично замѣтила нѣжный взглядъ, который бросила на молодого человѣка Сусанна, и отвѣтную пантомиму Ганюжа.

Еще наканунѣ ей пришло въ голову, не была ли во всемъ этомъ единственной причиной сама ея крестница. Она черезъчуръ ужъ кокетничаетъ съ Ганюжемъ; она поощряетъ его ухаживанія, возбуждаетъ его желанія, и кончится тѣмъ, что этотъ нелѣпый двадцати-двухъ-лѣтній юноша окончательно потеряетъ голову. Маркиза вспоминала, какъ наканунѣ, придя въ себя послѣ паденія, первое слово, произнесенное имъ, было имя Сусанны. Ей не приходило въ голову, что онъ могъ разыграть комедію. Она говорила себѣ: онъ несомнѣнно искренно любитъ эту молодую женщину, и если хладнокровно и здраво разсудить, то въ этомъ дѣлѣ она виновата гораздо больше его. Она играла Ганюжемъ, укрѣпляла въ немъ несбыточныя надежды, въ то же время, вѣроятно, желая помучить этимъ Жака.

Начались скачки. Всадники сбились въ кучу и тронулись по полю, держа направленіе по лоскуткамъ розовой бумаги къ препятствіямъ. Г-жа де-Гюре очутилась сзади вмѣстѣ съ Ганюжемъ.

— Какъ вы себя чувствуете послѣ вчерашняго паденія?— спросила она его съ участіемъ.

— Оно не прошло даромъ... Я чувствую себя совершенно разбитымъ.

И съ привѣтливымъ и дружественнымъ видомъ, искусственность котораго, тѣмъ не менѣе, ощущалась, онъ прибавилъ:

— Кстати, я долженъ васъ поблагодарить, что вы пришли мнѣ на помощь.

— Что я помогла вамъ вчера встать? Полноте, это было такъ естественно...

— Нѣтъ, не за это, хотя, конечно, долженъ благодарить васъ и за вчерашнее, но также и за то, что вы меня сегодня выручили изъ затруднительнаго положенія.

— Не за что вамъ меня благодарить и не нужно.

Собирались брать два первыя препятствія. Экипажи вытянулись по лѣсной опушкѣ вдоль дороги; сидящіе изъ нихъ могли

видѣть роковой прыжокъ. Ганюжъ вдругъ завертѣлся на Аполлонѣ, дернулъ лошадь и съ волненіемъ спросилъ маркизу:

— Какъ! уже берутъ препятствія?

— Да, сейчасъ тронутся... Попытайтесь! Вѣдь можно всегда пройти бокомъ, если станетъ страшно, мимо препятствія!

— Боюсь, всѣ станутъ смѣяться.

— Но еще болѣе будутъ смѣяться, если вы такъ же возьмете барьеръ, какъ вчера!..

— А вы будете скакать?—спросилъ онъ тоскливо.

— Разумѣется... Зачѣмъ я и пріѣхала на „rallyes", какъ не затѣмъ, чтобы скакать...

Когда они подъѣхали къ экипажамъ, толстякъ Дюкло спросилъ своего шурина:

— Что же ты не скачешь?

— Потому не скачу, — отвѣчалъ съ апломбомъ Ганюжъ,— что моя глупая лошадь не умѣетъ...

Сусанна бросила на него выразительный взглядъ; онъ отдѣлился отъ остальныхъ кавалеровъ и поѣхалъ рядомъ съ ея экипажемъ.

— Мнѣ кажется,—сказала она весело,—что съ нѣкоторыхъ поръ у васъ съ крестною болѣе мирныя отношенія?

— Ну, этого нельзя сказать... хотя...

— Тѣмъ хуже! Нужно, чтобы такъ было!.. Сегодня крестная великолѣпна: эта сѣрая матовая амазонка ей удивительно какъ къ лицу!..

— А я, — вмѣшался г-нъ Миръ: — я нахожу все это чертовски монотоннымъ: лошадь сѣрая! платье сѣрое! шляпа сѣрая! все сѣрое!—я нахожу это слишкомъ печальнымъ, трауръ какой-то, скучно глядѣть!..

Скоро затѣмъ всѣ вышли изъ экипажей и приступили къ полднику.

Полдникъ этотъ, предложенный членамъ скакового общества „Rallyes-paper", приготовляли заботливыя ручки ихъ женъ и сестеръ. Г-жа де-Гюре съ Сусанной расхаживали между группами закусывающихъ, разнося тарелки и стаканы; но когда всѣмъ все было роздано и всѣ принялись съ аппетитомъ кушать, молодая женщина вдругъ какъ-то незамѣтно исчезла.

Первая замѣтила ея отсутствіе мать юнаго Монтрё:

— Гдѣ-же г-жа Миръ?—спросила она маркизу:—я ее нигдѣ не вижу!..

— Въ самомъ дѣлѣ, куда это она дѣлась!—вскричала г-жа де-Гюре. Лицо Жака омрачилось, и онъ сталъ съ безпокойствомъ

оглядываться, ища изящный силуэтъ хорошенькой, одѣтой въ бѣлое, Сусанны.

Его взоръ упалъ на дорожку (ту самую, которую избралъ наканунѣ Аполлонъ, освободившись отъ ѣздока и поспѣшая въ конюшню); у входа въ эту тѣнистую заросшую тропинку стояли друзья Ганюжа, поселившіеся у него на виллѣ Бельфонтенъ: гг. Томасъ и Барбарá. Они таинственно переглядывались, и по всему видно было, что они охраняютъ дорожку отъ нескромнаго любопытства какого-либо любителя природы и прогулокъ въ уединеніи лѣса.

„Нѣтъ сомнѣнія, — подумалъ Жакъ,—она тамъ!“ Онъ направился къ лѣсу, но маркиза удержала его.

— Ты не задумалъ ли выкинуть какую-нибудь глупость? Куда ты идешь?

— Но, тетя Шарлотта, Сусанна тамъ! Я убѣжденъ въ этомъ!.. Обратите вниманіе на этихъ двухъ дураковъ: они несомнѣнно на часахъ и охраняютъ ея tête-à-tête съ Ганюжемъ! Онъ ее положительно компрометтируетъ!..

— Извини, это *она* себя компрометтируетъ недостойнымъ поведеніемъ... Ты тутъ ничего не можешь сдѣлать, мой бѣдный юноша, да и я не болѣе тебя... Помоги мнѣ справиться съ полдникомъ—это гораздо будетъ лучше, чѣмъ по-пусту волноваться и мучить себя!..

И, обернувшись въ сторону друзей Ганюжа, маркиза крикнула имъ издали, протягивая бокалы, которые были у нея въ рукахъ:

— Желаете, господа, шампанскаго?

Г-нъ Томасъ посмотрѣлъ на своего товарища, видимо совѣтуясь, какъ поступить. Они пошептались немного, и затѣмъ г-нъ Барбарá явился за шампанскимъ къ маркизѣ и съ бокалами опять отправился на свой постъ.

— Нѣтъ средства ихъ оттащить отъ этой дорожки! — пробормотала обезкураженная маркиза: — Жакъ угадалъ... Сусанна тамъ съ нимъ!..

Дѣйствительно, Ганюжъ отправился съ Сусанной именно по этой дорожкѣ. Пройдя немного, она сказала ему, улыбаясь спокойно и довѣрчиво:

— Гдѣ бы намъ здѣсь присѣсть отдохнуть?..

Не отвѣчая, онъ увлекъ ее въ тѣнистую чащу лѣсной заросли. И когда они очутились подъ непроницаемымъ сводомъ переплетающихся вѣтвей, въ прохладѣ и зеленоватомъ сумракѣ, и достаточно далеко отъ дорожки, такъ что съ нея никакъ нельзя

было ихъ видѣть, онъ опустился передъ нею на колѣни и простеръ къ ней руки, желая привлечь въ свои объятія. Сусанна противилась, сама волнуясь немного; внезапная, рѣзкая перемѣна въ обращеніи ея обожателя, его горящіе глаза ее испугали. Платонизмъ его, который она въ немъ такъ любила, уступилъ мѣсто чему-то болѣе земному; она хотѣла ускользнуть отъ него, но онъ быстро поднялся, сжалъ ее въ объятіяхъ и обжегъ ея ротъ страстнымъ, долгимъ, огненнымъ поцѣлуемъ.

Сначала она вырывалась отъ него, но потомъ подчинилась, волнуемая страннымъ, смѣшаннымъ чувствомъ радости и страха.

Онъ пробормоталъ:

— Я тебя обожаю!

И Сусанна, покорная приливу туманившей ей сознаніе нѣжности, обвила руками шею Ганюжа и, положивъ голову на его плечо, отвѣчала, сама не сознавая, что̀ она говоритъ:

— И я тебя также...

Онъ испустилъ крикъ радости и, грубо увлекая молодую женщину, страстно прошепталъ:

— Будь моею... отдайся мнѣ... вся...

Сусанна вдругъ пришла въ себя и оттолкнула его; она была испугана и поражена этими словами, которыхъ она никакъ не ожидала, до послѣдней минуты вѣря въ платонизмъ его чувствъ. Онъ надвинулся на нее, дрожа, обдавая ея лицо горячимъ дыханіемъ. Отъ него несло табакомъ и пивомъ. Онъ повторялъ:

— Будь, будь моею! Я этого хочу!..

Страхъ и отвращеніе поднялись въ ней. Она попятилась, крича:

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Никогда!..

И черезъ вѣтки, заграждавшія дорогу, она бросилась на дорожку и побѣжала по ней къ выходу.

Ганюжъ схватилъ ее за платье, такъ что она едва не упала.

— Подождите... Куда вы?..—говорилъ онъ: — что̀ скажутъ, если мы выйдемъ изъ лѣса въ такомъ видѣ!

Она остановилась, посмотрѣла на него и въ ужасѣ спросила себя: неужели и она *въ такомъ же видѣ*, какъ и этотъ молодой человѣкъ? Въ эту минуту, съ своимъ багровымъ лицомъ, налившимися кровью глазами и дрожащими, воспаленными губами, онъ показался ей отвратительнымъ—такъ много было въ немъ животнаго, почти звѣрскаго. Она остановилась, однако отодвинулась отъ него шага на два, готовая всякую минуту броситься бѣжать, лишь только онъ прикоснется къ ней.

Когда г-жа Миръ съ Ганюжемъ присоединились къ остал-

ному обществу, бо́льшая часть кавалеровъ уже были на лошадяхъ; серебро и посуду укладывали въ большія корзины, наполненныя отрубями.

Когда они появились, всѣ взгляды съ любопытствомъ устремились на нихъ, а мужъ Сусанны вскричалъ:

— Наконецъ-то!.. Мы ужъ думали, что вы заблудились!

Маркизъ помогъ своей женѣ сѣсть на лошадь.

— Такъ поздно, а до нашей виллы пять минутъ ѣзды,— обратилась къ послѣдней г-жа Лемо:—могу я васъ просить сдѣлать намъ удовольствіе вмѣстѣ съ нами пообѣдать? Вы будете въ обществѣ милой Сусанны и ея мужа, monsieur Дюкло и другихъ...

— Вы очень любезны, и я васъ благодарю отъ души, но въ этой амазонкѣ я задохнусь. А кромѣ того моя лошадь такая капризная: если ее поставить въ чужую конюшню, она начнетъ биться... Такимъ образомъ, я должна отказаться... не могу, никакъ не могу воспользоваться вашимъ приглашеніемъ; поѣду ужъ къ себѣ „Подъ Буки“.

— А вы, маркизъ?—обратилась г-жа Лемо къ ея мужу:— вамъ тоже жарко въ вашемъ костюмѣ и лошадь у васъ тоже не выноситъ чужихъ конюшенъ?

Маркиза поняла по тону, какимъ сказано было это архитекторшей, что она обидѣлась за отказъ; она взглянула на мужа; тотъ догадался и поспѣшно изъявилъ свое согласіе обѣдать у г-жи Лемо. Послѣ того она обратилась къ Жаку:

— Ну, а вы, monsieur Жакъ, будете у насъ обѣдать?

— Благодарю васъ, я долженъ сопровождать тетю... Къ тому же у меня такъ болитъ голова, что я буду скучнымъ и непріятнымъ собесѣдникомъ.

Маркизъ посмотрѣлъ на него:

— Въ самомъ дѣлѣ, ты что-то красенъ!..

Когда г-жа Лемо удалилась, Жакъ спросилъ Монтрё:

— Какъ? ты обѣдаешь у нихъ? несмотря на то, что эти люди другихъ политическихъ убѣжденій?..

— Другъ мой,—съ важностью отвѣчалъ тотъ:—я отобѣдаю у самого префекта, если буду надѣяться встрѣтить тамъ г-жу Миръ!—Ганюжъ усадилъ своихъ друзей въ маленькій фіакръ, который долженъ былъ ихъ доставить на виллу Бельфонтенъ; затѣмъ онъ взялъ Аполлона изъ рукъ солдата-гусара, который цѣлый часъ водилъ его въ поводу, и привелъ бѣднаго старика къ ландо.

— Вотъ оно!—вскричала съ гнѣвомъ г-жа Лемо:—вотъ оно,

это ужасное животное, благодаря которому я такого страха натерпѣлась вчера!

И, поднявъ свой зонтикъ, она хотѣла ударить имъ Аполлона по мордѣ; тотъ шарахнулся въ сторону, и это рѣзкое движеніе заставило Ганюжа выпустить изъ рукъ поводъ, который онъ слабо держалъ въ пальцахъ. Почувствовавъ себя на свободѣ, старый конь сейчасъ же мелкой рысцой засѣменилъ въ сторону отъ экипажа въ поле. Ганюжъ, растопыривъ руки, побѣжалъ за нимъ, намѣреваясь поймать Аполлона; тотъ на мгновеніе остановился, понюхалъ воздухъ и, выбравъ направленіе, откуда по вѣтру тянуло жильемъ, поскакалъ галопомъ и совершенно такъ же, какъ наканунѣ, скрылся на тѣнистой лѣсной дорожкѣ.

При видѣ растерявшагося молодого человѣка, маркиза не могла не засмѣяться.

— По всему видно, что лошадь эта любитъ одиночество!— сказала она.

— Это опасная лошадь!—сентенціозно замѣтила г-жа Лемо:— ты не долженъ болѣе на ней ѣздить.

— Однако, мнѣ опять, какъ вчера, придется идти пѣшкомъ,— съ досадой сказалъ Ганюжъ:—Томасъ и Барбарà уже далеко. Я не могу надѣяться ихъ догнать.

— Но мы тебя возьмемъ въ ландо!—вскричала г-жа Лемо и, обернувшись къ маркизѣ, прибавила:

— Вѣдь вы не боитесь, не правда ли, что рессоры вашего экипажа не выдержатъ, если еще онъ сядетъ къ намъ?

— Нѣтъ!—отвѣчала, смѣясь, г-жа де-Гюре:—рессоры достаточно прочны, выдержатъ.

— Въ такомъ случаѣ полѣзай къ намъ, мой милый!

Молодой человѣкъ намѣревался сѣсть на скамеечкѣ противъ дамъ, между толстымъ пивоваромъ и не менѣе солиднымъ инженеромъ. Но сестра воспрепятствовала этому.

— Нѣтъ! нѣтъ!.. Садись вотъ сюда! между мной и Сусанной... Не бойся, ты насъ не стѣснишь! Ну что, усѣлся? Удобно тебѣ?

Весьма довольный предложеніемъ сестры, Ганюжъ помѣстился почти на колѣни г-жи Миръ и громко, видимо съ тѣмъ, чтобы всѣ слышали, сказалъ, бросая на нее взглядъ, который считалъ обаятельнымъ:

— Сегодня я необыкновенно благодаренъ моей лошади за ея продѣлку: благодаря ей, я счастливѣйшій изъ смертныхъ!— И затѣмъ прибавилъ, но уже тише и съ такимъ видомъ, что этого никто, кромѣ двоихъ, здѣсь не пойметъ:

— Слишкомъ много счастья въ одинъ день!

Ландо тронулось, въ сопровожденіи маркиза де-Гюре и кавалеровъ, приглашенныхъ обѣдать въ Бельфонтенъ; остальные экипажи и всадники отправились по другой дорогѣ.

Жакъ и маркиза, пропустивъ впередъ все общество, остались одни среди этой волнистой, кое-гдѣ по склонамъ холмовъ поросшей мелкимъ кустарникомъ, мѣстности. Уже смеркалось и легкій, серебристый туманъ поднялся надъ зелеными низинами; въ сторонѣ синѣлъ лѣсъ; тишина нарушалась только невнятнымъ стукомъ колесъ и копытъ удалявшейся компаніи членовъ общества „Rallyes-paper".

Молодой человѣкъ стоялъ около своей лошади, устремивъ взоръ на дорогу, какъ будто все еще созерцая Сусанну, бѣлое платье которой за минуту передъ этимъ рѣзко выдѣлялось на фонѣ наступавшихъ сумерекъ, и которой уже не было тамъ. Лицо его было задумчиво и грустно, онъ не шевелился.

— Ну, что-жъ? Чего ты еще ждешь?—спросила г-жа де-Гюре.—Если мы еще здѣсь промедлимъ немного, намъ придется возвращаться ночью.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, что-жъ это я!—и Жакъ вскочилъ поспѣшно на лошадь.—Простите меня, ради Бога, тетя Шарлотта! я задумался, а о чемъ—право, и самъ сказать не могу.

И такъ какъ маркиза не отвѣчала ему на это ни слова, онъ, чувствуя потребность излить то, чтò накопилось въ немъ за этотъ день, чтò теперь мучило и жгло его, продолжалъ:

— Или нѣтъ, вру... я отлично знаю, о чемъ я думалъ, отлично знаю. Ну, не глупо ли это—скажите мнѣ ради всего на свѣтѣ—ну, не глупо ли, не безумно ли терзаться, чувствовать себя больнымъ, несчастнымъ, превратиться въ идіота—и ради чего, ради кого? Ради хорошенькой куклы, ради женщины, за красивой внѣшностью которой не скрывается ничего, кромѣ тщеславія и пустоты, у которой нѣтъ ни сердца, ни чувства, ни души, ничего нѣтъ, рѣшительно ничего, достойнаго настоящей женщины?..

— Но изъ чего же ты могъ заключить, что у нея нѣтъ ни сердца, ни души?—спросила маркиза.

— Да развѣ я не вижу? Развѣ я не имѣлъ случая убѣдиться? Тогда Подъ-Буками... Еще мы собирали цвѣты для букета... Я помню этотъ проклятый день, день, когда я, какъ дуракъ, ревѣлъ, такъ какъ имѣлъ случай... послѣ того какъ произошло... произошло объясненіе между нами...

Маркиза улыбнулась.

— Между вами произошло объясненіе? Я и не знала объ этомъ; я догадывалась, что между вами нѣчто произошло, но чтò именно, не могла себѣ представить... Ты тогда плакалъ и говорилъ только, что она тебя не любитъ; я тебя утѣшала.

— О, между нами ничего не произошло особеннаго!.. Но будь другой на моемъ мѣстѣ... Я думаю, что это кокетничанье не доведетъ ее до добра... Г-жа Миръ попадется... найдетъ коса на камень!

— Ты говоришь: ничего *особеннаго*... Чтò же именно, однако, произошло между вами?

— Она меня попросила развязать ленту, которую ей было неудобно развязать самой. Мы тогда сидѣли около ручья на той площадкѣ, знаете? Еще такая тамъ тѣнь всегда и свѣжесть... Я наклонился къ ней, красота ея меня опьянила... Ея чудные волосы такъ близко были отъ моихъ губъ... и самъ ужъ не знаю, какъ это случилось, но только... я обнялъ ее... и нѣсколько разъ прижалъ къ своей груди крѣпко, крѣпко... Вотъ и все!

— Ну, по моему, этого совершенно довольно, за-глаза!.. И что же она на это объясненіе?

— Она расхохоталась мнѣ въ лицо, почти что расхохоталась!.. Ни волненія, ни жалости ко мнѣ, ничего! полное, холодное и насмѣшливое равнодушіе. Она даже не сочла нужнымъ— представьте, каково было это мнѣ снести!—да, не сочла нужнымъ даже разсердиться, даже гнѣвнаго слова не сорвалось съ губъ ея!

— Чтò ты хочешь? Она была поражена такимъ обращеніемъ съ нею, растерялась...

— Она-то растерялась? Полноте, пожалуйста! Да она сама въ минуту откровенности признавалась, что ея страсть—кружить головы мужчинамъ... Она опытна въ этомъ отношеніи...

— Ты преувеличиваешь и пристрастно судишь ее!

— Нѣтъ, тетя, я говорю то, чтò есть на самомъ дѣлѣ! Я знаю, какая она, и такою, какъ она есть, я все-таки люблю ее, люблю безумно! Это-то и ужасно! Если бы вы знали, тетя Шарлотта, если бы вы знали!.. Я такъ давно уже люблю ее!.. Когда я вернулся изъ полка и нашелъ Сусанну уже замужней женщиной, я хотя еще и не понималъ того чувства, которое жило во мнѣ, но какъ бы то ни было, самъ не сознавая почему, просто видѣть не могъ этого бѣднаго инженера, ея мужа, который между тѣмъ—человѣкъ въ высшей степени порядочный и образованный.

— Дуракъ онъ, больше ничего!..

— Пусть будетъ по вашему!.. Потомъ, среди безумныхъ, безпорядочныхъ увлеченій юности, въ мгновенія, когда, повидимому, я менѣе всего былъ способенъ вспоминать о ней, ея обворожительный образъ вставалъ передо мною, какъ воплощеніе женской чистоты и прелести; я видѣлъ ея улыбающіяся, цѣломудренныя уста, видѣлъ глубокіе глаза ея... Когда въ Явѣ я лежалъ больной и былъ убѣжденъ, что мнѣ суждено умереть далеко отъ родины, отъ друзей и родныхъ, въ одиночествѣ, одна только мысль являлась въ моемъ умѣ: Сусанна!.. Съ той же минуты, какъ я возвратился... Но что̀ съ вами, тетя Шарлотта?..

Маркиза отвѣчала спокойнымъ, твердымъ голосомъ:

— Право, ничего... Что̀ тебѣ такое показалось во мнѣ?

— Не знаю, можетъ быть, мнѣ такъ показалось... но вы вдругъ такъ поблѣднѣли... Но нѣтъ, право же, вамъ вѣрно нехорошо! Вы стали совсѣмъ зеленая... Такой нездоровый видъ...

— Ты бредишь!.. Я кажусь тебѣ блѣдной и зеленой потому, что отъ листвы, пронизываемой лучами заходящаго солнца, на мое лицо падаетъ зеленоватый отсвѣтъ...

— Вы это правду говорите? Вы вполнѣ здоровы?

Она, смѣясь, отвѣчала:

— Да что ты это забралъ себѣ въ голову? Совсѣмъ здорова... Ну, продолжай же! На чемъ ты остановился?.. Да! ты началъ говорить, что со времени своего возвращенія...

— Да, такъ со времени моего возвращенія,—подхватилъ Жакъ:—я постоянно видѣлъ ее и продолжалъ любить. Ясно я не отдавалъ отчета въ чувствахъ, волновавшихъ меня; я жилъ, какъ и прежде, разсѣянной, свѣтской жизнью, и никогда—въ этомъ готовъ поклясться—никогда даже въ мысляхъ я не осмѣливался коснуться благополучія и чистоты Сусанны... Я даже въ воображеніи былъ самымъ почтительнымъ, самымъ, до глупости, платоническимъ влюбленнымъ... Такъ было до того дня, когда я увидѣлъ, что явился другой, менѣе щекотливый человѣкъ, который не задумался занять то мѣсто, на которое я не смѣлъ разсчитывать... Съ этой минуты я понялъ самого себя: тихое чувство обожанія и восхищенія смѣнилось бурной, непреодолимой страстью... Теперь уже я неудержимо жажду взаимности и сознаніе тщетности моихъ надеждъ дѣлаетъ меня несчастнымъ... глубоко несчастнымъ!..

— Я это отлично вижу... Послѣдуй совѣту, который я тебѣ дала въ тотъ день, когда ты мнѣ сказалъ, что любишь Сусанну.

— Какому совѣту?

— Отправляйся въ Персію!

— Никогда! Что̀ буду я дѣлать вдали отъ васъ?

— Я тебѣ такъ необходима?

— Вы знаете это... Съ вами одной я могу быть вполнѣ откровеннымъ, одной вамъ я могу повѣрять мои муки...

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ... Я тебѣ могу быть нужна въ этомъ отношеніи, какъ же...

— Вы разсердились?

— Вотъ еще... съ какой же мнѣ стати сердиться!

— Право, не знаю... Мнѣ только такъ показалось.

Г-жа де-Гюре натянуто засмѣялась.

— Что это сегодня тебѣ все кажется: то я больна, то разсердилась! Ты точно сталъ неясно видѣть... или сумерки такъ измѣняютъ мое лицо?

— Быть можетъ. Какъ бы то ни было, но вы сегодня не такая, какъ всегда. Вотъ вы теперь смѣетесь, и совсѣмъ не вашимъ обычнымъ, добрымъ смѣхомъ... Я такъ люблю вашъ смѣхъ! Кстати, я еще хотѣлъ вамъ сказать кое-что...

— Ты мнѣ потомъ объ этомъ разскажешь, а теперь надо торопиться. Вотъ по этой дорогѣ будетъ всего ближе; прибавимъ же шагу!

И, перескочивъ черезъ канаву, маркиза поѣхала по необыкновенно узкой лѣсной дорожкѣ. Жакъ послѣдовалъ за нею, крича:

— Но вы себѣ здѣсь выколете глаза! По этой дорогѣ вѣрно ужъ полгода какъ никто не ѣздилъ! И не проберешься черезъ сучья и вѣтки...

Она ничего не отвѣчала и продолжала скакать сквозь чащу, гдѣ царилъ сумракъ наступающаго вечера. Вдругъ она остановилась такъ неожиданно, что морда лошади поспѣшавшаго за ней Жака коснулась крупа ея лошади.

— Ахъ, моя шляпа!

И она стала отпутывать свою шляпу, нависшую на концѣ длинной вѣтки, между тѣмъ какъ черные волнистые волосы каскадомъ разсыпались на корсажъ ея сѣрой амазонки.

— Ну вотъ, вѣдь я же вамъ говорилъ,—сказалъ Жакъ,—что это дорога невозможная!

— Отодвинься и не топчись на мѣстѣ! У меня выпалъ гребень; поищи его, пожалуйста!

Молодой человѣкъ соскочилъ съ лошади и, заставивъ ее попятиться назадъ, привязалъ къ дереву. Потомъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ нагнулся, разсматривая дорогу.

— Поищемъ гребень! — сказалъ онъ.

Г-жа де-Гюре тоже взяла свой лорнетъ и принялась разглядывать землю.

— Постой, вотъ онъ!—вскричала она:—ты на него наступилъ!

— Гдѣ? Я ничего не могу различить на этихъ сухихъ листьяхъ.

— Вонъ онъ... тамъ, у тебя подъ носомъ!

— Право же, я ничего не вижу!

— Ну постой, я тоже сойду съ лошади!

Жакъ подошелъ и поднялъ маркизу съ сѣдла, охвативъ руками ее талію, какъ и всегда дѣлалъ, и принимая ее въ свои объятія. Она ему показалась такой привлекательной, съ распущенными, пышными волосами, раскраснѣвшаяся, съ блестящими глазами, что онъ мгновеніе неподвижно держалъ ее на воздухѣ.

— Вамъ, самое большее, можно дать девятнадцать лѣтъ, тетя Шарлотта! вы похожи на хорошенькаго мальчика!

И прежде чѣмъ поставить ее, наконецъ, на землю, онъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

— Отстань!—крикнула она, отталкивая его съ гнѣвомъ:—ты слишкомъ много позволяешь себѣ!

Онъ оторопѣлъ.

— То-есть, какъ? Чтὸ я себѣ позволяю?

Г-жа де-Гюре подняла свой черепаховый гребень и, не говоря ни слова, быстро оправила волосы.

Жакъ снова повторилъ свой вопросъ.

Она отвѣчала измѣнившимся голосомъ:

— Ты вообще обращаешься со мной не такъ, какъ бы слѣдовало.

— Но, тетя Шарлотта, я держу себя съ вами теперь такъ же, какъ и всегда!

— Ну, значитъ, и всегда ты не умѣлъ держать себя какъ слѣдуетъ, и ты доставишь мнѣ большое удовольствіе, если перемѣнишь свой тонъ и обращеніе.

И между тѣмъ, какъ онъ помогалъ ей взобраться на лошадь, она продолжала:

— Я слишкомъ стара, чтобы позволить тебѣ...

Онъ, смѣясь, прервалъ ее:

— Ну, что касается вашей старости, то мы кажемся однихъ лѣтъ.

— Мои волосы давно посѣдѣли...

— И мои также!

— Перестанемъ говорить объ этомъ, это ни къ чему не поведетъ... Ты готовъ?

— Да. Дорога въ двухъ шагахъ—не поворотить ли намъ на

нее назадъ? Кажется, что эта ближняя дорога будетъ стоить дальней...

— Дѣлай какъ знаешь!

— Тетя Шарлотта, — заговорилъ Жакъ, когда они вновь выбрались на большую дорогу и поѣхали бокъ-о-бокъ:—что же это такое? Вы что-нибудь противъ меня имѣете?

— Не болтай пустяковъ!

Онъ покачалъ головой:

— Я не пустяки говорю, а дѣло, и вы это отлично знаете. Съ того самаго дня, какъ я сказалъ вамъ, что люблю Сусанну, это и началось...

— Да что же началось-то, ну что?

— Вотъ прекрасно... ваша перемѣна ко мнѣ! Съ тѣхъ поръ вы стали ко мнѣ совершенно иначе относиться: прежняя искренность и сердечность исчезли. Я часто ломаю себѣ голову и ничего не могу придумать! Чѣмъ объяснить эту перемѣну? Я не знаю.

— Повѣрь, что я люблю тебя отъ всей души по прежнему! Если бы ты былъ моимъ сыномъ, то и тогда я не могла бы тебя любить болѣе, чѣмъ теперь!

— Вѣрю, но въ такомъ случаѣ почему вы какъ будто отъ меня отстраняетесь, почему вы со мной такъ суровы? Почему вы теперь всегда отказываетесь отъ поѣздокъ вмѣстѣ въ каретѣ, отъ прогулокъ со мною? Все это прежде насъ сближало!

— Я и не думаю уклоняться, а это такъ само собой выходитъ!

— Само собой?.. Нѣтъ, не само собой!.. Если ужъ вы никакъ не можете уклониться отъ моего общества, то въ такомъ случаѣ вы держите себя неприступно; вы холодны, равнодушны, почти недовольны,—однимъ словомъ, вы стали совсѣмъ другая, тетя Шарлотта!

— Какой вздоръ!

— Нѣтъ! Вотъ, напримѣръ, когда мы съ вами обѣдали въ тотъ вечеръ... помните?

— Ну?

— Вы еще такъ восхищались три мѣсяца тому назадъ, что намъ можно будетъ обѣдать глазъ-на-глазъ вдвоемъ. Это такъ будетъ весело, думалъ я: откровенная, живая бесѣда.

— Надежды обманчивы!

— И что же? на мѣсто того, вы были такъ холодны, натянуты... обѣдъ прошелъ почти въ молчаніи... Если бы только я могъ понять, чѣмъ навлекъ я на себя вашу немилость! Но нѣтъ... я ничего такого не сдѣлалъ! Я ищу...

— Не ищи, все равно не найдешь.

И послѣ нѣкотораго колебанія она прибавила:

— Мнѣ кажется, не легко найти то, чего не существуетъ!

— Вы можете говорить что вамъ угодно, тетя Шарлотта, но я не могу повѣрить, чтобы вы, такая добрая, честная, справедливая, вдругъ безъ всякаго повода стали ко мнѣ дурно относиться...

— Не говори такъ... не говори, что я дурно къ тебѣ отношусь!..

— Но если это такъ?..

— Ахъ, я тебя прошу!—повторила она болѣзненнымъ тономъ:—не говори такъ... Ты вѣдь и самъ отлично знаешь, что это неправда!

— Простите меня!—поспѣшилъ сказать Жакъ, пораженный искренней тоской, звучавшей въ ея голосѣ:—простите меня! у меня сегодня особенно какъ-то расходились нервы...

Они доѣхали, уже не говоря ни слова. Между тѣмъ ночь почти наступила. Когда они вошли въ темный вестибюль замка, слуга внесъ лампы. Свѣтъ упалъ на маркизу, и Жакъ увидѣлъ, что все лицо ея въ слезахъ.

Наклонившись къ ней, онъ произнесъ съ нѣжностью:

— Вы плачете?.. что съ вами?

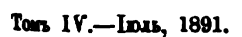
— Ничего!—грубо отвѣчала она.

И быстро поднявшись по лѣстницѣ, она крикнула въ дверяхъ, проходя на свою половину:

— Пустяки, о которыхъ говорить не стоитъ... Я въ такомъ же состояніи какъ и ты... Нервы разстроены...

„Вотъ удивился бы я, — подумалъ Жакъ, оставшись въ вестибюлѣ, гдѣ хотѣлъ выкурить трубку:—если бы кто-нибудь еще вчера сказалъ мнѣ, что у тети Шарлотты могутъ быть разстроены нервы!“

А. Э.



ПАУПЕРИЗМЪ

ВЪ

СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

I.

Организація силъ на борьбу съ соціальнымъ зломъ.—Увеличеніе опасности при республиканской формѣ правленія.—Незначительность пауперизма среди природныхъ американцевъ.—Cowboys.—Бродяги.—Палліативныя мѣры обществъ на религіозной подкладкѣ. — Новые пріемы борьбы съ пауперизмомъ. — Свѣтскіе кружки. — Пробужденіе духа времени въ молодыхъ представителяхъ духовенства.

Въ виду многочисленныхъ фактовъ и мнѣній, свидѣтельствующихъ о пагубномъ воздѣйствіи европейской эмиграціи на соціальную и экономическую жизнь Соединенныхъ Штатовъ, невольно приходитъ на умъ вопросъ: что же предпринимается американцами для того, чтобы оградить себя отъ надвигающейся на нихъ опасности?

Въ этомъ отношеніи дѣйствующія силы американцевъ распадаются на двѣ фаланги: одна стремится открыть обществу глаза насчетъ настоятельной необходимости теперь же принять мѣры противъ разростающейся гидры невѣжества и пауперизма, тогда какъ другая фаланга выступаетъ на самую арену борьбы и группируется въ отряды, проводя въ жизнь ту или другую теорію наилучшаго метода борьбы противъ зла.

Несмотря на существованіе бѣдности въ странѣ, до самаго послѣдняго времени она не проявлялась здѣсь въ своемъ болѣз-

номъ фазисѣ — въ формѣ „пауперизма“, т.-е. бѣдности, соженной съ утратой чувства чести, трудолюбія, инстинктовъ висимости и самоуваженія. Пауперизмъ, съ его отличитель- чертами—заглушеніемъ всякой гордости и всякой надежды тиженіе собственными силами лучшихъ обстоятельствъ — природныхъ американцевъ почти не существуетъ; когда соціальная язва присасывается къ туземцамъ,—что случ- ишь въ самыхъ большихъ центрахъ населенія,—то они ..ются гораздо ниже самыхъ безнравственныхъ порочныхъ европейцевъ. За все время моего изслѣдованія жизни въ столичныхъ трущобахъ, мнѣ почти не попадалось въ нихъ людей, происходившихъ отъ природныхъ американцевъ. Акклиматизація ли видоизмѣняетъ здѣсь человѣческую природу въ третьемъ поколѣніи, или и вправду только начиная съ шестидесятыхъ годовъ прибывалъ сюда нежелательный, вредный классъ эмигрантовъ — фактъ на-лицо: трудно встрѣтить здѣсь человѣка, содержимаго на счетъ общественной благотворительности, у котораго не оказалось бы хотя дѣда или бабки европейскаго происхожденія. Я не стану, конечно, утверждать, что потомки чисто-американскихъ предковъ не впадаютъ въ нищету или порочность; я только говорю, что они не садятся добровольно обществу на шею, а главное, не остаются по большимъ городамъ, гдѣ язва пауперизма наиболѣе заразительна и опасна: въ нихъ все еще столько гордости, что они лишь въ исключительныхъ случаяхъ примиряются съ занесеніемъ ихъ въ „списки вспомоществованія неимущимъ“. Среди американцевъ сильно развито чувство родственности, взаимопомощи, такъ что человѣку семейному, впавшему въ нужду, всегда бываетъ на кого опереться, пока не подростутъ дѣти, которыя тогда возьмутъ бремя заработка на себя.

Меня часто возмущала американская система долгаго гощенья у родныхъ и знакомыхъ, причемъ хозяинъ дома иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ прокармливаетъ „гостей съ дѣтьми“, не зная, когда отъ нихъ избавится, и все же никогда не рѣшаясь ихъ прямо выпроводить. Женщины, поселяющіяся „въ гостяхъ“, со второго же дня своего пребыванія въ семьѣ, присосѣживаются шить, помогать по хозяйству: неделикатно ихъ выпроваживать — а тамъ съ ихъ присутствіемъ и свыкнешься. Надо, однако, сказать, что не одни лица, впавшія въ крайнюю нужду, пользуются американскимъ учрежденіемъ „гощенья“: нѣтъ здѣсь числа тѣмъ дѣвицамъ, которыя, принадлежа къ когда-то богатымъ семьямъ и располагая годовымъ доходомъ въ какихъ-нибудь пятьсотъ или тысячу долларовъ, находятъ болѣе удобнымъ для себя всѣ эти

деньги сполна тратить на туалеты, гостя по мѣсяцамъ то въ томъ, то въ другомъ изъ знакомыхъ домовъ, „гдѣ много принимаютъ“: конечно, эти лэди и въ мысляхъ не имѣютъ причислять себя къ продуктамъ пауперизма.

Одинокіе неудачники, почему-нибудь затертые въ борьбѣ за существованіе, даже люди, выпадающіе изъ достаточныхъ слоевъ, неизмѣнно стремятся на далекій западъ, а порою зачисляются въ „cowboys“ — нѣчто среднее между головорѣзомъ, степнымъ разбойникомъ и наемнымъ рабочимъ на службѣ у гуртовщиковъ, который гарцуетъ по степи съ кнутомъ или арканомъ, оберегая табуны лошадей и гурты рогатаго скота. Конечно, въ cowboys попадаетъ лишь молодежь; жизнь на широкомъ раздольѣ степей мало-по-малу затираетъ въ нихъ самое воспоминаніе объ условности и порядкахъ цивилизованной жизни: ножомъ и револьверомъ порѣшаютъ они свои споры; тѣми же аргументами пользуются они иногда и въ видахъ воздѣйствія на своихъ хозяевъ. Неудачники, надѣленные меньшей дозой энергіи, спустившіеся по соціальной лѣстницѣ на ту низкую ступень, гдѣ сила воли въ конецъ ослабѣваетъ, становятся профессіональными бродягами, переходятъ съ мѣста на мѣсто, нигдѣ не селясь, питаясь чѣмъ попало, снисходя иногда, изъ-за обѣда, на то, чтобы распилить немного дровъ для фермера, вычистить ему конюшню или оказать ему другую какую услугу—никогда, однакоже, ни на какую постоянную работу не нанимаясь, даже гордясь своею независимостью. Когда же такому бродягѣ ужъ очень плохо приходится за время сильнѣйшихъ зимнихъ морозовъ, онъ превращается въ „шэкера“, ищетъ пріюта у этихъ добродушныхъ сектантовъ, живетъ у нихъ всю зиму на вольныхъ хлѣбахъ, работая какъ можно меньше, и только въ крайнемъ случаѣ попадаетъ въ пріюты или тюрьмы, съ тѣмъ, чтобы выписаться изъ нихъ при первомъ проблескѣ весны.

Кромѣ этихъ бродягъ, совершающихъ нарочно мелкія кражи для того, чтобы попасть зимою на вольные тюремные хлѣба, процентъ американцевъ сравнительно низокъ какъ въ тюрьмахъ, такъ и въ исправительныхъ домахъ: ихъ почти не попадается въ спискахъ провинціальныхъ благотворительныхъ обществъ. Это—фактъ весьма лестный для американцевъ и онъ подаетъ большія надежды на успѣхъ мѣстнымъ борцамъ противъ пауперизма, когда будутъ поставлены надежныя преграды вторженію нежелательныхъ элементовъ изъ Европы.

Я не стану останавливаться здѣсь на разборѣ методовъ и воззрѣній, руководящихъ различными обществами и организаціями,

добровольно посвящающими себя задачѣ поднятія человѣка, забитаго въ жизненной борьбѣ, а ограничусь лишь общимъ обзоромъ взглядовъ просвѣщенныхъ американцевъ на этотъ предметъ, отмѣчая отдѣльныя мнѣнія лишь тамъ, гдѣ исходятъ они отъ наиболѣе компетентныхъ судей. Въ свидѣтельство того, насколько озабочиваетъ всѣхъ идея о соціальномъ злѣ, занесенномъ сюда толпою нищихъ переселенцевъ изъ Европы, не излишне отмѣтить, что даже въ церквахъ внѣ службы происходятъ чтенія на эту тему различными духовными лицами; я присутствовала на одной весьма талантливой лекціи этого свойства, сопровождаемой тѣневыми картинами съ фотографій, яко бы снятыхъ въ трущобахъ Нью-Іорка, „подъ охраною полиціи". Замѣчу мимоходомъ, что эти картины, за исключеніемъ двухъ, изображающихъ притоны воровъ, не указали мнѣ никакого новаго матеріала; все это мнѣ и раньше случалось видѣть своими глазами въ трущобахъ, гдѣ я бывала безо всякой „полицейской охраны", не сознавая даже ея необходимости: до того трущобная среда добродушно-беззаботна, когда не въ конецъ забита нуждой.

Пріятно отмѣтить тотъ фактъ, какъ быстро пополняются здѣсь ряды свѣтскихъ обществъ, стремящихся, каждое по мѣрѣ силъ своихъ, такъ или иначе поставить на ноги наибольшее число людей, теряющихъ голову въ жизненной борьбѣ. Размѣры журнальной статьи не позволяютъ мнѣ привести здѣсь даже простого перечня этихъ обществъ—до того они многочисленны и разнообразны въ своихъ методахъ; многія изъ нихъ притомъ работаютъ совершенно независимо и ни въ какихъ спискахъ не значатся. Во многихъ отношеніяхъ эти отдѣльныя общества бродятъ еще ощупью, что̀ и неудивительно, такъ какъ онѣ часто возникаютъ по мысли отдѣльнаго лица—ихъ основателя; но всѣ зачисляющіеся въ нихъ борцы болѣе или менѣе единодушно исходятъ изъ той здравой посылки, что человѣкъ есть только продуктъ тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыя поставила его жизнь; что нельзя ставить въ вину отдѣльному лицу зло, порождаемое цѣлымъ обществомъ, и что потому каждый случай индивидуальной бѣдности и неудачъ слѣдуетъ разсматривать не только въ связи съ личными недостатками и пороками даннаго неудачника, а въ связи съ той средой, въ которой онъ вращается.

Какъ и слѣдовало ожидать,—люди, придерживающіеся новѣйшихъ методовъ въ борьбѣ съ пауперизмомъ, вполнѣ соглашаются съ доводами экономистовъ насчетъ безусловнаго вреда благотворительности, дѣйствующей безъ разбора, въ особенности раздачи

милостыни уличнымъ нищимъ, разъ уже доказано, что ничто такъ не ослабляетъ силы воли, не подкапываетъ человѣческой энергіи, какъ привычка разсчитывать на чужую поддержку, а сила воли, настойчивость въ преслѣдованіи цѣли, утвердительно можно сказать, являются главными факторами въ установленіи характера гражданина свободной страны, единственными залогами успѣха въ жизненной борьбѣ. Вслѣдствіе того, за исключеніемъ случаевъ экстренныхъ, грозящихъ непоправимымъ вредомъ изъ-за промедленія, соціальные реформаторы пауперизма стараются не оказывать вещественнаго вспомоществованія бѣднымъ, полагая, что даже временная голодовка менѣе вредна человѣку, чѣмъ та помощь, какая выдается ему по сентиментальному мягкосердечію. У каждаго прихода имѣется свой контингентъ бѣдныхъ, и пасторъ несомнѣнно лишился бы важнаго источника своего вліянія на прихожанъ, еслибы отказался отъ главной своей функціи—направленія ихъ въ дѣлахъ благотворительности и частыхъ совѣщаній съ ними по этому поводу; къ тому же противодѣйствіе идеѣ частнаго подаянія коробитъ многихъ изъ вѣрующихъ, помнящихъ евангельское предписаніе: „просящему у тебя дай и хотящаго занять—не отврати". Надо, однакоже, отмѣтить, что на дѣятельности многихъ изъ молодыхъ духовныхъ лицъ уже сказывается вліяніе тѣхъ идей, которыя привиты имъ были въ стѣнахъ университетовъ, и они организуютъ уже благотворительность приходовъ своихъ на новыхъ началахъ. Такъ, многіе устроиваютъ ремесленные классы при своихъ церквахъ, зачисляютъ прихожанъ въ общество „Fresh Air Fund", задающагося мыслью доставлять бѣднякамъ возможность совершать загородныя экскурсіи,—организуютъ кружки снабженія больницъ книгами и цвѣтами, устроиваютъ читальни и клубы для недостаточныхъ прихожанъ. Ректоръ аристократической церкви св. Георгія на Stuyvesant square, энергическій молодой англичанинъ, Dr. Rainford,—проникнутый оксфордскими идеями насчетъ того, что для взаимнаго блага низшихъ, равно какъ и высшихъ классовъ они должны быть приведены въ соприкосновеніе,—устроиваетъ при своей церкви вечерніе классы для работающей днемъ молодежи; въ учителя для этихъ классовъ докторъ Рейнфордъ набралъ 26 молодыхъ дѣвушекъ богатыхъ семей и столько же свѣтскихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ каждому хоть одинъ вечеръ въ мѣсяцъ приходится учить свой классъ въ вечерней школѣ; эти молодые учителя вносятъ въ свое дѣло энтузіазмъ безпримѣрный.

Вообще же говоря, задача устраненія неразборчивой благотворительности тѣмъ болѣе трудна, что американцамъ положи-

тельно ненавистна самая идея регулированія или ограниченія свободы дѣйствія частныхъ лицъ, съ какою бы похвальною цѣлью то ни дѣлалось; каждый естественнымъ образомъ признаетъ за собою одним̆ъ право распоряжаться своими деньгами, какъ знаетъ. Къ этой всеобщей тенденціи присоединяется еще давно установившійся среди богатыхъ людей обычай—завѣщать часть своего капитала своему приходу, на „цѣли благотворительности"; часто, конечно, эти суммы уходятъ на миссіонерскія предпріятія среди дикарей, но много поступаетъ также въ пользу населенія въ самомъ городѣ. По исчисленію m-r Chas. D. Kellogg, человѣка, всецѣло посвятившаго себя дѣлу организаціи благотворительности— на прямое вспомоществованіе бѣдныхъ деньгами, топливомъ и вещами въ одномъ Нью-Іоркѣ ежегодно тратится 7.375.000 долларовъ. Отъ муниципалитета на этотъ предметъ поступаетъ полтора милліона долларовъ ежегодно; отъ разныхъ обществъ и благотворительныхъ заведеній—четыре милліона долларовъ; отъ церквей—375.000 долларовъ, а еще полтора милліона уходитъ путемъ раздачи подаяній прямо частными, отдѣльными лицами. Крупность этихъ суммъ не должна возбуждать удивленія: щедрость американцевъ на пожертвованія можетъ быть приравнена лишь къ алчности ихъ до наживы. Особенно отзывчивы бываютъ богатые люди на призывы своихъ пасторовъ. Изъ одного попавшаго недавно въ печать дѣла оказалось, что корпорація епископальной церкви св. Ѳомы (здѣсь церкви, имѣющія большую недвижимую собственность, зачисляются въ корпораціи), имѣетъ въ обращеніи для раздачи около 65.000 долларовъ ежегодно; помимо доходовъ со сдачи въ наемъ церковныхъ скамеекъ и пожертвованій отдѣльныхъ прихожанъ на спеціальныя цѣли, каждое воскресенье получается въ этой одной церкви не менѣе *двухъ тысячъ* долларовъ съ тарелокъ, обносимыхъ среди прихожанъ. Когда же какой-нибудь популярный проповѣдникъ производитъ усиленное воззваніе къ щедрости своихъ прихожанъ, церковный сборъ удесятеряется; всѣмъ здѣсь извѣстенъ тотъ фактъ что при одномъ случаѣ Dr. John Hall, знаменитый пасторъ пресвитеріанскаго толка, разомъ въ церкви собралъ цѣлыхъ 25.000 долларовъ со своихъ прихожанъ, если не ошибаюсь, на нужды какого-то пріюта, поддерживаемаго на церковныя суммы.

Нельзя отрицать, что американскія церкви дѣлаютъ много добра, насколько можно признавать добромъ мѣры палліативныя. Притомъ, церкви католическія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, унаслѣдованныхъ отъ устарѣлыхъ воззрѣній на вещи, все же демократичныя по самой сущности своей, являются по истинѣ цер-

квами темныхъ народныхъ массъ. Но церкви протестантскія—по преимуществу церкви для людей богатыхъ; это—организованный методъ наипріятнѣйшаго препровожденія богатаго человѣка въ царство небесное путемъ направленія его на стезю необременительныхъ для него пожертвованій въ пользу бѣдняковъ. Церкви одна передъ другой стараются заявить себя широкою филантропическою и миссіонерскою дѣятельностью, что̀ ведетъ, впрочемъ, весьма часто къ пересолу благотворительности, который однажды былъ остроумно обрисованъ епископальнымъ епископомъ Нью-Іорка, докторомъ Поттеромъ. „Проходя мимо одного дома въ трущобахъ, — сообщаетъ епископъ Поттеръ, — пріятель мой видитъ, какъ изъ-за угла улицы показываются двѣ католическія сестры милосердія, а дѣвочка, стоявшая на крыльцѣ дома, поспѣшно врывается въ комнату и кричитъ: „Мама, мама, спѣши сюда скорѣй! вонъ идутъ католическія „сестры“, а на маленькомъ братцѣ протестантское бѣлье надѣто!“ Благодаря чрезмѣрной щедрости церквей различныхъ толковъ и ихъ страсти къ прозелитизму, множество мошенниковъ, лѣнивцевъ и ханжей собираетъ съ нихъ дань, далеко превышающую въ каждомъ случаѣ заработокъ честнаго рабочаго. При всей величинѣ суммъ, которыя почти безконтрольно распредѣляются ректорами протестантскихъ приходовъ, къ чести ихъ я должна засвидѣтельствовать, что мнѣ, за девять лѣтъ пребыванія въ Штатахъ, ни разу, насколько помнится, не случалось читать или слышать о присвоеніи пасторами суммъ, жертвуемыхъ прихожанами.

II.

Поворотъ въ общественныхъ воззрѣніяхъ на бѣдность.—Взглядъ на этотъ предметъ врачей, духовенства, политико-экономовъ.—Общество „устраненія бѣдности“.—Видоизмѣненіе коренныхъ американскихъ идей подъ вліяніемъ борьбы противъ пауперизма.—Тенденціи англичанъ и американцевъ къ индивидуализму тамъ, гдѣ другія національности склоняются къ мѣрамъ государственнаго соціализма.—Религіозная подкладка дѣятельности, предпринимаемой теперь на почвѣ соціальныхъ вопросовъ.

Многіе хорошіе, щедрые на даяніе люди, равно какъ и самоотверженные служители церкви, придерживаясь старыхъ методовъ помощи ближнему и не видя отъ того особенно блестящихъ результатовъ, утѣшаютъ себя тою мыслью, что человѣческая воля и старанія безсильны въ дѣлѣ устраненія бѣдности, тѣмъ болѣе, что по словамъ самого Спасителя „бѣдныхъ вы всегда будете

имѣть съ собою". Но отъ этого взгляда замѣтно начинаютъ уклоняться не только молодые американскіе ученые и изслѣдователи соціальныхъ вопросовъ, но и лица духовныя, объясняющія себѣ слова Христа въ томъ смыслѣ, что мы всегда будемъ имѣть при себѣ несчастныхъ, нуждающихся въ нашей поддержкѣ физической или моральной, отнюдь не въ одной поддержкѣ матеріальной.

Еще недавно печать и общество издѣвались надъ „Обществомъ устраненія бѣдности" Anti-Poverty Society, организованнымъ здѣсь докторомъ Макъ-Глинномъ, который и понынѣ продолжаетъ состоять его президентомъ. Цѣль общества Anti-Poverty, какъ объясняетъ ее Макъ-Глиннъ, состоитъ въ подготовкѣ общественнаго мнѣнія, мирными и законными средствами, къ сознанію того, что Всевышній обезпечилъ на землѣ средства къ удовлетворенію законныхъ нуждъ всѣхъ людей, рождающихся на землѣ; конечно, средствомъ къ этому удовлетворенію признается Обществомъ то же, что предлагается и Генри-Джорджемъ, а именно устраненіе права частной собственности на землю. Пропаганду свою „Общество устраненія бѣдности" ведетъ вотъ уже года три, исключительно на суммы, составляющіяся изъ добровольныхъ пожертвованій, и каждый воскресный вечеръ въ залѣ Cooper Union, отводимой для безплатныхъ популярныхъ чтеній, происходитъ собраніе Общества и произносятся рѣчи Макъ-Глинномъ и другими лицами; часто при этомъ проповѣдь доктора Макъ-Глинна касается событій дня, политическихъ и общественныхъ, по связи ихъ съ ученіями, проповѣдуемыми Обществомъ. За труды свои на этомъ поприщѣ докторъ не получаетъ ровно ничего и живетъ лишь на то, что заработываетъ журнальными статьями, такъ какъ личное свое состояніе, что-то около тридцати тысячъ долларовъ, Макъ-Глиннъ роздалъ нуждающимся еще въ бытность свою пасторомъ большого и чрезвычайно бѣднаго католическаго прихода.

Сравнительно еще немного здѣсь людей готовыхъ согласиться со всѣми ученіями, такъ талантливо проповѣдуемыми краснорѣчивымъ Макъ-Глинномъ, но всѣ, кто знаетъ его или когда встрѣчалъ и слышалъ этого замѣчательнаго дѣятеля, за исключеніемъ, конечно, его клерикальныхъ оппонентовъ, единодушно свидѣтельствуютъ, что личностью и дѣятельностью своими докторъ является олицетвореніемъ симпатичнѣйшаго идеала американскаго патріотизма, независимости и высокаго чувства гражданственности.

Теперь, повидимому, прошло то время, когда надъ „Обществомъ уничтоженія бѣдности" смѣялись какъ надъ химерой. Макъ-Глиннъ имѣетъ теперь уже много симпатизирующихъ сподвижниковъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, хотя

многіе изъ нихъ работаютъ вполнѣ независимо отъ Макъ-Глинна, не признаютъ даже дѣйствительности теорій Генри-Джорджа.

Въ связи съ проявляющеюся въ обществѣ за послѣднее время тенденціею указывать зло, причиняемое рутинною постановкою дѣла благотворительности церковными корпораціями, не безъинтересенъ высказанный недавно въ печати взглядъ на дѣло такого виднаго американскаго ученаго, какимъ здѣсь почитается Richard T. Ely, состоящій адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ политической экономіи въ высшемъ учебномъ учрежденіи Соединенныхъ Штатовъ, въ „Johns Hopkins University“ въ Балтиморѣ. „Величайшая ошибка церквей [1]) состоитъ въ томъ, что,—какъ писалъ мнѣ недавно одинъ ректоръ,—онѣ не стараются поднять нравственнаго уровня рабочихъ классовъ, не стараются прививать идею равенства всѣмъ классамъ“... По мнѣнію профессора, одного богослуженія недостаточно для воздѣйствія на рабочаго человѣка: цѣль развитія достигалась бы быстрѣе, еслибы учреждены были мѣста убѣжища для рабочаго человѣка, гдѣ бы онъ находилъ средства къ пріятному препровожденію времени внѣ рабочихъ часовъ, не подпадая соблазну кабаковъ. „Изъ этихъ же мѣстъ удовольствія, подъ ободряющимъ воздѣйствіемъ церкви, рабочій,—по мнѣнію проф. Эли,—перейдетъ въ храмъ Божій уже по собственному желанію и почину“. Что же касается до палліативныхъ мѣръ благотворительности,—онъ судитъ о нихъ еще болѣе радикально. Восхваляя дѣло извѣстнаго филантропа, снабдившаго Балтимору обширной даровой библіотекой, Эли говоритъ: „Вмѣсто публичной библіотеки мистеръ Энохъ Праттъ могъ бы учредить въ Балтиморѣ съ полсотни даровыхъ столовыхъ, но даръ его оказался бы тогда не благомъ, а легъ бы карой на городъ. Язва, чума и голодъ, вмѣстѣ взятые, не могутъ и сообща произвести столько зла непоправимаго, сколько произвело бы его пятьдесятъ даровыхъ столовыхъ“ [2])!.. Опасность раздачи пособій вещами и деньгами заключается въ томъ, что этимъ путемъ побуждаютъ людей переставать трудиться на свою пользу, обращаютъ ихъ въ паразитовъ, лишаютъ ихъ мужества и самоуваженія... Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вслѣдствіе односторонняго призрѣнія благотворительности численность нищихъ возросла до того, что теперь тамъ приходится по одному нищему на каждые тридцать человѣкъ имущихъ, а въ другихъ

[1]) „*Philanthropy*“, by R. T. Ely.

[2]) Само собою разумѣется, что проф. Эли не включаетъ сюда столь полезныхъ и необходимыхъ учрежденій, изъ которыхъ раздаютъ даромъ укрѣпительную пищу, супъ, молоко и проч. неимущимъ больнымъ, по предписанію врача.

мѣстахъ даже по одному нищему на каждыхъ 18 и даже на 15 человѣкъ населенія! Подумайте только, что это значитъ. Мы привыкли говорить о томъ, какимъ гнетомъ на нѣмецкую націю ложится содержаніе ея арміи: а между тѣмъ, какъ ни велика германская армія, все же солдатъ въ ней насчитывается по одному лишь на каждую сотню населенія страны"...

Впрочемъ, взгляды проф. Эли извѣстны своею непримиримою радикальностью, которая хотя и снискала ему восторженную преданность учащейся молодежи, но едва ли можетъ доставить ему популярность среди народныхъ массъ. Не ходя далеко за примѣромъ, въ томъ же трактатѣ его о „филантропіи", изъ котораго сдѣланы вышеупомянутыя выдержки, профессоръ рѣзко возстаетъ противъ вреда, причиняемаго, какъ онъ полагаетъ, фундаментальной ошибкой американскаго міровоззрѣнія относительно того, что каждый человѣкъ, какъ бы низко онъ ни стоялъ, можетъ и долженъ надѣяться подняться на средній уровень гражданъ страны. Неосновательность этого общенаціональнаго американскаго идеала выставляется профессоромъ въ слѣдующемъ доводѣ: „возвышеніе человѣка обусловливаетъ собою существованіе массъ народа, стоящаго на низшемъ уровнѣ большинства, которое еще не возвысилось. Возвышеніе есть представленіе условное. Развѣ можетъ каждое дерево въ лѣсу быть выше всѣхъ другихъ деревъ?"... Итакъ, возвышеніе надъ другими всегда должно быть исключеніемъ: слѣдовательно наибольшая услуга рабочему человѣку, по увѣренію Эли, заключается не въ томъ, чтобъ подбивать его на то, чтобы всѣми силами тянуться вверхъ—стремиться вонъ изъ ряда себѣ подобныхъ (какъ тянутся и стремятся американцы обоихъ половъ и всѣхъ состояній), а въ томъ, чтобы сдѣлать рабочаго человѣка счастливымъ и довольнымъ въ той жизненной средѣ, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію... Что же однако станется при такихъ проповѣдяхъ съ излюбленною поговоркою американцевъ: „въ лохмотьяхъ послѣдняго изъ уличныхъ оборванцевъ сидитъ, можетъ статься, будущій президентъ Союза"?..

По истинѣ странному перевороту подвергаются въ наше время воззрѣнія американской интеллигенціи. Еще недавно и въ печати, и въ публикѣ раздавались восторженныя заявленія, что съ распространеніемъ даровыхъ читаленъ, институтовъ прикладного знанія, учрежденій по образцу знаменитаго Cooper Union въ Нью-Іоркѣ, міровоззрѣніе рабочаго человѣка должно расшириться само собою, и передъ нимъ самъ собою долженъ открыться широко путь къ улучшенію своего состоянія; но стоило только заглянуть въ біографію любого изъ американскихъ

самодѣланныхъ удачниковъ, такъ-называемыхъ selfmade men, и въ ней неизмѣнно било въ глаза описаніе того, какъ этотъ человѣкъ съ ранней юности работалъ не покладая рукъ весь день, а ночи проводилъ надъ рѣшеніемъ задачъ по высшей математикѣ, изученіемъ исторіи, языковъ и пр. и пр. И что же? теперь новѣйшіе соціально-политическіе иконоборцы, съ дерзостью, свойственной горячей юности, разносятъ въ прахъ всѣ эти прекраснодушныя фикціи.

„Читальни, говорите вы,—клубы, разсчитанные на содѣйствіе моральному развитію рабочаго человѣка!—возразила мнѣ одна изъ практикующихъ въ трущобахъ женщинъ-врачей:—видно, вы совсѣмъ не знаете еще быта рабочаго человѣка!.. Да развѣ есть какая физическая возможность послѣ десяти часовъ тяжкой работы мускулами — сосредоточить умъ свой на книгѣ, находить отдохновеніе въ умной бесѣдѣ?.. Единственное, что̀ можетъ послѣ рабочаго дня удовлетворить рабочаго, это рюмка вина, разомъ поднимающаго нервы, чувственныя удовольствія или же сонъ... Да и сама я, намаявшись день въ больницѣ и на практикѣ, возвратясь вечеромъ къ себѣ, не могу иногда заставить себя понять, что̀ читаю, когда возьму въ руки какое-нибудь серьезное медицинское сочиненіе“...

Подъ давленіемъ этихъ новыхъ воззрѣній на предметъ и возникаютъ, за послѣдніе года, старанія рабочихъ союзовъ добиться проведенія законовъ, запрещающихъ держать человѣка на работѣ болѣе восьми часовъ въ сутки; но гдѣ эти законы и проведены,—они являются одною мертвою буквою, такъ какъ многіе рабочіе сами рады проработать десять часовъ въ сутки, лишь бы заработать лишнія деньги.

Съ другой стороны, новые взгляды на филантропію прививаются молодому поколѣнію и съ профессорскихъ каѳедръ. Такъ, профессоръ политической экономіи въ одномъ изъ лучшихъ и богатѣйшихъ университетовъ Новаго Свѣта, въ нью-іоркскомъ Columbia College, Ричмондъ Мэйо Смитъ, неустанно проповѣдуетъ, что „благотворительность, какъ соціальная обязанность, не должна примѣняться потому лишь одному, что иначе общество будетъ поставлено въ опасное положеніе“. По убѣжденію профессора, въ соціальныхъ наукахъ должна твердо проводиться та мысль, что существуетъ „соціальное сознаніе добра и зла, что существуютъ соціальныя предписанія этики... и что на первомъ планѣ этихъ предписаній этики несомнѣнно стоитъ необходимость, чтобы цивилизованныя людскія общества озабочивались упорядоченіемъ быта ихъ слабыхъ членовъ-неудачниковъ“.

Можно подумать, что это ученіе чисто соціалистическаго характера. Такое впечатлѣніе будетъ однако не совсѣмъ вѣрно. Если американскіе ученые въ извѣстныхъ случаяхъ сочувствуютъ цѣлямъ, къ которымъ стремится государственный соціализмъ,—они рѣзко расходятся съ адептами его въ средствахъ, которыми стремятся достигнуть тѣхъ же результатовъ. Американцы, подобно англичанамъ, всегда предпочитаютъ работать надъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса, не покидая любезной имъ почвы идивидуализма. За послѣдніе же года здѣсь все болѣе и болѣе укореняется такое воззрѣніе на соціальный вопросъ, что наилучшій методъ къ его разрѣшенію состоитъ въ развитіи и поднятіи нравственнаго уровня людей въ ихъ собственной средѣ, прежде чѣмъ переносить ихъ въ такое положеніе, которое имъ не подъ стать. Наравнѣ съ развитіемъ и просвѣщеніемъ отдѣльныхъ лицъ признается необходимымъ обратить серьезнѣйшее вниманіе на поддержку семей, и такая система дѣйствій, несмотря на ея неизбѣжную медленность, американцамъ гораздо больше по сердцу, чѣмъ государственныя соціалистическія мѣры, разсчитанныя на огульное возвышеніе благосостоянія или развитія низшихъ классовъ.

Другая общая черта между методами англичанъ и американцевъ въ дѣлѣ осуществленія практическихъ соціальныхъ реформъ состоитъ въ той твердой вѣрѣ, съ какою эти новые дѣятели опираются на поддержку религіи. Знаменитое оксфордское движеніе на пользу нравственнаго сближенія трущобной восточной части Лондона съ элегантными кварталами западной части англійской столицы осуществилось и дало плоды, въ значительной степени основываясь на возбужденіяхъ религіознаго свойства и большой частью успѣховъ своихъ обязано самоотверженному содѣйствію духовныхъ лицъ. Равнымъ образомъ и въ Америкѣ самые ранніе дѣятели въ области улучшенія быта народныхъ массъ были самоотверженные молодые миссіонеры, каковы Хёнтингтонъ и докторъ Макъ-Глиннъ, ведущіе свою проповѣдь не словами, а дѣлами на пользу загнаннаго жизнью ближняго. За ними послѣдовали другіе борцы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе люди. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ большимъ числомъ этихъ ревностныхъ адептовъ новыхъ политико-экономическихъ ученій, и большинство ихъ всегда оказывалось глубоко вѣрующими людьми, хотя иногда ни къ какой церкви не принадлежащими. Отсутствіе въ этихъ дѣятеляхъ лицемѣрія и ханжества явствовало уже изъ той выдержки, съ которою они, въ сношеніяхъ своихъ съ обитателями трущобъ, воздерживаются отъ всякихъ ссылокъ на религію, какъ изъ боязни

отшатнуть отъ себя религіозныхъ фанатиковъ и атеистовъ, такъ и по твердому своему убѣжденію въ томъ, что религія, равно какъ и наука, могутъ оказаться привлекательными человѣку лишь по его собственной склонности, а главное, когда уже онъ достигъ извѣстной матеріальной и нравственной самостоятельности.

III.

Постановка общественной благотворительности въ Европѣ и причины ея непопулярности въ Соединенныхъ Штатахъ.—Въ чужомъ пиру—похмелье.—Недовѣріе къ дѣйствительности мѣръ законодательныхъ въ дѣлѣ возвышенія благосостоянія народныхъ массъ.—Наслѣдственность пауперизма.—Бостонскій клубъ націоналистовъ и быстрое размноженіе соціалистическихъ листковъ и ученій.—Результаты прекращенія подачи вещественныхъ пособій.—Возникновеніе и развитіе организаціи благотворительности въ Штатахъ.

Весьма вѣроятно, что первыя попытки американцевъ на почвѣ практической борьбы съ пауперизмомъ покажутся многимъ европейскимъ читателямъ лишь повтореніемъ того, что въ свое время происходило въ Англіи и другихъ странахъ. Несомнѣнно, что американцы во всѣхъ соціальныхъ вопросахъ начинаютъ съ того, что идутъ по стопамъ европейцевъ; но въ этомъ процессѣ подражанія съ самыхъ первыхъ пробныхъ шаговъ заявляетъ себя американская индивидуальность, а весьма скоро затѣмъ въ дѣятеляхъ возникаетъ и сознаніе необходимости выработки своихъ, новыхъ способовъ дѣйствія, такъ какъ методы Стараго Свѣта здѣсь очень трудно прививаются.

Ярче всего это сказывается на здѣшней постановкѣ организованной благотворительности. Благонамѣренные филантропы уже лѣтъ десять стараются знакомить здѣшнюю публику съ тою законченною системою организованнаго общественнаго призрѣнія, которая давно уже установлена въ западной Европѣ; но формализмъ, которымъ обставлено это дѣло въ Европѣ, мало привлекаетъ американцевъ.

Извѣстно, что во Франціи функція общественнаго призрѣнія почти всецѣло взята правительствомъ въ свои руки: частныя благотворительныя учрежденія тамъ рѣдко разрѣшаются. Во Франціи, однакоже, правительство не ассигнуетъ никакихъ суммъ на общественное призрѣніе; денежные фонды поставляются частною благотворительностью, а распредѣляются они уже по усмотрѣнію государственныхъ учрежденій общественнаго призрѣнія, помимо которыхъ во Франціи никто не можетъ ничего предпринять на

полѣ благотворительности. Этого рода стѣсненію уже, конечно, американецъ не подчинится. Онъ готовъ жертвовать крупныя суммы на благотворительность, но распредѣлять ихъ хочетъ по своему же усмотрѣнію. Равнымъ образомъ, гражданину свободной страны ненавистна самая идея того, что человѣкъ, разъ потребовавшій помощи, поступаетъ будто въ крѣпостную зависимость отъ полиціи и инспекторовъ, какъ въ Бельгіи и Германіи, гдѣ онъ вѣчно состоитъ подъ надзоромъ. Въ Германіи общественная благотворительность неоспоримо имѣетъ образцовую административную организацію. Германское имперское статистическое бюро ведетъ такой же точный счетъ бѣднымъ, какъ и Франція; въ Пруссіи нуждающійся человѣкъ долженъ обращаться съ просьбою о помощи къ „посѣтителю бѣдныхъ" того участка, гдѣ онъ живетъ, и полицейскія кары обрушиваются на него въ томъ случаѣ, если онъ дерзнетъ допустить въ показаніяхъ своихъ малѣйшую неточность. Бѣднягѣ притомъ объявляютъ, что если онъ приметъ вспомоществованіе, то тѣмъ самымъ немедленно лишается своихъ гражданскихъ правъ и обязуется во всемъ безпрекословно повиноваться агентамъ благотворительности. Не особенно привлекательно на американскій взглядъ обстоятельство, что если въ Пруссіи какого-нибудь обывателя изберутъ агентомъ муниципальнаго общества вспомоществованія, то и онъ подвергается взысканію въ случаѣ отказа своего служить. Въ Гамбургѣ же—и это насиліе личной свободы уже совсѣмъ непостижимо для американца—одно время существовало даже полицейское правило, запрещающее подавать на улицѣ милостыню.

Короче сказать: французскій методъ состоитъ въ государственной системѣ призрѣнія бѣдныхъ, въ Германіи же установлена прочно организованная частная благотворительность; цѣль обѣихъ системъ та же самая: старанія и той и другой направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе поставить нуждающагося въ возможность самому заработывать себѣ кусокъ хлѣба. Но какъ ни похвальна эта цѣль, въ глазахъ американцевъ она все-таки не освящаетъ тѣхъ средствъ, которыми она достигается; не укрываются отъ нихъ и пробѣлы въ столь громогласно публикуемыхъ результатахъ—оборотная сторона организованной системы благотворительности въ Европѣ. Не удовлетворяетъ американцевъ англійскій workhouse—рабочій домъ, служащій зачастую просто зимнимъ притономъ для бродягъ, развращающимъ честныхъ бѣдняковъ. Знаютъ американцы и то, что при всей великолѣпной организаціи парижскихъ Bureaux de bienfaisance Наполеонъ III все-таки за время своего царствованія призналъ необходимымъ

истратить сотни милліоновъ франковъ на публичныя работы, чтобы доставить занятія рабочему люду; что Бельгія, при всей своей организованной благотворительности, до сихъ поръ остается классическою страною пауперизма. Добросовѣстные американскіе изслѣдователи организованной благотворительности въ Германіи сообщаютъ сюда своимъ соотечественникамъ, что, несмотря на всю сложность нѣмецкихъ „вопросныхъ листовъ“ (Fragebogen), послѣдніе не въ состояніи восполнять нерадѣнія оффиціальныхъ нѣмецкихъ надзирателей дѣла, ни недостатка нравственнаго воздѣйствія со стороны людей, назначаемыхъ „посѣтителями бѣдныхъ“. Однимъ словомъ, какъ кажется американцамъ, рутина тамъ заѣдаетъ живое дѣло, которое становится въ массахъ тѣмъ болѣе непопулярно, что человѣкъ нигдѣ не примиряется съ тѣмъ, что къ нему относятся какъ къ неразумному скоту.

Американцы, однако, не закрываютъ глазъ на хорошія стороны той постановки дѣла, которая впервые возникла въ Глазго по мысли извѣстнаго Чомерса и получила затѣмъ прочную форму въ Эльберфельдѣ, въ Германіи. Мысль, лежащая въ основѣ дѣла и состоящая въ томъ, что различные кружки патріотичныхъ гражданъ добровольно предлагаютъ свои услуги на пользу благотворительности—американцамъ весьма симпатична; но они прекрасно сознаютъ и то, что при наилучшихъ системахъ успѣхъ все-таки зависитъ главнымъ образомъ отъ того, въ какомъ духѣ система примѣняется.

Изучая теоретически европейскіе методы борьбы съ пауперизмомъ, американцы вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно, у себя дома, убѣждаются въ томъ, что условія жизни конца XIX вѣка таковы, что настоятельно требуютъ организаціи достаточно крѣпкой, чтобъ оказать существенную поддержку отставшимъ по дорогѣ, забитымъ въ жизненной борьбѣ. И здѣсь начинаетъ утверждаться то мнѣніе, что многое изъ того, что̀ прежде входило въ сферу обязательствъ, налагаемыхъ на людей религіей, или что̀ дѣлалось по сентиментальному мягкосердечію, теперь должно осуществляться прозаичнѣйшимъ образомъ въ видахъ самозащиты всего общества.

Американцы, конечно, сознаютъ несправедливость того, что имъ, ничѣмъ неповиннымъ въ нарожденіи пауперизма, приходится теперь терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье. Европейцы, принимаясь бороться противъ гангрены пауперизма, знали по крайней мѣрѣ, что они платятся за грѣхи своей же родины. Американцы, однако, не склонны много сѣтовать на дѣло непоправимое, и теперь, видя, что зло не только перенесено, но и укореняется здѣсь—принимаются бороться съ нимъ, какъ только могутъ, не

заботясь о томъ, какъ видоизмѣняются или хотя бы коверкаются европейскія системы въ примѣненіи ихъ на дѣвственной почвѣ Новаго Свѣта.

Бороться со зломъ путемъ выработки новыхъ законовъ американцы и не пытаются, твердо держась того мнѣнія, что никакими законами невозможно извлечь народныя массы изъ нужды, а приходится довольствоваться индивидуальнымъ воздѣйствіемъ и снабженіемъ невѣжественныхъ классовъ средствами борьбы противъ нужды, т.-е. образованіемъ и подготовкою ремесленною. Насколько массы съумѣютъ этимъ воспользоваться—вопросъ будущаго. По мнѣнію передовыхъ людей Америки, никакіе законы не могутъ основательно улучшить положеніе людей, которые страдаютъ слабостью воли и такою сбивчивостью понятій, что не знаютъ сами, что̀ имъ требуется. Наилучшіе друзья бѣднѣйшихъ классовъ сознаются въ томъ, что еслибы исполнены были всѣ ихъ противорѣчащія одно другому требованія, положеніе дѣла еще вдесятеро бы ухудшилось. Многіе думаютъ, что необходимо прежде всего направить законодательныя мѣры противъ все усиливающейся тиранніи капиталистовъ, которые произвольно возвышаютъ цѣны на предметы первой необходимости или урѣзываютъ скудный заработокъ рабочаго человѣка; что же касается до невѣжественныхъ массъ, сплавляемыхъ сюда Европой, то полагается, что въ настоящее время лучшая услуга для нихъ будетъ состоять въ поднятіи ихъ нравственнаго и умственнаго уровня, въ упованіи на то, что дѣятелямъ будущаго удастся изыскать средства къ болѣе равномѣрному распредѣленію имуществъ и доходовъ, къ упорядоченію теперешней стихійности промышленной жизни и къ обезпеченію за каждымъ работникомъ справедливой нормы вознагражденія за его трудъ.

Конечно, медленная система постепеннаго возвышенія массъ путемъ просвѣщенія и воспитанія отдѣльной личности не можетъ удовлетворить болѣе нетерпѣливые умы; американецъ по самой природѣ своей стремится преодолѣть препоны времени и обстоятельствъ—и вотъ, то тутъ, то тамъ, создаются отдѣльными мыслителями широкіе, смѣлые проекты, чему примѣромъ можетъ служить Генри Джорджъ и его знаменитая теорія единичнаго налога (на землю)—single tax.

Люди болѣе спокойные взялись, однако, за дѣло иначе: они начали съ того, что стали всѣми средствами изслѣдовать характеръ зла, посѣтившаго страну, для выясненія тѣхъ условій, которыя способствуютъ распространенію пауперизма. Необходимость принятія энергическихъ мѣръ подсказывалась и соображеніями

о доказанной наслѣдственности пауперизма; извѣстно также, что размноженіе неимущихъ классовъ идетъ значительно быстрѣе размноженія классовъ зажиточныхъ, какъ путемъ присоединенія взрослыхъ неудачниковъ изъ другихъ классовъ, такъ и путемъ естественнаго прироста: люди, не сознающіе за собою обязанности поддерживать семью свою, имѣютъ сплошь и рядомъ огромныя семьи. Статистическія данныя о наслѣдственности преступности и пауперизма по истинѣ ужасны. Такъ напримѣръ, однимъ писателемъ, Dugdale, прослѣжена и обнародована замѣчательная исторія одной семьи общественныхъ паріевъ. За шесть поколѣній, насчитывающихъ въ общей сложности 540 человѣкъ, въ этой одной семьѣ—по фамиліи Jukes—было 148 нищихъ, 49 преступниковъ и 73 проститутки!..

Очевидное дѣло—скоро уже американцамъ недалеко будетъ ходить за собственными данными по части пауперизма.

Намъ приходилось уже отмѣчать склонность американцевъ къ методамъ индивидуализма тамъ, гдѣ европейскія націи ищутъ облегченія въ мѣропріятіяхъ болѣе или менѣе соціалистическаго характера. Тенденція индивидуализма и теперь все еще въ Штатахъ преобладаетъ, и хотя иногда принимаются чисто-соціалистическія мѣры какъ рабочими организаціями, такъ и большими мануфактурными и промышленными ассоціаціями, именуемыми Trusts, но кличка соціализма въ примѣненіи къ этимъ проявленіямъ тщательно избѣгается. Какъ сильно это новое вѣяніе становится въ Америкѣ—видно уже изъ того, что такой наблюдатель здѣшней жизни, какъ профессоръ Ричардъ Или, заявилъ недавно въ публичной рѣчи, что „когда ему случается теперь бывать въ обществѣ товарищей своихъ экономистовъ, то онъ сплошь и рядомъ видитъ себя окруженнымъ соціалистами". „Было время, когда я слылъ радикаломъ, хотя, само собою разумѣется, я самъ всегда звалъ себя консерваторомъ; но теперь наши американскіе ученые экономисты дѣлаютъ такіе неожиданные прыжки въ области нашей спеціальности, что я уже являюсь человѣкомъ отсталымъ, а скоро, пожалуй, совсѣмъ буду произведенъ въ старые глупцы (an old fogy)". Онъ говорилъ это по поводу вопроса о повсемѣстной здѣсь тенденціи къ ассоціаціи капиталовъ въ видахъ организаціи крупныхъ предпріятій и о замѣчаемомъ повсюду сліяніи корпорацій въ видахъ образованія взаимно-довѣрительныхъ ассоціацій, Trusts, вытѣсняющихъ мало-по-малу всѣхъ мелкихъ мануфактуристовъ и производителей.

И эта тенденція, отмѣчаемая профессоромъ Или, еще рѣшительнѣе подтверждается тѣми принципами, какіе проповѣдуются

недавно организованнымъ въ Бостонѣ клубѣ „Американскихъ Націоналистовъ“.

Клубъ этотъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Эдварда Беллами, литератора, издавшаго въ 1888 году извѣстную книгу, которая произвела цѣлую революцію въ умахъ читающей публики, разошлась въ короткій срокъ въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ и не перестаетъ до сихъ поръ возбуждать самые рьяные споры. Какъ извѣстно читателямъ, сюжетомъ этой замѣчательной книги, имѣющей полу-беллетристическую форму, является описаніе соціальнаго строя, будто бы господствующаго въ Соединенныхъ Штатахъ на рубежѣ двадцатаго и двадцать-перваго столѣтій. Строй этотъ является въ формѣ государственнаго соціализма самаго радикальнаго оттѣнка,—и, какъ результатъ этого строя, страна представляется авторомъ въ апогеѣ промышленнаго развитія, въ полномъ расцвѣтѣ умственной жизни, когда научныя изобрѣтенія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, хищническіе инстинкты людской расы притупляются, матеріальная конкурренція вполнѣ устраняется и повсюду водворяются миръ, просвѣщеніе и благосостояніе.

Подъ впечатлѣніемъ грозныхъ фактическихъ свѣденій, доставляемыхъ новѣйшею статистикою, въ Бостонѣ образовался небольшой кругъ людей, серьезно предполагающихъ лечить соціальную болѣзнь національзаціей всѣхъ отраслей торговли и промышленности. Это общество собирается искоренять зло по старому рецепту государственной монополіи всѣхъ отраслей производства, съ платою за трудъ не деньгами, а „рабочими билетами“, которые должны обмѣниваться въ государственныхъ складахъ и лавкахъ на продукты жизненной необходимости. Бостонскіе адепты этой старой теоріи немного прибавили къ ней новаго; тѣмъ не менѣе клубъ ихъ названъ ими „Nationalist Club“, претендуетъ на полную оригинальность и имѣетъ уже отдѣленія въ двадцати различныхъ городахъ Союза, между прочимъ, нѣсколько и на тихоокеанскомъ побережьѣ. Надо замѣтить, что „Клубъ Націоналистовъ“ не долженъ считаться исключительнымъ явленіемъ при настоящемъ порядкѣ вещей въ Соединенныхъ Штатахъ. Перенесеніе сюда тревожныхъ соціальныхъ вопросовъ быстро приводитъ американцевъ къ взвѣшиванію всѣхъ тѣхъ методовъ, которыми пытаются рѣшать эти вопросы въ Европѣ. Всего два-три года тому назадъ методы соціалистическаго свойства представлялись, казалось, несовмѣстными съ характеромъ и тенденціями природныхъ американцевъ; но теперь, поставленные лицомъ къ лицу съ серьезною опасностью, требующей примѣненія мѣръ радикаль-

ныхъ, американцы выказываютъ готовность вникать во все, уже испробованное Европой: и вотъ здѣсь возникаютъ такія ассоціаціи какъ „Бостонскій клубъ націоналистовъ", множатся нѣмецкія соціалистическія газеты, издаются и имѣютъ успѣхъ такія газеты, какъ „Standard" Генри Джорджа, „The Arbiter", „The Twentieth Century" и другія изданія. Эта послѣдняя газета, издаваемая проводниками Генри-Джорджевскихъ ученій, уже въ самой программѣ своей заявляетъ, что будетъ добиваться уничтоженія частной земельной собственности, упраздненія частныхъ банковъ, скупки правительствомъ всѣхъ желѣзно-дорожныхъ и телеграфныхъ линій и передачи въ вѣденіе муниципалитета всѣхъ городскихъ конокъ, паровыхъ желѣзныхъ дорогъ, водопроводовъ, а также изготовленія газа и электричества для городского освѣщенія. Можно съ увѣренностью сказать, что, вступивъ разъ на эту почву, американцы не пойдутъ назадъ и едва ли долго будутъ слѣдовать по тѣмъ именно слѣдамъ, какіе проложены соціалистами Стараго Свѣта; понынѣ сознательно двигаются этимъ путемъ лишь немногіе передовые американцы, а толпа продолжаетъ держаться методовъ индивидуализма. Согласно этимъ врожденнымъ народнымъ тенденціямъ, и борьба противъ занесеннаго изъ Европы пауперизма ведется пока исподволь, больше путемъ личнаго воздѣйствія, причемъ отпадающіе борцы постоянно замѣняются новыми, болѣе энергичными и преданными дѣлу.

И надо сказать, кое-что уже достигнуто, хотя во многихъ отношеніяхъ американскіе реформаторы продолжаютъ еще осторожно ступать шагъ за шагомъ, ощупью. Между прочимъ, во многихъ мѣстахъ прекращена прежняя система подачи пособій вещами, припасами и деньгами, и эта реформа сразу дала довольно знаменательные результаты. Такъ, напримѣръ, въ 1876 г. въ округѣ города Индіанополиса перестали раздаваться такого рода вспомоществованія outdoor relief, и вслѣдствіе того расходы мѣстнаго департамента Общественнаго Призрѣнія (Charities and Corrections) съ прежней суммы въ 90.000 дол. въ годъ разомъ спали до 8.000 дол. въ годъ! Въ городѣ Бруклинѣ ежегодно тратилось на тотъ же предметъ около 141.000 долларовъ; но въ 1878 г. рѣшено было прекратить раздачу вспомоществованій, и что же? Не удалось выслѣдить ни малѣйшаго посторонняго источника замѣны для нуждающихся этого прежде выдаваемаго фонда, а между тѣмъ въ Бруклинѣ не увеличилось даже числа просьбъ о принятіи неимущихъ въ мѣстный пріютъ (almshouse) или въ больницы, не умножились даже прошенія, подаваемыя въ городское „Вспомогательное общество" — General Relief Society; даже

въ полицейскихъ отчетахъ не замѣчено было умноженія числа заносимыхъ въ списки случаевъ нужды и просьбъ о подаяніи. То же самое случилось и въ Филадельфіи: въ 1878 г. городъ истратилъ 66.000 долларовъ на раздачу вспомоществованій неимущимъ, но въ 1879 г. денегъ на этотъ предметъ не было ассигновано, и подаянія были разомъ прекращены, но тѣмъ не менѣе не произошло никакого усиленнаго напора на другіе источники благотворительности въ городѣ.

Въ Нью-Іоркѣ до сихъ поръ держится старая система муниципальной раздачи угля и другихъ вещественныхъ подаяній; но Нью-Іоркъ извѣстенъ своею косностью въ дѣлѣ какихъ бы то ни было реформъ: слишкомъ уже шибкимъ ключомъ бьетъ здѣсь общественная жизнь—никому нѣтъ, какъ будто, и времени на то, чтобы заботиться о чемъ другомъ какъ о личномъ удовольствіи или наживѣ; здѣсь граждане прямо предпочитаютъ хотя бы поступаться деньгами, лишь бы только не вдаваться въ томительныя изслѣдованія и тоскливыя размышленія.

Эта индифферентность и фривольность нью-іоркской публики отзывается на всѣхъ серьезныхъ начинаніяхъ, затѣваемыхъ въ столичномъ городѣ, а чуть ли не болѣе всего на здѣшней *Организаціи Благотворительности*, сосредоточенной въ рукахъ общества, возникшаго здѣсь частнымъ путемъ лѣтъ восемь тому назадъ. Общество это весьма скудно поддерживается нью-іоркскими обитателями, что не мѣшаетъ ему приносить массу пользы при самыхъ незначительныхъ затратахъ. Такого рода общества существуютъ во многихъ городахъ Союза; въ Бостонѣ и Филадельфіи сфера ихъ дѣйствія гораздо обширнѣе, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, но на этихъ страницахъ я стану говорить лишь о дѣятельности здѣшняго Общества, дѣятельность котораго я основательно сама изслѣдовала.

Всѣ американскія общества организаціи благотворительности руководятся однѣми цѣлями и придерживаются по духу однихъ и тѣхъ же правилъ, предоставляя, однакоже, себѣ большой просторъ иниціативы. Каждое изъ этихъ обществъ вольно пробовать новые методы дѣйствія, открывать новыя сферы для своей дѣятельности, оповѣщая ихъ результаты на „Національныхъ конференціяхъ о мѣрахъ благотворительныхъ и исправительныхъ“, которыя происходятъ каждые два-три года въ различныхъ городахъ Союза. Помимо очередныхъ дѣлъ, на этихъ конференціяхъ выясняются нововведенія, произведенныя отдѣльными обществами, наилучшія изъ которыхъ вводятся у себя, по желанію, и другими обществами; принимаются всевозможныя мѣры къ устраненію изъ дѣятельности обществъ всякой рутины и формализма, которые,

какъ полагаютъ американцы, способны заѣдать самыя благія начинанія.

Исторія возникновенія и развитія здѣсь организаціи благотворительности та же, что исторія всѣхъ полезныхъ обществъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Дѣло начинается обыкновенно съ того, что разные просвѣщенные люди, сговорясь насчетъ пользы какихъ-либо начинаній, составляютъ кружки, которые начинаютъ дѣйствовать каждый за свой счетъ, иногда на различныхъ пунктахъ Союза. Каждый подобный кружокъ возникаетъ въ отвѣтъ на слабую, только-что начинающую чувствоваться потребность; вокругъ этого ядра сами собою группируются симпатизирующіе ему элементы, дѣло ведется на гроши, дѣятели вначалѣ ступаютъ осмотрительно, шагъ за шагомъ отвоевывая почву у вкоренившихся вѣками предубѣжденій, у обычаевъ, проникнувшихъ въ самую кровь и плоть народа.

Такъ же медленно возникало и росло „Нью-Іоркское общество организаціи благотворительности"; утверждено оно было штатомъ въ 1882 году, а теперь уже выросло въ весьма значительное и полезное учрежденіе, которое приносило бы сторицею больше пользы, чѣмъ теперь, если бы не было вынуждено въ свою очередь бороться противъ массы установившихся привычекъ и устарѣлыхъ воззрѣній среди публики, скупой вслѣдствіе того и на пожертвованія на пользу этого не оцѣненнаго еще ею общества. Въ другихъ городахъ Союза, гдѣ не существуетъ такой косности въ обществѣ, организація благотворительности быстро заявляетъ свою полезность путемъ сбереженія времени тѣмъ щедрымъ дателямъ, которымъ недосугъ самимъ вникать въ разборъ всѣхъ прошеній, поступающихъ къ нимъ отъ неимущихъ: но въ другихъ городахъ не разрослась еще настолько заносная язва пауперизма, какъ въ космополитическомъ Нью-Іоркѣ, а тутъ-то и сказалась наибольшая скудость средствъ на полезное дѣло общества.

Въ настоящее время существуетъ уже шестьдесятъ обществъ организованной благотворительности въ стольких же городахъ Союза, насчитывающихъ въ общей сложности 8.300.000 жителей. Въ двадцати-восьми городахъ при этомъ Обществѣ насчитывается до 3.228 лицъ, состоящихъ посѣтителями нуждающихся семей, причемъ среднимъ числомъ приходится по пяти или шести семей подъ надзоромъ и опекою одного „дружественнаго посѣтителя" (friendly visitor). Двадцать Обществъ О. Б. доносятъ, что они въ теченіе 1887 года вывели 3.342 отдѣльныхъ, зависѣвшихъ дотолѣ отъ благотворительности, лицъ и семей на путь къ самостоятельному постоянному заработку,—иначе говоря, по исчисле-

ніямъ этихъ обществъ, они этимъ самымъ сберегли и добав
за одинъ годъ къ народному достатку до 1.800.000 долларо

На національной конференціи благотворительныхъ и исп
вительныхъ обществъ, состоявшейся въ августѣ 1887 г. въ Ома
оказалось, что не всѣ еще вѣтви организаціи благотворительно
отреклись отъ старыхъ способовъ дѣйствія, не вездѣ еще про
ляютъ общества достаточно силы воли, чтобы не раздавать
даяній ни въ какой формѣ. Но руководители движенія на
не сѣтуютъ и тѣмъ проявляютъ обычную американскую тер
мость, уповая на то, что со временемъ всѣ эти уклоненія сг
дятся сами собою.

Нью-іоркское общество организаціи благотворительности учр
дено было людьми, которые вначалѣ руководились примѣромъ
берфельдской организаціи того же свойства, но теперь уже во м
гомъ уклонились отъ нѣмецкихъ пріемовъ, такъ какъ дѣйствов
имъ приходилось среди самыхъ разнородныхъ элементовъ нуж
ющагося здѣсь населенія. Сопровождая однажды одного молод
врача, Dr. Matthew Beattie, въ обходѣ больныхъ по бѣднѣйш
прирѣчнымъ кварталамъ верхней части города, я съ больш
интересомъ наблюдала, какъ быстро молодой американскій вр
приходилъ къ рѣшеніямъ касательно средствъ содѣйствія бо
нымъ, семьи которыхъ не въ состояніи были нести всѣхъ изд
жекъ, требуемыхъ леченьемъ: въ одномъ мѣстѣ онъ давалъ пи
менный приказъ на выдачу молока, въ другомъ—бульона, ли
въ третьемъ—лекарства, направляя людей въ различныя бла
творительныя учрежденія, снабжающія недостаточныхъ больн
этими продуктами по самой малой цѣнѣ. Въ двухъ-трехъ
стахъ врачъ, однакоже, никакого подобнаго облегченія людя
не предложилъ, хотя необходимость на то, казалось мнѣ, б
столь же настоятельная.

— Отчего,—спрашивала я его по выходѣ на улицу,—не д
вы этой семьѣ разрѣшенія на полученіе дешевой пищи, лек
ства?

— Нѣтъ, нельзя было этого сдѣлать; какъ ни бѣдна у н
обстановка, я еще не знаю обстоятельствъ этихъ людей: н
сперва навести справки о нихъ въ обществѣ „Организа
благотворительности"... На то нечего смотрѣть, что они Лаз
поютъ: не мало такихъ мастеровъ этого дѣла, что вѣчно выкл
чиваютъ вещи подешевле, а затѣмъ на пивѣ пропиваютъ
гроши, какіе удалось имъ этимъ манеромъ съэкономить.

— Но вѣдь пока справки станете наводить, вашъ боль
ужъ выздоровѣть успѣетъ, а не то умретъ!—настаивала я.

— О, нѣтъ, задержекъ не бываетъ,—возразилъ докторъ:— да и настоятельной опасности больной не подверженъ; гораздо опаснѣе нашему брату поддаться хоть на одну попытку обмана и выклянчиванья.

И дѣйствительно, задержки въ этомъ случаѣ не оказалось. Dr. Beattie, какъ и разсчитывалъ, получилъ отъ „Общества орг. благотворительности“ полныя свѣденія о семьѣ имъ пользуемаго больного—съ исторіей его за послѣднія восемь лѣтъ; сообщены были причины обнищанія семьи (долгая безработица, за время которой отецъ облѣнился и попривыкъ къ вину), а также мотивы, приводимые родными семьи, въ поясненіе отказа помогать ей; перечислены средства семьи къ существованію и тѣ благотворительныя общества, отъ которыхъ она пользуется или пользовалась пособіемъ: въ какомъ видѣ и въ теченіе какого срока.

Запросъ врача былъ сданъ на почту въ 6 часовъ вечера, а подробный этотъ отвѣтъ полученъ докторомъ по городской же почтѣ на слѣдующій день около 2-хъ часовъ пополудни и всѣ свѣденія сообщены были вполнѣ безвозмездно. Когда извѣстное обществу лицо заходитъ въ его бюро, № 21, University Place, съ требованіемъ какой-либо справки, то справка выдается ему немедленно.

— Но послушайте, сэръ,—замѣтила я одному пастору богатаго баптистскаго прихода, который, казалось мнѣ, слишкомъ уже горячо превозносилъ дѣятельность того же Общества: — все, чтò вы описываете, весьма удобно и полезно; положимъ, свѣденія, доставляемыя Обществомъ, безцѣнны для всѣхъ лицъ, добросовѣстно работающихъ на пользу неимущаго люда, сберегая вамъ время, которое иначе пошло бы у васъ на наведеніе справокъ, и ограждая васъ отъ возможности обмановъ. Но примите во вниманіе и щекотливость положенія неимущаго человѣка: справедливо ли подвергать семьи шпіонству изъ-за благотворительной цѣли?

— Позвольте, сударыня,—Общество организаціи благотворительности никогда не шпіонитъ.

— А какъ же слѣдуетъ называть его систему вывѣдыванія? Почему считаетъ оно себя въ правѣ сообщать по первому востребованію всю подноготную о нравственномъ и матеріальномъ положеніи семьи, потому лишь, что семья эта впала въ бѣдность? Вѣдь не существуетъ же въ Нью-Іоркѣ общества, гдѣ я могла бы навести справку о томъ, играетъ ли на биржѣ кассиръ сберегательной кассы, гдѣ я держу мои деньги, гдѣ я могла бы узнать всю подноготную о спекуляторѣ, котораго я подозрѣваю въ желаніи наказать меня не на гроши, а на тысячи?

— Но общество никогда не наводитъ справокъ по собственной иниціативѣ, иначе какъ по постороннему требованію, да и то лишь касательно тѣхъ семей, члены которыхъ сами обращаются за подаяніемъ; не выдаетъ оно также интимныхъ свѣденій объ обстоятельствахъ бѣдныхъ семей и лицъ, развѣ только постояннымъ, извѣстнымъ членамъ-корреспондентамъ общества, врачамъ, пасторамъ или же агентамъ тѣхъ благотворительныхъ обществъ, которыя установили съ нимъ систему взаимнаго обмѣна свѣденій о лицахъ, занесенныхъ въ ихъ благотворительные списки. Если же кто изъ празднаго любопытства или по злостному умыслу прибѣгнетъ къ услугамъ общества для наведенія справокъ о какомъ-либо неимущемъ лицѣ, то цѣли своей не добьется; неизвѣстнымъ ему лицамъ общество подробныхъ свѣденій не доставляетъ, а только предостерегаетъ ихъ, если интересующій ихъ бѣдный извѣстенъ обществу за профессіональнаго нищаго или лѣнтяя, и даромъ снабжаетъ всѣхъ желающихъ билетами общества, прося раздавать таковые вмѣсто милостыни всѣмъ просящимъ подаянія; на этихъ билетахъ выставленъ адресъ Общества орган. благотвор.; нуждающемуся стоитъ лишь обратиться туда за помощью—его нужду немедля изслѣдуютъ и окажутъ безотлагательное содѣйствіе безвозмезднымъ совѣтомъ или же направятъ его въ то именно городское благотворительное общество, спеціальность котораго заключается въ томъ родѣ помощи, которая бѣдняку въ данномъ кризисѣ наиболѣе требуется.

Много подобныхъ похвалъ слыхала я по отношенію къ „Общ. орган. благотвор.“, но ближе въ дѣло не вникала. Разъ, однакоже, на запросъ, посланный мною въ департаментъ исправительныхъ и благотворительныхъ учрежденій города Нью-Іорка, Department of Charities and Corrections, о числѣ и характерѣ корпоративныхъ благотворительныхъ учрежденій города, полученъ былъ мною отвѣтъ уже изъ „Общества орган. благотвор.“, куда направленъ былъ мой запросъ муниципальными властями, какъ въ самое для того надлежащее мѣсто. Обстоятельное письмо секретаря Общества и присланныя мнѣ имъ брошюры съ изложеніемъ системы дѣйствій Общества вывели меня на прямой путь изслѣдованія того, что̀ дѣлается здѣсь въ видахъ борьбы съ пауперизмомъ.

В. Макъ-Гаханъ.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ

Les pauvres gens.

В. Гюго.

1.

Ночь. Въ бѣдной хижинѣ, разсѣевая мракъ,
Бросаетъ отблески чуть тлѣющій очагъ,
На шкафъ съ посудою и рядомъ грубыхъ полокъ,
На старую кровать, что̀ прикрываетъ пологъ,
На множество вдоль стѣнъ развѣшенныхъ сѣтей
И на матрацъ въ углу, гдѣ пятеро дѣтей
Заснули крѣпкимъ сномъ. Закрывъ лицо руками,
Въ тревогѣ женщина припала на кровать
Усталой головой и плачетъ... Это—мать.
Она то молится дрожащими устами,
То поблѣднѣетъ вся и въ ужасѣ замретъ...
Она одна съ дѣтьми и внемлетъ океану,
Который небесамъ и ночи, и туману
Свои рыданія отчаянныя шлетъ.

2.

Хозяинъ на̀ морѣ. Ставъ рано рыболовомъ,
Онъ пріучилъ себя къ случайностямъ суровымъ
Въ борьбѣ съ природою. Закинуть надо сѣть
Въ грозу ли, въ бурю ли: не дать же умереть
Малюткамъ съ голоду! И въ море за уловомъ
Онъ отправляется одинъ, съ закатомъ дня.

Хозяйка въ хижинѣ хлопочетъ у огня,
Починиваетъ сѣть; когда же ночью поздно
Все успокоится вокругъ нея—она
Усердно молится. Глухая ночь темна.
У самыхъ буруновъ, гдѣ бѣшено и грозно
Во тракѣ слышится прибой сѣдыхъ валовъ,
Покрытыхъ пѣною—всего удачнѣй ловъ.
Мѣстечко самое не болѣе трехъ саженъ,
Но какъ онъ долженъ быть и ловокъ, и отваженъ,
Какъ долженъ знать рыбакъ и вѣтеръ, и приливъ,
Чтобъ отыскать его, когда пора ненастью
Осеннему придетъ и дикихъ бурь порывъ
Проносится во тьмѣ и стонетъ между снастью.
Онъ думаетъ о ней, о дѣтяхъ, а жена
Тоскуетъ, ждетъ его, тревогою полна
И мысли ихъ летятъ другъ къ другу, словно птицы.

3.

Да, Жанна молится, и чайки рѣзкій крикъ
Смущаетъ сердце ей, и передъ нею вмигъ
Являются картинъ зловѣщихъ вереницы
И тѣни блѣдныя погибшихъ моряковъ.
А время тянется и мѣрный бой часовъ,
Какъ пульса ровное и мѣрное біенье
Отсчитываетъ дни, недѣли и мгновенья
И года времена, и цѣлый рядъ годовъ.
И открываются, при звукѣ ихъ удара,
На протяженіи всего земного шара—
Гдѣ колыбелей рядъ, гдѣ рядъ нѣмыхъ могилъ.

Она раздумалась и душу ей стѣснилъ
Невыносимый гнетъ. Нужда, одни лишенья...
Дѣтишки бѣгаютъ зимою босикомъ...
Ѣдятъ ячменный хлѣбъ, да и того кускомъ
Порою дорожатъ... А вѣчныя мученья?..
И вѣтеръ такъ шумитъ, какъ въ кузницѣ мѣха!
Ей кажется порой, что въ ураганѣ черномъ
Созвѣздья кружатся, какъ туча искръ надъ горномъ.
О, Боже праведный, ну долго ль до грѣха?!..
Да, наступаетъ часъ, когда въ разгарѣ пляски

У полночи глаза сверкають изъ-подъ маски
Весельемъ оргіи, и наступаетъ часъ,
Когда, одѣта мглой и въ сумракѣ таясь,
Ждетъ полночь рыбака среди морской пучины,
Чтобъ натолкнуть его на острыя вершины
Подводныхъ скалъ, предъ нимъ явившихся изъ мглы.
О, ужасъ! Крикъ его громадные валы,
Нахлынувъ, заглушатъ,—и, въ бездну увлеченный,
Увидитъ берегъ онъ, закатомъ озаренный,
И пристань старую съ заржавленнымъ кольцомъ...
И Жанна блѣдная, съ измученнымъ лицомъ,
Терзается душой отъ этихъ думъ...

4.

О, жены
Суровыхъ рыбаковъ, ужасны ваши стоны
Въ тѣ ночи темныя, когда игрушкой волнъ,
Бросающихъ его, бываетъ жалкій челнъ!
А Жанны мужъ—одинъ. Туманъ и тьма, и скалы,
И некому помочь... Ребята слишкомъ малы...
Ты хочешь, чтобъ они большими стали, мать?
Когда же имъ придетъ пора сопровождать
Отца ихъ, ты сама не скажешь ли въ печали:
—О, еслибъ долѣе они не подростали!

5.

Она беретъ фонарь. Теперь и до зари
Недалеко уже, пора взглянуть на море,
Спокойнѣй ли оно, и въ сумрачномъ просторѣ
Не засіяютъ ли на мачтѣ фонари?
И вотъ она идетъ. Но вѣтеръ предразсвѣтный
Еще не поднялся и бѣлой полосы
На горизонтѣ нѣтъ. Печальные часы!
Повсюду мракъ царитъ, глухой и безпросвѣтный.
Накрапываетъ дождь. Въ окошкахъ свѣта нѣтъ.
И, какъ дитя, въ слезахъ рождается разсвѣтъ...

Она идетъ. Предъ ней убогая лачуга,
Полуразвалина. На крышѣ треплетъ вьюга

Солому жалкую, дверь ходитъ ходуномъ,
Ни свѣта, ни огня. Какъ будто вымеръ домъ.
И Жанна думаетъ:—А что вдова? Бѣдняжка!
Я слышала, на-дняхъ ей было очень тяжко.
Провѣдать бы ее.
Она стучится въ дверь.
Отвѣта нѣтъ, лишь вихрь, какъ разъяренный звѣрь,
И злится, и реветъ. Больна, а дѣтокъ двое
И, чай, голодныя? Вдовѣ житье плохое.
Она стучится вновь.—Сосѣдка!—Все молчитъ
—Не откликается... Должно быть, крѣпко спитъ...
Но тутъ, какъ будто бы изъ чувства состраданья,
Дверь, глухо заскрипѣвъ, открылася сама.

6.

Она вошла туда. Кругомъ царила тьма
И доносилося прибрежныхъ волнъ рыданье.
Дождь лилъ потоками сквозь щели въ потолкѣ.
При свѣтѣ фонаря, что̀ у нея въ рукѣ
Дрожалъ, пришедшая могла увидѣть ясно
Фигуру женщины, недвижной и ужасной,
Лежащей въ глубинѣ—фигуру мертвеца,
Съ чертами блѣднаго, застывшаго лица
И тусклымъ взоромъ глазъ! Да, полную здоровья
Когда-то женщину!.. Вонъ тамъ, у изголовья,
Съ кровати свѣсилась холодная рука,
Позеленѣвшая, какъ бы ища защиты
И помощи... Въ чертахъ—глубокая тоска
И нищеты печать... Уста полуоткрыты,
Съ которыхъ въ ужасѣ слетѣлъ предсмертный крикъ
Въ послѣдній, роковой, неотвратимый мигъ.
И тутъ же въ хижинѣ, тутъ, у ея постели,
Малютки—братъ съ сестрой—заснули въ колыбели!
Сама несчастная предъ смертію своей
Ихъ платьемъ и платкомъ заботливо укрыла,
Стараяся о томъ, чтобъ имъ теплѣе было,
Межъ тѣмъ какъ холодно одной лишь будетъ ей.

7.

Какъ мирно спятъ они, какъ ровно ихъ дыханье!
Казалось бы, ничто не можетъ ихъ покой
Нарушить,—даже видъ архангела съ трубой
Въ день Страшнаго Суда: невиннымъ наказанья
Страшиться нечего и нѣтъ для нихъ Судьи.

Сквозь крышу ветхую вездѣ дождя ручьи
Ужъ просочилися, и капля дождевая
Порою падаетъ на блѣдное чело,
Какъ крупная слеза. Въ разбитое стекло
Стучится буйный вихрь, уныло завывая,
И тьма глядитъ въ него, зловѣщая, нѣмая.

Живите, радуйтесь, весенній рвите цвѣтъ
И наслаждайтеся... Все суета суетъ:
Какъ въ темный океанъ текутъ рѣчныя вòды—
Такъ все кругомъ: пиры и торжество свободы,
И дѣти малыя, и мать во цвѣтѣ лѣтъ,
Веселье шумное и пѣсни, и улыбки,
Лобзанія любви, восторги и ошибки—
Въ могильномъ сумракѣ найдутъ себѣ конецъ.

8.

Но что же долго такъ она въ лачугѣ бѣдной
Замѣшкалась? Зачѣмъ лицо ея такъ блѣдно
И словно смущено? Съ собою, наконецъ,
Чтò унесла она? Походкой торопливой,
Не озираяся, тревожно, боязливо,
Зачѣмъ спѣшитъ она по улицѣ села,
Чтò прячетъ у себя за пòлогъ, на постели?
Какое воровство свершить она могла?

9.

Когда она домой вернулася—бѣлѣли
Утесы черные, и Жанна, сѣвъ на стулъ,

Глядѣла предъ собой печально, робкимъ взоромъ,
Какъ будто совѣсти терзалася укоромъ.
И маятника стукъ, и дальній моря гулъ
Съ ея безсвязными сливалися рѣчами...
—Мой бѣдный муженекъ! Онъ цѣлыми ночами
На ловлѣ... Господи! Ну, что мнѣ скажетъ онъ?
Работой онъ и такъ по горло заваленъ—
Вѣдь пятеро дѣтей, а тутъ я навязала
Заботу новую... Своей-то, видно, мало!
Идутъ?.. Не онъ ли? Нѣтъ, все тихо... никого.
Ужъ если и прибьетъ—сама скажу: за дѣло!
Никакъ идутъ и дверь на петляхъ заскрипѣла?..
Нѣтъ, я ослышалась. Мнѣ боязно его
И увидать теперь...—Вся отдаваясь думамъ,
Сидѣла женщина, и даже рѣзкій крикъ
Морского ворона ни разу не достигъ
Ушей ея...
Но вдругъ дверь отворилась съ шумомъ,
А съ нею въ хижину разсвѣта лучъ проникъ,
И съ неводомъ въ рукѣ, намокшимъ и тяжелымъ,
Рыбакъ вошелъ туда, и ей съ лицомъ веселымъ
Сказалъ, здороваясь:—Ну, вотъ и я, жена!

10.

—Ты!—Жанна вскрикнула и, радости полна,
Къ нему прильнула вся въ своемъ порывѣ страстномъ,
И на лицѣ его, довѣрчивомъ и ясномъ,
Она могла прочесть, какъ любитъ онъ ее.
—Вернулся я ни съ чѣмъ!—сказалъ онъ.—А какая
Погода?—Самая что ни на есть дурная.—
—А ловъ?—Плохой совсѣмъ. И время я свое
Потратилъ, но, къ тебѣ вернувшись и къ ребятамъ,
Я радъ... И вѣтеръ же! Вѣдь сладу нѣтъ съ проклятымъ!
Сорвало съ якоря... Я продырявилъ сѣть...
Вотъ ночка выдалась! Чуть-чуть не доглядѣть—
И захлеснуло бы! А безъ меня ты что же
Подѣлывала тутъ?—Невольно смущена,
Какъ виноватая, вся вздрогнула она.
—Я? Право, ничего особаго... Все тоже:
Чинила, штопала, да все тебя ждала

И безпокоилась. А, знаешь, умерла
Сосѣдка-то... Вчера, должно быть, въ эту пору,
Какъ вы уѣхали, и дѣтки безъ призору
Остались у нея! Мадлена и Гильомъ.
Одинъ еще совсѣмъ не ходитъ, а другая
Лишь стала говорить... Нужда у нихъ большая.—

Рыбакъ нахмурился. Съ задумчивымъ лицомъ
Онъ сбросилъ свой колпакъ и почесалъ въ затылкѣ.
—Не ладно, чортъ возьми! Повытянешь всѣ жилки...
У насъ пять человѣкъ, теперь же будетъ семь.
И такъ ужъ иногда безъ ужина совсѣмъ
Ложилися... Ну, что-жъ! Все это въ Божьей волѣ.
Я здѣсь не виноватъ. Зачѣмъ Онъ отнялъ мать
У червяковъ такихъ? Къ рыбацкой нашей долѣ
Привычнымъ надо быть, чтобъ это понимать.
Не скажешь эдакимъ: ступайте сами въ море!
Жена, иди туда. Проснутся—да, на горе,
Перепугаются какъ разъ еще! Повѣрь,
Сама покойница стучится въ нашу дверь,
Чтобъ взяли мы дѣтей. Отыщется и этимъ
Пристанище—не то мы Господу отвѣтимъ.
Пускай ростутъ себѣ. Они по вечерамъ,
Какъ наши малыши, ласкаться будутъ къ намъ.
А зная, что кормить ихъ надо со своими,
Господь на долю ихъ и лишнее пошлетъ.
Прибавится труда, конечно, и заботъ,
Но мы управимся. Жена, ступай за ними.
Но чтò съ тобою? Ты была въ другіе дни
Сговорчивѣй... А здѣсь, при эдакомъ-то дѣлѣ...

—Вотъ!—Жанна молвила, и пологъ у постели
Отдернула рукой дрожащей:—Вотъ они!

О. Михайлова.

1891 г.

НОВѢЙШАЯ
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

— **Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). А. М. Скабичевскаго. Спб. 1891.**

Историческіе предѣлы своего труда авторъ объясняетъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ:

„Подъ исторіей литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова подразумѣваютъ часто исторію всѣхъ произведеній человѣческой мысли, способствовавшихъ умственному развитію общества, такъ что въ понятіе это входитъ, кромѣ исторіи изящной литературы и критики, также и разсмотрѣніе движенія наукъ, публицистики, прессы (т.-е. возникновенія, паденія различныхъ органовъ печати и ихъ взаимныхъ отношеній между собою).

„Авторъ не чувствуетъ себя въ силахъ совершить столь громадный трудъ, и полагаетъ, что для такой исторіи литературы послѣдняго сорокалѣтія не настало еще и время. Пришлось въ значительной степени съузить задачу и ограничиться тѣсными рамками исторіи *изящной литературы* и находящейся въ тѣсной связи съ нею *критики*. Поэтому въ книгѣ этой говорится лишь о такихъ дѣятеляхъ литературы, которые или прямо относятся къ изящной литературѣ, или такъ или иначе соприкасаются къ ней и лишь насколько соприкасаются. Такъ напримѣръ, говоря о Н. И. Костомаровѣ, авторъ разсматриваетъ его лишь какъ творца историческихъ романовъ и повѣстей, не считая входящимъ въ предметъ книги разсмотрѣніе его научныхъ заслугъ въ качествѣ историографа.

„Такъ какъ духъ времени, идеи и всѣ перипетіи умственнаго движенія разсматриваемой эпохи наиболѣе ярко выразились въ критикѣ, то это дало большое удобство соединить общій обзоръ эпохи съ исторіей критики въ лицѣ ея главныхъ представителей, чѣмъ и заняты первыя семь главъ книги, а затѣмъ уже съ восьмой главы начинается исторія самой изящной литературы, какъ продукта, разсмотрѣннаго предварительно умственнаго движенія времени".

Книга г. Скабичевскаго принадлежитъ къ числу такихъ фактовъ, какіе любитель литературы долженъ встрѣчать съ особеннымъ удовольствіемъ; это—книга, въ которой подводятся итоги, разъясняется историческое движеніе, сосчитываются пріобрѣтенія и потери и должно бы намѣчаться желательное и важное для будущаго развитія литературы. Авторъ такъ давно работаетъ на историко-критическомъ поприщѣ, именно почти за три послѣднихъ десятилѣтія, что многіе факты, излагаемые имъ теперь, знакомы ему съ ихъ перваго появленія, такъ что онъ можетъ судить о нихъ не только по историческимъ даннымъ, по книжнымъ свидѣтельствамъ, но и по непосредственному впечатлѣнію: это послѣднее обстоятельство можетъ, конечно, не мало способствовать и живости его историческихъ сужденій. Далѣе, собственные взгляды автора, литературные и общественные, издавна сложились въ направленіи, которое называютъ прогрессивнымъ — направленіи, которое видитъ залогъ общественнаго и народнаго развитія и блага въ успѣхахъ просвѣщенія и общественной самодѣятельности; такимъ образомъ, онъ именно способенъ наблюдать въ изучаемой имъ исторіи то̀, что̀ составляло сущность ея движенія, что̀ бывало пріобрѣтеніемъ общества и народа. Быть можетъ, въ наше время не лишнее отмѣтить это обстоятельство, потому что теперь именно какъ будто стали размножаться люди, теряющіе этотъ историческій смыслъ. Наконецъ, въ теченіе своихъ долголѣтнихъ изученій авторъ съумѣлъ воспитать въ себѣ значительную долю безпристрастія, которое такъ необходимо всякому историку и тѣмъ больше историку литературы, въ сужденіяхъ котораго такъ много участвуетъ чисто личное впечатлѣніе.

Мы сказали, что труды подобнаго рода получаютъ особенную общественную важность тѣмъ, что даютъ возможность общаго обзора явленій, въ которыхъ сознательно и безсознательно сказывается внутренній процессъ общественной жизни. Факты этой общественной жизни всегда такъ сложны, запутаны и часто противорѣчивы, что въ нихъ очень трудно оріентироваться даже человѣку съ глубокими познаніями и опытомъ. Передъ нами со-

вершается обыкновенно необозримая масса явленій, имѣющихъ каждое свою органическую, историческую причину; въ этой путаницѣ явленій, каждое имѣющихъ свое основаніе, и заключается причина того разнообразія взглядовъ и „партій", на которыя дѣлится сознательная часть общества, желающая выяснить начало нашей общественной народной и государственной жизни. Каждая изъ этихъ партій (подразумѣваемъ людей искренно убѣжденныхъ, какіе бываютъ и въ партіяхъ реакціонныхъ, куда обыкновенно притекаетъ большое количество лицемѣрныхъ оппортунистовъ) ссылается на теоретическія и историческія явленія, изъ которыхъ извлекаетъ свои выводы и практическія требованія. Борьба ихъ наполняетъ литературу; эта борьба тянется изъ поколѣнія въ поколѣніе подъ разными наименованіями, съ видоизмѣняемыми положеніями, долго не приходя къ категорическому рѣшенію. Гдѣ же находится это рѣшеніе? Оно можетъ быть теоретическое и историческое. Первое можетъ быть доступно только избранному кругу общества, стоящему на высотѣ научнаго пониманія, и требуетъ, кромѣ того, такой свободы мышленія и слова, какою русская жизнь никогда не владѣла и до сихъ поръ не владѣетъ. Наша литература давно чувствовала потребность и дѣлала попытки такого теоретическаго разъясненія; къ сожалѣнію, до сихъ поръ эти попытки остаются неполными и если, въ иныхъ случаяхъ, додуманными, то всегда недосказанными. Если въ такомъ положеніи оказывались самые высокіе умы и чуткія сердца, какіе выставляло наше общество, то понятно, какими пробѣлами отзывалось это въ общей суммѣ общественныхъ понятій; споры подобнаго рода ведутся издавна и по сіе время не привели даже къ опредѣленной и открытой постановкѣ спорныхъ положеній.

Многое, именно самое существенное, что̀ раздѣляетъ умы и что̀ оказываетъ самое осязательное вліяніе на практическую жизнь, въ прямой принципіальной постановкѣ остается понынѣ почти недоступно для литературы; для примѣра укажемъ вопросы объ искомыхъ принципахъ общественной самодѣятельности, о свободѣ печати, свободѣ совѣсти и т. д.

Остается другой способъ выясненія элементовъ общественной жизни—историческое наблюденіе и, между прочимъ, то, которое можетъ совершаться въ области литературы. При всѣхъ внѣшнихъ ограниченіяхъ, которымъ она подлежитъ, литература остается, однако, въ историческомъ смыслѣ довольно чувствительнымъ барометромъ общественной жизни. Изъ исторіи русской литературы въ особенности извѣстно, что даже въ самыя тяжелыя времена въ трудахъ ея лучшихъ представителей могли быть

высказаны, хотя подъ покровомъ фантазіи или теоретической отвлеченности, задушевныя стремленія наиболѣе просвѣщенной части общества и могли оказывать благотворное дѣйствіе на послѣдующія поколѣнія. За отсутствіемъ всякихъ иныхъ формъ общественной самодѣятельности, литература получала у насъ значеніе единственнаго выраженія общественной мысли и чувства и потому именно во всѣ эпохи реакціоннаго гнета на нее обращался самый подозрительный надзоръ и придавалось преувеличенное значеніе малѣйшимъ проявленіямъ, не подходившимъ къ данной минутѣ.

Въ послѣдніе десятки лѣтъ, именно со второй половины пятидесятыхъ годовъ, наша литература переживала возбужденное и тревожное существованіе, какого не испытывала никогда прежде. Извѣстны факты внѣшней жизни общества за это время. Великое значеніе событій, совершавшихся въ началѣ этого періода, состояло относительно литературы въ томъ, что для нея въ первый разъ открылась возможность говорить (въ извѣстной степени) прямо о непосредственныхъ вопросахъ жизни, которыхъ прежде она или совсѣмъ не имѣла возможности касаться, или касалась только отдаленными иносказаніями. Между прочимъ, совершилось нѣчто въ высокой степени серьезное: крестьянская реформа разрѣшала вопросъ первостепенной государственной и народной важности, возникшій впервые съ конца XVI-го вѣка, вопросъ объ учрежденіи, наложившемъ свою печать на основныя черты быта, на весь характеръ государства, общества и народа; и когда онъ, наконецъ, былъ поставленъ на очередь и принималось рѣшеніе, хотя не полное, но въ гуманномъ и просвѣщенномъ смыслѣ, не мудрено, что общество всколыхнулось во всѣхъ направленіяхъ. Между прочимъ, исполнялось во-очію то, о чемъ только про себя и тайкомъ мечтали недавно передовые люди общества, и оказывалось глубокое историческое значеніе тѣхъ освободительныхъ стремленій, какія питали, какъ упомянуто выше, подъ покровомъ фантазіи или отвлеченности, лучшіе дѣятели прежней литературы и какія еще такъ недавно навлекали на себя суровое преслѣдованіе. Когда, такимъ образомъ, становилась фактомъ давнишняя мысль литературы, понятно, что поступали въ ней на очередь дальнѣйшія положенія, истекавшія изъ того же общаго принципа: въ самой правительственной дѣятельности того времени за крестьянской реформой совершенно послѣдовательно предприняты были реформа судебная, земская, возникъ вопросъ о расширеніи правъ печати; въ жизни общественной и въ публицистикѣ явилось стремленіе къ развитію общественной самодѣятельности, къ

расширенію образованія для самого общества и для народа; при новомъ положеніи печати явилась первая возможность знакомства съ новѣйшими теоріями философскими, соціологическими, естественно-научными и въ запасъ ходячихъ популярныхъ понятій вдругъ вошла цѣлая масса новыхъ представленій, прежде почти невѣдомыхъ. Это новое было исполнено теоретическаго интереса. Впослѣдствіи не мало шутили или даже злостно насмѣхались надъ этими увлеченіями Боклемъ, Спенсеромъ, Дарвиномъ, Молешоттомъ; въ этихъ увлеченіяхъ и дѣйствительно бывала доля ребячества, но была и весьма серьезная сторона: откуда онѣ шли, гдѣ былъ первый источникъ этого—иной разъ слабаго—пониманія европейскихъ мыслителей, этой погони за новизной? Очевидно, что первымъ источникомъ была та крайняя приниженность литературы и, слѣдовательно, общества, какая господствовала наканунѣ: какъ только открылась первая возможность познакомиться съ новѣйшими результатами европейскаго знанія, всѣ бросились на нихъ, какъ на откровеніе: они и были откровеніемъ послѣ того строгаго запрещенія, какое на нихъ лежало. Въ русской литературѣ, нерѣдко даже въ самой университетской наукѣ прежняго времени, представлявшей высшую умственную ступень русскаго общества, было почти совсѣмъ незнакомо то содержаніе, какое являлось теперь въ массѣ спеціально-научныхъ и даже популярныхъ книгъ: это были новыя представленія о жизни природы и человѣка, новыя представленія о развитіи и судьбѣ человѣческихъ обществъ, новые личные и общественные идеалы и нравственныя понятія. Понятно, что все это новое имѣло не одинъ отвлеченно-научный интересъ, но примѣнялось къ явленіямъ русской исторіи и общественности—отсюда тѣ разнообразные юношескіе порывы, которые наполняютъ тогдашнюю литературу, съ одной стороны, „отрицаніемъ", съ другой—запросами на преобразованія и на распространеніе знаній.

Именно этого положенія вещей никакъ не слѣдуетъ забывать, когда идетъ рѣчь о новомъ періодѣ нашей литературы, открывающемся со второй половины пятидесятыхъ годовъ. Только припоминая антецеденты этой литературы, можно справедливо судить тѣ явленія, съ которыми мы встрѣчаемся послѣ и которыя съ безотносительной точки зрѣнія могутъ часто показаться страннымъ, даже неразумнымъ увлеченіемъ. Такъ всего чаще и разсуждаютъ теперь о той эпохѣ, или не зная ея исторіи, или завѣдомо перенося на общественную жизнь и литературу того времени тенденціозную вражду противъ исполненныхъ тогда государственныхъ реформъ. До сихъ поръ были очень рѣдки опыты воспроизвести то время въ безпристрастной исторической картинѣ;

поэтому такой интересной представляется книга г. Скабичевскаго. Авторъ, какъ мы сказали, по складу своихъ мыслей былъ именно способенъ дать эту спокойную, безпристрастную оцѣнку недавняго прошлаго; но читатель, которому болѣе или менѣе близко памятно описываемое имъ время, быть можетъ, найдетъ, что иногда для большей вѣрности изображенія полезно было бы обратить больше вниманія какъ на упомянутые антецеденты, такъ и на ближайшія условія жизни, въ которыхъ совершалась литературная дѣятельность того времени. Пусть читатель сравнитъ страницы, посвященныя характеристикѣ того времени г. Скабичевскимъ, съ приведеннымъ недавно въ „В. Е." эпизодомъ изъ статьи г. Михайловскаго: послѣдній изобразилъ нравственное и умственное состояніе тѣхъ временъ болѣе характерно и глубоко. Это былъ исходный пунктъ для новой литературы и точное опредѣленіе его пункта существенно важно для опредѣленія всего склада начинавшейся отсюда литературной дѣятельности: иной разъ смягчится строгій критическій приговоръ, иной разъ лучше поняты будутъ мотивы, руководившіе тѣмъ или другимъ писателемъ или цѣлою группою писателей.

Пересматривать подробности изложенія историка новѣйшей нашей литературы было бы слишкомъ длинно; мы ограничимся немногими указаніями его взглядовъ, съ которыми часто вполнѣ согласны, и нѣсколькими замѣчаніями о тѣхъ его мнѣніяхъ, въ которыхъ мы нѣсколько расходимся.

На первыхъ страницахъ книги г. Скабичевскій считаетъ необходимымъ освободиться отъ того „предразсудка", который очень мѣшаетъ правильному пониманію развитія нашей новѣйшей литературы и заключается въ томъ будто бы, что родоначальникомъ ея былъ Гоголь, что онъ произвелъ полный переворотъ въ нашей беллетристикѣ, создалъ такъ-называемую натуральную школу и что затѣмъ литература представляетъ прямыя послѣдствія этого переворота. Г. Скабичевскій рѣшительно оспариваетъ это мнѣніе. Начать съ того, говоритъ онъ, что Гоголя никакъ нельзя назвать родоначальникомъ натурализма, введеніе котораго можно скорѣе приписать Пушкину, а не Гоголю.

„Чѣмъ не натуральны *Повѣсти Бѣлкина*, *Капитанская Дочка*, *Арапъ Петра Великаго*, *Графъ Нулинъ*, *Домикъ въ Коломнѣ*, наконецъ хотя бы и *Евгеній Онѣгинъ*? Пушкинъ потому уже имѣетъ болѣе правъ считаться первымъ образцовымъ натуралистомъ въ Россіи, что онъ всестороннѣе Гоголя, у котораго лишь въ первыхъ романтическихъ произведеніяхъ вы встрѣчаете положительные элементы жизни; въ позднѣйшихъ же—наиболѣе

зрѣлыхъ—господствуютъ элементы отрицательные. Прямое вліяніе Гоголя поэтому на послѣдующихъ писателей только и видно тамъ, гдѣ у нихъ является комизмъ, юморъ. Но развѣ можно сказать, чтобы всѣ они были въ такой же степени юмористами, какъ Гоголь?

„Въ томъ-то и дѣло, что натурализмъ является въ русской литературѣ вовсе не въ видѣ coup d'état, внезапнаго открытія, принадлежащаго одному какому-нибудь писателю. Это не воинственный завоеватель, вторгшійся Богъ вѣсть откуда и разомъ все перевернувшій кверху дномъ, а мирный колонизаторъ, постепенно, медленно и незамѣтно прокрадывавшійся въ нашу литературу въ продолженіе всей первой половины нынѣшняго столѣтія, и притомъ, собственно говоря, не въ одну нашу, а и во всѣ европейскія. Всюду на знамени романтизма красовалось слово „народность", и эта именно народность, въ связи съ различными демократическими вѣяніями, и обратила вниманіе писателей на жизнь маленькихъ людей, составляющихъ народныя массы, что̀ и привело всѣ литературы прямо къ натурализму".

Г. Скабичевскій ссылается на самого Бѣлинскаго, который указывалъ первые задатки натурализма уже въ Кантемирѣ, Фонвизинѣ, Крыловѣ и особливо Пушкинѣ,—и продолжаетъ:

„Такимъ образомъ Гоголь является вовсе не такимъ новаторомъ, которые вводятъ нѣчто совершенно до нихъ небывалое и совершаютъ полный переворотъ въ судьбахъ литературы. Онъ повиновался лишь общему теченію развитія современной ему литературы и представляетъ одну изъ ступеней ея спуска изъ-за облачныхъ высотъ на почву дѣйствительности. Послѣдующіе же литераторы отнюдь не остановились на этой ступени, а пошли далѣе, не довольствуясь односторонностью, какою отличается натурализмъ Гоголя.

„Тѣмъ менѣе послѣдующіе писатели могли быть обязанными Гоголю относительно идейнаго содержанія его произведеній. Геніальная мѣткость, съ которою осмѣивалъ онъ именно то, что̀ было въ его время наиболѣе пошлаго и грязнаго на Руси, была вполнѣ инстинктивна, и произведенія Гоголя поражаютъ отсутствіемъ какихъ-либо сознательныхъ идеаловъ, во имя которыхъ осмѣивалась дѣйствительность".

„Вслѣдствіе крайней скудости философскаго образованія,—продолжаетъ г. Скабичевскій,—Гоголь началъ добиваться осмысленія своего творчества не путемъ усвоенія передовыхъ европейскихъ идей своего вѣка, а нравственнымъ самоуглубленіемъ, и запутался въ лабиринтѣ мистико-аскетическихъ умствованій.

„Теперь спрашивается, что же общаго съ Гоголемъ съ этой стороны вы найдете у всѣхъ послѣдующихъ за нимъ писателей? Отношеніе ихъ къ дѣйствительности отнюдь не носитъ такого характера художественной безцѣльности, какъ это мы видимъ у Гоголя; напротивъ того, они съ первыхъ своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ начали анализировать жизнь на основаніи вполнѣ сознательныхъ и опредѣленныхъ идеаловъ, внушаемыхъ имъ различными вѣяніями ихъ вѣка. Нужно ли прибавлять, что идеалы эти не имѣютъ ничего общаго съ тѣми мистико-аскетическими теоріями, въ которыхъ путался Гоголь.

„Однимъ словомъ, Гоголя съ его геніальнымъ смѣхомъ и со всѣми его безсмертными твореніями отнюдь не слѣдуетъ ставить впереди новаго вѣка“.

Въ этомъ разсужденіи, намъ кажется, есть ошибка. Во-первыхъ, есть разница между *пріемомъ* натурализма и содержаніемъ литературы. Извѣстная степень натурализма составляетъ необходимую принадлежность литературы, вступающей въ какое-нибудь отношеніе къ дѣйствительности. Совсѣмъ отсутствовать онъ могъ бы только въ періоды полной подражательности, когда литературное произведеніе остается на степени школьнаго упражненія, когда оно перенимаетъ пока одну внѣшнюю форму, еще не умѣя дать ей жизненнаго содержанія; но должно сказать, что это бываетъ очень рѣдко,—жизнь такъ или иначе пробивается въ литературу, и нашъ XVIII вѣкъ исполненъ проблесками натурализма, даже у весьма второстепенныхъ писателей. Въ этомъ смыслѣ Гоголь, конечно, не былъ новаторомъ, хотя и здѣсь онъ шелъ уже далѣе Пушкина по степени реальнаго приближенія къ дѣйствительности. Но главное было не въ этомъ, а въ томъ, что въ произведеніяхъ Гоголя, слѣдовавшихъ за „Вечерами на хуторѣ“, сказалась ярко новая черта, до него въ такой мѣрѣ не существовавшая въ нашей литературѣ. Пушкинъ въ своихъ повѣстяхъ былъ чистымъ эпикомъ; Гоголь является писателемъ соціальнымъ. Нѣтъ нужды, что его личное міровоззрѣніе оставалось неяснымъ; творчество его первыхъ и лучшихъ лѣтъ было безсознательное; онъ повиновался внутреннимъ побужденіямъ геніальнаго дарованія, и исторически отмѣченная черта подобныхъ дарованій бываетъ та, что нерѣдко они, сами не отдавая себѣ теоретическаго отчета въ своемъ творчествѣ, являются выразителями глубокихъ стремленій своего времени и общества. Такимъ и явился Гоголь. Впослѣдствіи, когда его произведенія имѣли свое извѣстное дѣйствіе, а самъ Гоголь, подъ вліяніемъ шумнаго успѣха и потрясающаго дѣйствія его созданій, захотѣлъ

опредѣлить теоретически свое дѣло, онъ пришелъ къ извѣстному результату: въ позднѣйшемъ настроеніи проповѣдника благочестиваго и покаяннаго консерватизма, онъ отвергалъ свои прежнія произведенія, самъ ясно чувствуя, что ихъ характеръ не сходится съ новыми мыслями. Не однажды было объяснено, какое вліяніе имѣлъ Гоголь именно въ этомъ общественномъ направленіи, и г. Скабичевскій, на нашъ взглядъ, напрасно миновалъ эти объясненія. Если натурализмъ Гоголя былъ тотъ же натурализмъ Пушкина—чѣмъ объяснить эту внутреннюю трагедію, въ мученіяхъ которой Гоголь провелъ всю вторую половину своей писательской дѣятельности; чѣмъ объяснить тотъ энтузіазмъ, какимъ исполнились его почитатели въ молодомъ общественномъ и литературномъ поколѣніи? Потому что однѣми художественными красотами невозможно было бы объяснить этотъ энтузіазмъ; чѣмъ, наконецъ, объяснить ту вражду, какую возбудили въ консервативномъ лагерѣ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“? Вѣрнѣе было бы сказать, что старый періодъ литературы былъ законченъ именно Пушкинымъ; произведенія Гоголя совпадали съ зарожденіемъ въ обществѣ и другихъ областяхъ литературы именно соціальнаго интереса, и въ послѣдующемъ развитіи литература уже не выходила изъ этого интереса.

Говоря о Тургеневѣ, г. Скабичевскій упоминаетъ, что онъ именно считалъ себя ученикомъ Пушкина (а не Гоголя). Дѣйствительно, Тургеневъ не однажды это высказывалъ, и совершенно понятно его увлеченіе великимъ поэтомъ, на которомъ онъ воспитался въ годы впечатлительной юности; но едва ли сомнительно, что это было увлеченіе чисто художественное, восхищеніе необычайно изящною формой, великолѣпно исполненными картинами, но не какимъ-либо кодексомъ литературныхъ и общественныхъ идей—кромѣ общихъ понятій о значеніи и правѣ искусства,—но Гоголь могъ именно внушить идеи общественнаго свойства. Самъ Тургеневъ разсказываетъ, что въ то же время онъ былъ великимъ поклонникомъ Бенедиктова—очевидно, опять съ точки зрѣнія чисто внѣшней, съ точки зрѣнія необузданно смѣлыхъ реторическихъ фигуръ и неестественно-грандіозныхъ картинъ. Въ своихъ первыхъ произведеніяхъ Тургеневъ былъ романтикъ съ примѣсью реализма, а въ „Запискахъ Охотника“ онъ уже несомнѣнно былъ преемникомъ не Пушкина, а Гоголя. „*Записки Охотника* представляются какъ бы продолженіемъ *Мертвыхъ Душъ* Гоголя“, замѣчаетъ самъ г. Скабичевскій (стр. 131), и это совершенно справедливо. „Это — эпопея, продолжаетъ онъ, — не имѣющая, повидимому, никакой иной предвзятой цѣли, какъ лишь

развернуть передъ вами широкую картину русской провинціальной жизни, преимущественно помѣщиковъ и крестьянъ, съ одной стороны въ массѣ мелкихъ, повседневныхъ, будничныхъ ея явленій, съ другой—въ поэтическихъ мотивахъ и образахъ... Тѣмъ не менѣе отъ *Записокъ Охотника* повѣяло на читателей совершенно новымъ духомъ, которымъ проникнуты онѣ отъ первой страницы до послѣдней. Это былъ духъ гуманности и искренней любви къ угнетенному мужику".

Этотъ „духъ гуманности" принадлежалъ къ чертамъ того содержанія, какое вносили произведенія Гоголя. Едва ли можно оспаривать, что въ русской литературѣ никогда ранѣе не были съ такой силой затронуты движенія этого простого человѣческаго чувства, какъ онѣ были затронуты Гоголемъ въ „Шинели", въ „Запискахъ Сумасшедшаго", въ различныхъ эпизодахъ „Мертвыхъ Душъ". Съ другой стороны, „отрицательныя черты", какія придавалъ Тургеневъ, въ „Запискахъ Охотника", изображеніямъ помѣщичьяго быта, точно также сводятся къ Гоголю въ „Ревизорѣ" и „Мертвыхъ Душахъ". Оставивъ въ сторонѣ великія достоинства художественнаго исполненія, какими поражали особливо съ этой поры произведенія Тургенева и которыя были достояніемъ его тонкаго дарованія, другую сторону сильнаго впечатлѣнія, имъ возбужденнаго, составлялъ очевидно ихъ общественный смыслъ: онъ выразился именно этимъ духомъ гуманности, который въ ближайшемъ примѣненіи явился отрицаніемъ крѣпостного права, и въ этомъ отношеніи Тургеневъ несомнѣнно примыкаетъ гораздо ближе къ Гоголю, въ соціальной сторонѣ его произведеній, чѣмъ къ Пушкину.

Понятно, что эта связь, столь наглядная въ „Запискахъ Охотника" и отмѣченная самимъ г. Скабичевскимъ, становится менѣе замѣтной въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Тургенева; начиналась доля его самостоятельныхъ вкладовъ въ содержаніе литературы, какъ сама жизнь ставила новые вопросы и литература расширяла область своихъ наблюденій. Мы вовсе не говоримъ, чтобы дѣятельность Тургенева исходила только отъ Гоголя: несомнѣнно, что имѣлъ свою большую долю вліянія и Пушкинъ съ его художественнымъ реализмомъ и совершенствомъ формы и языка (въ послѣднемъ Гоголь всегда хромалъ); многое въ содержаніи и въ формѣ было, наконецъ, созданіемъ самого Тургенева. Мы хотѣли только сказать, что въ основномъ—именно соціальномъ—духѣ своихъ произведеній Тургеневъ несравненно сильнѣе былъ двинутъ Гоголемъ, какъ въ другихъ отношеніяхъ Тургеневъ и вообще послѣдующая литература этого направленія совершенно съ нимъ

разошлись. Крупныя историческія явленія всегда бываютъ результатомъ цѣлой массы предшествующихъ явленій, и въ данномъ случаѣ давно замѣчено было другое вліяніе, несомнѣнно дѣйствовавшее на развитіе литературы послѣ-гоголевской: это было вліяніе тогдашней соціальной литературы западной, особливо французской. Молодое поколѣніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ недаромъ съ жадностью стремилось къ источникамъ европейской науки, поглощало нѣмецкую философію и фванцузскую литературу. Какъ ни были далеки та и другая отъ условій русской жизни, ихъ вліяніе не осталось ни поверхностнымъ, ни совсѣмъ отвлеченнымъ; напротивъ, въ каждомъ живомъ умѣ возникали подъ этими чужими вліяніями свои русскіе, именно общественные вопросы. Не говоря о безвыходномъ недоумѣніи, въ какое впалъ Гоголь въ послѣдніе годы жизни, объ его отреченіи отъ собственнаго прежняго дѣла, Гоголь и въ свою лучшую пору не имѣлъ, конечно, столь широкаго общественнаго круговора, какой еще въ сороковыхъ годахъ развивался у его молодыхъ поклонниковъ и учениковъ: это былъ уже новый шагъ историческаго развитія, для него оставшійся недоступнымъ.

Мы остановились подробнѣе на этомъ предметѣ потому, что это былъ исходный пунктъ литературной исторіи, составляющей предметъ изслѣдованія г. Скабичевскаго.

Нѣкоторыя неточности, близкія къ ошибкѣ, представляются намъ также въ изложеніи реакціоннаго періода, достигшаго до второй половины пятидесятыхъ годовъ. Характеризуя тогдашнее положеніе журналистики, г. Скабичевскій говоритъ:

„Приведеніе всѣхъ органовъ печати къ уровню безцвѣтныхъ сборниковъ зависѣло, конечно, прежде всего отъ удаленія съ литературной арены всѣхъ тѣхъ наиболѣе выдававшихся и сильныхъ мыслью и талантами дѣятелей, которые стояли во главѣ движенія сороковыхъ годовъ... Но самая главная причина безцвѣтности журналовъ лежала, конечно, въ полной невозможности обсудить мало-мальски животрепещущій вопросъ и провести свѣжую мысль... По-неволѣ, вмѣсто живыхъ публицистическихъ статей, журналы начали наполняться теперь необъятно-длинными, сухими и спеціальнѣйшими учеными трактатами, мѣсто которыхъ никакъ не въ литературныхъ, а въ какихъ-либо спеціальныхъ органахъ. Это называлось на журнальномъ языкѣ того времени придавать органу дѣловую и научную солидность... Рядомъ съ тѣмъ въ критическихъ сферахъ на первый планъ выступала библіографія, начались кропотливыя изслѣдованія мелкихъ фактиковъ

жизни давно сошедшихъ въ могилу писателей, въ родѣ Тредьяковскаго или Богдановича" (стр. 17).

Г. Скабичевскій приводитъ безъ дальнѣйшихъ объясненій желчный отзывъ Добролюбова объ этой страсти къ мелочнымъ изслѣдованіямъ и прибавляетъ, что такими мелочами занимались тогда Лонгиновъ, Геннади, Гаевскій, Галаховъ, Анненковъ. По словамъ Добролюбова, „ничего не вышло изъ этихъ споровъ, изслѣдованій и открытій"; но если могъ такъ думать Добролюбовъ, недовольный тогдашнимъ началомъ подобныхъ изслѣдованій, еще не представившихъ особенно важнаго результата, то можно было бы болѣе точно говорить объ этомъ черезъ тридцать лѣтъ. Самъ историкъ находитъ, что отчасти въ этомъ складѣ работъ участвовала полная невозможность затронуть болѣе живые вопросы; но въ то же время было и не такое только внѣшнее основаніе для новаго направленія историко-литературныхъ изысканій. Дѣло въ томъ, что когда Бѣлинскій исполнилъ задачу историческаго обзора развитія литературы художественной, стала естественно представляться необходимость изученія старой литературы съ точки зрѣнія исторіи просвѣщенія, исторіи общественной и бытовой. Очевидно, это были точки зрѣнія совершенно различныя: многое, что оставлялъ безъ всякаго вниманія историкъ-эстетикъ, могло представлять и дѣйствительно представляло живѣйшій интересъ для историка образованія, нравовъ и быта; самое развитіе произведеній художественныхъ имѣло свою подготовку въ рядѣ предварительныхъ опытовъ, которые для своего времени не были лишены образовательнаго значенія. Для исторіи въ этомъ смыслѣ требовались изслѣдованія иного рода, между прочимъ собираніе фактовъ бытовыхъ, пересмотръ множества забытыхъ литературныхъ произведеній, опредѣленіе біографій, иногда даже простой инвентарь данныхъ, которыя дѣйствительно приходилось „открывать". Теперь, черезъ тридцать лѣтъ, результаты этой работы оказываются крупнымъ пріобрѣтеніемъ, сильно измѣнившимъ наши историко-литературныя представленія. Изысканія, сдѣланныя въ этомъ направленіи, раскрыли цѣлый рядъ любопытныхъ явленій внутренней жизни общества, съ начала XVIII-го вѣка и до новѣйшаго времени; точнѣе выясняется смѣна эпохъ и направленій, вліянія европейской литературы; собрано множество фактовъ для исторіи образованія и нравовъ; возстановлено множество фактовъ, остававшихся неизвѣстными, какъ напр. обширная литература мемуаровъ прошлаго вѣка; впервые оцѣнено историческое значеніе дѣятелей, прежде едва упоминаемыхъ, какъ напр. Новиковъ и т. д. Тотъ Анненковъ, работы котораго казались мелоч-

ными, далъ тогда же первый по времени весьма замѣчательный опытъ критическаго изданія Пушкина и его біографіи. Рядомъ съ этимъ развивался вообще интересъ къ старой исторіи, и благодаря ему собралась теперь обширная литература по XVIII и XIX вѣку, мѣсто которой въ пятидесятыхъ годахъ занимали еще „устныя преданія" и разсказы „старожиловъ".

Состояніе художественной критики непосредственно послѣ Бѣлинскаго г. Скабичевскій характеризуетъ какъ упадокъ, какъ забвеніе его преданій. Наиболѣе живую струю тогдашней литературы (конецъ сороковыхъ и первые пятидесятые годы) нашъ историкъ видитъ въ славянофильствѣ, къ которому относится вообще весьма сочувственно, исключая его утопической и мистической стороны (которая, однако, съ нимъ нераздѣльна). Въ такъ-называемомъ западномъ лагерѣ художественная критика была въ рукахъ людей, которыхъ г. Скабичевскій называетъ оппортунистами—названіе не совсѣмъ правильное въ томъ отношеніи, что „оппортунизмъ" предполагаетъ разсчетъ партіи, извѣстную цѣль, ради которой дѣлается уступка изъ своихъ понятій, между тѣмъ какъ эти „оппортунисты", именно Дружининъ и Анненковъ, вовсе не были въ такомъ положеніи и едва ли руководились подобными разсчетами. Дружининъ былъ просто литературный дилеттантъ, съ самаго начала чуждый тому соціальному направленію, какое принимали мысли самого Бѣлинскаго въ послѣдніе годы его жизни и какое возродилось потомъ съ большею силою въ пятидесятыхъ годахъ. Какъ обыкновенно бываетъ съ дилеттантами, Дружининъ былъ склоненъ къ теоріи чистаго искусства, которую и защищалъ совершенно безкорыстно. Въ это время, нѣсколько забывшее о Пушкинѣ, начинавшее смотрѣть на него съ чисто исторической точки зрѣнія, Дружининъ является именно партизаномъ Пушкина въ противоположность Гоголевскому направленію. Г. Скабичевскій приводитъ цитату:

„Одинъ изъ современныхъ литераторовъ,—писалъ Дружининъ,—выразился очень хорошо, говоря о сущности дарованія Александра Сергѣевича: „если бы Пушкинъ прожилъ до нашего времени,—выразился онъ,—его творенія составили бы противодѣйствіе гоголевскому направленію, которое, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, нуждается въ такомъ. противодѣйствіи". Отзывъ совершенно справедливый и весьма примѣнимый къ дѣлу. И въ настоящее время, и черезъ столько лѣтъ послѣ смерти Пушкина, его творенія должны сдѣлать свое дѣло. Изучая прозу Пушкина, его *Онѣгина*, гдѣ изображенъ вседневный бытъ нашъ, какъ городской, такъ и деревенскій, его стихотворенія, внушенныя сельскими картинами,

сельскимъ бытомъ, мы придемъ къ началу того противодѣйствія, той реакціи, которая *такъ нужна въ текущей словесности*. Наша текущая словесность изнурена, ослаблена своимъ сатирическимъ направленіемъ. Противъ того сатирическаго направленія, къ которому привело насъ неумѣренное подражаніе Гоголю, поэзія Пушкина можетъ служить лучшимъ орудіемъ". Въ поэзіи Пушкина, по словамъ Дружинина, „передъ нами тотъ же бытъ, тѣ же люди, но какъ все это глядитъ тихо, спокойно и радостно!" (стр. 24—25).

Приведя далѣе еще цитату изъ другой статьи Дружинина на ту же тему о превосходствѣ чистаго искусства и о томъ, что критика Бѣлинскаго была мертвенной рутинной дидактикой, г. Скабичевскій замѣчаетъ: „Трудно представить себѣ большее извращеніе всѣхъ историко-литературныхъ данныхъ. Бѣлинскій, всегда первый ратовавшій противъ дидактизма въ искусствѣ и требовавшій отъ писателей лишь живого, естественнаго проникновенія общественными вопросами, попалъ вдругъ въ дидактики, оказалось вдругъ, что онъ не создалъ ни одного писателя, а тѣ, которые подчинялись его требованіямъ, исчезали и гибли вслѣдствіе своего безсилія. Вотъ до чего договорились, наконецъ, критики оппортунисты!" (стр. 26). Да, но сравнимъ съ этимъ приведенное выше мнѣніе г. Скабичевскаго о происхожденіи нашего натурализма или реализма отъ Пушкина: здѣсь на непосредственныхъ фактахъ литературы можно видѣть, въ какія отношенія складывались въ исторической дѣйствительности традиція Пушкина и вліяніе Гоголя.

Подобнымъ образомъ едва ли съ точностью можно назвать оппортунистомъ и Анненкова. Это былъ человѣкъ „сороковыхъ годовъ", но не пошедшій за Бѣлинскимъ и другими въ окончательномъ развитіи ихъ взглядовъ, когда философская теорія стала приходить у нихъ къ болѣе живому пониманію реальныхъ интересовъ общества. Анненковъ остался чистымъ эстетикомъ; при этомъ въ вопросахъ общественныхъ онъ не былъ консерваторомъ, но, самъ оставшись, какъ и Дружининъ, внѣ новѣйшаго движенія конца пятидесятыхъ годовъ, былъ, что̀ называлось тогда, „постепеновцемъ". Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, что самые подлинные люди сороковыхъ годовъ не однажды оказывались впослѣдствіи въ полномъ разладѣ съ позднѣйшимъ движеніемъ общества и литературы. Мы видѣли, напримѣръ, какъ у Василія Боткина въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ рядомъ шли поэтическія и теоретическія увлеченія во вкусѣ сороковыхъ годовъ съ полнымъ обскурантизмомъ во вкусѣ Каткова. Здѣсь, какъ у Анненкова и Дружинина, можно наблюдать любопытное проявленіе исторической

преемственности идей на ряду съ личнымъ развитіемъ ихъ представителей. Не подлежитъ сомнѣнію, что новое движеніе русскаго общества въ началѣ прошлаго царствованія стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ сороковыми годами; новая публицистика начиналась съ возстановленія преданій Бѣлинскаго; многіе изъ дѣятелей новаго періода вышли прямо изъ группы людей сороковыхъ годовъ, не только въ литературѣ, но и въ практической дѣятельности, гдѣ они являлись исполнителями реформъ прошлаго царствованія, составлявшихъ исполненіе мечтаній и идеаловъ той эпохи,—но въ то же время очень многимъ изъ этихъ людей сороковыхъ годовъ оказывались совершенно непонятны стремленія новыхъ поколѣній, гдѣ были только дальнѣйшіе запросы теоретической мысли и практическихъ общественныхъ интересовъ. Ихъ мысль остановилась на той формѣ и томъ объемѣ, какой получила въ ихъ собственную свѣжую пору, но дальнѣйшее развитіе той же мысли было имъ искренно непонятно. Въ свое время они строили желаемый общественный прогрессъ теоретически; непосредственная дѣйствительность того стараго времени пока не давала никакой надежды на осуществленіе теоретическихъ ожиданій, и имъ трудно было представить себѣ, въ какихъ формахъ можетъ проявиться этотъ будущій прогрессъ на дѣлѣ,—а на дѣлѣ онъ явился въ чрезвычайно сложныхъ, путаныхъ, нерѣдко угловатыхъ формахъ, къ которымъ они не были приготовлены и которыхъ поэтому часто были не въ состояніи понять. Оттого многіе изъ нихъ впадали въ недоумѣніе, а потомъ и прямо отнеслись съ враждою къ новымъ элементамъ литературы и общественности, которые, однако, были продуктомъ ихъ собственной идеалистической поры. Укажемъ примѣръ этого въ томъ разладѣ, который обнаружился въ тогдашнемъ передовомъ кругу литературы со вступленіемъ въ него новыхъ литературныхъ силъ: Добролюбовъ былъ для истыхъ людей 40-хъ годовъ почти совершенно непонятенъ; имъ видѣлся въ немъ только желчный отрицатель, неспособный понимать тонкаго идеализма предъидущихъ поколѣній и самъ лишенный всякаго идеала. Въ такомъ родѣ думали не только обыкновенные люди и не особенно глубокіе мыслители прежняго поколѣнія, но и самъ Тургеневъ, человѣкъ несомнѣнно съ широкимъ, не зауряднымъ образованіемъ и несомнѣнно съ желаніемъ понять историческій процессъ, совершавшійся въ русскомъ обществѣ въ тѣ мудреные годы.

Половину пятидесятыхъ годовъ г. Скабичевскій характеризуетъ одичаніемъ общества и забвеніемъ всѣхъ идей сороковыхъ годовъ. Примѣръ этого одичанія онъ видитъ даже въ знаменитой статьѣ Пирогова „Вопросы жизни", которая въ то время произвела очень

сильное впечатлѣніе: подкладка этой статьи была совсѣмъ средневѣковая, аскетическая, и однако статьей восхищались и превозносили ее; г. Скабичевскій находитъ одно объясненіе успѣха статьи въ главной ея мысли—что воспитаніе должно заключаться не въ узко-утилитарныхъ цѣляхъ, не въ томъ, чтобы приготовлять чиновниковъ, моряковъ, докторовъ, невѣстъ, а чтобы, прежде всего, приготовить *человѣка*. Это дѣйствительно и была та черта, которая произвела тогда впечатлѣніе: надо вспомнить типъ тогдашняго воспитанія, состоявшій въ грубой казарменной муштровкѣ, когда молодая пробивающаяся мысль и совѣсть считались „фанаберіей", когда „не разсуждать" было правиломъ не только во фронтѣ, но и въ цѣлой общественной жизни, когда за шалость, требующую педагогическаго исправленія, не только студенты, но даже гимназисты попадали въ солдаты, и т. д.,—надо вспомнить это, чтобы не удивиться успѣху статьи, подписанной знаменитымъ именемъ и явившейся въ оффиціальномъ изданіи. Ради этого напоминанія о *человѣкѣ* не считали нужнымъ спорить съ самой философіей Пирогова: въ статьѣ привѣтствовалось хотя косвенное, но явное и ясное отрицаніе стараго порядка вещей въ области воспитанія, даже въ цѣломъ складѣ оффиціальнаго пониманія жизни.

„Нѣтъ ничего мудренаго,—продолжаетъ г. Скабичевскій,—что общество было застигнуто эпохою реформъ совершенно врасплохъ и не будучи ни мало подготовлено къ ней. Никакихъ опредѣленныхъ и сознательныхъ стремленій, никакой выработанной программы дѣйствій не было ни у кого и въ поминѣ. Это было чисто стихійное возбужденіе, съ одной стороны, пессимистическаго характера, съ другой—напротивъ того, поражавшее своимъ восторженнымъ оптимизмомъ. Въ то время, какъ пессимизмъ былъ слѣдствіемъ неудачъ крымской кампаніи и сознанія общей распатанности и разстройства всей государственной системы, оптимизмъ возбуждался ежедневно не только предвкушеніемъ великихъ историческихъ событій, которыя готовились переживать, въ родѣ освобожденія крестьянъ, земской и судебной реформъ, или широкаго открытія университетскихъ дверей для людей всѣхъ сословій, но и въ виду такихъ мелочей, какъ дозволеніе курить на улицахъ, упрощеніе или полное уничтоженіе разнаго рода униформъ, допущеніе ношенія бородъ и т. п. Каждый день приносилъ слухи о новыхъ реформахъ и преобразованіяхъ, иногда самые фантастическіе и нелѣпые" (стр. 51), и проч.

Здѣсь опять есть поводъ къ недоразумѣніямъ. Историкъ былъ бы правъ, еслибы относилъ эту неподготовленность и безсозна-

тельность именно въ „темной и полуобразованной массѣ", о которой онъ говорилъ передъ тѣмъ, и которая въ то время дѣйствительно плохо понимала, что̀ творится, и увлекалась фантастическими и нелѣпыми слухами; она и въ настоящую минуту плохо понимаетъ положеніе вещей; но невѣрно было бы сказать это о болѣе образованной части общества; она была, конечно, лишена иниціативы, но уже въ то время достаточно понимала, что̀ именно требовалось бы для исправленія золъ, оставленныхъ періодомъ реакціи и обскурантизма, и для пробужденія здоровыхъ общественныхъ силъ. Эпитетъ „одичанія", употребленный г. Скабичевскимъ, вышелъ бы совсѣмъ несправедливъ относительно этой доли общества; напротивъ, тотъ фактъ, что при первомъ заявленіи о реформахъ тотчасъ нашлось достаточно силъ какъ для выполненія чрезвычайно трудной задачи въ правительственныхъ комитетахъ и для разъясненія вопроса въ литературѣ, этотъ фактъ указывалъ, что болѣе образованная часть общества съ самаго начала способна была понять все значеніе времени и необходимость преобразованій; собственно говоря, этой части общества принадлежитъ развитіе самой идеи преобразованій, принятой тогда въ правительственныхъ сферахъ. Г. Скабичевскій, настаивая на неподготовленности общества (т.-е. собственно толпы), припоминаетъ изъ того времени примѣры простодушныхъ увлеченій, въ которыхъ, замѣтимъ, многое было въ особенности дѣломъ неопытной, разумѣется, и довѣрчивой молодежи, но онъ могъ бы припомнить, что въ то же самое время эти простодушныя увлеченія были весьма категорически отвергаемы болѣе разсудительными людьми того же поколѣнія. Добролюбовъ безжалостно осмѣивалъ ребяческія самообольщенія того времени, и сочиненія его вообще не оставятъ сомнѣнія, что тридцать лѣтъ тому назадъ онъ понималъ тогдашнія отношенія не хуже, чѣмъ ихъ нынѣшній историкъ, а иногда, быть можетъ, лучше понималъ живую и сочувственную сторону тогдашняго настроенія.

Самъ г. Скабичевскій, только-что сказавъ объ отсутствіи въ тогдашнемъ обществѣ какихъ-либо опредѣленныхъ и сознательныхъ стремленій и о томъ, что оживленіе общества выражалось разнаго рода „мелочами", безплодными толками въ кружкахъ, „либеральничаньемъ" и т. п., продолжаетъ, однако, вслѣдъ затѣмъ: „Оживленіе это не замедлило отразиться и въ литературѣ. Она, въ свою очередь (?), исполнилась животрепещущаго содержанія. Журналы, какъ старые, такъ и вновь возникавшіе, снова первымъ условіемъ своего существованія начали считать твердое и неуклонное проведеніе опредѣленнаго направленія. Правда,

они всѣ наперерывъ либеральничали (?), увлекаемые общимъ духомъ времени; въ равной степени были преисполнены обличеніями взяточничества и всякаго рода административныхъ злоупотребленій и публицистическими статьями, смѣло обсуждавшими предстоявшія реформы и поднимавшими новые вопросы; тѣмъ не менѣе, каждый изъ крупныхъ органовъ проводилъ теперь какія-нибудь излюбленныя тенденціи“ (стр. 52).

Это отношеніе—немножко свысока—къ тогдашней литературѣ опять страдаетъ прежде всего недостаточной исторической оцѣнкой того, что̀ ей непосредственно предшествовало. Въ самомъ дѣлѣ, прежнее содержаніе литературы ничѣмъ не подготовляло разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые теперь внезапно и со всѣхъ сторонъ возникали и въ литературѣ. Надо было отыскать и теоретическій, и практическій матеріалъ для этихъ рѣшеній, и по своему времени литература представила замѣчательные труды въ области публицистики, которая вообще становилась тогда на первый планъ. Автору кажется, что всѣ тогдашніе журналы „наперерывъ либеральничали“, какъ будто давая понять, что они занимались поверхностной болтовней, но эти „обличенія взяточничества и всякаго рода административныхъ злоупотребленій“ были давно наболѣвшей потребностью общественнаго мнѣнія, которое до тѣхъ поръ не смѣло бы заикнуться о подобныхъ предметахъ, когда вопіющія злоупотребленія совершались открыто на глазахъ у всѣхъ. Какъ всегда бываетъ, къ крупнымъ явленіямъ литературы присоединялось и множество мелкихъ, но въ цѣломъ тогдашняя литература достойнымъ образомъ подготовляла тѣ новыя формы общественной жизни, которыя въ то же время подготовлялись въ правительственной разработкѣ реформъ крестьянской судебной и земской. Теперь, пожалуй, можетъ показаться маловажнымъ это обличеніе административныхъ злоупотребленій, но въ то время всѣ они были еще на-лицо, дѣйствовали старые суды, старая безгласность административныхъ мѣропріятій, однимъ словомъ, весь тотъ до-реформенный бытъ, который уже отошелъ теперь въ исторію. Г. Скабичевскій какъ будто забылъ, что именно къ этому времени относится, въ области публицистической критики, дѣятельность Добролюбова и др., а въ беллетристикѣ открывались писатели какъ Салтыковъ.

Историческое изложеніе г. Скабичевскаго представляетъ рядъ біографій, въ которыхъ онъ, какъ и слѣдуетъ, старается отмѣчать наиболѣе характерныя черты развитія того или другого писателя. Нѣкоторыя изъ этихъ біографій были довольно трудны для изложенія, какъ напримѣръ біографіи нѣкоторыхъ дѣятелей конца

пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ; нѣкоторые видимые пробѣлы не были, конечно, виною историка; тѣмъ не менѣе можно было бы желать иногда больше точности. Литературная характеристика автора статей о Гоголевскомъ періодѣ выходитъ одностороннею, когда г. Скабичевскій, съ своей точки зрѣнія, останавливается только на трудахъ его, относящихся прямо къ литературной критикѣ. Достаточно нѣсколько всмотрѣться въ дѣятельность этого писателя, чтобы видѣть, что литературная критика была только случайнымъ его интересомъ. Когда г. Скабичевскій говоритъ: „Добролюбовъ затмилъ своего учителя, и учитель смиренно уступилъ ему мѣсто, переставши писать критическія статьи и выступивши на поприще публицистики и политической экономіи, болѣе свойственное характеру его таланта и качествамъ его холоднаго, діалектическаго и математическаго ума“ (стр. 67), получается впечатлѣніе, не соотвѣтствующее фактамъ. Учитель былъ очень высокаго мнѣнія о Добролюбовѣ: послѣ первой статьи послѣдняго въ „Современникѣ“, онъ почти на годъ воздержалъ Добролюбова отъ журнальной дѣятельности, до окончанія имъ курса въ педагогическомъ институтѣ и до оффиціальнаго обезпеченія его положенія, но затѣмъ предоставилъ полный просторъ его дѣятельности безъ всякаго смиренства, а между прочимъ просто потому, что его гораздо больше, чѣмъ русская литература, занимали крестьянскій вопросъ и политическая экономія, которымъ онъ и отдался исключительно, никогда уже не возвращаясь больше къ вопросамъ русской литературы.

То, на чемъ мы до сихъ поръ останавливались, принадлежитъ къ первому отдѣлу книги г. Скабичевскаго, заключающему „общій обзоръ литературнаго движенія въ разсматриваемую эпоху и исторію критики“, затѣмъ въ слѣдующихъ (семи) отдѣлахъ литература разсматривается по ея спеціальнымъ областямъ, а именно: школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ, беллетристы-народники, беллетристы-публицисты, историческая беллетристика, беллетристы восьмидесятыхъ годовъ, драма и комедія, поэзія. Этотъ способъ изложенія даетъ возможность болѣе обстоятельнаго обзора фактическаго матеріала литературы, но имѣетъ и свои неудобства: за длиннымъ рядомъ біографій, перечисленіемъ и критическою оцѣнкою отдѣльныхъ произведеній, отъ историка ускользаетъ цѣльная картина историческаго процесса въ его переходѣ отъ одной эпохи къ другой, отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Правда, весь разсматриваемый здѣсь періодъ обнимаетъ круг-

лымъ числомъ только сорокъ лѣтъ, многіе изъ писателей этого періода еще видѣли его начало и дожили почти до конца, позднѣйшее поколѣніе еще встрѣчалось со своими непосредственными предшественниками,—тѣмъ не менѣе на этомъ короткомъ пространствѣ несомнѣнно совершался историческій процессъ. Громадная перемѣна очевидна, если мы возьмемъ начало этого періода и конецъ восьмидесятыхъ годовъ, и отъ этого начала къ этому концу идетъ нѣсколько историческихъ ступеней, выдѣляющихся довольно отчетливо. Эти ступени особенно замѣтны, если мы обратимъ вниманіе на внѣшнія явленія общественной жизни: безусловная реакція конца сороковыхъ годовъ, вызванная чужими европейскими событіями и подавлявшая начатки общественной мысли въ кругу наиболѣе образованныхъ людей; кризисъ общественнаго мнѣнія, произведенный событіями крымской войны, которая явилась историческимъ испытаніемъ господствовавшей системы; порывъ преобразовательныхъ идей, возбужденный сознаніемъ прежнихъ ошибокъ и поддержанный яснымъ пониманіемъ народныхъ и общественныхъ нуждъ, объясненію которыхъ несомнѣнно послужила литература прежняго времени; уже вскорѣ затѣмъ начавшаяся и все больше возраставшая реакція преобразовательному движенію, вызванная различными условіями и главнымъ образомъ старыми бытовыми элементами, которые воспользовались неполнотою реформъ и успѣли бросить мысль объ ихъ преждевременности; возраставшая, тѣмъ не менѣе, сила общественнаго мнѣнія, продолжавшая анализъ нашего внутренняго быта и посѣявшая въ обществѣ живѣйшій интересъ къ изученію исторіи и народной жизни; новыя мѣры разнообразнаго воздѣйствія на общественное мнѣніе въ строго-консервативномъ смыслѣ и симптомы упадка общественнаго мнѣнія, выражавшіеся въ индифферентизмѣ и пессимизмѣ.

Эти явленія нашей общественной жизни, къ которымъ можно было бы прибавить и другіе оттѣнки, могли бы быть точно также прослѣжены въ литературѣ, и онѣ представили бы цѣлый историческій процессъ, конечно, далеко не приведенный одними внѣшними случайными событіями, но своимъ основнымъ характеромъ коренящійся въ самыхъ условіяхъ національной жизни. Передъ русскимъ обществомъ и государствомъ предсталъ глубоко серьезный вопросъ: возможно ли оставаться въ тѣхъ же формахъ быта, отрицавшихъ свободу народа и самодѣятельность общества, и съ тѣми же скудными размѣрами образованія, не дававшими возможности развитія національнымъ силамъ,—когда сама власть, по неясному инстинкту, уже заявляла принципъ „народности“

и когда въ европейскомъ сосѣдствѣ совершались во всѣхъ направленіяхъ необычайные успѣхи наукъ, общественности и, вмѣстѣ, развитія матеріальныхъ силъ, принимавшихъ, наконецъ, угрожающій характеръ? Наступила минута, когда въ сознаніи общества и самой власти явилась мысль о тѣсной связи просвѣщенія и самодѣятельности общества съ нравственнымъ достоинствомъ народа и даже матеріальною силой государства; всѣ заговорили о реформѣ, и она дѣйствительно была необходима. То всеобщее увлеченіе, которое теперь такъ часто хотятъ представить легкомысленной модой времени и даже вреднымъ заблужденіемъ, было, напротивъ, совершенно вѣрнымъ инстинктомъ, о которомъ можно только жалѣть, что онъ не получилъ въ свое время должной поддержки и воспитанія. Инстинктъ говорилъ, что русская жизнь находится въ застоѣ, что лучшія силы ума и дарованія пропадаютъ безъ пользы, что милліоны рабовъ лишены элементарныхъ условій гражданскаго и нравственнаго существованія, что учрежденія стали только источникомъ произвола и деморализаціи, что господствующее невѣжество грозитъ настоящей опасностью, не умѣя воспользоваться средствами страны и народа даже для ихъ собственной защиты, и т. д., что, наконецъ, „души опустошены“, по выраженію г. Михайловскаго о той эпохѣ. Справедливы были опасенія и достойны были полнаго сочувствія тѣ патріотическія мечты, которыми наполнены были первые годы прошлаго царствованія. Еслибы, дѣйствительно, предпринятыя реформы произведены были въ той мѣрѣ, какая указывалась историческимъ опытомъ и широко понятыми потребностями народа, въ нашей жизни совершился бы громадный переворотъ, результатомъ котораго было бы, вѣроятно, широкое и благотворное развитіе народныхъ силъ; могло бы произойти нѣчто въ родѣ великой реформы начала XVIII-го вѣка, съ тою разницею, что взамѣнъ принужденія здѣсь дѣйствовало бы освобожденіе народныхъ силъ и вмѣсто реформы чисто государственной совершилось бы возрожденіе общественной и народной самодѣятельности... Но уже вскорѣ явилось испытаніе. Реформа могла быть проведена только при глубокомъ убѣжденіи въ ея необходимости со стороны вліятельныхъ сферъ, причемъ былъ бы данъ просторъ для тѣхъ элементовъ общественной дѣятельности, которые съ успѣхомъ могли бы служить дѣлу реформы; между тѣмъ съ самаго начала стало обнаруживаться колебаніе, которое не замедлило отразиться на всей судьбѣ предпріятія, и это предпріятіе вмѣсто того, чтобы стать великой обновляющей эпохой въ исторической судьбѣ цѣлой націи, ограничилось частными улучшеніями,

а впослѣдствіи даже эти улучшенія были подвергнуты сомнѣнію и частью были совсѣмъ отмѣнены или сокращены. Противники реформы говорятъ обыкновенно, что она была несвоевременна и въ доказательство ссылаются на то, что будто бы она не была поддержана самимъ обществомъ, которое въ настоящую минуту будто бы склоняется въ большинствѣ въ пользу ея ограниченія или даже отмѣны; эта ссылка совершенно неосновательна, прежде всего потому, что наше общество не имѣетъ въ подобныхъ предметахъ никакой дѣятельной роли и даже высказать свои взгляды можетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ допущено независящими отъ него обстоятельствами. Напротивъ, еслибы снова возвѣщено было продолженіе дѣла, начатаго тридцать лѣтъ тому назадъ, и обстоятельства допустили высказаться общественному мнѣнію, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что это встрѣчено было бы обществомъ съ величайшимъ сочувствіемъ. „Общество" есть понятіе очень растяжимое и тамъ, гдѣ оно не имѣетъ, какъ у насъ, правильнаго выраженія своихъ мнѣній, ему можно приписывать со стороны какія угодно мысли и настроенія: кто можетъ ихъ провѣрить?

Этотъ процессъ стремленія впередъ и отступленія назадъ наполняетъ всю исторію послѣднихъ трехъ десятилѣтій и въ этихъ колебаніяхъ передъ нами совершается историческій процессъ, по которому великая историческая идея требуетъ извѣстнаго времени для того, чтобы опредѣлиться и созрѣть, послѣ чего она можетъ войти въ жизнь, какъ дѣятельная сила. Споры и борьба партій, шаги впередъ и назадъ именно означаютъ неясность идеи для тѣхъ разнородныхъ слоевъ общественной и народной массы, интересы которыхъ будутъ такъ или иначе затронуты историческимъ движеніемъ. Историкъ, который берется за изображеніе подобныхъ эпохъ, можетъ понять ихъ только на одномъ условіи, если выяснитъ себѣ тотъ жизненный нервъ, который лежитъ въ глубинѣ общественнаго организма и приводитъ въ движеніе его открытыя и скрытыя силы. Эта основа жизненнаго процесса очевидно заключается въ соотношеніяхъ и въ борьбѣ тѣхъ стремленій организма, которыя должны способствовать развитію его нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, именно стремленій къ просвѣщенію и самодѣятельности, и тѣхъ препятствій къ этому развитію, которыя заключаются въ традиціяхъ непросвѣщенія и застоя.

Литература при всемъ внѣшнемъ стѣсненномъ положеніи, какое она издавна имѣетъ у насъ, во всякомъ случаѣ отражаетъ въ себѣ ходъ этой внутренней жизни народа прямо или косвенно,

положительно или отрицательно, и общій историческій интересъ ея изученія можетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ только въ наблюденіи и изображеніи многоразличныхъ проявленій этой встрѣчи двухъ элементовъ развитія. Обойдя эту точку зрѣнія, историкъ можетъ сообщить намъ много интересныхъ фактическихъ частностей, но оставитъ неяснымъ тотъ существенный пунктъ, ради котораго исторія и получаетъ свое значеніе. Намъ кажется, что, увлекшись частностями, авторъ настоящей книги удѣлилъ недостаточно вниманія этому главному пункту, вслѣдствіе чего и освѣщеніе самыхъ фактовъ выходитъ не всегда точно. Этотъ общій вопросъ онъ затрогиваетъ только частью въ вводныхъ главахъ и хотя затѣмъ необходимо встрѣчается съ нимъ, когда говоритъ о произведеніяхъ главнѣйшихъ писателей новѣйшаго времени, такъ или иначе касавшихся злобы дня, какъ, напримѣръ, представители публицистической критики, затѣмъ какъ Тургеневъ, Л. Н. Толстой, Гончаровъ, Некрасовъ и т. д.; но замѣчанія, разсѣянныя въ книгѣ по частнымъ поводамъ, не доставляютъ того общаго опредѣленія, о которомъ мы говорили.

Біографіи, какъ мы прежде замѣтили, составлены вообще весьма обстоятельно; авторъ старался отмѣчать въ особенности тѣ факты, которыми опредѣлялось образованіе характера и взглядовъ писателя, и въ самихъ произведеніяхъ отмѣчается отношеніе писателя къ изображаемой общественной жизни. Высказывая большое сочувствіе къ поэтической дѣятельности Тургенева, историкъ относится, однако, довольно отрицательно къ тѣмъ произведеніямъ его, гдѣ онъ, начиная съ „Отцовъ и дѣтей“, пытался изобразить людей, созданныхъ новою жизнью. Критика враждебная Тургеневу была права, когда обрушилась на „Отцовъ и дѣтей“ (стр. 115—116). Приводя объясненія Тургенева по поводу этого романа и частью принимая ихъ, г. Скабичевскій говоритъ: „Романъ во всѣхъ его деталяхъ и въ цѣломъ былъ преисполненъ той ироніи, того скептицизма, съ какими относился Тургеневъ и прежде ко всѣмъ выводимымъ имъ героямъ, начиная съ Рудина, и вотъ въ этомъ заключалась главная вина его передъ своимъ вѣкомъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ, ошибка Тургенева заключалась и въ томъ еще, что онъ не призналъ въ новыхъ людяхъ, изображенныхъ въ лицѣ Базарова, энтузіастовъ со всѣми достоинствами и недостатками людей этого сорта, а напротивъ того, они показались ему скептиками, отрицателями... Главная же причина всей этой роковой ошибки заключалась въ томъ, что, начиная съ 1855 года, Тургеневъ большею частью жилъ за границею и бывалъ въ Россіи лишь урывками и на весьма не-

продолжительное время. Онъ слѣдилъ издали за движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, но не переживалъ его непосредственно въ самомъ его руслѣ, и вотъ мало-по-малу онъ началъ утрачивать присущее ему чутье русской дѣйствительности. Всѣ лучшія произведенія его до романа „Наканунѣ“ изображаютъ до-реформенную Русь сороковыхъ годовъ, которую онъ изучилъ еще въ молодости. Когда же русское общество начало быстро преобразовываться подъ вліяніемъ реформъ шестидесятыхъ годовъ и нравы начали совершенно измѣняться, Тургеневъ не имѣлъ возможности слѣдить внимательно за этимъ измѣненіемъ, живя за границею, и вмѣсто того, чтобы творить, непосредственно беря изъ дѣйствительности свои образы, ему пришлось руководствоваться зачастую отвлеченными соображеніями, догадками. Главный недостатокъ „Отцовъ и дѣтей“ заключался въ томъ, что большинство молодежи не узнало себя въ Базаровѣ, исключая развѣ одного Писарева, да и тотъ, взявши тургеневскаго Базарова за исходную точку, создалъ своего собственнаго Базарова“ (стр. 137—138). О романѣ Тургенева „Новь“ г. Скабичевскій говоритъ: „Это послѣдняя попытка стать au courant русской жизни, изобразивши движеніе семидесятыхъ годовъ, но попытка эта еще разъ показала всю невозможность изображать новые типы и явленія жизни, живя за границею и не изучая этихъ типовъ и явленій непосредственными наблюденіями. Какъ великій художникъ, Тургеневъ создалъ нѣчто весьма правдоподобное и живое, проведя въ то же время въ романѣ свою излюбленную тенденцію гамлетства и донкихотства. Но молодые люди семидесятыхъ годовъ еще менѣе узнали себя въ выведенныхъ типахъ, чѣмъ поколѣніе шестидесятыхъ годовъ—въ Базаровѣ“.

По мнѣнію г. Скабичевскаго, тотъ разладъ съ обществомъ, который обнаружился съ появленіемъ „Отцовъ и дѣтей“, встрѣченныхъ крайне враждебно критикою новаго поколѣнія, былъ первымъ началомъ того пессимистическаго настроенія, которое съ тѣхъ поръ стало развиваться у Тургенева и снова усилилось съ неуспѣхомъ „Нови“.

Въ общемъ выводѣ о значеніи Тургенева г. Скабичевскій говоритъ:

„Въ качествѣ художника, Тургеневъ представляетъ собою безспорно первую величину среди беллетристовъ сороковыхъ годовъ и является достойнымъ преемникомъ Пушкина, ученикомъ котораго онъ всегда себя считалъ. Но ученикъ при всемъ вліяніи учителя съумѣлъ выработать свой самостоятельный тургеневскій стиль и, въ свою очередь, вызвалъ массу подражателей,

оставивъ послѣ себя глубокій слѣдъ въ русской литературѣ. Тургеневъ, можно сказать, создалъ русскую художественную новеллу, доведя ее до крайняго совершенства по изяществу и стройности изложенія и расположенія частей, по безъискусственной простотѣ и полному реализму.

„Но не въ одномъ художественномъ,—и въ умственномъ отношеніи Тургенева слѣдуетъ поставить во главѣ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Готовясь къ ученой карьерѣ, онъ умѣлъ стать во главѣ движенія въ качествѣ образованнѣйшаго человѣка сороковыхъ годовъ и начитаннѣйшаго человѣка того времени, усвоившаго вполнѣ обстоятельно гегелевскую философію, составлявшую тогда послѣднее слово европейскаго прогресса. И если онъ не успѣлъ впослѣдствіи усвоить новое, положительное міросозерцаніе, то во всякомъ случаѣ всегда оставался свободнымъ мыслителемъ, отрѣшившимся отъ всѣхъ традиціонныхъ предразсудковъ грубаго невѣжества...

„По общественнымъ своимъ убѣжденіямъ Тургеневъ всегда былъ и оставался свободомыслящимъ приверженцемъ мирнаго прогресса съ демократическою тягой къ народу. Будучи западникомъ, онъ, подобно Герцену и многимъ другимъ людямъ сороковыхъ годовъ, проникался и нѣкоторыми идеями славянофильства, причемъ въ одинаковой степени постигалъ и отрицалъ недостатки и крайности какъ западниковъ, такъ и славянофиловъ...

„Въ качествѣ эстетика Тургеневъ всегда былъ строгимъ реалистомъ... Нужно постоянное общеніе съ средою, которую беремся воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неугомонная въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода воззрѣній и понятій—и, наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе!..

„Этими эстетическими взглядами объясняется и тотъ фактъ, что Тургеневъ въ шестидесятыхъ годахъ очень не жаловалъ французскую литературу въ лицѣ В. Гюго, Дюма, Бальзака, но десять лѣтъ спустя онъ является въ Парижѣ уже другомъ Флобера, Ожье, Додэ и Гонкуровъ, покровителемъ Золя и Мопассана, и ставитъ французскую беллетристику на первомъ мѣстѣ въ современныхъ западно-европейскихъ литературахъ... Сами французскіе писатели новой школы признаютъ, что Тургеневъ имѣлъ на нихъ очень сильное вліяніе, и эстетическіе взгляды его были для нихъ своего рода откровеніемъ. Въ бесѣдахъ съ представителями новѣйшаго натурализма, онъ доказывалъ имъ необходимость отказаться отъ устарѣлыхъ романтическихъ формъ, отъ романовъ съ придуманными фантастическими и учеными комбинаціями и

интригами и съ манекенами вмѣсто живыхъ людей, и требовалъ, чтобы писатели воспроизводили жизнь, ничего кромѣ жизни. Романъ,—говорилъ онъ,—есть самая новѣйшая форма художественной литературы, и въ настоящее время, когда литературный вкусъ начинаетъ очищаться, слѣдуетъ отбросить всѣ пошлые пріемы, упростить и возвысить это искусство, которое должно быть *исторіей жизни*. Ложь, лицемѣріе, сантиментальность и трескучая риторика имѣли въ немъ рѣшительнаго противника; но, проповѣдуя натурализмъ, онъ никогда не переступалъ извѣстнаго предѣла, строго осуждая тѣ крайности, въ которыя впадаютъ французскіе натуралисты" (стр. 139—141).

Опредѣленіе, конечно, вѣрное, но, кажется намъ, опять съ одною недомолвкою. Г. Скабическій какъ будто намѣренно ставитъ Тургенева въ непосредственную связь съ Пушкинымъ, минуя Гоголя; между тѣмъ, какъ мы уже указывали, вліянія Гоголя составляютъ въ высшей степени важную, именно органическую ступень въ развитіи новѣйшихъ литературныхъ идей, сообщивши новѣйшему роману и повѣсти ихъ соціальный и гуманный характеръ.

Относительно произведеній Гончарова и особенности его дарованія, г. Скабичевскій считаетъ возможнымъ повторить давній отзывъ Бѣлинскаго, который на основаніи первой повѣсти г. Гончарова опредѣлилъ его какъ чистаго художника.

„По міросозерцію своему,—говоритъ г. Скабичевскій,—Гончаровъ рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, особенно отъ Тургенева, тѣмъ, что у него вы и тѣни не увидите того скептическаго взгляда на жизнь и людей, тѣхъ философскихъ „рефлексій", которыми преисполнены всѣ прочіе беллетристы этой школы. Взгляды Гончарова, напротивъ того, отличаются средневѣковою непосредственностью, опредѣленностью и ясностью, и въ этомъ отношеніи онъ болѣе всего приближается по своему міросозерцанію къ Гоголю. Онъ не столько анализируетъ жизнь, старается заглянуть въ глубь ея, сколько созерцаетъ ее во всемъ ея наружномъ, внѣшнемъ разнообразіи. Эта-то непосредственность созерцанія при полномъ отсутствіи анализа и была причиною того опредѣленія таланта Гончарова, которое сдѣлалъ Бѣлинскій при появленіи „Обыкновенной исторіи", что Гончаровъ „поэтъ, художникъ и больше ничего", что у него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: „кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона", и что „изъ всѣхъ нашихъ писателей онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго

искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство—и тѣмъ самымъ успѣваютъ" (стр. 148—149).

Изъ этого непосредственнаго наблюденія жизни при полномъ отсутствіи анализа г. Скабическій выводитъ художественныя особенности, наиболѣе отличающія Гончарова отъ Тургенева: во-первыхъ, преобладаніе у перваго внѣшней пластики, стремленіе обрисовывать предметы во всѣхъ ихъ разнообразныхъ подробностяхъ, и во-вторыхъ, качество, повидимому, совсѣмъ противоположное, но также выходившее изъ отсутствія анализа, именно „страсть къ широкимъ обобщеніямъ", въ чемъ г. Скабичевскій опять видитъ у него общую черту съ Гоголемъ. Такимъ обобщеніемъ былъ Райскій, представляющій людей сороковыхъ годовъ въ ихъ наиболѣе типическихъ чертахъ; другимъ грандіознымъ обобщеніемъ былъ Обломовъ. „Это—отнюдь не одинъ только развившійся на почвѣ крѣпостного права помѣщичій типъ,—это типъ племенной, захватывающій въ себѣ черты, свойственныя русскимъ людямъ безотносительно къ тому, къ какому они принадлежатъ сословію или званію". Отсюда великій успѣхъ романа, который остался главнымъ произведеніемъ Гончарова. „Нужно было жить въ то время,—говоритъ авторъ,—чтобы понять, какую сенсацію возбудилъ этотъ романъ въ публикѣ и какое потрясающее впечатлѣніе произвелъ онъ на все общество. Мало того, что онъ какъ бомба упалъ въ интеллигентную среду какъ разъ во время самаго сильнаго общественнаго возбужденія, за три года до освобожденія крестьянъ, когда во всей литературѣ проповѣдывался крестовый походъ противъ сна, энергіи и застоя, все общество приглашалось бодро и энергично стремиться впередъ по пути прогресса, и романъ всѣми своими образами вторилъ этому призыву,—въ немъ сразу прозрѣли нѣчто бо̀льшее, чѣмъ одно служеніе злобѣ дня, нѣчто существенное и глубоко проникающее въ тайники русской жизни. Довольно сказать, что никто не могъ читать романъ, относясь къ типу Обломова вполнѣ объективно, каждый непремѣнно тотчасъ же примѣнялъ этотъ типъ къ себѣ и находилъ въ своей личности то тѣ, то другія обломовскія черты" (стр. 153).

Но,—продолжаетъ г. Скабичевскій,—„возвысившись безсознательно, одною стихійною силою своего творчества, до такой высоты, Гончаровъ въ то же время въ качествѣ мыслителя остался все тѣмъ же бюрократическимъ оппортунистомъ и средневѣковымъ дуалистомъ". Въ противоположность Обломову, онъ хотѣлъ выставить положительный типъ, человѣка дѣятельнаго, энергическаго, но такъ какъ въ непосредственной русской жизни онъ не

видѣлъ этого типа, то вышелъ типъ намѣренно придуманный и натянутый, изображенный въ лицѣ нѣмца (Штольцъ).

Относительно послѣдняго большого романа г. Гончарова, г. Скабичевскій думаетъ, что хотя и въ немъ есть свои первостепенныя достоинства, но въ цѣломъ романъ неудаченъ. По собственному разсказу г. Гончарова, „Обрывъ“ задуманъ былъ за цѣлые десятки лѣтъ до того, когда онъ явился въ печати; для того, чтобы романъ сохранилъ какую-нибудь жизненную свѣжесть, пришлось прилаживать къ современности лица (какъ Маркъ Волоховъ), задуманныя при совершенно другихъ условіяхъ, когда типъ отличался совершенно иными чертами,—и романъ явился анахронизмомъ. Во время появленія романа Волоховъ являлся представителемъ новѣйшаго радикальнаго поколѣнія и, понятый въ этомъ смыслѣ, вызвалъ суровыя осужденія критики, между тѣмъ въ позднѣйшихъ объясненіяхъ авторъ утверждалъ, что имѣлъ въ виду людей совсѣмъ другого рода: когда задумывался романъ, ему представлялся типъ безшабашныхъ людей стараго времени; очевидно, что въ данной формѣ романа это объясненіе не могло бы удовлетворить читателя. „Безъ этой передѣлки одного изъ главныхъ лицъ,—говоритъ г. Скабичевскій,—передъ нами былъ бы романъ въ духѣ сороковыхъ годовъ, лишь нѣсколько запоздалый своимъ появленіемъ; передѣлка же окончательно исказила его содержаніе и всю фабулу“.

Литературная дѣятельность Л. Н. Толстого была уже раньше предметомъ внимательныхъ изученій г. Скабичевскаго, который, какъ и естественно, оставался неизмѣнно великимъ поклонникомъ его геніальнаго художественнаго дарованія, но всегда относился отрицательно къ его мистической философіи. Его точка зрѣнія выражена слѣдующимъ образомъ: „Въ то время, какъ въ Тургеневѣ мы видимъ западника и либерала съ нѣсколько краснымъ оттѣнкомъ, въ Гончаровѣ—представителя буржуазныхъ и оппортунистическихъ идеаловъ петербургскихъ дѣльцовъ и бюрократовъ, гр. Толстой рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ беллетристовъ одной съ нимъ школы тѣмъ, что въ произведеніяхъ его глубже и сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ у нихъ выразился духъ времени, какъ въ отрицательномъ, такъ и въ положительномъ отношеніяхъ; въ отрицательномъ отношеніи—такъ какъ ни у одного изъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ анализъ и скептицизмъ, присущіе этой школѣ, не доходили до такой крайней степени по своей безпощадной послѣдовательности, глубинѣ и радикальности; въ положительномъ отношеніи—ни одинъ изъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ не приблизился въ такой степени къ демократическимъ и

народнымъ идеаламъ, какъ превосходившій ихъ по своей аристократичности гр. Л. Толстой. Тургеневъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и прозорливостью ставилъ гр. Толстого цѣлою головою выше всѣхъ прочихъ своихъ сотоварищей, называлъ его слономъ и великимъ писателемъ земли русской. И дѣйствительно, вышеозначенными особенностями своими гр. Толстой обязанъ именно тому, что принадлежитъ къ числу тѣхъ геніальныхъ натуръ, въ душѣ которыхъ каждое впечатлѣніе жизни вызываетъ глубокій и неизгладимый слѣдъ. Малѣйшій диссонансъ и противорѣчіе, мимо которыхъ мы проходимъ равнодушно, отзываются въ нихъ болѣзненною мукою. Пытливый и ни на минуту не успокоивающійся умъ ихъ постоянно стремится проникнуть въ сущность вещей. Вслѣдствіе этого въ глубинѣ ихъ души лежитъ постоянно тяжелая тоска и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль ихъ имѣетъ неудержимую наклонность погружаться въ какія-нибудь мистическія бездны. Они словно нарочно бываютъ созданы для того, чтобы носить въ себѣ всѣ скорби своего вѣка и быть искупительными жертвами за своихъ современниковъ, хотя бы въ томъ только отношеніи, что имъ приходится болѣть за нихъ своею вѣчно страждущею душою.

„Но при всей геніальности гр. Толстой не могъ все-таки далеко уйти отъ своего вѣка, среды и сверстниковъ. Бо̀льшая послѣдовательность въ скептицизмѣ и отрицаніи привела его лишь къ тому, что онъ не могъ ни съ чѣмъ помириться въ окружающей его жизни, ни на чемъ успокоиться, какъ мирились и успокоивались нѣкоторые изъ его современниковъ, но въ то же время онъ не въ силахъ былъ дойти до той высоты развитія, на которой онъ могъ бы предвидѣть обѣтованную землю впереди. И вотъ, будучи не въ состояніи долго оставаться въ торичелліевой пустотѣ скептицизма и отрицанія, не предугадывая ничего впереди, онъ бросился назадъ—искать идеаловъ и успокоенія въ вѣроученіяхъ древняго Востока. Тамъ онъ весьма естественно ничего не могъ найти кромѣ однихъ личныхъ идеаловъ самосовершенствованія. Онъ не обратилъ вниманія, что человѣчество не даромъ прожило послѣ того около двухъ тысячъ лѣтъ и, хотя бы въ лицѣ немногихъ передовыхъ людей, дошло до идей коллективизма, неизвѣстнаго мудрецамъ древняго Востока. Гр. Толстому тѣмъ естественнѣе было увлечься ветхими идеалами личнаго самосовершенствованія, что юность его протекла именно въ такую эпоху, когда идеалы личнаго самосовершенствованія стояли на первомъ планѣ и составляли всю суть русскаго прогресса. Въ этомъ и заключается та ахиллесова пята гр. Толстого, которая

привела его ко всѣмъ заблужденіямъ послѣднихъ лѣтъ его литературной дѣятельности" (стр. 160—161).

Разбирая сочиненія гр. Толстого, г. Скабичевскій приходитъ къ справедливому выводу, что эта складка его мысли и художественнаго творчества можетъ быть прослѣжена до самыхъ первыхъ его произведеній, когда дѣйствительно уже бросалась въ глаза эта необычайная сила анализирующаго раздумья, которую на первый разъ приняли какъ рѣдкій образецъ входившаго тогда въ моду „психологическаго анализа". Въ своей извѣстной „Исповѣди" гр. Толстой, сурово осуждая и свой прежній дружескій литературный кругъ, обвиняемый имъ въ лицемѣріи, и свою собственную прежнюю дѣятельность какъ результатъ увлеченія дурнымъ примѣромъ, относилъ уже къ позднему времени совершившійся въ немъ переворотъ, когда изъ трудовой жизни и мыслей народа онъ научился отрицать жизнь паразитную и созданныя ею цивилизацію, науку, искусство и т. д. Правда, гр. Толстой признаетъ, что у него и раньше были нѣкоторые задатки его позднѣйшихъ мнѣній, но г. Скабичевскій доказываетъ подлинными цитатами, что задатки этого скептицизма относительно цивилизаціи и этой наклонности къ народному нравоученію въ болѣе раннихъ произведеніяхъ были уже совершенно опредѣленные, не только въ „Войнѣ и мирѣ", но въ повѣстяхъ и статьяхъ первыхъ шестидесятыхъ и даже пятидесятыхъ годовъ. Мысли, вложенныя имъ тогда въ уста его героевъ или высказываемыя отъ его собственнаго лица, нерѣдко буквально совпадаютъ съ его позднѣйшими „озареніями" и „просіяніями". Въ самомъ ходѣ развитія идей гр. Толстого, г. Скабичевскій считаетъ возможнымъ указать вліянія времени: „Судя по характеру этихъ идей, надо полагать, что онѣ были заронены въ него въ университетскіе еще годы тѣмъ броженіемъ соціальныхъ идей, которымъ ознаменовалась вторая половина сороковыхъ годовъ. Затѣмъ идеи эти безсознательно для него самого зрѣли въ мозгу его вмѣстѣ съ вѣкомъ, найдя для своего развитія богатую почву въ геніальныхъ способностяхъ гр. Толстого и весьма благопріятныя условія въ движеніи шестидесятыхъ годовъ. Идеи эти, приведя гр. Толстого къ полному отрицанію интеллигентной, паразитной жизни со всею европейскою цивилизаціею и прогрессомъ, и возбудили въ немъ стремленіе къ слитію съ народомъ. Но вѣдь таковъ именно и былъ результатъ всего движенія шестидесятыхъ годовъ. Къ нему склонялись всѣ мало-мальски послѣдовательные и смѣлые умы. Обратите вниманіе, что гр. Толстой относитъ свой переворотъ какъ разъ къ половинѣ семидесятыхъ годовъ, именно къ той

эпохѣ, когда во всемъ русскомъ обществѣ началось эпидемическое стремленіе идти въ народъ, такъ что и этимъ своимъ переворотомъ гр. Толстой заплатилъ дань вліянію времени“ (стр. 179).

Но если анализъ гр. Толстого „безпощаденъ“, остается еще вопросъ: всегда ли онъ основателенъ? Г. Скабичевскій приводитъ образчики, гдѣ гр. Толстой доходилъ до геркулесовыхъ столповъ отрицанія. Въ прямыхъ практическихъ выводахъ, гдѣ, напримѣръ, нашъ писатель совѣтуетъ человѣческому роду совсѣмъ уничтожиться, степень этой основательности будетъ понятна, вѣроятно, безъ дальнихъ объясненій; но слѣдовало бы, кажется, остановиться на разслѣдованіи того, насколько онъ правъ въ теоретическихъ отрицаніяхъ „цивилизаціи“ и „науки“. Вопросъ далеко не новъ, и въ старину Вольтеръ отвѣчалъ на приглашенія Руссо возвратиться къ первобытному состоянію, что онъ не согласенъ опять ходить на четвереанькахъ, но у насъ, къ сожалѣнію, охотники являются, и проповѣди гр. Толстого, со включеніемъ теоріи обскурантизма, находятъ своихъ ревностныхъ послѣдователей. Насколько гр. Толстой въ состояніи былъ „не пощадить“ науки и цивилизаціи? Отрицанія подобнаго рода всего скорѣе слышатся отъ людей (хотя бы и очень даровитыхъ), которыхъ знакомство съ наукой и научнымъ мышленіемъ не весьма прочно. Люди болѣе близко знакомые съ наукой, во-первыхъ, очень хорошо видятъ ея неполноты въ данную минуту, привязываются къ ней ради того, чтобы расширить ея объемъ, и затѣмъ дорожатъ ею при всѣхъ ея несовершенствахъ, какъ глубокимъ удовлетвореніемъ самой несомнѣнной и благородной человѣческой потребности—расширеніемъ сознанія.

Не будемъ останавливаться на характеристикѣ Достоевскаго, Григоровича и другихъ беллетристовъ школы сороковыхъ годовъ: обыкновенно г. Скабичевскій мѣтко указываетъ особенности писателей въ связи съ ихъ біографическимъ развитіемъ, но въ разсказѣ о Писемскомъ намъ опять показался несовсѣмъ вразумительнымъ отзывъ о его извѣстномъ романѣ „Взбаламученное море“. Г. Скабичевскій не заблуждался относительно идейнаго содержанія Писемскаго. Образованіе Писемскаго (хотя онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ) было невелико, его кругозоръ былъ крайне ограниченный—при несомнѣнномъ умѣ и сильномъ дарованіи: „до самой смерти Писемскій продолжалъ коснѣть въ традиціонныхъ вѣрованіяхъ и міросозерцаніи, мало отличавшемся отъ міросозерцанія людей, стоявшихъ на самомъ низкомъ уровнѣ развитія“ (стр. 212). И затѣмъ г. Скабичевскій даетъ характеристику этого міровоззрѣнія Писемскаго, которая, быть можетъ,

покажется инымъ слишкомъ рѣзкой, но по нашему мнѣнію очень подтверждается его произведеніями.

„Первымъ и самымъ главнымъ качествомъ Писемскаго является безнадежный пессимизмъ, но совершенно не тотъ философскій пессимизмъ, который присущъ и Тургеневу, и гр. Толстому, и нѣкоторымъ другимъ беллетристамъ сороковыхъ годовъ; послѣдніе, сомнѣваясь въ окружающей дѣйствительности и современныхъ людяхъ, видѣли все-таки возможность иной дѣйствительности и иныхъ людей. Отнимите у пессимизма его Weltschmerz и всѣ романтическіе порывы къ лучшему, и вы получите тотъ циническій пессимизмъ практическаго буржуа, который столько навидѣлся въ своей жизни всевозможныхъ мерзостей, что утратилъ всякую вѣру въ человѣка, въ возможность какихъ-либо безкорыстныхъ высокихъ влеченій, за которыми не скрывалась бы какаянибудь грязь и пошлость, и ему остается лишь разоблачать всѣ эти явленія, кажущіяся свѣтлыми и отрадными, раскрывая всю ихъ низменность.

„Пишущій эти строки самъ своими ушами слышалъ отъ Писемскаго одинъ весьма не печатный афоризмъ, смыслъ котораго заключается въ томъ, что, какъ земля вокругъ своей оси, весь міръ вращается вокругъ половыхъ влеченій, все отъ нихъ происходитъ, все къ нимъ сводится, и что̀ бы ни творилось на землѣ высокаго и благороднаго, все это совершается ради нихъ. Въ этомъ афоризмѣ выражается вся философія Писемскаго и внутреннее содержаніе его произведеній, если только мы его немножко расширимъ въ томъ отношеніи, что единственное, что̀ движетъ человѣчествомъ и составляетъ внутренній нервъ всей исторіи, это —стремленіе всячески нѣжить и холить свое бренное тѣло, и всѣ высокіе подвиги сводятся въ концѣ концовъ къ тому же плотоугодію.

„Если мы къ этому присоединимъ конкретность изображеній Писемскаго, обиліе выводимой грязи и подъ-часъ циническую смѣлость въ ея изображеніи, то намъ невольно бросится въ глаза, что Писемскій имѣетъ много общаго съ современными французскими натуралистами: онъ предупредилъ и предсказалъ ихъ своими произведеніями“ (стр. 214).

Если, такимъ образомъ, Писемскій устремилъ свое философское умозрѣніе въ этомъ спеціальномъ направленіи, и если его образованіе представляло при этомъ большіе пробѣлы, то весьма понятно, что онъ, человѣкъ стараго вѣка, съ узкимъ кругозоромъ чисто практическаго ума, совсѣмъ не понялъ происходившаго на его глазахъ движенія пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

„Если такіе философски-образованные люди, какъ Тургеневъ,—замѣчаетъ нашъ историкъ,—не могли ясно и вѣрно осмыслить массу новыхъ народившихся явленій, то что же удивительнаго, что человѣкъ, опиравшійся въ своемъ мышленіи на одинъ только темный и неопредѣленный здравый смыслъ народа и ничего не видѣвшій вокругъ себя кромѣ агломерата пошлости и грязи, потерялся въ томъ вихрѣ всевозможныхъ противорѣчій, какой представляло собою движеніе шестидесятыхъ годовъ".

Послѣ этихъ замѣчаній намъ показалось довольно страннымъ, что г. Скабичевскій придалъ такое значеніе упомянутому роману Писемскаго; романъ представляется ему „правдивымъ" и, тѣмъ самымъ, очень вреднымъ для „друзей русскаго прогресса".

„Нельзя сказать,—говоритъ г. Скабичевскій,—чтобы въ романѣ Писемскаго была проведена реакціонная тенденція въ родѣ позднѣйшихъ романовъ въ этомъ родѣ Вс. Крестовскаго и Б. Маркевича. Нельзя также сказать, чтобы Писемскій искажалъ дѣйствительность, представляя ее въ каррикатурномъ видѣ умышленно или вслѣдствіе плохого ея изученія, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Гончарова въ его Маркѣ Волоховѣ. Писемскій остался какъ нельзя болѣе вѣренъ себѣ въ томъ отношеніи, что, собравъ всю ту грязь, которую видѣлъ вокругъ себя, и все движеніе шестидесятыхъ годовъ изобразилъ исключительно только съ этой грязной стороны, ничего не признавая въ немъ, кромѣ одной минутной мути взбаламученнаго моря русской жизни, какъ и самъ говоритъ онъ въ послѣсловіи къ своему роману.

„Нужно ли и говорить о томъ, что при реальности и вѣрности дѣйствительности,—хотя вѣрности крайне односторонней,—въ политическомъ отношеніи романъ Писемскаго былъ въ неизмѣримой степени вреднѣе для всѣхъ друзей русскаго прогресса, чѣмъ если бы Писемскій налгалъ въ немъ съ три короба. Ложь не замедлили бы опровергнуть и оклеветанная правда восторжествовала бы съ новою силою, но романъ тѣмъ и ужасенъ, что онъ глубоко правдивъ, обнаруживая всѣ тѣ язвы, какія коренились въ движеніи того времени, но къ сожалѣнію однѣ только язвы, какъ будто весь организмъ его родины былъ сплошь изъѣденъ безъисходной гангреной. Вредъ такого крайняго пессимизма усугубляется тѣмъ еще, что въ художественномъ отношеніи это самое сильное произведеніе изъ всего написаннаго Писемскимъ" (стр. 215—216).

Но если Писемскій изобразилъ тогдашнее движеніе только съ грязной стороны, если онъ видѣлъ въ немъ „однѣ только язвы", то можно ли было сказать, что онъ былъ глубоко правдивъ? Оставалось бы думать, что то время представляло дѣйствительно однѣ

язвы; но каковы бы ни были пороки той эпохи, она оставалась одною изъ самыхъ знаменательныхъ и богатыхъ благотворными результатами эпохъ нашей новѣйшей литературы, какъ исторіи общественной. Если Писемскій не доглядѣлъ этого послѣдняго—это было для него очень послѣдовательно, потому что пониманіе широкихъ явленій общественной жизни было ему всегда недоступно; но могло ли это способствовать художественности? Съ другой стороны, еслибы онъ былъ дѣйствительно правдивъ въ своемъ изображеніи, какимъ образомъ онъ могъ оказаться вреденъ „для всѣхъ друзей русскаго прогресса"? не могли же эти друзья видѣть прогрессъ въ томъ, что̀ изобличалъ Писемскій. Историкъ вѣрнѣе опредѣлилъ бы значеніе романа Писемскаго, еслибы взглянулъ на него съ этой стороны и, между прочимъ, принялъ въ соображеніе, что̀ говорили тогда о романѣ „друзья прогресса", напримѣръ Салтыковъ: для него изображенія не представлялись правдивыми и художественность обличительныхъ произведеній Писемскаго казалась лубочною.

Главы о беллетристахъ-народникахъ представляютъ краткое изложеніе того, что̀ раньше составило предметъ особой книжки г. Скабичевскаго, вошедшей также и въ собраніе его сочиненій, изданное въ прошломъ году.

Наиболѣе теплыя симпатіи г. Скабичевскаго принадлежатъ, вѣроятно, Салтыкову. Тотъ отдѣлъ литературы, въ который г. Скабичевскій на первомъ планѣ помѣщаетъ Салтыкова, онъ называетъ беллетристикой публицистической, отвергая названіе тенденціозной, такъ какъ этотъ послѣдній терминъ предполагаетъ нѣчто предвзятое, намѣренное, между тѣмъ какъ тотъ разрядъ литературы, къ которому принадлежалъ Салтыковъ, представляетъ живое органическое созданіе своего времени. Г. Скабичевскій не отдѣляетъ строго этой литературы отъ беллетристики сороковыхъ годовъ, такъ какъ и эта послѣдняя задавалась общественными вопросами, но въ то же время видитъ между ними большое различіе. Беллетристы сороковыхъ годовъ далеко не въ такой степени были преданы общественнымъ интересамъ, ихъ взгляды не были такъ выдержаны, вмѣстѣ съ тѣмъ они ставятъ задачей психологическій анализъ и чисто̀е художество. Совсѣмъ иное теперь. „Беллетристы-публицисты всецѣло отдаются общественнымъ вопросамъ, и вопросы эти ставятся въ ихъ произведеніяхъ на первый планъ. Любовь и психическій анализъ, напротивъ того, занимаютъ самое скромное и второстепенное мѣсто; ландшафты природы, въ свою очередь, играютъ чисто-декоративную роль. Порою же дѣло обходится и безъ любви, и безъ психическаго ана-

лиза, и безъ ландшафтовъ, и отъ первой страницы до послѣдней все произведеніе занято одною политикою. Въ то же время каждый романистъ является приверженцемъ одной какой-либо партіи и въ пропагандированіи ея принциповъ видитъ главное значеніе и достоинство своей литературной дѣятельности“ (стр. 290).

Сообразно этому публицистическая беллетристика послѣдняго времени складывается въ три группы: демократическую, умѣренно-либеральную и консервативную.

Во главѣ первой стоитъ Салтыковъ. Это — „великій писатель, составляющій главную гордость и честь нашей эпохи и наиболѣе глубоко и полно ее выражающій“.

Опредѣляя значеніе Салтыкова, г. Скабичевскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Салтыковъ отнюдь не принадлежитъ къ числу такихъ писателей, которые сразу опредѣляются и въ продолженіе всей своей многолѣтней литературной дѣятельности носятъ одинъ и тотъ же неизмѣнный характеръ, какъ относительно формы, такъ и содержанія ихъ произведеній. Талантъ крайне чуткій къ малѣйшему измѣненію общественныхъ настроеній и вѣяній, Салтыковъ не упускалъ изъ вида ни одного изъ такихъ измѣненій; до самой смерти онъ не переставалъ жить вмѣстѣ со своимъ вѣкомъ и впереди своихъ современниковъ. Поэтому сатиры его сообразно различнымъ поворотамъ русской жизни совершенно измѣнялись и по тону, и по содержанію, и ихъ нельзя иначе разсматривать, какъ въ связи со всѣми этими поворотами, дѣля на періоды, соотвѣтствующіе имъ“ (стр. 301). Такъ г. Скабичевскій справедливо замѣчаетъ, что уже первыя произведенія Салтыкова — „Противорѣчія“ и „Запутанное дѣло“ — вполнѣ проникнуты тѣми идеями, какими увлекалось молодое поколѣніе сороковыхъ годовъ, по словамъ г. Скабичевскаго, „подъ сильнымъ вліяніемъ статей Бѣлинскаго“: „Читая эти произведенія, особенно же „Запутанное дѣло“, въ которомъ въ первый разъ талантъ Салтыкова обнаружился во всеоружіи своего безпощаднаго смѣха, вы такъ и видите на каждой страницѣ вліянія того времени“ — эпохи натуральной школы, „литературы угловъ и подваловъ“ (стр. 298). Мы замѣтили бы только, что здѣсь было не одно вліяніе Бѣлинскаго, а прибавлялось вліяніе соціальныхъ идей того времени въ европейской и именно французской литературѣ въ романѣ и, наконецъ, прямо въ теоріяхъ тогдашняго соціализма, тайкомъ проникавшихъ въ чтеніе молодыхъ поколѣній. Въ „Запутанномъ дѣлѣ“ изображенъ, между прочимъ, именно кружокъ тогдашнихъ юныхъ мечтателей-соціалистовъ. Ссылка, по мнѣнію г. Скабичевскаго, оказала Салтыкову великую услугу въ томъ отношеніи, что познакомила его

съ внутренней жизнью Россіи и съ народомъ,—хотя, какъ можно видѣть изъ „Пошехонской Старины“, несомнѣнно полной автобіографическими данными, запасъ знанія народной жизни вынесенъ былъ еще изъ первыхъ впечатлѣній дѣтства. „Салтыкову пришлось прожить въ провинціи какъ разъ тѣ семь лѣтъ реакціи, когда до-реформенная жизнь дошла до крайняго разложенія, почти до полной анархіи, и когда внутреннія язвы, разъѣдавшія государство, вскрылись и обнаружились во всей ужасающей мерзости“. Салтыковъ имѣлъ случай расширить это изученіе нашей внутренней жизни и послѣ во время службы въ провинціи, и въ концѣ концовъ обладалъ такимъ знаніемъ различнѣйшихъ сторонъ нашего быта и слоевъ населенія, какого не имѣлъ, конечно, никто другой изъ нашихъ беллетристовъ и какимъ могли бы похвалиться развѣ немногіе изъ бывалыхъ практическихъ дѣльцовъ. Точно также едва ли кто-нибудь изъ нашихъ писателей владѣлъ такимъ богатымъ знаніемъ живого русскаго языка.

Дѣлая краткій обзоръ произведеній Салтыкова по общимъ взглядамъ его на русскую жизнь, г. Скабичевскій заканчиваетъ обзоръ сказками, и по поводу „Христовой ночи“ и „Рождественской сказки“ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, обыкновенно ускользавшее отъ его критиковъ. „Философія эта, обнаруживая сокровенные идеалы Салтыкова, въ то же время служитъ прекраснымъ противовѣсомъ тому ложному пониманію евангельскаго ученія, какое обнаруживали въ послѣднее десятилѣтіе нѣкоторые наши писатели. Здѣсь мы видимъ не проповѣдь мертваго застоя, рабскаго уничиженія и оправданія пассивнаго отношенія къ господствующему злу тою противоестественною теоріею, будто страданіе очищаетъ нашу душу, и посему каждый смертный безропотно долженъ переносить иго его. Напротивъ того, великое ученіе представляется здѣсь именно въ такомъ видѣ, какъ понимаетъ его народъ, а народъ понимаетъ его, конечно, лучше, чѣмъ всѣ наши суемудрые умники. И въ этой солидарности съ народомъ въ пониманіи ученія Христова заключается, между прочимъ, значеніе Салтыкова, какъ писателя по истинѣ народнаго“ (316—317).

О „Пошехонской Старинѣ“, которою закончилась дѣятельность Салтыкова, г. Скабичевскій говоритъ: „Въ этомъ предсмертномъ произведеніи Салтыковъ словно будто очистился, отрѣшился отъ всѣхъ преходящихъ злобъ дня и суетъ и, углубившись въ давно прошедшіе годы, въ величаво-спокойной, исполненной высоко-христіанской любви и гуманности эпопеѣ воспроизвелъ помѣщичій бытъ эпохи крѣпостного права, какъ до сихъ поръ ни-

кто еще его не воспроизводилъ. Эта полу-художественная хроника находитъ себѣ блѣдное подобіе развѣ что въ Семейной Хроникѣ С. Аксакова, но, конечно, у благодушнаго С. Аксакова вы не встрѣтите и тѣни ни того глубокаго проникновенія въ основы изображаемаго быта, ни того знанія человѣческаго сердца, ни той горькой и нелицепріятной правды" (стр. 317).

Къ ряду писателей, къ которымъ историкъ относится съ особеннымъ сочувствіемъ, принадлежитъ далѣе Некрасовъ. Распредѣливъ поэтовъ описываемаго времени на двѣ группы—пѣвцовъ жизни, съ гражданскими мотивами, и служителей чистаго искусства, во главѣ первой группы г. Скабичевскій ставитъ именно Некрасова. По замѣчанію его, „ни объ одномъ писателѣ не составилось столько одностороннихъ, предразсудочныхъ взглядовъ, какъ о Некрасовѣ; брали какой-нибудь одинъ изъ элементовъ его поэзіи, и по немъ судили обо всей его дѣятельности". Такъ считали его писателемъ исключительно тенденціознымъ, видѣли въ немъ нашего Ювенала и т. п. Г. Скабичевскій забылъ еще одно мнѣніе, по которому Некрасовъ не былъ даже настоящій поэтъ, а былъ только болѣе или менѣе искусный и холодный версификаторъ на придуманныя темы. Историкъ, съ своей стороны, думаетъ, что если мы обратимся прямо къ самымъ произведеніямъ Некрасова, мы убѣдимся, что передъ нами „поэтъ-лирикъ въ истинномъ и буквальномъ смыслѣ этого слова, который въ большинствѣ случаевъ пѣлъ вполнѣ безхитростно, повинуясь лишь своей творческой фантазіи или накипѣвшему чувству, мало заботясь о строгой выдержкѣ и систематичности своихъ произведеній или о томъ, въ какой степени онѣ выйдутъ содержательны и какое произведутъ впечатлѣніе... Если большинство произведеній Некрасова однообразны по мрачному, тоскливому тону, зато по формѣ и содержанію онѣ представляютъ самое пестрое разнообразіе. Подвести ихъ подъ какія-нибудь рубрики нѣтъ никакой возможности безъ крайнихъ натяжекъ... Можно положительно сказать, что вся русская жизнь отразилась въ стихотвореніяхъ Некрасова въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, начиная великосвѣтскими салонами и клубами и кончая чердакомъ труженика, интеллигентнаго пролетарія и подваломъ мастерового, начиная барскою усадьбою и кончая полуразвалившеюся хатою бабушки Ненилы. При такомъ разнородномъ всеобъемлющемъ содержаніи своихъ произведеній Некрасовъ является отнюдь не пѣвцомъ какого-либо сословія, партіи, кружка, а однимъ изъ тѣхъ собирательныхъ лириковъ, которые отражаютъ въ своихъ произведеніяхъ думы цѣлаго вѣка своей родной земли, которые выплакиваютъ въ своихъ

звукахъ слезы всѣхъ своихъ современниковъ и соплеменниковъ. Въ этомъ заключается причина популярности Некрасова" (стр. 462—463).

Г. Скабичевскій находитъ въ поэзіи Некрасова два основныхъ элемента: одинъ—рефлективный, навѣянный идеями сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, другой — народный или разночинно-народный, какъ еще называетъ его г. Скабичевскій. Оба эти элемента были свойственны самому его дарованію, но преобладалъ одинъ или другой. Противники поэзіи Некрасова утверждали, что онъ насиловалъ свой талантъ въ отрицательномъ направленіи, подчинившись вліяніямъ критики шестидесятыхъ годовъ. Г. Скабичевскій полагаетъ совершенно наоборотъ. „На дѣлѣ мы видимъ нѣчто совсѣмъ обратное. Именно подъ вліяніемъ рефлективнаго духа сороковыхъ годовъ въ немъ преобладало отрицательное, пессимистическое отношеніе ко всему окружающему, въ томъ числѣ и къ народу. Разночинцы же шестидесятыхъ годовъ вліяли на него совершенно обратно: они возбуждали въ немъ любовь къ народу, вѣру въ его могучія силы, скопленныя неустаннымъ трудомъ и не сломленныя вѣковыми страданіями, раскрывали ему положительныя, идеальныя стороны народа, не имѣющія ничего общаго съ прежними его идеалами. И вотъ мы видимъ, что взгляды Некрасова на народъ значительно просвѣтлѣли и расширились... изъ скорбнаго поэта интеллигентнаго меньшинства рефлективнаго періода онъ обратился въ общенароднаго пѣвца въ самомъ обширномъ и глубокомъ смыслѣ этого слова" (стр. 474). Послѣднее, можетъ быть, нѣсколько преувеличено, а кромѣ того, слово „разночинцы", которое не разъ употребляетъ г. Скабичевскій, даетъ поводъ къ недоразумѣнію. Мы указывали однажды, говоря о воспоминаніяхъ г. Фета, что, по его взгляду, наша литература до пятидесятыхъ годовъ была „дворянская", но что съ этого времени она стала портиться, такъ какъ въ нее стали проникать разночинцы и многіе изъ дворянъ измѣняли интересамъ своего сословія, какъ напримѣръ Некрасовъ, Тургеневъ и др. Это странно совпадаетъ съ приведенными выраженіями г. Скабичевскаго. Дворяне дѣйствительно поставили литературѣ не мало замѣчательныхъ дарованій по той причинѣ, что это сословіе, какъ болѣе независимое и обезпеченное, имѣло и больше возможности образованія; правда и то, что со второй половины пятидесятыхъ годовъ процентъ дворянскаго участія въ литературѣ начинаетъ уменьшаться вслѣдствіе общихъ перемѣнъ въ общественныхъ отношеніяхъ и бо́льшаго распространенія образованія, — но во всякомъ случаѣ мѣрять литературу на этотъ со-

словный аршинъ было бы очень странно. Новую русскую литературу съ прошлаго вѣка начали разночинцы въ лицѣ Ломоносова, и въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда дѣйствительно размножались по преимуществу дворянскіе „Арзамасы", „Бесѣды" и подобные кружки, въ числѣ наиболѣе энергическихъ дѣятелей литературы бывали чистѣйшіе разночинцы, какъ Полевой, Надеждинъ, самъ Бѣлинскій, и въ ряду писателей, которые всѣмъ смысломъ своего труда вели литературу отъ спеціально дворянскаго развлеченія (какъ понималъ ее г. Фетъ) именно къ широкому общенародному значенію, были люди не только дворянскаго происхожденія, но гордившіеся стариннымъ дворянствомъ, какъ Пушкинъ; Гоголь, Тургеневъ, продолжавшіе это дѣло Пушкина, были дворяне, и Тургеневъ опять изъ самыхъ старинныхъ, и т. д. Нѣтъ надобности собирать другіе примѣры, которые не укладываются въ это противопоставленіе дворянства и разночинства; укажемъ еще только славянофиловъ, кружокъ чисто барскій, который, однако, мечталъ, что сливается съ народомъ, и настаивалъ на этомъ сліяніи; въ наше время писатель съ несомнѣнно аристократическимъ именемъ и несомнѣнно самостоятельнымъ и упрямо самостоятельнымъ мышленіемъ, гр. Л. Н. Толстой, сталъ самъ ультра-народникомъ. Выходитъ такимъ образомъ, что всѣ элементы для „измѣны дворянскимъ интересамъ", по терминологіи г. Фета, были даны прежде всего самими представителями дворянства. Г. Скабичевскій, говоря о вліяніи разночинскаго элемента на поэзію Некрасова, какъ будто предполагаетъ извѣстный опредѣленный кружокъ, воздѣйствовавшій на Некрасова: намъ думается, что Некрасовъ, кромѣ того, что былъ сильный поэтъ, былъ также и сильный, весьма независимый умъ, который могъ не нуждаться въ единоличныхъ указаніяхъ. Его журнальная дѣятельность, напримѣръ, представляетъ свидѣтельства, что онъ самъ открывалъ мѣсто въ литературѣ тѣмъ элементамъ, какіе г. Скабичевскій характеризуетъ какъ „разночинные". Гораздо проще было бы сказать, что съ шестидесятыхъ годовъ на Некрасова начинаетъ дѣйствовать весь цѣлый объемъ тогдашней общественной жизни, переворотъ, совершавшійся въ положеніи народа, и еще вѣрнѣе было бы сказать, что задатки его народнаго направленія были въ немъ издавна. Его первыя—изъ „рефлективныхъ"—стихотворенія уже затрогиваютъ мотивы народнаго бѣдствія — гораздо ранѣе, чѣмъ былъ оффиціально поднятъ и допущенъ въ литературу крестьянскій вопросъ; его мысли были также окрашены до извѣстной степени соціализмомъ, какъ мысли молодого Салтыкова,—и эти задатки естественно развились въ „народное" направленіе. Люди,

которымъ приписывается вліяніе на него, могли дѣйствовать на него—и, по нашему мнѣнію, дѣйствовали не столько какъ иниціаторы, сколько какъ желанные союзники, помогавшіе ему не въ существѣ дѣла, а нравственною бодростью, сильнымъ убѣжденіемъ,—какъ и для нихъ самихъ онъ не остался безразличенъ. Съ точки зрѣнія знанія народнаго реальнаго быта онъ, безъ сомнѣнія, былъ лучше вооруженъ, чѣмъ молодые приверженцы „народнаго" направленія (въ шестидесятыхъ годахъ), и это знаніе, конечно, накопилось у него, т.-е. народный бытъ сталъ интересовать его, ранѣе, чѣмъ оно сказалось въ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Не останавливаясь еще на многихъ другихъ взглядахъ автора, съ которыми часто можно вполнѣ согласиться, а иногда и не согласиться, отмѣтимъ два эпизода.

Во-первыхъ, противъ нашего литературнаго обычая, г. Скабичевскій ввелъ въ свое изложеніе малорусскую поэзію Шевченка. Нѣкоторымъ основаніемъ къ этому могло служить то, что Шевченко отчасти писалъ и по-русски (его раннія повѣсти, напечатанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ), и самый „Кобзарь" существуетъ въ русскомъ переводѣ; но главное очевидно было не въ этомъ, и г. Скабичевскій причислялъ Шевченка къ писателямъ русскимъ, какъ во всей нашей жизни, государственной и умственной, малорусскія силы являются равно дѣятельными и своими,— и въ этихъ соображеніяхъ мы не станемъ ему противорѣчить. Г. Скабичевскій даетъ Шевченку весьма высокую и сочувственную оцѣнку. Истый малороссъ найдетъ въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ нашего автора о малорусскомъ языкѣ ошибки, происходящія отъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ, но не въ нихъ дѣло: общія его замѣчанія остаются любопытны. Г. Скабичевскій говоритъ: „Главное отличіе Шевченка не только отъ Некрасова съ его дворянскою хандрою, но и отъ Кольцова и прочихъ великорусскихъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа, заключается въ томъ, что это единственный русскій писатель въ нынѣшнемъ столѣтіи, сохранившій живую и непосредственную связь съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ, связь какъ по своему міросозерцанію, идеаламъ, такъ и по характеру и формамъ своей поэзіи. Въ поэзіи Шевченка вы и слѣда не найдете ни той оторванности отъ народа, которая составляетъ печальный удѣлъ всѣхъ русскихъ интеллигентныхъ людей, ни той рефлективной раздвоенности, которою страдали всѣ современники Шевченка. Изучая поэзію его, вы имѣете возможность съ поразительною наглядностью прослѣдить великій и таинственный актъ перехода на-

родно-собирательнаго творчества въ личное... Личность писателя словно какъ бы исчезаетъ въ этомъ морѣ чисто народной поэзіи; онъ ничего не создаетъ своего, что̀ составляло бы рѣзкую индивидуальную особенность его, но въ то же время отнюдь не является рабскимъ подражателемъ народной поэзіи: все, что̀ онъ черпалъ изъ нея, онъ переработывалъ, возводя въ перлъ художественнаго созданія безъискусственно-младенческій лепетъ народа и освѣщая зрѣлымъ сознаніемъ передовыхъ идей своего вѣка темные инстинкты народныхъ стремленій, симпатій и антипатій. Самый языкъ его произведеній не даромъ поражаетъ всѣхъ знакомящихся съ его поэзіею своею простотою и общедоступностью не только для кровныхъ малороссовъ, но и для людей, совершенно незнакомыхъ съ южно-русскимъ нарѣчіемъ: читать Шевченка имъ не въ примѣръ легче, чѣмъ всѣхъ прочихъ малороссійскихъ писателей" (стр. 478—479).

Надо было бы прибавить, что эта возможность появленія таланта, какъ Шевченко, объясняется особенными условіями малорусской литературы, какъ мѣстно-народной: народное содержаніе было для нея обязательно по существу дѣла, и въ данномъ случаѣ было еще обстоятельство—что самъ Шевченко выросъ въ непосредственной средѣ народнаго быта и поэтическаго преданія.

Остановимся наконецъ еще на отзывѣ г. Скабичевскаго о новѣйшей нашей беллетристикѣ, плодами которой мы наслаждаемся въ настоящее время и которую авторъ характеризуетъ какъ вызванную реакціей семидесятыхъ годовъ. Вопросъ очень любопытенъ, такъ какъ всякому читателю будетъ не безъинтересно выяснить себѣ свойства этихъ плодовъ и вмѣстѣ составить понятіе объ этой литературѣ какъ историческомъ явленіи. Приводимъ соображенія г. Скабичевскаго.

„Движеніе шестидесятыхъ годовъ кончилось, какъ извѣстно, мрачною реакціею, обнаружившеюся не въ однѣхъ правительственныхъ сферахъ, но и во всемъ (?) обществѣ и наиболѣе развившейся во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Вмѣсто прежнихъ ликованій и порываній впередъ явились всеобщая апатія, уныніе, разочарованіе. Глухое недовольство и раздраженіе господствовали во всѣхъ классахъ общества и во всѣхъ партіяхъ. Въ то время, какъ одни были недовольны совершившимися реформами, находя ихъ слишкомъ превысившими требованія жизни, преждевременными и даже гибельными, другіе, напротивъ того, находили ихъ достаточными, урѣзанными, лишь въ половину удовлетворившими потребностямъ края и только раздразнившими общественные аппетиты. И между тѣмъ какъ первые если не въ

силахъ были отмѣнить реформы, то болѣе или менѣе успѣшно предприняли всевозможныя мѣры къ урѣзанію и парализованію ихъ, другіе ничѣмъ не въ силахъ были противодѣйствовать этому, кромѣ безплодныхъ попытокъ, приводившихъ къ новымъ репрессаліямъ, которыя порождали еще большія уныніе и отчаяніе.

„Уменьшеніе пульса общественной жизни сказывалось во всемъ: и во всеобщемъ равнодушіи, съ какимъ принимались самыя возмутительныя и постыдныя новости дня, которыя въ прежнее время навѣрное (?) встрѣтили бы общій взрывъ негодованія и протеста, и въ полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было высокихъ порывовъ и подъемовъ духа, а если что̀ и встрѣчалось подобное, то или подымалось на смѣхъ, или же отъ него отстранялись, какъ отъ чего-то нарушавшаго общій покой и апатію, а потому и несноснаго.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ явился и новый герой времени, совершенно непохожій на всѣхъ прежнихъ. Окончательно сошли со сцены и отважный Инсаровъ, и гордый и ликующій своимъ отрицаніемъ Базаровъ, и практическій Соломинъ; мѣсто ихъ всѣхъ занялъ „кающійся дворянинъ“; но, собственно говоря, это былъ не столько „кающійся“, сколько „обнищалый“ дворянинъ. Изъ полуразрушенныхъ усадебъ, изъ голодныхъ дворянскихъ семей, проѣвшихъ всѣ выкупныя свидѣтельства, вышло новое поколѣніе, худосочное, тщедушное, словно несущее на своихъ плечахъ всѣ грѣхи отцовъ и дѣдовъ и обреченное расплачиваться за нихъ. Трагичность лучшихъ представителей этого поколѣнія заключалась не въ одних неодолимыхъ внѣшнихъ препятствіяхъ къ осуществленію поставленныхъ вѣкомъ идеаловъ, но и во внутреннихъ, коренящихся въ нихъ самихъ, въ видѣ унаслѣдованныхъ отъ предковъ пороковъ и слабостей, развившихся на почвѣ крѣпостного права. Въ то время, какъ общественныя стремленія и нужды призывали этихъ людей къ упорной борьбѣ и совершенію высокихъ подвиговъ, имъ очень часто приходилось сознавать, что они неспособны даже къ самому заурядному труду ради снисканія насущнаго хлѣба для себя и для своихъ голодающихъ семей. И вотъ мы видимъ, что одни изъ нихъ ударились въ мрачный пессимизмъ чисто гамлетическаго характера, доводившій ихъ до безнадежнаго отчаянія и самоубійствъ, которыя особенно сдѣлались часты въ этотъ періодъ, когда сплошь и рядомъ лишали себя жизни не только взрослые юноши, но и гимназисты, мотивируя свой роковой шагъ то отвращеніемъ отъ жизни, то сознаніемъ своего безсилія бороться съ обстоятельствами; другіе же махали рукой на всѣ идеалы и высокія стремленія, предавались теченію и стара-

лись забыться и утопить свою совѣсть въ угарѣ чувственныхъ наслажденій, что̀ было имъ тѣмъ легче, что они отъ отцовъ и дѣдовъ наслѣдовали наклонность ко всяческимъ чревоугодіямъ. Однимъ словомъ—гамлетическій пессимизмъ и сенсуализмъ, являющіеся неизмѣнными спутниками всѣхъ реакціонныхъ, сумеречныхъ эпохъ, не замедлили проявиться во всей своей силѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ.

„Всѣ эти условія создали особеннаго рода беллетристическую школу, возникшую во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ и вполнѣ развившуюся въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ. Первое, что̀ васъ поражаетъ въ писателяхъ этой школы, это—возрожденіе художественности, страсть къ красотѣ о̀бразовъ и формъ, тщательной, щеголеватой отдѣлкѣ произведеній въ техническомъ отношеніи. Никто изъ авторитетныхъ и вліятельныхъ критиковъ не проповѣдывалъ культа чистаго искусства, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что даже Гаршинъ, который менѣе чѣмъ кто-либо могъ быть заподозрѣнъ въ этомъ культѣ, тщательно отдѣлывалъ свои произведенія, и по изяществу формъ, по языку онѣ представляютъ безукоризненное совершенство. Эта реставрація художественности, поэзіи, красоты стоитъ навѣрное въ тѣсномъ отношеніи съ паденіемъ волны общественнаго движенія, которая до того времени уносила въ свой водоворотъ писателей и не давала имъ ни времени, ни охоты приглаживать и прихорашивать свои произведенія и кокетничать красотою формъ.

„Суть же этой беллетристической школы заключается въ томъ, что выводимые ею герои постоянно выражаютъ собою одинъ изъ двухъ вышеозначенныхъ элементовъ: они—или сомнѣвающіеся въ себѣ самихъ мрачные гамлеты-пессимисты съ развинченными нервами, или же махнувшіе на все рукой сенсуалисты. Духъ этихъ двухъ элементовъ проникаетъ и самыя произведенія ихъ авторовъ. Конечно, не у каждаго беллетриста мы видимъ разомъ преобладаніе обоихъ элементовъ. Такъ напримѣръ, у чистаго сердцемъ и цѣломудреннаго Гаршина вы, конечно, и тѣни не найдете чего-либо сенсуальнаго, но у всѣхъ прочихъ писателей этой школы вы встрѣтите въ большей или меньшей степени наклонность къ сладострастнымъ сценамъ, и въ особенности въ этомъ отношеніи отличается, какъ мы ниже увидимъ, Іер. Іер. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій). Наклонность къ сладострастнымъ, а иногда даже и прямо скабрёзнымъ сценамъ побудила даже критику предполагать вліяніе на всѣхъ этихъ беллетристовъ французской натуралистической школы, и преимущественно Зола̀. Но очень возможно, что русскіе молодые писа-

тели вполнѣ самостоятельно пришли къ тому же результату, какъ и французскіе натуралисты, подъ вліяніемъ одного и того же духа времени" (378—380).

Картина не весьма отрадная, но на нашъ взглядъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ не довольно отчетливыхъ подробностей) очень вѣрная. Авторъ успѣлъ уже подвергнуться упреку, что онъ не долюбливаетъ художественности, предпочитая ей „идейность" содержанія, и что онъ слишкомъ сурово судитъ о современномъ состояніи нашей беллетристики, когда эта беллетристика, напротивъ, представляетъ много весьма пріятныхъ явленій. Г. Скабичевскій въ своемъ недавнемъ отвѣтѣ на эти упреки категорически отвергаетъ приписанное ему предпочтеніе тенденціозныхъ, хотя бы и посредственныхъ произведеній: онъ признаетъ всѣ права изящной формы и заявляетъ, что скудость идейнаго содержанія онъ полагалъ вовсе не въ отсутствіи какого-то „сочинительства на заданную тему", а въ узости міросозерцанія, скудости общаго образованія. Гдѣ въ новѣйшей беллетристикѣ представлялись ему дѣйствительно замѣчательныя произведенія чистаго художества, хотя бы совсѣмъ далекія отъ общественныхъ (идейныхъ) интересовъ данной минуты, онѣ въ самомъ дѣлѣ встрѣчали въ немъ восторженнаго цѣнителя, какъ напримѣръ произведенія г. Короленка, въ которыхъ „въ вашу душу вторгается могучій потокъ поэзіи безъискусственной, простой, но сильной, свѣжей, бьющей ключомъ и благоухающей такою гуманностью и нравственною чистотою, что, прочтя разсказъ, вы чувствуете себя словно обновленнымъ". И даже у писателей, отъ чтенія которыхъ далеко не чувствуется этого обновленія, г. Скабичевскій не упускаетъ отмѣчать ихъ достоинства художественныя.

Въ самомъ дѣлѣ, автору стоило бы (да и слѣдовало бы) остановиться болѣе подробно на общихъ условіяхъ возникновенія и роста нашей новѣйшей беллетристики, чтобы мысль его была ясна. Говоря объ этой новѣйшей школѣ, онъ не разъ долженъ былъ указывать у разбираемыхъ имъ писателей—у одного „узость круга наблюденій русской жизни и бѣдность матеріаловъ", у другого—„крайнюю бѣдность наблюденій", у третьяго—псевдо-народничество, происшедшее отъ теоретическаго неумѣнья справиться съ теоріями гр. Л. Н. Толстого, у четвертаго — натуралистическій протоколизмъ въ духѣ Зола и фотографичность, придававшіе, наконецъ, произведеніямъ характеръ „пасквильныхъ"; наконецъ, у цѣлаго ряда писателей—„сенсуализмъ", переходящій, въ концѣ концовъ, въ простую скабрёзность, и т. д. Очевидно, всѣ эти свойства, отмѣченныя историкомъ съ примѣрами въ рукахъ, не сви-

дѣтельствуютъ о широтѣ міровоззрѣнія и не составляютъ достоинства писателей, хотя бы послѣдніе и старались всячески о внѣшней гладкости формы. Сравненіе съ большими писателями знаменитой плеяды сороковыхъ годовъ и ихъ ближайшими великими преемниками, какъ, съ одной стороны, Салтыковъ, съ другой, Л. Н. Толстой, выходитъ по истинѣ прискорбное. Была, конечно, большая разница во врожденныхъ дарованіяхъ, въ меньшей долѣ которыхъ писатель не виноватъ; но есть и большая разница въ вещахъ благопріобрѣтаемыхъ, какъ образованіе и общественное чувство. Бываютъ, конечно, личныя положенія, при которыхъ мудрено предъявлять требованія послѣдняго рода: ихъ трудно было примѣнить изъ писателей прежней школы, напримѣръ, къ Рѣшетникову, біографическія обстоятельства котораго были столь ужасны, что остается великою заслугою и то, что онъ успѣлъ сдѣлать; и изъ беллетристовъ новѣйшей школы ихъ также трудно примѣнить къ тому, которому „съ тринадцати лѣтъ пришлось заботиться о поддержаніи семьи учительствомъ“ и которому потомъ жизнь не дала досуга для спокойной и широкой работы;— но сколько есть другихъ, у которыхъ могла бы найтись возможность позаботиться о расширеніи своихъ познаній и понятій, о воспитаніи въ себѣ того общественнаго чувства, которому можно научиться даже безъ особенно глубокой науки, путемъ изученія самой литературы и добросовѣстнаго вниманія къ жизни. Къ сожалѣнію, этого послѣдняго было мало или даже совсѣмъ не было: оттого новѣйшая беллетристика всего чаще лишена того общественнаго интереса, которымъ она исполнена въ прежнее время и который, не мѣшая ея художественному значенію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлая ее болѣе или менѣе вѣрнымъ выраженіемъ общества, въ то же время давалъ ей и воспитательное значеніе. Содержаніе новѣйшей беллетристики очень часто таково, что развѣ только по какимъ-нибудь случайнымъ чертамъ можно угадывать время, къ которому относится ея дѣйствіе: это анекдотическія приключенія, этюды характеровъ, жанровыя картинки и очень часто порнографическія исторіи. Было ли въ нашемъ натурализмѣ этого сорта вліяніе Зола, или мы сами додумались до этихъ пріемовъ нашего „искусства“—это почти безразлично: во всякомъ случаѣ остается вѣренъ выводъ г. Скабичевскаго, что въ этомъ состояніи беллетристики есть элементы общественнаго упадка, а въ писательской средѣ сказывается скудость образованія. Въ послѣднее время это новѣйшее искусство находитъ и своихъ теоретическихъ защитниковъ: эту беллетристику хотятъ изобразить какъ дѣло чистаго художества, какъ возстановленіе права этого

художества въ виду наплыва тенденціозности, будто бы мѣшавшей свободнымъ движеніямъ художественнаго творчества. Въ силу этого сдѣланы даже опыты представить по своему историческій ходъ нашего общества и литературы съ шестидесятыхъ годовъ, причемъ тѣ старыя стремленія къ общественной дѣятельности и просвѣщенію изображались какъ легкомысленное увлеченіе, а за мудрость и „жизнь“ выдавалась новоизобрѣтенная умѣренность и аккуратность, покрываемая флагомъ чистаго „свободнаго“ искусства.

Изображеніемъ этихъ новѣйшихъ теорій могла бы быть закончена у г. Скабичевскаго исторія нашей литературной критики.

Оставляя книгу г. Скабичевскаго, повторимъ опять, что видимъ въ ней весьма пріятное явленіе въ современномъ положеніи нашей критики: это—обширный трудъ, исполненный съ любовью и съ внимательнымъ изученіемъ предмета. Не со всѣми положеніями автора мы могли согласиться; въ объясненіяхъ есть нѣкоторые пробѣлы, вольные и невольные, но во всякомъ случаѣ книга можетъ послужить съ большою пользою для любителя литературы, который пожелаетъ пріобрѣсти сознательное представленіе о главнѣйшихъ фактахъ ея исторіи и ея современномъ состояніи. Изъ внѣшнихъ недостатковъ исполненія мы указали бы одинъ: авторъ напрасно оставилъ свою книгу безъ всякихъ библіографическихъ указаній; послѣднія кажутся для иныхъ будто бы лишнимъ отягощеніемъ книги, но на дѣлѣ отсутствіе цитатъ только затрудняетъ и оставляетъ въ недоумѣніи именно того любознательнаго читателя, который захотѣлъ бы найти о томъ или другомъ предметѣ болѣе подробныя свѣдѣнія.

А. В—нъ.

НАША ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

въ 1890 году.

Восьмой годъ таможеннымъ департаментомъ издаются ежемѣсячныя свѣденія „о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ", причемъ послѣдній, декабрьскій, выпускъ, появляющійся въ печати въ первые четыре или пять мѣсяцевъ слѣдующаго года, заключаетъ свѣденія за полный годъ. Появившійся недавно годовой выпускъ свѣденій за 1890 годъ существенно разнится отъ подобныхъ же выпусковъ прежнихъ лѣтъ, такъ какъ состоитъ исключительно изъ цифровыхъ таблицъ, бо́льшая часть которыхъ имѣетъ спеціальный, не имѣющій общаго интереса, характеръ (поступленіе таможенныхъ сборовъ по мѣсяцамъ и по таможнямъ, ввозъ и вывозъ товаровъ по мѣсяцамъ и по таможнямъ, движеніе судовъ по портамъ и мѣсяцамъ и т. п.). Въ прежнихъ годовыхъ выпускахъ были тѣ же таблицы, но имъ предшествовало обширное (до 80 стр. in 4⁰) вступленіе, въ которомъ не только обстоятельно и полно разработывались данныя таблицъ, но и дополнялись весьма интересными свѣденіями о разныхъ сторонахъ международной торговли какъ Россіи, такъ и другихъ государствъ, почерпнутыми изъ иныхъ источниковъ. Небольшимъ восполненіемъ этого пробѣла служатъ двѣ статьи: „Внѣшняя торговля Европейской Россіи въ 1890 году", помѣщенныя въ 16 и 19 №№ „Вѣстника Финансовъ" за текущій годъ. Онѣ обѣ занимаютъ всего 9 страницъ и уже поэтому никакъ не могутъ соотвѣтствовать прежнимъ обзорамъ изданій таможеннаго департамента.

Выражая надежду, что таможенный департаментъ въ своихъ годовыхъ выпускахъ возвратится къ прежней формѣ, пока остановимся на свѣденіяхъ, какія находимъ въ указанныхъ выше изданіяхъ.

Вывозъ нашихъ товаровъ за границу и привозъ иностранныхъ

товаровъ къ намъ за два послѣдніе года представляется по цѣнности въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	вывозъ:		привозъ:	
	1889 г.	1890 г.	1889 г.	1890 г.
	тысячи рублей кредитныхъ:			
По европейской границѣ. . . .	687.086	610.453	373.673	313.413
По кавказско-черноморской . . .	47.354	59.852	7.728	9.599
По торговлѣ съ Финляндiей. . .	17.614	16.715	13.256	13.386
Всего по европейской Россіи . .	752.054	687.020	394.657	336.398

Такимъ образомъ въ 1890 году, сравнительно съ предшествующимъ, уменьшились какъ общіе обороты по внѣшней торговлѣ (съ 1.147 милл. руб. до 1.071 м. р.), такъ и вывозъ,—на 65 м. р.,—и привозъ—на $10^1/_2$ м. р.

Не лишнее уяснить себѣ значеніе размѣра общаго оборота нашей внѣшней торговли. Въ обзорѣ таможеннаго департамента за 1889 годъ мы находимъ свѣденія объ оборотахъ внѣшней торговли нѣкоторыхъ государствъ, изъ которыхъ видно, что цѣнность отпущенныхъ и ввезенныхъ въ этомъ году товаровъ равнялась:

	отпускъ:	привозъ:	сумма общ. оборота:
	милліоновъ фунтовъ стерлинговъ:		
Въ Великобританіи	248	428	676
	милліоновъ франковъ:		
Во Франціи.	3.609	4.175	7.784
	милліон. лиръ или, что тоже, франк.:		
Въ Италіи	950	1.390	2.340
	милліоновъ долларовъ:		
Въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки.	827	771	1.598

Если сравнить оборотъ нашей внѣшней торговли за 1889 годъ (1.147 милл. р.) съ оборотами названныхъ государствъ, то при обширности нашей территоріи и числа населенія онъ окажется ничтожнымъ по отношенію къ Великобританіи и весьма слабымъ по отношенію къ остальнымъ тремъ государствамъ. При этомъ, несмотря на наши такъ-называемыя естественныя богатства, отпускъ Великобританіи въ 3 раза, отпускъ Соединенныхъ Штатовъ въ $2^1/_2$ раза и отпускъ Франціи вдвое превышаютъ цѣнность нами отпущенныхъ товаровъ. Правда, въ цѣнность товаровъ, отпускаемыхъ какъ Великобританіей, такъ и Франціей, входитъ стоимость привезенныхъ извнѣ матеріаловъ, тогда какъ нашъ отпускъ состоитъ почти исключительно изъ собственныхъ сырыхъ или полуобработанныхъ матеріаловъ,—но и затѣмъ разница все-таки будетъ велика.

Въ приведенныхъ цифрахъ открывается и другая сторона, комментирующая истинное значеніе торговаго баланса. Извѣстно, что

спасительность баланса по внѣшней торговлѣ, склоняющагося въ пользу отпуска, т.-е. такого, по которому отпускъ превосходитъ цѣнностью привозъ, составляетъ если не убѣжденіе, то предметъ глубокой вѣры многихъ нашихъ финансистовъ, да и не нашихъ однихъ. Подобныхъ воззрѣній не чуждъ, повидимому, и „Вѣстникъ Финансовъ". „Вслѣдствіе нѣкотораго,—говоритъ „Вѣстникъ",—впрочемъ не особенно значительнаго, сокращенія отпуска и еще менѣе значительнаго уменьшенія (въ рубляхъ кредитныхъ) цѣнности привоза, торговый балансъ въ минувшемъ году нѣсколько понизился, *но все еще* представляетъ крупную цифру—302 мил. рублей, что составляетъ 48½% привоза". Между тѣмъ оказывается, что въ богатой Великобританіи, въ благоденствующей Франціи, снабжающихъ весь міръ своими произведеніями, цѣнность привоза значительно превосходитъ цѣнность вывоза. Мы привели 1889 годъ, но и за другіе года видимъ то же.

Мы не разъ имѣли случай говорить о значеніи торговаго баланса и повторять не будемъ [1]). Замѣтимъ только, что если есть одна страна, у которой вывозъ превышаетъ ввозъ, то непремѣнно есть другая (одна или нѣсколько), у которой происходитъ обратное явленіе. Рѣшить по одному этому факту, на чьей сторонѣ выгода, нѣтъ возможности. Дѣло въ томъ, что норма всякой торговли, какъ внѣшней, такъ и внутренней, это—обмѣнъ равноцѣнныхъ предметовъ, или, вѣрнѣе, обмѣнъ меньшей цѣнности на бо́льшую. Если французскій купецъ или промышленникъ мѣняетъ французскій бархатъ на русскую кожу [2]), то только потому, что кожа при данныхъ условіяхъ представляетъ бо́льшую цѣнность; для русскаго купца—наоборотъ. Не будь этого, ни тотъ, ни другой не стали бы тратить труда на обмѣнъ. На этомъ приростѣ цѣнности при обмѣнѣ, совершаемомъ правильно, и основывается то, что степенью развитія торговли, внутренней и внѣшней, измѣряется обыкновенно экономическое благосостояніе той или другой страны. При нормальной торговлѣ, не имѣющей эксплуатаціоннаго характера, въ родѣ обмѣна стеклянныхъ бусъ на золотой песокъ или слоновые клыки, вывозъ всегда приблизительно будетъ равенъ привозу и хроническое, изъ году въ годъ повторяющееся, нарушеніе этого—мнимое. Возьмемъ въ примѣръ

[1]) „Вѣстникъ Европы", августъ 1890 г., стр. 826 и слѣд.; см. также „Вѣстникъ Европы" іюнь нынѣшняго года, стр. 850, по поводу обсужденія во французской палатѣ депутатовъ проекта повышенія пошлинъ на хлѣбъ и сырье.

[2]) Обмѣнъ совершается, разумѣется, при посредствѣ денегъ, которыя въ данномъ случаѣ играютъ роль орудія мѣны, какъ вѣсы или мѣра, во-вторыхъ, при посредничествѣ, быть можетъ, многихъ лицъ, купцовъ, маклеровъ и пр., но сущности дѣла это не мѣняетъ.

Францію: по торговымъ реестрамъ она ввозитъ болѣе, нежели вывозитъ, но такъ ли это въ сущности? Во-первыхъ, во Франціи, на ея выставкахъ, купаньяхъ, въ ея учебныхъ заведеніяхъ ежегодно перебываетъ масса иностранцевъ; не пріѣзжай они—хлѣбъ, ими потребляемый, не былъ бы ввезенъ,—теперь же онъ увеличиваетъ сумму привоза; наоборотъ, потребленныя и вывезенныя ими изъ Франціи платье, обувь, бѣлье, книги, и пр., и пр., все весьма цѣнное, въ отпускныхъ торговыхъ бюллетеняхъ не значатся. Во-вторыхъ, масса французовъ, промышленниковъ, техниковъ, артистовъ, учителей проживаютъ въ разныхъ странахъ свѣта и не для того, чтобы проживаться,—половину нужныхъ имъ предметовъ они вывозятъ или получаютъ изъ той же Франціи,—но для того, чтобы черезъ нѣсколько времени возвратиться домой или съ реальными цѣнностями, или съ обязательствами (торговыми векселями, цѣнными бумагами), которыя потомъ обращаются въ реальныя цѣнности, въ хлопокъ, пшеницу или чай. Могутъ ли эти продукты считаться не французскими, а иноземными цѣнностями только потому, что росли въ Египтѣ, въ симбирской губерніи или въ Китаѣ? Совершенно обратное у насъ. Намъ приходится регистрованными цѣнностями оплачивать цѣнности и услуги, не попавшія въ таможенные бюллетени, и сверхъ того пшеницей, кожами или нефтью оплачивать проценты и погашеніе по нашимъ заграничнымъ долгамъ, не говоря уже о контрабандномъ ввозѣ къ намъ заграничныхъ товаровъ, который—еслибы контрабандисты имѣли деликатность сообщать о размѣрѣ его таможнямъ—значительно измѣнилъ бы оффиціальную цифру цѣнности привоза и вывоза.

Изъ приведенныхъ соображеній не вѣрнѣе ли заключить, что оборотъ нашей внѣшней торговли, по которому намъ постоянно, хронически приходится много отпускать, но зато мало получать отъ „нѣмцевъ", есть результатъ не нашего преуспѣянія, а наоборотъ, экономической и финансовой несостоятельности и нашей задолженности? Правда, усиленный отпускъ самъ по себѣ уже служитъ къ улучшенію положенія, такъ какъ имъ оплачиваемыя услуги, хотя и не внесенныя въ реестры, несомнѣнно намъ полезны, а постепенное уменьшеніе долговъ еще полезнѣе. Но одно дѣло—признавать временную необходимость извѣстнаго порядка вещей, другое—возвести такую необходимость на степень идеала и содѣйствовать его упроченію всевозможными мѣропріятіями, изъ которыхъ самымъ дѣйствительнымъ признается всѣми сторонниками охранительной промышленной политики до-нельзя высокій таможенный тарифъ. Такая политика господствуетъ не у насъ однихъ; она овладѣла почти всѣми промышленными государствами и все болѣе и болѣе развивается, хотя не трудно

сообразить, что именно всеобщее ея господство уничтожаетъ ожидаемые отъ нея результаты. Италія, желая сбыть какъ можно больше своихъ произведеній во Францію, въ то же время высокими пошлинами стремится оградить себя отъ вторженія продуктовъ французской промышленности; въ видѣ репрессалій, такъ же поступаетъ и Франція по отношенію къ Италіи; противодѣйствующія стремленія парализуютъ одно другое, и въ результатѣ получается лишь сокращеніе промышленности и ослабленіе торговли, т.-е. уменьшеніе того прироста пользы, который получается при обмѣнѣ. Недаромъ всѣ государства Европы жалуются на застой промышленности и торговли и съ ожесточеннымъ соперничествомъ ищутъ для сбыта своихъ произведеній отдаленныхъ рынковъ, т.-е. такихъ, на которыхъ была бы еще не въ полномъ ходу торговая политика, такъ блестяще проявившая себя въ Европѣ.

Переходимъ къ дальнѣйшему обзору данныхъ, доставляемыхъ „свѣденіями". Какъ показано выше, вывозъ нашихъ произведеній въ 1890 г. сократился противъ предшествовавшаго года на 65 мил. р., причемъ наибольшее уменьшеніе—на 37 мил. рублей—оказалось въ сбытѣ хлѣба. Особенно успѣшнымъ отпускъ нашего хлѣба за границу былъ въ 1888 году, вслѣдствіе прекраснаго урожая у насъ и почти повсемѣстнаго неурожая въ большей части другихъ государствъ Европы. Въ этомъ году хлѣба было отпущено 546½ мил. пудовъ, цѣнностью въ 441 мил. рублей кредитныхъ. Въ 1889 г. отпускъ хлѣба уменьшился до 465½ мил. пудовъ, цѣнностью на 375½ рублей. Въ 1890 году оказалось дальнѣйшее сокращеніе вывоза,—до 417 мил. пуд. стоимостью въ 338 мил. рублей. Всѣмъ памятно, какъ, несмотря на урожай, на усиленныя требованія въ 1888 году за границу, цѣны на него стояли столь низкія, что землевладѣльцы повсемѣстно жаловались на понесенные ими на хлѣбѣ убытки, такъ какъ не вездѣ ими выручены сдѣланные на производство его расходы. Этотъ фактъ подтверждаетъ сказанное нами выше, что не всегда количество сбыта свидѣтельствуетъ о выгодномъ оборотѣ торговли. По удостовѣренію „Вѣстника Финансовъ", цѣны на хлѣбъ въ минувшемъ году значительно повысились, хотя, вслѣдствіе дальнѣйшаго улучшенія курса нашего кредитнаго рубля, можно было ожидать противнаго. Это повышеніе „Вѣстникъ" объясняетъ увеличеніемъ сбыта болѣе цѣнныхъ хлѣбовъ, расширеніемъ спроса на нашъ хлѣбъ и большей самостоятельностью русскихъ рынковъ въ расцѣнкѣ хлѣбовъ.

Изъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ значительно—на 10 мил. руб., или почти на 38%—по цѣнности уменьшился вывозъ шерсти, причемъ по количеству уменьшеніе не превышаетъ 29%. Это удешевленіе продукта и недостаточный сбытъ его, по словамъ

„Вѣстника Финансовъ“, всецѣло должны быть отнесены на счетъ повышенія курса кредитнаго рубля, чтó затруднило сдѣлки съ нѣкоторыми изъ товаровъ этой категоріи. Злосчастный кредитный рубль нашъ! и понизится въ цѣнѣ—бѣда, и повысится—тоже. Дѣйствительно, установившаяся даже въ государственномъ счетоводствѣ двойственная денежная единица—золотой и кредитный рубль—при постоянно мѣняющемся отношеніи одной къ другой, а слѣдовательно и къ пріобрѣтаемымъ на нихъ предметамъ, дѣлаетъ невозможными всякія правильныя предварительныя хозяйственныя соображенія и вноситъ невообразимую путаницу какъ въ государственное счетоводство, такъ и—чтó еще хуже—въ народное хозяйство. Но помимо этого на сокращеніе отпуска не имѣла ли вліянія и иная причина, такъ вѣско указываемая „Вѣстникомъ“ относительно нѣкоторыхъ другихъ предметовъ нашей отпускной торговли? Такъ, сокращеніе отпуска лѣса (на 2 мил. руб.), вслѣдствіе того, что на 3 мил. руб. сократился отпускъ досокъ, объясняется затишьемъ въ лѣсной торговлѣ, а *отчасти неудовлетворительностью ассортиментовъ русскаго товара* (досокъ), преимущественно рижской отправки, какъ на то не разъ высказывались жалобы на иностранныхъ (преимущественно лондонской) лѣсныхъ биржахъ.

Еще рѣшительнѣе эта же причина указывается въ упадкѣ заграничной торговли льномъ. „Ухудшеніе качества нашего льна,—говоритъ „Вѣстникъ“,—въ связи съ менѣе удовлетворительными его урожаями, главнымъ же образомъ вслѣдствіе *неудовлетворительной его очистки, а иногда и заведомой порчи, съ обманными цѣлями*, какъ при продажѣ на мѣстахъ, такъ и при отпускѣ за границу, сослужили дурную службу этой отрасли нашей торговли“. Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра. Мы узнаемъ, что въ половинѣ минувшаго года министерство финансовъ, въ видахъ повышенія качества отпускаемаго за границу льна, установило правила объ его упаковкѣ и необходимость полученія отъ подлежащихъ таможенъ свидѣтельствъ въ ея правильности. Въ самомъ дѣлѣ, во избѣжаніе конфуза передъ Европой, да кстати и передъ Азіей—и тамъ, какъ извѣстно, мы не разъ отличались въ этомъ отношеніи—приходится приставить къ каждому русскому торговцу по казенному контролеру.

Замѣтимъ, что люди, о *службѣ* которыхъ иронически говоритъ „Вѣстникъ Финансовъ“, принадлежатъ къ категоріи тѣхъ, кто уже не иронически непрерывно и по бóльшей части не безуспѣшно вопіетъ къ министерству финансовъ о необходимости драконовскими тарифами оградить русскую промышленность отъ иноземнаго вторженія. Жаль, что никакими повышенными тарифами нельзя заставить никакія иностранныя биржи, до персидскихъ и бухарскихъ

включительно, умиляться предъ издѣліями „обманнаго“ производства, и лишь мы, по усердію, обречены раскупать по дорогой цѣнѣ гнилые линючіе ситцы, расползающіяся, какъ войлокъ, сукна, стальные ножи, гнущіеся какъ олово, *настоящее* полотно съ примѣсью на $^3/_4$ хлопчатобумажной пряжи, *очищенный* спиртъ, который если и потребляется за границей, то не иначе, какъ послѣ усиленной очистки его отъ сивушнаго масла на германскихъ дистиллировочныхъ заводахъ, и пр. и пр. „Кезметъ—судьба!“ говоримъ мы и терпѣливо подчиняемся всегосподствующему у насъ торговому девизу: „не обманешь—не продашь“.

Цѣнность ввезенныхъ къ намъ въ 1890 году товаровъ понизилась, сравнительно съ 1889 г., менѣе чѣмъ на $10^1/_2$ мил. руб. Пониженіе это „Вѣстникъ Финансовъ“ объясняетъ, главнымъ образомъ, повышеніемъ съ 16-го августа 1890 г. ввозныхъ пошлинъ на 20%. Наиболѣе уменьшился ввозъ хлопка, котораго въ 1889 г. было ввезено 8.619.000 пудовъ на $83^1/_2$ мил. рублей, а въ 1890 году—около 8 мил. пудовъ на 79 мил. руб. Нѣсколько, впрочемъ незначительно, уменьшился ввозъ чая, и то низшаго его сорта, кирпичнаго: но о чаѣ мы еще скажемъ ниже по поводу размѣра нашихъ таможенныхъ пошлинъ.

Несмотря на уменьшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, таможенной пошлины съ нихъ поступило въ 1890 году не только не меньше, а больше предшествующаго года, вслѣдствіе указаннаго выше возвышенія тарифа на 20%. Въ 1889 г. ея получено 80.218.000 руб. золотомъ, а въ 1890 году—82.709.000 рублей золотомъ, т.-е. болѣе на $2^1/_2$ мил. руб. Если сравнить сумму поступившей пошлины съ цѣнностью оплаченныхъ ею въ 1890 г. товаровъ (384 мил. руб. кред.), принимая стоимость золотого рубля не по курсу, установленному для росписи 1890 г. (1 р. 70 к. кред. за золотой рубль), а по курсу этихъ дней (1.35 к. кр. за руб. зол.), то сумма эта (около 112 мил. р. кр.) составитъ около 30% стоимости ввезенныхъ товаровъ. Изъ разсчетовъ департамента таможенныхъ сборовъ въ предисловіи къ свѣдѣніямъ за 1889 годъ видно, что размѣръ пошлины по всѣмъ товарамъ вообще, составлявшій десять лѣтъ предъ тѣмъ 17%, въ 1889 году достигъ 28%; въ 1890 г., какъ мы видѣли, уже 30%. Въ частности же, съ жизненныхъ припасовъ, пошлина, составлявшая въ 1879 году 41% стоимости товара, въ 1889 году дошла до 71% [1]). Въ 1890 г. жизненныхъ припасовъ ввезено на $56^1/_2$ мил. руб. кред., и за нихъ уплачено пошлины около 29 мил. руб. золотомъ, которые по курсу

[1]) При этихъ разсчетахъ, въ переложеніи золотыхъ рублей, въ которыхъ уплачивалась пошлина, въ кредитные принимался, очевидно, курсъ золотого рубля современный выпуску товара изъ таможни.

настоящихъ дней составляютъ 39 мил. руб. съ небольшимъ, т.-е 70% стоимости продуктовъ, какъ будто менѣе противъ предшествовавшаго года, но это лишь потому, что мы для переложенія золотого рубля въ кредитный не можемъ взять курса современнаго отпуску товаровъ. Во всякомъ случаѣ пошлина въ 70% стоимости товара можетъ быть названа очень большою. Столь значительный размѣръ ея по разряду жизненныхъ припасовъ объясняется громадностью ея съ чая, которая, въ свою очередь, произошла не только вслѣдствіе увеличенія размѣра пошлины съ чая, но и вслѣдствіе не совсѣмъ понятнаго упадка въ цѣнѣ ввозимаго къ намъ въ послѣдніе годы чая. Въ трехлѣтіе 1882—1884 годовъ байховаго, т.-е. обыкновеннаго употребляемаго (кирпичный чай нами не принимается въ разсчетъ), ввезено около 3.700.000 пудовъ цѣнностью около 200 мил. руб. кред., за которые уплачено пошлины около 53 мил. руб. золотомъ. Въ послѣдніе же три года ввезено байховаго чая:

	пудовъ	цѣнностью	уплачено пошлинъ
Въ 1883 г.	1.168.000	25.044.000	20.749.000
Въ 1889 г.	1.118.000	23.674.000	20.148.000
Въ 1890 г.	1.138.000	23.861.000	21.469.000
	3.424.000	72.579.000	62.366.000

Такимъ образомъ оказывается, что за 7—8 послѣднихъ лѣтъ количество ввозимаго чая нѣсколько уменьшилось (на 10%), но цѣнность уменьшилась слишкомъ въ $2^1/_2$ раза, пошлина же возросла на 17%. Къ этому нужно еще прибавить, что такъ какъ чай въ продажѣ не только не понизился въ цѣнѣ, но даже возвысился, то населеніе платитъ за него, по крайней мѣрѣ, вдвое противъ того, что платилось 7—8 лѣтъ тому назадъ, таможенный же доходъ казны съ чая, какъ показано, увеличился всего на 17%, т.-е. на 4 мил. руб. въ годъ.

Эта несоразмѣрность, при слишкомъ высокихъ пошлинахъ, выгодъ, получаемыхъ отъ нихъ фискомъ, съ тягостью, налагаемою на населеніе, составляетъ обычное и повидимому неизбѣжное явленіе.

Такъ, по разсчету весьма опытныхъ дѣятелей прусскаго сейма, пошлина въ 50 марокъ съ тонны привознаго хлѣба, доставляя прусской казнѣ около 75 мил. марокъ, заставляетъ народъ переплачивать 300 мил. марокъ, такъ какъ надбавку, равную пошлинѣ, ему приходится платить и за хлѣбъ мѣстнаго производства. Въ данномъ случаѣ переплата идетъ въ пользу землевладѣльцевъ. Что касается чая, то уплачиваемый населеніемъ излишекъ идетъ отчасти въ пользу торговцевъ, отчасти въ пользу контрабандистовъ и разныхъ фальсификаторовъ этого продукта.

Министромъ финансовъ, въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ о го-

сударственной росписи на 1891 годъ, было заявлено о производимыхъ въ министерствѣ работахъ по пересмотру таможеннаго тарифа. По слухамъ, въ настоящее время эти работы близки къ концу, если не окончены, и въ непродолжительномъ времени будутъ внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Было бы желательно, чтобы въ этихъ работахъ главное вниманіе было обращено не на покровительство промышленности и торговли, бо̀льшею частью обращающееся лишь къ выгодѣ отдѣльныхъ лицъ, безъ всякой пользы для развитія промышленности и торговли, а на удовлетвореніе общихъ потребностей населенія. При высокомъ таможенномъ тарифѣ оно страдаетъ и отъ возникающей, при отсутствіи конкурренціи, дороговизны, соединенной съ недоброкачественностью издѣлій, и отъ замедленія въ международномъ обмѣнѣ, который служитъ наиболѣе дѣйствительнымъ стимуломъ для развитія производительности страны.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1891 г.

Правила 4-го мая 1891 г. о школахъ грамоты.—Отзывы о нихъ въ печати; полемика между „Гражданиномъ“ и „Церковными Вѣдомостями“.—Опредѣленіе св. синода о мѣрахъ взысканія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Церковно-приходскія школы въ тверской губерніи. — Новые законы. — Пятидесятилѣтіе службы В. А. Арцимовича и Н. И. Стояновскаго.

По истинѣ замѣчательною можетъ быть названа судьба нашей такъ-называемой школы грамоты или грамотности. По выраженію „Церковныхъ Вѣдомостей“, она ведетъ свою исторію со дня крещенія Руси. Правильнѣе было бы сказать, что къ этимъ отдаленнымъ временамъ восходитъ ея *существованіе*. *Исторіи*, въ собственномъ смыслѣ слова, школа грамотности не имѣетъ, потому что она жила въ безвѣстности, въ тиши, неподвижная, скорѣе терпимая, чѣмъ признаваемая и поощряемая. Не встрѣчая поддержки ни сверху, отъ игнорировавшей ее власти, ни снизу, отъ забитой и неимущей массы населенія, она оставалась, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, почти безъ вліянія на жизнь народа. Грамотность, подобно многому другому, оказывалась несовмѣстной съ господствомъ крѣпостного права. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія роль народной школы была, toutes proportions gardées, гораздо менѣе значительна, чѣмъ въ кіевской Руси временъ Ярослава. Первые признаки развитія появляются, въ этой сферѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, когда, говоря словами поэта, „все оживало, шло впередъ“, все было точно вспрыснуто живой водой. Освобожденіе крестьянъ, устранивъ главное препятствіе къ распространенію начальнаго обученія, сразу увеличило потребность въ грамотности. Дѣятельность земства создала цѣлую массу школъ, приблизившихся къ населенію настолько, чтобы показать и доказать пользу образованія, но не настолько, чтобы сдѣлать его для всѣхъ доступнымъ. Отсюда самодѣятельность крестьянскихъ обществъ и отдѣль-

ныхъ крестьянъ, выражающаяся въ наймѣ хожалыхъ учителей, въ учрежденіи домашнихъ или общественныхъ школъ, съ преподавателями изъ числа черничекъ, отставныхъ солдатъ, заштатныхъ пономарей и разночинцевъ-самоучекъ. Предоставленное самому себѣ, это теченіе непремѣнно слилось бы съ другимъ, шедшимъ ему на встрѣчу. Крестьянская школа вступила бы въ союзъ съ земской, какъ младшій членъ семьи, требующій поощренія и руководства; лучшіе ученики земскихъ школъ сдѣлались бы главнымъ контингентомъ, изъ котораго набирались бы учителя школъ грамотности. Другими словами, на рубежѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ совершилось бы—или по крайней мѣрѣ началось бы—то, чему мы были свидѣтелями десять лѣтъ спустя. Помѣшали этому запретительныя мѣры графа Д. А. Толстого, не допускавшаго иной школы, кромѣ оффиціальной, снабженной патентованнымъ учителемъ и подходящей подъ всѣ сложныя, отчасти мелочныя требованія школьнаго закона. Несмотря на стѣсненія, доходившія иногда до судебнаго преслѣдованія, жизнь брала свое; школы грамотности, нужныя народу, не исчезали безслѣдно, и къ прежнимъ кое-гдѣ даже присоединялись новыя. Какъ это всегда бываетъ при явномъ противорѣчіи между жизнью и закономъ, первая находила средства обходить послѣдній. Гдѣ земство и инспекція одинаково сочувствовали народному образованію, тамъ пускались въ ходъ, напримѣръ, такія комбинаціи: училище, въ сущности ничѣмъ не отличавшееся отъ школы грамотности, объявлялось земскимъ, его учитель получалъ отъ инспектора надлежащую инвеституру—и товаръ признавался доброкачественнымъ только благодаря прикрывающему его флагу. Этимъ путемъ и другими, аналогичными, связь между школой грамотности и земствомъ, а также между школой грамотности и учебной администраціей, установлялась, понемногу и потихоньку, еще тогда, когда за „низшимъ типомъ“ школы не признавалось право на существованіе. Распоряженіе 1882 г., обезпечившее за барономъ Николаи почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія, упало, такимъ образомъ, на хорошо подготовленную почву. У нѣкоторыхъ училищныхъ совѣтовъ оказались на-лицо свѣденія о школахъ грамотности болѣе точныя и полныя, чѣмъ тѣ, которыми обладали, нѣсколько лѣтъ спустя, епархіальные совѣты. Отношенія между земскими школами и школами грамотности во многихъ мѣстахъ сразу стали соотвѣтствовать той нормѣ, о которой мы говорили выше. Земскія собранія стали назначать пособія школамъ грамотности; инспектора народныхъ училищъ включили ихъ въ кругъ своей дѣятельности. На учительскихъ съѣздахъ обсуждались средства къ достиженію возможно лучшаго устройства школы грамотности, какъ простѣй-

шей формы и первой ступени начальнаго обученія [1]). Въ короткій, двухлѣтній періодъ времени многое было сдѣлано, еще больше предпринято; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (напримѣръ,—шадринскомъ, красноуфимскомъ) школы грамотности вошли въ составъ земской школьной сѣти. Правила 1884 г., подчинившія школу грамотности исключительно и всецѣло вѣденію духовенства, не остановили этого движенія, но значительно ослабили его интенсивность. Вниманіе духовенства было обращено преимущественно на увеличеніе числа церковно-приходскихъ школъ, не только путемъ открытія новыхъ училищъ, но и путемъ переименованія существующихъ, т.-е. перечисленія земскихъ школъ въ разрядъ церковно-приходскихъ. О школѣ грамотности новые ея начальники заботились мало,—а заботамъ земства и инспекціи мѣшала, въ бо̀льшей или мѐньшей степени, отчужденность школы грамотности отъ свѣтской школы и свѣтской учебной администраціи. Правда, по оффиціальнымъ свѣденіямъ число школъ грамотности увеличилось, со времени обнародованія правилъ 1884 г., слишкомъ вдесятеро: въ 1885 г. ихъ числилось 840, въ 1889 г.—9.217. Едва ли, однако, эти цифры выражаютъ собою дѣйствительный ростъ школъ грамотности. Онѣ показываютъ только одно: сколько школъ находится фактически въ вѣденіи духовенства. Рядомъ съ этими школами существовали и существуютъ другія, духовенству неизвѣстныя или въ отчеты его не включаемыя. Число такихъ негласныхъ школъ постоянно уменьшается; но сначала оно, безъ сомнѣнія, было весьма велико. Школы грамотности перестали быть запретнымъ плодомъ только за два года до изданія правилъ 13-го іюня. Въ этотъ короткій промежутокъ времени онѣ далеко не всѣ успѣли заявить о себѣ, выйти на свѣтъ Божій. Не успѣлъ еще исчезнуть страхъ преслѣдованія и закрытія, не успѣла вездѣ зародиться потребность въ общеніи съ другими школами и съ школьными властями. Отыскивать школы грамотности и доводить о нихъ до свѣденія епархіальныхъ совѣтовъ многіе священники не спѣшили, опасаясь увеличенія отвѣтственности и труда, усложненія отчетности и переписки. Мало-по-малу, постепенно фактически-существующія школы входили и входятъ въ категорію оффиціально-зарегистрованныхъ — и такимъ образомъ искусственно увеличивается число школъ, открытыхъ, будто бы, при дѣйствіи новыхъ правилъ и благодаря ихъ дѣйствію. Подтвердимъ нашу мысль слѣдующими достовѣрными фактами. Въ лужскомъ уѣздѣ, петербургской губерніи, школъ грамотности, по свѣденіямъ уѣзднаго училищнаго совѣта въ 1882-3 г., было *со-*

---

[1]) Подробности по этому предмету см. въ Внутреннихъ Обозрѣніяхъ нашего журнала 1884, № 5, и 1886, № 3.

рокъ двѣ; къ 1884-5 г. число ихъ возросло до *семидесяти шести.* Между тѣмъ, по отчетамъ петербургскаго православнаго братства во имя Пресвятой Богородицы, совѣтъ котораго пользуется, по отношенію къ петербургской губерніи, правами епархіальнаго училищнаго совѣта, школъ грамотности, въ томъ же лужскомъ уѣздѣ, числилось въ 1888-9 г. *сорокъ,* въ 1889-90 г.—*сорокъ двѣ.* Что это значитъ? Неужели число школъ грамотности въ лужскомъ уѣздѣ не увеличилось, сравнительно съ 1883 г., и даже уменьшилось—сравнительно съ 1885 г.? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, приведемъ еще одну цифру: по отчету братства за 1885-86 г. во всей петербургской губерніи насчитывалось *шестьдесятъ двѣ* школы грамотности—меньше, чѣмъ ихъ за годъ передъ тѣмъ было въ одномъ изъ восьми уѣздовъ губерніи! Очевидно, что между цифрами и дѣйствительностью существуетъ здѣсь полнѣйшій разладъ. О множествѣ школъ грамотности отчеты приходскаго духовенства умалчивали и до сихъ поръ умалчиваютъ, вслѣдствіе чего онѣ не показываются и въ отчетахъ епархіальнаго совѣта. Нѣтъ никакой причины думать, что это—явленіе свойственное только одному уѣзду или одной губерніи. Приблизительно одинаковыя причины вездѣ должны приводить къ приблизительно одинаковымъ послѣдствіямъ [1]).

Все сказанное нами до сихъ поръ убѣждаетъ въ томъ, что настоящей эрой въ исторіи русской школы грамотности слѣдуетъ считать 14-ое февраля 1882 г., т.-е. день распубликованія циркуляра бар. Николаи, а отнюдь не 13-ое іюня 1884 г., т.-е. день изданія правилъ, подчинившихъ школу грамотности исключительному вѣденію духовенства. Не составятъ эры и правила 4-го мая нынѣшняго года. „Правительственный Вѣстникъ" (№ 105, фельетонъ) впадаетъ въ явную ошибку, утверждая, что этими правилами „дана, наконецъ, народу доступная по средствамъ и скромная по курсу школа первоначальнаго обученія, въ которой онъ такъ давно нуждается". Нельзя *дать* того, что уже существуетъ и фактически, и легально. *Фактически* — какъ признаетъ, нѣсколькими строками дальше, и авторъ статьи „Правительственнаго Вѣстника"—школа грамотности является „созданіемъ народнаго творчества"; *легально* она дѣйствуетъ со времени снятія запрета, наложеннаго на нее гр. Д. А. Толстымъ. Правила 4-го мая не вносятъ въ положеніе ея рѣшительно ничего существенно-новаго; они только регламентируютъ нѣкоторыя стороны

---

[1]) По словамъ „Правительственнаго Вѣстника" (№ 105, фельетонъ), „школы грамоты, въ центральной Россіи, существуютъ въ большомъ количествѣ, но, большею частью, въ скрытомъ видѣ, вѣроятно—памятуя недавнія запрещенія". Это, очевидно, было бы невозможно, еслибы школы грамоты съ самаго начала были предметомъ дѣятельнаго попеченія со стороны приходскаго духовенства.

ея устройства. Во всѣхъ ли отношеніяхъ эта регламентація составляетъ перемѣну къ лучшему—объ этомъ возможны различныя мнѣнія. Отсутствіе опредѣленнаго порядка открытія школы грамотности представляло, быть можетъ, нѣкоторыя неудобства—но не вполнѣ отъ нихъ свободенъ и вновь установленный порядокъ. „Мѣстные прихожане,—читаемъ мы въ ст. 4-ой правилъ,—желающіе открыть на свои средства школу грамоты, обращаются за совѣтомъ и указаніями къ приходскому священнику, на обязанность котораго возлагается пріисканіе для открываемой школы благонадежныхъ учителя и попечителя и забота о снабженіи ея необходимыми руководствами и учебными пособіями. Всѣ могущія возникнуть между приходскимъ священникомъ и устроителями школы недоразумѣнія разрѣшаются уѣзднымъ отдѣленіемъ епархіальнаго училищнаго совѣта, по докладу мѣстнаго отца наблюдателя“. Итакъ, въ область, до сихъ поръ стоявшую внѣ всякихъ формальностей, вносится сложная процедура, съ ходатайствомъ прихожанъ—передъ священникомъ, священника—передъ наблюдателемъ, наблюдателя—передъ училищнымъ совѣтомъ. На священника возлагается, въ добавокъ, трудъ *пріисканія* учителя, до настоящаго времени во все его не касавшійся. Правда, ст. 6-ая предоставляетъ *избраніе* учителя *учредителямъ* школы, по соглашенію съ приходскимъ священникомъ. Но *учредители* и *устроители*, о которыхъ идетъ рѣчь въ ст. 4-ой, повидимому—не одно и то же; иначе не дѣлалось бы различія между *пріисканіемъ* и *избраніемъ*. Нужно полагать, что учредителями, облеченными правомъ избирать учителя, признаются только лица и учрежденія, поименованныя въ ст. 5-ой (т.-е. не принадлежащія къ приходу). Исключеніе въ ихъ пользу сдѣлано, по всей вѣроятности, для того, чтобы возбудить или усилить въ нихъ интересъ къ дѣлу, касающемуся ихъ не столь непосредственно, какъ мѣстныхъ прихожанъ. Казалось бы, однако, что и за прихожанами, дающими средства на устройство школы, могло бы быть сохранено право, до сихъ поръ принадлежавшее имъ de facto, безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ. Если они сами имѣютъ въ виду учителя, удовлетворяющаго требованіямъ закона, то къ чему же возлагать на священника *пріисканіе* учителя, т.-е. предоставлять ему возможность не стѣсняться желаніемъ и указаніемъ прихожанъ? Конечно, „недоразумѣніе“ по этому предмету можетъ быть разрѣшено отдѣленіемъ епархіальнаго совѣта въ пользу прихожанъ; но въ огромномъ большинствѣ случаевъ епархіальный совѣтъ не пойдетъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ священника, да и много ли шансовъ успѣха будетъ имѣть учитель, утвержденный въ должности вопреки желанію ближайшаго начальника школы?.. Если мы ошибаемся, если право избранія учителя принадлежитъ, по мысли составителей новаго закона,

устроителямъ наравнѣ съ *учредителями,* то слѣдовало бы измѣнить редакцію закона и пояснить, въ ст. 4-ой, что учитель *пріискивается* священникомъ только въ случаѣ просьбы о томъ со стороны прихожанъ—устроителей школы.

Пріисканіе учителя священникомъ, увеличивая отвѣтственность послѣдняго, уменьшаетъ, этимъ самымъ, шансы быстраго распространенія школъ грамотности. Большая разница—допустить къ преподаванію лицо, избранное другими, или самому избрать его, подвергаясь, въ случаѣ неудачнаго выбора, не только неудовольствію начальства, но и упрекамъ прихожанъ. „Я не пріискалъ подходящаго учителя" —таковъ будетъ отвѣтъ священника, опасающагося нареканій или не желающаго прибавлять ко всѣмъ другимъ своимъ занятіямъ наблюденіе за новою школой грамотности. Другимъ препятствіемъ къ размноженію школъ грамотности можетъ послужить ст. 8-ая правилъ, за силою которой кандидатъ въ учителя школы грамотности, не имѣющій свидѣтельства на званіе начальнаго учителя или учителя церковно-приходскихъ школъ, подвергается священникомъ испытанію въ знаніи молитвъ, священной исторіи, краткаго катехизиса и прочихъ предметовъ обученія въ школѣ грамоты (т.-е. чтенія церковно-славянскаго и русскаго, письма и начальнаго счисленія). Одно изъ двухъ: или это испытаніе обратится въ простую формальность, или оно будетъ производиться серьезно. Въ первомъ случаѣ пострадаетъ авторитетъ священника; прихожане, видя плохое преподаваніе, будутъ недоумѣвать, какимъ образомъ неспособный и мало знающій преподаватель могъ выдержать испытаніе и получить разрѣшеніе на вступленіе въ должность учителя. Во второмъ случаѣ мало будетъ желающихъ экзаменоваться, еще меньше—выдерживающихъ экзаменъ, и пополненіе контингента учителей въ школахъ грамотности встрѣтитъ, по крайней мѣрѣ на первое время, большія трудности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стбитъ только просмотрѣть списки школъ грамотности, печатаемые въ отчетахъ петербургскаго братства Пресв. Богородицы. Въ 1888-9 учебномъ году всѣхъ школъ грамотности въ петербургской губерніи числилось 86; изъ нихъ въ *тридцати пяти* учителями состояли крестьяне или мѣщане, не окончившіе курса даже въ начальной школѣ (послѣднее явствуетъ изъ того, что по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ учителямъ-крестьянамъ, прошедшимъ курсъ земской или церковно-приходской школы, въ спискѣ сдѣлана соотвѣтствующая отмѣтка), въ *девятнадцати*—отставные или запасные нижніе чины. Въ 1889-90 г. число школъ грамотности возросло до ста шести, но кто учитъ въ двадцати-двухъ школахъ—неизвѣстно, такъ какъ въ спискѣ не означены ни имена, ни званія

учителей или учительницъ [1]). Между остальными 84 преподавателями крестьянъ и мѣщанъ, не окончившихъ курса начальной школы, насчитывается сорокъ одинъ [2]), нижнихъ чиновъ—восемнадцать. Не трудно угадать, многіе ли изъ нихъ выдержали бы вновь установляемое испытаніе, при самой даже умѣренной строгости экзаменаторовъ. Болѣе подготовленными къ экзамену оказались бы, конечно, бывшіе ученики земскихъ, министерскихъ или церковно-приходскихъ школъ, но къ нимъ, судя по приведеннымъ нами даннымъ, рѣдко обращаются устроители школъ грамотности—или они сами неохотно туда поступаютъ. Нельзя, поэтому, согласиться съ мнѣніемъ „Правительственнаго Вѣстника“, что „учителя (для школъ грамотности) —лучшіе изъ грамотныхъ и богобоязненныхъ крестьянскихъ юношей—всегда на-лицо“. Быть можетъ, это такъ будетъ, но покамѣстъ —это еще не такъ. Начинавшая-было появляться связь земской школы съ школой грамотности ослабѣла или исчезла вслѣдствіе изданія правилъ 1884 г.—а связь между школой грамотности и школой церковно-приходской еще не установилась, несмотря на добрый примѣръ, поданный, въ этомъ отношеніи, земской школой. Хорошо уже и то, что распространяется, мало-по-малу, сознаніе пользы, приносимой такою связью.

Трудно исполнимой, при настоящемъ положеніи школъ грамотности, представляется статья 16-ая новыхъ правилъ, на основаніи которой въ каждой школѣ должна быть классная книга, для записки именъ и фамилій учениковъ, пропущенныхъ ими учебныхъ дней и содержанія преподаваемыхъ уроковъ. Такая форма отчетности едва ли соотвѣтствуетъ характеру школы грамотности, чуждой всякаго формализма и мало къ нему способной. При живомъ, участливомъ отношеніи священника къ школьному дѣлу формальности не нужны, а при отношеніи канцелярскомъ, рутинномъ, онѣ безполезны. Отмѣтка въ классной книгѣ, что пройдено то-то и то-то, ничего не доказываетъ и не удостовѣряетъ; убѣдиться въ томъ, *что* пройдено и *какъ* прой-

---

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что школы грамотности, учителя которыхъ неизвѣстны епархіальному совѣту ни по имени, ни по званію, едва ли могутъ считаться существующими. Когда школа, съ вѣдома священника, находится въ дѣйствіи, личность преподавателя не можетъ не быть хорошо знакома ближайшему начальнику школы; а что̀ знаетъ онъ, то долженъ знать и епархіальный совѣтъ. Странными, съ этой точки зрѣнія, кажутся намъ и такія отмѣтки, встрѣчающіяся въ отчетахъ братства: „грамотный крестьянинъ“, „отставной солдатъ“, „запасный рядовой“ (въ отчетѣ за 1888-9 г. мы насчитали ихъ *пять*, въ отчетѣ за 1889-90 г.—*три*). Трудно понять, какимъ образомъ священнику можетъ быть извѣстно только званіе, но не имя подвѣдомственнаго ему учителя.

[2]) Къ категоріи крестьянъ и мѣщанъ мы относимъ и тѣхъ учителей, званіе которыхъ въ отчетѣ не означено.

дено, можно только посредствомъ спроса учениковъ. Ни къ чему не приведетъ, по всей вѣроятности, и правило ст. 17-ой, возлагающее на уѣздное отдѣленіе епархіальнаго совѣта опредѣленіе учебнаго времени въ школахъ грамоты и составленіе для нихъ расписанія недѣльныхъ уроковъ. Начало и окончаніе занятій едва поддается нормировкѣ даже въ правильно-организованныхъ начальныхъ школахъ; тѣмъ труднѣе регулировать его въ школахъ грамоты. То же самое слѣдуетъ сказать и о расписаніи уроковъ, рѣдко соблюдаемомъ уже потому, что хорошій начальный учитель—а слѣдовательно, и хорошій учитель въ школѣ грамоты—занимается съ учениками не только въ такъ-называемые учебные часы, но въ продолженіе цѣлаго дня, съ бо́льшими или ме́ньшими перерывами. Установляемыя ст. 18-ою испытанія учениковъ въ школахъ грамоты не имѣютъ существенно-важнаго значенія, потому что лицамъ, выдержавшимъ такое испытаніе, никакихъ правъ не предоставляется. Многія статьи правилъ имѣютъ характеръ совѣта, наставленія, поученія; настоящее ихъ мѣсто было бы въ инструкціи, а не въ законѣ. Такова, напримѣръ, статья 19-ая, обязывающая священниковъ „возможно часто“ посѣщать школы грамоты, или статья 20-ая, указывающая священнику, на что онъ долженъ обращать особое вниманіе при посѣщеніи школы. Нововведеній, улучшающихъ положеніе школы грамоты, въ правилахъ 4-го мая мы находимъ, собственно говоря, только два: установленіе званія попечителя школы грамоты, сопряженнаго, для крестьянъ, съ преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго управленія, и освобожденіе отъ воинской повинности тѣхъ (немногихъ) учителей школы грамоты, которые имѣютъ свидѣтельства на званіе начальнаго учителя или учителя церковно-приходской школы. Эти нововведенія, очевидно, не столь важны, чтобы правила 4-го мая могли быть признаваемы, изъ-за нихъ, *создавшими* школу грамоты или призвавшими ее къ новой, лучшей жизни.

Правила 4-го мая оставляютъ неразрѣшеннымъ чрезвычайно важный вопросъ, о которомъ мы уже говорили при разборѣ закона 13-го іюня 1884 года [1]). Они предусматриваютъ, очевидно, только школы грамоты, открываемыя въ средѣ православнаго населенія, и вовсе не имѣютъ въ виду потребностей населенія раскольническаго и иновѣрнаго. Нельзя допустить, чтобы школы, учреждаемыя раскольниками—для раскольниковъ, иновѣрцами—для иновѣрцевъ, были поставлены подъ начальство православнаго духовенства, но столь же немыслимо лишить раскольниковъ и иновѣрцевъ возможности заботиться о начальномъ обученіи своихъ дѣтей, дешевомъ и для всѣхъ

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1884 г.

доступномъ. Одно изъ двухъ: или принципъ конфессіональности, принятый по отношенію къ главной массѣ школъ грамоты, долженъ быть распространенъ на школы, необходимыя для меньшинства населенія, или же эти школы должны быть подчинены вѣденію свѣтской учебной администраціи. Нужно надѣяться, что въ томъ или другомъ смыслѣ будутъ дополнены, въ непродолжительномъ времени, правила 4-го мая. Въ иновѣрческихъ школахъ грамоты будетъ, по всей вѣроятности, разрѣшено преподаваніе языка, на которомъ говорятъ ученики; оно могло бы замѣнить собою преподаваніе не нужнаго для нихъ языка церковно-славянскаго. Вопросъ о языкѣ можетъ возникнуть, впрочемъ, и по отношенію къ нѣкоторымъ школамъ грамоты, учреждаемымъ для православнаго населенія. Для эстовъ, финновъ, латышей, принадлежащихъ къ православной церкви, богослуженіе совершается на ихъ родномъ языкѣ; ихъ дѣтямъ, слѣдовательно, нѣтъ надобности обучаться церковно-славянскому языку—и, наоборотъ, весьма полезно научиться читать и писать по-эстонски, фински или латышски. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ православныхъ инородцахъ: грекахъ, сербахъ, болгарахъ, молдаванахъ, грузинахъ, зырянахъ, татарахъ и т. п.

Намъ случалось слышать недоумѣвающій вопросъ: въ чемъ состоитъ различіе между школой грамоты и обыкновенной начальной школой? Въ принципѣ это различіе совершенно ясно; на практикѣ оно дѣйствительно можетъ стушеваться и подать поводъ къ недоумѣнію. Школа грамоты отличается отъ обыкновенной начальной школы, во-первыхъ, объемомъ школьнаго курса, во-вторыхъ—требованіями, предъявляемыми къ преподавателю. По ариѳметикѣ, напримѣръ, школа грамоты обучаетъ только *начальному счисленію*, а обыкновенная школа должна основательно ознакомить учениковъ со всѣми четырьмя дѣйствіями надъ простыми и именованными числами. По чтенію и письму разница не можетъ быть опредѣлена столь точно, но она несомнѣнно существуетъ; отъ ученика обыкновенной школы ожидается умѣнье читать не только бѣгло, но и выразительно, умѣнье писать четко, свободно и безъ грубыхъ ошибокъ, а ученикъ школы грамоты учился не даромъ, если понимаетъ прочитанное и можетъ написать, хотя бы и съ грѣхомъ пополамъ, письмо въ нѣсколько строкъ или простѣйшую дѣловую бумагу. Программа Закона Божія для школъ грамоты будетъ, по всей вѣроятности, установлена другая, болѣе короткая и менѣе сложная, чѣмъ для обыкновенной начальной школы [1]). Отъ учителя обыкновенной начальной школы

[1]) Замѣтимъ, по этому поводу, что учителю школы грамоты предоставляется, повидимому, обученіе Закону Божію (ср. ст. 8, 14, 20 правилъ 4-го мая), вести которое въ школахъ грамоты священникъ не имѣлъ бы времени. Есть ли, затѣмъ,

требуется, за рѣдкими исключеніями, свидѣтельство на званіе начальнаго учителя, для полученія котораго нужно знать гораздо больше того, что̀ проходится въ начальной школѣ; отъ учителя школы грамоты до сихъ поръ не требовалось ничего, а теперь требуются только свѣденія, не идущія дальше курса той же школы. Конечно, школа грамоты можетъ иногда подняться почти до уровня обыкновенной школы—и наоборотъ, обыкновенная школа можетъ спуститься почти до уровня школы грамоты; многое зависитъ здѣсь отъ учителя, отъ его знаній, способностей и усердія. Мы едва ли ошибемся, что всего чаще приближаются къ школѣ грамоты церковно-приходскія школы, какъ потому, что духовенство, завѣдуя тѣми и другими, не всегда проводитъ между ними рѣзко разграничительную черту и признаетъ иногда церковно-приходскими школы, подходящія скорѣе къ типу школы грамоты, такъ и потому, что между преподавателями церковно-приходскихъ школъ сравнительно больше лицъ, не получившихъ спеціальной подготовки. Возьмемъ, для примѣра, церковно-приходскія школы лужскаго уѣзда, по отчету за 1889-90 г. Ихъ было всего двадцать шесть—и въ одиннадцати изъ нихъ преподавателями состояли не окончившіе курсъ семинаристы, ученица пріюта, крестьянинъ, учившійся въ начальной школѣ, неизвѣстно гдѣ учившіяся дѣти мѣстныхъ священника или псаломщика. Въ то же самое время учителями и учительницами земскихъ школъ лужскаго уѣзда были почти исключительно лица, окончившія курсъ въ учительской семинаріи или въ земской учительской школѣ.

Въ нѣкоторыхъ о̀рганахъ нашей печати правила 4-го мая встрѣтили пріемъ непредвидѣнный и даже странный. Ихъ привѣтствовала чуть не съ восторгомъ газета, отъ которой можно было бы ожидать болѣе спокойнаго и обдуманнаго отношенія къ вопросу—и на нихъ съ ожесточеніемъ напалъ редакторъ „Гражданина“. Его „духовный складъ мыслей“ оказался неспособнымъ примириться съ тѣмъ пунктомъ правилъ, который подчиняетъ школы грамоты *исключительному* вѣденію православнаго духовенства. Его возмущаетъ обособленіе школъ грамоты отъ правительственныхъ училищныхъ совѣтовъ и отъ предводителей дворянства, заботливости которыхъ еще покойнымъ Государемъ была ввѣрена начальная школа. „Маленькій пунктъ“ угрожаетъ, по его мнѣнію, „двумя крупными и страшными бѣдами: отдѣленіемъ церкви отъ государства и клерикализмомъ“. „Церкви ли свѣта бояться!—восклицаетъ кн. Мещерскій.—Пускай не только дирекція и инспекція народныхъ училищъ надзираютъ за школами

основаніе отказывать въ томъ же правѣ учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ на самомъ дѣлѣ и теперь, сплошь и рядомъ, занимающимся съ своими учениками Закономъ Божіимъ и часто уполномочиваемымъ къ тому священникомъ?

грамотности, пускай всякій любящій свою церковь и своего царя за ними надзираетъ. А кастовый затворъ—это только искушеніе дурно учить и не бояться отвѣта". Нападенія „Гражданина" вызвали возраженіе со стороны „Церковныхъ Вѣдомостей". Духовная газета напоминаетъ, что еще въ 1882 г., при самомъ разрѣшеніи школъ грамотности, онѣ были поставлены подъ надзоръ *духовенства* и полиціи, потому что наблюденіе за ними оказалось не подъ силу органамъ министерства народнаго просвѣщенія; правилами 13-го іюня и 4-го мая только закрѣпленъ порядокъ, съ самаго начала признанный необходимымъ. Дальше указывается на то, что представители свѣтской учебной администраціи вовсе не устранены отъ наблюденія за церковно-приходскими школами и школами грамоты. И тѣ, и другія вѣдаются епархіальнымъ совѣтомъ, съ его уѣздными отдѣленіями; а въ епархіальномъ совѣтѣ присутствуетъ директоръ народныхъ училищъ, въ уѣздномъ отдѣленіи епархіальнаго совѣта—инспекторъ народныхъ училищъ (или лицо его замѣняющее), а также земскій начальникъ. Отсюда, по мнѣнію „Церковныхъ Вѣдомостей", невозможность говорить серьезно о противоположности школъ церковной и „царской", объ опасности, грозящей со стороны „клерикализма", о какомъ-то „кастовомъ затворѣ".

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что „Гражданинъ", выступающій въ защиту свѣтской школы, мечущій громы противъ клерикализма, изображаетъ собою явленіе комическое и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма антипатичное. Школа грамоты, какъ бы она ни была устроена и въ чьемъ бы вѣденіи ни состояла, составляетъ, во всякомъ случаѣ, полезное средство къ распространенію грамотности въ массѣ народа. Этого достаточно, чтобы возбудить противъ нея всѣхъ поборниковъ невѣжества и мракобѣсія. Настоящая мысль „Гражданина" выразилась въ словахъ: „Пускай надзираетъ за школами грамотности *всякій*, любящій свою церковь и своего царя". Такой своеобразный надзоръ былъ бы не чѣмъ инымъ, какъ организованнымъ соглядатайствомъ, какъ свободой доносить, заподозрѣвать и клеветать, mise à la portée de tout le monde и прикрытой маскою благонамѣреннаго усердія. Въ замѣчаніяхъ „Гражданина", разсматриваемыхъ отдѣльно отъ внутренняго ихъ смысла и побудительнаго мотива, есть, однако, нѣкоторая доля истины; къ нимъ можно примѣнить, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, извѣстное французское изреченіе, сказавъ: où donc la vérité va-t-elle se nicher! Что бы ни говорили, въ самомъ дѣлѣ, „Церковныя Вѣдомости", изъятіе изъ вѣденія министерства *народнаго* просвѣщенія цѣлой категоріи *народныхъ* школъ, и теперь уже многочисленной, а въ будущемъ могущей превзойти численностью всѣ остальныя—это нѣчто не вполнѣ нормальное. Если рядомъ съ церковно-

приходскими школами существуютъ школы министерскія, земскія, городскія, то нелегко понять, почему рядомъ съ школами грамоты, составляющими какъ бы отдѣленія церковно-приходскихъ училищъ и подвѣдомственными духовенству, не могли бы существовать школы грамоты, учрежденныя земствомъ, городомъ или учебной администраціей и подвѣдомственныя министерству народнаго просвѣщенія. Это способствовало бы быстрому развитію школъ грамоты и правильному ихъ устройству. Между различными категоріями школъ возникло бы соревнованіе, установился бы взаимный обмѣнъ всего лучшаго, взаимное предостереженіе относительно ошибокъ... Распоряженіе 1882 г. вовсе не предрѣшало отдачу школъ грамоты въ исключительное завѣдываніе духовенства; напротивъ, исходя отъ министерства народнаго просвѣщенія, оно свидѣтельствовало о томъ, что именно это министерство считаетъ себя хозяиномъ въ области начальнаго обученія. Полиція и духовенство призывались къ участію въ наблюденіи за школами грамоты, слишкомъ многочисленными и разбросанными, чтобы съ ними могла справиться одна инспекція начальныхъ училищъ; но это нисколько не ограничивало правъ инспекціи и не мѣшало земству, городамъ, училищнымъ совѣтамъ принять на свое попеченіе школы грамоты, наравнѣ съ другими свѣтскими начальными школами. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ лишь въ 1884 г., и значеніе его нисколько не уменьшается тѣмъ, что директоръ народныхъ училищъ засѣдаетъ въ епархіальномъ совѣтѣ, инспекторъ народныхъ училищъ—въ уѣздномъ отдѣленіи совѣта. Большая разница—быть однимъ изъ многихъ въ коллегіальномъ учрежденіи, не управляющемъ, а только наблюдающемъ, или стоять во главѣ дѣла и нести за него отвѣтственность. „Кастовый затворъ"—выраженіе, въ данномъ случаѣ, слишкомъ сильное, бьющее черезъ край; но нельзя отрицать, что въ рукахъ сословія, еще недавно имѣвшаго несомнѣнныя черты сходства съ кастой, находится и управленіе школами грамоты, и ближайшій надзоръ за ними (въ лицѣ священниковъ-наблюдателей и благочинныхъ). Не этимъ ли преобладаніемъ корпоративнаго духа и товарищескихъ отношеній слѣдуетъ объяснить нѣкоторыя явленія, указанныя нами выше—напримѣръ, безгласность, въ которой остаются, много лѣтъ сряду, цѣлые десятки и даже сотни школъ грамоты? Еслибы не исключительность, составляющая, съ нашей точки зрѣнія, главный недостатокъ правилъ 1884 и 1891 г., каждая или почти каждая школа грамоты нашла бы для себя точку опоры въ той или другой учебной сферѣ и вошла бы съ самаго начала въ число оффиціально признанныхъ и болѣе или менѣе правильно организованныхъ училищъ.

Почти одновременно съ правилами 4-го мая появилось въ печати

весьма важное опредѣленіе св. синода по вопросу о дисциплинарныхъ мѣрахъ, примѣняемыхъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Училищный при синодѣ совѣтъ усмотрѣлъ изъ годовыхъ епархіальныхъ отчетовъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ примѣняются мѣры взысканія, противныя гигіеническимъ условіямъ (лишеніе пищи, запрещеніе прогулки или гимнастическихъ упражненій) или соединенныя съ униженіемъ дѣтей и съ тѣлеснымъ страданіемъ (стояніе на колѣняхъ на продолжительное время, удары линейкой по рукамъ). По мнѣнію училищнаго совѣта, слѣдовало бы запретить употребленіе подобныхъ мѣръ, внушивъ учителямъ церковно-приходскихъ школъ, чтобы они, въ обращеніи съ учениками, руководились духомъ кротости и, *если настоитъ надобность въ особенныхъ строгихъ мѣрахъ для вразумленія лѣнивыхъ и упорныхъ*, то въ примѣненіи ихъ всячески избѣгали униженія дѣтей и жестокостей съ ними. Это мнѣніе, еще въ январѣ мѣсяцѣ утвержденное св. синодомъ, не было, сначала, оглашено путемъ печати; но содержаніе его сдѣлалось извѣстнымъ „Гражданину", который, какъ и слѣдовало ожидать, поспѣшилъ возстать противъ призыва въ кротости, провозгласивъ его „крупнымъ педагогическимъ недоразумѣніемъ". Отъ распоряженія св. синода повѣяло на кн. Мещерскаго „давно забытыми временами эпохи, когда въ школахъ, по требованію времени—то-есть разныхъ Чернышевскихъ, Добролюбовыхъ, Михайловыхъ,—внушаемо было наказывать учениковъ исключительно обращаясь къ ихъ здравому смыслу и чувству справедливости". *Неосторожность* распоряженія, отмѣняющаго, будто бы, всякія наказанія, представляется, въ глазахъ кн. Мещерскаго, *безграничной*; она „прямо сливается съ умысломъ, какъ сливается съ умысломъ неосторожность человѣка, который вздумалъ бы съ зажженною папироской войти въ пороховой ящикъ" (!). Эти выходки „Гражданина" вызвали распубликованіе опредѣленія св. синода и сверхъ того—возраженіе со стороны „Церковныхъ Вѣдомостей". Духовная газета указываетъ на то, что объ *отмѣнѣ* наказаній въ опредѣленіи нѣтъ и рѣчи; напротивъ того, оно прямо допускаетъ *особенныя строгія мѣры для вразумленія лѣнивыхъ и упорныхъ*. „Едва ли,—продолжаютъ „Церковныя Вѣдомости",—кто-либо будетъ стоять за удары линейкою по рукамъ, хотя бы эта мѣра прежде и примѣнялась къ дѣтямъ потомственныхъ дворянъ въ кадетскихъ корпусахъ и другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. О другомъ наказаніи—стояніи на колѣняхъ—замѣчено только, что оно не должно быть допускаемо *на продолжительное время*— и противъ этого едва ли кто будетъ спорить изъ людей благомыслящихъ. Церковно-приходскія школы должны руководиться духомъ евангельскимъ и апостольскимъ; апостолъ уже ясно учитъ:

отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи (наставленіи) *и ученіи Господни*".

„Церковныя Вѣдомости" слишкомъ снисходительны къ „Гражданину". Противъ апоѳеоза жестокости, противъ культа палки и розги нельзя спорить; достаточно подчеркнуть наиболѣе рельефныя его выраженія и пригвоздить его, этимъ самымъ, къ позорному столбу, какъ къ единственному подходящему для него мѣсту. Насъ интересуетъ другая сторона дѣла; мы невольно спрашиваемъ себя, почему, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ существованія свѣтской начальной школы, ни разу не встрѣчалась надобность преподать ей указанія въ родѣ тѣхъ, которыя заключаются въ опредѣленіи св. синода? Не странно ли, что въ церковно-приходскихъ школахъ, въ короткій, шестилѣтній, срокъ, успѣло проявиться нарушеніе основныхъ педагогическихъ правилъ, прочно, съ самаго начала, установившихся въ школахъ городскихъ и земскихъ? Русская начальная школа того типа, который выработался въ шестидесятыхъ годахъ и утвердился въ продолженіе слѣдующихъ двухъ десятилѣтій, во многомъ могла служить образцомъ для нашей средней школы. Нигдѣ не было такихъ простыхъ, задушевныхъ отношеній между преподавателемъ и учениками, нигдѣ не было такой свободы отъ формализма, отъ „казенщины", отъ мертвящихъ бумажныхъ правилъ. Классные часы удлинялись, сплошь и рядомъ, до цѣлаго дня; квартира учителя обращалась въ жилище учениковъ, запоздавшихъ въ школѣ или далеко отъ нея живущихъ. Посѣщеніе школы было не вынужденнымъ бременемъ, а удовольствіемъ и радостью. Наши гимназисты и реалисты часто просятъ родителей позволить имъ остаться дома; крестьянскія дѣти гораздо чаще просили родителей позволить имъ идти въ школу. При такомъ взглядѣ на школу, наказанія естественно сводились къ минимуму, и количественному, и качественному, а иногда и вовсе исчезали изъ школьнаго обихода. На учительскихъ съѣздахъ неоднократно возникалъ вопросъ о возможности обходиться безъ наказаній и къ утвердительному его разрѣшенію склонялись не только молодые энтузіасты, но и многіе изъ числа опытныхъ педагоговъ. О тѣлесныхъ наказаніяхъ, въ земскихъ и городскихъ школахъ, вовсе не было слышно; они были осуждены здѣсь безповоротно, даже тогда, когда заходила рѣчь о введеніи ихъ вновь въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Все это оказывалось возможнымъ именно потому, что свѣтская начальная школа была учрежденіемъ новымъ, свѣжимъ, возникшимъ въ лучшій періодъ нашей государственной жизни и не связаннымъ преданіями старой школы съ ея неизмѣнными и непремѣнными аттрибутами—указкой, линейкой и розгой. Церковно-приходская школа примыкаетъ, наоборотъ, къ прежнимъ школьнымъ тра-

диціямъ, конечно—видоизмѣненнымъ и смягченнымъ, но все-таки отражающимся на всемъ характерѣ школы, а слѣдовательно, и на школьной дисциплинѣ. Мѣры взысканія, осужденныя св. синодомъ, въ старой, до-реформенной школѣ были чѣмъ-то общепринятымъ и обыденнымъ; понятно, что были попытки водворить ихъ и въ новой церковно-приходской школѣ. Устранены, въ настоящее время, главныя злоупотребленія системой, но не вполнѣ устранена самая система. Остается въ силѣ не только стояніе на колѣняхъ, ограниченное „непродолжительнымъ временемъ“ (продолжительность и непродолжительность—понятія условныя, относительныя, каждымъ толкуемыя по своему); остаются въ силѣ и „особенныя строгія мѣры“, означающія, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ наказаніе розгами. Для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ оно можетъ быть примѣнено безъ „униженія дѣтей“—да и къ „жестокости“ оно подходитъ весьма близко, и съ „духомъ кротости“ едва ли совмѣстимо.

Кстати о церковно-приходскихъ школахъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что ихъ устройство въ настоящее время имѣетъ гораздо больше общаго съ устройствомъ свѣтскихъ начальныхъ школъ, нежели имѣлось въ виду при изданіи правилъ 1884 г. Тогда предполагалось, что курсъ ученья въ церковно-приходскихъ школахъ (кромѣ двухклассныхъ) будетъ двухлѣтній, а не трехлѣтній, какъ въ свѣтской начальной школѣ; теперь во многихъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ училищахъ ученики учатся три года. „По даннымъ отчета тверского епархіальнаго совѣта,—говоритъ г. Ф. Пр—ъ, въ интересной статьѣ, напечатанной недавно въ „Русскомъ Начальномъ Учителѣ“, — слѣдуетъ предположить, что надежда сократить курсъ церковно-приходской школы до двухъ лѣтъ не оправдалась; при обсужденіи успѣховъ обученія почти вездѣ говорится о трехъ группахъ—старшей, средней и младшей. Указаніе на три отдѣленія приводится въ отчетѣ безъ всякихъ оговорокъ и относится, между прочимъ, и къ такимъ школамъ, о преподавателяхъ которыхъ ревизоръ св. синода далъ отзывъ, что дѣло ведется ими хорошо“. Не осуществилась, дальше, надежда, что преподаваніе въ церковно-приходскихъ школахъ будутъ вести, въ большинствѣ случаевъ, сами члены причта. Изъ 148 церковно-приходскихъ школъ тверской епархіи только 61 обходились безъ особыхъ свѣтскихъ преподавателей—и замѣчательно, что именно въ этихъ послѣднихъ школахъ учениковъ было сравнительно мало (въ среднемъ—27, между тѣмъ какъ въ остальныхъ восьмидесяти семи школахъ средняя цифра учениковъ доходила до 45). Въ школахъ, гдѣ преподавателями были только члены причта, число выдерживающихъ испытаніе на льготу не превышало 5,8% всѣхъ учащихся, а въ остальныхъ—простиралось до 7,3%. Въ церковно-при-

ходскихъ школахъ петербургской губерніи преподавателей изъ среды мѣстнаго причта, въ 1888-89 г., было 30 (9 священниковъ, 9 дьяконовъ, 12 псаломщиковъ), а изъ числа постороннихъ лицъ—76 (41 учитель и 35 учительницъ). Въ 1889-90 г. первая цифра понизилась до 24 (священниковъ, въ томъ числѣ, было только *трое*), вторая повысилась до 92. Какія школы болѣе преуспѣвали — этого изъ петербургскихъ отчетовъ не видно. Предполагалось, наконецъ, что церковно-приходская школа будетъ стоить гораздо дешевле земской. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это предположеніе не было лишено основаній; въ тверской губерніи—по словамъ автора, на котораго мы уже ссылались, — церковно-приходская школа обходится, въ среднемъ, въ 120, земская школа—въ 400 рублей. Но, во-первыхъ, въ земскихъ школахъ гораздо больше учащихся и больше оканчивающихъ курсъ, чѣмъ въ церковно-приходскихъ; вслѣдствіе этого каждый учащійся въ земской школѣ обходится въ шесть рублей, каждый оканчивающій въ ней курсъ — въ 60 рублей, тогда какъ соотвѣтствующія цифры для церковно-приходской школы—3 руб. 20 коп. и 45 рублей. Итакъ, съ этой точки зрѣнія отношеніе стоимости церковно-приходской школы къ стоимости земской школы составляетъ уже не 3 : 10, а 4 : $7^1/_2$ или 3 : 4. Во-вторыхъ, стоимость земскихъ школъ колеблется гораздо меньше, чѣмъ стоимость школъ церковно-приходскихъ. Между послѣдними, по словамъ г. Пр—а, есть такія, которыя стоютъ всего нѣсколько десятковъ рублей (на отопленіе и учебныя пособія), а иногда и ничего не стоютъ; это—тѣ школы, гдѣ преподаютъ родственники одного изъ членовъ причта или очень дешевые помощники, безъ учительскихъ свидѣтельствъ — напримѣръ отставные солдаты (желательно было бы знать, чѣмъ же отличаются подобныя школы отъ школъ грамоты?). Съ другой стороны,—продолжаетъ г. Пр—ъ,—„есть типъ церковно-приходскихъ школъ, по стоимости своей не только не уступающихъ земскимъ, но иногда и превосходящихъ ихъ расходами на отдѣльнаго ученика. Приходится признать, что почти всѣ прочно поставленныя и считающіяся хорошими школы относятся къ разряду дорогихъ. Такъ, изъ двухъ школъ, заслужившихъ лестный отзывъ ревизора св. синода, одна обходится, при даровомъ помѣщеніи, въ 325 рублей (по 6 рублей на ученика), а другая, также при даровомъ помѣщеніи, въ 395 рублей (по 6 руб. 50 коп. на ученика). Школы, признанныя за лучшія въ уѣздахъ бѣжецкомъ и весьегонскомъ, почти всѣ также относятся къ наиболѣе дорогимъ. Тутъ мы находимъ, напримѣръ, школу съ 34 учениками, стоившую 389 рублей (по $11^1/_2$ руб. на ученика). Двѣ двухклассныя школы обошлись, при даровомъ помѣщеніи, одна въ 541, другая—въ 456 рублей, не считая принятой здѣсь рублевой платы за ученье“.

По справедливому замѣчанію г. Пр—а, большія сбереженія церковно-приходская школа можетъ дѣлать только на учителяхъ, и то лишь въ такомъ случаѣ, когда учитель не отдаетъ школѣ всего своего времени или смотритъ на нее какъ на переходную ступень къ другому, лучшему положенію; но много ли пользы можно ожидать отъ учителей этого рода?

Мы говорили, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, объ исчезновеніи изъ уголовнаго уложенія, при новомъ его изданіи (въ 1866 г.), статьи, опредѣлявшей наказаніе за погребеніе христіанина безъ соблюденія надлежащихъ христіанскихъ обрядовъ. Когда уголовный кассаціонный департаментъ прав. сената призналъ это постановленіе болѣе не существующимъ и ничѣмъ не замѣненнымъ, а вслѣдствіе того, и предусмотрѣнное имъ дѣяніе—не подлежащимъ уголовной отвѣтственности, въ нашей реакціонной печати поднялась цѣлая буря. Отсутствіе подлежащей статьи не должно было, по мнѣнію обвинителей, останавливать карающую руку сената; онъ долженъ былъ обратиться къ прежнему закону и провозгласить его, безъ дальнѣйшихъ околичностей, сохранившимъ свою силу. Возбуждался даже, въ печати, вопросъ объ опротестованіи или обжалованіи сенатскаго опредѣленія, тогда какъ ни то, ни другое вовсе не допускается закономъ. Весь этотъ шумъ былъ поднятъ по пустому. Министерство юстиціи вошло, въ законодательномъ порядкѣ, съ представленіемъ о дополненіи нашего уголовнаго кодекса статьею, составляющею повтореніе прежняго, исчезнувшаго закона—и это представленіе уважено Высочайше утвержденнымъ 13-го мая мнѣніемъ государственнаго совѣта. Признано, другими словами, что закона, преслѣдующаго погребеніе безъ христіанскихъ обрядовъ, въ дѣйствующемъ уложеніи нашемъ не оказалось и что онъ долженъ быть вновь установленъ актомъ законодательной власти. Образъ дѣйствій сената является, такимъ образомъ, безусловно правильнымъ.

Другимъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, также утвержденнымъ 13-го мая 1891 г., почетные мировые судьи—въ мѣстностяхъ, гдѣ введено въ дѣйствіе положеніе о земскихъ начальникахъ и уничтожены мировые съѣзды,—подчинены непосредственному надзору окружного суда. Почетные мировые судьи—эти послѣдніе могикане независимой выборной юстиціи—сохраняютъ, такимъ образомъ, нѣкоторую связь съ судебными учрежденіями, образованными на основаніи уставовъ 1864 г. Это увеличиваетъ, до извѣстной степени, шансы безпристрастнаго разбора судебныхъ дѣлъ на уѣздныхъ съѣздахъ. Предоставленіе надзора за почетными мировыми судьями уѣзд-

ному съѣзду или губернскому присутствію было бы, наоборотъ, почти равносильно совершенному упраздненію этой должности.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ исполнилось пятидесятилѣтіе службы В. А. Арцимовича и Н. И. Стояновскаго. Заслуги этихъ государственныхъ людей будутъ оцѣнены исторіей. В. А. Арцимовичъ былъ однимъ изъ первыхъ и лучшихъ губернаторовъ новаго, реформеннаго типа, заботившихся не о представительствѣ, не о престижѣ, не о внѣшнихъ обманчивыхъ признакахъ порядка и благополучія, а о дѣйствительномъ благосостояніи населенія. Убѣдясь, во время управленія калужскою губерніею, въ несовмѣстности этого благосостоянія съ крѣпостнымъ правомъ, онъ принялъ дѣятельное участіе въ приготовительныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, а потомъ и въ осуществленіи положеній 19-го февраля 1861 г. Едва ли найдется другая губернія, кромѣ калужской, гдѣ бы эта великая работа была совершена съ такимъ спокойствіемъ и такою правильностью, съ такимъ сердечнымъ и справедливымъ попеченіемъ о массѣ народа. Отсюда ожесточеніе, съ которымъ относились къ калужскому губернатору закоренѣлые крѣпостники, мѣстные и даже столичные. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что сенаторская ревизія, посланная, осенью 1861 г., въ калужскую губернію, была результатомъ предубѣжденія противъ В. А. Арцимовича—предубѣжденія, проникшаго въ нѣкоторыя петербургскія „сферы". Къ счастію ревизующій сенаторъ—генералъ А. Х. Капгеръ—оказался человѣкомъ толковымъ, прямымъ и честнымъ; вмѣсто того, чтобы повредить В. А. Арцимовичу, ревизія окончилась блестящимъ признаніемъ его заслугъ. Вскорѣ послѣ того В. А. былъ назначенъ сенаторомъ и членомъ учредительнаго комитета царства польскаго. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (только-что перешедшихъ тогда подъ редакцію В. Ѳ. Корша) напечатана была, по этому поводу, передовая статья, отдававшая полную справедливость губернаторской дѣятельности В. А. Арцимовича. Когда была введена въ дѣйствіе судебная реформа, В. А. былъ однимъ изъ первыхъ четырехъ сенаторовъ, назначенныхъ въ составъ вновь учрежденнаго уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Ему часто приходилось предсѣдательствовать въ немъ, и всѣмъ посѣщавшимъ тогда засѣданія сената памятно, безъ сомнѣнія, высокое его безпристрастіе, благодушное вниманіе его къ обвиняемымъ и защитѣ. Съ 1-го января 1880 г. передъ В. А. Арцимовичемъ открылось новое, еще болѣе широкое и важное поприще; онъ перешелъ въ первый департаментъ сената и, какъ старшій изъ сенаторовъ, принялъ на себя обязанности предсѣдателя (первоприсутствующаго сенатора въ первомъ департа-

ментѣ, какъ извѣстно, не полагается). Теперь еще не настало время говорить объ этомъ фазисѣ дѣятельности В. А., продолжающемся, къ счастію, до настоящей минуты; напомнимъ только, что первый департаментъ разсматриваетъ жалобы на министровъ, дѣла земскія, городскія, сословныя — и напомнимъ также ожесточенныя нападенія, предметомъ которыхъ онъ служилъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, со стороны „Московскихъ Вѣдомостей". Есть нападенія, стоющія дороже всякой похвалы — и именно съ такими нападеніями мы въ данномъ случаѣ и имѣемъ дѣло. Пожелаемъ, чтобы В. А. Арцимовичъ долго еще стоялъ на стражѣ чести и достоинства сената — и вмѣстѣ съ тѣмъ на стражѣ закона, хранителемъ котораго является сенатъ.

Другому юбиляру, Н. И. Стояновскому—товарищу В. А. Арцимовича по училищу правовѣденія—принадлежитъ крупная и почетная роль въ исторіи судебной реформы. Онъ былъ товарищемъ министра юстиціи съ конца 1862 до начала 1867 г., и принималъ, въ это время, дѣятельное участіе какъ въ составленіи судебныхъ уставовъ, такъ и въ введеніи ихъ въ дѣйствіе. Его вліянію на тогдашняго министра —Д. Н. Замятнина—долженъ быть приписанъ, въ значительной степени, удачный выборъ перваго состава новыхъ судебныхъ учрежденій. Въ качествѣ сенатора и первоприсутствующаго уголовнаго кассаціоннаго департамента, въ качествѣ члена и предсѣдателя департамента государственнаго совѣта, Н. И. Стояновскій часто имѣлъ случай дѣйствовать въ томъ же духѣ, которымъ проникнутъ наиболѣе выдающійся періодъ его государственной службы.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1891.

Консервативныя партіи въ западной Европѣ. — Внутреннія реформы въ Пруссіи. — Новое положеніе консерваторовъ. — Консервативныя реформы въ Англіи. — Англійская политическая жизнь. — Процессъ сэра Гордона-Кемминга. — Принцъ Уэльскій и общественное мнѣніе.

Политическіе принципы, которые еще недавно считались основами государственной мудрости, измѣнились до неузнаваемости въ западной Европѣ. Правительственный консерватизмъ нигдѣ уже не понимается въ смыслѣ охраны или возстановленія старыхъ привилегій, ограниченій и стѣсненій; серьезные политическіе дѣятели консервативнаго лагеря повсюду выступаютъ съ программами обширныхъ и смѣлыхъ реформъ, которымъ даже радикальные элементы оппозиціи не могутъ отказать въ сочувствіи и поддержкѣ. Самое консервативное и крѣпкое изъ европейскихъ правительствъ—прусское—рѣшительно вступило на путь либеральныхъ преобразованій и улучшеній, согласно народнымъ нуждамъ и потребностямъ; оно отвергло всякую солидарность съ реакціонерами стараго закала, съ приверженцами сословныхъ неравенствъ и традицій, и неуклонно преслѣдуетъ реальныя, жизненныя задачи, возлагаемыя на государство современнымъ положеніемъ народовъ.

Послѣдняя сессія прусскаго земскаго сейма, окончившаяся 20-го іюня (нов. ст.), была особенно плодотворна въ этомъ отношеніи: правительству удалось въ короткое время осуществить двѣ важныя законодательныя реформы, которыя при другихъ условіяхъ могли бы надолго остаться въ области отвлеченныхъ пожеланій или служили бы предметомъ безконечныхъ предварительныхъ занятій въ спеціальныхъ канцеляріяхъ и коммиссіяхъ. Министръ финансовъ Микель успѣшно провелъ законъ, установляющій болѣе справедливое распредѣленіе податного бремени между плательщиками; богатые классы обложены серьезнѣе прежняго, а повинности бѣдныхъ и трудящихся значительно облегчены, такъ что старая классная подать замѣтно приближается уже къ типу подоходнаго налога. Это преобразованіе, основанное на началахъ здравой финансовой политики, соотвѣтствовало интересамъ низшихъ слоевъ населенія и не могло пользоваться сочувствіемъ промышленной буржуазіи и аристократіи; такъ-называемые консерваторы всѣхъ оттѣнковъ возставали противъ невыгодныхъ и нежелательныхъ имъ мѣръ, ссылаясь на разные возвышенные мо-

тивы, но, въ концѣ концовъ, подчинились печальной необходимости и приняли законопроектъ съ нѣкоторыми второстепенными измѣненіями.

Такъ же точно вынуждены были поступить консервативныя группы и относительно закона о сельскомъ самоуправленіи, внесеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, Герфуртомъ. Новая организація сельскихъ обществъ, предложенная правительствомъ, уничтожаетъ старинныя привилегіи крупныхъ землевладѣльцевъ и вноситъ свободное выборное начало въ мѣстную хозяйственную жизнь крестьянства. Реформа касается восточныхъ областей Пруссіи, гдѣ сохранилось еще сельское устройство въ томъ видѣ, какъ оно было регулировано законами прошлаго столѣтія; въ другихъ провинціяхъ отразилось вліяніе французскаго кодекса, устранившаго послѣдніе остатки феодализма въ поземельныхъ отношеніяхъ. Еще знаменитый Штейнъ имѣлъ въ виду упорядочить сельскій бытъ въ духѣ самоуправленія; вопросъ объ этой необходимой реформѣ не разъ возбуждался и въ позднѣйшіе годы, но всегда безъ успѣха, вслѣдствіе энергическаго противодѣйствія представителей крупной поземельной собственности, занимавшихъ господствующее положеніе при дворѣ и въ высшей администраціи. Министръ Герфуртъ долженъ былъ выдержать сильную борьбу, чтобы отстоять свой проектъ противъ единодушнаго напора консервативной оппозиціи. Реакціонная печать неустанно нападала на министра, выставляя его близорукимъ чиновникомъ, вышедшимъ изъ мѣщанства и потому неспособнымъ понять интересы землевладѣнія; его обвиняли въ томъ, что онъ демократизируетъ сельское населеніе и этимъ подвергаетъ опасности самыя основы монархіи.

Обычныя громкія фразы реакціонныхъ публицистовъ противъ полезныхъ для народа реформъ и въ защиту старыхъ несправедливостей оказались совершенно безсильными въ данномъ случаѣ; ядовитыя выходки „Крестовой газеты“ вызывали насмѣшливую критику въ большей части журналистики и не производили замѣтнаго впечатлѣнія ни на правительство, ни на общество. Хотя нападки прикрывались, по обыкновенію, высокими патріотическими принципами, но всякій понималъ дѣйствительныя причины неудовольствія поземельной аристократіи и ея прислужниковъ. Положеніе принципіальныхъ противниковъ реформы значительно затруднялось тѣмъ, что въ правительственныхъ проектахъ выражается воля самого Вильгельма II и что неоднократныя публичныя заявленія послѣдняго не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ безусловной солидарности императора съ его министрами. Консерваторы стараго типа, стоящіе твердо на почвѣ монархической лойяльности, очутились такимъ образомъ въ щекотливой роли людей, несогласныхъ съ своимъ монархомъ и возражаю-

щихъ открыто противъ его политики. Полемика противъ Микеля и Герфурта, пользующихся особеннымъ довѣріемъ императора, направлена была косвенно противъ всей соціально-политической программы Вильгельма II, и это обстоятельство придавало какой-то оригинальный оттѣнокъ поведенію консерваторовъ. Аристократы-монархисты дѣлали видъ, что спорятъ противъ отдѣльныхъ буржуазныхъ министровъ, но на самомъ дѣлѣ они отлично знали, противъ кого и чего ведется споръ. Одни старались держаться въ сторонѣ, скрывая свои истинныя мнѣнія и чувства, чтобы не попасть въ ложное положеніе относительно двора; другіе, болѣе смѣлые и правдивые, высказывались прямо, рискуя навлечь на себя не только вражду оффиціальныхъ сферъ, но и осужденіе со стороны своихъ благонамѣренныхъ товарищей и единомышленниковъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій прусской палаты господъ (18-го іюня, н. ст.) выступилъ съ довольно откровенною рѣчью графъ Гогенталь, направившій свои удары спеціально противъ министра внутреннихъ дѣлъ. По мнѣнію оратора, было бы большою ошибкою утверждать, что прусское государство нуждается въ коренныхъ реформахъ; законодательная сессія чрезвычайно усложнилась вслѣдствіе предложеній министра Герфурта, принятіе которыхъ достигнуто лишь при помощи различныхъ способовъ нравственнаго давленія, въ родѣ ссылокъ на личныя желанія и авторитетъ короля. Замѣчаніе министра, что онъ готовъ связать свою судьбу съ участью внесеннаго имъ законопроекта, кажется графу Гогенталю неумѣстнымъ, такъ какъ оно предполагаетъ водвореніе парламентскаго режима; поэтому всякій убѣжденный монархистъ долженъ избѣгать такихъ заявленій, которыя могли бы привести къ отставкѣ министра. Ораторъ порицалъ также бездѣйствіе судебнаго вѣдомства относительно печати, позволяющей себѣ злоупотреблять именемъ монарха въ сочувственныхъ разсужденіяхъ по поводу дѣйствій и плановъ правительства. Ироническая рѣчь консервативнаго графа вызвала обстоятельный и отчасти насмѣшливый отвѣтъ министра-президента, генерала Каприви. Министръ-президентъ напомнилъ оппозиціи, что отдѣльные члены кабинета не принимаютъ важныхъ рѣшеній и не вырабатываютъ законодательныхъ проектовъ на собственный свой страхъ, безъ совмѣстнаго обсужденія, и что отставка министра внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ неудачи предположенной реформы, повлекла бы за собою удаленіе и другихъ правительственныхъ дѣятелей. Что касается злоупотребленій печатнымъ словомъ, то они практикуются и въ реакціонной и консервативной печати, съ которою графъ Гогенталь имѣетъ гораздо больше связей, чѣмъ правительство. Послѣ объясненій генерала Каприви баронъ Мантейфель счелъ долгомъ заявить отъ имени

своихъ „политическихъ друзей", что графъ Гогенталь выражалъ лишь свои личные взгляды, совершенно не раздѣляемые большинствомъ консервативной партіи, къ которой онъ принадлежитъ формально; въ томъ же смыслѣ высказался еще рѣзче графъ Шуленбургъ-Бецендорфъ. Консерваторы, отрекшіеся публично отъ своего собрата, поступили такъ, очевидно, по соображеніямъ парламентской тактики, а не по внутреннему убѣжденію въ несправедливости его замѣчаній; они такъ же точно не одобряютъ правительственныхъ мѣръ, но находятъ излишнимъ и неумѣстнымъ возставать противъ безповоротно рѣшенныхъ преобразованій, иниціатива которыхъ исходитъ въ сущности отъ самого Вильгельма II.

Полемическія выходки консервативныхъ публицистовъ сами по себѣ слишкомъ наивны, такъ какъ явное противорѣчіе ихъ съ всегдашними пріемами консерваторовъ бросается въ глаза каждому. Консерваторы и реакціонеры всегда были сильны своею предполагаемою близостью къ интересамъ высшей государственной власти; они всегда запугивали либераловъ авторитетомъ монарха, постоянно выдавали себя за исключительныхъ защитниковъ престола и династіи, успѣшно эксплуатировали въ свою пользу вѣрноподданническія чувства публики и народа, являлись вообще первыми и привилегированными обладателями монархическаго патріотизма, и эти же консерваторы упрекаютъ теперь противниковъ за частыя ссылки на волю государя, за злоупотребленіе его именемъ и обаяніемъ при обсужденіи спорныхъ законодательныхъ вопросовъ! Обвиненіе въ недостаткѣ политической благонадежности и въ скрытомъ противодѣйствіи предначертаніямъ монарха было любимымъ оружіемъ консерваторовъ въ былое время, когда они могли опираться на правительство и разсчитывать на его поддержку. Консерваторы и реакціонеры были вѣрными поборниками абсолютной монархіи, пока она соотвѣтствовала ихъ выгодамъ и интересамъ, пока король считалъ себя „первымъ дворяниномъ" своего государства и заботился преимущественно о благѣ высшихъ сословій; прусскіе юнкеры могли вполнѣ искренно повторять ироническія слова: „und der König absolut, wenn er unsern Willen thut" (и король не ограниченъ, когда онъ исполняетъ нашу волю). Теперь они оказываются въ непривычномъ для нихъ положеніи оппозиціонныхъ вольнодумцевъ, позволяющихъ себѣ осуждать мѣропріятія правительства и самого короля, ибо послѣдній пересталъ смотрѣть на дворянство какъ на исключительную опору престола и оплотъ государства, а обратилъ главное вниманіе на громадное большинство населенія, на многомилліонныя народныя массы, столь долго заслоняемыя отъ высшей власти привилегированными общественными слоями и терпѣвшія не мало бѣдъ отъ своекорыст-

ной сословной опеки. Чтó могутъ сказать консерваторы противъ такого широкаго пониманія государственныхъ задачъ? Они не въ состояніи серьезно утверждать, что существенную основу великаго и могущественнаго государства составляетъ сотня тысячъ дворянъ, ради которыхъ можно будто бы пренебречь цѣлымъ народомъ. Они не станутъ доказывать, что народъ, обреченный на жалкое и подчиненное прозябаніе, лучше обезпечитъ силу и будущность государства, чѣмъ нація, свободно развивающая свои матеріальныя и умственныя средства, пользующаяся благосостояніемъ и законною полноправностью, не чувствующая надъ собою ни разорительнаго гнета несправедливыхъ податей, ни властнаго произвола придирчивыхъ опекуновъ. Старые идеалы консерватизма подорваны въ корнѣ, и никто не надѣется на возрожденіе ихъ въ западной Европѣ. Лучшіе элементы дворянства и аристократіи отрекаются отъ безплодныхъ идей прошлаго, ищутъ новыхъ путей и находятъ ихъ въ руководствѣ соціально-народнымъ движеніемъ, направленнымъ противъ промышленной буржуазіи и капитализма. Консерваторы ясно видятъ, что возвратъ къ прошедшему невозможенъ, что нелѣпо уже мечтать о прежнемъ владычествѣ надъ народомъ во имя обузданія и стѣсненія народныхъ силъ, во имя превосходства происхожденія и богатства. Насталъ вѣкъ демократіи, и консерваторамъ, не желающимъ обречь себя на безсильную оппозицію, остается лишь превратиться въ сторонниковъ реформаторской политики, въ союзниковъ и руководителей трудящагося населенія, призваннаго играть значительную политическую роль при системѣ всеобщей подачи голосовъ. Положеніе консерваторовъ радикально измѣнилось: они вынуждены или отказаться отъ своихъ традиціонныхъ принциповъ и перейти въ лагерь противниковъ государственной власти, или примкнуть къ политическому направленію, имѣющему очень мало общаго съ консерватизмомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Лица, стоящія во главѣ управленія въ нынѣшней Пруссіи, не могутъ быть причислены къ либераламъ; генералъ Каприви, по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, по служебной карьерѣ, по личнымъ и общественнымъ связямъ, долженъ быть несомнѣнно признанъ консерваторомъ, точно также какъ и сотрудникъ его, бюрократъ Герфуртъ, вышедшій изъ школы Бисмарка и пріобрѣвшій при немъ репутацію простого добросовѣстнаго исполнителя. Трудно усомниться въ консерватизмѣ и прочихъ министровъ, какъ прежнихъ, въ родѣ Беттихера, такъ и новыхъ, выбранныхъ Вильгельмомъ II; единственный государственный человѣкъ, имѣющій отчасти либеральное прошлое, министръ финансовъ Микель, принадлежалъ къ наиболѣе консервативной изъ либеральныхъ группъ въ парламентѣ, къ національ-либераламъ, и давно уже

присоединился къ правительственной партіи, консервативной по существу. Между тѣмъ правительственные консерваторы, заботящіеся прежде всего объ охранѣ интересовъ государства и народа, дѣйствуютъ въ духѣ реформъ, осуществляютъ крупныя преобразованія и улучшенія, идутъ на встрѣчу народнымъ потребностямъ и ожиданіямъ, при дѣятельномъ содѣйствіи передовыхъ умственныхъ силъ общества. Они остались охранителями, но охрана ихъ распространяется не на злоупотребленія и привилегіи, унаслѣдованныя отъ прошлаго, а на дѣйствительныя основы государственной жизни, на благосостояніе и развитіе народа, на обезпеченіе матеріальнаго и культурнаго роста всего населенія. Самое слово „консерваторъ" получаетъ при этомъ новый смыслъ, относительно котораго общественное мнѣніе еще не отдаетъ себѣ яснаго отчета. На ряду съ творческимъ, реформаторскимъ консерватизмомъ существуетъ консерватизмъ пассивный и безсильный, заключающійся лишь въ старческомъ восхваленіи пережитой старины и въ безсодержательныхъ протестахъ противъ неизбѣжнаго хода жизни. Но можно ли говорить о направленіи, когда рѣчь идетъ о чемъ-то бездѣйствующемъ, пассивномъ и безплодномъ? Практическая политика имѣетъ дѣло только съ элементами активными, которые одни лишь способны вліять на судьбу государствъ и народовъ. Поэтому-то разумные охранители повсюду стали реформаторами, не только охраняющими, но и улучшающими и вновь насаждающими то, что̀ дѣйствительно достойно охраны, что̀ дѣлаетъ націю сильною и здоровою и что̀ упрочиваетъ ея будущность во всѣхъ отношеніяхъ.

Такое же перерожденіе консерватизма совершается, еще въ болѣе наглядной формѣ, въ Англіи. Консервативное министерство Сольсбери послѣдовательно приводитъ въ исполненіе проекты, входившіе прежде въ программу либераловъ и прогрессистовъ. Законъ о содѣйствіи ирландскимъ фермерамъ въ пріобрѣтеніи поземельныхъ участковъ въ собственность принятъ уже парламентомъ послѣ продолжительныхъ преній; эта реформа, предпринятая министромъ по дѣламъ Ирландіи Бальфуромъ, осуществляетъ значительную часть плана, выработаннаго Гладстономъ, но безъ тѣхъ грандіозныхъ денежныхъ затратъ, которыя имѣлъ въ виду бывшій премьеръ. Между прочимъ, новый законъ предоставляетъ арендаторамъ, принудительно удаленнымъ изъ своихъ фермъ за неплатежъ ренты, продать свое арендное право другимъ лицамъ, въ теченіе пятилѣтняго срока. Вражда между ирландскими депутатами и правительствомъ затихла; Бальфуръ не служитъ уже предметомъ рѣзкихъ нападеній, и надежды ирландцевъ не связываются уже исключительно съ именемъ Гладстона. Общее состояніе Ирландіи признается настолько удовлетворительнымъ, что въ большей

части ея возстановлено дѣйствіе обыкновенныхъ законовъ и исключительныя мѣры охраны отмѣнены. Важныя реформы осуществляются и въ другихъ отрасляхъ управленія и законодательства; такъ, министерство усвоило и отчасти провело на практикѣ принципъ дарового народнаго обученія. Консервативная партія, имѣющая въ своихъ рукахъ правительственную власть, дѣйствуетъ въ направленіи вполнѣ либеральномъ и прогрессивномъ, и было бы довольно трудно найти принципіальную разницу между стремленіями и программами двухъ противоположныхъ лагерей, соперничество которыхъ занимаетъ такъ много мѣста въ политической жизни Англіи. Консерваторы до того проникаются либерализмомъ, что не оставляютъ почти ничего либераламъ, и послѣдніе серьезно обвиняютъ ихъ въ коварныхъ заимствованіяхъ, подрывающихъ практическое значеніе оппозиціи. Конечно, остается разница въ степени смѣлости и обширности преобразованій; но по существу консервативное министерство дѣлаетъ то же, что̀ дѣлало бы и либеральное.

Такихъ консерваторовъ, которые стояли бы на почвѣ неподвижнаго status quo или мечтали бы о возстановленіи старины, совсѣмъ не существуетъ между англичанами; нѣтъ также и такихъ, которые защищали бы мысль объ обузданіи населенія при помощи крѣпкой власти. Реакціонеры совершенно неизвѣстны современному англійскому обществу; это типъ исчезнувшій, о которомъ англійская печать можетъ судить только по наслышкѣ, на основаніи свѣденій и корреспонденцій изъ чужихъ странъ. Элементарныя условія свободнаго общественнаго развитія одинаково ясны для англичанъ всѣхъ партій и направленій; въ этой области нѣтъ спорныхъ или сомнительныхъ пунктовъ. Англійскій консерваторъ, каковы бы ни были его убѣжденія, знаетъ твердо и окончательно, что общественные, публичные интересы должны быть обсуждаемы публично, что всякій англичанинъ имѣетъ право высказывать о нихъ свои взгляды, что полная гласность, общественный контроль и свобода мнѣній не могутъ быть ограничены, что министры, въ качествѣ отвѣтственныхъ руководителей государственныхъ дѣлъ, подлежатъ критикѣ общественнаго мнѣнія и не могутъ претендовать на какія-либо особыя привилегіи сравнительно съ дѣятелями оппозиціи. Эти основы англійскаго политическаго быта непоколебимо держатся въ умахъ и привычкахъ консервативнѣйшихъ англичанъ; объ этихъ вещахъ никто не разсуждаетъ, ихъ не доказываютъ и не критикуютъ. Такъ какъ въ другихъ государствахъ эти политическія понятія вызываютъ еще сомнѣнія и споры, то нѣкоторые факты англійской жизни даютъ поводъ къ толкованіямъ и догадкамъ, не имѣющимъ въ сущности никакой реальной почвы.

Подобныя ошибочныя толкованія вызваны были, напримѣръ, не-

давнимъ судебнымъ процессомъ, въ которомъ пришлось играть не совсѣмъ пріятную роль наслѣднику англійскаго престола, принцу Уэльскому. Дѣло сэра Гордона-Кемминга любопытно во многихъ отношеніяхъ, и съ психологической, и съ общественной стороны; особенно интересно оно тѣмъ, что наслѣдникъ престола былъ вызванъ въ судъ въ качествѣ свидѣтеля и долженъ былъ давать свои показанія по общимъ правиламъ, отвѣчать на вопросы адвокатовъ и присяжныхъ засѣдателей, притомъ по предмету довольно щекотливому—о подробностяхъ карточной игры, въ которой одинъ изъ участниковъ будто бы мошенничалъ. Многихъ поразилъ самый тотъ фактъ, что въ кружкѣ друзей принца Уэльскаго могла быть рѣчь объ уличеніи кого-либо въ фальшивой игрѣ и что такое обвиненіе доведено было до судебнаго разбирательства; другихъ огорчило то, что принцъ Уэльскій находитъ удовольствіе въ азартной карточной игрѣ, что онъ окружаетъ себя такими же любителями картъ и что даже въ путешествіяхъ, отправляясь куда-нибудь въ гости, онъ везетъ съ собою свои жетоны для игры въ баккарà, какъ это было въ данномъ случаѣ. Сверхъ того, принцъ Уэльскій допустилъ нарушеніе военныхъ законовъ, въ силу которыхъ надлежало сообщить о случившемся непосредственному начальству полковника Гордонъ-Кемминга; между тѣмъ принцъ, забывъ о своемъ званіи англійскаго фельдмаршала, не только не исполнилъ этой обязанности, но способствовалъ скрытію всей исторіи, по совѣтамъ другихъ участниковъ, генерала Оуэнъ-Вилльямса и лорда Ковентри. Чтобы замять дѣло въ самомъ началѣ, рѣшено было побудить Гордонъ-Кемминга подписать заявленіе, равносильное признанію имъ своей вины и заключающее въ себѣ обязательство не играть никогда въ карты до конца жизни. Этимъ думали спасти обвиняемаго отъ публичнаго скандала и въ то же время удовлетворить обвинителей, подъ условіемъ сохраненія полной тайны. На судѣ выражено было косвенное порицаніе принцу за его образъ дѣйствій; не пощадилъ принца и правительственный адвокатъ, генеральный солиситоръ, сэръ Кларкъ, защитникъ Кемминга; строго отнеслась къ принцу и печать, особенно консервативная. Нѣкоторыя англійскія газеты заговорили о принцѣ Уэльскомъ въ такомъ рѣзкомъ тонѣ, что континентальные публицисты, не привыкшіе къ подобной свободѣ сужденій, усмотрѣли въ этомъ нѣчто революціонное и пришли къ тревожнымъ выводамъ о будущности англійской королевской династіи. Но англичане никогда не стѣснялись высказываться открыто о дѣйствіяхъ высокопоставленныхъ лицъ, признавая при этомъ все значеніе существующихъ учрежденій и традицій. Принцъ Уэльскій фигурировалъ въ судебномъ процессѣ; его дѣйствія были разбираемы на судѣ и должны были неизбѣжно подпасть публичной критикѣ, болѣе

или менѣе суровой, смотря по обстоятельствамъ, а обстоятельства были, къ сожалѣнію, неблагопріятны для принца. Наслѣдникъ англійскаго престола сознавалъ неловкость положенія, въ какое поставилъ его процессъ Кемминга; онъ не могъ не предвидѣть, что̀ скажутъ газеты и какъ отнесется къ дѣлу всесильное общественное мнѣніе; онъ зналъ, что нельзя избѣгнуть суда печати и публики, попавъ въ судебную исторію, и ему оставалось лишь терпѣливо перенести неудобныя послѣдствія сдѣланной ошибки. Что критическое отношеніе къ принцу Уэльскому не имѣло въ себѣ ни малѣйшей оппозиціонной подкладки, а вытекало просто изъ чувства законности, равной для всѣхъ, и изъ фактической обстановки дѣла—это видно уже изъ того, что особенную строгость къ принцу обнаружилъ на судѣ самъ „лордъ-главный судья Англіи", лордъ Кольриджъ, стоящій выше всякихъ партійныхъ подозрѣній, консервативный уже по своему званію и положенію.

Почти во все время процесса, продолжавшагося семь дней, принцъ Уэльскій присутствовалъ на судѣ, занимая мѣсто около лорда Кольриджа, и съ спокойнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ допросовъ и судебныхъ преній. Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что принцъ, гостившій съ своими друзьями въ замкѣ разбогатѣвшаго кораблестроителя и купца Вильсона, выразилъ желаніе играть въ баккара̀, справлялся у хозяйки дома, есть ли у нихъ столъ, приспособленный для этой игры, и затѣмъ, когда устроилась игра, самъ держалъ банкъ, а состоявшій при немъ генералъ Оуэнъ-Вилльямсъ исполнялъ обязанности крупье. Въ числѣ друзей принца, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, былъ полковникъ сэръ Гордонъ-Кеммингъ, блестящій и богатый баронетъ, владѣлецъ обширныхъ помѣстій въ Шотландіи, очень извѣстный и популярный въ высшемъ свѣтѣ, пріятель принца Уэльскаго въ теченіе около двадцати лѣтъ, имѣющій за собою и значительныя военныя заслуги, участникъ зулусской и египетской кампаній. Онъ находился въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ и съ другими членами кружка, съ генераломъ Вилльямсомъ, лордами Ковентри и Сомерсетомъ. Въ первый же вечеръ игры молодой Вильсонъ, сынъ хозяйки дома, замѣтилъ, что этотъ блестящій полковникъ скрытно увеличиваетъ свои ставки послѣ того какъ удостовѣрится въ выигрышѣ; озадаченный молодой человѣкъ сообщилъ объ этомъ открытіи своимъ роднымъ, которые сначала не повѣрили, а потомъ стали наблюдать и дѣйствительно будто бы убѣдились въ нечестности сэра Гордона. Тутъ начинается цѣлый рядъ странностей, которыя остались неразъясненными и послѣ судебнаго разбирательства. Хозяева дома, въ которомъ гостилъ, по ихъ приглашенію, полковникъ Гордонъ-Кеммингъ, устроиваютъ злобную травлю противъ

своего гостя, вопреки элементарнѣйшимъ правиламъ приличія, и дѣлаютъ этимъ очевидную грубую непріятность принцу Уэльскому, къ свитѣ котораго принадлежалъ названный полковникъ. Вмѣсто того, чтобы просто прекратить игру или уклониться отъ участія въ ней, Вильсоны рѣшились почему-то устроить скандалъ въ своемъ собственномъ домѣ и уличить заподозрѣннаго свѣтскаго гостя во что бы то ни стало. Обвиненіе, исходившее отъ молодого Вильсона, поддерживалось его матерью, хозяйкою дома, ея дочерью и зятемъ и подкрѣплялось только однимъ постороннимъ лицомъ, офицеромъ Беркелей-Леветтомъ, привлеченнымъ къ дѣлу противъ воли. Обвинители, изъ которыхъ наиболѣе горячился зять хозяйки, мистеръ Гринъ, разсказали обо всемъ генералу Вилльямсу и лорду Ковентри, сообщивъ имъ и о рѣшеніи своемъ разоблачить плутовство Гордона-Кемминга. Оба друга обвиняемаго, узнавъ о грозившей ему опасности, не только не пытались успокоить свидѣтелей и отговорить ихъ отъ непріятнаго шага, крайне тягостнаго для принца Уэльскаго, но, напротивъ, сразу повѣрили неправдоподобному обвиненію и поспѣшили сами доложить принцу о происшедшемъ, чтобы вмѣстѣ придумать способъ спасти сэра Гордона отъ публичнаго скандала. Не сдѣлавъ никакой попытки устранить обвиненіе и не поговоривъ предварительно съ Гордонъ-Кеммингомъ, друзья прямо предложили ему подписать оскорбительную для него бумагу и дали ему при этомъ понять, что вѣрятъ показаніямъ очевидцевъ объ его мошенничествѣ. Повѣрилъ и принцъ Уэльскій, который въ отвѣтъ на оправдательныя объясненія своего бывшаго друга сослался на удостовѣреніе пяти свидѣтелей, въ правдивости которыхъ нѣтъ возможности сомнѣваться. Блестящій полковникъ не воспылалъ негодованіемъ противъ обвинителей, не потребовалъ немедленнаго личнаго разговора съ ними, даже не поинтересовался узнать ихъ имена, а тотчасъ приступилъ къ обсужденію вопроса, подписать ли позорный документъ, или же предпочесть формальное разслѣдованіе при участіи военнаго начальства. Генералъ Вилльямсъ и лордъ Ковентри настоятельно совѣтовали ему подписать, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, нѣтъ шансовъ оправдаться при разборѣ дѣла, въ виду единогласныхъ показаній пяти свидѣтелей, которымъ онъ ничего противопоставить не можетъ; сэръ Кеммингъ подумалъ и подписалъ, хотя на словахъ не признавалъ себя виновнымъ. При помощи такого компромисса достигнуто было оставленіе уличеннаго полковника въ рядахъ арміи, въ противность военнымъ законамъ и традиціямъ; обвиняемый могъ продолжать свою свѣтскую и служебную дѣятельность, подъ покровомъ обѣщаннаго молчанія о происшедшемъ въ домѣ Вильсоновъ и о подписанномъ постыдномъ документѣ.

Какъ могли люди этого круга и воспитанія столь легко допустить возможность мелкаго плутовства въ своей средѣ, почему они столь просто и довѣрчиво отнеслись къ позорящему обвиненію, взведенному на одного изъ ихъ близкихъ друзей, и отчего самъ Гордонъ-Кеммингъ, герой удачныхъ битвъ съ зулусами и съ Араби-пашой, человѣкъ, всегда вращавшійся въ утонченной атмосферѣ высшаго общества, проявилъ такую пошлую трусость и отсутствіе обыкновенныхъ понятій о чести, — все это кажется страннымъ и загадочнымъ для публики, привыкшей имѣть совсѣмъ другія представленія о нравственныхъ качествахъ и обычаяхъ аристократіи. Если друзья дѣйствительно не сомнѣвались въ виновности Кемминга, то какъ могли они считать его достойнымъ носить по прежнему военный мундиръ и блистать въ высшемъ свѣтѣ? Или фальшивая карточная игра не признается серьезнымъ проступкомъ въ этомъ великосвѣтскомъ мірѣ? Сэръ Гордонъ-Кеммингъ сохранилъ, повидимому, дружбу генерала Оуэнъ-Вилльямса, переписывался съ нимъ по-пріятельски и не чувствовалъ для себя большого урона въ печальномъ событіи, пока послѣднее держалось въ секретѣ. Послѣ подписанія документа, которымъ надѣялись потушить дѣло, сэръ Гордонъ-Кеммингъ остался обѣдать у Вильсоновъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и хотѣлъ еще провести у нихъ одинъ день, чтобы не возбуждать какихъ-либо подозрѣній и толковъ со стороны лицъ, не посвященныхъ въ непріятную исторію; но уже генералъ Вилльямсъ указалъ ему на неловкость дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ обвинителей и посовѣтовалъ ему уѣхать поскорѣе, на слѣдующее же утро. Сэръ Гордонъ-Кеммингъ какъ-то не понималъ своего позора; онъ былъ спокоенъ, пока въ обществѣ не знали о существованіи документа, отданнаго на храненіе принцу Уэльскому и скрѣпленнаго подписями свидѣтелей и участниковъ сдѣлки, въ томъ числѣ и принца. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ замѣтилъ, что дурные слухи проникли въ кругъ его знакомыхъ, что положеніе его въ арміи и въ аристократическихъ клубахъ становится шаткимъ и натянутымъ; тогда онъ вспомнилъ о своей чести, какъ о предметѣ чисто внѣшнемъ, необходимомъ для удобствъ жизни, и почти одновременно обратился къ своему начальнику, генералу Страсэй, и къ судебной власти, для преслѣдованія первоначальныхъ обвинителей за клевету. Одно уже то, что сэръ Кеммингъ письменно самъ подтвердилъ свою вину и затѣмъ молчалъ и бездѣйствовалъ такъ долго, вызывало противъ него невольное предубѣжденіе, котораго не удалось разсѣять и талантливому его адвокату, генеральному солиситору, сэру Кларку. Объясненія и отвѣты самого Кемминга на судѣ никого не удовлетворили, такъ какъ онъ ссылался на запамятованіе существенныхъ обстоятельствъ и подроб-

ностей дѣла, которыя едва ли могли быть имъ забыты; а все зависѣло именно отъ этихъ подробностей, возстановленныхъ ярко и отчетливо въ показаніяхъ свидѣтелей. Адвокатъ обвинителя старался доказать, что сэръ Гордонъ-Кеммингъ согласился на подписаніе документа только для предупрежденія скандальной исторіи, непріятной для принца Уэльскаго и для всего его кружка, и что въ этомъ случаѣ онъ подчинился лишь настойчивымъ совѣтамъ своихъ старыхъ друзей, генерала Виллльямса и лорда Ковентри. Если таковъ былъ мотивъ поступка Кемминга, то, по мнѣнію адвоката, нравственное оправданіе его является неизбѣжнымъ, и „не можетъ быть рѣчи объ исключеніи его изъ списковъ арміи, пока остаются въ этихъ спискахъ имена фельдмаршала принца Уэльскаго и генерала Оуэна-Виллльямса". Всѣми признано было, что принцъ Уэльскій и генералъ Виллльямсъ совершили ошибку, не примѣнивъ постановленія закона къ данному случаю; рѣзкое замѣчаніе въ устахъ генеральнаго солиситора было для многихъ чѣмъ-то неожиданнымъ. Для каждаго было ясно, что ошибка принца Уэльскаго и его друзей была вызвана естественнымъ желаніемъ спасти обвиняемаго отъ публичнаго позора.

Лордъ-главный судья Кольриджъ, въ своей пространной заключительной рѣчи, выразился между прочимъ, что относительно принца Уэльскаго онъ „будетъ старательно избѣгать всякаго лишняго слова, которое онъ усомнился бы сказать о какомъ-либо другомъ подданномъ королевы". „Принцъ—какъ говорилъ далѣе лордъ Кольриджъ—былъ здѣсь только свидѣтелемъ, давшимъ присягу въ томъ, что будетъ говорить правду, подобно всякому другому свидѣтелю. Вы слышали его показаніе, точно также какъ и мнѣнія лорда Ковентри и генерала Оуэна-Виллльямса; они могли ошибиться, и ихъ заявленія подлежатъ вашей свободной оцѣнкѣ. Это джентльмены обыкновеннаго ума, средняго пониманія и чувства, и притомъ они были друзьями сэра Гордона-Кемминга. Что касается военныхъ соображеній, то насъ они совершенно не касаются. Здѣсь сказано было, что принцъ Уэльскій и генералъ Виллльямсъ нарушили военныя правила, въ интересахъ своего стараго друга; если это вѣрно, то ихъ будетъ судить военный судъ, и намъ до этого нѣтъ дѣла". Лордъ Кольриджъ объяснилъ присяжнымъ, что сэръ Кеммингъ не могъ руководствоваться желаніемъ пожертвовать своею честью ради интересовъ принца Уэльскаго, такъ какъ самый фактъ игры въ баккара не заключаетъ въ себѣ ничего постыднаго. Самъ Гордонъ-Кеммингъ разсказалъ на судѣ, что онъ не думалъ вовсе о неудобствѣ или опасности случившагося для принца Уэльскаго, котораго лично и не касалась вся эта исторія; онъ озабоченъ былъ не боязнью за принца, а исключительно лишь страхомъ за свое собственное положеніе. Теорія сэра Кларка была

заранѣе опровергнута его кліентомъ, и лорду Кольриджу легко было показать ея несостоятельность. „Въ мои обязанности не входитъ—говорилъ лордъ-главный судья—выраженіе какого-либо мнѣнія о послѣдствіяхъ этого дѣла для репутаціи принца въ обществѣ. Я не знаю и не желаю знать, какъ живетъ принцъ Уэльскій; все, что мнѣ извѣстно о немъ, основано на весьма поверхностномъ знакомствѣ, и я знаю его какъ вѣжливаго джентльмена. Больше я не имѣю свѣдѣній о немъ и о его жизни. Но я хорошо знаю, что Англія есть не только свободная страна, но и страна критикующая, и что жизнь принца Уэльскаго, какъ и жизнь почти всѣхъ лицъ высокаго ранга, служитъ предметомъ публичнаго обсужденія. Принцъ Уэльскій не можетъ быть частнымъ человѣкомъ, еслибы даже онъ желалъ этого; его жизнь открыта передъ страною, и если онъ послѣ цѣлаго дня оффиціальныхъ пріемовъ и рѣчей проводитъ вечеръ для своего удовольствія, то онъ имѣетъ на это, конечно, полное право. И если былъ бы твердо установленъ фактъ, что онъ игралъ въ баккарà въ небольшомъ частномъ кружкѣ джентльменовъ и дамъ, то такое разоблаченіе не могло бы нисколько повредить принцу Уэльскому“. Поэтому нельзя допустить мысль, что забота объ этомъ обстоятельствѣ побудила сэра Гордона-Кемминга сдѣлать шагъ, равносильный признанію своей вины; ни одинъ человѣкъ, чувствующій себя невиннымъ, не подписалъ бы такого документа, хотя бы его обвиняли не пять, а сотни обвинителей. Въ сущности, доводы лорда Кольриджа имѣли характеръ обвинительный по отношенію къ жалобщику, хотя и сопровождались обычными оговорками, выгораживающими безпристрастіе судьи. Присяжные совѣщались не болѣе десяти минутъ и вынесли оправдательный приговоръ пяти лицамъ, привлеченнымъ къ суду по обвиненію въ клеветѣ; они признали этимъ приговоромъ, что свидѣтели, уличавшіе сэра Гордона-Кемминга въ мошенничествѣ, были правы и что, слѣдовательно, сэръ Гордонъ-Кеммингъ дѣйствительно виновенъ въ приписываемыхъ ему продѣлкахъ.

Дѣло Кемминга далеко не закончилось произнесеніемъ судебнаго приговора. Оно имѣло разнообразные и странные отголоски въ обществѣ и печати; осужденный герой процесса сдѣлался почему-то предметомъ общественнаго сочувствія, праздновалъ на другой же день свое бракосочетаніе съ американскою красавицею, обладательницею милліоннаго состоянія, и по пріѣздѣ въ родныя мѣста удостоился отъ населенія такихъ восторженныхъ овацій, какія никогда не выпадали на его долю по поводу его военныхъ заслугъ и успѣховъ. Газеты сообщали подробныя свѣдѣнія о торжественной встрѣчѣ, устроенной ему и молодой его женѣ городкомъ Форресъ, о тріумфальныхъ аркахъ, рѣчахъ и букетахъ, о томъ, какъ толпа выпрягла лошадей изъ его

коляски и повезла ее на рукахъ, и т. п. Въ то же время изъ разныхъ мѣстъ страны получались извѣстія о проповѣдяхъ духовныхъ лицъ на тему о вредѣ азартной карточной игры и о неумѣстномъ увлеченіи ею такихъ людей, какъ принцъ Уэльскій, призванный современемъ стоять во главѣ государства. Общество методистовъ въ Нортамптонѣ приняло резолюцію, выражающую сожалѣніе, что столь высокопоставленное лицо, какъ наслѣдникъ престола, поощряетъ азартную игру и что онъ не старается идти по стопамъ своего отца и слѣдовать примѣру своей матери; копія этой резолюціи послана принцу. Даже въ Канадѣ раздавались протесты противъ увлеченій и слабостей принца, обнаруженныхъ процессомъ Кемминга; одинъ изъ вліятельнѣйшихъ и популярнѣйшихъ проповѣдниковъ-методистовъ, пасторъ Дугласъ въ Монтреалѣ, произнесъ рѣчь, изъ которой газеты приводятъ слѣдующее мѣсто: „Нынѣшній годъ опять принесъ печаль и скорбь нашей милостивѣйшей королевѣ, ибо на тронъ ея пала черная тѣнь страшнаго призрака. Между нами появился новый Георгъ IV въ лицѣ наслѣдника престола этой обширной имперіи. Онъ уличенъ въ постыдныхъ дѣйствіяхъ, и намъ представляется тяжелое зрѣлище наслѣднаго принца, публично признающаго свое участіе въ соглашеніяхъ, имѣющихъ предметомъ азартную игру“. Даже спокойный и консервативный „Times“ высказывается, въ сущности, въ томъ же смыслѣ, хотя болѣе сдержанно и прилично. „Мы выразимъ лишь общее мнѣніе милліоновъ англичанъ, — говоритъ руководящая англійская газета,—если скажемъ, что нужно глубоко сожалѣть о какомъ бы то ни было участіи принца въ этой исторіи и въ породившихъ ее обстоятельствахъ. Принцъ Уэльскій служитъ, послѣ королевы, наиболѣе виднымъ воплощеніемъ монархическаго начала, и личныя слабости его наносятъ этому принципу ударъ, который въ наши демократическіе дни можетъ оказаться неудобнымъ и даже опаснымъ. Если извѣстно, что принцъ посѣщаетъ опредѣленные кружки и избѣгаетъ другихъ, имѣющихъ больше правъ на вниманіе королевской власти, что онъ въ своихъ частныхъ визитахъ преслѣдуетъ сомнительныя удовольствія, въ которыя иные люди, быть можетъ, еще молодые, завлекаются часто противъ воли, изъ простого угожденія, то серьезная публика, составляющая, въ концѣ концовъ, основное ядро англійской націи, огорчается и сожалѣетъ. Сэръ Вилльямъ Гордонъ-Кеммингъ былъ вынужденъ подписать заявленіе, что онъ никогда больше не возьметъ картъ въ свои руки. Намъ было бы очень желательно имѣть возможность сообщить читателямъ, что результатомъ этого злополучнаго дѣла было подписаніе подобнаго же заявленія принцемъ Уэльскимъ“.

Наконецъ, заключительный эпизодъ дѣла разыгрался въ парламентѣ. Въ засѣданіи палаты общинъ, 15-го іюня (нов. ст.), сдѣланъ былъ военному министру, Стэнгопу, запросъ, приняты ли какія-либо мѣры относительно упоминаемыхъ въ процессѣ Гордона-Кемминга офицеровъ, состоящихъ въ дѣйствительной службѣ и нарушившихъ нѣкоторыя постановленія военныхъ законовъ. Министръ отвѣчалъ, что главнымъ и непосредственнымъ нарушителемъ былъ сэръ Гордонъ-Кеммингъ, который не донесъ своему начальству о взведенномъ противъ него обвиненіи. „Изъ трехъ замѣшанныхъ въ дѣло офицеровъ одинъ, генералъ Оуэнъ-Вилльямсъ, уже вышелъ изъ состава арміи и не подлежитъ теперь дѣйствію военныхъ правилъ. Что касается принца Уэльскаго, то указанныя правила никогда не были спеціально доведены до его свѣденія; но теперь, когда обращено его вниманіе на этотъ предметъ, принцъ уполномочиваетъ министра заявить, что онъ признаетъ за собою ошибку сужденія въ дѣлѣ Гордона-Кемминга". Такимъ образомъ, наслѣдникъ англійскаго престола, черезъ посредство военнаго министра, публично и откровенно извинился за свою оплошность передъ парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ Англіи. Послѣ такого прямодушнаго извиненія прекратилась сама собою дальнѣйшая полемика, и вопросъ о принцѣ Уэльскомъ могъ считаться исчерпаннымъ.

Общественное чувство вполнѣ удовлетворилось: судъ выяснилъ нѣкоторыя погрѣшности и увлеченія наслѣднаго принца и его кружка, адвокаты и главный судья высказались объ этомъ съ обычною свободою, печать и публика выражали откровенно свои мнѣнія, самъ принцъ отчасти призналъ свою вину, и шумное дѣло сошло со сцены. Во всей этой исторіи наглядно и убѣдительно отразились коренныя основы англійской политической жизни—принципы гласности, публичности и контроля въ дѣлахъ, представляющихъ общественный интересъ, и неограниченная свобода критики относительно государственныхъ дѣятелей и оффиціальныхъ лицъ, призванныхъ играть политическую роль въ странѣ. Общее значеніе этихъ началъ не измѣняется отъ того, что они случайно были примѣнены къ принцу Уэльскому, авторитетъ короны и династіи остается теперь столь же неприкосновеннымъ, какъ и до процесса Кемминга, ибо, съ точки зрѣнія англичанъ, тайные слухи и толки, распространяющіеся во тьмѣ и не допускающіе опроверженія, дѣйствуютъ гораздо хуже и опаснѣе, чѣмъ открытая публичная критика, вызывающая своевременныя поправки и отвѣты. Что касается непонятныхъ овацій въ честь осужденнаго героя карточной игры, то онѣ имѣли отчасти характеръ протеста противъ грубаго и несправедливаго образа дѣй-

ствій обвинителей, рѣшившихся почему-то погубить блестящую военную карьеру одного изъ друзей принца Уэльскаго. Семья Вильсоновъ, съ ихъ сомнительнымъ прошлымъ, не вызывала симпатій, а поведеніе ея въ дѣлѣ сэра Гордона-Кемминга, нарушавшее общепринятыя правила гостепріимства, невольно вызывало мысль о какомъ-то заранѣе составленномъ планѣ, осуществленію котораго помогла через-чуръ поспѣшная довѣрчивость двухъ ближайшихъ пріятелей обвиняемаго. Эта сторона процесса не имѣетъ, конечно, политическаго значенія, какъ не имѣли его и тѣ демонстраціи, о которыхъ упомянуто выше.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1891.

— *Н. Бубновъ.* Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ (983-997). Критическая монографія по рукописямъ. Спб., 1888-1889-1890.

„Предметъ изслѣдованія г. Бубнова,—говоритъ самъ авторъ,—на столько спеціаленъ, что было бы слишкомъ смѣло предполагать даже хотя бы и поверхностное знакомство съ нимъ большинства читателей“ (II, 896). Поэтому, задумавъ поговорить о книгѣ г. Бубнова для большинства читателей, я не могъ имѣть въ виду представить имъ такой разборъ этого труда, какой былъ бы умѣстенъ лишь въ спеціальномъ журналѣ. Скажу только, что предметъ названнаго изслѣдованія есть дѣйствительно „сборникъ“ двухсотъ съ небольшимъ писемъ Герберта (позднѣе папы Сильвестра II), относящихся къ полутора десяткамъ лѣтъ изъ конца X вѣка (983-997), и г. Бубновъ работалъ надъ этими письмами („по рукописямъ“) около десяти лѣтъ (1882-1890), въ результатѣ чего получилась монографія почти въ полторы тысячи страницъ, причемъ собиратель преодолѣлъ массу различныхъ трудностей. „Спеціальная“ критика, можетъ быть, воздастъ должное кропотливому труду,—и съ этой стороны собиратель писемъ Герберта, ихъ издатель будетъ, вѣроятно, совершенно удовлетворенъ. Но въ книгѣ г. Бубнова есть и другая сторона, которая подлежитъ, какъ намъ кажется, обсужденію внѣ тѣснаго кружка немногихъ спеціалистовъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ рѣшеніемъ даже и самыхъ детальныхъ вопросовъ французской и отчасти нѣмецкой исторіи конца X столѣтія.

Авторъ самъ сообщаетъ намъ, что первоначально онъ думалъ написать біографію Герберта въ связи съ исторіей его времени, „но чѣмъ болѣе погружался онъ въ литературу предмета, тѣмъ менѣе симпатичной (!) казалась ему его задача“: онъ „не могъ противостоять необыкновенной привлекательности вопроса“ о хронологическомъ раз-

мѣщеніи писемъ Герберта, и у него составилось „убѣжденіе, что, только перемѣнивъ направленіе своихъ занятій, онъ будетъ находиться на настоящей дорогѣ“ (ч. I, стр. V, XII-XIV). И вотъ исторія X в. и „даже біографія Герберта“ отступили на задній планъ (ч. II, стр. XIII), такъ что „однимъ изъ главныхъ тезисовъ“ огромнаго труда своего г. Бубновъ самъ считаетъ то, что „въ сборникѣ писемъ Герберта нѣтъ ни одного письма, которое было бы написано до назначенія Герберта аббатомъ Боббіо или послѣ его избранія въ архіепископы Равенны“ (II, 895). Доказательству этого тезиса и того, что письма въ сборникѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, посвящены обѣ части труда,—первая въ одномъ томѣ, разсматривающая „рукописи и редакціи сборника писемъ Герберта“, и вторая въ двухъ томахъ, заключающая въ себѣ „хронологическій синтезъ данныхъ этой переписки“, который равнымъ образомъ „имѣетъ цѣлью подтвердить лежащую въ его основѣ хронологическую систему писемъ Герберта“ и „не преслѣдуетъ собственно никакой другой цѣли“, такъ что самъ авторъ называетъ лишь „побочными результатами изслѣдованія“ новую группировку и освѣщеніе разныхъ фактовъ изъ политической и религіозной исторіи Франціи конца X вѣка. Таковъ общій характеръ труда г. Бубнова, признающаго, впрочемъ, что въ немъ „много деталей“, которыя онъ самъ „выкинулъ бы, какъ вещь ненужную, еслибы писалъ политическую исторію Франціи въ концѣ X вѣка“ (ч. II, стр. XIII, 895, 942). Въ самомъ дѣлѣ, ради пріуроченія писемъ Герберта къ опредѣленнымъ датамъ, а иногда просто, какъ намъ кажется, безъ всякой нужды, г. Бубновъ загромождаетъ свою книгу массой лишнихъ эпизодовъ, иногда разсказами о событіяхъ, не получившихъ никакого историческаго значенія (напр. II, 111, 125, 199, 316, 329, 512, 514, 516, 517 и др.), разнаго рода мелочами, не пропуская безъ подробнаго анализа ни одного почти письма, хотя бы, по собственнымъ словамъ г. Бубнова, такое письмо „по своему содержанію имѣло мало общаго съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ“ (II, 334), „не заключало въ себѣ никакихъ намековъ на какія-нибудь извѣстныя историческія событія“ (II, 335), хотя бы оно было написано неизвѣстно къ кому по поводу нападенія неизвѣстнаго лица на крестьянъ неизвѣстно гдѣ расположенной мѣстности и хотя бы неизвѣстнымъ осталось, каковъ былъ результатъ написанія этого письма (II, 557), причемъ обыкновенно разбираются всѣ мнѣнія, какія когда-либо и гдѣ-либо высказывались о датахъ, адресатахъ и испорченныхъ мѣстахъ отдѣльныхъ писемъ. Съ этой стороны, „пересчитывая до конца“ (вспомнимъ Шопенгауеровское различеніе между „ergründen“ и „zu Ende zählen“), г. Бубновъ совершенно исчерпываетъ предметъ, и какъ намъ кажется, даже хватаетъ черезъ

край, дѣлая массу ни къ чему не нужныхъ мелкихъ предположеній (см., напр., 538, 666, 347 и др.): онъ хочетъ быть точнымъ.

Главный недостатокъ труда г. Бубнова, однако, въ томъ и заключается, что изслѣдователь утрачиваетъ это желаніе быть точнымъ и обстоятельнымъ, какъ только онъ переходитъ отъ мелочей къ крупнымъ вопросамъ.

Первая крупная величина въ сборникѣ—самъ Гербертъ, „на біографію коего близко походитъ" вторая часть труда г. Бубнова (II, 896). Хотя автору и кажется, что ему „удалось проникнуть въ душу Герберта глубже, чѣмъ это выпало на долю его біографовъ" (II, 936), и что въ его сборникѣ Гербертъ является „конкретнымъ живымъ человѣкомъ", но на самомъ дѣлѣ этого-то и нѣтъ, ибо, давая много матеріала для сужденія о своемъ героѣ, г. Бубновъ не сводитъ этотъ матеріалъ къ одному цѣльному взгляду на личность Герберта, и часто, наприм., недоумѣваешь, считаетъ ли г. Бубновъ Герберта недальновиднымъ и наивнымъ педантомъ (II, 131, 132, 445, 452, 453 и др.), „совершенно напрасно оставившимъ сферу ученыхъ занятій" для политики (II, 923), или же, наоборотъ, интриганомъ, ловкость коего называется даже „обычной" (II, 661). Или еще, наприм., черезъ всю книгу авторъ старается провести ту мысль, что служеніе дѣлу Оттоновъ „было единственной настоящей цѣлью дѣятельности Герберта" (II, 892), имѣя притомъ идеальный источникъ (II, 186) въ политическихъ убѣжденіяхъ Герберта, заимствованныхъ изъ классическаго міра; но оказывается, по словамъ самого г. Бубнова, что изъ вѣрности Оттонамъ „Гербертъ не постыдился сдѣлать себѣ одинъ изъ способовъ стяжанія", такъ что преданность эта получаетъ нѣсколько иной характеръ („не была свободна отъ своекорыстныхъ разсчетовъ", II, 901), и „единственная настоящая цѣль" является далеко и не единственной, и не настоящей. Когда, по объясненію автора, въ Италіи и Германіи (т.-е. у Оттоновъ) ничего не выходило, Гербертъ ѣдетъ во Францію (II, 650, 655), но, не особенно полагаясь на Гуго Капета, онъ и тутъ не разрываетъ окончательно своихъ связей съ Германіей (II, 756). Самъ г. Бубновъ рисуетъ въ указанныхъ мѣстахъ своего героя какъ довольно-таки низменнаго оппортуниста, но это не мѣшаетъ ему утверждать, что „политическіе взгляды и убѣжденія Герберта коренились слишкомъ глубоко въ его духовной организаціи, чтобы онъ могъ когда-нибудь отъ нихъ отказаться". Гербертъ, напримѣръ, переходитъ на службу къ французскому королю, но г. Бубновъ толкуетъ это въ смыслѣ скорѣе измѣны не Оттону, а въ смыслѣ измѣны самому Гугону, „котораго онъ вводилъ въ заблужденіе своей призрачной вѣрностью" (II, 737). Забывая потомъ эту „призрачную вѣрность", въ другихъ мѣстахъ своей книги г. Бубновъ приписываетъ

Герберту уже прямо угодливость по отношенію къ Гугону, угодливость, доходившую до того, что онъ совершенно отступалъ отъ своей „единственной настоящей цѣли" (II, 496 и слѣд., 526, 609). Все это дѣлаетъ весьма сомнительнымъ и предположеніе г. Бубнова о политическомъ идеалѣ Герберта. Настаивая, кромѣ того, на классическомъ источникѣ этого идеала (II, 77, 79), приписывая Герберту планъ возстановленія имперіи, въ коемъ „не было мѣста для теократическихъ притязаній папъ" (II, 919), г. Бубновъ въ то же время дѣлаетъ его и представителемъ средневѣковой идеи „всемірной монархіи съ императоромъ и папой во главѣ" (II, 132).

Церковныя идеи Герберта изложены у г. Бубнова столь же неясно, противорѣчиво и несоотвѣтственно сути дѣла. Гербертъ, отстаивавшій, такъ сказать, галликанскія вольности въ бытность свою архіеп. реймскимъ (II, 709, 710, 501, 502, 717, 742, 826, 841, 891), а въ качествѣ папы являющійся скорѣе предшественникомъ Григорія VII (II, 902 и слѣд.), рисуется у г. Бубнова предшественникомъ реформаціи! По его словамъ, Гербертъ проповѣдуетъ „ученіе, переносящее насъ въ эпоху реформаціи", и это происходитъ, когда Гербертъ ссылается на каноны соборовъ и папскія декреталіи, не исключая и тѣхъ, которыя встрѣчаются въ лже-исидоровомъ собраніи (ч. I, стр. XI). За антипапскія заявленія въ „Реймскомъ соборѣ" нашъ авторъ опять дѣлаетъ Герберта „однимъ изъ первыхъ и блестящихъ проявленій духа новѣйшихъ временъ, духа реформаціи" (II, 764), забывая глубокое различіе между исходными пунктами ученія о папствѣ самого Герберта и протестантовъ и самъ же, кромѣ того, утверждая, что его „оппозиція противъ папства была случайностью" (II, 893), что онъ вовсе не думалъ сокрушить эту силу (II, 893), что въ качествѣ папы онъ сталъ проповѣдовать идеи, діаметрально противоположныя прежнимъ заявленіямъ (II, 902 и слѣд.), что, наконецъ, воззрѣнія Герберта на папство были неопредѣленны и во всякомъ случаѣ не оригинальны, ибо все существенное онъ заимствовалъ у Гинкмара (II, 831 и слѣд.). Все это должно почему-то переносить насъ въ эпоху реформаціи и дѣлать Герберта блестящимъ представителемъ ея духа!

Изъ этихъ примѣровъ видно, что г. Бубновъ не постарался вникнуть въ существо идей Герберта и вообще въ исторію политическихъ и церковныхъ идей его эпохи, чтобы надлежащимъ образомъ опредѣлить ихъ характеръ и ихъ отношеніе къ идеямъ временъ послѣдующихъ и предъидущихъ. Въ книгѣ ничто не обнаруживаетъ, чтобы авторъ этимъ особенно интересовался. Переходимъ къ примѣру того, какъ г. Бубновъ относится къ исторіи Франціи въ концѣ X вѣка, ибо его „хронологическій синтезъ" по временамъ все-таки превращается и въ исторію этой страны (ч. II, стр. XIV). Однимъ изъ рѣд-

кихъ случаевъ рѣшенія авторомъ цѣльнаго и притомъ крупнаго вопроса нужно считать главу V, трактующую о мотивахъ избранія Гуго Капета на царство (глава эта раньше была напечатана въ видѣ отдѣльной статьи въ „Ж. М. Нар. Пр." за 1890 г.). Тщательно разбирая мнѣнія даже малоизвѣстныхъ изслѣдователей о мелочныхъ вопросахъ, возникавшихъ по поводу отдѣльныхъ мѣстъ въ перепискѣ Герберта, онъ, разумѣется, долженъ былъ бы столь же обстоятельно разсмотрѣть взгляды корифеевъ французской исторіографіи на переходъ французской короны отъ каролинговъ къ капетингамъ. Тутъ поражаешься, однако, прежде всего полнымъ молчаніемъ—и о комъ? —о Гизо, съ которымъ слѣдовало бы ему познакомиться, разъ самъ авторъ заговорилъ о „неосновательности теоріи феодальной": теорія эта изложена у него весьма коротко, съ чужихъ словъ (Люшера), и ее нельзя считать устраненной, разъ авторъ не разсмотрѣлъ всей ея аргументаціи. Не лучше поступилъ онъ и съ Тьерри (Lettres sur l'histoire de France, XII), котораго онъ нѣсколько разъ оспариваетъ, не прочитавъ его въ подлинникѣ, а довольствуясь, повидимому, Люшеромъ. Вышло такъ, что онъ приписалъ Тьерри, сославшись на его „XII письмо", тó, чего онъ не говорилъ, не обратилъ вниманія на тó, чтò заставило бы его кое-въ-чемъ увидѣть въ своемъ взглядѣ простое повтореніе взгляда французскаго историка, и слишкомъ рѣзко выставилъ односторонность его теоріи. Напр., г. Бубновъ думаетъ, что Тьерри принималъ за проявленіе германофильскихъ тенденцій послѣднихъ каролинговъ зависимое положеніе, въ коемъ они стояли къ саксонскому дому, и оспариваетъ это мнѣніе (II, 447, 494), тогда какъ Тьерри объясняетъ союзъ послѣднихъ каролинговъ съ Германіей почти тождественно съ г. Бубновымъ. Еслибы, далѣе, онъ заглянулъ въ „XII письмо" Тьерри, онъ увидѣлъ бы, что послѣдній-то и указывалъ на важное значеніе завоевательныхъ походовъ Оттоновъ къ Парижу въ дѣлѣ возбужденія національнаго чувства среди французовъ, и ему не пришлось бы упрекать историковъ за то, что они придавали этому обстоятельству мало значенія (II, 454). Теорію Тьерри г. Бубновъ характеризуетъ, наконецъ, какъ „узко-расовую" (II, 454), но вотъ чтò между прочимъ, говоритъ Тьерри: еще Одонъ былъ „національнымъ кандидатомъ" населенія, стремившагося образовать самостоятельное государство, и чувство самосохраненія заставило сеньоровъ сѣверной Франціи франкскаго происхожденія, но привязанныхъ къ интересамъ страны, возложить корону на человѣка саксонскаго рода (это—узко-расовая теорія!). Гуго Великій у Тьерри опять есть представитель національнаго мнѣнія, инстинктивнаго чувства національной независимости, и т. д. Я не утверждаю, чтобы взгляды Тьерри и г. Бубнова по существу были вполнѣ тождественны, но

нашъ изслѣдователь нашелъ бы больше пунктовъ соприкосновенія между своимъ взглядомъ и взглядомъ Тьерри, если бы познакомился съ нимъ не изъ вторыхъ рукъ: вѣдь и г. Бубновъ очень много говоритъ о „національно-государственныхъ интересахъ", о „національномъ самосознаніи", о „патріотическомъ чувствѣ".

Все это и многое другое въ этомъ родѣ и даетъ намъ право утверждать, что авторъ „Сборника писемъ Герберта" не счелъ себя обязаннымъ быть осмотрительнымъ, точнымъ и обстоятельнымъ тамъ, гдѣ ему приходилось имѣть дѣло не съ детальными вопросами, возникающими при изученіи писемъ Герберта, а съ общими историческими фактами. Правда, это вполнѣ гармонируетъ съ собственными заявленіями г. Бубнова о томъ, что его первая историческая тема сдѣлалась для него менѣе симпатичною и что тема хронологическая, наоборотъ, получила для него необыкновенную „привлекательность". Вопросъ о хронологіи писемъ Герберта, конечно, важенъ, и желательно, чтобы г. Бубновымъ онъ былъ рѣшенъ окончательно, но вѣдь и рѣшеніе такого вопроса въ ту или другую сторону важно не само для себя, а для исторіи той эпохи, къ коей переписка относится, для характеристики того лица, которому она принадлежитъ. Между тѣмъ г. Бубновъ какъ-то это забылъ и,—все-таки рѣшая, однако, не одни хронологическіе вопросы,—не потрудился заглянуть въ труды крупныхъ авторитетовъ, гдѣ, быть можетъ, онъ и не нашелъ бы новыхъ фактовъ, но познакомился бы съ нѣкоторыми уже установившимися идеями и точками зрѣнія, которыя можно оспаривать, но не слѣдуетъ вовсе игнорировать.

Вотъ эта-то сторона и заслуживаетъ быть отмѣченной, какъ одно изъ проявленій крайне нежелательнаго способа спеціализировать свои занятія. Наша историческая наука вообще и въ частности изученіе западно-европейской жизни въ нашей ученой литературѣ находятся еще въ такомъ почти зачаточномъ состояніи, что потратить 8 лѣтъ упорнаго труда, требовавшаго массу поѣздокъ по разнымъ странамъ Европы и не оставлявшаго времени, чтобы заглянуть въ многіе важные и солидные труды, не чуждые темѣ, и потратить столько времени и силъ на рѣшеніе мелкихъ хронологическихъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ дѣло не подвигается ни на одинъ шагъ, когда мы лишены оригинальныхъ трудовъ по болѣе жизненнымъ и, скажу, болѣе научнымъ темамъ—значитъ совсѣмъ не сообразоваться съ потребностями науки и отечественнаго просвѣщенія. „Спеціальная" критика, можетъ быть, усмотритъ своего рода достоинства труда г. Бубнова,—напримѣръ, кропотливость, свидѣтельствующую о его способности быть полезнымъ дѣятелемъ науки,—но тогда тѣмъ досаднѣе то, что его привлекъ къ себѣ съ такою силою почти исключительно хро-

нологическій вопросъ. Спеціальная критика, конечно, будетъ смотрѣть, *какъ* сдѣлано дѣло, sed audiatur et altera pars,—*что* сдѣлано? Эта altera pars и есть сторона живой науки, своимъ идейнымъ содержаніемъ отличной отъ голыхъ упражненій въ учености,—сторона общественнаго служенія, особенно когда приходится имѣть дѣло съ чужою исторіей, когда въ ученомъ трактатѣ не столько рѣшаются мелкія головоломныя задачи (въ родѣ ребусовъ, рѣшеніе коихъ тоже подчасъ требуетъ не малаго остроумія), сколько выработывается пониманіе человѣка съ его духовной культурой и общественной организаціей. Эта другая точка зрѣнія особенно необходима въ такой наукѣ, какою у насъ должна быть всеобщая исторія, т.-е. прошедшая исторія чужихъ народовъ. Быть можетъ, кто-нибудь сочтетъ меня неправымъ въ томъ отношеніи, что и въ научныхъ трудахъ могутъ быть различные, такъ сказать, вкусы, и дѣло, какъ будто, только въ томъ, что мы не сошлись вкусами съ г. Бубновымъ. О вкусахъ не спорятъ, но есть и нѣчто такое, съ чѣмъ въ области науки всѣ вкусы должны сколько-нибудь сообразоваться, чему должны даже подчиняться, и вотъ именно съ этой-то стороны я и позволилъ себѣ коснуться дѣйствительнаго значенія труда г. Бубнова, относимаго имъ, вѣроятно, къ области исторіи.—Н. Карѣевъ.

— *Церковный расколъ Петербурга* въ связи съ обще-россійскимъ расколомъ. Очерки. Старообрядцы, безпоповцы, поповщинцы, сектанты разныхъ толковъ и ученій. Общины: русскія (мѣстныя) и заграничныя. Н. Н. *Животова*. Спб. 1891.

Изученіе раскола до сихъ поръ стоитъ у насъ весьма неправильно. Въ нашей литературѣ нѣтъ книги, которая представляла бы хотя вкратцѣ полный обзоръ раскола, его исторіи и современнаго состоянія, и въ то же время есть замѣчательныя сочиненія по отдѣльнымъ его отраслямъ или по отдѣльнымъ вопросамъ раскольничьяго вѣроученія; не говоримъ уже о томъ, чтобы расколъ имѣлъ возможность самъ говорить о себѣ въ литературѣ. Недавно предпринятое цѣльное обозрѣніе литературы о расколѣ, г. Пругавина, остановилось пока на первомъ томѣ. Въ то же время является довольно большая масса отдѣльныхъ извѣстій и вообще накопляется множество данныхъ, которыя не сводятся къ какому-либо общему представленію. Наиболѣе распространенный тонъ въ разсказахъ о расколѣ, историческихъ и современныхъ, есть тонъ обличительный и укорительный, и этимъ обличителямъ всего чаще совсѣмъ не приходитъ въ голову простой вопросъ: чѣмъ же, наконецъ, объясняется распространеніе или живучесть раскола, въ которомъ они видятъ зловредную язву нашей народной жизни? Въ шести-

десятыхъ годахъ въ литературѣ о расколѣ началась еще новая, прежде почти неизвѣстная полоса, которую открылъ Ѳ. Ливановъ извѣстной книгой: „Раскольники и острожники", имѣвшей успѣхъ скандала. Авторъ этой книги, воспользовавшись новѣйшими успѣхами „гласности", принялся разсказывать, конечно, съ „обличительной" цѣлью разныя исторіи изъ интимной жизни современнаго раскола, и, какъ настойчиво утверждала молва, дѣлалъ изъ своихъ обличеній орудіе самаго наглаго шантажа. Примѣръ не остался безъ подражателей—не въ смыслѣ шантажа, о которомъ намъ послѣ не случалось слышать, а въ смыслѣ безцеремоннаго, хотя и безкорыстнаго, раскрыванія домашней жизни раскола съ тѣми же почтенными цѣлями изобличенія и укоренія. Въ „Литературномъ Обозрѣніи" мы имѣли недавно случай говорить о подобной книжкѣ г. Попова, миссіонера изъ бывшихъ раскольниковъ; къ тому же разряду принадлежитъ и книжка г. Животова, заглавіе которой мы выписали. Мы говорили о томъ, какое странное и отталкивающее впечатлѣніе производитъ обличительная книжка упомянутаго миссіонера; не весьма привлекательно и впечатлѣніе настоящаго сочиненія. Въ книжкѣ миссіонера можно было, по крайней мѣрѣ, предположить ревность, хотя и неумѣстную, новообращеннаго и, кромѣ того, она заключала не мало бытовыхъ подробностей, очень интересныхъ, такъ какъ авторъ хорошо зналъ описываемую имъ жизнь. Въ сочиненіи г. Животова нѣтъ и этого качества; въ предисловіи онъ оговаривается, что не придаетъ своему сочиненію „значенія какого-либо историческаго или бытового изслѣдованія", и будетъ „чрезмѣрно вознагражденъ" за свой скромный трудъ, если ему удастся „вызвать какія-либо изслѣдованія, заинтересовать нѣсколько нашихъ знатоковъ раскола и заставить читателей призадуматься надъ многими-многими любопытными вопросами раскола". Книжка можетъ скорѣе заставить призадуматься надъ свойствами самаго этого произведенія.

Поводъ къ составленію книги (печатавшейся раньше въ видѣ фельетоновъ въ газетѣ „День") авторъ объясняетъ такъ: „Занимаясь болѣе десяти лѣтъ въ журналистикѣ (преимущественно газетной), я имѣлъ случаи сталкиваться близко съ раскольниками всевозможныхъ вѣроученій, наблюдать ихъ и дѣлать кой-какіе выводы и обобщенія". Оглавленіе книги представляетъ цѣлую пеструю номенклатуру сектъ, которыя авторъ намѣревался описывать: апостольская община, пашковцы, поморы, крещеніе безпоповцевъ, филипповцы, никіевцы и т. д.; но читатель очень обманется въ ожиданіи встрѣтить о всѣхъ этихъ сектахъ какія-нибудь точныя данныя. Авторъ распоряжается очень небольшими свѣдѣніями: онъ знаетъ адресы нѣсколькихъ моленъ и богадѣленъ, имена нѣсколькихъ раскольничьихъ

наставниковъ и начетчиковъ, знаетъ нѣсколько мелкихъ подробностей о двухъ-трехъ сектахъ, но о большинствѣ сектъ, длинный списокъ которыхъ онъ выставилъ, онъ совсѣмъ ничего не знаетъ и сообщаетъ только выписки изъ старинной книги о расколѣ, протоіерея Журавлева. Самый длинный трактатъ посвященъ имъ пашковцамъ, которыхъ онъ видѣлъ, кажется, всего ближе, причемъ на манеръ новѣйшихъ фельетоновъ описывается и наружность г. Пашкова: „красивый брюнетъ, роста выше средняго, съ манерами и обращеніемъ чистаго аристократа; пріятный мягкій теноръ, большіе, выразительные глаза располагаютъ въ его пользу, а мастерски разыгрываемое радушіе подкупаетъ собесѣдника". Собственно говоря, разсказъ и здѣсь не совсѣмъ, однако, точенъ, а объ остальныхъ сектахъ свѣденія крайне отрывочны, безсвязны и не даютъ о дѣлѣ никакого яснаго понятія, и кромѣ того авторъ не разъ самъ себѣ противорѣчитъ. Относительно Пашкова авторъ многозначительно говоритъ, что онъ „не въ состояніи былъ ни у единаго православнаго *купить* (своими благотвореніями) его вѣру во святую церковь" (стр. 25). Но рядомъ читаемъ, что кромѣ „аферистовъ", которые прикидывались вѣрующими въ его проповѣдь для полученія денегъ, „встрѣчались люди слабые или черезъ мѣру эксцентричные, которые искренно увлеклись ученіемъ Редстока изъ устъ Пашкова, и, къ сожалѣнію, такихъ лицъ *не мало*".

Показанія автора вообще должны быть принимаемы съ осторожностью; сплошь и рядомъ онъ говоритъ просто наобумъ. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что ученіе Редстока, находившее, что для спасенія довольно одной вѣры безъ добрыхъ дѣлъ, имѣло большой успѣхъ въ аристократическихъ кругахъ Англіи, „гдѣ на призывъ Редстока откликнулись *всѣ* лорды и капиталисты" (стр. 29); будто бы *всѣ*? По словамъ автора, какъ выше упомянуто, „ни одинъ православный человѣкъ" не поддался Пашкову и не отказался отъ церкви, а дальше разсказывается, что пашковскія пособія (а ихъ разбиралось очень много) выдавались—при извѣстномъ испытаніи—въ такихъ случаяхъ, когда проситель „соглашался *отказаться* отъ почитанія святыхъ и Божіей матери, давалъ обѣщаніе не ходить въ церковь, не принимать св. таинства и не исповѣдовать св. православной вѣры" (стр. 41). Авторъ скажетъ, что это были аферисты или люди слабые, но вѣдь это были же православные? А дальше оказывается (стр. 43), что пашковцы не только продолжаютъ существовать въ Петербургѣ, когда самъ Пашковъ давно уже удаленъ и не раздаетъ денегъ, но распространились и въ провинцію: „благодаря съ одной стороны высылкѣ внутрь Россіи наиболѣе дерзкихъ проповѣдниковъ, а съ другой миссіонерскимъ поѣздкамъ самихъ пашковцевъ, зло было разне-

сено изъ Петербурга и теперь нѣтъ, кажется, города или уѣзда, куда не проникло бы лжеученіе". Какъ же такъ, когда „ни одинъ православный" и т. д.? Авторъ докладываетъ, что „въ самомъ Петербургѣ до нашихъ дней происходятъ собранія, чтенія, поученія"—что въ Галерной гавани пашковцы „бойко и начитанно" возражали миссіонеру, что на Литейной было недавно собраніе секты, что въ Александровскомъ рынкѣ есть торговка Маланья, которая „осмысленно ведетъ цѣлый богословскій диспутъ и знаетъ прекрасно на память всѣ „любимые стихи" пашковцевъ; эта же Маланья устроиваетъ среди раскольниковъ молитвенныя собранія и пускается въ объясненія Св. Писанія". Такимъ образомъ, грубоватыя шуточки о Пашковѣ не объясняютъ дѣла, какъ его удаленіе не уничтожило его секты. Мимоходомъ авторъ, объясняя причины многолюдства на пашковскихъ собраніяхъ (раздача книжекъ, даровое угощеніе чаемъ съ ромомъ или коньякомъ и пр.), дѣлаетъ замѣчаніе, что „Пашковъ *первый* ввелъ у насъ публичныя чтенія на духовныя темы" (стр. 31). Это безъ сомнѣнія было обстоятельство важное. „Тогда,—продолжаетъ авторъ,—не было еще общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, которое теперь устроиваетъ въ церквахъ и публичныхъ залахъ духовныя чтенія. Мы видимъ, что эти чтенія привлекаютъ всегда толпы слушателей". Была, такимъ образомъ, потребность кромѣ церковной службы слышать религіозныя разсужденія и принимать извѣстное личное участіе въ собраніяхъ; существующій обычай переставалъ удовлетворять людей съ возбужденнымъ религіознымъ настроеніемъ, какъ не удовлетворялъ и тѣхъ, кто уже раньше отдѣлился отъ оффиціальной церкви. Распространеніе пашковцевъ въ провинціи, упоминаемое авторомъ, указываетъ, что причина движенія заключалась не въ одной личной пропагандѣ Пашкова, а еще въ чемъ-то иномъ. Этого авторъ, конечно, не понимаетъ.

Въ послѣднее время нѣкоторые протестантскіе пасторы въ Петербургѣ стали употреблять русскій языкъ въ своей проповѣди, какъ извѣстно, по той простой причинѣ, что есть протестанты, совсѣмъ не знающіе нѣмецкаго языка,—напримѣръ, получившіе свое исповѣданіе отъ родителей протестантовъ (напримѣръ, нѣмцевъ), но выросшіе въ русской средѣ и не владѣющіе нѣмецкимъ языкомъ; понятно, что пасторы, обращаясь къ этимъ протестантамъ, не знающимъ нѣмецкаго языка, могли обращаться къ нимъ только на русскомъ языкѣ, и понятно, что излагали имъ ученіе протестантское. Авторъ книжки даетъ этому такой оборотъ, какъ будто нѣмецкіе пасторы предприняли русскую проповѣдь въ цѣляхъ пропаганды и дѣлаютъ это именно для совращенія православныхъ. „Помимо всевозможныхъ

сектантовъ,—говоритъ онъ,—публично и открыто совершавшихъ свои службы, даже лютеранскiе пасторы начали проповѣдовать и отправлять богослуженiя на русскомъ языкѣ. Пасторъ Мазингъ (на Петербургской Ст.), Лешъ (на Васильевскомъ Островѣ), Ферманъ (на Невскомъ пр.), *собирали сотни православныхъ* (!) и преспокойно на русскомъ языкѣ убѣждали не молиться Святымъ, не почитать иконъ, не признавать вселенскихъ соборовъ, не уважать театральныхъ представленiй въ видѣ торжественныхъ службъ и т. д. Гг. пасторы нарочно выбирали праздничные дни, когда народъ болѣе свободенъ, и „поучали" слушателей. Что же послѣ этого говорить о сектантахъ?!!" (стр. 48).

Изъ этой тирады читатель можетъ судить о степени добросовѣстности или о степени разумѣнiя автора.

— *Винкельманъ* и позднiя эпохи греческой скульптуры. Трудъ Н. М. *Благовѣщенскаго*. Съ рисунками. Спб. 1891.

Въ нашей литературѣ очень невеликъ отдѣлъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ трудовъ по искусству, его теорiи и исторiи; поэтому уже книжка г. Благовѣщенскаго могла бы обратить на себя вниманiе, а тѣмъ болѣе она любопытна по своему предмету. Второе заглавiе ея таково: „Три главы изъ художественной исторiи вѣка Дiадоховъ" (читатель припомнитъ изъ учебника исторiи, что дiадохами называются преемники Александра Македонскаго, раздѣлившiе между собою его царство). Первая изъ этихъ главъ говоритъ о Родосской школѣ древней скульптуры, изъ которой вышелъ, между прочимъ, знаменитый Лаокоонъ; вторая—о школѣ Пергамской, которой принадлежитъ не менѣе знаменитая статуя такъ-называемаго умирающаго гладiатора (по другимъ, болѣе достовѣрнымъ объясненiямъ эта статуя представляетъ вовсе не гладiатора, а умирающаго гальскаго воина), и той же школѣ принадлежатъ тѣ въ высшей степени замѣчательныя находки, сдѣланныя въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ развалинахъ древняго Пергама, о которыхъ въ первый разъ въ русской литературѣ сообщалъ Тургеневъ въ извѣстной статьѣ, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы" 1880 года. Наконецъ, въ третьей главѣ своей книги, авторъ говоритъ о высоко-художественномъ значенiи позднихъ эпохъ греческой скульптуры, о взглядахъ Винкельмана и его забытыхъ противниковъ.

Авторъ говоритъ въ предисловiи, что вопросъ объ историческомъ значенiи и достоинствѣ античной скульптуры въ такъ-называемую эпоху упадка (послѣднiе вѣка до Р. Х.) занималъ его уже издавна.

„Общій голосъ археологовъ,—говоритъ онъ,—все еще громко и настойчиво повторяетъ принципіальное мнѣніе Винкельмана о томъ, что уцѣлѣвшія созданія античной скульптуры, которыми наполнены европейскіе музеи, представляютъ собою періодъ ея паденія. Сильное впечатлѣніе, которое они уже давно произвели на меня своими красотою и величіемъ, никакъ не могло помириться съ этою доктриною, и она не мало тревожила мое эстетическое чувство. Внимательно изучая занимавшій меня вопросъ въ самомъ Римѣ (въ началѣ 60-хъ годовъ), не только въ его музеяхъ, но и въ богатой библіотекѣ нѣмецкаго Археологическаго Института, я впервые узналъ, что означенная доктрина уже вслѣдъ за появленіемъ Винкельмановой „Исторіи древняго искусства“ сильно оспаривалась такими авторитетными учеными, какъ Висконти и Лессингъ, а затѣмъ Тиршемъ и др.“.

Черезъ многіе годы къ этому историческому вопросу побудила возвратиться его „одна столь счастливая для науки случайность, а именно открытіе на акрополѣ древняго Пергама слѣдовъ знаменитаго когда-то капища, украшеннаго великолѣпными горельефами, съ сюжетомъ изъ воспѣтой классическими поэтами борьбы боговъ съ титанами. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ объ этомъ попавшемъ въ Берлинъ памятникѣ восторженно заговорили всѣ органы европейской печати. Личное обозрѣніе его снова убѣдило меня въ высокой правдѣ тѣхъ прежнихъ домысловъ, которые, къ удивленію, такъ безслѣдно прошли въ наукѣ“.

„Сначала я желалъ ограничиться исторіей открытія пергамской гигантомахіи и ея характеристикой, но для нашей литературы это оказалось бы недостаточнымъ. Необходимо было представить характеристику цѣлой эпохи, которая создала удивившій свѣтъ художественный памятникъ, и указать его генетическую связь не только съ своимъ временемъ, но и съ цѣлымъ развитіемъ античнаго ваянія“.

По этому послѣднему соображенію авторъ присоединилъ къ разсказу о двухъ школахъ греческой скульптуры свои общія заключенія о позднѣйшей эпохѣ античнаго искусства, распространяемой имъ даже до періода кесарей: эта эпоха, далеко не будучи временемъ упадка, какъ въ прежнее время обыкновенно полагали, представляетъ, напротивъ, много произведеній, принадлежащихъ къ лучшимъ созданіямъ древняго искусства.

Авторъ даетъ вначалѣ живое описаніе древняго Родоса во времена его процвѣтанія, его замѣчательнаго искусства, отъ котораго сохранились только немногіе остатки и въ особенности Лаокоонъ; затѣмъ, переходя къ Пергаму, останавливается въ особенности на тѣхъ новѣйшихъ открытіяхъ, которыя бросили совершенно новый свѣтъ на этотъ позднѣйшій періодъ греческаго искусства. Онъ разсказы-

ваетъ вкратцѣ исторію пергамскихъ раскопокъ и даетъ понятіе о томъ великолѣпномъ памятникѣ искусства, который реставрированъ теперь въ Берлинѣ по найденнымъ обломкамъ.

Пергамскія открытія составляютъ вполнѣ заслугу нѣмецкой науки, не только въ томъ смыслѣ, что эта наука съумѣла объяснить разысканныя въ отрывочномъ видѣ древности, и не только въ томъ, что прусское правительство съ самаго начала по указаніямъ ученыхъ доставило матеріальныя средства для совершенія раскопокъ, для перенесенія памятниковъ въ Берлинъ и ихъ реставраціи, но и въ томъ, что первый человѣкъ, которому принадлежало открытіе, по спеціальности инженеръ, оказался настолько просвѣщеннымъ человѣкомъ въ совсѣмъ иной области, что поднялъ цѣлый вопросъ и сталъ ревностнымъ, даже восторженнымъ исполнителемъ самаго предпріятія. Это былъ нѣкто Гуманъ, прусскій инженеръ, явившійся въ первый разъ, въ 1864 году, въ турецкій городокъ Бергаму для проведенія дорогъ въ той мѣстности по порученію Фуада-паши. Бергама стоитъ на мѣстѣ древняго Пергама и Гуманъ скоро увидѣлъ, что эта мѣстность должна заключать драгоцѣнные остатки древности. Акрополь древняго Пергама, представлялъ въ 60-хъ годахъ только обширную каменоломню: подъ слоемъ дерна находимы были куски мрамора разной величины, которые употреблялись или на постройки, или на обжиганіе извести. Между прочимъ однажды найденъ былъ здѣсь большой мраморный горельефъ съ изображеніемъ льва и сбитаго имъ съ ногъ человѣка; памятникъ находился въ частныхъ рукахъ, но по настоянію Гумана былъ отосланъ въ Константинополь, гдѣ съумѣли понять интересъ открытія, и турецкое правительство сдѣлало тотчасъ распоряженіе о немедленномъ прекращеніи добыванія мрамора въ этой мѣстности. Еще разъ Гуману пришлось быть въ Пергамѣ въ 1869 году, и ему самому случилось, тайкомъ, открыть большую плиту съ барельефомъ, изображавшимъ юнаго греческаго бога: Гуманъ окончательно убѣдился, что напалъ на художественный кладъ и предпринялъ хлопоты о раскопкахъ въ широкихъ размѣрахъ. Въ ту минуту суммы, назначенныя прусскимъ правительствомъ для археологическихъ цѣлей, употреблялись на раскопки въ Олимпіи, и только въ 1878 г., когда въ Берлинѣ обратили общее вниманіе два присланные туда образчика пергамской древности, эти работы были обезпечены, въ особенности благодаря содѣйствію директора античнаго музея Конце, который, во-первыхъ, нашелъ у одного древняго писателя извѣстіе, объяснившее, какому сооруженію принадлежали открываемыя въ Пергамѣ скульптуры, а затѣмъ былъ однимъ изъ комментаторовъ отысканныхъ памятниковъ. Найденные рельефы не оставляли сомнѣнія, что они принадлежали къ знаменитому въ древности пергамскому

жертвеннику шестидесяти футовъ въ вышину и съ колоссальными скульптурными изображеніями, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ гигантомахіи, борьбы боговъ съ гигантами. Систематическія раскопки начались съ сентября 1878 года и продолжались до 1880; турецкое правительство согласилось, вопреки закону, предоставить большинство находокъ Пруссіи.

Гуманъ, къ которому явилось теперь не мало помощниковъ изъ Германіи принялся за разысканія съ величайшимъ одушевленіемъ; еще въ самомъ началѣ работъ онъ писалъ изъ Берлина: „мы открыли цѣлую художественную эпоху, въ нашихъ рукахъ величайшее изъ уцѣлѣвшихъ отъ древности произведеній искусства".

Г. Благовѣщенскій приводитъ изъ дневника Гумана любопытную подробность, которая даетъ понятіе о научномъ энтузіазмѣ, наполнявшемъ нѣмецкаго инженера. Отысканы были уже многіе эпизоды миѳической борьбы, но между открытыми изображеніями боговъ и гигантовъ еще не было главной фигуры — Юпитера, и Гуманъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ его появленія изъ руинъ, если онъ только сохранился. Наконецъ, 21-го іюля 1879 года, „Гуманъ, вмѣстѣ съ женою, которая съ живымъ интересомъ слѣдила за раскопками, и съ однимъ изъ своихъ берлинскихъ друзей, Гуманъ отправился въ этотъ счастливый для него день на акрополь, для осмотра вновь открытыхъ плитъ, которыя еще лежали на грудахъ мусора, обращенныя къ нему своими рельефами. „Въ то время, какъ мы восходили на холмъ,—пишетъ Гуманъ въ своемъ дневникѣ, —семь большихъ орловъ, предвѣстниковъ счастья, кружились надъ нами въ воздухѣ". Предзнаменованіе на этотъ разъ дѣйствительно оказалось вѣрнымъ. Первыя четыре плиты, по очисткѣ ихъ, представили на первомъ планѣ дивное изображеніе бога, своимъ величіемъ и блескомъ превышавшее все дотолѣ найденное, и трехъ гигантовъ, изъ которыхъ одинъ являлся поверженнымъ на скалу, съ бедромъ, пронзеннымъ перунами. Гуманъ понялъ, что любимая его мечта сбывается. „Я чувствую, о Зевсъ, твое приближеніе (ich fühle deine Nähe, Zeus)", воскликнулъ онъ въ трепетномъ ожиданіи. Къ его неописанной радости, найденныя плиты оказались подходящими одна къ другой и представили собою величественную, очевидно, центральную сцену колоссальнаго горельефа, въ которой царь боговъ изображенъ побѣдителемъ трехъ своихъ могучихъ противниковъ. Недоставало только обычныхъ его аттрибутовъ; но вотъ переворачивается еще одна плита, нетерпѣливый археологъ наскоро отцарапываетъ своими ногтями цѣлые слои покрывающей ее лигатуры, и—о счастье!—видитъ эгиду. „Глубоко потрясенный,—заключаетъ Гуманъ свой разсказъ,—я приникъ къ Зевсу и залился обильными слезами

радости". Тѣ, кому удалось видѣть этотъ, уже теперь знаменитый шедёвръ, вполнѣ поймутъ почтеннаго германца" (стр. 66—67).

При всей серьезности содержанія, книжка г. Благовѣщенскаго написана очень живо и общедоступно.

— *Св. Димитрій Ростовскій* и его время (1651 — 1709). Изслѣдованіе *И. А. Шляпкина*. Спб. 1891.

Авторъ говоритъ въ предисловіи, что первую мысль настоящаго труда далъ ему отзывъ Погодина о вышедшей въ 1849 г. книгѣ: „Св. Димитрій Ростовскій", которая, какъ говорили, была редактирована извѣстнымъ профессоромъ (позднѣе ректоромъ) московской духовной академіи А. В. Горскимъ изъ сочиненій студентовъ Нечаева и Барскаго. Погодинъ, сравнивая эту книгу съ вышедшей тогда диссертаціей Грановскаго „Аббатъ Сугерій", писалъ: „Это — превосходное изслѣдованіе о незабвенномъ авторѣ Чети-Миней, но не его біографія... Въ Сугеріи виденъ болѣе или менѣе живой человѣкъ, а здѣсь какъ будто видишь только святыя мощи! Авторъ всегда боится какъ будто сказать лишнее, и не говоритъ нужнаго, безпрестанно думаетъ о приличіи, какъ будто бы всякая строка должна была имѣть характеръ догматическій или каноническій; оттого многое сжато, стѣснено, сухо". Такъ дѣйствительно писались прежде сочиненія, имѣвшія отношеніе къ церковной жизни: не только многое оставалось стѣснено и сухо, но и совсѣмъ умалчивалось. Г. Шляпкинъ, ссылаясь на слова Погодина, повидимому и хотѣлъ восполнить пробѣлы прежнихъ изслѣдованій, что̀ было бы тѣмъ нужнѣе, что съ тѣхъ поръ явилась возможность избѣжать многихъ умолчаній, а кромѣ того набралось немало историческаго матеріала, прежде неизвѣстнаго. Изслѣдованіе сложилось въ біографію.

Авторъ, кажется, весьма внимательно изучилъ существующій матеріалъ, который могъ послужить для его труда. Кромѣ печатныхъ источниковъ, онъ воспользовался и многими рукописными. „Стараясь сберечь ихъ для пользованія будущихъ изслѣдователей, — говоритъ г. Шляпкинъ,—я приводилъ ихъ цѣликомъ, несмотря на ихъ разноцѣнность, жертвуя ровностью изложенія. Нѣкоторыя изъ нихъ уже и теперь трудны для прочтенія: таковы погнившія рукописи Ярославской консисторіи или тезисы Прибыловича; другія не всегда могутъ быть подъ руками лицъ, интересующихся нашими вопросами и не могущими провѣрить ихъ (?) на мѣстѣ храненія въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Угличѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Петербургѣ". Печатныя изданія крайне неудовлетворительны: подлинный текстъ писаній Димитрія

Ростовскаго исправленъ; въ сочиненія внесено многое, ему совсѣмъ не принадлежащее.

Изложеніе и дѣйствительно не отличается ровностью, и не только потому, что автору приходилось вѣдаться съ разбросанными и полуиспорченными рукописями, но и вообще по состоянію нашихъ источниковъ: біографію даже столь крупнаго лица, какъ Димитрій Ростовскій, приходится нерѣдко возстановлять по мелкимъ, отрывочнымъ подробностямъ, разбросаннымъ въ самыхъ различныхъ источникахъ, —изложеніе переполнено цитатами, которыя берутъ иногда до полъстраницы и больше. Но эту работу необходимо было исполнить, разыскать источники, объединить данныя, и авторъ положилъ на это много трудолюбія. Не его вина, если данныя неравномѣрны, и объ одномъ онъ можетъ разсказать больше, о другомъ меньше.

По словамъ г. Шляпкина, жизнь Димитрія распадается на два періода: малорусскій и великорусскій. Въ первомъ онъ сливается съ общимъ типомъ тогдашнихъ малорусскихъ духовныхъ дѣятелей—преданныхъ своей родинѣ, относившихся недовѣрчиво къ духовенству московскому (какъ Гизель, Галятовскій, Радивиловскій и др.); однообразіе этого типа, по мнѣнію автора, получается, можетъ быть, и отъ уравнивающаго ихъ монашества и просто отъ недостатка историческаго матеріала. Во второмъ періодѣ, когда Димитрій дѣйствовалъ на сѣверѣ, его дѣятельность получаетъ болѣе личный отпечатокъ; онъ пріобрѣтаетъ, кромѣ извѣстности автора житій, славу духовнаго оратора. Историческое значеніе Димитрія Ростовскаго авторъ опредѣляетъ тѣмъ, что, примыкая къ малорусскимъ духовнымъ лицамъ, которыя въ концѣ XVII вѣка были дѣятелями просвѣщенія и предшественниками реформы, онъ „въ суровую эпоху Петровскихъ новшествъ явился хранителемъ стараго достоянія русскаго люда—живой, дѣйствующей чрезъ любовь, православной вѣры. Почуялъ это народъ, и не даромъ сочиненія святителя принадлежали и принадлежатъ къ излюбленному чтенію русскаго народа“.

Книга, въ порядкѣ біографіи, заключаетъ слѣдующія главы: жизнь Димитрія до 1688 г.; западное вліяніе въ Московской и Югозападной Руси; вопросъ о пресуществленіи св. даровъ въ Москвѣ на почвѣ литературной; вопросъ о пресуществленіи св. даровъ на почвѣ церковно-исторической и малорусскіе духовные; жизнь Димитрія до 1700 года въ санахъ игумена и архимандрита; Димитрій—митрополитъ Сибирскій; административная дѣятельность Димитрія, какъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго; Ростовская школа Димитрія; литературная дѣятельность и частная жизнь святителя за Ростовскій періодъ. Особенно любопытны тѣ главы, въ которыхъ жизнь Димитрія Ростовскаго сопоставляется съ современнымъ состоя-

ніемъ церковной и общественной жизни. Въ главѣ „о западномъ вліяніи“ авторъ собралъ любопытныя данныя, которыя пополняются еще въ главахъ, посвященныхъ вопросу о пресуществленіи святыхъ даровъ. Авторъ вообще представляетъ дѣло такъ, что въ концѣ XVII вѣка въ московской жизни началось движеніе, которое было прямымъ предшествіемъ реформы,—такъ что, еслибы не произошло реформы Петровской, надо было бы во всякомъ случаѣ ожидать сильнаго преобразовательнаго движенія, съ тою разницею, что движеніе было бы, вѣроятно, не такъ стремительно, и путемъ образованія не протестантскаго, къ которому склонялась Петровская реформа, а католическаго. Указывая факты, авторъ не развиваетъ впрочемъ своихъ положеній и самое представленіе о Петровской реформѣ остается не совсѣмъ ясно. Напримѣръ, онъ замѣчаетъ въ предисловіи: „Безгранично величава и возбуждаетъ невольное благоговѣніе мощная личность Петра Перваго, но, благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ, выяснилось, что реформы великаго Преобразователя были реформами только государственными, и что онѣ привели только къ узкосословнымъ результатамъ, не снискавъ симпатіи народной массы, какъ пріобрѣли ее реформы Гуса или Лютера. Эта масса безучастно и нѣмо отнеслась къ Петру и его дѣлу. Генію Петра не удалось, да и некогда было, передѣлывать міросозерцаніе русскаго народа: каковъ онъ былъ во времена Петра, такимъ онъ и остался во время царствованія его преемниковъ, и только теперь, съ 19-го февраля 1861 года, началось медленное внутреннее движеніе въ ходѣ идей, въ развитіи сознанія всего русскаго общества“. Въ этихъ строкахъ—цѣлый рядъ недоразумѣній. Во-первыхъ, невозможное сближеніе реформы Петровской съ реформами Гуса и Лютера: одна, какъ самъ авторъ говоритъ, была чисто государственная, другія—чисто церковныя; далѣе, государственная реформа Петра приводитъ будто бы только къ „узко-сословнымъ“ результатамъ, когда, напротивъ, однимъ изъ громаднѣйшихъ, прямыхъ и косвенныхъ результатовъ ея было первое прочное утвержденіе науки и образованія, которыя, сильно измѣнивъ бытъ государственный и общественный, въ концѣ концовъ, вели къ самому 19-му февраля. Петръ не передѣлалъ народнаго міросозерцанія, но онъ и не ставилъ себѣ такой цѣли: при всѣхъ мнимыхъ наклонностяхъ его реформы къ протестантству, православная вѣра, кажется, осталась донынѣ неприкосновенной. Наконецъ, не вполнѣ вѣрно и то, что масса народная отнеслась къ Петру нѣмо и безучастно: это опровергается существованіемъ цѣлаго круга петровскихъ пѣсенъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ относились не весьма благосклонно къ наплыву мнимо-латинскаго элемента, приносимаго въ Москву въ концѣ XVII-го вѣка кіевскими и западно-русскими ду-

ховными. Біографъ Димитрія Ростовскаго умѣлъ отнестись къ нимъ безпристрастно. „Въ сравненіи съ сторонниками противной партіи (исключая Лихудовъ, получившихъ образованіе за границей),—говоритъ онъ,—латинствующіе стоятъ гораздо выше и по эрудиціи, и по гуманности своихъ взглядовъ: они требуютъ болѣе терпимости къ латинству, къ иновѣрнымъ, даже приносятъ за нихъ жертвы на проскомидіи. Въ самой полемикѣ они отличаются большею мягкостью и требуютъ убѣжденія словомъ, а не заточеніемъ и сожженіемъ... Въ этомъ смыслѣ они провозвѣстники будущихъ реформъ царя Петра.

„Въ унисонъ ихъ направленію звучалъ указъ его 1709 года: „совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотне представляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещися о блаженствѣ души своея". Но и въ другихъ отношеніяхъ латинствующіе были задолго до суровыхъ Петровскихъ преобразованій представителями новыхъ общественныхъ теченій. Всѣ они, великороссы и малоруссы, группировались около царевны Софіи и князя В. В. Голицына. Послѣдній, по словамъ Невиля, былъ единственный человѣкъ, желавшій и могшій произвести реформу въ Россіи. Эта реформа, при содѣйствіи латинствующихъ, конечно, была бы иная, съ другою религіозною окраскою, чѣмъ реформа Петра, отмѣченная сочувствіемъ къ протестантизму.

„Но и при паденіи Софьи латинствующіе сослужили Россіи свою службу: они подготовили почву церковнымъ реформамъ Петра, ослабивъ старо-московскую партію, хотя послѣдняя, казалось, и одержала полную побѣду. Уцѣлѣвшіе изъ нихъ малорусскіе дѣятели и ихъ сторонники явились, по крайней мѣрѣ въ первое время, помощниками и сторонниками Петра; а старо-московская партія исчезла почти безслѣдно или примкнула къ новому свѣжему теченію, шедшему прямо отъ латинствующихъ" (стр. 235—236).

Терминъ „латинствующихъ" авторъ употребляетъ не въ укоръ ихъ православію, а только какъ черту ихъ школьнаго образованія: южно-русскіе духовные были такіе же православные, можетъ быть съ ничтожными обрядовыми разницами, но ихъ отличала бо̀льшая степень просвѣщенія, которая отразилась на многихъ прикладныхъ понятіяхъ, между прочимъ и церковныхъ. Въ числѣ этихъ „латинствующихъ" былъ и Димитрій Ростовскій.

Упомянутая неровность изложенія происходитъ также и вслѣдствіе самыхъ пріемовъ автора; такъ напримѣръ, глава о западномъ вліяніи состоитъ изъ слишкомъ отрывочнаго сопоставленія фактовъ, которые при большей обработкѣ могли бы составить болѣе цѣльную картину. Иной разъ самые факты подбираются нѣсколько поспѣшно;

укажемъ для примѣра, что въ той главѣ, гдѣ говорится объ административной дѣятельности Димитрія въ Ростовѣ и приводятся подробности низкаго уровня, на какомъ стояло низшее духовенство, авторъ въ доказательство этого низкаго уровня дѣлаетъ ссылку на „одинъ Домострой XVII-го вѣка, *видимо переводный* съ польскаго" (стр. 295): что же можетъ доказывать польскій Домострой относительно русскихъ нравовъ? Книгу Димитрія Ростовскаго о Брынской вѣрѣ („Розыскъ") авторъ называетъ: „громадный трудъ о расколѣ", когда самъ Димитрій называетъ ее: „краткая сія книжица" (стр. 441, 447) и она дѣйствительно скорѣе краткая, чѣмъ громадная. Приводя цитаты, авторъ нерѣдко смѣшиваетъ ихъ съ собственнымъ изложеніемъ, такъ что неизвѣстно, гдѣ кончаются его собственныя слова и начинаются чужія. Весьма неумѣстно слишкомъ изобильное количество опечатокъ, далеко не исчерпанное въ ихъ спискѣ (въ концѣ книги),—напримѣръ, стр. 234, гдѣ смѣшанъ порядокъ примѣчаній; стр. 450, гдѣ напечатано: „Іисуса" вмѣсто: „Ісуса" (какъ писали раскольники), при чемъ потеряна вся соль насмѣшки. Въ настоящую эпоху классицизма прискорбно встрѣчать такое правописаніе собственныхъ именъ, какъ Ѳеоѳанъ, Ѳеоѳилъ, Іоанафанъ, и т. п.

Иные факты, какъ литературная дѣятельность Димитрія Ростовскаго, остаются недостаточно обработанными; но и въ томъ, что сдѣлано, книга г. Шляпкина представляетъ весьма полезный вкладъ въ исторію нашей старой литературы.—А. П.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію были доставлены слѣдующія новыя книги и брошюры:

Булгаковъ, Ѳ. И. — Альбомъ русской живописи. Картины Г. И. Семирадскаго. Фототипическое изданіе. Спб. 91.

Васильевъ, П. Г.—Первая классная книжка для чтенія. Пособіе при начальномъ обученіи родному языку. Изд. 6-ое, исправл. и дополн. Спб. 91. Стр. 182. Ц. 50 к.

Вруцевичъ, М. С.—Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. Спб. 91. Стр. 41.

Галинъ, П. Н. (Нилъ А—гъ). — Разсказы и очерки. Екатеринб. 91. Стр. 272. Ц. 75 к.

Ермоловъ, А. С. — Современные сельско-хозяйственные вопросы. Этюды изъ области сельскаго хозяйства и статистики. Вып. 1. М. 91. Стр. 302. Ц. 2 р.

Животовъ, Н. Н.—Церковный расколъ Петербурга, въ связи съ обще-россійскимъ расколомъ. Очерки: старообрядцы, безпоповцы, поповщинцы, сектанты разныхъ толковъ и ученій; общины русскія (мѣстныя) и заграничныя. Спб. 91. Стр. 158. Ц. 75 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Докторъ Штокманъ (Volksfeind). Драма въ пяти дѣй-

ствіяхъ. Переводъ Н. Мировичъ. Къ представленію дозволена 21 марта 1891 г., № 1518. Изданіе редакціи журнала „Артистъ". М. 1891. 12°. 130 стр. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Лейненбергъ, Н.—Гигіена умственнаго труда. Соч. д-ра О. Дорнблита, пер. съ нѣм. Од. 91. Стр. 66. Ц. 50 к.

——— Гигіена бездѣтнаго брака. Соч. д-ра А. Мейера. Од. 91. Стр. 75. Ц. 50 к.

Лендеръ, Н.—Волжскій Спутникъ, съ картою Поволжья. Изд. 2-е. Спб. 91. Стр. 276. Ц. 75 к.

Ломакинъ, Н.—Ложный путь, др. въ 4-хъ дѣйствіяхъ (къ представленію дозволена). М. 91. Стр. 52.

Маевскій, В.—Злаки средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію средне-русскихъ злаковъ. М. 91. Стр. 157. Ц. 85 к.

Милевскій, С. Н., врачъ.—Гигіена для велосипедиста, общедоступное изложеніе, съ 13 рис. въ текстѣ. Спб. 91. Стр. 99. Ц. 75 к.

Соловьевъ, Владиміръ.—Стихотворенія. М. 91. Стр. 74. Ц. 1 р.

——— Національный вопросъ въ Россіи. Вып. 1. Изд. 3-е. Спб. 91. Стр. 206. Ц. 1 р.

Судейкинъ, В. Т. — Возстановленіе въ Россіи металлическаго обращенія (1839—43 г.). Историческій очеркъ. М. 91. Стр. 77.

Шахматовъ, А. И.—Историческіе очерки города Саратова и его округи, составленные А. И. Шахматовымъ, подъ редакціей Вл. Г. Вучетичъ. Выпускъ 1-й. Съ рисункомъ и картами. Саратовъ, 1891, 8°, XI, 205 и 15 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Шепелевичъ, Л.—Этюды о Дантѣ. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла". Ч. I. Харьк. 91. Стр. 130.

Эйгоффъ, П., д-ръ.—О новыхъ медицинскихъ мылахъ, перев. съ нѣм. (Сборникъ клиническихъ лекцій. Р. ф. Фолькманна). Лейпцигъ, 90. Стр. 20.

Tarchanoff, Jean, de. — Hypnotisme, suggestion et lecture des pensées. Trad. de russe par Ern. Jaubert. Par. 91. Стр. 162.

— Дополненіе къ Систематическому Сборнику приказовъ по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба, ген.-лейт. В. Д. Коссинскаго (іюль 1888—январь 1890 г.) Изд. 2-е. Спб. 91. Стр. 526. Ц. 5 р.

— Журналъ V совѣщанія гг. инженеровъ 1-го Вятскаго горнаго округа, янв. 91 г., въ Холуницкомъ заводѣ. Вятка, 91. Стр. 187.

— Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ. С. А. Венгерова. Вып. 30 (конецъ II тома). Спб. 91. Стр. 383—422.

— Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ Спб. губерніи. Вып. XII: Частно-владѣльческое хозяйство въ Царскосельскомъ уѣздѣ. Спб. 91. Стр. 126.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 16, 17 и 18 (Брюннъ—Великій). Изд. А. Гербель и К°. М. 91. Стр. 719—862. Ц. за каждый 40 к.

— Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ VIII (1728 г.). Спб. 1891. Больш. 8°. VII, стр. 704, CLXIV и 114 столбцовъ. Ц. 2 р. 75 к.

— Отчетъ англійской королевской коммиссіи о слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Свѣденія о слѣпыхъ. Перев. съ англ. Спб. 91. Стр. 79.

— Отчетъ за 1890 г. Общества попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ въ Москвѣ. М. 91. Стр. 97.

— Русская Классная Библіотека, изд. п. р. А. Н. Чудинова, вып. 1: Слово о полку Игоря. Спб. 91. Стр. 80. Ц. 30 к.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгород. губерніи за 1890 г. Новг. 91.

— Седьмой отчетъ Имп. православнаго Палестинскаго Общества, за 1888—1890 гг. Спб. 91. Стр. 193, съ прилож.

— Стенографическій отчетъ XXVI очереднаго Новгородскаго губернскаго земскаго собранія. Новг. 91. Стр. 273.

— Труды Коммиссіи по техническому образованію и отчетъ о школахъ для рабочихъ и ихъ дѣтей, учрежд. Имп. русскимъ технич. Обществомъ. 1889—1890 г. Спб. 91.

——— 1890—91 гг. Вып. 1. Спб. 91.

— Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета. Годъ LVIII. Кн. III. Каз. 91. Стр. 420. Ц. 1 р. 50 к.

— Энциклопедическій Словарь, п. р. проф. И. Е. Андреевскаго. Т. III, А (Бергеръ-Басы). Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 91. Стр. 481—962.

ЗАПОЗДАЛАЯ ВЫЛАЗКА

ИЗЪ ОДНОГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЛАГЕРЯ.

(Письмо въ редакцію.)

Припертые къ стѣнѣ и вынужденные умолкнуть въ спорѣ о вырожденіи славянофильства и о „самобытныхъ" теоріяхъ, взятыхъ у француза де-Местра и нѣмца Рюккерта, наши литературные *назадняки* (какъ называетъ ихъ профессоръ Ламанскій) не могли, конечно, успокоиться. Не признаться же имъ было въ своей внутренней несостоятельности при всѣхъ выгодахъ своего внѣшняго положенія? Если нѣтъ прямого отвѣта, то можно придумать что-нибудь косвенное; если нечего сказать о дѣлѣ, то можно покричать о какой-нибудь бездѣлицѣ.

Годъ тому назадъ, въ числѣ другихъ случайныхъ рецензій, я помѣстилъ въ „Русскомъ Обозрѣніи" и небольшую рецензію на книгу г. Щеглова: „Исторія соціальныхъ системъ". Въ этомъ библіографическомъ отчетѣ было очень мало *моего*: онъ былъ обильно украшенъ буквальными выписками изъ книги г. Щеглова. Содержаніе этихъ выписокъ могло казаться иногда неправдоподобнымъ, но ихъ подлинность легко было провѣрить всякому читателю, ибо я указывалъ въ точности на страницы книги, не изъятой изъ обращенія. Теперь, спустя годъ, г. Щегловъ печатаетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" обширную статью, почти исключительно посвященную отвѣту на мою рецензію. Эту послѣднюю онъ называетъ „трудомъ", и притомъ трудомъ хотя малымъ по объему, но огромнѣйшимъ (ingentissimum) по злохудожеству. („Русск. Вѣстн." 1891, № 6, стр. 127). Поэтому, хотя г. Щегловъ, какъ самъ онъ заявляетъ, и не читалъ ни одного изъ прочихъ моихъ произведеній (стр. 107), это не мѣшаетъ ему обличать „глубокую безнравственность" всей моей литературной дѣятельности (стр. 127). Въ заключеніе своего обширнаго и долгосрочнаго отвѣта на мой краткій прошлогодній отзывъ г. Щегловъ объявляетъ: „такимъ критикамъ, какъ г. Вл. Соловьевъ, не отвѣчаютъ" (тамъ же).

Хотя я вообще считаю нелишнимъ отмѣчать иногда разные курьезы въ лагерѣ нашихъ „назадняковъ", но въ настоящемъ случаѣ у меня есть и другія причины, чтобы обратить нѣкоторое вниманіе на эту запоздалую вылазку. Имѣю въ виду не столько г. Щеглова, сколько тѣхъ его единомышленниковъ, которымъ свою окончательную

безотвѣтность въ вопросахъ важныхъ и существенныхъ было бы очень удобно прикрыть чужою бранью по поводу выѣденнаго яйца.

„Глубокая безнравственность“ моей „литературной дѣятельности“ выразилась главнымъ образомъ въ томъ, что я рекомендовалъ г. Щеглову познакомиться съ неизвѣстною ему превосходною книгою Нойеса объ американскомъ соціализмѣ. Г. Щегловъ признается, что онъ книги Нойеса не зналъ и прочелъ ее только теперь. Впрочемъ онъ и теперь, имѣя ее подъ руками, почему-то не упоминаетъ ея заглавія и оставляетъ меня въ сомнѣніи, та ли это книга, которую я ему рекомендовалъ (ибо сочиненія Нойеса довольно многочисленны). Но допустимъ, что это та самая. Прочтя ее, г. Щегловъ нашелъ, что она никуда не годится, и вывелъ изъ этого неожиданное заключеніе, что я ее не читалъ. Мнѣ кажется, что изъ того, что я нахожу превосходною ту книгу, которую г. Щегловъ считаетъ никуда негодною, слѣдуетъ только, что у насъ съ нимъ разныя мѣрила для оцѣнки книгъ. Вотъ, напримѣръ, г. Щегловъ считаетъ сочиненія Гоголя, Достоевскаго, Толстого крайне зловредными [1]), а я, напротивъ нахожу ихъ превосходными—слѣдуетъ ли отсюда, что я ихъ не читалъ? Съ другой стороны, о книгѣ г. Щеглова я думаю въ извѣстномъ отношеніи гораздо хуже, нежели онъ — о книгѣ Нойеса; между тѣмъ гг. Буренинъ и Страховъ, какъ сообщаетъ нашъ скромный авторъ, рекомендовали его произведеніе публикѣ какъ превосходное; слѣдуя логикѣ г. Щеглова, я имѣлъ бы право утверждать, что названные критики не читали и даже не видали его книги.

Въ сочиненіи Нойеса, которое мнѣ пришлось прочесть еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Лондонѣ, я нашелъ хотя и сжатое, но полное, живое и продуманное изображеніе различныхъ соціалистическихъ ученій и предпріятій въ Америкѣ. Сколько страницъ и строкъ посвящено тамъ исторіи той или другой общины—я не считалъ и не знаю, а счету г. Щеглова не имѣю основанія довѣрять. О поучительныхъ выводахъ, которые я извлекъ изъ „безнравственной“ книги Нойеса, говорить съ нашимъ обличителемъ было бы неосторожно; но я совершенно не понимаю, почему г. Щегловъ считаетъ невозможнымъ, чтобы я — литературный дѣятель глубоко-безнравственный по его мнѣнію — одобрялъ en connaissance de cause сочиненіе Нойеса, которое онъ находитъ негоднымъ, лживымъ и развратнымъ? Дурной дурное и хвалитъ.

---

[1]) Щегловъ, Исторія соціальныхъ системъ, томъ II, стр. 586, 587, 593.

Другое выраженіе моей глубокой безнравственности состоитъ въ поправкѣ къ словамъ г. Щеглова, что *Ламеннэ и его друзья подчинились* папскому осужденію либеральнаго католичества. Изъ этихъ словъ читатель, незнакомый съ дѣломъ, долженъ былъ вывести ошибочное заключеніе, что Ламеннэ подчинился такъ же, какъ и его друзья — Монталамберъ и Лакордеръ; между тѣмъ, какъ извѣстно, только эти двое подчинились дѣйствительно и окончательно, тогда какъ Ламеннэ взялъ назадъ обѣщанное имъ заранѣе подчиненіе и отдѣлился отъ католической церкви. О томъ, сколько дней или мѣсяцевъ спустя послѣ папской энциклики онъ это сдѣлалъ, у меня не было рѣчи, и г. Щегловъ совершенно напрасно припуталъ сюда хронологическія подробности, отъ которыхъ сущность дѣла нисколько не измѣняется [1]). Но всего забавнѣе его неудачная придирка къ употребленному мною слову: *протестовалъ*. „Ламеннэ, говоритъ онъ, никогда не протестовалъ. Отпаденіе его выразилось не въ какомъ-нибудь протестѣ, а въ послѣдовательномъ изданіи трехъ сочиненій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ: Les paroles d'un croyant, Les affaires de Rome и Le livre du peuple“ (Р. В., стр. 114). Но что же содержится въ этихъ трехъ сочиненіяхъ, какъ не самый рѣшительный и рѣзкій протестъ противъ папскаго декрета, осудившаго идеи Ламеннэ? О какомъ-нибудь формальномъ и оффиціальномъ актѣ протеста никто не говорилъ, да такой актъ былъ бы и невозможенъ со стороны простого священника противъ папы. Иначе какъ посредствомъ своихъ сочиненій Ламеннэ и не могъ протестовать.

Г. Щегловъ, совершенно незнакомый, по его собственнымъ словамъ, съ моими сочиненіями, не стѣсняется, однако, утверждать, что исторія католицизма *въ XIX-мъ вѣкѣ* составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ моего изученія. На самомъ дѣлѣ такимъ предметомъ изученія была для меня за послѣдніе годы исторія вселенской церкви

---

[1]) Г. Щегловъ въ своей обширной статьѣ ни разу не указалъ, въ *какомъ нумерѣ* журнала помѣщена моя рецензія, а едва ли кто-нибудь изъ его читателей станетъ искать ее въ *прошлогоднихъ* книгахъ „Русскаго Обозрѣнія“. Этимъ, конечно, и обусловлена его удивительная развязность. Такъ напримѣръ, его нелѣпыя и изъ личнаго озлобленія проистекающія выходки противъ литературы и университетовъ я резюмирую въ соотвѣтствующей формѣ нелѣпаго силлогизма, который и ставлю во вносныхъ знакахъ, какъ это обыкновенно дѣлается, когда пишущій говоритъ не отъ своего лица. Изъ контекста *совершенно ясно*, что это не выписки изъ книги г. Щеглова, тѣмъ болѣе, что при таковыхъ я всегда указываю на страницы. Но „добросовѣстный“ авторъ, принявъ свои мѣры, чтобы затруднить читателямъ доступъ къ моей рецензіи, смѣло усматриваетъ въ общепринятомъ употребленіи вносныхъ знаковъ крайній образчикъ моей „глубокой безнравственности“, и это очень кстати избавляетъ его отъ необходимости сказать что-нибудь о тѣхъ *текстуальныхъ образчикахъ* дикаго вздора, которые я въ достаточномъ обиліи выписалъ изъ его книги.

до раздѣленія Востока и Запада, а не католицизмъ XIX-го вѣка. Замѣчать ошибки г. Щеглова по какому-нибудь предмету еще не значитъ претендовать на спеціальное знаніе этого предмета. Впрочемъ, хотя въ своей книгѣ г. Щегловъ и не обнаружилъ яснаго представленія о взглядахъ и судьбѣ Ламеннэ, но теперь, когда, вслѣдствіе моего указанія, онъ внимательно просмотрѣлъ кое-какія книжки, я охотно готовъ признать, что хронологическія, по крайней мѣрѣ, подробности этой исторіи у него свѣжѣе въ памяти, чѣмъ у меня. Такимъ образомъ моя рецензія оказалась небезполезной и для г. Щеглова.

Небезполезно было бы для него и знакомство съ нѣкоторыми философскими диссертаціями, въ которыхъ, между прочимъ, трактуется о *потенціальномъ* и актуальномъ бытіи. Это удержало бы его, можетъ быть, отъ двухъ смѣлыхъ утвержденій: 1) что философскій смыслъ слова puissance мнѣ неизвѣстенъ и 2) что Фурье, говоря: troisième puissance, имѣлъ въ виду именно этотъ философскій смыслъ, соотвѣтствующій латинскому potentia и греческому δύναμις. Г. Щегловъ даже Аристотеля поминаетъ по этому поводу. Между тѣмъ фраза Фурье, о которой идетъ рѣчь, гласитъ, по переводу нашего автора, такъ: „Названная армія, находясь въ порядкѣ мажорномъ, имѣетъ кромѣ того тезисъ гастрософическій; онъ состоитъ въ опредѣленіи серій маленькихъ пирожковъ въ гигіенической ортодоксіи третьяго могущества на 32 сорта пирожковъ, приспособленныхъ къ темпераментамъ третьяго могущества“ [1]). Пусть господинъ Щегловъ попробуетъ перевести на латинскій или греческій языкъ эти „маленькіе пирожки въ гигіенической ортодоксіи третьяго могущества“ съ помощью словъ potentia, или δύναμις—онъ увидитъ, какой при этомъ получится философскій, истинно-аристотелевскій смыслъ!

И въ книгѣ своей, и въ статьѣ г. Щегловъ съ особеннымъ усердіемъ ратуетъ противъ развращающаго дѣйствія, производимаго изящною литературой. Главными развратителями въ этой области онъ въ своей книгѣ признаетъ Гоголя, Достоевскаго и Толстого [2]). Послѣ этого, какъ долженъ я понимать слѣдующія слова въ концѣ статьи г. Щеглова: „Еслибы мы не читали ни одной строки, написанной г. Вл. Соловьевымъ, еслибы мы знали только одинъ тотъ фактъ, что гнѣвъ (?) его возбужденъ моимъ протестомъ противъ развращенія юношества со стороны литературы и со стороны самихъ университетскихъ дѣятелей, этого было бы совершенно достаточно для того,

[1]) Щегловъ, Ист. соц. сист. II, 236.

[2]) См. выше ссылку на страницы въ книгѣ г. Щеглова.

чтобы съ точностью опредѣлить ту нравственную систему, которая лежитъ въ основѣ его литературной дѣятельности; очевидно, она тождественна съ нравственностью людей, которыхъ защиту онъ взялъ на себя; τέττιξ τέττιγι φίλος, а не μύρμηκι“ (Р. В., 127). Μύρμηξ—это трудолюбивый г. Щегловъ, а τέττιγες—это наши „развратители“— Гоголь, Достоевскій, Толстой. Хотя я далеко не безусловный ихъ почитатель, но все-таки, когда г. Щегловъ, желая окончательно меня уронить, объявляетъ, что я нравственно солидаренъ съ корифеями русской литературы, то я могу только его поблагодарить за такой ненамѣренный, но тѣмъ болѣе пріятный комплиментъ. Вотъ еслибы г. Щегловъ взвелъ на меня нравственную солидарность съ нимъ и съ ему подобными,— тогда другое дѣло!

Помимо неожиданнаго комплимента, полемика съ г. Щегловымъ доставила мнѣ еще одно удовольствіе. Всего семь лѣтъ сражаюсь я съ разными представителями лже-охранительныхъ началъ. Всего семь лѣтъ—а какая разительная перемѣна, какое удивительное пониженіе духовнаго уровня въ этомъ почтенномъ лагерѣ! Въ 1884 г. на меня нападалъ И. С. Аксаковъ, потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось имѣть дѣло съ г. Страховымъ, а вотъ теперь выступаетъ имъ на смѣну, въ качествѣ „третьяго могущества“, г. Щегловъ. Конечно, въ извѣстномъ отношеніи гораздо пріятнѣе было спорить съ И. С. Аксаковымъ или даже уловлять коварство неуловимаго Н. Н. Страхова, нежели отмахиваться отъ г. Щеглова. Но зато какое нравственно-эстетическое удовлетвореніе приходится испытывать при видѣ этой вполнѣ достигнутой гармоніи между идеей нашего назадничества и ея личнымъ воплощеніемъ!

Владиміръ Соловьевъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Émile Faguet. Politiques et moralistes du dix-neuvième siècle. Première série. Paris, 1891.

Критическіе этюды Эмиля Фагé, собранные въ настоящей книжкѣ, интересны и поучительны не только по характеру затронутыхъ темъ, но и по способу ихъ обработки и по тому спокойному, безстрастному освѣщенію, которое дается авторомъ самымъ жгучимъ принципіальнымъ вопросамъ политики. Излагая воззрѣнія такихъ писателей, какъ Жозефъ де-Местръ, де-Бональдъ, госпожа Сталь, и такихъ политическихъ дѣятелей, какъ Бенжаменъ-Констанъ, Ройе-Колларъ и Гизо, авторъ вынужденъ говорить о верховной власти, объ устройствѣ правительствъ, о либеральныхъ и республиканскихъ принципахъ, о монархіи и парламентаризмѣ, обо всемъ, чтó наиболѣе волновало Францію и чтó стоило ей потоковъ крови съ конца прошлаго столѣтія,—и онъ говоритъ объ этихъ предметахъ въ тонѣ безразличія и равнодушія, подобно критику, разбирающему достоинства и недостатки скучнаго литературнаго произведенія. Въ его этюдахъ много знанія и пониманія, много яркихъ и остроумныхъ замѣчаній, но это скорѣе портреты и характеристики, чѣмъ объясненія политическихъ и нравственныхъ доктринъ, раздѣлявшихъ французское общественное мнѣніе въ началѣ нашего вѣка. Въ книгѣ нѣтъ отвлеченныхъ разсужденій, и спорныя теоріи разсматриваются авторомъ въ непосредственной связи съ личными особенностями ихъ представителей и проповѣдниковъ, такъ что серьезный историко-литературный матеріалъ предлагается читателю въ самой легкой и занимательной формѣ. Методъ автора имѣетъ свои слабыя стороны; иногда можетъ казаться, что попытки психологическаго анализа мѣшаютъ правильной оцѣнкѣ тѣхъ общихъ умственныхъ теченій, которыя выразились въ системахъ и усиліяхъ критикуемыхъ дѣятелей. Фагé не высказываетъ прямо своихъ собственныхъ взглядовъ и симпатій, но легко видѣть, что онъ не сочувствуетъ нынѣшней республикѣ и что идеалы его не идутъ далѣе умѣреннаго либерализма, мирно развивающагося на почвѣ консервативныхъ учрежденій.

Въ статьѣ о де-Местрѣ авторъ задался цѣлью смягчить обычныя

представленія объ этомъ теоретикѣ абсолютизма и какъ бы примирить съ нимъ читателя. Письма и мемуары де-Местра рисуютъ его какъ человѣка добраго и сердечнаго, вѣрнаго и предупредительнаго въ частныхъ отношеніяхъ: „онъ во всю свою жизнь неизмѣнно привязанъ къ людямъ чужой вѣры, къ православнымъ русскимъ и къ швейцарскимъ протестантамъ, а для своихъ друзей, даже не раздѣляющихъ его взглядовъ, онъ всегда готовъ придумать какую-нибудь услугу или нравственную поддержку". Онъ—не реакціонеръ въ вульгарномъ смыслѣ этого слова; онъ хорошо понимаетъ, что послѣ французской революціи нельзя управлять страною по прежнему. „Вы говорите,—пишетъ онъ,—что народы нуждаются въ сильныхъ правительствахъ; но если подъ силою правительства вы разумѣете неограниченную власть произвола, то въ такомъ случаѣ самыми крѣпкими правительствами должны вамъ казаться неаполитанское, испанское и португальское. Повѣрьте, что для укрѣпленія монархіи нужно основать ее на законахъ и устранить произволъ". Жозефъ де-Местръ былъ аристократъ, настоящій патрицій по крови и традиціямъ; онъ выросъ съ чувствомъ презрѣнія къ народу и съ сознаніемъ, что онъ къ нему не принадлежитъ и никогда не принадлежалъ. Его родъ, старинный, пользовавшійся извѣстностью и почетомъ, занималъ видное мѣсто въ наслѣдственной магистратурѣ; въ этой средѣ особенно развивалось и поддерживалось чувство касты. Де-Местръ былъ самъ судьею, но, въ противоположность Монтескьё, онъ любилъ свое занятіе и положеніе; онъ не былъ свѣтскимъ человѣкомъ, не былъ любителемъ наукъ и вполнѣ удовлетворялся юридической спеціальностью. Выброшенный революціею изъ этой мирной колеи и очутившись на чужбинѣ, въ качествѣ невольнаго эмигранта, онъ сталъ писать и сдѣлался бойцомъ реакціи, строгимъ судьею республиканцевъ и ихъ идей. Онъ отстаивалъ необходимость единства и послѣдовательнаго преемства въ государственномъ строѣ, возставалъ противъ мысли о господствѣ большинства и доказывалъ неосуществимость революціонныхъ мечтаній. „Вы опредѣляете—писалъ онъ—права человѣка и создаете для него конституцію; вы полагаете, что нѣтъ разницы между людьми и что отдѣльные люди, собранные вмѣстѣ, составляютъ человѣка вообще. Но такого человѣка вовсе не существуетъ въ природѣ; я въ теченіе своей жизни видѣлъ французовъ, итальянцевъ, русскихъ; я знаю даже, благодаря Монтескьё, что можно быть персомъ; но что касается человѣка, то я долженъ сказать, что я его никогда не встрѣчалъ, и если онъ существуетъ, то безъ моего вѣдома". Французская нація—это не тридцать милліоновъ людей, обитающихъ въ странѣ между Пиренеями и Рейномъ; это также милліардъ людей, жившихъ раньше, и мертвые имѣютъ больше значенія, чѣмъ живые, ибо они-то очи-

стили поле и воздвигли зданіе; ихъ память создаетъ понятіе объ отечествѣ, даетъ ему прочность и постоянство. Отечество есть общеніе живыхъ съ мертвыми и съ тѣми, которые родятся въ будущемъ, въ предѣлахъ той же страны. Если устроить общество на основахъ простой ассоціаціи, со счетомъ голосовъ, то исчезаетъ почва для патріотизма, предполагающаго безусловную преданность и самоотверженіе, безъ всякихъ счетовъ и разсчетовъ". Поэтому патріотизмъ, по заключенію де-Местра, невозможенъ въ демократіи,—выводъ, опровергаемый, впрочемъ, довольно ярко неудержимымъ патріотическимъ пыломъ тогдашнихъ революціонныхъ войскъ и жалкими неудачами и робостью ихъ монархическихъ противниковъ. Де-Местръ не защищаетъ сословныхъ привилегій въ смыслѣ простыхъ преимуществъ; для него аристократія есть классъ служебный, имѣющій только обязанности, а не права. „Люди, поставленные между королемъ и подданными, должны постоянно проповѣдовать народу о благодѣяніяхъ власти, а королю —о благодѣяніяхъ свободы. Уваженіе къ національной свободѣ должно выражаться въ принципахъ королевскаго авторитета, а не зависѣть отъ формальнаго закона, который безсиленъ". Дворянство,—продолжаетъ де-Местръ—призвано постоянно проводить либеральныя идеи въ правила и практику самодержавія. Не нужно писанныхъ конституцій; „либеральная конституція очень хороша, когда она живетъ въ традиціяхъ монархіи, но, выставленная на дверяхъ дворца, она является постояннымъ воззваніемъ къ возмущенію. Есть много вещей справедливыхъ и вѣрныхъ, которыя не должны быть прямо высказаны и еще менѣе написаны".

Противъ обычныхъ ссылокъ на историческіе факты и примѣры, свидѣтельствующіе о господствѣ злоупотребленій и произвола при старомъ королевскомъ режимѣ, де-Местръ придумалъ особую философскую теорію, поражающую своею смѣлостью и парадоксальностью. Люди жалуются,—говоритъ онъ,—что нѣтъ справедливости тамъ, гдѣ существуетъ абсолютизмъ; но несправедливость есть законъ человѣческихъ обществъ, ибо это—законъ мірозданія. Міръ основанъ на огромной и всеобщей несправедливости; природа есть ужасная тираннія. Еслибы сильный не истреблялъ слабаго, всѣ погибли бы, и сильные, и слабые; постоянное убійство есть условіе всеобщей жизни. Всякая жизнь, растительная, животная, человѣческая, питается милліонами мертвыхъ, безъ которыхъ она не существовала бы. Отъ сотворенія міра, кровь не перестаетъ орошать землю, и атмосфера, которою живутъ всѣ существа, наполнена испареніями крови. И среди этого громаднаго кровопролитія является существо, настолько высоко стоящее надъ другими, что оно могло бы, кажется, избѣгнуть подчиненія этому закону убійства. И что же? человѣкъ истребляетъ, по своему

желанію, всѣ другіе виды животныхъ; онъ водворяетъ смерть повсюду, его обѣденный столъ покрытъ трупами, и нѣтъ высшаго существа, которое, въ свою очередь, такъ же точно поступало бы съ нимъ. Однако, еслибы къ нему не примѣнялся законъ міра, то это былъ бы безпорядокъ, который невозможенъ; „земля вопіетъ и жаждетъ крови". Но какъ будетъ исполняться законъ, и какое существо станетъ истреблять того, кто истребляетъ всѣхъ другихъ? Самъ человѣкъ: ему назначено убивать людей. Тамъ, гдѣ кончается избіеніе болѣе слабыхъ видовъ сильнѣйшими, вступаетъ въ свои права принципъ войны. Война осуществляетъ декреты природы; она есть обычное состояніе человѣческаго рода; „кровь должна литься непрерывно на земномъ шарѣ, здѣсь или тамъ". Безспорно, нѣтъ ничего ужаснѣе войны; но ремесло солдата доставляетъ наибольше уваженія и славы, именно вслѣдствіе присущаго намъ сознанія, что онъ—исполнитель высшаго мірового закона и что имъ осуществляется вѣчный порядокъ жизни. Нѣтъ ничего болѣе ужаснаго, какъ убивать безъ всякаго риска возмездія, хладнокровно, научно и въ полной безопасности. Предъ этимъ отступаютъ всѣ человѣческіе инстинкты, и однако палачъ существуетъ, и онъ всегда существовалъ, и никогда не бываетъ недостатка въ кандидатахъ на эту страшную должность. Скажутъ, что палачъ караетъ преступленіе и что, слѣдовательно, въ его функціи проявляется правосудіе; но самое преступленіе совершается потому, что законъ войны долженъ примѣняться не только между обществами, но и внутри каждаго общества. Среди наиболѣе культурныхъ обществъ остаются презрѣнные и необходимые представители этого закона міра, преступники и палачи; благодаря имъ, кровь течетъ постоянно, такъ какъ она не должна переставать течь, въ силу „декрета"; благодаря имъ, несправедливость, исправляемая насиліемъ, стремящимся, въ свою очередь, превратиться въ несправедливость, получаетъ значеніе практическаго закона. Такимъ образомъ, война, въ видѣ нападенія и защиты, убійство преступное и убійство въ видѣ мщенія, несправедливость, вызывающая насиліе, и насиліе, превращающееся въ несправедливость, какъ между цѣлыми народами, такъ и среди каждаго народа въ отдѣльности,—все это великолѣпно приспособляетъ человѣчество къ несправедливости. Люди идутъ еще дальше и создаютъ культъ убійства, не вынуждаемаго ни потребностью, ни страстью; у всѣхъ народовъ приносились кровавыя жертвы, какъ бы для болѣе нагляднаго подтвержденія того же всеобщаго закона природы. Зло господствуетъ на землѣ, и это вполнѣ естественно: таковъ законъ несправедливости въ его самомъ обширномъ примѣненіи. Ошибка радикальныхъ философовъ коренилась именно въ предположеніи, что существующая повсюду несправедливость есть

нѣчто ненормальное, противное природѣ и потому подлежащее устраненію. Руссо заявляетъ, что „человѣкъ рожденъ свободнымъ и вездѣ оказывается въ оковахъ"; это все равно, что сказать: овцы родятся плотоядными, но вездѣ питаются травою. Если дѣйствительно всеобщій опытъ показываетъ, что человѣкъ подверженъ рабству, то, вѣроятно, это и есть его нормальное состояніе. Люди прилагаютъ къ природѣ вещей требованія своего разума; но то, что̀ предполагается разумнымъ, обыкновенно противорѣчитъ природѣ и всѣмъ фактамъ дѣйствительности. Съ человѣческой точки зрѣнія, міръ неразуменъ; онъ состоитъ изъ системы глубокихъ, прочныхъ и могущественныхъ абсурдовъ.

„Если Жозефъ де-Местръ столь парадоксаленъ,—замѣчаетъ Фагѐ, —то только оттого, что онъ считаетъ весь міръ парадоксомъ. Для него поэтому не имѣетъ никакой силы то возраженіе, что его политическая доктрина несправедлива и неразумна, ибо въ мірѣ нѣтъ ничего другого, кромѣ несправедливости, и разумность не есть признакъ истины". Авторъ ограничивается этимъ краткимъ замѣчаніемъ и не прибавляетъ ни слова критики по поводу удивительнаго приложенія приведенной теоріи къ политическимъ и соціальнымъ порядкамъ человѣческихъ обществъ. Если несправедливость есть общій міровой законъ, обязательный для человѣчества, и если убійство составляетъ лишь осуществленіе верховнаго декрета, отъ котораго люди не могутъ и не должны уклоняться, то изъ этого логически вытекаетъ выводъ, что необходимо стремиться къ увеличенію и распространенію всякихъ несправедливостей, насилій и избіеній, чтобы полнѣе осуществить высшій законъ міра и возможно болѣе приблизиться къ нормальному порядку природы. Тогда остается непонятнымъ, почему де-Местръ протестовалъ и боролся противъ того, что̀ онъ считалъ несправедливостью и насиліемъ,—противъ французской революціи и Наполеоновскихъ предпріятій. Согласно своей теоріи, онъ долженъ былъ признать вполнѣ естественнымъ и законнымъ все то, что̀ совершалось во Франціи въ эпоху революціи и имперіи. Еще болѣе оригинальною является мысль—оправдать королевскій абсолютизмъ посредствомъ возведенія несправедливости на степень всеобщаго мірового закона; такая защита, основанная на положительномъ признаніи несправедливости защищаемаго института, есть очевидная насмѣшка надъ здравымъ человѣческимъ смысломъ. Худшій врагъ королевской власти не могъ бы придумать болѣе злую и ядовитую аргументацію, чѣмъ защитникъ этой власти, де-Местръ. Вѣрные приверженцы тогдашнихъ династій, обиженныхъ Франціею и Наполеономъ, были, конечно, твердо убѣждены, что справедливость находится безусловно на сторонѣ стараго режима, и что революціонное наруше-

ніе династическихъ правъ было вопіющимъ насиліемъ и беззаконіемъ. Самъ де-Местръ держался вѣроятно того же убѣжденія, когда неустанно хлопоталъ о возстановленіи правъ короля сардинскаго, посланникомъ котораго онъ состоялъ при русскомъ дворѣ; онъ едва ли думалъ при этомъ, что возстановленіе власти этого короля будетъ возстановленіемъ несправедливаго порядка, соотвѣтствующаго міровому закону насилія и зла. Парадоксы де-Местра обрушиваются всецѣло на его собственныя основныя идеи и даютъ противъ нихъ опасное оружіе, но внутреннія противорѣчія въ этой цѣпи доводовъ и разсужденій настолько бросаются въ глаза, что не нуждались даже въ спеціальныхъ указаніяхъ.

Замѣчанія Фаге объ ученіи де-Местра довольно поверхностны и легки; онъ придаетъ почему-то большую важность тому обстоятельству, что де-Местръ былъ лично очень добръ и все-таки сочинилъ злую систему. „Онъ былъ очень добръ,—повторяетъ авторъ,—и это такъ мало отражается въ написанномъ имъ для публики, что я долженъ на этомъ настаивать. Его интимныя письма чрезвычайно нѣжны; этого человѣка, котораго нельзя было желать видѣть въ роли законодателя, можно было желать имѣть отцомъ". Въ доказательство приводятся выдержки изъ семейныхъ писемъ, весьма обыкновенныхъ и даже банальныхъ. „Де-Местръ,—продолжаетъ Фаге,—не вложилъ въ свои теоріи ни малѣйшей доли своей доброты, своей вѣжливости, своей любезности, которая восхитительна. Его умъ созданъ иначе, чѣмъ его сердце, и никакой своей сердечной черты онъ не внесъ въ свою умственную область". Такъ какъ теоріи всегда создаются умомъ, а не сердцемъ, и доброта не имѣетъ никакого отношенія къ логикѣ, то смыслъ упрека, дѣлаемаго авторомъ де-Местру, не совсѣмъ ясенъ. Напротивъ, можно сказать, что у де-Местра умъ слишкомъ часто подчиняется вліянію страсти, вражды, раздраженія и страха; этимъ объясняются его рѣзкости, противорѣчія, парадоксы и фантазіи. Противопоставляя де-Местра отвергаемымъ имъ философамъ XVIII вѣка, авторъ опять возвращается къ оцѣнкѣ его домашнихъ добродѣтелей. „Философы были большею частью людьми легкихъ нравовъ, холостяками и дурными мужьями, въ возможно малой степени — главами семействъ; де-Местръ былъ хорошимъ мужемъ, отцомъ, человѣкомъ домашняго очага, настоящимъ pater familias, несмотря на разстояніе и разлуку. Онъ чрезвычайно обходителенъ, и его всѣ уважаютъ, и никто не относился къ нему фамильярно". Эти достоинства, разумѣется, вполнѣ безразличны для пониманія литературно-политической физіономіи де-Местра. Вообще авторъ расположенъ больше хвалить его качества, чѣмъ критиковать его взгляды. Де-Местръ, какъ заключаетъ Фаге, даетъ очень много матеріала для размышленій:

„его оставляютъ съ глубокимъ уваженіемъ къ его характеру, съ живою симпатіею къ его сердечнымъ качествамъ и съ воспоминаніемъ о самой блестящей діалектической игрѣ, какую когда-либо приходится видѣть".

Изъ остальныхъ этюдовъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, наиболѣе интересно и талантливо написанъ обстоятельный очеркъ, посвященный Бенжаменъ-Констану; но достойны прочтенія и характеристики воззрѣній Бональда, госпожи Сталь, Ройе-Коллара и Гизо́.

II.

Leopold von Kunowski. Wird die Socialdemokratie siegen? Ein Blick in die Zukunft dieser Bewegung. Bielefeld und Leipzig, 1891.

Книга фонъ-Куновскаго распадается на четыре отдѣла, соотвѣтственно четыремъ главнымъ вопросамъ, которые поставилъ себѣ авторъ. Во-первыхъ, дѣйствительно ли соціальная демократія представляетъ опасность для государства? Разсмотрѣвъ многочисленные факты, свидѣтельствующіе о постепенномъ и быстромъ ростѣ движенія, а также способы дѣйствія и цѣли соціаль-демократовъ, въ связи съ современными условіями общественной и промышленной жизни, авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Во второмъ отдѣлѣ обсуждается вопросъ еще болѣе серьезный: достигаетъ ли соціальная демократія дѣйствительной побѣды въ Германіи? Авторъ, на основаніи многихъ соображеній и свѣденій, склоняется къ тому печальному выводу, что въ недалекомъ будущемъ должна совершиться катастрофа, въ видѣ полнаго торжества соціальной демократіи, если не послѣдуетъ внутренней перемѣны въ духѣ народномъ, въ идеалахъ и цѣляхъ большинства трудящагося населенія. Такое заключеніе Куновскаго тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что авторъ занимаетъ довольно видное оффиціальное положеніе въ судебномъ мірѣ; онъ состоитъ предсѣдателемъ суда (Landgerichtspräsident, какъ значится на обложкѣ), слѣдовательно нельзя заподозрить его въ легкомысліи или поверхностности сужденій и тѣмъ менѣе можно предположить у него какую-либо симпатію къ соціальной демократіи. Менѣе существенны два другіе отдѣла, въ которыхъ заранѣе разбираются недостатки будущаго соціально-демократическаго устройства и обсуждаются шансы прочности и продолжительности этого режима. Авторъ входитъ въ большія и, очевидно, излишнія подробности, чтобы доказать несостоятельность и даже невозможность предполагаемаго соціалистическаго строя, основы котораго едва ли кому-нибудь положительно

извѣстны. Въ заключительномъ отдѣлѣ разсматривается вопросъ: будетъ ли соціальная демократія въ состояніи удержать за собою побѣду,—и отвѣтъ дается отрицательный. Куновскій видитъ два главныхъ оплота противъ угрожающей опасности—монархію и церковь; но при обычномъ ходѣ дѣлъ эти сдерживающія силы не предупредятъ окончательнаго успѣха рабочаго движенія, какъ не предупреждали до сихъ поръ его постепеннаго роста и развитія. Появленіе такихъ книгъ, какъ трудъ Куновскаго, служитъ нагляднымъ симптомомъ того великаго и тревожнаго значенія, какое пріобрѣтаетъ соціально-демократическая организація въ Германіи.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюля 1891.

Практическіе выводы, къ которымъ приходитъ новѣйшее анти-западничество или псевдо-славянофильство. — Г. Астафьевъ и Иванъ Грозный, г. Ярошъ и „званіе человѣка", г. К. Леонтьевъ и „вовсе иной путь". — Нѣчто объ „унаслѣдованныхъ навыкахъ".— Законъ и „непосредственное чувство"; „право и справедливость", „оставляемыя въ силѣ", но теряющія руководящее значеніе.

Вопросъ о *тѣніи Запада* — замѣтили мы въ нашей предъидущей хроникѣ—имѣетъ для современнаго русскаго общества не одно только отвлеченное, теоретическое значеніе; онъ затрогиваетъ наши насущные, жизненные интересы. „Западничество" сороковыхъ годовъ, какъ и славянофильство, болѣе не существуетъ; но *отношеніе къ Западу* остается, во многомъ, пробнымъ камнемъ для оцѣнки стремленій и взглядовъ, личныхъ и коллективныхъ. Въ доказательствахъ этому нѣтъ недостатка, потому что никогда еще наши анти-западники или псевдо-славянофилы не были такъ прямолинейны и откровенны, какъ въ настоящую минуту.

Въ одномъ изъ безчисленныхъ споровъ, вызванныхъ обострившимся, въ послѣднее время, еврейскимъ вопросомъ, защитникъ еврейства, упрекаемаго въ отсутствіи „идеализма", указалъ на нѣсколько фактовъ изъ исторіи христіанской Европы, свидѣтельствующихъ о томъ, что и здѣсь идеализмъ далеко не всегда обрѣтался въ авантажѣ. Къ числу такихъ фактовъ было отнесено, между прочимъ, потопленіе Иваномъ Грознымъ, въ Волховѣ, тридцати-пяти тысячъ новгородцевъ. „Въ жестокомъ истребленіи новгородцевъ" — отвѣчаетъ на это одинъ изъ нашихъ новомодныхъ націоналистовъ (тотъ самый г. Астафьевъ, о брошюрѣ котораго мы въ прошлый разъ говорили)— „человѣку, понимающему исторію, нельзя видѣть одно звѣрство и не видѣть дурно или хорошо понятой (это здѣсь не важно) идеи государственной необходимости. Еслибы національно-государственная, не растлѣнная политиканствующею буржуазіей Москва не сломила въ то время вольный ганзейскій городъ Новгородъ, этотъ почти единственный въ русской исторіи крупный питомникъ могущественной и гордой буржуазіи, то едва ли существовала бы и нынѣшняя государ-

ственная Россія; а еслибы она и существовала, то была бы, конечно, нынѣ такимъ же достояніемъ буржуазіи, такимъ же правительствомъ соціальныхъ партій, конституціоннымъ и не-народнымъ, какъ и современныя государства Запада. Во всякомъ случаѣ, въ звѣрскомъ, по формѣ (а не по содержанію?), поступкѣ Грознаго было больше *идеи*, чѣмъ въ безпощадной, неумолимой и неутомимой, ежемгновенной и вѣковой экономической эксплуатаціи труда и богатства многихъ народовъ единственно во имя своего благополучія на чужой счетъ". Когда Иванъ Грозный топилъ новгородцевъ, „вольный городъ" Новгородъ давно уже не существовалъ; его политической роли былъ положенъ конецъ почти за сто лѣтъ передъ тѣмъ, при Иванѣ III. Не было, слѣдовательно, никакой надобности разрушать „питомникъ могущественной и гордой буржуазіи" (о примѣнимости этого термина къ Новгороду XV и XVI вѣка мы не говоримъ, потому что это отвлекло бы насъ отъ нашего главнаго предмета). Не эта натяжка, однако, поражаетъ насъ всего больше въ разсужденіи г. Астафьева. Знаменательно *идолопоклонство*, съ которымъ онъ относится къ идеѣ „національной государственности". Что она для него, говоря словами В. С. Соловьева, именно *идолъ*, а не *идеалъ*—это видно изъ свойства жертвоприношеній, которыя онъ кладетъ на ея алтарь. Во имя идеала не можетъ быть пролита кровь тридцати-пяти тысячъ невинныхъ жертвъ; во имя идеала не можетъ быть ни оправдано, ни даже извинено подобное кровопролитіе. Перенося свое идолопоклонство въ прошедшее, г. Астафьевъ мирится съ человѣческими гекатомбами, какъ съ удобреніемъ, способствовавшимъ всходу его любимаго растенія и заглушившимъ (будто бы) ненавистные ему плевелы; примѣняя то же самое идолопоклонство къ настоящему, онъ логически долженъ одобрить всѣ современные суррогаты истребленія, лишь бы только они служили ad majorem gloriam „націонализма" и „государственности". Неужели г. Астафьевъ не видитъ, что оружіе, которымъ онъ такъ легкомысленно потрясаетъ воздухъ — мечъ обоюдоострый? Неужели онъ забылъ, что идея государственной необходимости иногда именовалась raison d'état, иногда—salut public, и что ею можно объяснить не только потопленія въ Волховѣ, но и потопленія въ Луарѣ или драгоннады въ Севеннахъ? Неужели одного проблеска этой идеи, хотя бы и *дурно понятой* (припомнимъ слова г. Астафьева: „дурно или хорошо понятая — *это здѣсь не важно*"), достаточно для смягченія историческаго приговора, для установленія, въ водоворотѣ современной жизни, различія между добромъ и зломъ, между правдою и неправдою? Отыскивать *идею* въ новгородскихъ массовыхъ убійствахъ — это все равно, что придавать глубокій смыслъ избіеніямъ

плѣнныхъ, сопровождавшимъ походы древнихъ ассиріянъ и египтянъ или празднествамъ, которыя задаетъ себѣ, послѣ удачной охоты, африканскій левъ или индійскій тигръ... Рядъ умозаключеній, съ помощью которыхъ г. Астафьевъ открылъ въ „звѣрскомъ поступкѣ" присутствіе „идеи", былъ, очевидно, таковъ: мы, русскіе, должны ежедневно благодарить Провидѣніе за то, что живемъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ наши западные сосѣди; наша судьба могла бы быть совершенно иная, болѣе похожая на судьбу Запада, еслибы, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, не были вырваны съ корнемъ зачатки другого государственнаго и общественнаго устройства—составною частью этой болѣзненной, но спасительной операціи было потопленіе тридцатипяти тысячъ новгородцевъ; ergo—не слѣдуетъ слишкомъ строго относиться къ факту, скрашенному и приподнятому великой идеей... Не въ правѣ ли мы были возстать противъ исходной точки, изъ которой вытекаютъ подобные выводы?

Нерасположеніемъ къ Западу и убѣжденіемъ въ „отсутствіи тождества между жизненными путями Россіи и западной Европы" проникнутъ и другой писатель нео-славянофильской школы—г. Ярошъ. Въ длинномъ рядѣ статей, помѣщенныхъ имъ недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (подъ общимъ заглавіемъ: „Среди самообличеній"), мы находимъ слѣдующую интересную тираду, также вызванную еврейскимъ вопросомъ. „Евреи хватаются съ жадностью за общія формулы: значеніе человѣка какъ таковаго,—равноправность,—свобода подъ защитой права, и т. д. Все это почтенные принципы, но они требуютъ правильнаго пониманія и примѣненія къ жизни. Конечно, признаніе самостоятельнаго достоинства человѣческой личности, внѣ всякихъ внѣшнихъ ея оболочекъ происхожденія, званія и состоянія, составляетъ благородное начало, выработанное долгимъ трудомъ и освященное христіанскимъ ученіемъ. Но это начало—не законъ природы, а идеальное представленіе. Когда мы говоримъ: нѣсть ни эллина, ни іудея, ни варвара, ни скиѳа, ни раба, ни свободнаго,—то мы подразумѣваемъ не вообще человѣка, какъ существо на двухъ ногахъ, а имѣемъ въ умѣ нѣкоторый моральный образъ человѣка, съ извѣстными аттрибутами и свойствами. Званіемъ человѣка нельзя пользоваться какъ естественнымъ фактомъ или даромъ природы; его нужно заслужить. Разумѣется, всякій человѣкъ есть человѣкъ, но онъ можетъ быть и сквернымъ человѣкомъ, и тогда онъ не подойдетъ подъ названную формулу и подъ вытекающія изъ нея послѣдствія. Если кто-нибудь обратится къ своимъ ближнимъ съ настойчивымъ требованіемъ: я человѣкъ, а потому вы должны меня уважать, то ближніе въ полномъ правѣ ему отвѣтить: не спѣши со своими требованіями,

докажи прежде, что ты дѣйствительно человѣкъ, что сердце твое — дѣйствительно человѣческое сердце, а не сердце какой-нибудь коварной пантеры или кровожаднаго тигра". Такъ вотъ во что обращаются, подъ руками современныхъ толковниковъ, старые тексты и новыя формулы! Къ великой мысли, устраняющей племенныя и сословныя перегородки, прибавляется оговорка, совершенно искажающая ея значеніе. Признавать человѣкомъ лишь того, кто соотвѣтствуетъ нашему личному представленію о человѣкѣ, кто обладаетъ нами установленной суммой „свойствъ и аттрибутовъ", значитъ замѣнять право произволомъ, ясное, неизмѣнное начало колеблющимися и неопредѣленными требованіями, расширяемыми или съуживаемыми смотря по надобности. Кто хочетъ повѣсить свою собаку,—гласитъ англійская поговорка,—тотъ сначала называетъ ее дурнымъ именемъ. Нѣчто подобное предлагаетъ г. Ярошъ. Чтобы признать человѣка—или цѣлую категорію людей — не заслуживающими пользованія человѣческими правами, стоитъ только объявить, что онъ или они не соотвѣтствуютъ „нѣкоторому моральному образу", „имѣющемуся въ умѣ" объявителей, или составленному ad hoc, примѣнительно къ обстоятельствамъ. Званіе человѣка—говоритъ г. Ярошъ—„нужно заслужить"; но такъ какъ судьями заслугъ являются другіе люди, и самое понятіе о заслугѣ не поддается точному опредѣленію, то никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что за нимъ будетъ признано желанное званіе. Чувствуя, по всей вѣроятности, безнадежную несостоятельность подобныхъ положеній, г. Ярошъ дѣлаетъ скачокъ въ сторону и подставляетъ на мѣсто одного понятія другое, далеко не тождественное; начавъ съ вопроса о признаніи человѣческихъ правъ, онъ говоритъ, въ концѣ тирады, уже о признаніи личнаго права на *уваженіе*. Безспорно, уваженіе, *насколько оно обусловливается личными качествами и дѣйствіями человѣка*, не можетъ быть, такъ сказать, отпускаемо въ кредитъ; его нужно сначала заслужить—и тогда оно явится само собою, безъ всякаго требованія. Но вѣдь рѣчь идетъ вовсе не объ этомъ уваженіи, а только о томъ *общемъ уваженіи къ личности*, которое составляетъ отличительный признакъ цивилизованнаго общества. Положимъ, что я вовсе не знаю данное лицо или знаю его съ самой невыгодной стороны; уважать его лично я ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не могу—но я обязанъ признавать въ немъ человѣка, щадить его человѣческую личность. Это—обязанность, общая для всѣхъ и каждаго, не исключая и государства. На уваженіе *въ этомъ смыслѣ* имѣетъ право и преступникъ, и нравственно погибшій человѣкъ. Скажемъ болѣе: въ жизни, какъ и на судѣ, *предположеніе* всегда должно быть *въ пользу* человѣка; все дурное должно быть *до-*

казано, а не допускаемо заранѣе. Нельзя говорить человѣку, какъ предлагаетъ г. Ярошъ: „докажи, что ты дѣйствительно человѣкъ, что у тебя сердце человѣка, а не тигра или пантеры". Наоборотъ, человѣкъ имѣетъ право сказать: „докажите, что я не человѣкъ, а звѣрь; пока это не доказано, признавайте во мнѣ человѣка". Справедливое по отношенію къ отдѣльному лицу остается, безъ сомнѣнія, справедливымъ и по отношенію къ совокупности людей, каково бы ни было ихъ происхожденіе, вѣроисповѣданіе, общественное положеніе. Сколько бы ни старался г. Ярошъ, ему не удастся доказать, что еврей, только потому что онъ еврей, можетъ быть признанъ человѣкомъ лишь по предварительномъ изслѣдованіи и одобреніи его „свойствъ и аттрибутовъ".

Еще больше цѣннымъ матеріаломъ для характеристики нашихъ анти-западниковъ могутъ служить „Записки отшельника", печатаемыя въ „Гражданинѣ" г. К. Леонтьевымъ—авторомъ великолѣпной формулы: *русскій народъ долженъ быть ограниченъ, привинченъ, сызнова и мудро стѣсненъ въ своей свободѣ* [1]). Россія,—говоритъ онъ,—„возростала одновременно и въ тѣсной связи съ возростаніемъ неравенства въ русскомъ обществѣ, *съ утвержденіемъ крѣпостного права* и съ развитіемъ наслѣдственнаго чиновничества. Татары не остались у насъ, *къ сожалѣнію* (!); не крестились—и пришлось обходиться домашними естественными средствами, придумывать суррогаты завоеванію, для подчиненія всей этой простодушной, но безпутной и нерѣдко буйной меньшей братіи нашей. И это вошло уже въ кровь нашу; *прошедшее неизгладимо, и прерывать вполнѣ съ его преданіями было бы опасно и ошибочно* (курсивъ въ подлинникѣ). Вѣдь вся исторія Европы въ XIX вѣкѣ есть ничто иное, какъ исторія разочарованія въ раціоналистическихъ и эгалитарныхъ идеалахъ XVIII вѣка. Слава Богу, что мы стараемся теперь затормозить хоть немного свою исторію, *въ надеждѣ на то, что можно будетъ позднѣе свернуть на вовсе иной путь*. И пусть тогда бушующій и гремящій поѣздъ Запада промчится мимо насъ къ неизбѣжной безднѣ соціальной анархіи". Идеалъ (т.-е. идолъ) автора—назади, въ давно прошедшемъ, въ „рѣзкомъ разграниченіи сословій", въ сохраненіи за каждымъ изъ нихъ его историческихъ „навыковъ", въ осуществленіи народной поговорки: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ [2]). Поворотъ, уже совершившійся,

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 4 „Вѣстника Европы".

[2]) Той же поговоркой вдохновляется и одинъ изъ „знакомыхъ незнакомцевъ"—безъименныхъ корреспондентовъ „Гражданина", рисующій такую схему нашего будущаго: „крестьянинъ—паши землю, купецъ—торгуй, воинъ—защищай Россію, ду-

его не удовлетворяетъ; нужно „свернуть на вовсе иной путь", свободный, по возможности, отъ всякаго сходства съ путями гніющаго и мчащагося въ пропасть Запада [1]). Что же это значитъ? Циклъ контръ-реформъ, имѣющихъ „тормозящій" характеръ, повидимому, законченъ. Преобразовано мѣстное управленіе, преобразованъ судъ, преобразовано земство, со дня на день ожидается преобразованіе городовъ; исчезъ прежній университетскій уставъ, отъ закона 6-го апрѣля 1865 г. уцѣлѣли только небольшіе остатки, кореннымъ образомъ измѣнилось положеніе начальной школы. Если этого мало, если нужно идти еще дальше, то гдѣ послѣдняя цѣль обратнаго движенія? Вѣдь роль сословій и теперь уже разграничена довольно рѣзко; еще немного—и на мѣсто сословій явятся касты, замкнутыя и неподвижныя. Этого, очевидно и желаютъ наши газетные ультра-реакціонеры. Крестьянство, такъ или иначе прикрѣпленное къ землѣ, безправное, покорное и невѣжественное; купечество, не выходящее изъ фабрики и лавки, пекущееся о неукоснительномъ удовлетвореніи прихотей высшаго сословія; дворянство, командующее и въ качествѣ чиновничества, и въ качествѣ землевладѣльческаго класса—вотъ картина, рисующаяся передъ обожателями „добраго стараго времени". Они не прочь подкрѣпить свои поползновенія кое-какими научными доводами; они говорятъ, напримѣръ, о „психическихъ навыкахъ, которые образуются у людей подъ вліяніемъ долго повторяющихся и быть можетъ, даже наслѣдственно передающихся впечатлѣній разнороднаго сословнаго воспитанія", но въ сущности имъ очень мало дѣла до науки, свободное, независимое развитіе которой—смертный приговоръ реакціоннымъ утопіямъ. Исторія, какъ и психологія, какъ и философія, можетъ служить орудіемъ мракобѣсія только тогда, когда она подверглась предварительной обработкѣ—или, говоря проще, надлежащей фальсификаціи.

Въ такія эпохи, какъ наша, научное изслѣдованіе, касающееся жгучихъ вопросовъ дня, должно быть крайне осторожнымъ не только

ховное сословіе—служи Богу и его церкви, а гг. дворяне—пусть всюду, гдѣ надо управленіе, займутся государственной службой".

[1]) Замѣтимъ, что та же самая мысль высказывается и въ другомъ органѣ реакціонной печати. „Въ нашей исторіи,—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ",—начался новый періодъ, который мы позволили бы себѣ назвать періодомъ *петербурго-московскимъ*. Петербургская Русь стала постепенно преобразовываться въ Русь московскую". Дальше высказывается желаніе, чтобы „настоящій, петербурго-московскій періодъ нашей исторіи принесъ наиболѣе богатые плоды и *служилъ бы благимъ предвѣстникомъ грядущаго, быть можетъ, новаго чисто-московскаго періода*". Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, съ самоновѣйшимъ и любимѣйшимъ измышленіемъ газетныхъ реакціонеровъ.

въ своихъ заключеніяхъ, но и въ способѣ выраженій; иначе оно легко можетъ сдѣлаться предметомъ эксплуатаціи, едва ли желательной для самого изслѣдователя. Насъ поразило сходство между разсужденіями г. Леонтьева объ „унаслѣдованныхъ психическихъ навыкахъ" и слѣдующими словами недавно изданнаго университетскаго курса: „въ правящемъ классѣ выработываются, путемъ наслѣдственной передачи и особо къ тому приспособленнаго воспитанія, особая способность и привычка къ властвованію. Въ членахъ этого класса естественно складывается увѣренность въ успѣхѣ, въ повиновеніи имъ другихъ, и это сообщаетъ ихъ властвованію рѣшительность и энергію, придающія имъ особую силу. Съ другой стороны, и въ самихъ подвластныхъ точно такимъ же путемъ наслѣдственной передачи и соотвѣтственнаго воспитанія выработывается наклонность къ добровольному подчиненію, *даже своего рода потребность подчиненія*. Къ тому же, господство, къ которому привыкли издавна, которое унаслѣдовали отъ предковъ, не кажется оскорбительнымъ" (*Н. Коркуновъ*, „Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ". Часть первая. Государство и его элементы. Спб., 1890). Мы далеки отъ мысли, чтобы г. Коркуновъ былъ единомышленникомъ г. Леонтьева; мы вовсе не увѣрены въ томъ, что послѣдній зналъ о книгѣ перваго и заимствовалъ изъ нея свое предположеніе объ „унаслѣдованныхъ навыкахъ". Несомнѣнно, для насъ, только одно: слова г. Коркунова *могутъ* быть подхвачены г. Леонтьевымъ или другимъ писателемъ того же лагеря—подхвачены съ ликованіемъ и торжествомъ, какъ *научный*, яко бы, аргументъ въ пользу ихъ излюбленной темы (вѣдь эти господа очень любятъ ссылаться на мнѣнія, высказанныя ex cathedra). А между тѣмъ научное достоинство приведеннаго нами взгляда болѣе нежели сомнительно. Безспорно, *привычка* къ властвованію можетъ породить *способность* повелѣвать—но только тогда, когда, во-первыхъ, властвованіе надъ одними не шло рука объ руку съ безусловнымъ повиновеніемъ другимъ; во-вторыхъ, когда въ правящемъ классѣ постоянно сосредоточивался наибольшій, сравнительно, запасъ знаній, опыта, государственной мудрости. Оба эти условія соединялись, напримѣръ, въ древне-римской аристократіи (временъ республики), самостоятельно управлявшей государствомъ, хранившей и умножавшей сокровище національнаго права; соединялись они, до извѣстной степени, и въ англійской аристократіи, и не вполнѣ утрачены ею даже въ настоящее время. Другое дѣло—когда горизонтъ правящаго класса былъ ограниченъ предѣлами вотчины или присутственной комнаты, когда произволу по направленію внизъ соотвѣтствовала безправность по направленію вверхъ, когда почетная сторона службы

отдѣлялась, сплошь и рядомъ, отъ дѣйствительной служебной работы. Исторія показываетъ, что никакихъ особыхъ способностей и навыковъ въ правящемъ классѣ, при такихъ условіяхъ, не выработывалось; припомнимъ, напримѣръ, чѣмъ было, съ этой точки зрѣнія, до-революціонное французское дворянство. Дополненное такою оговоркой, мнѣніе г. Коркунова не могло бы подлить воды на газетную реакціонную мельницу; совершенно очевидной была бы его непримѣнимость къ нашему, русскому дворянству. И въ самомъ дѣлѣ, ни рѣшительностью, ни энергіей, ни увѣренностью въ успѣхѣ „властвованіе“ нашего помѣщичьяго класса никогда не отличалось. Крѣпостная почва, рыхлая и податливая, не могла выростить этихъ качествъ; въ ней было гораздо больше задатковъ для развитія свойствъ прямо противоположныхъ. Не даромъ же оставили по себѣ такую незавидную память выборные дворянскіе чиновники—исправники, засѣдатели, уѣздные судьи. Въ до-реформенныхъ палатахъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ дворяне, выборные и не-выборные, часто ограничивались подписаніемъ бумагъ и внѣшнимъ представительствомъ, между тѣмъ какъ настоящій трудъ выпадалъ на долю чернорабочихъ, изъ среды разночинцевъ... Еще бо́льшихъ оговорокъ требуетъ другая часть положенія г. Коркунова—о наслѣдственной наклонности къ добровольному подчиненію. И для нея нужны особыя условія, кромѣ давности и привычки: нужны или специфическія расовыя свойства, или патріархальность нравовъ, или идеальная мягкость власти, или необыкновенная благодѣтельность управленія. Гдѣ нѣтъ этихъ условій, тамъ повиновеніе, даже вѣковое, остается вынужденнымъ; такимъ оно было со стороны римскихъ плебеевъ, со стороны крѣпостныхъ Франціи, Германіи, Россіи. Что касается до *потребности въ подчиненіи*, то она кажется намъ возможной только въ единичныхъ случаяхъ; доказать присутствіе ея въ массахъ едва ли удалось бы г. Коркунову. Столь же проблематиченъ и другой результатъ, приписываемый имъ давности господства. Если оно „оскорбительно“ само по себѣ, то едва ли перестаетъ быть оскорбительнымъ съ теченіемъ времени. Таково, напримѣръ, было господство крѣпостного права. Quod initio vitiosum erat, tractu temporis convalescere non potest.

Когда законность, право, свобода, человѣчность становятся, для извѣстной части общества и для говорящихъ отъ ея имени о́ргановъ печати, „забытыми словами“, путаница понятій проникаетъ неизбѣжно и въ тѣ пограничныя сферы, которыя, не будучи рѣшительно реакціонными, отшатнулись, однако, отъ всего отрицаемаго реакціей. Интереснымъ выраженіемъ этой половинчатости служатъ разсужденія о законности и законѣ, встрѣченныя нами недавно въ одномъ изъ

такъ-называемыхъ нейтральныхъ журналовъ (какъ и въ международныхъ сношеніяхъ, нейтралитетъ не исключаетъ здѣсь явнаго сочувствія къ одной изъ воюющихъ сторонъ). „Съ точки зрѣнія теоріи,— говоритъ „Русское Обозрѣніе", возражая противъ одной изъ нашихъ общественныхъ хроникъ,—несомнѣнно въ высшей степени важно строгое и вполнѣ точное примѣненіе закона; но сколько-нибудь опытному юристу очень нетрудно доказать, что большинство административныхъ мѣръ то-и-дѣло находится въ бо̀льшемъ или мéньшемъ противорѣчіи съ тѣмъ или другимъ законоположеніемъ. Съ другой стороны общество сознаетъ, что еслибы администрація, прежде чѣмъ сдѣлать какое-либо распоряженіе, должна была перерыть весь сводъ законовъ, какъ можетъ это сдѣлать присяжный повѣренный въ крупномъ процессѣ, а управленіе стало бы совершенно невозможно. Въ практической жизни, когда необходимо не судить, а дѣйствовать, понятія права и справедливости остаются въ силѣ, но руководствоваться необходимо уже не тонкимъ взвѣшиваньемъ и анализомъ, а непосредственнымъ чувствомъ. Что̀ нужнѣе для населенія—формальная справедливость съ ея формальными гарантіями состязательнаго процесса, равенствомъ сторонъ и кассаціонной практикой, или правда матеріальная, съ такимъ производствомъ, гдѣ формальныя гарантіи гораздо слабѣе, но зато судьи и администраторы имѣютъ возможность руководствоваться сущностью дѣла? Одно изъ излюбленныхъ учрежденій либеральной партіи—это судъ присяжныхъ, не стѣсненный никакими формальностями. Если полная безконтрольность случайнаго состава присяжныхъ не смущаетъ либеральную прессу, то отчего же она усиленно возстаетъ противъ расширенія правъ земскихъ начальниковъ, хотя подвѣдомственныя имъ дѣла далеко не такъ важны?" Принимая подъ свою защиту земскихъ начальниковъ, считавшихъ необходимымъ и возможнымъ наказать крестьянина за *допущеніе себя къ приводу по этапу*, „Русское Обозрѣніе" полагаетъ, что здѣсь было только „неумѣнье найти для дѣла подходящее заглавіе". Въ практикѣ мирового суда было однажды дѣло о *втолкнутіи мужа въ колодезь*. „Такого преступленія,—замѣчаетъ московскій журналъ,— наше законодательство тоже не знаетъ; но сто̀итъ назвать его покушеніемъ на убійство—и нетрудно будетъ найти соотвѣтствующую статью въ уложеніи о наказаніяхъ... Несомнѣнно, что для суда необходимо прежде всего опредѣлить составъ преступленія и немыслимо постановленіе обвинительнаго приговора безъ его наличности; но едва ли цѣлесообразно предъявлять одинаковыя требованія къ дѣятельности земскихъ начальниковъ, облеченныхъ не только судебною, но и административною властью—иначе имъ пришлось бы быть

пассивными свидѣтелями не только всевозможныхъ безобразій, но и преступленій, которыя они призваны не только карать, но и пресѣкать. Вмѣсто того, чтобы думать объ искорененіи зла, имъ пришлось бы прежде всего думать объ установленіи доказательствъ его дѣйствительнаго существованія... Общество въ правѣ ожидать отъ земскихъ начальниковъ не только соблюденія буквы закона, но и проникновенія въ живые интересы населенія; въ формальномъ отношеніи лицъ судебнаго вѣдомства къ производству дѣлъ въ новыхъ учрежденіяхъ (если только такое отношеніе дѣйствительно существуетъ) оно въ правѣ видѣть нѣкоторое, хотя бы вполнѣ добросовѣстное, противодѣйствіе цѣлямъ законодателя... Никто не нападаетъ на принципъ законности, какъ таковой, и консерваторы, разумѣется, должны относиться къ нему съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ кто бы то ни было; но это не есть основаніе, чтобы требовать, не обращая вниманія на духъ его, слѣпого примѣненія буквы закона, которое неизбѣжно поставило бы его въ противорѣчіе съ самимъ собою".

Выписка вышла очень длинной, но это было необходимо, чтобы выставить на видъ всю непослѣдовательность и шаткость оспариваемыхъ нами взглядовъ. Законъ—это, съ точки зрѣнія искателей „золотой середины", какой-то божокъ, передъ которымъ нужно, отъ времени до времени, отвѣшивать церемонный поклонъ, въ промежутки спокойно игнорируя его или даже нанося ему, въ случаѣ надобности, легкіе или тяжкіе побои. Искреннее уваженіе къ законности и закону отнюдь не требуетъ „слѣпого примѣненія *буквы* закона"; напротивъ того, оно выдвигаетъ на первый планъ внутренній смыслъ, духъ закона, не противорѣчащій его буквѣ, но далеко не исчерпываемый ею. Самое отношеніе къ закону—не одно и то же въ сферахъ административной и судебной (и это одна изъ причинъ, по которымъ такъ важно строгое раздѣленіе властей, такъ опасно ихъ сліяніе или смѣшеніе). Администрація должна дѣйствовать *въ предѣлахъ закона*, ничѣмъ его не нарушая; судъ долженъ постановлять рѣшенія *на точномъ основаніи закона*. Никто не ожидаетъ отъ администраціи, чтобы она, прежде чѣмъ сдѣлать какое-либо распоряженіе, *перерыла* весь сводъ законовъ. Въ этомъ нѣтъ никакой надобности; достаточно быть увѣреннымъ, что распоряженіе *не противно закону*, а такую увѣренность знающему и опытному администратору пріобрѣсти, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, недолго и нетрудно. Совсѣмъ инымъ является положеніе суда; если дѣло, подлежащее его разрѣшенію, возбуждаетъ важныя сомнѣнія, онъ не долженъ отступать и передъ *перерытіемъ* всего свода, лишь бы только найти законъ, наиболѣе подходящій къ даннымъ обстоятельствамъ. Между

работой адвоката и работой суда не должно быть, съ этой точки зрѣнія, никакой существенной разницы. Земскій начальникъ, въ дѣлахъ судебныхъ, такой же судья, какъ и всякій другой. Конечно, ему трудно отрѣшиться отъ привычекъ, пріобрѣтаемыхъ въ другой отрасли его дѣятельности; но трудное и невозможное—не синонимы, и критерій для оцѣнки судебныхъ рѣшеній земскаго начальника (и уѣзднаго съѣзда) ничѣмъ не долженъ отличаться отъ критерія, примѣняемаго къ окружнымъ судамъ и мировымъ судьямъ. Противополагать обыкновенное судебное производство, съ его „формальной справедливостью", судебному производству новаго типа, направленному къ достиженію „матеріальной правды"—значитъ впадать въ самую грубую ошибку. „Руководствоваться сущностью дѣла" суды и судьи, со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 г., всегда могли; это—вовсе не привилегія новыхъ учрежденій. „Гарантіи состязательнаго процесса" (удержанныя, почти безъ измѣненій, правилами 29-го декабря 1889 г.) направлены именно къ тому, чтобы обезпечить раскрытіе „матеріальной правды". Система формальныхъ доказательствъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, давно уже не существуетъ, а по дѣламъ гражданскимъ ея остатки столь же обязательны для земскихъ начальниковъ, какъ и для мировыхъ судей; первымъ, какъ и послѣднимъ, запрещено, напримѣръ, принимать свидѣтельскія показанія въ подтвержденіе такихъ событій, которыя требуютъ, по закону, письменнаго удостовѣренія. Если въ гражданскомъ процессѣ не всегда удается согласовать рѣшеніе съ матеріальной правдой, то причину этому слѣдуетъ искать не въ томъ или другомъ составѣ суда, не въ состязаніи сторонъ и не въ равенствѣ ихъ передъ судомъ, а единственно въ несовершенствѣ нашихъ гражданскихъ законовъ и въ той долѣ формализма, которая неразрывно связана съ гражданскими правоотношеніями. Эта доля можетъ уменьшаться или увеличиваться, но совершенно исчезнуть, при современномъ общественномъ устройствѣ, она не можетъ. Возвращеніе къ патріархальнымъ формамъ суда столь же немыслимо, какъ и возвращеніе къ патріархальнымъ нравамъ. Судъ „по душѣ", не ограниченный никакими процессуальными условіями, никакими юридическими опредѣленіями, былъ бы, у насъ и въ наше время, не чѣмъ инымъ, какъ систематизированнымъ произволомъ, организованною несправедливостью, торжествомъ сильнаго надъ слабымъ.

Лѣтописецъ московскаго журнала никакъ не можетъ понять, почему „либеральная партія", сочувствуя суду присяжныхъ, „усиленно возстаетъ противъ расширенія правъ земскихъ начальниковъ". А между тѣмъ ларчикъ открывается очень просто. Самая „случайность"

состава присяжныхъ обезпечиваетъ собою безпристрастіе учрежденія. Оно пополняется представителями всѣхъ сословій и не можетъ, слѣдовательно, задаваться охраной интересовъ, спеціально свойственныхъ одному общественному классу. На обсужденіе присяжныхъ передаются только такія дѣйствія, въ которыхъ компетентнымъ судомъ усмотрѣны признаки преступленія. Все производство передъ присяжными ведется подъ руководствомъ образованнаго юриста, съ соблюденіемъ правилъ, ограждающихъ права обвинителя и обвиняемаго. Приговоръ, на основаніи вердикта присяжныхъ, произносится судебною коллегіей, поставленною подъ контроль высшаго кассаціоннаго суда. И въ виду всего этого насъ хотятъ увѣрить, что мы напрасно боимся расширенія власти сословнаго суда, соединяющаго въ одномъ лицѣ функціи предсѣдателя, присяжныхъ и судебной коллегіи, да еще съ придачей административно-полицейскихъ обязанностей! Въ какую сторону, притомъ, желали бы расширить эту власть усердные не по разуму ея поклонники? Въ сторону безусловнаго преобладанія распорядительности надъ справедливостью, личнаго „усмотрѣнія"— надъ закономъ! „Русское Обозрѣніе" приходитъ въ ужасъ при одной мысли, что земскій начальникъ, прежде чѣмъ приступить къ искорененію зла, долженъ „установить доказательства его дѣйствительнаго существованія". Да развѣ можно поступать иначе? Развѣ можно преслѣдовать—и, тѣмъ болѣе, карать—зло предполагаемое, можетъ быть вовсе не существующее? Развѣ можетъ быть рѣчь о наказаніи, пока не доказана виновность? Развѣ можетъ быть рѣчь о „пресѣченіи" того, чтò не запрещено ни закономъ, ни равносильнымъ закону обязательнымъ постановленіемъ? Развѣ есть власть, кромѣ законодательной, которая уполномочена создавать новыя категоріи наказуемыхъ проступковъ? „Втолкнутіе въ колодезь", смотря по обстоятельствамъ дѣла и намѣренію обвиняемаго [1]), можетъ быть, безспорно, подведено подъ дѣйствіе того или другого уголовнаго закона; но мы желали бы знать, съ какимъ проступкомъ, извѣстнымъ нашему уложенію или судебно-мировому уставу, можетъ быть отождествлено „допущеніе себя къ приводу по этапу"? Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, не съ ошибкой въ выборѣ заглавія, а съ ошибкой въ пониманіи судейскихъ правъ и обязанностей. Нужно совершенно утратить понятіе о законности и законѣ, чтобы обвинять судебныхъ членовъ съѣзда, отказавшихся карать несуществующее преступленіе,

[1]) Покушеніемъ на убійство оно можетъ считаться въ такомъ только случаѣ, если со стороны виновнаго было намѣреніе лишить жизни.

въ противодѣйствіи (хотя бы и добросовѣстномъ) цѣлямъ законодателя.

„Въ практической жизни, — говоритъ „Русское Обозрѣніе“, — когда необходимо не судить, а дѣйствовать, понятія права и справедливости остаются въ силѣ, но руководствоваться необходимо уже не тонкимъ взвѣшиваніемъ и анализомъ, а непосредственнымъ чувствомъ“. Желательно было бы знать, прежде всего, къ чему относится это удивительное положеніе—только къ административной дѣятельности, или также и къ судебной? Судя по контексту, можно было бы думать, что къ обѣимъ, но мы не хотимъ останавливаться на этомъ предположеніи, слишкомъ невыгодномъ для московскаго журнала, и предпочитаемъ думать, что онъ выразился не совсѣмъ ясно, на самомъ дѣлѣ имѣя въ виду одни только административныя распоряженія. И въ этой области, однако, совершенно неумѣстно раздвоеніе, проповѣдуемое „Русскимъ Обозрѣніемъ“. Считать право и справедливость остающимися въ силѣ, но „руководствоваться“ не ими, а „непосредственнымъ чувствомъ“—это все равно, что сказать: „Сводъ законовъ находится въ цѣлости, на присвоенномъ ему канцелярскимъ порядкомъ мѣстѣ. Этимъ ему оказано достаточное уваже е;—справляться съ нимъ и поступать согласно съ его указаніями—трудъ совершенно излишній“. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ у насъ была особая категорія чиновниковъ, состоявшихъ „не у дѣлъ при герольдіи“; чѣмъ-то въ этомъ родѣ было бы положеніе „права и справедливости“, остающихся въ силѣ, но безъ примѣненія. Да и что это за „непосредственное чувство“, на которое такъ твердо разсчитываетъ „Русское Обозрѣніе“? Однимъ оно подскажетъ одно, другимъ, при тѣхъ же условіяхъ—другое, прямо противоположное. У однихъ оно приметъ форму каприза, у другихъ выразится потерей сдержанности, третьихъ завлечетъ въ такія дебри, изъ которыхъ не легко будетъ и выйти. Бываютъ, конечно, чрезвычайныя обстоятельства, которыя, въ силу самого закона, оправдываютъ отступленіе отъ закона; но вѣдь они до крайности рѣдки, и формула „Русскаго Обозрѣнія“ вовсе не ихъ имѣетъ въ виду—она говоритъ вообще о „практической жизни“, т.-е. объ обыкновенномъ, нормальномъ ея теченіи. Всѣ эти фразы о важности закона „съ точки зрѣнія теоріи“, объ уваженіи къ законности „въ принципѣ“, о правѣ и справедливости, остающихся въ силѣ, но теряющихъ свое руководящее значеніе—всѣ эти фразы не имѣютъ даже достоинства новизны; ихъ давно уже предвосхитилъ щедринскій стряпчій, подавшій „сомнѣвающемуся“ помпадуру успокоительный и мудрый совѣтъ: „а законъ пущай въ шкафу стоитъ“!

Въ столкновеніяхъ между закономъ и административной практикой побѣдителемъ и теперь далеко не всегда остается законъ. Вотъ, напримѣръ, что пишутъ въ „Недѣлю" изъ слободского уѣзда (вятской губерніи): „священникъ-законоучитель полынскаго земскаго училища недавно возвратилъ въ земскую управу 4 экземпляра брошюры: „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ", посланные для раздачи въ награду окончившимъ курсъ въ начальныхъ школахъ, причемъ пояснилъ, что эти брошюры онъ находитъ вредными въ религіозно-нравственномъ отношеніи для дѣтей школьнаго возраста, при первоначальныхъ урокахъ христіанскаго вѣроученія, и проситъ управу замѣнить ихъ книгами религіозно-нравственнаго содержанія... Это требованіе поставило земскую управу въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ она, ежегодно выписывая произведенія Толстого, въ родѣ „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ", то для окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, то для ученической библіотеки, ничего подобнаго не слыхала ни отъ одного законоучителя, ни отъ одного преподавателя, тѣмъ болѣе, что данная брошюра вошла въ каталогъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ такое же положеніе былъ поставленъ и инспекторъ народныхъ училищъ, когда управа обратилась къ нему съ просьбой указать ей мотивы, по которымъ можно было бы эту брошюру считать „вредною въ религіозно-нравственномъ отношеніи"; но, тѣмъ не менѣе, инспекторъ увѣдомилъ управу, что на разсылкѣ брошюры: „Богъ правду видитъ"—настаивать не слѣдуетъ". Къ этому извѣстію „Московскія Вѣдомости" (№ 128) присоединяютъ отъ себя слѣдующій комментарій: „Инспекторъ поступилъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ разумно, а управа поступила бы правильнѣе, еслибы обратилась для разъясненія своей любознательности къ священнику (почему же? неужели инспекторъ народныхъ училищъ—совѣтникъ недостаточно благонадежный?). Вообще нельзя не замѣтить, что помимо самаго содержанія народныхъ брошюръ графа Толстого (иногда весьма неправославныхъ), самое имя графа весьма неудобно въ школѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ гласно признанъ чѣмъ-то въ родѣ еретика такими высокопоставленными и авторитетными представителями церкви, какъ покойный преосвященный Никаноръ или архимандритъ Антоній Храповицкій. Каталогъ, составленный до такого явнаго разрыва жизни съ церковью, нуждался бы, безъ сомнѣнія, въ пересмотрѣ". Эти разсужденія весьма характеристичны. Министерскій каталогъ, имѣющій обязательную силу для земскихъ и министерскихъ школъ, не отмѣненъ и не измѣненъ, но руководствоваться имъ не слѣдуетъ: авторитетнѣе его должно быть признано единичное мнѣніе священ-

ника, никѣмъ не уполномоченнаго къ провѣркѣ существующихъ школьныхъ порядковъ. Инспекторъ прекрасно сдѣлалъ, что поставилъ veto священника выше министерскаго разрѣшенія—но вѣдь онъ могъ бы этого и не сдѣлать, и потому лучше было бы апеллировать отъ священника къ самому священнику... Аргументація, по истинѣ, „совсѣмъ особеннаго свойства"! Хорошо также и желаніе газеты изгнать изъ народной школы *самое имя* Льва Толстого, этого „великаго писателя земли русской"! Жестокія желанія, жестокіе нравы!

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ предприняло изданіе періодическаго сборника подъ названіемъ „Историческаго Обозрѣнія“, поручивъ редактированіе его своему предсѣдателю, проф. Н. И. Карѣеву. Желая, чтобы въ этомъ изданіи были сосредоточены извѣстія о всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи историческихъ книгахъ, Комитетъ Общества обращается къ авторамъ-издателямъ историческихъ книгъ съ покорнѣйшей просьбой присылать въ Общество свои труды (начиная съ помѣченныхъ 1891 г.) съ краткими, ими самими составленными, замѣтками (Selbstanzeigen) объ этихъ трудахъ размѣрами отъ нѣсколькихъ строкъ до печатной страницы, дабы въ „Историческомъ Обозрѣніи“ могла вестись систематическая библіографія съ краткими указаніями на содержаніе обозначаемыхъ въ ней трудовъ; въ томъ случаѣ, если присланная книга не найдетъ рецензента, будетъ напечатана (цѣликомъ, въ изложеніи или сокращеніи) замѣтка ея автора, для чего такія замѣтки должны содержать въ себѣ то, что̀ обыкновенно авторами пишется въ предисловіяхъ. Самыя книги будутъ поступать въ библіотеку Общества. Посылки могутъ быть адресованы (заказными бандерольными отправленіями) на имя Н. И. Карѣева въ С.-Петербургскій Университетъ (въ іюлѣ и августѣ — на Воскресенскую почтовую ст. смоленской губ., сычовскаго уѣзда).

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Энциклопедическій Словарь, п. р. И. Е. Андреевскаго. Т. III (Бергеръ—Бисье). Изданіе Брокгауза и Ефрона. Спб. 91. Стр. 481—962.

Новый выпускъ является вмѣстѣ и послѣднимъ подъ редакціей И. Е. Андреевскаго. Издатели заявляютъ, что онъ успѣлъ до своей смерти изготовить еще два выпуска, и такимъ образомъ изданіе можетъ продолжаться безъ перерыва. Въ настоящемъ полутомѣ встрѣчаются по нѣкоторымъ предметамъ весьма обширныя статьи, что, впрочемъ, оправдывается до нѣкоторой степени важностью ихъ предмета; такъ, напримѣръ, подъ словомъ „Библіографія" помѣщена статья въ пять печатныхъ листовъ, въ двѣ колонны, весьма убористаго шрифта, составляющая такимъ образомъ $^1/_8$ часть всей книги, а потому сами издатели нашли себя вынужденными приложить къ этой статьѣ особое подробное оглавленіе заключающихся въ ней предметовъ — и весьма кстати, такъ какъ безъ того трудно было бы ею воспользоваться при той или другой частной справкѣ. Кажется однако, что столь обширная статья является здѣсь въ объемѣ весьма несоразмѣрномъ.

Настольный энциклопедическій Словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Изд. А. Гарбель и К°. Вып. 16, 17 и 18 (Брюиннъ—Великій). М. 91. Стр. 819—862. Ц. кажд. вып. 40 коп.

Однородное изданіе съ предъидущимъ идетъ нѣсколько впереди его, что, впрочемъ, объясняется, главнымъ образомъ, относительною краткостью содержащихся въ ней статей; такъ, въ вышедшемъ уже первомъ томѣ на 664 страницахъ помѣщено свыше 15.000 названій, т.-е. на каждую страницу приходится въ среднемъ по 22 названія. Зато „настольный" есть вмѣстѣ и общедоступный словарь по цѣнѣ, а потому можетъ до извѣстной степени удовлетворять менѣе требовательнаго читателя, и самъ словарь ставитъ своею первою цѣлью—дать „объясненіе" словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Правда, такимъ образомъ, составители его бываютъ вынуждены впасть въ другую крайность, и иногда „объясненіе" бываетъ через-чуръ кратко.

Національный вопросъ въ Россіи. Влад. Соловьева. Вып. 1. Изд. 3-е. Спб. 91. Стр. 206. Ц. 1 р.

Подъ этимъ заглавіемъ авторъ въ первомъ выпускѣ соединилъ въ одно цѣлое рядъ своихъ статей, помѣщавшихся въ различныхъ изданіяхъ, съ начала 80-хъ годовъ до 1888 года. Главная его цѣль—убѣдить въ той простой истинѣ, что любовь къ своему народу вовсе не требуетъ для законодательства ненависти къ другимъ народностямъ, или, въ противномъ случаѣ, такая любовь, по выраженію автора, есть не болѣе какъ „національный эгоизмъ", а слѣдовательно, не добродѣтель.

Современные сельско-хозяйственные вопросы. Этюды изъ области сельскаго хозяйства и статистики. А. С. Ермолова. Вып. 1. М. 91. Стр. 302. Ц. 2 р.

Мы недавно имѣли случай обратить вниманіе читателей на дополнительное и переработанное изданіе извѣстнаго труда А. С. Ермолова: „Организація полевого хозяйства". Въ новыхъ своихъ этюдахъ, посвященныхъ различнымъ сторонамъ нашего сельскаго хозяйства, авторъ весьма кстати даетъ самое видное мѣсто вопросу о такъ-называемомъ „сельско-хозяйственномъ кризисѣ" и о его причинахъ и размѣрахъ. Факты, необходимые для изученія столь важнаго вопроса, очень разбросаны; здѣсь они тщательно сгруппированы, а потому доступны для каждаго читателя, сколько-нибудь интересующагося такимъ жизненнымъ дѣломъ, какъ сельское хозяйство. По мнѣнію автора, одною изъ главныхъ причинъ тяжелаго кризиса, переживаемаго нашими сельскими хозяевами, служитъ упадокъ цѣнъ на продукты сельскаго производства. Упадокъ же цѣнъ, въ свою очередь, обусловливается, между прочимъ, низкимъ качествомъ нашего товара и отсутствіемъ довѣрія заграничнаго покупателя къ нашему продавцу. Начавъ свои этюды общею картиною прошлыхъ и настоящихъ условій нашего сельскаго хозяйства, авторъ даетъ понятіе въ особой главѣ о хлѣбномъ дѣлѣ на земномъ шарѣ, и въ заключеніе изображаетъ нашу сельско-хозяйственную жизнь въ 1890 году. По мнѣнію автора, „невозможно надѣяться, переживъ этотъ кризисъ, вернуться къ прежнимъ условіямъ производства и торговли въ области сельско-хозяйственной промышленности, а напротивъ того, нужно всѣ пріемы и формы этой промышленности постепенно пересоздать". Подобнаго рода труды, какъ настоящій, могутъ много содѣйствовать успѣхамъ такого пересозданія и выяснить лучшіе пути къ нему.

Государственный Банкъ. Изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Изданіе **Судейкина**. Спб. 91. Стр. 520. Ц. 3 р.

При той тѣсной связи, какую вездѣ представляетъ государственный банкъ съ торгово-промышленною дѣятельностью страны, и при тѣхъ указаніяхъ, которыя по временамъ дѣлаются на недостатки устройства нашего государственнаго банка и на необходимость нѣкоторыхъ въ немъ реформъ, весьма кстати появляется настоящій солидный трудъ, разсматривающій исторію банковъ вообще и нашего въ частности, во всѣхъ его подробностяхъ и современномъ положеніи. Въ своемъ обширномъ изложеніи дѣла авторъ выходитъ изъ частнаго вопроса, а именно, гдѣ лежатъ у насъ причины большой сравнительно высоты учетно-ссуднаго процента? Этому вопросу онъ уже посвятилъ особую брошюру: „Наши общественные городскіе банки и ихъ экономическое значеніе"; такимъ образомъ авторъ и пришелъ къ убѣжденію, что ключъ къ рѣшенію всякихъ вопросовъ, вызываемыхъ банковымъ дѣломъ у насъ, заключается въ государственномъ банкѣ, судьбамъ котораго онъ потому и посвятилъ свой настоящій трудъ. Послѣднимъ выводомъ у автора является мысль, что нашъ государственный банкъ хотя и оказалъ немалыя услуги народному хозяйству, но могъ бы оказать несравненно бóльшія, если бы въ составъ банка былъ введенъ частный элементъ не только въ качествѣ сторонняго наблюдателя и когда само правительство строго соблюдало бы свои обязательства предъ банкомъ и требовало бы отъ него того же самаго.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ го[д] отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октя[брь]
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. [9…]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полу[го]діямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, і[юлѣ] и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☞ **Съ перваго іюля открыта подписка на второе полугодіе 1891 года.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на В[ас.] Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Нев[ск.] просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго мо[ста] (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;— въ *Москвѣ:* 1) [въ] книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбаснико[ва,] на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. *Иногородные* и *иностранные*— обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журна[ла:] Спб., Галерная, 20; и 2) лично— въ Контору журнала.— Тамъ же принимаю[тся] ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.— 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фами[лію] съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ н[ему] почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія [въ] самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конт[орѣ] журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, перех[одя] въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе— 40 ко[п.] 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, [если] подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, *согласно объявленію* отъ Почто[ваго] Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.— 4) *Билеты* на получ[еніе] журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиков[ъ,] которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.
АВГУСТЪ, 1891.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1891.

АРТИСТКА

Романъ въ 4-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I *).

Чемезовъ вернулся въ Петербургъ совсѣмъ не въ томъ настроеніи, въ какомъ уѣзжалъ. Онъ отдохнулъ и запасся новыми силами и энергіей, а главное, не ощущалъ больше того удручающаго чувства одиночества, которое угнетало его все время передъ отъѣздомъ.

Хотя разстаться съ Ольгой ему было жаль, но съ другой стороны онъ былъ почти радъ, что вернулся домой. Нервная и суетливая жизнь Леонтьевыхъ успѣла надоѣсть ему.

Ольга провожала его на вокзалъ. Въ послѣдніе два дня предъ своимъ отъѣздомъ онъ еще яснѣе увидѣлъ, какъ привыкли они другъ къ другу. Ольга обѣщала провести въ Петербургѣ весну и лѣто и похлопотать о переводѣ ея изъ Москвы въ Петербургъ.

Съ пріятнымъ чувствомъ какого-то облегченія подъѣзжалъ Чемезовъ къ своему дому и съ удовольствіемъ увидѣлъ широко улыбавшуюся ему физіономію швейцара Степана, который стремительно бросился принимать съ извозчика вещи.

— Ну что, какъ у васъ, все ли благополучно?—спрашивалъ Че[illegible]зъ.

Все-съ, слава Богу; у Натальи Кириловны только зубы оче[illegible]ильно болѣли да на прошлой недѣлѣ Семенъ Архипычъ

---

*) [illegible]ч. выше: іюль, 5 стр.

палецъ немножко ожегъ, а то все, слава Богу, благополучно обстоитъ.

— Ну это еще не велика бѣда,—сказалъ Чемезовъ, входя на свою лѣстницу. Онъ только-что хотѣлъ сказать Степану, чтобы тотъ не звонилъ, желая сюрпризомъ обрадовать стариковъ, но тотъ уже успѣлъ дать нѣсколько такихъ энергичныхъ звонковъ, что и няня, и Архипычъ сразу догадались, въ чемъ дѣло, и выбѣжали на встрѣчу.

— Батюшка ты мой...—няня заплакала отъ радости, тутъ же на лѣстницѣ дрожащими руками обнимая его:—дождались мы тебя...

Архипычъ не выражалъ своего восторга такъ стремительно, но и онъ былъ видимо чрезвычайно доволенъ возвращеніемъ своего барина и, ревнуя по обыкновенію не только его, но даже и вещи его, онъ отнялъ ихъ отъ Степана, желавшаго внести ихъ на верхъ.

— Подай сюда, подай!—сердито говорилъ онъ, вырывая ихъ у него изъ рукъ:—самъ донесу, самъ...

И съ трудомъ взваливъ себѣ на спину чемоданъ и плэдъ съ подушкой, онъ поплелся на верхъ, никому не позволяя подсобить себѣ и всѣхъ отстраняя съ дороги.

Въ квартирѣ все было чисто-на̀-чисто прибрано, и Чемезову, съ радостнымъ чувствомъ вошедшему въ нее, казалось, что каждая вещь точно ждала его и радовалась теперь его возвращенію.

— Ну, прежде всего давайте мыться, няня, а потомъ и чай будемъ пить!

— Ахъ ты, красавецъ ты мой, пополнѣлъ вѣдь, слава Богу! —сказала няня, съ умиленіемъ глядя на него и радуясь, что ея питомецъ возвратился къ ней опять цѣлъ и невредимъ.

За умываньемъ она разсказала ему всѣ новости, все происшедшее безъ него: и о томъ, какъ у нея зубы болѣли, и о томъ, что у маленькой Леночки была краснуха и Елена Николаевна было-думала, не скарлатина ли, и очень боялась за дочку, и о томъ, какъ Зиночка на балу очень одному полковнику понравилась, и что онъ даже ужъ и не одинъ разъ у Олениныхъ послѣ того былъ.

— Ну что-жъ,—сказала няня съ удовольствіемъ:—можетъ, и посватается, тогда на красной горкѣ и свадьбу сыграемъ; мужчина еще очень бравый, бакенбарды такія красивыя, большія, да и сказываютъ—у него въ курской губерніи очень большое имѣнье есть.

Но Чемезову было непріятно, что какой-то неизвѣстный ему

полковникъ, совсѣмъ чужой имъ человѣкъ, уже имѣетъ виды на Зину, а няня по наивности даже и радуется этому.

— Ну, рано ей еще замужъ,—сказалъ онъ сухо.

— Да вѣдь я такъ только; конечно, рано,—согласилась няня, чувствуя, что ея сообщенія не очень почему-то понравились Юрію Николаевичу, и чтобы загладить дурное впечатлѣніе, стала разсказывать другія новости, уже не семейныя, но сосѣдскія. Няня, живя въ этомъ домѣ четвертый годъ, не только знала всѣхъ его жильцовъ, но имѣла свѣденія даже о жильцахъ другихъ, ближайшихъ сосѣднихъ домовъ и, интересуясь ими, думала, что и Чемезовъ также ихъ всѣхъ знаетъ и интересуется ими. И она разсказала ему, какъ въ сосѣднемъ домѣ умеръ ударомъ генералъ Теплицевъ и въ какомъ гробѣ его хоронили и отъ какой церкви пѣвчихъ брали.

— А у аптекаря сынишка родился,—заявила она не безъ торжества.

— Какого аптекаря?—удивился Чемезовъ, не помнившій въ числѣ своихъ знакомыхъ никакихъ аптекарей.

— А напротивъ-то,—пояснила няня, удивляясь въ свою очередь, какъ это онъ не понимаетъ, про кого она говоритъ:—у котораго мы лекарства-то беремъ; такой славный, говорятъ, мальчишка, большой страсть какой; самъ-то, разсказываютъ, какъ родился, такъ прежде всего свѣсилъ его, такъ—что̀ вы думаете?—всѣ даже удивились, сколько въ немъ вѣсу оказалось. Но только, говорятъ, мало онъ на отца-то похожъ; самъ-то плюгавый, бѣлобрысый такой, а мальчишка-то совсѣмъ чернявый вышелъ; тутъ больше на его помощника думаютъ; положимъ, сама-то тоже чернобровая такая, глаза на выкатѣ, краснощекая, здоровая нѣмка; да вы развѣ ее никогда не видали?

— Кого, няня?

— Да аптекаршу-то; она тутъ, почитай, каждый день мимо оконъ проходитъ, все на Невскій гулять ходитъ! Еще пальто бархатное съ бобрами все носитъ; на нее вѣдь взглянешь и не скажешь, что аптекарша, подумаешь—генеральша...

Чемезовъ давно привыкъ машинально слушать нянины разсказы, которые сначала коробили и раздражали его, какъ раздражаютъ большинство мужчинъ мелкія женскія сплетни, но старуха обижалась, когда онъ обрывалъ ее, и никакъ не могла понять, что̀ тутъ дурного. Къ тому же такіе праздники ей рѣдко все-таки доставались; она выбирала для этого тѣ минуты, когда онъ былъ наиболѣе въ духѣ, и тогда, не желая огорчать ее, онъ позволялъ ей болтать о разныхъ лицахъ, которыхъ ни-

когда даже не видалъ, самъ же думалъ въ это время совсѣмъ о другомъ и почти не слушалъ ее.

Няня потихоньку отъ него послала дворника къ Еленѣ Николаевнѣ сказать, что Юрій Николаевичъ-молъ пріѣхали, но на извозчика дать пожалѣла, и потому, когда Чемезовъ, уже умывшись и переодѣвшись, пришелъ въ столовую пить чай, сестеръ еще не было.

Въ столовой мѣсто няни, оставшейся прибирать спальню, занялъ Архипычъ.

— Ну что, Архипычъ!—сказалъ ему Чемезовъ, желая и старику доставить удовольствіе, еще болѣе рѣдкое, чѣмъ для няни, поболтать съ нимъ.

Чемезовъ зналъ, что, несмотря на видимую неразговорчивость, Архипычъ подчасъ очень любилъ поговорить и особенно съ нимъ, такъ какъ одного его, кажется, считалъ за вполнѣ серьезнаго человѣка, съ которымъ стоитъ разговаривать.

— Какъ вы тутъ безъ меня поживали? Разсказывай, что̀ новенькаго есть.

— Да что̀ же новенькаго-то!—хмуро, стараясь скрыть внутреннее удовольствіе, сказалъ Архипычъ, закладывая по своей привычкѣ руки за спину.—Новенькое-то вамъ, поди, вѣдь Наталья Кириловна ужъ все разсказать успѣла?

— Да вѣдь я не знаю,—замѣтилъ Чемезовъ, угадывая и тутъ обычную ревность стариковъ:—можетъ быть, она чего-нибудь и не разсказала.

— Ну, ужъ это очень даже сомнительно будетъ,—сказалъ старикъ съ пренебрежительной насмѣшкой:—онѣ своего не упустятъ!—И помолчавъ минутку, онъ спросилъ, точно больше для доказательства своихъ словъ:

— Что-жъ, онѣ вамъ про барышнину краснуху разсказывали?

— Про краснуху разсказывала.

Архипычъ опять немного помолчалъ.

— А про полковника г-на Озерова разсказывали?

— И про полковника разсказывала.

— Ну вонъ видите... А про генерала Теплищева разсказывали?

— И про генерала Теплищева, Архипычъ, разсказывала,—сказалъ Чемезовъ, невольно смѣясь надъ этой конкурренціей новостей.

— Ну, вонъ видите! Ужъ послѣ нихъ развѣ что̀ останется! Вѣдь я-то ихъ ужъ доподлинно, можно сказать, знаю. А вотъ про мой палецъ, поди, не разсказывали?—спросилъ онъ вдругъ съ укоризной.

— Нѣтъ, про палецъ ничего не говорила.

— Ну вотъ то-то же и есть! Я вотъ ихнихъ болѣзней никогда не скрываю, а ужъ онѣ мои... тутъ хоть помри, такъ и то не скажутъ!

— Да что же такое у тебя съ пальцемъ было?

— Что! И опять изъ-за нихъ же и дѣло-то все вышло, онѣ и пальцу моему причина.

— Да что такое? въ чемъ дѣло-то было?

— Да обжегъ, значитъ. Пошелъ это я въ трактиръ за кипяткомъ—онѣ же и чаю-то захотѣли, для нихъ же и пошелъ-то—ну вотъ пришелъ я это въ трактиръ, спрашиваю кипятку, а кипятокъ-то страсть какой крутой былъ, прямо съ пара, мнѣ еще поваренокъ-то наливалъ, такъ говорилъ: „не ожгитесь, Семенъ Архипычъ, больно крутъ“, и я-то еще подумалъ, что жечься не въ первой! И вѣдь чтò бы вы думали—всю дорогу благополучно несъ, до самыхъ дверей дошелъ—капельки не пролилъ, а тутъ только это за ручку, значитъ, взялся, а онѣ—хвать, прямо мнѣ на встрѣчу, какъ дверь-то распахнутъ, такъ чайникъ весь заколыхался и вода-то, т.-е. не вода, опять же значитъ, а кипятокъ-то крутой, прямо мнѣ на руку весь и выплеснулся. И на счастье большая-то часть на рукавъ, значитъ, пришлась, ему извѣстно ничего, ну а палецъ-то очень, можно сказать, пострадалъ! весь какъ есть вѣдь обваренъ былъ; другого-то только чуточку задѣло, а съ этого даже кожа вся слѣзла. Больше недѣли я съ нимъ промучился, ночей пять, поди, не спалъ, повязку-то вонъ и до сихъ поръ еще ношу,—потому снять опасаюсь, какъ бы не засорить или не повредить чѣмъ; кожа-то новая, нѣжная, какъ разъ опять разболится.

— Конечно, пока совсѣмъ не заживетъ, лучше не снимать! Теперь вѣдь больше не болитъ?—сказалъ успокоивающимъ тономъ Чемезовъ, чтобы сколько-нибудь умирить расходившагося старика. Но Архипычъ, казалось, только хуже обидѣлся на это.

— Да теперь-то не болитъ,—отвѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ:—да вѣдь раньше-то какъ болѣлъ!

— Ну что дѣлать, Богъ дастъ, скоро и совсѣмъ заживетъ.

— Да заживетъ-то, извѣстно, заживетъ. Такъ неужели же онѣ вамъ ничего объ этомъ не говорили?—спросилъ онъ опять, помолчавъ нѣсколько секундъ.

— Нѣтъ, ничего.

— Такъ-таки ровно ничего?

— Да она, вѣроятно, забыла; сразу вѣдь всего не припо-

мнишь,—сказалъ Чемезовъ, не зная, какъ выгородить провинившуюся няню.

— Ну нѣтъ, онѣ не забудутъ!—сказалъ Архипычъ, язвительно усмѣхаясь и покачивая головой:—онѣ всякую бездѣлицу запоминаютъ, не то что это... помнить-то онѣ, можно сказать, очень даже хорошо помнятъ, а это онѣ просто отъ умысла умолчали!

— Да какой же тутъ можетъ быть умыселъ? просто такъ.

— Нѣтъ, ужъ вы мнѣ не говорите, я ихъ очень хорошо понимаю; это онѣ для того, чтобы такой видъ, значитъ, придать, что, молъ, сущіе пустяки, не стоющіе даже и упоминанія, а я отъ пальца-то, можетъ быть, помереть бы могъ!

— Ну вотъ ужъ и помереть! Богъ дастъ, Архипычъ, еще поживемъ.

— Да вы-то, Господь помилуй, поживете, ну а я-то ужъ и не того... въ наши-то годы долго ли помереть! Вѣдь мнѣ, слава тебѣ Господи, 69-й годъ пошелъ, самый, можно сказать, опасный возрастъ наступилъ—тутъ ужъ не больно разживешь-то!—заключилъ Архипычъ съ сердцемъ, точно сердясь на Чемезова за то, что тотъ такъ моложе его.

Чемезовъ зналъ, что когда старикъ попадалъ на этого любимаго конька своего, то философствованія его будутъ безконечны, и онъ сталъ поспѣшно доканчивать завтракъ, торопясь въ департаментъ, куда его нетерпѣливо тянуло все время съ тѣхъ поръ, какъ онъ еще подъѣзжалъ утромъ къ Петербургу.

Но онъ еще не успѣлъ кончить, какъ раздался звонокъ и пріѣхали Аркадій Петровичъ и Зина.

Елена Николаевна не могла: она все еще не выходила, ухаживая за своей дочуркой.

Начались шумныя привѣтствія и объятія; Зина, отъ восторга, чуть не задушила брата, повисши у него на шеѣ; Аркадій Петровичъ находилъ, что Чемезовъ очень поправился и пополнѣлъ, и съ удовольствіемъ похлопывалъ его по плечу, разсматривая такъ, точно не видѣлъ его три года.

— Вотъ!—воскликнулъ онъ съ торжествомъ, въ увлеченіи приписывая идею Чемезовской поѣздки исключительно себѣ:—я зналъ, что это принесетъ тебѣ пользу! Только жаль, что ты все время просидѣлъ въ Москвѣ; и чего ты тамъ сидѣлъ! слѣдовало все-таки проѣхать въ Сосновки, да хоть недѣльку прожить на деревенскомъ воздухѣ; это бы еще больше поправило тебя.

— Да не пришлось, — сказалъ Чемезовъ, слегка краснѣя при словахъ Аркадія Петровича: „чего ты тамъ сидѣлъ". Но

Аркадій Петровичъ, сказавшій ихъ безъ всякаго умысла, уже перескочилъ мыслью на другой предметъ.

— Ну, а тутъ, батюшка,—воскликнулъ онъ съ удовольствіемъ, потирая руки,—безъ тебя у насъ такія дѣла, я тебѣ скажу, натворились! Римваль-то полетѣлъ! слышалъ?

— Слышалъ, слышалъ, въ Москвѣ еще слышалъ.

— Да помилуй, его давно пора было смѣстить: вѣдь онъ старъ, какъ вѣчный жидъ; изъ него на засѣданіяхъ, бывало, вмѣсто рѣчей одинъ песокъ сыпался.

— Ахъ!—воскликнула Зина, схватывая со стола большой кабинетный портретъ, принесенный няней изъ чемодана вмѣстѣ съ другими вещами:—это, кажется, Леонтьева? Ахъ, Юрій, миленькій, подари мнѣ его! ну на что онъ тебѣ!..

Чемезовъ быстро, съ неожиданнымъ для себя смущеніемъ, вырвалъ у нея Ольгинъ портретъ и быстро спряталъ его къ себѣ въ столъ.

— Не шарить!—сказалъ онъ, слегка ударяя Зину:—знаешь, вѣдь не люблю этого.—А вотъ какого вы тамъ полковника ей нашли?—спросилъ онъ шутя, но пытливо взглядывая на сестру.

— А какъ же, какъ же, полковникъ! — засмѣялся, Аркадій Петровичъ:—несомнѣнный полковникъ, съ орденами и густыми эполетами! Какъ же, претендентъ.

— Ну, это все Аркадьины да нянины выдумки!—сказала Зина, вспыхивая и сердито блестя глазами на Аркадія Петровича.—Нашли какого-то противнаго старикашку, даже плѣшивый и зубы вставлены, и воображаютъ, что женихъ! Вотъ ужъ лучше бы умерла, чѣмъ пошла бы за такого!

И негодующій, обиженный тонъ Зины, которымъ всегда говорятъ молоденькія дѣвочки о неправящихся имъ поклонникахъ, которыми ихъ дразнятъ другіе, былъ почему-то пріятенъ Чемезову; онъ засмѣялся и съ удовольствіемъ поцѣловалъ сестренку, сразу успокоившись насчетъ ея замужства, котораго совсѣмъ не одобрялъ.

Прежде чѣмъ ѣхать въ свой департаментъ, Чемезовъ все-таки заѣхалъ къ Еленѣ, посмотрѣть дѣвочекъ. Елена Николаевна чрезвычайно обрадовалась брату; она тоже нашла, что онъ очень поправился, но зато сама она за это время похудѣла и поблѣднѣла, какъ всегда случалось съ ней, когда заболѣвалъ кто-нибудь изъ ея дѣтей.

— Ну, смотри же, непремѣнно приходи обѣдать!—сказала она, когда онъ, перецѣловавъ всѣхъ дѣвочекъ, радостно визжавшихъ и бросавшихся къ нему, спѣшилъ уходить.

— Да, да непремѣнно! —сказалъ онъ, съ нѣжнымъ чувствомъ цѣлуя ея руку.

Чемезову послѣ разлуки и Hélène, и Зина, и дѣти, и старики, и даже Аркадій Петровичъ, все казалось еще ближе и милѣе прежняго; онъ радостно сознавалъ, что вернулся домой, къ своимъ, въ свой уголъ, гдѣ у него все на мѣстѣ, все свое, не то что тамъ, въ Москвѣ, въ бивуачной, трактирной обстановкѣ, которую онъ терпѣть не могъ.

Даже самый видъ петербургскихъ улицъ, такъ надоѣвшій ему передъ отъѣздомъ, теперь былъ ему пріятенъ, и онъ, идя въ департаментъ, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на знакомые дома, улицы и людей, которые теперь ему, съ его окрѣпшими нервами, казались точно тоже какими-то обновленными и посвѣжѣвшими.

Въ департаментѣ удивились его неожиданному приходу; ждали, что онъ предварительно дастъ телеграмму, а онъ нагрянулъ какъ снѣгъ на голову.

Но его тронуло, какъ обрадовались ему. Къ тому же почти всѣ, за самымъ малымъ исключеніемъ, были на своихъ мѣстахъ за работой и это тоже было ему очень, очень пріятно.

Послѣ первыхъ минутъ привѣтствій онъ прошелъ къ себѣ, позвавъ въ свой кабинетъ нѣсколькихъ, наиболѣе близкихъ ему сослуживцевъ и разспрашивая ихъ, какъ шли безъ него дѣла. Дѣла, поставленныя въ правильную, разъ заведенную имъ колею, шли недурно; работали всѣ тоже хорошо, но все-таки всѣ самыя важныя и значительныя дѣла откладывались до его возвращенія,—не столько по невозможности рѣшить ихъ безъ него, сколько въ силу того авторитета, которымъ онъ пользовался среди своихъ служащихъ, привыкшихъ во всѣхъ наиболѣе важныхъ вопросахъ поступать по его совѣтамъ и указаніямъ.

Поэтому за его отсутствіе для него накопилось уже достаточно работы и онъ довольнымъ бѣглымъ взглядомъ проглядывалъ всѣ эти приготовленныя для него бумаги.

— Ну, теперь за работу!—весело сказалъ онъ, чувствуя, какъ много въ душѣ его бодрости, свѣжести и усиленнаго, почти страстнаго желанія работать.

Настроеніе его невольно передалось и всѣмъ другимъ. Чувствовалось, что вернулся хозяинъ—душа дѣла, и присутствіе его точно всѣхъ одушевляло.

Въ немъ былъ этотъ рѣдкій даръ силы вліянія,—вліянія не насильственнаго, не вынужденнаго и давящаго, но безотчетнаго и добровольнаго для другихъ.

Онъ любилъ свое дѣло—и любовь эта невольно передавалась отъ него и другимъ служащимъ. Онъ любилъ работать —и работать вмѣстѣ съ нимъ было пріятно и легко, хотя сама работа была трудная. Но трудность какъ бы исчезала предъ той энергіей, съ которой онъ брался за дѣло и которая въ большей или меньшей степени передавалась отъ него и другимъ служившимъ съ нимъ. Много значило то, что въ него вѣрили, что въ немъ дѣйствительно чувствовали главу и хозяина, хотя онъ никогда не только не злоупотреблялъ своей властью, но избѣгалъ даже прибѣгать къ ней. Онъ былъ скорѣе товарищемъ, чѣмъ начальникомъ, но власть его чувствовалась все-таки, почти помимо его желанія и стараній, не вслѣдствіе его дѣйствій, а вслѣдствіе той нравственной силы, которая была въ немъ, которую невольно сознавали другіе и которой такъ же невольно подчинялись.

Но главная его заслуга и сила была въ томъ что, требуя работы отъ другихъ, онъ самъ работалъ еще вдвое и втрое болѣе ихъ. И это всѣ прекрасно знали и потому охотнѣе слѣдовали его примѣру. Оттого и теперь, когда онъ вернулся съ новымъ, свѣжимъ запасомъ энергіи, это невольно отразилось сейчасъ же и на другихъ—и работа закипѣла.

Даже посѣтители и просители, каждый день по различнымъ дѣламъ являвшіеся въ департаментъ, были рады, что онъ вернулся: — Ну вотъ отлично, слава Богу! — говорили они, предчувствуя, что теперь всѣ ихъ личныя просьбы, адресованныя въ департаментъ, разрѣшатся гораздо скорѣе.

Чемезовъ и самъ инстинктивно сознавалъ все это; онъ всегда любилъ возвращаться въ Петербургъ, потому что каждый разъ послѣ отсутствія ясно ощущалъ подобное же чувство и оно въ глубинѣ души его было главной его гордостью. Но въ этотъ разъ, когда онъ вернулся, оправившійся и душой, и тѣломъ, онъ чувствовалъ это еще сильнѣе и въ немъ поднимался усиленный приливъ какой-то благодарной нѣжности къ дѣлу, къ департаменту и ко всѣмъ сослуживцамъ, и онъ вдругъ почувствовалъ себя счастливымъ человѣкомъ, для котораго ясна цѣль жизни.

II.

Какъ-то такъ случилось, что между Чемезовымъ и Еленой Николаевной ни слова не было сказано объ Ольгѣ, хотя Чемезовъ вернулся уже болѣе двухъ недѣль и хотя онъ привыкъ быть откровеннымъ съ сестрой.

Зина, правда, очень интересовалась ею, не разъ разспрашивала его о ней, но подозрѣнія на его счетъ почему-то совсѣмъ исчезли у Елены Николаевны и она не придавала больше особеннаго значенія тому, что братъ въ бытность свою въ Москвѣ бывалъ у Леонтьевыхъ—это даже и ей, несмотря на склонность къ ревнивой подозрительности, казалось естественнымъ,—но то безотчетное непріятное чувство, которое родилось въ ней тогда къ Ольгѣ, осталось въ ней и до сихъ поръ, и потому она не хотѣла говорить о ней.

Но Чемезову, которому недоставало Ольги, хотѣлось порой хоть поговорить о ней съ кѣмъ-нибудь и естественнѣе всего говорить ему было бы объ этомъ, конечно, съ Hélène. Иногда ему даже хотѣлось разсказать ей про все, но что-то точно удерживало его отъ этого. Чѣмъ меньше знали объ этомъ другіе, хотя бы даже и Hélène, тѣмъ дороже и милѣе было это для него самого.

Къ тому же онъ предчувствовалъ, что это не только не порадуетъ сестру, но скорѣе огорчитъ ее и снова расхолодитъ ихъ отношенія.

Онъ думалъ объ Ольгѣ почти постоянно, думалъ съ отраднымъ, успокоивавшимъ его чувствомъ; онъ не скучалъ по ней, занятый своей работой и ожидая ее чрезъ мѣсяцъ въ Петербургъ, но порой его все-таки охватывало страстное желаніе увидѣть ее, ея милое ему лицо, глаза, ея улыбку, прижать ее крѣпко къ себѣ и говорить съ ней, какъ привыкъ говорить въ Москвѣ и какъ теперь безъ нея ему не съ кѣмъ было говорить.

Но, съ другой стороны, онъ былъ почти доволенъ, что ея не было тутъ; она невольно отвлекала бы его отъ работы и мѣшала бы ему въ ней, тогда какъ именно теперь-то немножко запущенная его отъѣздомъ работа брала у него особенно много времени и труда.

Но зато они переписывались почти каждый день. Онъ писалъ ей обо всемъ, хотя писать такъ откровенно, какъ говорить съ ней, онъ почему-то не могъ; онъ даже не умѣлъ писать съ той нѣжностью и теплотой, которая была у него въ душѣ,

и ея письма къ нему были гораздо длиннѣе и страстнѣе, чѣмъ его къ ней.

Сама жизнь ея была богаче и разнообразнѣе да и она всѣмъ сейчасъ же спѣшила дѣлиться съ нимъ.

Она скучала сильнѣе его и не могла ждать такъ разсудительно и спокойно, какъ онъ, того времени, когда они снова увидятся. Она волновалась въ каждомъ письмѣ и съ неразсудительностью женщины звала его, уговаривая пріѣхать хоть на одинъ день, хоть на нѣсколько часовъ.

Ей казалось, что ему это легче сдѣлать, чѣмъ ей, у которой каждый день то спектакли, то репетиціи.

Онъ уговаривалъ ее быть благоразумной и успокоивалъ; но письма ея были для него искушеніемъ тѣмъ бо̀льшимъ, что онъ самъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе начиналъ чувствовать потребность увидѣть ее и невольно рвался въ Москву; она не вѣрила ему, не слушала его доводовъ и совѣтовъ и почти упрекала его за то равнодушіе, съ которымъ онъ будто бы относился къ разлукѣ съ нею.

Разъ какъ-то Чемезовъ, передъ уходомъ на службу, завтракалъ у себя въ столовой.

Няня, подававшая кушанье, стояла по обыкновенію противъ него и докладывала разныя новости, которыхъ онъ тоже по обыкновенію не слушалъ. Вдругъ раздался сильный, рѣзкій звонокъ и въ то же мгновеніе Чемезовъ, еще за минуту ничего не ожидавшій, вдругъ силой какого-то инстинкта встрепенулся съ еще смутнымъ, но уже тревожнымъ и радостнымъ предчувствіемъ.

Архипычъ, растворившій дверь, съ кѣмъ-то разговаривалъ въ передней и видимо кого-то не пускалъ; но вдругъ голосъ Ольги раздался совсѣмъ ясно и отчетливо и въ ту же секунду Чемезовъ, все съ тѣмъ же испуганно радостнымъ чувствомъ, бросился въ переднюю.

— Юрій! — вскрикнула она, быстро отстраняя отъ себя Архипыча, загораживавшаго ей дорогу и не желавшаго пускать ее, — и кинулась къ Чемезову, что-то скоро и взволнованно говоря ему, и оба они тутъ же въ передней, на глазахъ пораженныхъ няни и Архипыча, обнялись и онъ, осыпая ея лицо и руки поцѣлуями, прижималъ ее къ себѣ, точно не вѣря своему счастью и тому, что она, сама она, опять тутъ, подлѣ него.

Она все тѣмъ же быстрымъ, волнующимся голосомъ разсказывала ему что-то о томъ, какъ ей удалось вырваться и выхлопотать себѣ новыя гастроли, и какъ она не могла больше ждать,

и какъ она нарочно, чтобы обрадовать его внезапно, не давала ему знать и ничего не писала ему о томъ раньше; но онъ, все еще не придя въ себя отъ изумленія, не слушая ее и только радостно смѣясь и цѣлуя ее, помогалъ ей снимать пальто и шляпу и для чего-то усаживалъ ее въ кресло. Няня стояла тутъ же, полная изумленія, негодованія и даже испуга, не понимая, откуда явилась эта „ошалѣлая“ (какъ мысленно уже назвала ее она) и съ чего это Юрій Николаевичъ такъ обрадовался ей, и какъ это обоимъ имъ не совѣстно при людяхъ такъ цѣловаться и обниматься!..

— Господи ты, Боже ты мой!—сказала няня съ сердитымъ неодобреніемъ, не придумавши отъ удивленія и негодованія, что даже и сказать еще больше на все это; но Архипычъ, угрюмо и исподлобья смотрѣвшій на Ольгу и Чемезова, ничего не сказалъ и только круто повернулся и вышелъ.

— А это твоя няня?—спросила вдругъ Ольга, увидѣвъ наконецъ Наталью Кириловну.

— Да, это няня... вотъ...—сказалъ Чемезовъ съ смущеніемъ, только теперь соображая, какую сцену разыграли они при старикахъ и какое невыгодное впечатлѣніе она должна была произвести на нихъ.

Но Ольга, очевидно ничего этого не думавшая, безсознательно помогла ему, и отъ того наплыва нѣжности, счастія и любви, которыя наполняли ее въ эту минуту и которыя ей невольно хотѣлось изливать на всѣхъ окружающихъ, она радостно встала и крѣпко поцѣловала эту старуху, глядѣвшую на нее подозрительными, ревнивыми глазами. Но она въ своемъ порывѣ не замѣчала этого и женщина эта казалась ей мила и близка уже оттого, что была его нянькой.

— Ну, няня,—сказала она, привѣтливо улыбаясь ей:—полюбите меня немножко! вѣдь мы обѣ любимъ его...

Няня не ожидала ни поцѣлуя, ни подобнаго обращенія къ себѣ; ее они не тронули и нисколько не расположили больше къ Ольгѣ, которую она не взлюбила съ первой минуты,—съ той минуты, когда она кинулась на шею ея воспитанника и когда этотъ воспитанникъ осыпалъ ее поцѣлуями.

— За что же мнѣ васъ не любить?—сказала она сухо, степенно и съ достоинствомъ, и Чемезовъ видѣлъ по лицу ея, что Ольга далеко не подкупила ее своей лаской.

Все это было ему непріятно и невольно смущало его, портя ему радость свиданія съ Ольгой, ставя въ какое-то новое, непріятное и какъ будто смѣшное или глупое даже положеніе

предъ слугами. Онъ чувствовалъ, что онъ недоволенъ и няней, не поддавшейся Ольгиной ласкѣ и укоризненными глазами смотрѣвшей на нихъ, и самой Ольгой, за тѣ неловкости и безтактности, которыя она дѣлала такъ неразсудительно, и не только сама она, но въ которыя втягивала и его.

— Ну,—сказалъ онъ, для того, чтобы какъ-нибудь покончить непріятную ему сцену:—вѣдь ты вѣрно еще ничего не кушала; пойдемъ въ столовую, няня сейчасъ тебѣ подастъ чего-нибудь.

Но Ольга ничего не хотѣла; она рѣшила посидѣть у него еще полчаса и ѣхать потомъ къ Милочкѣ, чтобы не задерживать его долго.

— Я знаю,—сказала она шутя, но не безъ упрека,—что если я не пущу тебя сегодня на твою службу, то ты въ душѣ разсердишься на меня. Я не хочу этого и рѣшила не мѣшать тебѣ заниматься.—Ей хотѣлось прибавить: „потому что я по твоимъ письмамъ замѣтила, что ты боишься этого“,—но она подумала, что это будетъ похоже на упрекъ и удержалась, хотя ей очень и именно съ упрекомъ хотѣлось сказать ему это. Онъ крѣпко поцѣловалъ ея руку, какъ бы благодаря за благоразумное рѣшеніе, на которое въ душѣ не вполнѣ надѣялся.

— Покажи мнѣ лучше твою квартиру!—сказала она, беря его за руку и превозмогая въ себѣ то маленькое, вдругъ поднявшееся въ ней неудовольствіе противъ него.

Онъ обнялъ ее и они вмѣстѣ прошли по всѣмъ комнатамъ. Она все хотѣла видѣть, и съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то другимъ, нѣжнымъ чувствомъ, разсматривала всѣ его вещи, начиная отъ портретовъ сестеръ до прессъ-папье на письменномъ столѣ, и къ полному негодованію няни и Архипыча заглянула даже въ кухню.

— А это вѣрно Архипычъ?—сказала она, улыбаясь Архипычу и узнавая его по тѣмъ разсказамъ, которые уже слышала про него въ Москвѣ.—Онъ ни за что не хотѣлъ меня пускать,—прибавила она, смѣясь,—и увѣрялъ даже, что на дому не принимаютъ, а пожалуйте-молъ въ департаментъ отъ двухъ до трехъ часовъ пополудни.

— Приказано такъ было,—сумрачно, не глядя на нее, сказалъ Архипычъ.

— Онъ у меня на этотъ счетъ строгъ,—сказалъ Чемезовъ, смѣясь, но опять съ чувствомъ замѣшательства предъ Архипычемъ, какъ раньше было съ няней.

И онъ повелъ Ольгу опять въ свой кабинетъ; ему было

пріятно показывать ей свое крохотное хозяйство и пріятно, что она такъ интересовалась всѣмъ, что̀ принадлежало ему.

Послѣ дороги она казалась немного усталой и пожелтѣвшей, и ея растрепавшіеся тяжелые волосы кое-какъ были закручены большимъ узломъ, но ему она казалась такъ еще милѣе и лучше, и онъ съ любовью смотрѣлъ на ея лицо, которое не видѣлъ такъ давно, и въ то же время невольно думалъ о томъ, что̀ скажетъ Hélène, когда узнаетъ...

Но какъ имъ ни хорошо было тутъ, ему все-таки пора было уже ѣхать. Они сговорились обѣдать вмѣстѣ у Донона и онъ долженъ былъ для этого ѣхать за ней къ Милочкѣ, что̀ ему не очень улыбалось, а потомъ весь вечеръ провести у него дома.

Когда они уѣхали, няня, раздраженно стуча ножами и тарелками, стала прибирать столовую, съ тѣмъ двиганьемъ стульевъ и хлопаньемъ дверей, которыми всегда, когда была не въ духѣ, отводила душу.

— Это что же еще за госпожа такая?—спросилъ Архипычъ, входя въ комнату.

— А я почемъ знаю!—сердито, не отрываясь отъ своей уборки, сказала няня.

Архипычъ прислонился къ стѣнѣ и, заложивъ руки за спину, нѣсколько времени хмуро слѣдилъ за няней.

— Что же это, значитъ, она и проживать у насъ теперь станетъ?—спросилъ онъ ее опять съ ядовитой насмѣшкой.

— Да чего вы ко мнѣ-то пристали!—крикнула няня со злостью и слезами въ голосѣ и на глазахъ:—что они совѣщались со мной, что-ли? И безъ васъ тутъ тошно...

И она вдругъ всхлипнула и, бросивъ свои тарелки, заплакала, присѣвъ на стулъ.

Архипычъ молча, изъ-подъ насупленныхъ бровей, смотрѣлъ на нее.

— Вотъ то-то-же и есть, — началъ онъ внушительно: — не слушались вы меня, когда время было, а теперь каково на старости лѣтъ маяться-то придется! Ужъ когда этакая нечисть въ домѣ завелась, тутъ добра не жди... А были бы вы въ тѣ поры, какъ я васъ просилъ, разсудительны, такъ жили бы теперь припѣваючи, сами себѣ господа, честно и спокойно...

— Ахъ, отстаньте!—сказала няня, сердясь и на Архипыча, и на Ольгу, и на Чемезова даже, но больше всѣхъ все-таки на Ольгу:—и какъ это вамъ до сихъ поръ глупости такія въ голову лѣзутъ!.. помирать ужъ время, а вы все свое!

— Да вотъ и я про то же говорю,—только помирали бы

мы теперь на рукахъ родимыхъ дѣточекъ,—дочка милая, либо сынокъ глаза закрыли бы,—а теперь чтò! Вотъ придетъ, возьметъ эдакая госпожа да и скажетъ: пошли вонъ отсюда! И пойдешь! И околѣвай потомъ какъ собака какая, прости Господи, въ гниломъ углу, либо подъ заборомъ гдѣ!

Няня не слушала его и плакала. Она совсѣмъ была сбита съ толку и не знала, чтò теперь дѣлать и какъ быть! А что быть какъ-то иначе, чѣмъ до сихъ поръ были, непремѣнно придется—въ этомъ она была убѣждена.

То, чтò случилось, совсѣмъ сразило ее. Она такъ привыкла считать своего „дѣточку", какъ называла она Чемезова въ минуты умиленія, чуть не дѣвственникомъ, что внезапное, никогда ею неожидавшееся и упавшее ей какъ снѣгъ на голову, вторженіе къ нимъ какой-то чужой, да еще такой безсовѣстной, какъ казалось нянѣ, женщины, было, по ея мнѣнію, почти несчастіемъ—и тѣмъ бòльшимъ, что касалось не только одного Чемезова, но кидало стыдъ, какъ думала няня, на всю семью, т.-е. и на нихъ, и на Елену Николаевну, и на Зину даже.

Няня всегда притворялась, что ей очень бы хотѣлось, чтобы ея Юрій Николаевичъ женился, и даже любила разсуждать объ этомъ съ Еленой Николаевной. Но въ сущности это была неправда и няня только притворялась; а въ душѣ эта мысль скорѣе тревожила, чѣмъ радовала ее, потому что ставила ея собственное положеніе въ неизвѣстность и зависимость отъ его жены, съ которой избалованная няня могла и не поладить. Но теперь было куда хуже женитьбы! Тамъ, по крайней мѣрѣ, была бы настоящая барыня, взятая изъ хорошей, а можетъ быть даже и важной семьи, выбранная самой Еленой Николаевной, къ которой няня чувствовала глубокое уваженіе,—той и покориться и обиду какую отъ нея перенести было бы не такъ горько. Все-таки же законная, Богомъ поставленная жена и хозяйка. А теперь... хуже этого уже и не придумаешь! Богъ вѣсть откуда взялась—мало ли ихъ всякихъ бываетъ—обошла, обворожила,—его долго ли обойти, все равно какъ малый ребенокъ,—да и пойдетъ теперь всѣмъ домомъ командовать и хороводить. Такъ-то въ руки заберетъ, совсѣмъ разоритъ еще пожалуй, какъ липку оберетъ да, чего добраго, и вправду выгонитъ. Отъ нихъ, отъ этихъ безстыжихъ, всего ждать можно; ужъ, значитъ, чести не много, коли при всѣхъ на шею бросается... А то и самимъ уйти придется—вѣдь не давать же надъ собой на старости лѣтъ помыкать всякой...

И Наталья Кириловна, поплакавъ еще немножко, одѣлась и побѣжала къ Еленѣ Николаевнѣ.

III.

Елена Николаевна и Зина сидѣли въ залѣ за работой, гдѣ дѣвочки брали урокъ музыки.

Няня часто заходила къ нимъ днемъ и потому онѣ не удивились, увидѣвъ ее; но когда Елена Николаевна взглянула на нее попристальнѣе и замѣтила ея красные, заплаканные глаза и какое-то растерянное выраженіе на лицѣ, она поняла, что съ ней что-то случилось, и хотя няня часто приходила съ разными жалобами то на Чемезова, то на Архипыча, то просто на свои болѣзни, но почему-то на этотъ разъ въ Еленѣ Николаевнѣ точно поднялось смутное, тревожное предчувствіе.

— Ну, няня, какъ поживаешь?—спросила она, внимательно оглядывая ее и по лицу ея стараясь угадать, въ чемъ дѣло.

— Да ужъ какое наше житье!—безнадежно сказала няня и печально вздохнула:—вотъ пришла къ вамъ объ одномъ дѣлѣ поговорить.

— Что такое?

— Нѣтъ, ужъ я потомъ, — сказала она, показывая, что не желаетъ говорить при постороннихъ.

— Ну, сейчасъ,—сказала Елена Николаевна, наклонясь надъ пяльцами и торопясь дошить шерстинку.

— А Юрій что̀?—спросила Зина.

— Ничего,—отвѣтила няня такъ безнадежно и такъ опять печально вздохнула, что Елена Николаевна, не докончивъ своей шерстинки, поспѣшно встала и увела ее въ свою комнату.

— Ну что̀ такое? — спросила она, притворяя дверь и предчувствуя, что услышитъ нѣчто не особенно пріятное.

— Да что, хорошаго-то мало. Вѣдь къ намъ какая-то барыня пріѣхала.

— Какая барыня?—удивилась Елена Николаевна, чувствуя только, что дѣло касается какъ-то Юрія, но еще ничего не понимая. Но няня подробностей никакихъ не могла сообщить, кромѣ того, что барыня пріѣхала, кажется, изъ Москвы, какъ она поняла изъ ея разговоровъ, и прямо, безъ стыда и совѣсти, бросилась на шею къ Юрію Николаевичу, а онъ — къ ней; что Юрій Николаевичъ ей очень обрадовался и все руки и лицо ей цѣловалъ, а она чего-то болтала и смѣялась, а потомъ побѣжала вмѣстѣ съ нимъ всю квартиру смотрѣть и даже въ кухню прибѣгала и всѣ вещи его перебрала и переглядѣла и,

должно быть, надо полагать, что она и жить теперь у насъ станетъ.

Елена Николаевна слушала ее блѣдная и взволнованная, почти не вѣря ей и готовая скорѣе думать, что старуха что-нибудь перепутала; но по мѣрѣ того, какъ та разсказывала, одно подозрѣніе, неизвѣстно откуда и по какимъ соображеніямъ возникшее у нея въ головѣ, все росло и крѣпло.

Женщинъ на бѣломъ свѣтѣ было, конечно, много и трудно было, хоть приблизительно, угадать, которая изъ нихъ явилась теперь къ ея брату; но Елена Николаевна угадала какъ-то безотчетно, инстинктивно.

— А ты не разслышала, какъ ее зовутъ?—спросила она нетвердымъ голосомъ, сквозь поблѣднѣвшія губы.

— Кто ее знаетъ,—сказала няня съ неудовольствіемъ:—Ольгой что-ли, должно быть Ольгой, онъ-то все ее Оленька да Олечка звалъ. Высокая такая, худощавая, глаза такъ и горятъ.

Елена Николаевна окончательно убѣдилась въ своей догадкѣ и молча опустилась на стулъ.

— Такъ вотъ какъ онъ обманулъ ее! Такъ все скрыть, не проговориться ни однимъ словомъ... отстранить ее какъ чужую... ее, съ которой всѣмъ всегда дѣлился!..

И вдругъ то недоброе, предубѣжденное чувство, которое чуть не съ перваго же дня явилось у нея къ этой женщинѣ, снова съ удвоенной силой охватило ее, наполнивъ ее страстнымъ, раздраженнымъ негодованіемъ противъ этой женщины и жалостью и страхомъ за брата, для котораго она теперь, также какъ и няня, не расположена была ждать ничего хорошаго.

— Ужасно!..—сказала она глухо, не столько нянѣ, сколько самой себѣ, съ ужасомъ думая о томъ, что отнынѣ жизнь ея брата, такого честнаго, любящаго, благороднаго, свяжется—если и не навсегда, то во всякомъ случаѣ надолго—съ женщиной хотя и геніальной, какъ нѣкоторые называли ее (и чему теперь Елена Николаевна не хотѣла больше вѣрить), но все же какой-то подозрительной, которая, по всей вѣроятности, только погубитъ и испортитъ не только его жизнь, но даже, быть можетъ, и его самого.

Няня, услыхавъ такое слово, опять заплакала.

— И съ нами-то теперь что̀ будетъ?..—заговорила она, всхлипывая, и при мысли о себѣ растрогиваясь еще больше.

— Выгонитъ еще, пожалуй, и придется на старости лѣтъ въ чужомъ углу помирать... — сказала она, вспоминая и невольно повторяя слова Архипыча.

— Ну, до этого, Богъ дастъ, не дойдетъ!—поспѣшно сказала Елена Николаевна. Она чувствовала, что ея долгъ, насколько возможно, оправдывать и защищать брата въ этомъ несчастномъ увлеченіи, и хоть сама она презирала эту женщину, безъ стѣсненія бросавшуюся на шею посторонняго для нея въ глазахъ свѣта человѣка,—хотя изъ-за нея она почти готова была разочароваться даже и въ самомъ братѣ, но предъ няней она считала своей обязанностью заступиться за нее.

— Быть можетъ,—сказала она успокоивающимъ тономъ,—она очень хорошая женщина и дѣйствительно любитъ Юрія; къ тому же она совсѣмъ не то, что̀ ты думаешь—она извѣстная, очень уважаемая актриса...

— Актриса!..—воскликнула няня въ ужасѣ:—еще того хуже!.. —прибавила она тихо и совсѣмъ уже безнадежно.

— Ну да, актриса,—сказала Елена Николаевна съ сердцемъ какъ будто на няню, потому что мнѣніе няни очень походило въ этомъ случаѣ и на ея собственное, а она должна была скрывать это и, превозмогая себя, защищать эту женщину.

— Она не какая-нибудь, — продолжала она, стараясь говорить болѣе понятнымъ для няни языкомъ: — она считается одной изъ самыхъ лучшихъ актрисъ въ Россіи и жалованья она получаетъ не меньше самого Юрія, такъ что это, конечно, не изъ-за денегъ вѣроятно... Но главное,—воскликнула она, вспыхивая и возмущаясь при одной подобной мысли,—я никакъ не думаю, чтобы она поселилась у васъ: во-первыхъ, у нея есть своя семья и она всегда живетъ въ Москвѣ, а во-вторыхъ, Юрій и самъ никогда этого не допуститъ. Во всякомъ случаѣ будь съ ней вѣжлива и даже любезна; ты должна сдѣлать это для него, потому что ему это будетъ пріятно, ну, а тамъ... Богъ дастъ, это скоро все и кончится...—вздыхая, сказала Елена Николаевна для успокоенія няни, но сама, зная хорошо привязчивую натуру брата, почти не надѣялась на это. Но няня только плакала и по виду ея нельзя было предположить, чтобы она была расположена къ большимъ любезностямъ.

— Если же когда-нибудь тебѣ пришлось бы ужъ очень плохо, —снова прибавила Hélène,—ты всегда можешь перейти опять ко мнѣ; ты знаешь, что я всегда буду тебѣ рада.

Зина, соскучившись сидѣть одна и задѣтая няниной таинственностью и долгими совѣщаніями ея съ Hélène, заглянула-было къ нимъ, и при видѣ няниныхъ слезъ и взволнованнаго вида сестры ея любопытство разгорѣлось еще больше и она хотѣла войти,

но на нее замахали сердито руками и она по-неволѣ поспѣшила скрыться, хотя очень желала узнать, чтò такое случилось.

Послѣ этого онѣ еще долго совѣщались, и няня, опасливо поглядывая на дверь, полушопотомъ и со слезами повторила опять всю исторію о томъ, какъ Ольга пріѣхала, какъ цѣловалась, какъ смотрѣла, чтò говорила, и т. д., видимо наслаждаясь этимъ раздраженіемъ своихъ ранъ.

Наконецъ, вдоволь наплакавшись и наговорившись, няня собралась уходить, обѣщая денька черезъ два опять забѣжать и разсказать, чтò случится.

Но Елена Николаевна сухо остановила ее.

— Пожалуйста не трудись этого дѣлать!—сказала она недовольно. Она совсѣмъ не интересовалась этой особой и не намѣревалась давать брату никакихъ совѣтовъ ни за, ни противъ. Это было не ея дѣло и она вовсе не хотѣла вмѣшиваться и слушать объ этой исторіи, одна возможность которой ей была уже тяжела, и вообще, по ея мнѣнію, чѣмъ меньше было говорить обо всемъ этомъ, тѣмъ лучше, и потому она твердо повторила нянѣ нѣсколько разъ, никому ни на что не жаловаться и ужъ, конечно, на сторонѣ ничего не разсказывать.

— Чѣмъ меньше будутъ объ этомъ знать и говорить, тѣмъ лучше,—сказала она ей на прощаньѣ.

Въ корридорѣ, когда няня уже уходила, ее опять поймала Зина.

— Нянечка, душечка!—сказала она, обхватывая и цѣлуя ее: —что такое? разскажи!

— Да что разсказывать-то?—спросила няня, притворяясь ничего непонимающей:—братъ у меня боленъ, такъ я и спрашивала у Елены Николаевны, какого лекарства ему дать. Только и всего.

— Неправда!—сказала Зина, съ сомнѣніемъ покачивая головой и не зная, вѣрить ли няниныъ словамъ—хотя у той дѣйствительно былъ братъ, который часто болѣлъ,—или нѣтъ.

Лгать, да еще на болѣзнь брата, суевѣрной нянѣ было очень непріятно, но это все же было лучше, чѣмъ сказать Зинѣ правду, которую няня считала такимъ срамомъ и позоромъ для нихъ, что и думать-то при Зинѣ объ этомъ не годилось, не только что говорить.

И она увѣрила ее, что братъ ея такъ заболѣлъ, что она даже и не знаетъ, поправится ли онъ на этотъ разъ.

Зина было-убѣдилась, но, придя къ сестрѣ и увидѣвъ, какъ та блѣдна и разстроена, тогда какъ съ утра была въ прекрасномъ расположеніи духа, она опять разубѣдилась въ истинѣ няниныхъ

словъ, и поняла, что отъ нея что-то скрываютъ; ей казалось, что это „что-то“ чѣмъ-то касается Юрія, но чѣмъ и что̀ это такое именно—она не могла все-таки придумать, хотя это страшно интересовало ее.

IV.

Елена Николаевна между тѣмъ серьезно обдумывала все, что̀ разсказала ей няня.

Она предвидѣла, что теперь все перемѣнится, не только жизнь брата, но даже и ихъ отношенія—и послѣднія скорѣе всего другого, потому что хотя она могла молчать, притворяясь, что ничего не знаетъ, но не могла уже быть съ нимъ вполнѣ искренней.

Ее страшно оскорбило, что братъ при тѣхъ отношеніяхъ, которыя съ дѣтства были между ними, ни однимъ словомъ не подѣлился съ ней этимъ; но съ другой стороны она понимала, что чувства и отношенія его съ „этой женщиной“ (Елена Николаевна каждый разъ произносила это слово съ содроганіемъ и каждый разъ почему-то именно на этомъ словѣ ей опять представлялось, какъ Ольга при нянѣ и Архипычѣ бросилась на шею Юрію и цѣловалась съ нимъ)—не изъ тѣхъ, о которыхъ пріятно говорить, хотя бы даже и съ такой близкой родной, какою была для него она.

Но ее интересовало, будетъ ли онъ молчать и теперь, когда, благодаря безтактности этой женщины, все само собой открылось?

— Господи!—воскликнула она съ ужасомъ и тоской, вспоминая вдругъ, какъ сама же она послала ему тогда записку на тотъ злополучный спектакль, съ котораго все началось.—Въ сущности я же сама во всемъ и виновата: я тогда уговорила его ѣхать, самъ онъ никогда бы не подумалъ о томъ; а не поѣзжай онъ—не увидь ея—никогда не возобновилось бы ихъ знакомство и никогда онъ не увлекся бы ею! И кто знаетъ,—быть можетъ, теперь Мери была бы уже его невѣстой—до того дня такъ все хорошо шло между ними! Думала ли она тогда, что этотъ несчастный спектакль будетъ имѣть для всѣхъ нихъ такое роковое значеніе и поведетъ за собой такія послѣдствія! Господи, на какихъ мелкихъ пустякахъ создается и разрушается иногда судьба человѣка! Да и не только въ спектакль, но даже и въ Москву ѣхать она же его опять уговорила! Судьба, точно смѣясь надъ нею, выбирала ее своимъ орудіемъ.

Теперь она мучилась этимъ и не могла простить себѣ неосмотрительности и близорукости, съ которой уговаривала брата

ѣхать въ Москву,—непростительной тѣмъ болѣе, что она раньше уже имѣла какое-то инстинктивное предчувствіе противъ этой женщины.

Но если такъ уже все случилось, Елена Николаевна предпочла бы, чтобы братъ продолжалъ молчать, потому что если онъ заговоритъ, она невольно выскажетъ свой взглядъ и они только поссорятся—и поссорятся, быть можетъ, такъ, какъ никогда еще не ссорились. Въ то же время она сомнѣвалась однако, имѣютъ ли они право безучастно глядѣть, какъ мало-по-малу станетъ портиться вся жизнь Юрія! Не ея ли долгъ—ея и ея мужа—вò-время остановить это, такъ или иначе раскрыть глаза брату и постараться разорвать эту несчастную связь! Но она была почти увѣрена, что это не подѣйствуетъ на него и что разъ онъ чтò рѣшитъ и чего захочетъ, то уже не приметъ ничьихъ совѣтовъ.

Конечно, эта женщина въ концѣ концовъ, а можетъ быть, даже и очень скоро женитъ его на себѣ—такъ всегда это кончается, да и онъ самъ, влюбившись въ нее, навѣрное пожелаетъ сдѣлать это,—онъ изъ тѣхъ, которые, привязавшись къ женщинѣ, привязываются къ ней уже всецѣло и навсегда!

— Ужасно, ужасно!—повторила она съ болью, закрывая себѣ лицо руками, точно защищаясь ими отъ какого-то кошмара: — И это вмѣсто Мери! чистой, невинной, любящей Мери!.. безнравственная женщина, съ сомнительнымъ прошлымъ и настоящимъ, съ сомнительными принципами и взглядами на жизнь, на обязанности жены, и къ тому же, навѣрное, имѣвшая уже не одинъ романъ въ жизни!..

Елена Николаевна признавала, что въ сущности не знаетъ ни этой женщины, ни ея прошлаго, ни ея убѣжденій, и что все это можетъ быть гораздо лучше, чѣмъ она воображаетъ и даже, пожалуй, вполнѣ безупречно и прекрасно.

Но силой того внутренняго предубѣжденія, которое было въ ней, она была склонна вѣрить всему дурному и инстинктивно протестовала всѣмъ существомъ противъ всего хорошаго.

Когда вернулся со службы Аркадій Петровичъ, Елена Николаевна заперлась съ нимъ послѣ обѣда въ своей комнатѣ и подробно передала ему нянинъ разсказъ, а также и свои опасенія.

Аркадій Петровичъ былъ очень удивленъ, но къ ея огорченію принялъ это извѣстіе съ нѣсколько легкой стороны, совсѣмъ повидимому не раздѣляя „трагическихъ", какъ онъ выразился, предположеній жены.

— Вотъ ужъ не ожидалъ-то!—сказалъ онъ, смѣясь и какъ

будто съ оттѣнкомъ легкой зависти:—каковъ! Вотъ вамъ и тихоня, какую пташку поймалъ!

Тонъ мужа покоробилъ и огорчилъ Елену Николаевну.

— Я не понимаю,—сказала она съ упрекомъ,—какъ ты можешь смѣяться и шутить надъ такой ужасной вещью!

Но Аркадій Петровичъ на этотъ счетъ не раздѣлялъ мнѣнія жены.

— Да помилуй, мой другъ,—сказалъ онъ, продолжая смѣяться: —что же тутъ ужаснаго? Я, правду сказать, ничего особеннаго въ этомъ не вижу; вѣдь это ты только воображала, что Юрій, дѣйствительно, чуть не монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ, а я этому никогда не вѣрилъ! Да и отчего ему не позабавиться,—онъ человѣкъ молодой!

— Позабавиться!!.. хороша забава!—съ негодованіемъ воскликнула Елена Николаевна:—да развѣ ты не понимаешь, что̀ можетъ выйти изъ этой забавы?

— Да что же особеннаго можетъ выйти?—искренно удивился Аркадій Петровичъ, въ свою очередь не понимая, изъ-за чего его жена такъ волнуется.

— А если онъ женится на ней?

Но Аркадій Петровичъ только расхохотался на это.

— Да помилуй!—воскликнулъ онъ:—кто же на подобныхъ госпожахъ женится! У каждаго изъ насъ по десятку такихъ романовъ бывало—такъ неужели же на каждой изъ нихъ сейчасъ и жениться? Вѣдь этакъ всѣ порядочныя дѣвушки въ старыхъ дѣвкахъ оставались бы, потому что эти дамы всѣхъ мужчинъ забрали бы себѣ.

— Ну, я не знала,—сухо и искоса взглядывая на мужа сказала Елена Николаевна,—что у тебя у самого десятокъ такихъ романовъ былъ! Когда же это?

Аркадій Петровичъ понялъ, что самъ себѣ поставилъ ловушку, и слегка смутился.

— Ну нельзя же,—сказалъ онъ съ замѣшательствомъ,—все понимать буквально; вѣдь это просто façon de parler...

— Я нахожу, что такой манерой лучше не говорить...—еще суше сказала Елена Николаевна, сердясь на мужа и за то, какъ онъ принялъ ея извѣстіе, и еще больше за его послѣднія слова.

А Аркадій Петровичъ, сознавая, что немного проштрафился, и желая скорѣе загладить свою вину, началъ разсуждать объ этомъ уже инымъ, болѣе подходящимъ къ жениному, тономъ.

— Положимъ,—сказалъ онъ уже гораздо серьезнѣе и слегка

даже озабоченно нахмуриваясь:—Юрій вѣдь какъ-то совсѣмъ особенно скроенъ, отъ него дѣйствительно этой глупости, пожалуй, станетъ.

Но или Елена Николаевна была особенно не въ духѣ, или ужъ Аркадію Петровичу суждено было говорить сегодня невпопадъ, но только фраза эта опять очень не понравилась ей.

— Положимъ,—сказала она, тоже нахмуриваясь,—я совсѣмъ не нахожу, чтобы Юрій былъ особенно склоненъ къ глупостямъ и не могу сказать, чтобы онъ дѣлалъ ихъ прежде, а потому не понимаю, на какомъ основаніи ты это говоришь!

— Да вѣдь ты же сейчасъ говорила,—съ недоумѣніемъ сказалъ Аркадій Петровичъ, начиная совсѣмъ сбиваться, чего хочетъ отъ него жена, но Елена Николаевна быстро перебила его:

— Я говорила,—сердито заговорила она, волнуясь все больше и больше,—что это очень серьезно, но совсѣмъ не глупо! Это несчастье, а несчастье можетъ случиться съ каждымъ и по большей части случается всегда именно съ наиболѣе достойными и умными людьми.

— Несчастья пока еще нѣтъ,—замѣтилъ, пожимая плечами, Аркадій Петровичъ.

— Если онъ женится на ней, то будетъ несчастье!

— А я нахожу,—воскликнулъ Аркадій Петровичъ тоже съ раздраженіемъ, потому что упорное разногласіе съ женой и ея безпричинное, какъ ему казалось, раздраженіе противъ него стали переходить и на него,—я нахожу, что если онъ женится на ней, то это будетъ глупость, а не несчастье! Потому что повторяю, что на подобныхъ госпожахъ не женятся; съ ними имѣютъ романы, связи, на нихъ спускаютъ состоянія, пожалуй даже стрѣляются, но на нихъ не женятся!

И онъ, сердито заложивъ руки въ карманы, заходилъ по комнатѣ, что̀ всегда служило у него признакомъ сильнаго раздраженія. Елена Николаевна видѣла это и понимала; ей было непріятно ссориться съ любимымъ мужемъ, съ которымъ они ссорились очень рѣдко, но какой-то злой, упорный духъ вселился въ нее и она уже не могла остановиться, хотя и видѣла, что они сейчасъ совсѣмъ разсорятся; къ тому же въ ней было больше чувства справедливости и хотя она ненавидѣла и презирала эту женщину, но все-таки же помнила, что это знаменитая, прекрасная артистка, которой всѣ они еще недавно восхищались и которой она готова была бы восхищаться и до сихъ поръ, еслибы только она не трогала ея брата, поэтому она не могла

ставить ее на одну доску съ „этими госпожами", къ которымъ вздумалъ приравнивать ее съ чего-то Аркадій Петровичъ.

— Это большая разница,—сказала она ему рѣзко и запальчиво: — она и эти твои дамы! Она — извѣстная артистка и ты самъ три мѣсяца тому назадъ восхищался ею!

— Ну, мало ли кѣмъ мы восхищаемся! изъ этого еще ничего не слѣдуетъ! И потомъ, позволь,—что же ты такъ волнуешься, если сама находишь, что это—женщина достойная всякаго уваженія и восхищенія?

— Нѣтъ, я совсѣмъ этого не нахожу! Зачѣмъ ты переиначиваешь мои слова!

— Да вѣдь не ты же ли это сейчасъ сказала?

— Нѣтъ, я совсѣмъ не это сказала!—вскрикнула Елена Николаевна, чувствуя, какъ въ ней закипаютъ и слезы, и еще болѣе рѣзкія слова, и нарочно вставая, чтобы уйти и кончить это: —я совсѣмъ не это сказала! Ты нарочно притворяешься, что не понимаешь меня сегодня! Я сказала и повторяю, что она замѣчательная артистка, талантъ которой можно и должно даже цѣнить и уважать. Но изъ этого совсѣмъ еще не слѣдуетъ, чтобы я находила ее подходящей женой для моего брата и чтобы могла одобрять ихъ... ихъ любовь... потому что увѣрена—она приведетъ только къ несчастью... Отъ жены моего брата я желаю и требую совсѣмъ другого, чѣмъ отъ актрисы, которую пріѣзжаю смотрѣть въ театръ!

Аркадій Петровичъ хотѣлъ что-то возразить ей, но Елена Николаевна не дала ему этого.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она рѣшительно,—намъ лучше прекратить этотъ разговоръ; я жалѣю, что начала его. Мы, очевидно, не расположены согласиться другъ съ другомъ!..

— Да,—сказалъ Аркадій Петровичъ, сердито и небрежно пожимая плечами и закуривая въ утѣшеніе себѣ сигару: — когда женщины бываютъ въ такомъ состояніи, какъ ты сегодня, то съ ними, разумѣется, никакой логичный споръ невозможенъ!

И онъ вышелъ, оставивъ жену одну. Еленѣ Николаевнѣ было очень тяжело. Она сознавала, что была не совсѣмъ справедлива къ мужу, ссора съ которымъ произошла больше изъ-за ея дурного расположенія, чѣмъ изъ-за несходства взглядовъ. Но съ другой стороны она была очень недовольна и обижена имъ, потому что въ такую тяжелую ей минуту онъ не только не успокоилъ и не ободрилъ ее, но говорилъ нарочно такъ, что только больше еще оскорблялъ и раздражалъ ее.

Все это было очень тяжело, а впереди предстояло еще болѣе тяжелое объясненіе съ братомъ.

— Да,—сказала себѣ съ тоскливымъ предчувствіемъ Елена Николаевна:—вотъ я поссорилась уже изъ-за нея съ мужемъ... а съ братомъ будетъ и того еще хуже. Нѣтъ, очевидно, что эта женщина—не изъ тѣхъ, которыя приносятъ семьѣ счастье и покой...

V.

Ольга на этотъ разъ остановилась у Милочки. Чемезову это не очень нравилось,—ему не нравилась и Милочка, и вся ея обстановка,—но Ольга заупрямилась, говоря, что у сестры ей гораздо удобнѣе и спокойнѣе, чѣмъ въ гостинницѣ; но главная причина, которой она не высказала Чемезову, была та, что у нея не было довольно денегъ, а житье въ гостинницѣ при ея неумѣньѣ всегда обходилось ей очень дорого.

Квартира у Милочки была въ лучшей части города, прелестная и довольно большая. Милочка жила на ней уже давно и считалась въ домѣ одною изъ лучшихъ жилицъ, хотя случалось, что по нѣсколько мѣсяцевъ сряду не платила за нее денегъ, но случалось также, что платила и за цѣлый годъ впередъ. Все зависѣло отъ того, какъ шли дѣла Ардальона Михайловича.

Отъ успѣха этихъ дѣлъ зависѣло все въ жизни Милочки, начиная отъ новыхъ бриліантовыхъ серегъ и поѣздокъ въ Крымъ или за границу до хорошаго расположенія духа включительно.

Обстановка Милочкиной квартиры была очень нарядна и эффектна, хотя это было не столько дѣломъ рукъ или, вѣрнѣе, бумажника Ардальона Михайловича, сколько другихъ Милочкиныхъ поклонниковъ.

Ардальонъ Михайловичъ поставлялъ только главное, существенное, какъ, напримѣръ, квартира, лошади, бриліанты, счеты модисткамъ и т. д. Поклонники же украшали Милочкину квартиру. Одинъ всегда подносилъ ей цвѣты, другой—фарфоръ, третій—разныя красивыя бездѣлушки, четвертый—картины и т. д.

Милочка каждому изъ нихъ открывала по секрету свою страсть, говоря одному:

— Ахъ, я обожаю фарфоръ, особенно старинный! знаете, это моя страсть, я способна разоряться на него!

И услужливый влюбленный galant homme принималъ это къ свѣденію и, конечно, не допускалъ разоряться такую хорошенькую женщину, предпочитая это дѣлать за нее самому.

Другому говорилось то же самое о цвѣтахъ или кружевахъ и каждому опредѣлялась роль спеціальнаго поставщика какого-нибудь предмета.

Милочка находила, что это очень выгодно для нея и удобно для поклонниковъ. По крайней мѣрѣ, никто слишкомъ сильно все-таки не разорялся и каждый зналъ свой отдѣлъ, а у Милочки, такимъ образомъ, скоплялись постепенно цѣлыя богатства разныхъ рѣдкихъ и дорогихъ вещей.

Ардальонъ Михайловичъ тоже ничего противъ этого не имѣлъ; во-первыхъ, это и для него тоже имѣло свои выгоды и удобства, а во-вторыхъ, онъ зналъ, что такія вздорныя, въ сущности, подношенія ни на что серьезное женщину еще не обязываютъ. Да еслибы даже Милочка и сочла себя предъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ обязанной, то и на этотъ счетъ у Ардальона Михайловича былъ свой философскій взглядъ.

За его богатую всякими приключеніями жизнь, у него бывало не мало всевозможныхъ романовъ, изъ которыхъ онъ вынесъ положительное убѣжденіе, что женщина, да еще хорошенькая, все равно не можетъ обходиться безъ маленькихъ обмановъ и измѣнъ, — не безразлично ли, которая изъ нихъ будетъ обманывать его? Милочка на этотъ счетъ, благодаря нѣкоторой холодности темперамента, была даже воздержнѣе другихъ; да къ тому же онъ и самъ не могъ похвалиться безукоризненной вѣрностью ей и потому благоразумно воздерживался поднимать ссору и исторіи, къ которымъ у него всегда было чуть не физическое отвращеніе, изъ-за такихъ пустяковъ. Его девизъ былъ: живи и давай жить другимъ! И онъ всегда старался устроить свою жизнь такъ, чтобы она текла пріятно, весело и беззаботно, и чтобы отъ нея насколько возможно получалось бы больше удовольствій.

Вслѣдствіе этого Ардальонъ Михайловичъ давно усвоилъ себѣ тотъ „философскій“, какъ онъ говорилъ, взглядъ на вещи, позволявшій ему ко всѣмъ неудачамъ и непріятностямъ относиться легко, почти небрежно, не удостоивая ихъ большого вниманія. Отъ этого Ардальонъ Михайловичъ всегда былъ въ ровномъ, прекрасномъ расположеніи духа, которое, кажется, сильнѣе всего прочаго привязывало къ нему Милочку, тоже не любившую ни непріятностей, ни ревности, ни скупости, ни даже озабоченныхъ, серьезныхъ лицъ.

Злые языки говорили, что это пріятное настроеніе духа не покидало Ардальона Михайловича даже и въ такія минуты, какъ, напримѣръ, когда у него умеръ единственный сынъ, или когда,

послѣ какой-то неудачно кончившейся для него аферы, у него произошло съ кѣмъ-то изъ заинтересованныхъ очень крупное объясненіе, коснувшееся отчасти даже его красивой физіономіи, и черезъ часъ послѣ котораго его уже видѣли у Бореля, благодушно возсѣдающимъ съ сигарой въ зубахъ предъ блюдомъ устрицъ и бутылкой шампанскаго, и все съ той же пріятной улыбкой разсуждающаго о томъ, что непріятности съ каждымъ могутъ случиться, но что на нихъ слѣдуетъ только не обращать много вниманія и относиться къ нимъ философски.

Милочка не очень удивилась, увидѣвъ сестру и узнавъ, что она пріѣхала на цѣлыхъ десять дней.

Положимъ, раньше Ольга почти никогда этого не дѣлала, но Милочка знала, что теперь Ольга влюбилась и потому отъ нея можно ожидать всякихъ сюрпризовъ.

— Я не удивлюсь, если ты даже совсѣмъ бросишь сцену!— сказала она шутливо, но съ маленькой насмѣшкой.

Ольга чуть-чуть нахмурилась.

— Ну, положимъ,—сказала она съ недобрымъ, вдругъ загорѣвшимся въ глазахъ ея огнемъ,—этого никогда не будетъ.

Но Милочка съ хитрой усмѣшкой пожала плечами.

— Не ручайся,—сказала она:—мнѣ кажется, онъ театра не долюбливаетъ...

— Изъ этого еще ничего не слѣдуетъ,—сказала Ольга съ хмурымъ выраженіемъ на лицѣ: —театру служу я, а не онъ. Я знаю, — запальчиво прибавила она вдругъ черезъ минуту, — что онъ тебѣ не нравится... я это знаю...

Милочка немножко смутилась и покраснѣла, но Леонтьевская искренность была свойственна и ей.

— Это правда,—сказала она откровенно,—то-есть,—быстро прибавила она, замѣтивъ, какъ вспыхнула Ольга,—онъ, можетъ быть, отличный человѣкъ, и очень умный, и очень честный... но онъ не по мнѣ... мнѣ онъ не симпатиченъ.

— А мнѣ,—сказала, сдвигая брови, Ольга,—не симпатиченъ Ардальонъ Михайловичъ... однако... однако я никогда не позволяла себѣ говорить тебѣ, что онъ мнѣ не нравится!..

Милочка смѣшалась еще больше, но ей не хотѣлось ссориться съ сестрой, которой она была искренно рада,—и къ тому же еще въ первый же день ея пріѣзда,—и она сдержала себя.

— Ну, Оленька,—заговорила она ласково,—не будемъ ссориться изъ-за нихъ; право, они этого не стоятъ... Ты воображаешь, что мнѣ очень нравится Ардальонъ Михайловичъ! Совсѣмъ нѣтъ; я лучше чѣмъ кто-нибудь знаю всѣ его недостатки,

но въ концѣ концовъ всѣ они другъ друга стоятъ, ихъ даже и мѣнять не стоитъ,—это все равно, что прислуга: прогонишь пьяницу— наймешь воровку! Всѣ они хороши! Ужъ я-то ихъ достаточно знаю, повѣрь мнѣ!

Но Ольга, задѣтая въ своей любви, молчала, не поддаваясь на ласку сестры и сердясь, какъ та можетъ сравнивать Чемезова со всѣми подобными господами.

— Пойдемъ лучше завтракать, — сказала Милочка, уводя сестру въ столовую, но, не дойдя до дверей еще, она раскаялась уже, что огорчила сестру, и вдругъ остановилась и, обнявъ крѣпко, поцѣловала ее.

— Если ты будешь счастлива съ нимъ и если онъ будетъ любить тебя, то я сама готова полюбить его! — сказала она горячо:—только... только я боюсь, Оленька...

— Чего? — спросила Ольга, сознавая невольно, что этотъ какой-то неясный и безпричинный страхъ есть и въ ней самой.

— Я не знаю, чего,—сказала Милочка съ замѣшательствомъ, не умѣя ясно объяснить словами свое чувство:—только мнѣ кажется, что изъ этого ничего не выйдетъ... хорошаго; можетъ быть, я ошибаюсь, но право... вы не созданы другъ для друга.

Ольга молча стояла предъ ней, задумчиво и печально смотря чуть прищуренными глазами куда-то выше головы сестры.

— Можетъ быть... можетъ быть... — сказала она, глубоко о чемъ-то вздохнувъ... Но будь что̀ будетъ!—воскликнула она вдругъ, рѣшительно встряхнувъ головой, точно отгоняя отъ себя какія-то тяжелыя мысли:—я его люблю и ничего не боюсь!

VI.

Нельзя сказать, чтобы Чемезовъ съ большимъ удовольствіемъ ѣздилъ къ Милочкѣ. Ему не нравилась ни она, ни ея общество, ни даже ея квартира; но иначе трудно было устроить: то ему приходилось заѣзжать за Ольгой, то провожать ее туда.

Милочка встрѣчала его каждый разъ очень любезно, съ той свойственной всѣмъ Леонтьевымъ простотой и безцеремонностью, которая такъ многихъ привлекала къ нимъ.

Но даже и подъ этой простотой и любезностью чувствовалась ихъ скрытая непріязнь другъ къ другу, которую каждый изъ нихъ, ради Ольги, старался по возможности маскировать и подавлять.

Чемезовъ избѣгалъ подолгу оставаться здѣсь, стараясь ско-

рѣе уводить Ольгу изъ этого непріятнаго ему общества, да она и сама предпочитала быть съ нимъ вдвоемъ, глазъ на глазъ, когда имъ бывало такъ хорошо и легко другъ съ другомъ.

Но видѣться за эту недѣлю имъ сравнительно приходилось все-таки мало.

Утромъ онъ былъ на службѣ, вечеромъ она часто играла. Онъ уже не ходилъ, какъ въ первый ея пріѣздъ и въ Москвѣ, въ театръ, каждый разъ что она играла. Во-первыхъ, у него не было времени, потому что всѣ вечера у него проходили въ работѣ, которую онъ спѣшилъ оканчивать къ ея приходу; а во-вторыхъ, ему было какъ-то странно и даже жутко и непріятно видѣть ее теперь на сценѣ, обнимающуюся съ разными мужчинами, изображавшими ея мужей и любовниковъ, и зависящую всецѣло отъ прихотливой, непостоянной толпы, которая сегодня осыпала ее рукоплесканіями, а завтра могла освистать.

Они старались обѣдать вмѣстѣ гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, что̀ такъ не любилъ Чемезовъ и къ чему привыкла и что̀ любила она, и это было единственное время въ продолженіе дня, которое они могли проводить вмѣстѣ.

Зато вечера,—правда, уже очень поздніе, потому что большей частью она могла пріѣзжать только къ 11-ти часамъ,—принадлежали имъ вполнѣ.

Придя послѣ обѣда домой и занимаясь своими бумагами, Чемезовъ въ то же время мысленно слѣдилъ за ней: „теперь она гримируется и одѣвается, теперь идетъ вѣрно первый актъ“, затѣмъ второй и такъ далѣе, съ каждымъ часомъ все нетерпѣливѣе взглядывая на часы и поджидая ее. Няню и Архипыча онъ обыкновенно отправлялъ спать. Ихъ вытянутыя, недовольныя лица портили ему радость свиданія съ ней и стѣсняли его.

Въ концѣ 11-го часа онъ начиналъ чутко прислушиваться къ шагамъ на лѣстницѣ, которые глухо доносились до его кабинета. Но ея шаги, легкіе и торопливые, онъ уже научился узнавать изъ-за всѣхъ другихъ; мало того, она еще только звонила внизу въ швейцарской, какъ онъ какимъ-то чутьемъ угадывалъ, что это она, и торопливо, съ радостной, невольно являвшейся на лицѣ его улыбкой, выскакивалъ ей на встрѣчу и, тихонько отворяя ей двери, съ учащеннымъ біеніемъ сердца поджидалъ ее за ними. Она поднималась своимъ быстрымъ, легкимъ бѣгомъ и каждый разъ, увидѣвъ его, радостно и тихо вскрикивала и бросалась къ нему, еще вся свѣжая и холодная отъ морознаго воздуха, принесеннаго ею съ улицы.

Онъ снималъ съ нея ротонду, съ занесеннымъ снѣгомъ мѣ-

ховымъ воротникомъ, цѣловалъ ея заиндевѣвшіе волосы и разрумянившееся на морозѣ лицо и они вмѣстѣ шли въ кабинетъ.

Она еще по дорогѣ начинала что-нибудь оживленно разсказывать ему о томъ, гдѣ была, какъ играла, кого видѣла, какъ принимали и такъ далѣе. Онъ усаживалъ ее на ея любимое мѣсто, подлѣ камина, огонь въ которомъ, къ полному негодованію Архипыча, поддерживалъ теперь для нея весь вечеръ. На лицѣ ея еще виднѣлись легкіе слѣды грима и онъ тщательно стиралъ эти остатки пудры и карандаша, которые портили, на его взглядъ, любимое лицо, и шутя заставлялъ ее иногда даже умываться, не позволяя ей послѣ ни завиться, ни напудриться и увѣряя ее, что такъ она нравится ему гораздо больше.

Она покорно, съ шутливымъ протестомъ, но съ удовольствіемъ въ душѣ, покорялась ему и исполняла всѣ его желанія.

Затѣмъ онъ приносилъ ей уже остывшій чай и закуски, и она заставляла его, сидя на одномъ креслѣ съ нею, пить изъ одной чашки и ѣсть съ одной тарелки. Это доставляло имъ какое-то забавное удовольствіе,—точно имъ казалось, что они все еще не достаточно близки другъ къ другу и хотѣлось быть все ближе и еще ближе.

Порой они засиживались такъ до глубокой ночи и, не отводя одинъ отъ другого влюбленныхъ глазъ, говорили цѣлыми часами, то о себѣ, о своихъ дѣлахъ и своихъ близкихъ, то о разныхъ серьезныхъ вопросахъ и извѣстныхъ людяхъ—тэма горячая для него и живая для нея только потому, что онъ говорилъ объ этомъ,—то о театрѣ и великихъ писателяхъ, поэтахъ и историческихъ лицахъ, которые, благодаря сценѣ, всегда были въ ея памяти, и о множествѣ другихъ и близкихъ и отвлеченныхъ для нея вещей, приходившихъ имъ въ голову и дѣлавшихся особенно интересными для нихъ уже потому, что одинъ слушалъ другого всѣмъ своимъ существомъ.

И все это она, съ свойственной ей манерой, нервной и неожиданной, быстро скользящей по всему, пересыпала новыми ласками и признаніями, трогавшими и порабощавшими ей его еще больше.

Но иногда они сидѣли молча, только обнявшись и прижимаясь другъ къ другу и задумчиво, съ безотчетно блуждающей улыбкой, смотрѣли на огонь камина. Угольки въ немъ то тихо вспыхивали синеватыми, перебѣгающими огоньками, то вдругъ, слегка встрескивая, разсыпались во всѣ стороны блестящими, огненными звѣздочками, точно крохотный фейерверкъ.

И вмѣстѣ съ теплотой, все больше разливавшейся въ комнатѣ

и по ихъ тѣламъ, разливалась сладостная лѣнивая истома и имъ было точно лѣнь двигаться, говорить и даже думать... Они только безсознательно наслаждались близостью другъ друга и теплыя руки ихъ тихо вздрагивали и крѣпче сжимались одна въ другой...

Ни одна еще женщина не дѣйствовала на Чемезова такъ сильно и ни съ одной изъ нихъ прелесть счастья не ощущалась имъ такъ ярко и такъ властно, какъ съ Ольгой. Хотя въ чемъ собственно состояло это счастье — онъ затруднился бы объяснить. Оно было во всемъ — въ каждой минутѣ, въ каждомъ взглядѣ и движеніи! Оно было въ ея улыбкѣ, въ ея словахъ, въ ея глазахъ, въ ея ласкѣ, также въ этомъ нравственномъ сродствѣ душъ, въ которомъ сливались ихъ натуры, такъ несходныя въ сущности между собою. Каждый изъ нихъ какъ бы дополнялъ одинъ другого — и выходило нѣчто цѣлое, стройное и прекрасное! Это было лучшее время ихъ любви, то время, когда люди не могутъ встрѣтиться глазами безъ того, чтобы не улыбнуться другъ другу.

Даже когда ея не было, то все было полно ею. Его мысли, его чувства и даже самыя комнаты, казалось, въ нѣсколько дней пріобрѣли и усвоили себѣ отпечатокъ чего-то присущаго ей одной.

Брошенный на креслѣ шарфъ ея, весь еще какъ бы пропитанный тонкимъ запахомъ ея прикосновенія, роль, забытая ею на столѣ, шпильки и булавки на его комодѣ, которыхъ раньше никогда не водилось у него, все говорило и напоминало о ней, и прикасаться къ этимъ вещамъ, когда ея не было, доставляло ему какое-то странное наслажденіе и онъ съ растроганной нѣжностью убиралъ всѣ эти вещи, которыя, приходя, она сейчасъ же снова вездѣ разбрасывала.

У сестеръ за все это время Чемезовъ еще ни разу не былъ и что-то останавливало его отъ того, чтобы пойти туда. Онъ сознавалъ, что въ жизни его совершился такой переломъ, который нельзя да и не слѣдуетъ скрывать отъ Hélène. Онъ и не желалъ скрывать этого, — напротивъ, счастье его было такъ полно, что онъ чувствовалъ даже потребность подѣлиться имъ съ сестрой, съ которой вообще всегда и всѣмъ привыкъ дѣлиться. Но онъ чувствовалъ, что на этотъ разъ не найдетъ въ ней обычнаго сочувствія себѣ, а хмурыя лица няни и Архипыча еще больше убѣждали его въ этомъ. Архипычъ былъ пасмурнѣе чѣмъ когда-либо; онъ почти совсѣмъ уже не говорилъ и даже и въ комнаты не входилъ, ограничиваясь только мрачными докладами, когда кто приходилъ, да явленіями по вечерамъ со связкой дровъ, которую клалъ предъ каминомъ молча, чуть не съ трагическимъ ожесточеніемъ на лицѣ.

Няня тоже ходила вся заплаканная, тихо и горько вздыхала по угламъ, мазалась разными мазями и говорила о смерти.

Чемезовъ прекрасно понималъ, изъ-за чего всѣ эти исторіи, но дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и не обращалъ вниманія на трагическій и оскорбленный видъ своихъ стариковъ, которые, кажется, считали романъ его съ Ольгой чуть не личной и кровной себѣ обидой.

Но какъ бы тамъ ни было, какъ бы ни приняла Hélène его признаніе, онъ все-таки рѣшилъ сходить къ ней въ первый свободный вечеръ, когда у него будетъ поменьше работы, и поговорить съ ней, если это выйдетъ кстати и онъ почувствуетъ, что она расположена выслушать его. Это вышло скорѣе и удачнѣе даже въ томъ отношеніи, что ни Аркадія, ни Зины не было дома. Чемезовъ желалъ высказаться только сестрѣ, но никому больше, и совсѣмъ не чувствовалъ себя расположеннымъ говорить объ этомъ съ Аркадіемъ Петровичемъ, который только бы помѣшалъ имъ, и потому онъ былъ очень доволенъ, узнавъ, что Hélène совсѣмъ одна.

VII.

Чемезовъ не былъ вполнѣ спокоенъ, идя къ сестрѣ. Онъ слишкомъ любилъ Hélène и слишкомъ привыкъ уважать ея мнѣніе, чтобы ея неодобреніе въ такомъ важномъ для него вопросѣ могло оставить его равнодушнымъ.

Но въ то же время онъ и къ Ольгѣ относился уже настолько горячо и болѣзненно, что его не могло не задѣть и не оскорбить малѣйшее неодобреніе ей.

Елена Николаевна приняла брата очень спокойно и даже ласково, какъ еслибы ничего не знала о случившемся, но она избѣгала смотрѣть на него, притворяясь, что занята своимъ вышиваньемъ, и не могла говорить съ нимъ вполнѣ просто и непринужденно, что̀ всегда случалось съ ней, когда она была недовольна имъ или вообще кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ.

Она спросила его, не хочетъ ли онъ чаю, но не спросила его, отчего онъ такъ давно не былъ у нихъ, какъ спросила бы непремѣнно, еслибы дѣйствительно ничего не знала. Чемезовъ замѣтилъ это, но не придалъ этому особеннаго значенія, думая, что это просто случайность. Они говорили сначала о разныхъ незначительныхъ и ненужныхъ ни ему, ни ей пустякахъ и говорила больше Елена Николаевна, которая боялась, что братъ

заговорить съ ней именно о томъ, о чемъ она боялась говорить и о чемъ въ то же время почти желала заговорить.

Но Чемезову, пришедшему съ желаніемъ подѣлиться съ ней своимъ чувствомъ, скучно было разсуждать о погодѣ, и о томъ, какое Зинѣ сшили новое платье, и о томъ, какъ Аркадій Петровичъ остался на-дняхъ у Веригиныхъ безъ шести на шлемѣ.

— Послушай, Hélène,—заговорилъ онъ нѣжнымъ, слегка взволнованнымъ голосомъ, съ лаской беря ее за руку: — я хочу разсказать тебѣ одну вещь, которой ты еще не знаешь, но которая очень важна и дорога для меня...

Сердце Елены Николаевны тревожно дрогнуло, и она поспѣшно, какъ бы за шерстями, отняла у брата руку.

— Я думаю,—сказала она чуть-чуть задрожавшимъ голосомъ и по лицу ея пошли вдругъ багровыя пятна, что̀ всегда дѣлалось съ ней въ минуты сильнаго волненія,—что знаю... о... о чемъ ты хочешь говорить со мной и... и думаю, что намъ лучше вовсе не говорить объ этомъ!—докончила она вдругъ быстро и рѣзко, болѣе рѣзко, чѣмъ желала бы того сама.

Чемезовъ съ удивленіемъ, пораженный ея жесткимъ и волнующимся голосомъ, взглянулъ на нее и понялъ, что няня вѣрно была уже у Елены и успѣла обо всемъ разсказать ей. Онъ удивлялся, какъ раньше не пришло ему этого въ голову, и обвинялъ себя за это; но тонъ, которымъ Елена отвѣтила на его дружеское, довѣрчивое признаніе, оскорбилъ его и за себя, и за Ольгу, о которой сестра его не желала даже ничего слушать.

— Почему? — спросилъ онъ ее сухо и строго, точно давая ей время лучше и серьезнѣе обдумать свой жесткій, оскорбившій его отказъ.

— Потому что мы въ *этомъ* (Елена Николаевна особенно подчеркнула это слово) никогда но сойдемся.

Чемезовъ, сумрачно и машинально глядя на работу сестры, помолчалъ нѣсколько секундъ.

— Очень жаль!—сказалъ онъ, наконецъ, такимъ тономъ, что Елена Николаевна сразу почувствовала, что ихъ теплыя и сердечныя отношенія порвались въ эту минуту если и не совсѣмъ и не навсегда, то сильно и надолго; ей было это мучительно больно и горько, но постараться поправить ихъ тѣмъ путемъ, какого желалъ отъ нея братъ ея, она все-таки не могла и не хотѣла.

— Очень жаль...—повторилъ онъ тѣмъ же новымъ для нея въ немъ холоднымъ, враждебнымъ тономъ:—я думалъ, что моя жизнь интересуетъ тебя.

— Да, Юрій!—воскликнула она горячо, едва сдерживая слезы, рѣдко подступавшія къ ней.—Да, Юрій, она меня очень интересуетъ, но оказывается, что мы слишкомъ разно смотримъ на нее... и вообще на вещи... и потому намъ лучше вовсе объ этомъ не говорить, потому что... потому что мы все равно не согласимся другъ съ другомъ!..

— До сихъ поръ мы въ большинствѣ случаевъ соглашались.

— Да, до сихъ поръ, но не съ этихъ поръ!

— Ну что-жъ,—сказалъ онъ, поднимаясь съ болью въ душѣ и рѣшаясь отнынѣ никогда больше не говорить съ ней ни объ чемъ, что̀ будетъ ему дорого и близко, потому что она оттолкнула и не поняла его въ самую нужную и дорогую ему минуту.—Такъ какъ мы не можемъ согласиться, а я не стану поддѣлывать свою жизнь подъ чужія требованія, то намъ, конечно, лучше вовсе никогда больше не говорить объ этомъ.—И онъ взялъ шляпу и холодно, какъ чужой, потому что въ эту минуту она была для него хуже чѣмъ чужая—она была непріятная для него женщина, протянулъ ей руку.

— Нѣтъ, Юрій, нѣтъ!—быстро сказала она, удерживая его руку въ своей рукѣ и не отпуская его:—я прошу тебя не уходить; это будетъ похоже на ссору, а я, конечно, не хочу ссоры! Я только... не могу и не хочу говорить объ этомъ; но это не должно и не можетъ вліять на наши отношенія вообще!

— Я думаю, что можетъ, Hélène! — сказалъ онъ мягче, всей душой желая, чтобы она одумалась и поняла его, и готовый простить ей всѣ ея рѣзкія слова, если она хоть немного уступитъ ему.—Невольно, быть можетъ даже безсознательно, но можетъ, Hélène!—повторилъ онъ твердо.

— Я не вѣрю этому!—воскликнула она горячо:—мы съ тобой жили душа въ душу тридцать лѣтъ, неужели же...—Елена Николаевна остановилась на мгновеніе, не зная, какъ мягче высказать свою мысль, но не удержалась и высказала ее рѣзко:—неужели же разойдемся теперь, изъ-за чужой, посторонней женщины, которую ты даже не зналъ полгода тому назадъ и которую, быть можетъ, не захочешь знать еще чрезъ полгода!

Чемезовъ вспыхнулъ и сильно нахмурился.

— Эта женщина,—сказалъ онъ рѣзко, взглядывая на сестру раздраженнымъ, гнѣвнымъ взглядомъ,—мнѣ не чужая! Она дорога мнѣ такъ же, какъ ты и Зина, и я желаю знать ее не только полгода, но и всю мою послѣдующую жизнь!

Онъ поблѣднѣлъ, говоря это, и голосъ его звучалъ властно, въ немъ былъ тонъ, которымъ онъ рѣдко говорилъ, но которымъ

говорилъ всегда, когда хотѣлъ твердо выразить желаніе, въ которомъ ему противорѣчили; этотъ тонъ, а еще больше слова его, въ свою очередь задѣли ее.

— Я могу только сказать на это,—заговорила она запальчиво, оскорбляясь тѣмъ, что онъ признавалъ эту женщину одинаково дорогой для себя, какъ ее и Зину,—что все это очень печально и что я желаю для твоего же счастія, чтобы этого не случилось...

— Ну, довольно, Hélène!—прервалъ онъ ее съ утомленіемъ и холодно.—Ты права! не будемъ больше никогда объ этомъ говорить и не удерживай меня теперь; я ухожу не потому, чтобы считалъ наши отношенія порванными или желалъ бы ссоры, но потому, что въ данную минуту не расположенъ оставаться здѣсь и говорить о чемъ бы то ни было. До свиданья; дня чрезъ два я зайду, конечно,—прибавилъ онъ нарочно, чтобы она никакъ не могла думать, что онъ совсѣмъ желаетъ разсориться съ ней и даже перестать бывать, что̀, какъ ему казалось, она думаетъ, но... было слишкомъ много этихъ *но*, чтобы онъ, съ его нервнымъ и не любящимъ притворства характеромъ, могъ продолжать спокойно сидѣть съ ней теперь.

— До свиданія...—сухо, почти не глядя на него и не отрывая отъ работы глазъ, сказала она.

Они холодно пожали другъ другу руки и каждый изъ нихъ сознавалъ, что порвалось очень много изъ того, что̀ такъ тѣсно связывало ихъ прежде, и что поправить это будетъ трудно, трудно тѣмъ болѣе, что ни тотъ, ни другой не пожелаютъ уступить другъ другу.

Когда братъ ушелъ, Елена Николаевна нѣсколько минутъ, молча, нервно продолжала свою работу, почти не видя ея и не думая о ней. Горло ея сжимала какая-то судорога, а глаза застилались туманомъ.

— Господи!—воскликнула она вдругъ—и сама же я послала его въ Москву!..—Она отбросила въ сторону свою работу и заплакала тяжелыми, горькими слезами... А Елена Николаевна плакала очень рѣдко и въ послѣдній разъ плакала года полтора тому назадъ, когда ея средняя дѣвочка была при смерти.

VIII.

Чемезовъ ожидалъ, что сестра отнесется къ тому, что̀ онъ скажетъ ей, не очень сочувственно, но что она отнесется *такъ*— этого онъ никакъ не ожидалъ и тѣмъ больнѣе это оскорбило его.

Онъ удивлялся, почему это точно всѣ сговорились противиться его любви къ Ольгѣ! Онъ еще понялъ бы это, еслибы вздумалъ жениться на ней, потому что понималъ, что такимъ людямъ какъ его родные такая женщина какъ Ольга, конечно, не можетъ казаться подходящей для него партіей; но вѣдь онъ и не говорилъ ничего о женитьбѣ! Онъ вообще не былъ склоненъ къ этому, а на Ольгѣ—какъ это ни странно было для него самого— онъ чувствовалъ, что склоненъ жениться даже еще менѣе, пожалуй, чѣмъ на Мери. Мысль о женитьбѣ на ней представлялась ему невозможной по важнымъ и неотстранимымъ причинамъ.

Прежде всего онъ никогда бы не допустилъ, чтобы его жена была на сценѣ; въ его глазахъ это было почти такъ же невозможно, какъ поступить на сцену самому. А Ольга никогда не согласилась бы бросить сцену; она не разъ сама говорила ему это, прибавляя, не безъ умысла повидимому, что пожертвуетъ для любимаго человѣка всѣмъ, но для сцены пожертвуетъ даже и любимымъ человѣкомъ.

Съ другой стороны, если даже допустить, что она и согласится бросить сцену, что̀, въ сущности, невозможно, то и тогда бы, положа руку на сердце, Чемезовъ не могъ сказать, что пожелалъ бы тотчасъ же жениться на ней.

Возможность этой женитьбы на ней, когда-то впослѣдствіи, еще чрезъ нѣсколько лѣтъ впереди, но отнюдь не теперь, мелькала порой въ его представленіи, но какъ-то смутно и неопредѣленно. Для этого, прежде всего, потребовалось бы всю ее передѣлать, начиная отъ ея взглядовъ на вещи и манеръ до самой натуры включительно. Пришлось бы артистку пересоздать въ семьянинку, что̀ съ ея характеромъ было очень трудно и потребовало бы нѣсколько лѣтъ упорной работы надъ нею. Да и вопросъ еще, имѣлъ ли онъ на это право? Лично для себя и для своихъ отношеній съ ней, даже и помимо женитьбы, онъ, пожалуй, предпочелъ бы, чтобы она дѣйствительно бросила сцену; но относясь къ этому вопросу съ отвлеченной стороны, онъ невольно сознавалъ, что не имѣетъ на это права и что требовать отъ нея подобной вещи, даже давая ей взамѣнъ замужство — недобросовѣстно.

Къ тому же, какъ ни была она знаменита, какъ ни заискиваютъ въ ней теперь всѣ, благодаря ея имени, успѣху и таланту, но разъ что она сойдетъ со сцены и изъ знаменитой актрисы превратится въ обыкновенную женщину, съ сомнительнымъ прошлымъ вдобавокъ, она тотчасъ же потеряетъ всю свою прелесть и силу для большинства, и въ томъ же самомъ обществѣ, которое теперь бѣгаетъ за ней, не найдется ничего, кромѣ злобныхъ сплетенъ, клеветы и презрѣнія, которымъ оно отплатитъ ей за всѣ прежніе успѣхи и за прежнее балованіе.

Ея замужство не принесетъ ей съ собой того забвенія и прощенія, какъ часто многія женщины прикрываютъ свои грѣхи и ошибки прошлаго именемъ и положеніемъ того человѣка, за котораго выходятъ замужъ.

Оно скорѣе только повредитъ и этому мужу, который отниметъ у общества любимую игрушку; и чѣмъ сильнѣе баловали ее прежде, чѣмъ снисходительнѣе глядѣли на всѣ ея слабости и проступки, тѣмъ строже взыщутъ съ нея потомъ, когда она сойдетъ со сцены и, выйдя замужъ, измѣнитъ этой толпѣ, которую забавляла столько лѣтъ и которая не проститъ ей этого.

Ему же, у котораго и безъ того столько враговъ, подобная женитьба повредитъ болѣе чѣмъ кому-либо. Всѣ его недоброжелатели обрадуются случаю какъ-нибудь оскорбить и унизить его жену, прошлое которой дастъ къ этому такой благопріятный матеріалъ, ужъ для одного того только, чтобы задѣть этимъ его.

Женѣ мстили бы за мужа, мужу за жену; вся его карьера, въ которой и безъ этого онъ долженъ былъ тяжелой борьбой отвоевывать себѣ каждый шагъ, окончательно бы рушилась и погубила бы вмѣстѣ съ собой и дорогое ему дѣло, потому что очень можетъ быть, что этимъ воспользовались бы, какъ орудіемъ и средствомъ выжить его, чего многіе такъ давно уже добивались, и путемъ различныхъ оскорбленій ему и ей заставить, наконецъ, самого его бросить все и уйти.

А онъ не хотѣлъ этого; онъ любилъ свою службу и свое дѣло не меньше, если даже не больше еще, чѣмъ Ольга свой театръ, и если она говорила, что для сцены пожертвуетъ всѣмъ, даже любимымъ человѣкомъ, то и онъ могъ сказать почти то же самое о своей службѣ.

И, наконецъ, послѣдняя и почти главная причина невозможности ихъ брака были его семейныя отношенія къ роднымъ.

Не только Hélène, но даже тѣ же няня и Архипычъ—со всѣми съ ними пришлось бы, вѣроятно, все порвать, потому что они

никогда бы не признали ее подходящей для него женой и всѣми силами возстали бы противъ этого. А Hélène, съ той долей прямолинейности, которая была въ ней отчасти, по всей вѣроятности не согласилась бы ее даже принимать. А все это были привязанности долгихъ лѣтъ, глубокой любви, дружбы, уваженія и привычки, безъ которыхъ ему уже тяжело было бы обходиться теперь. Да онъ и не считалъ себя въ правѣ промѣнивать ихъ всѣхъ на ее одну и ради нея оторваться отъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми его связывала цѣлая предъидущая жизнь.

Нѣтъ, бракъ потребовалъ бы отъ нихъ обоихъ столько тяжелыхъ жертвъ и лишеній, что о немъ не стоило и думать; но зато онъ желалъ имѣть Ольгу своей любимой подругой, съ которой ему такъ отрадно было дѣлить свою жизнь, и въ этомъ случаѣ онъ уже не желалъ, чтобы кто-нибудь, хотя бы даже сама Hélène, вмѣшивался въ ихъ отношенія. Онъ вообще не любилъ вмѣшательства въ свою жизнь, а въ подобномъ случаѣ и тѣмъ болѣе, и потому онъ рѣшился сразу же дать это понять и Hélène, и всѣмъ другимъ, кто вздумаетъ дѣлать то же.

Но все это было очень непріятно и тяжело ему. Это были уже первые шипы радостной и прекрасной до сихъ поръ любви ихъ! И онъ невольно обвинялъ Ольгу за ея неожиданный, такъ все спутавшій и преждевременно все открывшій пріѣздъ ея! Еслибы она благоразумно дождалась поста, какъ они условились, то онъ успѣлъ бы въ это время постепенно все устроить и подготовить къ ея пріѣзду. И тогда это произошло бы гораздо спокойнѣе и лучше; а то теперь дѣйствительно вышелъ чуть не скандалъ, который уже невозможно поправить, и взглядъ его родныхъ на Ольгу навсегда испорченъ.

Но что̀ его окончательно поражало и раздражало, такъ это точно такое же несочувствіе и противодѣйствіе ихъ отношеніямъ и со стороны родныхъ Ольги.

Какъ у него были свои Елены, няни и Архипычи, такъ и тамъ были свои Милочки, Настасьи, tutti quanti. Даже Пелагея Семеновна, сначала встрѣтившая его такъ сердечно, охладѣла къ нему, стала его какъ-то стѣсняться и уже не называла его больше ни „ты“, ни „Егорушка“.

Варенька, Борисъ и Павля тоже относились къ нему холодно и натянуто, видимо не желая признавать его членомъ своей семьи, какъ признавали Ардальона Михайловича. Ольга и на этотъ разъ, по обыкновенію, привезла съ собой Настасью, но онъ почти не видѣлъ ея, потому что какъ только онъ приходилъ, она, сухо поклонившись ему, тотчасъ же уходила съ тѣмъ самымъ выра-

женіемъ обиды и неудовольствія на лицѣ, съ какими встрѣчали Ольгу его собственные няня и Архипычъ.

Замѣчала ли все это Ольга и если замѣчала, то обращала ли на это вниманіе—трудно было сказать. Съ ея чуткостью довольно мудрено было не замѣтить этого, но, вѣроятно, не желая еще больше разстроивать его и портить мелочами ихъ общее счастье, она скрывала отъ него свои наблюденія на этотъ счетъ и относилась къ нимъ, повидимому, очень легко, съ присущимъ ей добродушіемъ. Порой она даже шутливо подтрунивала надъ няней и Архипычемъ, улавливая, съ свойственной ей мѣткостью, тотъ комизмъ ихъ натуръ, который занималъ ее какъ артистку и который почти ускользалъ до сихъ поръ отъ него, всегда занятаго другими, болѣе серьезными вещами. Она въ насмѣшку прозвала Архипыча „Архивычемъ", увѣряя, что это больше идетъ къ нему, и въ минуту нерѣдко находившей на нее шаловливости, когда она могла дурачиться какъ дѣвочка, съ такимъ юморомъ копировала стариковъ, что Чемезовъ невольно смѣялся вмѣстѣ съ нею.

До ея отъѣзда въ Москву оставалось всего два дня. Время это для нихъ пролетѣло такъ быстро, что они даже не замѣтили его; но на второй недѣлѣ поста она опять должна была пріѣхать въ Петербургъ и тогда уже совсѣмъ и со всей семьей.

У нихъ уже были переговоры объ этомъ съ матерью, которыхъ подробно она ему не передала, сказавъ только, что хотя Пелагеѣ Семеновнѣ это и непріятно, но она согласилась. Были также и продолжали вестись очень дѣятельно и энергично такіе же переговоры и съ дирекціей театра о томъ, чтобы ее перевели изъ Москвы въ Петербургъ. Просьба эта такъ поразила московскую дирекцію, привыкшую къ тому, что Леонтьевы всегда служили въ Москвѣ, что она сначала даже и не принимала этой просьбы серьезно, почти не вѣря ей. Но Ольга пугала, что иначе совсѣмъ броситъ казенную сцену и перейдетъ на частную. Къ тому же въ Петербургѣ отъ ея предложенія были въ восторгѣ, и разныя вліятельныя въ этомъ мірѣ лица, къ которымъ она обратилась за содѣйствіемъ, и сама дирекція усердно хлопотали объ успѣхѣ этого дѣла, хотя пока все это держалось еще въ секретѣ. Но давно уже замѣчено, что именно всѣ подобные секреты, начиная отъ государственныхъ тайнъ и кончая романомъ актрисы, тотчасъ же, неизвѣстно какъ и откуда, дѣлаются всѣмъ извѣстными.

И теперь, несмотря на то, что Ольга не хотѣла до поры до времени этого разглашать и всѣ преданныя ей и хлопотавшія за нее лица тоже какъ будто молчали объ этомъ по ея просьбѣ,

но слухъ о переходѣ ея былъ все-таки уже кѣмъ-то пущенъ въ публику и теперь разошелся повсюду. Объ этомъ говорили еще неувѣренно и нерѣшительно, почти не довѣряя интересной новости и всячески комбинируя и разъясняя ее. Имя Чемезова—тоже неизвѣстно гдѣ и кѣмъ—было уже произнесено и присоединилось къ слуху, какъ причина. Больше всего говорили, конечно, въ сферахъ, ближе стоявшихъ къ театру, гдѣ это произвело настоящую сенсацію.

По какимъ-то странно сложившимся обстоятельствамъ, въ Москвѣ объ этомъ говорили гораздо меньше, чѣмъ въ Петербургѣ; тамъ этому просто не вѣрили и слухъ почти не проникъ еще въ публику; а если кто и слышалъ его, то глядѣлъ на него просто какъ на сплетню, пущенную кѣмъ-нибудь въ насмѣшку или со злости на Леонтьеву.

Даже въ театральномъ кружкѣ, гдѣ уже было извѣстно о прошеніи Ольги въ дирекцію и гдѣ Пелагея Семеновна почти и не скрывала этого, почему-то не хотѣли вѣрить, что это серьезно. Театральные увѣряли, что это просто минутная фантазія, которая пройдетъ, прежде чѣмъ начнется зимній сезонъ, и что за это время Ольга одумается и сама возьметъ назадъ свое прошеніе, потому что не рѣшится промѣнять московскую сцену на петербургскую, на которой еще неизвѣстно, какъ-то ей повезетъ и полюбятъ ли ее такъ, какъ любили здѣсь.

За Ольгой уже водилось нѣсколько странныхъ фантазій, о которыхъ товарищи ея болѣе или менѣе всѣ знали, но которыя всегда проходили сами собой и не оставляли серьезныхъ слѣдовъ; такъ выйдетъ и на этотъ разъ,—пророчили всѣ, недовѣрчиво улыбаясь этой новой, неожиданной и болѣе чѣмъ всѣ другія нелѣпой фантазіи ея.

Но въ Петербургѣ, напротивъ, вѣрили. Самый, небывалый еще до сихъ поръ, фактъ ея вторичныхъ гастролей въ одну зиму подтверждалъ это.

И весь театръ волновался. Публика, до которой тоже дошло это и въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ московской, радовалась этому и хвалила дирекцію, которая будто бы устроила это. Но актрисы и даже нѣкоторые актеры, заранѣе боясь успѣховъ Ольги, были этимъ недовольны.

Петербургскія примадонны потихоньку интриговали противъ этого плана у всѣхъ вліятельныхъ лицъ, которыхъ знали и которыя могли помочь въ этомъ, и распускали объ Ольгѣ разные ужасные слухи, но въ глаза любезно улыбались ей и увѣряли, что въ восторгѣ отъ этого ея намѣренія, потому что она сво-

имъ талантомъ подниметъ репертуаръ и принесетъ тѣмъ много пользы и добра.

Но Ольга, вся поглощенная своей любовью, хотя и знала по опыту и чутьемъ цѣну всѣхъ этихъ мнимыхъ любезностей, была въ такомъ радостномъ и нервномъ состояніи, что почти не замѣчала той бури въ театрѣ, которую подняла своимъ внезапнымъ рѣшеніемъ, и все казалось ей такъ же радостно и хорошо, какъ было у нея самой на сердцѣ.

Мар. Крестовская.

ДОЛГОЛѢТІЕ

ЖИВОТНЫХЪ, РАСТЕНІЙ и ЛЮДЕЙ.

VI *).

Въ дополненіе къ высказаннымъ выше положеніямъ считаемъ нелишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ теоретическихъ соображеніяхъ.

Замѣчательно, что все разнообразіе формъ и функцій живыхъ организмовъ, а слѣдовательно, и все разнообразіе въ продолжительности ихъ жизни, обусловливается не столько различіемъ и многообразіемъ входящихъ въ составъ ихъ простыхъ элементовъ, сколько ихъ разнообразнымъ сочетаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ составъ всѣхъ почти живыхъ существъ входятъ всего 12 простыхъ элементовъ: углеродъ, кислородъ, водородъ, азотъ, сѣра, фосфоръ, хлоръ, калій, натрій, кальцій, магній и желѣзо. Къ приведеннымъ элементамъ должны быть прибавлены еще кремній и фторъ, въ особенности въ растительныхъ и нѣкоторыхъ животныхъ организмахъ и то въ самыхъ небольшихъ количествахъ.

Въ отдѣльныхъ живыхъ тѣлахъ можетъ быть доказано еще присутствіе слѣдующихъ элементовъ: марганца—въ овощахъ и крови морскихъ животныхъ; мѣди—въ крови головоногихъ животныхъ и въ перьяхъ писанга; литія, рубидія, цезія, стронція, іода, брома—въ морскихъ животныхъ и растеніяхъ; цинка—въ нѣкоторыхъ растеніяхъ; аллюминія—въ плаунахъ. Во всякомъ случаѣ постоянной общей составной частью являются, въ сущности,

---

*) См. выше: іюль, 77 стр.

только 12 выше перечисленныхъ элементовъ, составляющихъ, слѣдовательно, менѣе даже 1/5 всѣхъ извѣстныхъ намъ пока простыхъ элементовъ, которыхъ насчитывается болѣе 60.

Эти 12 простыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ живыхъ тѣлъ, представляютъ весьма характеристичныя особенности. Многіе изъ нихъ представляются въ газообразномъ видѣ или способны давать газообразныя соединенія въ родѣ углекислоты, амміака, сѣроводорода и т. д. Всѣ они обладаютъ сравнительно болѣе легкимъ удѣльнымъ вѣсомъ и, слѣдовательно, большей подвижностью атомовъ; соединенія ихъ легко растворимы въ водѣ и, слѣдовательно, способны къ дѣятельному обмѣну; всѣ они—плохіе проводники тепла и электричества и, слѣдовательно, способствуютъ экономіи животной теплоты, и, наконецъ, всѣ они обладаютъ высокой скрытой теплотой и, слѣдовательно, колебанія внѣшней теплоты слабо отражаются на температурѣ животныхъ и растительныхъ тѣлъ и только отражаются на взаимныхъ перемѣщеніяхъ атомовъ, лежащихъ въ основѣ жизненныхъ функцій. Очевидно, что физико-химическими свойствами этихъ 12 простыхъ элементовъ обусловливаются многія типическія черты жизненныхъ функцій, и поэтому созиданіе живыхъ существъ именно изъ этихъ 12 элементовъ является въ высокой степени цѣлесообразнымъ.

Считаемъ нужнымъ, прежде чѣмъ идти дальше, отвѣтить на слѣдующее мыслимое возраженіе: возможно, что въ составъ тѣла входятъ не только эти 12 элементовъ, но и другіе, ускользающіе отъ опредѣленія вслѣдствіе недостатка способовъ изслѣдованія, открывающихъ только опредѣленныя извѣстныя намъ простыя тѣла.

Опровергнуть подобное возраженіе можно съ вѣсами въ рукахъ: если взвѣсить любую живую ткань, разложить ее на простые химическіе элементы, то въ ней и будутъ найдены только эти 12 элементовъ и сумма ихъ будетъ равняться вѣсу живой ткани, взятой для изслѣдованія. Очевидно, что ни одна матеріальная частица живой ткани не ускользнула отъ изслѣдованія, всѣ онѣ были схвачены изслѣдователемъ, и можно было бы говорить еще развѣ о невѣсомыхъ элементахъ, присущихъ живой ткани, объ эѳирѣ, наполняющемъ промежутки между атомами живыхъ тканей, также какъ и все міровое пространство.

Итакъ, въ составъ живыхъ тѣлъ входятъ всего только 12 элементовъ; а какъ велико разнообразіе органическихъ соединеній, заложенныхъ въ тканяхъ, и какъ, въ зависимости отъ этого, разнообразны формы и функціи живыхъ существъ, тò извѣстно, конечно, каждому. Какъ же согласовать это разнообразіе состава

и отправленій живыхъ тканей съ столь скуднымъ числомъ входящихъ въ составъ ихъ простыхъ элементовъ? Выходъ, конечно, одинъ, это—допустить возможность самыхъ разнообразныхъ сочетаній изъ этихъ 12 элементовъ, при чемъ каждому особому сочетанію соотвѣтствуютъ опредѣленныя химическія соединенія, присущія живому веществу.

Если мы ограничимся однѣми бѣлковыми частицами, состоящими изъ 5 простыхъ элементовъ, и если мы зададимся вопросомъ, сколько можетъ получиться сочетаній изъ 12 элементовъ группами въ пять элементовъ, то число это возростетъ до болѣе чѣмъ 700 сочетаній. Но вѣдь въ тѣлѣ существуютъ сочетанія не только по 5 элементовъ, но и по 2, по 3, 4 и т. д., и, слѣдовательно, число всѣхъ этихъ сочетаній изъ основныхъ 12 элементовъ можетъ достигнуть громадной величины, причемъ каждому такому сочетанію соотвѣтствуетъ особое соединеніе, играющее опредѣленную роль въ экономіи живого тѣла.

Между тѣмъ частицы живой матеріи, благодаря крайней нестойкости своей, благодаря подвижности составляющихъ ее атомовъ, крайне склонны къ перемѣщеніямъ, къ составленію новыхъ сочетаній, съ которыми идетъ рука объ руку и измѣненіе функцій. Итакъ, элементовъ, изъ которыхъ сотканы живыя ткани, въ сущности всего 12, а сочетаній, въ которыя они могутъ вступать во время жизни, можетъ быть безчисленное множество.

Распознать эти прижизненныя сочетанія намъ пока не суждено, да и врядъ ли удастся это когда-нибудь и въ далекомъ будущемъ. Почему?—Потому, что эти нестойкія сочетанія элементовъ живыхъ тканей быстро распадаются при прекращеніи жизни и переходятъ въ форму болѣе стойкихъ соединеній, которыя только и доступны нашему опредѣленію. Представимъ себѣ пирамиду, прикрытую непроницаемымъ для глазъ футляромъ и выстроенную изъ шариковъ только 12 различныхъ цвѣтовъ, причемъ шариковъ этихъ находится безчисленное количество и они сложены другъ на другѣ самымъ неустойчивымъ образомъ и въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Задача въ томъ, чтобы опредѣлить взаимное расположеніе шариковъ какъ въ цѣлой пирамидѣ, такъ и въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Малѣйшее прикосновеніе къ футляру съ цѣлью раскрытія пирамиды уже рушитъ неустойчивую пирамиду, шарики располагаются въ формы устойчиваго равновѣсія и отъ прежнихъ сочетаній шариковъ не остается и слѣда. Въ такомъ же положеніи находится, въ сущности, изслѣдователь при изученіи состава живыхъ тканей вообще и въ частности оплодотвореннаго зародышеваго яйца—этого глав-

наго фактора, опредѣляющаго будущее развитіе организмовъ въ пространствѣ и во времени. Очевидно, что этотъ источникъ продолжительности жизни останется для насъ навсегда непостижимой, величайшей тайной. Съ точки зрѣнія развиваемаго взгляда о нестойкости сочетаній, въ которыя вступаютъ 12 простыхъ элементовъ въ живыхъ организмахъ животныхъ и растеній, понятна и измѣнчивость, обнаруживаемая живыми организмами подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ внѣшнихъ условій существованія. Очевидно, что упрочиваться должны будутъ лишь перемѣны во внутреннихъ сочетаніяхъ элементовъ организма, обезпечивающія наилучше всего его цѣлость, а равнымъ образомъ и сохраненіе рода, такъ какъ всѣ измѣненія противоположнаго характера должны будутъ вести къ вырожденію индивидуумовъ, къ гибели ихъ въ общей борьбѣ за существованіе. А слѣдовательно, явленіями подбора должны будутъ закрѣпляться въ организмахъ такія сочетанія состава ихъ тканей и зародышеваго яйца, которыя наиболѣе всего благопріятны для индивидуальной долговѣчности и для сохраненія тѣмъ самымъ и рода.

Наслѣдственность и измѣнчивость живыхъ существъ при содѣйствіи подбора являются, слѣдовательно, главными факторами, опредѣляющими продолжительность жизни; остальныя же условія, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ продолжительность жизни, а именно, медленность развитія организмовъ, ихъ сложная организація и сравнительно бо́льшая величина тѣла и медленный темпъ жизни являются уже сами по себѣ факторами, обусловливающими сравнительно бо́льшую дугу жизни, такъ какъ при этомъ требуется больше времени какъ для полнаго развитія силъ организма, такъ и для израсходованія ихъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ животнымъ и растительнымъ міромъ, бросимъ еще взглядъ на то, сознаютъ ли представители этихъ міровъ предѣльность своей жизни, сознаютъ ли, что они смертны?

Вопросъ этотъ можетъ показаться, конечно, страннымъ въ особенности по отношенію къ растеніямъ: о какомъ сознаніи можетъ быть у нихъ рѣчь, разъ онѣ лишены, повидимому, всякихъ слѣдовъ психической жизни, разъ онѣ не обнаруживаютъ ни чувствительности, ни какихъ-нибудь слѣдовъ осмысленныхъ активныхъ движеній? Оно, конечно, было бы такъ, еслибы не существовало вообще растеній, явно обнаруживающихъ свою чувствительность и проявляющихъ ее въ формѣ совершенно цѣлесообразныхъ движеній. На самомъ же дѣлѣ имѣются растенія, обладающія этими свойствами. Такъ, растеніе, извѣстное подъ именемъ

мухоловки (Dionaea muscipula), обладаетъ способностью схватывать мухъ, касающихся до ихъ листьевъ, причемъ листъ завертывается такъ, что муха уже не въ состояніи бываетъ изъ него выскочить, и мало того—пойманная муха переваривается вытекающимъ изъ железокъ листа сокомъ и развертывается только по завершеніи этого акта.

Другое растеніе—стыдливая мимоза (Mimosa pudica) обладаетъ также въ рѣзкой степени способностью реагировать на внѣшнія возбужденія движеніемъ листьевъ и листовыхъ черешковъ. Листья мимозы расположены въ формѣ сложныхъ перистыхъ листьевъ на четырехъ вторичныхъ черешкахъ, поддерживаемыхъ однимъ общимъ черешкомъ. Когда на растеніе подѣйствовало какое-нибудь внѣшнее раздраженіе, то общій черешокъ опускается, вторичные черешки сближаются и листья складываются, соединяясь другъ съ другомъ своими верхними поверхностями; чѣмъ сильнѣе было раздраженіе, тѣмъ на большее число листьевъ и черешковъ распространяется это движеніе. Раздражителями являются всѣ обычные возбудители животной клѣточной протоплазмы. У мимозы замѣчается даже какъ бы утомленіе вслѣдствіе повторныхъ раздраженій.

Наконецъ, важно еще и то, что, какъ показалъ Клодъ Бернаръ, анестезирующія вещества, хлороформъ и эѳиръ, уничтожающія раздражительность животной протоплазмы, раздражительность нервовъ, нервныхъ центровъ и т. д., уничтожаютъ также и раздражительность или чувствительность мухоловки, мимозы, и эти послѣднія уже не реагируютъ на внѣшнія возбужденія. Раздражительность эта вновь постепенно возстановляется по удаленіи анестезирующихъ средствъ. Аналогіи, какъ видимъ, полныя между раздражительностью животныхъ и растительныхъ образованій. Указанныя особенности присущи не только мухоловкѣ, мимозѣ, но и тычинкамъ росянки, барбариса, качающагося идизора, многимъ бобовымъ растеніямъ, принадлежащимъ къ родамъ Smithia, Aeschynamene, Desmontus, Robinia, бѣлой акаціи, индійской чувствительной кислицѣ (Oxali sensitiva) и т. д.

Многіе ученые, и въ числѣ ихъ Дютроше, Леклеркъ, Детуръ, видѣли въ чувствительности растеній доказательство того, что онѣ имѣютъ органъ, аналогичный нервамъ, головному мозгу и т. д. Нечего говорить, конечно, что все это было временнымъ увлеченіемъ и что раздражительность, существующая въ той или другой животной или растительной ткани, вовсе не служитъ еще выраженіемъ существованія сознательной дѣятельности, примѣромъ чего могутъ служить мышцы, нервы и т. д.,—ткани, крайне воз-

будимыя, раздражительныя, но въ то же время, конечно, не служащія вовсе анатомическимъ субстратомъ сознанія. Для возникновенія сознанія въ растеніяхъ не существуетъ у нихъ соотвѣтствующихъ органовъ, и если допустить его, то развѣ только въ тѣхъ низкихъ степеняхъ смутнаго его развитія, которыя приписываются обыкновенно всякимъ раздражительнымъ живымъ клѣткамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ нервными центрами. Раздражительность и реакціи раздражительныхъ растеній могутъ быть много-много отнесены къ типу чувствительныхъ рефлекторныхъ актовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ сознательными актами. На основаніи всего этого едва ли можно допустить, чтобы растительные организмы, проходя свою дугу жизни, имѣли какое-либо представленіе о предѣльности ея, т.-е. о конечности своей жизни.

Вовсе не то представляетъ на нашъ взглядъ животный міръ, хотя мнѣніе это и расходится съ господствующимъ взглядомъ на дѣло. Обыкновенно полагаютъ, что ни одно животное не имѣетъ представленія о смерти, о конечности какъ своей жизни, такъ и жизни себѣ подобныхъ. Это воззрѣніе едва ли, однако, можетъ считаться достовѣрнымъ. Во-первыхъ, многія животныя, судя по наблюденіямъ, вполнѣ сознаютъ актъ прекращенія жизни и нерѣдко прибѣгаютъ къ смертной казни въ различныхъ обстоятельствахъ жизни.

Напримѣръ, кроличихи послѣ разрѣшенія отъ бремени строго слѣдятъ за своимъ потомствомъ. Стоитъ тронуть новорожденныхъ кролятъ и заглянуть въ ихъ гнѣзда, чтобы мать прибѣгла вскорѣ къ умерщвленію своихъ дѣтенышей, причемъ она съѣдаетъ ихъ сполна. То же, оказывается, продѣлываютъ и львицы. Такъ, въ берлинскомъ зоологическомъ саду львица, разрѣшившаяся нѣсколькими львенками, послѣ того какъ ихъ начали трогать, прибѣгла тоже къ умерщвленію многихъ изъ нихъ, поѣла ихъ и успѣли спасти лишь одного львенка, котораго дали на вскормленіе собакѣ, исполняющей роль кормилицы. Еще въ прошломъ году можно было видѣть въ клѣткѣ уже значительно подросшаго львенка у ногъ своей кормилицы. Грачи, по словамъ одного англійскаго орнитолога прибѣгли однажды при немъ къ военному суду надъ однимъ изъ своихъ товарищей и подвергли его смертной казни. Собравшись въ военный совѣтъ въ количествѣ 50 штукъ и расположившись въ видѣ круга, грачи впустили на середину круга одного изъ своихъ товарищей, который при шумѣ и крикахъ остальныхъ расхаживалъ взадъ и впередъ; затѣмъ мѣсто послѣдняго заступилъ другой грачъ, который, повидимому, дер-

жалъ обвинительную рѣчь, послѣ которой вся стая накинулась на перваго грача и, заклевавъ его на смерть, моментально разлетѣлась, оставивъ на мѣстѣ трупъ казненнаго.

Среди аистовъ казнь измѣнницъ супружеской вѣрности является фактомъ, повидимому, достовѣрнымъ.

Наконецъ, и самоубійство представляетъ, повидимому, явленіе не чуждое животнымъ. Такъ скорпіонъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ наблюдателей, кончаетъ жизнь самоубійствомъ, укалывая себя въ голову своимъ ядоносны мъ хвостомъ въ случаѣ, когда онъ видитъ себя окруженнымъ непроницаемымъ для него кругомъ раскаленныхъ углей.

О томъ, наконецъ, какъ ясно могутъ сознавать животныя близость смерти въ опасныхъ случаяхъ, свидѣтельствуетъ прекрасный разсказъ Некрасова въ стихахъ „Дѣдушка Мазай и зайцы“. Тутъ съ точностью приводятся слова стараго охотника Мазая, передающаго то, что̀ онъ дѣлалъ съ зайцами во время разлива рѣкъ. Зайцы при этомъ настолько страшатся гибели, что они охотно отдаются въ руки охотника, плывущаго въ лодкѣ, и сами даже вскакиваютъ въ лодку, лишь бы спастись отъ неминуемой смерти.

А собака, не отходящая отъ могилы своего хозяина и умирающая отъ голода, несмотря на подносимую ей пищу, развѣ не добивалась своей смерти, чтобы положить конецъ своему невыносимому горю? Нѣтъ, всѣ эти факты, взятые въ совокупности, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что животныя имѣютъ представленіе о смерти. Да и какъ не имѣть имъ его, разъ онѣ обладаютъ замѣчательной наблюдательностью и чрезвычайно стойкой памятью. Видя вокругъ себя смерть себѣ подобныхъ, трудно допустить, чтобы онѣ не понимали, что и онѣ являются также смертными. При всемъ томъ едва ли можно допустить, чтобы сознаніе о предѣльности жизни было у нихъ развито въ такой степени, какъ у человѣка. Извѣстно, что животныя, даже высшія, не отличаются особенной дальновидностью; онѣ неспособны вникать въ болѣе или менѣе отдаленное будущее и живутъ въ настоящемъ и въ недалекомъ еще прошломъ. Поэтому онѣ и неспособны заглядывать въ будущее жизни, въ неминуемый мрачный финалъ ея, и имъ вслѣдствіе этого должно житься легче при отсутствіи въ ихъ сознаніи мрачной перспективы смертнаго часа. Если имъ и живется поэтому легче, то все же привилегіей человѣка является его „memento mori“, дающій ему возможность бороться съ надвигающимся грознымъ часомъ и отодвигать насколько возможно дальше наступленіе послѣдняго вздоха жизни.

Человѣкъ, находящійся во главѣ всего животнаго царства, не можетъ, конечно, дѣлать исключенія изъ общаго закона предѣльности индивидуальной жизни, проходящаго неразрывной нитью чрезъ всѣ формы животнаго и растительнаго царствъ, начиная отъ простѣйшихъ и кончая высшими формами. Судя по тому, что онъ обладаетъ самой сложной и совершенной организаціей, судя по сравнительно большимъ размѣрамъ его тѣла, по медленности его развитія, т.-е. по протяженности періода роста и развитія и, наконецъ, по высшему разуму, которымъ онъ обладаетъ для оцѣнки вліяній, дѣйствующихъ вредно на срокъ его жизни, судя, говоримъ мы, по всему этому, онъ долженъ относиться къ ряду организмовъ, отличающихся долговѣчностью. И на самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ благопріятныхъ случаяхъ организмъ человѣка можетъ надолго переживать столѣтній возрастъ. Какъ бы долго, однако, ни жилъ человѣкъ, все же на дугѣ его жизни, рано или поздно вслѣдъ за восходящей частью, соотвѣтствующей періоду роста и развитія, вслѣдъ за періодомъ баланса силъ и матеріи, соотвѣтствующимъ полному расцвѣту или апогею развитія, наступаетъ періодъ нисходящій, соотвѣтствующій упадку жизненныхъ процессовъ, ведущій его постепенно къ кончинѣ. Упадокъ этотъ, какъ видѣли, зависитъ отъ нормальнаго истощенія созидающихъ силъ клѣтокъ, благодаря которому процессы прижизненнаго разрушенія живого клѣточнаго вещества берутъ полный перевѣсъ и разрушающееся живое вещество не возстановляется уже ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи въ тѣхъ размѣрахъ и въ той формѣ, которые требуются для поддержанія нормальной жизни организма.

Прослѣдимъ теперь ближе и шагъ за шагомъ измѣненія тканей и органовъ, наступающія при ослабленіи созидающихъ силъ клѣточныхъ образованій тѣла и ведущія къ постепенному и безвозвратному угасанію въ немъ жизни.

Спрашивается: какимъ образомъ человѣкъ старѣетъ, черезъ рядъ какихъ измѣненій духа и тѣла проходитъ онъ при своемъ угасаніи?

Въ самомъ началѣ старость подкрадывается такъ, что человѣкъ ее почти вовсе не замѣчаетъ; онъ едва вѣритъ въ ея наступленіе, онъ еще бодръ, такъ какъ чувствуетъ въ себѣ достаточную энергію для поддержанія всей своей нормальной дѣятельности. Между тѣмъ уже начинаютъ постепенно проявляться явные признаки наступающаго ослабленія и органическія измѣненія тканей уже начинаютъ сказываться все съ большей и большей ясностью. Чувство постоянной силы и хорошее самочувствіе,

существовавшія раньше, не сразу, конечно, исчезаютъ, а ослабѣваютъ постепенно. Человѣкъ самый сильный, самый самоувѣренный уже начинаетъ не вѣрить въ свою непобѣдимость; онъ сознаетъ все чаще и чаще свое безсиліе во многихъ случаяхъ обыденной жизни; уже нѣтъ тогда безграничной вѣры въ свои силы, въ самого себя; ослабленіе здоровья, увеличивающіеся недуги начинаютъ приковывать его вниманіе: онъ мечтаетъ, размышляетъ, разсчитываетъ и начинаетъ подумывать о надвигающемся возрастѣ и о пространствѣ, которое ему остается еще пройти. Обыкновенно отъ 50 до 60 лѣтъ приблизительно балансъ тѣла и силъ еще поддерживается кое-какъ, но мало-помалу человѣку кажется, что время ускоряетъ свой ходъ и что жизнь катится все съ большей и большей быстротой по направленію къ той пропасти, которая поглощаетъ всѣ преходящія существованія и гдѣ они отдаютъ землѣ и воздуху то, чѣмъ они пользовались во время жизни.

Чтò же лежитъ въ основѣ этого измѣняющагося самочувствія, т.-е. какія реальныя несознаваемыя измѣненія въ тѣлѣ и ðрганахъ лежатъ въ основѣ этого процесса состариванія?

Одной изъ характеристическихъ особенностей старости является атрофія или худощавость всѣхъ клѣтокъ и ðргановъ тѣла, съ жировымъ, пигментнымъ или амилоиднымъ перерожденіемъ клѣточной протоплазмы, и все это, конечно, является результатомъ упадка созидающихъ силъ организма, неспособныхъ поддерживать клѣтки не только въ ихъ нормальныхъ размѣрахъ, но и въ нормальномъ ихъ составѣ. Результатомъ этого является измѣненіе нормальнаго жизненнаго пороха, одного только способнаго къ правильнымъ взрывчатымъ разложеніямъ, лежащимъ въ основѣ всѣхъ формъ жизнедѣятельности. Рядомъ съ уменьшеніемъ объема ðргановъ тѣла и клѣтокъ, входящихъ въ ихъ составъ, онѣ становятся жестче, менѣе податливы, менѣе упруги. Многіе ðрганы при этомъ пропитываются солями извести, и это вторженіе извести въ экономію тѣла, съ послѣдующимъ пропитываніемъ ею различныхъ системъ ðргановъ, какъ бы служитъ сигналомъ начинающагося поворота тѣла къ землѣ, къ превращенію его въ неорганическія соединенія мертвой природы.

Другою особенностью надвигающейся старости является то, что жизнь какъ бы угасаетъ, уходитъ отъ периферіи къ центру, сосредоточиваясь все болѣе и болѣе на внутреннихъ растительныхъ процессахъ, и нѣтъ ни единаго ðргана, ни единой клѣтки, ни единаго сока организма, которые въ той или другой степени

не подверглись бы вліянію старости, т.-е., медленнаго изсяканія созидающихъ силъ организма.

Неудивительно поэтому, что тѣло подпадаетъ при этомъ все болѣе и болѣе усиливающейся слабости, что ѳрганы чувствъ отказываются постепенно отъ дѣятельности, зрѣніе и слухъ притупляются, ослабѣваютъ, вслѣдствіе чего рѣзко ограничивается сфера чувственныхъ воспріятій, умственныя способности ослабѣваютъ, мышцы менѣе подчиняются велѣніямъ воли, движенія становятся трудными, тягостными и неточными, родъ оцѣпенѣнія обхватываетъ всѣ члены и наступаетъ общая наклонность къ покою и неподвижности.

Вездѣ почти гармонія функцій разстроивается вслѣдствіе разстройства нервной регуляціи и вся человѣческая машина подъ конецъ расшатывается, разваливается и на вѣки погибаетъ.

Рядомъ съ началомъ внутреннихъ старческихъ измѣненій ѳргановъ, процессъ состариванія сказывается и внѣшними, сперва едва замѣтными, признаками. Взглядъ еще можетъ сохранять свой блескъ, свою живость, лицо свою свѣжесть и волосы свой нормальный цвѣтъ, но вѣко уже начинаетъ легче опускаться и прикрывать глазъ и окружается многочисленными складками, странно называемыми „гусиными лапами"; затѣмъ волосы свѣтлѣютъ и между ними замѣчаются бѣлыя, какъ бы серебряныя, нити, указывающія уже на то, что жизнь уходитъ постепенно въ глубину организма. Весь волосяной покровъ бѣлѣетъ или выпадаетъ и голова тогда лысѣетъ и представляетъ рѣзкій контрастъ съ миніатюрностью лица, обусловленной сближеніемъ челюстей вслѣдствіе потери зубовъ. Морщины, начавшіяся на лицѣ въ формѣ гусиныхъ лапокъ, расположенныхъ у наружнаго угла вѣкъ, распространяются по всему лицу, изборазживаютъ лобъ, цвѣтъ лица темнѣетъ и желтѣетъ, дѣлается почти землистымъ; все тѣло наклоняется, сгибается къ переди, грудь вдавливается, голосъ измѣняется—слабѣетъ и дѣлается дребезжащимъ вслѣдствіе ослабленія гортанныхъ мышцъ. Животъ то бываетъ худощавымъ и плоскимъ, то, наоборотъ, онъ выпячивается въ случаяхъ ожирѣнія. Руки слабы, неловки, иногда дрожатъ; ноги худѣютъ, дѣлаются безсильными, тонкими, чтѣ затрудняетъ ходьбу, дѣлаетъ ее ненадежной и вынуждаетъ старика прибѣгать къ палкѣ или трости, этимъ печальнымъ признакамъ разрушенія и будущаго возврата къ землѣ. У женщинъ эти признаки старости наступаютъ нѣсколько раньше, хотя это имъ и не мѣшаетъ, какъ увидимъ позже, достигать болѣе глубокой старости сравнительно съ мужчинами.

Остановимся на двухъ внѣшнихъ признакахъ наступающей старости: на морщинахъ и сѣдыхъ волосахъ. Могутъ ли служить морщины выраженіемъ наступающей старости человѣка? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ выяснить механизмъ образованія стойкихъ морщинъ. Ихъ образованіе находится въ зависимости какъ отъ строенія кожи, такъ и наступающихъ въ ней измѣненій во время старости, а также и отъ подвижности мѣстъ, прикрытыхъ кожей. И въ самомъ дѣлѣ, излюбленными мѣстами морщинъ являются подвижныя части кожи, напр. возлѣ суставовъ, гдѣ совершаются сгибанія и разгибанія, напр. пальцевъ, колѣна, локтя и т. д., и тутъ онѣ имѣются во всѣхъ возрастахъ жизни, или мѣста кожи, покрывающія очень подвижныя мышечныя группы, напр. завѣдующія мимическими движеніями, ведущими по-неволѣ къ тому, что кожа, покрывающая эти мышцы, при сокращеніи ихъ должна, хотя бы на время, ложиться въ складки.

Кожа обладаетъ различной растяжимостью въ различныхъ направленіяхъ, и это, между прочимъ, зависитъ и отъ различнаго расположенія въ ней волоконъ. Упругими свойствами и расположеніемъ волоконъ кожи обусловливается та или другая форма и степень морщинистости кожи. Но морщинистость эта является въ юномъ возрастѣ слабо выраженной и только во время самыхъ движеній, тогда какъ, напр., во время покóя лица складки кожи стираются. Спрашивается: почему?—Во-первыхъ, потому, что въ юномъ возрастѣ подкожная ткань содержитъ всегда достаточное количество жира, играющаго роль какъ бы подушки, растягивающей сверху лежащіе слои кожи и не дающей ей возможности ложиться въ постоянныя складки; къ тому же результату ведетъ и то, что юная кожа отличается большой подвижностью и упругостью.

Въ старости же замѣчается исчезновеніе жира въ подкожной ткани и весьма трудное возстановленіе его вслѣдствіе упадка созидающихъ силъ клѣтокъ; кромѣ того, эластичность собственно самой кожи падаетъ. Отсюда понятно, что морщины, появляющіяся въ формѣ складокъ всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, теряютъ способность расправляться и сглаживаться, мало-помалу какъ бы окоченѣваютъ въ своемъ положеніи и, дѣлаясь неисправимыми вслѣдствіе отсутствія жировой подкладки и потери упругости собственно кожи, остаются поэтому постоянными.

Стойкая старческая морщина и является поэтому выраженіемъ увяданія кожи, упадка въ ней созидающихъ силъ и жизненной упругости, характеризующихъ печальную фазу старости.

А что̀ обозначаетъ сѣдой волосъ? Чтобы отвѣтить на это, слѣдуетъ прежде всего сказать, чѣмъ онъ отличается по своему строенію и составу отъ волоса юнаго въ пору полнаго расцвѣта человѣка.

Цвѣтъ волосъ зависитъ, какъ извѣстно, съ одной стороны, отъ присутствія въ нихъ воздуха, съ другой же—отъ пигмента или красящаго вещества, отложеннаго или въ формѣ зернышекъ, или частью раствореннаго въ клѣткахъ, изъ которыхъ состоитъ волосъ. Чѣмъ меньше въ волосѣ пигмента, чѣмъ многочисленнѣе и мельче въ нихъ пузырьки воздуха, тѣмъ волосъ свѣтлѣе; волосъ, лишенный пигмента или съ уменьшеннымъ содержаніемъ его и пропитанный пузырьками воздуха, представляется совершенно бѣлымъ или сѣдымъ по той же въ сущности причинѣ, по которой морская или мыльная пѣна представляется намъ бѣлой. Пузырьки воздуха, окруженные безцвѣтной оболочкой, сильно отражаютъ бѣлый свѣтъ, падающій на нихъ, и представляются потому бѣлыми. Волосы, содержащіе пигментъ, бываютъ тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ больше въ нихъ воздуха; поэтому волосъ, вымоченный въ водѣ и лишившійся части или всего воздуха, всегда принимаетъ болѣе темный, блестящій оттѣнокъ. Въ свѣтлыхъ волосахъ блондиновъ красящее вещество находится въ болѣе растворенномъ состояніи; въ темныхъ же волосахъ брюнетовъ пигментъ отлагается больше въ видѣ зеренъ. Появленіе сѣдинъ зависитъ главнымъ образомъ не отъ исчезновенія пигмента изъ клѣтокъ старыхъ волосъ и усиленнаго пропитыванія ихъ воздухомъ, но отъ того, что старые волоса постепенно выпадаютъ и замѣняются новыми, въ которыхъ отсутствуетъ пигментъ, но зато имѣется на лицо масса пузырей воздуха. Эти явленія, обусловливающія посѣдѣніе волоса, должны появиться какъ разъ тогда, когда созидающая сила клѣтокъ образовательнаго слоя волосяной луковицы ослабѣваетъ и уже неспособна развивать пигментированныя клѣтки, а также и клѣтки опредѣленнаго объема, выполняя всѣ слои волоса: его сердцевину, корковый слой. Вслѣдствіе атрофированнаго состоянія клѣтокъ и невыполненія ими всей полости волосяного стержня, окружающій воздухъ быстро проникаетъ въ остающіеся промежутки и обусловливаетъ сѣдой видъ волоса. Очевидно, что сѣдина является выраженіемъ ослабленія образовательныхъ силъ клѣтокъ, съ котораго и начинаются характеристичныя измѣненія старости. Многимъ, конечно, приходилось слышать о случаяхъ внезапнаго посѣдѣнія у людей, испытавшихъ глубокое нравственное потрясеніе, внезапное горе и т. д. Вопросъ и тутъ можетъ быть сведенъ на моментальный упадокъ

питанія волоса, вслѣдствіе, напр., страшнаго сокращенія кровеносныхъ сосудовъ, питающихъ волосяной сосочекъ и луковицу, вызваннаго возбужденіемъ ихъ сосудодвигательныхъ нервовъ, или же на угнетеніе тѣхъ прямыхъ нервныхъ вліяній, которыя завѣдуютъ питательными процессами въ ткани волоса. И такъ, появленіе сѣдинъ, также какъ и морщинъ, служитъ довольно надежнымъ признакомъ начинающагося ослабленія образовательныхъ силъ клѣтокъ, если не въ цѣломъ организмѣ, то во всякомъ случаѣ въ кожномъ покровѣ. И въ самомъ дѣлѣ, старость не вездѣ начинается одновременно, а прежде всего сказывается въ областяхъ, обладающихъ у того или другого человѣка наименьшимъ жизнеупорствомъ, т.-е., представляющихъ punctum minoris resistentiae даннаго организма. Поэтому нерѣдко наблюдается, что человѣкъ, повидимому еще въ цвѣтѣ силъ, представляетъ уже морщинистую кожу и сѣдые волосы, и потому правы французы, говоря: „qu'il y a des volcans sous la neige et l'amour sous les cheveux blancs".

Несравненно болѣе важное значеніе для жизни представляютъ тѣ измѣненія, которыя наступаютъ во внутреннихъ органахъ тѣла при наступленіи преклоннаго возраста.

Измѣненія кровеносныхъ сосудовъ, выражающіяся такъ-называемымъ артеріосклерозомъ ихъ, являются обычнымъ спутникомъ старости, и эта связь настолько постоянна, что по состоянію артерій можно до извѣстной степени судить о возрастѣ человѣка, что и выражено въ извѣстномъ афоризмѣ Cazalis'а: „On a l'âge de ses artères". Что наблюдается при этомъ въ стѣнкахъ сосудовъ? Клѣтки ихъ эндотелія жировымъ образомъ перерождаются и рядомъ съ ними есть мѣста, гдѣ клѣтки эти усиленно размножаются. Стѣнки сосудовъ пропитываются известковыми солями, наружная оболочка сосуда представляетъ разростаніе соединительной ткани, мышечный слой атрофируется, вслѣдствіе чего упругость и эластичность стѣнокъ падаетъ. Функція сосудовъ поэтому рѣзко измѣняется; они не въ состояніи уже такъ наполняться кровью, какъ при нормальныхъ условіяхъ, и поддерживать правильное кровообращеніе. Перерожденныя такимъ образомъ стѣнки легко распознаются при ощупываніи на живыхъ даже субъектахъ въ видѣ твердыхъ, мало податливыхъ узловатыхъ шнурковъ.

Сердце, этотъ центръ сосудистой системы, точно также подвергается старческимъ атрофическимъ измѣненіямъ, рѣзко отражающимся на его дѣятельности. Деманжъ обстоятельно изслѣдовалъ 23 сердца старцевъ, отъ 70 до 90 лѣтъ отъ роду, причемъ въ рукахъ его имѣлись вполнѣ чистые случаи старческихъ

измѣненій сердца, не осложненныхъ какими-нибудь посторонними болѣзнями. Онъ во всѣхъ случаяхъ наблюдалъ артеріосклерозъ вѣнечныхъ артерій сердца вплоть до мельчайшихъ развѣтвленій, вслѣдствіе чего правильное питаніе сердечной мышцы было, конечно, нарушено. Сердца были блѣдны, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, мягки, дряблы и податливы. Оболочки внутренняя и наружная были неровны, шероховаты, въ нихъ наблюдалась жировая инфильтрація и бляшки молочнаго цвѣта, пропитанныя известью. Мышцы сердца жирно-перерождены. Клапаны утолщены. Сердце увеличено въ объемѣ, расширено и стѣнки его утончены. Понятно, что при такомъ состояніи сердца оно не въ состояніи правильно выполнять своего назначенія.

Въ 500 случаяхъ вскрытія старческихъ труповъ Деманжъ нашелъ артеріосклерозъ сосудистыхъ стѣнокъ и жировое перерожденіе не только стѣнокъ аорты, лучевой и височной артеріи, но и мелкихъ артерій во всѣхъ почти ѳрганахъ тѣла. Только у одной 104-лѣтней дѣвы, отличавшейся правильной жизнью и никогда не употреблявшей спиртныхъ напитковъ, сосуды были едва измѣнены. При описанныхъ старческихъ измѣненіяхъ сердца и сосудовъ они не въ состояніи, конечно, поддерживать правильнаго кровообращенія и питанія въ виду слабой дѣятельности сердца и потери упругости стѣнокъ, столь необходимой для поддержанія ровности теченія кровяной струи. Кровообращеніе сильно нарушается, также какъ и обмѣнъ между питательными веществами крови и различными клѣточными образованіями тканей и ѳргановъ. Эти-то старческія измѣненія сосудовъ и лежатъ обыкновенно въ основѣ тѣхъ пораженій, которыя наблюдаются и въ остальныхъ ѳрганахъ старцевъ.

Невольно возникаетъ вопросъ: почему же старческія измѣненія первѣе всего поражаютъ сосудистую систему, эту великую внутреннюю среду, на счетъ которой живутъ всѣ остальныя клѣтки тѣла? Можно было бы сослаться прежде всего на то, что не всѣ ткани тѣла обладаютъ одинаковымъ жизнеупорствомъ, и допустить, что стѣнки сосудовъ и сердца представляются наиболѣе всего уязвимыми прогрессомъ нашихъ лѣтъ. Но полагаю, что нѣтъ надобности обращаться къ такой аргументаціи, разъ мы вспомнимъ, что никакія другія ткани тѣла не подвергаются такому механическому изнашиванію въ виду того, что стѣнки сосудовъ, также какъ и сердце, во все время жизни, и днемъ, и ночью, подвергаются безпрерывно механическому тренію кровью, вслѣдствіе быстраго обращенія послѣдней по тѣлу (менѣе чѣмъ въ $^1/_2$ минуты кровь дѣлаетъ полный оборотъ по тѣлу); такимъ образомъ

старѣющія съ теченіемъ лѣтъ клѣтки сосудистыхъ стѣнокъ наиболѣе всего изнашиваются, и на нихъ скорѣе всего должны сказаться старческія измѣненія, которыя въ свою очередь ускоряютъ появленіе старческихъ измѣненій въ другихъ тканяхъ и ôрганахъ, вслѣдствіе разстройства ихъ питанія.

И въ самомъ дѣлѣ, въ преклонномъ возрастѣ вездѣ въ тканяхъ мы видимъ простую или комбинированную съ жировымъ перерожденіемъ атрофію клѣточныхъ элементовъ ôргановъ.

Костная и мышечная системы, разныя железы, въ томъ числѣ и лимфатическія, подвергаются атрофіи и жировому перерожденію. Подкожная жировая клѣтчатка исчезаетъ, легкія атрофируются, дѣлаются эмфизематозными. Жизненная емкость легкихъ страшно падаетъ, дыханіе становится слабымъ. Гортань, трахея, бронхи оплотнѣваютъ, пропитываются известковыми солями. Кости дѣлаются хрупкими и ломкими вслѣдствіе нарушенія въ нихъ питанія. Питательныя отверстія въ нихъ съуживаются почти до полнаго исчезанія ихъ просвѣта. Черепныя кости становятся иногда чрезвычайно тонкими и даже прозрачными, обыкновенно же склерозируются, и промежутокъ между наружной и внутренней поверхностью костей исчезаетъ. Швы окостенѣваютъ. Атрофія черепныхъ костей находится обыкновенно въ прямомъ отношеніи къ вышеописанному атероматозному измѣненію сосудовъ. Хрящи и ихъ капсули и клѣтки жирно-перерождаются, пропитываются известью, дѣлаются мало подвижными, теряютъ свою упругость и распадаются иногда на волокна. Крестцовая кость окостенѣваетъ въ одну неразрывную массу съ хвостцовой, рукоятка и мечевидный отростокъ—съ тѣломъ грудной кости; реберные хрящи, которыми ребра прикрѣпляются къ грудной кости, тоже частью окостенѣваютъ, пропитываются известью, что̀ уменьшаетъ ихъ подвижность и затрудняетъ дыханіе.

Межпозвоночные хрящи до того утончаются, что тѣла позвонковъ мѣстами соприкасаются другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего уменьшается ростъ субъекта и измѣняется форма позвоночника, изгибающагося дугой къ переди или въ бокъ.

Пищеварительные аппараты ослабѣваютъ въ своихъ функціяхъ: зубы теряютъ крѣпость, атрофируются, выпадаютъ. По составу они приближаются къ таковому у дѣтей. Всѣ железы, приготовляющія пищеварительные соки, постепенно атрофируются, жирноперерождаются. Печень значительно уменьшается въ объемѣ, цвѣтъ ея блѣдно-желтоватый, она тверда и бугриста. Печеночныя клѣтки ясно уменьшены въ объемѣ, содержатъ желчный пигментъ. Въ пузырѣ часто развиваются желчные камни. Желчь

бываетъ густа и содержитъ много холестеарина, изъ котораго и образуются камни. Поджелудочная железа также бываетъ атрофирована. Понятно послѣ всего этого, почему у старцевъ пищевареніе бываетъ въ большинствѣ случаевъ ослаблено и даже разстроено. Недостатокъ зубовъ и худое черезъ это разжевываніе пищи, недостатокъ пищеварительныхъ соковъ и, наконецъ, атонія мышечныхъ стѣнокъ, слабость и вялость ихъ суть достаточные мотивы для разстройства пищеваренія.

И выдѣлительные ǒрганы, въ силу тѣхъ же атрофическихъ измѣненій, также отказываются служить мало-по-малу. Почки сильно уменьшаются въ объемѣ. Всѣ спеціальныя ткани почекъ атрофируются и часто въ почкахъ разростается соединительная ткань, чтǒ ведетъ еще къ болѣе быстрому исчезанію почечныхъ функцій. Суточное количество почечныхъ выдѣленій уменьшается сравнительно съ взрослымъ возрастомъ на половину. Мочевины, вмѣсто 20—24 грм. въ сутки, выдѣляется всего 12—6 грм. Количество пота также падаетъ, вслѣдствіе атрофіи кожныхъ железъ. Половыя железы атрофируются и уже неспособны развивать ни зародышеваго яйца, ни оплодотворяющихъ соковъ.

Понятно послѣ всего этого, почему и кровь представляетъ рѣзкія измѣненія въ своемъ составѣ и количествѣ. Будучи лишена, съ одной стороны, достаточнаго подвоза питательныхъ веществъ изъ пищеварительнаго канала, достаточнаго подвоза кислорода воздуха чрезъ атрофированныя легкія и мало возобновляясь въ своихъ форменныхъ элементахъ, вслѣдствіе атрофіи кровеобразовательныхъ органовъ—селезенки, костнаго мозга и лимфатическихъ железъ, кровь рѣзко бѣднѣетъ по содержанію въ ней шариковъ, въ особенности красныхъ, рѣзко измѣняетъ свой цвѣтъ изъ алаго въ болѣе темный, венозный, и дѣлается бѣднѣе всѣми питательными веществами.

Такимъ образомъ и эта великая внутренняя среда, на счетъ которой живутъ всѣ элементы тѣла, рѣзко измѣняется, и это, въ свою очередь, ведетъ къ дальнѣйшимъ старческимъ измѣненіямъ тканей и ǒргановъ, которыя въ свою очередь влекутъ за собою дальнѣйшее обѣднѣніе крови—и такъ до конца существованія организма.

На этомъ основаніи уже a priori можно было бы заключить, что и центральная нервная система, т.-е. головной и спинной мозгъ, должна слѣдовать общему закону увяданія, подвергаясь тѣмъ атрофическимъ, дегенеративнымъ измѣненіямъ своихъ клѣточныхъ элементовъ, т.-е. нервныхъ центровъ, которыя наблюдаются на всѣхъ почти элементахъ остальныхъ ǒргановъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Канштатъ показалъ, что объемъ и вѣсъ мозга у старцевъ менѣе нормальнаго и мозгъ далеко не выполняетъ всей черепной полости; между нимъ и твердой оболочкой образуется полость, выполненная сывороточной жидкостью съ примѣсью иногда крови. Полость эта постепенно увеличивается какъ на счетъ атрофіи самого мозга, такъ и черепныхъ костей, что благопріятствуетъ кровоизліяніямъ. Мозговыя извилины уменьшаются, дѣлаются площе; вся жировая ткань представляется вообще болѣе сухой и грязно-желтоватаго цвѣта. Части мозга у основанія его тоже представляютъ частичныя атрофіи.

И спинной мозгъ оказывается также уже на глазъ атрофированнымъ, уменьшеннымъ въ объемѣ. Мозговыя артеріи всегда почти атероматозно измѣнены. Гейстъ путемъ ряда наблюденій пришелъ къ тѣмъ же результатамъ и прибавляетъ, что атрофія мозга бываетъ общая и при томъ симметричная въ обоихъ полушаріяхъ. Частичныя же атрофіи получаются при мѣстномъ воспаленіи, кровоизліяніи или размягченіи мозга и, какъ общее явленіе въ мозгу, онъ встрѣчалъ разростаніе соединительной ткани. Изслѣдованія Меттенгеймера, Дюранъ-Фарделя привели къ тѣмъ же результатамъ, причемъ ими было замѣчено, что атрофія получается больше на выпуклой поверхности извилинъ, нежели на основаніи мозга, и начинается съ психомоторныхъ областей и переходитъ на лобныя доли.

Чтобы представить себѣ наглядно паденіе вѣса мозга, отмѣтимъ вообще, что, по Бишофу, наибольшій вѣсъ мозга достигается въ 30 лѣтъ, а именно, въ среднемъ около 1.420 граммовъ. Конечно, есть мозги, вѣсящіе и больше; такъ, у Байрона мозгъ вѣсилъ 2.238 гр., у Кромвеля—2.233 гр., у Кювье—1.861 граммъ, у Канта—1.600 гр., и т. д. Но число Бишофа есть наиболѣе обыкновенное. Паденіе вѣса мозга начинаетъ обнаруживаться, по Бишофу, между 60—70 г., прогрессируетъ съ лѣтами и достигаетъ максимума убыли въ 117 грам. Паденіе не особенно большое, если въ особенности принять въ разсчетъ, что по приблизительнымъ вычисленіямъ извѣстнаго невропатолога и психіатра Мейнерта число нервныхъ центровъ въ мозговой корѣ человѣка болѣе милліарда! Одно только паденіе вѣса мозга въ старческомъ возрастѣ еще вовсе не говоритъ о томъ, измѣняются ли самыя дѣятельныя части мозга, а именно нервные центры и нервныя волокна. Для этого требуются, конечно, спеціальныя микроскопическія изслѣдованія ткани старческаго мозга, которыя и были произведены цѣлымъ рядомъ авторовъ, а именно: Марэ, Майоромъ, Виллемъ, Гоаллемъ, Шамбо-

ромъ, Менделемъ, проф. Бехтеревымъ, Костюринымъ и д-ромъ Бѣляковымъ.

Всѣ эти авторы солидарны въ томъ, что кровеносные сосуды при атрофіи мозга подвергаются описанному выше жировому перерожденію, пропитываются солями извести, стѣнки ихъ утолщаются иногда до полнаго уничтоженія просвѣта. Нервныя клѣтки и волокна въ извилинахъ головного мозга атрофируются, подвергаясь пигментно-жировому перерожденію, и на атрофированныхъ мѣстахъ замѣчается развитіе соединительной ткани.

Нервные центры теряютъ свои контуры, отростки ихъ разрушаются, внутри-исчерченность нормальная совершенно пропадаетъ и замѣняется зернистостью жировой или пигментной; кромѣ того, въ нервныхъ центрахъ появляются вакуоли, ядра становятся мутными и также подвергаются жировому распаду и, наконецъ, все, что относилось къ нервному центру, можетъ исчезать и оставлять пустыя мѣста, вѣроятно благодаря поглощающей дѣятельности фагоцитовъ, которые вѣчно занимаются расчисткою почвы. По крайней мѣрѣ, возлѣ такихъ атрофирующихся клѣтокъ часто находятъ массу крупныхъ зернистыхъ шаровъ, содержащихъ жировыя зерна и пигментныя зерна. Рядомъ съ этимъ наблюдается разростаніе въ атрофированныхъ мѣстахъ ткани, находящейся между нервными центрами, а именно нейрогліи, и нерѣдко съ размноженіемъ такъ-называемыхъ паукообразныхъ клѣтокъ, вѣроятно соединительно-тканнаго происхожденія. Разростающаяся ткань эта съ своими паукообразными клѣтками тѣснитъ со всѣхъ сторонъ и безъ того страждущіе нервные элементы и ускоряетъ весь ходъ ихъ разрушенія.

Старческое разрушеніе нервныхъ элементовъ начинается обыкновенно съ мозговыхъ извилинъ, а именно съ лобныхъ извилинъ, переходитъ на центры узловъ основанія мозга и только позже появляется въ спинномъ мозгу. Но къ этому сроку уже погибаетъ организмъ, и въ рѣдкихъ только случаяхъ то же перерожденіе начинаетъ сказываться и на межпозвоночныхъ узлахъ. Вотъ собственно ходъ атрофіи нервныхъ элементовъ; изъ него мы видимъ, что ему подвергаются прежде всего тѣ части нервной системы, которыя развились позже остальныхъ, а именно полушарія головного мозга, представляющія болѣе сложную и тонкую организацію. Замѣчательно, что и на животныхъ Майору удалось прослѣдить тѣ же старческія перерожденія нервныхъ центровъ, сопровождающіяся измѣненіемъ ихъ интеллекта и поведенія, указывающимъ на развивающееся при этомъ старческое слабоуміе животныхъ. Такъ, имъ изслѣдованы 13-лѣтняя собака, 8-лѣтняя кошка

и старыя лошади. У всѣхъ нихъ было указано, что во всѣхъ слояхъ корковаго вещества мозга находились нервные центры, пигментно-жировымъ образомъ перерожденные съ разрушеніемъ ядеръ и отростковъ, и мозгъ уменьшенъ былъ въ объемѣ.

Такъ какъ нервная система регулируетъ у высшихъ животныхъ и человѣка всѣ почти функціи тѣла и приводитъ ихъ въ извѣстную гармоническую связь, а съ другой же служитъ и анатомическимъ субстратомъ всѣхъ нервныхъ психическихъ функцій, то легко себѣ представить, какую массу разстройствъ должны вносить столь рѣзкія старческія перерожденія нервныхъ элементовъ въ область какъ чисто тѣлесныхъ процессовъ, такъ и психическихъ функцій организма, разумѣя подъ этимъ всю область чувствованій, мышленія и произвольныхъ движеній.

И въ самомъ дѣлѣ, главныя невзгоды нормальной старости и самая предѣльность жизни опредѣляются главнымъ образомъ атрофіей и перерожденіемъ мозговыхъ элементовъ, и чѣмъ дальше они сохраняются въ нормальномъ видѣ, тѣмъ легче бываетъ старость и тѣмъ долговѣчнѣе сама жизнь.

Вотъ та невзрачная картина разрушенія, которую вноситъ съ собою старость въ одно изъ совершеннѣйшихъ созданій живой природы—въ человѣческое тѣло! Неутѣшительна, въ самомъ дѣлѣ, перспектива жизни человѣка, даже въ лучшемъ ея случаѣ, когда она не сопровождается никакими болѣзнями, никакими насиліями! Ничто не въ состояніи остановить поступательнаго хода нормальныхъ старческихъ измѣненій и разрушеній нашего тѣла, нашихъ органовъ, и единственнымъ утѣшеніемъ нашимъ можетъ служить лишь сознаніе неизбѣжности общаго закона, тяготѣющаго надъ всей живой природой и предписывающаго ей жить для того, чтобы умереть.

Быть здоровымъ и жить какъ можно дольше, если уже нельзя вѣчно жить, вотъ, въ сущности, цѣль, къ которой стремятся всѣ люди. Какъ мало, однако, такихъ привилегированныхъ лицъ, которыя бы достигали этой цѣли! Одни умираютъ въ дѣтствѣ, другіе—въ юношескомъ возрастѣ, третьи—въ полномъ расцвѣтѣ силъ, наконецъ—во взросломъ возрастѣ; меньшинство достигаетъ старости, нѣкоторые успѣваютъ пользоваться ею и, наконецъ, самое малое число выживаетъ вѣкъ и больше. Столѣтніе старцы, при настоящихъ условіяхъ жизни, по справедливости считаются счастливыми исключеніями изъ общаго правила, и это на самомъ дѣлѣ такъ. Съ одной стороны, было высчитано, что изъ тысячи рожденныхъ одновременно половина погибаетъ въ первомъ періодѣ

жизни, нѣсколько болѣе четверти—въ слѣдующіе періоды жизни, и что $^{1}/_{20}$, т.-е. 50 лицъ изъ 1000 рождаемыхъ, достигаетъ старости. Что же касается до преклонныхъ старцевъ, то на 1 мил. жителей приходится 207 девяностолѣтнихъ старцевъ, или 1 старецъ приблизительно на 5000 человѣкъ и всего 2—3 столѣтнихъ старцевъ.

Изъ сказаннаго ясно, какъ рѣдѣютъ ряды родившихся людей по мѣрѣ теченія лѣтъ и какой громадной счастливой случайностью являются люди, достигающіе преклоннаго и въ особенности столѣтняго и свыше того возраста. Конечно, это вымираніе нейдетъ въ одинаковой прогрессіи во всѣхъ странахъ и въ однѣхъ оно выражается несравненно рѣзче, чѣмъ въ другихъ. Изъ таблицъ, любезно предоставленныхъ намъ проф. Янсономъ,—за что мы приносимъ ему искреннюю благодарность,—слѣдуетъ, что у насъ въ Петербургѣ изъ 1000 живорожденныхъ до 70-лѣтняго доходятъ 62, въ то время какъ въ Норвегіи—цѣлыхъ 349 человѣкъ. До 80-лѣтняго у насъ доживаетъ 15 человѣкъ, въ Норвегіи же—157! До 90-лѣтняго возраста у насъ выживаетъ 1, а въ Норвегіи—26! А свыше этого возраста изъ 1000 человѣкъ у насъ не выживаетъ ни одинъ, въ то время какъ въ Норвегіи до 99-лѣтняго возраста доходятъ еще 2 человѣка. То же въ общихъ чертахъ сказывается при сравненіи Петербурга съ другими европейскими странами, хотя и далеко не въ столь рѣзкой степени. Петербургъ въ дѣлѣ выживанія людей представляетъ, очевидно, самыя неблагопріятныя условія. Къ счастью еще ходъ вымиранія въ Россіи оказывается гораздо болѣе медленнымъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Такъ, изъ 1000 живорожденныхъ до 20-лѣтняго возраста въ Петербургѣ выживаетъ 405, въ Россіи же—523; до 50-лѣтняго возраста въ Петербургѣ 201, въ Россіи же--340; до 70-лѣтняго возраста въ Петербургѣ 62, въ Россіи—156; до 90-лѣтняго въ Петербургѣ 1, а въ Россіи—5.

Изъ таблицъ переживанія ясно видно также, что возрастъ, достижимый еще сравнительно многими лицами, данъ у насъ въ Петербургѣ 60 годами, послѣ чего наступаетъ рѣзкое уменьшеніе выживающихъ лицъ. Въ другихъ государствахъ возрастъ этотъ болѣе отдаляется, а именно доходитъ до 70 лѣтъ, а въ Норвегіи даже и до 80 лѣтъ, послѣ чего шансы выживанія сразу рѣзко падаютъ. Тѣмъ не менѣе, есть такіе счастливцы судьбы, которые, не взирая на всѣ опасности жизни человѣка, обусловленныя какъ природными, такъ и общественными вредными вліяніями, все же продолжаютъ свой жизненный путь и достигаютъ глубокой старости, не только достигая столѣтія, но

и переходя за предѣлы вѣка, иногда на нѣсколько десятковъ лѣтъ. На этихъ-то Несторовъ человѣческой жизни разныхъ эпохъ и народовъ вплоть до настоящихъ дней мы и обратимъ теперь наше вниманіе. Они своимъ существованіемъ доказываютъ, что естественная нормальная продолжительность жизни человѣка, счастливо ускользнувшаго отъ насильственной смерти, есть, въ самомъ дѣлѣ, сто и болѣе лѣтъ, т.-е. тотъ срокъ, который столь остроумно былъ выведенъ Флурансомъ путемъ сопоставленія теченія жизненныхъ процессовъ у человѣка и животныхъ.

Обыкновенно думаютъ, что наши давніе предки обладали бо̀льшимъ жизнеупорствомъ, большею силой и, слѣдовательно, болѣе длинной дугой жизни, чѣмъ современный человѣкъ, и въ этихъ предположеніяхъ и гаданіяхъ заходили такъ далеко, что жизнь Адама оцѣнивали въ тысячу лѣтъ, жизнь Маѳусаила—въ 900 лѣтъ, жизнь многихъ героевъ и аркадскихъ королей—въ нѣсколько сотъ лѣтъ и т. д. Но нѣкоторые проницательные теологи, и между ними Гензелеръ, съ достаточной вѣроятностью выяснили, что хронологія старыхъ временъ отличалась отъ таковой нашего времени и что годъ нашихъ предковъ вплоть до Авраама считался въ 3 мѣсяца, послѣ того въ 8 мѣсяцевъ и только начиная съ Іосифа годъ включалъ въ себѣ 12 мѣсяцевъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что вплоть до недавняго еще времени нѣкоторые народы Востока измѣряли годъ тремя мѣсяцами. Такимъ образомъ, 900-лѣтняя жизнь Маѳусаила свелась бы по нашему счисленію на 200 съ малымъ лѣтъ, т.-е. на возрастъ, не представляющій, какъ увидимъ, ничего безусловно невѣроятнаго. Начиная съ Авраама, мы уже встрѣчаемся съ возрастами, не имѣющими ничего необыкновеннаго. Исторія іудейства даетъ слѣдующія указанія: Авраамъ прожилъ 175 лѣтъ, Исаакъ—180, Іаковъ—107, Сарра—127, Іосифъ—110 лѣтъ. Моисей, этотъ человѣкъ замѣчательнаго духа и силы, богатый дѣяніями и нещедрый на слова, довелъ жизнь свою до 120 лѣтъ. Но и онъ оцѣниваетъ обыкновенную жизнь въ 70 и много-много въ 80 лѣтъ и тѣмъ самымъ показываетъ, что болѣе чѣмъ за 3000 лѣтъ до нашего времени вопросъ о продолжительности жизни человѣка стоялъ такъ, какъ и въ настоящее время.

У грековъ мы находимъ много примѣровъ весьма преклоннаго возраста. Такъ, Солонъ достигъ 80-лѣтняго возраста, Эпименидъ—157 лѣтъ, Анакреонъ, Софоклъ и Пиндаръ—80-лѣтняго возраста, Горгіасъ—108 лѣтъ, Демокритъ—109 лѣтъ, Діогенъ—90 лѣтъ, Зенонъ—100 лѣтъ и т. д. Пиѳагоръ дожилъ до глубокой старости. У римлянъ—Валерій Корвинъ жилъ свыше ста лѣтъ,

Фабій и Катонъ достигли 90-лѣтняго возраста; Теренція, жена Цицерона, достигла, несмотря на свою подагру, 103 лѣтъ. Нѣкая актрисса Лучеія была 100 лѣтъ актрисой и на 112-мъ году своего возраста появилась еще въ театрѣ. Галерія Капіола, актриса, танцовщица, спустя 90 лѣтъ послѣ поступленія ея на сцену, снова была приведена въ театръ, чтобы поздравить Помпея, и то же самое спустя нѣсколько лѣтъ продѣлала она и съ Августомъ.

Весьма цѣнныя указанія даетъ Плиній о результатахъ ревизіи, произведенной во времена императора Веспасіана. Изъ нея оказалось, что въ части Италіи, лежащей между Апеннинами и По, въ 76 году нашего счисленія находилось 124 столѣтнихъ и болѣе старцевъ, изъ которыхъ 54 имѣли 100 лѣтъ; 57—110 лѣтъ; 2—125 лѣтъ; 4—130 лѣтъ; 4—отъ 135 до 137 лѣтъ и 3 старца—140 лѣтъ. Кромѣ того, въ Пармѣ находилось 5 человѣкъ, изъ которыхъ 3 имѣли по 120 лѣтъ и двое по 130 лѣтъ, и т. д.

Всѣ приведенные примѣры цѣнны намъ потому, что они доказываютъ, что продолжительность жизни во времена Моисея, древнихъ грековъ и римлянъ, въ сущности, не представляла отличій отъ того, что̀ мы видимъ въ ближайшее къ намъ время, и что, слѣдовательно, возрастъ земли не имѣлъ существеннаго вліянія на высшіе предѣлы жизни ея обитателей, и потому человѣкъ и теперь можетъ достигать того преклоннаго возраста, до котораго доходилъ онъ и прежде.

И въ самомъ дѣлѣ, обратимся теперь къ примѣрамъ столѣтнихъ старцевъ, отмѣченнымъ въ ближайшія къ намъ времена въ различныхъ странахъ. Кентигернъ, извѣстный подъ названіемъ св. Мунго, былъ основателемъ епископства глазговскаго и умеръ 185 лѣтъ отъ роду. Въ 1724 году умеръ Петраркъ Кцартенъ 185 лѣтъ отъ роду въ Венгріи и за нѣсколько дней до смерти онъ еще прогуливался съ палкой въ рукѣ. Замѣчательно, что при немъ былъ сынъ 95 лѣтъ отъ роду. Въ 1670 году умеръ въ Англіи въ возрастѣ 169 лѣтъ Іенкинъ; онъ былъ воиномъ и окончилъ жизнь рыбакомъ; въ возрастѣ болѣе ста лѣтъ онъ еще свободно переплывалъ рѣки. Другой англичанинъ, Томасъ Парръ, былъ бѣднымъ земледѣльцемъ, и когда ему стукнуло 120 лѣтъ, онъ женился на вдовѣ, съ которой прожилъ еще 12 лѣтъ. На 152 году, король англійскій, заинтересовавшись имъ, призвалъ его къ себѣ, обласкалъ, наградилъ его щедротами, отъ непривычки къ которымъ онъ и погибъ 152 и 9 мѣсяцевъ отъ роду. Онъ пережилъ 9 англійскихъ королей. Замѣчательно, что при вскрытіи его тѣла знаменитымъ Гарвеемъ въ немъ не найдено было никакихъ важныхъ старческихъ измѣненій о̀рагновъ. Даже реберные хрящи

не были окостенѣвшими, какъ это встрѣчается у большинства старцевъ. За нѣсколько лѣтъ умерла его правнучка на 103 году своей жизни. Матросъ Дракенбергъ на 111 году своей жизни женился и взялъ въ супруги 60-лѣтнюю даму, которую пережилъ, и на 130 году жизни вновь увлекся молодой крестьянской дѣвушкой, которая оставалась равнодушною ко всѣмъ его притязаніямъ. Успокоившись послѣ этого, онъ погибъ на 146 г. отъ роду. Въ 1757 году умеръ въ Англіи солдатъ Эссингкгамъ на 144 году отъ роду. И такихъ примѣровъ можно бы привести еще не мало. Интересно, что всѣ эти примѣры крайней долговѣчности встрѣчались среди людей физическаго труда, проводившихъ время на свободномъ воздухѣ, и умѣренной жизни, а именно: среди земледѣльцевъ, солдатъ, рыбаковъ, матросовъ и т. д.

Мы видимъ, слѣдовательно, что во времена сравнительно неотдаленныя отъ насъ человѣкъ могъ достигать старости, которая по преклонности своей не уступала старости извѣстныхъ библейскихъ патріарховъ.

По Истону, въ 1801 году въ Россіи умерло 216 столѣтнихъ старцевъ, 37—101 года, 32—102 лѣтъ, и т. д. вплоть до 4 умершихъ въ возрастѣ 130 лѣтъ. Въ 1804 умерло въ той же Россіи 1.145 человѣкъ въ возрастѣ отъ 95 до 100 и болѣе лѣтъ; 158 человѣкъ—отъ 100 до 105 лѣтъ; 90—отъ 105 до 110 лѣтъ; 34—отъ 110 до 115 лѣтъ; 36—отъ 115 до 120 лѣтъ; 15—отъ 120 до 125 лѣтъ; 5—отъ 125 до 130 лѣтъ и 1—отъ 145 до 150 лѣтъ.

Изъ сказаннаго видимъ, что Россія въ началѣ этого столѣтія не отставала со стороны содержанія въ ней вѣковыхъ старцевъ отъ другихъ странъ и, напротивъ того, даже славилась ими, такъ что заставила нѣкоторыхъ авторовъ, въ томъ числѣ и Гуфеланда, признать, что сѣверная полоса Европы благопріятствуетъ достиженію человѣкомъ глубокой старости. Но сильный холодъ едва ли способствуетъ этому, такъ какъ, напримѣръ, въ Исландіи и въ сѣверной Сибири наибольшій возрастъ, до котораго достигаютъ люди, не превышаетъ, какъ говорятъ, 60—70 лѣтъ.

Кромѣ Англіи и Шотландіи, пользовавшихся въ началѣ этого вѣка славой долгой жизни, Ирландія тоже отличалась тѣмъ же свойствомъ и въ одномъ только мѣстечкѣ Дёнсфордъ насчитывалось въ началѣ столѣтія 80 лицъ, перевалившихъ черезъ девятый десятокъ, и уже Бэконъ указывалъ, что во всей Ирландіи не существуетъ ни одной деревушки, гдѣ бы не было старцевъ свыше 80 лѣтъ. Во Франціи высшій преклонный возрастъ встрѣчался не такъ часто, но все же въ 1757 году умеръ человѣкъ 121 года.

Также и въ Италіи и Испаніи. За прекрасной Греціей и до первой половины нашего столѣтія сохранялась слава долгой жизни, и Турнефоръ встрѣтилъ въ Аѳинахъ консула 118 лѣтъ отъ роду. Даже въ Египтѣ и Индіи встрѣчаются примѣры чрезвычайно долгой жизни, въ особенности между браминами, анахоретами и пустынниками. Нѣкоторыя мѣстности Венгріи отличаются долголѣтіемъ человѣка.

Германія имѣетъ много старцевъ, но они рѣдко достигаютъ необыкновенно преклоннаго возраста.

Перепись населенія въ Россіи въ 1819 году дала 1.789 столѣтнихъ старцевъ, изъ которыхъ двое достигли почти возраста въ 160 лѣтъ.

Въ 1829 году также отмѣчено было 869 еще живыхъ старцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли 160 лѣтъ. Въ 1838 году перепись дала аналогичные результаты. На 60-милліонное населеніе было 858 старцевъ отъ 100 до 105 лѣтъ; 125—отъ 110 до 115 лѣтъ и т. д. до 1, имѣвшаго возрастъ 165 лѣтъ!

Польша также отличалась долгой жизнью нѣкоторыхъ изъ своихъ обитателей, судя по донесенію Паскевича императору Николаю въ 1839 г., въ которомъ было указано, что на населеніе въ $4^1/_2$ милліона было 90 лицъ въ возрастѣ отъ 100 до 120 лѣтъ.

Числа эти, вѣроятно, преувеличены, судя по тому, чтò наблюдалось въ другихъ странахъ и къ чему мы вернемся еще впослѣдствіи. Не менѣе преувеличенными представляются и данныя переписи, произведенной въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Такъ, въ 1830 году на населеніе въ 13.000.000 считалось 2.618 столѣтнихъ старцевъ. Фактъ невѣроятный по сравненію съ другими странами, гдѣ, напр. какъ въ Англіи, въ то же время ежегодно умирало, по Рикману, всего 105 столѣтнихъ старцевъ на все населеніе.

По болѣе точнымъ переписямъ, произведеннымъ во Франціи въ 1860 году, оказалось, что ежегодно умираетъ въ возрастѣ 100 и болѣе лѣтъ около 148 человѣкъ; въ 1866 году одинъ столѣтній старецъ приходился на 1.700.000 жителей.

Въ настоящее время переписи населенія съ обозначеніемъ возраста обитателей ведутся почти во всѣхъ странахъ съ несравненно большей тщательностью и провѣркой; обратимся поэтому къ матеріаламъ, выясняющимъ, въ какомъ количествѣ достигаютъ люди преклоннаго возраста въ различныхъ странахъ въ наши приблизительно дни, другими словами, каковъ составъ населенія по возрастамъ свыше 60 лѣтъ въ различныхъ государствахъ Европы.

Свѣденія относительно точнаго числа лѣтъ преклонныхъ старцевъ, встрѣчающихся въ той или другой странѣ, должны собираться на основаніи документальныхъ данныхъ, т.-е. должны провѣряться по метрикамъ или по достовѣрнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ и въ связи съ различными обстоятельствами жизни, и при этомъ вовсе не слѣдуетъ руководствоваться голословнымъ заявленіемъ старцевъ, которые, по забывчивости или по свойственной этому возрасту кокетливости щеголять своей старостью передъ другими, могутъ набавлять число прожитыхъ лѣтъ и изъ 90—95-лѣтнихъ превращаться для переписи въ вѣковыхъ старцевъ, чтò вводило неоднократно статистику въ крупныя ошибки, какъ это несомнѣнно было доказано Томсомъ въ его книгѣ о продолжительности жизни. Обратимся поэтому къ новѣйшимъ даннымъ, свободнымъ отъ ошибокъ. Эти матеріалы поучительны во многихъ отношеніяхъ.

Десять лѣтъ тому назадъ въ „Statistische Monatschrift", издаваемой бюро статистической центральной коммиссіи въ Вѣнѣ, были опубликованы весьма цѣнныя указанія насчетъ содержанія въ населеніи различныхъ странъ лицъ, достигшихъ старости и весьма преклоннаго возраста. Изъ нихъ мы узнаемъ, что относительное содержаніе старцевъ свыше 90 лѣтъ всего больше въ Греціи, хотя она и относится къ числу тѣхъ государствъ, въ которыхъ содержаніе стараго населенія свыше 60 лѣтъ вообще представляется наименьшимъ. Франція, какъ разъ наоборотъ, стоитъ по числу старцевъ свыше 60 и до 100 лѣтъ во главѣ всѣхъ государствъ, тогда какъ по отношенію къ старцамъ свыше 90 лѣтъ она занимаетъ одно изъ самыхъ второстепенныхъ мѣстъ и содержитъ ихъ всего 0,04%. Германія и Испанія содержатъ наименьшее количество обитателей свыше 90 лѣтъ, тогда какъ Австрія и Венгрія содержатъ ихъ немного больше Германіи.

Относительно Россіи недостаетъ цифръ, но все же Леруа-Больё упоминаетъ, что на 1.000 жителей едва 45 человѣкъ достигаютъ возраста 60 и свыше лѣтъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ увеличивается число это до 63 на 1.000; зато въ южныхъ оно падаетъ до 30. Если вѣрить этимъ числамъ, то Россія заключаетъ всего 4,5% людей свыше 60-лѣтняго возраста и слѣдовательно занимаетъ послѣднее мѣсто среди европейскихъ государствъ, такъ какъ во Франціи число это равно 11,5%; въ Бельгіи 10%; въ Италіи 9,1%; въ Великобританіи 8,6%; въ Германіи 8,3%; въ Австріи 7,5%; въ Греціи 5,5%; въ Испаніи 5,3%. Къ такимъ же результатамъ, повидимому, привела и оффиціальная ста-

тистическая хроника русскаго государства, опубликованная въ Петербургѣ въ 1871 г. о населеніи Россіи.

Но къ утѣшенію тѣхъ, которыхъ можетъ смущать по своей малости число людей, достигающихъ старости, упомянемъ, что въ Европѣ по точнымъ вычисленіямъ находится около 25 милліоновъ людей свыше 60-лѣтняго возраста! Безъ Турціи и Россіи и маленькихъ европейскихъ государствъ, Европа содержитъ изъ этого числа 18 милліоновъ старцевъ свыше 60-лѣтняго возраста.

Интересно знать, каковъ процентъ мужчинъ и женщинъ въ старческомъ населеніи Европы, уже перешагнувшемъ 90-лѣтній возрастъ. Изъ разбора соотвѣтствующихъ данныхъ мы видимъ, что на 102.831 людей свыше 90-лѣтняго возраста, имѣющихся въ наиболѣе крупныхъ европейскихъ государствахъ, находится 42.528 мужчинъ и 60.303 женщинъ, и такимъ образомъ поразительное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами въ послѣднемъ преклонномъ возрастѣ не оставляетъ уже болѣе никакого сомнѣнія, несмотря на прежнія противоположныя завѣренія Бернулли.

Еще убѣдительнѣе въ этомъ смыслѣ говорятъ слѣдующія данныя, относящіяся къ людямъ, достигшимъ безусловно 100-лѣтняго или болѣе возраста.

Въ Италіи на	161	подобныхъ	старцевъ	приходится	241	старушка.
Въ Австріи	183	„	„	„	229	„
Въ Германіи	224	„	„	„	423	„

Замѣчателенъ также одинъ изъ результатовъ переписи, приводимый относительно Австріи. Нѣмецкія провинціи Австріи содержатъ явно меньшій процентъ столѣтнихъ и свыше старцевъ, нежели славянскія, которыя ими сравнительно богаты. Очевидно, тутъ сказываются расовыя отличія въ жизнеспособности людей. Венгрія, въ противоположность Цислейтаніи, имѣетъ больше стариковъ, нежели старушекъ, и это зависитъ отчасти оттого, что въ венгерскихъ провинціяхъ женское населеніе лишь очень мало преобладаетъ надъ мужскимъ, а въ Кроаціи и Славоніи мужское населеніе даже преобладаетъ. Тѣмъ не менѣе въ Кроаціи и въ Военной Границѣ имѣется все же больше преклонныхъ свыше 90 лѣтъ старухъ, нежели стариковъ.

Въ Германіи въ 1871 году на населеніе въ 41 милліонъ жителей находилось въ возрастѣ свыше 90 лѣтъ 12.658 человѣкъ и между ними 5.105 мужчинъ и 7.553 женщины. Вообще люди самаго преклоннаго возраста свыше 90 лѣтъ составляютъ

въ лучшихъ провинціяхъ Германіи около 0,03% всего населенія. Норвегія въ этомъ отношеніи очень поучительна; на населеніе въ 1.762.266 она содержитъ 1.596 старцевъ свыше 90-лѣтняго возраста, слѣдовательно 0,09%. Это самый высшій процентъ во всей Европѣ, что̀ согласуется съ благопріятными числами переживанія, съ которыми мы встрѣчались уже раньше.

Обратимся теперь къ даннымъ, вытекающимъ изъ ревизіи въ 1886 году, произведенной во Франціи. Статистика указала на присутствіе 184 живыхъ столѣтнихъ и свыше старцевъ. Точное изслѣдованіе Тюркана установило, что изъ всего этого числа доказанныхъ случаевъ 100-лѣтняго возраста было всего 83, стариковъ 31, а женщинъ 52. Женщины такимъ образомъ преобладаютъ, и вдовы, какъ оказалось, въ 4 раза превосходятъ число незамужнихъ. Возрастъ этихъ старцевъ колебался между 100 и 116 годами.

Одинъ изъ столѣтнихъ старцевъ, родившійся въ 1783 г. и 103 лѣтъ отъ роду, находился во главѣ пяти поколѣній, окруженъ былъ 95 дѣтьми и внуками и напоминалъ собою старыхъ патріарховъ, тѣмъ болѣе, что онъ еще въ 1886 году исправлялъ обязанности пастуха. Другой былъ во главѣ 70 потомковъ и т. д.

По изслѣдованіямъ Тюркана, за послѣдніе 32 года во Франціи умирало 7 столѣтнихъ старцевъ на 100.000 жителей въ годъ; но эта пропорція рѣзко колеблется для разныхъ департаментовъ, и въ то время, какъ въ Пиренеяхъ приходилось 38 столѣтнихъ на 100.000, ихъ приходилось въ болѣе сѣверныхъ департаментахъ всего лишь 20 на сто тысячъ. Едва ли это зависитъ отъ вліянія только гористой мѣстности, такъ какъ въ Швейцаріи, напр., многіе гористые кантоны даютъ всего 2 смерти въ годъ на 100.000 жителей.

Въ общемъ, во Франціи вышеуказанные 83 столѣтнихъ старца, разсчитанные на все населеніе, даютъ 2,18 старца на милліонъ живущихъ, слѣдовательно одинъ столѣтній приходится на 458.700 жителей.

Въ Пруссіи ревизія 1885 года указала на присутствіе въ живыхъ 91 старца, имѣвшихъ несомнѣнный возрастъ отъ 100 до 115 лѣтъ. Изъ нихъ 24 мужчины и 67 женщинъ. Изъ результатовъ ревизіи оказалось, что одинъ 90-лѣтній старецъ приходится на 5.000 жителей и всего 3 столѣтнихъ старца приходится на милліонъ жителей; слѣдовательно, нѣсколько больше, чѣмъ во Франціи.

Взглянемъ теперь, какъ дѣло стоитъ теперь у насъ въ нашей

средѣ, въ самомъ Петербургѣ. Послѣдняя точная перепись жителей Петербурга съ обозначеніемъ возраста показала, что въ 1881 году находилось въ преклонномъ возрастѣ 100 и болѣе лѣтъ въ живыхъ всего 16 человѣкъ; если вспомнить, что въ 1881 году населеніе Петербурга равнялось 861.303 жителей, то на милліонъ жителей у насъ въ Петербургѣ пришлось бы 18 столѣтнихъ старцевъ! И это въ то время, какъ во Франціи мы имѣемъ всего 2,18 столѣтнихъ старца, а въ Пруссіи 3 старца на 1 милліонъ жителей. Едва-ли, конечно, это число можетъ быть принято за достовѣрное и распространено на всю Россію; надо принять въ разсчетъ, что Петербургъ богатъ богадельнями, разными богоугодными заведеніями и, слѣдовательно, сюда могутъ стекаться для спокойнаго окончанія своей жизни люди съ различныхъ концовъ Россіи и тѣмъ увеличивать искусственно процентное содержаніе столѣтнихъ старцевъ. Возможно, что статистическія данныя о возрастѣ старцевъ не свободны отъ ошибокъ. Во всякомъ случаѣ мы лишены возможности сравнить Петербургъ съ остальными столицами Европы, а также и съ остальными областями Россіи за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ. Но если мы уменьшимъ даже вдвое, втрое число обнаруженныхъ послѣдней ревизіей въ Петербургѣ столѣтнихъ старцевъ и старухъ, то все-таки получимъ 9 или 6 старцевъ на милліонъ, чтò стоитъ несравненно выше чиселъ, полученныхъ для Франціи и Германіи.

Изъ списка смертности столѣтнихъ старцевъ въ Петербургѣ мы видимъ, что они могутъ достигать почтеннаго возраста въ 110, 118, 123 и 128 лѣтъ; факты эти отмѣчены за 1888 годъ, за 1886, за 1883 и 1882 года. Замѣчательно, что это были все старухи и ни одного старика! Итакъ, Петербургъ съ честью поддерживаетъ исконную славу славянской расы по долгой жизни.

Какъ, однако, помирить этотъ фактъ съ слабой переживаемостью въ Россіи и въ особенности въ Петербургѣ, указанной выше? Выходъ изъ этого видимаго противорѣчія на нашъ взглядъ можетъ быть лишь одинъ, а именно тотъ, что хотя въ Россіи и въ особенности въ Петербургѣ смертность и высока и переживаемость низка, вслѣдствіе неблагопріятныхъ суровыхъ условій жизни, тѣмъ не менѣе тѣ изъ жителей, которые вынесли на себѣ въ теченіе первой половины всѣ условія тяжелаго существованія, настолько закалились въ жизненной борьбѣ, что затѣмъ въ состояніи съ успѣхомъ тянуть дугу своей жизни до глубокихъ предѣловъ старости, тѣмъ болѣе, что имъ, повидимому, помогаетъ высокое жизнеупорство, присущее славянской расѣ, о чемъ поговоримъ еще впослѣдствіи.

Итакъ, старцы столѣтніе не перевелись въ наше время. И если мы примемъ въ среднемъ, что на милліонъ живущихъ имѣется только 3 старца, то на все населеніе Европы, оцѣненное въ 1886 году въ 347.000.000 жителей, мы будемъ имѣть почтенную цифру въ 1.040 столѣтнихъ старцевъ, составляющихъ какъ бы золотую роту долговѣчности, указывающую намъ на осуществимый идеалъ долговѣчности, къ которому долженъ стремиться человѣкъ.

Ив. Тархановъ.

МАЛОРУССКОЕ ДВОРЯНСТВО

и

ЕГО СУДЬБА

Историческій очеркъ.

I.

Великій переворотъ 1648 г. снесъ, можно сказать, южно-русское дворянство съ лица малорусской земли, т.-е. лѣвобережной Украйны. Однако оно въ самомъ непродолжительномъ времени появляется снова. Одновременно съ тѣмъ, какъ начинаютъ приходить въ равновѣсіе взбудораженные переворотомъ общественные элементы, начинается и процессъ новообразованія дворянскаго сословія. Вотъ этотъ-то процессъ и служитъ содержаніемъ настоящаго очерка.

Но было ли дворянство уничтожено Хмельнищиной цѣликомъ, или кое-какіе его остатки на лѣвомъ берегу пережили катастрофу?

Пережили, несомнѣнно. Триста шляхтичей (по счету Карпова, на основаніи переписныхъ дворянскихъ книгъ) присягнули въ январѣ 1654 г. на вѣрность Алексѣю Михайловичу, который обѣщалъ оставить ихъ „въ своихъ шляхетскихъ вольностяхъ, правахъ и привилеяхъ и „добра имѣть свободно, какъ и при польскихъ короляхъ бывало“ [1]). Недаромъ же и Хмельницкій выговаривалъ въ своихъ статьяхъ, чтобы шляхтѣ „позволено было

---

[1]) Карповъ, О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи, Русск. Арх., 1875, кн. 6.

маетностями своими владѣть по-прежнему и судитця своимъ стародавнимъ правомъ“ и „вообще при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ пребывать“ [1]). Конечно, это была шляхта „благочестивые христіанскіе вѣры“. По всей вѣроятности, ея главный контингентъ составляли бывшіе земяне, низшія наслоенія шляхетскаго сословія, родственныя шляхтѣ литовскихъ „застѣнковъ“ или еще ближе извѣстной овручской лычаковой шляхтѣ, которая ходила за плугомъ съ саблями, подвязанными мочалой, и хотя могла себя мнить de jure „равной воеводѣ“, но de facto должна была взирать на недосягаемую воеводскую высоту изъ своихъ общественныхъ доловъ чуть не съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и любой подданный.

Но какъ бы то ни было, разъ установленъ фактъ, что дворянство, хоть и въ жалкихъ остаткахъ, пережило переворотъ, является естественное предположеніе, что именно оно и послужило ферментомъ, благодаря вліянію котораго такъ быстро образовалось въ лѣвобережной Украинѣ новое дворянство. Однако такое предположеніе ошибочно. Старая шляхта осталась въ сторонѣ, и процессъ новообразованія дворянскаго сословія пошелъ такъ, какъ бы ея и не было вовсе. Причина ясна, если представить себѣ тогдашнее положеніе вещей.

Хмельнищина, вмѣстѣ съ политической зависимостью, уничтожила и сложившійся общественный строй, въ фундаментѣ котораго лежало закрѣпощеніе земледѣльческаго труда. Малорусскій народъ очутился въ положеніи калифа на часъ: онъ могъ осуществить свой идеалъ общественнаго благополучія. Идеалъ его не поражалъ размахомъ фантазіи: это былъ простой и естественный идеалъ каждаго закрѣпощеннаго—свободный трудъ на свободной землѣ. Форма осуществленія этого идеала была готовая: это—козакъ, единственный извѣстный южно-русскому хлопу видъ свободнаго земледѣльца. Итакъ, вся масса освобожденнаго южно-русскаго народа устремилась въ козачество. Страна приняла своеобразный видъ мирнаго военнаго лагеря; впрочемъ, надо сказать, первое время не было недостатка и въ военной дѣятельности, до извѣстной степени оправдывавшей такое положеніе вещей. Верховная власть въ лицѣ гетмана, администрація, судъ—все было организовано по военному типу на демократической подкладкѣ: источникомъ власти былъ народъ, и потому всюду, гдѣ можно, господствовало выборное начало. Разумѣется, мы говоримъ лишь о первомъ періодѣ этой новой эпохи въ южно-русской исторіи,

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. 3. Акты гетманскіе.

такъ какъ основы, на которыхъ держался строй, довольно быстро измѣнились, съ одной стороны подъ вліяніемъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, съ другой—собственныхъ своихъ внутреннихъ противорѣчій. Старая шляхта со всѣми своими, гарантированными ей, „правами и привилеями" оказалась, такъ сказать, за штатомъ: ей не было мѣста въ новомъ общественномъ строѣ, не на чемъ было осуществлять своихъ правъ и привилегій. „Шляхетскія вольности" сводились, какъ свидѣтельствуютъ и статьи Хмельницкаго, къ двумъ главнымъ пунктамъ: „чтобъ маетностями владѣть по-прежнему", т.-е. сохранять за собой право неограниченной частной собственности на землю и „чтобъ судитця своимъ стародавнимъ правомъ". Шляхетскіе судьи, земскіе и градскіе, были выговорены статьями Хмельницкаго и, слѣдовательно, могли бы существовать. Но они никогда не существовали, такъ какъ шляхта была слишкомъ ничтожной горстью, разбросанной въ массѣ оказачившагося населенія, чтобъ стоило для нея обзаводиться цѣлымъ особымъ сложнымъ институтомъ, который естественно потребовалъ бы и своего центральнаго, апелляціоннаго органа въ родѣ трибунала. Такимъ образомъ, шляхта должна была судиться у тѣхъ же сотниковъ, полковниковъ, апеллировать къ тому же гетману, какъ и все остальное населеніе. Не больше выгодъ принесло шляхтѣ также выговоренное ей право „маетностями владѣть по-прежнему". При старыхъ порядкахъ, право владѣть земельной маетностью на положеніи неограниченной частной собственности было исключительно шляхетскимъ правомъ: такое шляхетское право признавалось и за козаками. Но теперь все населеніе оказалось пользующимся тѣмъ же шляхетскимъ правомъ, такъ что право это, потерявъ свою исключительность, потеряло вмѣстѣ съ нею и смыслъ. Правда, къ шляхетскому праву на землю ходомъ исторіи приросло еще и право на личность земледѣльца, сидящаго на этой землѣ. Никто и ничто не отрицало у шляхты и этого ея права; но дѣло въ томъ, что не оказывалось объекта, на которомъ бы его можно было практиковать, такъ какъ всѣ бывшіе зависимые земледѣльцы подѣлались козаками, сидящими на шляхетскомъ правѣ на своей собственной землѣ. Крѣпостное право, какъ государственное учрежденіе, само собой, безъ всякихъ спеціальныхъ законовъ, упразднилось. На чужой землѣ садились лишь по договору, и степень зависимости, вытекающая изъ этого факта, опредѣлялась исключительно объемомъ и содержаніемъ договора. Этимъ путемъ, въ извѣстной степени симулирующимъ крѣпостное право, могъ имѣть зависимыхъ отъ себя людей любой земледѣлецъ, и, случалось,

дѣйствительно имѣлъ ихъ. Такимъ образомъ, шляхетскія права и тутъ оказывались ни при чемъ, и маетностями владѣть по прежнему шляхта не могла, несмотря ни на какое признаніе ея правъ. Но, кромѣ того, для земельныхъ правъ шляхты явилось и еще фактическое ограниченіе, вытекавшее изъ положенія вещей. Эту сторону разъясняетъ интересный универсалъ 1690 г. [1]) полковника Лизогуба, управлявшаго полкомъ черниговскимъ, гдѣ наиболѣе удержалось старой шляхты. Дѣло въ томъ, что въ періодъ хаотическаго состоянія, сопровождавшаго переворотъ, шляхта позабрасывала свои грунты, можетъ быть изъ страха народнаго, можетъ быть потому, что некому было ихъ обработывать. Когда край успокоился, шляхта, опираясь на законное признаніе своихъ правъ, начала возвращаться на земли. Но земли эти оказались занятыми: разные люди поосѣдали на нихъ на основаніи того же самаго jus primum occupandi, на какомъ занимались земли по всей малорусской территоріи. Перекраивать положеніе на старый юридическій ладъ значило бы оскорбить народъ въ его глубокомъ ощущеніи верховнаго права на землю, освобожденную его кровью, и, такимъ образомъ, снова дать толчокъ только-что улегшимся политическимъ страстямъ—на это не рѣшился бы и Хмельницкій. Естественно, что полковникъ Лизогубъ безъ всякаго опасенія „касуетъ" старыя шляхетскія права, утвержденныя гетманскими статьями и царскимъ одобреніемъ, въ пользу новыхъ, которыми не обмолвился ни одинъ документъ, но за которыя было сознаніе народной массы. Мало того: универсалъ этотъ даетъ еще такое любопытнѣйшее распространеніе или толкованіе новому положенію: „На чомъ хто оседѣлъ (осѣлъ) зъ шляхти и всякихъ людей по селахъ описанниxъ прошлими часы и теперъ сколко собою розробленихъ своихъ уживае и держить кгрунтовъ (какимъ количествомъ земли, своими силами разработанной, пользуется), а болше роспахати и розробити *самъ не може*, абы тимъ ся контентовали (чтобы тѣмъ довольствовались) и тые за власность свою мѣли (и тѣ считали за свою собственность), а що над-то иними хто розробилъ (сверхъ того чужими силами кто разработалъ) и еще не розробленихъ и запустѣлыхъ мѣло бы бути въ тѣ околичности кгрунтовъ, которіе за отчискіе (вотчинные) собѣ иле шляхта звикла ославлювати (привыкли называть) и давнимъ шляхецкимъ правомъ граничити (межевать), присвоюють и не допускають сполмешканцомъ (сосѣднимъ жителямъ) своимъ розробляти и поидати, тое цале касую и овшемъ, жебы ровне и спокойне зъ шляхтою и

[1]) Кіевск. Старина, 1885, III.

всякіе люди, якихъ хто може, кождіе селяне въ своемъ ограниченію лежачіе пустуючіе кгрунта посѣдали, розробляли и ку пожитковѣ своему приводили"... Ясно, что при такой радикальной постановкѣ земельнаго вопроса, какая принята полковникомъ Лизогубомъ „за сполною обрадою (общимъ совѣтомъ) съ полковою старшиною и значнымъ войсковымъ товариствомъ", не только ничего не оставалось отъ исключительныхъ шляхетскихъ правъ, но очень немногое осталось и отъ фактическаго владѣнія, которое сводилось все на тотъ же трудовой захватъ.

Такимъ образомъ, всѣ права старой шляхты сводились на нѣтъ; слѣдовательно, отъ нея осталась только тѣнь, которой предстояло исчезнуть. И она исчезла. Послѣ Хмельницкаго уже нигдѣ въ гетманскихъ статьяхъ не упоминается о шляхтѣ и ея правахъ; не упоминается о нихъ и въ другихъ документахъ. Только позже, когда начало совсѣмъ независимо складываться новое дворянство, старая шляхта тоже стала вытаскивать изъ сундуковъ свои залежавшіеся документы, у кого они сохранились, и пользоваться ими: они стали тогда въ большей пригодѣ. Но все это дѣла дней грядущихъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Пока же съ насъ довольно положенія, которое, кажется, достаточно нами установлено: что старая шляхта не участвовала въ образованіи малорусскаго дворянства, къ которому оно лишь примкнуло позже, да и то не въ цѣломъ своемъ составѣ.

II.

Итакъ, повторимъ: Малороссія въ первый періодъ [1]) послѣ своего освобожденія отъ Польши представляла, по типу своей соціальной организаціи, военный лагерь на демократической подкладкѣ. Равенство правъ и обязанностей было полное: каждый могъ занимать изъ неисчерпаемаго запаса свободныхъ земель столько, сколько могъ захватить фактическимъ, трудовымъ захватомъ; каждый могъ участвовать въ выборѣ уряда, начиная отъ сельскаго атамана, кончая гетманомъ; каждый могъ быть выбранъ на всякій урядъ. Слабо намѣчались кое-какія общественныя дифференціаціи—оказачившійся мѣщанинъ, выборный попъ—но онѣ не мѣняли общаго фона картины. Самое важное, что между казакомъ и посполитымъ, между которыми исторія въ теченіе слѣдующаго полустолѣтія успѣла вырыть пропасть, лежала пока лишь легко

---

[1]) Считаемъ этотъ первый періодъ приблизительно до начала XVIII-го в.

стираемая черта чисто-фактическаго различія: кто хотѣлъ и могъ отправлять козацкую службу—былъ козакомъ; кто не хотѣлъ или не могъ, оставался посполитымъ, замѣняя казацкую службу отбываніемъ податей и повинностей [1]). При такомъ строѣ общества—демократическомъ, такъ сказать, до мозга костей—не было мѣста дворянству. И однако оно явилось, и явилось не актомъ внѣшняго насилія, а естественнымъ путемъ внутренняго роста. Дѣло въ томъ, что въ нѣдрахъ этого демократическаго общества укрывались аристократическія idées-mères, которыя дѣлали появленіе дворянства не только возможнымъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и необходимымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Малороссія разорвала свой политическій союзъ съ Польшей. Но не такъ-то легко было порвать духовную связь съ ней,—связь, которая не могла же не образоваться годами тѣснаго общенія. Какъ бы мы ни оцѣнивали размѣры тяготѣній тогдашняго малорусскаго общества къ высшей культурѣ, но тяготѣнія эти несомнѣнно существовали, и за удовлетвореніемъ ихъ малорусскому человѣку некуда было обращаться помимо Польши: тогдашняя Малороссія стояла сама на слишкомъ низкомъ уровнѣ, чтобы обойтись безъ культурнаго посредника, а ея новый патронъ, Москва, была и чужда, и груба. Неудивительно поэтому, что кіевская академія продолжала быть сколкомъ съ польскихъ коллегій, что высшее образованіе покоилось на той же польской латыни, что польская книга вмѣстѣ съ латинской была главнымъ содержаніемъ книжнаго богатства образованнаго малорусса, что польскій обычай связывался съ представленіемъ объ утонченномъ. Юношей посылали заканчивать образованіе во Львовъ, въ Вроцлавъ. Гетманы старались изо всѣхъ силъ подражать въ обстановкѣ своихъ дворовъ дворамъ магнатскимъ и потому съ удовольствіемъ принимали на свою службу выходцевъ изъ-за Днѣпра, цѣня въ нихъ знаніе магнатскихъ порядковъ; за гетманами, естественно, тянулись и другія лица войскового уряда, устанавливая, такимъ образомъ, господствующій тонъ. Всѣ сравнительно образованные люди тогдашняго малорусскаго общества, черпая свою образованность изъ польскаго источника, необходимо проникались польскими соціальными идеями, альфой и омегой которыхъ былъ панъ и хлопъ, и польскими идеалами прекраснаго и желаемаго, которые могли расцвѣтать только на дворянской почвѣ. Но обра-

[1]) „Можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ"—подлинное выраженіе одного документа 1729 г., въ которомъ населеніе давало само показанія о своемъ происхожденіи. Лазаревскій, Малороссійскіе посполитые крестьяне. Записки Черниг. Губ. Стат. Комитета 1865 г., кн. 1, стр. 6.

зованный человѣкъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, и болѣе обезпеченный, а матеріальная обезпеченность вмѣстѣ съ образованностью—хотя бы въ видѣ простой письменности—только и были тѣми условіями, въ силу которыхъ люди въ тѣ времена всплывали наверхъ и группировались около власти. Такимъ образомъ, всѣ вліятельные и руководящіе элементы общества находились подъ вліяніемъ польско-шляхетскихъ идей соціальнаго порядка. Понятно, не могли же эти идеи не отражаться на дѣйствіяхъ, проникнутыхъ ими лицъ, на томъ направленіи, которое эти лица давали, стоя у кормила, общественнымъ дѣламъ. Но поперекъ дороги этому идейному теченію лежала страшная по своимъ размѣрамъ, хотя и косная, народная масса. Удалось ли бы вдвинуть ее въ намѣчающееся русло, еслибы не явился на помощь новый могучій двигатель? Этимъ двигателемъ, сила котораго росла съ прогрессирующей быстротой, былъ союзъ съ Россіей.

Политическій союзъ Малороссіи съ московскимъ государствомъ скоро превратился въ политическую зависимость, а затѣмъ и въ политическое объединеніе. Чѣмъ дальше уходилъ этотъ процессъ, тѣмъ сильнѣе становилось непосредственное вліяніе сѣверно-русскихъ порядковъ на строй малорусской жизни, независимо даже отъ какихъ-либо преднамѣренныхъ дѣйствій русской государственной власти. Меньшее и слабѣйшее, вдвинутое въ извѣстное положеніе, естественно уподоблялось большему и сильнѣйшему. Всякій актъ центральной государственной власти, направленный на Малороссію и, конечно, не имѣвшій въ основаніи полнаго знакомства съ ея положеніемъ и особенностями, былъ лишнимъ шагомъ на пути этого уподобленія. Такъ было во всемъ, такъ было и относительно дворянства. Разъ въ Великороссіи существовало дворянство, хотя бы и съ служилымъ, а не самодовлѣющимъ характеромъ польской шляхты,—этотъ фактъ долженъ былъ тяготѣть надъ Малороссіей, давая направленіе, усиливая, подчеркивая все, что было ему родственнаго въ здѣшнихъ условіяхъ. Великая Россія тянула Малую въ ту же сторону, куда послѣднюю толкали унаслѣдованныя отъ Польши идеи соціальнаго порядка.

Нельзя не упомянуть еще объ одной стихійной силѣ, которая должна была незримо, но могуче работать для распаденія соціальнаго демократическаго равенства на привилегированное и непривилегированное. Эта стихійная сила—рѣзко очерченный личный интересъ той группы, которая, ставши около власти, должна была образовать собою малорусское дворянство.

III.

Новое малорусское дворянство все цѣликомъ образовалось изъ войскового уряда, сначала исключительно выборнаго, затѣмъ и назначаемаго. Столѣтіе спустя, въ концѣ XVIII-го в., когда малорусскому привилегированному сословію надо было во что бы то ни стало доказать свои права на дворянство, оно аргументировало, между прочимъ, такъ: „по древнему праву выборовъ, малороссійскому праву присвоенныхъ, всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичъ, а не бывъ шляхтичемъ невозможно было никому быть избираемому и имѣть чинъ" [1]). Легко замѣтить натяжку уже и въ редакціи этого положенія; исторія же опровергаетъ его совершенно: кто выбирался на войсковой козацкій урядъ, не дѣлался и не могъ дѣлаться тѣмъ самымъ шляхтичемъ, и ужъ, конечно, не шляхтичи выбирались на уряды. Правда, въ средѣ козацкой старшины, какъ до Хмельнищины, такъ и послѣ нея, встрѣчались отдѣльныя лица, носившія шляхетское или дворянское достоинство, но онѣ получали нобилитацію или путемъ сеймовой конституціи за особыя услуги Рѣчи-Посполитой, или позже черезъ государево пожалованіе. Не только потомки этихъ немногихъ счастливцевъ, но и все окружающее панство, конечно, знало наперечетъ всѣ эти случаи со всѣми сопровождавшими ихъ обстоятельствами, но оно было слишкомъ заинтересовано въ томъ, чтобы дѣлать видъ невѣденія.

Козацкій лагерь, какой представляла собою страна послѣ своего освобожденія отъ Польши, былъ организованъ такъ. Войско козацкое, или Малороссія—что было одно и тоже—дѣлилось на полки, полки на сотни. Каждая сотня выбирала себѣ свой сотенный урядъ, полкъ—полковой, наконецъ все войско—общій войсковой или генеральный урядъ. Выборное начало рано начало подвергаться ограниченіямъ, какъ со стороны центральной, такъ и мѣстной гетманской власти, причемъ чѣмъ выше и значительнѣе былъ урядъ, тѣмъ раньше выборъ замѣнялся назначеніемъ; но форма организаціи сохранилась въ неприкосновенности до самой той поры, пока Екатерина II не распространила и на Малороссію предпринятую ею реформу русскаго административнаго строя, чѣмъ и положенъ былъ конецъ своеобразному общественному строю Украины. Уряды генеральный, полковой и сотенный

[1]) Записка изъ дѣла, произведеннаго въ комитетѣ, Высочайше утвержденномъ при правительствующемъ сенатѣ касательно правъ на дворянство бывшихъ малороссійскихъ чиновъ.

повторяли другъ друга, лишь съуживаясь книзу въ своемъ объемѣ. Во главѣ войска стоялъ гетманъ, за которымъ слѣдовали генеральные войсковые чины: обозный, судья, подскарбій, писарь, асаулъ, хорунжій—каждый чинъ съ прибавленіемъ эпитета: „генеральный войсковой". Во главѣ полка стоялъ полковникъ, опять съ полковыми: обознымъ, судьей, писаремъ, асауломъ, хорунжимъ. Во главѣ сотни стоялъ сотникъ, съ сотенными чинами: писаремъ, асауломъ, хорунжимъ. Первое лицо каждаго изъ трехъ концентрическихъ круговъ войсковой іерархіи, т.-е. гетманъ, полковникъ и сотникъ пользовались въ районѣ своей власти огромнымъ значеніемъ, такъ какъ совмѣщали въ своемъ лицѣ не только военную и административную, но и судебную власть, несмотря на то, что существовали отдѣльные судьи, какъ полковой, такъ и генеральный, и даже былъ генеральный войсковой судъ. Подобное смѣшеніе функцій распространялось, хотя не въ такой степени, и на остальные уряды, которые были какъ бы больше чинами въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, чѣмъ дѣйствительными должностями: напр., генеральный обозный отправлялъ дѣла, не имѣющія ничего общаго съ войсковымъ обозомъ, т.-е. артиллеріей, засѣдалъ какъ одно изъ первыхъ лицъ въ войсковой генеральной канцеляріи. Оно и не могло быть иначе, такъ какъ приходилось съ упрощенными средствами чисто-военной организаціи заправлять всею развивающеюся сложностью цѣльнаго общественнаго строя. Въ первые моменты послѣ переворота между урядомъ и массой рядового казачества не было, повидимому, никакого посредствующаго звена. Но по мѣрѣ того, какъ край умиротворялся и общественные элементы осѣдали, кристаллизуясь, сверху козацкой массы поднялся слой „можнѣйшаго" козачества. Это было такъ-называемое „знатное войсковое товариство"—переходный слой между массой и войсковымъ урядомъ: одной своей стороной онъ сливался съ рядовымъ козачествомъ, другимъ—съ козацкой старшиной. Знатное войсковое товариство составляло какъ бы резервъ, изъ котораго постоянно выдѣлялись лица, занимавшія уряды, и куда они опять уходили, когда оставляли свои посты. Что знатное войсковое товариство пользовалось значительнымъ вліяніемъ на общій ходъ дѣлъ—это несомнѣнно, но оформливалось ли чѣмъ-нибудь это вліяніе—намъ неизвѣстно. Позже неопредѣленная стихія знатнаго товариства стала принимать болѣе опредѣленныя очертанія. Выдвинулась изъ нея войсковая аристократія—бунчуковое товариство, состоящее при генеральномъ урядѣ, собственно при гетманѣ, „подъ бунчукомъ", изъ котораго назначались болѣе важные генеральные урядники или полковники; вы-

дѣлилось „значковое" или полковое товариство, состоявшее при полковомъ значкѣ, число котораго было точно опредѣлено указомъ Анны Іоанновны для всѣхъ десяти полковъ въ 420 человѣкъ. Низшая ступень знатнаго войскового товариства былъ простой знатный или славетный козакъ, который могъ попадать на низшіе сотенные уряды.

Вотъ этотъ-то войсковой урядъ со своей стихіей знатнаго товариства, которая его постоянно выдвигала и поглощала, и составилъ малорусское привилегированное сословіе, которое впослѣдствіи обратилось въ дворянство.

Конечно, если малорусскому народу, волею историческаго рока, не суждено было удержать первоначальное демократическое равенство, то разложить это равенство долженъ былъ урядъ. По самому своему существу онъ былъ привилегированъ; лица уряда необходимо должны были освобождаться отъ тяготѣющихъ на всемъ остальномъ населеніи службъ и повинностей; они были необходимо выше средняго уровня массы по образованію,—получалось ли оно путемъ книжнымъ и школьнымъ, или путемъ житейской опытности и натертости; они стояли выше средняго уровня и по матеріальной обезпеченности, такъ какъ избирались на урядъ люди болѣе свободные отъ гнета насущныхъ потребностей, да и самъ урядъ соединялся съ вознагражденіемъ, которое выдвигало пользующихся имъ лицъ изъ массы. Само это вознагражденіе, по своему характеру, было такого рода, что рѣзко оттѣняло привилегированность уряда. Какъ извѣстно, этимъ вознагражденіемъ служили „ранговыя маетности". Ранговыя маетности, это—населенныя земли, находящіяся въ распоряженіи войска и имѣющія спеціальное назначеніе служить вмѣсто жалованья войсковому уряду. Къ каждому уряду, или рангу, было приписано точно опредѣленное количество этихъ маетностей. Значеніе этого вознагражденія заключалось не въ землѣ—какую цѣнность сама по себѣ имѣла въ тѣ времена земля?—а въ службѣ и повинностяхъ сидящаго на этой землѣ посполитства, которое должно было отбывать ихъ въ этихъ маетностяхъ уже не въ пользу войскового сварба, а въ пользу того или другого лица изъ войскового уряда. Такой, а не иной способъ вознагражденія за службу лицъ войскового уряда обусловливался исключительно необходимостью, положеніемъ вещей; но онъ чрезвычайно способствовалъ превращенію войскового уряда въ панское сословіе.

Разумѣется, извѣстной группѣ, чтобы принять видъ сословія, недостаточно было стать лично въ привилегированное положеніе: необходимо было такъ или иначе упрочить его за собой и за

своими. Но къ фактическому упроченію (юридическое пришло лишь позже и на иныхъ путяхъ) не встрѣтилось большихъ затрудненій. Здѣсь пришли на помощь тѣ свойства человѣческой природы, которыя могутъ быть охарактеризованы извѣстнымъ изреченіемъ: „всякому имѣющему дастся и пріумножится". Казалось естественнымъ, чтобы какой-нибудь сотничѐнко, наслѣдовавшій имущество, обстановку, жизненныя привычки своего отца, наслѣдовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущества, какія давалъ отцу его урядъ,—и вотъ сотниченко предпочтительно передъ другими кандидатами выбирается въ сотники. Конечно, отецъ, въ интересахъ сына долженъ былъ позаботиться, чтобы дать ему своевременно и соотвѣтствующее образованіе и практическій навыкъ, долженъ былъ хоть до нѣкоторой степени позаботиться и о томъ, чтобы удержать за собой, а слѣдовательно и за сыномъ также, симпатіи населенія, отъ котораго зависѣлъ выборъ. Такимъ образомъ, при господствѣ выборнаго начала могли быть даже извѣстныя выгоды въ передачѣ власти по наслѣдству; при назначеніяхъ же такая передача сопровождалась часто интригами и подкупами вліятельныхъ лицъ, на что человѣкъ, стоящій у уряда, имѣлъ обыкновенно больше способовъ. Такимъ образомъ, уряды удерживались въ извѣстной группѣ семей, составлявшихъ своего рода сеньорію: если назначеніе свыше и вводило сюда иногда совсѣмъ чуждые элементы, то рѣдко случалось, чтобы совсѣмъ выпускали уряды изъ рукъ сѐмьи, не запятнавшія себя ни политической измѣной, ни безтактностью поведенія по отношенію къ власть имѣющимъ, чѣмъ предки малорусскаго дворянства, повидимому, не склонны были грѣшить.

Итакъ, посполитый, пока еще онъ пользовался свободой, стремился въ козаки; козакъ желалъ выдвинуться въ передніе ряды своей группы, въ знатные войсковые товарищи; знатный войсковой товарищъ стремился попасть на какой-нибудь урядъ. Такимъ образомъ, урядъ, со всѣми связанными съ нимъ дѣйствительно, значительными—преимуществами, былъ центромъ всѣхъ вожделѣній, и много тратилось энергіи для проложенія къ этому центру или прямого пути, или кривыхъ обходныхъ тропинокъ. Болѣе или менѣе состоятельные родители изъ простыхъ козаковъ или мѣщанъ, озабоченные жизненной карьерой своихъ сыновей, имѣли еще подъ рукой такой способъ выдвигать ихъ въ привилегированную группу: они давали имъ образованіе съ латынью или хотя бы и безъ нея, и приписывали ихъ затѣмъ къ генеральной восковой канцеляріи и суду въ войсковые канцеляристы. Это было заимствованіемъ польскаго обычая: тамъ къ правитель-

ственнымъ канцеляріямъ и въ особенности къ такъ-называемой палестрѣ (при судахъ) приписывалась масса молодежи съ цѣлью получить, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ познаній, свѣтскій лоскъ и житейскую опытность. Такъ и въ Малороссіи сотни молодыхъ людей, включая сюда и сыновей важнѣйшихъ урядниковъ, состояли при генеральной войсковой канцеляріи, имѣя въ виду пробиться со временемъ такимъ путемъ въ сотенную или полковую старшину. Болѣе богатые жили на своемъ содержаніи на своихъ квартирахъ; остальные, по старымъ войсковымъ традиціямъ, жили въ куренѣ, большомъ общемъ домѣ, и на содержаніе ихъ были отписаны такія же маетности, какъ и на ранги [1]).

IV.

Допустимо ли, что извѣстная обособленная общественная группа можетъ имѣть присущіе ей инстинкты, руководящіе дѣйствіями отдѣльныхъ ея членовъ? Какъ бы то ни было, та группа, которой предстояло сдѣлаться малорусскимъ дворянствомъ, обнаружила замѣчательное единодушіе и цѣлесообразность въ выборѣ средствъ для достиженія этой общей цѣли. И то сказать, впрочемъ: здѣсь интересы группы слишкомъ тѣсно сливались съ эгоистическими интересами каждаго отдѣльнаго ея члена.

Сеньоріи войскового уряда, чтобы сдѣлаться дворянствомъ, необходимо было создать себѣ прочное экономическое обезпеченіе, въ основѣ котораго лежала бы земельная собственность. Только на этомъ фундаментѣ могло бы быть заложено дворянство. И вотъ цѣлое столѣтіе, которое потребовалось, чтобы завершить циклъ этой общественной метаморфозы, наполнено страстной, хищнически-беззастѣнчивой погоней за наживой и землей, землей, землей. Трудно заподозрить въ этихъ рыцаряхъ кармана и кулака дѣдовъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, или безсмертнаго Аѳанасія Ивановича съ своей Пульхеріей Ивановной, или прадѣдовъ теперешняго малорусскаго пана и полупанка, у которыхъ предпріимчивость во всякомъ случаѣ не составляетъ слишкомъ замѣтной черты. Вся общественная энергія, вызванная возстаніемъ Хмельницкаго и сопровождавшими это возстаніе обстоятельствами, въ слѣдующемъ поколѣніи разошлась на пріобрѣтенія и захватъ.

Каждый выдвигавшійся изъ рядовой массы мнилъ себя „па-

[1]) Кіевская Старина, 1884, I: Записки ген. судьи А. С. Сулимы.

номъ" независимо отъ какихъ-либо юридическихъ опредѣленій, а панъ прежде всего долженъ былъ владѣть болѣе или менѣе крупной земельной собственностью. Къ этому приводили и воззрѣнія, унаслѣдованныя отъ старой исторіи, и данный экономическій строй съ его чисто патріархальнымъ характеромъ. При первоначальномъ, т.-е. имѣвшемъ мѣсто послѣ переворота, обиліи свободныхъ земель, доступныхъ каждому, кто бы могъ и хотѣлъ ихъ эксплуатировать, казалось, ничего не стоило —особенно при извѣстномъ положеніи у власти—сдѣлаться владѣльцемъ какого угодно земельнаго района. Но на дѣлѣ было не такъ. Наоборотъ, самая эта свобода клала на первое время почти непреодолимыя преграды къ скопленію въ однѣхъ рукахъ крупной земельной собственности. Откуда было ей образоваться? Выше было указано на то, что первоначальная вольная заимка ограничивалась фактическимъ, трудовымъ захватомъ; каждый могъ занять лишь столько земли, сколько могъ обработать силами своей семьи, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ, расширенной небольшимъ числомъ подсусѣдковъ или сябровъ. Чужой рабочей силы, въ видѣ ли наемнаго или иного зависимаго труда, взять было негдѣ, и слѣдовательно къ нему нельзя было прибѣгнуть для фактическаго захвата. Такимъ образомъ и знатный урядникъ, первое время послѣ переворота, долженъ былъ довольствоваться, наряду съ простымъ козакомъ или посполитымъ, тѣмъ немногимъ, что онъ могъ занять изъ общаго запаса, плюсъ ранговыя маетности, количество которыхъ сначала было очень скромно: по статьямъ Богдана Хмельницкаго, полагалось на полковника и нѣкоторыхъ лицъ войсковой генеральной старшины лишь по мельницѣ. Позже ранговыя маетности стали составляться изъ населенной земли. Но ранговыя маетности уже по тому, что онѣ связаны были съ урядомъ, а не съ лицомъ, тѣмъ менѣе родомъ, не могли лечь въ фундаментъ земельнаго богатства: по крайней мѣрѣ, таково было общее правило, допускавшее, впрочемъ, огромное число исключеній. Затѣмъ единственный путь для пріобрѣтенія земельной собственности, оправдываемый и закономъ, и общепринятой обычной нравственностью, была покупка земли, уже перешедшей въ частную собственность. Но хотя земля была и обильна, и дешева, деньги были и рѣдки, и дороги. Конечно, отъ эпохи смутъ, всегда богатой всякими случайностями, могли сберечься въ нѣкоторыхъ рукахъ значительныя цѣнности, которыя, можетъ быть, и дали въ иныхъ случаяхъ возможность выдвинуться въ привилегированное положеніе той или другой семьѣ. Но случайность есть случайность, а деньги нужны были каждому честолюбивому

человѣку, чтобы выдвинуться и удержаться на выдающемся положеніи, чтобы окружить себя панскою обстановкой, чтобы сглаживать себѣ пути впередъ подарками, а главное, чтобы скупать землю. Каждому лицу войскового уряда перепадало кое-что со стороны низшихъ и подчиненныхъ отъ приношеній, такъ-называемыхъ „на ралецъ"—одно изъ видоизмѣненій довольно извѣстныхъ и по великорусской старинѣ праздничныхъ поздравленій. Если Кочубей, на допросахъ въ Витебскѣ, показывалъ правду, что „случалось, и нерѣдко, что кто талеромъ другимъ поклонится, то я не бралъ, а отдавалъ назадъ"—онъ составлялъ для своего времени рѣдкое исключеніе. Полковники и сотники получали также доходы отъ суда.

Но если кто хотѣлъ себѣ наживать состояніе помимо широкаго и торнаго пути злоупотребленій властью и положеніемъ, то единственнымъ средствомъ было обратиться къ дѣятельности торговой или промышленной. И удивительное дѣло: то самое малорусское привилегированное сословіе, которое видѣло въ польскомъ шляхетствѣ идеалъ и стремилось его осуществить въ формахъ быта, какъ общественнаго, такъ и частнаго, на этомъ пунктѣ рѣшительно отказывалось отъ шляхетскихъ традицій. Вмѣсто польско-шляхетскаго презрѣнія къ торговлѣ, мы видимъ страстную погоню за торговой наживой. Правда, для большихъ успѣховъ въ этой области существовали естественныя ограниченія, лежащія въ самыхъ условіяхъ тогдашняго производства, связаннаго узами патріархальнаго земледѣльческаго хозяйства,—къ тому же хозяйства вначалѣ крайне стѣсненнаго недостаткомъ рабочей силы. Но малорусское дворянство en herbe раскидывало какъ могло свои торговыя и промышленныя операціи, въ фундаментѣ которыхъ лежало вначалѣ лишь то небольшое количество обязательнаго труда, которое было связано съ ранговыми маетностями. Хлѣбъ, почти единственный продуктъ южной полосы края, не имѣлъ сбыта, ни внутренняго,—такъ какъ населеніе, вообще говоря, не нуждалось въ покупномъ хлѣбѣ,—ни внѣшняго: хлѣбъ, по своей дешевизнѣ и по затруднительности транспорта, не выносилъ сколько-нибудь отдаленной перевозки. Чтобы обратить хлѣбъ въ деньги, необходимо было его переработать. И вотъ, первою страстною заботой каждаго пана стало всѣми правдами и неправдами завладѣть возможно бо́льшимъ числомъ мельницъ и мѣстъ, для нихъ удобныхъ, а затѣмъ и понастроить винокуренъ съ возможно бо́льшимъ количествомъ казановъ, т.-е. винокуренныхъ котловъ. Свобода винокуренія, предоставленная московскимъ правительствомъ украинскому народу, была такою важной при-

вилегіей, что, конечно, та болѣе обезпеченная часть населенія, которая могла извлекать изъ этой привилегіи непосредственныя выгоды, дорожила ею не менѣе, чѣмъ всѣми своими политическими правами и преимуществами. Водка распродавалась и на мѣстѣ по шинкамъ, выдерживала и отдаленную перевозку; паны даже брали ее для распродажи съ собой въ походы, и куда бы случайности войны ни загоняли нашихъ воиновъ—всюду находилъ себѣ рынокъ этотъ ходкій товаръ. Вторымъ предметомъ торговыхъ оборотовъ былъ скотъ, главнымъ образомъ волы, которые такъ отлично выпасались „вольны, нехранимы“ на безграничномъ свободномъ степу. Скотъ гоняли въ Москву, Петербургъ, гоняли и за границу: главными заграничными мѣстами сбыта были Гданскъ и Шленскъ (Данцигъ и Силезія). Иной хозяйственный складъ представляла сѣверная полоса края собственно такъ-называемый стародубскій полкъ. Здѣсь имѣло мѣсто разведеніе промышленныхъ растеній, главнымъ образомъ конопли; болѣе скудная почва, песчаная и болотистая, покрытая лѣсами, давала побужденіе искать въ землѣ иныхъ источниковъ дохода. Предпріимчивость обратилась на устройство руденъ (заводы для добыванія и обработки желѣзной руды), будъ (поташныхъ) и гуть (стеклянныхъ заводовъ); бортное пчеловодство, исконный мѣстный промыселъ, также обратило на себя вниманіе пановъ, которые стали захватывать въ свои руки борти. Уряды стародубскаго полка, въ особенности, конечно, стародубское полковничество, стали считаться завиднѣйшими изъ урядовъ. Пунктами сбыта, въ особенности для пеньки, служили Рига и Кенигсбергъ. Наконецъ, для всего края издавна были проторены торговые пути на югъ, въ Крымъ, куда также находили свой сбытъ различные продукты и откуда вывозилась главнымъ образомъ соль.

Бѣглыми и сухими чертами отмѣтили мы направленіе хозяйственной дѣятельности будущаго малорусскаго панства. Но если заглянуть въ дневники, письма и т. п. документы этой эпохи, почувствуешь напряженіе жизненнаго пульса, бьющаго въ этихъ отмѣткахъ, записяхъ, извѣстіяхъ о цѣнахъ на пеньку въ Ригѣ, о волахъ, проданныхъ по такой-то цѣнѣ въ Гданскѣ, о куфахъ водки, отправленныхъ въ Сулакъ. Нужны были крайне деньги, и онѣ стекались потихонечку да помаленечку, и собирались не въ дворянскіе „атласные дырявые карманы“, а въ крѣпкія кишени, которыя не такъ-то легко выпускали то, что̀ разъ попало въ нихъ, развѣ что на подарки и угощеніе сильнымъ міра сего и на покупку земли.

Земля была дешева, какъ мы только-что сказали: объ этомъ

свидѣтельствуетъ масса сохранившихся актовъ земельной купли-продажи. Но, тѣмъ не менѣе, на пути къ составленію крупныхъ земельныхъ владѣній часто лежали большія препятствія. Чтобы составить настоящее владѣніе, цѣнное въ хозяйственномъ отношеніи, надо было, конечно, не просто зря покупать землю, а скупать или прикупать ее, расширяя и закругляя первоначальное, обыкновенно очень незначительное, хозяйственное ядро. Будущіе малорусскіе дворяне, вѣроятно, больше чѣмъ понимали—чувствовали, что именно здѣсь, въ этомъ расширеніи и округленіи земельныхъ владѣній, ключъ къ росту и значенію не только личному, но и групповому, сословному. На этомъ пунктѣ они чуть не отрѣшались отъ своей національной несчастной черты—постояннаго тяготѣнія къ разрозненности и раздробленію, чуть не выростали до полнаго пониманія солидарности своихъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, есть указанія на то, что паны не только старались не вторгаться перекуплями въ районы взаимныхъ владѣній, но и помогали другъ другу въ округленіи владѣній. Выработалось даже нѣчто въ родѣ обычно-правовой нормы, въ силу которой никто въ районѣ владѣній извѣстнаго пана не смѣлъ продавать земли никому помимо этого пана. Въ свою очередь, гетманы, плоть отъ плоти и кость отъ костей того же панства, вполнѣ сочувствовавшіе его интересамъ, дѣйствовали въ его пользу по мѣрѣ силъ и возможности: не боялся отказа панъ, обращающійся къ гетману съ просьбою разрѣшить занять всякое удобное и свободное мѣстечко, могущее служить къ округленію панскаго владѣнія.

Но ни панское взаимное содѣйствіе, ни гетманская власть не могли устранить иныхъ препятствій. Центральное правительство относилось очень неблагосклонно къ скуплѣ земель, какъ свободныхъ посполитскихъ, пока были еще свободные посполитые, такъ и козачьихъ. И не могло быть иначе: государственный интересъ требовалъ, чтобы земля не выходила изъ тягла и службы. Такой слабый гетманъ, какъ Скоропадскій, надъ которымъ постоянно тяготѣла рука Петра, самъ издавалъ универсалы съ цѣлью прекратить скуплю; но другіе гетманы, какъ напр. Полуботокъ и Апостолъ, были за-одно съ панами и, наоборотъ, дѣйствовали такъ, чтобы парализовать правительственныя мѣры противъ скупли. Такимъ образомъ, изъ Петербурга шелъ указъ за указомъ, запрещающій скуплю, а скупля шла себѣ да шла своимъ порядкомъ. Бывало и такъ, что ослушниковъ, какимъ-нибудь образомъ подвернувшихся подъ правительственную руку, предавали суду; подобное случилось съ нѣжинской старшиной въ 1741 г., хотя она

все-таки была прощена, только земля была отобрана безъ вознагражденія. Но тѣмъ не менѣе паны покупали, разумѣется, не безъ нѣкотораго трепета: нельзя имъ было рости безъ этого. „Пожалуйте, мцѣ добродѣю, о скупляхъ постарайтеся, гдѣ надлежить, чтобъ были сохранены, понеже не едного мене тое долягаеть, но почитать безъ виключенія всѣхъ",—такъ пишетъ одинъ панъ другому, пребывающему по дѣламъ въ Москвѣ [1]). Гетманъ Разумовскій, обреченный и внутренними своими свойствами, и внѣшнимъ положеніемъ на то, чтобъ сидѣть между двухъ стульевъ, придумалъ такой компромиссъ: запретилъ скупать козачьи грунты цѣликомъ—свободныхъ посполитыхъ къ этому времени панство уже поглотило,—но разрѣшилъ покупать ихъ „малою частью". Конечно, положеніе дѣлъ едва ли бы мѣнялось такимъ распоряженіемъ, еслибъ даже оно и исполнялось. А могло ли оно исполняться при такомъ, напр., отношеніи власти къ своимъ распоряженіямъ. Одинъ изъ панскаго легіона, нѣкій Ханенко, проситъ у Разумовскаго утвердить скупли его отца. Разумовскій въ своемъ универсалѣ заявляетъ, что это скупли незаконныя, которыя слѣдовало бы отобрать, но тѣмъ не менѣе, „респектуя на службы" и иныя заслуги просителя, оставляетъ за нимъ эти противозаконныя скупли въ вѣчное владѣніе [2]). Въ концѣ концовъ, паны остались, какъ и слѣдовало ожидать, при своихъ скупляхъ.

Но съ петербургскими указами легче было справиться, чѣмъ съ какимъ-нибудь упрямымъ козакомъ, который врѣзался съ своимъ участкомъ въ средину панскаго владѣнія или сидѣлъ по несомнѣннѣйшимъ документамъ на части мельницы, скупленной паномъ, и т. п. Малоруссъ упрямъ по природѣ; къ тому же, какъ исконный земледѣлецъ, онъ привязанъ къ своему клочку и естественно наклоненъ относиться къ нему не такъ, какъ къ простому предмету купли-продажи. Какъ ни велика была власть урядника, напр. полковника или сотника, совмѣщавшихъ въ своемъ лицѣ и военачальниковъ, и администраторовъ, и судей, надъ простымъ рядовымъ козачествомъ, но и ея часто не хватало, чтобъ склонить какого-нибудь маленькаго владѣльца на добровольную сдѣлку. И видѣлъ себя вынужденнымъ панъ урядникъ сломить рога строптивому.

Вотъ мы подходимъ вплотную къ той темной сторонѣ предмета, которой не можетъ обойти добросовѣстный историкъ, какихъ бы общественныхъ взглядовъ и симпатій онъ ни держался. Вмѣстѣ

---

[1]) Архивъ Сулимъ, № 152.

[2]) Обозрѣніе Румянцовской описи, изд. Черниг. Губ. Стат. Комитета, стр. 761—2.

съ г. Лазаревскимъ, который посвятилъ десятки лѣтъ добросовѣстнаго труда детальному выясненію фактической стороны происхожденія большей части малорусскихъ крупныхъ дворянскихъ родовъ, мы должны признать, что малорусское панство выросло на всяческихъ злоупотребленіяхъ своею властью и положеніемъ. Насиліе, захватъ, обманъ, вымогательство, взяточничество—вотъ содержаніе того волшебнаго котла, въ которомъ перекипала болѣе удачливая часть козачества, превращаясь въ благородное дворянство. Съ своей стороны мы прибавимъ: у него не было другого пути. Конечно, можно бы спросить: было ли тамъ неизбѣжно необходимо—съ исторической ли, общественной, нравственной или иной какой точки зрѣнія—войсковому уряду превращаться въ дворянство? Но чтобъ избѣжать риску заблудиться безповоротно въ дебряхъ подобныхъ вопросовъ, лучше избѣжать соблазна ихъ ставить.

Непривлекательный видъ кулака и міроѣда являетъ собою панъ, когда онъ, какъ напр. отецъ Даніила Апостола, въ дорогой годъ даетъ деньги нуждающимся, которые берутъ ихъ, „чтобъ дѣтокъ своихъ голодною смертію не поморити", и затѣмъ отбираетъ землю за эти деньги [1]); или, какъ Тернавскій, Лизогубъ отнимаетъ землю за долгъ, напитый въ гостепріимномъ панскомъ шинкѣ [2]); или какъ Гамалѣя—„привозитъ въ село горѣлки и всякаго ядствія", сбираетъ народъ, въ томъ числѣ „старинныхъ людей", всѣхъ чествуетъ и „подъ веселую мысль" проситъ, чтобъ уступили ему „общевольную дубраву" [3]); такимъ образомъ, Гамалѣя пріобрѣтаетъ землю даромъ, въ то время какъ полковникъ Свѣчка, „не хотячи себѣ ничего дарма взяти у поссессію свою", на самомъ же дѣлѣ, чтобъ попрочнѣе закрѣпить пріобрѣтеніе, покупаетъ у громады за двѣсти талеровъ десятки верстъ побережья Сухой Оржицы [4]), и т. д., и т. д. Конечно, все это были дѣйствія, съ одной стороны, не предусматриваемыя уголовными законами, съ другой—не только не порицаемыя, но можетъ быть и одобряемыя общественнымъ мнѣніемъ своей группы, единственнымъ, которымъ человѣкъ обыкновенно дорожитъ серьезно. Но паны видѣли себя вынужденными далеко переходить за барьеръ этого — относительно дозволеннаго—на ту территорію, которую всегда болѣе или менѣе строго отгораживалъ правовой смыслъ всякаго человѣческаго общества. Можно думать, что и здѣсь паны нахо-

[1]) Лазаревскій, Очерки малорусск. фамилій, Русск. Архивъ, 1875, кн. 1-я.
[2]) Обозрѣніе Румянцовской описи, стр. 77.
[3]) Русск. Архивъ, 1875, кн. 4.
[4]) Кіевск. Стар., 1882, кн. 8.

дили себѣ поддержку въ атмосферѣ того же снисходительнаго общественнаго мнѣнія; иначе трудно объяснить себѣ ту массовую беззастѣнчивость, съ какой дѣйствовали люди, не сплошь же лишенные нравственныхъ инстинктовъ разумѣнія добра и зла.

Панъ жаждетъ пріобрѣсти кусокъ земли, принадлежащій козаку или посполитому: тотъ рѣшительно не хочетъ отъ него отступиться. Панъ пробуетъ ласку, просьбу, угрозу, взываетъ къ своей власти: „знать ты противишься власти нашей!“ Ничто не помогаетъ. Остается одно: залучить какъ-нибудь непокорнаго, написать купчую, насильно поставить рукою продавца крестъ, а деньги, по своей оцѣнкѣ, вкинуть за пазуху—и сдѣлка готова. Акты свидѣтельствуютъ, что паны нерѣдко такимъ способомъ совершали земельныя купли-продажи. Или, напр., раздаетъ Лизогубъ нуждающимся деньги взаймы, какъ это обыкновенно дѣлали паны, и даетъ, между прочимъ, козаку Шкуренку 50 золотыхъ (10 рублей). „Дай мнѣ въ арештъ грунта свои, а я буду ждать долга, пока спроможешься съ деньгами“. „Я и отдалъ“, разсказываетъ козакъ, „свой грунтикъ, но не во владѣніе, а въ застановку (въ закладъ). А какъ пришелъ срокъ уплаты, сталъ я просить Лизогуба подождать, пока продамъ свой скотъ, который нарочно выготовилъ для продажи. А Лизогубъ задержалъ меня въ своемъ дворѣ и держалъ двѣ недѣли, требуя отдачи долга. Со слезами просилъ я отпустить меня домой, такъ какъ жена моя лежала на смертной постели. Но Лизогубъ тогда же вмѣстѣ со своимъ господаремъ (управляющимъ) оцѣнилъ мой грунтикъ и насильно послалъ меня къ конотопскому попу, говоря: „иди къ попу, и какъ попъ будетъ писать—будь при томъ“. Попъ написалъ купчую, но безъ свидѣтелей съ моей стороны и безъ объявленія въ ратушѣ. Такъ панъ Лизогубъ и завладѣлъ моимъ грунтомъ, хотя я и деньги ему потомъ носилъ“ [1]).

И попробуй затѣмъ продавецъ доказать неправильность сдѣлки. Всякая власть, къ которой онъ долженъ обратиться, есть панъ; всякій панъ знаетъ хорошо пословицу: „рука руку моетъ“, прекрасно понимаетъ всю закулисную сторону дѣла и глубоко сочувствуетъ положенію своего собрата, вынужденнаго прибѣгать къ такому непріятному и хлопотливому способу устроивать сдѣлки. Разумѣется, отъ такой насильственной покупки уже полъ-шага до прямого, ничѣмъ не прикрытаго, насилія. Еще въ XVII вѣкѣ, когда значеніе массы было несравненно больше, чѣмъ въ XVIII в., когда полковники даже подлежали суду своихъ полчанъ, и тогда

---

[1]) Кіевск. Стар., 1882, I.

имъ случалось „силомоцю посѣдати людскіе грунта". А ужъ позже, когда они стали назначаться гетманами или русскимъ правительствомъ, являясь въ своемъ полку иногда настоящими бичами божіими, какъ напр. Милорадовичъ, насиліе стало практиковаться въ очень беззастѣнчивыхъ и очень широкихъ размѣрахъ. „Гдѣ было какое годное къ пользѣ людской мѣсто, все онъ (полк. Горленко, любимецъ Мазепы) своими хуторами позанималъ; а дѣлалъ это такъ, что одному заплатитъ, а сотни людей должны неволею свое имущество оставлять. Куда ни глянешь, все его хутора, и все будто купленные, а купчія беретъ, хотя и не радъ продавать" [1]).

Рядомъ съ захватомъ—на законномъ и на незаконномъ основаніи—имущества частныхъ лицъ, шло усиленное расхищеніе общественнаго достоянія. Мы уже не говоримъ о заимкахъ свободныхъ земель; заимки эти, вначалѣ стѣсненныя господствовавшимъ въ первое время народнымъ правовымъ смысломъ, не позволявшимъ захватывать землю иначе какъ фактическимъ, трудовымъ захватомъ, затѣмъ, съ устраненіемъ народа на задній планъ, стали практиковаться въ такихъ размѣрахъ, что уже въ половинѣ XVIII-го столѣтія почти не оставалось свободныхъ земель, земли не заселялись, а просто разбивались панами въ чаяніи будущихъ благъ. Земельный народный фондъ, единственное обезпеченіе будущихъ поколѣній, исчезъ безслѣдно. Но захватъ земель, свободныхъ и пустыхъ, все-таки не такъ оскорблялъ правовое чувство, какъ расхищеніе ранговыхъ маетностей.

Ранговыя маетности—тѣ населенныя земли, доходъ съ которыхъ, главнымъ образомъ, въ видѣ обязательнаго труда населенія, шелъ вмѣсто жалованья войсковымъ чинамъ. Земля оставалась собственностью населенія. Но паны принялись за аттаку ранговыхъ маетностей съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, они старались лишить и въ концѣ концовъ, конечно, лишили посполитыхъ правъ собственности на эту землю; съ другой, каждый панъ стремился обратить ранговую маетность, т.-е. собственность войсковую, въ свою личную, наслѣдственную, и если только пользовался расположеніемъ сильныхъ міра сего, т.-е. имѣлъ связи при дворѣ, знакомство съ вельможами или былъ просто-на-просто хорошъ съ гетманомъ или великорусскими правителями Малороссіи, то всегда и успѣвалъ. Такимъ образомъ и ранговыя маетности шли, а въ концѣ-концовъ и ушли, вслѣдъ за свободными землями, на расширеніе и округленіе панскаго владѣнія.

---

[1]) Русскій Арх. 1875, кн. 9.

Но пріобрѣсти такъ или иначе землю—это было еще полдѣла: надо было ее закрѣпить за собой. Всякое пріобрѣтеніе само по себѣ было крайне шатко. Ранговую маетность, даже перешедшую по наслѣдству, всегда могъ оттягать другой войсковой чинъ, ссылаясь на ея общественный характеръ; занятую свободную землю, хотя бы занятую и съ законнаго разрѣшенія, могъ оттягать и сосѣдъ, которому она была также нужна, и громада, изъ земельнаго фонда которой она была извлечена; даже купля съ несомнѣннѣйшими документами—и та сама по себѣ не гарантировала вполнѣ прочности владѣнія, если только она встрѣчалась съ интересами лица болѣе сильнаго. Если кто-нибудь, ведя тяжбу, убѣждался, что его сторона не возьметъ верхъ, то онъ уступалъ свои права вліятельному лицу, и такимъ образомъ донималъ противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, потому что чашка его правъ тотчасъ же начинала перевѣшивать [1]). Все было шатко, непрочно, все зависѣло отъ случайности и произвола, отъ того, кто раньше подсунетъ нужному лицу пріятный подарокъ, съумѣетъ лучше угостить это нужное лицо, успѣетъ съ нимъ покумиться и т. п. Никакой панъ, сидя на благопріобрѣтенныхъ маетностяхъ, не могъ быть увѣренъ, что такая или иная перемѣна въ Петербургѣ, смѣна гетмана или правителя, не лишитъ его если не всего, то хоть части его пріобрѣтеній, совсѣмъ даже помимо какихъ-либо политическихъ или иныхъ его провинностей, просто потому, что его благопріобрѣтеніе приглянется другому, болѣе сильному или ловкому. Единственной гарантіей прочности, и то далеко не полной, хотя все-таки практически удовлетворительной, была царская грамота на владѣніе, въ меньшей мѣрѣ гетманскій универсалъ. Конечно, выхлопотать царскую грамоту было нелегко: много было надо на это времени, хлопотъ въ Петербургѣ, а главное поклоновъ и подарковъ. Но зато самое сомнительное право, граничащее съ беззастѣнчивѣйшимъ самоуправствомъ, могло укрываться и дѣйствительно укрывалось за царской грамотой, какъ за каменной стѣной. Оттого добиться царской грамоты было мечтой каждаго пана; заграмотныя или просто „грамотныя“ маетности цѣнились чрезвычайно.

---

[1]) Архивъ Сулимъ, № 155.

V.

Мы говорили исключительно о землѣ. Но права на землю такъ тѣсно переплетались съ правами на обязательный трудъ населенія, сидящаго на этой землѣ, что трудно и разграничить эти два предмета—или скорѣе двѣ стороны одного и того же предмета.

Исходный пунктъ положенія, послѣ Хмельницкаго, указанъ нами выше: вся земля была совершенно свободна; свободенъ былъ и человѣкъ, которому предстояло занять эту землю. Прошло столѣтіе. Что сталось съ землей—видно и изъ предъидущей главы; а свободный земледѣлецъ, которому переворотъ открывалъ, казалось, такую лучезарную перспективу?

Болѣе сильная экономически часть свободныхъ земледѣльцевъ успѣла, подъ именемъ козаковъ, сохранить свою свободу; но зато болѣе слабая часть, такъ-называемые посполитые, очутились въ полной зависимости отъ пановъ. Любопытно, что весь этотъ процессъ совершился чисто фактическимъ, а не юридическимъ путемъ, безъ всякаго вмѣшательства, по крайней мѣрѣ, непосредственнаго вмѣшательства государственной власти. Указъ 3 мая 1783 г., съ котораго считаютъ крѣпостное право въ Малороссіи, лишь далъ санкцію, а вмѣстѣ съ нею, конечно, и устойчивость, существующему положенію,—не больше.

Если войсковой урядъ для превращенія въ дворянство не могъ обойтись безъ земли, то онъ не могъ, конечно, обойтись и безъ обязательнаго труда. Съ одной стороны, по понятіямъ времени, пользованіе обязательнымъ трудомъ входило необходимой составной частью въ понятіе дворянской привилегированности; съ другой, и въ силу экономическихъ условій, невозможно было крупному землевладѣльцу вести хозяйство безъ обязательнаго труда. Предложеніе свободныхъ рабочихъ рукъ было слишкомъ ничтожно, и мало-мальски усиленный спросъ поднялъ бы тотчасъ же цѣны до полной невозможности продолжать дѣло. Но какимъ образомъ могъ войсковой урядъ закрѣпить за собой свободное населеніе, еще такъ недавно освободившееся „отъ ига лядскихъ пановъ", по тогдашнему выраженію, еще полное сознанія совершоннаго имъ дѣла и пріобрѣтенной свободы? Никакихъ правовыхъ средствъ для этого у него въ рукахъ не было. На русское правительство нечего было въ данномъ случаѣ разсчитывать: какъ союзъ Малороссіи съ Россіей возникъ въ силу тяготѣній къ нему массы, такъ и дальнѣйшая политика русскаго правительства, вплоть до

второй половины XVIII-го столѣтія, имѣла демократическій характеръ, не допускавшій никакой рѣшительной мѣры, направленной въ интересахъ привилегированнаго сословія противъ непривилегированнаго.

И однакожъ панскій интересъ, поддерживаемый взаимной солидарностью и относительной организованностью панства, какъ правящей группы,—поддерживаемый, конечно, также независимо отъ какой-либо политической тенденціи самымъ строемъ русскаго государства,—былъ настолько сильнѣе народной слѣпоты и разрозненности, что свершилось то, чего довольно трудно было ожидать: народъ, только-что освободившійся изъ-подъ ига лядскихъ пановъ, самъ подставилъ шею подъ иго своихъ пановъ, которые часто были, по его же собственному сознанію, „хуже лядскихъ".

Конечно, выраженіе: „народъ самъ подставилъ шею", не совсѣмъ точно: точнѣе сказать, онъ по своей пассивности не замѣтилъ, какъ панство понемножку втянуло его въ ярмо. Шло дѣло къ этому своему окончательному результату двумя совсѣмъ различными путями, тѣми же, впрочемъ, по существу, несмотря на различіе формы, какими шелъ аналогичный процессъ и въ Великой Россіи, съ тою разницей, что онъ здѣсь растянулся на нѣсколько столѣтій, а въ Малой весь закончился меньше чѣмъ въ одно столѣтіе. Эти два различные пути были такіе. Съ одной стороны, панство лишало свободныхъ земледѣльцевъ ихъ земли и свободы; съ другой, садило свободныхъ, но безземельныхъ людей, по договору, на свои пустыя земли, а затѣмъ прикрѣпляло ихъ къ этой землѣ.

Въ основаніе процесса легли, какъ это и можно было ожидать, ранговыя маетности.

При Богданѣ Хмельницкомъ войсковой урядъ не смѣлъ ничего себѣ назначить въ вознагражденіе за свой трудъ управленія, кромѣ мельницъ. Но уже скоро послѣ Хмельницкаго стали раздаваться на уряды населенныя земли. Впрочемъ, раздача эта не заключала въ себѣ ничего иного, кромѣ права на обязательный трудъ населенія, сидящаго на этой землѣ, и то права крайне ограниченнаго: напримѣръ, на подданныхъ лежало гаченье плотинъ, уборка сѣна и доставка дровъ на панскій дворъ [1])—и только. Вообще, надо думать, что размѣры этихъ повинностей приспособлялись къ тому, что̀ платило или отбывало остальное свободное населеніе въ пользу войсковаго скарба. Тотъ фактъ,

[1]) Лазаревскій, Посполитые крестьяне, 30.

что населеніе этихъ земель отбывало свои повинности не въ пользу войскового скарба, а въ пользу пана полковника или пана есаула, не должно было ничѣмъ отражаться на личной свободѣ земледѣльца, ни на его правахъ на землю, которая была его полной собственностью. Но первый комъ снѣга былъ пущенъ по наклонной плоскости и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій выросъ въ снѣжную гору, задавившую всѣ посполитскія вольности. Тоненькая ниточка зависимости, первоначально связавшая пана съ посполитымъ, обратилась въ мертвую петлю. Чрезвычайная быстрота, съ какой пошелъ процессъ, объясняется, кромѣ связи съ русскимъ государственнымъ организмомъ, уже имѣвшимъ развитое крѣпостное право, и тѣмъ фактомъ, что лица, успѣвшія захватить въ свои руки ниточку, къ которой привязана была свобода—личная и имущественная—населенія, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, администраторами, судьями—однимъ словомъ, полновластными правителями того же самаго населенія. Между какимъ-нибудь московскимъ испомѣщеннымъ боярскимъ сыномъ и населеніемъ, на тягло и службы котораго онъ получалъ право, какъ-ни-какъ, а все-таки стояло государство и его агенты; между посполитымъ и паномъ полковникомъ или сотникомъ не было никого. Пришло и тутъ и тамъ къ одному, но пришло тамъ въ сотни лѣтъ, тутъ—въ какіе-нибудь десятки.

Даже не зная фактовъ, легко представить себѣ, какъ шло дѣло. Количество обязательнаго труда въ пользу пана все увеличивалось, стремясь, при отсутствіи противодѣйствія, къ своему естественному предѣлу, какой кладется минимальнымъ уровнемъ потребностей и привычекъ населенія, ниже котораго оно уже не сможетъ или не захочетъ опуститься. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ростетъ и личная зависимость подданнаго отъ пана, какъ прямой и необходимый результатъ двойной зависимости отъ него, какъ господина и правителя. Къ землѣ подданный привязанъ и безъ того: вѣдь она его собственность. Но какое значеніе могъ имѣть этотъ фактъ, когда собственникомъ земли былъ человѣкъ, лишенный перваго изъ личныхъ правъ—права распоряжаться своимъ трудомъ? Мало-по-малу паны начали толковать универсалы и грамоты на ранговыя или жалуемыя маетности не въ первоначальномъ смыслѣ права на распоряженіе извѣстнымъ количествомъ труда населенія, сидящаго на этихъ земляхъ, а въ смыслѣ полнаго права собственности и на самую землю. Встрѣчныя права посполитыхъ, иногда также утверждаемыя законными документами, хотя въ большинствѣ случаевъ, конечно, лишенныя юридическихъ закрѣпленій, теряли передъ этими универсалами и грамотами всякое значеніе.

Такимъ образомъ, быстро, но все-таки съ извѣстной постепенностью, безъ рѣзкихъ насилій, безъ всякихъ рѣшительныхъ мѣропріятій со стороны законодательной власти, свободные земледѣльцы превратились въ зависимыхъ. При этомъ, разумѣется, не обошлось и безъ массы прямыхъ значительныхъ злоупотребленій. Напр., выпрашиваетъ войсковой канцеляристъ Романовичъ у гетмана Скоропадскаго за свою „службу" при описи раскольничьихъ слободъ право на то, чтобъ крестьяне села Случка обработывали принадлежащую ему въ этомъ селѣ „чвертку" земли. Изъ этого маленькаго факта черезъ три только года выростаетъ такое положеніе: „село старинное ратушное Случокъ объялъ въ подданство панъ Романовичъ и тимъ бѣднымъ людемъ не даетъ отпочинку; по цѣлой недѣлѣ загнанніе въ Погаръ (за три милѣ) матери его отправують великія работизны безъ перемѣны; а другіе тутъ на мѣстцѣ не зиходять въ пригону, будують, брусся возять, пашуть, на сторожу по два человѣка ходять на отмѣну, а когда ѣдетъ до города, то беретъ у людей коней у подводы, изъ каждого двора по возу беретъ сѣна, посопъ (отсыпъ) хлѣбный и поборъ приказалъ себѣ готовити" [1]... Или позволяетъ полковникъ сотнику взять изъ крестьянъ села четырехъ человѣкъ „для домовой прислуги": этого оказывается достаточнымъ, чтобы сначала оказалось въ подчиненіи сотника все крестьянское населеніе села, а затѣмъ и все село въ полномъ его составѣ переходитъ во власть сотника [2]). Однимъ словомъ, постоянно разыгрывается въ лицахъ сказка о волкѣ, который позволилъ положить лисицѣ одну лапу въ свою хату; какъ разъ то, что выражаетъ собою малорусская пословица: „дай панові пучку (палецъ), а вінъ и за ручку". Но, собственно, рѣзкія насилія и выдающіяся злоупотребленія не составляютъ характерной черты этого процесса: весь онъ, несмотря на быстроту, закончился относительно спокойно, почти безъ сопротивленія и протестовъ со стороны посполитыхъ. Зато панамъ выпало-таки порядкомъ хлопотъ при обращеніи козаковъ въ подданные.

Во II главѣ мы сказали, что послѣ Хмельницкаго первое время не было разницы между козакомъ и посполитымъ, кромѣ чисто фактической: кто хотѣлъ и могъ быть козакомъ—вписывался въ козацкіе компуты и отправлялъ военную службу; кто не хотѣлъ или не могъ—оставался посполитымъ. Это чисто фактическое различіе къ началу XVIII-го стол. обратилось уже въ юридическое: образовались двѣ сословныя группы, хотя все еще равныя по

[1]) Лазаревскій, Стародубскій полкъ, 164.

[2]) Тамъ же, 164.

своимъ личнымъ и имущественнымъ правамъ. Переходы были еще возможны, но уже до нѣкоторой степени затруднены юридической стороной положенія. Параллельно шедшій процессъ надавливанія панства на посполитыхъ съ каждымъ шагомъ своимъ все углублялъ и углублялъ борозду, разграничивавшую эти двѣ сословныя группы. Крайне жаль, что нѣтъ никакой возможности точно опредѣлить относительныя цифры козачества и посполъства къ началу XVIII-го вѣка. Какъ бы то ни было, панамъ очевидно не хватало посполитыхъ —иначе они не гнались бы такъ за хлопотливымъ дѣломъ обращенія въ подданные козаковъ. Хлопотливость обусловливалась тѣмъ, что за козаковъ были законы, „Литовскій Статутъ", какъ они ни были неопредѣленны и шатки, былъ обычай, наконецъ было даже и русское правительство; свобода же посполитыхъ, существовавшая вначалѣ какъ фактъ, не была гарантирована буквой закона, ни традиціей, ни центральной властью, какъ она ни стремилась быть демократичной: посполитый есть мужикъ, а что такое мужикъ—Петербургъ это зналъ. Противъ свободы посполитыхъ, какъ голаго факта, выступилъ другой фактъ—потребность привилегированнаго сословія въ обязательномъ трудѣ, и болѣе сильное взяло верхъ. Свобода козаковъ была особь-статья, и если панство рѣшилось воевать и съ нею, то, значитъ, ему дѣйствительно было слишкомъ мало посполитыхъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что тутъ все переплетается съ вопросомъ о землѣ, и трудно сказать, былъ ли въ томъ или другомъ случаѣ нуженъ пану самъ козакъ или его земля.

Хаотическое состояніе общества, невыясненность и неопредѣленность всѣхъ общественныхъ отношеній давали постоянно предлоги и поводы панству „ухватывать за ручку" и козака. Больше всего мутило воду, чтобъ панамъ удобнѣе было ловить рыбу, тò, что движеніе земельной собственности между посполитыми—пока паны еще не закрѣпили ихъ окончательно—и козаками было свободно. А между тѣмъ отправленіе тѣхъ или иныхъ повинностей, козацкихъ или посполитскихъ, связано было болѣе съ землей, чѣмъ съ лицомъ. Какъ быть, если козакъ продавалъ или иначе какъ-нибудь отчуждалъ свой „козацкій грунтъ" посполитому? какъ быть, если козакъ оказывался владѣющимъ посполитскимъ грунтомъ? Однимъ словомъ, путаница выходила страшная, и паны имѣли полную возможность, какъ господа, судьи и администраторы, въ каждомъ данномъ случаѣ поворачивать дѣло такъ, какъ имъ было удобнѣе. Болѣе сильные изъ нихъ, напр. вліятельные полковники, имѣвшіе сильную руку у пана гетмана, а еще лучше прямо въ Петербургѣ, не нуждались въ мутной водѣ, а прямо

брали свое, гдѣ оно имъ полюбится. „Мы купили себѣ козацкіе плецы для житя и хотѣли козацкую службу служить, такъ якъ и отецъ нашъ, но понеже тое село было за разными панами полковниками Черниговскими въ подданствѣ и нельзя было такъ сильной власти противиться, ибо не токмо намъ невозможно было, але въ нѣкоторыхъ маетностяхъ и важилые старые козаки поднерены были въ подданство, а другіе въ боярскую службу, того ради мусѣли усиловне отбувать подданскую повинность" [1]),—такъ жалуются одни изъ массы козаковъ, обращаемыхъ въ подданство. Но такой львиный способъ дѣйствій, приличный гетману или сильному полковнику, былъ не по чину лицамъ низшаго войскового уряда. Имъ приводилось или придираться къ путаницѣ положенія, или самимъ его спутывать, а затѣмъ приводить дѣло къ концу или при помощи законной власти, или при помощи насилія, вплоть до настоящаго мучительства: приковыванія на арматѣ, привязыванія къ свелюку за руки или стремглавъ [2]) и т. п. Чаще всего дѣлалось такъ. Панъ прежде всего отбиралъ землю за просроченный долгъ, какъ это было показано въ предыдущей главѣ. Обезземеленнаго козака онъ принималъ къ себѣ подсосѣдкомъ, оставляя его жить на той же самой землѣ, которую онъ уже обратилъ въ свою собственность; а потомъ принуждалъ его отбывать повинности наравнѣ съ подданными, угрожая въ противномъ случаѣ выгнать со двора. Впрочемъ, способы были различны. Напримѣръ, былъ обычай, чтобъ лицамъ войскового уряда опредѣлять извѣстное число „куренчиковъ", т. е. козаковъ „до всякихъ въ покоямъ службъ и до посилокъ з письмами", нѣчто въ родѣ деньщиковъ: этихъ куренчиковъ, пользуясь ихъ зависимымъ положеніемъ, паны обращали въ подданныхъ и т. д. Способы различны, результатъ одинъ. Архивы лѣвобережной Украйны переполнены жалобами козаковъ на пановъ, обратившихъ ихъ изъ козацкой службы въ „послушенство": все это такъ-называемыя дѣла „объ ищущихъ козачества". Русское правительство довольно рано обратило вниманіе на эти дѣйствія войскового уряда, въ которыхъ видѣло злоупотребленія, вредящія государственнымъ интересамъ: вмѣстѣ съ запрещеніемъ скупли козачьихъ земель, запрещалось и обращеніе козаковъ въ подданство. Но судьба и тѣхъ и другихъ запрещеній была одна и та же.

Итакъ, свободные земледѣльцы — посполитые въ полномъ своемъ составѣ, козаки частью—составили первую категорію за-

[1]) Архивъ Сулимъ, № 178.

[2]) Кіевск. Стар. 1882, № 8. Лазаревскій, Очерки, и пр.: Милорадовичи.

висимаго населенія: но панство имѣло и еще способъ обезпечивать за собой обязательный трудъ населенія, подготовлять себѣ въ немъ будущихъ крѣпостныхъ. Этотъ способъ былъ: заселеніе пустыхъ земель, по договору, свободными людьми.

Какъ только положеніе вещей открыло къ тому возможность, панство начало усиленно пріобрѣтать пустыя земли. Имѣя въ распоряженіи такую землю, панъ обращался къ гетману за разрѣшеніемъ осадить на этой землѣ слободу, и обыкновенно не получалъ отказа. Въ XVII-мъ вѣкѣ разрѣшеніемъ опредѣлялось число людей, которое можно было посадить, напримѣръ человѣкъ десять. Но позже гетманы, въ огражденіе интересовъ какъ казны, такъ и остального панства, ставили лишь такое ограниченіе: чтобъ на новую слободу созывались люди „непенные лечъ съ заграницы захожіе“ (изъ-за Днѣпра, изъ Польской Украйны), или если это были люди мѣстные, то „жебы не были господари изъ жилищъ осѣдлыхъ на певныхъ селахъ маючихся для вольности слободской оттоль ухилялися, але жебы люди вольные, легкіе, жилища и притулиска своего слушного и жадного не маючіе“ [1]), а просто „волочачіеся“ люди. Конечно, каждый гетманъ, самъ панъ, первый между равными, отлично понималъ, какимъ сильнымъ средствомъ для роста панства были слободы съ одной стороны, но какъ онѣ могли, при отсутствіи юридическаго прикрѣпленія населенія къ землѣ, съ другой стороны, и вредить этому росту, еслибъ онѣ заселялись людьми, которые, въ виду возростающихъ стѣсненій, кидали свои старыя земли, хотя и собственныя, но ускользающія изъ рукъ, и уходили на новыя, хотя и панскія, но привлекательныя „своею слободскою вольностію“. Эта слободская вольность заключалась въ томъ, что панъ, призывая людей на свои земли, договаривался съ ними такъ: на первое время, обыкновенно на нѣсколько лѣтъ, они совсѣмъ освобождались отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, затѣмъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ должны были платить легкій чиншъ. Въ болѣе отдаленное будущее договаривающіяся стороны не заглядывали, по крайней мѣрѣ не заглядывали открыто, хотя про себя панъ, умудренный политическимъ опытомъ, могъ кое-что провидѣть, что ускользало отъ менѣе дальнозоркаго слобожанина. Но будущее и само не замедливало разворачивать свои перспективы. Чинши все росли; къ нимъ присоединялись и другія обязательства, и вольность слободская быстро обращалась въ тяжелую, сначала только

---

[1]) Напр. универсалы Мазепы, Апостола: Обозрѣніе Румянцовской описи, 355, 364, 438.

экономическую, а затѣмъ и юридическую неволю. Какъ это дѣлалось—пусть за насъ говорятъ документы. Вотъ панъ черезъ двухъ осадчихъ „закликаетъ слободу". Свободы дается „на десять лѣтъ и когда выйдутъ тѣ годы, то болшъ никакихъ долеглиностей отъ слобожанъ не требовать, какъ только давать имъ въ годъ по сто талеровъ, да досматривать тамошній млинокъ и отвозить изъ млинка розмѣръ". Годовой чиншъ панъ начинаетъ требовать уже въ 1719 г., хотя очевидно еще не истекъ условленный срокъ, но тѣ не спорятъ и платятъ. А въ 1727 г. положеніе слобожанъ принимаетъ такой оборотъ. Владѣлица присылаетъ въ слободу и требуетъ, чтобъ ѣхали на панщину въ то село, гдѣ она жила. „Мы не поѣхали", разсказываютъ слобожане, „помня договоръ, чтобы платить только годовой чиншъ по сто талеровъ и быть уже свободнымъ отъ всякой панщины. Поноровивши нѣкоторое время, Даровская (имя владѣлицы) снова прислала намъ приказъ, чтобы ѣхали мы на ту панщину неотмовно; и мы, исполняя тотъ приказъ Даровской яко комендѣрки своей, выслали на панщину тридцать-пять своихъ парубковъ, которыхъ Даровская приказала всѣхъ безъ исключенія тирански батожьемъ бить, приписуючи вину сію, что за первымъ разомъ не поѣхали на панщину. А потомъ позваны были во владѣльческое село и всѣ мы, хозяева, гдѣ, зазвавши насъ во дворъ, приказала Даровская, по одному оттуда выводя, нещадно кіями бить, отъ котораго бою недѣль по шесть и побольше многіе изъ насъ пролежали" [1]). Конечно, не все панство было такъ энергично, какъ Даровская, хотя подобное утвержденіе своихъ правъ было очень въ духѣ тогдашнихъ пановъ, практиковавшихъ, главнымъ образомъ, на этомъ поприщѣ свои наслѣдственные воинственные инстинкты. Если панъ иногда не обнаруживалъ большой наступательной энергіи, то процессъ обращенія населенія въ зависимое затягивался, но онъ неизбѣжно приходилъ къ тому же своему естественному концу. Опять-таки приходилъ, конечно, лишь фактически: земледѣлецъ былъ привязанъ къ панской землѣ своимъ хозяйствомъ, которымъ онъ обзавелся, очень часто задолженностью передъ паномъ, тѣмъ, что ему некуда было дѣться, такъ какъ на новыя слободы не принимали „господарей изъ жилищъ осѣдлыхъ на певныхъ селахъ маючихся"; а иногда распоряженіями, казалось бы, совершенно произвольными, не имѣющими подъ собой никакой правовой подкладки, но тѣмъ не менѣе вполнѣ

[1]) Стародубскій полкъ, вып. II, 353.

дѣйствительными, мѣстныхъ властей. А не за горами было и законное юридическое закрѣпленіе.

Вообще, съ людьми, посаженными по договору на землю,—пустую ли, какъ садились на слободы, или уже съ устроеннымъ хозяйствомъ, какъ подсосѣдки,—съ такими людьми легче было управляться, легче было приводить ихъ въ вполнѣ зависимое положеніе, подготовлять полное крѣпостное право, чѣмъ съ посполитыми, сидящими на своей собственной землѣ. Отсюда вытекало такое злоупотребленіе, повидимому довольно распространенное, и вызывавшее частыя и горькія жалобы. Панъ, получивъ какимънибудь образомъ въ свое владѣніе населенную маетность—на рангъ ли, въ видѣ ли пожалованія и т. п.,—старался о томъ, чтобы заставить населеніе маетности покинуть свои земли. „Обнявши оное селцо Хмелевку въ подданство“, жалуются посполитые на одного изъ подобныхъ пановъ, „немѣрными и несносными работизнами и податками насъ утѣснилъ для того, чтобы смо по слободахъ расходилися, а ему чтобъ грунта наши и дворы остались, яко съ десяти тяглыхъ человѣкъ одинъ только остался человѣкъ; прочіи по слободахъ, оставивши свои осѣдлости, мусѣли розволоктися“ [1]... Разумѣется, не мало хлопотъ стоило пану добиться того, чтобъ населенію стало настолько не въ могоτу, что оно покидало бы свои родныя батьковскія земли.

Итакъ, закрѣпощеніе населенія шло двумя руслами. Съ одной стороны, посполитые, свободные землевладѣльцы, лишались понемногу и правъ на землю, и личной свободы; съ другой, лично свободные, но безземельные люди, садившіеся по договору на владѣльческія земли, также теряли свои права свободныхъ людей. Знаменитый указъ Екатерины II, 3-го мая 1783, слилъ оба эти теченія въ одно, и они утратили такимъ образомъ свои особенности: въ общей массѣ крѣпостного населенія уже нельзя было разобрать,— да и не къ чему,—кто происходилъ отъ крестьянъ-собственниковъ, кто отъ вольныхъ перехожихъ людей.

Выше было сказано, что указъ Екатерины лишь далъ устойчивость существовавшему положенію,—не больше. Но можно ли сказать это, если только въ силу упомянутаго указа крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, а до тѣхъ поръ сохраняли свободу передвиженія, какъ это принято думать? Въ томъ-то и дѣло, что свобода передвиженія уже задолго передъ указомъ была если не отнята юридически,—такъ какъ этого нельзя было сдѣлать безъ законодательнаго акта, исходящаго отъ верховной власти,—

---

[1]) Стародубскій полкъ, 165.

то отнята фактически. А сдѣлалось это такъ. Паны войскового уряда, господа населенія и правители края, конечно, ощущали постоянно и напряженно, что свобода передвиженія, которая была гарантирована народу, какъ одно изъ его правъ и вольностей, хороша лишь до тѣхъ поръ, пока, благодаря ей, можно заставить покинуть свои земли старое населеніе, съ которымъ неудобно имѣть дѣло, и заселить эти земли новымъ. Дальше же этого она есть страшное зло, подводящее постоянно мины подъ всѣ панскія сооруженія, воздвигаемыя съ такими усиліями. Неудивительно поэтому, что войсковой урядъ началъ дѣлать натиски на эту свободу еще въ то время, когда они совсѣмъ еще, повидимому, не оправдывались обстоятельствами, когда посполитому и во снѣ не грезилась его будущая судьба. Такъ сохранился, напр., приказъ Мазепы 1707 г. полтавскому полковнику, чтобы онъ людей, уходящихъ на слободы, „не только переймалъ, грабилъ, забиралъ, киселемъ мордовалъ, кіями билъ, лечь безъ пощадѣння вѣшати расказовалъ“ [1]). Конечно, это можно счесть за выходку „малороссійскаго владыки“, желающаго насолить своимъ личнымъ врагамъ, которые осмѣлились, безъ его разрѣшенія, осаживать слободы. Но любопытно, что его гнѣвная мысль принимаетъ именно это, а не иное направленіе. Какъ бы то ни было, уже въ 1739 г. генеральная войсковая канцелярія, пользуясь, вѣроятно, обстоятельствами тогдашняго военнаго времени, считаетъ себя въ правѣ, подъ угрозой смертной казни, запретить переходы, чтобы пресѣчь будто бы такимъ образомъ побѣги за границу. Но русское правительство, слѣдуя своей традиціонной демократической политикѣ, черезъ три года (1742 г.) именнымъ указомъ уничтожаетъ это запрещеніе. Но положеніе теперь уже было иное, чѣмъ при Мазепѣ, всего 35 лѣтъ тому назадъ, и иную силу имѣютъ и приказанія и запрещенія. Несмотря на указъ 1742 г., какъ бы возстановлявшій старыя права посполитыхъ, они уже не могли быть старыми, такъ какъ свершилось нѣкоторое перемѣщеніе соціальнаго центра тяжести: теперь уже даже полковыя канцеляріи рѣшаются въ спорныхъ дѣлахъ съ посполитыми обращаться къ статьямъ Литовскаго Статута, трактующимъ земледѣльца какъ несвободнаго, и на основаніи этихъ статей своею властью ограничиваютъ право перехода [2]). Еще 18 лѣтъ, и гетманъ Разумовскій уже считаетъ возможнымъ узаконить своею властью такое ограниченіе, почти равняющееся за-

---

[1]) Русскій Арх. 1875, кн. 8, стр. 408.

[2]) Кіевск. Стар. 1885, кн. 7. Универсалъ Разумовскаго.

прещенію: чтобъ посполитые, намѣревающіеся оставить владѣльца, не брали съ собой никакого имѣнія, „какъ нажитаго съ владѣльческихъ грунтовъ" и кромѣ того обязательно брали у владѣльца при отходѣ письменное свидѣтельство [1]). Такимъ образомъ, и овцы были цѣлы, и волки сыты,—и императорскіе указы соблюдены, и владѣльцы вполнѣ удовлетворены: куда пойдетъ посполитый, ободранный отъ своей движимости, да еще связанный обязательствомъ имѣть письменное свидѣтельство отъ пана? Болѣе энергичная часть населенія, не имѣя права легальнаго перехода, просто бѣжала куда глаза глядятъ, въ новороссійскія степи, въ Запорожье,—благо по сосѣдству былъ еще земельный просторъ,—чтобъ укрыться отъ панскихъ притязаній [2]).

Какой горькой насмѣшкой, хотя, конечно, не преднамѣренной, надъ судьбой народа звучатъ тѣ слова только-что упомянутаго универсала Разумовскаго, гдѣ онъ въ доказательство необходимости сдѣлать ограниченіе переходовъ, обращается къ „стародавнимъ правамъ и вольностямъ народа малороссійскаго": эти права и вольности, на которыя еще такъ недавно ссылались указы въ защиту народной свободы, теперь оказались не чѣмъ инымъ, какъ Литовскимъ Статутомъ, который такъ хорошо знаетъ различіе между свободнымъ и несвободнымъ. Какъ будто и не бывало того, что народъ разрушилъ своими руками общественный строй, находившій свое юридическое выраженіе въ Литовскомъ Статутѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, и на вѣки вѣковъ похоронилъ этотъ законодательный памятникъ своего рабства.

VI.

Малорусское панство обезпечило себя землей; обезпечило себя обязательнымъ трудомъ. Слѣдовательно, были на-лицо тѣ главнѣйшія соціальныя условія, на которыхъ зиждется дворянская привилегированность. И однако оно все еще не было дворянствомъ. Русское правительство, которое одно могло дать свою верховную санкцію факту, и собственно должно было бы дать, такъ какъ фактъ этотъ уже существовалъ въ полной гармоніи со всѣмъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, тѣмъ не менѣе упорно продолжало видѣть въ малорусскомъ панствѣ простую козацкую старшину, недостойную стать въ рядъ съ благо-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Есть указъ (10 дек. 1763 г.), подтверждающій это распоряженіе Разумовскаго.

роднымъ русскимъ дворянствомъ. Однако панство не унывало и прямо шло къ намѣченной цѣли.

Но можно ли, однако, сказать, что цѣль эта была сознательно намѣчена? Можно ли предположить, что малорусское панство—не въ отдѣльныхъ единицахъ, а въ цѣломъ составѣ своей группы—было настолько политически опытно и проницательно, чтобъ умѣть заглядывать въ будущее? Нѣтъ, по всей вѣроятности; но поступало оно, тѣмъ не менѣе, вполнѣ сообразно съ интересами своей сословной группы. Надо было, прежде всего, заставить забыть другихъ—а лучше всего и самому забыть—свое близкое родство, свою недавнюю связь съ черной костью народной массы. А забыть это было нелегко: общность типа и уровня культурности, языкъ, формы быта, господствовавшія не только въ XVII-мъ, но еще и въ началѣ XVIII-го вѣка, все твердило о тождествѣ происхожденія привилегированныхъ съ непривилегированными. Необходимо было добиться того, чтобъ панское благородство, помимо какихъ-либо юридическихъ или историческихъ доказательствъ, било въ глаза изъ всѣхъ мелочей и подробностей жизненной обстановки.

Обезпеченность и досугъ, какъ результатъ обладанія землей и обязательнымъ трудомъ, открыли малорусскому панству широкую и торную дорогу такъ-называемаго европейскаго „образованія", смѣси формъ внѣшней полировки съ нѣкоторыми условно-необходимыми навыками и свѣдѣніями, приправленной, впрочемъ, иногда и крупицами настоящей науки. Малорусское панство кинулось на эту дорогу съ большой энергіей, нѣтъ спору. Великорусское дворянство той же эпохи, стремившееся въ Европу со всей силой инерціи, какую сообщилъ гигантскій размахъ Петра, все-таки уступало въ этомъ отношеніи малорусскому панству. Забота объ образованіи дѣтей, забота о томъ, чтобъ и въ себѣ поддержать путемъ чтенія, путемъ сношеній съ образованными людьми усвоенные начатки образованности, были однѣми изъ главнѣйшихъ заботъ обезпеченнаго человѣка. На образованіе дѣтей выпрашиваются и жалуются маетности; въ духовныхъ образованіе дѣтей упоминается на первомъ планѣ, а книга есть такая же важная статья завѣщанія, какъ плецъ или млинъ; люди не особенно богатые разстроиваютъ свое состояніе на образованіе дѣтей.

Эта энергія довольно быстро подняла уровень образованности войсковой старшины, вначалѣ очень незначительный, едва ли сколько-нибудь замѣтно возвышавшійся надъ общимъ уровнемъ образованности всей народной массы. Достаточно сказать, что

даже сотники, на обязанности которыхъ лежалъ, между прочимъ, и судъ, были еще въ XVII-мъ в. часто неграмотны. Мало того, даже въ началѣ XVIII-го в. встрѣчаются неграмотные полковники. Неграмотны были женщины въ средѣ высшей старшины, вращающейся около гетманскаго двора; напр., не умѣла подписать своего имени жена извѣстнаго Кочубея, врага Мазепы; сомнительно, умѣла ли это сдѣлать и жена гетмана Даніила Апостола.

Конечно, первое время для Малороссіи окномъ въ Европу, издавна прорубленнымъ, была Польша. Люди болѣе бѣдные и менѣе требовательные довольствовались домашними латинскими школами, кіевскими, переяславскими или новгородъ-сѣверскими, позже перенесенными въ Черниговъ. Но и въ этихъ школахъ юношество получало лишь то, что было апробовано польской педагогической мудростью, питавшейся западно-европейскими уроками; латинскій языкъ, немножко Аристотелевой философіи, красноречія и богословія, а въ добавокъ польскій языкъ [1]), какъ необходимое орудіе для дальнѣйшихъ успѣховъ и въ наукѣ, и въ свѣтѣ. Изъ этихъ школъ выходили „латинщики", которые стремились въ канцеляристы генер. войсковой канцеляріи, разсчитывая отсюда уже пробиться на какой-нибудь урядъ, имѣющій превратить канцеляриста изъ „судоваго панича" въ пана. Но люди болѣе состоятельные не довольствовались домашними школами, а посылали дѣтей заканчивать образованіе въ Польшу, преимущественно во Львовъ и Бреславль. Естественно, что въ библіотекахъ образованныхъ людей первой половины XVIII-го вѣка, и даже далѣе, наряду съ латинскими книгами мы встрѣчаемъ довольно много книгъ польскихъ, историческихъ и философскихъ. Такимъ образомъ шло дѣло образованія по изстари намѣченной колеѣ приблизительно до второй половины XVIII-го вѣка. А между тѣмъ подготовлялась перемѣна. Великая Россія, съ Петровскими реформами, получила для Малороссіи притягательную силу, какой не имѣла раньше; политическое сближеніе, двигавшееся по направленію къ полному сплоченію, усиливало эту притягательность. Въ мѣру сближенія Великой Россіи съ Малой, Польша теряла свой старый престижъ и такимъ образомъ перемѣщался центръ тяжести культурныхъ тяготѣній малорусскаго человѣка. Вслѣдъ за Великой Россіей и Малая стала признавать за своего руководителя въ дѣлѣ культуры Германію, нѣсколько позже Францію. Къ половинѣ XVIII-го вѣка малорусское панство начало посылать своихъ дѣтей въ нѣмецкіе университеты. Отдѣльные

[1]) Шафонскій, Описаніе Черниговскаго намѣстничества.

случаи бывали и раньше: такъ Томара учился въ нѣмецкихъ земляхъ еще въ началѣ XVIII-го вѣка. Но лишь со второй половины столѣтія, и, кажется, съ легкой руки М. В. Скоропадскаго, зятя Апостола, Геттингенъ и другіе центры нѣмецкой учености сдѣлались постояннымъ ученымъ прибѣжищемъ малорусскаго панскаго юношества. Много ли науки вывозили съ собой оттуда малорусскіе паничи,—дѣло темное, но несомнѣнно, что они возвращались оттуда отполированными по-европейски. Впрочемъ, насчетъ науки есть указанія, что, случалось, паничи и учились со страстью („когда мнѣ не пришлютъ денегъ, то хочь хлѣба просячи, буду учитися", пишетъ Обидовскій своимъ роднымъ [1]) и вывозили кое-какія, а иногда и довольно значительныя знанія, какъ свидѣтельствуетъ переписка съ сыновьями Ханенка, Сулимы. Свѣтская же полировка сдѣлала особенно большіе успѣхи съ тѣхъ поръ, какъ малорусское панство, вслѣдъ за великорусскимъ, обратилось за образованіемъ къ Франціи, приблизительно съ Елизаветинскихъ временъ. Со второй половины XVIII-го вѣка большое, а слѣдовательно, и болѣе образованное панство начинаетъ употреблять французскій языкъ, хлопочетъ о французскихъ гувернерахъ и гувернанткахъ,—вообще, сливается съ великорусскимъ дворянствомъ въ одинаковомъ стремленіи отполировать своихъ дѣтей на свѣтски-французскій ладъ, безусловно необходимый для ихъ успѣховъ въ жизни, такъ какъ дорога къ этимъ успѣхамъ уже теперь лежала одинаково для малорусскаго панства, какъ и для великорусскаго дворянства, черезъ Петербургъ. Теперь малорусскіе паничи уже обучаются и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, подготовляясь къ карьерѣ или при дворѣ, или при разныхъ русскихъ общегосударственныхъ учрежденіяхъ. Хлопочетъ панство усердно и о томъ, чтобъ завести у себя дома высшія училища, университеты, корпуса, институты и т. п., съ цѣлью облегчить себѣ трудное и дорого стоющее дѣло образованія: ни одно почти коллективное заявленіе правительству, о нуждахъ ли края или своей мѣстности, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни дѣлалось, не обходится безъ просьбъ о высшихъ образовательныхъ заведеніяхъ.

Итакъ, только одно столѣтіе прошло послѣ Хмельнищины и даже сама до чрезвычайности благосклонная къ малороссіянамъ Елизавета еще не могла признать за малорусскимъ панствомъ дворянскихъ правъ, а уже войсковой урядъ значительно успѣлъ отполироваться на европейски-космополитическій ладъ, оставивъ

[1]) Архивъ Сулимъ, № 34.

своимъ недавнимъ близкимъ родичамъ, козаку и посполитому, ихъ національный, немножко татарско-польскій обликъ.

Могъ ли малорусскій панъ, стремившійся къ образованію сначала на манеръ польскаго, затѣмъ великорусскаго дворянина, сохранить настолько уваженія къ языку своихъ простонародныхъ предковъ, чтобы попытаться положить именно этотъ языкъ въ основу своей новой, нарождающейся культурности? Могъ или нѣтъ—во всякомъ случаѣ онъ этого не сдѣлалъ, хотя языкъ, полученный имъ въ наслѣдство, уже, можно сказать, былъ возведенъ на степень языка литературнаго, и потому не требовалъ спеціальной работы надъ своимъ приспособленіемъ къ требованіямъ болѣе сложныхъ формъ жизни. Слѣдовательно, не отъ этой работы—можетъ быть, и непосильно трудной—уклонился панъ, а просто увлекся опять-таки заботой о томъ, чтобы забыть свое простонародное происхожденіе. Еще и въ XVIII столѣтіи, по крайней мѣрѣ въ первыя его десятилѣтія, малорусское панство любило щеголять польскимъ языкомъ, который такъ тѣсно связывался въ панскихъ представленіяхъ съ благородствомъ происхожденія; но въ силу историческихъ и политическихъ причинъ польскій языкъ все-таки не могъ завоевать себѣ полныхъ правъ гражданства. Совсѣмъ иное дѣло былъ языкъ Великой Россіи; онъ самъ навязывался, какъ языкъ оффиціальныхъ сношеній, хотя, конечно, малорусскому обществу вольно было усвоить или не усвоить его, какъ языкъ частной жизни или литературы. Но оно предпочло къ нему обратиться, хотя не могло, разумѣется, долго его усвоить вполнѣ, а лишь пользовалось имъ, чтобы на основѣ все-таки родной малорусской рѣчи образовать свой, панскій, тяжелый, искусственный языкъ: польскія слова, выраженія, обороты, господствовавшіе раньше, стали уступать мѣсто великорусскимъ, пока, наконецъ, великорусскій языкъ не получилъ полнаго и окончательнаго господства. За всю разсматриваемую нами эпоху, ни въ перепискѣ, ни въ какомъ другомъ документѣ, мы ни разу не встрѣчаемся съ тѣмъ прекраснымъ, чистымъ, сильнымъ народнымъ малорусскимъ языкомъ, который такъ плѣняетъ насъ, напр., въ письмахъ кошевого Сирка, хотя не могло же малорусское панство не владѣть этимъ языкомъ въ совершенствѣ: изъ живой рѣчи, при всѣхъ стараніяхъ, изгнать народный духъ было несравненно труднѣе, чѣмъ изъ письменнаго языка. Долго и упорно должны были отцы и наемные воспитатели бранить своихъ воспитанниковъ „мужиками" и наказывать ихъ за „грубыя слова", пока воспитанники не пріучались выражаться „по-пански".

Панство достигло своей цѣли. Еслибы его простонародные

дѣды могли теперь снова выглянуть на свѣтъ божій, едва ли бы они признали за своихъ внучатъ людей, которые забыли или дѣлали видъ, что забыли то, безъ чего не можетъ быть и родственной связи—родной языкъ. Къ счастью или несчастью, малорусское панство не видѣло и не могло въ то время видѣть, какое преступленіе сдѣлало оно всѣмъ этимъ противъ своего народа. Оно его ограбило въ конецъ духовно, ограбило тотъ самый народъ, на плечахъ котораго воздвигло свое матеріальное благосостояніе. Въ самомъ дѣлѣ, разъ языкъ народной массы превращался изъ національнаго языка въ простонародный, мужицкій, онъ переставалъ проводить въ массу культурность извнѣ, и народъ оскудѣвалъ духовно. Такъ это и было съ малорусскимъ народомъ. Этимъ обстоятельствомъ на первомъ планѣ, а затѣмъ уже крѣпостнымъ правомъ, надо объяснить то рѣзкое паденіе уровня культурности малорусскаго народа, какое бьетъ въ глаза человѣку, изучающему съ бытовой точки зрѣнія два послѣднія столѣтія. Не вѣдало панство, что̀ творитъ.

Конечно, панъ, по-европейски образованный, не могъ остаться при старой простотѣ въ своей обстановкѣ, благо были и средства, чтобы ее измѣнить. Одежда, жилище, пища, экипажъ—все должно было приспособляться къ новымъ, болѣе утонченнымъ вкусамъ, и приспособлялось тѣмъ быстрѣе, что паны не могли не чувствовать себя заинтересованными въ этой перемѣнѣ, такъ рельефно выставляющей на видъ ихъ панскую отличность. Въ одеждѣ, правда, съ самаго начала господствовали польскіе жупаны и кунтуши и вообще польскій покрой; но такъ какъ тотъ же покрой принятъ былъ всей болѣе зажиточной частью населенія, то панство не удовольствовалось тѣмъ отличіемъ, какое клалось цѣнностью и качествомъ матеріала—у пановъ обыкновенно очень дорогого,—а рано начало переходить къ нѣмецкой или французской одеждѣ. „Для успѣха въ свѣтѣ“, пишетъ бѣдный слободской дворянинъ въ 1769 г., „нужно было имѣть нѣмецкое платье, а я имѣлъ черкасское (малорусское), недорогое“ [1])... Простая хата уступила мѣсто панскому „будинку“, свѣтлицы котораго украшались портретами, картинами, коврами, а простыя лавки вытѣснялись креслами, клавесинами и тому подобными затѣями. Вмѣсто галушекъ и пампушекъ являются на панскомъ столѣ марципаны; вмѣсто горѣлки, оковитой—цинемоновыя, ганусовыя и иныя настойки, заграничныя вина. Уже не „кованный

[1]) Кіевск. Стар. 1886, II, 363.

возъ" подъѣзжалъ къ рундуку панскаго будинка, чтобы принять пана сотника или пана полковника, а рыдванъ, берлинъ, карета.

Конечно, измѣнить обстановку было не трудно, разъ было желаніе и необходимыя средства. Гораздо труднѣе было самому человѣку приспособиться къ тѣмъ требованіямъ, какія вытекали изъ формъ усвоиваемой имъ высшей культурности. Но панство едва ли думало объ этомъ. По крайней мѣрѣ, малорусскій панъ XVIII-го в. рисуется намъ, несмотря на всѣ внѣшніе признаки европейства, человѣкомъ довольно первобытнымъ. Нравы его грубы и жестки, но не испорчены,—грубы настолько, насколько это совмѣстно съ его малорусской природой, вообще мягкой и гуманной. Какъ онъ проявлялъ себя въ своихъ отношеніяхъ къ низшему классу населенія, который ему приходилось завоевать—это мы видѣли выше: надо сказать, что мы, во избѣжаніе упрековъ въ односторонности и пристрастіи, не приводили наиболѣе рѣзкихъ фактовъ панской жестокости и безвастѣнчивости. Но тутъ была дѣйствительно соціальная война, отъ исхода которой зависѣло быть или не быть пану уряднику дворяниномъ, а ужъ извѣстно, что à la guerre comme à la guerre. Важнѣе для характеристики нравовъ малорусскихъ пановъ ихъ взаимныя отношенія. Но и здѣсь кулачная расправа является дѣломъ довольно обыкновеннымъ; взаимные наѣзды напоминаютъ нравы польскаго дворянства. Попойки—главнѣйшее развлеченіе, все содержаніе панскихъ „бенкетовъ", праздничныхъ или простыхъ сосѣдскихъ гостинныхъ съѣздовъ; даже дневникъ такого по своему времени высоко культурнаго человѣка, какъ Яковъ Маркевичъ, густо пересыпанъ сообщеніями, въ родѣ: „куликали изрядно", „подпіякомъ жестоко зѣло", „обѣдали и подпивали" [1]) и т. д.

Нельзя не отмѣтить также отношенія панства къ общественнымъ дѣламъ. Оно, очевидно, въ новомъ положеніи утратило то простое, непосредственное чувство общественности, которое заправляло посполитскою громадой, копой или козацкою радой, а взамѣнъ не успѣло пріобрѣсть гражданскаго смысла, являющагося спутникомъ человѣка на болѣе высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія. Отсюда масса несимпатичныхъ явленій, поражающихъ насъ въ общественномъ быту, въ теченіи общественныхъ дѣлъ, которыми панство заправляло всецѣло. Расхищеніе общественнаго достоянія, взяточничество и кумовство, всякіе виды заискиванія передъ властъ имущими—все это даже и не прячется отъ дневного свѣта, не прикрывается ничѣмъ. До общественнаго

[1]) Дневныя записки малор. подскарбія генеральнаго Якова Маркевича.

блага—какъ бы его ни понимать—повидимому, никому нѣтъ дѣла, всякъ тянется только за кускомъ общественнаго пирога; даже отъ войны козацкая старшина начинаетъ отлынивать еще до начала XVIII-го в., а къ концу его „духъ геройства“ уже исчезаетъ совершенно[1]).

Нравы были грубы, но не испорчены, сказали мы выше. Панъ оставался все-таки религіознымъ, въ кругу своихъ узенькихъ требованій, пожалуй и нравственнымъ человѣкомъ, радушнымъ и гостепріимнымъ, хорошимъ семьяниномъ. Несмотря на всѣ измѣненія, какія вошли теперь вмѣстѣ съ образованностью въ формы его быта, онъ продолжалъ уважать дѣдовскій обычай: тотъ же „родинный хлѣбъ“, разсылаемый по всѣмъ родичамъ, возвѣщалъ его появленіе на свѣтъ божій съ тою разницею, что вмѣсто узвара, слишкомъ простонароднаго, посылалось французское вино; то же „весілле“, со всей его сложной обрядностью, сопровождало его женитьбу, съ той разницей, что ѣли и пили не простые, а панскіе кушанья и напитки; съ тѣмъ же звономъ по церквамъ и обѣдомъ старцамъ сходилъ онъ въ могилу. Все это и не могло быть иначе, такъ какъ обрядовая сторона слишкомъ тѣсно срастается съ религіозной и разрушается вмѣстѣ съ нею, а случается даже переживаетъ и ее.

Но правовой обычай, связывавшій пана съ простолюдиномъ, панъ все-таки нашелъ возможнымъ порвать, такъ какъ это было существенно важно для его интересовъ. Это очень любопытная, хотя, къ сожалѣнію, трудная по существу и мало выясненная сторона. Хмельнищина, вмѣстѣ со старымъ соціальнымъ строемъ, снесла и право, которое его облекало. Малорусскій народъ остался безъ права, кромѣ того, которое жило въ его сознаніи. Но жизнь предъявляла свои требованія; возникали суды, хотя и очень упрощенные, на основѣ существующей военно-козацкой организаціи, общіе для всего народа; возникло и право. Что же это было за право? „Не ясное право, состоящее въ смѣшеніи войсковыхъ обычаевъ съ Литовскимъ Статутомъ“,—отвѣчаетъ знатокъ этой эпохи г. Лазаревскій [2]),—„состоящее въ смѣшеніи обычнаго права старой козацкой громады и народной копы съ отголосками писаннаго права“, сказали мы бы. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Литовскій Статутъ не былъ не только единственнымъ, но и главнымъ источникомъ права до второй половины XVIII-го вѣка. Онъ признанъ былъ за таковой лишь указомъ Екатерины II, от-

[1]) Кіевск. Стар. 1883, I, 893.
[2]) Русскій Арх. 1875 г. II, 257.

носящимся къ 1768 г. Однако малорусское панство стало обращаться къ Статуту гораздо раньше. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оно начало сознавать себя панствомъ, оно, конечно, всей душой радо было бы сдѣлать Статутъ исключительнымъ источникомъ права, такъ какъ на немъ можно было бы вполнѣ удовлетворительно основать и свою шляхетскую привилегированность и народную безправность; но этого нельзя было сдѣлать до тѣхъ поръ, пока соціальный центръ тяжести устойчиво не перемѣстился на сторону панства. До тѣхъ же поръ панство подготовляло почву такимъ образомъ, что обращалось къ нормамъ Статута для опредѣленія своихъ личныхъ и семейныхъ частно-правовыхъ отношеній. Любопытно, хотя трудно прослѣдить по документамъ, какъ панство, живя, очевидно, сначала общею правовою жизнью съ массой, начинаетъ затѣмъ обособляться. Сначала панъ, какъ и козакъ и посполитый, знаетъ лишь обычное право, то, которое и до сихъ поръ заправляетъ юридическими отношеніями южнорусскаго крестьянства. „Женить меньшого сына мимо старшаго противно общенародному обычаю“,—пишетъ вдова Лубенскаго полковника Савича и также остерегается отъ такого „незвычайнаго“ поступка, какъ и теперь остережется любая вдова въ любомъ селѣ, нетронутомъ городскою цивилизаціей; неженатые сыновья не отдѣляются,—„але и оженившіеся еще терпятъ, если живы суть отцы и матери“ [1]); на свадьбѣ племянницы гетмана Апостола вѣнчанье съ шлюбомъ также отдѣляется отъ „весілля“, какъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ малорусскомъ крестьянствѣ; наслѣдство дѣлится поровну между сыновьями и дочерьми: „одной руки равные пальцы“ [2]). и т. д., и т. д. Но Статутъ мало-помалу начинаетъ вытѣснять обычное право: сначала панство обращается къ нему главнымъ образомъ для опредѣленія юридическихъ отношеній брачущихся сторонъ, затѣмъ правъ и порядка наслѣдованія. Въ концѣ концовъ Статутъ завоевываетъ себѣ полное господство, и панство крайне дорожитъ имъ, что видно изъ его заявленій и просьбъ русскому правительству.

VII.

Уже малорусскій панъ давно чувствовалъ, что не простонародная, а настоящая шляхетская кровь течетъ въ его жилахъ,

---

[1]) Архивъ Сулимъ, № 60.

[2]) Русск. Арх. 1875, т. I, кн. 2.

но тѣмъ не менѣе не только польскій магнатъ, а даже и простой великорусскій дворянинъ не хотѣлъ признать его за равнаго себѣ; онъ не имѣлъ еще государственнаго признанія своихъ правъ. Русское правительство было глухо къ такимъ доводамъ, что „по древнему праву выборовъ, малороссійскому праву присвоенныхъ, всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичъ, и не бывъ шляхтичемъ, невозможно было быть избираемому и имѣть чинъ". Не дѣйствовала и ссылка на Статутъ, гдѣ было сказано: „достоинства и чиновъ простолюдинамъ не давать, а давать только одной шляхтѣ каждаго рыцарскаго состоянія человѣку" (артик. 18, раздѣлъ 3). Но остаться въ такомъ межеумочномъ положеніи, въ какомъ находился малорусскій панъ, было не только непріятно, но даже и просто опасно: только дворянское достоинство давало санкцію обладанію землей, а главное обязательнымъ трудомъ—иначе вся панская сила была лишь простымъ голымъ фактомъ, создать и поддерживать который было очень трудно, а уничтожить, однимъ почеркомъ пера изъ Петербурга, ничего не стоило.

Но пассивное выжиданіе того момента, когда раздастся сверху властное слово, открывающее войсковому уряду прямой путь въ лоно русскаго дворянства, было слишкомъ тягостно, и малорусское панство кинулось на отыскиваніе побочныхъ тропинокъ и лазеекъ, какими бы можно было туда пробраться. Здѣсь уже приходилось дѣйствовать въ-разбродъ, въ-разсыпную—каждой малорусской панской фамиліи за свой собственный счетъ и рискъ. Каждому надо было для себя доказать во что бы то ни стало, что онъ „не здѣшней, простонародной малороссійской" [1]), а какой-нибудь особенной шляхетской породы. Это было, съ одной стороны, и очень трудно, такъ какъ приходилось утверждать очевиднѣйшую неправду, но съ другой стороны и очень легко, такъ какъ при беззастѣнчивости и матеріальной силѣ, да еще сочувствіи и поддержкѣ окружающихъ, всегда на свѣтѣ можно было, въ дѣлахъ общественнаго характера, гдѣ замѣшаны сильные личные интересы, доказать, что дважды два пять.

Сподручнѣе и легче всего было доказывать свое непростонародное происхожденіе чрезъ посредство Польши. Ляхъ и шляхтичъ всегда былъ въ глазахъ малоросса одно и то же; престижъ шляхетства всегда окружалъ все польское. И вотъ какой-нибудь самый обыкновенный козацкій сынъ Василенко (по Василью-отцу), выдвинувшись на маленькій урядъ, начинаетъ подписы-

---

[1]) Обозр. Рум. опис., 21.

ваться на польскій манеръ Базилевскимъ, Силенко—Силевичемъ, Гребенка — Грабянкою и т. д.; а то и просто беретъ любую польско-шляхетскую фамилію, безъ всякаго на то основанія, какъ напр. сдѣлали Будлянскіе, родственники Разумовскихъ, да и козаки Розумы по тому же пріему превратились въ Разумовскихъ. Съ теченіемъ времени всѣ эти самозванные Базилевскіе, Силевичи, Тарасевичи успѣвали увѣрить другихъ, а можетъ быть и себя, въ своемъ польско-шляхетскомъ происхожденіи. Оставалось его утвердить документомъ. Съ деньгами это было дѣломъ уже не такъ труднымъ. Можно было добиться частною сдѣлкой того, чтобъ какой-нибудь—конечно, незначительный—шляхетскій родъ согласился принять въ свой гербъ; можно было склонить того или другого польскаго магната похлопотать передъ сеймомъ о внесеніи въ сеймовую конституцію и выдачѣ диплома на шляхетство подъ предлогомъ яко бы утраты документовъ во время смутъ; но можно было также и обойти всѣ эти формальности. На этотъ случай были подъ рукой евреи, которые охотно брались за фабрикацію необходимыхъ документовъ. Вѣроятно, это стоило не особенно дорого, такъ какъ ко времени возникновенія коммиссій о разборѣ дворянскихъ правъ въ Малороссіи оказалось до 100.000 дворянъ съ документами [1]), между тѣмъ какъ лѣтъ за 15—20 передъ тѣмъ малорусское панство въ лицѣ своихъ депутатовъ заявляло, что у него документовъ нѣтъ, такъ какъ „имѣвшіеся у предковъ ихъ на шляхетство дипломы и другія доказательства пропали, растеряны чрезъ бывшія въ Малой Россіи междуусобные брани и многочисленные отъ турковъ, татаръ и поляковъ войны, нападенія, разоренія, плѣненія и пожары, такъ что многія фамиліи лишились всего имѣнія своего и, будучи многіе годы въ плѣну, *переименованы*, и нынѣ едва ли у кого сыщется собственно служащаго ему на шляхетство доказательства". Довольно правдоподобно, но, къ сожалѣнію, совершенно невѣрно: не для нелегальнаго возстановленія легальныхъ правъ работалъ Бердичевъ. И что за фантастическія генеалогіи появились на свѣтъ божій! Еще хорошо, когда генеалогія примыкала (конечно, при помощи гербовника Нѣсецкаго, экземпляръ котораго всегда находился при генеральной войсковой канцеляріи) къ простому шляхетскому роду или придумывала какого-нибудь никогда не существовавшаго предка „референдарія надъ тогобочной Украиною", какъ у Скоропадскихъ. А то случалось, что фантазія самозван-

---

[1]) Кіевск. Старина, 1888, т. I. Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, 107—8.

ныхъ генеалоговъ залетала по истинѣ въ высокія хоромы. Рославцы, напр., производили свой родъ немного-немало, какъ отъ извѣстной магнатской фамиліи Ходкевичей. Одинъ слободско-украинскій панокъ, единственно на томъ основаніи, что его предки были родомъ изъ Острога, изъявлялъ претензію на происхожденіе отъ князей Острожскихъ, для которыхъ не слишкомъ высокъ былъ и польскій престолъ.

Конечно, малорусское панство заинтересовано было въ польскомъ своемъ происхожденіи исключительно постольку, поскольку съ нимъ было легче доказать свое шляхетство. А за шляхетство панъ готовъ былъ объявить себя не только полякомъ, но венгромъ, сербомъ, грекомъ, кѣмъ угодно, такъ какъ лишь домашнее свое малорусское происхожденіе клало безповоротно клеймо простонародности. Карновичи производили себя отъ венгерскаго дворянскаго рода, Кочубеи—отъ татарскаго мурзы, Афендики—отъ какого-то молдавскаго бурколаба, Капнисты—отъ миѳическаго венеціанскаго графа Капнисси, жившаго на о. Зантѣ, Иваненки—отъ не менѣе миѳическаго волоха дубосарскаго гетмана Ивана Богатаго Іоненка. Правда, между малорусскимъ панствомъ было довольно людей иностраннаго происхожденія, были и потомки польскихъ выходцевъ, особенно любимыхъ гетманами за знакомство съ обстановкою магнатскихъ дворовъ; но насколько ихъ иностранные предки были у себя дома „князья въ своихъ породахъ"—дѣло темное.

Лишь малорусское происхожденіе клало безповоротно клеймо простонародности, сказали мы только-что. Но нѣкоторые малорусскіе роды съумѣли обойти это: сохранили національное происхожденіе, успѣвъ окружить его ореоломъ исключительности. Такъ, Тарасевичи устроили себѣ, при помощи сфабрикованнаго документа, происхожденіе отъ гетмана Тараса Трясилы; Искры—отъ не менѣе извѣстнаго Остранина, или Остряницы.

Впрочемъ, было нѣсколько счастливыхъ фамилій, которыя не нуждались въ сочиненныхъ генеалогіяхъ и фабрикованныхъ документахъ. Такъ одинъ изъ Лизогубовъ былъ нобилитованъ польскимъ сеймомъ еще во времена Хмельнищины за нѣкоторыя заслуги въ пользу Польши, и такимъ образомъ Лизогубы имѣли права шляхетства; имѣли ихъ подобнымъ же путемъ и Дмитрашки-Ранчи. Затѣмъ въ разное время и по различнымъ соображеніямъ русское правительство давало отдѣльнымъ лицамъ дворянское достоинство. Это началось еще съ Алексѣя Михайловича: напр., Горленки основывали свое благородство на таковомъ пожалованіи, сдѣланномъ еще въ 1665 г. полковнику Горленку, вышедшему

изъ рядового козачества; Божко произведенъ былъ въ дворяне Елизаветой „за вѣрную службу въ уставщикахъ спѣвальной музыки при дворѣ“ и т. д. Наконецъ были еще остатки старой шляхты, о которой шла рѣчь выше (въ I главѣ). Кое-кто изъ этой шляхты примкнулъ къ войсковому уряду и, выдвинувшись этимъ путемъ въ панство, вытащилъ изъ-подъ спуда свои старые документы: таковы были Рубцы, Бороздны, Бакуринскіе, Случановскіе. Здѣсь любопытно то, что часть старой шляхты, которая не примкнула своевременно къ уряду, такъ и осталась на непривилегированномъ положеніи, несмотря на свои документы: примѣръ Богуши [1]).

Какого же на самомъ дѣлѣ былъ происхожденія войсковой урядъ, которому предстояло сдѣлаться дворянствомъ?

Румянцовъ жаловался Екатеринѣ въ своихъ письмахъ (1766 г.), что при выборѣ депутатовъ малороссійскимъ шляхетствомъ „не обошлося безъ того однако ни одно собраніе, чтобъ кто-либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина или отъ жида“ [2]). Конечно, это было полемическое преувеличеніе. Бо̀льшая часть малорусскихъ дворянскихъ родовъ вышла изъ той безразличной народной массы, въ какую Хмельнищина слила все малорусское,—масса, которая скоро опять сама собою подраздѣлилась на козаковъ и посполитыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ образовалась и группа мѣщанъ, опять-таки вначалѣ существовавшая лишь фактически, сливаясь въ правахъ и обязанностяхъ какъ съ посполъствомъ, такъ и съ козачествомъ. Извѣстныхъ родовъ, которые бы имѣли своимъ предкомъ выкрещеннаго еврея, кажется, было немного: Маркевичи, Даровскіе, Герцики, Крыжановскіе. „Славетныхъ“ (мѣщанскихъ) предковъ было, конечно, значительно больше; но попрекать ими или стыдиться ихъ малорусское дворянство могло лишь на томъ же общемъ основаніи, на какомъ оно вообще стыдилось своего національнаго, или простонароднаго, происхожденія. Впрочемъ, можетъ быть, обличители намекали здѣсь на то, что славетные предки примыкали къ панству не на пути воинскихъ заслугъ отечеству, единственно приличествующихъ шляхетству. Хотя на это можно бы было сказать, что все малорусское панство сплошь занималось торговлею, винокуреніемъ и другими промыслами, совершенно

---

[1]) Записки Черниг. Стат. Ком., 1866, ч. 2, стр. 52.

[2]) Романовичъ-Славатинскій, прим. 7.

игнорируя традиціонныя представленія о занятіяхъ, соотвѣтствующихъ шляхетскому достоинству, — но относительно славетныхъ, примкнувшихъ къ панству, дѣйствительно дѣло обстояло нѣсколько особымъ образомъ. А именно, нѣкоторые изъ нихъ, благодаря богатству и связямъ, добивались привилегированнаго положенія, не примыкая къ уряду. Такъ было съ Кулябками, предокъ которыхъ, мѣщанинъ г. Лубенъ, держалъ одно время на откупу мѣстные шинки [1]) и получилъ привилегію свободы отъ налога для своихъ мельницъ — привилегія, которою пользовался лишь урядъ; или съ Скоруппами, славетный предокъ которыхъ получилъ отъ гетмана Скоропадскаго за какія-то заслуги, а можетъ быть и просто по кумовству, право „заживати до работизнъ людей посполитыхъ села Кустичъ“ [2]). Дѣти эти привилегированныхъ славетныхъ уже непремѣнно вступали въ войсковой урядъ, сначала въ войсковые канцеляристы, такъ какъ родители обыкновенно заботились о томъ, чтобъ дать имъ необходимое образованіе, изъ канцеляристовъ въ сотники или на какую-нибудь другую должность и, благодаря богатству, быстро достигали высокихъ степеней въ войскѣ, занимая мѣсто въ ряду войсковой аристократіи.

Не мало было такихъ панскихъ фамилій, которыя позже заявляли претензіи насчетъ того, чтобы ихъ внесли въ четвертую дворянскую книгу, книгу иностранныхъ родовъ. Происхожденіе ихъ было большею частью темное, претензіи большія. Выше мы упомянули нѣсколько дворянскихъ родовъ этой категоріи. Сюда же относятся Вишневскіе, родоначальникъ которыхъ былъ сербъ, поставщикъ венгерскаго вина ко двору Елизаветы; Томары, предокъ которыхъ, гречанинъ, въ концѣ XVII-го вѣка торговалъ въ Малороссіи „турскими товарами“; Милорадовичи, происходящіе отъ сербскаго торговца, назначеннаго Петромъ Великимъ въ гадяцкіе полковники; Галаганы и нѣкоторые другіе.

Какъ ни заинтересовано было панство въ томъ, чтобъ дѣлать видъ взаимнаго довѣрія къ своимъ генеалогическимъ фантазіямъ, но не могло же оно не чувствовать, что дѣло не совсѣмъ ладно. „Всѣ въ Малой Россіи не князья въ своихъ породахъ и въ свѣтѣ люди творятся болѣе нежели родятся“ [3]), сознается одинъ такой панъ, когда его упрекнули въ томъ, что онъ отдаетъ дочь замужъ за потомка выкрещеннаго еврея. Оскорбленное естественное чувство правдивости прорывалось насмѣшками и сатирой—

[1]) Кіевск. Стар. 1886, I.

[2]) Архивъ Сулимъ, № 116.

[3]) Архивъ Сулимъ, № 153.

выходившими, конечно, изъ той же панской среды надъ дворянскимъ самозванствомъ. Сохранились кое-какіе образчики обличительной литературы этого рода. Напримѣръ, есть юмористическая генеалогія подъ названіемъ „Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны". „Да вже-жь наши дворяне гербы посилають, а що я бувъ дворянинъ, то-то й не знають", говоритъ самозванный дворянинъ. „Онъ у мене гербъ якій, въ деревянимъ цвити, що ни в кого не було в остерськимъ повити: лопата написана держаломъ у гору, — побачивши, скаже всякъ, що воно безъ спору,—у середыни граблі, вила и сокира, якими було роблю, хоть якая сквира, такжеципомъ молотывъ, скажу правду матку, що ажъ скинешь було шапку" и т. д. При этомъ приложенъ и рисованный гербъ въ видѣ внушительной лопаты съ остальными принадлежностями по срединѣ. „Дали трохи якъ розжився", продолжаетъ претендентъ на дворянство, „той годи робыти, а надумався отдати въ школу свои дѣти. Якъ вывчились, въ судъ упхавъ, учиця писаты" [1]) и т. д.

Такъ, вѣроятно, смѣялся настоящій панъ, т.-е. такой, который имѣлъ два-три поколѣнія предковъ, не жившихъ трудами своихъ рукъ, надъ такимъ, который только-что выклевывался изъ рабочей скорлупы. Въ томъ же родѣ юмористическое прошеніе депутата Плящинскаго, который проситъ его уволить отъ обязанностей выборной своей службы на томъ основаніи, что онъ „посвятилъ всю свою жизнь шинковому промыслу" [2]). Но, разумѣется, и Данилей Кукса, и депутатъ Плящинскій съ полнымъ правомъ могли сказать любому изъ пановъ, которые изощряли свое остроуміе въ обличеніяхъ этого рода: „чему смѣешься? надъ собой смѣешься"...

VIII.

Трудно сказать, почему русское правительство такъ долго отказывалось признать дворянскія права за малорусскимъ панствомъ. Что панство это было не чѣмъ инымъ, какъ козацкой старшиной, конечно, это трудно было забыть; но вѣдь также не могъ еще придти въ забвеніе и служилый характеръ русскаго дворянства. Не допуская дѣтей малороссіянъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ, основанный въ 1731 г., „поелику-де въ Малой Россіи нѣтъ дворянъ"—запрещеніе, подтвержденное еще при

---

[1]) Кіевск. Стар. 1882, II.

[2]) Тамъ же, 1883, III.

Елизаветѣ Петровнѣ, русское правительство тѣмъ не менѣе постоянно подтверждало грамотами малорусскимъ панамъ „для совершенной въ вѣчные часы твердости“ ихъ права на землю, обращая, по позднѣйшему выраженію, въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ земельныя пріобрѣтенія, часто очень сомнительнаго характера. Въ принципѣ стоя до поры до времени на стражѣ народныхъ интересовъ, Петербургъ не могъ или не хотѣлъ видѣть тѣмъ не менѣе, что земли эти въ массѣ случаевъ есть прямая и самая несомнѣнная собственность того земледѣльческаго населенія, которое на нихъ сидѣло. Каждый актъ такого подтвержденія былъ лишнимъ шагомъ въ сторону крѣпостного права и дворянской привилегированности.

Наказы депутатамъ въ Екатерининскую коммиссію отъ малорусскаго шляхетства наполнены аргументаціею въ пользу его полноправности съ русскимъ дворянствомъ, заявленіями и просьбами о необходимости сравнять ихъ права. Единодушнѣе и настоятельнѣе всего хлопочутъ малорусскіе паны насчетъ общаго законодательнаго утвержденія своихъ земельныхъ правъ; конечно, они понимали, что добиться полнаго юридическаго закрѣпленія земель было то же самое, что и добиться формальнаго утвержденія своего въ дворянскомъ достоинствѣ. Разъ было первое,— второе, какъ необходимо вытекающее изъ перваго, дѣлалось лишь вопросомъ времени.

Екатерина II, стремясь къ объединенію государства, приняла такія мѣры, изъ которыхъ само собою вытекало признаніе дворянскаго достоинства за малорусскимъ панствомъ. Въ 1782 г. законъ о губерніяхъ 1775 г. распространенъ былъ и на Малороссію: такъ какъ законъ этотъ требовалъ участія дворянства, то для примѣненія его приходилось признать въ Малороссіи за дворянство тамошнее шляхетство. Въ слѣдующемъ же году, указомъ 3-го мая 1783 г., малорусское поспольство было лишено права перехода, которое до тѣхъ поръ юридически все-таки еще ему принадлежало, и такимъ образомъ великорусское крѣпостное право распространено и на Малороссію. Малорусскіе паны, признанные за дворянъ закономъ 1782 г., указомъ 1783 г. уже сдѣлались настоящими дворянами, полноправными владѣльцами своихъ крестьянъ. Когда въ 1785 г. явилась на свѣтъ жалованная грамота россійскому дворянству, уже нельзя было не распространить ее и на дворянство малорусское. Прекратилось многолѣтнее томленіе малорусскаго панства: врата въ недоступное до тѣхъ поръ святилище были ему открыты.

Но дѣло не приходило этимъ къ ясному и положительному

концу. Одинъ большой вопросъ размѣнялся теперь на массу маленькихъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія. Малорусское панство не составляло сплошной массы, рѣзко отдѣлявшейся отъ остального населенія; паны обращались въ полу-панковъ, полупанки примыкали къ простому козачеству. Козаки всегда пользовались нѣкоторыми специально шляхетскими правами, но нельзя же было признать за ними правъ дворянства. Если же признать за дворянъ лицъ войскового уряда, то опять-таки низшій урядъ слишкомъ тѣсно примыкалъ къ переднимъ рядамъ козачества. Приходилось рѣшать вопросъ о томъ, какія степени уряда даютъ права на дворянство, какія нѣтъ, а для того необходимо было перевести малорусскіе чины на языкъ табели о рангахъ. Стали дѣлать попытки такого перевода. Войсковой урядъ раздѣленъ былъ на военный и гражданскій. Для тѣхъ, кто состоялъ на военной службѣ, чины были переведены такъ: полковые есаулы, хорунжіе и писаря—ротмистрами, сотники — поручиками, войсковые товарищи—корнетами, а прочіе низшіе чины—унтеръ-офицерами. Для оставшихся у гражданскихъ дѣлъ переводъ имѣлъ такой видъ: бунчуковые товарищи оказались премьеръ-маіорами, полковые обозные есаулы, хорунжіе и писаря—секундъ-маіорами, сотники—ротмистрами, полковники—бригадирами. Но, вѣроятно, въ переводѣ этомъ встрѣтились какія-нибудь немаловажныя затрудненія, такъ какъ не выработывалось для него точныхъ правилъ, и когда сенату приходилось рѣшать дѣла о переименованіи малорусскихъ чиновъ въ русскіе, то онъ переименовывалъ то такъ, то иначе. А тутъ еще усложнили дѣло крайнія злоупотребленія со стороны дворянскихъ депутатскихъ собраній, которымъ порученъ былъ разборъ правъ малорусскаго шляхетства. Депутаты завели чуть-что не открытую торговлю дворянскими правами и дипломами. Предупрежденная объ этомъ герольдія—къ тому же смущенная, конечно, отсутствіемъ точнаго руководящаго закона—въ 1790-хъ годахъ прикрыла поплотнѣе двери заповѣднаго святилища, которыя держались до тѣхъ поръ довольно свободно: герольдія стала требовать неопровержимыхъ доказательствъ дворянства, отказывая въ признаніи тѣмъ, кто его основывалъ лишь на томъ, что его предки были полковыми есаулами, хорунжими, писарями, сотниками. Такая строгость вызвала, уже въ царствованіе Александра I, новыя хлопоты со стороны дворянъ, такъ какъ многіе изъ нихъ не могли представить болѣе вѣскихъ доказательствъ; хлопоты эти нашли энергическую поддержку въ лицѣ малороссійскаго военнаго губернатора кн. Репнина. Результатомъ этихъ хлопотъ оказалось заключеніе особаго комитета

при сенатѣ, въ томъ смыслѣ, что права потомственныхъ дворянъ признаются за тѣми малорусскими чинами, которые переименованы въ чины генералитетскіе и штабъ-офицерскіе, т.-е. за генеральной старшиной, полковниками и т. п.; прочіе же малорусскіе чины даютъ права лишь на личное дворянство. На основаніи этого заключенія и состоялся указъ 1835 г. Но и это еще былъ не послѣдній указъ по дѣлу о правахъ малорусскаго панства; послѣдній имѣлъ мѣсто въ 1855 г. Такимъ образомъ, почти до самой крестьянской реформы тянулось запутанное дѣло о водвореніи малорусскаго панства въ лоно русскаго дворянства [1]).

Какъ бы то ни было, малорусскій панъ сдѣлался русскимъ дворяниномъ. Къ началу настоящаго столѣтія, малорусское общество уже успѣло выработать такое панство, которое могло занять мѣсто въ переднихъ рядахъ русскаго дворянства. Небольшая рѣдкость были паны изъ старой козацкой старшины, числившіе за собой 8.000—10.000 крестьянскихъ душъ (напр. Апостолъ, Галаганъ и ин.); они уже не довольствовались придворными должностями камеръ-лакеевъ—такъ начинало свою служебную карьеру малорусское панство при Елизаветѣ, а пробивались на высшія ступени чиновной іерархіи (прим. Безбородко). Это новое малорусское магнатство увеличивалось чиновными и случайными людьми, которые получали, черезъ пожалованіе, имѣнія въ Малороссіи (прим. Разумовскіе, Завадовскій). На другомъ, противоположномъ, концѣ стояли безчисленные полу-панки и подпанки, по народной терминологіи, которымъ, конечно, приличнѣе было бы остаться въ старой юридической категоріи козаковъ, чѣмъ дворянъ: это потомки войсковыхъ, значковыхъ товарищей и другихъ разныхъ маленькихъ чиновъ, пробивавшіеся въ дворянство, пользуясь той смутой, которая царствовала первое время разбора дворянскихъ правъ.

Чѣмъ же и какъ проявило себя это новое дворянство?

Сначала по отношенію къ закрѣпощенному имъ населенію. Вопросъ темный, требующій спеціальныхъ изысканій, въ область которыхъ мы пускаться не можемъ. Воспользуемся готовымъ выводомъ, къ которому пришелъ единственный, можно сказать, русскій историкъ дворянства, г. Романовичъ-Славатинскій. Онъ утверждаетъ, что въ Великой Россіи чаще встрѣчались добрыя патріархальныя отношенія между помѣщикомъ и крѣпостнымъ, чѣмъ въ

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, 104—110.

Малой, гдѣ „помѣщичій классъ подлежалъ въ своемъ историческомъ образованіи вліянію польскихъ шляхетскихъ началъ[1]). Надо принять этотъ выводъ добросовѣстнаго и осторожнаго историка за правильный; но едва ли правильно самое объясненіе факта. Давно уже успѣло изгладиться непосредственное вліяніе польскаго строя, которое одно могло въ данномъ случаѣ имѣть воспитывающее значеніе. Скорѣе, намъ кажется, надо принять за объясненіе то простое психологическое основаніе, по которому простолюдинъ, вышедшій въ господа, напряженнѣе обращаетъ свое вниманіе на демаркаціонную линію, отдѣляющую его отъ низшаго себя; къ тому же и эти низшіе, закрѣпощенная масса малорусскаго народа, не могли такъ скоро забыть свою свободу, и затаиваемая, но все-таки такъ или иначе прорывающаяся озлобленность должна была обострять сильнѣе взаимное недоброжелательство.

Теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ проявило себя малорусское дворянство въ качествѣ „ума и души своего народа", по выраженію имп. Александра I.

Въ теченіе второй половины XVIII-го и первыхъ годовъ настоящаго столѣтія малорусское дворянство имѣло не разъ случай высказаться коллективно, отъ лица всего сословія, и въ этихъ коллективныхъ заявленіяхъ выразить какъ степень своего пониманія, такъ и свое внутреннее отношеніе къ своей соціальной роли. Такихъ случаевъ мы знаемъ три: прошеніе малорусскаго шляхетства Екатеринѣ II при восшествіи ея на престолъ; наказы депутатамъ въ Екатерининскую коммиссію; прошеніе Александру I также при восшествіи его на престолъ. Два первые случая имѣли мѣсто еще до жалованной грамоты, слѣдовательно, до оффиціальнаго признанія малорусскаго шляхетства россійскимъ дворянствомъ; но это обстоятельство формальнаго характера едва ли имѣетъ какое-нибудь значеніе, такъ какъ и въ прошеніи Екатеринѣ, и въ наказахъ малорусское панство выступаетъ въ роли отдѣльнаго высшаго сословія. Вся разница заключается въ томъ, что и прошеніе, и наказы на-половину наполнены домогательствами въ разныхъ видахъ уравненія своихъ правъ съ русскимъ дворянствомъ, что уже было излишнимъ послѣ жалованной грамоты.

Разумѣется, все, что касается вопроса о дворянскихъ прерогативахъ малорусскаго панства, все это выдвигается имъ на первый планъ крайне внимательно, настоятельно, съ тщательнымъ

[1]) Стр. 331.

подборомъ всѣхъ аргументовъ въ пользу своего дѣла. Вслѣдъ за этимъ, такъ сказать, спеціально дворянскимъ вопросомъ, выступаютъ на сцену два вопроса, которымъ панство придавало, видимо, особенно большую важность: это вопросы, по теперешней терминологіи, экономическій и образовательный. Конечно, на ряду идутъ усиленнѣйшія домогательства насчетъ прикрѣпленія посполитыхъ, разрѣшенія скупли козачьихъ земель и т. п. предметы, которые мы разсматривали въ особыхъ главахъ.

Хотя свою экономическую обезпеченность панство видѣло въ землѣ и укрѣпленіе земель составляетъ существенную часть его хлопотъ о дворянствѣ, но оно не упускаетъ изъ виду и другія стороны, которыя способствовали бы его экономическому преуспѣянію. Прежде всего оно хлопочетъ о томъ, чтобы обезпечить себѣ свободный сбытъ своихъ продуктовъ. Въ прошеніи, поданномъ Екатеринѣ II при восшествіи ея на престолъ, панство проситъ объ уничтоженіи вновь учрежденныхъ внутреннихъ таможенъ и возстановленіи взамѣнъ ихъ старыхъ сборовъ, такъ-называемые индукты и эвекты,—финансовая мѣра общаго характера. Позже оно уже не возвращается къ этому предмету, а хлопочетъ лишь о томъ, чтобъ получить экономическія льготы для себя: „чтобъ свободныя въ собственномъ каждаго имѣніи винокуренныя дѣланія всякихъ напитковъ, шинкованіе и продажа оптомъ всего того, обращеніе всякаго рода внутреннихъ продуктовъ, для лучшей каждому прибыли, чтобъ внутренніе промыслы намъ безъ пошлины и безпрепятственны были навѣки, такожъ дабы шляхетство имѣло свободу въ привозѣ крымской соли, въ отгонѣ скота, въ вывозѣ пеньки и другихъ всѣхъ въ ихъ земляхъ родящихся товаровъ въ чужіе края“... [1]). Впрочемъ, нѣкоторыя шляхетства просили объ уничтоженіи пошлины на крымскую соль въ видѣ общей мѣры, для всего края. Въ дополненіе къ этимъ льготамъ шляхетство проситъ сначала объ освобожденіи отъ консистентской дачи, т.-е. содержанія натурой русскихъ войскъ (прошеніе Екатеринѣ); а когда эта дача замѣнена была рублевымъ окладомъ съ хаты, то объ освобожденіи и отъ этого налога, какъ такого, который, за скудостью подданныхъ, владѣльцы вынуждены часто уплачивать сами, и о возстановленіи дачи натурой; вмѣстѣ съ тѣмъ хлопочутъ объ освобожденіи своего сословія отъ постойной повинности или о расквартированіи войскъ исключительно въ городахъ. Но малорусское панство понимаетъ свое экономическое преуспѣяніе не только подъ условіемъ вышеупомя-

---

[1]) Наказы малоросс. депутатамъ 1767 г., Кіевъ, 1889, стр. 18.

нутыхъ отрицательныхъ мѣръ, т.-е. освобожденія его промышленности отъ пошлинъ, налоговъ и иныхъ стѣсненій и ограниченій; оно желаетъ и кое-какихъ положительныхъ экономическихъ мѣръ въ свою пользу. Главнѣйшая изъ этихъ мѣръ, о которыхъ проситъ панство, это—учрежденіе для него спеціальнаго государственнаго банка, потому что „крайняя въ деньгахъ скудость лишаетъ способовъ распространять коммерцію и промыслы“, и чтобъ такимъ образомъ шляхетство „могло бы подкрѣплять себя въ случаѣ нужды отъ слѣдующаго имъ крайняго разоренія“, происходящаго отъ того, что „занимая деньги принуждено бываетъ закладывать имѣнія свои на-упадъ“ (т.-е. безъ выкупа по прошествіи срока). Къ этой же категоріи мѣръ, хотя и не съ такимъ исключительнымъ сословнымъ характеромъ, относятся просьбы панства, обращенныя къ Екатеринѣ II, объ уничтоженіи откупной системы вообще, а прежде всего табачнаго откупа, а затѣмъ о дозволеніи „свободное въ Малой Россіи торговъ отправленіе имѣть жидамъ“, которые до запрещенія имъ жительства и въѣзда въ 1742 г. „наибольшее въ малороссійскихъ торгахъ имѣли участіе“. Неловко чувствовалъ себя безъ жида и новый панъ лѣвобережной Украйны.

Такими мѣрами думало малорусское панство благоустроить себя въ экономическомъ отношеніи. Значительное число этихъ мѣръ, какъ можно видѣть, разсчитано лишь на сословные интересы дворянства; очень немногія, какъ просьба о сложеніи пошлины на соль, объ отмѣнѣ откупной системы, обнимаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и экономическіе интересы всего края.

Но образовательный вопросъ панство, очевидно, считало исключительно своимъ дворянскимъ вопросомъ. Хлопочетъ оно о заведеніи разныхъ образовательныхъ учрежденій чрезвычайно; мысли о необходимости просвѣщенія высказываетъ самыя возвышенныя: „ничто въ жизни для честнаго шляхетства не можетъ быть столь полезно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣкѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной. Сему основанію послѣдуя, малороссійское шляхетство отдаетъ своихъ дѣтей въ разныя отдаленныя науки, какъ-то въ университетъ московскій, въ С.-Петербургъ, а другіе посылаютъ въ чужія далекія государства и, достигая наукъ, лишаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности“. Паны просятъ о разныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, для себя полезныхъ: гимназіяхъ, шляхетскихъ корпусахъ, „особо же для ученія высшимъ наукамъ и распространенія воспитаній, которыми ученые люди государственной и собственной каждаго

пользѣ, въ домостроительствѣ и въ прочемъ жизни человѣческой нужномъ, служить могутъ"—университетахъ или академіяхъ, „для благородныхъ же дѣвицъ, какъ и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи", просятъ устроить „особливый домъ воспитанія". Не забыты и типографіи „при университетахъ, а гдѣ запотребно судится и при гимназіяхъ для печатанія какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ книгъ, которыя, чтобы не были противны вѣрѣ и самодержавному правленію, всегда будутъ свидѣтельствуемы отъ цензоровъ". Но обнаруживая такое большое пониманіе пользы наукъ, панство, тѣмъ не менѣе, не обнаруживаетъ желанія взять на свои плечи поддержку проектируемыхъ имъ разсадниковъ просвѣщенія. Напримѣръ, оно для всего разсчитываетъ „на казенный коштъ" хотя и изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ; въ прошеніи же Екатеринѣ II шляхетство изъявляетъ желаніе возложить тяготу по своему образованію на имѣнія духовенства.

Таковы два важнѣйшихъ предмета, на которыхъ сосредоточивается панская заботливость. Затѣмъ шляхетство проситъ обыкновенно о сохраненіи Литовскаго Статута, хотя нѣкоторая часть шляхетства и понимаетъ его несообразность съ требованіями времени, и не только допускаетъ, но даже желаетъ нѣкоторыхъ въ немъ исправленій: напримѣръ, черниговское шляхетство въ своемъ наказѣ находитъ, что статьи Статута о верховной власти несообразны съ началомъ самодержавія, что другія статьи противны естественному праву [1]) и т. д. Впрочемъ, просьба черниговскаго шляхетства о важныхъ измѣненіяхъ въ Статутѣ приписывается личной иниціативѣ Безбородки, которому далеко не сочувствовало остальное панство. Довольно любопытнымъ является въ наказахъ шляхетства отвращеніе малорусскихъ пановъ къ переписямъ вообще, въ частности къ генеральной переписи, предпринятой около того времени (такъ-называемой Румянцовской), которую они очень настоятельно, хотя мало убѣдительно, просятъ прекратить. Наконецъ, съ общимъ характеромъ являются хлопоты панства о средствахъ къ защитѣ ихъ имѣній и подданныхъ отъ притѣсненій и обидъ со стороны расквартированныхъ войскъ.

Когда сличишь между собою всѣ эти документы, въ которыхъ малорусское панство выражало свои желанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и степень пониманія какъ своихъ сословныхъ, такъ и интересовъ своего общества и народа, необходимо является такой выводъ. По мѣрѣ того, какъ панство обращалось въ дворянство и прочнѣе

---

[1]) Наказы, 11.

устанавливалось въ новомъ своемъ положеніи, кругъ его общественнаго пониманія, сколько о немъ можно судить по указаннымъ документамъ, какъ будто не только не расширялся, а наоборотъ, рѣзко съуживался. Въ прошеніи Екатеринѣ II при восшествіи ея на престолъ, самомъ раннемъ изъ разсматриваемыхъ документовъ, панство еще, какъ бы въ качествѣ войсковою уряда, плохо или хорошо, но заботится объ интересахъ всего общества, которымъ управляетъ. Оно проситъ правительство и о вольностяхъ духовнаго чина, и о вольностяхъ мѣщанъ, о лучшей организаціи войска, объ обезпеченіи козаковъ жалованьемъ, особенно въ заграничныхъ походахъ, вообще о всяческомъ облегченіи козачества: конечно, все это стоитъ на заднемъ планѣ по сравненію съ тѣмъ, чего панство хочетъ для себя, но все это есть все-таки; только одни посполитые всецѣло исчезаютъ изъ перспективы, въ какой панство располагаетъ свои соціальныя пожеланія. Въ Наказахъ депутатамъ, которые дѣлались если еще не отъ имени дворянства, то все-таки малорусскаго шляхетства, сословные шляхетскіе интересы заполняютъ собою почти все; лишь кое-гдѣ проскальзываетъ просьба о какой-нибудь мѣрѣ, которая захватываетъ собою общенародный интересъ, но непремѣнно такой, который совпадаетъ и съ интересами самого шляхетства. Наконецъ, въ прошеніи Александру I, при восшествіи его на престолъ, малорусское панство, являясь уже настоящимъ дворянствомъ, какъ будто утрачиваетъ и представленіе о томъ, что оно есть „умъ и душа народа"; мало того, какъ будто даже и сословные свои интересы оно начинаетъ понимать очень узко. Наряду съ просьбами объ удержаніи Литовскаго Статута и возстановленіи гродскихъ судовъ, оно проситъ лишь, пространно и краснорѣчиво, о сохраненіи своихъ старыхъ правъ свободнаго винокуренія и продажи вина, затѣмъ о нѣкоторомъ участіи въ выгодахъ городского хозяйства, наконецъ о льготахъ по сдачѣ рекрутъ; только лаконическая просьба объ университетѣ въ Черниговѣ еще напоминаетъ старое шляхетство, такъ хлопотавшее объ образованіи своихъ дѣтей [1]).

Были ли у малорусскаго дворянства какіе-либо политическіе идеалы? У болѣе передовой, образованной, его части были несомнѣнно. Но идеалы эти являются не какъ плодъ труда, изученія, знакомства съ разными формами жизни, а лишь какъ результатъ исторической традиціи. Когда останавливаешься на удивительныхъ генеалогическихъ фантазіяхъ малорусскаго панства, когда видишь то крайнее искаженіе историческихъ фактовъ, на какомъ оно

---

[1]) Кіевск. Стар. 1890, 8.

основывало обыкновенно свою аргументацію въ пользу благородства своего происхожденія, можно подумать, что имѣешь дѣло съ крайнимъ историческимъ невѣжествомъ. Но это ошибочно: на самомъ дѣлѣ, панство порядочно знало исторію своего края и любило въ нее углубляться—на это есть довольно много указаній. И несомнѣнно, оно увлекалось этой исторіей, которая такъ хорошо гармонировала съ его нарождающимися шляхетскими вкусами, и черпало изъ нея готовыя соціально-политическія идеи, хотя прекрасно понимало также и необходимость, въ настоящемъ своемъ положеніи, держать эти идеи подъ прикрытіемъ. Прошеніе къ Екатеринѣ II написано подъ сильнымъ вліяніемъ этихъ идей: очевидно, панство считало моментъ благопріятнымъ, чтобы высказаться откровеннѣе. Тутъ есть просьба и о вольномъ избраніи гетмана, и о шляхетскихъ судахъ, земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ по польскому образцу, съ малороссійскимъ трибуналомъ взамѣнъ Люблинскаго, а главное, о генеральной радѣ или сеймѣ, какъ воспроизведеніи польскаго шляхетскаго сейма; панство имѣло даже смѣлость увѣрять Екатерину II, что именно такая рада была подтверждена Малороссіи „пунктами, данными прежнимъ гетманомъ и другими документами", а не извѣстная войсковая козацкая рада. При восшествіи на престолъ Александра I изъ среды малорусскаго дворянства опять раздались голоса въ томъ же смыслѣ [1]). Но теперь уже преобладающимъ является иное настроеніе, толковымъ выразителемъ котораго является желчный авторъ „Замѣчаній о Малой Россіи". Реформы Екатерины II создали для дворянства такое statu quo, для котораго оно охотно отрекалось отъ старыхъ историческихъ традицій, и въ массѣ оно желало теперь одного: чтобы никакія случайныя вмѣшательства, въ родѣ того, какое имѣло мѣсто при Павлѣ, не мѣшали мирному процвѣтанію великихъ реформъ Великой Государыни.

А. Ефименко.

[1]) Романовичъ-Славатинскій, 483.

ПАУПЕРИЗМЪ

ВЪ

СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

Окончаніе *).

IV.

Цѣли Общества Организаціи Благотворительности.—„Дружественные посѣтители".—Искорененіе нищенства.—Изобличеніе мошенничества „благотворительныхъ" начинаній. — Свѣденія о бѣдныхъ въ справочномъ отдѣленіи Общества.—Моральное воздѣйствіе Общества на подпадающихъ его опекѣ людей.—Чтó мѣшаетъ успѣшному развитію учрежденія „посѣтителей"?—Тяжелыя задачи посѣтителя. — Первый шагъ человѣка на пути къ самостоятельности.—Сохранныя кассы для дѣтей.—Трущобные капиталисты.—Система пріученія взрослыхъ къ сбереженіямъ.

Идея, лежащая въ основѣ „Общества Организаціи Благотворительности", заключается въ томъ, чтобы учредить совмѣстную систему дѣятельности всѣхъ существующихъ въ странѣ филантропическихъ учрежденій въ видахъ извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы. Пока еще идея эта здѣсь не осуществилась вслѣдствіе тенденціи многихъ подобныхъ учрежденій работать исключительно за свой счетъ и по своей излюбленной методѣ—преимущественно притомъ на подкладкѣ религіозной. Это же Общество, напротивъ, обязывается по своему уставу вести свою дѣятельность безъ всякаго отношенія къ вопросамъ религіи, политики или національности и, главное, никогда, ни подъ какимъ видомъ

---

*) См. выше: іюль, 274 стр.

не вдаваться въ прозелитизмъ; оно ставитъ также правиломъ никогда не раздавать подаяній въ какой бы то ни было формѣ. Всѣ суммы, жертвуемыя на пользу Общества, должны идти на дѣло классификаціи и организаціи уже существующей въ городѣ благотворительности, на сборъ свѣденій о лицахъ, просящихъ помощи, на веденіе списковъ такихъ лицъ, съ краткимъ, но точнымъ обозначеніемъ всѣхъ собранныхъ о нихъ свѣденій, равно какъ и того, какимъ путемъ эти свѣденія добыты; затѣмъ ассигнуются деньги на учрежденіе и поддержку участковыхъ комитетовъ Общества, состоящихъ при его девяти отдѣленіяхъ въ различныхъ частяхъ Нью-Іорка.

Помимо сбора справокъ о просящихъ помощи, Общество направляетъ своихъ наемныхъ агентовъ и доброхотныхъ „дружественныхъ посѣтителей", набираемыхъ имъ изъ класса людей обезпеченныхъ и досужныхъ—въ дома бѣдныхъ съ порученіемъ помогать, кому нужно, словомъ и дѣломъ: доставлять работу, своевременно направлять достойныхъ помощи нуждающихся къ способнымъ имъ помочь благотворителямъ, стараться прививать въ невѣжественныхъ массахъ идеи санитарныя и гигіеническія. Эти посѣтители—friendly visitors — стараются также обращать вниманіе кого слѣдуетъ на наиболѣе цѣлесообразные способы улучшенія условій жизни въ центрахъ наибольшей скученности населенія, а паче всего заботятся о томъ, чтобы своевременной поддержкой ставить нуждающихся снова на ноги, внушать имъ бодрость и стремленіе жить собственнымъ трудомъ, не разсчитывая на помощь извнѣ. Эта послѣдняя задача, проводимая Обществомъ черезъ своихъ „дружественныхъ посѣтителей"— самая полезная, но вмѣстѣ и самая трудная, и мы еще вернемся къ ней, когда перейдемъ къ подробному обзору дѣятельности этихъ добровольныхъ агентовъ Общества.

Особенно успѣшна оказывается дѣятельность Общества въ дѣлѣ искорененія нищенства. За первыя пять лѣтъ со времени учрежденія его въ Нью-Іоркѣ до 1888 года его изслѣдованію подверглось 407.664 отдѣльныхъ лицъ и членовъ семей, обращавшихся за помощью и подаяніемъ, какъ по дѣйствительной нуждѣ, такъ и по лѣности или порочности. Изъ числа этихъ лицъ общество направило на заработокъ 2.594 чел., состоявшихъ до того уличными нищими, 1.474 чел. нищихъ арестовало и препроводило въ исправительныя тюрьмы, а 4.548 семей, давно уже впавшихъ въ привычку жить подаяніемъ, выведено Обществомъ на путь самопомощи, такъ что теперь эти семьи существуютъ уже на свои собственные заработки.

Я по необходимости выбираю лишь самыя выдающіяся статистическія данныя изъ сферы дѣятельности Общества. Какъ ни полезна его активная борьба противъ нужды, заѣдающей отдѣльныхъ людей, еще выше, кажется мнѣ, стоитъ „Организація Благотворительности" по заслугамъ своимъ въ дѣлѣ экономіи тѣхъ суммъ, какія удѣляются отъ имущихъ на поддержку неимущихъ. Не говоря уже о томъ, что, поднимая бѣдняка изъ круга зависимости въ кругъ производительнаго труда, оно заставляетъ его содѣйствовать обогащенію страны, Общество приноситъ неисчислимую пользу своими изслѣдованіями и смѣлыми изобличеніями всякаго рода псевдо-благотворительныхъ начинаній, затѣваемыхъ здѣсь всякаго рода мошенниками и тунеядцами, цѣль которыхъ состоитъ не столько въ подачѣ помощи нуждающимся, сколько въ томъ, чтобы самимъ примоститься въ качествѣ организаторовъ къ какой-нибудь денежной затѣѣ. За пять лѣтъ въ одномъ Нью-Іоркѣ стараніями Общ. Орг. Благотв. упразднено 63 такого рода „благотворительныхъ" обществъ; но до многихъ учрежденій, основанныхъ на какой-нибудь религіозной подкладкѣ, Общество не имѣетъ средствъ добраться, несмотря на явную ихъ недобросовѣстность. Значительныя сбереженія въ сферѣ филантропіи получаются еще благодаря тому, что Общество въ кругѣ своей дѣятельности предотвращаетъ возможность того, чтобы слишкомъ много вспомоществованій направлялось на однихъ лицъ въ ущербъ возможности распространенія своевременной помощи на другихъ. Многія благотворительныя общества состоятъ теперь въ числѣ „Обществъ-корреспондентовъ" Общества Орг. Благотвор., и общества тѣ, прежде чѣмъ подавать кому-либо помощь, посылаютъ запросъ въ Общ. Орг. Благотв. насчетъ того, получаетъ ли данный проситель уже другое вспомоществованіе. Сообразно отвѣту, они и дѣйствуютъ или же, въ случаѣ неимѣнія о данномъ лицѣ свѣденій, поручаютъ Общ. Орг. Благотв. навести справки.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное описаніе устройства Общества Орг. Благотв.; не безъинтересно, однакоже, я полагаю, будетъ, въ сопоставленіи съ достигаемыми результатами, отмѣтить, что всѣ расходы на содержаніе Общества исчислялись за 1888 годъ скромною суммою 31.000 долларовъ, сполна составившейся изъ пожертвованій частныхъ лицъ. Пожертвованія эти весьма скудны сравнительно съ тѣми огромными суммами, которыя идутъ на дѣла изощренія благотворительности по старымъ пріемамъ, или же на тайную благотворительность, согласно евангельскому предписанію: „да не вѣдаетъ лѣвая рука твоя, что̀ творитъ правая". Многихъ доброхотныхъ дателей отвра-

щаетъ самое заявленіе Общества, что на раздачу прямыхъ подаяній не истрачено будетъ ни единаго гроша изъ собранныхъ денегъ, что всѣ онѣ пойдутъ на дѣло „организаціи". На жалованье служащимъ при Обществѣ тратится всего 8.000 долларовъ—на канцелярію, и 7.000 долларовъ — платы агентамъ при девяти отдѣленіяхъ Общества и наемнымъ „посѣтителямъ" бѣдныхъ; 16.000 долларовъ расходуется на наемъ помѣщеній, печатаніе отчетовъ, брошюръ и на другіе мелкіе расходы; изъ этого можно видѣть, что поживиться при этомъ не на что.

А между тѣмъ, какъ много на эти малыя деньги дѣлается! Американскія библіотеки гордятся совершенствомъ, до котораго доведено у нихъ дѣло, и въ настоящее время щеголяютъ его результатами на Парижской выставкѣ; но классификація, введенная въ справочномъ бюро Общ. Орг. Благотв., ничѣмъ не уступаетъ столь прославленному дѣлу библіотечному. Вдоль трехъ стѣнъ большой комнаты тянутся шкафы съ выдвижными ящиками, наполненными карточками размѣромъ въ 5×4 дюймовъ, на лицевой сторонѣ которыхъ по различнымъ печатнымъ графамъ вписана въ сокращенномъ видѣ вся прошлая исторія лицъ, къ которымъ данная карточка относится. По одну сторону комнатъ находятся карточки, сложенныя въ алфавитномъ порядкѣ, и на нихъ занесены по фамиліямъ всѣ лица, просившія помощи, прошлое которыхъ когда-либо подпадало изслѣдованію Общества; на каждой карточкѣ помѣчены имена, лѣта и національность отца и матери семьи, число и имена ихъ дѣтей, причина ихъ матеріальнаго упадка, перечислены личные пороки, доведшіе ихъ до такого состоянія (если есть таковые), отмѣчено, давно ли семья находится въ странѣ и на настоящемъ своемъ мѣстѣ жительства, въ какомъ этажѣ и какой сторонѣ дома она помѣщается, гдѣ проживала до того времени, откуда она родомъ, какого когда придерживалась ремесла; на той же разграфленной карточкѣ такимъ же сокращеннымъ способомъ отмѣчено, числится ли эта семья въ благотворительныхъ спискахъ и отъ какого именно общества получалось ею вспомоществованіе; когда, долго ли и въ какомъ видѣ, кѣмъ изъ благотворительныхъ агентовъ Общ. Орг. Благотв. семья посѣщалась, и, наконецъ, тутъ же приписаны частныя замѣчанія, вносимыя собиравшимъ эти свѣденія агентомъ или „посѣтителемъ" отъ Общества.

По другую сторону комнаты въ такомъ же порядкѣ размѣщены въ ящикахъ карточки, на которыхъ занесены извѣстные Обществу бѣдняки уже по названію улицъ и нумеровъ домовъ, въ которыхъ они помѣщаются; на одной и той же карточкѣ

заносится новый адресъ семьи при каждой перемѣнѣ ею мѣста жительства и хранится эта карточка подъ литерой, соотвѣтствующей начальной буквѣ названія улицы, въ которой живетъ семья въ данное время.

Лишь только поступаетъ запросъ о комъ изъ нуждающихся, вся исторія этого лица немедленно прослѣживается по карточкамъ регистраторомъ Общества и требуемыя свѣденія выписываются; вся процедура занимаетъ не болѣе двадцати минутъ времени—и письмо отправляется сдѣлавшему запросъ, по городской почвѣ.

Все, что до сихъ поръ сказано мною о постановкѣ дѣла Общества Орг. Благотворительности, далеко, конечно, не исчерпываетъ объема его дѣятельности; я почти не коснулась проявляемаго имъ воспитательнаго и морализирующаго воздѣйствія на бѣднѣйшую часть народныхъ массъ—поднятія имъ не только матеріальнаго, но и нравственнаго уровня людей, отставшихъ отъ привычки къ самодѣятельности и независимости. А въ этомъ-то постепенномъ перевоспитаніи отдѣльныхъ лицъ и семействъ и заключается главная польза Общества, равно какъ и отличіе его дѣятельности отъ многочисленныхъ религіозныхъ и благотворительныхъ начинаній въ странѣ. Съ постояннымъ приливомъ сюда европейскихъ бѣдняковъ, американцы признаютъ, что имъ слѣдуетъ стоять теперь постоянно на-сторожѣ: мало устроивать бытъ недостаточнаго люда такъ, чтобы сдѣлать его независимымъ отъ поддержки Общества—слѣдуетъ еще обезпечить то, чтобы люди, выходящіе изъ этой среды, становились достойными гражданами страны, сознательно относящимися къ своимъ обязанностямъ человѣка и семьянина. Школа, конечно, дѣлаетъ свое дѣло, но все еще оставляетъ не мало пробѣловъ въ перевоспитаніи массъ; эти-то пробѣлы и восполняются, по мѣрѣ возможности, „дружественными посѣтителями" Общества въ тѣхъ районахъ, которые подлежатъ его дѣятельности.

Наемные „посѣтители"—самые опытные, но ихъ весьма немного; остальные—добровольцы и, конечно, по большей части женщины, которыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи больше свободнаго времени, надѣлены бо́льшею выносливостью, а главное, тактомъ, столь необходимымъ въ щекотливомъ дѣлѣ прирученія людей, озлобленныхъ или испорченныхъ нищетою. Само собою разумѣется, что наборъ подобныхъ лицъ далеко не легкое дѣло. Нью-іоркская жизнь такъ полна возбужденія, заботъ, борьбы и развлеченій, что печать суетности и поверхностности легла на самое населеніе города. Нью-іоркцы веселѣе, эгоистичнѣе и вѣт-

ренѣе, чѣмъ американцы какого бы то ни было другого пункта страны: здѣшній обыватель отстраняется отъ всего, способнаго затмить беззаботное теченіе его жизни; онъ готовъ подать нищему милостыню, но терпѣть не можетъ останавливаться на мысли о людскомъ горѣ и нуждѣ; этими мѣстными чертами характера нью-іоркскихъ жителей, въ значительной мѣрѣ навѣваемыми самымъ климатомъ города, и объясняется тотъ странный фактъ, что при полутора-милліонномъ населеніи Нью-Іорка здѣсь состоитъ всего 180 человѣкъ добровольныхъ „посѣтителей" бѣдныхъ при здѣшнемъ Общ. Орган. Благотв., тогда какъ въ Бостонѣ при 400.000 населенія имѣется ихъ 500, а въ Филадельфіи при 900.000 нас. насчитывается таковыхъ 800 человѣкъ; въ другихъ городахъ принимаетъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и учащаяся молодежь: такъ, въ Бостонѣ въ 1887 г. состоялъ 41 студентъ въ числѣ „дружественныхъ посѣтителей", а въ Балтиморѣ 25 студентовъ высшаго образовательнаго учрежденія Америки, John's Hopkins University. При томъ, тогда какъ въ другихъ городахъ одни и тѣ же посѣтители состоятъ въ распоряженіи Общества въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ Нью-Іоркѣ большинство отпадаетъ отъ дѣла послѣ перваго года восторженной преданности ему. Много тормозится дѣло опрометчивыми дилеттантами-посѣтителями; но руководители дѣла не утрачиваютъ своей вѣры въ „свѣжія силы извнѣ"; они владѣютъ по истинѣ неистощимымъ терпѣніемъ и даже съ этой шаткой поддержкой добиваются блестящихъ результатовъ.

Нельзя, впрочемъ, серьезно обвинять въ легкомысліи и непостоянствѣ всѣхъ отпадающихъ отъ дѣла „дружественныхъ посѣтителей"; задача эта иногда такъ невыносимо тяжела, что подкашиваетъ не только благороднѣйшія стремленія молодыхъ „посѣтителей", но порою разрушаетъ въ нихъ самую вѣру въ людей.

Добровольцъ-посѣтитель, предлагающій даромъ свои услуги Обществу, зачисляется въ ряды другихъ дѣятелей того же рода, и ему тотчасъ поручаютъ три-четыре бѣдныхъ семьи въ томъ участкѣ города, гдѣ онъ предпочитаетъ дѣйствовать. Эти семьи „посѣтитель" берется посѣщать, какъ часто можетъ, не дожидаясь того, чтобы тѣ обращались къ нему за помощью. Собственно говоря, посѣтителю строго предписывается и не пытаться предлагать какой бы то ни было помощи, пока онъ основательно не ознакомится съ бытомъ семьи и особенностями членовъ ея въ отдѣльности. Сдержанность собственныхъ порывовъ постановляется первою обязанностью посѣтителю: ему даются инструкціи въ томъ смыслѣ, чтобы ему стать по возможности

на одну доску съ поручаемыми ему людьми, стараясь смотрѣть на вещи съ ихъ собственной точки зрѣнія такъ, чтобы пріучить семью къ себѣ и своимъ посѣщеніямъ, какъ къ посѣщеніямъ простого знакомаго.

Казалось бы, не до посѣтителей тамъ, гдѣ людямъ не удается просуществовать безъ подаянія; но дѣло обстоитъ, однако, далеко не такъ, какъ можно бы судить со стороны. Нигдѣ не видала я въ Америкѣ такого множества досужаго люда, и женщинъ, и мужчинъ, какъ при обходѣ нью-іоркскихъ трущобъ: не было дома, на крыльцѣ котораго не толпилось бы праздныхъ людей; во всякой квартирѣ, гдѣ мы заставали хозяевъ, почти всегда сидѣли также и гости, и всѣ были не прочь съ нами поболтать, если только мало-мальски понимали англійскій языкъ. Конечно, досугомъ не могли похвастаться тѣ „узники бѣдности", что работаютъ по домамъ машиной или руками за самую нищенскую плату; но не этотъ классъ нуждался въ воспитательномъ воздѣйствіи „дружественныхъ посѣтителей": имъ требовался воздухъ, свѣтъ, пища, а главное—хотя бы маленькій проблескъ какого-нибудь развлеченія въ ихъ угнетенномъ, не знающемъ никакой радости существованіи.

Вначалѣ, конечно, къ присутствію посѣтителя относятся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, подозрѣваютъ его въ намѣреніи шпіонить, „учить", а не то и въ миссіонерскихъ планахъ. Но такъ какъ всѣмъ лицамъ, дѣйствующимъ отъ имени Общества Орган. Благотв., строжайшимъ образомъ запрещено вдаваться въ прозелитизмъ, то подозрѣнія семьи не оправдываются и мало-помалу исчезаютъ сами собою; тѣмъ временемъ посѣтитель успѣваетъ присмотрѣться къ быту семьи, познакомиться съ дѣтьми, войти къ нимъ въ довѣріе принятіемъ участія въ ихъ дѣтскихъ забавахъ (устраняя наиболѣе предосудительныя изъ нихъ), равно какъ и въ интересахъ болѣе взрослыхъ членовъ семьи.

Такъ какъ въ настоящее время даже наиболѣе пылкіе оптимисты вынуждены признавать тотъ фактъ, что огромному большинству неимущихъ суждено весь свой вѣкъ жить въ тѣхъ же условіяхъ, безо всякой особенно рѣзкой перемѣны въ обстоятельствахъ, то „дружественные посѣтители" главныя свои старанія направляютъ къ тому, чтобы побудить людей пользоваться тѣми рессурсами, которые у нихъ находятся подъ руками, чтобы сдѣлать ихъ жизнь нѣсколько болѣе сносною, не пробуждая въ нихъ, однако, неосуществимыхъ стремленій и надеждъ; даже въ дѣлѣ направленія дѣтей стараются держаться такихъ границъ, чтобы, давая имъ образованіе, не слишкомъ отчуждать ихъ отъ роди-

телей, не подвергать дѣтей риску „стыдиться“ своихъ родныхъ и среды; если же въ комъ изъ подростающаго поколѣнія и оказываются задатки недюжинныхъ дарованій, то дарованіямъ этимъ, при всеобщей распространенности грамотности, не трудно бываетъ заявить себя и найти средства пробиться впередъ.

Крайне тяжела эта пассивная сторона дѣятельности „посѣтителей“: обязательство не предпринимать ничего, не успѣвъ основательно присмотрѣться къ обстоятельствамъ, не смѣть подавать помощь иначе, какъ совѣтомъ и направленіемъ даже въ случаяхъ крайней нужды; въ практикѣ Общества Орган. Благотворительности бывали случаи, что посѣтителямъ удавалось возвращать на путь самостоятельности и независимаго заработка даже слѣпыхъ рабочихъ, которыхъ въ прежнее время неизмѣнно сдавали въ пріюты, сажали на даровой хлѣбъ. Конечно, запрещеніе подачи непосредственной помощи деньгами и вещами иногда обходится посѣтителями, но все же, по большей части, имъ удается удерживаться въ предначертанной имъ рамкѣ дѣятельности,—они стараются по возможности пользоваться тѣмъ, что̀ находится подъ руками, заставляя самую семью позаботиться о томъ, гдѣ бы раздобыться работой, къ кому бы изъ прежнихъ или наличныхъ друзей обратиться за временной поддержкой или указаніемъ работы. Всѣ усилія „посѣтителя“ направлены на возбужденіе самодѣятельности въ бѣднякахъ, опустившихъ уже безпомощно руки. Ихъ систематично стараются отъучить отъ самой мысли о томъ, что имъ можетъ придти помощь извнѣ.

Исходя изъ этого принципа, американская „научная филантропія“ стремится придерживаться системы извѣстной благотворительницы Октавіи Хилль, которая организовала въ Лондонѣ общество оздоровленія жилищъ бѣднаго населенія, опираясь на житейскій опытъ, доказывающій, что невѣжественныя массы цѣнятъ лишь то, что̀ дается имъ постепенно, цѣною ихъ же усилій. Извѣстное дѣло, что когда переселяютъ нечистоплотный, неряшливый людъ въ образцовый новый домъ, то онъ въ какой-нибудь мѣсяцъ времени успѣваетъ обращать тотъ домъ въ совершенный свиной хлѣвъ, а если станутъ его принуждать къ порядку и чистотѣ, то и вовсе предпочтетъ сбѣжать въ прежнюю свою трущобу. Теперь и здѣсь признается болѣе практичнымъ брать старые дома, производить въ нихъ возможныя санитарныя и другія улучшенія проведеніемъ воды, пробитіемъ оконъ на темныхъ лѣстницахъ, освѣщеніемъ послѣднихъ по вечерамъ, такъ какъ замѣчено, что свѣтлыя, теплыя помѣщенія отвлекаютъ мужчинъ отъ тяготѣнія къ кабаку по вечерамъ и значительно содѣйствуютъ

развитію чувства добропорядочности среди обитателей дома. Затѣмъ остальныя улучшенія предоставляются на выборъ и иниціативу самихъ жильцовъ, причемъ, не взимая съ нихъ дорого за квартиры, заставляютъ ихъ уплачивать часть издержекъ на улучшеніе, чтобы больше ими потомъ дорожили.

Эта-то мысль о желательности и возможности подобныхъ улучшеній въ ихъ бытѣ и вкладывается „посѣтителями" постепенно въ умы бѣдныхъ семей, освоившихся со своимъ положеніемъ и уже утратившихъ самое стремленіе къ лучшей обстановкѣ. Сплошь и рядомъ нерадивость и расточительность идутъ рука объ руку съ нищетою: ни въ какой средѣ не дѣлается сравнительно такъ много непроизводительныхъ тратъ, и тутъ-то участіе, совѣтъ посѣтителя, въ особенности женщины, имѣетъ наибольшіе шансы попасть на плодовитую почву. Женщина-посѣтительница склоняетъ отца семьи на починку стула вмѣсто покупки новаго по „дешевой" хотя бы цѣнѣ, научаетъ жену стряпать, чтобы обезпечить хоть какое-нибудь разнообразіе пищи, извлечь всю возможную питательность изъ купленной провизіи, доставляетъ молодымъ членамъ семьи возможность раздобыться старыми книгами, картинками, которыми бы увѣсить стѣны ихъ комнаты, мало-по-малу заинтересовываетъ людей въ украшеніи ихъ жилищъ и тѣмъ привязываетъ ихъ къ очагу, будитъ въ нихъ гордость достигнутыми успѣхами.

Большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ поднятія соціальнаго положенія бѣдняка почитается то время, когда онъ сознательно и добровольно принимается откладывать часть своего скуднаго заработка на черный день; и къ этому его опять-таки исподволь пріучаютъ „дружественные посѣтители": они стараются по возможности посѣщать ввѣренныя имъ семьи въ день полученія ими заработной платы и тогда же уговариваютъ ихъ отложить нѣсколько сентовъ въ сберегательную кассу, часто сами же съ нихъ собираютъ деньги—куютъ желѣзо, пока оно горячо. Обыкновенно вызываютъ людей на сбереженія, склоняя ихъ къ заранѣе намѣченной цѣли: покупкѣ угля на зиму, сапогъ, необходимаго платья, и когда, наконецъ, эта покупка совершается, она представляется бѣдняку, съ непривычки, тѣмъ же подаркомъ. Но тѣмъ не менѣе, мало-по-малу, привычка откладывать деньги грошами, хотя бы и изъ самаго скуднаго заработка, укореняется въ человѣкѣ: все равно привычно сидѣть впроголодь, на гривенникъ-другой меньше въ недѣлю поѣшь и не почувствуешь.

Прежде „посѣтители" обходили дома, собирали сбереженія въ семьяхъ и откладывали ихъ въ банкъ; это и теперь продол-

жаетъ дѣлаться въ извѣстныхъ случаяхъ. Но въ настоящее время Общество Орг. Бл. учредило въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города цѣлую систему Penny-Savings-Banks—сберегательныхъ кассъ, разсчитанныхъ, главнымъ образомъ, на привлеченіе дѣтей. Въ эти кассы можно дѣлать вклады хотя бы по одному сенту; если желаете отдать въ сохранную кассу сентъ, два, десять, двадцать-пять сентовъ, вамъ выдаютъ марку на сумму вклада, и эту марку вы вклеиваете въ свою книгу и тѣмъ отмѣчаете сумму своихъ сбереженій вплоть до десяти долларовъ, когда вамъ выдается, если желаете, настоящая банковая книжка—обыкновенно на Bowery Bank,—куда заносятся уже вклады обычнымъ образомъ. Марки сберегательныхъ кассъ Общества заказываются имъ самимъ по особымъ рисункамъ и походятъ размѣромъ на марки почтовыя. Для ребенка же красивая марка—большая приманка: уличный оборванецъ готовъ себѣ отказать въ любимомъ лакомствѣ, въ папиросѣ, лишь бы только урвать сентъ-другой на покупку кассовой марки, которую тутъ же и вклеиваетъ въ свою книжку, доставляя себѣ притомъ удовольствіе пересчитать и всѣ свои прежнія сбереженія, изображаемыя марками.

Цѣлыхъ два часа просидѣла я однажды въ одной изъ такихъ сохранныхъ кассъ, съ трехъ до пяти, наблюдая гурьбы школьниковъ, тѣснившихся къ кассѣ покупать марку или вынимать свои сбереженія. Сколько тутъ было оживленія, шутокъ, разсужденій о томъ, какая марка красивѣе! И каждый тутъ безпрестанно лѣзъ со своими разговорами и замѣчаніями къ молодой кассиршѣ, которая выглядывала на шумливыхъ дѣтей изъ окна своей будочки и не выдавала своего нетерпѣнія даже при самыхъ нелѣпыхъ просьбахъ и выходкахъ.

— Миссъ Гринъ, а, миссъ Гринъ!—неустанно приставалъ къ ней оборванецъ, едва носомъ достававшій до окошечка въ кассу.—Миссъ Гринъ, правду это Майкъ говорилъ намедни, будто у него долларъ въ банкѣ?

— Проходите, мальчикъ, проходите!—спокойно возражаетъ кассирша:—хотя бы и помнила, я права не имѣю разсказывать о томъ, какія у кого сбереженія.

— Миссъ Гринъ, послушайте хоть на минуточку, миссъ Гринъ! я пари съ Майкомъ держу, что къ Рождеству я столько же, сколько и онъ, накоплю, такъ неужто мнѣ...—но тутъ настойчивый банковый вкладчикъ сметается въ сторону локтемъ десятилѣтняго чумазаго малаго, который, съ чувствомъ собственнаго достоинства, уставясь въ упоръ на кассиршу, твердо заявляетъ ей требованіе получить сейчасъ же три доллара сорокъ девять

сентовъ: толпа въ молчаніи разступается передъ капиталистомъ, на него обращаются пытливые взгляды, окружающая мелюзга становится на цыпочки, чтобы посмотрѣть, не даромъ ли только куражится вкладчикъ,—полно, выдадутъ ли ему еще такую махину денегъ сполна?.. Но нѣтъ, капиталистъ это оказывается настоящій: кассирша, ни слова не говоря, выдаетъ ему требуемую сумму, накладывая штемпель на соотвѣтственное ей число марокъ, подлежащихъ погашенію; мальчикъ методично, не спѣша, пересчитываетъ деньги и прячетъ ихъ въ карманъ жилета: „а остальные-то два доллара я ужъ себѣ на разживу, такъ и быть у васъ, миссъ Гринъ, оставлю“...

Капиталистическія замашки коренастаго мальчика, самоувѣренность тона его, насупленный видъ и разсмѣшили, и заинтересовали меня.—Зачѣмъ вамъ разомъ понадобилась такая большая сумма?—спрашиваю его. Онъ взглянулъ на меня, точно будто сожалѣя о моей простотѣ:

— А гдѣ же я возьму сапоги? Да и жилетку я себѣ высмотрѣлъ въ Baxter street,—не удержался онъ похвастать, вскидывая на меня глазами и переходя въ болѣе мягкій тонъ.

— Миссъ Гринъ, послушайте, миссъ Гринъ! дайте мнѣ марку въ четыре сента!—раздается тутъ тонкій голосокъ маленькой дѣвочки у окна:—а я вѣдь эту недѣлю на цѣлыхъ семь сентовъ марокъ купила,—не правда ли, купила, миссъ Гринъ?

— Какъ ваше имя, дѣвочка? Скажите ваше имя и фамилію, чтобы можно мнѣ было вашу книжку сыскать,—говоритъ кассирша.

— Анни,—заявляетъ дѣвочка, уставляясь на нее жадными, круглыми глазенками.—Анни Догерти, миссъ Гринъ!—хоромъ добавляетъ за дѣвочку болѣе нея навострившаяся „въ дѣлахъ“ публика.

— Долларъ изъ причитающихся мнѣ суммъ дозвольте получить!—рѣзкимъ дискантомъ выпѣваетъ, подходя къ окну, мальчикъ лѣтъ семи по росту, но, очевидно, старше, судя по лицу и манерѣ выражаться:—Тому Смедли выдайте долларъ по книжкѣ!

— Цѣлый долларъ, Томми?—съ улыбкой переспрашиваетъ кассирша.

— Ровно долларъ, миссъ Гринъ: въ торговлю пуститься хочу.

— Леденцами Томми торговать станетъ, миссъ Гринъ,—восторженно провозглашаетъ, не выдержавъ, одинъ изъ спутниковъ Томми; съ нимъ явилась цѣлая орава мальчиковъ, кажется, для того одного, чтобы только взглянуть, какъ тотъ свой капиталъ вынимать станетъ.

Такимъ-то порядкомъ, подъ градомъ совѣтовъ, шутокъ, остротъ,

проходятъ десятки вкладчиковъ мимо оконца кассирши; всякій тутъ смотритъ смѣло, въ явномъ сознаніи того, что пріобрѣлъ себѣ право входа въ просторное помѣщеніе, полное право распоряжаться какъ хочетъ своими сбереженіями; весело было при этомъ смотрѣть на оживленныя, смышленыя дѣтскія лица. Прибавить не мѣшаетъ, что пока деньги вкладчиковъ остаются въ кассѣ, на нихъ выдается по 2%.

Старшихъ не такъ, говорятъ, легко приручать къ банку: то не выберется времени зайти туда, а тамъ и деньги изъ рукъ уплывутъ. Система же сбереженій только тогда и дѣйствительна, когда преслѣдуется постоянно, безъ особенныхъ скачковъ. Сознавая это, агенты сберегательныхъ кассъ Общества Орган. Благотв. систематически обходятъ всѣ квартиры въ бѣднѣйшихъ кварталахъ, предлагая каждому отдать на сбереженіе хотя бы нѣсколько сентовъ. Конечно, на это уходитъ у „сборщика" много времени, но еще болѣе времени уходитъ на то, чтобы подавать требуемые у него при этомъ совѣты; весьма часто „сборъ сбереженій" является для агентовъ Общества прекраснымъ средствомъ къ знакомству съ семьями и направленію ихъ на путь самостоятельности. Не даромъ гласитъ американская поговорка: „человѣкъ съ деньгами въ банкѣ вдвойнѣ человѣкъ противъ того, у кого нѣтъ банковаго кредита" (A man with a bank account is twice the man without it)...

V.

Еще о дружественныхъ посѣтителяхъ.—Ободряющее вліяніе личнаго участія.—Непопулярность больницъ.—Методы американскихъ врачей.—Трудность подбора хорошихъ посѣтителей.—Опасенія соблазна благотворительныхъ фондовъ.—Провинціальныя Общества Организаціи Благотворительности и ихъ уклоненія отъ основныхъ правилъ учрежденія.—Цѣли „научной благотворительности" вообще.

Но вернемся къ дѣятельности дружественныхъ посѣтителей. Конечно, имъ часто приходится встрѣчаться съ случаями болѣзней или безъисходной, крайней нужды, гдѣ прямая матеріальная помощь является неотложною необходимостью. И тогда „дружественный посѣтитель" все же не спѣшитъ отправлять человѣка въ пріютъ или больницу, не спѣшитъ затеривать его личность въ какомъ бы то ни было учрежденіи подъ видомъ „входящаго нумера", а старается какъ можно скорѣе разыскать кого-либо изъ его родныхъ или прежнихъ друзей, которые могли бы помочь бѣдняку

временно, изъ личнаго къ нему расположенія. Самое сознаніе того, что у него есть еще *личные* доброжелатели, ободрительно дѣйствуетъ на забитаго жизнью человѣка, побуждаетъ его встряхнуться, оправдать оказываемое ему довѣріе, найти работу, расплатиться при первой возможности, тогда какъ помощь, подаваемая ему въ общественномъ учрежденіи, часто ведетъ неудачника къ обидному сознанію отрѣзанности своей отъ остального человѣчества, убиваетъ въ немъ послѣднюю искру гордости и самодѣятельности.

Равнымъ образомъ поступаютъ и съ больными. „Посѣтитель" выспрашиваетъ у врача, что̀ требуется для быстрѣйшаго поправленія больного, и направляетъ родныхъ этого послѣдняго въ мѣста, гдѣ можно временно достать для больного вещи по дешевой цѣнѣ. Въ больницу и здѣсь, какъ въ Европѣ, недостаточные люди терпѣть не могутъ поступать, и отправляютъ ихъ туда врачи лишь въ крайнихъ случаяхъ. Изъ числа наиболѣе патетическихъ проявленій гнетущей нужды, встрѣченныхъ мною въ бѣдныхъ кварталахъ города, едва ли не самое удручающее было положеніе одной престарѣлой четы: семидесяти-трехъ-лѣтній, едва ноги передвигавшій, мужъ завѣдывалъ тутъ всѣмъ хозяйствомъ въ единственной ихъ бѣдной и грязной комнаткѣ и одинъ ухаживалъ за 65-ти-лѣтней женою, медленно угасавшею отъ послѣдствій остраго воспаленія легкихъ. Старикъ видимо уже съ ногъ смотался, ни отъ кого не имѣя помощи ни днемъ, ни ночью: онъ безпомощно мигалъ своими голубыми, кроткими старческими глазами изъ-подъ сдвинутыхъ на лобъ круглыхъ очковъ въ желѣзной оправѣ, шамкалъ что-то на непонятномъ нѣмецко-англійскомъ жаргонѣ, суетился передъ врачомъ, который упрекалъ его за неряшливость и за то, что старикъ не можетъ отказаться отъ обычной своей порціи пива. Молодой врачъ былъ коренной американецъ, выросшій въ провинціи, и, подобно большинству такихъ людей, почиталъ даже умѣренное питье пива чуть ли не серьезнымъ порокомъ.

Пока распекалъ его врачъ за то, что полъ въ комнатѣ не мытъ, старикъ еще крѣпился; но лишь только тотъ пригрозился, въ случаѣ неприведенія помѣщенія въ приличный видъ, перевезти больную въ больницу, старикъ вдругъ расплакался—расплакался тихо, какъ плачутъ старики: лицо точно застыло въ одномъ выраженіи безпомощности, и слезы одна за другой выкатывались изъ глазъ, расходясь по избороздившимъ лицо морщинамъ. Но черезъ минуту на его лицѣ явилась примирительная улыбка, и онъ принялся разсыпаться въ самыхъ нелѣпыхъ обѣщаніяхъ доктору, лишь бы тотъ оставилъ дорогую ему больную въ его нищенской каморкѣ. И надо *видѣть* было, какъ по-дѣтски просіяло

лицо старика, когда и докторъ, улыбнувшись, заявилъ, что не тронетъ больную, если только старикъ приберетъ комнату.

Какъ узнала я потомъ, эта умирающая жена нѣмца-старика была природная американка, образованная женщина, которая, оставшись вдовою послѣ своего перваго богатаго мужа, вышла замужъ за полюбившагося ей нѣмца-наѣздника и ни словомъ, какъ увѣряютъ, за всю ихъ жизнь не попрекнула его за то, что онъ потерялъ все ея состояніе на разныхъ спекуляціяхъ и довелъ ее до крайней нищеты: какъ видно, въ иныхъ случаяхъ любовь такъ живуча, что ея не убиваетъ и нищета.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что, какъ бы бѣдны ни были паціенты, здѣшніе доктора даромъ ихъ не лечатъ, хотя немедленной платы и не требуютъ. Выходя разъ изъ квартиры рабочаго, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ сидѣвшаго безъ заработка, жена котораго успѣла уже все, что могла, заложить, чтобы просуществовать, при уходѣ за больными скарлатиною дѣтьми, молодой и весьма, казалось, сердобольный врачъ, сопровождавшій меня, сказалъ мнѣ: „Угадайте, зачѣмъ меня кликнула назадъ мать этого умирающаго ребенка? Это она хотѣла заплатить мнѣ за визитъ. Я теперь, конечно, не взялъ денегъ, но потомъ непремѣнно ихъ стребую, такъ ей и сказалъ". — Но откуда же ей взять денегъ? — вырвалось у меня. —„Ну, ужъ это ея дѣло. Не возьми я съ нея денегъ, она пришлетъ мнѣ двадцать своихъ пріятельницъ, разрушитъ мою хорошую практику, а сама станетъ тратить на пустяки деньги, которыя „съэкономила" на докторѣ".

Противъ этого довода, конечно, и спорить было нечего: мало на свѣтѣ людей, способныхъ пускать на дѣло неожиданно оставшіяся на рукахъ деньги.

Понятное дѣло, что со стороны участковыхъ комитетовъ Общ. Орг. Бл. требуется чрезвычайно много такта для того, чтобы руководить посѣтителями, направлять ихъ; но всѣ организаторы дѣла согласно заявляютъ, что невозможно заранѣе сказать, какой требуется въ человѣкѣ темпераментъ, чтобы вышелъ изъ него хорошій „дружественный посѣтитель"—такъ разносторонни требованія, налагаемыя на этихъ лицъ. Посѣтитель зорько слѣдитъ за тѣмъ, чтобы дѣти бѣдныхъ семей не оставались необученными; онъ долженъ притомъ располагать основательнымъ знаніемъ по части законовъ страны и статутовъ штата, чтобы быть въ состояніи неотлагательно подать благой совѣтъ человѣку, обращающемуся къ нему, а иногда и для того, чтобы ограждать бѣдняковъ отъ зловредныхъ филантропическихъ затѣй извѣстнаго Эльбриджа Герри, стоящаго во главѣ „Общества Предотвращенія Жестокости къ

дѣтямъ“ и доходящаго въ своемъ фанатическомъ преклоненіи передъ „системой“ до того, что съ какою-то жадностью забираетъ дѣтей при первой возможности и нерѣдко отказывается возвращать ихъ родителямъ въ видахъ будто бы „блага дѣтей“. Общество Орган. Благотв. рѣшительно противится раздѣленію семей и готово бороться всѣми средствами противъ фанатиковъ-филантроповъ этого пошиба. Тутъ-то и проявляется польза отъ „посѣтителей“ законниковъ.

Основное правило здѣшней „научной“ филантропіи состоитъ въ томъ, какъ объяснено выше, чтобы старательно обходить все, что можетъ располагать бѣдняка къ тунеядству, и чтобы непрестанно оказывать нравственную поддержку нуждающимся въ ободреніи,—и это вплоть до самой той поры, когда онъ рѣшительно станетъ на ноги.

Нѣтъ того вида человѣческой нужды, на запросъ которой о помощи Общ. Организаціи Благотворительности посмѣло бы отвѣтить: „это дѣло до насъ не относится“. Если Обществу предъявлены будутъ требованія, удовлетворить которыхъ само оно не въ состояніи, оно поставляетъ себѣ непремѣнной задачей *немедленно* направить нуждающагося въ то общество или къ тому лицу, которое ему можетъ оказать помощь, такъ какъ первая функція Общества Орг. Благотв. состоитъ въ томъ, чтобы служить справочною конторою всѣхъ существующихъ на мѣстѣ благотворительныхъ обществъ.

Участковымъ комитетамъ своимъ Общество Орг. Бл. предоставляетъ большую свободу дѣйствій и выбора средствъ, но оно рѣшительно запрещаетъ имъ производить какіе бы ни было сборы фондовъ на дѣла благотворительности; оно предпочитаетъ отсылать пока всѣхъ бѣдныхъ, нуждающихся въ пособіяхъ, въ другія общества, спеціально занимающіяся раздачею таковыхъ. „Какъ бы совершенна ни была постановка нашего Общества,—говорятъ здѣшніе его руководители,—однимъ механизмомъ многаго не добьешься. Для успѣшнаго веденія дѣла требуются честность, умъ и бездна доброй воли; а лишь только заведется у насъ при Обществѣ небольшой „благотворительный фондъ“, такъ найдутся и между нами желающіе поживиться отъ него“.

Вотъ и ведется все это широкое благое дѣло на какихъ-нибудь 30.000 долларовъ въ годъ, въ полутора-милліонномъ городѣ съ безпримѣрно смѣшаннымъ населеніемъ!..

Разсѣянныя по всему союзу 60 Обществъ Орг. Благотв. постоянно ведутъ обмѣнъ свѣденій и сообщеній какъ между собою, такъ и съ европейскими обществами того же характера, такъ что

если гдѣ въ районѣ дѣятельности какого-либо общества появляется новый нищій и, обращаясь за помощью, заявляетъ, откуда прибылъ,—то въ указанное мѣсто немедленно посылается Обществомъ запросъ, и въ отвѣтъ получаются имъ всѣ извѣстныя данныя о новомъ просителѣ.

Воздержаніе отъ раздачи пособій вполнѣ удобно для „Общества" лишь въ такихъ городахъ какъ Нью-Іоркъ, Бостонъ, Филадельфія, гдѣ существуетъ огромное разнообразіе въ методахъ благотворительности, преслѣдуемыхъ отдѣльными обществами. Провинціальныя же отдѣленія Общества Орг. Благотв., пользуясь широкою свободою въ выработкѣ собственныхъ способовъ дѣйствія и не имѣя подъ рукою требуемыхъ союзниковъ, нерѣдко сами вдаются въ разныя филантропическія начинанія. Такимъ путемъ, по иниціативѣ разныхъ отдѣленій Общества, устроиваются ремесленныя школы, образцовыя кухни, швейныя, читальни въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города, вечерніе классы для мастеровыхъ, crêches для малыхъ дѣтей поденщицъ, общества для вывоза дѣтей и слабыхъ матерей на берегъ моря, дневныя экскурсіи для неимущихъ, фермы для болѣзненныхъ дѣтей; организуются общества для снабженія больныхъ въ госпиталяхъ игрушками, книгами, живыми цвѣтами,—всѣхъ добрыхъ затѣй и не перечтешь. Конечно, вдаваясь въ такого рода благотворительныя начинанія, провинціальныя отдѣленія Общества Орган. Благотворительности выступаютъ изъ рамокъ, предначертанныхъ этимъ учрежденіемъ. Но помѣшать этому невозможно; въ этой жаждѣ разносторонней дѣятельности сказывается національная американская идея о томъ, что если нельзя достигнуть успѣха „по правиламъ", то слѣдуетъ попытаться достичь какъ можно лучшихъ результатовъ, не придерживаясь никакихъ прецедентовъ. Такъ поступаютъ американцы въ дѣлѣ народнаго образованія, поручая сельскія школы полуграмотнымъ учителямъ, лишь бы дѣти не выросли неграмотными тамъ, гдѣ средства не позволяютъ людямъ заручиться учителемъ образованнымъ.

Впрочемъ, разнообразя предпріятія свои на почвѣ филантропіи, американцы не слишкомъ отдаляются отъ цѣлей научной благотворительности, которыя достигаются мѣрами предохранительными столько же, сколько и цѣлительными, и потому представляютъ большой выборъ для дѣятельности людямъ, желающимъ быть полезными. Притомъ предохранительная дѣятельность гораздо полезнѣе и лучше вознаграждается, чѣмъ цѣлительная; объ этомъ единодушно свидѣтельствуютъ руководители всѣхъ многочисленныхъ

учрежденій такого рода, возникающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, равно какъ и въ другихъ странахъ.

Задачи, затрогиваемыя научной благотворительностью, трояваго рода и всѣ онѣ разсчитаны на обезпеченіе благъ для всего общества.

Первый разрядъ услугъ, оказываемыхъ научною благотворительностью обществу, идетъ на прямую пользу каждаго члена его: сюда относится забота объ устройствѣ хорошаго дренажа, хорошихъ школъ, общественныхъ читаленъ и библіотекъ, приличныхъ бань и купаленъ, поддержка улицъ въ чистотѣ и порядкѣ, заботы объ огражденіи общественной нравственности и о примѣненіи законовъ, регулирующихъ продажу спиртныхъ напитковъ. Конечно, въ большихъ центрахъ населенія эти заботы уже отошли въ вѣденіе спеціальныхъ вѣдомствъ и расходы ихъ покрываются налогами на гражданъ; но въ тѣхъ первобытныхъ общинахъ, которыя еще не доросли до сознанія необходимости этихъ мѣръ, научная филантропія признаетъ прямой своей обязанностью проводить ихъ въ жизнь.

Второй разрядъ услугъ, оказываемыхъ обществу научной филантропіей, является въ формѣ прямого служенія лишь извѣстному классу гражданъ, но косвенно утверждаетъ общественную жизнь на болѣе оздоровленныхъ началахъ и тѣмъ идетъ всѣмъ гражданамъ на пользу. Сюда относятся лекціи для рабочихъ, ремесленныя школы и артистическіе классы для взрослыхъ и дѣтей, сборъ сбереженій, популяризація изящныхъ искусствъ въ народныхъ массахъ. Этотъ второй отдѣлъ благотворительной дѣятельности весьма важенъ въ дѣлѣ упроченія здоровыхъ общественныхъ функцій въ странѣ, подобной Соединеннымъ Штатамъ, такъ какъ въ этой сферѣ дѣятельности постоянно возникаютъ случаи сближенія людей различныхъ классовъ общества для оказанія ими другъ другу взаимныхъ услугъ не будь этихъ точекъ соприкосновеннія между невѣжественными и учеными, между бѣдными и богатыми, они и по сю пору продолжали бы жить въ полнѣйшемъ разобщеніи другъ съ другомъ.

Третій разрядъ дѣятельности органовъ научной благотворительности уже чисто цѣлительный: дѣйствію его подпадаютъ лишь отдѣльныя личности, неспособныя собственными усиліями подняться изъ нищеты и порочности, въ которую впали въ жизненной борьбѣ. До сей поры огромному большинству обездоленныхъ міра сего предоставлялось, какъ говорится, „отправляться къ чорту каждому на свой манеръ", пока не попадали они въ рабочіе и исправительные дома, въ тюрьмы, пріюты или больницы. Меньшинство

попадало въ руки людей и обществъ, руководимыхъ духомъ религіи, и стараніями этихъ послѣднихъ извѣстное число обездоленныхъ иногда перерождалось въ дѣйствительно богобоязненныхъ людей, становилось хорошими гражданами; но зато множество другихъ обращалось подъ давленіемъ религіозныхъ идей лишь въ лицемѣровъ, носящихъ личину благочестія изъ личныхъ соображеній, изъ-за чревоугодія; иные обращались въ психопатовъ, которымъ религія сладка лишь какъ средство раздраженія нервовъ; а нерѣдко случались и такіе, что прямо, сознательно, зачислялись въ ту касту состоящихъ при богатыхъ приходахъ „бѣдныхъ", на которыхъ направляютъ богачи свои „душеспасительныя щедроты". Какимъ порядкомъ дѣло ни велось, все же въ результатѣ частной благотворительности являлось умноженіе паразитовъ націи, сидящихъ на шеѣ у трудящихся, добропорядочныхъ людей.

Въ настоящее время все болѣе и болѣе упраздняется, однако, прежній взглядъ на неудачника, какъ на лицо, несущее кару за собственные свои проступки и пороки, и все болѣе утверждается увѣренность въ томъ, что отдѣльный человѣкъ повсемѣстно является лишь тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его среда, и что, слѣдовательно, все общество обязано нести отвѣтственность за вредныхъ членовъ своихъ, употребляя всѣ средства къ искорененію имъ самимъ причиненнаго зла.

Отсюда и возникаютъ „научные принципы" благотворительности, которые у образованныхъ американцевъ, какъ на скалѣ, зиждутся на слѣдующихъ излюбленныхъ ими девизахъ. Знаменитый американскій мыслитель Эмерсонъ провозгласилъ, что „невелика для меня польза отъ того, если мнѣ кто дастъ что-нибудь; но зато великая для меня польза кроется въ томъ, если кто поставитъ меня въ возможность совершить что-нибудь мнѣ самому на пользу". Другой писатель, Drummond, въ своей книгѣ: „Natural Laws in the Spiritual World", прямо установляетъ тотъ законъ, что: „вреденъ всякій принципъ, въ силу котораго за человѣкомъ обезпечивается пища безъ расхода съ его стороны; введеніе въ жизнь принципа такого свойства всегда сопровождается вырожденіемъ общества и утратою отдѣльныхъ частей".

VI.

Опасности обособленія классовъ при республиканскомъ образѣ правленія.—Неравномѣрность распредѣленія гражданъ, способныхъ настаивать на повсемѣстномъ примѣненіи законовъ. — Англійскіе прецеденты.—People's Palace.—Движеніе, организованное оксфордскимъ университетомъ. — Принципы, легшіе въ основаніе Toynbee Hall.—Сходство жизненныхъ условій недостаточныхъ классовъ въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ.—Движеніе, направляемое американцами высшаго образованія.—„Народный Дворецъ" въ Чикаго. —Сфера дѣятельности образованной мужской молодежи.

Послѣ всего приведеннаго выше, положеніе дѣлъ, безпокоящее мыслящихъ людей Америки, становится, я надѣюсь, понятнымъ. Изъ Европы продолжаютъ устремляться сюда цѣлыя орды полудикихъ людей, а билль Форда, представленный въ конгрессъ въ видахъ ограниченія эмиграціи въ страну, до сей поры остается еще проектомъ. Да если билль и пріобрѣтетъ силу закона, станетъ даже примѣняться въ полномъ объемѣ своемъ, то и тогда невѣжественный, полудикій элементъ европейскаго населенія все же будетъ сюда прибывать по прежнему, такъ какъ, по разсчету самого Форда, принятіе его билля закроетъ доступъ не болѣе какъ 150.000 человѣкъ изъ тѣхъ 450.000 или полу-милліона переселенцевъ, какіе прибываютъ сюда ежегодно: американцы и тогда могутъ разсчитывать получать изъ Европы отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ эмигрантовъ ежегодно, и большинство ихъ, подчиняясь общей тенденціи бѣдняковъ, будутъ по прежнему тѣсниться въ грязи и духотѣ большихъ городовъ. Такимъ путемъ на низшей ступени городской жизни будетъ все болѣе и болѣе размножаться классъ почти дикій, не цивилизованный, по той простой причинѣ, что цивилизація никогда еще не касалась его: отцы и дѣды этого класса были нецивилизованы, и если дѣйствительно этотъ классъ поставляетъ людей жестокихъ, преступныхъ и безнравственныхъ, какъ многіе теперь утверждаютъ, то это потому лишь, что люди эти ничего другого не видали передъ собою съ самой своей колыбели.

И съ каждымъ годомъ это городское населеніе будетъ увеличиваться. Будь этотъ людъ равномѣрно распредѣленъ по лицу всей страны, онъ несомнѣнно, какъ и утверждаетъ докторъ Макъ Глиннъ, слился бы съ туземнымъ населеніемъ и обратился бы, въ свою очередь, въ добропорядочныхъ гражданъ; но бѣда въ томъ, что невѣжественный элементъ скученъ по большимъ городамъ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ болѣе достаточные жители знаютъ

нужды бѣднѣйшихъ и, по мѣрѣ возможности, облегчаютъ ихъ, но въ городахъ этого нѣтъ. Въ такихъ многолюдныхъ центрахъ населенія, какъ Нью-Іоркъ, Филадельфія, Чикаго, достаточные слишкомъ далеко отстоятъ отъ бѣдныхъ, у нихъ нѣтъ досуга, они могутъ подавать нуждающимся лишь денежную помощь, которая только развиваетъ пауперизмъ.

Тѣмъ временемъ въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ болѣе всего тѣснятся бѣдняки, совсѣмъ нѣтъ просвѣщенныхъ обывателей, способныхъ располагать своимъ временемъ на служеніе общему дѣлу мѣстнаго самоуправленія, нѣтъ людей, которые бы знали городскія постановленія и могли бы настаивать на исполненіи санитарныхъ и другихъ предписаній.

Такая рѣшительная обособленность людей достаточныхъ, съ одной стороны, и бѣдныхъ обитателей города, съ другой, сопряжена, какъ всѣ здѣсь сознаютъ, съ большими опасностями при республиканскомъ образѣ правленія и даже грозитъ водвореніемъ хаоса, среди котораго не удержится никакая цивилизація. И здѣсь, какъ почти вездѣ, законовъ довольно, и законовъ весьма хорошихъ; но въ томъ бѣда, что есть мѣста, гдѣ некому настаивать на томъ, чтобы они примѣнялись.

Какимъ же образомъ создать въ средѣ нуждающихся такой классъ населенія, который бы способенъ былъ оцѣнивать мѣстныя нужды и выработывать мѣры къ ихъ удовлетворенію? Какимъ образомъ установить то общеніе между высшими и низшими классами страны, которое, какъ утверждаютъ такіе авторитетные люди, какъ членъ палаты общинъ Гошенъ, проф. Гёксли, одно можетъ содѣйствовать разрѣшенію труднаго соціальнаго вопроса?

Въ штатахъ съ самыхъ различныхъ сторонъ подходятъ къ разрѣшенію этой задачи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникаютъ организаціи, подобныя „клубамъ націоналистовъ“, воскрешающія идеи фурьеристовъ, предлагающія соціалистическія мѣры леченія, могущественную государственную организацію для предотвращенія бѣдности или, по крайней мѣрѣ, нищеты. Съ другой стороны, большинство просвѣщенныхъ американцевъ судитъ такъ, что какіе бы ни проводились законы, какая бы ни выработана была крѣпкая государственная организація—въ этомъ никогда не можетъ быть прочнаго залога успѣха, такъ какъ никакіе законы не могутъ проявлять той эластичности, какая требуется для примѣненія къ вѣчно мѣняющимся фазисамъ и условіямъ соціальнаго быта. Не привлекаетъ этихъ людей и та панацея для искорененія всѣхъ соціальныхъ золъ, которая предлагается Генри Джорджемъ.

Въ такомъ-то затрудненіи многіе энергическіе люди Америки

снова обратили свои взоры на Европу, стали приглядываться къ тѣмъ мѣрамъ, которыя недавно стали примѣняться просвѣщенными англичанами въ видахъ улучшенія положенія въ Восточномъ Лондонѣ, бѣдные кварталы котораго представляютъ ту же опасность для большого города, какъ нижніе кварталы города для Нью-Іорка. И вотъ, въ старомъ Лондонѣ, глазамъ американцевъ представило два грандіозныхъ начинанія: на первомъ планѣ въ трущобныхъ кварталахъ его возвышается великолѣпное зданіе Народнаго дворца—People's palace, построеннаго на деньги богатыхъ людей, аристократовъ, открытаго года два-три тому назадъ самой королевой Викторіей и предназначеннаго служить клубомъ для бѣднѣйшаго населенія, гдѣ оно могло бы имѣть развлеченія, удаляющія его отъ кабака, и въ то же время находило бы средства къ собственному развитію и усовершенствованію.

Сначала идея основанія и у себя „Народнаго Дворца" показалась американцамъ весьма привлекательной, такъ какъ и они сознаютъ, что тяжесть существованія бѣднаго человѣка кроется не въ одной недостаточности пищи, но и въ нравственномъ голодѣ, въ неимѣніи какихъ бы то ни было развлеченій, какой бы то ни было приличной арены общенія съ себѣ подобными, особенно съ людьми высшаго развитія. Но увлеченіе этой идеей было среди американцевъ весьма кратковременно, такъ какъ даже просвѣщеннѣйшіе люди, наилучшіе друзья бѣднаго человѣка, стали заявлять, что „Народный Дворецъ" въ Америкѣ неосуществимъ, такъ какъ здѣсь ничто не прививается, что не выработано стараніями самого народа. Примѣры этого весьма многочисленны. Въ одномъ изъ городовъ штата Нью-Іорка даже образовалась ассоціація благотворительныхъ женщинъ, которыя наняли помѣщеніе именно для того, чтобы доставить фабричнымъ дѣвушкамъ мѣсто для отдыха и развлеченій. Помѣщеніе это убрали, увѣсили стѣны картинами, наняли рояль, припасли разныя игры, подготовили даже туманныя картины. Объ открытіи помѣщенія толковали въ городѣ много, во всѣхъ газетахъ опубликовано было приглашеніе всѣмъ фабричнымъ и бѣднымъ дѣвушкамъ придти на открытіе и веселиться сколько ихъ душѣ угодно... Наступило время открытія помѣщенія; три изъ дамъ-организаторовъ явились спозаранку встрѣчать ожидаемыхъ гостей, ободрять наиболѣе робкихъ и застѣнчивыхъ—и что же? Сколько ни ждали дамы гостей—не явилась къ нимъ ни одна дѣвушка, и дѣло этой ассоціаціи рушилось само собою. Слишкомъ уже противно духу американскаго рабочаго человѣка, когда на него смотрятъ какъ на особое существо, когда богатые начинаютъ дѣйствовать въ его интересахъ,

будто на пользу какого-то отрѣзаннаго класса. Однако, что въ странѣ существуетъ требованіе на подобныя учрежденія—фактъ неоспоримый: въ газетахъ ежедневно попадаются сообщенія о томъ, что то здѣсь, то тамъ, во всѣхъ концахъ и закоулкахъ страны, какъ грибы выростаютъ разные клубы и ассоціаціи рабочихъ женщинъ, организуемыя ими же самими; возникаютъ кооперативныя мастерскія, вѣтви организаціи „Рыцарей труда" и многіе другіе кружки; все это ведется на гроши самого рабочаго люда, безъ всякаго участія выше стоящихъ по достатку и развитію классовъ.

„Намъ нуженъ не одинъ „Народный Дворецъ", не одна дюжина такихъ учрежденій, какъ „Cooper Union" здѣсь въ Нью-Іоркѣ, а сотни такихъ учрежденій,—заявляютъ Генри Джорджъ, докторъ Макъ-Глиннъ, миссіонеръ Хёнтингтонъ—и „Народные Дворцы" у насъ возникнутъ: будутъ выстроены народомъ, для народа—и дѣйствительно пойдутъ тогда на пользу народную".

Но „Народный Дворецъ"—не единственное грандіозное образовательно-филантропическое предпріятіе, организованное за послѣдніе года англичанами. Соціальные вопросы въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ сильно занимаютъ умы въ англійскихъ университетахъ: а эти учрежденія изстари производятъ большое вліяніе на общественное мнѣніе своей страны. Давно уже въ Оксфордѣ додумались до того, что разрѣшенія соціальнаго вопроса слѣдуетъ искать только путемъ сближенія высшихъ классовъ и низшихъ. Въ результатѣ этого сознанія явились сначала единичныя попытки личнаго воздѣйствія на массы со стороны такихъ энергичныхъ молодыхъ реформаторовъ, каковъ былъ Эдвардъ Денисонъ, а затѣмъ Арнольдъ Тойнби, изъ которыхъ послѣдній провелъ нѣсколько вакаціонныхъ мѣсяцевъ въ лондонскихъ трущобахъ, организуя вокругъ себя кружокъ невѣжественной мѣстной молодежи и обучая ее гимнастикѣ, боксу, играмъ, всѣми силами стараясь внести лучъ радости, развлеченій въ среду страшнаго умственнаго угнетенія трущобнаго міра, гдѣ даже нерѣдки самоубійства отъ того, что нѣтъ ни малѣйшаго просвѣта въ трудовой жизни. Энергичная дѣятельность юнаго оксфордскаго студента увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но стоила ему самому жизни; живое дѣло его не угасло вмѣстѣ съ нимъ, а разрослось на широкихъ основахъ, поддерживаемое какъ оксфордскимъ, такъ и кэмбриджскимъ университетомъ, которые пришли къ заключенію, что такіе умственные центры, какъ университеты, призваны и должны служить соединительнымъ звеномъ между богатыми и бѣдными,

между безпечнымъ Западнымъ Лондономъ и угнетеннымъ нищетою Восточнымъ.

Какъ извѣстно, оксфордцы собрали деньги и построили на Commercial Street, Whitechapel, въ самой центральной части Восточнаго Лондона, группу зданій, которую и назвали въ честь автора идеи, руководящей ими: Toynbee Hall. Здѣсь многіе молодые оксфордцы и кэмбриджцы поселяются на жительство вскорѣ по оставленіи ими университета, въ тотъ первый періодъ своей дѣятельности, когда молодой человѣкъ только кладетъ основаніе профессіи своей и не заваленъ еще дѣлами. Тѣ же, кто сочувствуетъ идеѣ, но не располагаетъ досугомъ на личное проведеніе ея въ жизнь, жертвуютъ деньги на поддержку и расширеніе благого дѣла. Живущіе въ этомъ „университетскомъ поселеніи“ молодые люди проводятъ каждый по нѣскольку часовъ въ день въ обществѣ трущобной молодежи, ежедневно навѣщающей ихъ въ Тойнби-Голлъ: они направляютъ ихъ игры, устроиваютъ хоры, ободряютъ тѣхъ, кто стремится обучаться музыкѣ, организуютъ бѣгъ и атлетическія игры на призы, снабжаютъ молодежь книгами, написанными понятнымъ для нихъ языкомъ, но не заключающимъ никакой скрытой морали. Главнымъ же образомъ эти университетскіе реформаторы заботятся о томъ, чтобы добиться полнаго довѣрія молодыхъ обитателей трущобъ, въ обмѣнъ на что они со своей стороны предлагаютъ имъ свое содѣйствіе и дружбу, на которыя тѣ могутъ опереться въ случаѣ нужды. Они вызываютъ молодыхъ людей Восточнаго Лондона на разговоры, вліяютъ на нихъ своимъ примѣромъ, исподволь прививаютъ имъ болѣе высокіе идеалы, понятія о чести и долгѣ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается на то предлогъ, направляютъ ихъ совѣтами, а при новыхъ начинаніяхъ и болѣе существенными средствами снаряжаютъ ихъ въ жизненную борьбу: вселяютъ въ нихъ увѣренность въ томъ, что не только сами они способны стать людьми, но могутъ и должны помочь подняться другимъ.

Англійская университетская молодежь заинтересовала въ этомъ дѣлѣ и образованныхъ женщинъ своего круга, которыя, въ свою очередь, открыли подобный же клубъ съ гимнастическими и музыкальными приспособленіями для дѣвушекъ бѣднѣйшихъ слоевъ, и благое дѣло англійской молодежи приноситъ теперь, какъ говорятъ, богатые плоды; пребываніемъ своимъ въ трущобномъ мірѣ эти образованные люди зажиточныхъ слоевъ скрашиваютъ также жизнь интеллигентовъ-отшельниковъ, миссіонеровъ интеллигенціи—народныхъ учителей и священниковъ, которые, живя постоянно среди невѣжественныхъ массъ, томятся иногда отъ не-

имѣнія человѣка, съ которымъ бы побесѣдовать по душѣ. Университетскіе молодые люди не проводятъ, однакоже, въ University Settlement болѣе нѣсколькихъ лѣтъ: это мѣшаетъ имъ впасть въ рутину, поддерживаетъ въ нихъ свѣжесть силъ и мысли и снабжаетъ ихъ опытностью, крайне цѣнной для дальнѣйшей службы этихъ образованныхъ людей на пользу своего поколѣнія, будетъ ли то въ парламентѣ, или на другихъ поприщахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ мѣстные университеты и коллегіи не производятъ почти ровно никакого вліянія на общественное мнѣніе. Причинъ на то весьма много; но главная, какъ мнѣ кажется, кроется въ томъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ интеллигентныхъ центровъ восточныхъ штатовъ „Новой Англіи", обитатели Штатовъ проявляютъ чрезвычайно мало интереса къ какимъ бы то ни было идеямъ отвлеченнаго характера, не касающимся прямо политики или матеріальнаго благосостоянія страны. Объ „университетскомъ вліяніи", „университетскомъ движеніи" здѣсь не можетъ быть и серьезной рѣчи.

Но все-таки и здѣшняя молодежь не остается безучастной къ тому, что волнуетъ остальной образованный міръ. Слышатся теперь и здѣсь отголоски оксфордскаго движенія въ Англіи, а въ средѣ здѣшней женской университетской молодежи сѣмена идеи Арнольда Тойнби уже начинаютъ пускать корни.

Что и здѣсь въ трущобномъ мірѣ существуютъ приблизительно тѣ же условія, какъ и въ Лондонѣ, о томъ свидѣтельствуютъ хотя бы газетные отрывки, случайно попавшіеся мнѣ на этихъ дняхъ. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается о самоубійствѣ молодой рабочей дѣвушки чуть не наканунѣ свадьбы и приводится прощальное ея письмо къ жениху, въ которомъ она ссылается на тяжелую, лишенную всякихъ просвѣтовъ удовольствія, жизнь, которую оба они вели съ дѣтства,—говоритъ, что устала жить такъ, но знаетъ, что въ будущемъ ихъ ждетъ то же тяжелое существованіе; притомъ же, пораздумавъ, она заключила, что не имѣетъ права выходить замужъ и обрекать потомство свое на то, чтобы нести то же тяжелое ярмо, а жизнь одинокая такъ ей прискучила, что самоубійство представляется ей самымъ простымъ исходомъ изъ тяжелаго положенія.

Не менѣе знаменателенъ и другой частный отрывокъ, сообщающій о самоубійствѣ пятнадцати-лѣтняго мальчика, который, возвращаясь съ работы, жаловался товарищамъ на то, что нѣтъ, видно, на этомъ свѣтѣ ничего, кромѣ тяжелаго, скучнаго труда. Забросивъ въ душу товарищей эти пессимистическія воззрѣнія на жизнь, мальчикъ свернулъ въ свой домъ и въ чуланѣ повѣсился.

И вотъ, въ надеждѣ внести хотя лучъ свѣта, надежды, удовольствія въ эту безпроглядную тьму, молодыя американки высшаго образованія собираются, въ свою очередь, идти по стопамъ учредителей лондонскаго Тойнби-Голлъ. До меня дошли слухи о томъ, что молодыя дѣвушки богатаго нью-іоркскаго круга образовали ассоціацію изъ тысячи женщинъ, все бывшихъ студентокъ американскихъ университетовъ и коллегій, съ цѣлью учредить свое „Коллегіальное Поселеніе", „College Settlement", въ центральномъ пунктѣ нью-іоркскихъ трущобъ, и установить въ немъ дѣло на тѣхъ же принципахъ, какіе провозглашены оксфордскими студентами. Вскорѣ затѣмъ случай свелъ меня и съ одной изъ молодыхъ дѣвушекъ, вызвавшихся жить въ этомъ поселеніи,— это миссъ Рыкова, дочь извѣстнаго въ Штатахъ педагога и внучка русскаго выходца; какъ водится, ни дочь, ни отецъ не знають ни слова по-русски; люди они очень достаточные и вращаются въ лучшихъ провинціальныхъ и столичныхъ кругахъ.

Миссъ Рыкова—единственная дочь, привыкшая ко всей той роскоши, которою обставлена жизнь образованныхъ американокъ богатыхъ слоевъ, получила воспитаніе въ высшемъ женскомъ учебномъ заведеніи штатовъ, въ „Vassar College", и проявляла, на мой взглядъ, чисто славянскую черту въ той жаждѣ самопожертвованія и труда на пользу другихъ, которая такъ и сквозила въ ней при каждомъ разговорѣ о затѣянномъ ими дѣлѣ. Она видимо съ нетерпѣніемъ ждала той поры, когда придетъ время испробовать свои силы на новомъ трудномъ поприщѣ, вообще проявляла большую сдержанность, увлекаясь лишь тогда, когда принималась разсказывать о томъ, какъ всѣ онѣ будутъ жить въ своемъ домѣ среди трущобнаго населенія, платя каждая по пяти долларовъ въ недѣлю за содержаніе свое и отдавая бо́льшую часть своего времени на то, чтобы занимать и просвѣщать бѣднѣйшихъ дѣвушекъ.

Вскорѣ затѣмъ состоялось и мое знакомство съ дѣвушкой, которая затѣяла здѣсь это дѣло, насмотрѣвшись въ Лондонѣ на то, какъ ведется дѣло въ женскомъ отдѣленіи Тойнби-Голлъ. Долгій разговоръ съ этой практичной молодой особой, миссъ Файнъ (Fine), убѣдилъ меня въ томъ, что ихъ предпріятію не грозитъ той печальной участи, которая—какъ описано выше—постигла клубъ, открытый для фабричныхъ дѣвушекъ дамами одного нью-іоркскаго провинціальнаго города.

— О, нѣтъ, далеко не всѣ члены нашей ассоціаціи примутъ дѣятельное участіе въ нашемъ предпріятіи!—возразила, смѣясь, миссъ Файнъ на вопросъ мой:—мы и домъ-то сняли небольшой

и дѣло сначала поведемъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Правда, что въ нашей ассоціаціи принимаютъ участіе представительницы большинства женскихъ коллегій Америки; въ особенности воспитанницы Vassar, Smith, Cornell, Wellesley и Bryn-Mawr, Harvard Annex, университетовъ Мичигана и Бостона, но дѣятельныхъ членовъ у насъ пока всего тридцать пять. Постоянно жить въ Ривингтонъ-стритѣ буду только я сама да одна женщина-врачъ; остальныя будутъ поселяться у насъ по семи человѣкъ заразъ, причемъ каждая будетъ жить въ нашемъ „Поселеніи" два мѣсяца, по истеченіи которыхъ первый отрядъ замѣненъ будетъ семью новыми дѣвушками, а проработавшія два мѣсяца молодыя особы вернутся въ свою обычную обстановку, пока не придетъ опять ихъ чередъ отбывать два мѣсяца службы въ Ривингтонъ-стритѣ. Вѣдь и въ оксфордскомъ поселеніи было замѣчено, что для этого дѣла полезнѣе всего энтузіазмъ свѣжихъ дѣятелей. Откроется, надѣюсь, нашъ домъ этой же осенью, въ октябрѣ.

— Чтò васъ навело на мысль объ этомъ филантропическомъ дѣлѣ, миссъ Файнъ?

— Не умѣю вамъ сказать, когда эта мысль впервые возникла у меня въ головѣ, хотя, конечно, оформилась она подъ вліяніемъ того, чтò видѣла я въ Тойнби-Голлъ, въ Лондонѣ... Вы назвали это дѣло филантропическимъ, а я и до сей поры не могу рѣшить, кому наша дѣятельность принесетъ больше пользы: намъ ли самимъ, образованнымъ дѣвушкамъ богатаго круга—или же тѣмъ дѣвушкамъ, жизнь которыхъ мы собираемся разнообразить.

— Да, я не разъ слыхала уже ссылки на то, что человѣкъ, занесенный на нѣсколько недѣль въ трущобную среду, никогда уже не бываетъ способенъ смотрѣть на жизнь прежними глазами,— замѣтила я, стараясь удержать собесѣдницу на томъ же предметѣ.

Но миссъ Файнъ не нуждалась въ поощреніи: она видимо вся предана была своей идеѣ и говорила о ней съ удовольствіемъ.

— Подумайте, намъ читаютъ въ коллегіяхъ политико-экономическія лекціи, даютъ намъ высшее образованіе, но что же мы изъ всего этого извлекаемъ? А между тѣмъ всѣ мы имѣемъ хорошія средства или же имѣемъ средства воздѣйствія на людей богатыхъ; деньги намъ собирать—дѣло не трудное, отчего же не затѣять живого дѣла? Хотя бы для того чтобы провѣрить наши собственныя теоретическія познанія въ политической экономіи...

— Съ чего же вы думаете начать?—спросила я.

— О, у меня уже дѣло начато, я совсѣмъ не такой новичокъ, за какого вы меня, кажется, принимаете. Я два года уже учу шитью и кройкѣ дѣвочекъ въ устроенной на частныя

средства ремесленной школѣ въ нѣмецкихъ кварталахъ бѣднѣйшей части города. У насъ въ Ривингтонъ-стритѣ на первый разъ наберется побольше сотни прежнихъ моихъ ученицъ: мы ихъ и тутъ станемъ обучать шитью, стряпнѣ и тому подобнымъ занятіямъ. Мы не воображаемъ, чтобы намъ удалось оказать серьезное вліяніе на взрослыхъ дѣвушекъ; мы, главнымъ образомъ, собираемся сосредоточить усилія свои на прирученіи и развитіи дѣвочекъ лѣтъ отъ 10 до 15. Послѣ этого возраста, уже втянувшись въ общество своихъ фабричныхъ подругъ и вкусивъ развлеченій, „flirtations" и дешевыхъ театровъ, дѣвушка уже не придетъ къ намъ,—развѣ что залучимъ мы какую-нибудь изъ тѣхъ „бѣлыхъ рабынь", что заморены на работѣ, не интересны уже ни для молодыхъ людей, ни для товарокъ своихъ... Какъ видите, мы не собираемся привлекать къ себѣ самое низменное населеніе трущобъ, а скорѣе хотимъ просвѣтить немного жизнь молодежи тѣхъ слоевъ, что держатся постояннымъ трудомъ, стремятся улучшить свое положеніе... Уже и тѣмъ мы останемся довольны, если вложимъ въ этихъ дѣтей нѣсколько болѣе свѣтлыхъ мыслей, наведемъ ихъ на новыя формы развлеченія, привьемъ имъ отвращеніе къ грязи и безпорядку и недовольство ихъ низменнымъ положеніемъ; черезъ дѣтей мы надѣемся также внушить и взрослымъ сознаніе того, что законы, предписывающіе чистоту, свѣтъ и порядокъ, должны равно примѣняться ко всѣмъ частямъ города.

Слушая эти рѣчи, мнѣ припомнился возбужденный тонъ доктора Макъ-Глинна, когда онъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, описывалъ мнѣ страшную борьбу, на которую ежечасно обречены честные, работящіе обитатели трущобъ, старающіеся уберечь своихъ дѣтей отъ заѣдающаго вліянія среды, разсказывалъ мнѣ о людяхъ, которые, съ отчаяніемъ утопающихъ, цѣпляются за свою „респектабельность", зная, что имъ ежечасно грозитъ опасность спуститься на почву практической дикости тѣхъ слоевъ, съ которыми они постоянно соприкасаются. Если этимъ людямъ помогутъ богатыя барышни—по-истинѣ не даромъ онѣ родились на этотъ свѣтъ...

— Мы уже устроили у себя гимнастику, lawn-tennis, ванны для желающихъ; станемъ въ хорошіе дни устроивать экскурсіи въ парки и за городъ; по вечерамъ можно и исторіи разсказывать; а съ самыми развитыми мы можемъ даже впослѣдствіи навѣщать музеи,—продолжала развивать мнѣ свои планы миссъ Файнъ.

— Какая, по вашему мнѣнію, національность подаетъ наи-

лучшія надежды на то, чтобы воспользоваться вашимъ примѣромъ и воздѣйствіемъ?—спросила я свою собесѣдницу.

— О, несомнѣнно нѣмцы и ирландцы; на нихъ мы и будемъ сосредоточивать наши усилія; почти у всѣхъ людей этихъ національностей есть стремленіе къ тому, чтобы вывести дѣтей въ люди. Дѣйствовать среди нѣмцевъ всего легче; они не такъ подчиняются воздѣйствію католическаго духовенства, которое съ недовѣріемъ относится ко всѣмъ попыткамъ посторонняго вліянія на молодежь ихъ исповѣданія.

— Остается пожелать вамъ полнаго успѣха въ такомъ благомъ начинаніи,—замѣтила я, собираясь покончить разговоръ.

— Если не удастся намъ многаго сдѣлать, то мы можемъ хоть показать на собственномъ примѣрѣ, что можно жить чисто и сносно хотя бы и въ трущобной средѣ... Но въ одномъ отношеніи наше поселеніе въ этой жалкой части города должно принести хорошіе плоды: живя тамъ постоянно, мы, дѣвушки зажиточныя, можемъ заставлять власти и тамъ исполнять законы, содержать улицы въ порядкѣ. Мы вѣдь не побоимся говорить о томъ, что̀ видимъ, съумѣемъ разбудить сонный Совѣтъ народнаго здравія, и у насъ такъ много вліятельныхъ друзей, что мы можемъ настоять на исполненіи нашихъ законныхъ требованій.

Какъ ни свѣтло было впечатлѣніе, произведенное на меня искренностью этой энергичной, веселой, молодой дѣвушки, во мнѣ остается однако сомнѣніе въ ея знакомствѣ съ бытомъ бѣднѣйшихъ классовъ,—иначе не могла бы она и говорить о томъ, что собирается подавать имъ примѣръ того, какъ поддерживать порядокъ и чистоту въ домахъ, гдѣ иногда и метлы ни у кого не отыщется. Все же предпріятія молодыхъ особъ нельзя не привѣтствовать всѣмъ, кто успѣлъ убѣдиться, что неимущимъ, но еще отбивающимся отъ пауперизма людямъ нельзя помочь съ высоты положенія посторонняго обезпеченнаго человѣка, а слѣдуетъ работать надъ ними, такъ сказать, изнутри ихъ собственной жизни.

— Вы не можете помочь людямъ, когда вы ихъ презираете; помощь ваша будетъ дѣйствительна только тогда, когда вы протягиваете руку помощи людямъ потому, что сочувствуете имъ, уважаете ихъ,—сказалъ мнѣ кто-то изъ ветерановъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, и всякій знающій дѣло человѣкъ, конечно, съ этимъ согласится.

Я не стану, конечно, и пытаться предугадывать, насколько будетъ плодотворна дѣятельность молодыхъ, свѣтскихъ дѣвушекъ въ трущобной средѣ Нью-Іорка. Весьма много обѣщаетъ, на мои глаза, то обстоятельство, что руководительница этого движенія,

миссъ Файнъ, провела уже цѣлыхъ два года среди того населенія, съ которымъ онѣ теперь будутъ имѣть дѣло, и не только не утратила бодрости, но готовится организовать свое дѣло въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ. Если „Коллегіальное Поселеніе“ будетъ имѣть успѣхъ, то за денежными средствами дѣло не станетъ, и сколько бы свѣта ни внесли эти одушевленныя идеей дѣвушки въ ту среду, которая находится въ полной власти тьмы, за все имъ можно будетъ сказать спасибо. Хотя дѣло „Коллегіальнаго Поселенія“ затѣвается чуть ли не втайнѣ, почему-то скрывается насколько возможно отъ печати, но общественное положеніе дѣвушекъ, принимающихъ въ немъ участіе, настолько видно, что заставитъ говорить объ ихъ дѣятельности, возбудитъ всестороннія обсужденія того, что вызвало ихъ на такое предпріятіе, и насколько этотъ методъ борьбы съ соціальнымъ зломъ оправдывается обстоятельствами. Главная же польза учреждаемаго въ № 95 Ривингтонъ-стрита поселенія, на мой взглядъ, состоитъ въ томъ, что это предпріятіе, какъ и всякое живое дѣло, возникающее подъ давленіемъ настоятельныхъ требованій времени, непремѣнно должно вызвать себѣ многочисленныхъ подражателей, изъ которыхъ каждый будетъ постепенно вводить улучшенія для наилучшаго приспособленія дѣла къ требованіямъ американской жизни. Это одинъ изъ тѣхъ ручьевъ, которые при стеченіи своемъ образуютъ мощные потоки.

Уже и теперь слухи о затѣваемомъ нью-іоркскими дѣвушками предпріятіи начинаютъ оказывать вліяніе на богатыхъ женщинъ въ другихъ мѣстахъ, и оно пріобрѣтаетъ симпатіи тѣхъ изъ нихъ, которыя рады бы обратить свою энергію на какое-либо плодотворное дѣло помимо пріѣвшихся свѣтскихъ развлеченій. Откликается первымъ чуткій до всякихъ нововведеній „вульгарный“, по мнѣнію многихъ, Чикаго. Нѣкая миссъ Джэнъ Адамсъ, богатая обитательница Чикаго, такъ прельстилась идеями, воодушевляющими учредительницъ „Коллегіальнаго Поселенія“ въ Нью-Іоркѣ, что нарочно съѣздила въ Лондонъ для изученія постановки дѣла въ Тойнби-Голлъ и, вполнѣ ознакомившись тамъ съ требованіями и условіями веденія дѣла, вернулась въ Чикаго въ твердомъ намѣреніи устроить и тамъ нѣчто въ родѣ лондонскаго „Народнаго Дворца“, по принципамъ, легшимъ въ основу здѣшняго „Коллегіальнаго Поселенія“. Она уже наняла для этого домъ покойнаго милліонера J. C. Hall, на углу Halstead и Polk-streets въ Чикаго, устроиваетъ тамъ ванны, гимнастику, библіотеку, читальню, бальную залу; даже садъ разводится ею на крышѣ этого большого зданія. Но миссъ Адамсъ выбираетъ себѣ нѣсколько иную сферу дѣйствія,

чѣмъ какая намѣчена дѣвушками „Коллегіальнаго Поселѣнія“: главной цѣлью миссъ Адамсъ и ея помощниковъ въ Чикаго будетъ не столько сближеніе молодежи трущобъ съ молодежью интеллигентныхъ слоевъ, сколько просвѣщеніе и нравственное поднятіе низшаго класса иностранцевъ—поляковъ, чеховъ и нѣмцевъ, которые находятся въ Чикаго въ огромномъ числѣ и анархическія тенденціи которыхъ почитаются постоянною угрозою благоденствію мирныхъ гражданъ Чикаго. Конечно, миссъ Адамсъ и не думаетъ отстранять природныхъ американцевъ отъ своего благого учрежденія, но главною цѣлью себѣ она ставитъ гуманизирующее воздѣйствіе на „нигилистовъ“, „анархистовъ“ и „динамитчиковъ Чикаго“. Предпріятіе ея, а главное, ближайшая цѣль, намѣченная ею, представляются обитателямъ ея города до того своевременными, что предложенія денегъ и помощи, какъ увѣряютъ, такъ и сыплются на нее отъ благотворительныхъ богачей Чикаго.

Но, быть можетъ, спроситъ читатель: неужели же однѣ интеллигентныя молодыя дѣвушки чувствуютъ призваніе къ подобной плодотворной дѣятельности? Неужели молодые американцы, воспринявшіе новѣйшіе принципы политической экономіи и научной филантропіи, не принимаютъ участія въ этомъ живомъ дѣлѣ молодыхъ, энергичныхъ женщинъ?

Нѣтъ, университетская молодежь также не сидитъ сложа руки. Мнѣ уже приходилось ссылаться на полезную дѣятельность молодыхъ ученыхъ, врачей, священниковъ; но, кромѣ лицъ, будящихъ мысль въ достаточныхъ классахъ, образованная американская молодежь, проникнутая важностью требованій настоящаго времени, постоянно старается завязывать сношенія съ молодежью рабочихъ классовъ. Главными пунктами сближенія являются политическія организаціи отдѣльныхъ партій, а также и разсыпанные по всему Союзу рабочіе кружки организаціи „Рыцарей труда“ и тому подобныя общества, гдѣ мужчины всѣхъ занятій сходятся на равной ногѣ, гдѣ всякому представляется случай сказать свое слово. Что же касается до низшаго класса мужчинъ и трущобныхъ молодыхъ людей, то до нихъ еще не дошла очередь, но есть надежда, что по мѣрѣ поднятія нравственнаго и умственнаго уровня части женскаго подростающаго поколѣнія низшихъ слоевъ вліяніе женщинъ будетъ отчасти сказываться и на молодыхъ мужчинахъ, а въ концѣ концовъ наведетъ ихъ на потребность устройства такихъ обществъ, гдѣ можетъ находить пріятный отдыхъ и развлеченіе человѣкъ даже послѣ тяжкаго дневного физическаго труда.

Лишь такія организаціи, устроенныя людьми для себя, будутъ устойчивы и прочны, какъ это и предсказываютъ люди, наиболѣе

близко изучившіе бытъ низшихъ слоевъ, а между прочимъ и знаменитый нынѣ американскій дѣятель, Генри Джорджъ, самъ когда-то бывшій простымъ наборщикомъ.

VII.

Дѣятельность образованныхъ молодыхъ американцевъ въ трущобныхъ слояхъ.—Разнообразіе принятыхъ ими методовъ.—Клубы „Соціальнаго Знанія".—Neighborhood Guild.—Новая серія клубовъ „Дружественнаго Общества".—Мистеръ Стоверъ и его питомцы.—Цѣли руководителей клубовъ Д. О.—Общительные инстинкты молодежи.—Борьба противъ трущобныхъ „Клубовъ Развлеченія".—Система пробужденія инстинктовъ гражданственности въ молодежи.—„Дѣтскіе Сады" и система просвѣщенія, принятая клубами.—Развлеченія.—Сообщеніе, установляемое для трущобной молодежи съ зажиточными семьями города.

Не слѣдуетъ, однако, воображать, что молодыя американки, устроивающія „Коллегіальное Поселеніе" на Ривингтонъ-стритѣ, являлись первыми піонерками примѣненія въ Соединенныхъ Штатахъ методовъ англійскаго Тойнби-Голлъ. Главная дѣятельница въ устройствѣ этого „Поселенія", миссъ Джанета Файнъ, всю свою организаторскую опытность пріобрѣла за тѣ два года, когда состояла начальницей отдѣленія для дѣвочекъ въ „Neighborhood Guild", въ системѣ клубовъ, возникшей недавно въ трущобныхъ кварталахъ Нью-Іорка по почину одного образованнаго молодого американца, m-r Stanton Coit, который съумѣлъ привлечь къ своему дѣлу и заинтересовать небольшой, но энергичный кружокъ представителей американской университетской молодежи.

Главными пособниками мистера Койта въ этомъ дѣлѣ были E. S. Forbes, W. B. Thorp и Charles B. Stover; всѣ они окончили курсъ въ американскихъ университетахъ и коллегіяхъ, а вслѣдъ затѣмъ путешествовали по Европѣ, изучая соціальный строй тамошней жизни и слушая лекціи, преимущественно въ университетѣ берлинскомъ. Нѣкоторые изъ нихъ наблюдали на мѣстѣ методъ дѣйствій въ оксфордскомъ университетскомъ поселеніи и горѣли желаніемъ устроить нѣчто подобное и въ Соединенныхъ Штатахъ. Мистеръ Койтъ стремился притомъ провести въ дѣйствіе, примѣнить къ жизни свою собственную излюбленную систему, состоящую въ томъ, чтобы группировать трущобный людъ преимущественно вокругъ „семьи", какъ единицы, съ тѣмъ, чтобы вызвать новыя силы на подмогу дѣла соціальнаго обновленія трущобныхъ слоевъ. Съ этой цѣлью мистеръ Койтъ навѣстилъ

важнѣйшіе здѣшніе университеты, набирая себѣ добровольцевъ-дѣятелей, но цѣли его еще далеко не достигнуты.

Тѣмъ временемъ помощникъ Койта, мистеръ Свифтъ, успѣшно организовывалъ другую вѣтвь затѣяннаго этой молодежью общаго дѣла и основывалъ „Клубы Соціальнаго Знанія“ (Social Science Clubs). Эти клубы снимали дешевыя помѣщенія въ кварталахъ Нью-Іорка, гдѣ селится рабочее населеніе, привлекали къ участію въ своихъ собраніяхъ молодыхъ профессоровъ, инженеровъ, адвокатовъ и всякаго рода реформаторовъ, устроивали у себя публичные дебаты; на этихъ собраніяхъ университетская молодежь часто приходитъ въ близкое соприкосновеніе съ ремесленниками, но отнюдь не оказываетъ на этихъ послѣднихъ какого бы то ни было „подавляющаго“ вліянія. Простолюдины не стѣсняются высказывать свои взгляды и протестовать противъ ученыхъ теорій, когда эти послѣднія представляются имъ непрактичными. Эти клубы въ Нью-Іоркѣ множатся и процвѣтаютъ. Недоброжелатели въ насмѣшку зовутъ ихъ „клубами пролетаріевъ и профессоровъ“; вооружается противъ нихъ и часть „воинственнаго“ протестантскаго духовенства; но аргументы послѣднихъ молодые руководители клубовъ встрѣчаютъ неопровержимыми доводами въ образѣ статистическихъ таблицъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что съ 1880 года по 1889 годъ населеніе Нью-Іорка увеличилось на 300.000 душъ, а церквей прибавилось въ городѣ всего четыре, изъ чего ясно, что религіозные дѣятели не могутъ отвѣчать на всѣ потребности просвѣщенія и моральнаго прогресса, проявляемыя трущобнымъ міромъ,—слѣдовательно, имъ слѣдуетъ лишь радоваться полезной дѣятельности „Клубовъ Соціальнаго Знанія“, организуемыхъ тамъ, гдѣ иначе вполнѣ бы преобладала власть тьмы.

Этимъ же кружкомъ преобразованной молодежи произведена была первая и весьма скромная попытка подражанія англійскому Тойнби-Голлъ. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1887 года ими основанъ былъ такъ-называемый Neighborhood Guild въ Forsyth-street, одной изъ бѣднѣйшихъ улицъ нижней части Нью-Іорка, въ 10-мъ городскомъ участкѣ (ward), пользующемся самою незавидною репутаціею: въ этомъ участкѣ на 47.554 душъ населенія приходилось тогда всего пять церквей, но зато въ немъ было чрезвычайно много кабаковъ и существовало широкое поле къ успѣшному примѣненію — черезъ кабатчиковъ — системы поголовнаго почти подкупа избирателей.

Поселясь въ 1887 г. въ этомъ трущобномъ кварталѣ, мистеръ Стантонъ Койтъ сталъ у себя въ комнатѣ собирать съ пол-

дюжины юношей, которые передъ тѣмъ устроили-было себѣ клубъ въ „углу", снимаемомъ одной слѣпой старухой. Эти мальчики стали приводить другихъ, такъ что, наконецъ, мистеръ Койтъ снялъ подвальный этажъ того дома, гдѣ жилъ, и устроилъ въ немъ клубъ для молодыхъ людей, средній возрастъ которыхъ равнялся 17 годамъ.

По мѣрѣ того, какъ клубъ этотъ росъ и вокругъ его организатора набирались новые дѣятели, стали открываться добавочные клубы: одинъ для молодыхъ дѣвушекъ, подъ руководствомъ вышеупомянутой миссъ Файнъ, другой—для дѣвочекъ и еще одинъ для мальчиковъ. Вслѣдъ за тѣмъ открытъ былъ и дѣтскій садъ. Всѣ эти клубы организованы были подъ общимъ названіемъ Neighborhood Guild, „Дружественнаго Общества". Это общество приняло девизомъ своимъ слѣдующее изреченіе: „Порядокъ—наша основа, улучшеніе—наша цѣль, а дружба—наша награда", которое для краткости помѣчается начальными буквами: O. I. F. (Order, Improvement, Friendship). Въ 1888 году такая же серія клубовъ была организована въ Cherry-street и управляется теперь мистеромъ Мозенталемъ.

Въ этомъ году мнѣ довелось провести лѣто въ горахъ Catskills близь Нью-Іорка, въ только-что отвоеванномъ отъ дѣвственнаго лѣса поселеніи, организаторъ котораго, отчасти по добротѣ душевной, а отчасти въ виду рекламы, предложилъ мистеру Стоверу, руководителю клуба „Дружественнаго Общества" въ Forsyth-street, прислать къ нему на побывку нѣсколько молодыхъ людей его клуба, изъ тѣхъ, которые наиболѣе нуждаются въ отдыхѣ. Мистеръ Стоверъ принялъ предложеніе и за лѣто прислалъ нѣсколько смѣнъ юношей лѣтъ 16—18, которые вели себя вполнѣ прилично, ничѣмъ почти не отличаясь отъ мальчиковъ другихъ классовъ; получая ѣду на застольной, съ отельной прислугой, они рубили деревья, сожигали березнякъ и расчищали мѣста подъ постройки, въ отплату за свое содержаніе, работая отъ четырехъ до шести часовъ въ день. Къ мистеру Стоверу эта молодежь проявляла восторженную привязанность, очевидно готова была идти за него и въ огонь, и въ воду, по обычаю увлекающихся юношей. Отъ самого мистера Стовера, за двухнедѣльное его пребываніе въ нашемъ паркѣ, мнѣ и удалось собрать добавочныя свѣденія о дѣлѣ, на которое этотъ энергичный молодой человѣкъ положилъ много собственныхъ денегъ и которому посвящаетъ онъ почти все свое время.

Конечно, для своего предпріятія мистеръ Стоверъ предусматриваетъ блестящую будущность, видитъ въ клубахъ „Дружествен-

наго Общества“ залогъ успѣшнаго противодѣйствія изощренію политическаго подкупа и твердо надѣется на то, что скоро будетъ насчитываться по клубу ихъ общества на каждый избирательный пунктъ печальной извѣстности 10-го городского участка. Мистеръ Стоверъ и помощники его предполагаютъ впредь широко пользоваться тѣмъ общительнымъ инстинктомъ, который уже теперь начинаетъ сказываться въ трущобной молодежи: теперь она стремится учреждать такъ-называемые „Клубы Развлеченія“, увеселительные клубы, которые поощряютъ мотовство въ молодежи, прививаютъ ей низменные вкусы и являются чрезвычайно удобными центрами для примѣненія системы подкупа во время выборовъ,—а руководители Neighborhood Guild будутъ стараться, на мѣсто замышляемыхъ „Клубовъ Развлеченія“, насаждать, гдѣ только можно, клубы своего „Дружественнаго Общества“, которые уже успѣли заявить себя тѣмъ, что прививаютъ молодежи бережливость, возбуждаютъ въ ея средѣ взаимопомощь, облагороживаютъ вкусы, возбуждаютъ противъ всякаго рода несправедливости и пробуждаютъ въ молодежи преданность общему благу. Каждый клубъ „Дружественнаго Общества“ собирается дважды въ недѣлю. Въ старѣйшихъ клубахъ одна четверть еженедѣльной членской платы въ десять сентовъ (двадцать коп.) отчисляется, съ согласія членовъ, на дѣло вспомоществованія извѣстнымъ клубу неимущимъ и больнымъ. Дальнозоркіе организаторы клубовъ стремятся довести ихъ до того, чтобы каждый клубъ несъ на себѣ часть расходовъ по практическимъ реформамъ. Такъ, прошлымъ лѣтомъ 1888 г. клубы эти отъ себя уплатили одну треть расходовъ по очисткѣ улицъ въ ихъ околодкахъ. Не скупятся они и на траты для содержанія „дѣтскихъ садовъ“, которыхъ учреждено два; сады эти прекрасно дѣйствуютъ, несмотря на обычныя неудобства, которыми обставлены занятія съ дѣтьми въ трущобныхъ кварталахъ, гдѣ семьи бѣдняковъ чуть не по нѣскольку разъ въ годъ мѣняютъ квартиры; напр., изъ 50 человѣкъ дѣтей, обучавшихся въ одномъ изъ клубныхъ „садовъ“ въ прошломъ году, въ настоящемъ году остается всего три человѣка, остальные всѣ —новопоступившія дѣти. Мальчики, привлекаемые въ члены клубовъ, очень шумливы, но ихъ успѣшно усмиряютъ до извѣстной степени пѣніемъ и музыкой. Дѣвушекъ учатъ кройкѣ и ремесламъ и позволяютъ имъ устроивать, сообща съ членами мужского клуба, музыкальные и литературные вечера, а иногда и любительскіе спектакли. Юношамъ представляютъ возможность, по ихъ собственному выбору, обучаться рѣзьбѣ по дереву, лѣпкѣ,

искусству вести дебаты, публичной декламаціи, парламентской практикѣ, пѣнію, черченію, гимнастикѣ. Прошлою зимою устроивали въ клубахъ лекціи, съ тѣмъ чтобы дать трущобной молодежи болѣе или менѣе систематичное понятіе о всеобщей исторіи; также организовано было нѣсколько классовъ элементарныхъ наукъ. Всѣ эти предметы преподавались конечно, добровольцами, ничего не взимавшими за свои уроки, а плата за помѣщеніе клуба и другіе расходы покрываются изъ членскихъ взносовъ и суммъ жертвователей, которые, однако, не могутъ быть велики, потому что организація Neighborhood Guild весьма скромна и мало извѣстна; а такъ какъ она не допускаетъ у себя никакого религіознаго прозелитизма, то не получаетъ вспомоществованій ни отъ какой изъ церквей. Насколько мнѣ удалось замѣтить, духовныя лица относятся къ клубамъ Дружественнаго Общества весьма недовѣрчиво, чтобы не сказать недружелюбно.

Два раза въ мѣсяцъ, зимою, устроиваются въ клубахъ танцовальные вечера. Хотя самъ мистеръ Стоверъ не танцуетъ и даже не особенно одобряетъ танцы и для другихъ, онъ тѣмъ не менѣе сознается, что танцовальные вечера въ клубѣ имѣли прекрасные результаты „по части развитія въ молодежи хорошихъ манеръ и привитія молодымъ мужчинамъ рыцарской вѣжливости къ дѣвушкамъ“; конечно, недоброжелатели организаціи обвиняютъ руководителей клуба въ томъ, что этими танцовальными вечерами тѣ готовятъ лишь кандидатовъ для трущобныхъ баловъ при кабакахъ.

Лѣтомъ клубы иногда переѣзжаютъ изъ города въ окрестныя сельскія или приморскія мѣстности, дѣвочки и мальчики каждый проводятъ по недѣлѣ въ деревнѣ; но тѣмъ, кто побольше, хозяева рѣдко даютъ вакаціи.

Небезъинтересной чертой въ дѣятельности „Дружественныхъ Клубовъ“ являются попытки ихъ къ установленію общенія на болѣе или менѣе равной ногѣ между зажиточными семьями города и трущобною молодежью. Нѣкоторыя богатыя женщины, живущія въ элегантныхъ кварталахъ города, сдались на увѣщанія руководителей клубовъ Д. О. и вызвались давать у себя на дому даровые уроки музыки, рисованья, лѣпки или рукодѣлья мальчикамъ или дѣвочкамъ, присылаемымъ къ нимъ руководителями клуба. По мѣрѣ того, какъ продолжается это даванье уроковъ, между семьей преподавательницы и ученикомъ возникаетъ извѣстнаго рода симпатія, общительность, даже близость, ведущая къ установленію взаимнаго пониманія другъ друга между людьми такихъ

различныхъ слоевъ, которые иначе никогда не приходили бы въ соприкосновеніе. Все дѣло клубовъ „Дружественнаго Общества" ведется дѣятелями-волонтерами, ничего не берущими за свои труды; всего ихъ числомъ пока двадцать два человѣка, изъ которыхъ половина женщинъ, а половина мужчинъ, и, конечно, все люди молодые, образованные и воодушевленные вѣрой въ свои силы и въ успѣхъ дѣла, предпринятаго въ видахъ внесенія свѣта и довольства въ трущобный міръ тьмы и лишеній.

В. Макъ-Гаханъ.

НЕУДАЧНИКЪ

— Un raté, par Gyp.

Окончаніе.

IX *).

Цѣлую недѣлю послѣ скачекъ Ганюжъ не видѣлъ г-жи Миръ. Онъ регулярно каждый день являлся къ ней въ обычный часъ съ визитомъ, но каждый разъ слуга ему говорилъ: „барыня вышла“. Сусанна была такъ напугана неожиданнымъ для нея проявленіемъ страсти со стороны до тѣхъ поръ—какъ она вѣрила—платоническаго любовника, что одна мысль остаться съ нимъ наединѣ пугала ее. Съ другой стороны, она очень жалѣла молодого человѣка, представляя себѣ его тоску и, быть можетъ, отчаяніе, понимая, какъ она его мучитъ. Ей была тяжела разлука съ нимъ, но тѣмъ не менѣе ежедневно, какъ только приближался часъ, когда Ганюжъ долженъ былъ явиться, она выходила изъ дому, нервная, взволнованная, и, чтобы избѣжать встрѣчи съ нимъ, выбирала уединенную улицу за городскимъ паркомъ, а затѣмъ шла черезъ поля на дорогу, ведшую въ Флавиньи. Она не смѣла, запершись у себя, велѣть сказать слугѣ, что ея нѣтъ дома. Она боялась, что онъ выдастъ ее неловкимъ отвѣтомъ или дѣти проболтаются. И въ то время, какъ молодой человѣкъ, выслушавъ лаконическій отвѣтъ слуги, возвращался въ Нанси и, оставивъ лошадь въ гостинницѣ, отправлялся искать ее на улицѣ Доминиканцевъ, въ питомникѣ парка и во всѣхъ тѣхъ

---

*) См. выше: іюль, 220 стр.

мѣстахъ, гдѣ надѣялся ее встрѣтить, Сусанна бродила въ окрестностяхъ города. Возвращалась она поздно, усталая и разстроенная.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось ея отношеніе къ мужу. До сихъ поръ, всецѣло поглощенная романомъ съ Ганюжемъ, очарованная платонической и, если можно такъ выразиться, „литературной“ формой выраженія ихъ взаимныхъ чувствъ, она весьма мало интересовалась будничной, обыденной жизнью; ревность въ ней замолкла; она болѣе не старалась узнать имя возлюбленной своего мужа; мысль—изобличить его, доказать осязательными фактами его невѣрность, не приходила ей въ голову. Задумчиво улыбаясь, ждала она обыкновенно прихода „своего милаго поэта“; она считала часы, которые должны были протечь съ минуты ихъ разлуки до слѣдующаго свиданія на другой день, и ни о чемъ, кромѣ него, не думала.

Но съ тѣхъ поръ, какъ она перестала видѣться съ Ганюжемъ, не проводила утреннихъ часовъ въ разговорахъ съ нимъ, а затѣмъ все остальное время не было у нея занято ожиданіемъ новаго свиданія, она опять возвратилась къ прежней своей жизни; интересы домашняго очага снова выдвинулись, разъ исчезъ розовый туманъ ея мечтательной любви; теперь она уже не могла не замѣчать подозрительности поведенія своего мужа, его постоянныхъ исчезновеній, продолжительныхъ отлучекъ изъ дома, не могла не замѣтить того радостно-возбужденнаго состоянія, въ которомъ онъ возвращался домой, и все это ее волновало до глубины души. Она видѣла, что онъ спокоенъ и удовлетворенъ, въ то время, какъ она находилась постоянно въ лихорадочномъ волненіи, и это возмущало ее.

Теперь она проводила долгіе часы, вновь и вновь перебирая въ своей бѣдной, усталой, хорошенькой головкѣ все, что произошло за эти три послѣдніе мѣсяца, все, наполнявшее ея жизнь, до сихъ поръ такую пустую и безсодержательную. Она принимала за добродѣтель то, что было не болѣе какъ страхъ послѣдствій физической любви, и утѣшала себя сознаніемъ, что она жертвуетъ своими чувствами долгу и материнскимъ обязанностямъ.

Мужъ ея, безъ особенно глубокихъ размышленій, скоро понялъ, что спокойствію и независимости, которыми онъ пользовался послѣднее время, приходитъ конецъ. Онъ замѣтилъ перемѣну въ жизни, въ привычкахъ своей жены. Изъ разспросовъ, которымъ онъ подвергъ дѣтей, г-нъ Миръ узналъ, что „мама каждый день уходитъ гулять, что какъ только она уйдетъ, къ садовой рѣшеткѣ подъѣзжаетъ верхомъ на Аполлонѣ Ганюжъ и, когда ему скажутъ, что мамы нѣтъ дома, удаляется съ печаль-

нымъ лицомъ; а какъ-то разъ онъ подозвалъ ихъ и разспрашивалъ, что неужели мама больше не принимаетъ знакомыхъ даже и въ назначенный ею день". Инженеръ, въ концѣ концовъ, понялъ причину нервнаго, растеряннаго состоянія жены. Несомнѣнно оно было результатомъ какого-либо недоразумѣнія; между ними шли даже прямо ссоры.

Кромѣ того, г-жа Лемо, съ которою онъ встрѣчался три раза въ недѣлю въ маленькой квартиркѣ въ улицѣ Станислава, разсказала ему однажды, какъ г-жа Миръ хорошо относилась къ ея брату и какъ съ нѣкоторыхъ поръ совершенно измѣнилась и не хочетъ даже принимать его больше. „Этотъ милый Гастонъ", конечно, тщательно скрываетъ отъ всѣхъ свои чувства, но друзья его хорошо знаютъ, какъ онъ огорченъ, какъ тоскуетъ и грустить...

Не можетъ быть, чтобы онъ обманывался! Гастонъ обладаетъ необыкновенной чувствительностью. Перемѣна къ нему г-жи Миръ можетъ положительно убить его. Онъ, какъ и всѣ геніи, обладаетъ необыкновенно нервной и воспріимчивой натурой, и нравственное страданіе можетъ привести къ тому, что онъ заболѣетъ, прямо заболѣетъ!..

Найдя на этотъ разъ жену архитектора болѣе несговорчивой и угрюмой, чѣмъ всегда, и слыша отъ нея хвалебные гимны ея брату и сѣтованія на ту, которая заставляетъ его такъ страдать, г-нъ Миръ, человѣкъ практическій, и какъ буржуа, и какъ прошедшій Политехническую школу, сейчасъ же понялъ, что въ данномъ случаѣ спокойствіе и благополучіе его двойной семьи зависитъ отъ одного и того же лица, именно отъ самого этого „генія", Гастона Ганюжа. Необходимо, чтобы юный декадентъ снова проводилъ утренніе часы въ чувствительныхъ разговорахъ съ Сусанной. Тогда она станетъ опять такой же равнодушной ко всему, мечтательной и разсѣянной, какою была эти три мѣсяца; съ другой стороны, Гортензія, успокоившись насчетъ своего брата, вновь отдастся исключительно влеченіямъ своей страстной натуры, такъ по вкусу пришедшейся грубому темпераменту инженера.

По прежнему чувствуя обожаніе къ Сусаннѣ и признавая силу ея привлекательности, г-нъ Миръ тѣмъ не менѣе находилъ, что ей недостаетъ чего-то, что̀ было въ Гортензіи. Г-жа Лемо была претенціозная маленькая женщина; она старалась придать какъ можно болѣе томности своимъ страстнымъ глазамъ, окруженнымъ широкой синевой; неправильныя черты лица, толстыя губы, худое, но сильное тѣло, все въ ней свидѣтельствовало о натурѣ

склонной къ чувственности, обладающей особою, свойственной такого рода женщинамъ, нервностью, вовсе не связанной съ какимъ-либо особо высокимъ строемъ душевныхъ силъ. Если она дѣйствовала чарующимъ образомъ на инженера, то именно этою страстностью; безъ сомнѣнія, эта женщина была дурна собой, но она брала подвижностью и пламенностью своихъ желаній.

Г-жа Лемо, будучи возлюбленной инженера, не переставала находиться въ самыхъ дружныхъ отношеніяхъ съ его женой. Она знала, что Сусанна сама ни въ какомъ случаѣ не догадается объ отношеніяхъ, существующихъ между ея „другомъ“ и г. Миръ. Если кто-либо не откроетъ ей глаза, то сама она никогда не узнаетъ истины. Сусанна очень любила своего друга, но находила ее изъ ряду вонъ дурной собою и часто, смѣясь, повторяла:—Къ счастію для этого бѣдняка Лемо, Гортензія настолько безобразна, что нельзя опасаться, что кому-нибудь придетъ въ голову разрушить его семейное счастье!

Что касается Ганюжа, то г-нъ Миръ отлично видѣлъ, что тотъ ухаживаетъ за его женой и даже ей нравится. Это послѣднее повергало его въ изумленіе. Онъ не могъ никогда понять ни слова изъ его длинныхъ монологовъ на „тарабарскомъ“ языкѣ; Сусанна — онъ зналъ это—еще меньше его способна понять тутъ хоть слово. Онъ порою, когда до него долетали обрывки этихъ безконечныхъ разсужденій, гдѣ было что-то о лунѣ, о звѣздахъ, объ Альфредѣ де-Виньи, о желудочныхъ боляхъ, о душѣ и, наконецъ, о „la raréfaction vibralite du moi“, задавалъ себѣ вопросъ, какое удовольствіе можетъ доставлять Сусаннѣ слушаніе этихъ пустопорожнихъ словоизверженій,—ей, которая до сихъ поръ никогда кромѣ тряпокъ и кавалеровъ ни о чемъ не думала и не говорила? Что же касается серьезной страсти, которая могла зародиться въ сердцѣ молодой женщины къ Гастону, то это и на мысль не приходило инженеру. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ этомъ отношеніи въ своей женѣ. Онъ, положительный и прозаическій по натурѣ своей человѣкъ, не могъ придавать никакого значенія чувствамъ своей жены къ юному декаденту, разъ это не болѣе какъ платоническія воздыханія. А главное, онъ слишкомъ хорошо зналъ Сусанну, чтобы допустить возможность съ ея стороны какого-либо рискованнаго шага.

О, они могутъ сколько ихъ душѣ угодно разсуждать о чувствахъ, дарить другъ другу сушеные цвѣты, пожимать другъ другу руки, толковать объ Альфредѣ де-Виньи и плакать надъ идіотическими, чувствительными стишками! Чѣмъ бы дитя ни тѣ-

шилось, лишь бы не плакало, а слишкомъ далеко это никогда не зайдетъ, онъ знаетъ это.

Вечеромъ, за обѣдомъ, онъ сказалъ съ равнодушнымъ видомъ:

— Что это Ганюжа такъ давно не видно?

— О!—вскричала маленькая Люси:—онъ каждый день здѣсь бываетъ!

А Ренѐ прибавила:

— Да... но его никогда не принимаютъ; мамы всегда не бываетъ въ это время дома.

Молодая женщина смущенно пробормотала:

— Дѣйствительно, я должна теперь по утрамъ гулять...

И поискавъ съ секунду подходящаго предлога, почему она теперь должна это дѣлать, она добавила:

— Докторъ мнѣ велѣлъ больше быть на воздухѣ, въ движеніи...

Г. Миръ спросилъ съ интересомъ:

— Ты, однако, не больна?

— Нѣтъ, только небольшая усталость... я совсѣмъ потеряла аппетитъ...

Помолчавъ, инженеръ снова приступилъ къ интересовавшей его темѣ:

— Мнѣ жалко Ганюжа: каждый день приходить и не заставать дома; я думаю, это ему весьма непріятно. Въ первый же разъ, что его увижу, приглашу къ намъ обѣдать!

Сусанна не протестовала. Въ глубинѣ души она страстно желала свидѣться съ молодымъ человѣкомъ, и тѣмъ болѣе ей улыбалось предстоящее свиданіе, что оно произойдетъ въ присутствіи ея мужа. Инженеръ не могъ помѣшать ихъ чувствительнымъ разговорамъ. Послѣ обѣда онъ или писалъ письма, или просматривалъ газеты и научные журналы; только густое облако табачнаго дыма обозначало мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ. Восхищенная мыслью провести одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда „ея душа сливалась въ согласныхъ біеніяхъ сердца, сливалась съ душою ея возлюбленнаго поэта", Сусанна погрузилась въ сладостныя мечтанія. На другой день съ утра она принялась за сооруженіе туалета, въ которомъ бы особенно могла понравиться своему поэту.

Сначала она думала на этотъ разъ просидѣть все утро дома за своимъ платьемъ, но не осмѣлилась этого сдѣлать, боясь, что, замѣтивъ у рѣшетки молодого человѣка, не справится съ собою и выйдетъ къ нему. И опять, какъ и въ предшествующіе дни, она отправилась на свою уединенную прогулку. Когда, наконецъ, она очутилась на голой, гладкой равнинѣ, ея веселыя мысли раз-

сѣялись и черное облако печали опустилось на ея душу. Она сѣла недалеко отъ дороги на камень. Небольшой пригорокъ скрывалъ ее отъ глазъ тѣхъ, которые ѣхали по ней. Она долго сидѣла такъ, разсѣянно вслушиваясь въ глухой гулъ катящихся каретъ и слѣдя за пожелтѣвшими листьями, которые осыпались съ дерева, стоявшаго у дороги, и, медленно крутясь въ воздухѣ, съ меланхолическимъ шелестомъ падали на землю.

Вдругъ она услышала топотъ лошадиныхъ копытъ. Вѣроятно, нѣсколько всадниковъ ѣхало изъ Нанси. Приподнявшись немного, чтобы разсмотрѣть, кто бы это былъ, она увидѣла Ганюжа, сопровождаемаго его друзьями, Томасомъ и Барбарà, верхомъ на манежныхъ лошадяхъ.

Съ горемъ она принуждена была сознаться самой себѣ, что всѣ трое представляли изъ себя необыкновенно комичное зрѣлище. Къ эксцентрическому виду Ганюжа, когда онъ былъ „пѣшкомъ", Сусанна привыкла довольно быстро; мало того, она кончила тѣмъ, что именно эта эксцентричность его наружности и стала предметомъ ея удивленія—въ ея глазахъ она являлась печатью генія,—но къ костюму, позамъ и посадкѣ Ганюжа „верхомъ" привыкнуть она никакъ не могла.

Несмотря на искреннѣйшее желаніе найти его живописнымъ и изящнымъ на конѣ, она не могла, увидавъ его, не вспомнить актера изъ какой-то нелѣпой мелодрамы, которую какъ-то играли въ воскресенье въ мѣстномъ театрѣ. Ей казалось, что она видитъ передъ собой театральнаго „похитителя", въ надвинутой на глаза высокой шляпѣ, драпирующагося въ плащъ и въѣзжающаго на подмостки на клячѣ съ спутанными ногами, медленно, съ величайшимъ трудомъ перебирающагося черезъ покатую сцену съ похищенной имъ примадонной въ объятіяхъ. Ганюжъ проѣзжалъ въ эту минуту мимо пригорка, за которымъ скрывалась Сусанна, весело болтая съ пріятелями, и она услышала, какъ Томасъ спросилъ его:

— Почему же ты не хочешь у нея отъужинать сегодня вечеромъ? Эта дѣвочка очень мила, право!

Ганюжъ отвѣчалъ на это слѣдующими словами, которыя отчетливо разслышала Сусанна:

— Провести съ нею вечеръ изрѣдка—это еще ничего, но каждый день регулярно бывать у нея... это ужъ слишкомъ! А главное, я боюсь, это кончится тѣмъ, что этотъ дуракъ Дюплé меня заколетъ!..

Г. Барбарá пожалъ плечами:

— Право, не понимаю твоихъ заботъ объ этомъ Дюплé!..

Если ты отказываешься сегодня быть у Лолотты, то, вѣроятно, имѣешь въ перспективѣ что-либо болѣе пріятное?..

И такъ какъ Ганюжъ покачалъ отрицательно головой, онъ насмѣшливо прибавилъ:

— Какъ, ты еще ничего не добился? Право, мой милый, у тебя было достаточно времени для этого!

Они проѣхали, и молодая женщина не могла уже болѣе ничего разслышать; но и того, что̀ она узнала, было слишкомъ достаточно; она была ошеломлена. Итакъ, у него есть любовница! у него?!.. и кто же, кто же эта его возлюбленная! Какая-то Лолотта!.. Она знаетъ ее, видѣла на подмосткахъ. Некрасивая, вульгарная, на содержаніи у Дюпле! Съ какихъ поръ онъ познакомился съ этой „пѣвичкой“? Безъ сомнѣнія послѣ того, какъ она, Сусанна, его оттолкнула! И она вдругъ почувствовала страхъ, что потеряла его. Если онъ ѣхалъ съ друзьями, то, безъ сомнѣнія, онъ у нея не былъ! Ясно, онъ рѣшилъ прекратить свои ежедневные визиты, видя ихъ безполезность. Все кончено... Она его болѣе не увидитъ! Взволнованная, она поднялась и быстро пошла домой, почти побѣжала. Ея дѣти играли въ саду—она крикнула имъ:

— Онъ заѣзжалъ?

— Кто?—спросила маленькая Рене́, руки который были выпачканы въ землѣ.

— Ганюжъ...—отвѣчала взволнованно мать.

— Былъ, разумѣется, — сказала Люси:—вѣдь онъ каждый день сюда заѣзжаетъ.

Сусанна вздохнула съ облегченіемъ.

— Только,—продолжала дѣвочка,—онъ не одинъ сегодня былъ. Онъ былъ съ двумя господами,—помнишь, съ тѣми, которые у насъ какъ-то разъ обѣдали... Они тоже были верхами и такіе же смѣшные. Скажи, почему они не такіе, какъ Жакъ, или г. де-Тренъ, или г-нъ Дюпле... ну, и всѣ другіе, которые ѣздятъ верхомъ, мама? У нихъ такой странный видъ... такіе они потѣшные!

Рене́, копавшая яму, поднялась, оперлась на свою лопаточку и объявила:

— Самый смѣшной изъ нихъ Ганюжъ... На немъ такой странный нарядъ!

Г-жа Миръ болѣе не слушала. Она прошла въ свою комнату и заперлась тамъ, чтобы на свободѣ все обдумать. Она теперь могла успокоиться: Ганюжъ былъ съ визитомъ, но одна изъ тѣхъ отрывочныхъ фразъ, слышанныхъ ею на дорогѣ, и на которую

она въ первую минуту не обратила особаго вниманія, припомнилась теперь съ особою ясностью и взволновала ее до глубины души:

„Если отказываешься сегодня быть у Лолотты, — вспомнились ей слова Барбарà,—то, вѣроятно, имѣешь въ перспективѣ что-либо болѣе пріятное?"

И затѣмъ, на отрицательный отвѣтъ Ганюжа, онъ выразилъ удивленіе, что тотъ еще до сихъ поръ ничего не добился, хотя времени было достаточно!..

Чтò онъ этимъ хотѣлъ сказать?

Единственный смыслъ, который могли имѣть эти слова, тотъ, что Ганюжъ не только завелъ возлюбленную, но и еще затѣялъ какую-то интригу, которая, по мнѣнію его друзей, туго подвигалась впередъ. Мысль, что эта особа, съ которой онъ завелъ интригу, она сама, никакъ не могла придти ей въ умъ. Выросшая въ порядочной средѣ, среди воспитанныхъ и деликатныхъ людей, она не подозрѣвала тѣхъ мелкихъ низостей и подлостей „дурного тона", на которыя способны субъекты той категоріи, къ какой принадлежалъ ея обожаемый поэтъ. Она, нимало не подозрѣвая истины, ломала себѣ голову, кто бы могла быть эта „соперница".

Вечеромъ г-нъ Миръ, проведшій все послѣ-полудня въ маленькой квартиркѣ въ улицѣ Станислава, сказалъ своей женѣ:

— Сегодня я видѣлъ г-жу Лемо. Я пригласилъ ее къ намъ обѣдать въ четвергъ съ ея мужемъ, братомъ и двумя его пріятелями, которые у нихъ живутъ... Ты напишешь также отъ себя нѣсколько словъ Дюкло? Пригласи и ихъ обѣдать.

Сусанна считала часы до желаннаго обѣда и успокоилась лишь тогда, когда въ четвергъ, въ семь часовъ, усѣлась въ своемъ большомъ креслѣ, съ открытымъ на 39-ой страницѣ романомъ Эдуарда Рò въ рукахъ. Но до самой послѣдней минуты она боялась, что вдругъ придетъ письмо, извѣщающее, что Ганюжъ боленъ или отказывается обѣдать у нихъ.

Когда г-нъ Миръ также явился въ гостиную, чтобы ждать гостей, онъ воскликнулъ въ удивленіи:

— Чортъ побери! Вотъ такъ туалетъ! А я-то еще сказалъ Гортен... г-жѣ Лемо, что она можетъ явиться въ домашнемъ, утреннемъ платьѣ!..

— Что же въ немъ особеннаго?—возразила Сусанна:—самое простое платье.

— Прекрасно, съ большимъ вкусомъ! право, съ большимъ вкусомъ! легкое, изящное, точно ты закуталась въ облако... И,

знаешь, оно на меня производитъ впечатлѣніе бальнаго,—это платье, которое ты называешь простенькимъ.

Молодая женщина встала и подошла къ зеркалу поглядѣться.

На ней было надѣто платье изъ нѣжно-голубого газа, воздушнаго и легкаго, какъ туманъ. Воротъ былъ немного вырѣзанъ на груди и спинѣ, открывая ея бѣлое, стройное горло и круглый, красиво сформированный, точно выточенный, затылокъ, на который падалъ каскадъ пепельныхъ, завитыхъ въ небольшіе локоны, прядей ея волосъ. Подойдя къ зеркалу, она пальцами слегка взбила такіе же мелкіе локоны, падавшіе ей на лобъ, и не могла не улыбнуться отъ радости—такой хорошенькой она показалась себѣ самой.

Едва зазвенѣлъ звонокъ, возвѣщая о прибытіи гостей—она уже сидѣла на прежнемъ мѣстѣ съ раскрытой книгой въ рукахъ. Когда, обнявшись съ г-жею Лемо и пожавъ руки гг. Томаса и Барбарà, она подняла глаза на Ганюжа, она увидѣла, что онъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и смотритъ на нее съ восторгомъ, доходящимъ до экстаза.

Она протянула ему руку, но не отвѣчала на его—немного слишкомъ уже сильное и долгое—пожатіе. Съ взволнованнымъ, восторженнымъ видомъ онъ прислонился къ косяку двери и остался такъ, съ видимой намѣренной аффектаціей, не говоря ни слова и не глядя ни на кого, кромѣ Сусанны. Онъ все время держалъ себя особнякомъ отъ всего маленькаго общества, состоявшаго съ хозяевами изъ семи человѣкъ, какъ будто онъ находился на шумномъ, многолюдномъ балѣ.

Прибытіе супруговъ Дюкло не вывело его изъ оцѣпенѣнія, и только когда Сусанна, найдя, что для гостей недостаточно удобныхъ креселъ, пошла за ними въ сосѣднюю комнату, онъ тронулся съ своего мѣста и пошелъ за нею, шепча ей на ухо:

— Простите меня! Я безумецъ!.. но, клянусь вамъ, съ этихъ поръ я буду только однимъ изъ самыхъ почтительныхъ вашихъ друзей!

Она ничего не отвѣчала, возясь со стульями.

Онъ продолжалъ:

— Будьте завтра утромъ дома и примите меня, я васъ умоляю! Я былъ такъ несчастенъ всѣ эти десять дней, что не видѣлъ васъ!

Она быстро повернулась къ нему и отвѣчала рѣзкимъ, срывающимся голосомъ, коротко и холодно:

— Вы были несчастны? Развѣ m-lle Lolotte не съумѣла васъ утѣшить?—И презрительно отвернувшись, она прошла мимо него

и вышла въ гостиную къ гостямъ, съ громомъ волоча за собою кресло.

Ганюжъ сначала оцѣпилъ, но послѣ нѣкотораго размышленія успокоился и обычный апломбъ вернулся къ нему. Онъ вышелъ вслѣдъ за г-жею Миръ, неся тоже нѣсколько стульевъ, и затѣмъ немедленно сѣлъ въ уголъ. Онъ сидѣлъ угрюмый, принималъ жалостныя мины, нѣсколько разъ высморкался и провелъ платкомъ по глазамъ.

Онъ слишкомъ хорошо зналъ Сусанну, чтобы повѣрить, что она „выдержитъ характеръ" и оставитъ его страдать, когда достаточно было только одного слова съ ея стороны, чтобы прекратить эти страданія. Онъ изучилъ ея сердце и научился играть на ея слабыхъ стрункахъ съ чудесною ловкостью.

Онъ не обманулся въ своихъ предположеніяхъ. Когда слуга объявилъ, что „кушать подано", г-жа Миръ подошла къ маленькому столику, возлѣ котораго сидѣлъ въ мрачномъ уединеніи Ганюжъ, и, кладя на него свой вѣеръ, быстро шепнула ему взволнованнымъ, задыхающимся голосомъ, который онъ такъ хорошо зналъ:

— Вы можете придти завтра!

Мгновеніе онъ оставался неподвижнымъ, какъ будто неожиданное счастье ошеломило его; затѣмъ, прижавъ къ сердцу сжатыя руки, онъ съ благодарной нѣжностью пробормоталъ:

— Merci!..

Когда Сусанна, взявъ подъ руку архитектора, вышла изъ гостиной, а за ней двинулся ея мужъ съ г-жею Дюкло, оба пріятеля Ганюжа, съ интересомъ слѣдившіе за сценой, происходившей у столика, слегка похлопали ему.

Г-нъ Томасъ, предложившій руку г-жѣ Лемо, проходя мимо молодого человѣка, сказалъ ему въ полголоса: „Браво, Ганюжъ!" тогда какъ г. Барбарé, нѣжно охватившій его за талію и поведшій въ столовую, сказалъ ему:

— Милый геній, я только изумлялся твоему неподражаемому искусству!

За столомъ разговоръ угрожалъ совсѣмъ замяться, какъ это всегда случается на обѣдахъ, при немногочисленности собравшихся, и когда они къ тому же мало знаютъ другъ друга и мало имѣютъ общаго между собою, что̀ называется, еще не „спѣлись"; но, къ счастію, г-жа Лемо напала на подходящій сюжетъ:

— Угадайте, что̀ сдѣлала ваша крестная!—обратилась она вдругъ къ Сусаннѣ.

Сусанна, знавшая, съ какой антипатіей относится г-жа де-Гюре къ архитектору и его женѣ, испугалась.

— Моя крестная?—сказала она, волнуясь:—право, не могу догадаться!

— И не старайтесь, не угадаете! Говорю вамъ, это нѣчто невѣроятное!..

Видя, что молодая женщина ждетъ съ тревогой разъясненія, толстякъ Дюкло крикнулъ:

— Ничего особеннаго, не волнуйтесь! Она насъ пригласила завтракать... Въ этомъ нѣтъ ничего худого или удивительнаго!

— Неужели?—пробормотала оторопѣвшая Сусанна. И какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, повторила:

— Она пригласила васъ завтракать!

Ганюжъ вмѣшался.

— О!—сказалъ онъ иронически:—не слѣдуетъ особенно гордиться этимъ приглашеніемъ! Моя сестра желала видѣть у себя Гюре послѣ „rallye-paper"... И дѣйствительно, маркизъ снизошелъ и отобѣдалъ у насъ... Теперь они платятъ вѣжливостью за вѣжливость,—вотъ и все.

Г-жа Лемо съ жаромъ протестовала:

— Напрасно ты думаешь, что я такъ добивалась чести видѣть у себя Гюре! Я просто должна была это тогда сдѣлать, такъ какъ мы въ тотъ день пользовались ихъ экипажемъ!

— Но,—замѣтилъ толстякъ Дюкло,—они и насъ пригласили также, а мы ужъ совсѣмъ въ сторонѣ.

Ганюжъ фыркнулъ.

— Они не хотятъ разлучать двѣ такія дружескія семьи!

— Въ такомъ случаѣ,—спросила Сусанна,—и вы тоже будете у крестной?

— О, да... Я тамъ буду... Если только могу надѣяться видѣть васъ тамъ?..

И послѣ краткаго молчанія онъ продолжалъ въ томъ же ироническомъ тонѣ:

— Г-жа де-Гюре простерла свою любезность до того, что включила въ число приглашенныхъ моихъ друзей: „Если только они еще будутъ здѣсь,—сказала она сестрѣ,—то привезите ихъ съ собою".

— А они еще долго здѣсь пробудутъ?—полюбопытствовала г-жа Миръ.

— Конечно, само собою разумѣется!—горячо вскричала г-жа Лемо:—надѣюсь, что они проведутъ съ нами весь ноябрь... Въ Нанси мы такъ же удобно можемъ ихъ помѣстить, какъ и въ

Бельфонтенѣ. Они хоть немного разсѣиваютъ нашего милаго Гастона, который безъ нихъ совсѣмъ бы стосковался!

И замѣтивъ выразительный взглядъ брата, она прибавила:

— Эту недѣлю онъ особенно грустилъ! Онъ почти не ѣлъ... запирался въ своей комнатѣ на цѣлые часы...

— Я работалъ!—прервалъ сестру Ганюжъ, какъ будто онъ очень сожалѣлъ, что она начала говорить объ этой „несчастной недѣлѣ".

Когда вышли изъ-за стола, Сусанна получила отъ посланнаго, пришедшаго во время обѣда, письмо своей крестной, приглашавшее ее на завтракъ „Подъ Буками", вмѣстѣ съ Лемо и Дюкло.

Ганюжъ остался вѣренъ самому себѣ. Прислонившись къ камину и закуривъ крѣпкую сигаретку, онъ принялся разглагольствовать о вещахъ, непонятныхъ всѣмъ присутствующимъ, за исключеніемъ развѣ друзей и учениковъ его, Томаса и Барбарà. Онъ даже прочелъ стихи одного изъ своихъ друзей—геніальнаго поэта, разумѣется,—единственнаго въ наше скудное талантами время! Съ первыхъ же строфъ, пивовара съ инженеромъ стало клонить ко сну. Жены же ихъ таяли отъ восхищенія.

Г-нъ Миръ, какъ вѣжливый хозяинъ дома, мужественно боролся со сномъ; но когда Ганюжъ умолкъ, онъ осмѣлился его спросить, какой смыслъ того поэтическаго произведенія, которое онъ только-что прочелъ. Ганюжъ отвѣчалъ, что чувство находитъ понятное выраженіе въ непонятныхъ, но полныхъ гармоніи звукахъ и что стихи эти полны очаровательной гармоніи.

И въ теченіе всего вечера онъ говорилъ печальнымъ тономъ, медленно и немного нараспѣвъ, о себѣ, своихъ будущихъ книгахъ и о своихъ друзьяхъ.

Сусанна не сводила съ него глазъ, ловила каждое слово, и вечеромъ, ложась спать, инженеръ сказалъ себѣ:

— Все идетъ какъ нельзя лучше! Можно разсчитывать, что скоро она опять оставитъ меня въ покоѣ.

X.

На другое утро Ганюжъ отправился пѣшкомъ къ г-жѣ Миръ. Друзья проводили его до входа въ аллею, ведшую къ дому инженера. Онъ разсказалъ имъ все, что̀ произошло наканунѣ между имъ и Сусанной, и они вмѣстѣ обсудили, какъ онъ долженъ вести дальнѣйшую аттаку. Разставаясь съ Ганюжемъ, они еще разъ повторяли ему свои совѣты.

— Въ особенности,—настаивалъ Томасъ,—если всѣ ея подозрѣнія ограничиваются одною m-lle Lolotte, смѣло отрицай все... Не признавайся ни за что!

— А главное, настаивай,—рекомендовалъ Барбарà,—если тебѣ придется все-таки, въ концѣ концовъ, сознаться, что причиной здѣсь она одна... Ты хотѣлъ убить въ себѣ чувство къ ней, забыть ее... Упрекай ее, что, благодаря ея жестокости, ты низошелъ до грязной любви... Постарайся даже возбудить ея ревность: нѣтъ болѣе прямого пути къ тому, чтобы воспламенить женщину, какъ возбудить ея ревность!..

— Ахъ!—вскричалъ Ганюжъ съ безнадежнымъ видомъ:—развѣ я могу знать напередъ, чтò сдѣлаю или скажу? Когда я вижу ее, я уже болѣе не господинъ своей воли!

Ему вдругъ пришла мысль помистифицировать своихъ добрыхъ пріятелей, разыгравъ передъ ними комедію пламенной страсти; онъ яркими красками описалъ имъ то высокое чувство, неизвѣстное такимъ, какъ они, не знавшимъ иной любви, кромѣ продажной, и которое въ эту минуту наполняетъ священнымъ трепетомъ его душу. Онъ понималъ, что его „успѣхи" поднимутъ и безъ того чрезвычайно высокій „престижъ" его, но надо было еще убѣдить ихъ, что дѣло здѣсь шло о „настоящей", „особенной" любви, придать своей страсти роковой оттѣнокъ, трагическій характеръ, вообще пустить пыль въ глаза своимъ почитателямъ.

Такъ какъ молодые люди слушали съ удивленіемъ его признанія, то онъ продолжалъ:

— Или вы удивляетесь, видя меня въ такомъ состояніи? Меня, который уже болѣе, казалось, не могъ ничему повѣрить! меня, разочаровавшагося въ жизни! Ахъ, еслибы знали, какъ сладко любить! какъ сладко сознавать себя любимымъ такъ, какъ любимъ я!.. Да, до сихъ поръ я не зналъ истинной любви... Все это такъ ново для меня и такъ чисто, такъ возвышенно... Мнѣ кажется, что я плыву, плыву къ вратамъ рая, на волнахъ божественныхъ чувствованій...—Замѣтивъ, что они совершенно ошеломлены необыкновеннымъ состояніемъ своего друга, онъ прибавилъ:

— Вы находите, что я перемѣнился, не правда ли? Только съ сегодняшняго дня я, наконецъ, сталъ вполнѣ ясно читать въ самомъ себѣ... Иду! Она меня ждетъ!.. Прощайте!..

Когда молодые люди остались посреди дороги одни, Томасъ сказалъ, указавъ на Ганюжа, удалявшагося отъ нихъ большими шагами:

— Можно предсказать успѣхъ нашему милому генію... Какая возвышенная душа! И какая богатая организація!

— И какое золотое сердце, замѣть къ тому же!—прибавилъ съ сочувственнымъ вздохомъ Барбара̀: — какъ хватаетъ духа у этой женщины мучить его столько времени!

— Это буржуазка! Она не можетъ понять, какъ преступно съ ея стороны мертвить холодностью эту избранную натуру! Но кто знаетъ? быть можетъ, надо благословлять небо за то, что оно послало страданіе Гастону! Страданіе пробуждаетъ вдохновеніе поэтовъ:

Les plus désespérés sont les chants les plus beaux,
Et j'en sais d'immortels, qui...

— Довольно!—прервалъ Барбара́,—довольно! Ты мнѣ прожужжалъ уши твоимъ Мюссе́! Не понимаю, что̀ ты въ немъ находишь... грубъ, вялъ, не умѣлъ даже риѳмы подбирать какъ слѣдуетъ! Но, оставивъ Мюссе́, ты правъ... Отчаяніе извлекаетъ изъ души поэта гармоничные вопли! Оно заставляетъ звучать самыя сокровенныя струны и драгоцѣнные звуки...

Онъ посмотрѣлъ на часы и неожиданно перемѣнилъ тонъ:

— Не зайти ли намъ пропустить по маленькой?

И, обнявшись и съ нѣжностью другъ друга поддерживая, они двинулись въ предмѣстье Сенъ-Пьеръ, въ знакомое кафе, переглядываясь съ попадавшимися на пути молоденькими работницами, не осмѣливаясь, однако, заговорить съ какой-либо изъ нихъ.

Взволнованная, нервно возбужденная, воображая, что̀ скажетъ ей Ганюжъ и что̀ она ему скажетъ, Сусанна ждала его въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ она никогда прежде никого не принимала. На этотъ разъ она ничего не имѣла противъ того, чтобы мужъ ея исчезъ послѣ завтрака изъ дому. Провожая его насмѣшливыми взглядами и колкими словами, она, напротивъ, боялась одного, чтобы онъ не остался дома.

Когда Ганюжъ вошелъ, она была во всеоружіи; но, увы, это ни къ чему не послужило. Какъ ни готовилась она къ этой встрѣчѣ, а вышло все совсѣмъ не такъ, какъ она ожидала. Дверь внезапно отворилась, и Ганюжъ, блѣдный и унылый, быстро подошелъ къ ней и, склонивъ передъ ней колѣни, сталъ просить у нея прощенія.

Она сдѣлала ему знакъ встать и попросила сѣсть. Прошло нѣсколько мгновеній въ молчаніи. Она была холодна, неловка, она забыла всѣ фразы, еще наканунѣ заготовленныя ею.

Онъ заговорилъ. Не желая выдавать себя, слѣдуя совѣтамъ друзей, но все же рѣшившись ощупать почву и вывѣдать, что̀ собственно ей про него извѣстно, онъ спросилъ:

— О чемъ вы вчера меня спросили вечеромъ? Я не понялъ положительно ни слова!

Она ничего не отвѣчала. Онъ продолжалъ:

— Вы меня спросили... да, вспоминаю, о какой-то Лили... или нѣтъ, о m-lle Lolotte—такъ, кажется, вы ее назвали?

Она сдѣлала утвердительный знакъ головой.

— Но что же это значитъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

Сусанна должна была сдѣлать усиліе надъ собой, чтобы заговорить. Слова не шли съ ея губъ.

— Это значитъ, что у васъ есть любовница, пѣвица изъ „Эдена", по имени Лолотта!.. что это мнѣ извѣстно и я желаю, чтобы и вы знали, что это мнѣ извѣстно... Довольно съ васъ?

— Не могу понять, кто могъ вамъ передать такую низкую сплетню!

— Знаете ли, вѣдь вы мнѣ говорите какъ разъ то самое, что̀ сказалъ мнѣ мужъ на мой вопросъ о... вы знаете—о чемъ! Помните, когда еще вы мнѣ сказали, что онъ меня обманываетъ? Вѣдь это вы...

Молодой человѣкъ рѣзко прервалъ ее:

— Но кто же теперь вамъ разсказалъ?.. Кто посмѣлъ выговорить эту низкую...

— Вы сами!..

И такъ какъ онъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее, широко раскрывъ глаза и безмолвствуя, она повторила ему слово въ слово, что̀ говорилъ онъ и его друзья на дорогѣ изъ Нанси.

Ганюжъ въ первую минуту почувствовалъ себя такъ, какъ будто подъ нимъ подломился полъ. Но затѣмъ быстро сообразилъ, что въ томъ, что̀ узнала Сусанна, не было такого, чего нельзя было бы представить въ иномъ свѣтѣ, и онъ произнесъ, съ упрекомъ глядя въ красивые, горѣвшіе огнемъ негодованія, глаза молодой женщины:

— Неужели вы, такая великодушная, полная высшихъ стремленій женщина, могли повѣрить, что я васъ обманываю?.. Да, именно это вы сейчасъ предположили,—не возражайте... Неужели вы не догадались, что я обманывалъ не васъ, а этихъ двухъ безумцевъ? Я нарочно старался увѣрить ихъ, что эта пѣвичка—моя возлюбленная, но на самомъ дѣлѣ ноги моей у нея не было!..

— Зачѣмъ же вамъ понадобилось увѣрять ихъ въ этомъ?—спросила она.

— Зачѣмъ?—вскричалъ возбужденно Ганюжъ:—зачѣмъ? чтобы отвлечь ихъ на ложную дорогу, скрыть истину... Потому что разъ ихъ подозрѣніе коснется моей завѣтной тайны—она уже потеряетъ свою абсолютную идеальность и чистоту! Потому что ради васъ я все готовъ сдѣлать!—И онъ заключилъ съ горечью:

— А вы сейчасъ же предположили обманъ съ моей стороны!

Онъ хотѣлъ придвинуться къ Сусаннѣ, но та отстранилась и спросила:

— Ну, а это еще что за исторія... Какъ вы объясните слова вашего друга: „неужели ты до сихъ поръ ничего не добился у нея“?

Онъ не ожидалъ этого вопроса и не приготовился къ нему; онъ заволновался и отвѣчалъ растерянно, подыскивая слова:

— Ахъ! это... это, видите ли... это... другое дѣло...

— Я такъ и думала! но я, кажется, имѣю право спросить у васъ, что это за „другое дѣло“?..

Но онъ уже овладѣлъ собою.

— Боже мой!—сказалъ онъ, принявъ скучающій видъ:—тутъ я, можетъ быть, проявилъ излишнюю дальновидность и напрасно возвелъ еще и съ этой стороны защиту отъ подозрѣній моихъ пріятелей... И я даже нѣсколько компрометировалъ, да... одну даму, которая...

Онъ остановился, затрудняясь, кого бы ему назвать. Сусанна спросила нетерпѣливо:

— Которая чтò?..

— Которая проявляетъ ко мнѣ... не скажу расположеніе, но... это не то слово... но мои друзья такъ думаютъ,—основательно или нѣтъ, другой вопросъ,—что эта дама питаетъ ко мнѣ нѣкоторое... нѣкоторое чувство... И они меня упрекали...

— За что?.. Да говорите, не тяните!

— Ну, за то, что я не пользуюсь...

— А! ну, а почему же вы не воспользуетесь?

— Потому что я васъ обожаю, васъ одну и кромѣ васъ для меня никого не существуетъ!

— Кто эта женщина?—спросила Сусанна рѣзко.

— Какая женщина?

— Та, которая въ васъ влюблена!

Ганюжъ замялся. Онъ чувствовалъ, что запутывается все больше и больше.

— Позвольте!.. я вовсе не говорилъ, что она въ меня влюблена.

— Перестаньте играть словами... и скажите мнѣ ея имя! Я желаю знать это!

На самомъ дѣлѣ онъ подыскивалъ, на комъ бы ему остановить

свой выборъ. Съ самаго пріѣзда въ Нанси онъ почти не встрѣчалъ женщинъ у своихъ сестеръ. Онѣ не любили принимать у себя женщинъ, предпочитая единолично царить въ своемъ кружкѣ; кромѣ Сусанны и г-жи Жювизи, никого у нихъ не бывало. Но слишкомъ неправдоподобно было бы указать на послѣднюю. Она была такъ давно и почти не замѣтила Ганюжа.

Эта добродушная, полная, свѣжая и красивая женщина была существомъ слишкомъ прозаическимъ; она не понимала декадента и онъ произвелъ на нее отталкивающее впечатлѣніе.

— Скажите же, кто она?..—повторила нетерпѣливо Сусанна, волненіе которой все возростало.

Не зная, что̀ сказать, онъ отвѣчалъ:

— Сами угадайте!..

— Какъ же я могу угадать!.. Я могу только подозрѣвать тѣхъ женщинъ, которыя—знаю, что знакомы съ вами и съ которыми вы при мнѣ видѣлись...

Подумавъ немного, она сказала:

— Это не г-жа Жювизи? Но она васъ всего разъ и видѣла!

— Это ничего не значитъ!

— Какъ? Неужели она? О!!

И, смѣясь отъ души, она прибавила:

— Вотъ такъ славная побѣда!

Онъ почувствовалъ, что становится смѣшнымъ въ ея глазахъ, и поспѣшно сказалъ:

— Ну, разумѣется, не она!

— Еще менѣе можно предположить,—продолжала Сусанна,—что это герцогиня де-Реаль, которую вы у меня видѣли раза два... Это святая женщина. Она ни на кого не обращаетъ вниманія и ни до кого не снизойдетъ.

— Ну, конечно, это не она...

— Ну, такъ больше мнѣ и не кого назвать, кромѣ самой себя и крестной. Но вѣдь не она же это?..

Она вдругъ умолкла, пораженная неопредѣленнымъ выраженіемъ лица молодого человѣка.

Когда она назвала маркизу, Ганюжа вдругъ осѣнила мысль: почему бы ему не направить ревность Сусанны,—что она ревновала, это было ясно, — противъ ея крестной, которая до сихъ поръ имѣла на нее такое вліяніе? Намекнуть, возбудить подозрѣніе, не говоря прямо, а при случаѣ, если понадобится, можно и отпереться... Маркиза прямо объявила себя его врагомъ—ну, онъ и будетъ съ нею поступать какъ съ врагомъ.

Внимательно посмотрѣвъ на молодого человѣка, Сусанна спросила:

— Не скажете же вы, надѣюсь, будто г-жа де-Гюре?..

Онъ отвѣчалъ холодно и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне значительно:

— Я ничего вамъ не скажу.

Но Сусанна уже не слушала и вся отдалась внезапно возникшему подозрѣнію.

„Почему же это не можетъ быть? — думала она: — весьма естественно. Почему она не можетъ увлечься имъ?" И ей внезапно припомнилось множество мелочей, ничтожныхъ фактовъ, которые всѣ, освѣщенные такъ, какъ ей хотѣлось, сгруппировывались, подтверждая ея подозрѣнія.

Почему крестная, которая такъ любитъ современную литературу, восхищается произведеніями молодыхъ писателей, почему она отнеслась такъ враждебно къ одному изъ представителей „новой школы"? Развѣ онъ хуже другихъ? Съ какой стати она — то все отъ него отворачивалась, а тутъ вдругъ приглашаетъ его къ себѣ?

И наконецъ, эта исторія, когда они вмѣстѣ ѣздили и лошадь Ганюжа вырвалась... Если въ этомъ ничего не было особеннаго, почему она тогда никому о ней не сказала? Она видимо хотѣла замять эту исторію.

— Скажите мнѣ,—начала, наконецъ, Сусанна,—почему г-жа де-Гюре никому ни слова не сказала о вашемъ приключеніи съ лошадью,—помните, тогда?

Ганюжъ вдругъ сильно покраснѣлъ. Ему представилось, что Сусанна знаетъ о его комическомъ прыжкѣ черезъ заборъ. Сообразивъ, что̀ должно было теперь происходить въ умѣ молодой женщины, онъ отвѣчалъ по возможности самымъ естественнымъ и безпечнымъ тономъ:

— Но я, право, не знаю, почему она тогда не разсказала никому? Спросите объ этомъ ее самоё,—она навѣрно вамъ объяснитъ.

Довольный своимъ отвѣтомъ, онъ подумалъ про себя:

„Маркиза, конечно, сдержитъ свое слово и Сусанна отъ нея ничего не добьется и непремѣнно вообразитъ, что между мною и ею произошло нѣчто особенное. Только чтобы г-жа де-Гюре не подумала, что я самъ все разсказалъ Сусаннѣ о томъ, какъ скакалъ черезъ барьеръ,—не то она сочтетъ себя свободной отъ даннаго слова и выдастъ меня". И онъ сказалъ:

— Только вотъ въ чемъ дѣло: я далъ слово никому не разсказывать о томъ, что̀ произошло тогда; а если вы заведете

объ этомъ разговорѣ съ маркизой,—она можетъ подумать, что я не сдержалъ слово.

— Повѣрьте, что я съумѣю такъ завести разговоръ, чтобы она этого не подумала,—отвѣчала Сусанна, про себя между тѣмъ отмѣчая:—А, такъ между ними тогда дѣйствительно что-то „произошло"!..

— Дайте слово!

— Съ охотой.

„Ну, вотъ какъ все прекрасно устроивается!—думалъ Ганюжъ:—обѣ онѣ настолько глупы, что сдержатъ свои обѣщанія... и все обойдется какъ нельзя лучше!"

Онъ поднялся и приблизился къ ней.

— Неужели вы до сихъ поръ гнѣваетесь на меня? Неужели вы меня не простите?

— Я прощаю васъ... но вы обѣщайтесь болѣе не повторять этого... никогда больше!

И такъ какъ онъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ, видимо не понимая, о чемъ она говоритъ,—прибавила:

— Какъ тогда въ лѣсу, во время скачекъ. Я такъ испугалась, такъ боюсь...

Онъ пригнулся къ рукѣ, которую она ему протянула, и почтительно поцѣловалъ ее, едва касаясь до нея губами.

— Я буду, такъ какъ вы этого требуете, самымъ почтительнымъ и самымъ несчастнымъ изъ любовниковъ...

Сусанна открыла окно и Ганюжъ выпрыгнулъ черезъ него въ садъ. Можно было бы выйти и прямо въ дверь, но такъ казалось имъ обоимъ поэтичнѣе. Когда онъ прошелъ черезъ садъ, Сусанна крикнула ему въ догонку:

— До завтра!

Къ ней возвратилось вновь полное довѣріе къ нему и она только о томъ и мечтала, чтобы возобновить платоническій романъ, прерванный на время взрывомъ страсти ея возлюбленнаго.

XI.

— Желаете сыграть партію въ теннисъ? — спросила г-жа де-Гюре.—Жакъ, пожалуйста, устрой все, я прошу тебя, дитя мое!

Послѣ завтрака она рѣшительно не знала, чѣмъ развлечь гостей, бродившихъ по заламъ и видимо не собиравшихся идти гулять въ паркъ.

Жакъ сидѣлъ на углу билліарда, приготовляясь послать шаръ; онъ отвѣчалъ:

— Я съ удовольствіемъ всѣмъ распоряжусь, тетя Шарлотта, только кто будетъ играть?

— Сусанна, эти господа.

Но гг. Томасъ и Барбарѝ отказались.

— Мы ничего не смыслимъ въ лоунъ-теннисѣ, сударыня.

— Вотъ видите!—сказалъ Жакъ:—остаются только г-жа Миръ и Ганюжъ... Да и онъ, можетъ быть, не играетъ?

И оглядѣвшись, онъ прибавилъ:

— Гдѣ же, однако, Ганюжъ?

Маркиза указала рукой на библіотеку.

Ганюжъ забрался туда, не обращая ни на кого вниманія, какъ будто онъ былъ одинъ.

— Онъ тамъ,—сказала она,—читаетъ „Адольфа".

Услышавъ, что говорятъ о Ганюжѣ, Сусанна, покачивавшаяся на гамакѣ, повернула къ нимъ голову и, заинтересовавшись новымъ для нея наименованіемъ, спросила, желая быть „au courant" того, чтò читалъ „ея поэтъ":

— „Адольфъ"? Что это за книга „Адольфъ"? Вѣрно недавно вышла?

— О!—только и произнесъ г-нъ Томасъ, а Барбарѝ замѣтилъ иронически:

— Не совсѣмъ, сударыня, не совсѣмъ!

По тону молодого человѣка Сусанна догадалась, что сказала глупость; однако, считая себя обязанной интересоваться всѣмъ, чтò нравилось ея обожаемому Ганюжу, она продолжала:

— Кто же написалъ этого „Адольфа"?

— Нѣкто Бенжаменъ Констанъ!

— А!.. — пробормотала Сусанна, которой это имя ничего ровно не сказало:—я и не знала!

Молодые люди засмѣялись. Жакъ пожалъ плечами.

— Вы отлично дѣлаете, Сусанна,—сказалъ онъ,—что живете въ невѣденіи о Бенжаменѣ Констанѣ и его ученикахъ. Нѣкоторое невѣжество служитъ только къ украшенію хорошенькой женщины.

Г-жа Миръ посмотрѣла на него. Ей бы хотѣлось повѣрить его словамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она полюбила декадента, ея невѣжество въ литературѣ заставляло ее жестоко страдать. Она не могла не сознаться самой себѣ, что очень мало понимаетъ изъ монологовъ Ганюжа, и послѣ бесѣды съ нимъ,—впрочемъ, больше говорилъ онъ одинъ, — она чувствовала, что голова ея разбита, утомлена и что она ничего изъ этого разговора не вынесла.

Дѣлая сверхъестественныя усилія, чтобы усвоить и запомнить хоть что-нибудь изъ странныхъ идей Ганюжа, она забывала и то немногое, что̀ знала. Воспитанная въ монастырѣ въ то еще время, когда знанія для женщинъ считались совершенно излишними, она весьма поверхностно знала исторію, географію, грамматику и ариѳметику.

„Athalie“ Шатобріана, нѣсколько басенъ изъ Лафонтена, нѣсколько отрывковъ изъ Расина—вотъ почти все по части поэзіи, съ чѣмъ ознакомилась она въ бытность свою въ монастырѣ. Потомъ, когда она была уже замужемъ, она какъ-то разъ взяла у крестной Мюссé и Бодлера, но возвратила ихъ черезъ нѣсколько дней, объявивъ, „что она не могла дочитать, такъ какъ это совсѣмъ не такъ интересно, какъ ей говорили, и она ничего не поняла“.

Съ тѣхъ поръ она стала относиться къ стихамъ съ глубокимъ презрѣніемъ, и только ужъ Коппé, въ которомъ она все понимала, нѣсколько примирилъ ее съ ними. Зато она зачитывалась романами, поглощая ихъ въ громадномъ количествѣ. Конечно, любила лишь „интересные“, гдѣ описывались „возвышенныя чувства“ и много было любовныхъ перипетій. Герой и героиня должны были постоянно балансировать на краю бездны, однако постоянно удерживаясь отъ рокового шага, и это-то безконечное томленіе страстей и колебанія „надъ бездной“ и дѣлало ихъ въ глазахъ Сусанны „симпатичными“, а романъ „интереснымъ“.

Правдивое изображеніе жизни и людей казалось ей грязнымъ и скучнымъ.—Какое удовольствіе,—говаривала она,—читать въ книгѣ о томъ, что̀ и такъ видишь на каждомъ шагу въ жизни, въ обыденной дѣйствительности?

Ганюжъ, узнавъ литературные вкусы хорошенькой Сусанны, пришелъ въ ужасъ и принялся ей растолковывать красоты произведеній декадентовъ. Онъ не сталъ просвѣщать ее насчетъ общепризнанныхъ великихъ писателей,—онъ самъ ихъ презиралъ отъ всей души,—но лишь объяснялъ ей величіе и оригинальность геніевъ, извѣстныхъ только ему и его друзьямъ.

И бѣдная Сусанна, искренно сожалѣя, что она такъ долго оставалась въ невѣдѣніи о такихъ великолѣпныхъ вещахъ, прилежно внимала чтенію—на-распѣвъ и нѣсколько въ носъ—своего поэта, познакомившаго ее съ головокружительными сонетами, а также съ нелѣпымъ романомъ, написаннымъ на такомъ французскомъ языкѣ, на какомъ еще дотолѣ никто не писалъ, и носившимъ заглавіе: „Janik d'Argent“. Этотъ романъ въ особен-

ности приводилъ ее въ отчаяніе, но она не смѣла сказать, что̀ думала, и съ негодованіемъ отнеслась къ откровенному мнѣнію, высказанному ея мужемъ, который, прочитавъ двѣ страницы, объявилъ, „что авторъ этой идіотской книги, безъ сомнѣнія, круглый дуракъ". Для нея мнѣніе Ганюжа было закономъ, и она не могла понять смѣлости оспаривавшихъ его. Слова Жака о томъ, какъ идетъ хорошенькимъ женщинамъ нѣкоторая доля невѣжества, она склонна была принять какъ насмѣшку. Отвѣты друзей Ганюжа пуще только сбили ее съ толку. Она не знала теперь, Адольфъ ли написалъ Бенжамена Констана, или наоборотъ, но она не могла не видѣть, что то и другое имя было слишкомъ извѣстно, чтобы не знать его.

— Ты будешь играть въ теннисъ, Сусанна? — спросила ее г-жа де-Гюре.

Голосъ крестной вывелъ ее изъ задумчивости.

Послѣдніе дни она постоянно заставала себя на обсужденіи того, что̀ намеками высказалъ Ганюжъ о маркизѣ. На первый взглядъ, конечно, казалось невѣроятнымъ, чтобы юный поэтъ нравился г-жѣ де-Гюре. Сусанна знала, какую инстинктивную антипатію чувствуетъ маркиза къ „худосочнымъ" сантиментальнымъ позёрамъ. Тѣмъ не менѣе, въ поведеніи маркизы относительно его Сусанна теперь находила много необъяснимо страннаго. Она искренно обожала Ганюжа и глубоко была убѣждена въ томъ, что весь литературный міръ удивляется его генію, такъ что, въ концѣ концовъ, ей стало казаться совершенно естественнымъ, что всѣ женщины отъ него безъ ума. Она напоминала себѣ, что вѣдь маркиза уже давно считается въ рангѣ старыхъ женщинъ, что она годится въ матери юному декаденту, но всѣ эти соображенія все-таки не могли погасить ея ревнивыхъ подозрѣній, и, въ концѣ концовъ, она говорила себѣ:

„Безъ сомнѣнія, это все такъ, но... между ними нѣчто произошло... Вотъ только что̀ именно?.."

— Крестная, — спросила она вдругъ, — скажите, что это за необыкновенное происшествіе, которое произошло съ Ганюжемъ, когда вы вмѣстѣ ѣздили по скаковому полю?

Вопросъ былъ неожиданный, но г-жа де-Гюре отвѣчала совершенно естественно и даже не сразу очевидно припомнила, о чемъ говоритъ крестница:

— Необыкновенное? Право, не могу тебѣ сказать, что̀ такое необыкновенное произошло съ нимъ!

— Неужели вы забыли? Еще у него вырвалась лошадь...

— Ахъ, да! вѣрно! Онъ упустилъ лошадь... Такъ это-то называешь ты необыкновеннымъ происшествіемъ?

— Почему же онъ упустилъ?

— Потому, вѣрно, что плохо держалъ.

Ганюжъ услышалъ, о чемъ зашелъ разговоръ, и хотѣлъ устраниться отъ него, но маркиза крикнула ему:

— М-г Ганюжъ, m-me Миръ желаетъ знать, какъ это вы противъ своего желанія пустили на свободу Аполлона, помните? Вы можете лучше меня объяснить ей это!

Ганюжъ сконфуженно пробормоталъ:

— Обыкновенно все это происходитъ такъ неожиданно, что не успѣешь замѣтить, какъ...

Г-жа де-Гюре засмѣялась. Молодой человѣкъ еще болѣе смутился. Сусанна замѣтила это и съ любопытствомъ смотрѣла на нихъ.

— Вы похожи на двухъ сообщниковъ! — сказала она, наконецъ.

Маркиза, г-нъ Лемо и толстякъ Дюкло начали партію на билліардѣ.

Г-жа Дюкло заговорила съ Сусанной о своей сестрѣ Гортензіи, которая „крайне сожалѣетъ, что не могла принять любезнаго приглашенія г-жи де-Гюре, но она такъ страдаетъ,—докторъ совѣтуетъ ей переселиться въ Нанси“.

— Итакъ, — обратилась Сусанна къ мужу Гортензіи, — вы скоро переѣдете въ городъ?

— Завтра,—отвѣчалъ архитекторъ: — докторъ боится лихорадки...

— Еще бы!—прервалъ г-нъ Миръ:—неужели же вы думали провести осень въ Бельфонтенѣ, среди этихъ болотъ? Мѣстность эта въ высшей степени нездоровая.

Переѣздъ супруговъ Лемо изъ деревни былъ какъ нельзя болѣе на руку инженеру. Свиданія въ улицѣ Станислава могли происходить теперь гораздо чаще и съ бо̀льшимъ удобствомъ.

— Кажется, будетъ гроза! — сказалъ маркизъ, выходя на крыльцо.

Ганюжъ уже давно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

— Да, я чувствую, что будетъ гроза, — восклицалъ онъ:— каждый нервъ во мнѣ это предчувствуетъ и мучительно дергается...

Ганюжъ и самъ такъ же „дергался“, какъ и его нервы. Онъ имѣлъ чрезвычайно странный видъ, бѣгая вдоль анфилады комнатъ съ необыкновенными жестами. Онъ производилъ жалкое и

комическое впечатлѣніе со своими длинными, костлявыми руками, громадной головой, качающейся на длинной, тонкой шеѣ, и выпяченными колѣнками.

Замѣтивъ улыбку, съ какою посматривала маркиза на метавшагося съ ошалѣлымъ видомъ декадента, Сусанна подумала:

„Положительно, онъ и его друзья ошибаются! Она постоянно надъ нимъ смѣется... Несомнѣнно онъ производитъ на нее самое неблагопріятное впечатлѣніе".

Тѣмъ не менѣе, она не чувствовала упрековъ совѣсти за то, что загрязнила пошлыми подозрѣніями свои чувства къ крестной. Она просто убѣдилась въ невѣрности этихъ подозрѣній и, страдая отъ того, что надъ ея идоломъ смѣются, тѣмъ болѣе, что и сама не могла не сознаться въ комичности его прыжковъ, подсѣла къ крестной и сказала ей въ полъ-голоса:

— Кажется, васъ смущаетъ Ганюжъ? Будьте къ нему снисходительны—онъ не похожъ на другихъ людей.

— Не знаю, на кого онъ похожъ, — рѣзко отвѣчала маркиза:—по моему, онъ дѣйствительно ни на что не похожъ!

Сусанна знала этотъ тонъ. Онъ означалъ, что маркиза сердится. Она не отвѣчала, но Томасъ вмѣшался въ разговоръ. Онъ замѣтилъ, съ какой насмѣшливой миной посматривала маркиза на фантастическія позы его друга, и почелъ долгомъ косвенно вступиться за него:

— Какъ тяжело,—заговорилъ онъ задумчиво,—быть созданнымъ иначе, чѣмъ остальные смертные, чувствовать такъ сильно, такъ глубоко, любить, плакать, страдать такъ, какъ не любитъ, не плачетъ, не страдаетъ никто другой изъ тѣхъ существъ, которыя хлопочутъ и суетятся вокругъ тебя, поглощенныя обыденными мелочами...

И такъ какъ толстякъ Дюкло, хлопотавшій около билліарда, съ удивленіемъ обернулся, услышавъ эти меланхолическія слова, онъ уже прямо объявилъ:

— Жизнь нашего закала людей слагается совершенно иначе, чѣмъ у окружающихъ насъ. Существуетъ безконечная разница между нашею индивидуальностью и ихъ. Мы не можемъ жить ихъ жизнью, а они нашей, мы не можемъ...

Но тутъ маркизъ перебилъ его. Г-нъ Томасъ начиналъ раздражать его своими разглагольствованіями.

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія,—сказалъ онъ.—Конечно, были, есть и будутъ исключительныя натуры, которымъ тѣсно въ условіяхъ обыденной жизни, которыя носятъ великую печаль въ душѣ своей: это—Руссо, Байроны и имъ подобные; эти люди

живутъ какъ и всѣ прочіе смертные, и по виду ничѣмъ отъ нихъ не отличаются, но чувствуютъ иначе, какъ никто. Но вотъ послѣдняго-то и нельзя сказать о тѣхъ иначе организованныхъ субъектахъ, о которыхъ вы изволите распространяться...

— Но почему же? — спросилъ Ганюжъ, подошедшій, чтобы поддержать въ спорѣ своего ученика.

— Потому что, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, эти господа, какъ разъ наоборотъ, живутъ такъ, какъ никто не живетъ, а чувствуютъ рѣшительно такъ же, какъ всѣ!

— Милостивый государь! — вскричалъ Ганюжъ, задѣтый за живое:—вы не можете знать, что происходитъ въ нашихъ сердцахъ, въ мозгу нашемъ... Возьмемъ, напримѣръ, любовь; изъ васъ нѣтъ ни одного, кто бы могъ понять и судить насъ! Да,—продолжалъ онъ, выразительно взглянувъ на Сусанну,—да, наша любовь, это—палящая страсть, это—огонь, молнія... И если намъ отказано въ счастіи любви, зато мы съумѣемъ умереть любя!..

— Неужели?—насмѣшливо подхватилъ маркизъ.—Вотъ еще свойство, которое меня въ васъ поражаетъ: вы то-и-дѣло твердите о смерти... Я думаю, что всѣ эти ваши восклицанія неискренни. Кто и дѣйствительно не боится смерти, и тотъ даже никогда не скажетъ, что онъ ея желаетъ.

— Что касается меня,—мрачно произнесъ молодой человѣкъ съ видомъ галлюцината, вперившаго взоръ въ представшее ему видѣніе,—то мысль о смерти есть любимая мечта моя! Любить женщину... обожать ее... не имѣть въ жизни ничего, кромѣ нея... желать обладать ею, ждать и томиться... И когда, наконецъ, она будетъ тебѣ принадлежать, не дожидаясь охлажденія, страданій, всего того пошлаго и мизернаго, что слѣдуетъ за удовлетвореннымъ чувствомъ, умереть съ нею, умереть, не выпуская ея изъ объятій, еще не охлажденныхъ пресыщеніемъ... Умереть?.. не уснуть ли, слившись въ согласномъ, вѣчномъ поцѣлуѣ?..

Сусанна сидѣла съ опущенными рѣсницами, но щеки ея пылали, губы дрожали; она, видимо, всѣмъ существомъ своимъ прислушивалась къ словамъ безумнаго декадента. Жакъ печально смотрѣлъ на нее; онъ вспомнилъ, какъ она спрашивала его на балу, рѣшится ли онъ умереть съ тою, которая отдастся ему; теперь онъ зналъ, откуда взялась эта дикая идея.

За тирадой Ганюжа послѣдовало общее молчаніе. Наконецъ, съ горькой улыбкой, какъ бы про себя, онъ добавилъ:

— Одно только: вѣдь для осуществленія этой прекрасной мечты должна найтись женщина, способная любить.

— Надо полагать, что найдется!—замѣтила, улыбаясь, маркиза.

— Способная любить?—вскричалъ тотъ съ горячностью: — о, нѣтъ, нѣтъ! Женщины—кокетки; онѣ желаютъ нравиться, онѣ доводятъ насъ до безумія своими взглядами, которые обѣщаютъ такъ много; онѣ стараются держать насъ въ заблужденіи, будто любятъ насъ, и такимъ образомъ держать насъ въ своей власти; а когда мы имъ надоѣдимъ, онѣ отталкиваютъ насъ съ цинической откровенностью, со смѣхомъ объявляя намъ: „Мы на все готовы... но только не на любовь... Любовь! Взаимность!—это пугаетъ насъ!“

Сусанна молча ощипывала своими бѣлыми зубками лепестки бѣлой гвоздики. Она съ нѣжностью прикоснулась губами къ цвѣтку и съ улыбкой, спокойно, — впрочемъ легкая блѣдность разлилась по ея лицу и глаза засверкали, выдавая ея внутреннее волненіе,—бросила его молодому человѣку, воскликнувъ:—Браво!

Онъ поднялъ цвѣтокъ, упавшій къ его ногамъ, и съ аффектаціей поднесъ къ губамъ.

Эта выходка возмутила маркизу. Она сердилась не столько на Ганюжа, сколько на Сусанну. Этотъ поступокъ еще разъ какъ нельзя лучше доказывалъ, какую опасную игру завела она съ молодымъ человѣкомъ и какъ далеко заходило ея кокетство.

Маркиза взглянула на Жака и его разстроенное лицо заставило мучительно сжаться ея сердце.

XII.

Ноябрь мѣсяцъ прошелъ очень скучно для Сусанны. Время тянулось медленно. Домашнія невзгоды докучали ей. Предсказаніе доктора сбылось: г-жа Лемо заболѣла лихорадкой, и настроеніе духа мужа Сусанны, обыкновенно ровное и веселое, измѣнилось. Онъ въ первый разъ послѣ двѣнадцати лѣтъ ихъ супружеской жизни позволилъ себѣ говорить съ женою рѣзко, грубо, не уступалъ ея капризамъ, которые доселѣ переносилъ, не говоря ни слова. Это огорчало Сусанну, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глубинѣ души, она рада была, что имѣетъ теперь основательныя причины упрекать мужа и жаловаться крестной.

— Чего же ты хочешь отъ меня?—отвѣчала та.—Ты знаешь сама—не я подала тебѣ совѣтъ выйти замужъ за Поля. Неси же теперь терпѣливо свои невзгоды, хотя вѣдь, въ сущности, это

такіе пустяки, что тебѣ грѣшно быть такой нетерпѣливой! Какъ бы то ни было, но онъ тебя обожаетъ.

— Обожаетъ?—вскричала молодая женщина.—Если бы вы только знали все, вы бы этого не сказали!..

И она разсказала крестной все, что только сама знала. Ея мужъ завелъ возлюбленную... Она знаетъ это... Ей говорили...

Маркиза прежде всего стала допытываться, кто это смѣлъ передать ей эту сплетню.

— Тебя или предупредили анонимнымъ письмомъ, или кто-либо изъ знакомыхъ наговорилъ... И я даже знаю, кто этотъ негодяй, догадываюсь... Это, конечно, ему на-руку какъ нельзя болѣе.

— Во всякомъ случаѣ, поведеніе моего мужа неизвинительно, —горячо заявила Сусанна, понявъ, что маркиза говоритъ о Ганюжѣ.

— Твой мужъ поступилъ, конечно, непохвально, если только это правда, но, тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ основанія такъ поступить...

— Какъ! — вскричала Сусанна: — и это вы... вы мнѣ говорите!

— Да, я говорю тебѣ это. Неужели же ты думаешь, что еще не старый человѣкъ, въ полной силѣ, будетъ проводить монашескую жизнь, потому что того желаетъ капризная и взбалмошная психопатка?

Сусанна сообщала крестной объ отношеніяхъ, существовавшихъ между ею и мужемъ.

— Это вы меня называете психопаткой, крестная?

Маркиза была внѣ себя отъ гнѣва. Она находила поведеніе своей крестницы неизвинительнымъ. Она мучитъ Жака, мучитъ мужа и тѣмъ разстроиваетъ свой семейный очагъ, поступаетъ какъ безсердечная кокетка. Эта маленькая, хорошенькая женщина дѣлаетъ несчастными двухъ честныхъ, добрыхъ мужчинъ—и ради кого? Кого она имъ предпочитаетъ?.. Маркиза была возмущена до глубины души.

— Да, да, психопатка!—съ яростью накинулась она на молодую женщину:—совершенная „литературная“ психопатка! Существо безполезное, зловредное и недостойное сожалѣнія! Вотъ во что ты превратилась,—ты, въ которой до сихъ поръ было такъ много женственности и здраваго смысла!..

Возвратившись „Подъ Буки“, маркиза, какъ ураганъ, ворвалась въ библіотеку, гдѣ ея мужъ съ племянникомъ читали газеты.

— Вы знаете? Говорите сейчасъ, если знаете! Правда, будто Поль Миръ завелъ семью на сторонѣ?

— Ну, семью не семью...—отвѣчалъ невозмутимо маркизъ, не замѣчая знаковъ, которые ему дѣлалъ племянникъ.

Жакъ находилъ, что прежде, чѣмъ отвѣчать маркизѣ, надо узнать, чтò ей самой извѣстно. Если она не знаетъ имени возлюбленной инженера, то самое благоразумное оставить ее въ этомъ невѣденіи.

— Итакъ, вамъ все извѣстно!—вскричала маркиза:—почему же вы ничего мнѣ объ этомъ не сказали?

— Къ чему же было торопиться?—отвѣчалъ маркизъ съ бѣсившимъ ее спокойствіемъ: — все равно, вы и сами узнали же, когда пришло время.

— Ты сказалъ: „не семью"; ты въ какомъ это смыслѣ сказалъ?—горячилась маркиза.

— То-есть, видишь ли, тутъ такое сплетеніе обстоятельствъ... Это связь... или даже нѣсколько связей, навѣрное не знаю...

— Я ничего не понимаю! Но кто она?

— Я предпочитаю умолчать объ этомъ, такъ какъ...

Маркиза съ живостью обернулась къ племяннику:

— Ну, а ты, Жакъ, можешь мнѣ все это растолковать?

— Увольте, тетя Шарлотта.

Маркиза не настаивала. Она положила разспросить о всемъ Дюпле, которому всѣ сплетни были всегда отлично извѣстны. Жакъ угадалъ сейчасъ же намѣренія тетки и съ своей стороны рѣшилъ предупредить Дюпле, чтобы онъ не болталъ. Онъ зналъ, какую антипатію питала маркиза къ женѣ архитектора, и могъ представить себѣ, въ какомъ гнѣвѣ будетъ она, узнавъ истину. Онъ боялся буйнаго и рѣшительнаго характера маркизы. Г-жа Лемо больна и вѣроятно не встанетъ съ постели до отъѣзда Гюре. Въ Парижѣ можно будетъ все открыть маркизѣ. Къ тому времени она успокоится, да еще и неизвѣстно, чтò будетъ къ тому времени.

Къ концу мѣсяца г-жа Лемо стала поправляться и Сусанна ежедневно навѣщала ее и подолгу у нея сидѣла. Она оказывала ей тысячи маленькихъ услугъ: принимала на себя разныя хлопоты по дому и исполняла коммиссіи въ городѣ и на виллѣ Бель-Фонтенъ. Переѣздъ по случаю болѣзни Лемо произошелъ такъ быстро и неожиданно, что не успѣли захватить съ собою многихъ необходимыхъ вещей. Вотъ за ними-то и отправлялась Сусанна. Въ каждый свой визитъ она заставала у больной Ганюжа. Онъ былъ скроменъ, нѣженъ и почтителенъ. Если она возвра-

щалась домой пѣшкомъ, молодой человѣкъ вызывался проводить ее, и такимъ образомъ почти каждый день они проходили черезъ весь городъ.

Въ часъ, когда на улицахъ можно было встрѣтить всѣхъ знакомыхъ, они, миновавъ площадь Станислава, шли улицею Доминиканцевъ, и горожане не могли не обратить на нихъ вниманія; Ганюжъ для того и носилъ свой удивительный нарядъ, чтобы не остаться какъ-нибудь незамѣтнымъ въ толпѣ. Въ Нанси только и разговоровъ было, что объ этихъ прогулкахъ г-жи Миръ съ юнымъ декадентомъ. Благосклонность одной изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ городѣ много способствовала его славѣ. О немъ начинали всюду говорить, какъ о необыкновенно талантливомъ молодомъ человѣкѣ. Говорили о сочиненіи, которое онъ пишетъ; называли даже его заглавіе и нѣкоторые изъ заинтересованныхъ Ганюжемъ, думая, что книга уже вышла, спрашивали у мѣстныхъ книгопродавцевъ „la Raréfaction vibratile du moi“.

Съ своей стороны, Ганюжъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы скомпрометировать молодую женщину.

Онъ говорилъ о ней со слезами въ голосѣ, но тономъ глубоко почтительнымъ, своимъ друзьямъ Томасу и Барбарá, которые, казалось, думали всю жизнь провести у гостепріимнаго архитектора, и прочимъ пріятелямъ своимъ, которыхъ встрѣчалъ въ кафе, какъ изучавшимъ медицину, такъ и стремившимся постигнуть право.

Съ нѣкоторыхъ поръ Ганюжъ выдумалъ такую штуку: каждый разъ, какъ онъ шелъ съ друзьями въ кафе-концертъ, такъ какъ путь ихъ лежалъ по сосѣдству съ той улицей, гдѣ жила Сусанна, онъ ихъ оставлялъ, объявляя, что пойдетъ пройтись мимо оконъ Сусанны и обмѣняться съ нею воздушными поцѣлуями. Онъ бы не прочь былъ поселить въ своихъ друзьяхъ убѣжденіе, что молодая женщина ему ни въ чемъ не отказываетъ, но тогда его возвышенная „страсть“ превратилась бы въ самую банальную любовную связь. Обыкновенная интрижка „какъ у всѣхъ“. Онъ превратится въ пошлаго любовника хорошенькой буржуазки. Любя какъ всѣ, онъ не сдѣлается знаменитостью. Онъ желалъ достигнуть одного, какою бы то ни было цѣною,—извѣстности, чтобы о немъ говорили, чтобы его имя было у всѣхъ на устахъ.

Что ему нерѣдко приходилось дѣйствительно платить дорогою цѣною за свое тщеславіе—можно видѣть изъ слѣдующаго. Порою онъ напускалъ на себя особую мрачность, съ остановив-

шимся взглядомъ, съ мучительно сведенными бровями, отчего лобъ его пересѣкался глубокою поперечною морщиною; онъ автоматически прохаживался взадъ и впередъ и походилъ въ эти минуты на человѣка, пораженнаго такою безконечною ужасною скорбью, что онъ ею какъ бы загипнотизированъ. Эта поза стоила ему дорого; требовалось большое напряженіе ума, чтобы сохранять ее, и такое напряженіе мускуловъ лица, что всякій разъ послѣ того, какъ онъ игралъ свою „заглавную" роль, у него дѣлался жесточайшій мигрень.

Итакъ, въ ожиданіи лучшаго, Ганюжъ изобрѣлъ исторію съ воздушными поцѣлуями. Оставивъ своихъ друзей, онъ нѣкоторое время прохаживался въ сосѣдней съ кафе улицѣ и затѣмъ медленно шелъ въ него, съ тѣмъ разсчетомъ, однако, чтобы его друзья успѣли раньше туда войти. Но вотъ, однажды вечеромъ, Томасъ, разставаясь съ другомъ, отправлявшимся по обычаю „подъ окна" прекрасной Сусанны, крикнулъ ему почти съ явной насмѣшкой:

— Скажи, скоро это у васъ, наконецъ, кончится? Я ужъ не спрашиваю, будетъ это сегодня или завтра, но, по крайней мѣрѣ, не скажешь ли, въ этомъ ли мѣсяцѣ, или въ слѣдующемъ?

Изъ этого восклицанія Ганюжъ понялъ, что становится смѣшнымъ въ глазахъ своихъ друзей и ихъ благоговѣніе передъ нимъ падаетъ, что необходимо вновь поднять свой кредитъ и выкинуть что-нибудь такое, чтò сразило бы ихъ однимъ ударомъ.

Онъ отвѣчалъ съ сосредоточеннымъ видомъ, понизивъ голосъ:

— Она давно бы уже была моею, еслибы эта женщина походила на остальныхъ, а главное, еслибы я могъ примириться съ ужасною мыслью раздѣлить обладаніе ею съ другимъ. Нѣтъ! Сусанна будетъ принадлежать мнѣ одному! Мы убѣжимъ съ нею далеко, далеко, подъ голубыя, горячія небеса...

— Ты это хорошо придумалъ!—прервалъ Барбарà, поднимая воротникъ пальто:—теперь какъ разъ самый подходящій моментъ для осуществленія твоего плана, такъ какъ становится дьявольски холодно!..

Когда же Ганюжъ удалился „получить вечерній поцѣлуй отъ г-жи Миръ", онъ, обратившись къ своему сотоварищу, сказалъ:

— Зачѣмъ ты заговорилъ объ этомъ съ Ганюжемъ? Ты его огорчилъ. Онъ такъ тонко чувствуетъ!

— Пустое!.. Надо было его немного подбодрить. Онъ совсѣмъ заснулъ. Меня очень интересуетъ развязка этой исторіи; но чтобы увидѣть ее, надо, чтобы дѣло не затягивалось такъ долго, потому-что, наконецъ, не можемъ же мы всю зиму провести здѣсь!

— Да, дѣйствительно, нельзя!—отвѣчалъ Барбарà.

Въ голосѣ его почувствовалось сожалѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть пріятнѣе, какъ жить, ничего не дѣлая, у гостепріимныхъ и любезныхъ хозяевъ, занимать свѣтлыя, прекрасно меблированныя, комфортабельныя комнаты; тонкій обѣдъ съ винами тоже доставлялъ не мало удовольствія; пріятно проводить время въ безконечной болтовнѣ, потягивая шартрёзъ.

Тунеядство въ большомъ почетѣ у этой школы, гдѣ взаимное восхваленіе возведено въ принципъ, гдѣ поэты обходятся безъ писанія стиховъ, а живописцы пользуются славою, не рисуя картинъ. Высшія, непонятыя натуры, принадлежащія къ ней, ищутъ своего вдохновенія на днѣ стакановъ, и генія—въ дыму папиросъ. Въ этомъ странномъ мірѣ недоучившихся докторовъ и юристовъ, редакторовъ уличныхъ шантажныхъ листковъ, разныхъ искателей приключеній и одержимыхъ маніею величія, а главнымъ образомъ неудачниковъ всѣхъ родовъ, лѣность называлась мечтательностью, а надувательство—займомъ. Эти господа умѣли необыкновенно ловко пользоваться довѣрчивостью лавочниковъ и поставщиковъ, обѣщая имъ уплатить съ лихвою, когда будетъ готова еще ненаписанная картина или „выйдетъ въ свѣтъ" книга; не менѣе ловко эксплуатировали они друзей побогаче, занимая у нихъ деньги и такъ или иначе живя на ихъ счетъ.

— Гастонъ обожаетъ эту женщину,—продолжалъ Томасъ:—онъ отдаетъ ей всѣ богатства своего высокаго ума и великаго сердца. Только способна ли она въ достаточной мѣрѣ оцѣнить, понять его?

— Да,—сказалъ Барбарà:—выпадаютъ дни, когда онъ такъ грустить, что я положительно боюсь за него.

И вздохнувъ, онъ прибавилъ:

— А между тѣмъ какого прекраснаго будущаго достоинъ нашъ милый, великій Гастонъ!

Между тѣмъ какъ они, такъ разсуждая, направлялись въ кафе, Ганюжъ прохаживался одиноко по пустынной улицѣ, обсуждая въ головѣ развязку романа, который онъ затѣялъ не на бумагѣ, а въ дѣйствительности и который долженъ былъ принести ему славу бòльшую даже, чѣмъ его: „la Raréfaction vibratile du moi". Что ему предпринять?

Убѣдить Сусанну бѣжать съ нимъ? Но куда? И что̀ потомъ дѣлать? Возбудить ревность въ мужѣ? Драться съ нимъ? Но инженеръ былъ въ связи съ его сестрою Гортензіей; ему отлично извѣстно, что онъ, Ганюжъ, ухаживаетъ за его женой, и тѣмъ не менѣе онъ смотритъ на это сквозь пальцы. Вотъ ужъ сколько

времени тянется его ухаживаніе за Сусанной, а онъ—ничего... А главное, надо дѣйствовать осмотрительно и не доводить дѣла до слишкомъ большого скандала, который заставилъ бы его покинуть Нанси.

Уже поздно ночью присоединился Ганюжъ къ своимъ друзьямъ, принявъ опредѣленное рѣшеніе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

Въ началѣ декабря г-жа Лемо въ первый разъ могла выйти на улицу. Въ первое же воскресенье супруги Миръ пригласили къ себѣ знакомыхъ на вечеръ. Когда Сусанна подошла къ чайному столу, собираясь заняться его приготовленіемъ, къ ней подошелъ Ганюжъ. Съ начала вечера, казалось, онъ былъ какъ въ лихорадкѣ; взволнованный, съ удрученнымъ видомъ толкался онъ между гостей. Нарочно выбравъ такую минуту, когда всѣ окружали хозяйку, онъ приблизился къ ней съ таинственнымъ и сумасшедшимъ видомъ и, неожиданно вложивъ ей въ руку записку, быстро удалился.

Сусанна была поражена и нѣсколько мгновеній оставалась неподвижной, не смѣя шевельнуть рукой, въ которой лежала записка, чувствуя, что всѣ на нее смотрятъ. Наконецъ, она овладѣла собою, спрятала ее и, взявъ чашку, понесла ее г-жѣ Лемо, лежавшей въ отлогомъ креслѣ передъ каминомъ. Проходя черезъ гостиную, она услышала, какъ маленькая Люси сказала отцу:

— Папа, ты видѣлъ? Ганюжъ положилъ записку въ руку мамы!..

И такъ какъ инженеръ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, ребенокъ принялся теребить его за рукавъ; наконецъ, онъ нетерпѣливо замѣтилъ:

— Дѣти не должны высматривать, что̀ дѣлаютъ большіе.

Затѣмъ онъ прошелъ вслѣдъ за своей женой къ Лемо.

— Что ты объ этомъ скажешь?—обернулась маркиза къ Жаку, пораженная тѣмъ, что̀ произошло у чайнаго стола.

Онъ замѣтно поблѣднѣлъ и слѣдилъ за Сусанной, которая, желая скрыть смущеніе, оживленно толковала о чемъ-то съ Лемо. На вопросъ маркизы онъ пожалъ плечами.

— Какъ?—нетерпѣливо заговорила маркиза:—ты можешь къ этому относиться безучастно? Нѣтъ, это не можетъ такъ продолжаться! Необходимо попытаться.

— Всѣ попытки ни къ чему не приведутъ!

— Но—вскричала маркиза—развѣ Поль не видитъ? Не мо-

жетъ же онъ не понять, что это бросаетъ тѣнь на жену, что она себя компрометируетъ?.. Я сама ему скажу; пусть узнаетъ...

— Онъ и такъ знаетъ!—раздался вдругъ возлѣ нихъ голосъ толстяка Дюкло.

— Знаетъ?—повторила пораженная маркиза:—помилуйте, что вы говорите!

— Я говорю,—повторилъ пивоваръ,—что г-ну Миръ отлично извѣстно все, онъ все знаетъ, но молчитъ и закрываетъ глаза на это, такъ какъ боится за свое спокойствіе и никогда,—слышите, никогда не станетъ онъ ссориться съ моимъ шуриномъ...

— Но, почему, почему?

— Потому что онъ въ связи съ его сестрой...

— Въ связи съ вашей женой!?—пробормотала потерянно г-жа де-Гюре.

— Э, нѣтъ!—сказалъ толстякъ:—не съ моей женой... Жена моя женщина несносная, но она честная женщина.

— Какъ!—еще болѣе изумилась маркиза:—такъ это Гортензія Лемо!..

Мысль, что такой красивый, рослый, веселый мужчина, каковъ былъ инженеръ, плѣнится г-жею Лемо, никогда не могла придти ей въ голову. Съ удивленіемъ сравнивала она съ нимъ эту худенькую, маленькую дурнушку:—чѣмъ только увлекаются мужчины!

— Ну, а ты зналъ объ этомъ?—повернулась она къ племяннику.

— Я не знаю, извѣстно ли это имъ,—сказалъ пивоваръ, указывая на Жака;—что касается вашего мужа, то я давно уже сообщилъ ему объ этомъ, чтобы меня не заподозрили въ укрывательствѣ этихъ грязныхъ дѣлъ.

Г-жа де-Гюре обвела гостиную негодующимъ взглядомъ и прошептала:

— Хороша компанія, нечего сказать! Жена съ братомъ, мужъ съ сестрой... Вотъ такъ салатъ!

И сдѣлавъ знакъ мужу, что она хочетъ уѣхать, заявила:

— Только они меня и видѣли! Пусть меня повѣсятъ, если нога моя будетъ еще хоть разъ здѣсь. Bonsoir, monsieur Дюкло! вы—честный и хорошій человѣкъ, знайте, это—твердое мое о васъ мнѣніе!..

XIII.

Прошла недѣля. Г-жа де-Гюре ни разу за этотъ срокъ не была у Сусанны, такъ что та начала безпокоиться, не видя ее.

Она подумала, что, вѣроятно, маркиза не можетъ простить ей исторіи съ запиской, такъ неловко переданной ей Ганюжемъ, но не осмѣливалась сама пойти къ ней за объясненіями. Съ другой стороны, содержаніе записки взволновало ее необыкновенно. Молодой человѣкъ писалъ, что принялъ рѣшеніе покончить съ собою, если она будетъ по прежнему мучить его, и несмотря на то, что она ни на волосъ не повѣрила ему, тѣмъ не менѣе тревожилась. Ей все не удавалось увидѣться съ нимъ съ глазу на глазъ. Какъ-то всегда такъ приходилось, что при встрѣчахъ съ нимъ присутствовала г-жа Лемо или мужъ.

Стояло чудное утро, какія бываютъ только въ началѣ зимы: ясное, морозное; казалось, холодные лучи безстрастнаго солнца гасли прежде, чѣмъ коснуться земли. Уже третій день какъ поверхность канала покрылась настолько прочной ледяной корой, что могла сдержать человѣка. На этомъ каналѣ, возлѣ одного изъ мостовъ, катался на конькахъ весь элегантный Нанси.

Проснувшись, Сусанна подумала, видя, какая стоитъ чудная погода:

„Безъ сомнѣнія, крестная тоже катается. Пойду и я на каналъ... Такимъ образомъ я увижусь съ нею... И такъ какъ тамъ будутъ всѣ, она не станетъ ворчать на меня при народѣ“...

Она знала, что маркиза предпочитаетъ кататься на каналѣ, чѣмъ въ паркѣ своего за́мка, на озерѣ.

„Да, мнѣ полезно будетъ покататься. Это меня разсѣетъ,— сказала себѣ молодая женщина;—никогда я еще не чувствовала себя болѣе грустно настроенной... А между тѣмъ такое великолѣпное утро!“

Она одѣлась и сошла внизъ къ завтраку какъ разъ въ одно время съ мужемъ.

— А, ты уже готова! — вскричалъ инженеръ, увидѣвъ ее: —вотъ и прекрасно.

— А что, ты думаешь со мной куда-нибудь отправиться?— спросила Сусанна.

— Нѣтъ... я-то не думаю, но Ганюжъ...

— Monsieur Ганюжъ!—повторила она, удивленная.

— Да... Я только-что видѣлъ его. Онъ долженъ быть здѣсь

въ половинѣ второго. Онъ хочетъ просить тебя отправиться съ нимъ на виллу.

— Отправиться на виллу?—какъ эхо повторила Сусанна.

— Ну да, на виллу. Г-жа Лемо̀ забыла захватить съ собою банки съ вареньемъ, консервы и еще что-то... Бездѣлушки какія-то... Ну, такъ вотъ она и проситъ тебя отправиться съ Ганюжемъ и все это забрать и привезти.

Сусанна, казалось, содрогнулась.

— Ѣхать на виллу... такъ далеко, въ такой холодъ?

И съ возрастающимъ волненіемъ продолжала:

— А ты не находишь это... немного страннымъ?

— Что-жъ тутъ такого?

— Что я отправлюсь одна съ Ганюжемъ въ каретѣ?

— Другъ мой, еслибы ты отправилась съ турецкимъ султаномъ, который, конечно, не отличается строгостью нравовъ, то и тогда я былъ бы спокоенъ! Я знаю твой темпераментъ. Я не встрѣчалъ еще въ жизнь мою женщины болѣе разсудительной, чѣмъ ты!

И такъ какъ Сусанна насмѣшливо смотрѣла на него, онъ прибавилъ, не желая показаться въ ея глазахъ простакомъ:

— Ты не воображай однако, будто я ничего не вижу! Ганюжъ за тобою ухаживаетъ. Ты ему нравишься, онъ тебѣ напѣваетъ всякія нѣжности... кажется, даже посылаетъ тебѣ записочки... если только глаза мнѣ не измѣняютъ?

И такъ какъ она покраснѣла, онъ продолжалъ, въ свою очередь, насмѣшливо поглядывая на нее:

— Но какъ бы то ни было, Ганюжъ, если ему это нравится, можетъ совать тебѣ въ руку хоть цѣлые пакеты нѣжныхъ записокъ—я за тебя не боюсь и смотрю на это сквозь пальцы! Сантиментальные охи и вздохи, разочарованные стишки о лунѣ и могильной тишинѣ, клятвы: „ахъ, никогда! ахъ, навсегда!“—во всемъ этомъ нѣтъ ничего серьезнаго и я закрываю на это глаза!

Г-жа Миръ молча кусала свои свѣжія губки. Звякнулъ звонокъ.

— Вотъ онъ!—вскричалъ инженеръ, подходя къ окну.

— Уже!—прошептала Сусанна.

Г-нъ Миръ посмотрѣлъ на часы.

— Двадцать минутъ второго! Однако какъ мы запоздали сегодня съ завтракомъ!

Ганюжъ вошелъ развязно, улыбаясь.

— Вашъ супругъ уже сообщилъ вамъ, сударыня,—обратился онъ къ Сусаннѣ,—какія хлопоты мы собираемся на васъ навязать?

Она отвѣчала, обрадованная тѣмъ, что видитъ его въ такомъ хорошемъ настроеніи:

— Но это не составитъ для меня ни малѣйшаго затрудненія! Для меня будетъ удовольствіемъ совершить эту прогулку въ такое чудное утро!

— Намъ нужно отправиться какъ можно скорѣе. Придется отобрать порядочно вещей,—на это уйдетъ не мало времени!

— А вы знаете, чтò именно надо захватить?

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу.

— Вотъ списокъ!—сказалъ онъ, протягивая ей листъ.

— Что-жъ это?—спросила она съ удивленіемъ, посмотрѣвъ въ запись:—я не узнаю почерка Гортензіи! Это не она писала?

— Нѣтъ, это я... я писалъ подъ ея диктовку,—отвѣчалъ Ганюжъ немного неувѣренно:—она чувствовала себя такой слабой сегодня поутру!

Г-нъ Миръ, испугавшись, не отложитъ ли она и на этотъ разъ свиданія въ улицѣ Станислава,—чтò должно было возобновиться съ этого дня,—живо спросилъ:

— Надѣюсь, что ничего серьезнаго?..

Ганюжъ поспѣшилъ успокоить инженера:

— О, ничего особеннаго! Она совершенно поправилась. Докторъ сказалъ, что ей теперь вполнѣ можно возвратиться къ обычному образу жизни...

И такъ какъ онъ сообщилъ, что Сусанна можетъ удивиться, почему же въ такомъ случаѣ она посылаетъ въ деревню ее, когда бы могла сама туда отправиться, то прибавилъ:

— Докторъ запретилъ ей только эту поѣздку въ Бельфонтенъ. Это слишкомъ бы ее утомило.

Молодая женщина надѣла плюшевую ротонду и плюшевый же маленькій, легкій и изящный токъ на голову, украшенный крыломъ дикаго голубя, и они вышли. Инженеръ самъ помогъ усадить ее въ фіакръ.

— Ну, смотрите, не замерзните! не возвращайтесь слишкомъ поздно!—крикнулъ онъ на прощанье.—Трогай, кучеръ!

Экипажъ покатился, и нѣсколько мгновеній инженеръ провожалъ его взглядомъ, весело насвистывая какую-то арію.

Затѣмъ онъ направился черезъ желѣзно-дорожный мостъ, желая пройти въ улицу Станислава кратчайшимъ путемъ.

Прислушиваясь къ дребезжащему стуку экипажа, Сусанна предалась грустнымъ мыслямъ. Уже не въ первый разъ она ѣхала въ этой колымагѣ. Ей была знакома внутренность ея, обитая ситцевой матеріей съ большими розовыми бутонами,—теперь, бла-

годаря морозу, покрытой бѣлымъ инеемъ. Съ этимъ экипажемъ связывалось у нея воспоминаніе о приключеніи съ Жакомъ де-Гюре. Теперь уже отношенія ея съ нимъ, другомъ дѣтства, на вѣки испорчены. Въ его глазахъ она читала теперь безнадежную скорбь. Онъ всячески избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ. И естественно, мысль ея обратилась къ тому, кто произвелъ такой переворотъ въ ея жизни. Она смотрѣла на Ганюжа, на его покраснѣвшій отъ холода носъ, и онъ показался ей такимъ пошлымъ и дурно одѣтымъ, въ желтомъ мѣховомъ воротникѣ à la Robespierre, значительно вытершемся, съ небольшими лысинами тамъ и сямъ.

Впервые съ тѣхъ поръ какъ она любила его, онъ ей вновь показался такимъ же смѣшнымъ, какъ и въ первый разъ, когда его представили ей. Но впечатлѣніе это быстро разсѣялось.

Ганюжъ взялъ ея руку и съ почтительной нѣжностью поцѣловалъ ее на глазахъ у прохожихъ и къ глубокому изумленію пассажировъ трамвая, путь котораго въ эту минуту пересѣкалъ фіакръ. Удивленное лицо юнаго Монтрё, стоявшаго на платформѣ съ коньками въ рукахъ, напомнилъ Сусаннѣ, что она не наединѣ со своимъ возлюбленнымъ. Она вырвала руку, ожидая, что онъ этому воспротивится; но молодой человѣкъ покорно извинился, почтительно отодвинулся въ уголъ кареты и, прижавшись въ немъ, болѣе не шевелился.

Г-жа Миръ не ошиблась, предположивъ, что маркиза катается на каналѣ. Она явилась сюда въ сопровожденіи мужа и племянника. Народа было много, и все представители высшаго общества Нанси, и въ особенности много дамъ и хорошенькихъ барышенъ. Нанси славится красотою и изяществомъ своихъ женщинъ.

Иветта де-Шампрё совершенно завладѣла Жакомъ. Маркиза, любуясь его стройной фигурой, на мгновеніе подумала, какъ бы хорошо было, еслибы этотъ ловкій, веселый малый выбралъ себѣ жену изъ этихъ розовыхъ, хорошенькихъ дѣвушекъ. Но, посмотрѣвъ на блѣдную герцогиню де-Реаль, печальный взоръ которой безучастно скользилъ по толпѣ катающихся, вспомнивъ также все, что̀ она узнала насчетъ супруговъ Миръ, она покачала головой и въ ней поднялось всегдашнее ея злобное чувство противъ брака. Нѣтъ, пусть лучше Жакъ остается холостякомъ!

Замѣтивъ скучающій взглядъ Іоланды, Жакъ отдѣлился отъ катавшихся и подбѣжалъ къ ней.

Съ тѣхъ поръ какъ Жакъ самъ былъ несчастенъ, онъ научился сочувствовать и чужому горю. По крайней мѣрѣ бѣдная маленькая герцогиня внушала ему безконечную жалость—столько

грусти было въ ея большихъ глазахъ, уже начинавшихъ терять первый блескъ юности. Ему доставляло большую радость вызвать на блѣдныхъ губкахъ ея улыбку, заставить ее забыть хотя на мгновеніе ея горе.

— Не желаете ли, я васъ покатаю въ креслѣ?—весело крикнулъ онъ, протягивая ей руку, чтобы помочь ей сойти на ледъ. Но она отказалась, ссылаясь на то, что боится разбиться, и Жакъ видѣлъ, что глаза ея ищутъ въ толпѣ мужа.

Она все еще любила его.

— Г-жа де-Гюре довезетъ меня до Сенъ-Николá! Мы воротимся въ каретѣ. Папа находитъ, что такъ будетъ лучше... Ѣдете вы съ нами, m-r Жакъ?—закричала, подкатываясь къ нему, Иветта.

— Къ вашимъ услугамъ, Bébé!—отвѣчалъ онъ, смѣясь.

Онъ былъ, въ глубинѣ души, тронутъ той цѣломудренной и спокойной отвагой, съ какимъ этотъ ребенокъ при всякомъ удобномъ случаѣ обнаруживалъ передъ нимъ симпатію своего сердечка, въ надеждѣ, что рано или поздно, а онъ пойметъ, что оно стòитъ того, чтобы его похитить. Иветта знала, какъ отнесся Жакъ къ предложенію ея родителей, сдѣланному черезъ маркизу. Она знала, что онъ отвѣчалъ, что не хочетъ жениться. Ей это тогда доставило много горя. Она объяснила этотъ отказъ тѣмъ, что Жакъ любитъ другую. Однако потомъ, часто видаясь съ нимъ, она убѣдилась, что онъ свободенъ и нѣтъ серьезнаго препятствія. Надежды ея вновь воскресли.

Въ сердцѣ этой дѣвушки распускалось первое, чистое чувство. Она была слишкомъ невинна, чтобы бояться скомпрометировать себя.

Чтò можетъ быть тутъ дурного, когда она твердо рѣшила не выходить ни за кого замужъ, если не выйдетъ за Гюре?

Жакъ понималъ ее и нѣжно любилъ, но лишь какъ милую маленькую сестричку. Онъ всегда радъ былъ доставить ей удовольствіе, сохраняя тѣмъ не менѣе должную осторожность. Маркиза между тѣмъ сидѣла на откосѣ канала, возясь со своими коньками, которые надо было привязать, и раздумывая о разныхъ вещахъ. Итакъ, Жакъ любимъ и любимъ страстно! Его любятъ два существа... Она, принужденная скрывать глубокое чувство, въ которомъ материнская любовь непонятнымъ образомъ сливалась съ любовью женщины, и эта хорошенькая, молоденькая дѣвочка, юное, граціозное существо съ ямочками на нѣжныхъ какъ розовый лепестокъ щекахъ, существо, которое все, казалось, состоитъ изъ перваго великодушнаго восторга юности, изъ улыбокъ и беззавѣтнаго веселья. И эта дѣвочка была такъ влюблена, что

ея чувство помимо воли ея вырывалось наружу и было ясно для всѣхъ.

И глядя на Иветту, маркиза не могла сомнѣваться въ ея искренности. Она была невинна, беззаботна какъ птичка,—и какая милая и хорошенькая птичка!

И тетя Шарлотта думала о томъ, что между тѣмъ какъ онѣ обѣ—одна почти уже старушка, другая только-что начинающій жить ребенокъ—ни о комъ не думали, кромѣ Жака и только для него и жили,—онъ... онъ не любилъ никого, кромѣ Сусанны.

Она, наконецъ, справилась съ коньками и поднялась, намѣреваясь догнать Иветту, когда услышала съ моста, что кто-то называетъ ее по имени.

Какой-то господинъ, высунувшись изъ кареты, дѣлалъ ей знаки. Она посмотрѣла въ лорнетъ и сейчасъ же узнала прекрасную сѣрую лошадь, принадлежавшую Дюкло.

„Что нужно отъ меня этому толстяку?“ подумала она.

Между тѣмъ пивоваръ уже вылѣзъ изъ экипажа и, поддерживаемый слугою, со всей возможной для него быстротой, спускался, переваливаясь съ боку на бокъ какъ утка, по спуску, шедшему отъ моста. Г-жа де-Гюре сошла со льда на берегъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу толстяку, съ трудомъ ступая коньками. Разстроенное лицо пивовара поразило ее.

— Чтò съ вами? чтò случилось?—вскричала она.

— Со мной ничего рѣшительно... а съ г-жею Миръ... тутъ мой шуринъ... я боюсь скандала или прямо несчастія...

Толстякъ совсѣмъ задохся и остановился, чтобы отдышаться.

— Боже мой! — произнесла маркиза, чувствуя, что ноги ея слабѣютъ и сердце перестаетъ биться:—чтò такое? разскажите скорѣй!

— Вотъ въ чемъ дѣло. Все это утро мой шуринъ со своими милыми друзьями шлялся по городу, ища, гдѣ бы занять десять тысячъ франковъ. Какъ вы, конечно, можете угадать, такого дурака не нашлось, который бы далъ этимъ уродамъ такую сумму. Гастонъ былъ, говорятъ, въ страшно возбужденномъ состояніи и все повторялъ: „Мнѣ непремѣнно нужно достать десять тысячъ, чтобы уѣхать съ нею!“ Когда онъ убѣдился, что денегъ ему никто не дастъ, онъ зашелъ въ аптеку и спрашивалъ тамъ, какого количества синильной кислоты будетъ достаточно, чтобы отравить двоихъ человѣкъ...

— Какъ двоихъ?..—вскричала г-жа Миръ въ страшномъ волненіи.

— Да... такъ и спросилъ: двоихъ человѣкъ... Аптекарь ему

отвѣчалъ, что давать совѣты въ подобнаго рода дѣлахъ не его дѣло, и попросилъ оставить его въ покоѣ... Тогда онъ отправился къ оружейнику и купилъ револьверъ.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ онъ нанялъ фіакръ и отправился къ г-жѣ Миръ, которую и пригласилъ съѣздить съ нимъ на виллу Бельфонтенъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто его сестра проситъ ее взять на себя коммиссію... вещи какія-то тамъ отобрать и привезти въ Нанси...

— Но какъ вы объ этомъ узнали?

— Я былъ у нихъ! И мужа, и жены, обоихъ нѣтъ дома, но горничная и дѣти разсказали мнѣ все, что̀ я вамъ передаю... Сусанна Миръ съ Гастономъ отправились въ наемномъ экипажѣ на виллу Бельфонтенъ!..

— Нужно сейчасъ же ѣхать туда! Гдѣ мой мужъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ!

— Я не вижу его.

— Такъ сыщите его и отправляйтесь съ нимъ на виллу!

— А вы?—спросилъ пивоваръ, видя, что маркиза сошла на ледъ.

Она понеслась какъ стрѣла вдоль канала, крикнувъ ему:

— Я буду тамъ прежде васъ!

— Куда это устремилась г-жа де-Гюре?—сказала удивленная Иветта:—или она уже отложила намѣреніе отправиться въ Сенъ-Николá?

— А ну-ка, догонимъ ее!—отвѣчалъ Жакъ. Они взялись за руки, собираясь догнать маркизу, но Дюкло ихъ остановилъ:

— Оставьте, не догоняйте ее! Она отправилась по дѣлу.

— По дѣлу!—вскричалъ Жакъ. И посмотрѣвъ вслѣдъ исчезавшей вдали маркизѣ, онъ, смѣясь, прибавилъ:

— Положительно выдаются дни, когда тетя Шарлотта шалитъ какъ маленькая!

XIV.

До подгородной деревушки Шампиньеля Ганюжъ оставался недвижнымъ въ своемъ углу. Голова его вздрагивала и покачивалась при каждомъ толчкѣ экипажа. Молчаніе его, неподвижность начинали удивлять Сусанну. Она нѣсколько разъ взглядывала на него, чтобы убѣдиться, не спитъ ли онъ.

Когда они проѣзжали деревню, онъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія и, опустивъ стекло, посмотрѣлъ вдоль улицы: она была

пустынна и никого не было видно на ней,—только около гостиницы стоялъ чей-то экипажъ. Проѣзжая мимо этого экипажа, молодой человѣкъ заслонился занавѣской, а Сусанна, тоже наклонившаяся къ окну, чтобы посмотрѣть на деревню, быстро отодвинулась въ глубь кареты.

Угадавъ ея движеніе, Ганюжъ открылъ голову и повернулся къ ней. На губахъ его играла улыбка, которую, казалось, онъ забылъ стереть, и которая предназначалась кому-то, кого онъ замѣтилъ на улицѣ.

— Кто это сидѣлъ въ этомъ фіакрѣ?—спросила Сусанна съ тревогой.

— Въ какомъ фіакрѣ?..

— А тотъ, что̀ стоялъ тамъ, около гостинницы?.. Мнѣ показалось, что то были Томасъ и Барбара̀...

Онъ съ убѣжденіемъ отвѣчалъ:

— Вамъ такъ показалось! Что̀ могутъ они дѣлать въ деревнѣ, да еще въ такой холодъ?

— Положимъ, такъ, но все же ихъ трудно смѣшать съ кѣмъ-либо другимъ.

Она говорила правду. Хотя друзья Ганюжа и не одѣвались такъ странно, какъ онъ, но все же представляли изъ себя довольно удивительныя фигуры, такъ что ихъ легко было издали признать.

Карета свернула на дорогу, огибавшую шампиньельскій паркъ, и скоро они очутились въ настоящей деревнѣ, среди полей и луговъ. Сусанна думала, что въ этомъ уединеніи ея спутникъ станетъ смѣлѣе. Къ ея изумленію, онъ продолжалъ сидѣть въ своемъ углу и, казалось, принялъ твердое рѣшеніе болѣе не тревожить ее. Ей подумалось, что онъ держитъ себя ужъ слишкомъ почтительно; его молчаніе наскучило ей и даже немножко укололо ея самолюбіе. Улыбаясь, она сказала ему:

— Какъ вы разсудительны сегодня, я васъ не узнаю!

Онъ отвѣчалъ, глядя ей прямо въ лицо:

— Вы какъ-то сказали мнѣ, что мои чувства васъ пугаютъ. Вы взяли съ меня обѣщаніе болѣе не докучать вамъ своею любовью; я держу слово!

Сусаннѣ стало немного досадно. Въ глубинѣ души она находила, что онъ держитъ свое слово съ излишнею пунктуальностью. Ея кокетство не могло примириться съ холодностью молодого человѣка. Она любила долгіе, горячіе поцѣлуи, такъ пріятно щекотавшіе ея пальцы, оставлявшіе ее спокойной и въ то же время свидѣтельствовавшіе о покорности и пылкости чувствъ поклонника.

Конечно, еслибъ онъ вздумалъ поцѣловать ее въ губы, ей это было бы непріятно, слишкомъ бы ее взволновало, разстроило бы нервы; ей непріятно было бы ощущать на щекахъ его горячее дыханіе, это было бы слишкомъ грубо...

Она уже привыкла къ его обожанію, къ тѣмъ пламеннымъ, но почтительнымъ признаніямъ, къ тому поклоненію, которое въ часы ихъ уединенныхъ бесѣдъ такъ льстило ея самолюбію. Казалось, онъ обращался съ нею не какъ съ женщиною, которую любилъ, которою жаждалъ овладѣть, а какъ съ идоломъ—онъ поклонялся ей съ боязливымъ благоговѣніемъ.

Послѣ того, какъ онъ во время скачекъ позволилъ себѣ слишкомъ вольное обращеніе съ нею, онъ сталъ ухаживать за нею съ необыкновеннымъ вниманіемъ; Сусанна привыкла къ этому, и теперь его безучастность была ей тяжела.

На этотъ разъ она уже сама взяла его руку и, притянувъ къ себѣ, сказала:

— Вы отлично сами знаете, что̀ я имѣла въ виду, когда просила васъ не пугать меня. Я хотѣла также попросить васъ объяснить мнѣ, зачѣмъ вы тогда сдѣлали это вечеромъ?..

— А!.. ну, что же?

— Ну, эта записка, которую вы мнѣ передали на глазахъ у всѣхъ?..

— Никто не замѣтилъ!

— Ну, а если замѣтили? Мой мужъ, напримѣръ...

Ганюжъ сдѣлалъ жестъ, какъ бы говорившій: „мнѣ все равно“.

— Да и не одинъ мужъ замѣтилъ,—продолжала Сусанна:—замѣтилъ и Дюкло, и моя крестная... и Жакъ! Къ чему эта неосторожность? Какъ будто вы не видите меня каждый день съ глазу на глазъ!

— Я обезумѣлъ, потерялъ голову... Тутъ вы всему причиной... Благодаря вамъ, я потерялъ покой, забросилъ работу...

Онъ громко вздохнулъ и жестомъ, полнымъ безнадежности, закрылъ лицо руками и такъ остался недвижный, съ опущенной головой.

— Зачѣмъ вы это говорите?—прошептала молодая женщина, прижимаясь къ нему:—зачѣмъ? О, если бы вы знали, какъ мучительно мнѣ слышать это отъ васъ!

Но онъ съ прежнимъ равнодушіемъ сидѣлъ какъ статуя, какъ будто не замѣчая приникшаго къ нему, стройнаго, волнующагося стана хорошенькой женщины. Это начинало приводить ее въ нервное настроеніе.

— Зачѣмъ также, — продолжала она,—вы въ запискѣ написали всѣ эти злыя вещи?.. Вы такъ меня огорчили этимъ... Я такъ безпокоилась!

Онъ отнялъ отъ лица руки. Злая улыбка кривила его губы:

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, я васъ обезпокоилъ!—сказалъ онъ съ ироніей.—Но если я написалъ вамъ всѣ эти „злыя вещи", какъ вы называете, то лишь потому, что намѣренъ такъ и поступить, какъ написалъ. Я хотѣлъ въ послѣдній разъ воззвать... не скажу къ вашему сердцу—я знаю, что его у васъ нѣтъ—но къ чувству гуманности, воззвать въ послѣдній разъ...

— Но это невозможно!—вскричала она:—неужели вы серьезно намѣрены убить себя?

— А какъ бы вы думали? Впрочемъ, увидите...

Г-жа Миръ вновь забилась въ свой уголъ; у нея стало тяжело на сердцѣ; она пожалѣла, что поѣхала съ нимъ; ей стало страшно.

Карета поднималась въ это время на гору, ведшую къ виллѣ.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали!—сказалъ Ганюжъ.

Она отвѣчала машинально, не сознавая, что̀ говоритъ:

— Ахъ, тѣмъ лучше!

Фіакръ остановился у подъѣзда. Они поднялись по ступенямъ и молодой человѣкъ не безъ труда отперъ входную дверь. Ключъ плохо дѣйствовалъ въ заржавленномъ замкѣ. Сусанна замедлила на секунду прежде чѣмъ войти и, посмотрѣвъ на бѣлую опушку лѣса, сказала:

— Какъ красивъ этотъ нѣжный уборъ на деревьяхъ, а все-таки, несмотря на солнце, есть что-то печальное въ этомъ пейзажѣ!—Войдя въ домъ, она вскричала:

— Ахъ, какъ здѣсь мрачно и холодно!

Ганюжъ шелъ за нею. Неожиданно онъ вернулся, вышелъ вновь на крыльцо и крикнулъ кучеру:

— Эй, послушайте! Вамъ здѣсь долго придется ждать! Вы можете укрыться въ каретномъ сараѣ!

— Не безпокойтесь, сударь!—отвѣчалъ кучеръ, возясь около экипажа:—лошадямъ стоять на солнцѣ не холодно, а я, съ позволенія вашего, заберусь въ карету!

— Ну, какъ знаете!—и сказавъ это, молодой человѣкъ вошелъ въ домъ и заперъ за собой наружную дверь, два раза повернувъ ключъ. Сусанна ждала его въ сумрачномъ вестибюлѣ. Она не замѣтила, что онъ заперъ на ключъ дверь. Она разсѣянно думала, безъ связи и послѣдовательности, о старомъ, смѣшномъ фіакрѣ, въ которомъ они пріѣхали, о своихъ дѣвочкахъ,

о крестной, о „la Raréfaction vibratile du moi“, о двухъ декадентахъ—пріятеляхъ Ганюжа, которыхъ, какъ все казалось ей, она замѣтила у гостинницы въ Шампиньелѣ. Мысли ея слѣдовали по странной ассоціаціи, такъ что она не могла дать себѣ отчета, почему одно представленіе смѣнялось другимъ. Она чувствовала, что голова ея кружится и ноги подкашиваются.

Войдя въ полутемный вестибюль, Ганюжъ окликнулъ ее.

— Гдѣ вы?

— Здѣсь,—отвѣчала она, отрываясь отъ своихъ безпорядочныхъ мыслей;—но я не нахожу лѣстницы! Здѣсь такой мракъ,—не видишь, что подъ ногами... Сквозь эти ставни такъ мало проходитъ свѣта!

— Постойте, я зажгу спичку.

Они поднялись по лѣстницѣ. Ганюжъ шелъ впереди. Пройдя нѣсколько покоевъ, онъ отперъ двери комнаты, въ которой стояла большая кровать. Это была спальня г-жи Лемо. На окнахъ не было ставень, но онѣ плотно закрывались ситцевыми драпировками, сквозь которыя въ комнату проникалъ слабый свѣтъ. Предметы можно было различать настолько ясно, чтобы не натыкаться на мебель, двигаясь по комнатѣ. Молодой человѣкъ зажегъ свѣчи, стоявшія на каминѣ.

— Почему же вы не поднимете занавѣсы? — спросила Сусанна.

— Когда они опущены, не такъ холодно,—отвѣчалъ тотъ.

Она подошла къ большому шкафу и, открывъ его, сказала:

— Здѣсь лежатъ мѣховыя вещи. Не начать ли намъ съ этого?

Ганюжъ не отвѣчалъ. Обернувшись, она увидѣла, что онъ стоитъ на колѣняхъ передъ каминомъ и укладываетъ въ немъ полѣнья.

— Что это!—вскричала она:—вы, кажется, думаете затопить каминъ? Но вѣдь мы въ этой комнатѣ пробудемъ всего нѣсколько минутъ!

Онъ поднялся и подошелъ къ ней. Онъ былъ блѣденъ и голосъ его странно перемѣнился.

— Нѣсколько минутъ?—переспросилъ онъ:—вы, быть можетъ; но я надолго здѣсь останусь... потому что я рѣшилъ здѣсь покончить съ собою...

— Вы убьете себя?—пробормотала она.

Онъ отвѣчалъ, вынимая изъ кармана револьверъ и кладя его на каминъ:

— Да, я убью себя на вашихъ глазахъ... если вы не захотите быть моею!

Она рванулась къ нему и просящимъ, ласковымъ голосомъ сказала:

— Зачѣмъ вы меня пугаете, грозите мнѣ? Развѣ вы не знаете, какъ я васъ люблю?—Онъ оттолкнулъ ее.

— Я также, сударыня, люблю васъ,—сказалъ онъ,—и потому-то и намѣренъ покончить съ собою!

Но она вновь прижалась къ нему, стараясь обнять руками его шею. Онъ не отстранилъ ее на этотъ разъ,—напротивъ, привлекъ къ себѣ и прошепталъ, устремивъ на нее пламенный взглядъ:

— Но если ты хочешь, если хочешь...

Она повернулась, стараясь избѣжать его взгляда, который, она чувствовала, сообщалъ и ей его экзальтацію.

Онъ повторялъ, изо всѣхъ силъ сжимая ее въ своихъ объятіяхъ:

— Но если ты будешь моэю, Сусанна, моя обожаемая Сусанна, я буду жить!—Она подняла на него глаза и онъ показался ей совсѣмъ особеннымъ, не похожимъ на всегдашняго Ганюжа. Огонь бросалъ розовый отблескъ на его желтыя щеки и обыкновенно тусклый взглядъ его металъ пламень.

Она подумала, какъ онъ страдаетъ, какъ она мучитъ его, и въ умѣ ея вдругъ пронеслись слова, какъ-то сказанныя маркизою:

„Если женщина поощряетъ любовь мужчины, если она обнадеживаетъ его своимъ кокетствомъ и поселяетъ въ немъ увѣренность во взаимности, то подло и преступно съ ея стороны не идти до конца, не заплатить смѣло то, что̀ она ему обѣщала"...

Почему же и ей не заплатить? Мужъ не любитъ ее болѣе! Онъ пренебрегъ своимъ долгомъ—съ какой же стати будетъ она ему вѣрна? Почему, наконецъ, не сдѣлать счастливымъ любимое существо, не доставить ему блаженство, когда оно въ ея рукахъ?

Но тутъ снова ужасъ охватилъ ее. Она любила и уважала своего декадента главнымъ образомъ за то, что онъ относился съ такимъ презрѣніемъ къ чувственной любви. Ей нравилось слушать отъ него похвалы ея красотѣ, читать съ нимъ вмѣстѣ книги, въ которыхъ она ни слова не понимала, но которыя потому-то и интересовали ее,—вѣрнѣе, интересоваться которыми ей казалось признакомъ высшей натуры и льстило ея самолюбію.

Ей льстило сознаніе, что такой необыкновенный человѣкъ, по одному знаку котораго, какъ она думала, всѣ женщины будутъ

у его ногъ, обожаетъ ее, поклоняется ей какъ идолу. Ну и пусть бы все оставалось по старому! Зачѣмъ онъ еще чего-то требуетъ отъ нея!

Онъ опустился къ ея ногамъ, безумно обнимая ея колѣни.

Онъ молилъ ее взглядомъ, и такъ какъ она оставалась безучастной къ его мольбамъ, молчаливая и сумрачная, то онъ подумалъ, что она колеблется нарушить свой долгъ, что ее останавливаетъ мысль объ обязанностяхъ по отношенію къ мужу и дѣтямъ, боязнь общественнаго мнѣнія, страхъ, что̀ скажутъ друзья.

— Помните вы, Сусанна,—спросилъ онъ,—„Amants de Montmorency“ нашего великаго Виньи? Еще мы такъ часто съ вами вмѣстѣ читали это великое произведеніе!

Она показала знакомъ, что помнитъ.

— Слушайте,—продолжалъ декадентъ, слушайте:—мы умремъ какъ они, герои этой высокой трагедіи! Хотите? Пусть первый жгучій поцѣлуй сольется съ нашимъ послѣднимъ вздохомъ!

Всю послѣднюю недѣлю молодой человѣкъ примѣнялся, съ револьверомъ своего зятя, какъ бы такъ выстрѣлить въ себя, въ такое мѣсто, чтобы рана была неопасна.

Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что съумѣетъ такъ ловко намѣтить, что пуля едва задѣнетъ его. Но ему до сихъ поръ не приходило въ голову, что вѣдь Сусанна не участвовала въ его предварительныхъ репетиціяхъ „самоубійства вдвоемъ“ и можетъ ранить себя тяжело и даже смертельно; а въ такомъ случаѣ дѣло станетъ слишкомъ серьезнымъ.

Впрочемъ онъ самъ возьмется застрѣлить ее и можетъ слегка ранить ее въ руку... въ палецъ... такъ чтобы лишь оцарапать ее!..

Онъ повторилъ:

— Умремъ... Смерть такъ прекрасна, моя Сусанна!

Она съ ужасомъ отвѣчала:

— А мои дѣти?

— Жаль, что мы не привезли ихъ сюда съ собою!—отвѣчалъ Ганюжъ:—они могли бы умереть вмѣстѣ съ нами!

Эта звѣрская мысль—убить своихъ дѣтей—показалась ей отвратительной. Она отвѣчала глухимъ, сдавленнымъ отъ волненія голосомъ:

— Что вы это говорите? Какой ужасъ! Я не хочу, я совсѣмъ не хочу умирать! Все это хорошо только въ книгахъ!

Въ послѣднихъ словахъ вылилась ея душа буржуазки. Бѣдная играла до сихъ поръ, не подозрѣвая, до чего можетъ доиграться.

Ганюжъ, преклонявшійся передъ сентиментально-пессимистическими произведеніями, услышавъ, какъ Сусанна относится къ

нимъ, сейчасъ же почувствовалъ къ ней недоброжелательство. Онъ презрительно посмотрѣлъ на нее съ злобной улыбкой. Но она была такъ мила! Она стояла посреди комнаты, окутанная мѣхомъ, такая свѣжая и хорошенькая, что въ то время, какъ онъ развѣнчалъ ея душу и причислилъ ее къ разряду „обыкновенныхъ", не понимающихъ блаженства жить „по книгѣ", въ первый разъ онъ оцѣнилъ ея красоту и жажда обладать ею охватила его съ безконечною силою.

Онъ раздумывалъ секунду, съ сжатыми губами, глядя сурово, и, наконецъ, холодно сказалъ:

— Если такъ... если такъ, то все кончено!..

Онъ взялъ револьверъ съ камина. Онъ перемѣнилъ рѣшеніе. Онъ убьетъ *ее*, если она не хочетъ ему повиноваться... Онъ хочетъ ею обладать—и она, живая или мертвая, будетъ его!

Но молодая женщина съ мольбой вытянула передъ собою руку и сказала упавшимъ, беззвучнымъ голосомъ:

— Вы хорошо знаете, что, угрожая убить себя, вы силой заставляете меня повиноваться вамъ! Ну и дѣлайте со мною чтò хотите...

Онъ какъ бы въ порывѣ восторга простеръ къ ней объятія, но радость его была поддѣльная. Онъ уже давно мечталъ о такомъ двойномъ самоубійствѣ, мысль эта улыбалась ему; это должно было сдѣлать его извѣстнымъ... А устроить такъ, чтобы и онъ, и она отдѣлались легкими ранами, всегда было можно. Онъ не испытывалъ ни малѣйшей жалости къ этой бѣдной, глупенькой женщинѣ, ждавшей, замирая отъ страха, что онъ сдѣлаетъ съ нею, какъ она выразилась: „все, чтò ему угодно"...

Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ; она какъ-то вся опустилась, словно ноги подкашивались у нея, и съ скромною граціей прижалась къ нему. Онъ сказалъ ей, цѣлуя ея волосы: „Merci". Потомъ, отстранивъ ее, онъ сталъ быстро скидывать съ себя пальто, потомъ снялъ сюртукъ, развязалъ галстухъ. Видя, что она съ изумленіемъ смотритъ на него, не трогаясь, онъ обернулся къ ней:

— А вы что же не слѣдуете моему примѣру?

Она послушно сняла свою плюшевую ротонду и токъ; затѣмъ сѣла на стулъ и осталась недвижная, ожидая, чтò будетъ дальше.

— Только-то?—спросилъ онъ со смѣхомъ.

Ее покоробило отъ его тона. Она смотрѣла на молодого человѣка, который, полураздѣтый, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Она находила его почти красивымъ, когда онъ за нѣсколько минутъ до этого говорилъ ей о любви, о своихъ страданіяхъ.

Теперь она находила его ужаснымъ и—что̀ хуже всего—въ высшей степени „ridicule“, въ этомъ растерзанномъ видѣ, съ разстегнутой ботинкой и въ рубашкѣ, поднимавшейся коробомъ на его спинѣ.

Проходя мимо нея, онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы ее обнять, и, несмотря на тоску и безконечное отвращеніе къ этому грязному уроду, неудержимо поднимавшееся въ ней, она, видя его такъ близко отъ себя, залилась вдругъ безумнымъ, истерическимъ смѣхомъ.

Его вертлявая фигура вызывала въ ея воображеніи странные, смѣшные образы. Въ ея маленькой головкѣ возникали самыя неожиданныя сравненія. Она находила, что онъ необыкновенно былъ похожъ въ эту минуту на стараго, общипаннаго страуса, котораго она еще въ дѣтствѣ видѣла въ Jardin des Plantes. Мальчишки перебили камнемъ птицѣ ногу и она обмотана была травой, волочившейся за птицей, когда она ходила. Ганюжъ со своей разстегнутой ботинкой необыкновенно похожъ былъ на прохаживавшагося въ клѣткѣ стараго страуса.

И Сусанна съ такою живостью припомнила эту птицу, которая двадцать лѣтъ какъ не приходила ей на умъ, какъ будто бы она видѣла ее наканунѣ.

А онъ все продолжалъ вертѣться передъ нею; она смотрѣла на его развинченную фигуру, на его носъ... Этотъ, покраснѣвшій отъ холода, безчисленныхъ „bocks“ и стаканчиковъ шартрёза, налитый кровью, съ жилками носъ напоминалъ ей цвѣтокъ бегоніи.

Эти безобразныя представленія мучили г-жу Миръ; она закрыла глаза, желая представить себѣ молодого человѣка такимъ, какимъ она его привыкла видѣть. И въ то же мгновеніе она громко и отчаянно вскрикнула, почувствовавъ его грубое прикосновеніе.

Лицо Ганюжа налилось кровью, губы дрожали. Онъ силился охватить ее руками, привлекая къ себѣ. Ей было страшно глядѣть на его искаженное лицо. Она отбивалась отъ душившихъ ее объятій. Но онъ все ближе наклонялся къ ней, его лицо почти касалось ея и, стараясь обнять ее, онъ повторялъ:

— Я тебя обожаю! Я тебя люблю!

Его горячее дыханіе касалось ея волосъ. Она слышала отъ него смѣшанный запахъ табаку и пива и онъ былъ безконечно противенъ ей въ эту минуту. Отвращеніе все сильнѣе поднималось въ ней, она вырывалась и бормотала умоляющимъ голосомъ:

— Подождите! не теперь, послѣ... Я боюсь!

— Боишься?—спросилъ онъ:—чего же ты боишься?

Это „ты" вывело изъ себя г-жу Миръ. Она стала рваться, отталкивая изо всѣхъ силъ этого человѣка, наводившаго на нее теперь ужасъ, и крича хриплымъ голосомъ:

— Я не хочу! я не хочу!

Онъ попятился, ошеломленный.

— А! такъ вы такъ!—проговорилъ онъ сквозь зубы:—это ужъ слишкомъ!

И онъ подошелъ къ камину. Взявъ на немъ револьверъ, онъ направился къ молодой женщинѣ, помутившимся взоромъ слѣдившей за каждымъ его движеніемъ.

Онъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ. Это даже удивляло его.

Теперь онъ собирался совершить это убійство единственно лишь ради прославленія своего имени, чтобы изумить тѣхъ, передъ которыми такъ долго позировалъ; отчасти также и для того, чтобы испытать сильное, неизвѣданное еще ощущеніе. Но абсолютное спокойствіе, съ которымъ онъ приступалъ къ совершенію убійства, заставляло его опасаться, что оно не произведетъ на него того впечатлѣнія, котораго онъ искалъ. Его „я" не дрогнуло на этотъ разъ. Онъ продолжалъ медленно подходить къ Сусаннѣ. Когда онъ подошелъ къ ней вплотную и устремилъ на нее свой взглядъ, въ немъ было столько неумолимой свирѣпости, что она вдругъ поняла его намѣреніе. Нѣтъ, онъ не себя хотѣлъ убить! Это былъ взглядъ *убійцы*. Она поднялась, инстинктивно желая спастись бѣгствомъ, но онъ уже стоялъ надъ нею и она вновь опустилась на стулъ, обезумѣвшая отъ ужаса, съ остановившимся взглядомъ, сознавая, что бѣжать нельзя, даже не имѣя силы отклониться отъ направленнаго на нее револьвера, чувствуя холодное прикосновеніе его дула ко лбу.

Раздался выстрѣлъ. Она закрыла глаза, удивляясь, что не чувствуетъ боли. Развѣ когда умираютъ,—не мучаются? На мгновеніе передъ нею заколебались громадныя пурпурныя розы; вращаясь на воздухѣ, онѣ разсыпались, чтобы вновь образовать букетъ и вновь разсыпаться... И она подумала, что эти розы похожи на тѣ, которыя на ситцевой обивкѣ фіакра... и гдѣ-то далеко, далеко, въ переплетающихся вѣтвяхъ маленькаго лѣска „Подъ Буками", она замѣтила Жака де-Гюре, склонившагося передъ ней и говорившаго съ своей прекрасной, печальной улыбкой:

— Я васъ такъ люблю, Сусанна! Я такъ давно люблю васъ!

Она открыла глаза. Ганюжъ склонился надъ нею, желая убѣдиться, жива ли она. Онъ быстро выпрямился. Она услышала

выстрѣлъ и почувствовала рѣзкую, мучительную боль. Въ ея сознаніи пронеслось: на этотъ разъ все кончено, — это пришла смерть. Она умираетъ безобразно, безсмысленно, далеко отъ дѣтей, отъ Бога... Она приподнялась, испустила страшный, дикій крикъ, вопль раненаго животнаго, рванулась-было впередъ, но сейчасъ же покачнулась, рухнула на полъ и осталась недвижной.

Ганюжъ посторонился, чтобы тѣло Сусанны не задѣло его. Онъ былъ страшно блѣденъ, лобъ его покрылся пòтомъ, горло пересохло.

Видя, что она лежитъ безъ признаковъ жизни, нѣмая, несомнѣнно убитая на этотъ разъ, онъ подумалъ, что надо скорѣе кончать дѣло. Мѣшкать было некогда. Если онъ не хочетъ, чтобы его сочли за обыкновеннаго убійцу, онъ долженъ немедленно ранить и себя. Тутъ же подумалось ему, что друзья его—Томасъ и Барбарà здѣсь! Впрочемъ едва-ли они могли слышать выстрѣлы. Но кучеръ?

Кучеръ могъ слышать.

Молодой человѣкъ открылъ окно и, притаившись за занавѣской, сталъ смотрѣть въ него.

Кучеръ сидѣлъ въ фіакрѣ. Головы его не было видно, но по положенію его согнутыхъ колѣнъ, по тому, какъ онъ развалился, осѣвъ всѣмъ тѣломъ, Ганюжъ заключилъ, что онъ спитъ. Все обстояло благополучно. Надо было довершить начатое.

Прежде всего онъ рѣшилъ раздѣть Сусанну.

Изъ двухъ ранъ—одной около уха, а другой на лбу—вылилось лишь нѣсколько капель крови, обагрившей високъ.

На полу ни капли крови.

Тѣло уже начало коченѣть и онъ съ большимъ трудомъ могъ снять съ нея корсажъ и корсетъ. Нѣсколько разъ онъ останавливался, чувствуя, что лобъ его смоченъ пòтомъ, и готовый оставить ее такъ. Когда, наконецъ, ему удалось снять съ нея платье, онъ дотащилъ тѣло до кровати и съ трудомъ поднялъ и положилъ его на нее. Набросивъ на трупъ пуховое одѣяло съ вышитымъ шолкомъ вензелемъ г-жи Лемо, онъ отколол отъ ротонды покойницы букетикъ фіалокъ, развязалъ его и разбросалъ цвѣты на подушкѣ вокругъ блѣдной, хорошенькой головки, глубоко утонувшей въ ней.

Платье Сусанны онъ положилъ возлѣ кровати на стулъ.

Когда все это было кончено, онъ, отыскавъ на письменномъ столѣ своей сестры карандашъ и клочокъ бумаги, написалъ на немъ двѣ строки:

„Мы умираемъ потому, что любимъ другъ друга!“... и положилъ эту записку на виду. Все было готово.

Онъ подошелъ къ зеркалу и, запустивъ два пальца лѣвой руки въ ротъ, оттянулъ щеку, такъ чтобы видѣть десну.

Затѣмъ, все придерживая щеку, онъ заложилъ за нее дуло револьвера, который держалъ въ правой рукѣ и спустилъ курокъ.

Онъ зарычалъ отъ боли. Рука его дрогнула и онъ нанесъ себѣ довольно серьезную рану и разбилъ выстрѣломъ одинъ зубъ.

Цѣлую недѣлю онъ приноравливался, какъ бы получше направить револьверъ, но въ послѣднюю минуту на него напалъ такой страхъ, что онъ не могъ удержать дрожаніе руки, и испортилъ все дѣло.

Вынимая револьверъ изо рта, онъ уже совершенно невольно нажалъ опять гашетку.

Ему оцарапало подбородокъ и опалило бороду. Онъ пришелъ въ ужасъ при видѣ крови, ручьемъ лившейся изъ щеки, и возвратился къ кровати. Тутъ вспомнилось ему, что вѣдь наружная дверь закрыта, и ему придется порядочно прождать, пока ее сломають и войдуть, да и скоро ли догадаются! А ему такъ больно! Какая ошибка!

Но тутъ онъ услышалъ громкіе удары у подъѣзда и въ то же время голосъ стучавшаго. Онъ узналъ по голосу Дюкло.

„Какъ колотитъ-то, животное!“ подумалъ онъ.

Удары становились сильнѣе. Послышался трескъ сломаннаго замка. Стукнула о стѣну распахнувшаяся дверь и раздались шаги на лѣстницѣ. Ганюжъ поспѣшилъ потушить свѣчи и присѣлъ, скорчившись, у постели.

Первымъ вошелъ въ комнату толстякъ Дюкло.

— Чортъ побери!—пробасилъ онъ:—темно хоть глазъ выколи!

Боясь, что зять наступитъ на него въ темнотѣ, Ганюжъ издалъ слабый стонъ. Вошедшій вслѣдъ за пивоваромъ Томасъ вскричалъ:

— Онъ здѣсь! Онъ умираетъ!

Кучеръ чиркнулъ спичкой и поднялъ ее надъ головой.

Пивоваръ вскрикнулъ, увидѣвъ на постели недвижную, вытянувшуюся фигуру г-жи Миръ.

Маркизъ тоже подошелъ къ кровати.

„Бѣдная Шарлотта!“ подумалъ онъ, представивъ себѣ горе своей жены, когда она увидитъ крестницу мертвой.

Г-жа де-Гюре на конькахъ пробѣжала по каналу до Шампиньеля. Тамъ она, бросивъ коньки, побѣжала по дорогѣ и черезъ полъ-часа была уже на виллѣ. Разбудивъ кучера, она услыхала отъ него слѣдующее:

— Вотъ уже съ часъ какъ г-жа Миръ съ молодымъ чело-

вѣкомъ, котораго онъ не знаетъ, а должно быть, родственникъ г-жи Лемо, „архитекторши“, вошли въ этотъ домъ... Маркиза хотѣла войти, но нашла дверь запертою и отправилась разыскивать лѣсника, жившаго въ полуверстѣ отъ виллы.

Когда она возвратилась съ нимъ, у подъѣзда стояли уже кареты пивовара и ея самой, привезшая маркиза.

Она поспѣшно вошла въ домъ и бѣгомъ поднялась по лѣстницѣ. Первое, что̀ ей бросилось въ глаза, это Сусанна, лежавшая на кровати.

— Ахъ!—вырвалось у нея:—мы пришли слишкомъ поздно!

Она остановилась около кровати; безумная тоска тѣснила ей дыханіе, но она не двигалась и не плакала.

Наконецъ, спросила:

— А онъ?.. Гдѣ онъ?..

Дюкло указалъ на Ганюжа, лежавшаго на диванѣ.

— А!—вскричала маркиза въ негодованіи:—такъ онъ живъ! Я въ этомъ и не сомнѣвалась.

— Онъ сдѣлалъ два выстрѣла себѣ въ ротъ,—сказалъ маркизъ, желая поставить на видъ смягчающія вину обстоятельства, —и оба раза промахнулся...

— А по ней онъ не промахнулся, небось!—отвѣчала маркиза.

— Какъ? — пробормоталъ маркизъ, —такъ вы думаете, что это онъ ее...

— Я въ этомъ убѣжденъ!—сказалъ пивоваръ. Ганюжъ приподнялся:

— Да, это я убилъ ее... Она меня просила! Мы любили другъ друга и рѣшили умереть!

— Э, полноте!—рѣзко оборвала маркиза:—никогда Сусанна васъ не любила и никогда не принадлежала вамъ, никогда!

И указавъ на тѣло г-жи Миръ, она продолжала:

— Мыслимо ли, что такая кокетка, какою была эта женщина, пожелала умереть? Надо быть безумнымъ, чтобы повѣрить этому!

Ганюжъ застоналъ.

— Бѣдный, милый геній!—прошепталъ Барбара̀.

— Мы вдвое болѣе теперь любимъ и уважаемъ тебя!—сказалъ Томасъ, съ нѣжностью обнимая молодого человѣка.

Г-жа де-Гюре съ отвращеніемъ посмотрѣла на нихъ.

— Нельзя ли,—сказала она,—перевести Ганюжа въ другую комнату?

— Ну, поворачивайтесь!—сказалъ пивоваръ, подымая своего шурина. Онъ взялъ его подъ одну руку, маркизъ подъ другую и вывели изъ спальни.

XV.

Слѣдствіе по „дѣлу Ганюжа“ производилось быстро. Молодого декадента, вечеромъ того дня, когда было совершено убійство, препроводили въ тюрьму Нанси. Находясь въ этой тюрьмѣ, онъ принималъ своихъ друзей и родственниковъ и, какъ говорили, писалъ свои мемуары, долженствовавшіе произвести сенсацію.

Гг. Томасъ и Барбарá, оставшіеся жить у Лемо, благодаря возникшему процессу, въ которомъ они участвовали въ качествѣ свидѣтелей, толковали, что это удивительное произведеніе фантазіи ихъ друга выйдетъ въ свѣтъ раньше la Raréfaction vibratile du moi“.

Гюре отложили возвращеніе въ Парижъ. Жакъ становился сумрачнѣе съ каждымъ днемъ. Онъ принялъ извѣстіе о смерти Сусанны съ необыкновеннымъ спокойствіемъ. Онъ говорилъ, что, быть можетъ, и къ лучшему, что все кончилось такъ, а не иначе.

Но съ тѣхъ поръ, какъ слѣдствіе выяснило обстоятельства дѣла и друзья Ганюжа стали распространять все то, чтò онъ разсказывалъ имъ,—лгалъ ли онъ, или говорилъ правду, все равно,—исторія отношеній Сусанны къ декаденту создана была со всѣми деталями и имя той, которую Жакъ такъ любилъ, трепалось всюду, смѣшивалось съ грязью, въ душѣ его поднялось чувство безконечной печали, близкой къ отчаянію. Маркиза съ горестью видѣла въ немъ эту перемѣну. Прежде она удивлялась философскому отношенію племянника къ совершившемуся факту, теперь его тоска убивала ее.

Однажды, когда онъ вмѣстѣ съ маркизомъ возвратился съ прогулки верхомъ, она замѣтила, что онъ находится въ особенно подавленномъ и болѣе мрачномъ, чѣмъ обыкновенно, настроеніи. Она спросила мужа:

— Что это онъ сегодня такой? не узнали ли вы чего-либо новаго?

— Да. Мы встрѣтили Фруаръ Бернара, одного изъ жандармовъ, сопровождавшихъ Ганюжа, когда его везли изъ Бельфонтена въ тюрьму. Намъ было по пути; мы проѣхали съ нимъ значительную часть дороги и, естественно, разспрашивали о дѣлѣ...

— Ну и что же онъ вамъ сообщилъ?

— А вотъ что. Представь только себѣ, что этотъ презрѣнный трусъ, слегка лишь раненый, когда у него еще оставались пули въ револьверѣ и двадцать патроновъ въ карманѣ, не на-

шедшій въ себѣ достаточно храбрости, чтобы покончить съ собою, осмѣлился...

— Покончить съ собой? Неужели же можно вѣрить баснямъ, которыя онъ разсказываетъ! Неужели же ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онъ намѣренъ былъ убить себя?

— Но, однако...

— Подлыя фразы! Ложь! Реклама! Декадентское кривлянье и наглые выверты! Онъ лжетъ, чтобы провести васъ, а самъ всегда пощадитъ свою драгоцѣнную особу... Я вѣдь знаю, я слышала, какъ Дюкло тогда, на виллѣ еще, совѣтовалъ ему покончить съ собою! Да, какъ же, убьетъ онъ себя, ждите!..

— Однако Бернаръ намъ разсказывалъ, что въ каретѣ онъ умолялъ его и жандармскаго офицера убить его. „Мы клялись умереть вмѣстѣ,—повторялъ онъ,—а вотъ я живъ! Убейте меня, заклинаю васъ, убейте меня!"

— Скажите, какой герой! такъ онъ просилъ жандармовъ убить его? Онъ бы еще попросилъ слѣдователя дать ему яда!

— Это еще не все,—продолжалъ маркизъ:—Ганюжъ сообщилъ имъ такія детали насчетъ... насчетъ отношеній своихъ къ Сусаннѣ... Относительно рода этихъ отношеній... Выяснились очень щекотливыя обстоятельства...

— Никогда Сусанна не...

— Я самъ былъ въ этомъ убѣжденъ! Но, наконецъ, другъ мой, вскрытіе покажетъ... И есть вѣроятность...

— Но это ужасно, ужасно!

— Жакъ хорошо понялъ, что Ганюжъ съумѣлъ произвести на жандармовъ благопріятное для него впечатлѣніе. Свою защиту онъ уже приготовилъ и въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ весьма искусно. Этотъ Бернаръ не дуракъ, смѣю тебя увѣрить, а между тѣмъ Ганюжъ, благодаря своей наглости, имѣющей видъ невинности, благодаря своимъ фразамъ, съумѣлъ-таки завоевать его расположеніе, вообще поколебать въ немъ увѣренность въ его виновности. Жакъ теперь только и думаетъ, что о предстоящемъ разбирательствѣ на судѣ, и совершенно подавленъ мыслью о томъ, какъ станутъ позорить передъ цѣлымъ свѣтомъ ту, которую онъ обожалъ. Онъ въ ужасномъ состояніи. Вся эта исторія такъ потрясла его, что я за него боюсь. А между тѣмъ какъ здѣсь помочь и что̀ предпринять...

— Да, это правда!—повторила маркиза:—мы ничѣмъ здѣсь помочь не можемъ!

Со смерти Сусанны, Гюре рѣдко видѣлись съ инженеромъ. Маркиза не желала разрыва съ нимъ, такъ какъ любила его

дѣтей, но все же она не считала нужнымъ таить своихъ чувствъ и не преминула съ обычной своей прямотой высказать ему все, что̀ было у нея на сердцѣ:

— Онъ тутъ всему причина! Она знаетъ о его связи съ г-жею Лемо! Она знаетъ, что когда Сусанну убивалъ этотъ негодяй, мужъ ея со своею возлюбленной благодушествовалъ въ улицѣ Станислава! Какъ назвать такого мужа?

Инженеръ, устрашенный нотаціей маркизы, и въ глубинѣ души чувствуя, что она права и упреки ея имѣютъ основаніе, сталъ избѣгать долгихъ посѣщеній за̀мка и только проѣздомъ, на минуту заглядывалъ „Подъ Буки“, чтобы оставить тамъ своихъ дѣвочекъ или увезти ихъ домой.

Маркиза всюду говорила, что никогда Сусанна не была любовницей Ганюжа. Благодаря ей, начались толки и стали поговаривать, что юный декадентъ убилъ г-жу Миръ, такъ какъ она не хотѣла отдаться ему. Распространеніе такого рода слуха испугало гг. Томаса и Барбара̀, вѣрныхъ друзей Ганюжа. Если хорошенько вглядѣться въ дѣло, взвѣсить всѣ обстоятельства его, то можно было добраться до истины,—но что̀ тогда станетъ съ поэтической повѣстью любви, съ такимъ стараніемъ, съ такимъ искусствомъ измышленной,—что̀ станетъ съ трогательнымъ романомъ, кончившимся такъ трагически? Если все это отбросить, то явится простое, пошлое, вульгарное убійство, и судьи такъ и будутъ судить Гастона, какъ обыкновеннаго преступника. А ужъ это грозило и славѣ, и даже свободѣ юнаго декадента. Еще, пожалуй, все развяжется совсѣмъ просто и въ высшей степени непріятно для ихъ „милаго генія“! Вѣдь они не знали въ точности, что̀ именно произошло на виллѣ. Утромъ того дня, когда совершилось „самоубійство г-жи Миръ“, какъ они называли, Ганюжъ предупредилъ ихъ, что: „больше они не будутъ надъ нимъ смѣяться. Сусанна, наконецъ сдалась. Сегодня въ три часа, на виллѣ Бельфонтенъ... Они, если хотятъ, могутъ сами убѣдиться!“

Спрятавшись въ саду, они все слышали. Одно смущало ихъ: не менѣе получаса прошло между первыми двумя выстрѣлами и вторыми... Это не совпадало съ разсказомъ ихъ друга и было, конечно, странно—но къ чему забираться такъ далеко, подозрѣвать, подкапываться! Они поклялись защитить Ганюжа отъ клеветы, взводимой на него маркизой. На свиданіи они сообщили ему объ этомъ. Сомнѣніе въ благосклонности къ нему Сусанны нанесло чувствительный ударъ самолюбію декадента. А главное, если этотъ слухъ укрѣпится, то все зданіе его, съ такимъ тру-

домъ воздвигнутаго, романа можетъ рухнуть. Онъ немедленно принялъ рѣшеніе:

— Мнѣ необходимо повидаться съ г-жею де-Гюре, — сказалъ онъ друзьямъ: — я съумѣю переубѣдить ее; я докажу ей, что ея крестница была моей любовницей. И я увѣренъ, разъ она узнаетъ это, она перестанетъ распространять ложные слухи. Возьметесь вы передать ей мою просьбу, что я желаю видѣть ее?

Но они отказались взять на себя это порученіе. Маркиза отличалась характеромъ рѣшительнымъ; она можетъ встрѣтить ихъ такъ сурово...

Ганюжъ рѣшилъ тогда написать Дюкло. Съ нимъ онъ не видался со дня убійства. Онъ просилъ пивовара передать его письмо маркизѣ. Къ величайшему изумленію толстяка Дюкло, маркиза просила передать молодому человѣку, что она исполнитъ его просьбу и будетъ у него.

Она освѣдомилась о часѣ, когда въ тюрьму пускаютъ посѣтителей, и въ одно прекрасное утро отправилась къ Ганюжу.

Она вышла рано, ни слова не сказавъ своему мужу и племяннику, куда идетъ. Уже не въ первый разъ ей случалось посѣщать тюрьму въ Нанси. Содержимые въ ней преступники и бродяги хорошо знали „добрую даму“. Зналъ ее и директоръ тюрьмы, и ея персоналъ. Она безъ всякихъ затрудненій прошла въ келью, гдѣ заключенъ былъ Ганюжъ. Сторожъ оставилъ ее съ нимъ, а самъ сѣлъ въ корридорѣ около двери.

Ганюжъ встрѣтилъ ее съ необыкновенно важнымъ видомъ:

— Я долженъ, — сказалъ онъ, — постараться опровергнуть клевету, взводимую на меня; вы понимаете, что я не могу допустить этого. Я именно и хотѣлъ свидѣться съ вами, чтобы выяснить дѣло.

Она слушала его, изумляясь его безмѣрной наглости.

Онъ продолжалъ:

— Я отлично понимаю вашу досаду! Помните нашъ разговоръ въ лѣсу? Вы сказали, что постараетесь всячески помѣшать моему сближенію съ Сусанной! Вамъ непріятно, что предположенія ваши не осуществились, что вы обманулись въ своихъ ожиданіяхъ! Все это понятно и извинительно. Но все же я никакъ не могъ думать — видите, какъ я наивенъ! — никакъ не могъ думать, что вы способны сознательно извращать истину.

Потомъ онъ заговорилъ въ иномъ тонѣ, мечтательно и грустно:

— Мы такъ любили другъ друга! О, она совсѣмъ не страдала... Клянусь вамъ! Но я весь дрожалъ... Она тихо умерла въ моихъ объятіяхъ, улыбаясь, точно уснула...

Онъ упалъ на табуретку съ соломеннымъ плетенымъ сидѣньемъ и, спрятавъ голову въ рукахъ, притворился, что горько рыдаетъ.

Г-жа де-Гюре смотрѣла на него, раздраженная разыгранной имъ комедіей, а главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ считалъ ее такой дурой, способной повѣрить ему.

— О, вы знаете, я вѣдь не изъ любительницъ подобныхъ исторій,—заговорила она,—такъ что вы приберегите все это для тѣхъ, кто принадлежитъ къ вашей „школѣ". Если я согласилась видѣть васъ, то лишь потому, что имѣла глупость думать, что вы хотите поступить согласно клятвѣ, которую, какъ сами вы говорите, дали Сусаннѣ.

Онъ отнялъ руки отъ лица и спросилъ:

— Какая клятва?..

— Вы клялись убить себя. Излишне говорить, насколько я вѣрю тому, будто вы давали какія бы то ни было клятвы, но другіе въ это вѣрятъ, и слѣдовательно, разъ вы, сами увѣрявшій въ этомъ всѣхъ, не желаете быть въ глазахъ другихъ нарушителемъ своего слова, то... Повторяю, я въ эту исторію не вѣрю, все это однѣ позы, реклама и ложь!

Ганюжъ поднялся. Онъ шипѣлъ отъ злости, что его разгадали и дѣло поставлено на такую почву.

— Скажите, вы пришли, чтобы глумиться надо мною, запертымъ въ этой тюрьмѣ?—вскричалъ онъ.

— Я пришла, чтобы передать вамъ оружіе и дать возможность исполнить клятву.

И, вынувъ изъ муфты револьверъ, она протянула его Ганюжу. Тотъ попятился:

— Я не могу убить себя! Я клялся друзьямъ... сестрамъ...

— Вы раньше дали клятву г-жѣ Миръ.

Маркиза пристально смотрѣла на него. Онъ ей казался отвратительнымъ. Онъ злился и въ лицѣ его было столько звѣрства!

За этотъ мѣсяцъ, который онъ провелъ въ тюрьмѣ, почти безъ движенія, онъ растолстѣлъ. Онъ какъ-то распухъ и вся фигура его стала еще вульгарнѣе. Какъ и всегда, онъ былъ вычурно одѣтъ, въ бархатномъ пиджакѣ, съ букетикомъ фіалокъ въ петлицѣ.

Ежедневно Томасъ и Барбарà приносили „милому генію" эти фіалки въ память Сусанны, которая—говорили они — передъ смертью просила, чтобы Гастонъ осыпалъ ее фіалками.

— Говорите, что̀ угодно,—повторилъ Ганюжъ,—а я не намѣренъ убивать себя.

Г-жа де-Гюре надвинулась на него. Онъ попятился къ стѣнѣ и злобно закричалъ:

— Оставите вы меня, наконецъ, въ покоѣ? Что же, вы не насильно же заставите меня стрѣляться, я думаю? Или сами меня убьете?

Она отвѣчала голосомъ, котораго сама не узнала:

— А почему бы и нѣтъ?

Она не чувствовала къ нему никакой жалости,—одно отвращеніе. Она видѣла, что онъ открылъ ротъ, хотѣлъ сказать что-то, и, поднявъ револьверъ, спустила курокъ.

Онъ рухнулъ на полъ безжизненной массой и накрылъ собою револьверъ, выпавшій изъ ея рукъ.

Въ камеру вбѣжалъ сторожъ и кинулся къ тѣлу Ганюжа. Перевернувъ его, онъ обернулся къ маркизѣ и сказалъ:

— Мертвъ! Вотъ ужъ никогда бы я не повѣрилъ, что у него хватитъ смѣлости покончить съ собою!..

Маркиза хотѣла возразить, но... одумалась. Зачѣмъ? Этотъ человѣкъ думаетъ, что Ганюжъ самъ убилъ себя,—и пусть остается въ этомъ заблужденіи.

Когда черезъ часъ прибылъ прокуроръ республики, въ глубинѣ души довольный, что скандальное дѣло получило такой оборотъ, онъ счелъ своимъ долгомъ обратиться со строгимъ выговоромъ къ г-жѣ де-Гюре:

— Понимаете вы, сударыня, серьезность того, что̀ вы сдѣлали? Вы доставили преступнику оружіе и дали ему возможность избѣгнуть кары правосудія! Понимаете ли вы, что это дѣло не шуточное?

Маркиза съ удивленіемъ посмотрѣла на него:

— Какъ, и вы думаете, что онъ... самъ убилъ себя?

Они нѣсколько мгновеній молча, съ любопытствомъ вглядывались въ лицо другъ другу.

Наконецъ, маркиза произнесла:

— Я на вашемъ мѣстѣ сильно бы въ этомъ усомнилась.

Они опять внимательно посмотрѣли въ глаза другъ другу; г-жа де-Гюре чувствовала, что положеніе становилось все труднѣе. Она медленно направилась къ двери. Съ порога она обернулась къ задумавшемуся прокурору:

— Послушайте, я теперь вернусь домой и буду ждать... И какъ вы рѣшите, такъ я и покажу...

Вечеромъ, когда „Подъ Буками“ всѣ сидѣли въ грустномъ молчаніи за обѣдомъ, явился жандармъ. Онъ заявилъ, что желаетъ сообщить нѣчто маркизу, а именно, что Ганюжъ покончилъ

самоубійствомъ, „каковое извѣстіе, надо полагать,—прибавилъ онъ, —доставитъ удовольствіе всѣмъ вашимъ господамъ". Жандармъ слышалъ, что прокуроръ республики донесъ о случившемся суду: кто-то во время свиданія съ покойнымъ передалъ ему револьверъ.

Маркиза думала, что во всякомъ случаѣ ее привлекутъ къ отвѣтственности за то, что она передала револьверъ, разъ ужъ прокуроръ рѣшилъ принять такую версію событія. Она желала, чтобы хотя часть истины обнаружилась.

— А вѣдь это я,—сказала она,—принесла ему револьверъ... Онъ писалъ мнѣ, что хочетъ меня видѣть...

Письмо, переданное ей толстякомъ Дюкло, было цѣло. Она могла подтвердить имъ свои послѣднія слова.

Жакъ обнялъ ее.

— Добрая, милая тетя Шарлотта!—вскричалъ онъ почти весело:—что бы мнѣ такое сдѣлать, что доставило бы вамъ удовольствіе?

Она подумала и сказала съ улыбкой.

— Женись на Иветтѣ!

— Ну, объ этомъ мы еще потолкуемъ,—отвѣчалъ онъ и, вспомнивъ о Ганюжѣ, прибавилъ:

— Ахъ, этотъ декадентъ! Я никакъ не ожидалъ, что такъ хорошо кончится эта скандальная исторія... Теперь, по крайней мѣрѣ, не будетъ разбирательства, толковъ, пересудовъ...

— Да, мы теперь можемъ возстановить честное имя бѣдной Сусанны,—сказала маркиза.

И затѣмъ, первый вечеръ послѣ смерти г-жи Миръ, никто уже не говорилъ объ этомъ дѣлѣ. Казалось, прошлое отошло и затушевалось.

И на другой день, проснувшись спокойной и доброй, г-жа де-Гюре сказала сама себѣ:

— Быть можетъ, я нравственный уродъ, но никогда еще мнѣ лучше не спалось, какъ эту ночь...

А. Э.

НА ДАЛЕКОМЪ СѢВЕРѢ

Изъ поѣздки на Бѣлое море и на Океанъ.

I.

Кандалакша.

Берега Онежскаго залива—вѣроятно, одно изъ самыхъ скучныхъ мѣстъ на земной поверхности. Низменное, плоское побережье представляетъ изъ себя сплошное болото, поросшее сплошнымъ же жалкимъ лѣсомъ. Постепенно понижаясь, материкъ, наконецъ, скрывается подъ поверхностью моря, переходя въ обширную прибрежную отмель, такую же скучную и безжизненную, какъ берегъ, къ которому она прилегаетъ. Пароходы должны бросать якорь Богъ знаетъ какъ далеко въ морѣ; въ Сумскомъ посадѣ нужно верстъ семь проплыть въ карбасѣ до пароходной стоянки, и когда расходится непогода и по мелкому взморью забѣгаютъ бѣлые барашки, этотъ переѣздъ становится очень непріятенъ и небезопасенъ. Небольшая деревенька Сухонаволоцкое, къ сѣверу отъ Сумскаго посада, лежитъ на самомъ берегу моря; пароходы минуютъ ее, и кто желаетъ попасть въ эту деревню, долженъ ѣхать изъ Сумскаго посада въ карбасѣ. Но выйти въ Сухонаволоцкую бухту и карбасомъ можно только въ полную воду; въ отливъ, изъ нея уходитъ вся вода и она обсыхаетъ, точно мелкіе рукава въ Донскихъ гирлахъ или Міусскій лиманъ (около Таганрога) при верховомъ вѣтрѣ; карбасъ останавливается въ доброй верстѣ отъ деревни и вамъ предоставляется на выборъ: или нѣсколько часовъ прождать въ лодкѣ, пока прибудетъ вода, или,

если угодно, пойти пѣшкомъ по отвратительному, доходящему до колѣнъ, вязкому илу.

Прибрежныя деревни соотвѣтствуютъ общему характеру мѣстности. Напримѣръ, то же самое Сухонаволоцкое. Представьте себѣ десятка два домовъ, построенныхъ непосредственно на болотѣ; съ горя они не дали даже себѣ труда выстроиться въ улицы, а стоятъ въ совершенномъ безпорядкѣ, какъ попало, въ узкомъ промежуткѣ между гнилою отмелью моря и стѣною лѣса, стоящаго также на болотѣ. Между домами проложены деревянные мостки; бревенчатая мостовая—нерѣдкая, а деревянный тротуаръ—непремѣнная принадлежность каждой поморской деревни; только они дѣлаютъ ее проходимой, и если нужно, то и проѣзжей. Но Сухонаволоцкое не принадлежитъ къ числу проѣзжихъ; зимою здѣсь ходитъ по санному пути почта изъ Сумскаго посада на Кемь; лѣтомъ почта ходитъ пароходомъ и карбасомъ, а Сухонаволоцкое окружено непролазною топью. По дорогѣ, по которой ѣздятъ зимой и гдѣ разставлены верстовые столбы, лѣтомъ можно пройти пѣшкомъ до перваго столба, не далѣе, и это—единственное мѣсто для лѣтнихъ прогулокъ въ праздничные дни; больше ни въ одну сторону изъ деревни нельзя выйти.

Для зоолога море этихъ унылыхъ береговъ также непривлекательно: къ чрезвычайно незначительной глубинѣ его присоединяется еще сильное опрѣсненіе, причиняемое многочисленными рѣчками, впадающими въ Онежскій заливъ. Въ Сумскомъ посадѣ, въ Сорокѣ, можно отплыть 6—7 верстъ отъ берега и все имѣть на поверхности прѣсную воду, при 2—3-саженной глубинѣ; драга приноситъ массу вязкаго ила, почти безжизненнаго.

Далѣе на сѣверъ, однако, пейзажъ рѣзко мѣняется: высокія горы Лапландіи, подступая къ берегу, придаютъ ему обрывистый, утесистый характеръ. Когда пароходъ идетъ по сѣверной части Кандалакской губы, оба ея берега видны съ палубы; заливъ въ этомъ мѣстѣ не широкъ—отъ 60 до 30 верстъ въ ширину; по обоимъ берегамъ тянутся горы, на которыхъ въ іюнѣ мѣсяцѣ во многихъ мѣстахъ лежитъ еще нестаявшій снѣгъ. Море здѣсь гораздо глубже; берегъ, защищенный массою шхеръ, образуетъ хорошія стоянки.

Въ сѣверномъ углу Кандалакской губы, на самомъ берегу моря, у подножья высокой горы Крестовой, расположена маленькая деревенька Кандалакша, древнее поселеніе, давшее свое имя всему заливу. Въ противоположность Сухонаволоцкому, это—одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ на Бѣломъ морѣ.

Высокая Крестовая гора круто, мѣстами почти отвѣсно, па-

даетъ въ море; по склонамъ ея ростетъ рѣдкій лѣсъ, и съ моря кажется, будто въ нее понатыканы елочки. Но здѣсь, за полярнымъ кругомъ, вертикальная граница распространенія древесной растительности поднимается невысоко надъ уровнемъ моря, и лѣсъ далеко не поднимается до вершины горы,—вершина голая. У подножья горы море глубокое, и пароходъ бросаетъ якорь въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ берега; онъ могъ бы подойти и вплотную, еслибы здѣсь была устроена пристань. На самомъ берегу, прижавшись къ крутой горѣ, раскинулись немногочисленныя избушки маленькой деревеньки; церковь выдѣляется изъ нихъ своей ярко-красной крышей. Деревня расположена на сухомъ, песчаномъ холмѣ и не нуждается ни въ мостовой, ни въ деревянныхъ тротуарахъ. Мало того, и окрестности здѣсь сухія; изъ деревни можно выйти куда угодно и бродить въ окрестностяхъ версты на двѣ, на три кругомъ почти безпрепятственно; проклятое сѣверное болото низведено здѣсь до минимума.

Въ этомъ изящномъ уголкѣ я пробылъ десять дней, до слѣдующаго парохода; при посредствѣ мѣстныхъ властей, мнѣ былъ отведенъ пріютъ въ лучшемъ домѣ Кандалакши, у одного изъ мѣстныхъ богачей. Это былъ порядочной величины домикъ, выкрашенный въ нѣжно-голубую краску; комнату мнѣ дали большую и просторную, но не особенно опрятную и неуютную. Стѣны возбуждали подозрѣніе съ энтомологической точки зрѣнія; по начамъ за обоями беззаботно рѣзвились мыши. Словомъ, квартира была неважная; но когда я, нѣсколько времени спустя, увидѣлъ въ Архангельскѣ „дворецъ Петра Великаго“, т.-е. тотъ домъ, въ которомъ жилъ Петръ во время своего пребыванія въ Архангельскѣ, то оказалось, что онъ значительно уступалъ моему кандалакскому жилищу. Насколько все-таки измѣнились среднія условія жизни, измѣнилась степень культуры съ того времени! Вѣдь Архангельскъ и при Петрѣ былъ важный торговый городъ, болѣе значительный и населенный, конечно, чѣмъ современная Кандалакша съ ея нѣсколькими десятками домишекъ; несомнѣнно, что царь занималъ лучшее помѣщеніе, имѣвшееся въ городѣ; каковы же были остальные дома?

Моего хозяина не было дома, въ Кандалакшѣ: онъ ушелъ на шкунѣ въ Архангельскъ. Это былъ, повидимому, дѣлецъ, человѣкъ коммерческій, и что его торговыя операціи носили весьма разносторонній характеръ—я могъ убѣдиться уже по стѣнамъ моей комнаты, гдѣ были развѣшены готовыя женскія платья и головные платки всѣхъ цвѣтовъ спектра. Дома была хозяйка,

толстая, привѣтливая, весьма добродушная баба, съ дочерьми, изъ которыхъ старшей было лѣтъ 17.

Здѣсь на сѣверѣ почти единственное средство къ существованію и занятіе жителей составляетъ рыбный промыселъ; въ Кандалакской губѣ производится значительный ловъ сельдей; у каждаго села, гдѣ мы останавливались, къ пароходу подплывали карбасы, нагруженные небольшими боченками съ сельдями, которыя направлялись на продажу въ Архангельскъ,—но промыслы Бѣлаго моря играютъ совершенно незначительную роль въ сравненіи съ промыслами океана, гдѣ ловъ трески на Мурманскомъ берегу составляетъ главный фундаментъ народнаго благосостоянія нашего сѣвернаго побережья. Однако, производится тамъ этотъ ловъ преимущественно не мѣстнымъ населеніемъ; осѣдлаго, постояннаго населенія на Мурманскомъ берегу, кромѣ жителей гор. Колы, почти нѣтъ, несмотря на правительственныя усилія колонизировать этотъ край. Сюда приходитъ на лѣтніе промыслы поморское населеніе Бѣлаго моря, и врядъ ли другой отхожій промыселъ въ Россіи обставленъ такими тяжкими условіями. Суда рыбопромышленниковъ зимуютъ въ Бѣломъ морѣ и ждутъ весны и освобожденія моря отъ льда, чтобы выйти на Мурманъ. Простые же рабочіе, „покрутчики", по мѣстному выраженію, совершаютъ свой путь пѣшкомъ, поперекъ Кольскаго полуострова, и Кандалакша составляетъ одинъ изъ этапныхъ пунктовъ этого путешествія, передъ которымъ блѣднѣютъ картины „народнаго стона" у Некрасова. Въ началѣ марта, когда здѣсь еще и не пахнетъ весной, съ различныхъ пунктовъ кемскаго и онежскаго уѣздовъ трогаются въ путь промышленники; сотни верстъ, которыя отдѣляютъ ихъ отъ мѣста лѣтней работы, они отмѣриваютъ пѣшкомъ; багажъ свой, одежду и провизію на дорогу везутъ за собой въ маленькихъ санкахъ, въ которыя иногда запрягаютъ собакъ. Ихъ путь лежитъ черезъ Кандалакшу, откуда они пересѣкаютъ поперекъ Кольскій полуостровъ до Колы; полуостровъ внутри почти лишенъ населенія; русскія деревни расположены только по берегамъ, далеко одна отъ другой. Въ центрѣ страны живутъ ея коренные обитатели—лапландцы, лопари, полудикіе кочевники. На этомъ пути черезъ безконечную снѣжную пустыню промышленникамъ, послѣ долгаго перехода, приходится и ночь проводить, въ морозъ и мятель, на снѣгу, подъ открытымъ небомъ, согрѣваясь только у костра, разведеннаго для приготовленія пищи; наравнѣ съ взрослыми ту же дорогу дѣлаютъ и дѣти, 12-лѣтніе мальчики, принимающіе также участіе въ промысловыхъ работахъ. Часто люди отмораживаютъ члены или по приходѣ на мѣсто заболѣваютъ

цынгой. Лишь въ самые послѣдніе годы на этомъ пути отъ Кандалакши до Колы устроены на казенный счетъ одна или двѣ избы для пріюта промышленникамъ; это—капля въ морѣ въ борьбѣ съ тѣми лишеніями и трудностями, которыя имъ приходится испытывать, но и эта помощь оказала уже свое дѣйствіе—уменьшился процентъ отмороженныхъ.

Черезъ Кандалакшу идетъ и почтовый трактъ на Колу,—трактъ, я думаю, единственный въ своемъ родѣ; по немъ движется (зимою) почта и за обычные прогоны путешествуютъ проѣзжающіе. Зимою, по санному пути, васъ повезутъ честь-честью; одну станцію отъ Кандалакши можно даже проѣхать на лошадяхъ; дальше везутъ въ легкихъ санкахъ на проворныхъ оленяхъ, отъ одной лопарской станціи до другой. Лѣтомъ тотъ же путь вы должны уже сдѣлать пѣшкомъ, и за обычные прогоны получаете *однихъ ямщиковъ*, безъ лошадей; ямщики на рукахъ понесутъ багажъ, по три копѣйки съ версты,—на общемъ основаніи, по два человѣка принимается за одну лошадь,—а баринъ пойдетъ рядомъ пѣшкомъ, по непроѣзжей тропинкѣ, проложенной черезъ болота и камни Лапландіи.

Такъ и „ѣздятъ" главнымъ образомъ чиновники, по казенной надобности. Правда, что изъ всего разстоянія (210—220 верстъ) отъ Кандалакши до Колы, бо̀льшую часть, около двухъ третей, приходится сдѣлать въ лодкѣ—озерами и рѣками; но верстъ семьдесятъ все-таки придется „проѣхать" пѣшкомъ. А въ случаѣ непогоды, въ бурное озеро такихъ размѣровъ, напр., какъ Имандра, имѣющее около 90 верстъ длины, нельзя пуститься въ дрянномъ лопарскомъ челнокѣ, и погода заставитъ просидѣть недѣлю и больше въ лопарской избушкѣ, на берегу озера, голодая среди безлюдной пустыни. Что по такого рода путямъ сообщенія не можетъ происходить особенно оживленнаго движенія—понятно само собою, и дѣйствительно, за десять дней моего пребыванія въ Кандалакшѣ, не оказалось ни одного пассажира, ни въ Колу, ни изъ нея.

Пребываніемъ въ Кандалакшѣ я воспользовался для нѣсколькихъ продолжительныхъ морскихъ экскурсій; хорошій карбасъ я могъ достать у моей хозяйки, а рыбаковъ нанималъ въ деревнѣ. Одинъ изъ нихъ, Степанъ, добровольно взялъ на себя роль антрепренера при устройствѣ моихъ поѣздокъ; онъ сдѣлался ихъ безсмѣннымъ членомъ, приглашалъ уже отъ себя другихъ рыбаковъ, дѣлалъ всѣ приготовленія къ поѣздкѣ. Не знаю, гдѣ онъ жилъ еще, кромѣ своей родной деревни, но очевидно когда-то понатерся около господъ и пріобрѣлъ привычки, въ высокой степени

чуждыя поморамъ. Тогда какъ его товарищи приходили, чтобы ѣхать въ море, дѣлали свое дѣло и уходили, онъ разъ десять въ день забѣгалъ ко мнѣ въ комнату, предлагалъ всякіе вздорные вопросы и искалъ случая на что-нибудь понадобиться, усердно прицѣливаясь къ двугривенному. Онъ былъ расторопный малый, и во многомъ оказался мнѣ полезенъ; безполезно только было съ нимъ разговаривать, благодаря его непремѣнному желанію угадать, чего именно баринъ хочетъ, и дать пріятный отвѣтъ. Когда онъ рано утромъ приходилъ ко мнѣ въ комнату и я спрашивалъ его, какова погода, нѣтъ ли дождя, каковъ вѣтеръ, его отвѣты были достойны Полонія: „Не правда ли, это облако похоже на верблюда?“ — „Въ самомъ дѣлѣ, совершенный верблюдъ!“ Къ товарищамъ своимъ онъ относился свысока, командиромъ, какъ лицо, по его собственному мнѣнію, облеченное спеціальнымъ барскимъ довѣріемъ.

Вообще я долженъ сказать, что отношенія съ рабочими, рыбаками, со всякимъ простымъ народомъ — одна изъ непріятныхъ сторонъ странствованій натуралиста. Да и не съ одними рабочими; любопытные всѣхъ слоевъ общества нерѣдко отравляютъ существованіе.

У насъ не только знаніе естественныхъ наукъ, но даже просто вкусъ къ природѣ и интересъ къ ея изученію необычайно мало распространены даже въ наиболѣе образованныхъ классахъ. Въ путешествіи приходится сталкиваться съ массою лицъ, видѣть много людей и зажиточныхъ, и сравнительно образованныхъ, для которыхъ весь вопросъ о природѣ исчерпывается словами: купить —продать. Интересно только то, что можно съѣсть, выпить или превратить въ деньги; все остальное совершенно игнорируется. И когда видятъ, что человѣкъ интересуется птицами, которыхъ не ѣдятъ, травами, которыхъ нельзя давать въ лекарство или настаивать на нихъ водку, или какими-то червяками, это вызываетъ недоумѣніе, возбуждаетъ подозрѣніе въ состояніи умственныхъ способностей субъекта. „Вотъ, — говорятъ, — у насъ въ рѣкѣ ловятся ракуши, въ которыхъ находятъ жемчугъ. Вотъ бы вамъ интересно посмотрѣть“. Купецъ Рябининъ, въ „Аннѣ Карениной“ Толстого, съ одинаковымъ пренебреженіемъ относился и къ книгамъ въ шкафу у Левина, и къ вальдшнепамъ, которыхъ онъ стрѣлялъ, полагая, что „не стоитъ овчинка выдѣлки“; стоятъ ли выдѣлки ракуши, въ которыхъ нѣтъ жемчуга!

Я помню, какъ мальчикомъ, когда я собиралъ растенія или насѣкомыхъ, меня смущали улыбки взрослыхъ людей, людей дѣловыхъ, занимающихся хозяйствомъ, службой или торговлей и играющихъ въ винтъ, — если имъ случалось видѣть мои занятія. Съ

годами я пересталъ бояться дѣловыхъ людей и сдѣлался равнодушенъ къ ихъ улыбкамъ, какъ и ко многимъ другимъ дѣтскимъ страхамъ. Но до нѣкоторой степени подобное чувство неловкости осталось у меня при сношеніяхъ съ простымъ народомъ; „больная совѣсть вѣка“ вытравила въ сердцахъ людей то спокойное, высокомѣрное пренебреженіе къ невѣжеству, съ которымъ смотрѣли на вещи въ доброе старое время, когда и цеховая гордость была сильнѣе, а вѣра въ науку, мистическій культъ науки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоялъ выше, чѣмъ теперь, когда мы читаемъ „Germinal“ и „La bête humaine“. Мнѣ непріятно, что то, что̀ для меня кажется однимъ изъ самыхъ благородныхъ занятій, какія только доступны на землѣ человѣку—изученіе явленій и законовъ Божьяго міра, — съ точки зрѣнія „претендентовъ на существованіе“, людей, думающихъ только о хлѣбѣ насущномъ, есть праздная и совершенно безполезная затѣя сытаго и глупаго барина, который не долженъ трудиться и отъ скуки и праздности занимается всевозможными пустяками, благо есть деньги, свои или казенныя, и нѣтъ ума выдумать что-нибудь повеселѣе. Это неправда, но мнѣ отъ этого нелегче, и я не люблю разспросовъ о цѣли моихъ занятій, не люблю притягивать къ нимъ за волосы отдаленную утилитарную подкладку и не люблю разговоровъ съ мужиками о наукѣ, какъ это дѣлаютъ подчасъ, и съ любовью, пылкіе студенты и наивные молодые натуралисты, объясняющіе по дорогѣ ямщику систему Коперника, спектральный анализъ или теорію Дарвина.

Но если „міръ соскочилъ съ петель“—это не должно намъ мѣшать дѣлать свое дѣло. И хотя мои кандалакскіе рыбаки относились съ явнымъ недовѣріемъ къ моимъ занятіямъ, подозрѣвая въ нихъ какую-то тайную коммерческую цѣль, чуть ли даже не исканіе золота, хотя они не мало надоѣдали мнѣ своими разспросами, въ чемъ состоитъ „ученая служба“, какой на мнѣ чинъ, могу ли я изъ ученой службы перейти въ гражданскую и могъ ли бы, напр., получить у нихъ мѣсто становаго,—тѣмъ не менѣе, экскурсіи мои въ Кандалакшѣ были очень удачны.

Въ окрестностяхъ Соловецкой зоологической станціи нужно отъѣхать 2—3 версты отъ берега, чтобы достигнуть глубины, превышающей десять саженъ. Въ Кандалакшѣ, гдѣ высокій берегъ круто падаетъ въ море, около самой деревни, противъ впаденія р. Нивы, въ разстояніи всего нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ берега, глубина уже весьма значительная, отъ 20 до 35 саженъ. Не къ чему было далеко ѣхать, и, едва отчаливши отъ берега, я могъ уже начинать драгировать. Здѣсь, на этой глубинѣ, на

иловатомъ днѣ, поросшемъ бурыми хлопьями какихъ-то водорослей, оказалась богатая и довольно разнообразная фауна, по общему характеру своему довольно рѣзко отличавшаяся отъ фауны Соловецкихъ острововъ. Формъ наиболѣе обыкновенныхъ и характерныхъ въ Соловкахъ—здѣсь не было, а наоборотъ, въ большомъ количествѣ попадались другія, совсѣмъ не встрѣчающіяся или крайне рѣдкія въ Соловецкомъ заливѣ. Не было, напр., морскихъ ежей, не было обыкновенныхъ крупныхъ соловецкихъ асцидій, мало голотурій; зато здѣсь была довольно обыкновенна, крайне рѣдкая у Соловковъ, маленькая красивая асцидія полярныхъ морей, Pera crystallina, съ грушевиднымъ, сидящимъ на короткой ножкѣ, какъ хрусталь прозрачнымъ тѣломъ, такимъ прозрачнымъ, что всѣ черты внутренняго строенія ея видны насквозь: видны жабры, мерцательный желобокъ (эндостиль), ведущій по жаберному мѣшку къ желудку, нервный узелъ и мерцательныя полоски, дугообразно огибающія входное отверстіе въ жаберную полость. Кишѣли на днѣ небольшія звѣзды-офіуры, съ длинными, колючими и чрезвычайно цѣпкими руками, которыми они такъ запутывались въ водоросляхъ и въ петляхъ сѣтки, что при выниманіи изъ драги сплошь и рядомъ руки отрывались и отъ офіуръ оставался только центральный дискъ ея тѣла съ тупыми обломками рукъ; было довольно много красныхъ морскихъ звѣздъ съ стройными руками; и офіуры эти, и звѣзды были опять не тѣ виды, которые я собиралъ въ Соловецкѣ.

Въ большомъ количествѣ нашелъ я здѣсь любопытный и рѣдкій гидроидъ, Monobrachium parasiticum, впервые открытый въ Бѣломъ морѣ и описанный К. С. Мережковскимъ; въ противоположность всѣмъ остальнымъ гидроидамъ, у него около ротоваго отверстія находится только одно щупальце, что придаетъ рѣзко двустороннюю симметрію его тѣлу. Эти мелкіе гидроиды прикрѣплены всегда колоніями къ двустворчатой раковинѣ небольшого пластинчато-жабернаго моллюска—Tellina—и никогда не попадаются на другихъ животныхъ и предметахъ. Однако, по всѣмъ вѣроятіямъ, мы имѣемъ здѣсь не настоящій паразитумъ, а одно изъ явленій „симбіоза", сожительства двухъ различныхъ видовъ животныхъ; но въ чемъ заключается сущность этого сожительства моллюска съ гидроидомъ, какія отношенія связываютъ Monobrachium именно только съ этой одною формой, съ теллиной, почему они не живутъ на другихъ моллюскахъ—это неизвѣстно.

Изрѣдка попадались мнѣ, наконецъ, прикрѣпленные къ камнямъ, мясистые, оранжевые или желтые небольшіе кустики полиповъ изъ рода Alcyonium, не только не попадающіеся у Солов-

ковъ, но, насколько я знаю, вообще до сихъ поръ еще не найденные въ Бѣломъ морѣ: для фауны Бѣлаго моря это была совершенно новая форма.

Одно обстоятельство бросилось мнѣ въ глаза въ первую же мою экскурсію и въ первую минуту меня очень удивило: почти всѣ животныя, вынутыя изъ драги и положенныя въ воду, казались мертвыми. Офіуры, обыкновенно столь подвижныя, тонкія руки которыхъ быстро изгибаются, какъ змѣйки, лежали на днѣ банки неподвижно; большія красныя звѣзды не шевелились; крупныя актиніи и красивый, крупный розовый гидроидъ Tubularia (indivisa?) пришли съ щупальцами на половину втянутыми, но, пролежавши спокойно въ стеклянной банкѣ, не распускали ихъ и не втягивали далѣе. Я сталъ ихъ трогать пинцетомъ—они не сокращались и не реагировали на прикосновеніе; они были мертвы, какъ и Monobrachium, и звѣзды, и черви, и большинство другихъ животныхъ, кромѣ, можетъ быть, моллюсовъ и асцидій. Между тѣмъ яркая окраска и свѣжій видъ животныхъ показывали, что добыты они были со дна живыми. Открыть причину ихъ смерти было не трудно: я зачерпнулъ воды изъ-за борта лодки и попробовалъ—она оказалась почти прѣсною на вкусъ. Я драгировалъ слишкомъ близко отъ устья Нивы, небольшой, но чрезвычайно быстрой и порожистой горной рѣчки, впадающей въ море у Кандалакши, и масса прѣсной воды, вносимой ею, воды болѣе легкой, чѣмъ морская, покрывала сплошными слоями тяжелую соленую воду моря, не проникая далеко въ глубь, медленно смѣшиваясь: на большой глубинѣ 20—25 саженъ лежали слои соленой морской воды и жила богатая фауна, а сверху простиралась прѣсная вода рѣки. Животныхъ, добытыхъ со дна, мнѣ приходилось помѣщать въ сосудъ съ водой, зачерпнутой съ поверхности и, слѣдовательно, почти прѣсной.

Чтобы избѣгнуть этого неудобства, на слѣдующую экскурсію я поступилъ слѣдующимъ образомъ: я отплылъ сначала отъ устья Нивы на такое разстояніе, чтобы перестало чувствоваться ея опрѣсняющее вліяніе, и пришлось ѣхать очень далеко, версты на четыре. На вкусъ, конечно, трудно было бы отличить степень концентраціи солей поверхностной воды, особенно переходя отъ прѣсной къ соленой; но я руководился слѣдующимъ признакомъ. На скалахъ, обнажаемыхъ въ отливѣ, селится въ Бѣломъ морѣ маленькое, сидячее ракообразное животное Balanus balanoides; его бѣлыя, известковыя раковинки, въ которыя онъ прячетъ все свое тѣло, покрываютъ сплошнымъ бѣлымъ ковромъ гранитныя и гнейсовыя „луды“ и камни, обсыхающіе въ отливѣ. Этотъ ма-

ленькій житель камней необыкновенно щепетиленъ насчетъ качества воды, которою онъ пользуется всего часовъ 12 въ сутки, и съ величайшею нетерпимостью относится къ малѣйшему ея опрѣсненію: устьевъ рѣкъ онъ боится какъ холеры. Его и можно принять хорошимъ указателемъ (по крайней мѣрѣ, для біологическихъ цѣлей) границы опрѣсняющаго вліянія рѣки; въ Кандалакшѣ и оказалось, что, напр., на большомъ довольно и лѣсистомъ островѣ Оленьемъ, отдѣленномъ отъ деревни проливомъ версты въ четыре шириною, на сторонѣ острова, обращенной къ материку, къ рѣкѣ Нивѣ, Balanus balanoides все еще не было, и только обогнувъ островъ, уже на противоположной его сторонѣ, я увидѣлъ береговыя скалы, усѣянныя обычными бѣлыми скорлупками: слѣдовательно, здѣсь была уже настоящая морская вода.

Въ слѣдующія экскурсіи я и поступалъ такимъ образомъ. Набравши воды на такомъ разстояніи отъ Нивы, гдѣ уже могли жить баланы, я возвращался драгировать назадъ къ деревнѣ, потому что здѣсь, противъ устья рѣки, у подножья горы Крестовой, оказалось и самое глубокое мѣсто въ окрестностяхъ Кандалакши, и наиболѣе богатая и любопытная фауна. Добытыхъ животныхъ я могъ перекладывать теперь изъ драги въ настоящую морскую соленую воду. Но, къ сожалѣнію, эта заботливость оказалась напрасною: я все-таки получалъ большинство мертвыхъ животныхъ; уже одно быстрое прохожденіе черезъ поверхностные слои прѣсной воды оказывалось для нихъ безусловно смертельнымъ и они приходили на поверхность мертвыми. Для организмовъ, живущихъ на такой глубинѣ, физическія условія окружающей среды остаются, вѣроятно, совершенно неизмѣнными въ теченіе ихъ жизни; ни соленость, ни даже температура воды, вѣроятно, не подвергаются никакимъ годовымъ колебаніямъ, а температура эта весьма низкая. Самъ я не занимался ея измѣреніями, но, по имѣющимся въ литературѣ даннымъ, Бѣлое море—вообще холодное море: на глубинѣ немного болѣе 10 саженъ температура здѣсь (лѣтомъ) нерѣдко ниже 2 градусовъ Цельзія; глубже сорока саженъ встрѣчаются температуры ниже нуля, мѣстами даже, на глубинѣ отъ 75 до 160 саженъ, на цѣлый градусъ ниже—1,4 C. На поверхности вода Бѣлаго моря лѣтомъ, въ особенности у мелкихъ береговъ, гдѣ есть притокъ болѣе теплой рѣчной воды, можетъ нагрѣваться иногда градусовъ до десяти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и выше; но я не думалъ, чтобы во время моего пребыванія въ Кандалакшѣ вода достигала такой температуры. Во всякомъ случаѣ, рѣзкая разница температуръ можетъ также, вѣроятно, играть роль въ смерти животныхъ, добытыхъ съ глу-

бинъ, изъ вѣчно-холодныхъ и соленыхъ слоевъ, и проходящихъ черезъ прѣсные и разогрѣтые слои поверхности моря. Интересны условія существованія при вѣчной температурѣ тѣла, въ теченіе всей жизни, около нуля: и однакоже, совершаются всѣ физіологическіе процессы, вся химія жизни, работаютъ и нервы, и мышцы, и кровь.

Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, въ Кандалакшѣ повторить опытъ Стуксберга, шведскаго ученаго, объѣхавшаго моремъ Сибирь въ знаменитой экспедиціи Норденшильда на „Вегѣ". Въ Карскомъ морѣ [1]), гдѣ вода на глубинѣ 6 саженъ была совершенно соленая и имѣла температуру—1°, а на поверхности прѣсная, годная для питья и нагрѣтая до+8°, онъ оставлялъ для опыта добытыхъ драгою съ глубины животныхъ въ водѣ, почерпнутой съ поверхности; черви-полихеты умирали почти мгновенно; немногочисленныя моллюски и ракообразныя—черезъ болѣе или менѣе короткое время, и только одинъ небольшой ракъ—Idothea entomon—еще и по прошествіи шести часовъ бойко плавалъ въ прѣсной водѣ. Но мнѣ пришлось наблюдать это надъ фауной другого, гораздо болѣе разнообразнаго состава; ракообразныхъ у меня почти не было; для большинства же приходившихъ изъ глубины животныхъ-червей полихетъ, офіуръ, звѣздъ, актиній, гидроидовъ (Tubularia), полиповъ (Alcyonium) смертельно было уже одно быстрое прохожденіе драги черезъ прѣсную и теплую воду поверхности. Въ соленой водѣ они уже не оживали, не приходили въ себя; нѣкоторыхъ изъ нихъ я оставлялъ потомъ на всю ночь въ стеклянныхъ банкахъ съ морской водой, но безуспѣшно. Бѣлыя щупальца Tubularia болтались въ водѣ совершенно пассивно, не сокращались при прикосновеніи, а къ утру ея розовое тѣло уже теряло свой цвѣтъ и начиналось разложеніе. Что такіе нѣжные, мягкіе, ничѣмъ незащищенные организмы, какъ Tubularia или Alcyonium, такъ страдаютъ отъ прѣсной воды—это еще немудрено; удивительнѣе необыкновенная чувствительность и быстрая гибель крупныхъ, покрытыхъ жесткою кожей, красныхъ морскихъ звѣздъ (Asteracanthion), или сухощавыхъ офіуръ. Только относительно нѣкоторыхъ мало подвижныхъ, квіэтическихъ формъ (моллюсовъ и асцидій) мнѣ не пришлось удостовѣриться, насколько гибельно повліяла на нихъ прѣсноводная ванна.

Это удивительное дѣйствіе прѣсной воды, дѣйствующей, какъ сильный ядъ, на морскихъ животныхъ, давно извѣстно и подвергалось неоднократнымъ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ,

---

[1]) Не въ этомъ путешествіи, впрочемъ, а раньше, въ 1875 г.

наравнѣ съ обратнымъ явленіемъ—гибелью прѣсноводныхъ животныхъ въ морской водѣ. Опытамъ, между прочимъ, Поля Бэра, извѣстнаго французскаго физіолога, сдѣлавшагося одной изъ жертвъ тонкинской экспедиціи (онъ былъ назначенъ въ Тонкинъ резидентомъ и умеръ, не вынеся климата), установлено, что причиною смерти является въ этихъ случаяхъ разность въ содержаніи солей; изъ всѣхъ солей, входящихъ въ составъ морской воды, первенствующее значеніе принадлежитъ именно хлористымъ солямъ, спеціально хлористому натрію (поваренной соли).

Прѣсноводныя животныя, погруженныя въ морскую воду, умираютъ вслѣдствіе экзосмотическаго дѣйствія соленой воды на кровь и другія жидкости ихъ тѣла. У животныхъ, кожа которыхъ покрыта предохраняющей слизью, соленая вода дѣйствуетъ главнымъ образомъ черезъ жабры: тонкая кожица ихъ тускнѣетъ, кровообращеніе останавливается. У животныхъ, покрытыхъ гладкою, тонкою кожей, безъ слизи (у лягушекъ и ихъ головастиковъ) экзосмозъ совершается черезъ всю поверхность тѣла; животное „высыхаетъ“: соленая вода извлекаетъ воду изъ крови и тканей, и лягушка умираетъ, теряя отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ своего вѣса. Можно, такимъ образомъ, убить лягушку, погрузивши только одну ея лапку въ морскую воду.

Обратно, для морскихъ животныхъ, погруженныхъ въ прѣсную воду, причиною смерти является потеря хлористаго натрія; прѣсная вода извлекаетъ его изъ ихъ тканей. Поль Бэръ прибавлялъ къ водѣ растворъ другихъ солей и веществъ (сахара, глицерина) съ цѣлью увеличить ея плотность до степени плотности морской воды, но это нисколько не защищало животныхъ отъ быстрой гибели. Прѣсная вода дѣйствовала обратно, эндосмотически, въ избыткѣ проникая въ ткани и кровь морскихъ животныхъ: у рыбы раздувались жабры и въ нихъ останавливалось кровообращеніе, у низшихъ животныхъ прозрачный эпителій становился тусклымъ, мышцы теряли свою сократимость [1]).

Такимъ образомъ, какъ общее правило, можно сказать, что морскія животныя могутъ жить только въ морской водѣ, озерныя и рѣчныя—только въ прѣсной. Составъ ихъ крови и тканей приспособленъ къ различному количеству солей въ водѣ, и не допускаетъ рѣзкихъ перемѣнъ въ этомъ количествѣ. И дѣйстви-

[1]) По опытамъ, произведеннымъ Эйзигомъ (въ Неаполѣ) надъ однимъ морскимъ червемъ (Capitella), при внезапномъ перенесеніи червя въ прѣсную воду причиной смерти является разрушительное дѣйствіе, которое оказываетъ, проникая въ тѣло, прѣсная вода на красныя (содержащія гемоглобинъ) тѣльца крови; но у большинства безпозвоночныхъ нѣтъ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ.

тельно, фауна моря и прѣсныхъ водъ различается между собою чрезвычайно; цѣлые классы—даже типы, высшія систематическія группы животнаго царства—живутъ исключительно въ морѣ, напр. иглокожія (морскія звѣзды и ежи, голотуріи) и оболочниковыя (асцидіи, сальпы). Тѣмъ не менѣе, это правило весьма непостоянно и представляетъ цѣлый рядъ различныхъ исключеній. Многія рыбы, такъ-называемыя „проходныя", проводятъ часть жизни въ морѣ, часть въ прѣсной водѣ, предпринимая правильныя, періодическія путешествія въ эпоху размноженія, и ежегодно поднимаются изъ моря въ рѣки, чтобы метать въ нихъ икру; осетровыя рыбы Каспійскаго и Чернаго морей (осетръ, севрюга, бѣлуга) идутъ весной въ Волгу, Уралъ, Днѣпръ и др. рѣки для метанія икры, и затѣмъ возвращаются въ море, куда идетъ затѣмъ и проводитъ здѣсь жизнь до достиженія зрѣлости и ея потомство. Лосось, Salmo salar (семга Бѣлаго моря—это та же самая рыба, которую у насъ называютъ лосось), также странствуетъ, уходитъ изъ моря въ рѣки, обладающія быстрымъ теченіемъ, и на своемъ пути вверхъ по рѣкѣ въ состояніи перепрыгивать даже черезъ небольшіе водопады. Рѣчного угря можно также причислить къ проходнымъ рыбамъ, только въ обратномъ смыслѣ: онъ постоянно живетъ въ рѣкахъ, въ прѣсной водѣ, а для метанія икры уходитъ въ море; маленькіе угри не выростаютъ въ морѣ, а поднимаются въ рѣки. Замѣчательно, что, по словамъ П. Бэра, угря защищаетъ отъ вреднаго дѣйствія морской воды только слизь, покрывающая его кожу; если его обтереть, очистить отъ слизи, онъ умираетъ въ морской водѣ черезъ нѣсколько часовъ. Но какъ же переносятъ въ такомъ случаѣ морскую воду его жабры?

Нѣкоторыя морскія животныя легко переносятъ временныя измѣненія солености водъ, даже очень рѣзкія, и замѣчательно, что въ этомъ отношеніи часто разнятся между собою виды весьма близкіе. Balanus balanoides, какъ я уже говорилъ, не выноситъ самаго легкаго опрѣсненія воды, а другой видъ тѣхъ же ракообразныхъ, B. improvisus, можетъ жить даже на такихъ прибрежныхъ камняхъ, по которымъ во время отливовъ струится прѣсная вода впадающаго ручья и омываетъ его раковину; слѣдовательно, и во время прилива соленость воды должна колебаться, повышаясь лишь постепенно. Я самъ имѣлъ случай наблюдать это на Мурманѣ (не знаю, впрочемъ, надъ какимъ видомъ Balanus); въ одномъ изъ становищъ я видѣлъ во время отлива раковины балановъ, прикрѣпленныя къ камнямъ, по которымъ бѣжали струи небольшого, но быстраго потока.

Колюшка, обыкновенная у насъ, маленькая рѣчная рыбка,

встрѣчается точно также и въ морѣ; около Кандалакши, напримѣръ, она довольно многочисленна; я ѣздилъ здѣсь разъ съ рыбаками посмотрѣть на рыбную ловлю, и сѣть вытаскивала вмѣстѣ сельдей, камбалъ и колюшекъ. Немудрено, что такія уживчивыя, неприхотливыя формы легко могутъ приспособляться къ измѣненіямъ среды и мало-по-малу рѣзко перемѣнять свое мѣстообитаніе: изъ морей, напр., переселяются въ озера. Тотъ самый ракъ, Idothea entomon, который въ опытѣ Стуксберга нисколько не пострадалъ отъ прѣсной воды,—можетъ и постоянно въ ней жить. Коренное мѣстообитаніе этого вида—Ледовитый океанъ, у береговъ Стараго свѣта; но онъ живетъ и въ Балтійскомъ морѣ, и именно въ самыхъ мало-соленыхъ его частяхъ—Ботническомъ и Финскомъ заливахъ; наши русскіе рыбаки зовутъ его „морской тараканъ". Мало того, онъ благополучно существуетъ въ нѣкоторыхъ большихъ сѣверныхъ озерахъ, напр. у насъ въ Ладожскомъ.

Многія изъ морскихъ животныхъ, неизбѣжно погибающихъ при перенесеніи въ прѣсную воду, хорошо, однако, уживаются въ ней, если ихъ пріучать къ опрѣсненію постепенно. Подобнаго рода опыты были сдѣланы еще въ первой половинѣ этого столѣтія однимъ французскимъ изслѣдователемъ (Beudant); онъ держалъ въ акваріяхъ различныхъ морскихъ моллюсокъ и, возобновляя воду, весьма постепенно разбавлялъ ее прѣсной, такъ что черезъ долгое время—черезъ 8 мѣсяцевъ—прѣсная, наконецъ, совершенно замѣнила морскую; нѣкоторые виды моллюсокъ не выдержали этихъ экспериментовъ и умерли всѣ, до одного экземпляра, тогда какъ въ морской водѣ они легко могли прожить въ акваріяхъ столько же времени, сколько продолжался опытъ. Другіе же, хотя и сильно уменьшившись въ числѣ, могли приспособиться къ такому рѣзкому измѣненію состава воды, если только оно совершается не сразу, а постепенно, и въ концѣ концовъ настоящія морскія моллюски могли жить у насъ въ однѣхъ банкахъ съ обыкновенными прѣсноводными Lymnaeus и Planorbis. Одна изъ распространеннѣйшихъ и наиболѣе уживчивыхъ морскихъ формъ, Mytilus edulis, съѣдобный ракушникъ, Miesmuschel, „мидія", какъ ее называютъ у насъ на Черномъ морѣ, вынесла этотъ опытъ безъ всякаго даже ущерба. 30 экземпляровъ были взяты и посажены въ акварій съ морской водой 1-го января, и тѣ же тридцать жили въ немъ 15-го сентября уже въ совершенно прѣсной водѣ.

Подобнаго рода опытъ надъ приспособленіемъ морскихъ животныхъ къ жизни въ прѣсной водѣ имѣетъ значеніе въ во-

просѣ о происхожденіи всей прѣсноводной фауны, фауны нашихъ рѣкъ и озеръ. Вся сумма геологическихъ и зоологическихъ фактовъ говоритъ намъ, что море есть колыбель органической жизни на землѣ. Простѣйшіе и древнѣйшіе организмы жили въ морѣ; предки всѣхъ земныхъ и рѣчныхъ животныхъ жили въ немъ же. Рѣчная фауна обязана своимъ происхожденіемъ морю. Но было бы не совсѣмъ правильно, еслибы мы представляли себѣ образованіе рѣчной фауны въ видѣ простого переселенія морскихъ формъ, способныхъ къ приспособленію къ жизни въ прѣсной водѣ, изъ моря въ устья рѣкъ и далѣе вверхъ по ея теченію. Еслибы это было такъ, то фауна большихъ рѣкъ обнаруживала бы ближайшее сходство съ фауной морей, въ которыя онѣ впадаютъ, и рѣки различныхъ бассейновъ рѣзко бы различались между собой своимъ населеніемъ. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; прѣсноводная фауна самыхъ различныхъ бассейновъ сходна между собой и носитъ замѣчательно однообразный характеръ по всей землѣ, повсюду рѣзко отличаясь отъ морской. Дѣйствительно, хотя возможность прямого переселенія изъ моря въ рѣки и не представляетъ чего-нибудь невозможнаго и, конечно, имѣла мѣсто для многихъ подвижныхъ и быстрыхъ животныхъ, въ родѣ млекопитающихъ, рыбъ, ракообразныхъ и др., или для животныхъ, переносимыхъ пассивно, но для огромнаго большинства морской фауны устье рѣкъ есть непреодолимый барьеръ, каменная стѣна, за которую нельзя проникнуть. Кромѣ разности въ солености и неблагопріятныхъ температурныхъ условій, въ прѣсныхъ водахъ есть еще одно замѣчательное условіе, кладущее грань распространенію морскихъ животныхъ, и очень многія изъ нихъ, и именно всѣ почти неподвижно прикрѣпленныя или медленно ползающія (асцидіи, полипы, иглокожія) начинаютъ жизнь, по выходѣ изъ яйца, въ видѣ маленькой, чрезвычайно нѣжной, пелагической, т.-е. свободно плавающей на поверхности водъ, личинки; эти же пелагическія личинки всегда несутся въ море теченіемъ, не могутъ плыть противъ воды и, слѣдовательно, никакъ не могутъ проникнуть внутрь рѣки; а взрослыя, неподвижно прикрѣпленныя или сидящія на днѣ, точно также неспособны къ этому.

Прѣсноводная фауна должна быть обязана своимъ происхожденіемъ не прямому переселенію морскихъ формъ, а тѣмъ геологическимъ измѣненіямъ очертаній воды и суши, въ силу которыхъ части морей, отдѣлившись, превращались въ озера, и затѣмъ, получая постоянно дождевую и ключевую воду, а избытокъ изливая черезъ рѣки въ море, изъ соленыхъ становились прѣсными. Изъ первоначальнаго населенія ихъ часть вымирала при этомъ,

другая же приспособлялась къ перемѣнѣ среды и положила основаніе прѣсноводной фаунѣ, которая уже далѣе самостоятельно распространилась по земному шару изъ одного бассейна въ другой. Это были опыты Бёдана въ колоссальныхъ размѣрахъ, производимые самой природой; въ разныхъ мѣстахъ они производятся и теперь; и теперь по берегамъ морей моллюски и другія животныя приспособляются къ жизни въ лагунахъ и лиманахъ съ полупрѣсной и прѣсной водой.

Это долженъ былъ быть самый общій факторъ въ процессѣ образованія прѣсноводной фауны; къ нему уже присоединились какъ прямое переселеніе формъ изъ морей въ рѣки и озера, такъ, наконецъ, и приспособленіе первоначально сухопутныхъ животныхъ вторично къ жизни въ водѣ, и именно въ прѣсной. Напримѣръ, прѣсноводныя моллюски, дышащія легкими, должны были произойти отъ сухопутныхъ слизней и улитокъ, въ родѣ того, какъ тюлени, киты и дельфины ведутъ свой родъ отъ хищныхъ.

Но возвращаюсь къ Кандалакшѣ. Я долженъ сознаться, что, несмотря на красоту этого уголка, десяти дней пребыванія въ немъ достаточно, чтобы онъ успѣлъ надоѣсть. Когда я осмотрѣлъ въ окрестностяхъ все, что̀ мнѣ нужно было осмотрѣть, и сдѣлалъ нѣсколько морскихъ экскурсій, я началъ ужъ съ нетерпѣніемъ поджидать парохода. Для развлеченія я поѣхалъ однажды ночью съ рыбаками посмотрѣть, какъ они ловятъ рыбу.

Быть за полярнымъ кругомъ и не видѣть полночнаго солнца было бы позорно; однако въ Кандалакшѣ это легко могло со мной случиться. Она лежитъ сѣвернѣе полярнаго круга, и въ іюнѣ солнце въ ней не садится; тѣмъ не менѣе, въ самой деревнѣ его не видно; высокія горы загораживаютъ небо съ сѣвера, и вечеромъ солнце прячется за ними; деревня лежитъ тогда въ тѣни. Но солнце играетъ на верхушкахъ горы противоположнаго берега,—и на морѣ, между островами, гдѣ рыбаки забрасывали сѣть, я могъ видѣть, какъ солнце медленно опускалось по небосклону на сѣверъ; въ полночь оно дошло до горизонта, опустилось на половину и стало подвигаться направо, къ востоку, скользя надъ вершинами далекихъ горъ; черезъ часъ или два оно опять начало постепенно подниматься вверхъ. Удивительное зрѣлище! Когда его видишь въ первый разъ, оно производитъ впечатлѣніе чего-то совершенно неправдоподобнаго и въ то же время естественнаго; какая-то особенная гармонія со всѣмъ окружающимъ невольно заставляетъ думать, что здѣсь это на своемъ мѣстѣ, такъ и должно

быть. И всѣ оригинальныя и невиданныя раньше явленія природы вызываютъ такое же смѣшанное чувство: приливъ и отливъ моря, такой волшебный для человѣка, выросшаго на берегахъ степныхъ рѣчекъ и морскихъ лимановъ южной Россіи; вѣчный снѣгъ на вершинахъ горъ; песчаная пустыня.

При розовомъ свѣтѣ тусклаго полуночнаго солнца Кандалакскій заливъ, съ его высокими берегами, подернутыми сизымъ туманомъ, со множествомъ гранитныхъ островокъ, голыхъ или поросшихъ лѣсомъ, съ бѣлымъ, какъ молоко, и гладкимъ моремъ былъ чрезвычайно красивъ; ночь была прекрасная; удовольствіе, впрочемъ, значительно отравлялось миріадами комаровъ, аттаковывавшихъ насъ на каждомъ островѣ, куда вытягивалась сѣть. И рыбная ловля вышла неважная: мелкая камбала, 2—3 крупныхъ „кумжи" (рыба изъ семейства лососевыхъ, Salmo trutta), десятка два-три сиговъ и нѣсколько селедокъ—вотъ и вся добыча, а проѣздили мы до трехъ часовъ ночи.

Я стоялъ на одномъ изъ такихъ пустынныхъ островковъ, пока рыбаки завозили въ море сѣть, какъ вдругъ откуда-то далеко-далеко послышалась пѣсня: въ маленькой лодочкѣ—я не сразу отыскалъ ее глазами—одиноко плылъ по заливу человѣкъ; его пѣніе и доносилось до моего слуха. Это былъ печникъ изъ недалекой деревушки; онъ работалъ печь у моей хозяйки, получилъ разсчетъ, выпилъ, на-веселѣ возвращался моремъ одинъ домой и пѣлъ. Хорошо слышать пѣсню ночью, въ глухомъ углу, среди безлюднаго моря; далеко въ морѣ видна была лодочка, въ лодкѣ маленькая фигурка веселаго человѣка съ громкой пѣсенью въ сердцѣ. Мнѣ самому стало весело слушать его здѣсь, за полярнымъ кругомъ, на гранитной скалѣ, въ свѣтлую, солнечную, мертвую и безмолвную полночь.

Когда на другой день пришелъ пароходъ и я расплачивался съ моей хозяйкой за столъ и квартиру, она прощалась со мной очень дружелюбно: „спасибо тебѣ, Андреичъ! жилъ тихо, смирно, не бушевалъ, не пьянствовалъ!" Я, конечно, былъ очень радъ, что доставилъ ей удовольствіе моимъ поведеніемъ, но былъ не мало удивленъ ея идеями. Какимъ нужно быть мизантропомъ, чтобы ожидать, что человѣкъ нарочно пріѣдетъ изъ Петербурга, за тысячу верстъ, одинъ, въ Кандалакшу, и здѣсь будетъ на досугѣ, въ одиночку, бушевать и пьянствовать! Или къ хорошимъ спектаклямъ пріучили ее путешественники, болѣе меня здѣсь обычные!

II.

На китобойномъ заводѣ.

1-го іюля 1889 года, въ 5 часовъ вечера, пароходъ „Чижовъ“ вышелъ изъ Архангельска для совершенія обычнаго рейса вдоль Мурманскаго берега. Погода была скверная; весь день мелкій и частый дождь сѣялъ какъ сквозь сито, и Двина, великолѣпная Двина, имѣла сѣрый и унылый видъ. Но вѣтра особеннаго не было, по крайней мѣрѣ онъ не чувствовался на палубѣ. Непрерывный дождь не позволялъ оставаться наверху, и приходилось сидѣть въ каютѣ; я поужиналъ, напился чаю и рано легъ спать, раньше, чѣмъ мы вышли за баръ.

На другое утро я проснулся въ открытомъ морѣ и почувствовалъ, что сильно качаетъ; попробовалъ встать, но при попыткѣ умыться и руки, и ноги мои, и голова начали совершать „цѣлый рядъ безобразныхъ движеній“, выражаясь словами одного профессора анатоміи, и—что еще хуже—рядъ безобразныхъ движеній начался немедленно и въ моемъ желудкѣ. Я долженъ былъ опять лечь на койку и не могъ встать и выйти на палубу до вечера; спокойное горизонтальное положеніе спасаетъ меня отъ качки, и пока я лежу, я не испытываю никакого непріятнаго чувства. Мнѣ и пришлось пролежать такимъ образомъ почти цѣлыя сутки, такъ что подъ конецъ у меня всѣ кости разболѣлись; впрочемъ, я успѣвалъ въ промежуткахъ и чай пить, и пообѣдать.

Когда мы вышли, наконецъ, къ утру слѣдующаго дня, изъ горла Бѣлаго моря въ океанъ, качка мало-по-малу прекратилась. Было ясно и холодно. Пароходъ шелъ вдоль берега, на очень близкомъ отъ него разстояніи, заходя попутно въ цѣлый рядъ рыбачьихъ поселеній или, какъ ихъ здѣсь называютъ, становищъ. Передъ глазами было зрѣлище необыкновенно унылое и дикое. Весь Кольскій полуостровъ представляетъ изъ себя горную страну, постепенно понижающуюся къ востоку, и тогда какъ въ западной его части берега́ представляютъ живописный пейзажъ горныхъ мѣстностей, на востокѣ, при выходѣ изъ Бѣлаго моря, вдоль берега тянется безконечный рядъ невысокихъ, округлыхъ, сѣрыхъ гранитныхъ скалъ и возвышенностей самаго унылаго вида. Полное отсутствіе древесной растительности—вдоль берега здѣсь тянется уже полоса настоящей тундры — придаетъ странѣ видъ какой-то окаменѣвшей пустыни. Въ котловинахъ между скалами

лежитъ снѣгъ, спускавшійся часто къ самому морю; этотъ снѣгъ сохраняется въ теченіе почти всего лѣта; по крайней мѣрѣ, когда я видѣлъ эти мѣста вновь уже на обратномъ пути, 29-го іюля, то все еще повсюду въ ущельяхъ, хорошо защищенныхъ отъ солнца (Мурманскій берегъ смотритъ на сѣверъ), лежалъ снѣгъ на уровнѣ самаго моря. А Миддендорфъ видѣлъ на Мурманѣ старый, нестаявшій снѣгъ еще мѣсяцемъ позднѣе, 21-го августа; онъ долеживаетъ, слѣдовательно, вплоть до новаго снѣга.

Вдоль всего берега, то дальше, то ближе одно отъ другого, тянется рядъ рыбачьихъ становищъ: Шелпины, Рында, Гаврилово, Териберка, и многія другія. Это небольшія поселенія въ нѣсколько десятковъ домовъ и землянокъ, почти совершенно безлюдныя зимой. Лѣтомъ онѣ наполнены пришлыми промышленниками, и здѣсь кипитъ жизнь и дѣятельность, дѣятельность чрезвычайно трудная, сѣрая, грязная, непривлекательная. Ловятъ треску, которая потомъ милліонами штукъ расходится по всему русскому сѣверу, составляя важный питательный матеріалъ для здѣшняго населенія.

Пароходъ заходитъ въ попутныя становища и стоитъ въ каждомъ изъ нихъ болѣе или менѣе долго, выгружая и нагружая товаръ; отъ этого рейсъ затягивается, и только утромъ 5-го іюля я прибылъ, наконецъ, къ пункту, гдѣ долженъ былъ высадиться, именно на китобойный заводъ на островѣ Еретикѣ, въ западной части Мурманскаго берега.

Пока я собиралъ свой багажъ и находился въ недоумѣніи, какъ мнѣ устроиться и гдѣ искать гостепріимства — на островѣ ли, на китобойномъ заводѣ, или на материкѣ, въ факторіи купца Воронина,—къ пароходу подошла шлюпка, выдававшаяся своей элегантностью среди неуклюжихъ туземныхъ карбасовъ, и на палубу вышелъ хорошо одѣтый пожилой господинъ, съ загорѣлымъ лицомъ и большой бородой,—какъ оказалось, самъ управляющій китобойнымъ заводомъ, капитанъ Г. Докторъ Г., завѣдующій больницами Краснаго Креста на Мурманѣ, который сѣлъ на нашъ пароходъ въ Териберкѣ и ѣхалъ дальше, въ Цыпъ-Наволокъ, познакомилъ меня съ капитаномъ: титулъ натуралиста, данный мнѣ докторомъ, и ссылка на Герценштейна, который былъ уже здѣсь въ 1887 году, послужили достаточной рекомендаціей, и капитанъ весьма радушно предложилъ мнѣ остановиться въ его домѣ, насколько будетъ нужно, и пользоваться для экскурсій его лодками и рабочими. Я, конечно, съ благодарностью принялъ его предложеніе, пробылъ на заводѣ четыре дня, видѣлъ много

интереснаго и сохранилъ самое пріятное воспоминаніе объ островѣ Еретикѣ и о капитанѣ Г.

Китовый промыселъ на Мурманскомъ берегу—дѣло совершенно новое. Прежде имъ занимались одни норвежцы, безвозбранно бившіе китовъ и въ русскихъ водахъ. Только въ началѣ 80-хъ годовъ возникли одно за другимъ два русскихъ предпріятія, имѣвшія цѣлью привить этотъ промыселъ и у насъ. Но попытки эти оказались довольно неудачны.

Заводъ въ Еретикѣ, куда я прибылъ, былъ основанъ китобойной компаніей подъ фирмой „Первое Мурманское китобойное и иныхъ промысловъ товарищество"; почти одновременно съ нимъ возникло „Товарищество китолововъ на Мурманѣ", выстроившее заводъ на Арской губѣ. На послѣднее предпріятіе, говорятъ, были употреблены большія средства, дѣло поставлено на широкую ногу, китобойные пароходы и всѣ принадлежности промысла представляли изъ себя послѣднее слово науки и техническаго совершенства; тѣмъ не менѣе дѣло не пошло, и когда я былъ на Мурманѣ, заводъ уже не работалъ. Вѣроятно, виною этого была обычная россійская непрактичность.

Заводъ въ Еретикѣ производилъ на меня весьма оригинальное впечатлѣніе. Точно я внезапно изъ Россіи, изъ общества русскихъ людей, окружавшихъ меня въ путешествіи, поморовъ, купцовъ, поповъ, чиновниковъ, перенесся куда-нибудь за границу, въ уголокъ промышленной Европы; на всемъ островѣ, въ зданіяхъ, въ обстановкѣ, въ образѣ жизни, сразу былъ виденъ „нѣмецъ", европеецъ, зажиточный, сытый, повсюду переносящій съ собою привычки къ комфорту, европейскій буржуа.

У входа въ одинъ изъ узкихъ фіордовъ, которыми такъ богата сосѣдняя Норвегія и такъ бѣденъ, къ сожалѣнію, Мурманскій берегъ, изрѣзанный заливами только въ сѣверо-западной своей части и почти вовсе лишенный ихъ на востокѣ, у входа въ губу Уру лежатъ два скалистыхъ острова: Шалимъ и Еретикъ. Высокіе и крутые берега островов, вмѣстѣ съ скалами, защищаютъ входъ въ губу, дѣлаютъ изъ огороженной ими глубокой бухты превосходную, спокойную при всякихъ вѣтрахъ гавань, такую хорошую, что ей присвоили даже прелиминарно наименованіе „Владимірскій портъ"; никакого порта, разумѣется, здѣсь нѣтъ, а просто—Божій даръ во всей его неприкосновенности.

На берегу этой бухты, на крутомъ и скалистомъ, какъ и вся окружающая мѣстность, островѣ Еретикѣ, сооруженъ китобойный заводъ перваго товарищества, куда меня высадила шлюпка капитана Г. Длинная „брюга" — высокая, деревянная пристань на

сваяхъ—идетъ отъ берега на нѣсколько саженъ въ море. На самомъ берегу стоитъ двухъ-этажное зданіе завода, гдѣ перетапливается жиръ и вообще обработывается китовина.

Отъ завода вверхъ въ гору шла прямая и довольно крутая дорожка, убитая мелкимъ камнемъ съ пескомъ и морскими раковинами. Тамъ, на верху, на склонѣ холма, обращенномъ на югъ, въ мѣстѣ, превосходно защищенномъ скалами отъ вѣтра, стояло нѣсколько иностраннаго типа построекъ: домъ для управляющаго, для другихъ служащихъ, кухня. Жилище капитана былъ маленькій домикъ, изъ 3—4 комнатъ; но эти комнаты были такъ удобны и такъ уютно прибраны, съ крыльца открывался такой красивый видъ на море и на гранитныя скалы, вся группа домиковъ была такъ уютно, тепло и живописно расположена между округлыми гранитными скалами, такъ чувствовалась повсюду, среди дикой природы, заботливая рука человѣка—въ дорожкѣ, опрятно посыпанной раковинами, въ обнесенномъ рѣшеткой огородѣ, гдѣ капитанъ съ трудомъ и любовью выводилъ „экзотическое растеніе", картофель,—что все это вмѣстѣ: домикъ, дорожка, огородъ, надежныя скалы, защищавшія отъ вѣтра, произвело на меня чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе. Тепло, уютно, красиво: это не заводъ, это—вилла на Ледовитомъ океанѣ. И какой отдыхъ душѣ и глазамъ представляетъ такой культурный уголокъ, когда на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ видишь только мертвую каменную пустыню! Здѣсь, на заводѣ, не чувствовалось даже отсутствіе деревьевъ, которое такъ тяжело дѣйствуетъ. Я не поклонникъ сѣвернаго лѣса; но когда выѣзжаешь изъ лѣсной полосы и видишь берегъ Лапландіи—горы, скалы, камень, камень, камень и ни одного дерева,—сердце сжимается и вся природа производитъ впечатлѣніе полной безнадежности: точно видишь передъ собой гробовую доску, точно это не земля, а поверхность луны, покойницы между планетами. Вилла капитана Г., на Еретикѣ, носила отпечатокъ такой германской Gemüthlichkeit, что нейтрализовала тяжелое впечатлѣніе природы подъ 70° широты.

И это сдѣлали нѣмцы. На всемъ Мурманскомъ берегу я не видѣлъ болѣе подобнаго жилища, изящнаго и комфортабельнаго.

Я не буду, конечно, говорить о рыбачьихъ становищахъ, сѣрыхъ, грязныхъ и неуютныхъ. Что взять съ бѣдноты! Но посмотрите на такъ-называемыя „факторіи" русскихъ купцовъ, какихъ не мало на Мурманѣ. Я былъ въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ мурманскихъ купцовъ, считаемаго за милліонера. Пейзажъ превосходный, полный своеобразной, сѣверной красоты: все, что могутъ дать море и скалы — на-лицо. Но въ сооруженіяхъ

людей ни слѣда заботливости и вкуса; все сдѣлано на-скоро, кое-какъ, неудобно и неуютно. Въ комнатѣ съ скрипучими полами, гдѣ хозяинъ угощалъ меня чаемъ, немилосердно дуло въ щели оконъ и было холодно, въ іюлѣ мѣсяцѣ. „Вы проводите здѣсь все лѣто,—отчего вы не устроите себѣ жилища поудобнѣе?“ спросилъ я хозяина. „Доходы не позволяютъ“, отвѣтилъ мурманскій богачъ, не то шутя, не то серьезно. Въ подобнаго рода экономіи есть что-то суевѣрное, какая-то боязнь одного вида зажиточности. Доходы китоваго завода были плохи не оттого, что у нихъ не дуло въ окошки и былъ посаженъ картофель.

Четыре дня, проведенные подъ гостепріимной крышей капитана Г., были самыми комфортабельными и сытыми днями за два лѣта моихъ странствованій по сѣверу. Утромъ, какъ только я просыпался, въ мою комнату входилъ норвежецъ Лýки, толстый слуга капитана, и приносилъ мнѣ воду для умыванья и кофе. Оригинальная фигура былъ этотъ Луки: толстый, съ значительнымъ брюшкомъ, но быстрый и подвижной старикъ съ коротко остриженными сѣдыми волосами и бритымъ, пухлымъ, добродушнымъ лицомъ; онъ исполнялъ здѣсь обязанность и слуги, и повара. Напившись кофе и не повидавшись еще съ хозяиномъ, я отправлялся на экскурсіи и возвращался домой къ завтраку, въ 11 часовъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ завтрака вновь предпринять экскурсію, болѣе продолжительную. Для поѣздокъ на море я нашелъ себѣ компаньона въ лицѣ капитана, который оказался самъ охотникъ до собиранія естественно-историческихъ предметовъ; съ тѣхъ поръ, какъ его лѣтнимъ мѣстопребываніемъ сдѣлался берегъ Ледовитаго океана, ему не разъ уже приходилось встрѣчаться съ натуралистами и принимать ихъ у себя. У него гостили, въ разное время, С. М. Герценштейнъ и проф. Пальмѐнъ (изъ Гельсингфорса); ранней весной 1889 года заѣхали къ нему, по дорогѣ на Шпицбергенъ, два нѣмецкихъ зоолога—д-ръ Вальтеръ, нынѣ уже покойный (онъ умеръ вскорѣ по возвращеніи изъ экспедиціи), и д-ръ Кюкенталь, приватъ-доцентъ іенскаго университета, авторъ маленькаго руководства по микроскопической техникѣ, переведеннаго и на русскій языкъ. Отъѣздъ ихъ изъ Норвегіи на Шпицбергенъ замедлился, и они заѣхали на короткое время въ Еретикъ, на китобойный заводъ, когда глубокій снѣгъ покрывалъ еще берега (море здѣсь не замерзаетъ). Сталкиваясь съ натуралистами, капитанъ и самъ получилъ вкусъ къ собиранію „всякой дряни“ (подлинныя его выраженія были еще энергичнѣе); я могъ замѣтить это, какъ только вошелъ въ его комнату, потому что на его письменномъ столѣ лежало, на листѣ бумаги,

нѣсколько десятковъ экземпляровъ бабочекъ изъ рода Zygaena, которыя, по его словамъ, наканунѣ въ большомъ числѣ появились на островѣ; съ его разрѣшенія, я взялъ нѣсколько штукъ въ подарокъ кому-либо изъ петербургскихъ энтомологовъ. Но, кромѣ бабочекъ, капитанъ показалъ мнѣ еще порядочную коллекцію морской фауны: онъ завелъ себѣ драгу, привезъ изъ Гамбурга стеклянной посуды, и отъ времени до времени отправлялся, для развлеченія, подрагировать, увозя затѣмъ собранный матеріалъ въ Гамбургъ, въ мѣстный музей. Я смогъ даже научиться у него неизвѣстному еще мнѣ способу умерщвленія актиній, такимъ образомъ, чтобы онѣ умирали, не сократившись, съ вытянутыми щупальцами,—способу, который ему сообщилъ той же весной Кюкенталь: къ сосуду, въ которомъ помѣщаются актиніи, нужно прибавлять отъ времени до времени по нѣскольку капель раствора квасцовъ, осторожно выпуская ихъ изъ пипетки на самую поверхность воды. Растворъ расплывается на поверхности и, медленно диффундируя въ глубину, постепенно отравляетъ животныхъ, не вызывая съ ихъ стороны реакціи: они умираютъ въ натуральномъ видѣ, не сократившись. Я попробовалъ этотъ способъ надъ двумя крупными, желтыми актиніями, и съ полнымъ успѣхомъ: послѣ постепеннаго прибавленія квасцовъ, къ вечеру они перестали реагировать на прикосновеніе и, положенныя въ спиртъ не съежились, а остались съ вытянутыми щупальцами. Довольно курьезно это: у китолова научиться методѣ консервированія нѣжныхъ морскихъ животныхъ—между китомъ и актиніей есть разница!

Морской воздухъ и драгированіе возбуждаютъ хорошій аппетитъ, и поэтому, вернувшись къ обѣду, къ 6 часамъ вечера, я чувствовалъ особенную симпатію къ Луки. Къ обѣду, кромѣ капитана, появлялось еще два лица: помощникъ его, Herr Leutnant, спеціальная обязанность котораго на заводѣ была клееvареніе (изъ китовины), молодой бѣлокурый шведъ,—бѣлокурый, впрочемъ, болѣе номинально, такъ какъ, несмотря на его молодость, на головѣ его было очень мало волосъ—одѣтый въ полосатую, красную съ черными полосами, куртку, и переводчикъ, молодой человѣкъ въ пестромъ галстухѣ и трудно опредѣлимой національности, впрочемъ, кажется, русскій, хотя по-русски онъ говорилъ плохо. Обѣдъ у капитана былъ дѣйствительно выдающихся достоинствъ и помимо морского воздуха: толстый Луки былъ геній въ своемъ родѣ, геній весьма своеобразный и самобытный; въ сознаніи своего могущества, онъ и держалъ себя истиннымъ распорядителемъ пира и не служилъ за обѣдомъ, а какъ бы дирижировалъ исполненіемъ

симфоніи своего сочиненія. Ему было чѣмъ гордиться: не легко быть метрдотелемъ на берегахъ Ледовитаго океана.

Уже одна изящная сервировка стола не могла не порадовать моихъ глазъ послѣ Кандалакши и убогаго буфета мурманскихъ пароходовъ: много посуды, не-русскаго типа стаканы и бокалы на высокихъ, тонкихъ ножкахъ; посреди стола ваза съ какимъ-то цвѣткомъ. Основной мотивъ обѣда составляла, конечно, рыба, но Лýки съумѣлъ дать разнообразныя и блестящія варіаціи на эту трудную тему. Семга свѣжая, семга копченая, семга соленая; треска, національное блюдо Мурманскаго берега, въ разныхъ видахъ: просто въ видѣ рыбы, вареная или жареная, или въ формѣ котлетъ, или въ другомъ видѣ, измѣненная до неузнаваемости, но всегда вкусная; изъ трески же, кажется, готовится и „норске фиске супъ"—густая похлебка изъ рыбы, весьма высокихъ достоинствъ; вареныя моллюски—Pecten islandicus [1]), подъ острымъ соусомъ (по правдѣ сказать, весь вкусъ заключался въ соусѣ). Это были все мѣстные продукты; прибавьте къ нимъ привозные припасы—англійскія пикули и датскіе консервы—и продукты южныхъ широтъ: телятину изъ Архангельска и спаржу изъ Гамбурга,—спаржу подъ 69 градусомъ широты!—прибавьте хорошее вино и норвежское пиво, и вы увидите, что капитанъ Г. недаромъ пользовался репутаціей перваго хлѣбосола Мурмана.

Лýки торопливо ходилъ около стола, и я не могу сказать—служилъ, а руководилъ теченіемъ обѣда; онъ дѣлалъ это съ такимъ достоинствомъ и такъ радушно, какъ будто онъ не слуга, а хозяинъ, угощавшій гостей; съ такой любезностью подсовывалъ онъ мнѣ что-нибудь, односложно прибавляя по-русски: „масля" или „хлэба"; такъ благодушно при этомъ пыхтѣлъ и сопѣлъ и имѣлъ такой пріятно-озабоченный видъ, что всѣ его яства казались еще вкуснѣе. Вполнѣ оцѣнивая его талантъ и усердіе, я чувствовалъ, какъ заразительно дѣйствуетъ на меня его хорошее самочувствіе и серьезное отношеніе къ дѣлу, и кажется, подъ конецъ обѣда, невольно подражая ему, начиналъ такъ же ласково смотрѣть на моихъ товарищей и благодушно сопѣть, какъ толстый Лýки.

Послѣ обѣда я уходилъ въ свою комнату и занимался еще

---

[1]) Я прочиталъ у Миддендорфа, что въ старину этихъ Pecter islandicus изъ Колы отправляли въ Петербургъ, гдѣ онѣ продавались подъ именемъ кольскихъ устрицъ. Преданіе объ этомъ даетъ поводъ патріотамъ сѣвера вздыхать, „что прежде въ заливахъ Кольскомъ и Печенегскомъ ловились устрицы и отправлялись въ столицы; а теперь и этотъ промыселъ давно исчезъ" (Бесѣды о сѣверѣ Россіи. Спб., 1867). Настоящая устрица, Ostrea edulis, не встрѣчается въ Ледовитомъ океанѣ.

часа два, приводя въ порядокъ матеріалъ, собранный за день. Въ десятомъ часу ко мнѣ входилъ капитанъ и обращался со словами: „Herr Doctor, wollen sie ein Glas Tody trinken?“ Я оканчивалъ свои занятія и покорно шелъ за нимъ опять въ столовую, гдѣ Луки сервировалъ намъ Tody и гдѣ ожидалъ уже насъ Herr Leutnant.

Докторомъ называлъ меня капитанъ по нѣмецкому обычаю; Луки звалъ меня просто „профессоръ“. Профессоръ, это—титулъ, весьма извѣстный на берегахъ Бѣлаго моря и океана и присвоенный тамъ всѣмъ натуралистамъ. Вѣроятно, проф. Н. П. Вагнеръ и проф. Пальмѐнъ, во время своихъ частыхъ путешествій на сѣверъ, внушили мѣстному населенію мысль, что всякій баринъ, не интересующійся ни треской, ни сплавкой лѣса, собирающій какую-то никому ни на что ненужную дрянь и пользующійся при этомъ явнымъ уваженіемъ со стороны мѣстнаго начальства, это—„профессоръ“. Въ 1887 году два молодыхъ натуралиста, студенты нашего университета, провели два мѣсяца на Кольскомъ полуостровѣ, охотясь и собирая птицъ, и къ Герценштейну, бывшему въ это время на Мурманскомъ берегу, мѣстные жители обращались съ вопросомъ: „правда ли, что эти профессора, которые идутъ по пути изъ Кандалакши на Колу, что эти *профессора—студенты?*“

Итакъ, мы пили tody, чтѐ означаетъ собственно пуншъ, горячую воду съ ромомъ и сахаромъ, курили и мирно бесѣдовали. Капитанъ хорошо говорилъ по-нѣмецки; лейтенантъ думалъ, что онъ знаетъ одинъ только шведскій языкъ; но, увидя смѣлость и беззастѣнчивость, съ какою я объяснялся по-нѣмецки, и онъ позволилъ себѣ это въ видѣ опыта и обращался ко мнѣ иногда съ любезными фразами, точнаго смысла которыхъ я, впрочемъ, никакъ не могъ понять; но я старался отвѣчать ему такъ же любезно; онъ, въ свою очередь, не понималъ меня, но, повидимому, оставался доволенъ. Съ капитаномъ у насъ оказалось не мало общихъ знакомыхъ и мѣстъ, и лицъ. Онъ былъ прежде капитаномъ торговаго парохода и ходилъ въ южные порты Россіи; когда строилась курско-харьково-азовская желѣзная дорога, онъ возилъ для нея рельсы; югъ Россіи и послужилъ для насъ источникомъ воспоминаній и обмѣна свѣденій. Мало-по-малу, tody оживлялъ компанію и разговоръ становился разнообразнѣе; какъ гоголевскіе хохлы, мы говорили обо всемъ: „и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаравары, и чтѐ находится внутри земли, и кто видѣлъ волка“. Капитанъ разсказалъ исторію, какъ онъ весной съ крыльца своего дома застрѣлилъ лисицу; лейтенантъ не безъ большихъ усилій, но съ

полнымъ успѣхомъ, сообщилъ мнѣ, какъ онъ пріѣхалъ сюда на Еретикъ изъ Швеціи, ранней весной, впервые попавши такъ высоко на сѣверъ, и какъ только черезъ два мѣсяца жизни на островѣ онъ съ удивленіемъ узналъ, что въ его домикъ со двора ведетъ довольно высокая лѣсенка, существованія которой онъ и не подозрѣвалъ: только въ маѣ она вышла изъ-подъ начавшаго таять снѣга. Усталость дня, вкусный горячій tody, облака дыма, которымъ обкуривали меня изъ своихъ длинныхъ трубокъ китоловы, шведскія фразы, которыми они обмѣнивались, непривычная рѣчь, непривычная и странная обстановка, разговоръ про море и китовъ, про льды и снѣгъ—все это невольно настроивало воображеніе и переносило въ какой-то чуждый и далекій міръ: я начиналъ уже самъ казаться себѣ норвежцемъ изъ какой-нибудь старой сказки Андерсена. И когда, наконецъ, предъ моими глазами начинали плавать киты, я вставалъ, раскланивался со своими добрыми хозяевами, уходилъ въ свою комнату и засыпалъ какъ убитый; а полуночное солнце золотило сосѣднія вершины горъ.

Конечно, мнѣ очень хотѣлось увидѣть кита, и мое желаніе увѣнчалось успѣхомъ въ первый же день пребыванія въ Еретикахъ. Я драгировалъ около острова, когда послышался свистокъ, и рабочій, бывшій со мною, объяснилъ мнѣ, что это прибѣжалъ китобойный пароходъ и, значитъ, съ китомъ, такъ какъ онъ недавно только ушелъ въ море и не могъ возвращаться только за углемъ. Мы поплыли къ берегу посмотрѣть на кита. Его уже успѣли отцѣпить отъ парохода, притащившаго его на буксирѣ, и оставили лежать близко около берега, возлѣ брюги. Это былъ здоровый звѣрь въ 75 футовъ длины, „синій китъ" по мѣстному названію, „Blaawal" норвежцевъ, Balaenoptera Sibbaldii; онъ лежалъ на спинѣ, и надъ водою выдавалось только его бѣлое брюхо, исчерченное спереди длинными продольными бороздами. Громадное животное! наша лодка обыкновенной средней величины, карбасъ, плавала кругомъ него, точно вокругъ подводной скалы. Крови почти не было видно на немъ; гладкая, блестящая кожа была совершенно чиста; я не нашелъ на ней потомъ никакихъ паразитовъ или организмовъ, прикрѣпляющихся къ кожѣ китовъ, каковы, напр., усоногіе раки Coronula diadema и Conchoderma aurita; въ музеѣ петербургскаго университета есть превосходные экземпляры этихъ усоногихъ, добытые именно на заводѣ въ Еретикахъ; но они встрѣчаются на другихъ видахъ китовъ и никогда не бываютъ на кожѣ синяго кита. Изъ его тѣла исходилъ

странный, высокій, заунывный и жалобный звукъ, похожій на звонъ точно изъ колосса Мемнона; онъ продолжался весь день, и я услышалъ его еще и вечеромъ, выйдя на крыльцо дома. Должно быть, это выходилъ воздухъ изъ спадавшихся легкихъ громаднаго звѣря.

Съ прибытіемъ кита на заводѣ закипѣла работа; еслибы для обработки такого звѣря нужно было вытаскивать его на сушу, это былъ бы огромный трудъ: хорошій китъ вѣситъ тысячи три пудовъ. На самомъ дѣлѣ, можно очень легко и просто обойтись безъ этого—сама природа приходитъ на помощь, и чтобы „осушить" кита, пользуются только отливомъ. Въ полную воду его подтягиваютъ вплотную къ берегу; въ отливъ китъ обсыхаетъ и на нѣсколько часовъ остается на сушѣ. Тогда его обдираютъ, длинными ножами срѣзываютъ мясо и жиръ. Нужно два отлива, чтобы отпрепарировать всего кита; сперва обдираютъ одну сторону; при наступленіи прилива его переворачиваютъ съ помощью лебедки и желѣзныхъ цѣпей, а затѣмъ, когда вновь спадетъ вода, доканчиваютъ обработку—снимаютъ мясо и съ другой стороны. Кости вытаскиваются на берегъ, но множество отброса внутренностей не убираются и оставляются въ морѣ. Вообще уборка такого колоссальнаго трупа не можетъ быть произведена достаточно опрятно и заражаетъ берегъ. Вдоль всего берега въ морѣ постоянно плаваютъ огромные куски китовины, и жирный налетъ покрываетъ воду; на пристани всѣ доски пропитаны жиромъ; противно дотронуться до перилъ лѣстницы, и ступеньки ея скользки неимовѣрно. Вонь около завода отъ гніющей китовины стоитъ невыносимая, невозможная; вѣтеръ далеко разноситъ ее; домикъ капитана стоитъ высоко на горѣ и на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ завода, но при вѣтрѣ съ берега нельзя было отворить окна моей комнаты, чтобы отвратительный запахъ не заставилъ немедленно его захлопнуть. Романтическій характеръ виллы капитана не мало страдаетъ отъ такого вопіющаго натурализма. Мнѣ жаловались рабочіе, что весною, когда только начинаются работы на заводѣ, первое время они не могутъ переносить этого запаха, и дѣло доходитъ до рвоты. Позднѣе—привыкаютъ. Такая негигіеничность условій этого производства исправляется нѣсколько его періодичностью; заводъ работаетъ только лѣтомъ, слѣдовательно зимой всѣ слѣды падали успѣваютъ исчезнуть. На зиму весь составъ рабочихъ распускается; капитанъ уѣзжаетъ въ Гамбургъ и возвращается на Мурманъ ранней весной, въ концѣ марта. Зимуетъ на заводѣ только одинъ норвежецъ-надсмотрщикъ съ семьей. Простые рабочіе на заводѣ русскіе, и то, кажется,

не безъ давленія со стороны губернской администраціи. Весь же завѣдующій работами персоналъ—иностранцы, шведы да норвежцы; самые китобои, плавающіе на пароходахъ, тоже, кажется, все норвежцы.

Я пошелъ посмотрѣть и китоловный пароходикъ. Это небольшое, но быстроходное судно, невысоко сидящее надъ водой и глубоко въ водѣ,—по размѣрамъ, я думаю, само немногимъ больше кита, котораго оно привело на буксирѣ. Крошечная каюта капитана по величинѣ больше походила на шкафъ для платья или буфетный, чѣмъ на комнату для человѣка; тѣмъ не менѣе въ ней стоялъ букетъ дикихъ цвѣтовъ—желтый Trallias europaeus, который въ Харьковѣ цвѣтетъ въ мартѣ, а здѣсь въ іюлѣ. Капитанъ—норвежецъ; у русскаго капитана въ каютѣ врядъ ли нашлись бы цвѣты. Почти весь трюмъ парохода занятъ канатомъ, толщиною безъ малаго въ руку и длиною около 300 саженъ; къ этому канату прикрѣпленъ гарпунъ. На носу парохода стоитъ маленькая пушка, которая выстрѣливаетъ гарпуномъ въ кита; тотъ романтическій періодъ китоловства, когда къ киту осторожно подходила шлюпка на веслахъ и китобой металъ рукой свой гарпунъ, рискуя немедленно полетѣть „кверхъ тормашки" и пойти вслѣдъ за китомъ въ воду,—кто изъ насъ въ дѣтствѣ не читалъ великолѣпныхъ описаній въ этомъ родѣ?—этотъ періодъ миновалъ невозвратно. Девятнадцатый вѣкъ съ его техническими усовершенствованіями истребилъ и этотъ романтизмъ въ числѣ прочихъ; теперь китовъ бьютъ изъ пушекъ и китовый промыселъ представляетъ мало опасности (кромѣ опасности разориться).

Хотя китовый промыселъ очень древняго происхожденія и практиковался еще въ средніе вѣка, а можетъ быть, и раньше, но здѣсь, на Мурманѣ и въ Сѣверной Норвегіи онъ появился въ большихъ размѣрахъ лишь весьма недавно [1]). Въ старину предметомъ этого промысла былъ почти исключительно гренландскій китъ (Balaena mysticetus), наиболѣе цѣнный и добычливый по своей огромной толщинѣ, богатству саломъ, по длинѣ и качеству эластичныхъ пластинъ, сидящихъ двумя рядами на нёбѣ (китовый усъ); должно быть, онъ водился тогда и въ сѣверо-европейскихъ моряхъ, по крайней мѣрѣ въ значительномъ количествѣ онъ встрѣчался у береговъ Исландіи и Шпицбергена. Но продолжительныя преслѣдованія вытѣснили его изъ этихъ водъ, и теперь его промышляютъ только еще въ Беринговомъ морѣ да

---

[1]) Нижеслѣдующія данныя взяты, главнымъ образомъ, у О. А. Гримма („О китобойномъ промыслѣ на Мурманѣ").

около Гренландіи, преимущественно въ Баффиновомъ заливѣ; а китоловы принялись преслѣдовать и другихъ, менѣе цѣнныхъ китовъ, которыми прежде пренебрегали. Изъ различныхъ видовъ этихъ животныхъ, до сихъ поръ еще недостаточно точно изученныхъ, у береговъ Мурмана встрѣчается около пяти, и въ томъ числѣ гигантскій синій китъ, Balaenoptera Sibbaldii; онъ не такъ жиренъ, какъ гренландскій китъ, и не достигаетъ такого вѣса, но значительно длиннѣе его, отъ 70 до 80 футовъ и болѣе; на заводѣ въ Еретикахъ былъ убитъ китъ въ 93 фута длины. По своимъ размѣрамъ это самая большая порода животныхъ, самый крупный звѣрь на земномъ шарѣ.

Довольно распространено убѣжденіе, что въ прежнія геологическія времена землю населяли животныя гигантскихъ размѣровъ, далеко превосходящія своей величиной всѣхъ нынѣ живущихъ. Между тѣмъ это справедливо только по отношенію къ сухопутнымъ животнымъ. На сушѣ, дѣйствительно, жили прежде колоссальные ящеры и звѣри, бывшіе настоящими гигантами въ сравненіи съ современными. Но въ моряхъ никогда не было формъ, превосходившихъ величиною современнаго гренландскаго или „синяго" кита, и ихъ ископаемые предки третичной эпохи мельче современныхъ китовъ. Ошибочно было бы думать, что въ настоящее время уже невозможно существованіе такихъ крупныхъ животныхъ формъ, какъ въ древнія геологическія эпохи: нашъ современный китъ—одно изъ самыхъ крупныхъ животныхъ, когда-либо жившихъ на землѣ. Лишь весьма немногія ископаемыя формы могутъ съ нимъ сравняться или превосходятъ его; но зато представьте себѣ ходящее по твердой землѣ чудовище саженъ въ двѣнадцать длиною; такой длины (и болѣе) достигаютъ скелеты нѣкоторыхъ ящеровъ изъ юрскихъ отложеній Сѣверной Америки (Atlantosaurus), величайшихъ животныхъ, когда-либо жившихъ на сушѣ.

Въ Норвегіи принялись энергично за китовый промыселъ всего два-три десятка лѣтъ тому назадъ; начало ему было здѣсь положено однимъ предпріимчивымъ человѣкомъ, капитаномъ Svend Foyn, устроившимъ первый заводъ въ Вадсё, маленькомъ городкѣ недалеко отъ русской границы. Фойнъ снялъ сливки съ этого дѣла и сдѣлался милліонеромъ; возникшія по его примѣру предпріятія уже не имѣли такого успѣха. Организація промысла, какъ у насъ, такъ и въ Норвегіи—слѣдующая. Для боя китовъ употребляются небольшіе пароходы, длиною около 80 футъ, но глубоко сидящіе (около 10 футъ),—слѣдовательно, очень устойчивые, и быстроходные. На носу парохода помѣщается пушка около

$1^1/_2$ аршина длины, стрѣляющая въ кита гарпуномъ, къ которому прикрѣпленъ канатъ, другой конецъ котораго находится на пароходѣ. На конецъ гарпуна навинчивается особый разрывной снарядъ, начиненный порохомъ; для взрыва пороха служитъ бертоллетова соль и сѣрная кислота, заключенная въ стеклянную трубочку, которая разбивается, когда гарпунъ вонзается въ тѣло кита.

Въ началѣ дѣятельности норвежскихъ и нашихъ заводовъ китовъ били вблизи берега, а теперь ихъ приходится искать уже на разстояніи многихъ десятковъ верстъ, въ открытомъ океанѣ. Китобои умѣютъ различать породы китовъ уже издали, по формѣ и величинѣ выбрасываемыхъ фонтановъ. Увидя кита, стараются, осторожно маневрируя, подойти къ нему на возможно близкое разстояніе, что не всегда удается: китъ, плавающій въ два-три раза скорѣе преслѣдующаго его парохода, легко уходитъ изъ вида, и тогда приходится искать другого. Подойдя на разстояніе 10—15 саженъ, даютъ по немъ выстрѣлъ; если китъ взрывомъ гранаты убитъ на мѣстѣ, пароходъ подтягивается къ нему и беретъ его подъ бортъ на буксиръ, для чего подъ кита подводятъ толстыя цѣпи. Если же китъ только раненъ, онъ стремительно погружается въ воду или несется впередъ, таща за собою пароходъ съ чрезвычайною быстротою. Канатъ выпускаютъ тогда, при помощи особыхъ приспособленій, во всю его длину, и идутъ за китомъ на буксирѣ, пока онъ не издохнетъ, что можетъ продлиться 6—10 часовъ и долѣе. Прогулка эта, конечно, не совсѣмъ безопасна, и потому стараются при первомъ удобномъ случаѣ пустить въ него другой выстрѣлъ.

Мертваго кита тащатъ на буксирѣ къ заводу, такъ какъ, имѣя одного кита, уже за другимъ не угоняешься. Здѣсь ножами на длинныхъ рукояткахъ срѣзываютъ съ него полосами во всю длину тѣла кожу и сало, которое немедленно поступаетъ на заводъ, въ жиротопки, для вытапливанія жира въ желѣзныхъ или деревянныхъ кубахъ, при помощи пара, проведеннаго изъ паровика. Китовый усъ вырѣзывается изъ пасти, кости рубятся на куски и также служатъ для вытапливанія жира; изъ клеевой воды, спускаемой изъ жиротопленныхъ кубовъ, приготовляется клей. Затѣмъ изъ остатковъ на нѣкоторыхъ заводахъ Норвегіи приготовляется еще и третій продуктъ, кромѣ жира и клея, именно пудретъ, служащій для удобренія полей,—высушенная и растертая въ порошокъ масса изъ костей и различныхъ тканей китоваго тѣла.

Усиленное преслѣдованіе китовъ ведетъ, конечно, къ ихъ

истребленію. Сначала били китовъ у берега, теперь ихъ ищутъ въ открытомъ морѣ; въ 1884 г. на всѣхъ китовыхъ заводахъ, русскихъ и норвежскихъ, на 35 или 36 пароходахъ было убито около 1.400 китовъ, а въ 1888 г. тѣ же 35 пароходовъ добыли только 717 китовъ. На заводѣ въ Еретикахъ, въ кампанію 1884 года, убито 76 штукъ; а въ годъ моего посѣщенія, видѣнный мною (5 іюля) китъ былъ всего только 16-й, и въ теченіе іюля мѣсяца было убито всего нѣсколько экземпляровъ, 3—4, не болѣе.

Хотя я и не компетентенъ въ подобныхъ вопросахъ, но не думаю, чтобы этотъ промыселъ имѣлъ хорошую будущность: едва ли киты, такіе громадные звѣри, требующіе, конечно, долгаго времени для достиженія зрѣлости, могутъ быть настолько многочисленны и плодовиты, чтобы выдержать такое ожесточенное преслѣдованіе даже при трудныхъ условіяхъ промысла въ арктическихъ моряхъ. Быстроходные пароходы, да пушки, да разрывные снаряды—это не то, что скромный ручной гарпунъ добраго стараго времени; едва ли есть хоть одно крупное животное на землѣ, которое могло бы устоять и сохраниться, если человѣкъ примется за его истребленіе съ помощью современной техники. Китовый промыселъ носитъ несомнѣнно разбойническій, хищническій характеръ; на извѣстной высотѣ культуры человѣкъ не можетъ и не долженъ только истреблять; промыселъ, основанный на истребленіи, не имѣетъ будущности, если рядомъ не идетъ работа созиданія и разведенія; европеецъ XIX-го вѣка не долженъ быть звѣроловомъ. Китоловы, впрочемъ, кажется, не раздѣляютъ этого мнѣнія; по крайней мѣрѣ, капитанъ Г. не вѣрилъ въ истребленіе китовъ, ссылаясь на то, что зимой ихъ не бьютъ (обмерзаетъ канатъ, и промыселъ невозможенъ), а въ это время, будто бы, киты бываютъ видны огромными стадами.

Въ старину, до появленія китобойныхъ пароходовъ въ здѣшнихъ водахъ, охоты на китовъ не было, и мѣстные жители промышляли ихъ понемножку, такъ сказать, „кустарнымъ“ способомъ. Добычею человѣка становились или мертвые киты, или попавшіе въ его руки случайно; на Мурманѣ изъ года въ годъ выбрасывало на берегъ съ десятокъ китовъ; такого выброшеннаго на ихъ берегъ кита лопари продавали поморамъ рублей за шестьдесятъ, а онъ давалъ до тысячи пудовъ жира. Другіе нечаянно обсыхали на отмеляхъ во время отлива, и если промышленникамъ случалось замѣтить ихъ въ такомъ положеніи, они спѣшили воспользоваться имъ раньше, чѣмъ спасительный приливъ придетъ киту на помощь. Не такъ давно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

китъ обсохъ на мели въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни Сороки, на Бѣломъ морѣ, куда вообще киты заходятъ лишь крайне рѣдко и случайно; пока онъ лежалъ на мели, рыбаки, пользуясь безпомощностью бѣднаго звѣря на сушѣ, ободрали его еще живого!

Въ одномъ французскомъ журналѣ я прочиталъ недавно объ интересномъ способѣ „кустарнаго" китоваго промысла, который практикуется съ незапамятныхъ временъ въ одномъ мѣстечкѣ Норвегіи. Въ тридцати километрахъ отъ Бергена есть маленькій фіордъ Skogsvåg, соединенный съ моремъ очень узкимъ проливомъ. Ежегодно, въ апрѣлѣ или въ маѣ, въ этотъ фіордъ заходятъ, гоняясь за рыбой, 1—2 экземпляра мелкой породы китовъ (футовъ въ 25—30), Balaenoptera rostrata; рыбаки подкарауливаютъ ихъ и, когда звѣрь войдетъ, затягиваютъ входъ сѣтью. Этого оказывается достаточнымъ, чтобы задержать кита въ заливѣ; прорвать сѣть онъ никогда не рѣшается и, подойдя къ ней, сейчасъ же поворачиваетъ обратно. Тогда рыбаки начинаютъ пускать въ него изъ луковъ стариннаго образца стрѣлы съ желѣзными наконечниками; на наконечникѣ каждой изъ нихъ находится клеймо ея владѣльца. Убить его такими стрѣлами невозможно, но, получивши нѣсколько стрѣлъ, китъ дня черезъ два своего пребыванія въ заливѣ становится лѣнивъ и малоподвиженъ, чаще выходитъ на поверхность воды подышать воздухомъ, очевидно, дѣлается боленъ и теряетъ силы; тогда его бьютъ гарпуномъ и 50—100 человѣкъ вытаскиваютъ его на берегъ. При этомъ всегда оказывается, что около какой-либо изъ вонзившихся въ кита стрѣлъ находится сильно воспаленное мѣсто; эта стрѣла считается смертельной, и собственникъ ея получаетъ львиную долю добычи. А для удачи будущаго промысла рыбаки погружаютъ наконечники всѣхъ стрѣлъ въ воспаленную рану, потомъ засушиваютъ, не обтеревши, и хранятъ до слѣдующаго раза. Два норвежскихъ доктора (Hansen и Gade) изслѣдовали мясо и кровь изъ воспаленной раны кита и обнаружили въ нихъ присутствіе бациллы, которую имъ и удалось культивировать искусственно. Оказалось, такимъ образомъ, что рыбаки, погружая стрѣлы въ раны, сохраняютъ потомъ на ихъ наконечникахъ зародышей этихъ бациллъ, и при слѣдующей охотѣ заражаютъ ими кита, вызывая въ немъ септицемію, гнилостное зараженіе крови. Зараженныя стрѣлы хранятся изъ года въ годъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, перенося заразу съ одного кита на другого; а такъ какъ промыселъ этотъ существуетъ съ древнѣйшихъ временъ, вѣроятно, въ неизмѣнномъ видѣ (луки рыбаковъ такіе же, какіе употреблялись во времена викинговъ; уже 500 лѣтъ тому

назадъ этотъ промыселъ около Бергена былъ сдѣланъ монополіей епископа), то это есть, вѣроятно, древнѣйшее открытіе искусственнаго зараженія или прививки.

Возникновеніе крупнаго китоваго промысла въ этихъ странахъ повело за собой многочисленныя распри и неудовольствія, въ Норвегіи главнымъ образомъ, но также и у насъ, между рыбопромышленниками и китоловами; полемика загорѣлась и въ литературѣ, а въ Норвегіи проникла даже въ стортингъ, норвежскій парламентъ. Въ случаѣ неудачи своего промысла, рыбопромышленники стали обвинять въ этомъ китолововъ, упрекая ихъ, что бой китовъ губитъ рыбные промыслы въ Норвегіи, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Беззубые или усатые киты, у которыхъ во рту нѣтъ зубовъ, а виситъ съ верхней ротовой стѣнки множество огромныхъ, эластическихъ роговыхъ пластинокъ, питаются, какъ извѣстно, несмотря на свою огромную величину, лишь самыми мелкими животными, добывая ихъ чисто пассивнымъ путемъ, процѣживаніемъ воды сквозь свою пасть, усаженную „китовымъ усомъ". Одни виды ловятъ такимъ образомъ пелагическихъ, свободно плавающихъ въ верхнихъ слояхъ воды, безпозвоночныхъ животныхъ, нѣжныхъ медузъ, крылоногихъ моллюсокъ и др.; „синій китъ" питается, напр., мелкимъ рачкомъ, называемымъ по-норвежски „kril", миріадами кишащимъ въ водахъ Ледовитаго океана. Другіе виды, съ болѣе короткими и грубыми ротовыми пластинками, питаются мелкой рыбой, а въ томъ числѣ такъ-называемой *мойвой*, Mallotus arcticus; эта же самая мойва составляетъ любимую пищу трески и употребляется какъ наживка на крючки при ея добываніи. Ранней весною къ берегамъ сѣверной Норвегіи и Мурмана подходятъ огромныя полчища мойвы, а за нею движется треска; тогда начинается ловъ обѣихъ этихъ рыбъ, причемъ мойва ловится не какъ самостоятельный предметъ промысла, а какъ наживка для лова трески. Въ этомъ отношеніи появленіе мойвы у береговъ играетъ первостепенную роль въ тресковомъ промыслѣ: если ея нѣтъ, ловъ трески идетъ плохо, въ какомъ бы количествѣ она ни находилась. Хотя употребляютъ для наживки и другихъ рыбъ, и даже безпозвоночныхъ животныхъ, моллюсокъ или червей, но мойва считается самою лучшею. И вотъ, по теоріи рыбопромышленниковъ, мойва, подходя весной къ берегамъ, спасалась отъ преслѣдованія китовъ, которые, гоняясь за нею, прижимаютъ ее къ берегу; китоловы же, избивая китовъ и отгоняя ихъ въ открытый океанъ, тѣмъ самымъ прекращаютъ появленіе мойвы у береговъ, и слѣдовательно, дѣлаютъ ловъ трески почти невозможнымъ или гораздо менѣе добычливымъ. Киты, по ихъ мнѣнію,

суть естественные пособники трескового промысла, и поэтому они энергично берутъ ихъ подъ свою защиту, утверждая, что китовый промыселъ, второстепенный, конечно, по своему значенію, чрезвычайно вреденъ для промысловъ рыбныхъ, представляющихъ вопросъ существованія для мѣстнаго населенія. Китоловы же отнюдь не хотятъ брать такого грѣха на душу, и на эти обвиненія весьма рѣзко отвѣчаютъ, какъ капитанъ Г.: „Unsinn!" Въ нашей литературѣ О. А. Гриммъ высказывался въ данномъ вопросѣ въ пользу китолововъ; по его мнѣнію, нѣтъ никакихъ данныхъ думать, чтобы киты пригоняли мойву къ берегу: они идутъ за нею пассивно, слѣдуя за ея движеніями, точно также какъ и треска. Мойва идетъ къ берегу съ цѣлью метанья икры, подчиняясь, какъ и другія рыбы, неудержимому инстинкту; колебанія же въ ея количествѣ зависятъ вѣроятно отъ метеорологическихъ, температурныхъ колебаній, въ зависимости отъ которыхъ ея бываетъ то больше, то меньше, а иной разъ она не подходитъ и совсѣмъ, и ищетъ, вѣроятно, для метанія икры отдаленныя отмели въ морѣ. Въ иные же года, несмотря на усиленное избіеніе китовъ, мойва тѣмъ не менѣе огромными массами появляется у береговъ.

Во всякомъ случаѣ, для нашихъ русскихъ промышленниковъ этотъ споръ значительно потерялъ свой жгучій интересъ, такъ какъ мурманскіе китобойные заводы уже отошли покамѣстъ въ исторію (хотя у насъ жаловались, кажется, больше на норвежцевъ, бившихъ китовъ въ русскихъ водахъ). Весной этого года я прочиталъ въ „Новомъ Времени" интересную корреспонденцію изъ Архангельска, подписанную иниціаломъ, подъ которымъ я позволяю себѣ угадать одного русскаго натуралиста, давно уже сошедшаго съ научной арены, а въ свое время бывшаго однимъ изъ первыхъ изслѣдователей фауны нашего сѣвернаго моря; собранная имъ коллекція безпозвоночныхъ Ледовитаго океана до сихъ поръ составляетъ одно изъ украшеній зоологическаго музея петербургскаго университета. Въ этой статьѣ сообщаются довольно жалостныя свѣденія о сѣверномъ китоловствѣ вообще.

Количество китовъ, по словамъ г-на Я., за послѣдніе годы, у береговъ Норвегіи и западной части Мурманскаго берега сильно уменьшилось, и промыселъ ихъ сталъ плохо окупаться. Киты ушли на востокъ [1]), къ острову Калгуеву и далѣе, хотя еще у восточной части Мурмана, у мыса Святого Носа, были довольно многочисленны въ навигацію 1889 года, когда норвежскій про-

[1]) Тогда какъ прежде были особенно многочисленны въ западной части Мурманскаго берега, между Рыбачьимъ полуостровомъ и Кильдиномъ (по Ѳ. Д. Плеске).

мыселъ былъ крайне неудаченъ. Русскіе заводы прекратили свои работы. На Арской губѣ, гдѣ промыселъ прекратился уже три года тому назадъ, теперь за два паровыхъ завода (салотопенный и костомольный или гуанный), четыре большія постройки и три парохода, стоившіе товариществу нѣсколько сотъ тысячъ рублей, одна рижская торговая фирма предлагала всего 80 тысячъ, но сдѣлка не состоялась. Заводъ перваго мурманскаго товарищества въ Еретикахъ въ этомъ году также ликвидируетъ свои дѣла (по причинѣ, повидимому, смерти двухъ главныхъ компаньоновъ, петербургскихъ капиталистовъ), и капитанъ Г. пріѣхалъ изъ Гамбурга на Мурманъ, въ Еретики, съ цѣлью только закрыть факторію. Но и въ Норвегіи дѣла идутъ не лучше. Тамъ конкурренція между китоловами дошла уже до того, что нѣкоторые изъ нихъ стали искать новыхъ мѣстъ и переселяться въ другія страны, и самъ знаменитый Фойнъ, патріархъ норвежскихъ китолововъ, покинулъ свои богатые заводы въ Вадсё и уже нѣсколько лѣтъ какъ перенесъ арену своей дѣятельности въ Исландію.

Итакъ, вилла капитана Г. на гранитныхъ скалахъ острова Еретика оказалась построенною на пескѣ, и странствующіе натуралисты не найдутъ болѣе подъ ея крышей ни любезнаго хозяина, ни удивительнаго арктическаго обѣда, ни tody.

III.

Островъ Килдинъ.

У меня было разрѣшеніе пользоваться для переѣздовъ по океану рейсами административнаго парохода „Мурманъ“, маленькаго пароходика, находящагося въ распоряженіи мѣстнаго исправника, который обязанъ все лѣто, въ теченіе производства рыбныхъ промысловъ, разъѣзжать на немъ вдоль сѣвернаго берега Кольскаго полуострова. Это разрѣшеніе мнѣ очень пригодилось: почтовый пароходъ дѣлаетъ здѣсь всего два рейса въ мѣсяцъ; наемъ паруснаго суднишка (промысловой „шняки“ или „ёлы“) стоитъ дорого и былъ бы мнѣ не по средствамъ, да и плаваніе на нихъ сопряжено всегда съ затрудненіями. На пароходѣ же „Мурманъ“ мнѣ удалось посѣтить цѣлый рядъ пунктовъ побережья, въ которые иначе мнѣ навѣрное не удалось бы попасть.

Этотъ пароходъ и перевезъ меня 8 іюля съ китобойнаго завода верстъ на шестьдесятъ къ востоку, на Килдинъ, большой и высокій островъ къ востоку отъ Кольской губы. Самый большой

изъ островов Мурманскаго побережья, верстъ 15 въ длину, Килдинъ въ то же время одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ, видѣнныхъ мною на Кольскомъ полуостровѣ. Онъ достигаетъ значительной высоты, футовъ въ 600, но эти 600 фут., не надо забывать, подымаются прямо надъ моремъ и поэтому производятъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ горы, абсолютная высота которыхъ гораздо больше, но медленно подымающіяся на материкѣ. На западъ эта гора падаетъ къ морю крутымъ, почти отвѣснымъ обрывомъ, съ огромною осыпью у основанія; когда пароходъ входитъ въ проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка, крутой и гордый профиль этого обрыва рѣзко выступаетъ на небосклонѣ; суровый утесъ съ дерзкимъ упорствомъ смотритъ на океанъ, лежащій далеко внизу у его ногъ, на безсильный океанъ, который столько лѣтъ напрасно бьется объ его каменную грудь. Къ востоку островъ постепенно понижается, представляя изъ себя высокую и пустынную равнину; деревьевъ на немъ, конечно, нѣтъ, но южный склонъ острова во многихъ мѣстахъ покрытъ густой зеленой травой. Вмѣсто гранита, образующаго горы Лапландіи, Килдинъ сложенъ изъ другихъ породъ, песчаника и глинистаго сланца, аспидно-сѣраго цвѣта; слои этого сланца выступаютъ на крутыхъ уступахъ берега.

Въ самомъ началѣ этого столѣтія на Килдинѣ было рыбацкое становище, основанное Соловецкимъ монастыремъ, но его сожгли въ 1809 году англичане, обидѣвшись на „континентальную систему“, и островъ надолго превратился въ пустыню. Теперь на всемъ этомъ пятнадцати-верстномъ пространствѣ существуетъ одно только человѣческое жилище—изба колониста, поселившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ на восточномъ концѣ острова, на берегу маленькой бухточки Килдинскаго пролива, около мыса Могильнаго. Въ этой бухточкѣ остановился пароходъ „Мурманъ“ и высадилъ меня на берегъ.

Первое, что̀ я встрѣтилъ на берегу, выйдя изъ лодки, было три бѣлыхъ медвѣдя. Такъ и слѣдуетъ, конечно, при путешествіи по Ледовитому океану; впрочемъ, они были въ клѣткахъ. Это были несчастныя жертвы кораблекрушенія; ихъ, уроженцевъ Новой Земли, прошлой осенью отправили изъ Архангельска на парусной шкунѣ въ Петербургъ на продажу, должно быть. У береговъ Килдина шкуна разбилась, но медвѣди, застрахованные, по разсказамъ, въ 1,500 рублей, спаслись, и дальнѣйшую заботу объ нихъ взяло на себя страховое общество. Норвежцу-колонисту поручили надзоръ за ними въ теченіе лѣта, съ тѣмъ чтобы осенью снова снарядить ихъ въ путь. Въ тѣсныхъ дорожныхъ клѣткахъ,

разсчитанныхъ на короткое время переѣзда, имъ, несчастнымъ, пришлось провести цѣлый годъ, и они, повидимому, очень страдали. Я долго наблюдалъ ихъ потомъ; одинъ изъ нихъ особенно томился: съ мучительнымъ однообразіемъ дѣлалъ онъ въ своей клѣткѣ, по цѣлымъ часамъ, два шага впередъ, два назадъ, мотая въ тактъ головой, и жалобно ворчалъ. А у самыхъ ногъ его плескалось родное море, и со всѣхъ сторонъ за своей толстой рѣшеткой онъ видѣлъ милую ему сѣверную пустыню. Норвежецъ заботливо ходилъ за ними, поливалъ ихъ водой, кормилъ свѣжей рыбой и спеціально для нихъ испеченнымъ хлѣбомъ.

Если прибавить еще, что въ другой клѣткѣ около дома сидѣла пара маленькихъ песцовъ, и у колониста было стадо сѣверныхъ оленей, то вы увидите, что я очутился въ довольно полярномъ обществѣ.

Этотъ норвежецъ, какъ я сказалъ уже, составлялъ единственное населеніе всего большого острова,—не совсѣмъ, однако, единственное: у него была жена и 12 человѣкъ дѣтей. При мнѣ, впрочемъ, не всѣ были въ сборѣ, и на-лицо было человѣкъ 10—11; я до конца моего пребыванія не съумѣлъ ихъ точно пересчитать. Старшій сынъ былъ уже взрослый, работникъ и помощникъ отца; младшій ребенокъ сосалъ грудь матери. Отецъ же всего семейства былъ пожилой человѣкъ, бѣлокурый, безъ сѣдыхъ волосъ, здоровенный мужичина, достойный потомокъ норманновъ.

Въ тотъ день, когда я высадился на островѣ,—это было уже передъ вечеромъ,—отца и сыновей не было дома, въ домѣ копошилась мелюзга, а изъ взрослыхъ были на-лицо только двѣ дочери, „двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы“ (не очень, впрочемъ, стройныя), лѣтъ 18—20. Къ величайшему моему сожалѣнію, двѣ сестрицы ничего не понимали по-русски. Въ числѣ матросовъ, переносившихъ мои вещи съ „Мурмана“, былъ одинъ, говорившій по-норвежски; онъ объяснилъ сестрицамъ мои намѣренія, что я проживу у нихъ въ домѣ три дня, для нужныхъ мнѣ цѣлей; чтобы они меня поили и кормили, что я за все заплачу, а черезъ три дня за мной вновь придетъ пароходъ, и я уѣду. Дѣвицы приняли это къ свѣденію и стушевались; мнѣ пришлось вмѣстѣ съ моимъ проводникомъ самому осмотрѣть ихъ домъ и выбрать себѣ каморку, гдѣ я могъ, не особенно стѣсняя моихъ хозяевъ, разобрать свои вещи и заниматься.

Пароходъ ушелъ, дѣвицы провалились сквозь землю, отецъ ихъ не показывался. Уже вечерѣло; я пошелъ предварительно походить по острову и взглянуть на озеро, которое меня здѣсь интересовало. Когда я уже вечеромъ вернулся домой, одна изъ

сестрицъ вошла въ мою каморку, остановилась въ дверяхъ и конфузливо произнесла: „комене списъ“, или что-то подобное, потому что я, должно быть, перевираю. Я обернулся и посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. „Комене спись“, повторила она, улыбаясь. „Спишь?“ переспросилъ я, не разобравши. „Я буду спать здѣсь, въ этой комнатѣ“, и показалъ ей гдѣ. Дѣвица отрицательно покачала головой и повторила то же самое. Спички? подумалъ я, и далъ ей спички. Смѣется, качаетъ головой и твердитъ свое. Насилу я догадался, что она зоветъ меня ужинать, ѣсть. Я поблагодарилъ ее и съумѣлъ подобающими жестами объяснить, что прошу только самоваръ для чая.

На другой день эти словесныя бѣдствія продолжались. Ихъ отецъ зналъ по-русски немного больше своихъ дочерей, какой-нибудь десятокъ словъ: треска, рубль, море, хлѣбъ. А мнѣ на бѣду его услуги было очень нужны. Три дня я оказался лишеннымъ возможности пользоваться величайшимъ даромъ Божіимъ— членораздѣльной рѣчью, и вынужденъ былъ объясняться съ людьми, какъ Робинзонъ съ Пятницей, при помощи выразительныхъ жестикуляцій. Жестами я показывалъ, что хочу умываться или прошу воды напиться; только собираясь обѣдать, я умѣлъ уже сказать: „ну, теперь пора спись“, къ полному удовольствію моихъ хозяевъ. Мало-по-малу я дошелъ въ мимикѣ почти до совершенства Цукки, и могъ изящными и цѣлесообразными жестами выражать самыя сложныя мысли, въ родѣ, напримѣръ: „дайте мнѣ простокваши“. Впрочемъ, простокваши мнѣ все-таки не дали (можетъ быть, ея не было?). Это было очень забавно; но когда мнѣ пришлось прибѣгать къ помощи моего хозяина для драгированія, невозможность какъ слѣдуетъ объяснить ему, чего я хочу, оказалась довольно неудобной.

На Килдинъ меня привлекло собственно вотъ какое обстоятельство.

Въ 1887 году С. М. Герценштейнъ добылъ изъ одного небольшого озера на островѣ Килдинѣ треску, рыбу, какъ извѣстно, исключительно морскую, никогда не встрѣчающуюся ни въ рѣкахъ, ни въ озерахъ; объ этой замѣчательной находкѣ имъ тогда же было сдѣлано сообщеніе въ одномъ изъ засѣданій петербургскаго общества естествоиспытателей.

На берегу озера онъ нашелъ много пустыхъ створокъ морскихъ моллюсокъ, тоже, слѣдовательно, нѣкогда въ немъ жившихъ. Попытки драгировать оказались очень затруднительными и неудачными; не было порядочной лодки, и приходилось, закинувши драгу въ воду, вытаскивать ее къ берегу; она приходила при

этомъ биткомъ-набитая густымъ, трудно промывающимся, богатымъ гнилью иломъ, въ которомъ не было ничего живого; попадались пустыя раковины морскихъ опять-таки моллюсокъ. Нахожденіе въ озерѣ трески и остатки морскихъ моллюсокъ заставляли думать, что оно морского происхожденія, составляло нѣкогда часть моря и затѣмъ, въ силу какихъ-нибудь причинъ, отдѣлилось отъ моря и опрѣснѣло; морская фауна при этомъ вымерла, а треска приспособилась къ новымъ условіямъ жизни и уцѣлѣла. Дѣйствительно, вода изъ этого озера, прѣсная на вкусъ и годная для питья, посланная С. М. Герценштейномъ для анализа въ Дерптъ, къ профессору К. Шмидту, оказалась, по процентному содержанію солей, водою сосѣдняго Ледовитаго океана, лишь разбавленною въ 13 разъ прѣсною (снѣговою, дождевою, ключевою); соленость соотвѣтствовала приблизительно солености Балтійскаго моря въ устьѣ большихъ рѣкъ, напримѣръ Финскаго залива при впаденіи Невы, верстъ 10 къ востоку отъ Кронштадта.

Когда я готовился къ поѣздкѣ на Мурманъ, С. М. Герценштейнъ просилъ меня, если мнѣ придется побывать на Килдинѣ, привезти ему еще экземпляровъ трески изъ открытаго имъ озера и настоятельно рекомендовалъ повторить его неудачныя попытки драгировать. Я послушался его, и не напрасно.

Отыскать это озеро по даннымъ мнѣ указаніямъ было не трудно. Оно находилось отъ избы колониста въ разстояніи около версты, въ небольшой, но довольно глубокой и отовсюду замкнутой котловинѣ, очень близко отъ моря (въ самомъ близкомъ мѣстѣ, вѣроятно всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей), но отдѣленное отъ него высокимъ и крутымъ каменнымъ валомъ, сложеннымъ изъ крупныхъ валуновъ. Сѣверный берегъ озера былъ плоскій, низменный, и къ нему прилегала небольшая, кочковатая, поросшая мхомъ и травой, мочежинка, изъ которой медленно сочился и тоненькими струйками бѣжалъ въ озеро небольшой, едва замѣтный родничокъ. Дно озера около берега было въ этомъ мѣстѣ очень мелкое, песчаное, и повсюду на днѣ, на берегу и частью даже на пространствѣ, поросшемъ болотной травой, въ толщѣ кочекъ, лежало множество осколковъ и цѣльныхъ пустыхъ раковинъ, согласно описанію С. М. Герценштейна. Эти остатки раковинъ указывали на уменьшеніе, усыханіе того водяного бассейна, въ которомъ онѣ жили.

Съ остальныхъ сторонъ берега были круче, а дно около берега глубже. И первое, чтò мнѣ бросилось въ глаза при видѣ этого озера—былъ морской цвѣтъ его воды. Во всѣхъ сѣверныхъ озерахъ, которыя мнѣ приходилось видѣть, не исключая Ладож-

скаго и Онежскаго, вода мутная, мало-прозрачная и ржаво-желтаго оттѣнка, какъ вода болотъ, изъ которыхъ она собирается, и въ Бѣломъ морѣ, принимающемъ въ себя массу рѣкъ, все еще мутная и желтая вода, темно-бурая, если смотрѣть, напр., съ борта парохода. Напротивъ, вода Ледовитаго океана очень прозрачная и зеленая; въ защищенныхъ бухтахъ съ скалистыми берегами даже довольно яркаго колорита. Вода Килдинскаго озера казалась также зеленою, какъ въ океанѣ (особенно когда я потомъ плавалъ по немъ въ лодкѣ) и была несравненно прозрачнѣе воды въ обыкновенныхъ озерахъ. Я могъ въ немъ видѣть треску, когда она проплывала въ довольно далекомъ разстояніи отъ берега; этимъ путемъ и было впервые обнаружено ея присутствіе въ озерѣ норвежцемъ-колонистомъ: онъ видѣлъ рыбу съ берега и застрѣлилъ одну штуку изъ ружья. Отъ норвежца узналъ объ этомъ С. М. Герценштейнъ.

Прежде всего я принялся исполнять порученіе С. М. Герценштейна, добывать ему треску. Норвежецъ съ однимъ изъ своихъ сыновей перетащилъ въ озеро съ берега моря, черезъ раздѣляющій ихъ каменный валъ, небольшую лодчонку, въ которой едва могли помѣститься три человѣка, и сталъ ловить рыбу „на поддѣвъ“, при помощи подвязаннаго къ нити крючка, безъ всякой приманки, лишь съ подвѣшенной блестящей оловянной фигуркой въ родѣ рыбки. Нитью потряхиваютъ въ водѣ, и жадная треска бросается на оловянную приманку; такимъ способомъ норвежецъ въ какихъ-нибудь полчаса поймалъ мнѣ шестнадцать штукъ хорошей трески; слѣдовательно, ея въ озерѣ живетъ не мало. Два менѣе крупныхъ экземпляра я положилъ въ спиртъ; у нѣсколькихъ я вскрылъ желудокъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ питается въ озерѣ эта хищная рыба. У всѣхъ желудокъ оказался биткомъ-набитымъ мелкими рачками-бокоплавами (Gammarus).

Послѣ этого я принялся драгировать, при помощи, конечно, все того же норвежскаго семейства. Лодочка, перетащенная въ озеро, оказалась слишкомъ мала, чтобы можно было въ нее втаскивать драги, и пришлось поступать слѣдующимъ образомъ: драга на лодкѣ завозилась какъ можно дальше въ озеро, бросалась на дно, затѣмъ норвежцы возвращались на берегъ и тащили уже съ него драгу. Работали отецъ съ двумя сыновьями, а на берегу кишѣли маленькіе норвеженки.

Долго я получалъ такіе же результаты, какъ и Герценштейнъ: драга приходила полная вязкаго, гнилого и вонючаго ила и не приносила ничего живого; изрѣдка попадались пустыя раковины морскихъ моллюсокъ. Но вдругъ я совершенно случайно на-

толкнулся на такой уголокъ озера, куда Герценштейну не посчастливилось попасть и въ которомъ оказались любопытнѣйшія вещи.

Мало-по-малу, переходя съ нашей драгой съ одного мѣста берега (озеро имѣло около версты въ длину) на другое, мы попали въ самый восточный уголъ его, съ крутыми и каменистыми берегами, по которымъ было довольно затруднительно ходить, особенно съ драгой и посудой. Здѣсь грунтъ озера оказался совершенно другой: именно, вмѣсто ила, все дно было покрыто крупными и мелкими камнями, почти безъ примѣси землистыхъ частицъ; и вотъ, неожиданно, на одномъ изъ вытащенныхъ камней я увидѣлъ плотно сидящій на немъ, розоваго цвѣта, маленькій, молодой экземпляръ хорошо мнѣ знакомой по виду сѣверной асцидіи, вѣроятно, вида Styela rustica. Первое добытое мною изъ озера живое существо было настоящее, типичное морское животное, никогда не живущее въ прѣсной водѣ! Можете себѣ представить мое удивленіе и радость при такой неожиданной находкѣ! Я принялся теперь тащить изъ озера одну драгу за другой; всякій разъ она приходила съ полнымъ мѣшкомъ каменьевъ, немилосердно рвавшихъ сѣть, а между этими камнями и, главнымъ образомъ, на нихъ оказалась хотя и довольно скудная, но настоящая морская фауна. На камняхъ неподвижно сидѣли асцидіи двухъ или трехъ видовъ, изъ которыхъ особенно многочисленны были розовые, молодые экземпляры той, которую я добылъ прежде всего; были и довольно крупные экземпляры,—многіе, къ сожалѣнію, сильно помятые камнями. Вмѣстѣ съ ними сидѣли многочисленныя, мелкія, желтенькія актиніи. Попалась одна маленькая морская звѣздочка, съ поломанными и вновь отростающими лучами. Два вида морскихъ моллюсокъ—теперь уже живые, а не мертвые, черви-полихеты и мелкія губки дополняли коллекцію. На камняхъ росли красныя морскія водоросли-багрянки. Захудалая, бѣдная видами и особями, вымирающая, но настоящая морская фауна.

Не было никакого сомнѣнія, что въ озерѣ должна была быть соленая, морская вода, что оно не прѣсноводное; такая полная коллекція морскихъ формъ—и еще какихъ: звѣздъ, асцидій!—не могла приспособиться къ жизни въ прѣсной водѣ, какъ это можно было бы допустить для трески. Между тѣмъ вода, зачерпнутая съ поверхности озера, была несомнѣнно прѣсная: въ ней былъ нѣкоторый непріятный привкусъ, слегка слышная солоноватость, но пить ее можно было свободно. Слѣдовательно, этотъ поверхностный слой прѣсной воды прикрывалъ собою толщи другой

воды, морской, соленой; чтобы убѣдиться въ этомъ, надо было достать воды со дна, не смѣшивая этой пробы съ водою поверхностнаго слоя. Но какъ это сдѣлать?

Со мною не было батометра, прибора, служащаго для этой цѣли и состоящаго изъ цилиндрической трубочки съ клапанами, такъ устроенными, что они свободно пропускаютъ воду въ трубочку, когда батометръ идетъ внизъ, и крѣпко захлопываются при вытаскиваніи инструмента, такъ что вода, вошедшая въ него на извѣстной глубинѣ, уже не можетъ выйти или смѣшаться съ водою вышележащихъ слоевъ. Надо было придумать что-нибудь подобное. Съ изобрѣтательностью, достойною Эдиссона, я приспособилъ къ этому дѣлу мой большой мѣдный чайникъ для кипяченія воды. Крѣпко надѣвши на него крышку, я привязалъ его за ручку къ веревкѣ, и къ этой же ручкѣ привязалъ тяжелый грузъ въ видѣ большого камня; въ такомъ видѣ я его бросилъ изъ лодки въ воду, держа въ рукахъ только конецъ веревки, къ которой онъ былъ привязанъ. Такъ какъ грузъ былъ привязанъ къ ручкѣ, то чайникъ повернулся дномъ вверхъ и быстро пошелъ ко дну; въ этомъ положеніи горлышко его смотрѣло внизъ, и слѣдовательно, при быстромъ паденіи чайника, воздухъ изъ него не могъ выйти и не пускалъ въ него воду. На глубинѣ около шести саженъ, близко отъ дна, я остановилъ чайникъ за веревку и сталъ его сильно встряхивать: воздухъ выходилъ изъ него большими пузырями и онъ наполнялся водой. Когда пузыри перестали выходить, что̀ указывало на полноту чайника, я вытащилъ его какъ можно скорѣе. Такъ какъ веревка была привязана за ручку, то чайникъ повернулся теперь крышкой вверхъ, и горлышко его смотрѣло также вверхъ: наполненное водою, оно не могло, при его быстромъ прохожденіи, дать мѣсто водѣ верхнихъ слоевъ, и чайникъ долженъ былъ принести мнѣ воду съ той глубины, на которой она была зачерпнута. Вода оказалась дѣйствительно морская, соленая; я попробовалъ ее и долженъ былъ выплюнуть; далъ попробовать норвежцу, и онъ, къ полному моему удовольствію, также выплюнулъ.

Вотъ каково было, слѣдовательно, рѣшеніе задачи: треска жила не въ прѣсноводномъ озерѣ, а въ своей родной сферѣ, въ морской водѣ; вмѣстѣ съ нею жили здѣсь и другія морскія животныя. Соленая морская вода была только прикрыта поверхностнымъ слоемъ прѣсной; этимъ объяснялись и прозрачность, и морской цвѣтъ воды въ озерѣ. Какъ же могло образоваться подобное явленіе?

Очевидно, Килдинское озеро представляло изъ себя въ древности участокъ моря, сообщалось съ моремъ, и лишь впослѣдствіи, отдѣлившись отъ него въ силу какихъ-либо причинъ, превратилось въ замкнутый бассейнъ, въ озеро. Такія озера, образовавшіяся путемъ отдѣленія извѣстныхъ котловинъ или впадинъ отъ моря, называются „остаточными", „Reliktenseen"; они могутъ быть солеными или прѣсными; послѣднее бываетъ чаще, и именно тогда, когда озеро имѣетъ выходъ, истокъ въ море; атмосферные осадки питаютъ озеро (прямо или косвенно), а выбѣгающій изъ него истокъ мало-по-малу уноситъ всѣ морскія соли и превращаетъ первоначальный морской участокъ въ прѣсноводный бассейнъ; но и въ такихъ прѣсноводныхъ озерахъ уживаютъ иногда, приспособившись къ перемѣнѣ среды, нѣкоторые морскіе организмы, и именно нахожденіе послѣднихъ въ разныхъ озерахъ Швеціи и Россіи дало такимъ озерамъ ихъ названіе „Reliktenseen" и послужило толчкомъ къ ихъ изслѣдованію. Впрочемъ, этотъ послѣдній критерій для опредѣленія способа происхожденія озера, т.-е. нахожденіе въ немъ нѣкоторыхъ морскихъ формъ, оказался недостаточнымъ; при ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что къ числу найденныхъ въ озерахъ морскихъ животныхъ принадлежатъ, по бо̀льшей части, легко подвижныя, быстро плавающія животныя—рыбы и ракообразныя, встрѣчающіяся затѣмъ иногда и въ озерахъ, несомнѣнно не-морского происхожденія; въ такихъ случаяхъ необходимо допустить позднѣйшее переселеніе этихъ формъ изъ моря въ озеро. Въ Ладожскомъ озерѣ живетъ морской тюлень, небольшой морской рачокъ Idothea entomon, о которомъ я упоминалъ уже раньше, и нѣкоторые другіе организмы, также, повидимому, морского происхожденія; изъ этого выводили заключеніе, что какъ Ладожское, такъ и Онежское озера представляютъ изъ себя „Reliktenseen", слѣды нѣкогда бывшаго соединенія Балтійскаго моря съ Бѣлымъ. Но геологическихъ данныхъ въ пользу этого соединенія не оказалось никакихъ; на всемъ протяженіи, покрытомъ большими озерами олонецкой губерніи и Финляндіи, нигдѣ не были найдены новѣйшія морскія отложенія, и, по мнѣнію геологовъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы въ одинъ изъ новѣйшихъ геологическихъ періодовъ это пространство было покрыто моремъ.

Способы образованія остаточныхъ озеръ могутъ быть различны; часто море само является здѣсь главнымъ дѣйствующимъ агентомъ. Изъ намывного матеріала возводятся у береговъ новые участки суши работою самого моря, его прибоя и теченій или при участіи впадающихъ рѣкъ; эти вновь возникшіе участки суши,

отмели, косы и т. д. отдѣляютъ, въ свою очередь, небольшіе участки моря и превращаютъ ихъ въ прибрежныя озера. Такъ образовались, напр., многіе „лиманы" южной Россіи, по берегамъ Чернаго моря. Участокъ берега между озеромъ и моремъ образованъ въ такихъ случаяхъ изъ рыхлаго, наноснаго матеріала; часто озеро остается въ соединеніи съ моремъ, постоянномъ или временномъ, а тогда составъ водъ въ немъ бываетъ подверженъ сильнымъ колебаніямъ.

Но самый важный и имѣющій наиболѣе широкое дѣйствіе способъ образованія „остаточныхъ" озеръ является какъ результатъ тѣхъ медленныхъ геологическихъ измѣненій очертанія материковъ, въ силу которыхъ пространства, нѣкогда представлявшія изъ себя дно моря, превращаются въ сушу,—измѣненій, которыя одни геологи объясняютъ „вѣковымъ поднятіемъ" суши, а другіе, болѣе осторожные, не предрѣшая его причинъ, опредѣляютъ индифферентнымъ терминомъ „отрицательнаго движенія берега". Когда берегъ поднимается, а море удаляется отъ береговъ и дно его осушается, тогда впадины и котловины морского дна, отдѣлившись отъ моря и поднявшись выше его уровня, превращаются въ озера и—если онѣ имѣютъ истокъ—опрѣсневаютъ. Такъ должны были образоваться, напр., озера Швеціи и Норвегіи, лежащія ниже того уровня, котораго достигало здѣсь море, какъ ясно указываютъ остатки морскихъ раковинъ въ ледниковый и послѣ-ледниковый періодъ.

Что касается Килдинскаго озера, его происхожденіе не могло быть приписано первому способу—работѣ самого моря. Хотя оно лежитъ очень близко отъ моря, въ разстояніи—въ ближайшемъ мѣстѣ—всего нѣсколько десятковъ саженъ, но отдѣлено отъ него крутымъ и высокимъ валомъ, который не могъ быть намытъ моремъ. Валъ этотъ густо покрытъ травой, но кой-гдѣ, гдѣ онъ обнажается отъ растительности, видно, что онъ сложенъ изъ отдѣльныхъ, очень большихъ камней—валуновъ. Это не песчаная, прибрежная дюна, не коса, а сплошной каменный валъ; такимъ валомъ море не могло загородить ту глубокую котловину, въ которой лежитъ озеро. Для объясненія его образованія нужно прибѣгнуть ко второму способу—къ отрицательному движенію берега.

И дѣйствительно, слѣды этого движенія выражены во многихъ мѣстахъ на Мурманскомъ берегу съ чрезвычайною ясностью. Въ Еретикѣ, надъ самымъ берегомъ моря, поднимается песчаный обрывъ, весь биткомъ набитый остатками морскихъ животныхъ, и понынѣ живущихъ у его береговъ. Положеніе этихъ остатковъ въ пескѣ показываетъ, что они именно жили когда-то на этомъ

самомъ мѣстѣ и оставались спокойно лежать на днѣ, прикрываясь накопляющимся наносомъ, а не были, напр., намыты моремъ. Раковины двустворчатыхъ моллюсокъ сохранились съ обѣими своими створками, въ естественномъ положеніи; известковыя скорлупки морскихъ ежей лежатъ въ пескѣ совершенно цѣльныя, окруженныя отпавшими иглами; къ сожалѣнію, онѣ были такъ хрупки, что ломались при прикосновеніи и вынуть ихъ изъ песку, не поломавши, оказалось чрезвычайно трудно; послѣ долгой возни мнѣ удалось выдѣлить, съ чрезвычайною осторожностью, цѣльными только двѣ или три скорлупки. Положеніе всѣхъ этихъ остатковъ въ пескѣ было хорошо видно, такъ какъ песчаный бугоръ былъ раскопанъ и образовалъ искусственный, крутой разрѣзъ; отсюда брали песокъ при постройкахъ на заводѣ, и раковины, осколками которыхъ была усыпана крутая дорожка къ дому капитана, жили въ прибрежномъ морѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Виды, найденные въ этомъ пескѣ, оказались, за весьма немногими исключеніями, все видами, и нынѣ живущими у Мурманскаго берега; слѣдовательно, море, въ которомъ они жили, не должно было рѣзко отличаться по температурѣ и другимъ физическимъ условіямъ отъ современнаго моря, и нѣтъ данныхъ думать, чтобы климатъ въ то время былъ здѣсь холоднѣе нынѣшняго. И по своему положенію, и по составу фауны, песокъ этотъ относится къ образованіямъ новѣйшимъ, послѣ-ледниковымъ, какъ и соотвѣтственныя ему отложенія Норвегіи.

И на самомъ островѣ Килдинѣ, въ окрестностяхъ озера, слѣды древняго моря видны съ чрезвычайною ясностью. Они выражены здѣсь въ видѣ такъ-называемыхъ террасъ, повторяющихся береговыхъ уступовъ съ крутыми обрывами; на самомъ берегу моря, надъ чертою прилива, возвышается крутой откосъ, въ нѣсколько саженъ высоты, сложенный изъ сплошныхъ валуновъ; когда поднимешься на него, попадаешь на плоскую, слегка покатую къ морю равнину, которая въ полуверстѣ отъ берега вновь упирается въ каменный обрывъ, совершенно подобный прибрежному; сложенный изъ круглыхъ камней и не поросшій травой, онъ издали кажется какимъ-то искусственнымъ сооруженіемъ, въ родѣ булыжной набережной. Это и есть древній береговой уступъ, у подножія котораго когда-то плескалось море. Такихъ береговыхъ террасъ здѣсь можно прослѣдить, поднимаясь въ гору, три или четыре одна надъ другой; онѣ обозначаютъ уровень моря въ разное время.

У подножія берегового обрыва, особенно около самой избы колониста, берегъ усѣянъ безчисленнымъ количествомъ голышей,

очень интересной формы. Это—осколки породы, изъ которой сложенъ островъ, песчаника и глинистаго сланца, имѣющіе видъ плоскихъ дощечекъ, дисковъ, величиною съ блюдечко, только овальныхъ и удивительно обработанныхъ дѣйствіемъ морского прибоя. Они обточены какъ на станкѣ: малѣйшія неровности и выпуклости срѣзаны, форма придана чрезвычайно правильная и вся поверхность камня матово обшлифована. Только одна сила въ природѣ можетъ такъ правильно обтачивать камни: работа воды, треніе камней другъ о друга отъ дѣйствія волненія и прибоя. На вершинѣ острова поверхность слагающей его породы также покрыта многочисленными осколками, отдѣлившимися отъ вывѣтриванія, подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей: осколки эти, конечно, не носятъ никакихъ признаковъ обработки водой и по своимъ острымъ ребрамъ и угламъ сразу рѣзко отличаются отъ прибрежныхъ голышей. Но отъ берега моря можно отойти въ глубь острова на версту и болѣе, подымаясь до извѣстной высоты въ гору, и на всемъ этомъ пространствѣ поверхность земли покрыта не остроугольными обломками, продуктами вывѣтриванія, а превосходно обточенными дѣйствіемъ морского прибоя голышами. Они поросли лишаями, но нисколько не отличаются, ни по формѣ, ни по общему виду, отъ голышей, и теперь лежащихъ на берегу; лишь дальше, при постепенномъ поднятіи въ гору, они становятся понемногу все разрушеннѣе и разрушеннѣе. Эти голыши тоже обточены моремъ, и въ свое время всѣ лежали на берегу, въ полосѣ прибоя. Вертикальное распространеніе ихъ на островѣ, вѣроятно, могло бы намъ показать съ удовлетворительною точностью границу древняго распространенія моря.

Образованіе Килдинскаго озера находится въ тѣсной связи съ этими геологическими процессами; оно лежитъ на площади первой береговой террасы; когда ея поверхность выступила изъ-подъ воды, морская вода осталась въ глубокой котловинѣ; каменный валъ, бывшій раньше подводнымъ рифомъ, выступилъ надъ уровнемъ воды, отдѣлилъ котловину отъ моря и превратилъ ее въ озеро. Множество прибрежныхъ, лежащихъ не очень высоко надъ моремъ, озеръ Норвегіи и Кольскаго полуострова должны были образоваться такимъ образомъ; но у Килдинскаго озера оказались нѣкоторыя замѣчательныя особенности. Оно на̀-глухо отдѣлено отъ моря; никогда, ни въ какую погоду, ни при какомъ волненіи, приливъ океана не можетъ подниматься такъ далеко, чтобы проникнуть за каменный валъ; истока изъ озера тоже нѣтъ, ни малѣйшаго ручья не вытекаетъ изъ него; отъ этого оно не могло опрѣснѣть, какъ всѣ другія озера, его родные братья по

происхожденію. Въ другомъ климатѣ оно, вѣроятно, вскорѣ высохло бы; но здѣсь, въ климатѣ сыромъ и холодномъ, гдѣ озеро бо̀льшую часть года хранится подъ льдомъ, уже одной атмосферной воды въ видѣ дождя и снѣга было бы достаточно, вѣроятно, чтобы долгое время поддерживать его уровень in statu quo; къ этому присоединилось еще другое, благопріятное для его сохраненія, обстоятельство. Съ сѣвера къ нему прилегаетъ, какъ я сказалъ уже, маленькая мочежинка, изъ которой едва замѣтно сочится струйка воды въ озеро; прѣсная вода легче соленой; отъ этого притекающая болотная водица ровнымъ слоемъ, какъ слой масла, распространяется по всей поверхности озерка, прикрывая и маскируя собою лежащіе подъ нею тяжелые слои соленой морской воды. По мѣрѣ того, какъ эта прѣсная вода частью смѣшивается съ соленой, частью испаряется, ея убыль пополняется новымъ притокомъ изъ мочежинки; такъ должно было установиться извѣстнаго рода подвижное равновѣсіе. Если мы представимъ себѣ, что притокъ прѣсной воды внезапно прекратится, тогда прѣсные, поверхностные слои (до перваго дождя) перемѣшаются съ нижележащими солеными, и озеро начнетъ, вѣроятно, болѣе или менѣе усыхать (оно и теперь, въ концѣ концовъ, все-таки медленно усыхаетъ); если бы притокъ прѣсной воды сталъ увеличиваться, тогда поднялся бы уровень воды въ озерѣ, и оно нашло бы себѣ истокъ въ море, который мало-по-малу вынесъ бы изъ него всѣ избытки солей. При данномъ же положеніи дѣлъ притокъ воды, вѣроятно, какъ разъ достаточенъ, чтобы компенсировать испареніе; вѣчно возобновляющійся слой прѣсной воды не успѣваетъ перемѣщаться съ соленой и покрываетъ ее постояннымъ защитительнымъ покровомъ, какъ слоемъ масла. Выходитъ парадоксальный на видъ фактъ: въ одномъ и томъ же озерѣ двѣ воды, соленая и прѣсная, которыя никакъ не могутъ перемѣшаться. Внизу живутъ морскія животныя, а поверхностную воду можно пить. И здѣсь, повидимому, прохожденіе морскихъ животныхъ при драгированіи черезъ верхніе слои прѣсной воды дѣйствовало на нихъ губительно: по крайней мѣрѣ относительно звѣздочки, которую я добылъ, совершенно живой на видъ, я никакъ не могъ убѣдиться, живая она или мертвая.

Я не могу, конечно, сказать, постоянно ли такое состояніе воды въ Килдинскомъ озерѣ, всегда ли оно прикрыто прѣсной водой, или это можетъ мѣняться въ теченіе года. Замѣчу только, что какъ Герценштейнъ, такъ и я были здѣсь въ самое теплое время, въ іюлѣ; со времени моего пріѣзда на Мурманскій берегъ стояла очень хорошая погода, и не было ни одного мало-мальски

значительнаго дождя; слѣдовательно, испареніе воды въ озерѣ должно было, вѣроятно, достигнуть своего максимума и диффузія соленой воды увеличиться. Тѣмъ не менѣе, поверхностная вода была прѣсная; въ дождливое время она, конечно, не становится солонѣе. Можетъ быть, зимой, когда озеро покрывается толстымъ слоемъ льда, непосредственно подъ нимъ лежитъ соленая вода.

Можетъ возникнуть предположеніе, что озеро находится въ подземномъ сообщеніи съ моремъ, при посредствѣ какихъ-нибудь пещеръ или трещинъ въ коренной породѣ. Но на берегу Килдина приливъ океана достигаетъ десяти футовъ, болѣе сажени; если бы озеро находилось въ сообщеніи съ моремъ, и его уровень долженъ былъ бы колебаться въ зависимости отъ прилива и отлива. Между тѣмъ въ теченіе трехъ дней моего пребыванія на островѣ я нѣсколько разъ въ день по сдѣланнымъ значкамъ наблюдалъ уровень озера, и не могъ найти въ немъ никакихъ замѣтныхъ для глазъ колебаній.

Все это очень любопытно, конечно; но всего интереснѣе въ этомъ замѣчательномъ озерѣ его удивительная фауна. Сколько вѣковъ существуетъ она здѣсь въ такихъ неестественныхъ условіяхъ! Она вымираетъ, конечно; уже бо́льшая часть дна озера затянулась гнилымъ иломъ, задушившимъ все живое; изъ раковинъ, покрывающихъ его дно и берега, теперь въ немъ едва-едва живутъ два вида; но все-таки, въ томъ уголкѣ, гдѣ каменистый грунтъ далъ болѣе сносныя условія существованія, живутъ еще морскія безпозвоночныя, а по всему озеру свободно плаваетъ морская рыба (норвежцы говорили Герценштейну, что кромѣ трески въ немъ есть и камбала; этого не удалось провѣрить; я никакъ не могъ уговорить норвежца ловить здѣсь рыбу сѣтью; ему видимо не хотѣлось этого, и онъ наотрѣзъ отказывался меня понимать). И какія еще безпозвоночныя! до сихъ поръ еще, насколько мнѣ извѣстно, ни асцидіи, ни морскія звѣзды ни разу не были найдены въ бассейнахъ, совершенно на-глухо отдѣленныхъ отъ моря. Въ этомъ отношеніи Килдинское озеро—единственное въ своемъ родѣ. Самыя условія жизни здѣсь этой „остаточной“ фауны въ высшей степени любопытны для изученія; уже одно то, что многія изъ этихъ морскихъ животныхъ (асцидіи, звѣзды, черви) размножаются путемъ свободно плавающихъ, пелагическихъ личинокъ, плавающихъ обыкновенно на поверхности воды; а здѣсь поверхностная вода прѣсная; а прѣсная вода для нихъ ядъ. Какъ же они живутъ?

Три дня, проведенные на Килдинѣ, благодаря этому озеру, останутся для меня навсегда пріятнымъ воспоминаніемъ. Но и

помимо озера здѣсь было хорошо. Всѣ эти дни погода стояла очень хорошая; термометръ показывалъ градусовъ 17 въ тѣни; когда поднимался легкій сѣверный вѣтерокъ, онъ давалъ себя чувствовать и на солнцѣ — вѣдь онъ дуетъ здѣсь непосредственно съ полюса; но въ затишьѣ было тепло, какъ у насъ въ хорошіе весенніе дни. Съ вершины береговыхъ террасъ виденъ былъ спокойный океанъ, уходившій въ безграничную даль на сѣверѣ, и въ тихое время повсюду гладь океана пестрѣла разбросанными пятнами бѣлыхъ парусовъ—это были шняки промышленниковъ, ловившихъ треску. Море здѣсь, когда смирно, очень хорошо. Шумъ его раздается непрерывно, и при совершенно тихой погодѣ; можно углубиться въ островъ на версту и болѣе, и воздухъ все же насыщенъ звуками океана; этотъ превосходный шумъ—настоящая музыка. На берегу море каменными буквами пишетъ свою исторію: сколько тысячелѣтій прошло съ тѣхъ поръ, когда оно, съ тѣмъ же однообразнымъ шумомъ, обмывало подошву одной изъ береговыхъ террасъ Килдина! Сколько лѣтъ этимъ собственноручнымъ надписямъ моря? У насъ нѣтъ масштаба для измѣренія геологическихъ промежутковъ времени [1]).

Здѣсь, на сѣверѣ, и органическая жизнь уходитъ больше въ море; на вершинѣ острова тянется плоская каменная равнина, пустынная, поросшая скудной травой, а море кишитъ живыми существами. Во время отлива (высота прилива здѣсь очень велика, больше сажени вертикальнаго разстоянія) вода отходитъ, и къ берегу, покрытому грудой валуновъ и галекъ, присоединяется длинная полоса водорослей, цѣлая масса огромныхъ желтыхъ

[1]) Эдуардъ Зюссъ, вѣнскій геологъ, одинъ изъ первыхъ геологовъ настоящаго времени, въ своей книгѣ: „Das Antlitz der Erde", въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкахъ рисуетъ безсиліе человѣческаго ума передъ вопросомъ о древности міроздинія: „Астрономъ, чтобы дать представленіе о размѣрахъ міровыхъ пространствъ, указываетъ на параллельность свѣтовыхъ лучей или на бѣлыя пятна млечнаго пути. Чтобы дать наглядное представленіе о величинѣ міровыхъ періодовъ временъ, недостаетъ подобныхъ примѣровъ, и у насъ нѣтъ еще единицы мѣры для измѣренія геологическихъ эпохъ. Въ пространствѣ намъ извѣстно разстояніе многихъ свѣтилъ отъ земли; но разстояніе во времени самой молодой изъ древнихъ береговыхъ линій на Капри, или новѣйшаго скопленія раковинъ въ Тромзё (въ Норвегіи) не можетъ быть опредѣлено даже приблизительной цифрой. Мы держимъ въ рукѣ органическіе остатки отдаленныхъ временъ и изучаемъ ихъ строеніе, но намъ неизвѣстно, какъ великъ промежутокъ, отдѣляющій время ихъ жизни отъ нашего времени, подобно тому, какъ въ спектрѣ мы изслѣдуемъ физическія свойства небеснаго тѣла, не дающаго параллакса для опредѣленія своего разстоянія. Какъ Рама (герой Рамайяны) смотритъ на океанъ, очертанія котораго на горизонтѣ сливаются съ небомъ, и думаетъ, нельзя ли построить черезъ него мостъ въ безконечное, такъ и мы смотримъ черезъ океанъ временъ, но до сихъ поръ намъ еще не показывается берегъ".

ламинарій. Чрезвычайное богатство моря безпозвоночными животными даетъ возможность жить милліонамъ рыбъ и крупнѣйшимъ млекопитающимъ земного шара, китамъ. И только изъ за моря и морскихъ промысловъ живетъ здѣсь и человѣкъ.

Въ тѣ дни, какіе я прожилъ на островѣ, мой норвежецъ никуда не ѣздилъ на промыселъ, а ловилъ рыбу съ берега у самаго своего дома. Любопытно было видѣть, какъ они тянули тоню всей семьей; за одинъ конецъ невода тянулъ одинъ сынъ при помощи ворота; за веревку другого конца держалась чуть не вся семья, отъ стара до мала, отецъ, да сынъ, да двѣ дочери, да еще сынъ, и т. д., точно рѣпку тянули, какъ въ дѣтской сказкѣ. Меньшіе отпрыски копошились тутъ же на берегу. Сѣть приносила немалое количество большихъ камбалъ, похожихъ на плоскія, ромбическія дощечки. Трепещущую, скользкую рыбу ударяли палкой съ острымъ гвоздемъ и, безжалостно наткнувши на гвоздь, отбрасывали далеко на берегъ. Изрѣдка между обыкновенной камбалой попадался крупный, цѣнный палтусъ.

Рыбная ловля, особенно ловъ трески—это жизненный нервъ Мурмана. Только для него періодически являются сюда люди; я разсказывалъ уже, какъ промышленники въ концѣ зимы переходятъ пѣшкомъ Кольскій полуостровъ, направляясь въ мурманскія становища. Другіе плывутъ въ жалкихъ шнякахъ изъ прибрежныхъ поселеній Бѣлаго моря, безъ картъ, съ плохими компасами. Въ туманную погоду коршикъ (кормчій) узнаетъ опасную близость берега по шуму прибоя.

Но объ этой сторонѣ жизни Мурмана—можетъ быть, наиболѣе интересной—я не буду здѣсь говорить. Спеціальныя задачи моей поѣздки отнимали все мое время, и я не могъ лично ознакомиться съ условіями и производствомъ здѣшняго рыбнаго промысла. Хотя послѣ Килдина, плавая на пароходѣ „Мурманъ", я посѣтилъ не мало рыбачьихъ становищъ, былъ почти во всѣхъ главныхъ, но вездѣ мелькомъ, на короткое время; изъ такого бѣглаго обзора я не могъ вывести какого-нибудь опредѣленнаго впечатлѣнія, и мои мимолетныя наблюденія врядъ ли могутъ представлять интересъ. О народной жизни на сѣверѣ и о мурманскихъ промыслахъ много написано, и желающихъ познакомиться съ ними я обращаю къ спеціальнымъ сочиненіямъ.

В. Фаусекъ.

СХОЛАСТИКА
ПОДЪ ФИРМОЙ НАУКИ

Юридическая энциклопедія. *Н. К. Ренненкампфа*, проф. унив. св. Владиміра. Кіевъ, 1889.—Лекціи по общей теоріи права. *Н. Коркунова*. Изд. второе. Спб., 1890.—Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. *Его же*. Часть первая. Государство и его элементы. Спб., 1890.

Въ нашей журналистикѣ приходится очень часто встрѣчать самыя странныя и противорѣчивыя сужденія объ элементарныхъ основахъ общественной и правительственной дѣятельности, о роли и задачахъ государства, о правѣ и законности, объ отношеніяхъ власти къ народу и къ отдѣльнымъ лицамъ. Спутанность понятій о правѣ и законѣ составляетъ даже сознательную систему для публицистовъ извѣстнаго лагеря; всѣмъ памятны тѣ смѣлые софизмы, при помощи которыхъ покойный Катковъ приписывалъ всю силу государственнаго авторитета исполнительнымъ органамъ администраціи, отрицая самостоятельное значеніе другихъ вѣдомствъ и учрежденій, особенно судебныхъ, имѣющихъ столь же несомнѣнно общій государственный характеръ. Эти софизмы, въ сущности, очень просты: государство смѣшивается съ правительствомъ, которое, въ свою очередь, отождествляется съ администраціею, и въ результатѣ получается выводъ, что земскій начальникъ или исправникъ есть будто бы болѣе подлинный представитель государственнаго авторитета, чѣмъ прокуроръ или членъ суда, и что сенатъ и государственный совѣтъ, поставленные выше министерствъ, могутъ быть обвинены въ анти-правительственныхъ тенденціяхъ, въ случаѣ несогласія съ проектами и взглядами административной власти. Такая подстановка однихъ понятій вмѣсто

другихъ облегчается прежде всего двойственнымъ значеніемъ употребляемыхъ словъ: правительство въ обширномъ смыслѣ означаетъ совокупность центральныхъ органовъ государственной власти, а въ тѣсномъ смыслѣ оно соотвѣтствуетъ представленію объ одной изъ государственныхъ функцій—административной, противопоставляемой функціямъ судебной и законодательной. Говоря о правительствѣ то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ, ловкіе публицисты всегда достигаютъ нужныхъ заключеній, тѣмъ болѣе, что вмѣсто правительства и администраціи незамѣтно ставится „государство". Подобные способы политическаго спора не имѣютъ, конечно, даже внѣшнихъ признаковъ основательности, когда источникъ полномочій всѣхъ государственныхъ учрежденій — одинъ и тотъ же, когда и судъ, и законодательство, и администрація одинаково исходятъ отъ верховной власти; а между тѣмъ эти попытки затемнить и спутать понятія пользуются большимъ успѣхомъ и производятъ впечатлѣніе на умы, даже независимо отъ степени талантливости и остроумія реакціонныхъ публицистовъ.

Иногда можетъ казаться, что грубыя недоразумѣнія, искусственно создаваемыя и поддерживаемыя „патріотическою" печатью, господствуютъ надъ нашею общественною жизнью; непризванные охранители усердно вытравляли идею законности изъ общественнаго сознанія и неустанно проповѣдовали ложную доктрину объ обязательномъ недовѣріи государственной власти къ обществу и народу, о необходимости разныхъ мѣръ обузданія и стѣсненія, о нежелательности будто бы успѣховъ умственнаго развитія и образованія въ народѣ съ точки зрѣнія государства или правительства. Многіе, повидимому, серьезно убѣждены, что могущество и значеніе власти измѣряются степенью ея строгости, внушительностью ея внѣшнихъ пріемовъ и правилъ, а не плодотворнымъ содержаніемъ ея дѣятельности. Не мало есть людей, готовыхъ утверждать и доказывать, что внимательное, заботливое отношеніе къ народнымъ нуждамъ и потребностямъ можетъ ослабить въ народѣ спасительныя чувства страха и смиренія, возбудить вредныя надежды и мечтанія, дать толчокъ превратнымъ идеямъ. Именно то, что̀ есть дѣйствительное призваніе и задача власти, подвергается сомнѣнію или даже прямо отрицается, какъ нѣчто неудобное или опасное, а простыя внѣшнія принадлежности авторитета принимаются за его сущность и цѣль. Если такое извращеніе основныхъ понятій производится рукою мастера, подъ прикрытіемъ громкихъ и популярныхъ словъ, то ядъ противонравственной проповѣди распространяется легко и быстро. Ложные взгляды и выводы не встрѣчаютъ противовѣса въ обще-

ствѣ, такъ какъ люди меньше всего думаютъ объ отвлеченныхъ вопросахъ и охотно усвоиваютъ готовыя формулы, предлагаемыя глашатаями патріотическихъ идей. Противовѣса нѣтъ и среди людей съ спеціальнымъ университетскимъ образованіемъ, ибо сама университетская наука, какъ она поставлена у насъ, не даетъ ничего прочнаго и опредѣленнаго въ области предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ понятіямъ о правѣ и государствѣ. Въ этой обширной и важной отрасли научнаго преподаванія царствуетъ еще отчасти схоластика, замѣняющая положительное знаніе безплодными словесными упражненіями, спорными дефиниціями и рубриками. На этой почвѣ выростаютъ разные научные плевелы, которые свободно завладѣваютъ общественнымъ мнѣніемъ, къ безспорной выгодѣ и удовольствію людей, строящихъ свои идеалы на культѣ невѣжества. И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе выступаютъ симптомы умственнаго застоя и безсилія въ сферѣ этой оффиціально-научной литературы.

Къ сожалѣнію, нельзя не видѣть, что научно-литературная и преподавательская дѣятельность по предметамъ общественныхъ и государственныхъ наукъ все болѣе падаетъ и мельчаетъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Этотъ упадокъ рѣзко бросается въ глаза, если сравнить недалекое прошлое съ настоящимъ. Постепенный регрессъ замѣчается не только въ общемъ ходѣ научной производительности, но и въ исторіи отдѣльныхъ университетскихъ каѳедръ и даже, какъ это ни странно, въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Въ началѣ столѣтія былъ у насъ экономистъ Шторхъ, лекціи котораго сразу заняли почетное мѣсто въ общей европейской литературѣ и были изданы въ Парижѣ съ комментаріями такого корифея экономической науки, какъ знаменитый Жанъ-Батистъ Сэй, даже безъ вѣдома автора. По нѣкоторымъ вопросамъ Шторхъ въ своемъ курсѣ отчасти предупредилъ Рикардо, и многія объясненія Шторха до сихъ поръ сохраняютъ свою научную цѣнность. Кто продолжалъ дѣло, столь блестяще начатое этимъ петербургскимъ академикомъ съ нѣмецкою фамиліею? Конечно, не авторы такихъ неудобопонятныхъ и безцѣльныхъ диссертацій, какъ „Государствовѣденіе Сансовино и всемірныя реляціи Ботеро". Наши новѣйшіе университетскіе спеціалисты по политической экономіи,—за немногими исключеніями, сосредоточенными преимущественно въ Москвѣ,—или повторяютъ старыя азбучныя вещи, или предлагаютъ публикѣ безцвѣтную смѣсь чужихъ теорій въ болѣе или менѣе случайныхъ и произвольныхъ комбинаціяхъ. То же самое можно сказать о юристахъ. Гдѣ теперь самостоятельные и даровитые двигатели рус-

скаго правовѣденія, такіе ученые работники и изслѣдователи, какъ Неволинъ, Мейеръ, Чичеринъ, Кавелинъ?

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ преподавалъ энциклопедію права въ кіевскомъ университетѣ Неволинъ, и лекціи его, разработанныя для печати въ двухъ частяхъ, составили событіе въ ученомъ мірѣ: это былъ обширный научно-философскій трудъ, не потерявшій понынѣ своего интереса и значенія. Мы имѣемъ предъ собою курсъ „Юридической энциклопедіи", напечатанный нынѣшнимъ преемникомъ Неволина по каѳедрѣ: это небольшая жиденькая книжка, плохо написанная, полная неясностей, противорѣчій и недомолвокъ, безъ замѣтныхъ слѣдовъ самостоятельной мысли и даже безъ обычныхъ достоинствъ добросовѣстной компилятивной работы. Достаточно сопоставить капитальное сочиненіе Неволина съ тощимъ учебникомъ его замѣстителя, чтобы оцѣнить всю громадность паденія въ данномъ случаѣ. Любопытнѣе всего, что новѣйшій истолкователь энциклопедіи права самъ даетъ матеріалъ для печальныхъ сопоставленій и выводовъ, перечисляя довольно подробно великія преимущества и заслуги указаннаго труда Неволина. И авторъ не чувствуетъ даже, что въ умѣ читателя долженъ неизбѣжно возникнуть вопросъ: почему же полъвѣка спустя послѣ столь замѣчательныхъ лекцій смѣло выпускается въ свѣтъ съ той же каѳедры ничтожный, маленькій курсъ, въ которомъ видно стремленіе какъ можно больше удалиться отъ восхваляемаго образца и избѣгнуть всѣхъ его достоинствъ?

„Содержаніе книги Неволина,—говоритъ нашъ авторъ,—отличалось чрезвычайнымъ богатствомъ и полнотою; не только русская, но и иностранная литература того времени не обнимали въ одномъ сочиненіи такой массы разнородныхъ свѣденій. Богатство матеріала было плодотворно для насъ въ высшей степени; незнакомые съ литературою иностранною, мы должны были пополнять наше скудное юридическое образованіе передѣлками нѣмецкихъ учебниковъ естественнаго права и немногими плохими переводами Монтескьё, Бентама, Беккаріи. Книга Неволина сразу устранила этотъ недостатокъ и расширила кругъ нашихъ юридическихъ познаній, представивъ главнѣйшія явленія всѣхъ положительныхъ законодательствъ, и особенно философскихъ системъ, о которыхъ мы знали до сихъ поръ, большею частью, только по слуху; кромѣ того, она познакомила насъ съ тогдашними живыми вопросами науки,—объ историческомъ развитіи мірового порядка, объ отношеніи необходимости къ свободѣ, о волѣ, о ступеняхъ развитія государства, о кодификаціи, объ отношеніи практики къ теоріи". Между прочимъ, „исторія философіи древней обработана даже

самобытно; исторія положительнаго права составлена по лучшимъ тогдашнимъ сочиненіямъ объ этомъ предметѣ; главнымъ источникомъ для положительнаго матеріала служили Геренъ, Гансъ, Пасторе, Савиньи, Эйхгорнъ, Захарія, Вальтеръ". „Энциклопедія законовѣденія" Неволина, — заключаетъ авторъ, — не смотря на пятьдесятъ лѣтъ, истекшія со времени ея изданія, не смотря на нѣкоторые недостатки, которые она имѣетъ, остается и до сихъ поръ замѣчательнымъ и полнѣйшимъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ по предмету юридической энциклопедіи: она воспитала цѣлое поколѣніе ученыхъ юристовъ (отчасти, впрочемъ, передавъ ему и свои недостатки) и, безъ сомнѣнія, еще надолго сохранитъ свое значеніе, какъ ученое, основательное собраніе довольно полныхъ свѣденій объ исторіи философіи права и исторіи положительнаго права. Одна общая часть уже устарѣла для настоящаго времени" (стр. 16—18).

Преемникъ Неволина, какъ видно, хорошо знаетъ, какимъ условіямъ долженъ удовлетворять научный университетскій курсъ энциклопедіи права, и если его собственныя лекціи отличаются безсодержательностью и пустотою, то это едва-ли зависитъ лишь отъ недостатка знаній и трудолюбія. Можно думать, что ученымъ новаго типа не приходитъ даже въ голову мысль о приложеніи серьезныхъ научныхъ требованій къ своимъ обязательнымъ лекціямъ и курсамъ; наука остается гдѣ-то въ сторонѣ, въ туманномъ отдаленіи, и отъ ея имени приподносятся намъ какіе-то обрывки свѣденій и разсужденій, взятые неизвѣстно откуда и зачѣмъ, сшитые на живую нитку, излагаемые вяло и скучно, а иногда темно и не совсѣмъ грамотно. Эти лохмотья мнимой науки какъ бы предназначены къ тому, чтобы быть отброшенными и забытыми тотчасъ по минованіи въ нихъ надобности. А между тѣмъ слушателямъ объясняютъ, что „энциклопедія", представляемая подобнымъ образомъ, есть не только особый предметъ преподаванія, но и самостоятельная „истинная наука". Юридическая энциклопедія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ —по словамъ того же автора— „имѣетъ задачею представить науку права какъ живой организмъ, проникнутый одною высшею идеею: для достиженія ея (?) она не довольствуется простымъ заимствованіемъ изъ другихъ наукъ и расположеніемъ матеріала по признакамъ внѣшнимъ, напр. по алфавиту или по системѣ произвольной, но стремится переработать все содержаніе правовѣденія какъ одно цѣлое и въ немъ найти основныя начала и присущую (?) систему права". „Стремленіе къ переработкѣ" и распредѣленіе

готоваго матеріала не по алфавиту принимаются здѣсь за доказательства существованія отдѣльной „истинной науки“!

Свѣжій человѣкъ, который принялъ бы эти слова на вѣру и сталъ бы искать какихъ-либо научныхъ обобщеній или объясненій въ курсѣ этой истинной науки, рисковалъ бы запутать и затемнить даже тѣ понятія и идеи, которыя были у него раньше. Любознательный читатель желаетъ, напримѣръ, узнать, что слѣдуетъ разумѣть подъ націею, по истинной наукѣ. Подъ націею—отвѣчаетъ учебникъ—„можно понимать совокупность людей, происходящихъ отъ одного родоначальника (?!) и соединенныхъ между собою единствомъ языка и нравовъ“; далѣе, „принципъ національный заключается въ совмѣстномъ жительствѣ и чисто естественномъ (?) кровномъ единствѣ“. Если вѣрить этому опредѣленію, то не существуетъ вовсе ни французской націи, ни англійской, ни нѣмецкой, ибо ни одинъ изъ этихъ народовъ не происходитъ отъ одного родоначальника и не обладаетъ „чисто-естественнымъ кровнымъ единствомъ“. Или другой вопросъ: какъ и почему образуется „власть государственная, которая повелѣваетъ и управляетъ государствомъ и которой подчинены всѣ обыватели государства“? Основаніе этой власти—гласитъ отвѣтъ—„заключается не въ волѣ народа, не въ той или другой государственной силѣ и не въ конституціяхъ, а въ безусловной потребности въ ней“. И больше ничего. Почему „безусловная потребность“ удовлетворяется именно такъ, а не иначе, отчего она противопоставляется волѣ народа, для которой она, наоборотъ, должна служить побудительнымъ мотивомъ, и какъ она порождаетъ власть безъ „той или другой государственной силы“—объ этомъ нѣтъ ни слова въ курсѣ „истинной науки“.

Если мы хотимъ знать, что такое государство и каковы его задачи, то мы получимъ столь же краткія и загадочныя объясненія. „Государство живетъ не для самого себя; оно не есть и дѣятель, который можетъ заступить мѣсто человѣка и принять на себя непосредственное удовлетвореніе нуждъ его. Люди суть самостоятельные и отвѣтственные дѣятели, предназначенные трудиться и собственными силами достигать всѣхъ доступныхъ имъ благъ. Государство есть поприще (?) и средство для достиженія людьми своихъ цѣлей. Обязанности его (этого „поприща и средства“?) заключаются въ опредѣленіи и храненіи (охраненіи?) общежитія, т.-е. права, въ управленіи дѣлами государственными и тѣми общественными, которыя, по своей важности, не могутъ быть предоставлены заботамъ самихъ обществъ, и наконецъ въ содѣйствіи отдѣльнымъ лицамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда осуществленіе

частныхъ интересовъ представляетъ общую пользу, а между тѣмъ не можетъ быть достигнуто частными усиліями".

Государство или, вѣрнѣе, государственная власть управляетъ „дѣлами государственными"; но вопросъ вѣдь именно въ томъ, какія именно дѣла признаются государственными? Откуда взялось у автора различіе между дѣлами государственными и общественными, и въ чемъ оно заключается? Почему важныя общественныя дѣла не могутъ быть предоставлены заботамъ самихъ обществъ? Какъ и кѣмъ опредѣляется степень важности общественныхъ дѣлъ, подлежащихъ или не подлежащихъ вѣденію государства? По какимъ признакамъ и основаніямъ рѣшается вопросъ объ общей пользѣ, связанной съ осуществленіемъ какихъ-либо частныхъ предпріятій? Всѣ эти недоумѣнія вызываются лишь немногими фразами о государствѣ; авторъ какъ будто опредѣляетъ что-то, а на самомъ дѣлѣ ставитъ цѣлый рядъ вопросительныхъ знаковъ, принимаемыхъ за нѣчто положительное. Объяснять одни понятія другими, столь же неопредѣленными, и предполагать извѣстнымъ и доказаннымъ то, что̀ требуетъ опредѣленія и доказательства—значитъ въ сущности безцѣльно играть словами. Мнимыя объясненія автора сводятся къ простой тавтологіи: вѣденію государства подлежитъ все то, что̀ признается подлежащимъ ему въ данное время, т.-е. все то, что̀ власть считаетъ нужнымъ взять въ свои руки.

Насколько смутны и сбивчивы взгляды автора на государство, можно видѣть изъ дальнѣйшихъ его замѣчаній по поводу ученія объ обществѣ. Въ приведенныхъ выше разсужденіяхъ несомнѣнно предполагается какое-то принципіальное различіе между обществомъ и государствомъ, между дѣлами общественными и государственными; поэтому авторъ долженъ былъ бы признать вполнѣ логическимъ отдѣльное изученіе общественныхъ явленій, независимо отъ ученія о государствѣ. Но, сверхъ ожиданія, авторъ въ другомъ мѣстѣ возстаетъ противъ такого отдѣленія, и притомъ по весьма страннымъ мотивамъ. „Въ началѣ XIX вѣка,—говоритъ онъ,—возникло ученіе, которое стремилось отдѣлить общество отъ государства и создать (?) особую общественную сферу, занимающую среднее мѣсто между жизнью индивидуальною и государственною и имѣющую извѣстную самостоятельность. Болѣе опредѣленный видъ и обработку получило это ученіе съ пятидесятыхъ годовъ (Моль, Аренсъ, Штейнъ)". Объяснивъ кратко и туманно существенныя черты отличія общества отъ государства по воззрѣніямъ названныхъ теоретиковъ, авторъ дѣлаетъ затѣмъ довольно странную ошибку—онъ смѣшиваетъ теоретическое от-

дѣленіе съ практическимъ, принимаетъ особое изученіе общества за дѣйствительный разрывъ между обществомъ и государствомъ, видитъ въ этомъ отнятіе у государства права воздѣйствія на общественную жизнь и приходитъ къ соотвѣтственнымъ отрицательнымъ заключеніямъ, поражающимъ своею несообразностью.

„Ученіе объ отдѣленіи общества отъ государства, признавая государство только юридическою формою для личной и общественной жизни, есть видоизмѣненіе болѣе ранняго ученія о различіи между государствомъ юридическимъ (правовымъ?) и полицейскимъ (Rechtsstaat и Polizeistaat) и также неосновательно какъ послѣднее (почему и въ чемъ неосновательно послѣднее ученіе—не сказано). Государство, принятое въ смыслѣ юридической организаціи, лишено (?) собственныхъ задачъ, слѣдовательно самостоятельности (?), самодѣятельности, и является простымъ охранителемъ и служителемъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Общественныя сферы, по естественной силѣ вещей, будутъ постоянно стремиться къ бо̀льшей независимости, вслѣдствіе чего граница между государствомъ и обществомъ будетъ разрушаться (?), а государственная организація ослабѣвать. При ближайшемъ изслѣдованіи состава общественныхъ сферъ, оказывается, что онѣ не заключаютъ въ себѣ никакихъ новыхъ элементовъ (этого никто и не утверждалъ), а представляютъ соединеніе силъ личныхъ и государственнаго порядка. Внѣ государственнаго союза общественныя сферы неспособны къ развитію и неминуемо должны разрушиться по недостатку не только права, но и тѣхъ общихъ условій жизни, которыя они находятъ въ цѣлой системѣ государственныхъ отношеній. Такимъ образомъ, государство есть не только организованная юридическая жизнь, но и само общество, обнятое (sic) во всѣхъ своихъ образованіяхъ. Необходимо только (?), чтобы государство (правительство?) сообразовалось съ природою людей, не ослабляло ихъ энергіи напрасными стѣсненіями и вмѣшательствомъ и не стѣсняло бы поприща для развитія ихъ силъ, насколько это согласно съ общимъ благомъ и порядкомъ“ (стр. 40, 46—47, 273—278).

Почтенный авторъ сдѣлался, очевидно, жертвой недоразумѣнія. Ему показалось, что нѣкоторые ученые желаютъ реально отдѣлить общество отъ государства, и онъ усердно возражаетъ противъ этихъ опасныхъ замысловъ. Какъ можетъ государство остаться безъ общества? Мы понимаемъ безпокойство автора въ виду такой непріятной перспективы, но опасеніе его устранилось бы, еслибы онъ принялъ во вниманіе явную неосуществимость предпріятія, приписываемаго имъ теоретикамъ общественной науки.

Мыслимо ли оторвать общество отъ государства, и задавался ли подобною цѣлью кто-либо изъ авторовъ, доказывавшихъ самостоятельное значеніе общественныхъ группъ и интересовъ? Отдѣлить обществовѣденіе отъ государствовѣденія, въ видахъ удобства изслѣдованія и въ силу различія явленій, обнимаемыхъ двумя понятіями,—это, конечно, совершенно не то, что отдѣлить самое общество отъ государства. Отъ такой или иной системы изученія не грозитъ государству ни утрата „собственныхъ задачъ", ни лишеніе „самостоятельносги и самодѣятельности"; научная доктрина, признающая существованіе общественной жизни и дѣятельности независимо отъ государственныхъ формъ, не означаетъ еще посягательства на какія-либо функціи или права государства.

Чтобы опровергнуть опасную будто бы теорію, авторъ одновременно употребляетъ два противоположные аргумента: во-первыхъ, общественныя сферы, развиваясь самостоятельно, будутъ все болѣе вытѣснять собою государство и „разрушать" его границы, что̀, разумѣется, очень нехорошо со стороны „общественныхъ сферъ"; и во-вторыхъ, общественныя сферы вовсе не могутъ развиваться самостоятельно и подрывать значеніе государства, такъ какъ безъ государственнаго содѣйствія онѣ сами „неспособны къ развитію и неминуемо должны разрушиться". Съ одной стороны, общественныя сферы изображаются въ видѣ угрозы для государства, а съ другой—онѣ оказываются безсильными, обреченными на гибель безъ государственной опеки и охраны и потому неспособными стѣснять въ чемъ-либо государство. Первый аргументъ долженъ возбудить въ читателѣ жалость къ государству, могущему пострадать отъ самостоятельности общества, а второй—вызываетъ такое же чувство относительно „общественныхъ сферъ", рискующихъ совершенно зачахнуть и погибнуть подъ бременемъ своей самостоятельности. Можно принять любой изъ этихъ противоположныхъ доводовъ, смотря по желанію и настроенію: государственники убѣдятся первымъ, общественники—вторымъ, и для тѣхъ и другихъ будетъ спокойнѣе устранить особое ученіе объ обществѣ, приводящее къ столь неудобнымъ результатамъ. Для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній авторъ тутъ же рѣшаетъ, что государство есть „само общество, обнятое во всѣхъ своихъ образованіяхъ". Но въ такомъ случаѣ самостоятельный ростъ общества не только не причиняетъ ущерба государству, но, напротивъ, увеличиваетъ его силу, и всѣ предшествующія разсужденія, основанныя на предполагаемомъ антагонизмѣ между государствомъ и обществомъ, падаютъ сами собою. Заключительный совѣтъ, даваемый авторомъ государству (которое

есть и общество),—не стѣснять населенія, т.-е. общества, безъ надобности,—достойно завершаетъ собою этотъ удивительный наборъ логическихъ противорѣчій и недоразумѣній. Что̀ вынесетъ читатель или слушатель изъ такихъ мнимо-научныхъ лекцій?

„Истинная наука“, предлагаемая въ подобномъ видѣ, могла бы быть съ пользой замѣнена простымъ сборникомъ фактическихъ свѣденій, безъ претензіи на какое-либо идейное содержаніе, но и тѣ части затронутаго нами учебника, которыя имѣютъ такой фактическій характеръ, составлены слишкомъ небрежно и поверхностно, чтобы удовлетворять своему назначенію. Книга имѣетъ только одно безспорное достоинство—небольшой объемъ. Самъ авторъ счелъ нужнымъ значительно сократить свое сочиненіе, изданное впервые въ 1868 году подъ болѣе скромнымъ заглавіемъ „Очерковъ юридической энциклопедіи“. Научныя требованія какъ будто сократились, а претензіи увеличились. Старый курсъ Неволина, по богатству разработаннаго въ немъ литературно-философскаго и историческаго матеріала, является какимъ-то недосягаемымъ гигантомъ, сравнительно съ замѣнившимъ его трудомъ г. Ренненкампфа.

Точно такъ же въ петербургскомъ университетѣ читалъ когда-то энциклопедію права покойный Рѣдкинъ, котораго лекціи стали печататься въ послѣдніе годы; семь томовъ, изданные до сихъ поръ и заключающіе въ себѣ только изложеніе древней греческой философіи, представляютъ замѣчательный памятникъ знанія, трудолюбія и научной добросовѣстности. Лекціи Рѣдкина сдѣлали бы честь любой европейской литературѣ; онѣ показываютъ намъ наглядно, какъ относились къ наукѣ оффиціальные дѣятели ея въ недавнее еще время. Теперь мы имѣемъ лекціи г. Коркунова, и матеріалъ для сравненія дается самъ собою. Нужно замѣтить, что названный авторъ принадлежитъ къ числу ученыхъ, серьезно слѣдящихъ за спеціальною литературою и старающихся по возможности стоять на высотѣ современной науки. Онъ философствуетъ самостоятельно, излагаетъ и критикуетъ мнѣнія разныхъ писателей, теряется въ отвлеченностяхъ и въ концѣ концовъ оставляетъ впечатлѣніе чего-то весьма туманнаго и безжизненнаго. Авторъ въ точности слѣдуетъ методу старой схоластики: онъ начинаетъ съ общихъ понятій, установленныхъ болѣе или менѣе произвольно, и путемъ цѣлаго ряда словесныхъ умозаключеній подходитъ къ тому, съ чего слѣдовало начать, т.-е. къ анализу самыхъ явленій, обнимаемыхъ понятіемъ о правѣ; но этотъ анализъ тотчасъ замѣняется простымъ указаніемъ существенныхъ чертъ положительнаго права и законодательства въ современномъ

ихъ состояніи, безъ всякой тѣни сравнительно-историческаго изученія матеріала.

Собираясь объяснить, что̀ такое право, авторъ вдается въ длинныя разсужденія о правилахъ или нормахъ вообще, въ отличіе отъ законовъ природы, и запутывается въ ненужныхъ опредѣленіяхъ, которыя только отдаляютъ читателя отъ реальной почвы права. Правила цѣлесообразности или техническія,—говоритъ онъ, —указываютъ, какъ слѣдуетъ поступать для достиженія какой-либо опредѣленной цѣли. Но „разнообразныя цѣли человѣческой дѣятельности неизбѣжно сталкиваются между собою, такъ что полное, послѣдовательное осуществленіе одной цѣли нерѣдко препятствуетъ осуществленію другой. Человѣкъ ограниченъ и въ своихъ силахъ, и во внѣшнихъ средствахъ, и во времени, и потому для него невозможно полное осуществленіе всѣхъ его цѣлей. Ему приходится ограничивать осуществленіе отдѣльныхъ цѣлей ради возможности ихъ совмѣстнаго осуществленія. При этомъ маловажными цѣлями приходится жертвовать ради осуществленія важнѣйшихъ. Ограничивая такимъ образомъ осуществленіе отдѣльныхъ цѣлей, нельзя обойтись безъ руководящаго начала, безъ правилъ, опредѣляющихъ, какія именно цѣли и въ какой мѣрѣ должны быть ограничены въ своемъ осуществленіи, какъ согласовать между собою осуществленіе разнородныхъ цѣлей. Это приводитъ къ существованію на ряду съ техническими еще другихъ правилъ—этическихъ. Человѣкъ не можетъ руководствоваться въ своей жизни только техническими правилами, только одною цѣлесообразностью. Онъ непремѣнно руководствуется еще и чѣмъ-то другимъ, опредѣляющимъ для него выборъ самихъ цѣлей, заставляющихъ предпочитать одну цѣль другой. По степени умѣлости осуществлять отдѣльныя цѣли, мы судимъ объ искусствѣ, умѣлости людей; по тому, какъ они опредѣляютъ взаимное отношеніе цѣлей, какія цѣли предпочитаютъ другимъ, мы судимъ объ ихъ нравахъ, о томъ, что греки обозначали словомъ „этосъ“. Отсюда и правила, опредѣляющія взаимное соотношеніе разнородныхъ цѣлей человѣческой жизни, называются этическими. Различіе нормъ техническихъ и этическихъ можетъ быть, на основаніи всего сказаннаго, формулировано такимъ образомъ: нормы техническія суть правила осуществленія отдѣльныхъ цѣлей человѣческой дѣятельности; нормы этическія—правила совмѣстнаго осуществленія всѣхъ людскихъ цѣлей“.

При всей многословности этихъ объясненій, они не выдерживаютъ серьезнаго разбора. Неужели этика отличается отъ техники только по способу отношенія къ человѣческимъ цѣлямъ, а

не по самому свойству и содержанію этихъ цѣлей? Развѣ дѣло этики — способствовать совмѣстному осуществленію различныхъ цѣлей, если послѣднія имѣютъ вполнѣ эгоистическій характеръ? Человѣкъ можетъ одновременно стремиться разными путями къ достиженію богатства, къ пріобрѣтенію чиновъ и отличій, къ пользованію всякими наслажденіями и удовольствіями, и этическія нормы не будутъ играть при этомъ никакой роли. Еще болѣе темными оказываются дальнѣйшія разсужденія автора. Этическія правила,—говоритъ онъ,—въ противоположность техническимъ, „не могутъ мѣняться вмѣстѣ съ перемѣной преслѣдуемыхъ цѣлей; они могутъ быть у людей различны, но разъ человѣкъ держится опредѣленныхъ этическихъ правилъ, они не могутъ (?) мѣняться въ зависимости отъ имѣющихся въ виду въ данномъ случаѣ цѣлей. У одного и того же человѣка не могутъ быть различныя этическія правила на разные случаи жизни. Этическія правила опредѣляютъ отношеніе отдѣльныхъ цѣлей человѣка къ общей ихъ совокупности. Поэтому они по необходимости одни для всей дѣятельности человѣка, для всѣхъ цѣлей“. Эти нормы, повторяетъ авторъ, „суть выводы изъ представленія о томъ, какъ опредѣляется гармоническое соотношеніе всѣхъ разнообразныхъ цѣлей человѣческой жизни. Пониманіе такого гармоническаго соотношенія можетъ быть различно, но разъ человѣкъ усвоилъ себѣ извѣстное пониманіе, оно опредѣляетъ для него всѣ этическія правила, являющіяся поэтому выводами изъ одного общаго принципа, выражающагося въ усвоенномъ имъ пониманіи взаимнаго соотношенія жизненныхъ цѣлей“. Что собственно надо разумѣть подъ этическими нормами, о которыхъ потрачено авторомъ столько излишнихъ словъ,—остается все-таки неизвѣстнымъ. Авторъ упорно желаетъ увѣрить читателя, что совмѣщеніе многихъ человѣческихъ цѣлей есть существенный признакъ и необходимое условіе примѣненія этическихъ правилъ. Господство одной какой-нибудь цѣли въ жизни человѣка,—то, что мы видимъ въ наиболѣе высокихъ образцахъ нравственной дѣятельности,—исключаетъ будто бы дѣйствіе этическихъ нормъ съ точки зрѣнія г. Коркунова. „Только въ случаяхъ болѣзненной маніи,—говоритъ онъ,—человѣкъ всю свою дѣятельность подчиняетъ исключительно одной какой-нибудь цѣли. Нормально же развитые, здоровые люди всегда преслѣдуютъ нѣсколько разнообразныхъ цѣлей. Желательность гармоничнаго совмѣстнаго осуществленія разнообразныхъ цѣлей для всѣхъ психически нормальныхъ людей стоитъ поэтому внѣ вопроса. Внѣ вопроса стоитъ для нихъ, слѣдовательно, и обязательность этическихъ нормъ. Единственное

условіе ихъ обязательности — нормальное состояніе душевныхъ способностей". Итакъ, человѣкъ, посвящающій свою жизнь одному великому дѣлу, не соблюдаетъ этическихъ правилъ и не имѣетъ въ нихъ надобности, а предприниматель, достигающій гармоническаго осуществленія всѣхъ своихъ цѣлей въ области своего личнаго благополучія, обязательно руководствуется при этомъ предписаніями этики. Самоотверженный дѣятель, стремящійся единственно къ открытію истины или къ служенію народнымъ и общечеловѣческимъ интересамъ, будетъ маніакомъ, а ловкій дѣлецъ, умѣющій гармонически совмѣщать разнородныя цѣли для устройства блестящей житейской карьеры, будетъ нормально развитымъ, психически здоровымъ и притомъ нравственнымъ человѣкомъ. Это ли хотѣлъ сказать г. Коркуновъ?

Продолжая ходить кругомъ и около предмета, сущность котораго какъ бы намѣренно оставляется въ полутьмѣ, авторъ высказываетъ весьма странные парадоксы и впадаетъ въ неразрѣшимыя противорѣчія. „Несоблюденіе техническихъ нормъ,—по его словамъ,—ведетъ къ недостиженію отдѣльной цѣли въ данномъ случаѣ, и только: оно не отзовется на послѣдующей дѣятельности человѣка. Выразившись сегодня безграмотно, я могу затѣмъ всю остальную жизнь безпрепятственно (?) выражаться съ самымъ щепетильнымъ соблюденіемъ правилъ грамматики; дурно обработавъ одно поле, я могу отлично вспахать и унавозить другое. Несоблюденіе этическихъ нормъ разстраиваетъ, напротивъ, всю нашу дѣятельность, нарушая гармонію руководящихъ ею цѣлей. Разъ совершенное нарушеніе этической нормы долго даетъ себя чувствовать, отзываясь на нашихъ дѣлахъ, дѣлая невозможнымъ для насъ достиженіе многихъ болѣе важныхъ цѣлей. Сознаніе того, что наши собственныя нарушенія этическихъ правилъ въ прошломъ лишаютъ насъ и въ настоящее время возможности достигнуть высшихъ человѣческихъ цѣлей, приводитъ къ самоупрекамъ, къ угрызеніямъ совѣсти и къ признанію безусловной обязательности этическихъ нормъ". Гораздо правильнѣе было бы сказать наоборотъ: неумѣнье дѣйствовать цѣлесообразно въ одномъ случаѣ даетъ основаніе предполагать такое же неумѣнье и въ другихъ однородныхъ случаяхъ; если сегодня человѣкъ оказался безграмотнымъ, то онъ останется такимъ и завтра, и кто плохо вспахалъ одно поле, не обработаетъ лучше и другого. Отступивъ же разъ отъ правилъ нравственности, подъ вліяніемъ увлеченія или необдуманнаго эгоизма, можно во всю остальную жизнь поступать согласно самымъ строгимъ требованіямъ морали; съ другой стороны, для того, чтобы испытывать нравственное недоволь-

ство и угрызенія совѣсти, вслѣдствіе нарушенія какой-либо этической нормы, нужно уже имѣть въ себѣ значительно развитое нравственное чувство и знать въ точности, чего именно требують правила этики. Громадное большинство людей, слѣдующихъ чисто эгоистическимъ инстинктамъ, было всегда и твердо убѣждено, что нельзя дѣйствовать иначе, какъ въ духѣ корысти и вражды; всякій искатель счастья и успѣха доволенъ собою, если ему удалось достигнуть желанныхъ результатовъ хотя бы въ ущербъ другимъ, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ нравственнымъ принципамъ, которые считають для себя обязательными люди иного склада и развитія. Развѣ этическія нормы представляють собою нѣчто постоянное и неизмѣнное у разныхъ народовъ и при разныхъ условіяхъ быта и культуры? Авторъ смѣшиваетъ затѣмъ этическія правила съ обязательными и общеизвѣстными законами, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою возмездіе со стороны общества и государства. „Если этическія нормы нарушаются, если гармонія человѣческихъ цѣлей не установляется, если личные и общественные интересы приходятъ въ рѣзкое столкновеніе, общество не можетъ оставаться безучастнымъ. Нарушитель этическихъ нормъ,—говоритъ г. Коркуновъ,—неуклонно (?) вызываетъ противъ себя судъ и гнѣвъ общества, заинтересованнаго въ томъ, чтобы между личными и общественными цѣлями поддерживалась опредѣленная гармонія. Общество поэтому требуетъ отъ каждаго соблюденія этическихъ нормъ, осуждаетъ за ихъ нарушеніе и даже въ важныхъ случаяхъ караетъ за него. Соблюденіе этическихъ нормъ не есть лишь дѣло субъективнаго усмотрѣнія: онѣ являются предъ нами съ характеромъ объективно-обязательныхъ требованій".

Чтò же такое, наконецъ, эти невѣдомыя этическія нормы г. Коркунова, зависящія отъ пониманія каждаго и вмѣстѣ съ тѣмъ одинаковыя для всѣхъ, въ качествѣ „объективно-обязательныхъ требованій"? Вмѣсто отвѣта на этотъ естественный вопросъ, авторъ спѣшитъ опровергнуть самого себя, доказывая, что этическія правила вовсе не имѣютъ и не могутъ имѣть характера „объективно-обязательныхъ требованій", санкціонированныхъ закономъ и общественною властью. „Установленіе гармоническаго соотношенія разнообразныхъ цѣлей, составляющихъ содержаніе человѣческой жизни,—объясняетъ онъ,—зависитъ отъ цѣлаго ряда крайне измѣнчивыхъ и совершенно субъективныхъ условій. У каждаго человѣка свои цѣли и каждый по своему оцѣниваетъ каждую изъ этихъ цѣлей, по своему опредѣляетъ ихъ взаимное соотношеніе. Чтò для одного представляется незначущимъ, для

другого можетъ составлять главную цѣль жизни. Личныя наклонности, теоретическія воззрѣнія, религіозныя убѣжденія, общественные нравы—все это до безконечности видоизмѣняетъ человѣческіе интересы и ихъ соотношеніе. Принятіе того или другого взгляда на соотношеніе нашихъ цѣлей въ значительной степени есть дѣло чувства, а не логическаго вывода. Содержаніе этическихъ нормъ не можетъ обойтись поэтому безъ примѣси субъективности. Оно представляетъ множество разнообразныхъ оттѣнковъ, постоянно служитъ предметомъ спора; его нельзя основать на строго логическихъ доводахъ, которые бы для всѣхъ безусловно были убѣдительны". Читатель совершенно теряется среди этихъ противорѣчивыхъ и сбивчивыхъ объясненій.

Путаница еще болѣе увеличивается, когда авторъ обращается, наконецъ, къ своей главной задачѣ—къ опредѣленію идеи права. „Мы выяснили (?),—заявляетъ онъ,—различіе двухъ основныхъ категорій нормъ: техническихъ и этическихъ. Къ которой же изъ нихъ должны быть отнесены нормы юридическія? Отвѣтъ на это не можетъ быть сомнителенъ. Юридическія нормы представляютъ всѣ отличительные признаки нормъ этическихъ. Соблюденіе требованій права не ведетъ къ непосредственному осуществленію никакой матеріальной цѣли. Право только опредѣляетъ рамки осуществленія разнообразныхъ интересовъ, составляющихъ содержаніе общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ соблюденіе юридическихъ нормъ признается обязательнымъ для всѣхъ. И наконецъ, содержаніе права не есть только (?) логически необходимый выводъ изъ законовъ природы, что̀ ясно уже изъ самаго факта разнообразія и даже противорѣчія существующихъ юридическихъ нормъ". Если держаться этихъ внѣшнихъ признаковъ, то слѣдовало бы заключить, что, напримѣръ, правила грамматики должны быть также отнесены къ разряду нормъ этическихъ, а не техническихъ, какъ полагаетъ авторъ. Соблюденіе правилъ грамматики такъ же точно „не ведетъ къ непосредственному осуществленію никакой матеріальной цѣли"; оно такъ же несомнѣнно „признается обязательнымъ для всѣхъ", чего нельзя сказать о колеблющихся и субъективныхъ этическихъ нормахъ, и наконецъ, содержаніе правилъ грамматики такъ же точно не есть „логически необходимый выводъ изъ законовъ природы". Почему же, однако, авторъ отнесъ грамматику и педагогію къ области техники? Очевидно, внѣшніе признаки, указываемые г. Коркуновымъ, вовсе не характеризуютъ этическихъ правилъ въ отличіе отъ техническихъ, и самая попытка его разграничить обѣ категоріи нормъ, въ сущности, вполнѣ безцѣльна. Проводя такое раз-

граниченіе, авторъ упустилъ изъ виду, что правила цѣлесообразности имѣютъ свое мѣсто и въ сферѣ этическихъ нормъ и что, въ частности, многія изъ юридическихъ правилъ носятъ на себѣ чисто техническій характеръ (правила о формахъ сдѣлокъ и актовъ, о срокахъ, о судопроизводствѣ и судоустройствѣ). Куда же отнести эти техническія нормы права, если мы будемъ, подобно г. Коркунову, противопоставлять юридическія правила техническимъ?

Непослѣдовательность и неясность мысли, въ связи съ неточностью и тяжеловѣсностью формы, даютъ себя особенно чувствовать при установленіи и анализѣ общихъ понятій. Не опредѣливъ значенія этическихъ нормъ, авторъ раздѣляетъ ихъ на юридическія и нравственныя, причемъ различіе между словами „этическій" и „нравственный" оставлено неразъясненнымъ. Нравственныя правила регулируютъ будто бы гармоническое совмѣщеніе цѣлей и интересовъ въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, а не въ отношеніяхъ людей между собою. „Человѣкъ, взятый отдѣльно, изолированно, внѣ его отношеній къ другимъ людямъ, можетъ руководствоваться одними нравственными правилами... Но если человѣкъ вступаетъ въ сношенія съ другими людьми, если его интересы сталкиваются не только между собой, но и съ интересами другихъ людей, одной нравственной оцѣнки интересовъ недостаточно для внесенія въ дѣятельность людей порядка и гармоніи". Недостаточность эта зависитъ, однако, не отъ того. что нравственные принципы опредѣляютъ лишь отношенія человѣка къ самому себѣ (какъ можно думать по изложенію автора); область морали именно и распространяется главнымъ образомъ на взаимныя отношенія людей, какъ признаетъ самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 52). „Нравственность,—говоритъ онъ,—требуетъ отъ насъ не однихъ добрыхъ намѣреній, но и дѣлъ, и притомъ, большею частью, въ отношеніи къ другимъ". Но нравственныя правила сами по себѣ не обладаютъ внѣшнею санкціею, необходимою для обезпеченія обычныхъ условій общежитія. Отсюда возможность противорѣчій между правомъ и нравственностью. По опредѣленію автора, нравственность даетъ оцѣнку интересовъ, а право—ихъ разграниченіе. Нравственность „есть дѣло болѣе индивидуальное, право—болѣе общественное". Всякая юридическая норма непремѣнно даетъ разграниченіе интересовъ: „Въ гражданскомъ правѣ разграничиваются интересы отдѣльныхъ частныхъ лицъ, вступающихъ въ разнообразныя отношенія: мужа и жены, родителей и дѣтей, покупателя и продавца, нанимателя и наемника, должника и кредитора и т. д. Въ уголовномъ процессѣ разграничиваются интересы общественной власти, заклю-

чающіеся въ наказаніи виновнаго, и интересъ подсудимаго, состоящій въ томъ, чтобы и ему обезпечены были всѣ средства доказать могущую оказаться его невиновность. Въ гражданскомъ процессѣ разграничиваются интересы истца и отвѣтчика. Въ государственномъ правѣ разграничивается интересъ власти и интересъ подданныхъ, интересъ порядка и интересъ свободы. Въ международномъ правѣ разграничивается интересъ международнаго общенія и интересъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ". Въ дѣйствительности, право не только разграничиваетъ и охраняетъ извѣстныя отношенія, но установляетъ такіе институты, какъ собственность, наслѣдованіе, опека; только посредствомъ грубой натяжки можно видѣть простое разграниченіе интересовъ въ уголовныхъ карахъ, въ наказаніи виновныхъ и оправданіи невинныхъ; еще труднѣе сводить къ разграниченію интересовъ содержаніе государственнаго права, гдѣ часто даже мысль о какихъ-либо разграниченіяхъ отвергается, какъ опасная ересь. Если сущность права заключается въ разграниченіи существующаго, то право не имѣетъ творческой роли; но этотъ неизбѣжный выводъ тотчасъ забывается авторомъ, который впадаетъ затѣмъ въ противоположную крайность и приписываетъ праву небывалую самостоятельную силу. „Юридическія нормы,—говоритъ онъ въ слѣдующей же главѣ,—не выражаютъ того, что̀ есть, а указываютъ лишь, что̀ должно быть; онѣ могутъ быть нарушаемы, и онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ причиною явленій (!), а именно всѣхъ тѣхъ явленій, совокупность которыхъ образуетъ юридическій бытъ общества". Это положеніе еще болѣе произвольно, чѣмъ первое: самъ авторъ, конечно, не могъ думать, что, напримѣръ, договоры и обязательства совершаются въ жизни потому, что о нихъ существуютъ извѣстныя юридическія правила, или что люди не пользовались и не владѣли бы вещами, еслибы не было обязательныхъ нормъ относительно владѣнія и пользованія. Во всякомъ случаѣ такой взглядъ совершенно несовмѣстимъ съ опредѣленіемъ права, какъ сферы разграниченія существующихъ интересовъ.

Въ лекціяхъ г. Коркунова подробно разбираются мнѣнія разныхъ авторовъ, отчасти второстепенныхъ и незначительныхъ, по каждому теоретическому вопросу; упоминается много ненужныхъ именъ, оспариваются различныя доктрины, въ томъ числѣ давно устарѣвшія и забытыя всѣми, но о самомъ предметѣ правовѣденія, о фактическихъ основахъ развитія права у разныхъ народовъ, не дается почти никакихъ свѣденій. Еслибы, по крайней мѣрѣ, ходъ литературы излагался въ систематическомъ порядкѣ, а не въ видѣ случайнаго и излишняго балласта или простого ма-

теріала для полемики, то читатель могъ бы получить правильное понятіе о характерѣ юриспруденціи и косвенно о самомъ правѣ; но авторъ даже о римскомъ правѣ говоритъ лишь случайно и отрывочно, въ цѣляхъ полемики. Г. Коркуновъ, между прочимъ, „опровергаетъ“ ученіе римскихъ юристовъ объ естественныхъ нормахъ права, основанныхъ на природѣ вещей, обнаруживая при этомъ весьма своеобразное пониманіе римскаго права вообще: ему кажется, что можно опровергнуть римскихъ юристовъ указаніемъ на то, что напр. естественныя различія между малолѣтними и взрослыми или всеобщее пользованіе моремъ и воздухомъ не всегда признавались законодательствомъ и получали юридическое значеніе „лишь въ силу постановленія закона, которое можетъ существовать и не существовать“ (стр. 85). Выходитъ такимъ образомъ, что законъ и право—одно и то же! Если сознаваемая всѣми природа вещей и отношеній не признается или отрицается закономъ, то это значитъ только, что законъ не соотвѣтствуетъ понятіямъ о правѣ, что онъ несправедливъ или ошибоченъ; этой же точки зрѣнія держится, вѣроятно, самъ г. Коркуновъ и даже доводитъ ее до крайности, когда отвергаетъ, напр., юридическій характеръ отношеній деспота къ вполнѣ безправному народу, отношеній отца къ безправнымъ членамъ патріархальной семьи, отношеній гражданъ къ иностранцамъ въ извѣстныя историческія эпохи, отношеній господина къ рабу (стр. 75), хотя всѣ эти права и полномочія безспорно освящались авторитетомъ закона. Природа вещей, на которую ссылались римскіе юристы, есть не что иное какъ матеріальная, жизненная основа юридическихъ нормъ; иногда это просто здравая человѣческая логика, послѣдовательно анализирующая житейскія отношенія и доходящая въ этомъ анализѣ до математической точности, до настоящаго „счета понятій“ (по выраженію знаменитаго Савиньи). Нападать на эту сторону римскаго права, на роль реальныхъ естественныхъ условій въ его опредѣленіяхъ и толкованіяхъ, всего меньше подобало бы современному юристу, отрицающему безпочвенную отвлеченность въ правовѣденіи.

Нашъ авторъ относится сочувственно къ положительному, историческому направленію въ правѣ; но это сочувствіе не мѣшаетъ ему предлагать читателямъ безсодержательную схоластику подъ видомъ науки. Говоря о содержаніи юридическихъ нормъ, онъ или повторяетъ положенія римскаго права съ тѣми же ссылками на природу вещей, отвергнутыми раньше, или пространно разводитъ идеи нѣмецкихъ систематиковъ съ своими собственными, далеко не всегда удачными, комментаріями. Вотъ какъ мотиви-

руется, напримѣръ, стѣсненіе свободы публичнаго слова: „Подвергаются также особымъ ограниченіямъ обнаруженія мыслей путемъ печати или публичныхъ рѣчей, такъ какъ тутъ обнаруженіе получаетъ особенно широкую гласность и, что особенно важно, при такой формѣ обнаруженія мысли воспріятіе ея, до извѣстной степени, навязывается другимъ противъ ихъ воли. Напередъ читатель не можетъ знать, что содержится въ данной брошюрѣ или газетной статьѣ, а прочтя ее, онъ уже не можетъ освободиться отъ полученнаго отъ чтенія впечатлѣнія. Въ такое же положеніе ставится и всякій случайный слушатель публичной рѣчи“. Авторъ не прибавляетъ, какъ достигнуть оцѣнки впечатлѣній прежде чѣмъ они произведены, и почему вообще нужно охранять людей отъ извѣстныхъ умственныхъ воспріятій, если эти люди не малолѣтніе и не душевно-больные?

Какъ образчикъ „научныхъ“ положеній, развиваемыхъ авторомъ, приводимъ любопытное разсужденіе о правахъ относительно человѣческаго организма: „Что касается отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла, то надо различать части уже отдѣленныя и неотдѣленныя (!). Отдѣлившаяся часть человѣческаго тѣла—напримѣръ, отрѣзанные волоса (часть тѣла!), выдернутый зубъ, срѣзанная опухоль (!), приравнивается по своему юридическому положенію (sic) къ положенію другихъ вещей, потому что въ отдѣлившейся части тѣла уже не могутъ проявляться силы человѣка (напр., въ волосахъ или въ опухоли?). Неотдѣленныя же части человѣческаго тѣла, составляя принадлежность личности, не могутъ подчиняться чужой власти. Поэтому не можетъ существовать право непосредственно на чужое тѣло или на его неотдѣленныя части (!). Нельзя пріобрѣсть права собственности на неотрѣзанные еще волосы, на невыдернутые еще зубы; нельзя пріобрѣсть права пользованія чужимъ тѣломъ, напримѣръ тѣломъ урода, карлика, великана, для показыванія его за деньги публикѣ. Можно пріобрѣсть право только на дѣйствіе человѣка, заключающееся въ предоставленіи пользованіи его тѣломъ или частями тѣла (?!). Если же онъ отказывается добровольно совершить это дѣйствіе, принужденіе не можетъ имѣть мѣста. Въ такомъ случаѣ можно требовать только вознагражденія за причиненный отказомъ ущербъ“ (стр. 139—140). Авторъ долженъ былъ бы сдѣлать необходимую оговорку, что его категорическія отрицанія касаются лишь современныхъ культурныхъ государствъ, въ которыхъ признается принципъ личной свободы и неприкосновенности; въ другихъ странахъ существуетъ еще право на пользованіе чу-

жимъ тѣломъ, и даже общественная или правительственная власть оставляетъ за собою кой-какія права на нѣкоторыя „неотдѣленныя части“ (по классификаціи г. Коркунова) человѣческаго организма. Далѣе мы узнаёмъ, что „звѣзды, облака не могутъ быть объектомъ права“ и что, сверхъ того, есть вещи, которыя „по самой своей природѣ могутъ быть объектомъ только общаго пользованія, напр. воздухъ, проточная вода, открытое море“ (повтореніе римскаго „естественнаго“ правила, противъ котораго раньше спорилъ авторъ). „Послѣднюю категорію объектовъ права“ составляетъ будто бы „сила общества“, хотя не видно, о какомъ правѣ тутъ идетъ рѣчь. Если вѣрить автору, „всѣ людскіе союзы сводятся къ одному общему союзу (?) человѣчества, такъ какъ человѣчество обнимаетъ собою всѣ меньшіе союзы и они зависятъ (?) отъ него“; только „сила организованныхъ союзовъ, проявляющаяся какъ власть ихъ надъ своими членами, и можетъ быть объектомъ правъ“ (публичныхъ или частныхъ?). Чтобы объяснить разницу между простою дозволенностью чего-либо и дѣйствительнымъ правомъ, авторъ серьезно сравниваетъ возможность выгодной контрабанды съ дозволеннымъ фактическимъ пользованіемъ какими-либо выгодами, безъ прямого права на нихъ. „Такъ, установленіе высокаго таможеннаго тарифа и, слѣдовательно, обязанности уплачивать при ввозѣ иностранныхъ товаровъ большія пошлины создаетъ выгодныя условія не только для внутренняго производства, но и для занятія контрабандой. Обязанность домохозяина, по договору съ жильцомъ верхняго этажа, освѣщать и устилать ковромъ лѣстницу даетъ и жильцамъ нижнихъ этажей возможность пользоваться этими удобствами. Но ни контрабандистъ, ни жилецъ нижняго этажа не имѣютъ права, потому что выгодами, вытекающими для нихъ изъ существованія данной юридической обязанности, они могутъ пользоваться лишь по стольку, по скольку фактическія обстоятельства дѣлаютъ это возможнымъ. Если же обстоятельства сложатся иначе и воспользоваться этой выгодой для нихъ окажется невозможнымъ, они не могутъ требовать ни отъ кого, чтобы фактическія обстоятельства были измѣнены ради предоставленія имъ возможности ходить по лѣстницѣ, устланной ковромъ, или заниматься съ выгодой провозомъ контрабанды“. Въ дѣйствительности, примѣръ контрабанды совершенно не относится къ разсматриваемому авторомъ вопросу, ибо не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо правѣ на выгоды такого занятія, которое запрещено и преслѣдуется закономъ. Подобныхъ логическихъ ошибокъ встрѣчается не мало въ лекціяхъ г. Коркунова. Юридическія сдѣлки, по его мнѣнію, могутъ быть и одно-

сторонними, и двусторонними; „примѣрами односторонней сдѣлки могутъ служить завѣщаніе и отказъ отъ собственнаго права“ (стр. 149). Но слово „сдѣлка“, уже по своему этимологическому смыслу, предполагаетъ участіе двухъ или нѣсколькихъ лицъ; нельзя заключить сдѣлку съ самимъ собою, и потому выраженіе „односторонняя сдѣлка“ заключаетъ въ себѣ очевидное внутреннее противорѣчіе (contradictio in adjecto). Завѣщаніе и отказъ отъ собственнаго права суть юридическіе акты, а не сдѣлки. Распоряженія должностныхъ лицъ будто бы также бываютъ двусторонними, хотя не имѣютъ формы договора; одна изъ участвующихъ сторонъ есть властвующая, другая — подчиненная, и „взаимное ихъ соотношеніе получаетъ характеръ соотношенія просьбы (напр., объ опредѣленіи на службу, дачѣ концессіи) и соизволенія на нее (принятіе на службу и предоставленіе концессіи)“. Нѣтъ надобности объяснять, что просители не суть участники тѣхъ правительственныхъ распоряженій, которыя могутъ состояться по ихъ ходатайству, и что распоряженіе остается вполнѣ одностороннимъ, даже когда оно вызвано просьбами частныхъ лицъ.

Остановившись надъ вопросомъ о различіи между частнымъ правомъ и публичнымъ, г. Коркуновъ, по обыкновенію, обращаетъ главное вниманіе на второстепенные и поверхностные признаки: онъ находитъ какую-то противоположность между „подѣленіемъ объекта въ частное обладаніе“ и „приспособленіемъ объекта къ осуществленію опредѣленнаго интереса“, и эта мнимая противоположность кажется ему достаточною основою для классификаціи. „Всѣ характеристическія особенности частнаго и публичнаго права, —говоритъ онъ,—вполнѣ объясняются различіемъ подѣленія (sic) объекта и его приспособленія“. Но развѣ объекты частнаго права не приспособляются „къ осуществленію опредѣленныхъ интересовъ“? Вѣдь трудъ приспособленія предметовъ къ потребностямъ человѣка составляетъ именно источникъ и основаніе частныхъ имущественныхъ правъ; какимъ же образомъ это приспособленіе можетъ быть принято за спеціальный признакъ правъ публичныхъ? Вѣрнѣе сказать наоборотъ, что дѣло приспособленія играетъ гораздо меньшую роль въ правѣ публичномъ, чѣмъ въ частномъ: право государства на территорію, на судоходныя рѣки, на прибрежныя морскія воды не предполагаетъ никакого предварительнаго приспособленія объекта, тогда какъ предметы частнаго обладанія пріобрѣтаютъ цѣнность только вслѣдствіе возможнаго извлеченія изъ нихъ извѣстныхъ выгодъ при обработкѣ или пользованіи со стороны владѣльцевъ. Правда, авторъ незамѣтно прибавляетъ затѣмъ другой признакъ и говоритъ уже о приспособ-

леніи къ „совмѣстному или общему пользованію"; но тогда дѣло уже не въ приспособленіи объекта, а въ различіи самихъ цѣлей и интересовъ. Однако, и совмѣстное пользованіе нисколько не помогаетъ уясненію вопроса; частные пароходы могутъ быть прекрасно приспособлены къ общему пользованію, и тѣмъ не менѣе они остаются предметами частнаго права, а не публичнаго; то же самое можно сказать о крупныхъ частныхъ предпріятіяхъ и сооруженіяхъ, разсчитанныхъ на удовлетвореніе общихъ потребностей или интересовъ публики. Авторъ дѣлаетъ еще одну прибавку и незамѣтно вводитъ элементъ „общаго публичнаго интереса" въ противоположность частному" (стр. 165), т.-е. вводитъ различіе интересовъ, принятое римскимъ правомъ и рѣшительно отвергаемое г. Коркуновымъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 153). Въ общемъ получается нѣчто крайне неясное и противорѣчивое. По словамъ автора, можно легко объяснить существованіе частныхъ правъ и государства, если основывать различіе частнаго и публичнаго на „различіи подѣленія и приспособленія". Такъ, „если государству предоставляется власть надъ даннымъ объектомъ ради его приспособленія къ общему пользованію—это право публичное: таково право государства на дороги. Если же, напротивъ, данный объектъ предоставляется государству только для пользованія самимъ правительствомъ ради извлеченія изъ него средствъ для приспособленія другихъ объектовъ (?)—это право частное: таково право государствъ на государственное имущество, доходы съ котораго идутъ на удовлетвореніе тѣхъ или другихъ задачъ государственнаго управленія". Послѣднее невѣрно: правительственная власть располагаетъ государственными имуществами не на частномъ правѣ, а на публичномъ, хотя и съ соблюденіемъ общихъ юридическихъ нормъ объ имущественныхъ правахъ; самое выраженіе „государственное имущество" исключаетъ мысль о частномъ характерѣ правъ на эти имущества. Наконецъ, настаивая на различіи „подѣленія объекта и приспособленія его", г. Коркуновъ забываетъ о важнѣйшей области публичныхъ правъ, гдѣ нѣтъ вовсе объектовъ, допускающихъ раздѣленіе и приспособленіе,—таковы публичныя права гражданъ, права государственной власти по отношенію къ подданнымъ, права общественныя и политическія. Стоило ли такъ развязно отвергать простое и ясное опредѣленіе римскихъ юристовъ, чтобы замѣнить его этою безнадежною и непонятною путаницею „подѣленія и приспособленія"? Въ концѣ концовъ, все-таки остается публичнымъ правомъ то, которое имѣетъ своимъ предметомъ интересъ общественный, а частнымъ то, которое касается пользы отдѣльныхъ лицъ,

какъ это установлено еще въ римскомъ правѣ. Для чего же нужно было затемнять предметъ напрасными попытками самостоятельныхъ блужданій, могущихъ только сбить съ толку читателя?

Болѣе удовлетворительно составлены главы объ обществѣ и государствѣ (стр. 167—253), причемъ принята во вниманіе и новѣйшая соціологическая литература; послѣдній отдѣлъ книги—объ образованіи и происхожденіи права—страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и разсмотрѣнная нами часть лекцій, но содержитъ въ себѣ больше фактическихъ свѣденій, не подлежащихъ спору (объ источникахъ права—обычаѣ и законѣ, о нашемъ сводѣ законовъ, о примѣненіи и толкованіи законовъ и др.). Вопросы общаго государственнаго права разсмотрѣны г. Коркуновымъ въ особомъ сочиненіи, въ которомъ преобладаетъ тотъ же апріорный методъ, сводящійся въ сущности къ схоластикѣ, пока идетъ дѣло объ общихъ понятіяхъ; но при обсужденіи частныхъ принциповъ приводятся историческія и литературныя указанія, придающія книгѣ несомнѣнный интересъ. Едва ли многіе согласятся со взглядомъ автора, что „государство есть юридическое отношеніе" (стр. 21); читатель мало вынесетъ изъ теоретическихъ разсужденій о природѣ государства и о различныхъ его формахъ, такъ какъ эти разсужденія не имѣютъ подъ собою положительной почвы и не всегда сообразуются съ фактическимъ матеріаломъ, даваемымъ исторіею разныхъ народовъ. Но можно отмѣтить отдѣльныя мѣста, заимствованныя изъ хорошихъ западно-европейскихъ источниковъ или навѣянныя ими,—мѣста, заслуживающія сами по себѣ вниманія и сочувствія. Власть, говорится напр. въ книгѣ г. Коркунова, неприложима къ осуществленію духовныхъ интересовъ. „Властью нельзя выяснить истины, нельзя вселить въ сердце человѣка вѣру. Правда, исторія представляетъ не мало примѣровъ того, какъ государственная власть задавалась подобными невыполнимыми для нея задачами. Но дѣло въ томъ, что въ результатѣ получались не успѣхи знанія, а остановка научнаго развитія, не утвержденіе вѣры, а утвержденіе религіознаго индифферентизма" (стр. 11—2). „Важнымъ элементомъ силы общественной власти" признается то, что „она можетъ явиться носительницей прогрессивныхъ идей, руководительницей общества". Въ такомъ случаѣ „она находитъ себѣ опору въ сочувствіи наиболѣе прогрессивныхъ и, слѣдовательно, наиболѣе дѣятельныхъ, наиболѣе жизненныхъ элементовъ общества. Бездѣятельное правительство, не умѣющее поставить себѣ достаточно высокую цѣль и ограничивающееся боязливымъ обереганіемъ существующаго status quo, по необходимости должно быть слабымъ,

потому что развитіе общественное идетъ въ такомъ случаѣ естественно помимо власти, опережаетъ ее, и власть является, въ силу этого, несоотвѣтствующею измѣнившимся условіямъ и потребностямъ общественной жизни. Только такая власть можетъ вести за собою общество, которая сама идетъ впередъ и притомъ къ сознательной и опредѣленной цѣли" (стр. 25). Развитіе свободы „не представляетъ противоположности развитію государственнаго могущества. Сильнымъ можетъ быть только государство развивающееся, прогрессивное, а первымъ условіемъ и единственнымъ источникомъ прогрессивнаго развитія общественной жизни служитъ, конечно, индивидуальная самостоятельность. Новое, прогрессивное, всегда является сначала какъ индивидуальное достояніе и только мало-по-малу завоевываетъ себѣ общее признаніе. Поэтому общество, въ которомъ вовсе была бы подавлена индивидуальная свобода, было бы по необходимости обречено на застой и, слѣдовательно, на обезсиленіе. Обезпеченіе гражданской свободы только въ частныхъ случаяхъ представляется стѣсненіемъ власти; въ общемъ же оно приводитъ къ ея усиленію. Кромѣ того, власть, ограничивающая себя въ интересахъ свободы, представляется подданнымъ менѣе тягостною, болѣе согласною съ ихъ нравственнымъ чувствомъ, болѣе справедливой. Ей повинуются охотнѣе, она вызываетъ меньше противодѣйствія и недовольства. Все это опять упрочиваетъ господство власти. Такимъ образомъ, самоограниченіе власти въ интересахъ свободы оказывается надежнѣйшей политикой власти, лучшимъ средствомъ упрочить свое властвованіе" (стр. 92). Возможность свободнаго общенія между людьми „составляетъ необходимое условіе и личнаго, и общественнаго развитія, и правительство, которое стѣсняетъ свободу общенія, само подрываетъ свою основу, такъ какъ въ человѣкѣ, который волей-неволей долженъ замкнуться въ узкіе личные интересы, не могутъ не заглохнуть интересы къ общественнымъ дѣламъ, и при такихъ условіяхъ окажется неизбѣжно недостатокъ честныхъ и умѣлыхъ дѣятелей" (стр. 119). Религіозная свобода „есть необходимое условіе возможности развитія религіознаго чувства и силы религіозныхъ убѣжденій. Поэтому, стѣсненіе религіозной свободы можетъ быть оправдано не въ интересахъ самой религіи, а только въ интересахъ государства, когда, въ силу извѣстныхъ историческихъ условій, духовная власть какого-нибудь религіознаго общества является силой опасной для государства, или угнетающею духовную и нравственную свободу гражданъ, какъ это и имѣется нерѣдко въ дѣйствительности, напримѣръ, относительно католическаго духовенства" (стр. 128).

Этотъ человѣческій языкъ и эти здравыя мысли находятъ себѣ мѣсто въ изложеніи государственнаго права иностранныхъ державъ, которое не принадлежитъ къ числу обязательныхъ предметовъ университетскаго преподаванія, и эта книга г. Коркунова, вѣроятно, не предназначена служить учебникомъ, какъ его „лекціи по общей теоріи права".

Лекціи г. Коркунова по общей теоріи права, какъ и энциклопедія г. Ренненкампфа, интересны для насъ только въ качествѣ руководствъ, изъ которыхъ университетская молодежь должна почерпать свои теоретическія знанія по наукѣ права. Мы видѣли, что эти вмѣстилища „научныхъ истинъ", подлежащихъ усвоенію умами учащагося поколѣнія, изобилуютъ продуктами весьма сомнительнаго качества. Жаждущимъ знанія дается, вмѣсто полезной умственной пищи, какая-то мутная вода, наполненная ненужнымъ балластомъ; подъ фирмой науки приподносится намъ какая-то странная смѣсь схоластики съ оригинальными логическими несообразностями и противорѣчіями. Приходится отъ души пожалѣть людей, которые вынуждены питаться подобнымъ матеріаломъ для удовлетворенія своей потребности въ знаніяхъ.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.

The heavy clouds may be raining
But with the evening comes the light...

Чѣмъ сильнѣй бушуютъ грозы,
Тѣмъ вечерній ярче свѣтъ,
Если тьма полна угрозы—
Будетъ радостенъ разсвѣтъ.

Всѣхъ, впередъ грядущихъ съ вѣрой,—
Всѣхъ любовь вознаградитъ,
И воздастся полной мѣрой
Тѣмъ, кто въ битвѣ устоитъ.

Слово, чуждое сомнѣнья—
Намъ залогъ поры иной,
И въ минуту „пробужденья" —
Пробудимся мы душой!

II.

СВѢТЪ И ТѢНЬ.

Think not that I will be failing
As all that's lovely fleeth by...

Все отцвѣтетъ и все кругомъ увянетъ,
Глухая ночь идетъ на смѣну дню,
Но пусть меня грядущее обманетъ—
Былому я во вѣкъ не измѣню.

Оно ушло—быть можетъ, слишкомъ скоро,
Ушло, какъ все, чѣмъ жизнь была красна,
Но все же я не шлю ему укора,
Въ моей душѣ царитъ печаль одна.

Такъ иногда, благоуханнымъ лѣтомъ,
Во мглѣ ночей мы видимъ темный лѣсъ,
Какъ серебромъ, залитый луннымъ свѣтомъ,
Струящимся съ безоблачныхъ небесъ.

И блещетъ онъ, въ серебряномъ уборѣ
Красуяся, но вотъ проходитъ мигъ—
И лунный свѣтъ, дробясь въ далекомъ морѣ,
Къ волнамъ его, ласкаяся, приникъ...

Игрой лучей небрежно прихотливой
Прибрежныхъ волнъ теперь коснулся онъ,
А темный лѣсъ по прежнему тоскливо
Стоитъ, во мглу и сумракъ погруженъ.

О. Михайлова.

ПЕРВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О СИБИРИ

и

РУССКОЕ ЕЯ ЗАСЕЛЕНІЕ

— *Д. Н. Анучинъ.* Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ. Съ 14-ю рисунками въ текстѣ. М. 1890. 4°.

— *А. В. Оксеновъ.* Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака („Сибирскій Сборникъ“, подъ ред. Н. М. Ядринцева, кн. IV. Спб. 1887).

— *И. И. Тыжновъ.* Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI вѣка („Сибирскій Сборникъ“, подъ ред. Н. М. Ядринцева, Спб. 1887,— и тоже подъ ред. В. А. Ошуркова, Иркутскъ, 1890).

— *Е. Е. Замысловскій.* Чертежи сибирскихъ земель XVI — XVII вѣка („Журн. мин. просв.“ 1891, іюнь).

— *П. Н. Буцинскій.* Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ, 1889.

Давно уже выяснено, что завоеваніе одной мѣстности западной Сибири Ермакомъ не было первымъ ознакомленіемъ русскихъ съ этою страною. Не только издавна, даже съ XI-го вѣка, новгородскіе походы простирались до Югорской земли, ближайшаго преддверія Сибири, но съ XV-го вѣка прямое и косвенное вліяніе московскаго государства проникало до самой собственной Сибири, и сибирскіе владѣльцы вступали даже въ подданство московскаго государя. Походъ Ермака, съ извѣстнымъ содѣйствіемъ именитыхъ людей Строгановыхъ, былъ только естественнымъ завершеніемъ давно подготовлявшагося дѣла; тѣмъ не менѣе онъ былъ все-таки событіемъ первостепенной важности потому, что былъ первымъ фактическимъ завладѣніемъ ближайшихъ сибирскихъ

земель, послѣ котораго занятіе всей остальной Сибири до Охотскаго моря и Камчатки совершилось съ необычайною быстротою. Извѣстно, что для занятія этой громадной страны не потребовалось никакого большого похода и употребленія какой-нибудь значительной военной силы: походъ Ермака былъ первымъ и послѣднимъ нѣсколько крупнымъ военнымъ дѣломъ; затѣмъ присоединеніе Сибири произошло постепеннымъ захватомъ, который производился небольшими партіями военныхъ промышленниковъ и торговцевъ, дѣйствовавшихъ нерѣдко чисто на свой страхъ, безъ всякаго участія и пособія оффиціальной власти. Это была какъ бы только естественная колонизація, въ которой дѣйствовали побужденія торговыя, военно-промышленныя и уже вслѣдъ за ними стала дѣйствовать—и окончательно укрѣпила страну за русскимъ народомъ и государствомъ—колонизація земледѣльческая.

Самая исторія этого занятія Сибири, особенно его первой эпохи, до послѣдняго времени оставалась однако очень мало выяснена; нельзя сказать, чтобы она и въ настоящую минуту была выяснена достаточно. По крайней мѣрѣ вопросъ о ней поставленъ, и между прочимъ рядъ сочиненій, болѣе или менѣе важныхъ, заглавія которыхъ выше приведены, посвященъ указанію первыхъ извѣстій о Сибири и исторіи ея заселенія. Вопросъ остается труднымъ по одной весьма элементарной причинѣ. Старые русскіе люди бывали не весьма грамотны; интересъ историческій былъ развитъ въ нихъ очень слабо, и когда они считали нужнымъ занести въ исторію, то-есть въ лѣтопись, какія-нибудь событія, они дѣлали это, даже въ очень позднія времена, по старой лѣтописной рутинѣ, очень кратко, случайно, иногда только черезъ многіе десятки лѣтъ, уже не по прямымъ фактамъ, а по преданіямъ, сохранившимся случайно. Ермакъ не имѣлъ своего историка; о немъ остались только подобныя лѣтописныя сказанія, неясныя и противорѣчивыя до такой степени, что онъ сталъ отчасти лицомъ баснословнымъ. Позднѣйшимъ историкамъ приходилось съ немалыми трудами связывать отрывочныя данныя и сглаживать противорѣчіе источниковъ, доходившее до того, что по нѣкоторымъ изъ нихъ вся иниціатива Ермака сводилась почти къ нулю и занятіе Сибири представлялось дѣломъ Строгановыхъ.

Не мудрено, что большую неясность представляли въ нашихъ источникахъ и тѣ данныя, по которымъ можно было бы судить о первомъ знакомствѣ русскихъ съ отдаленными странами Сибири. Здѣсь опять источники состоятъ изъ отрывочныхъ данныхъ, которыя въ старину никогда не были объединены во что-нибудь

цѣлое и дошли до насъ только случайными фрагментами. Новѣйшему историку остается собирать эти фрагменты и возстановлять по нимъ старыя представленія, разработывая не только точныя показанія (обыкновенно скудныя), но и малѣйшіе намеки.

Такую работу предпринялъ г. Анучинъ въ своемъ чрезвычайно интересномъ изслѣдованіи. Памятникъ, на которомъ онъ останавливается, представляетъ собою древнѣйшее, какое только сохранилось въ нашей письменности, извѣстіе о Сибири. Это—статья („О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“), которая нерѣдко встрѣчается въ старыхъ рукописяхъ и древнѣйшій списокъ которой относится къ концу XV-го вѣка. Однажды эта статья была даже издана [1]), но не обратила на себя особеннаго вниманія потому, что баснословныя подробности, съ какими она говорила о „незнаемыхъ людяхъ“, заставляли относить ее къ числу фантастическихъ средневѣковыхъ сказаній, въ которыхъ трудно искать факта. Нѣкоторымъ историкамъ казалось даже, что въ данномъ случаѣ было не только наивное баснословіе о слишкомъ мало извѣстной старинѣ, но намѣренная выдумка. „Люди, побывавшіе въ это время (время до Ермака) за Уральскими горами, —говоритъ г. Оксеновъ,—не довольствовались однимъ простымъ описаніемъ видѣннаго ими, но въ большинствѣ случаевъ склонны были, по разнымъ мотивамъ, къ преувеличеніямъ въ своихъ разсказахъ или вообще къ невѣрной передачѣ свѣденій. Одни, какъ напримѣръ люди торговые, старались насказать побольше разныхъ ужасовъ о Зауральскихъ земляхъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли и промысла пушнымъ товаромъ, и чтобы оставить за собой выгоды отъ этихъ промышленныхъ предпріятій. Другіе, какъ напримѣръ люди воинскіе, любили похвастать тѣмъ, что имъ приходилось во время походовъ въ сѣверо-западную Азію совершать невѣроятные подвиги въ борьбѣ съ тамошнею суровою природою и дикими обитателями, причемъ какъ природу, такъ и обитателей этой части Азіи они старались надѣлять разными чудовищными аттрибутами. Третьи, по разнымъ случаямъ побывавшіе за Ураломъ и не обладавшіе способностью отнестись критически къ разнымъ слухамъ и понимать видѣнное ими, также передавали многое въ извращенномъ видѣ“.

Новый изслѣдователь взглянулъ на дѣло иначе.

Въ сказаніи XV-го вѣка элементъ баснословный присутствуетъ

[1]) Г. Ѳирсовымъ въ его книгѣ: „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ“. Казань, 1866,—по той же рукописи Соловецкой библіотеки, которую повторилъ теперь и г. Анучинъ въ болѣе отчетливомъ чтеніи и съ варіантами изъ нѣсколькихъ другихъ списковъ.

несомнѣнно, и притомъ не въ маломъ количествѣ. Предстоитъ разобрать, чѣмъ можно объяснить это баснословіе: не могло ли быть, что темные разсказы о дальнихъ сибирскихъ народахъ, переходя изъ устъ въ уста сами собой преувеличивались до фантастическихъ размѣровъ или же смѣшались въ воображеніи составителей сказанія съ какими-нибудь книжными баснословіями: это послѣднее и предполагалось нѣкоторыми нашими археологами. Дѣйствительно въ тѣ времена, когда географическія свѣденія были вообще крайне бѣдны, когда народы знали съ нѣкоторой точностію только своихъ ближайшихъ сосѣдей, представленія о странахъ и народахъ отдаленныхъ бывали обыкновенно преисполнены фантастическимъ элементомъ. Далекія земли обитаемы были народами совершенно особыми, не похожими на обыкновенныхъ людей, даже до окончательной потери человѣческаго образа. На извѣстной ступени развитія литература всѣхъ культурныхъ народовъ представляетъ множество примѣровъ подобнаго баснословія. Оно было распространено на востокѣ, въ классической древности, въ средніе вѣка. Разъ пущенное въ ходъ фантастическое сказаніе охотно повторялось легковѣрными людьми, изъ одной литературы переходило въ другую, и нѣкоторыя басни, унаслѣдованныя средними вѣками отъ классической древности, были столь живучи, что уцѣлѣли въ простонародномъ повѣріи и до сихъ поръ [1]). Гомеръ разсказываетъ о пигмеяхъ, о людоѣдахъ лестригонахъ, о циклопѣ Полифемѣ; въ болѣе просвѣщенное время „отецъ исторіи", Геродотъ, разсказалъ не мало баснословія о счастливыхъ гипербореяхъ, объ одноглазыхъ аримаспахъ и т. д., которыхъ онъ, конечно, не видалъ. Затѣмъ другіе классическіе писатели разсказали еще не мало исторій о чудесныхъ народахъ, и эти сказанія, перешедши въ изобиліи въ средневѣковую литературу, были здѣсь дополнены новыми варіаціями. Извѣстно, что и наша старая письменность не была чужда тому же фантастическому представленію о народахъ дальнихъ странъ; извѣстенъ лѣтописный разсказъ о Югрѣ и т. п. Многія переводныя сказанія, какъ напримѣръ сказаніе о богатой Индіи, „Александрія", „Луцидаріусъ" и пр. заключали въ себѣ цѣлую галлерею „дивьихъ" народовъ и чудесныхъ странъ; въ „Александріи" македонскій царь, переступивъ границу извѣстныхъ земель, переходилъ по-

1) Такъ напримѣръ въ народѣ обращаются до сихъ поръ разсказы о песьи-головцахъ, или о людяхъ съ одной ногой и одной рукой, которые бѣгаютъ очень быстро, сцѣпившись одинъ съ другимъ, и т. п. Послѣднее намъ случилось слышать въ непосредственномъ народномъ разсказѣ изъ новгородской губерніи — такіе люди существуютъ будто бы и въ настоящее время.

томъ только отъ одного чуда къ другому. Нѣкоторыя подробности нашего сказанія о незнаемыхъ людяхъ въ восточной странѣ совпадаютъ съ этой книжной фантастикой; не были ли онѣ и взяты прямо отсюда?

Г. Анучинъ категорически отвергаетъ подобное заимствованіе. Во-первыхъ, говоритъ онъ, эта книжная фантастика пришла къ намъ въ памятникахъ сравнительно позднихъ, а во-вторыхъ, по ближайшему сличенію не оказывается никакихъ явственныхъ слѣдовъ непосредственнаго вліянія. Все, что̀ говорится здѣсь, напримѣръ, о людяхъ мохнатыхъ отъ пупа до долу, о людяхъ живущихъ въ землѣ и пр., „все это совершенно оригинально; если же въ другихъ извѣстіяхъ и встрѣчается нѣчто напоминающее разсказы въ древнихъ и западныхъ литературахъ, напримѣръ о людяхъ безъ головъ, о нѣмомъ торгѣ,—то и это немногое обставлено настолько оригинальными подробностями, что заставляетъ предполагать скорѣе совпаденіе или сходство, чѣмъ какое бы то ни было заимствованіе. По всѣмъ признакамъ, составитель „Сказанія" писалъ не мудрствуя лукаво, что̀ зналъ и слышалъ, и не думалъ хвастаться ни своими знаніями, ни своими приключеніями. Еслибы это былъ человѣкъ начитанный, слыхавшій о разныхъ дивныхъ людяхъ, и еслибы онъ желалъ пополнить свой разсказъ на счетъ книжной мудрости, то онъ, вѣроятно, пошелъ бы много далѣе въ своихъ вымыслахъ, которые бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, представили гораздо большее сходство съ подобными же разсказами въ другихъ литературныхъ памятникахъ, а также, по всей вѣроятности, сослался бы на какой-нибудь авторитетъ... Ничего подобнаго въ разбираемомъ нами сказаніи нѣтъ; оно носитъ вполнѣ характеръ простого, безпритязательнаго разсказа человѣка, которому пришло на мысль записать все извѣстное ему и слышанное относительно народовъ, живущихъ далеко на сѣверѣ и востокѣ, за Югорскою землею, — относительно ихъ вида, быта и имѣющагося у нихъ товара" (стр. 19—20).

Чтобы читателю понятнѣе было дальнѣйшее изложеніе, приводимъ нѣсколько вкратцѣ это сказаніе, которое г. Анучинъ считаетъ новгородскимъ (что̀ и вѣроятно). Статья начинается такъ:

„На восточнѣй странѣ, за Югорьскою землею надъ моремъ живутъ люди Самоѣдь, зовомы Могонзѣи; а ядь ихъ мясо оленье да рыба, да межи собою другъ друга ядять, а гость къ нимъ откуды пріидѣть, и они дѣти свои закалають на гостей, да тѣмъ кормять, а которой гость у нихъ умреть, и они того съѣдають, а въ землю не хоронять, а своихъ тако же. Сія же люди не велики възрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы вельми и

стрѣлцы скоры и горазды, а ѣздять на оленяхъ и на собакахъ. А платіе носять соболіе и оленье, а товаръ ихъ соболи.

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь такова же, Линная словеть. Лѣтѣ мѣсяць живуть въ мори, а на сусѣ не живуть того ради, занеже тѣло на нихъ трѣскается, и они тотъ мѣсяць въ водѣ лежать, а на берегъ не смѣють вылѣсти.

„Въ той же есть иная Самоядь: по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа въ верхь яко же и прочіи человѣци...

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь: въ верху ръты на тѣмени, а не говорять, а образъ въ пошлину человѣчь, а коли ядять, и они крошять мясо или рыбу, да кладуть подъ колпакъ или подъ шапку, и какъ почнуть ясти, и они плечима движуть въ верхъ и внизъ.

„Въ той же странѣ есть иная Самоѣдь: якоже и прочіи человѣци, но зими умирають на два мѣсяца. Умирають же тако: какъ где которого застанеть въ тѣ мѣсяци, тотъ тя (тамъ) и сядеть, а у него изъ носа вода изойдеть, какъ отъ потока, да примерзнеть къ земли, и кто человѣкъ иные земли не видѣніемъ (невѣдѣніемъ, по невѣдѣнію), потокъ той отразить (отломить) у него и запхнеть съ мѣста, и онъ умреть... А иные оживають, какъ солнце на лѣто вернется.

„Въ той же странѣ, въ верху Оби рѣкы великыя есть земля, Баидъ именуемая, лѣса на ней нѣтъ, а люди, какъ и прочіи человѣци, живуть въ земли, а едять мясо соболіе... А соболи же у нихъ черны вельми и великы, шерсть живого соболи по земли ся волочить.

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь: по обычяю человѣци, но безъ главъ, ръты у нихъ межи плечи, а очи въ грудѣхъ, а ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти, и они головы оленіи возметывають себѣ въ ротъ на плечи и на другый день кости измещуть изъ себя туда же, а не говорять. А стрѣльба же ихъ—трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту въкладаеть въ трубку, да бьеть молоткомъ въ стрѣлку, а товару у нихъ никоторого нѣтъ.

„Вверхъ тоя же рѣкы великыя Оби есть люди, ходять по подъ землею иною рѣкою день да нощь, съ огни, и выходять на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюденъ, и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него, и кто поѣдеть къ граду тому, и тогда слышити шюмъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ, и какъ пріидуть въ него и людей въ немь нѣтъ и шюму не слышити никоторого, ни иного чего животнаго, но въ всякыхъ дворѣхъ ясти и пити всего много, и товару всякого,

кому что надобѣ, и онъ, положивъ цѣну противу того, да возметь что кому надобѣть и прочь отходять, а кто что безъ цѣны возметь и прочь отъидеть, и товаръ у него погыбнеть и обрящется пакы въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходять отъ града того, и шюмъ пакы слышѣти какъ и въ прочихъ градѣхъ.

„Въ восточнѣй же странѣ есть иная Самоѣдь Каменская, облежить около Югорьскіе земли, а живуть по горамъ высокымъ, а ездять на оленехъ и на собакахъ, а платье носять соболіе и оленіе... Да есть у нихъ лѣкари: у которого человѣка внутри не здраво, и они брюхо рѣжуть, да нутръ вынимають и очищають и пакы заживляють. Да въ той же Самоеди видали, скажють, Самоедь же старые люди: зъ горы подлѣ море мертвыхъ своихъ идуть плачущи множество ихъ, а за ними идеть великъ человѣкъ, погоняя ихъ палицею желѣзною".

Таково содержаніе статьи. Какъ мы выше упоминали, г. Анучинъ не соглашается видѣть въ ней чисто произвольную или книжную фантастику и полагаетъ, напротивъ, что составитель сказанія писалъ не мудрствуя лукаво, записывалъ то, что̀ онъ дѣйствительно слышалъ; въ слышанномъ были вещи дѣйствительно баснословныя и невозможныя, но, во всякомъ случаѣ, баснословное привязано было къ чему-то фактическому. Сказаніе отмѣчаетъ съ видимымъ желаніемъ точности нѣсколько различныхъ родовъ Самояди, указывая даже иногда ея топографическое положеніе, опредѣленно указываетъ и ту общую область, въ которой слѣдовало отыскивать описанныя имъ племена: онъ говоритъ, что эта область находится за Югорскою землею въ странѣ великой рѣки Оби: до Оби, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, новгородцы доходили еще въ половинѣ XIV-го столѣтія, — поэтому не было ничего удивительнаго, что объ ней разсказывали въ XV-мъ столѣтіи, хотя разсказывали, между прочимъ, вещи совершенно невѣроятныя. Очевидно, что о странѣ имѣли фактическое понятіе, хотя все-таки только поверхностное и темное. Помѣщеніе Самояди за Югорской землей, положеніе которой для той эпохи опредѣляютъ за Ураломъ [1]), упоминаніе Оби и иныя подробности указываютъ, что въ новгородскомъ сказаніи идетъ рѣчь о Сибири, которая, однако, не названа. Г. Анучинъ полагаетъ, что это названіе въ ту пору, когда составлялось сказаніе, было еще неизвѣстно. Въ нашихъ лѣтописяхъ Сибирь названа уже въ концѣ XV-го вѣка, при описаніи похода князя Ѳе-

[1]) Нѣкогда Югра обитала, кажется, по сю сторону Урала, но къ XV-му вѣку передвинулась за Уралъ.

дора Курбскаго-Чернаго, да Ивана Ивановича Салтыка Травина въ 1483 г., когда воеводы великаго князя имѣли „бой съ вогуличами на устьяхъ рѣки Пелыни" (притокъ Тавды, впадающей въ Тоболъ), и „оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ, мимо Тюмень, въ Сибирскую землю", „а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю" [1]). Такимъ образомъ, Югорская земля отличается отъ Сибирской, и вообще, „Сибирь" въ то время вовсе не имѣла того обширнаго значенія, какое пріобрѣла впослѣдствіи и обозначала только отдѣльную область, гдѣ столицей былъ городъ Сибирь, а этотъ городъ основанъ былъ, какъ полагаютъ, ханомъ Маметомъ, жившимъ во второй половинѣ XV-го вѣка.

Представляется весьма вѣроятнымъ, что новгородское сказаніе составлено тогда, когда самое названіе Сибири, какъ города и области, было совсѣмъ неизвѣстно: по рукописямъ сказаніе можно относить къ концу XV-го вѣка, но, судя по его архаическому стилю и самой неопредѣленности свѣдѣній, могло быть, что оно восходитъ даже къ болѣе раннему времени.

Переходя къ разбору подробностей этого древняго сказанія, г. Анучинъ дѣлаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ изысканій, доказывающихъ несомнѣнно, что въ новгородскомъ сказаніи мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ фактическими сообщеніями стариннаго бывалаго человѣка, хотя въ большой долѣ фантастическими, но тѣмъ не менѣе имѣвшими извѣстное основаніе. Г. Анучинъ привлекъ къ изслѣдованію какъ показанія старыхъ русскихъ источниковъ, такъ и литературу иностранныхъ описаній и путешествій XVI-го и XVII-го вѣка и приходитъ къ весьма интереснымъ выводамъ, между прочимъ, что новгородское сказаніе XV-го вѣка нашло отголосокъ въ западно-европейскихъ путешествіяхъ.

Первая Самоядь, названная въ новгородскомъ сказаніи именемъ „Могонзѣи" [2]), по объясненію г. Анучина означаетъ именно то племя и мѣстность, гдѣ впослѣдствіи, именно въ 1600 году, основанъ былъ русскими острогъ Мангазея. Это былъ сѣверный край, гдѣ, по топографіи новгородскаго сказанія, и должна была находиться описанная имъ могонзѣйская Самоядь. Старый острогъ Мангазея впослѣдствіи былъ оставленъ по разнымъ неудобствамъ и его смѣнила новая Мангазея, нынѣшній Туруханскъ. Поводомъ

[1]) Имя Сибири названо въ нашей лѣтописи даже еще въ 1407 году, когда упоминается о смерти хана Тохтамыша, убитаго въ „Сибирской земли"; но это послѣднее упоминаніе считаютъ позднѣйшею вставкою.

[2]) Въ другихъ варіантахъ „Молгонзѣи", „Монгазѣи" и т. п.

къ основанію старой Мангазеи были, кажется, слухи о богатствѣ этого края и о томъ, что къ тамошнимъ самоѣдамъ уже раньше проникли русскіе и зырянскіе промышленники, которые „дань съ нихъ (самоѣдовъ) имали воровствомъ на себя, а сказывали на государя, а въ государеву казну не давали, и обиды, и насильства, и продажи отъ нихъ были имъ (самоѣдамъ) великія". Существованіе стариннаго названія племени, засвидѣтельствованнаго новгородскимъ сказаніемъ, и города съ названіемъ, почти или вполнѣ тождественнымъ, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что городъ получилъ это названіе именно отъ того племени, среди котораго онъ былъ основанъ [1]).

Указаніе на такое племя повторяется, наконецъ, нѣсколькими иностранными географическими картами, изображающими сѣверъ Россіи и Сибири около устьевъ Оби и Енисея. Извѣстно, что западныхъ мореплавателей, особливо въ Англіи и Голландіи, чрезвычайно занималъ въ XVI-мъ вѣкѣ вопросъ о томъ, не можетъ ли быть найденъ сѣверный путь въ Китай и Индію. Шестнадцатый и семнадцатый вѣкъ представляютъ цѣлый рядъ морскихъ экспедицій изъ Англіи и Голландіи въ Ледовитый океанъ, для отысканія этого пути и вообще для изысканія но-

---

[1]) Первые историки Сибири, Миллеръ и Фишеръ, такимъ же образомъ ставили названіе города въ связь съ названіемъ племени. У Миллера говорится: „и понеже при рѣкѣ Тазѣ нашли нѣкоторый родъ Самояди, называемой Мокасе, то сіе подало поводъ къ названію тамошней страны по россійскому произношенію Мангазѣя". У Фишера говорится почти такъ же: „Понеже при р. Тазѣ жилъ самоядскій родъ, Мокасе называемый, то новому городу дано имя Мунгазей, которое послѣ еще больше испорчено и перемѣнено въ Мангазею". Болѣе поздній писатель, Пестовъ, въ „Запискахъ объ енисейской губерніи", 1833 г., говорилъ, что названіе Мангазея произошло отъ имени жившаго здѣсь самоѣдскаго князя Маказея, „вѣроятно, значительнаго, если его имя, передѣланное въ Мангазею русскими поморцами и зырянами, издавна посѣщавшими тотъ край, распространилось на всю страну, а можетъ быть также и имя обитавшаго тамъ народа Мокасе, какъ утверждаетъ Миллеръ, неизвѣстно, впрочемъ, на какомъ основаніи". Наконецъ, Спасскій, принимавшій сначала, что имя Мангазеи произошло отъ магазина хлѣбныхъ запасовъ для вымѣна на звѣриныя шкуры, позднѣе соглашался съ мнѣніемъ Пестова, а главное, указывалъ наказъ 1601 года воеводамъ объ устройствѣ Мангазейскаго острога, гдѣ, между прочимъ, именно говорится о „мангазейской" и „енисейской Самоѣди", что указываетъ именно на существованіе племени съ такимъ названіемъ.

Г. Анучинъ, приводя эти извѣстія (стр. 31—32), считаетъ нужнымъ опровергать ихъ, доказывая, что изъ племени мокасе или отъ имени князьца не могло произойти названіе города. Эти опроверженія намъ кажутся излишними: очевидно, что здѣсь изуродовано то же слово „монгозѣи" (и т. п.), какое находимъ въ новгородскомъ сказаніи. Важнѣе было бы поставить вопросъ о томъ, откуда Миллеръ и Фишеръ взяли это слово? Тотъ источникъ, откуда они заимствовали слово мокасе, видимо, представлялъ опять новое указаніе на племя „могонзѣи".

выхъ странъ, которыя могли бы послужить англійской или голландской торговлѣ. Въ это время западные мореплаватели открывали разныя мѣстности берега и островов Ледовитаго океана, которые отчасти были уже извѣстны русскимъ обитателямъ приморскаго сѣвера, отчасти и ими были теперь впервые посѣщаемы. Извѣстно, какъ на этомъ пути англичане, въ половинѣ XVI-го вѣка, въ первый разъ попали въ Бѣлое море и узнали Архангельскъ, который сталъ вскорѣ важнымъ пунктомъ ихъ торговли. Они шли и дальше: открыли „Новую Землю" уже съ ея русскимъ именемъ, островъ Вайгачъ, „Печорское море" и много другихъ мѣстностей сѣвернаго края, которыя и заносили на свои карты съ русскими названіями этихъ мѣстностей. Они проникли, наконецъ, и до сѣверныхъ окраинъ западной Сибири. Такимъ образомъ, географическія открытія шли здѣсь параллельно: въ то время, какъ русскіе, идя путемъ постепеннаго (и тогда очень быстраго) фактическаго захвата новыхъ земель, подвигались отъ Соли-Вычегодской, и позднѣе отъ Тобольска, въ глубь Сибирскихъ земель въ разныхъ направленіяхъ, въ томъ числѣ и на сѣверъ, и доходили въ поискахъ за „Самоѣдью" до береговъ Ледовитаго океана, западные мореплаватели шли къ тѣмъ же берегамъ морскимъ путемъ. Европейскія изысканія сходились съ поисками русскихъ людей, и западная картографія съ русскими „чертежами". Въ западной картографіи и были впервые изданы русскіе чертежи, какъ напр. карта Исаака Массы, о которомъ скажемъ далѣе, или извѣстная карта Ѳедора Борисовича, напечатанная въ Голландіи въ 1614 году.

Любопытное сближеніе такого же рода открываетъ г. Анучинъ и въ настоящемъ случаѣ, а именно въ западной картографіи XVI-го вѣка онъ указываетъ, повидимому, несомнѣнный слѣдъ нашего новгородскаго сказанія. Онъ указываетъ, напримѣръ, карту голландскаго мореплавателя Баренца, 1597. Баренцъ участвовалъ въ трехъ экспедиціяхъ къ русскимъ берегамъ Ледовитаго моря и къ Новой Землѣ, и на его картѣ изображенъ довольно вѣрно Лапландскій полуостровъ, Бѣлое море, устье Печоры, Обь, и за Обью „Molgomzaia". Но еще ранѣе эти молгомзаи на томъ же мѣстѣ указываются на другихъ картахъ, и именно, на картѣ извѣстнаго путешественника въ Россію Антона Дженкинсона 1562 года (она приведена въ атласѣ Ортелія 1573 и у Меркатора 1587).

Г. Анучинъ приводитъ слѣдующія свѣденія: „Особенно интересна карта А. Дженкинсона, какъ по многимъ любопытнымъ, отмѣченнымъ на ней подробностямъ, такъ и потому, что Дженкин-

сонъ былъ по торговымъ дѣламъ (черезъ Архангельскъ) пять разъ въ Россіи (Москвѣ), именно въ 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571 годахъ, причемъ во вторую поѣздку совершилъ путешествіе съ караваномъ въ Бухару, а въ третью—въ Персію (Тавридъ, Казбинъ, Шемаху). Карта его, судя по году ея составленія, появилась послѣ третьяго путешествія, но многія данныя были собраны для нея Дженкинсономъ, повидимому, уже во вторую поѣздку. Такъ можно заключить потому, что къ отчету объ этой поѣздкѣ, представленному Дженкинсономъ торговой „московской" компаніи въ Лондонѣ (to the Merchants of London of the Moscouie Companie), приложены: опредѣленія географическихъ широтъ двѣнадцати посѣщенныхъ имъ пунктовъ и „разныя замѣтки, собранныя Ричардомъ Джонсономъ (который былъ въ Бухарѣ съ А. Дженкинсономъ), изъ показаній русскихъ и другихъ иностранцевъ, о путяхъ по Россіи въ Китай (Cathaya) и о разныхъ странныхъ народахъ". Эти разспросныя свѣденія заключаютъ въ себѣ: три маршрута татарскихъ торговцевъ отъ Астрахани чрезъ Бухару въ Китай, одно показаніе пермскаго торговца, будто бы ѣздившаго туда же другимъ путемъ, „ближе къ морскому берегу" (another way neere the sea coast), и наконецъ, что̀ для насъ особенно любопытно, „свѣденія о нѣкоторыхъ странахъ Самоѣдовъ, живущихъ по рѣкѣ Оби и по морскимъ берегамъ за этой рѣкой, переведенныя слово въ слово съ русскаго языка". Страны эти,—говорится далѣе,—„были посѣщены однимъ русскимъ, родомъ изъ Холмогоръ, по имени Ѳедоромъ Товтыгинымъ, который, какъ говорятъ, былъ убитъ въ свою вторую поѣздку въ одной изъ сказанныхъ странъ". Очевидно, переведенныя Джонсономъ данныя были заимствованы имъ изъ какого-то русскаго источника, и повидимому, судя по приведеннымъ извлеченіямъ, изъ той же самой статьи „о человѣцѣхъ незнаемыхъ", которая служитъ предметомъ и нашего разбора. Такъ можно заключить по началу извѣстія: „Въ восточной странѣ (upon the East part), за Югорскою землею, рѣка Обь составляетъ ея самую западную часть. По берегу моря живутъ самоѣды и страна ихъ называется Молгомзей (Molgomsey); они питаются мясомъ оленей и рыбъ, а иногда и ѣдятъ другъ друга". Затѣмъ слѣдуетъ описаніе того, какъ они убиваютъ дѣтей, чтобы угостить приходящихъ къ нимъ торговцевъ, какъ они не хоронятъ мертвыхъ, а ѣдятъ ихъ, а далѣе слѣдуетъ описаніе ихъ наружнаго вида, ихъ ѣзды на собакахъ и оленяхъ, и ихъ торга соболями. Слѣдующія два извѣстія тоже соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени приводимымъ въ разбираемой нами статьѣ, хотя

онѣ нѣсколько сокращены, и именно (какъ увидимъ далѣе) въ нихъ пропущено то, что̀ представляется болѣе невѣроятнымъ или преувеличеннымъ. Дальнѣйшія извѣстія, однако, не приведены, отчасти, можетъ быть вслѣдствіе ихъ еще бо̀льшей невѣроятности, а отчасти и потому, что иныя изъ нихъ касаются уже странъ, лежащихъ вверху Оби, и слѣдовательно, не имѣющихъ отношенія къ тѣмъ, о которыхъ сообщалъ Джонсонъ въ своемъ письмѣ къ Ченслеру. Какъ бы то ни было, есть серьезное основаніе думать, что Джонсонъ ознакомился, непосредственно или при помощи какого-нибудь русскаго, съ разбираемою нами статьей, и что упомянутый имъ житель Холмогоръ, Ѳедоръ Товтыгинъ, былъ, можетъ быть, именно составителемъ статьи „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“ [1]).

Къ послѣднему замѣтимъ, что Джонсонъ по всей вѣроятности могъ слышать о Товтыгинѣ лишь какъ о болѣе или менѣе близкомъ современникѣ (самъ онъ путешествовалъ въ половинѣ XVI-го вѣка), между тѣмъ новгородское сказаніе составлено въ столь глубокомъ XV вѣкѣ, когда не было еще извѣстно самое названіе Сибири.

Разбирая далѣе имя племени („могонзѣи“ или „молгомзѣи“ и т. п.), г. Анучинъ находитъ объясненіе его въ языкѣ самоѣдскихъ племенъ и полагаетъ, что оно обозначало людей краевыхъ, конечныхъ, жившихъ на краю земли, что̀ и подходило къ ихъ географическому положенію: оно могло означать то племя, которое извѣстно теперь подъ именемъ юраковъ.

Наконецъ, г. Анучинъ обращается къ разбору свѣденій новгородскаго сказанія по существу и опять находитъ, что оно не только не было произвольной фантазіей, но имѣло въ основѣ если не прямыя фактическія данныя (хотя могли быть и таковыя), то весьма распространенныя представленія. Названіе „Самоѣдовъ“ зналъ уже Плано-Карпини, и хотя онъ не говоритъ объ ихъ людоѣдствѣ, но позднѣйшіе путешественники, напримѣръ Герберштейнъ, затѣмъ Джонсонъ, Флетчеръ, Петрей, Олеарій, говорятъ, со словъ русскихъ, о крайней ихъ дикости, а въ томъ числѣ и о людоѣдствѣ. Происхожденіе слова „самоѣдъ“ до сихъ поръ окончательно не выяснено; по всей вѣроятности оно произошло отъ финскаго корня, но у русскихъ давно было осмыслено въ значеніи людей, которые сами себя ѣдятъ, то-есть преданные людоѣдству. Это представленіе подтверждалось преданіями и разсказами о такихъ случаяхъ, гдѣ самоѣды дѣйствительно

---

[1]) Стр. 34—36.

совершали людоѣдство—своихъ и чужихъ. Дальнѣйшія свѣденія новгородскаго сказанія о томъ, что этотъ родъ самоѣдовъ не великъ ростомъ, что они искусные стрѣлки, что товаръ ихъ есть соболь и пр., представляются совершенно возможными, такъ какъ подтверждаются и другими фактами. Что этотъ край былъ особенно богатъ соболемъ видно, между прочимъ, изъ того, что рѣка, впадающая въ Ледовитый океанъ между Обью и Енисеемъ, была названа Собольною [1]).

Такимъ образомъ, данныя новгородскаго сказанія о первомъ родѣ Самоѣди подтверждаются во всѣхъ подробностяхъ. Повидимому трудно было бы ожидать того же относительно разсказа о „Линной Самоѣди" или той, которая лѣтомъ линяетъ, то-есть мѣняетъ кожу, — лѣтомъ кожа у нихъ трескается, почему они живутъ это время въ морѣ. Г. Анучинъ дѣлаетъ сначала предположеніе, что составитель сказанія могъ смѣшать здѣсь людей съ морскими животными въ родѣ моржей и тюленей, и приводитъ средневѣковыя и болѣе позднія преданія о необыкновенныхъ существахъ, представлявшихъ соединеніе людей съ животными. Но здѣсь такое предположеніе было бы вовсе неумѣстно, потому что въ сказаніи ясно говорится о людскомъ племени; самъ авторъ тутъ же отказывается отъ этой гипотезы и дѣлаетъ гораздо болѣе вѣроятную догадку, что здѣсь надо подразумѣвать простой бытовой фактъ изъ жизни сѣверно-сибирскихъ самоѣдовъ, именно ихъ лѣтнія перекочевки. „Самоѣды, проводя бо̀льшую часть года въ лѣсной области, гдѣ не такъ холодно, меньше мятелей и болѣе звѣря для охоты, перекочевываютъ лѣтомъ на сѣверъ, въ тундру, спасаясь отъ комаровъ и занимаясь отчасти промысломъ на морского звѣря и рыбу" [2]). Самый промыселъ на морскихъ звѣрей и на рыбу совершается такъ, что иносказательно можно было бы говорить, что самоѣды въ это время живутъ въ морѣ. „Морской звѣрь,—говоритъ Иславинъ (авторъ извѣстной книги о Самоѣдахъ, 1847),—требуетъ большой осторожности и терпѣнія со стороны промышленника: проходятъ иногда цѣлые дни, что не покажется на поверхности воды ни одной тюленьей головки, и тогда самоѣдъ, лежа въ лодкѣ или просто на морскомъ берегу и вооружившись терпѣніемъ и винтовкой, выжидаетъ давно желанной добычи, зная, что она, наконецъ, должна же явиться". Новѣйшій путешественникъ въ тѣ края, Кушелевскій, разсказываетъ, что на рыбномъ промыслѣ

[1]) Г. Анучинъ (стр. 44) ссылается на сибирскій чертежъ Ремезова, гдѣ, кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ показаны (нарисованы) соболи и песцы.

[2]) Стр. 46.

самоѣды иногда по цѣлымъ днямъ, какая бы ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ, по отмелямъ Обской губы. Отсюда, по замѣчанію г. Анучина, объясняется извѣстіе новгородскаго сказанія, что Линная Самоѣдь лѣтомъ живетъ въ морѣ; „толкованіе же такого обычая тѣмъ—занеже тѣло на нихъ трескается—вызвано, можетъ быть, непонятыми разсказами о страшныхъ комарахъ и оводахъ, кусающихъ до крови людей и оленей. Замѣтимъ еще, что въ сухомъ климатѣ полярныхъ странъ, въ которомъ табакъ разсыпается въ мелкую пыль, и въ которомъ лѣтомъ дѣйствіе лучистой теплоты солнца проявляется иногда весьма рѣзко, солнце способно значительно жечь и вызываетъ даже трещины кожи“ (стр. 47).

Подобнымъ образомъ г. Анучинъ подробно разбираетъ всѣ остальные пункты новгородскаго сказанія о Самоѣди мохнатой, Самоѣди, живущей подъ землею и т. д., и вездѣ старается найти раціональное объясненіе тѣхъ чудесъ, о которыхъ наговорилъ старинный новгородецъ. Иной разъ показанія послѣдняго до того фантастичны и невозможны, что изслѣдователь можетъ дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія о тѣхъ бытовыхъ явленіяхъ, которыя могли послужить поводомъ для баснословія; но кромѣ этихъ гадательныхъ объясненій (иногда, можетъ быть, заведенныхъ слишкомъ далеко), г. Анучинъ даетъ не мало толкованій весьма любопытныхъ и вѣроятныхъ, пользуясь для этого обширной литературой старыхъ и новыхъ, русскихъ и иностранныхъ путешествій и описаній, старыми географическими картами и т. д. Въ этихъ толкованіяхъ разсѣяно вообще не мало важныхъ замѣчаній для сибирской археологіи и этнографіи, какъ, напримѣръ, то, что̀ говоритъ авторъ въ связи съ новгородскимъ сказаніемъ о горномъ дѣлѣ на Алтаѣ, о нѣмомъ торгѣ, о способахъ шаманскаго леченія и т. д.

Свое общее заключеніе о значеніи новгородскаго сказанія г. Анучинъ высказываетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„Заканчивая разсмотрѣніе сказанія, нельзя не повторить снова, что многія извѣстія его совершенно согласны съ дѣйствительностью, другія вѣроятны или возможны, третьи основаны, тоже, очевидно, на дѣйствительныхъ, хотя преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ фактахъ, и только нѣкоторыя представляются явно миѳическими, но и то едва ли придуманными нарочно, а скорѣе передающими ходившіе между Югрой и посѣщавшими ихъ русскими повѣрья и разсказы. Если бы составитель сказанія выдумывалъ явныя небылицы, онъ могъ бы припомнить и Гога и Магога, и какихъ-нибудь свирѣпыхъ псиголовцевъ, по-

мѣстить въ неизвѣстной странѣ разныхъ чудныхъ звѣрей, людей съ хвостами, страшныхъ великановъ и т. под., чего, однако, онъ не сдѣлалъ... У многихъ старинныхъ путешественниковъ, не только средневѣковыхъ, но и XVI—XVIII-го вѣковъ, можно встрѣтить бо́льшее число баснословныхъ извѣстій, чѣмъ въ этомъ простомъ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ новгородскаго торговаго человѣка.

„Наоборотъ, положительныя стороны разбираемой статьи заслуживаютъ полнаго вниманія съ историко-этнографической точки зрѣнія. Въ немъ мы находимъ первый сколько-нибудь связный разсказъ о народахъ по нижнему теченію р. Оби и по р. Тазу, объ юракахъ, каменскихъ самоѣдахъ и другихъ племенахъ имъ родственныхъ,—первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ тюрко-монгольскихъ, ихъ бытѣ, древней разработкѣ Алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры: здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о людоѣдствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI-го вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменскихъ Самоѣдахъ“ [1]).

Въ объясненіе того, какъ и въ гораздо болѣе позднее время возникали баснословные разсказы о чудовищныхъ людяхъ, г. Анучинъ приводитъ изданную недавно отписку енисейскаго воеводы князя Щербатова въ сибирскій приказъ отъ 1685 г. [2]). Въ отпискѣ говорится, что въ томъ 1685 году „почала быть словесная рѣчь межъ всякихъ чиновъ, будто въ енисейскомъ уѣздѣ, вверхъ по Тунгускѣ рѣкѣ, явились дикіе люди объ одной рукѣ и объ одной ногѣ“. Узнавши объ этомъ, воевода воспользовался прибытіемъ въ Енисейскъ ясачныхъ тунгузовъ разныхъ волостей, велѣлъ „про тѣхъ вышеписанныхъ дикихъ людей тѣхъ тунгусовъ распросить, гдѣ тѣ дикіе люди и въ какихъ мѣстѣхъ живутъ и каковы они въ рожи, тѣ люди, и какое на себѣ платье носятъ“. Нѣсколько человѣкъ было спрошено и они утвердительно говорили, что дѣйствительно существуютъ такіе люди объ одномъ глазѣ, одной рукѣ

[1]) Стр. 85—86.

[2]) Отписка, найденная въ бумагахъ московскаго архива министерства юстиціи, издана г. Гоздаво-Голомбіевскимъ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи древностей, за 1888.

и одной ногѣ, что такой человѣкъ попался даже въ звѣриную ловушку (капканъ) одного тунгуса и былъ этой ловушкой застрѣленъ, но изъ спрошенныхъ никто такого человѣка не видалъ, а одинъ тунгусъ, Богдашко, „видѣлъ самъ на горѣ въ камени ту яму (въ которой, какъ полагалось, жили тѣ чудовищные люди), и отъ той де ямы видѣлъ же слѣдъ тѣхъ дикихъ людей на снѣгу хожено одною босою ногою, а тотъ де ихъ слѣдъ гораздо малъ, какъ пяти лѣтъ ребенка“ [1]).

Новгородское сказаніе, разъясненное г. Анучинымъ, является, такимъ образомъ, первымъ русскимъ описаніемъ сибирскихъ земель и племенъ задолго до тѣхъ поръ, когда эти земли и племена сдѣлались достояніемъ русскаго государства. Какъ мы указывали выше, это сказаніе, до открытія сибирскихъ земель при Ермакѣ, представлялось столь любопытнымъ, что его отголосокъ можно было найти даже у иностранныхъ путешественниковъ XVI-го вѣка, какъ Дженкинсонъ и Джонсонъ, собиравшихъ свѣденія объ этой странѣ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи, новгородское сказаніе любопытно и въ другомъ, отрицательномъ отношеніи: составленное въ XV вѣкѣ, а можетъ быть, достигая и до конца XIV-го, это сказаніе продолжало обращаться въ рукописяхъ до XVII-го вѣка, переписывалось въ неизмѣнномъ видѣ, не вызвавши никакого комментарія или дополненія,—такъ медленно развивалась у насъ въ старину историческая любознательность. Въ то время, когда уже были на мѣстѣ достаточно извѣстны всѣ существующіе роды „Самояди“, продолжали переписывать старое баснословное сказаніе, и на смѣну его не явилось другого описанія сибирскихъ народовъ до самаго XVIII-го вѣка.

Но Сибирью были уже сильно заинтересованы въ XVI вѣкѣ западные европейскіе ученые географы и торговые мореплаватели,—иногда интересы ученые и торговые соединялись и въ одномъ лицѣ. Мы говорили выше, съ какою ревностью къ торговымъ выгодамъ и вмѣстѣ съ географической любознательностью англійскіе мореходы старались изслѣдовать сѣверный Ледовитый океанъ и прибрежныя страны сѣверной Россіи и Сибири. Хронологическій рядъ описаній морскихъ путешествій, сюда направленныхъ, и географическихъ картъ, которыя бывали плодомъ этихъ путешествій, представляетъ любопытную картину постепеннаго расширенія географическихъ свѣденій. Главною цѣлью, какъ выше

---

[1]) Стр. 86—88.

упомянуто, было разыскать—нѣтъ ли сѣвернаго пути изъ западной Европы въ Китай и въ Индію; на встрѣчу этимъ предпріятіямъ шли разысканія сѣвернаго берега Америки; съ третьей стороны дѣлались поиски русскихъ мореходовъ, промышленниковъ и завоевателей-добровольцевъ, выходившихъ въ сѣверный океанъ изъ устьевъ сибирскихъ рѣкъ. Вопросъ о существованіи пролива между Азіей и Америкой былъ рѣшенъ еще въ концѣ XVII-го вѣка такимъ русскимъ мореходомъ, казакомъ Дежневымъ, но объ этомъ открытіи не узнали, и для науки вопросъ былъ выясненъ только экспедиціей Беринга, назначенной Петромъ Великимъ въ послѣдній годъ его жизни и исполненной уже по его смерти. Эти русскія изслѣдованія сѣвернаго прибрежья, какъ и внутренней Сибири, долго оставались внѣ вѣдома европейской науки: путешествія, которыя бывали настоящими открытіями, дѣлались по чисто практическимъ промышленнымъ соображеніямъ, дѣлались людьми, не имѣвшими никакихъ научныхъ видовъ и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, конечно, совершенно неприготовленными; онѣ оставались неописанными и потому безплодными для науки. Въ то время единственными проводниками этихъ свѣденій въ ученую литературу и въ общее географическое знаніе были иностранные путешественники и писатели, насколько могли собрать эти свѣденія, живя въ Россіи, изъ разсказовъ русскихъ людей или даже изъ письменныхъ источниковъ. Такъ въ ихъ руки попало уже новгородское сказаніе; такъ послѣ въ ихъ путешествіяхъ появлялись другія извѣстія о Сибири. Въ первое время эти иностранныя извѣстія были очень скудны. Во времена Герберштейна, Обь изображалась вытекающей изъ огромнаго „Китайскаго“ озера (Kithay lacus); налѣво отъ рѣки означенъ (у Дженкинсона) городъ Сибирь (Siber), направо, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Оби, изображенъ (у Герберштейна) Камбаликъ, какъ у русскихъ называлась въ старину столица Китая. На картѣ царевича Ѳедора Борисовича, дополненной и изданной въ 1614 году Герардомъ въ Амстердамѣ, Камбалика уже нѣтъ, точно указанъ Тобольскъ, какъ метрополія Сибири; но истокомъ Оби все еще служитъ большое Китайское озеро (Kithaica lacus),—тѣмъ не менѣе иностранцы, сколько имъ было возможно, слѣдили за открытіемъ новыхъ географическихъ данныхъ въ этомъ направленіи и утилизировали ихъ въ своихъ сочиненіяхъ и картахъ.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ этой литературы о сибирскомъ востокѣ служитъ сочиненіе голландца Исаака Массы, состоящее изъ двухъ статей: Описанія сибирскихъ земель, и Описанія путей, ведущихъ въ Сибирь, и ея городовъ.

Въ нашей исторической литературѣ Масса извѣстенъ въ особенности записками о Смутномъ времени, которыя цѣнятся какъ важный источникъ для исторіи той эпохи, и которыя только въ недавнее время изданы были въ голландскомъ подлинникѣ, а затѣмъ и въ русскомъ переводѣ [1]). Біографія его извѣстна мало, но во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ замѣчательный. Какъ полагаютъ его біографы, онъ происходилъ изъ знатнаго итальянскаго рода, выселившагося въ Голландію во время реформаціи, по исповѣданію былъ кальвинистъ, и принадлежалъ къ богатой семьѣ, занятой торговыми дѣлами. Онъ родился въ 1587 году, и еще юношей, почти мальчикомъ, онъ былъ посланъ родителями въ Москву, „для изученія торговаго дѣла". Онъ прибылъ въ Москву около 1600, потому что въ слѣдующемъ году онъ говоритъ о московскихъ событіяхъ какъ очевидецъ. Онъ пробылъ тогда въ Россіи восемь лѣтъ, именно во времена Годунова, Лжедимитрія I и Шуйскаго, и былъ свидѣтелемъ московскихъ событій, которыя и описалъ въ своемъ сочиненіи. Издатели голландскаго текста сочиненія Массы указываютъ цѣнность его историческихъ свидѣтельствъ: какъ посторонній свидѣтель, съ юношеской свѣжестью впечатлѣній, какъ человѣкъ религіозный и нравственный, онъ отличается большою правдивостью и безпристрастіемъ, —притомъ, чтобы имѣть свѣденія о событіяхъ, онъ сближался съ знатными людьми и „секретарями", имѣлъ связи при дворѣ. Большую цѣну придаетъ его книгѣ и редакція изданія Археологической коммиссіи.

Вернувшись изъ Россіи, Масса, повидимому, завершилъ свою книгу („Краткое повѣствованіе о началѣ и происхожденіи современныхъ войнъ и смутъ въ Московіи, бывшихъ въ непродолжительный періодъ царствованія нѣсколькихъ государей ея, до 1610 года") и, посвящая ее Морицу, принцу Оранскому, предлагалъ свои услуги для службы государства. На тотъ разъ онъ не получилъ никакого назначенія; служба, которую всего скорѣе онъ имѣлъ въ виду, именно торгово-дипломатическая служба въ

---

[1]) Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem, publié pour la première fois, d'après le Mr. hollandais original de 1610, avec d'autres opuscules sur la Russie et des annotations par M. le prince Michel Obolensky et M. de Dr. A. Van der Linde. Bruxelles, 1866, 2 тома.

— Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археологической Коммиссіи. Съ приложеніемъ портрета Массы, плана Москвы (1606 г.) и дворца Лжедимитрія I. Спб. 1874. (Другихъ статей Массы о Россіи здѣсь нѣтъ).

— Письма Массы изъ Архангельска къ Генеральнымъ Штатамъ (1614, 1616—1618 г.) изданы въ русскомъ переводѣ въ „Вѣстникѣ Европы", 1868, кн. 1, 8.

Москвѣ по дѣламъ Голландіи, считалась вѣроятно трудно исполнимой и неудобной по политическимъ обстоятельствамъ Россіи, гдѣ были тогда въ разгарѣ смуты междуцарствія; но вскорѣ потомъ, именно въ 1614 году, мы опять видимъ Массу въ Россіи, въ Архангельскѣ и въ Москвѣ, откуда онъ велъ переписку съ Генеральными Штатами. Рѣчь шла о торговыхъ интересахъ Голландіи, которые ему пришлось защищать не безъ особенныхъ усилій, такъ какъ надо было бороться съ представителями Англіи, которые добивались торговой монополіи для своего отечества. Въ этотъ второй разъ Масса опять прожилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ; затѣмъ мы видимъ его на родинѣ. Въ 1635 году былъ изданъ его портретъ, который остался, кажется, послѣднимъ свидѣтельствомъ для его біографіи.

Возвращаемся къ его трудамъ. Главнымъ изъ нихъ было упомянутое сочиненіе о московскихъ смутахъ первыхъ лѣтъ XVII вѣка. Посвященное принцу Оранскому и представленное ему въ рукописи, это сочиненіе осталось, однако, неизданнымъ и появилось впервые въ свѣтъ только въ шестидесятыхъ годахъ въ упомянутомъ голландскомъ изданіи (гдѣ находится и его французскій переводъ). Литературная извѣстность Массы въ свое время основана была на другихъ его сочиненіяхъ. Дѣло въ томъ, что, живя въ Россіи, онъ между прочимъ былъ, какъ многіе въ то время, очень заинтересованъ Сибирью, гдѣ предвидѣлся новый богатый рынокъ для европейской (въ частности голландской) торговли и, можетъ быть, находился также путь къ другимъ богатымъ азіатскимъ странамъ. Повидимому, Масса употреблялъ всѣ средства, какія были въ его распоряженіи, чтобы ознакомиться съ Сибирью, исторіей ея открытія и завоеванія, ея топографіей и ведущими туда путями. Русскіе люди того времени отличались вообще большою скрытностью въ подобныхъ вещахъ, подозрѣвая себѣ какой-нибудь ущербъ отъ иностранцевъ по торговлѣ или опасаясь еще худшаго—какихъ-нибудь политическихъ замысловъ, и къ разспросамъ иностранцевъ относились обыкновенно съ недовѣріемъ; но Масса, живя долго въ Москвѣ, познакомившись съ русскимъ языкомъ, имѣя, повидимому, не мало друзей между знатными и дѣловыми людьми, успѣлъ собрать значительныя свѣденія и добылъ даже карту Сибири, насколько она была въ то время извѣстна русскимъ.

Сочиненія и карты Исаака Массы, основанныя на собранныхъ имъ русскихъ данныхъ, вызвали у новѣйшихъ ученыхъ высокую оцѣнку его географическихъ заслугъ. У насъ первый обратилъ вниманіе на эти его труды знаменитый академикъ

Бэръ [1]): ему сообщилъ книжку Массы астрономъ Струве изъ Пулковской обсерваторіи, куда она поступила въ купленной тогда библіотекѣ извѣстнаго астронома Ольберса [2]). На первый разъ Бэръ обратилъ здѣсь вниманіе на изображеніе двухъ моржей, самки и дѣтеныша, по его словамъ прекрасно исполненное по молодому живому экземпляру и по старому набитому экземпляру, находившимся въ Голландіи въ 1612 году: эти животныя были тогда еще столь мало извѣстны, что Блуменбахъ повторилъ эти изображенія изъ рѣдкой книги, когда притомъ это изображеніе находилось не во всѣхъ ея экземплярахъ. Самъ Бэръ уже пользовался этими изображеніями въ своемъ изслѣдованіи о моржѣ, а теперь остановился на содержаніи книги, важной для исторіи сѣверной Россіи. Позднѣе указалъ ее Аделунгъ въ своемъ обзорѣ иностранныхъ путешественниковъ въ Россію [3]), причемъ далъ нѣкоторыя указанія о біографіи Массы. Аделунгъ не вполнѣ зналъ эту біографію, не зналъ, напримѣръ, года рожденія этого „ученаго голландскаго географа", которому было всего тринадцать лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Россію и всего двадцать-два года, когда онъ приготовилъ изданіе, составившее по отзыву Аделунга большую заслугу для исторіи и географіи Россіи. Изъ упоминаній въ небольшой географической книжкѣ Массы, Аделунгъ еще только догадывался о существованіи большого сочиненія Массы, заключающаго исторію Смутнаго времени. Географическая книжка, о которой мы говоримъ, единственная, которая извѣстна была Бэру и Аделунгу, вышла въ первый разъ въ 1612 г., въ Амстердамѣ, на голландскомъ языкѣ, затѣмъ въ томъ же году—въ нѣсколько дополненномъ видѣ—на латинскомъ языкѣ; въ слѣдующемъ году вышло новое, третье, латинское изданіе, которое считается лучшимъ и которое находится въ академической библіотекѣ въ упомянутомъ экземплярѣ Ольберса [4]).

---

[1]) См. Bulletin Scientifique, tome X, 1842, № 17, ст. 267—271.

[2]) Эта книжка находится теперь въ библіотекѣ Академіи Наукъ, съ замѣткою Бэра: „Donum speculae astronomicae. Liber rarus et gravissimus etiam quod historiam Sibiriae attinet. Baer".

[3]) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Спб. 1846, 2, стр. 217—221.

[4]) Подробное описаніе изданій этой книги Массы сдѣлано въ сочиненіи Фанъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго, II, стр. XII и д.

— Первое голландское изданіе: „Beschryvinghe van der Samoyeden landt in Tartarien. Nieulijcks onder't ghebiedt der Moscoviten gebracht. Wt de Russche tale overgheset, Anno 1609". Амстердамъ, 1612.

— Латинское изданіе: Descriptio ac delineatio geographica, и пр. Амстердамъ, 1612.

Книжка Массы видимо обратила на себя большое вниманіе: кромѣ голландскаго изданія тотчасъ потребовалось изданіе на латинскомъ языкѣ, который былъ тогда общераспространеннымъ ученымъ языкомъ, и латинское изданіе было вскорѣ повторено. Явились затѣмъ и другіе переводы—нѣмецкій и французскій, а

— Третье латинское изданіе: „Descriptio ac delineatio geographica Detectionis Freti sive, Transitus ad Occasum suprà terras Americanas, in Chinam atque Japonem ducturi. Recens investigati ab M. Henrico Hudsono Anglo. Item Exegesis Regi Hispaniae facta, super tractu recens detecto, in quintà Orbis parte, cui nomen, Australis Incognita. Cum descriptione terrarum Samoiedarum, et Tingoesiorum, in Tartarià ad Ortum Freti Waygats sitarum, nuperque sceptro Moscovitarum adscitarum. Amsterodami. Ex Officina Hesselij Gerardi. Anno 1613.

Во второмъ изданіи, при открытіяхъ въ Австраліи, добавлены слова: per Capitaneum Petrum Ferdinandez de Quir, опущенныя въ заглавіи третьяго изданія. У Аделунга, вмѣсто: transitus ad Occasum, поставлено неправильно: ad Oceanum.

Книжка, съ помѣтой листовъ, но безъ помѣты страницъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, карта сѣвернаго берега отъ Лапландіи до Peisida reca, въ Сибири, за Енисеемъ, подъ названіемъ: Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt: alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is, съ голландскими подписями и съ табличкой, гдѣ русскія мѣстныя названія переведены по-голландски. На оборотѣ заглавія изображеніе корабля и латинскіе стихи: Liber ad Lectorem. Далѣе, стр. 1—2: Ad Lectorem Prolegomena in tractatus sequentes. Затѣмъ вторая карта: „Tabula Nautica, qua representantur orae maritimae meatus, ac freta, noviter a Hudsono Anglo ad Caurum supra Novam Franciam indagata Anno 1612"—изображеніе Сѣвернаго океана отъ Англіи и Исландіи на востокѣ до „Великаго моря", открытаго Гудсономъ, берега Сѣверной Америки и Гренландіи. Затѣмъ, стр. 3—5: „Descriptio ac delineatio geographica detectionis freti sive transitus supra terras Americanas in Chinam et Japonem" — извѣстіе о несчастливомъ плаваніи Гудсона, составленное тотчасъ послѣ путешествія и полагающее поэтому (какъ замѣчаетъ Бэръ), что тотчасъ за Дэвисовымъ проливомъ долженъ находиться открытый океанъ. Стр. 6—15: Libelli supplicis, oblati Regiae Majestati Hispaniae a Duce Petro Fernandez de Quir, super Detectione quartae partis Orbis terrarum, cui nomen Australis incognita, eiusque immensis opibus et fertilitate,—очень спутанный разсказъ объ открытіяхъ дона Педро Фернанда Декверосъ (или Деквиръ) на берегахъ Новой Голландіи и въ другихъ странахъ южнаго океана. При этой статьѣ вплетена опять прежняя первая карта сѣвера Россіи и Сибири въ уменьшенномъ размѣрѣ, съ латинскими подписями и табличкой, гдѣ русскія слова переведены по-латыни. Стр. 16 занята картинкой, изображающей самоѣдскую ѣзду на оленяхъ и идоловъ, которымъ самоѣды поклоняются. Далѣе слѣдуютъ въ этомъ сборникѣ двѣ статьи самого Массы. Стр. 17—23: „Descriptio Regionum Siberiae, Samojediae, Tingoësiae et itinerum è Moscovia, Orientem et Aquilonem versus eò ducentium, ut à Moschis hodie frequentantur". Стр. 24 пустая. Стр. 25—35: „Brevis descriptio itinerum ducentium et fluviorum labentium è Moscovià Orientem et Aquilonem versus, in Siberiam, Samojediam et Tingoesiam, ut a Moschis hodie frequentantur. Item Nomenclaturae oppidorum in Siberia a Moschis conditorum, quae prorex gubernat, etiam incognita explorat, et occupat, ita ut in magnam Tartariam fere penetrarit. Въ концѣ статьи подпись: „Isaac Massa Haerlem". (ensis), относящееся, очевидно, къ обѣимъ статьямъ о Сибири. Стр. 36 опять пустая. Далѣе, на особомъ листкѣ то изображеніе двухъ

наконецъ и старый русскій (съ нѣмецкаго). Съ нѣмецкимъ переводомъ—нѣкоего Готарда Артхуса, данцигскаго жителя—встрѣтился Пекарскій: послѣдній принялъ Артхуса за настоящаго автора описанія Сибири, когда онъ былъ только переводчикомъ Массы. Артхусъ былъ плодовитый компиляторъ и переводчикъ; съ именемъ его вышло въ началѣ XVII-го вѣка много книгъ, посвященныхъ географіи и путешествіямъ; между прочимъ онъ заинтересовался и книжкою Массы и повидимому сначала перепечаталъ ее по-латыни, потомъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ,—представляя ее какъ бы своимъ собственнымъ сочиненіемъ, такъ какъ имя Массы умолчано [1]).

Повидимому тогда же сдѣланъ былъ французскій переводъ

моржей, которое заинтересовало Бэра. Стр. 37—39 статья безъ заглавія, и стр. 40—42: „De detectione Terrae polaris, sub latitudine octoginta graduum"; въ обѣихъ говорится о тогдашнихъ новыхъ предпріятіяхъ по изученію Сѣвернаго моря, и на особыхъ листахъ приложены во-первыхъ изображеніе кита, во-вторыхъ небольшая карта полярныхъ странъ.

Имена Гудсона и (во второмъ изданіи) де-Квира, поставленныя въ заглавіи, производили нѣкоторую библіографическую путаницу: какъ видимъ, книжка представляетъ небольшой сборникъ, составленный вѣроятно Герардомъ, который самъ былъ извѣстный географъ, изъ статей о новѣйшихъ географическихъ открытіяхъ. Главная важность сборника заключалась, главнымъ образомъ, въ статьяхъ Массы о Сибири и въ его картахъ.

[1]) Въ примѣръ библіографической запутанности укажемъ Пекарскаго, „Наука и литература при П. В.", I, стр. 340 (его указанія были приведены мною въ „В. Европы", 1888, апрѣль, стр. 702—703); Аделунга, Uebersicht, II, стр. 296, гдѣ Артхусу приписано изданіе Массы и Герарда, имъ только перепечатанное („Petri Fernandi de Quir descriptio regionum Siberiae quae nuper a Moscis detectae sunt, auctore M. Gotardo Arthusio Dantiscano. Francof., 1613,—очевидно, что „де-Квиръ" не имѣетъ къ Сибири никакого отношенія); въ книгѣ Фанъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго (II, стр. XIV) нѣмецкимъ переводчикомъ (съ перваго латинскаго изданія) названъ L. Hulsius, подъ которымъ вѣроятно надо разумѣть того же Артхузіуса. Первое изданіе его перевода отнесено къ 1614 году, 2-е къ 1627-му. Мы знаемъ только послѣднее, по экземпляру Публичной Библіотеки (оно упомянуто въ Russica, II, стр. 265):

„Zwölfte Schiffahrt oder kurtze Beschreibung der Newen Schiffahrt gegen Nord Osten über die Amerische Inseln in Chinam vnd Japponiam, von einem Engelländer Heinrich Hudson newlich erfunden... Beneben... auch kurtze Beschreibung der Länder der Samojeden und Tingoesen in der Tartarey gelegen. In Hochteutscher Sprach beschrieben durch M. Gothardum Arthusen von Dantzig. Oppenheim MDCXXVII (Изданіе упомянуто въ „Russica", II, стр. 265). На стр. 38—48: Beschreibung der landen Siberien, Samogedien und Tingesien mit Andeutung der Wege und Reysen so ausz der Moscaw gegen Morgen und Mitternacht dahin führen wie sie von den Moscovitern täglich gebraucht werden. На стр. 49—описаніе путей и рѣкъ.

Рѣдкость изданій, которыхъ недостаетъ и въ Публичной Библіотекѣ, оставляетъ пока неясной исторію этихъ изданій.

книжки Массы о Сибири. Не знаемъ, былъ ли онъ напечатанъ, но рукопись его мы видѣли въ парижской Національной библіотекѣ, пересматривая въ ней (1859) старыя рукописи, относящіяся до Россіи. Получивъ теперь [1]) копію этой рукописи (Ms. № 19474, Collection Dupuy), мы нашли въ ней старый французскій переводъ обѣихъ статей Массы о Сибири, только въ другомъ порядкѣ, сдѣланный по-латинскому изданію 1613 года [2]). Наконецъ, много позднѣе сдѣланъ былъ и русскій переводъ книжки Массы по какому-то латинскому изданію того же Артхуса, указанный Пекарскимъ въ рукописи Публичной Библіотеки и по его мнѣнію сдѣланный полякомъ или бѣлоруссомъ не позже начала XVIII вѣка [3]).

Въ первой статьѣ Массы разсказывается о занятіи русскими Сибири и любопытно, что въ этомъ разсказѣ ни однимъ словомъ не упомянуто о Ермакѣ и событія разсказываются такъ, что занятіе Сибири было дѣломъ Строгановыхъ.

„Въ Московіи,—говоритъ Масса,—есть племя (natio), имя котораго дѣти Аники (Anicouvii filii, Аниковичи), низкаго происхожденія, ведущее родъ отъ нѣкоего земледѣльца Аники. Имѣя много земель, этотъ Аника жилъ около устья рѣки Вычегды, впадающей въ рѣку Двину... Этотъ богатый Аника, имѣя много дѣтей и наслаждаясь всѣми благами фортуны, былъ одержимъ какою-то страстью узнать, какія земли и страны населяютъ тѣ люди, которые каждый годъ приходили въ Московію для торговли драгоцѣнными мѣхами и другими товарами, и совершенно отличались языкомъ, одеждой, религіей и нравами, называя себя самоѣдами

---

[1]) Черезъ посредство г-жи З. А. В—вой.

[2]) „1613 Brieue Description des chemins qui menent et des fleuues qui passent de la Moscouie uers le Septentrion et l'Orient en la Siberie" и пр. И далѣе: „Description des pais de Siberie Samoiede et Tingoesie frequentez par les Moscouites". При обѣихъ статьяхъ названо имя Массы. Французскій переводъ нѣсколько сокращенъ.

[3]) Публ. Библіотеки F. IV. № 116. Пекарскаго, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ", I, стр. 340. 1606 годъ, поставленный на русскомъ переводѣ, повторенъ изъ латинскаго изданія, указаннаго тамъ же Пекарскимъ, и представляетъ опять какую-то библіографическую путаницу, которая остается пока необъяснимой: книжка Массы, сколько извѣстно, появилась не раньше 1612 года, а латинскаго изданія, на которое ссылался Пекарскій, мы не могли найти.

Заглавіе русскаго перевода: „Повѣстное описаніе королевствъ (Regionum) Сѣберіи, Самоѣдіи и Тингоезіи (!), вкупѣ съ путешествіями отъ Москвы до всходу и полунощной страны тамо проводящими зане презъ оніе московскій народъ всегда преходитъ".

Эта „Тингоезія" повторяется неизмѣнно въ переводахъ Массы, наконецъ, и въ нашемъ русскомъ; но буквы *oe* произносятся по-голландски за *y*, и рѣчь здѣсь идетъ о тунгузахъ.

и нося различныя имена. Эти народы ежегодно пріѣзжали на рѣку Двину, обмѣниваясь съ русскими и москвитянами товарами всякаго рода, особливо принося на торгъ мѣха, которые мы называемъ вавилонскими". Аника увидѣлъ, что тѣ страны должны заключать большія богатства, и послалъ туда своихъ людей, поручивъ имъ осмотрѣть тѣ земли и завести дружескія сношенія съ жителями; потомъ отправилъ туда еще больше людей съ малоцѣнными товарами, на которые вымѣнивалъ драгоцѣнные мѣха, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пріобрѣлъ громадныя богатства; но чтобы предупредить и обезоружить зависть, онъ рѣшился все открыть своему другу, который пользовался при дворѣ большою милостью, Борису Годунову. Онъ поднесъ Борису подарки и разсказалъ о дѣлѣ, которое могло принести государству большія выгоды. Борисъ выслушалъ это съ величайшимъ любопытствомъ, наградилъ Аниковичей и далъ имъ отъ имени царя открытое письмо, которымъ предоставилъ въ ихъ вѣчное владѣніе земли, какія они пожелали бы взять. Наконецъ, Борисъ доложилъ обо всемъ царю, а затѣмъ отправилъ въ сибирскія и самоѣдскія земли нѣсколькихъ бѣдныхъ благородныхъ людей, присоединивъ къ нимъ также военныхъ и вмѣстѣ съ людьми Аниковичей велѣлъ имъ подробно описать всѣ дороги, рѣки, лѣса, дружески обращаться съ жителями, замѣчать всѣ удобныя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи можно было бы построить укрѣпленія. Такъ это и было исполнено. Самоѣды, увидѣвъ московскихъ людей въ богатыхъ одеждахъ, принимали ихъ за боговъ, подчинились московскому царю и согласились платить дань. Московскіе посланцы, осмотрѣвъ страну, возвратились въ Москву; на мѣстѣ оставили они нѣсколько человѣкъ для изученія языка, а съ собой въ Москву взяли нѣсколько самоѣдовъ, которые поражены были русскими обычаями и величіемъ царя; они признали его за своего господина и обѣщали склонить къ тому и своихъ земляковъ. Такимъ образомъ Аниковичи чрезвычайно возвысились, а въ новой странѣ построены были въ разныхъ мѣстахъ деревянныя крѣпости, въ которыхъ поставлены солдаты и начали стекаться жители. „И туда посылается теперь такое множество людей, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собрались уже города изъ поляковъ, татаръ, русскихъ и другихъ народовъ, перемѣшанныхъ между собою. Потому что туда отправляютъ всѣхъ ссыльныхъ убійцъ, измѣнниковъ, воровъ и тѣхъ, кто достоинъ смерти; нѣкоторые изъ нихъ оставляются на время въ оковахъ, другіе свободно живутъ нѣсколько лѣтъ, смотря по совершенному преступленію, и такимъ образомъ собрались многочисленныя общества людей, которыя вмѣстѣ съ

крѣпостями (острогами) образуютъ цѣлое царство, такъ какъ каждодневно стекаются сюда многіе люди болѣе скуднаго достатка, чтобы воспользоваться предоставленными тамъ льготами. Имя этой странѣ Сибирь". Масса прибавляетъ, что это имя уже тогда наводило трепетъ, такъ какъ въ Сибирь ссылались вмѣстѣ съ семействами чиновники, подпадавшіе царскому гнѣву.

Таково вкратцѣ содержаніе перваго сочиненія Массы. Впослѣдствіи оно цѣликомъ выписано было въ извѣстной книгѣ Витзена „Сѣверная и Восточная Татарія" (1692, и два другія изданія 1705, 1795), откуда было переведено г. Тыжновымъ [1]). То обстоятельство, что по этому разсказу занятіе Сибири обошлось безъ Ермака, обратило на себя уже вниманіе Витзена. Стараясь примирить противорѣчіе этого разсказа съ тѣми, гдѣ говорится о подвигахъ Ермака, онъ предлагаетъ такое объясненіе, что дѣйствія рода Аники шли съ запада, со стороны России, а дѣйствія Строгановыхъ и Ермака направлялись отъ восточныхъ странъ и совершались въ одно и то же время. Но, отдѣливъ Анику отъ Строгановыхъ, Витзенъ предполагаетъ и другое, что самъ Аника былъ изъ рода Строгановыхъ (какъ то дѣйствительно и было). Оба разсказа могутъ быть согласованы, если принять, что одинъ повѣствуетъ о томъ, какъ были покорены аборигены Тобола, гдѣ была употреблена сила, а другой—о томъ, съ какой кротостью и любовью обходились съ туземцами въ ближайшихъ странахъ Сибири, лежащихъ западнѣе; а самое лучшее—предполагать, что разсказы повѣствуютъ объ одномъ и томъ же событіи, совершившемся въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, съ той разницей, что здѣсь о военныхъ дѣлахъ Ермака опущено, а говорится лишь о кроткихъ средствахъ Аники.

„Вопросъ,—замѣчаетъ г. Тыжновъ,—который представлялся для Витзена въ противорѣчіи между повѣствованіемъ Массы и другими, ему извѣстными, для насъ представляется празднымъ, ибо намъ хорошо извѣстно, что Сибирь покорилъ Ермакъ. Для насъ повѣствованіе Массы имѣетъ цѣну въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ означается дѣятельность Строгановыхъ (Аники) на сибирской окраинѣ и отношеніе государства къ колонизаціи. Очевидно, что побудило Строгоновыхъ донести до царя о своемъ предпріятіи; они обратились къ государству за помощью, не будучи въ состояніи сами вести дѣло собственными средствами... Масса описываетъ колонизацію во время Өедора Ивановича и Бориса Годунова. Хотя онъ и говоритъ о первомъ занятіи Сибири, но ясно, что

[1]) „Сибирскій Сборникъ", 1887, стр. 105—110.

здѣсь дѣло идетъ о вторичныхъ уже движеніяхъ въ эту страну, при упомянутыхъ царяхъ. Эта непрерывно продолжающаяся колонизація была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и непрерывно продолжающимся завоеваніемъ территоріи. Занятіе это подготовлялось и шло сначала путемъ мирной эксплуатаціи, колонизаціи торгово-промышленной, къ которой присоединилась затѣмъ, послѣ покоренія Сибири, колонизація военно-промышленная, получившая въ концѣ перевѣсъ надъ первой. Такимъ образомъ, эти два момента, къ которымъ впослѣдствіи, въ первое время царствованія Романовыхъ, присоединился третій, идущій отъ государства—моментъ, такъ сказать, земледѣльческій, составляютъ сущность сибирской колонизаціи въ московскій періодъ русской исторіи. Масса даетъ намъ понять временную раздѣльность первыхъ двухъ моментовъ, но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что первому приписалъ преобладающее значеніе и на его долю отнесъ занятіе Сибири, тогда какъ оно произошло путемъ собственно военно-промышленной колонизаціи. Это произошло потому, что онъ, видя современный ему способъ движенія въ Сибирь, отъ этого способа, современнаго ему, заключалъ къ прошедшему, и отнесъ его къ покоренію Сибири" [1]).

Это могло быть, но если разнорѣчіе разсказа Массы и историческихъ извѣстій о дѣяніяхъ Ермака можетъ быть для насъ безразлично, то не остается празднымъ вопросъ объ источникахъ этого разнорѣчія. Замѣтимъ, что и въ болѣе позднихъ сибирскихъ лѣтописяхъ разсказъ о завоеваніи Сибири обнаруживаетъ двѣ разныя тенденціи: въ однѣхъ главная роль приписывается Ермаку, въ другихъ — Строгановымъ. Можно думать, что это различіе взглядовъ существовало и внѣ какихъ-нибудь личныхъ или фамильныхъ вліяній, и разсказъ Массы указываетъ во всякомъ случаѣ, что разница точекъ зрѣнія, замѣчаемая въ сибирскихъ лѣтописяхъ, восходитъ уже къ этому раннему времени.

Другое сочиненіе Массы—краткое описаніе путей, ведущихъ въ Сибирь, рѣкъ, протекающихъ на сѣверѣ и востокѣ, и списокъ городовъ, основанныхъ москвитянами въ Сибири,—есть вообще первое описаніе этого рода въ старой литературѣ о Сибири, кромѣ тѣхъ чисто оффиціальныхъ документовъ, которые могли существовать объ этомъ предметѣ. Это сочиненіе есть какъ бы путеводитель въ тогдашнюю Сибирь: авторъ начинаетъ отъ Соли-Вычегодской и даетъ указаніе путей, какими совершались тогда сообщенія съ Сибирью и перевозка товаровъ. Главными путями

¹) Тамъ же, стр. 111.

были, конечно, рѣки; при этомъ онъ даетъ также описаніе главныхъ городовъ, говоритъ о туземныхъ народахъ и ихъ обычаяхъ, объ управленіи воеводъ, отмѣчая великіе успѣхи московскихъ людей въ занятіи Сибири и ожидая еще бо̀льшихъ въ будущемъ: „скажу однимъ словомъ,—говоритъ онъ:—москвитяне въ этой странѣ оказали невѣроятные успѣхи, и мы надѣемся еще дальнѣйшихъ (uno verbo dicam, Moschi in illo tractu incredibiles fecere progressus et ulteriores speramus)“. Онъ отмѣчаетъ также быстрое сліяніе племенъ въ гражданскомъ отношеніи подъ русскою властью. „Въ городѣ Томи (Томскъ, Toom),—говоритъ онъ, напримѣръ,—и въ Нарымскомъ острогѣ, и въ Сибири находятся многочисленныя племена, которыя называютъ себя остяками, и они уже слились съ татарами, самоѣдами и русскими въ одно тѣло, дружески ведя другъ съ другомъ торговлю золотомъ и другими родами товаровъ... Между рѣками Обью и Иртышомъ построено множество городовъ и крѣпостей,—почти въ то же время какъ строился Тобольскъ, уже изобилующій богатствами,—жители которыхъ суть москвитяне, татары и самоѣды, всѣ мирные (omnes mansueti)“ и т. д. Порядокъ описанія—съ запада на востокъ: отъ Соли-Вычегодской онъ доходитъ до Югорскихъ горъ, т.-е. до Урала, на пути упоминая о Камѣ, впадающей въ Волгу („которая семидесятью устьями вливается въ Каспійское море, какъ я слышалъ отъ людей, достойныхъ вѣры, свидѣтелей-очевидцевъ“). Онъ даетъ краткое описаніе Урала, затѣмъ сообщаетъ извѣстія о Верхотурьѣ (Vergateria); по его словамъ это первый сибирскій городъ, гдѣ правитъ воевода (prorex aut gubernator). Затѣмъ начинаются рѣки сибирской системы: большая рѣка Тура, Тоболъ, города Тюмень, Тобольскъ на рѣкѣ Иртышѣ, „очень быстрой на подобіе Дуная“; затѣмъ Сургутъ, Нарымскій острогъ. За Обью слѣдуетъ описаніе Енисея, и путеводитель кончается указаніемъ первыхъ попытокъ русскихъ проникнуть за Енисей. Какъ упомянуто выше, всѣ эти данныя собраны Массой отъ его русскихъ друзей; факты переданы вообще съ большою точностью; видимо, они очень интересовали автора и онъ внимательно ихъ изучилъ, тѣмъ болѣе, что въ его рукахъ была и карта. „Жилъ въ то время въ Московіи братъ одного моего друга, самъ участвовавшій въ этихъ открытіяхъ въ Сибири; этотъ другъ передалъ намъ одну карту, полученную изъ устъ своего брата, нынѣ уже покойнаго, и имъ начерченную; самъ же онъ проплылъ проливъ Вайгачъ и знаетъ всѣ мѣста до рѣки Оби; о положеніи странъ за этой рѣкой онъ узналъ отъ другихъ“... Въ голландскомъ изданіи Масса говоритъ болѣе ясно о томъ, какого труда стоило ему

собираніе этихъ свѣденій и съ какой опасностью оно было соединено для тѣхъ, кто ему доставлялъ ихъ: „Я опишу сколько мнѣ возможно дорогу изъ Россіи въ Сибирь, но я долженъ сказать, что мнѣ было невозможно узнать больше. То, что я знаю, я собралъ съ величайшими усиліями и я обязанъ этимъ дружбѣ нѣкоторыхъ лицъ московскаго двора, которыя изъ расположенія ко мнѣ довѣрили мнѣ эти свѣденія, долго колебавшись прежде, чѣмъ мнѣ ихъ дать. Это могло стоить имъ жизни, потому что русскій народъ крайне недовѣрчивъ и не можетъ вынести, чтобы открывали тайны его страны“ [1]).

Карты, составленныя Массой, были перечислены въ статьѣ Аделунга о старыхъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года [2]), въ его книгѣ объ иностранныхъ путешественникахъ въ Россію, а потомъ подробнѣе въ предисловіи Фанъ-деръ-Линде къ изданію сочиненій Массы, но ихъ взаимное отношеніе, кажется, еще не опредѣлено. Дѣло въ томъ, что еще Бэръ въ упомянутой статьѣ 1842 года высказывалъ недоумѣніе: отчего происходитъ, что карты, изданныя Массой подъ собственнымъ именемъ и находящіяся въ большинствѣ старыхъ голландскихъ атласовъ, не мало отличаются отъ карты, изданной Гесселемъ Герардомъ? Бэръ предполагалъ, что Масса могъ впослѣдствіи внести въ свои карты новыя наблюденія. Аделунгъ говорилъ потомъ, что не можетъ рѣшить этихъ критическихъ сомнѣній [3]).

Въ сочиненіи г. Анучина приведенъ цѣлый рядъ картъ, изображающихъ сѣверъ Россіи и Сибири, начиная отъ карты Антона Вида, въ половинѣ XVI-го вѣка, до чертежа Ремезова 1701 года. Обзору этой картографіи посвящена статья г. Замысловскаго. „Задолго до завоеванія Сибири Ермакомъ,—говоритъ онъ,—о ней уже существовали русскія свѣденія, послужившія иностранцамъ источникомъ для составленія очертанія р. Оби, приложеннаго къ картамъ Восточной Европы XVI-го вѣка“. Первою картою этого рода является карта данцигскаго сенатора Антона Вида, изданная въ 1555 году, но составленная гораздо раньше, такъ что карта Мюнстера 1544 года есть только ея копія [4]). Сообщенія Вида о Сибири [5]) крайне ограничены: рѣка Обь изображена

[1]) Pr. Obolensky et Van der Linde, II, стр. XII; I, стр. 284—285.

[2]) Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches, т. IV, стр. 27.

[3]) Бэръ, Bulletin scientifique, 1842, стр. 271; Adelung, Uebersicht, II, стр. 219.

[4]) Открытіе карты Вида принадлежитъ Михову: Die aeltesten Karten von Russland. Ein Beitrag zur historischen Geographie von Dr. H. Michow. Hamburg. 1884.

[5]) Отрывокъ карты у Анучина, стр. 52.

скорѣе въ видѣ огромнаго морского залива; на лѣвой сторонѣ ея изображены „абдоры“, поклоняющіеся „золотой бабѣ“, съ ребенкомъ въ рукахъ, и приносящіе ей въ жертву звѣриныя шкуры; любопытно, что имя золотой бабы написано русскими буквами съ переводомъ: Hoc est aurea vetula idolum quod huius partis incolae adorant. Южнѣе золотой бабы по той же лѣвой сторонѣ Оби изображенъ городъ Сибирь (Sybir); затѣмъ все къ югу Тюмень (Tumen wilky), Kasary Horda (восточнѣе), Kalmycky Horda, наконецъ, между Волгой и Яикомъ (Deick) помѣщена Horda Nohay и рядомъ громадное мѣсто, занятое устьями Волги съ Астраханью; между абдорами и Тюменью, западнѣе, изображена Великая Пермь (Wilki Perim); на правой сторонѣ Оби, на одной широтѣ съ городомъ Сибирь надпись, неизвѣстно что̀ обозначающая: Kydeisco. Вотъ все содержаніе этой карты, которая могла быть составлена на основаніи слуховъ объ этихъ странахъ въ печатныхъ источникахъ, хотя „золотая баба“ и „Kydeisco“ могли принадлежать спеціально русскому источнику. Нѣсколько болѣе подробна, но все-таки очень скудна карта Герберштейна 1549 и 1556 года [1]). Рѣка Обь изображена опять чрезвычайно широкою, вытекающею изъ огромнаго озера; на лѣвой сторонѣ ея, на сѣверѣ, опять золотая баба (aurea anus, slata baba), изображенная въ западно-европейскомъ костюмѣ богатой дамой съ копьемъ въ рукѣ: южнѣе, близь впаденія какой-то рѣки въ Обь, означенъ городъ „Обеа“; еще южнѣе—еще два города: повидимому Пермь и Тюмень. По правой сторонѣ рѣки указаны на крайнемъ сѣверѣ югры, „отъ которыхъ произошли венгры“; южнѣе народъ „грустинцы“ и городъ Грустина, еще южнѣе—„Кумбаликъ, столица въ Катаѣ или Китаѣ“ (Cumbalik Regia in Cataya idem in Kitay). Источники Герберштейна были несомнѣнно русскіе, но странное изображеніе Оби, „Китайское озеро“ и „Камбаликъ“ (т.-е. Пекинъ) близь праваго берега Оби достаточно свидѣтельствуютъ, какъ смутны были представленія объ этомъ краѣ у русскихъ людей, отъ которыхъ Герберштейнъ почерпалъ свои извѣстія [2]).

---

[1]) Часть этой карты у Анучина, стр. 54.

[2]) По объясненію нашихъ географовъ, „Китайское озеро“ (на которое намекаетъ и слово „Kydeisco“ на картѣ Вида) не совсѣмъ лишено смысла въ томъ отношеніи, что, по замѣчанію Миддендорфа, оно должно означать озеро Нордъ-Дзайсанъ или Зайсанъ, изъ котораго вытекаетъ Иртышъ, такъ что Герберштейнъ могъ принимать Иртышъ за верхнюю часть Оби, а Телецкое озеро, изъ котораго вытекаетъ одна изъ частей Оби, Бія, не можетъ быть принято за Китай-озеро по его незначительной величинѣ (Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Тобольская губернія

Исаакъ Масса самъ указываетъ, что въ своей картѣ (составленной въ 1609 г.) пользовался русскимъ чертежомъ.

Въ 1614 году издана была Гесселемъ Герардомъ въ Амстердамѣ карта царевича Ѳедора Борисовича [1]: здѣсь больше подробностей, чѣмъ у Массы, но рѣка Обь по прежнему вытекаетъ изъ огромнаго Китайскаго озера далеко на востокѣ.

„Таковы картографическія данныя западно-европейской литературы съ XVI до 1668 года, когда появилась (первая русская) карта Сибири",—говоритъ г. Замысловскій, но не совсѣмъ точно, такъ какъ здѣсь не названы еще англійская карта Дженкинсона, который, какъ объяснено г. Анучинымъ, пользовался также русскими свѣдѣніями о Сибири, именно новгородскимъ сказаніемъ, и карта голландскаго морехода Баренца, обѣ приведенныя въ сочиненіи г. Анучина.

„Всѣ эти данныя,—продолжаетъ г. Замысловскій, —являются крайне скудными, если мы обратимъ вниманіе на многочисленныя свидѣтельства относительно составленія чертежей сибирскихъ земель, сохранившіяся въ нашихъ оффиціальныхъ бумагахъ" [2]).

Въ этихъ словахъ, намъ кажется, есть нѣкоторое недоразумѣніе. Какъ видно изъ трудовъ западныхъ путешественниковъ, они съ большимъ интересомъ искали географическихъ свѣденій о Россіи: въ книгу Дженкинсона попали даже свѣденія изъ древняго новгородскаго сказанія; какъ внимательно собиралъ извѣстія о Россіи Герберштейнъ, это достаточно извѣстно; сочиненіе Массы было первымъ описаніемъ Сибири, получившимъ книжное распространеніе, и мы приводили его слова о томъ, какихъ усилій стоило ему собрать приведенныя имъ свѣденія и съ какими опасностями соединено было пріобрѣтеніе изданной имъ карты. Очевидно, что со стороны иностранныхъ географовъ не было недостатка въ любознательности; но русскіе источники были чрезвычайно мало доступны или же были недостаточно пригодны для картографическаго употребленія. „Многочисленныя свидѣтельства", упоминаемыя г. Замысловскимъ, далеко не всѣ относятся именно къ „чертежу сибирскихъ *земель*", а только къ *планамъ* сибирскихъ *остроговъ*. Таково порученіе отъ царя Бориса въ 1600 году къ тюменскому головѣ о построеніи острога въ Епанчинѣ Юртѣ. Въ грамотѣ именно говорится: „а каковъ великъ острогъ сдѣланъ

В. Звѣринскаго, Спб. 1871, стр. LXI; Замысловскій, стр. 335). Этому объясненію мѣшаетъ только то, что у Герберштейна рѣка Иртышъ означена особо, какъ небольшой притокъ, гораздо сѣвернѣе Китайскаго озера.

[1]) Часть ея, изображающая Сибирь, у Анучина. стр. 38.

[2]) Стр. 340.

будетъ, и каковы около острогу крѣпости (т.-е. укрѣпленія) и надолобы подѣлаешь... и ты бъ о всемъ о томъ подлинно отписалъ, *и острогъ, и крѣпости, начертивъ на чертежъ* и всякія угодья росписавъ, прислалъ къ намъ къ Москвѣ". Такимъ же образомъ въ 1611 году тобольскій воевода, дѣлая распоряженія о постройкѣ новаго города, велитъ „новому *городу*, и городовымъ всякимъ *крѣпостямъ*, и пашеннымъ землямъ и всякимъ угодьямъ роспись и чертежъ прислати въ Тоболескъ". Очевидно, что на этотъ разъ рѣчь идетъ только о планахъ этихъ остроговъ, а не о картахъ земель.

Другіе „чертежи" были дѣйствительно карты. Такова была карта царевича Өедора Борисовича, изданная Герардомъ. Такую карту, „чертежъ и роспись про китайскую область" привезъ въ Москву въ 1620 году казакъ Иванъ Петлинъ, посланный въ Китай. Въ 1626—1627 годахъ, по указу царя Михаила Өедоровича, сдѣланъ новый чертежъ всему московскому государству. Въ чертежѣ находится и рѣка Обь съ ея притоками. Въ 1640—1641 составлены росписи и чертежи притокамъ Енисея и верховьямъ Левы [1]). Въ 1644 году новый приказъ о чертежѣ Лены и ея притоковъ, и т. д.

Собственно говоря, первая карта Сибири явилась только въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича.

Болѣе поздній сибирскій лѣтописецъ и географъ Ремезовъ сообщаетъ, что въ 1667—1668 годахъ, царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ тобольскому воеводѣ составить карту Сибири— „всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищъ, межи, рѣки и урочища, и всему учинить чертежъ". По словамъ его, это было „первое чертежное описаніе Сибири отъ древнихъ жителей", т.-е., вѣроятно, первое съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Сибири русскіе жители, и это описаніе было „предано печати", „и посему отчасти Сибирь означися". Это первое описаніе произвело, по свидѣтельству Ремезова, большое впечатлѣніе въ Сибири: изъ чертежа сибирскіе жители въ первый разъ увидѣли очертаніе своей земли. „И о семъ тогда всѣмъ сибирскимъ жителямъ первое вново Сибирскій чертежъ въ великое удивленіе, яко много лѣтъ при житіи ихъ проидоша и недовѣдомы орды сосѣдъ жилища и урочища бѣша. И о семъ древле невѣріемъ слуха одержимы бѣша: еже имъ мало проходно быша, еже нынѣшное урочище пять поприщъ имуще, они же тогда сто верстъ мнѣша, а идеже день ходу, ту

[1]) Упомянутая затѣмъ г. Замысловскимъ работа пятидесятника Мартына Васильева въ 1641 году представляетъ опять не карту, а только планъ верхоленскаго острожка.

имъ недѣля ѣзду. И тогда имъ сосѣдъ жилища и урочища отчасти открыся, зане въ вопросахъ неискусни бѣша. И съ таковаго времени со 176 и по нынѣшной 209 годъ“.

Ремезовъ былъ не высокаго мнѣнія о географическихъ представленіяхъ своихъ соотечественниковъ и его трудно въ этомъ оспаривать. Очевидно, что старинные чертежи, какіе были, дѣлались на глазомѣръ, безъ всякой помощи точнаго картографическаго изученія, которое было невозможно безъ нѣкоторыхъ понятій о математической географіи и безъ умѣнья хотя бы приблизительно опредѣлять широту и долготу отмѣчаемыхъ на картѣ пунктовъ: но этихъ понятій въ то время не было. О томъ, какъ составлялась карта 1667—1668 года, сохранились свѣденія въ документахъ, изданныхъ недавно гг. Юдинымъ и Титовымъ [1]).

Въ изданіи г. Юдина помѣщены: указъ 1667 года царя Алексѣя тобольскому воеводѣ Петру Ивановичу Годунову о составленіи сибирскаго чертежа, и его описаніе подъ названіемъ: „Чертежъ всей Сибири, збиранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михайловича“. Но самый „чертежъ“, т.-е. карта, здѣсь отсутствуетъ— повидимому онъ затерянъ (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ онъ не былъ встрѣченъ),—а сохранилось только его описаніе.

„Статья эта,—говоритъ г. Титовъ,—имѣетъ важное значеніе потому, что заключаетъ въ себѣ свѣденія о первой картѣ Сибири, составленной по распоряженію русскаго правительства. Карта эта была начертана по указу царя Алексѣя Михайловича стольникомъ и воеводой Петромъ Ивановичемъ Годуновымъ въ 1667 году въ Тобольскѣ, по указаніямъ „всякихъ чиновъ людей“, знавшихъ „подлинно городки и остроги, и урочища, и дороги, и земли, и какіе ходы отъ города до города, да отъ слободы до слободы, и до котораго мѣста и дороги, и земли, и урочища, и до земель въ скольку дней и скольку ѣзду и верстъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, П. И. Годунову было поручено построить „по высмотрѣ“ въ тобольскомъ уѣздѣ между слободами крѣпости, нужныя для обезопашенія отъ находа непріятелей, и опредѣлить, „по скольку человѣкъ въ которой крѣпости посадить драгунъ“, какъ велико разстояніе той или другой крѣпости до извѣстнаго мѣста и даже до Китая“.

---

[1]) „Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и принадлежащихъ къ ней земляхъ“, 1891; предисловіе и выборъ статей принадлежатъ А. А. Титову, извѣстному изыскателю ростовской старины и собирателю памятниковъ старой письменности. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ этой книги, которой не нашли въ книжной торговлѣ, и пользуемся сообщеніями изъ нея у г. Замысловскаго.

Въ описаніи чертежа и въ „росписи сибирскимъ городамъ и острогамъ“, разстояніе разныхъ мѣстностей, за исключеніемъ болѣе близкихъ и потому болѣе извѣстныхъ, означены днями ѣзды сухимъ путемъ или водой, и весь чертежъ былъ очевидно глазомѣрный [1]).

Въ сборникѣ г. Титова приложенъ наконецъ любопытный снимокъ со старинной карты Сибири, до сихъ поръ неизвѣстной. „Какъ видно изъ шведской надписи на картѣ, она есть *копія съ чертежа Сибири*, сдѣланнаго стольникомъ и воеводою Петромъ Ивановичемъ Годуновымъ въ 1667 году. Копію эту снялъ въ 1669 году К. И. Прютцъ (С. I. Prütz), сопровождавшій въ Москву шведскаго посланника Фрица Кронмана. Копія Прютца приложена къ хранящейся въ стокгольмской королевской библіотекѣ рукописи Прютца, называемой „Itinerarium per nonnullas Russiae et Poloniae partes“ (въ 4-ку, 146 страницъ). О копіи своей Прютцъ говоритъ слѣдующее: „Приложенная карта великаго княжества Сибирскаго и окрестныхъ странъ снята мною 8-го января 1669 года въ Москвѣ, насколько возможно было тщательно, съ весьма небрежно сохранившагося подлинника, которымъ меня, лишь на нѣсколько часовъ, ссудилъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій“. Этотъ князь Воротынскій былъ однимъ изъ видныхъ бояръ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Сочиненіе Прютца до сихъ поръ не издано, а равно оставалась неизвѣстною и помѣщенная въ немъ карта Сибири, между тѣмъ какъ она чрезвычайно интересна для старинной русской картографіи, ибо даетъ намъ понятіе о первомъ русскомъ чертежѣ Сибири, не сохранившемся въ Россіи“.

Г. Замысловскій прибавляетъ къ этому, что карта Прютца едвали есть точная копія русской: „бóльшая часть названій рѣкъ и городовъ, отмѣченныхъ особыми знаками, не поименованы, опущены многія названія, находящіяся въ русскомъ подлинникѣ, но тѣмъ не менѣе эта карта оставляетъ далеко за собою карты, предшествующія ей, и она является первымъ опытомъ воспроизвести картографически всю Сибирь“. Что копія не могла быть особенно точной, можно предполагать уже изъ того, что „небрежно

---

[1]) Описаніе этого чертежа извлечено г. Титовымъ изъ рукописи Румянцовскаго музея (№ CCXCIV); другой списокъ, болѣе исправный, нашелся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, какъ о томъ пишетъ г. Оглоблинъ въ статьѣ: „Источники чертежной книги Сибири, Семена Ремезова“ („Библіографъ“, 1891, № 1). Въ этихъ спискахъ есть варіанты въ собственныхъ именахъ и въ цифровыхъ показаніяхъ.

сохранявшійся подлинникъ" данъ былъ Прютцу всего на нѣсколько часовъ.

Весьма существенный вопросъ сибирской исторіи поднимаетъ г. Буцинскій.

Прошло едва нѣсколько лѣтъ послѣ завоеванія Сибири, какъ въ этой странѣ начинается оживленное движеніе, строятся города и остроги (т.-е. укрѣпленія), начинается торговая и промышленная дѣятельность, русская власть и народность овладѣваютъ все новыми землями на громадныхъ пространствахъ неизвѣстнаго дотолѣ края. Какъ совершалось все это, и какъ объяснить самое военное занятіе Сибири Ермакомъ при тѣхъ, конечно, незначительныхъ силахъ, какія были у завоевателей-добровольцевъ? Каковы были размѣры туземнаго населенія и какъ собралось новое русское населеніе Сибири?

Этотъ вопросъ представляется тотчасъ и самъ собою тому, кто хотѣлъ бы выяснить себѣ первоначальныя явленія сибирской исторіи, которыми опредѣлялся весь будущій ходъ народнаго и государственнаго движенія въ Сибирь; но до сихъ поръ этотъ вопросъ оставался нетронутымъ или находилъ только очень общія и недостаточныя объясненія. Очевидно, что для положительнаго, точнаго отвѣта требовалась историческая статистика, хотя приблизительныя цифры сибирскаго населенія, туземнаго и русскаго, въ XVI—XVII вѣкѣ, и опредѣленіе движенія колонизаціи. Можно было бы прежде всего ожидать, что эта статистика будетъ совершенно невозможна для столь отдаленныхъ временъ—цифры могли совсѣмъ отсутствовать въ тѣхъ документахъ, какіе уцѣлѣли бы отъ тѣхъ вѣковъ, или не уцѣлѣли самые документы. Предстояло, слѣдовательно, опредѣлить положеніе источниковъ и собрать ихъ показанія; г. Буцинскій предпринялъ эту работу. Источники нашлись, хотя неполные, и, послѣ пересмотра ихъ, авторъ нашелъ возможнымъ сдѣлать извѣстные выводы, весьма новые и любопытные.

Источники нашлись въ документахъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и архивѣ министерства юстиціи, особенно въ послѣднемъ, въ дѣлахъ стараго Сибирскаго приказа. На подмогу исторіи явилась приказная аккуратность старой Москвы... Когда Москва предприняла свой трудъ собиранія русской земли, она развила обширную административную дѣятельность, отъ которой по прямому наслѣдству произошла позднѣйшая бюрократія. Москва вела свое дѣло какъ заботливый хозяинъ-скопидомъ; государственное хозяйство получило харак-

серъ какъ бы чисто личной „государевой казны", которой велся въ приказахъ строгій счетъ, изъ которой ничто не могло ни „горѣть", ни „тонуть"; все было на виду и на счету. Этому счету подпало и вновь пріобрѣтенное сибирское царство, и въ документахъ Сибирскаго приказа нашлись тѣ данныя, которыя были такъ необходимы для сибирской исторіографіи и разработку которыхъ предпринялъ теперь г. Буцинскій.

Настоящая книга есть только начало обширнаго труда. „Мы намѣрены,—говоритъ авторъ въ предисловіи, — по частямъ изслѣдовать заселеніе Сибири, по частямъ изслѣдовать матеріалъ, касающійся быта насельниковъ этого края и взаимнаго отношенія между ними и туземцами, чтобы потомъ написать общую исторію Сибири отъ начала ея завоеванія и до половины XVIII вѣка". Первая часть изслѣдованія г. Буцинскаго касается заселенія передней Сибири—уѣздовъ верхотурскаго, туринскаго, тюменскаго, тобольскаго, тарскаго, пелымскаго и березовскаго въ періодъ отъ начала завоеванія этого края до конца царствованія Михаила Θедоровича. „Мы не можемъ сказать, — говоритъ авторъ,—что существующія сочиненія о Сибири и печатные акты оказали намъ достаточную помощь при изслѣдованіи даннаго вопроса". Любопытно, что, между прочимъ, по словамъ г. Буцинскаго, много важнаго матеріала для своей работы онъ нашелъ въ портфеляхъ Миллера: такъ богата была коллекція, собранная знаменитымъ академикомъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Авторъ пересмотрѣлъ множество разнаго рода документовъ, заключающихъ—дѣла приказныя, ясачныя книги, „дозорныя книги", списки служилыхъ людей, посадскихъ, крестьянъ, ружниковъ и оброчниковъ, населявшихъ сибирскіе города, „списки пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ", жившихъ въ уѣздахъ, „смѣтныя книги хлѣбныхъ запасовъ и хлѣбныхъ расходовъ", „ужинныя книги", „смѣтныя книги государевыхъ доходовъ и расходовъ", „окладныя книги", „таможенныя книги", приходорасходныя книги Казанскаго дворца и Сибирскаго приказа, и „присяжныя книги" гг. Верхотурья и Пелыма; наконецъ, авторъ пересмотрѣлъ столбцы, переплетенные и разбитые, которые заключаютъ множество царскихъ грамотъ, воеводскихъ отписокъ, челобитныхъ инородцевъ и русскихъ людей и обыскныхъ по нимъ дѣлъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, рукописный матеріалъ оказался весьма неполнымъ; именно для того времени, на которое, между прочимъ, простирается изслѣдованіе г. Буцинскаго, для конца XVI и первой четверти XVII вѣка, множество документовъ исчезло, сдѣлавшись добычей пожаровъ. Такъ, въ 1623 году сго-

рѣлъ архивъ Сибирскаго приказа въ Казанскомъ дворцѣ; въ 1643 сгорѣлъ архивъ тобольскій, и затѣмъ въ разное время сгорѣли старые архивы другихъ городовъ Сибири; когда Миллеръ, во время своего путешествія въ половинѣ XVIII-го вѣка, обращался въ разные города за архивными матеріалами, онъ часто получалъ отвѣтъ, что документовъ нѣтъ, что архивы сгорѣли. Этотъ недостатокъ матеріаловъ побудилъ автора ограничить свое изслѣдованіе 1645 годомъ: для перваго періода сибирской исторіи онъ все-таки имѣлъ возможность восполнить иной разъ недостатокъ прямыхъ источниковъ, но для послѣдующаго времени матеріалъ очень скуденъ, и новыя переписи относятся уже къ временамъ Петра Великаго. Какъ мы сказали, настоящая часть изслѣдованія г. Буцинскаго относится только къ вопросу заселенія передней части Сибири до конца царствованія Михаила Ѳедоровича,—это и была первая покоренная Сибирь. Представленная имъ картина въ большой мѣрѣ пополняетъ прежнія свѣденія объ этомъ предметѣ или, собственно говоря, въ первый разъ даетъ точныя данныя,—онѣ и могли быть почерпнуты только изъ непосредственнаго архивнаго матеріала, изученіе котораго только въ послѣднее время становится возможнымъ.

Говоря о первой эпохѣ завоеванія Сибири, авторъ замѣчаетъ, что „одного завоеванія посредствомъ оружія, какъ бы ни было послѣднее побѣдоносно, было недостаточно, чтобы удержать въ повиновеніи столь отдаленный край, а тѣмъ болѣе имѣть возможность съ успѣхомъ эксплуатировать его богатства. Легко было завоевать Сибирь, но гораздо труднѣе удержать завоеванное". Очевидно, что и для пользованія богатствами края, и для удержанія его въ покорности, необходимо было его заселеніе русскими. „Поэтому послѣ завоеванія Сибирскаго царства правительство немедленно начинаетъ строить русскіе города и села... Оно не щадило средствъ для заселенія покоренной страны и въ первое время смотрѣло, такъ сказать, сквозь пальцы на вольную, народную колонизацію этого края, даже въ томъ случаѣ, если послѣдняя была противозаконною".

Въ первое время послѣ покоренія сибирскіе туземцы долго не могли помириться съ подчиненіемъ русской власти, и послѣ случались бунты инородцевъ, но свергнуть русскую власть было невозможно. Силы инородцевъ и прежде не были достаточно сплочены, а теперь были окончательно разъединены русскими поселеніями: не только настроены были города и остроги, но около нихъ тотчасъ разсыпались мелкія русскія деревни, превращавшіяся потомъ въ многолюдныя села. Съ нѣкоторымъ удив-

леніемъ читатель встрѣтитъ въ книгѣ г. Буцинскаго тотъ фактъ, что черезъ три, четыре десятилѣтія послѣ занятія Сибири русское населеніе оказывается въ этой передней части Сибири преобладающимъ. Дѣло въ томъ, что инородческое населеніе крайней восточной Россіи и передней Сибири по старымъ переписямъ было весьма незначительно. Перечисляя ясачныхъ людей (т.-е. инородцевъ, платившихъ ясакъ или подать русскому правительству), авторъ приходитъ къ слѣдующему итогу: „Несомнѣнныя историческія данныя ясно говорятъ намъ, что хотя русскіе начали основывать свои поселенія за Уральскимъ хребтомъ не въ совершенно безлюдной странѣ, уже давно обитаемой племенами разнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе количество туземнаго населенія было слишкомъ ничтожно сравнительно съ обширностью занимаемой ими территоріи... Въ началѣ XVII-го вѣка ясачныхъ людей (вмѣстѣ съ служилыми инородцами, которыхъ было около 250 человѣкъ) въ семи уѣздахъ не превышало и 3.000 человѣкъ" (стр. 14). Въ это число не входятъ женщины, дѣти, старики, т.-е. семьи, и, наконецъ, такъ-называемые захребетные люди, т.-е. жившіе за хребтомъ, въ семьѣ и въ работѣ у другого; но число захребетныхъ было невелико. Чтобы опредѣлить движеніе туземнаго населенія, г. Буцинскій беретъ для сравненія цифру половины XVI-го в., когда послы сибирскаго царя Едигера, прибывшіе въ Москву въ 1555 г., говорили, что у Едигера 30.700 человѣкъ черныхъ людей, т.-е. платившихъ ясакъ. „Эта разница свидѣтельствуетъ о томъ, что во время завоеванія русскими Сибирскаго царства погибла масса инородцевъ" (стр. 15). Этотъ послѣдній выводъ не совсѣмъ точенъ: самъ авторъ упоминаетъ, что еще въ концѣ XVI-го вѣка много татаръ сбѣжало изъ занятаго русскими края (и оказалось потомъ въ другихъ мѣстахъ), притомъ онъ признаетъ также, что самый счетъ ясачныхъ людей легко могъ быть неполонъ.

О томъ, какъ начиналось строеніе сибирскихъ городовъ и первое населеніе ихъ, даетъ понятіе, напримѣръ, исторія города Верхотурья и его уѣзда. Это былъ одинъ изъ первыхъ городовъ, построенныхъ по завоеваніи Сибири (въ 1598). Поводомъ къ постройкѣ было открытіе новой кратчайшей дороги изъ Россіи въ Сибирь. Два извѣстныхъ до того времени пути были слишкомъ длинны, требовалось отыскать болѣе короткую дорогу и она была дѣйствительно найдена; ее нужно было обезопасить, устроить на ней административный пунктъ для окрестныхъ земель, еще достаточно пустынныхъ, и такимъ образомъ возникъ городъ, который уже вскорѣ получилъ въ томъ краѣ большое значеніе. „Первоначально, — говоритъ г. Буцинскій, — былъ построенъ

острогъ, т.-е. его стѣны и башни, а въ немъ храмъ Живоначальной Троицы съ придѣломъ, воеводскій дворъ, дворъ другихъ служилыхъ людей, съѣзжая изба, дворъ попа и нѣсколько другихъ дворовъ. Эти строенія занимали самое ничтожное пространство... Даже послѣ расширенія острога въ 1606 г. вдвое противъ прежняго онъ имѣлъ въ окружности только 630 саженъ". Вскорѣ къ этому прибавились новыя постройки: въ 1600 году построенъ гостиный дворъ съ 4 избами и 20 амбарами, а на татарскомъ дворѣ— изба и амбаръ на пріѣздъ татарамъ, остякамъ и вогуламъ; явился и кабакъ. Мѣста подъ дворы давались небольшія, вообще городъ былъ тѣсенъ: жители жаловались, что въ „острогѣ тѣснота великая", и посадскіе люди, поселившіеся за стѣнами острога, вскорѣ уже, опасаясь нападеній инородцевъ, просятъ, чтобы ихъ жилецкой слободѣ быть въ острогѣ, т.-е. чтобы ихъ слобода была защищена стѣнами.

Любопытны и самыя обстоятельства строенія города. Когда получено было извѣстіе, что мѣсто для постройки найдено особо посланными для этого людьми, царь Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ ѣхать для постройки города въ Сибири Головину и Воейкову: имъ велѣно было заѣхать въ Пермь и взять тамъ на это дѣло *300 рублей* и на эти деньги нанять рабочихъ, конныхъ и пѣшихъ, со всей снастью, „и поруки по нихъ взять крѣпкія съ записями, чтобъ имъ городъ и острогъ дѣлать, и не додѣлавъ отъ городового и острожнаго дѣла не сбѣжать". Но оказалось, что нанять рабочихъ за такую цѣну было невозможно, Москва давала слишкомъ мало денегъ. Головинъ и Воейковъ писали, что наемъ людей для постройки на три мѣсяца обойдется въ 3.120 руб. „Получивъ такое донесеніе, правительство разочло, что лучше строить новый городъ „по указу", чѣмъ „по договору", и поэтому приказало вышеупомянутымъ лицамъ немедленно „доправить" на всей пермской землѣ посошныхъ, конныхъ людей и плотниковъ, назначивъ этимъ рабочимъ самую минимальную плату". Постройка города, пожалуй, и обошлась въ 300 рублей.

Въ то же время уничтоженъ былъ другой городъ, стоявшій на рѣкѣ Лозвѣ и который дѣлался ненужнымъ послѣ построенія Верхотурья, и жители его были переведены въ новый городъ. Эти первые жители Верхотурья, кромѣ его строителей, были служилые люди: „два человѣка боярскихъ дѣтей, 46 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ, два подъячихъ, вогульскій толмачъ, мельникъ, кирпичникъ, банникъ и нѣсколько сторожей". Вскорѣ былъ присланъ попъ для служенія въ Троицкой церкви, казацкій атаманъ, затѣмъ появляются торговые люди и крестьяне, ямщики, плотники

и затѣмъ много охочихъ, гулящихъ людей (изъ такихъ людей воеводы набирали служилыхъ въ дальніе города Сибири; ими пользуются и частныя лица для заселенія разныхъ мѣстностей Сибири). Вскорѣ окрестъ города начинается хлѣбопашество. Въ первыя десятилѣтія XVII-го вѣка г. Буцинскій отмѣчаетъ уменьшеніе числа служилыхъ людей, получавшихъ хлѣбное жалованье, и объясняетъ это тѣмъ, что многіе изъ нихъ отказываются отъ хлѣбнаго жалованья и начинають служить съ пашни, т.-е. получаютъ земельный надѣлъ и занимаются земледѣліемъ.

Въ одно время съ основаніемъ города сталъ заселяться верхотурскій уѣздъ—именно земледѣльческимъ народомъ. Кромѣ того, что это была наиболѣе распространенная форма труда, необходимость земледѣлія указывалась прямыми мѣстными нуждами. Въ первое время населеніе Сибири питалось подвозомъ хлѣба изъ Россіи: служилые люди получали кромѣ денежнаго и хлѣбное жалованье; между тѣмъ подвозъ хлѣба обходился правительству очень дорого, этотъ способъ продовольствія не всегда былъ вѣренъ, подвозъ иногда запаздывалъ и самое жалованье хлѣбное было мало; служилые люди жаловались, что хлѣба недоставало до срока и они бывали вынуждены занимать хлѣбъ изъ государственныхъ житницъ. О водвореніи хлѣбопашества заботилось и правительство и само населеніе, и мало-по-малу земледѣліе распространяется въ верхотурскомъ уѣздѣ, какъ потомъ и въ другихъ краяхъ Сибири. Къ городу приписано было извѣстное количество земли, но такъ какъ значительная часть ея была для хлѣбопашества неудобна, камениста или покрыта дремучими лѣсами, то верхотурскіе пашенные люди просили новыхъ земель вдали отъ города и уже вскорѣ было ими занято громадное пространство земли.

„На занятыхъ пашняхъ, — говоритъ г. Буцинскій,—верхотурцы ставили дворы, въ которыхъ поселяли своихъ свойственниковъ, или гулящихъ людей въ качествѣ половниковъ, и только немногіе жили тамъ сами; напримѣръ, по первой дозорной книгѣ, изъ верхотурскихъ жителей только десять человѣкъ посадскихъ людей жили по своимъ деревнямъ, а остальные имѣли дворы въ самомъ городѣ. Названіе „деревня" не должно насъ вводить въ заблужденіе относительно количества населенія въ нихъ: это скорѣе хутора, состоящіе изъ одного, двухъ, трехъ дворовъ и принадлежащихъ бо̀льшею частью одному семейству. Но эти хутора были зерномъ, изъ котораго развились цѣлыя села. Семейство вслѣдствіе естественнаго размноженія увеличивалось; нѣкоторые члены выдѣлялись, строили отдѣльные дворы, и хутора, такимъ образомъ, разростались. На такое происхожденіе сибир-

скихъ селъ указываетъ и то, что жители этихъ селъ иногда носятъ одну фамилію. Кромѣ того, правительство постоянно наказывало верхотурскимъ воеводамъ прибирать крестьянъ на государеву пашню „изъ охочихъ людей", давая имъ льготу и подмогу. Новоприбранные или селились въ деревняхъ прежнихъ верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ, или основывали свои деревни". За право пользованія землею старые и новые крестьяне обязаны были обработывать государеву пашню. О составѣ этихъ первоначальныхъ деревень можно судить по записямъ 1624 года: въ подгородней волости Верхотурья находилось 44 деревни, 2 починка и 6 пустошей, и въ нихъ во всѣхъ было только 80 дворовъ, въ которыхъ жило 102 человѣка (кромѣ женщинъ и дѣтей); такимъ же образомъ въ тагильской области въ огромномъ большинствѣ деревень было всего 1—2 двора и только одна деревня была въ 5 дворовъ.

Приведенныя нами свѣденія заключаются во II главѣ книги г. Буцинскаго, посвященной описанію города Верхотурья и верхотурскаго уѣзда. Слѣдующія главы заняты описаніемъ, по той же программѣ, городовъ Туринска, Тюмени, Тобольска, Тары, Пелыма, Березова и ихъ уѣздовъ: указываются время и обстоятельства постройки города, развитіе населенія, состояніе хлѣбопашества, государевы денежные и хлѣбные доходы и расходы, сборъ ясака, состояніе торговли. Послѣднія двѣ главы, VIII и IX, заключаютъ общіе выводы и наиболѣе интересны. Авторъ ставитъ общіе вопросы о заселеніи Сибири, о мѣрахъ правительства въ этомъ отношеніи; о ссылкѣ и ея колонизаціонномъ значеніи и положеніи ссыльныхъ; о народной колонизаціи Сибири; объ этнографическомъ составѣ сибирскаго населенія; объ управленіи и положеніи различныхъ классовъ населенія; о нравственномъ состояніи сибирскаго общества, наконецъ, объ инородцахъ, ихъ положеніи подъ русской властью и отношеніи къ русскому населенію. Свидѣтельства, извлеченныя изъ подлинныхъ документальныхъ источниковъ, въ первый разъ даютъ точные отвѣты по упомянутымъ вопросамъ и являются въ высшей степени интересными чертами стараго административнаго и народнаго быта въ московской Россіи вообще и въ Сибири въ частности. Получается оригинальная картина весьма первобытныхъ нравовъ, нерѣдко порядочно дикихъ, о которыхъ напрасно забываютъ новѣйшіе поклонники добраго стараго московскаго быта.

„Въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія этой страны,—говоритъ авторъ,—въ ней возникло семь русскихъ городовъ, нѣсколько острожковъ, заставъ, слободъ, селъ, и сотни

деревень; русскія населенія сначала появились по главнымъ рѣкамъ, текущимъ въ передней Сибири: по Турѣ, Тоболу, Тавдѣ, Иртышу, Оби, а потомъ и по ихъ притокамъ. О постепенности заселенія, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи: русскіе города и различныхъ типовъ поселки появились почти одновременно на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ... Постепенность въ заселеніи можно наблюдать только въ колонизаціи уѣзда извѣстнаго города, но не относительно всего покореннаго края... Количество русскаго населенія далеко не соотвѣтствовало обширности занятой имъ территоріи; оно было даже ничтожно сравнительно съ громаднымъ пространствомъ завоеванной страны. Но тѣмъ не менѣе русскаго населенія къ концу обозрѣваемаго нами періода все-таки было вдвое болѣе, чѣмъ туземнаго, инородческаго: въ 1645 году въ семи уѣздахъ количество русскихъ людей простиралось до восьми тысячъ семействъ, а инородцевъ не было и пяти тысячъ. Важно то, что русской колонизаціи открылись теперь просторъ и безопасность; теперь переселенцы изъ европейской Руси могли найти за Уральскимъ хребтомъ временный пріютъ и пропитаніе, а потому въ слѣдующій періодъ число ихъ должно значительно увеличиться“.

Какими способами совершалось заселеніе?

„Заселеніе Сибири, какъ и другихъ окраинъ русскаго государства, было двоякаго вида—правительственное и вольно-народное. Съ самаго утвержденія русскаго владычества въ Сибири московское правительство переселяло туда русскихъ и не-русскихъ людей то „по прибору“, то „по указу“. Первыми, конечно, насельниками покореннаго края были тѣ служилые люди, которые и завоевали его. Воеводы и головы, назначенные на службу въ Сибирь, сами или черезъ другихъ правительственныхъ агентовъ набирали войско отчасти изъ служилаго класса, а отчасти изъ разныхъ вольныхъ „охочихъ людей“; каждую экспедицію сопровождало духовенство, а иногда и посадскіе люди и крестьяне, тоже „прибранные“, а иногда и ссыльные... Едва только эти новые жители покореннаго края поставятъ свои дворы, какъ бьютъ челомъ государю, чтобы къ нимъ были перевезены изъ Руси ихъ семейства, а боярскія дѣти, духовныя лица, разные подъячіе такимъ же образомъ выписывали и своихъ крѣпостныхъ людей. Такъ что во второй годъ существованія города русскихъ жителей въ немъ было достаточное количество. Но, какъ мы упоминали въ предшествующихъ главахъ, не всѣ они оставались жить въ городѣ, а многіе селились на своихъ пашняхъ и такимъ образомъ начиналось заселеніе уѣзда“.

Такими же способами, „по прибору“ и „по указу“, набирали въ Сибири духовенство. Въ попахъ долго чувствовался недостатокъ: немногіе соглашались добровольно оставлять родину для далекой Сибири, и ихъ отправляли насильно; иные бѣгали, но ихъ ловили и водворяли на назначенныя мѣста. Между прочимъ жизнь въ Сибири была непривлекательна по крайнему самоуправству воеводъ и приказныхъ людей. На жалобы духовенства изъ Москвы присылались воеводамъ грозныя грамоты, но это не помогало. Архіепископы продолжали писать въ Москву: „Въ сибирскихъ городахъ твои государевы воеводы и приказные люди во всякія наши святительскія и духовныя дѣла и суды вступаются, и церковниковъ поповъ, дьяконовъ, дьячковъ, пономарей и всякихъ причетниковъ къ твоему государеву всякому дѣлу и къ письму отъ твоего царскаго богомолья отъ Божіихъ церквей насильно берутъ, во всемъ ихъ судятъ и смиряютъ и отъ церквей Божіихъ отставляютъ и съ поповъ скуфью снимаютъ, въ тюрьму сажаютъ и батогами бьютъ и побиваютъ... И въ то время церкви стоятъ безъ пѣнія... и въ томъ попамъ... и причетникамъ въ Сибири отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей обида и притѣсненія великія“. Изъ мѣстныхъ жителей въ то время также трудно было находить поповъ, потому что, — жалуется одинъ архіепископъ, — „въ Сибири всѣ люди ссыльные и въ попы ставиться охотниковъ мало“.

Набирались въ европейской Россіи и отправляемы были въ Сибирь и служилые люди „по прибору“. Изъ служилыхъ и охочихъ людей обыкновенно прибирался сначала сотникъ, затѣмъ онъ прибиралъ десятниковъ, а тѣ остальную команду; десятники съ рядовыми служилыми давали сотнику запись на себя, что будутъ служить, а не „воровать“, не красть и не бѣгать, и т. д. Прибранные получали изъ казны подмогу, рубля по два на человѣка, и на казенныхъ подводахъ отправляемы были въ Сибирь. Эти поѣзды служилыхъ людей представляютъ опять особенную картину старыхъ нравовъ; они сопровождались страшными разбоями и грабежами. „Для населенія тѣхъ областей, чрезъ которыя они проѣзжали, наступали тогда дни величайшихъ бѣдствій. Движеніе этихъ переселенцевъ напоминало русскимъ людямъ татарскихъ баскаковъ во времена монгольскаго ига, когда эти послѣдніе съ отрядами татаръ появлялись для сбора дани. Едва только дѣлалось извѣстнымъ приближеніе казаковъ и стрѣльцовъ къ городу или селу, какъ жители запирали дома, прятали женъ и дочерей, угоняли въ лѣса скотъ и съ ужасомъ ожидали этой орды. Вся забота населенія извѣстной области, въ которую вступали переселенцы, заключалась прежде всего въ томъ, чтобы по-

скорѣе спровадить ихъ далѣе, избавиться отъ ихъ продолжительной стоянки: поэтому подводы, которыя жители должны были выставить подъ переселенцевъ по проѣзжимъ грамотамъ, приготовлялись заранѣе и по недѣлѣ и по двѣ ожидали своихъ пассажировъ на извѣстномъ мѣстѣ. Наконецъ, орда прибывала, населеніе встрѣчало ее, поило и кормило, давало „поминки" натурой и деньгами въ видѣ откупа, словомъ, дѣлало все для этихъ ужасныхъ гостей, лишь бы подешевле и поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться, но послѣднее не всегда удавалось: переселенцы не спѣшили, иногда жили на извѣстной стоянкѣ по недѣлѣ и болѣе и кутили столько и какъ имъ заблагоразсудится. Самый лучшій исходъ для населенія при отправкѣ переселенцевъ состоялъ въ томъ, если оно отдѣлывалось отъ нихъ только кормомъ, добровольными поминками и прибавкою нѣсколькихъ лишнихъ, сверхъ проѣзжихъ грамотъ, подводъ; подобные проводы можно было считать мирными, не выходящими изъ ряда обыкновенныхъ; жители такимъ исходомъ были довольны, даже въ томъ случаѣ, если во время гостепріимства переселенцы позволяли себѣ небольшіе грабежи и разныя насилія".

Обыкновенно бывало гораздо хуже.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ 1593 году „сынъ боярскій,—читаемъ въ царской грамотѣ къ воеводѣ Горчакову,—съ атаманомъ и съ казаками, ѣдучи въ Сибирь, воровали; въ отчинѣ боярина Д. И. Годунова крестьянъ били и грабили, женъ крестьянскихъ соромотили, убили изъ пищали крестьянина, а у иныхъ многихъ крестьянъ животину, коровъ, свиней побили и платье пограбили, да другія боярскія дѣти съ атаманомъ и казаками, которые отпущены изъ Москвы, по дорогѣ многихъ людей били и грабили, и ямщикамъ за подводы прогоновъ не давали" и пр. „Но, иногда,—продолжаетъ г. Буцинскій,—приходили въ Сибирь такія партіи служилыхъ людей, что опустошали цѣлые уѣзды, подобно тому, какъ дѣлали татары во время своихъ извѣстныхъ наѣздовъ". Жители, конечно, посылали жалобу къ царю; царь приказывалъ сибирскому воеводѣ, уже на мѣстѣ, наказать грабителей, — „сыскать на-крѣпко и виновныхъ бить батогами, сажать въ тюрьму до указу, животы ихъ ограбить, а пущаго вора повѣсить"; для воеводы это оказывалось, вѣроятно, и неудобоисполнимо, и нежелательно: „въ самомъ дѣлѣ, грабили и разбойничали всѣ—и головы, и сотники, и рядовые служилые люди; такимъ образомъ воеводѣ приходилось или всѣхъ грабителей наказывать, на что у него не хватило бы силы, или, какъ обыкновенно это дѣлалось, онъ отписывалъ въ Москву, что „въ тюрьму ви-

новныхъ по сыску сажалъ и изъ тюрьмы вынявъ кнутомъ билъ". Возможно, что грабители въ такихъ случаяхъ дѣлились съ воеводой своими прибылями; у г. Буцинскаго приведенъ примѣръ, что воевода прикрылъ цѣлую разбойничью шайку за приличный гонораръ.

Сибирская администрація съ самаго покоренія Сибири и почти до нашихъ дней славилась необычайными проявленіями самоуправства и грабежа. Молва о томъ шла по преданію и вполнѣ подтверждается изслѣдованіями „по источникамъ". Московское правительство, при тогдашнемъ порядкѣ вещей и особливо при отдаленности края, было совершенно безсильно противъ вопіющихъ злоупотребленій воеводской власти и вообще администраціи: самый законъ давалъ воеводамъ обширное полномочіе дѣйствовать „по высмотру"; жители были совершенно безправны. Послѣ, когда воеводы возвращались изъ Сибири въ Москву (ихъ вообще мѣняли очень часто), ихъ дѣла разбирались въ сибирскомъ приказѣ, но знаменитая „московская волокита" и, конечно, подкупъ дѣлали то, что ихъ сибирскіе подвиги проходили безнаказанно; ихъ преемники принимали это къ свѣденію и продолжали дѣйствовать совершенно такъ же.

Правительство тѣмъ не менѣе не могло не озаботиться этимъ безобразнымъ положеніемъ вещей и придумывало мѣры, чтобы пресѣчь грабительство воеводъ. При общемъ ходѣ вещей придумано было, конечно, не какое-нибудь ограниченіе воеводской власти расширеніемъ человѣческихъ правъ самаго населенія, а новая чисто канцелярская кляуза, ставившая самихъ воеводъ въ унизительное положеніе, прямо говорившая о недовѣріи къ нимъ правительства въ ту самую минуту, когда оно давало имъ столь важное назначеніе, и, въ концѣ концовъ, не достигавшая своей цѣли. „Болѣе или менѣе дѣйствительная мѣра, а во всякомъ случаѣ оригинальная, состояла въ томъ, чтобы поставить воеводъ и другихъ приказныхъ людей въ такія условія, при которыхъ нажива, обогащеніе въ Сибири были бы для нихъ безполезными. Имъ дозволялось вывезти изъ Сибири имущества только на опредѣленную сумму: напр., воеводѣ большого города на 500 руб., товарищу его и дьякамъ, а также воеводамъ малаго города только на триста рублей, и т. д. Остальное же имущество, если они везли, считалось неправильнымъ прибыткомъ и отбиралось въ царскую казну. Эта мѣра была обставлена такимъ образомъ. При выѣздѣ изъ Москвы въ Сибирь все имущество лица, получившаго, напр., мѣсто воеводы, самымъ тщательнымъ образомъ осматривалось въ приказѣ; это имущество

оцѣнивалось и цѣнность его записывалась въ проѣзжую грамоту, которую получало означенное лицо. Но воеводы могли эту мѣру обходить тѣмъ, что занимали у ростовщиковъ и знакомыхъ извѣстную сумму денегъ, лишь бы только показать въ приказѣ какъ свое имущество, а при выѣздѣ изъ Москвы возвращали. Узнавъ объ этомъ, правительство приказало верхотурскимъ таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ осматривать на заставѣ, которой нельзя было миновать, имущество всѣхъ проѣзжихъ, не исключая воеводъ и другихъ служилыхъ людей. И если, напр., воевода показывалъ имущества на мѐньшую сумму, чѣмъ значилось въ проѣзжей грамотѣ, выданной ему въ Москвѣ изъ приказа, то это означало фальшь и у него отбиралось въ царскую казну все имущество. Такимъ образомъ, всякій воевода являлся въ Сибирь съ имуществомъ, извѣстнымъ правительству. Такая же процедура производилась надъ всѣми служилыми людьми и при выѣздѣ ихъ изъ Сибири въ Москву". Когда воевода возвращался изъ Сибири, его на заставѣ встрѣчалъ таможенный голова, у котораго была насчетъ воеводы строгая и совершенно опредѣленная инструкція. Такъ какъ, кромѣ денегъ, была почти ходячею монетою мягкая рухлядь, т.-е. мѣха, то таможенный голова долженъ былъ особенно смотрѣть, не везетъ ли воевода этого товара, который понимался какъ награбленный. Таможенному головѣ вмѣнялось въ обязанность досматривать мягкую рухлядь: „въ возахъ, сундукахъ, въ коробьяхъ, въ сумкахъ, чемоданахъ, въ платьяхъ, въ постеляхъ, въ подушкахъ, въ винныхъ бочкахъ, во всякихъ запасахъ, въ печеныхъ хлѣбахъ... обыскивать мужской и женскій полъ, не боясь и не страшась никого ни въ чемъ, чтобы въ пазухахъ, въ штанахъ и въ зашитомъ платьѣ отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили... а что найдутъ, то брать на государя". Само собою разумѣется, что всѣ эти строгія мѣры нисколько не достигали своей цѣли: воевода грабилъ и привозилъ награбленное въ Москву окольными путями или черезъ эту же самую заставу, дѣлясь добычей съ таможеннымъ головой. Система недовѣрія вела къ деморализаціи и государство вынуждалось впередъ смотрѣть на своихъ слугъ какъ на обманщиковъ и грабителей.

Не мало подобныхъ картинъ стараго сибирскаго быта, который былъ только отраженіемъ быта московскаго, заключается въ послѣднихъ двухъ главахъ сочиненія г. Буцинскаго. Между прочимъ, имъ затронутъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ старой сибирской исторіи, сохраняющій и понынѣ важное значеніе въ складѣ сибирской жизни—вопросъ о значеніи ссылки. Для стараго

времени онъ еще не былъ изученъ документально, и полное изслѣдованіе его еще впереди, но и въ настоящемъ случаѣ г. Буцинскій сообщаетъ по этому предмету нѣсколько важныхъ замѣчаній. Вообще, значеніе ссылки въ дѣлѣ колонизаціи Сибири не было до сихъ поръ правильно оцѣняемо. Писатели наиболѣе компетентные полагали, что въ первое время ссылка имѣла только значеніе уголовной кары или политической мѣры, удалявшей отъ центра людей, подпавшихъ царской опалѣ, политически вредныхъ или опасныхъ; колонизаціонное значеніе ссылки принимали только съ болѣе поздняго времени, приблизительно съ конца царствованія Алексѣя Михайловича. Авторъ настоящей книги считаетъ это мнѣніе совершенно ошибочнымъ и доказываетъ фактами, что въ теченіе всего XVII-го вѣка дѣло было именно наоборотъ: только въ рѣдкихъ случаяхъ ссыльныхъ заключали въ тюрьму на мѣстѣ ссылки, а большею частью московское правительство велитъ сибирскимъ воеводамъ или верстать ссыльныхъ въ службу, или сажать на пашню. „Иначе и быть не могло,—пишетъ г. Буцинскій:—московскіе цари были слишкомъ разсчетливы, чтобы сотни преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, держать въ заточеніи въ тюрьмахъ и кормить ихъ даромъ. Если они утилизировали такіе предметы своего хозяйства, какъ мякину, ухоботье, солому, если они не пренебрегали такими мелкими пошлинами, которыхъ цѣнность нельзя выразить никакою монетою, если, наконецъ, они собирали десятину съ „собачьяго корма", привозимаго въ Сибирь промышленниками для своихъ „промышленныхъ собакъ", или десятину съ поношенныхъ рубахъ и штановъ, ввозимыхъ русскими торговыми людьми, какъ предметы торговли съ остяками и вогулами, то трудно допустить, чтобы такіе разсчетливые хозяева, какими были всегда наши московскіе цари, не воспользовались дешевымъ трудомъ ссыльныхъ при своей хозяйственной дѣятельности въ „дальной сибирской вотчинѣ", въ которой еще такъ мало было населенія. Даже для такихъ преступниковъ, какъ государственные измѣнники, разбойники и душегубцы, которыхъ правительство приказывало сибирскимъ воеводамъ „заключать въ тюрьму", это тюремное заточеніе продолжалось годъ, два года и рѣдко болѣе, а потомъ служилые люди верстались въ службу съ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, а крестьяне сажались на государеву пашню и притомъ получали отъ казны подмогу и ссуду, какъ и приборные изъ гулящихъ людей". Авторъ приводитъ цифру ссыльныхъ за 1614—24 годы и оказывается, что изъ 560 человѣкъ, сосланныхъ тогда въ Сибирь, только 19 че-

ловѣкъ было посажено въ тюрьму, и то на короткое время. Что правительство не было очень злопамятно или придирчиво къ ссыльнымъ, обращеннымъ въ служилыхъ людей, можно видѣть изъ того, что въ тѣ годы въ Туринскъ назначенъ былъ воеводой человѣкъ, который за десять лѣтъ передъ тѣмъ пришелъ туда „въ колодникахъ“. Такимъ образомъ съ самаго начала ссылка по видамъ самого правительства служила средствомъ колонизаціи. Бывали случаи, что когда нужно было набирать служилыхъ людей, московское правительство предпочитало, чтобы ихъ брали не изъ гулящихъ людей, а изъ ссыльныхъ — съ цѣлью бережливости, такъ какъ послѣднихъ и безъ того приходилось содержать.

Число всѣхъ ссыльныхъ за описываемый періодъ, т.-е. до конца царствованія Михаила Ѳеодоровича, авторъ считаетъ въ 1.500 человѣкъ, не считая женъ, дѣтей и всякихъ свойственниковъ (такъ какъ нерѣдко вмѣстѣ съ человѣкомъ, подпавшимъ этому наказанію, ссылалась и его ближайшая родня, или ссыльные, устроившись на мѣстѣ, просили, чтобы къ нимъ были высланы и ихъ семейства). Изъ этого числа было не-русскихъ подданныхъ около 650 человѣкъ: это были, во-первыхъ, военноплѣнные, во-вторыхъ, иноземцы, служившіе въ русскомъ войскѣ и бѣжавшіе къ непріятелю, но захваченные въ плѣнъ; между этими военно-плѣнными были поляки, литвины, нѣмцы „цесарской земли“, нѣмцы ливонскіе и шведскіе, латыши, черкасы, одинъ „французенинъ“. Изъ числа русскихъ подданныхъ было до 100 семействъ инородцевъ, около 366 черкасъ, т.-е. „малороссіянъ“.

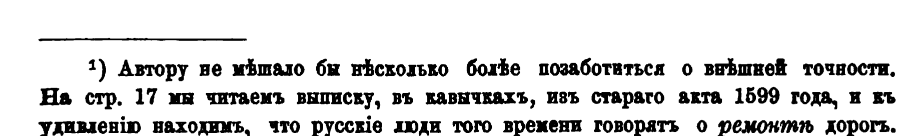
Путемъ завоеванія, присылки служилыхъ людей, переселеній вольныхъ и невольныхъ (по прибору и по указу), ссылки и, наконецъ, разнообразнаго смѣшенія съ туземцами (въ первое время въ Сибири былъ крайній недостатокъ въ русскихъ женщинахъ) сталъ складываться особенный этнографическій составъ сибирскаго населенія. „Что касается этнографическаго состава сибирскаго населенія въ обозрѣваемый нами періодъ, — говоритъ г. Буцинскій,—то оно, помимо туземцевъ, представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло изъ нѣмцевъ австрійскихъ и ливонскихъ, шведовъ, поляковъ, литовцевъ, латышей, мордвы, черемисъ, русскихъ и даже французовъ; эта пестрота особенно замѣтна въ Тобольскѣ. Но само собою понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало къ русскому народу и преимущественно къ жителямъ сѣверныхъ губерній. Въ спискахъ служилыхъ, посадскихъ людей и крестьянъ чрезвычайно

рѣдко можно встрѣтить „калужанина", „путивльца", „рыленина", да и то большею частью изъ ссыльныхъ, а остальные насельники переведены или перешли изъ такъ-называемыхъ поморскихъ городовъ: Устюга Великаго, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогоръ, Вятки и т. п. Гулящіе люди въ Сибири были исключительно изъ этихъ городовъ; напр., изъ 617 человѣкъ, присягавшихъ въ Верхотурьѣ царю Алексѣю Михайловичу, половина была родомъ „устюжанъ", значительная часть „сольвычегодцевъ" и „пѣнежанъ", а другіе были: „вятчане", „соликамцы", „кайгородцы", „важеняне", „вычегджане" и т. п.

Наконецъ, не мало любопытныхъ фактовъ представляетъ послѣдняя глава книги, посвященная объясненію отношеній инородцевъ къ русскому населенію.

Вообще вся работа г. Буцинскаго является давно желательнымъ началомъ разработки сибирской исторіи по документальнымъ архивнымъ матеріаламъ. До послѣдняго времени эти матеріалы были мало доступны и даже не приведены въ извѣстность и этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется, что до сихъ поръ сибирская исторія такъ мало разработывалась. Трудъ г. Буцинскаго показываетъ, какъ много существенно важныхъ указаній можетъ быть извлечено изъ этого архивнаго источника; надо желать, чтобы работы въ этомъ направленіи были проведены дальше: онѣ раскроютъ многое не только въ исторіи этой страны, но и въ цѣломъ складѣ сибирской жизни и сибирскаго народнаго типа и еще разъ, исторически, объяснятъ современныя общественныя и народныя потребности этого края [1]).

А. Пыпинъ.



[1]) Автору не мѣшало бы нѣсколько болѣе позаботиться о внѣшней точности. На стр. 17 мы читаемъ выписку, въ кавычкахъ, изъ стараго акта 1599 года, и къ удивленію находимъ, что русскіе люди того времени говорятъ о *ремонтѣ* дорогъ. Само собой разумѣется, что они не могли употреблять подобнаго слова и въ подлинномъ актѣ его вовсе нѣтъ: авторъ внесъ въ старый актъ свои собственныя слова. Имя извѣстнаго изслѣдователя Сибири, г. Ядринцева, г. Буцинскій систематически пишетъ: Яндринцевъ, и т. п. Безъ такой невнимательности можно было бы обойтись.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1891 г.

Десятилѣтіе переселенческаго дѣла.

Переселенческій вопросъ вызываетъ у насъ давно уже самые разнообразные толки, причемъ высказываются различные взгляды на выселенія изъ внутреннихъ губерній. Многіе отнеслись къ переселеніямъ крестьянъ съ особымъ предубѣжденіемъ, полагая, что выселеніе крестьянъ изъ внутреннихъ губерній вредно, такъ какъ оно лишаетъ эти губерніи рабочихъ рукъ и разрѣжаетъ населеніе. Но переселенческое движеніе едва ли можно разсматривать въ интересахъ той или другой губерніи и притомъ исключительно съ точки зрѣнія тѣхъ, кто нуждается въ удешевленіи рабочихъ. Другіе пытались объяснить переселеніе крестьянъ безцѣльнымъ блужданіемъ и наклонностью къ бродяжеству, а потому являлись даже предложенія остановить колонизаціонное движеніе и поставить ему преграды.

Въ виду такихъ разнорѣчивыхъ сужденій считаемъ полезнымъ сдѣлать обзоръ движенія переселеній въ Сибирь за послѣднія десять лѣтъ и указать на тѣ явленія и послѣдствія, какими оно сопровождалось, а также перечислить тѣ мѣропріятія для учета и регулированія переселенцевъ, которыя предпринимались.

Очеркъ такого движенія можетъ выяснить то, что̀ слѣдуетъ сдѣлать для переселенцевъ, съ цѣлью предупрежденія тѣхъ бѣдствій, которымъ они подвергаются.

До 1880 года переселеніе крестьянъ и движеніе колонизаціоннаго потока на Востокъ весьма мало обращали вниманіе русскаго общества.

Послѣ 19-го февраля 1861 года стоялъ одинъ важный и капитальный для русской жизни вопросъ—устройства крестьянъ на новыхъ началахъ. Новыя условія быта, новая фаза народной жизни, хозяйственное устройство крестьянъ какъ собственниковъ, все это

устраняло вопросъ о переселеніяхъ. Только послѣ девяти-лѣтнихъ обязательныхъ отношеній, т.-е. къ 1870 г., предсказывали нѣкоторые, что бывшіе крѣпостные крестьяне воспользуются переселеніями. Предсказаніе это было сдѣлано въ 1868 году г. Колюпановымъ (статья его объ этомъ въ „Вѣстникѣ Европы", 1868). Движеніе, однако, началось не сразу и не въ громадномъ размѣрѣ; переселеніе мало-по-малу пролагало себѣ дорогу. До 1861 года существовалъ законъ о порядкѣ переселеній, прилагаемый къ государственнымъ крестьянамъ. Въ немъ было проведено начало опеки и попеченія о переселяющихся; на пути имъ выдавались кормовыя деньги, на мѣстѣ приселенія давались субсидіи на обзаводство хозяйствомъ; благодаря этому многіе переселенцы въ Сибири устроивались (см. Матеріалы для изученія экономическаго быта государств. крестьянъ и инородц. тобольской губ., А. А. Кауфмана, изд. мин. госуд. имущ., т. III, стр. 27). Послѣ 1861 года законъ о попеченіи переселенцевъ былъ отмѣненъ и переселеніе предоставлено самому себѣ. Переселенцы могли двигаться на собственный счетъ и устроиваться какъ хотятъ. Двадцать лѣтъ на переселеніе не обращалось никакого вниманія, и когда къ 1880 г., при помощи изслѣдованій и заявленій въ печати, обнаружилась картина добровольныхъ переселеній, то пришлось изумиться тому хаосу случайностей и тѣмъ бѣдствіямъ, которымъ подвергались движущіяся добровольно партіи переселенцевъ въ Сибирь. Самое переселеніе къ 1880 году получило уже внушительные размѣры, чтобы не обращать на него вниманія.

Въ 1876 и 1879 гг. генералъ-губернаторъ Западной Сибири разсылаетъ циркуляры по поводу самовольныхъ переселеній въ Алтаѣ. Къ 1880 г. накопляются свѣденія о переселеніяхъ въ министерствахъ и возбуждаются дѣла. Наконецъ, въ 1881 г. министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство государственныхъ имуществъ рѣшаются подвергнуть пересмотру вопросъ о переселеніяхъ крестьянъ и выработать новыя правила. Къ 1881 г. относится образованіе особой коммиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и вызовъ „свѣдущихъ людей" отъ земствъ для обсужденія вопроса о переселеніяхъ, одновременно съ вопросомъ объ уменьшеніи пьянства. Разсматривая переселенческій вопросъ въ принципѣ, коммиссія „свѣдущихъ людей" пробовала оріентироваться въ движеніи переселеній, разсмотрѣть ихъ причины и установить грань въ переселеніяхъ, признавъ однѣ изъ нихъ неизбѣжными и вызываемыми дѣйствительно уважительными причинами, другія же менѣе уважительными и подлежащими контролю. Съ этою цѣлью предполагалось всѣ губерніи и весь составъ крестьянскаго населенія, имѣющій наклонность къ переселенію, раздѣлить на категоріи, для переселеній установить извѣстныя пра-

вила и переселяющимся на законныхъ основаніяхъ выдавать особыя „переселенческія свидѣтельства“.

Въ это время коммиссія собрала обширный матеріалъ изо всѣхъ губерній Россіи о количествѣ выселеній; къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ остался въ особыхъ запискахъ, напечатанныхъ, но не опубликованныхъ. Изъ опубликованныхъ изданій и изслѣдованій извѣстны любопытные матеріалы, собранные въ рязанскомъ земствѣ г. Григорьевымъ, и затѣмъ изслѣдованія о переселеніи изъ вятской губерніи. Работы свѣдущихъ людей и ихъ заключенія однако не получили практическаго осуществленія и законъ о переселеніяхъ изданъ только въ 1889 году. Не касаясь примѣненія этого закона, который долженъ проявить себя только въ будущемъ, мы можемъ дать только отчетъ о мѣрахъ, принимаемыхъ къ урегулированію переселенія съ 1881 г., а также о характерѣ переселенческаго движенія за послѣдніе года,—указавъ, какое участіе принимала печать въ разработкѣ этого вопроса. Ко времени созыва свѣдущихъ людей въ 1881 году вопросъ о переселеніяхъ въ литературѣ началъ играть видную роль. Это доказывали масса статей и горячее отношеніе къ этому вопросу печати. Съ этого времени въ теченіе девяти лѣтъ печать неослабно слѣдила за движеніемъ переселенческихъ партій, и по цѣлому ряду корреспонденцій можно было составить понятіе о движеніи и положеніи переселенцевъ. Переселенія и причины выселеній обсуждались съ различныхъ точекъ зрѣнія въ передовой печати. Нѣкоторые предѣлы этому обсужденію вопроса были положены только тогда, когда министерство внутреннихъ дѣлъ при покойномъ министрѣ графѣ Толстомъ начало опасаться, что обсужденіе этого вопроса въ печати и печатныя статьи могутъ искусственно вызывать переселеніе, а потому печати предложено было воздержаться отъ сужденій о переселеніи.

Несмотря на то, извѣстія о переселеніяхъ, какъ о совершившемся и совершающемся фактѣ, не могли не проникать въ печать, а движеніе переселенческое, вызываемое болѣе сильными экономическими стимулами, все болѣе росло. Обнаруживъ это явленіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, весьма вредное и опасное для внутренняго хозяйства губерній, лишающихся рабочихъ рукъ, сдѣлано было нѣсколько попытокъ и распоряженій остановить двигающіяся партіи переселенцевъ особенно въ виду ихъ бѣдствій на дорогѣ. Опытъ этой задержки и возвращенія переселенцевъ, однако, не привелъ ни къ чему, такъ какъ переселенцы, распродавъ имущество, не могли уже водвориться на прежнихъ мѣстахъ и составляли все равно кочующій элементъ. Волна же переселенческаго движенія не ослабѣвала, а усиливалась, направляясь изъ различныхъ губерній преимущественно на Востокъ.

Для урегулированія и упорядоченія этого движенія министерство внутреннихъ дѣлъ сочло необходимымъ на пунктахъ движенія учредить надзоръ. Такимъ образомъ, 10-го іюля 1881 года устроена была въ Батракахъ, сызранскаго уѣзда симбирской губерніи, переселенческая контора съ особымъ чиновникомъ, слѣдившимъ за переселенческими партіями. Отчеты этой конторы были опубликованы (въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 1886 года, №№ 20 и 21). Дѣятельность конторы заключалась въ учетѣ переселенцевъ, въ дачѣ имъ совѣтовъ и направленій партіямъ. Первыя изслѣдованія и наблюденія обнаружили, что чрезъ Сызрань ежегодно проходитъ отъ 15 до 20.000 переселенцевъ. Въ теченіе шести лѣтъ прошло 55.213 лицъ впередъ и 1.760 обратныхъ переселенцевъ. Особой помощи имъ не могло быть оказываемо, но въ отчетѣ разсматриваются причины обратныхъ переселеній и бросается нѣкоторый взглядъ на положеніе переселенцевъ. Такъ какъ чрезъ Сызрань движеніе партій уменьшилось, то министерство для надзора за переселенцами назначило три новыхъ пункта въ Оренбургѣ, Тюмени и Томскѣ и командировало туда особыхъ чиновниковъ по переселенческой части, которые вели счеты и сообщали о движеніи переселенцевъ. Такіе отчеты появились за нѣсколько лѣтъ. Они показывали движеніе переселеній чрезъ Тюмень и Томскъ. Эти пункты были выбраны гораздо удачнѣе. Чрезъ Тюмень двигалось также до 15.000 переселенцевъ. Въ распоряженіе какъ тюменскаго, такъ и томскаго чиновника отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отпускалось отъ 4.000 до 6.000 руб., для раздачи бѣдствующимъ переселенцамъ, но помощь эта была весьма ничтожной, а нужды и бѣдствія переселенцевъ до того были вопіющи и поразительны, что вызывали общественную благотворительность. Единичныя усилія чиновниковъ по переселенческой части, какъ видно изъ отчетовъ чиновника Чарушина за послѣднее время, не могли удовлетворить всѣмъ нуждамъ переселенія. Тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ отчетамъ, освѣщалось состояніе переселенческихъ партій и положеніе переселенческаго дѣла. Бѣдствія переселенцевъ, ежегодно повторяющіяся, естественно должны были бы вызвать болѣе серьезную помощь при самомъ выходѣ партій и обезпеченіе переселенцевъ на все время пути; къ сожалѣнію, вопросъ этотъ, лишенный общественной иниціативы и при общемъ равнодушіи общества, не нашелъ никакого отклика. Облегченіе участи переселенцевъ и помощь имъ выпали всецѣло на одну Сибирь. Наша обязанность показать потому то участіе, которое принимаетъ сибирское общество въ переселенческомъ дѣлѣ единственно своими силами и средствами.

Польза колонизаціи и важныя практическія послѣдствія ея для Сибири въ продолженіе многихъ лѣтъ выяснялись мѣстной печатью,

но одна печать не могла вызвать сибирское общество къ какой-либо организаціи переселенческаго дѣла, когда этотъ вопросъ оставался безъ отвѣта въ Россіи. Однако, обстоятельства вывели Сибирь изъ бездѣйствія и ввели въ область практической дѣятельности.

Въ іюнѣ 1883 года бѣдствія проходящихъ чрезъ Тюмень и Томскъ партій произвели сильнѣйшее впечатлѣніе и вызвали обращенія къ мѣстному обществу. До 3.000 народу, отправившіяся на баржахъ изъ Тюмени въ Томскъ, терпѣли крайнюю нужду, причемъ среди нихъ открылась эпидемія. На баржѣ партія переселенцевъ привезла 5 труповъ и 83 больныхъ, изъ нихъ 6 взрослыхъ и 77 дѣтей больныхъ корью, кровавыми поносами и общимъ истощеніемъ отъ голода: во время пріема трое дѣтей умерло. На пути отъ Тюмени до Томска умерло 18 человѣкъ. Помѣщеніе баржи найдено было неудобнымъ, тѣснымъ и т. п. Помощь требовалась немедленная. Для облегченія участи переселенцевъ въ Томскѣ по случаю катастрофы была избрана особая городская коммиссія, которая построила баракъ, могущій вмѣстить до 70 больныхъ; въ баракѣ устроена кухня. Въ распоряженіе коммиссіи было отпущено градскимъ головою до 1.000 руб.; 23-го іюня устроилось въ Томскѣ народное гулянье, давшее нѣсколько сотъ рублей. Изъ Восточной Сибири генералъ-губернаторомъ выслано было на помощь переселенцамъ 3.000 руб. Одновременно въ г. Тюмени также былъ принятъ рядъ мѣръ, и 2-го іюля образованъ „временный комитетъ для помощи переселенцамъ“ подъ предсѣдательствомъ И. И. Игнатова, частнаго пароходовладѣльца.

10-го іюля въ Тюмени прочтена была публичная лекція А. И. Ефимовымъ и сдѣлано предложеніе организовать постоянную помощь переселенцамъ. Г. Ефимовъ старался во всей широтѣ показать значеніе колонизаціоннаго вопроса для Сибири и необходимость участія сибирскаго общества. Въ его рѣчи былъ сдѣланъ сводъ всего, что говорилось въ это время въ печати о значеніи переселеній. Затѣмъ г. Ефимовъ указалъ задачи временнаго тюменскаго комитета. Живое и энергичное слово, произнесенное во-время, сослужило службу, и тюменскій переселенческій комитетъ нашелъ себѣ дѣло на нѣсколько лѣтъ Въ томъ же году мы узнаемъ изъ газеты „Сибирь“ о лишеніяхъ проходящихъ чрезъ Иркутскъ амурскихъ переселенцевъ. Нужда и бѣдствія ихъ вызвали также общественную помощь. 19-го августа 1883 года въ Иркутскѣ данъ былъ спектакль и выручено 1.160 р. въ пользу переселенцевъ; независимо отъ этого устроена подписка въ 921 руб., для переселенцевъ куплена старая одежда, особенно для дѣтей. Помощь переселенцамъ производилась и въ другихъ попутныхъ городахъ Сибири, какъ напр. Красноярскѣ. Въ 1884 году

красноярскимъ комитетомъ выдано проходящимъ переселенцамъ 7.378 руб. и оказана помощь 792 семьямъ.

Въ 1883 г., 8-го сентября, въ Благовѣщенскѣ въ пользу бѣдствующихъ переселенцевъ было устроено гулянье и подписка, которыя дали 828 руб., „употребленныхъ на подкрѣпленіе физическихъ силъ ослабѣвшихъ и истощенныхъ переселенцевъ, а также на ихъ перевозку".

Въ 1887 году чрезъ Тюмень, по свѣденіямъ переселенческаго комитета, прошло 10.432 человѣка, причемъ на пароходахъ 4.371 и сухопутно 6.052 человѣка; чрезъ курганскій округъ 1.881, ялуторовскій 1.015 чел. и южныя волости 88,—итого 13.407 человѣкъ. 10.000 людей получали пріютъ въ переселенческомъ убѣжищѣ. Дѣятельность тюменскаго комитета продолжается и не ослабѣваетъ до послѣдняго времени („Русск. Вѣдомости" 1890, № 190, статья профессора Исаева). Въ 1889 году мы видимъ, что прошло чрезъ Тюмень уже 29.000 переселенцевъ. Наплывъ ихъ въ этотъ годъ былъ громаденъ. Переселенцы сильно нуждались и бѣдствія ихъ возбудили вновь общее вниманіе. Къ 20 мая 1890 г. скопилось въ Тюмени до 14.000 переселенцевъ, многіе изъ нихъ истратили послѣднія крохи, общее число заболѣвшихъ съ 25-го апрѣля по 8-е іюня достигало 1.223, среди дѣтей свирѣпствовали оспа и дифтеритъ, до 500 дѣтей пало жертвой ихъ въ теченіе 4 недѣль. Тюменскій комитетъ съ своими бараками и ничтожными средствами, конечно, не могъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ бѣдствующихъ и предупредить несчастіе. Бараки могутъ принимать лишь опредѣленное число; они состоятъ изъ двухъ помѣщеній, гдѣ съ трудомъ еще можетъ размѣститься до 3.000 чел.—куда же должны дѣваться другіе? Переселенцы спасались лагерями подъ телѣгами, въ шалашахъ и страдали на холодѣ. Бараки принимали $^1/_{10}$ переселенцевъ. Смертность дѣтей была такъ велика, что ежедневно ихъ привозили по 10—15 мертвыхъ. Для больныхъ отводили особые домики, купцы уступали сараи, кто могъ изъ переселенцевъ нанималъ помѣщеніе, но масса была обречена на безпріютность. Между тѣмъ тюменскій комитетъ израсходовалъ съ 1-го ноября 1888 г. по 1889 г. 3.918 р., хотя приходъ его былъ 3.300 р. Тюменскій комитетъ попеченія о переселенцахъ дѣлалъ что̀ могъ, и его дѣятельность заслуживала полнаго сочувствія. На одинъ сибирскій городъ выпала тяжесть помогать десяткамъ тысячъ переселенцевъ.

Ясно, что сибирскіе временные комитеты, даже не имѣющіе доселѣ права считаться постоянными, далеко не могли оказать помощи всѣмъ переселенцамъ и обречены были бороться съ такими трудностями при наплывѣ переселеній, какія имъ не подъ силу. Задачи,

выпадающія на сибирскіе города, слишкомъ непосильны и велики. Что касается помощи переселенцамъ со стороны чиновниковъ по переселенческой части, то они также ссылаются, что средства, имѣющіяся на ихъ рукахъ, слишкомъ недостаточны, чтобы помочь нуждѣ переселенцевъ. Изъ казенныхъ суммъ тюменскій переселенческій чиновникъ издерживалъ въ 1887—88 и 1889 гг. по 5 и 6.000 руб.; за 1889 г. было выдано въ видѣ ссудъ переселенцамъ 4.147 руб. 20 коп. и безвозвратно 41 руб. 10 коп. Какъ видно, бо́льшая часть помощи идетъ какъ ссуда; нечего говорить, что положеніе бѣдствующихъ не позволяетъ думать, чтобы ссуда эта когда-либо возвратилась. При всемъ томъ на чиновника по переселенческой части возложены не только заботы объ учетѣ ссыльныхъ, о временной помощи, заботы о перевозкѣ, но на него возлагается обязанность рекомендовать мѣста, удобныя для поселенія, и, такъ сказать, направлять переселеніе. Между тѣмъ не только столь разнообразныя и многочисленныя обязанности въ ихъ совокупности, но и часть этихъ обязанностей, въ пору только цѣлому учрежденію, хорошо снабженному средствами,—одному же чиновнику онѣ являются, само собою, не подъ силу. Принимая во вниманіе, что до 6.000 переселенцевъ уже въ Тюмени предпочитаютъ идти на повозкахъ сухимъ путемъ, и что отъ Томска совершенно истощенные переселенцы должны пріобрѣтать еще телѣги и лошадей, мы поймемъ, какъ велики должны быть средства для ссуды или помощи—между тѣмъ средства, находящіяся въ рукахъ переселенческихъ чиновниковъ, далеко не соотвѣтствуютъ потребности [1]). На руки выдается помощь нуждающимся въ 3—15 руб., а покупка лошади требуетъ до 30—40 руб., да телѣга 15 руб. и т. д., не считая хлѣба на дорогу. Переселенцамъ продаютъ лошадей иногда по дорогимъ цѣнамъ; чиновникъ соображаетъ, что можно бы устроить гуртовую покупку для переселенцевъ, но на это нуженъ фондъ, и притомъ является вопросъ, насколько практиченъ будетъ чиновникъ для этой операціи. Предшественникъ г. Чарушина, чиновникъ по переселенческой части въ Томскѣ, г. Веселковъ, пробовалъ устроивать эту операцію покупки лошадей, но этихъ лошадей переселенцамъ приходилось навязывать насильно или привлекая переселенцевъ ссудой. Каждый крестьянинъ предпочитаетъ собственный выборъ. Такимъ образомъ, въ положеніи переселенцевъ обнаруживается все болѣе и болѣе такихъ нуждъ и функцій, которыя были бы подъ силу только цѣлому учрежденію и обществу.

Въ Томскѣ, въ которомъ скопляется не менѣе переселенцевъ, чѣмъ

---

[1]) Въ Томскѣ въ распоряженіе чиновника по переселенческой части въ 6 лѣтъ выдавалось для помощи 7—8.000 руб. Въ 1883 и 1884 г. распредѣлялась помощь по 35 и 45 руб. на семью; а нынѣ при наплывѣ переселенцевъ она доходитъ только до 3 и 5 р. на семью.

въ Тюмени, даже такого временнаго комитета долго не существовало, какъ и всѣ обязанности лежали на одномъ чиновникѣ; въ его же распоряженіи находится баракъ съ переселенцами. Здѣсь также чувствуется недостатокъ помѣщенія при накопленіи переселенцевъ, также свирѣпствуютъ дифтеритъ, корь и проч.; поэтому и заявленія о бѣдственномъ положеніи въ Томскѣ переселенцевъ не прекращаются. Кромѣ бѣдствій въ 1883 году, о таковомъ же положеніи переселенцевъ заявлялось изъ Томска въ 1886 году [1]). Отчетъ чиновника г. Чарушина 1887 и 1888 гг. показываетъ всѣ затрудненія, какія возникаютъ при организаціи дѣла помощи, и все безсиліе мѣстныхъ учрежденій. Въ 1888 году послѣдовалъ внезапно наплывъ въ Иркутскъ переселенцевъ, проходившихъ на Амуръ и находившихся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Что оставалось дѣлать? По иниціативѣ генералъ-губернатора графа А. П. Игнатьева, въ Иркутскѣ собрано было подпиской до 1.000 руб. пожертвованій и затѣмъ организованъ былъ временный комитетъ, который поставилъ задачей собраніе средствъ и распредѣленіе пособій между переселенцами. Комитетъ этотъ началъ свою дѣятельность въ 1888 г. и собралъ фондъ до 10.000 руб., но средства эти быстро уходили при наплывѣ партій. Между тѣмъ получена въ то же лѣто 1888 г. телеграмма отъ забайкальскаго губернатора къ главному начальству Восточной Сибири съ просьбою остановить партіи, двигающіяся за Байкалъ, такъ какъ на пути слѣдованія переселенцевъ обнаружились голодъ и безкормица. Но была ли возможность задерживать переселенцевъ и брать ихъ на содержаніе? Иркутскій комитетъ могъ только помочь переселенцамъ продолжать дорогу. Бѣдствіе и наплывъ переселенцевъ побудили образовать временный комитетъ въ Забайкальской области, но партіи, проходившія на Амуръ, во время движенія къ Благовѣщенску все-таки встрѣтили недостатокъ въ хлѣбѣ по Амуру и брели кое-какъ, измученныя и истощенныя.

Понятно, что указанные комитеты, организуемые въ сибирскихъ городахъ подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, притомъ имѣя временный характеръ, не могли и не могутъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ и всѣмъ широкимъ задачамъ переселенія.

По вопросу о томъ, какое количество переселенцевъ составляютъ бѣдняки—интересны показанія и разсчеты, сдѣланные профессоромъ А. А. Исаевымъ въ его поѣздку для изученія быта переселенцевъ въ 1890 г. Изъ 300 семей, которыя скопляются въ Томскѣ для продолженія пути, онъ насчиталъ до 40 семей съ признаками достатка;

---

[1]) Въ 1888 г. бѣдствія и болѣзни постигли переселенцевъ на пароходѣ Функа: умерло до 30 дѣтей и привезено нѣсколько десятковъ больныхъ.

нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ отъ 300 р. до 1.000 р. деньгами; онѣ покупаютъ по 2 и по 3 лошади цѣною въ 30—40 р., хорошую телѣгу, сбрую и т. д. За этой группой слѣдуетъ другая, болѣе многочисленная; она покупаетъ лошадей, телѣги и проч., уже худшаго качества. За второй слѣдуетъ третья группа, образующая отъ 15 до 20% и также имѣющая лошадь; но эти люди могли пріобрѣсти средства передвиженія въ Томскѣ только продажей части взятаго съ собой имущества или при посредствѣ пособія отъ чиновника отъ 3 до 5 р. Если и этихъ отнести еще къ ненуждающимся, то получится никакъ не болѣе, а менѣе 50% обезпеченныхъ. Здѣсь вы видите много такихъ, которые исчерпали всѣ средства, и имъ недостаетъ все-таки нѣсколькихъ руб. (иногда отъ 5 до 7 руб.), чтобы купить самую слабосильную лошаденку. Далѣе слѣдуетъ много переселенцевъ, которые заложили и продали все, что̀ можно было продать и заложить, за душой не осталось ни полушки денегъ и ни фунта хлѣба. Эти получали пособія иногда по 5 р. на семью, чтобы продолжать путь, и разсчитываютъ по пути найти какой-нибудь заработокъ, хотя бы въ десятокъ, въ полтора рублей. Наконецъ, встрѣчается группа самыхъ бѣднѣйшихъ, бѣдствующихъ, положеніе которыхъ изслѣдователь описываетъ совершенно безвыходнымъ. Изнуренныя лица, приниженность, покорность судьбѣ, лохмотья, босыя ноги, прошеніе милостыни почти шопотомъ— вотъ ихъ отличительные признаки. Эти не имѣютъ уже положительно никакихъ рессурсовъ: рубище, которое прикрываетъ ихъ наготу и не защищаетъ отъ прохлады даже лѣтней ночи—вотъ вся ихъ одежда; пособіе, которое могло быть имъ выдано, уже получено и истрачено на хлѣбъ; не подвертывается никакой, даже самой грубой, работы; остается кое-какъ питаться подаяніемъ да получать небольшую поддержку отъ товарищей, столь же бѣдныхъ, какъ они сами. И эта послѣдняя группа считаетъ въ своихъ рядахъ добрыхъ 25%.

Принимая во вниманіе это наблюденіе, какъ и другія, должно заключить, что крайне нуждающихся въ помощи на пути является не менѣе 50% общаго контингента переселенцевъ. Соображая же, что количество переселенцевъ равняется нынѣ уже нѣсколькимъ тысячамъ— 30.000 прошло чрезъ одну Тюмень—и что число переселенцевъ должно увеличиваться, мы поймемъ, что помощь здѣсь не можетъ и не должна являться случайною. Еслибы и могли организоваться комитеты во всѣхъ попутныхъ городахъ сибирскихъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переселенцы распредѣляются, то, принимая во вниманіе слабыя средства мѣстнаго сибирскаго населенія, бѣдность и ничтожность городовъ, гдѣ были бы созданы эти комитеты, едва ли возможно питать надежду, чтобы они удовлетворили всѣмъ нуждамъ переселенія, при

большой массѣ переселяющихся. Ясно, что при организаціи переселенческаго дѣла, кромѣ добраго желанія и общественнаго почина, нужна еще болѣе солидная помощь со стороны государства и всего русскаго общества, заинтересованнаго въ переселеніяхъ.

Какъ велико число переселенцевъ, скопляющихся въ различныхъ районахъ Сибири, показываетъ приливъ переселенцевъ на Алтай и въ горные округа томской губ. Въ 1880 году мы указали число переселеній по годамъ на основаніи оффиціальныхъ свѣденій, но учетъ переселенцевъ съ тѣхъ поръ сдѣлалъ успѣхи. Оказалось, что списки объ оффиціально причисленныхъ переселенцахъ не даютъ полнаго понятія о количествѣ переселенцевъ, проживающихъ въ мѣстности, такъ какъ многіе живутъ до причисленія по паспортамъ. Послѣ алтайской ревизіи, свѣденія, собранныя по волостямъ алтайскаго округа Н. А. Вагановымъ, показали, что къ 1-му іюля 1882 года въ Алтаѣ находилось 17.860 человѣкъ, причисленныхъ къ селеніямъ переселенцевъ, 17.942 проживающихъ безъ перечисленія, и 8.824 приписанныхъ въ города Бійскъ, Барнаулъ и Кузнецкъ, всего 44.626. Это только на югѣ томской губерніи. Возростающее ежегодно переселеніе въ Сибирь увеличило эту цифру. Г. Чудновскій, на основаніи свѣденій, которыя сосредоточивались въ горномъ алтайскомъ правленіи, дѣлаетъ вычисленіе за 6-лѣтіе съ 1878 по 1884 г. и считаетъ въ алтайскомъ округѣ 9.727 человѣкъ перечисленныхъ переселенцевъ изъ 33 губерній Россіи, но, помимо этихъ, къ 1884 г. числилось 30.544 чел., живущихъ въ волостяхъ *по паспортамъ*. Г. П. Г—въ, взявшійся за исчисленіе переселенцевъ въ этомъ округѣ, до 1884 г., соображаясь съ предъидущими годами полагаетъ, что цифра за 3 шестилѣтія переселенія достигала 48.250 человѣкъ, т.-е. по 2.680 чел. на годъ. Эта цифра, однако, оказывается ничтожной по отношенію къ слѣдующему 6-лѣтію съ 1884 по 1889 годъ, за которые уже имѣются подобныя данныя. За одно это 6-лѣтіе явилось переселенцевъ изъ 50 губерній 95.501 человѣкъ, т.-е. вдвое болѣе, чѣмъ за весь предшествовавшій 18-лѣтній періодъ.

Ежегодная цифра переселеній въ 6 лѣтъ возросла съ 12.100 до 17.200. Въ общемъ, съ 1866 г. по 1890 годъ переселилось въ алтайскій округъ 143.751 переселенецъ обоего пола.

Принимая во вниманіе эти цифры, мы должны предугадывать, что переселеніе въ алтайскій округъ не перестанетъ возростать. До 1885 года переселеніе въ Алтай задерживалось въ силу того, что это былъ заводскій районъ, въ вѣденіи Кабинета Его Величества, и переселеніе вообще крестьянъ изъ европейской Россіи до 19-го фев-

раля 1861 года не было свободно, но затѣмъ оно уже явилось широкимъ потокомъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и измѣненій экономическаго склада, побудившихъ искать новыхъ мѣстъ. Алтай явился излюбленнымъ мѣстомъ крестьянства, а измѣнившіеся взгляды горнаго алтайскаго управленія заставили не отталкивать, а привлекать переселеніе. Это измѣненіе взглядовъ сопровождалось тѣмъ обстоятельствомъ, что вначалѣ округъ этотъ считался горнозаводскимъ, съ постояннымъ приписаннымъ населеніемъ, и ревность заводскаго начальства клонилась къ тому, чтобы ограждать лѣса, земли и проч., какъ кабинетскую собственность. Въ послѣднее время разъяснилось, что этотъ округъ съ 400.000 крестьянъ бывшихъ горныхъ представляетъ территорію земледѣльческую, а что казенные заводы приносятъ только убытокъ. Оброкъ въ 4 р. 50 коп. съ души, собираемый въ пользу кабинета, составляетъ чистую прибыль и привлеченіе колонизаціи есть прямая выгода. Такимъ образомъ, открытыя двери для колонизаціи дали, принимая во вниманіе 143.751 чел. переселенцевъ, весьма опредѣленное увеличеніе дохода въ полмилліона рублей ежегодно. Имѣя въ виду такой оброкъ за землю, который составляетъ собственность кабинета, но находится въ пользованіи крестьянъ, признано было поощреніе колонизаціи весьма выгоднымъ [1]). Но рядомъ съ этимъ привлеченіемъ переселенія и получаемыми выгодами отъ переселенія естественно должна явиться и новая обязанность объ устройствѣ быта переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Кромѣ Алтая, какъ мы видимъ изъ корреспонденцій и отчетовъ за послѣднее время, переселенцы направлялись въ Семирѣченскую и въ Акмолинскую области. Направленіе переселеній въ эти области совершается помимо Тюмени. Затѣмъ по главному тракту онѣ направляются въ излюбленный переселенцами Минусинскій округъ. Отчеты о переселеніяхъ сюда печатались также, какъ и очерки положенія быта переселенцевъ. Изъ нихъ видно, что переселеніе въ Минусинскій округъ также годъ отъ году усиливалось. Общаго учета переселенцевъ здѣсь, однако, не сдѣлано, потому что нѣтъ учрежденія, интересующагося этимъ движеніемъ; частныя же лица изслѣдовали жизнь переселенцевъ въ отдѣльности только по волостямъ и деревнямъ. Довольно подробное и внимательное описаніе быта минусинскихъ переселенцевъ мы встрѣчаемъ въ статьяхъ Петровича, помѣщавшаго очерки быта въ „Восточн. Обозрѣніи", 1882-85, и въ газетѣ „Сибирь". Далѣе потокъ переселеній слѣдовалъ сухимъ путемъ черезъ Восточную Сибирь на Амуръ. Слѣдованіе на Амуръ пред-

---

[1]) Объ удобствахъ переселенія и устройствѣ переселенцевъ см. статьи: „Что ожидаетъ переселенцевъ въ Алтаѣ", Г. П. Г—ва Русск. Вѣд. 1890, №№ 144, 188 и 200.

ставляло самый трудный подвигъ для переселенцевъ; многіе шли около года и болѣе. Бывали случаи, что иные не достигали Амура и останавливались на полпути или разбродились по губерніямъ Сибири. Бѣдствія и лишенія амурскихъ переселенцевъ, а также ихъ истощеніе и обѣднѣніе, прежде чѣмъ они достигнутъ Амура, совершаются и теперь, какъ можно судить по корреспонденціямъ, отчетамъ и устройству переселенческаго комитета въ Иркутскѣ въ 1888 г. для помощи проходящимъ на Амуръ партіямъ. Въ 1882 г. появился проектъ перевозки переселенцевъ на Амуръ моремъ. Въ виду усиленія колонизаціи въ Уссурійскомъ краѣ предложено было перевозить переселенцевъ изъ Одессы на судахъ добровольнаго флота. Предположено было перевозить по 250 семей въ годъ и въ десять лѣтъ водворить весь комплектъ. При субсидіи правительства перевозка 250 семей должна была обойтись ежегодно въ 75.000 руб.; затѣмъ предполагалась выдача хлѣба на обсѣмененіе, на орудія; также долженъ былъ закупиться для нихъ скотъ, даже жернова. Въ итогѣ на каждый годъ по устройству переселенцевъ предполагалось 200.000 руб.; кромѣ того, имъ отводились земли по 15 дес. Для принятія и устройства переселенцевъ въ Владивостокѣ было устроено особое переселенческое бюро и управленіе со штатомъ служащихъ, которое занялось постройкой домовъ для прибывающихъ переселенцевъ, покупкой скота и проч. Такимъ образомъ, судьба переселенцевъ здѣсь должна была быть вполнѣ обезпечена. Перевозка эта дѣйствительно началась изъ года въ годъ и продолжается доселѣ. Перевозка моремъ, конечно, была удобнѣе, но и она, какъ показалъ отчетъ, не могла удовлетворить своеобразнымъ требованіямъ русскаго переселенія и, несмотря на то, что переселенцы крайне нетребовательны, дѣло не обошлось безъ разныхъ случайностей и недоразумѣній. Но любопытно было то, какъ отразился вызовъ переселенцевъ вообще на движеніи колонизаціи. Какъ всегда, слухи о переселеніи на Амуръ съ казеннымъ обезпеченіемъ произвели толки въ губерніяхъ Россіи и вызвали движеніе. Толпы крестьянъ, желающихъ переселиться, кинулись къ Одессѣ, но по сформированіи комплекта въ 250 семей въ перевозкѣ имъ отказывалось [1]). Затѣмъ послѣдовали заявленія въ разныхъ губерніяхъ о желаніи переселиться на Амуръ; крестьяне узнали, что обѣщано по 60 руб. на издержки въ пути и 100 дес. на душу на мѣстѣ и освобожденіе отъ повинностей на 20 лѣтъ. Можно представить себѣ, насколько обольстительны были эти надежды. Во внутреннихъ губерніяхъ не вездѣ имѣли опредѣленныя понятія объ

---

[1]) Въ послѣднее время въ Одессѣ отъ переселенцевъ требуется извѣстный цензъ въ сумму до 600 р.

условіяхъ переселенія на Амуръ; слышно было только, что переселенцевъ вызываютъ. Крестьяне, увлекаемые слухами, изъ многихъ губерній начали спрашивать даже телеграммами въ Благовѣщенскъ объ условіяхъ переселеній, и многіе, не выяснивъ себѣ будущаго, кинулись на-авось сухимъ путемъ. Чтобы помочь переселенію на Амуръ, разосланы были въ это время подробные маршруты и инструкціи, гдѣ указывалось, въ какихъ мѣстахъ идущіе на вызовъ могутъ получить субсидію на дорогу. Эти инструкціи произвели болѣе всего впечатлѣнія. Получивъ ихъ, крестьяне приняли ихъ за пропускные билеты и считали судьбу свою обезпеченной во все время пути. Здѣсь былъ цѣлый рядъ прискорбныхъ недоразумѣній, какъ видно изъ нѣкоторыхъ печатныхъ извѣстій, о прохожденіи переселенцевъ чрезъ Сибирь. Напримѣръ, полтавскіе переселенцы въ 1883 г., 61 семья въ 250 человѣкъ, получивъ увѣдомленіе, что въ Благовѣщенскѣ они могутъ устроиться, двинулись въ путь, собравъ ничтожныя средства. Мѣстный исправникъ увѣрилъ ихъ, что въ Харьковѣ они получатъ казенную субсидію на дорогу, но изъ Харькова ихъ побудили отправиться въ Москву на свои средства, въ Москвѣ помогло купечество, въ Нижнемъ-Новгородѣ губернаторъ Барановъ облегчилъ условія перевозки на пароходахъ—съ нихъ взяли вмѣсто 2 руб. по 1 руб.,— но въ Тюмени собственныя средства ихъ истощились и движеніе было невозможно. Такъ какъ въ инструкціяхъ переселенцамъ на Амуръ говорилось, что за помощью они могутъ обращаться на дорогѣ къ гражданскому губернатору въ Иркутскѣ, въ Читѣ и Благовѣщенскѣ, то они послали телеграмму въ Благовѣщенскъ, но получили отвѣтъ: „нѣтъ источниковъ выдать пособіе". Видя безъисходное положеніе, переселенцы двигаются въ Томскъ, взявъ пассажирскіе билеты и продавая холсты, которые везли на рубахи. Капитанъ парохода, видя безвыходность переселенцевъ, даетъ имъ нагружать дрова и платитъ по 75 и 30 коп. на брата. На это они покупаютъ сухарей, которыми питаются. Въ Томскѣ на пристани они опять безъ всякихъ средствъ и обращаются къ томскому начальству. Въ такое трудное положеніе ставились сухопутные переселенцы, обольщаемые вызовами на Амуръ. Сухопутное переселеніе на Амуръ чрезъ Сибирь продолжалось все время независимо отъ морской перевозки на Уссури и бѣдствія ихъ вызвали учрежденіе въ Иркутскѣ комитета въ 1888 г. На дорогѣ имъ субсидій не выдавали, и мѣстная сибирская администрація должна была такъ или иначе помогать перевозкѣ переселенцевъ. Устройство уссурійскихъ переселенцевъ на мѣстѣ въ первое время также не было особенно благополучно; для переселенцевъ, прибывшихъ кругомъ свѣта моремъ, нужно было

устроить помѣщенія на зиму. Переселенческое депо взялось заготовить скота, но потерпѣло неудачу.

Мнѣнія объ амурской колонизаціи въ настоящее время рѣзко расходятся. Одни увѣряютъ, что сѣверные берега Амура весьма негостепріимны и сплошная тайга. Удобныя земли оказались только близъ Благовѣщенска и въ Уссурійскомъ краѣ; послѣдній-то и составляетъ pia desideria переселенцевъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ памятной книжки Амурской области, видно, что съ 1880 г. по 1889 годъ въ область явилось 19.240 переселенцевъ, что̀ на годъ даетъ 1.924 человѣкъ. Переселенцы являлись изъ 23 губерній. Памятная книжка говоритъ, что изъ приведенныхъ въ извѣстность земель оказывается 561.444 дес., на которыя можетъ быть поселено до 6.000 семей, т.-е. въ полтора раза болѣе переселенныхъ уже (4.070 семей). Если предположить, что переселеніе будетъ продолжаться въ томъ же размѣрѣ, то указаннаго запаса земли хватитъ на 22 года. Изъ особенностей амурскаго переселенія мы должны упомянуть о продажѣ земель въ собственность. Теперь уже обнаружились и результаты этой продажи. Продано до 25.000 десятинъ въ теченіе 22 лѣтъ и предназначено къ продажѣ нынѣ еще 10.000. Изъ статистическихъ данныхъ памятной книжки видно, что изъ 25.000 дес., проданныхъ 240 собственникамъ, по сословіямъ земля распредѣлялась такъ: на долю крестьянъ 35,4% (85 собственниковъ), на долю привилегированныхъ 2,9% (13 собственниковъ). По количеству земля распредѣлялась такъ: у мѣщанъ 12.514 дес. (50,1%), крестьянъ 8.746 дес. (34,1%), дворяне пріобрѣли 3.743 дес. (15%). Нѣкоторая тенденція водворить крупное землевладѣніе, какъ заявлялось не разъ, выразилась въ томъ, что одному лицу, дворянину Бенкендорфу, продано 1.006 дес. 588 саж., что̀ составляетъ 1/25 общихъ земель. Большее же число земель попадаетъ въ руки мѣщанъ. Принимая во вниманіе тѣ упорныя стремленія на Амуръ, которыя выразились въ крестьянской колонизаціи, и тѣ жертвы, которыя переносятъ переселенцы своими лишеніями, идя на Амуръ, само собою ясно, кому слѣдуетъ дать преимущество и гдѣ можно ожидать болѣе прочнаго обзаведенія. Если мы представимъ себѣ теперь общій переселенческій потокъ до 30.000 человѣкъ, проходящихъ ежегодно чрезъ Тюмень по главному тракту, и до 5.000 по побочнымъ на Оренбургъ, Курганъ и Омскъ, и затѣмъ до 2.000 д. ежегодно, выселяющихся на Амуръ, до 250 семей въ Уссурійскій край, то въ общемъ получится до 40.000 переселенцевъ на все населеніе Европейской Россіи. Вдумываясь спокойно, это вовсе не будетъ громадный процентъ на 90.000.000. Поэтому опасенія, что выселеніе повліяетъ на экономическую жизнь цѣлыхъ губерній Россіи, едва ли основательны.

Распредѣленіе переселенцевъ по Сибири составляетъ важное условіе колонизаціи. Люди, незнакомые съ географическими условіями Сибири, думаютъ, что переселенцы, ѣдущіе въ Сибирь, находятся вездѣ въ одинаковыхъ условіяхъ; подобныя же весьма неопредѣленныя представленія господствуютъ и у большинства переселяющихся. У нихъ вся Сибирь сливается въ общее понятіе „новыхъ незанятыхъ земель"; иногда они избираютъ по слухамъ какую-либо мѣстность, въ которую стремятся, но о которой имѣютъ совершенно ложное или преувеличенное понятіе. Иногда переселенецъ говоритъ: „ѣдемъ въ томскую губернію", „ѣдемъ въ Бійскъ", но въ какую часть томской губерніи, въ дѣйствительности превосходящей по величинѣ Францію, онъ попадетъ—онъ не знаетъ; точно также не знаетъ, что̀ его встрѣтитъ въ Бійскѣ [1]). О разстояніяхъ до Амура сплошь и рядомъ переселенцы не имѣютъ понятія. Вѣроятно, только это совершенное отсутствіе представленія объ отдаленности края и о предстоящихъ лишеніяхъ на дорогѣ придаетъ имъ рѣшимость въ столь дальнихъ странствіяхъ. Опытъ переселеній въ теченіе десяти лѣтъ, наблюдаемый въ разныхъ мѣстахъ Сибири, и положеніе переселенцевъ показали, какія мѣстности болѣе благопріятны для переселенія и какія менѣе благопріятны. Кромѣ того, нужно принимать во вниманіе привычки переселенцевъ и мѣста прежней жизни: переселенецъ изъ степныхъ губерній не уживается въ лѣсахъ—и наоборотъ.

Западная полоса Сибири съ южными округами тобольской губерніи представляетъ черноземную полосу съ благопріятнымъ климатомъ (курганскій, ялуторовскій, тюменскій, ишимскій округа); но въ настоящее время она ужъ столь заселена, что переселенцу весьма трудно здѣсь устроиться (въ курганскій округъ въ нѣкоторыхъ обществахъ приходится по 2 и 3 десятины на душу). По этой причинѣ причисленіе въ тобольскую губернію почти прекратилось. Сѣверные округа: тобольскій, сургутскій и березовскій положительно неблагопріятны для земледѣлія. Въ томской губ. средняя степная полоса (Барабинская степь) хотя и представляетъ условія, возможныя для земледѣлія, но она уже значительно заселена и производительность почвы ея годъ отъ году ухудшается въ виду засухъ и недостатка воды. Этотъ районъ бывшей урало-каспійской низменности представляетъ признаки постепеннаго обсыханія и исчезновенія озеръ. Сѣверная полоса каинскаго округа покрыта лѣсами и тайгою и потому для земледѣльческаго населенія не представляетъ удобствъ, точно также какъ тундристая и болотистая полоса между Иртышомъ и Обью, тянущаяся на огромное разстояніе подъ названіемъ „Васюганскихъ

[1]) Бійскъ, уѣздный городъ томской губерніи.

болотъ". Въ нарымскомъ краѣ климатическія и почвенныя условія крайне неблагопріятны для земледѣльца, и потому, несмотря на пустынность этого района, переселеніе сюда не направляется. Остаются округа томскій и маріинскій, томской губерніи, гдѣ земледѣліе возможно и есть еще свободныя земли для переселенцевъ. Затѣмъ горный алтайскій районъ съ округами томскимъ, кузнецкимъ, барнаульскимъ и бійскимъ по климатическимъ условіямъ и почвеннымъ весьма благопріятные и потому соблазнительные для переселенцевъ. Но значительная часть этихъ округовъ заселена старожилами, и потому переселенцу предстоитъ выбирать здѣсь мѣста. Уже эта характеристика и разнообразіе условій въ двухъ земледѣльческихъ губерніяхъ Сибири показываетъ, что переселеніе не всюду можетъ направляться и не всюду найдетъ свободныя и удобныя земли. Наконецъ, укажемъ на свободные и незанятые обширные районы на югѣ Сибири. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе киргизскія степи, занятыя кочевниками.

Въ послѣднее время нѣкоторые возбудили вопросъ, почему бы эти степи не могли быть заселены русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ, а также исключительное пользованіе этими землями киргизами не служитъ ли задержкой и предѣломъ русской культуры въ Средней Азіи. На вопросъ этотъ можно было бы отвѣтить только послѣ обстоятельнаго изслѣдованія природы степей и ихъ агрономическихъ условій. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ, разрѣшаемый заочно и гадательно, повелъ ко многимъ практическимъ затрудненіямъ. Въ 1878 году, по иниціативѣ бывшаго генералъ-губернатора Казнакова, предпринято было заселеніе акмолинскихъ степей русскими земледѣльцами. Для этого на почтовыхъ и торговыхъ трактахъ избраны были и отмежеваны до 30 участковъ, каждый на 40 ревизскихъ душъ съ 30 десятинами надѣла. Киргизовъ, владѣвшихъ этими участками, склоняли къ уступкѣ по общественнымъ приговорамъ. 18 изъ этихъ участковъ заселены, а 12 и до сихъ поръ остаются пустынными. На многихъ участкахъ вмѣсто 40 душъ поселилось въ половинномъ числѣ и менѣе и, несмотря на вызовы и старанія администраціи, охотниковъ занять эти мѣста не явилось по причинѣ дурного качества земли; крестьяне же, заселившіе 18 казенныхъ участковъ, какъ заявила оффиціально акмолинская администрація въ 1885 г., за небольшимъ исключеніемъ бѣдствуютъ отъ неурожаевъ, вслѣдствіе тѣхъ же почвенныхъ и климатическихъ условій. Ближайшее изслѣдованіе степей показываетъ, что Акмолинская область чисто степная, солонцоватая, безлѣсная и скудно надѣленная водою, съ озерами высыхающими и солоноватыми, въ большинствѣ весьма мало удобна для земледѣльческаго населенія, но приспособлена болѣе для паст-

бищъ и скотоводства при условіяхъ перекочевокъ и выбора мѣстъ въ различные сезоны года. Степи во время засухъ и жаровъ подвергаются болѣе всего бѣдствіямъ; кобылка до того наполняетъ поля, что онѣ бываютъ черны [1]). Лучшіе участки, орошенные рѣкою Ишимомъ и находящіеся около прѣсныхъ озеръ въ кокчетовскомъ округѣ, принадлежатъ казачьимъ станицамъ. Карта казачьихъ участковъ, приложенная къ „Статистическому описанію западно-сибирскаго казачьяго войска", показываетъ значительныя земли во владѣніи казаковъ. Эти районы обладаютъ всѣми задатками для осѣдлыхъ поселеній. Эти земли, щедро вырѣзанныя изъ полосы степей, дали по 80 дес. на душу казачьимъ поселеніямъ, но онѣ вмѣстѣ съ 10-верстнымъ нейтральнымъ пространствомъ по Иртышу составили все лучшее, что могла дать область. Кочевое населеніе съ отрѣзкою и изъятіемъ этихъ земель до того потерпѣло въ ограниченіи пастбищъ, что киргизы начали заходить въ районъ тобольской и томской губерній и арендовать пастбища и покосы у сосѣднихъ крестьянъ. Если и находились гдѣ удобныя и снабженныя водою земли, такъ это по Ишиму, но онѣ были заняты киргизскими „зимовками" [2]). Между тѣмъ вызовъ на вырѣзанные казенные участки крестьянъ въ Акмолинскую область произвелъ свое дѣйствіе, и къ Акмолинской области потянулись переселенцы даже изъ вятской губерніи, мечтая о разныхъ льготахъ и небываломъ плодородіи въ степяхъ. Наплывъ переселенцевъ произвелъ то, что крестьяне, не находя свободныхъ земель, располагались у казаковъ, арендуя земли и выжидая лучшихъ нарѣзовъ надѣла. Они долго бѣдствовали, страдали отъ неурожаевъ, пока не ушли изъ области искать другихъ мѣстъ. Точно также въ слѣдующіе года обнаружился слѣдующій примѣръ заселеній въ степи, бросающій свѣтъ на степную колонизацію. Ишимскіе крестьяне явились въ петропавловскій уѣздъ на урочища Муссино, Кресты, Груздяная Дубрава и Плоское, гдѣ образовали поселки. Они же вступили въ договоры съ киргизами объ уступкѣ земель около урочища Муссино. Образовавъ поселки, крестьяне начали вызывать и другихъ переселенцевъ. Ходоки крестьянъ увѣряли, что желающихъ находится до 7.000 душъ. Но уѣздное начальство, узнавъ объ этихъ поселкахъ и ожидаемомъ приливѣ крестьянъ-переселенцевъ и опасаясь, что они могутъ отнять у киргизовъ пастбища, нашло поселенія эти незаконными и выдворило крестьянъ. Крестьяне, образовавшіе поселки, начали жалобы; ходоки ихъ явились даже въ Петербургѣ. Вопросъ осложнялся еще тѣмъ, что если крестьяне и могли выбрать кое-гдѣ

---

[1]) Таковыя бѣдствія постигли степи Зап. Сибири, какъ извѣщали газеты за 1890 г.

[2]) Киргизы кочуютъ лѣтомъ, но на зиму остаются въ опредѣленныхъ мѣстахъ неподвижно; на зимовкахъ стоятъ деревянныя жилища, избы и скотные дворы.

удобные участки, то они должны были быть отняты у киргизовъ; между тѣмъ, ни степное положеніе, ни покровительство киргизамъ, какъ нашимъ подданнымъ, не могло поощрять такого захвата. Мы видимъ, такимъ образомъ, два взгляда на заселеніе степей, совершенно противоположные, и мѣстная администрація должна была встать, въ концѣ концовъ, на защиту киргизовъ при всемъ желаніи русской колонизаціи. Къ подобнымъ же результатамъ и столкновеніямъ привелъ опытъ вырѣзки участковъ и поселеній въ кочевомъ районѣ алтайскаго горнаго округа, когда генералъ-губернаторъ Казнаковъ, подобно акмолинскимъ участкамъ, испросилъ разрѣшеніе у Кабинета Его Величества образовать поселеніе на чуйскомъ трактѣ. Образованіе поселеній въ горныхъ мѣстностяхъ и среди неблагопріятныхъ условій потерпѣло, съ одной стороны, неудачу, и на отрѣзанные участки желающихъ не явилось, въ другихъ же мѣстахъ явился самовольный захватъ земель у горныхъ кочевниковъ калмыковъ и вызвалъ жалобы со стороны послѣднихъ. Алтайскіе калмыки послали зайсанговъ съ жалобами также въ Петербургъ. Дѣйствительно, захватъ лучшихъ участковъ у кочевниковъ, гдѣ находятся ихъ зимовки, не могъ быть терпимъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что и въ кочевыхъ районахъ русская колонизація далеко не вездѣ можетъ разсчитывать на успѣхъ, а гдѣ она можетъ существовать и водвориться, тамъ она входитъ въ столкновеніе съ кочевниками и лишаетъ послѣднихъ необходимыхъ пастбищъ и средствъ къ существованію. Столкновенія исчезаютъ только тамъ, гдѣ заключаются договоры между пришельцами и аборигенами и гдѣ крестьяне арендуютъ земли у инородцевъ за плату, но эта аренда не даетъ права на постоянную осѣдлость. Такимъ образомъ, при изученіи мѣстныхъ условій Сибири мы видимъ, съ одной стороны, неудобства и совершенную непригодность нѣкоторыхъ районовъ къ заселенію, съ другой—столкновенія въ этихъ районахъ съ инородческимъ элементомъ.

Вопросъ водворенія является не столь простымъ даже и тамъ, гдѣ переселенцы селятся среди русскаго населенія. Въ послѣднее время обнаружены весьма недружелюбныя отношенія крестьянъ-старожиловъ къ переселенцамъ. Затрудненія при пріемѣ въ общество дали поводъ обвинять сибиряковъ въ притѣсненіи „новосёловъ". По этому поводу въ 1883 году томскимъ начальствомъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" была напечатана особая записка объ устройствѣ переселенцевъ въ мѣстахъ ихъ водворенія, „въ *устраненіе* тѣхъ *стѣсненій*, какія они терпятъ отъ старожиловъ"; записка эта касалась тѣхъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты къ облегченію переселенцевъ. На старожиловъ и ихъ крестьянскія общества взводились обвиненія, что они запрашиваютъ значительныя суммы за пріемные

приговоры и этимъ затрудняютъ приписку. Дѣйствительно, обнаружилось, что въ алтайскомъ округѣ съ приселяющихся крестьянскія общества иногда требовали отъ 10 до 30 руб. за пріемный приговоръ; переселенцы жаловались, что старожилы неохотно даютъ имъ земли, выдѣляютъ покосы и т. д. Новое начальство алтайскаго управленія, съ 1881 г., заинтересованное привлеченіемъ переселенцевъ, стало на сторону послѣднихъ. Предполагалось даже „причислять переселенцевъ безъ пріемнаго приговора крестьянскихъ обществъ". Всѣ сторонники новоселовъ привыкли обвинять сибирскихъ крестьянъ въ стѣсненіяхъ прибывающихъ. Но скоро безпристрастное изслѣдованіе выяснило и другую сторону дѣла, а именно причину столкновеній. Крестьянскія общества въ Алтаѣ принимали членовъ въ круговую поруку, съ обязательствомъ отвѣчать за ихъ исправность. Переселенцы въ то же время просились въ деревни и села, лучшія по положенію, вполнѣ населенныя, гдѣ удобныя земли подѣлены, какъ и покосы, и надѣлами дорожатъ. Естественно, что общества въ счетъ будущихъ податныхъ гарантій ставили извѣстныя требованія. Запросъ обществъ съ переселенца въ разныхъ районахъ былъ различный: гдѣ простору было больше, крестьянскія общества требовали меньше. Надо было принять въ соображеніе, что пріемъ въ общество новыхъ членовъ сокращалъ общій районъ запасныхъ земель и ограничивалъ распредѣленіе земель по семьямъ. Приселеніе строптивыхъ переселенцевъ вело къ спорамъ, жалобамъ. Крестьянская община старожиловъ несетъ тяжелыя повинности, имѣетъ множество „темныхъ поборовъ" и дѣлитъ всѣ тяжести между собою по душамъ. По отношенію къ переселенцу она не могла поступать филантропически. Переселенцы, между тѣмъ, являлись въ самообольщеніи, какъ бы на „свободныя земли". Подавъ прошеніе о перечисленіи, они считаютъ себя въ правѣ претендовать на земли общинъ. Надобно прибавить земельную неурядицу и постоянные споры изъ-за земли между мѣстными обществами. Притокъ переселенцевъ только увеличивалъ эту неурядицу. Поэтому обвинять безусловно старожиловъ, что они иногда не принимаютъ переселенцевъ въ круговую поруку и не отводятъ имъ земель въ ущербъ себѣ, было бы безразсудно. Крестьянская община, подчиняющая и дисциплинирующая каждаго отдѣльнаго члена, поступала послѣдовательно, согласно общинному мірскому началу. Плата за приговоры колебалась, смотря по мѣстностямъ, и переселенецъ всегда могъ выбрать общину по средствамъ. Мѣстное крестьянство часто желало, чтобы переселенцы, вступая въ общину, исправно несли только „общественныя повинности", и до приписки ихъ не обращало никакого вниманія на „податную исправность". Стало быть, община въ этомъ случаѣ далеко не стояла

на почвѣ формальностей и придирокъ. Доказательствомъ, что общины старожиловъ относились терпимо къ переселенцамъ, служитъ то, что до 1884 года въ алтайскихъ селеніяхъ проживало *до 17,900 переселенцевъ по паспортамъ и присутствіе ихъ до оффиціальной переписи не было обнаружено.* Еслибы крестьяне-старожилы были безусловно враждебны къ переселенцамъ, то этимъ 17.900 непричисленнымъ и ничѣмъ негарантированнымъ, считающимся „самовольными" переселенцами, жить бы въ селеніяхъ не позволили. Но мы видимъ обратное. Отношенія къ переселенцамъ обострились и вражда разрослась только съ 1881 г., когда переселенцы начали являться въ огромномъ числѣ въ алтайскій округъ и тѣсниться въ волости и общины, гдѣ земель едва хватало на потребности старожиловъ, и самовольно занимали крестьянскія угодья; понятно, что старожилы не могли охотно принимать ихъ; между тѣмъ переселенцы, наслышавшись о сибирскомъ просторѣ, считали земли не крестьянскими, а государственными, и старались взять ихъ захватомъ. Новые алтайскіе чиновники, пріѣхавшіе въ Сибирь съ предубѣжденіемъ противъ старожиловъ, поощряли переселенцевъ къ занятію земель, почему послѣдніе явились еще болѣе смѣлыми и требовательными. Такая политика покровительства переселенцу въ Алтаѣ, являвшаяся какъ реакція прежнему направленію, съ 1884 года повела къ ожесточенію старожиловъ и къ крайне невыгодному антагонизму, кончившемуся прискорбными столкновеніями изъ-за земли. Мировые посредники въ Алтаѣ пробовали разъяснить эти недоразумѣнія и причины столкновеній, но горное алтайское управленіе въ это время было заинтересовано въ привлеченіи бóльшаго числа переселенцевъ, въ виду получаемаго съ каждаго прибывшаго переселенца оброка (по 4 руб. 50 коп. съ души). Положимъ, что переселеніе въ послѣдніе годы въ Алтаѣ дало полмилліона рублей доходу, но надо было принять во вниманіе, что переселенецъ приселялся къ крестьянскимъ обществамъ, которыя также платили оброкъ и повинности и имѣли свои права на земли. Поэтому мировые посредники алтайскаго района предлагали, во избѣжаніе стѣсненій, не брать оброка съ приселяющихся, а обращать платежъ его въ пользу крестьянскихъ обществъ, которыя отдавали новоселамъ часть земель, бывшихъ въ ихъ пользованіи. Второю мѣрою было предложеніе причислять переселенцевъ въ тѣ волости и общины, гдѣ находится земель болѣе 15 десятинъ на душу съ возложеніемъ на ихъ личную отвѣтственность уплаты установленнаго оброка безъ круговой поруки (Томская записка о мѣрахъ къ устраненію притѣсненій переселенцевъ).

Все это показываетъ, что самое причисленіе переселенцевъ въ районы колонизаціи, при обширномъ наплывѣ переселенцевъ и ихъ

смутныхъ представленіяхъ и требованіяхъ, должно совершаться съ крайней осмотрительностью и разсчетомъ, не нарушая хозяйственнаго строя старожиловъ и обычныхъ поземельныхъ отношеній въ общинахъ.

Вопросъ о помощи переселенцамъ, при обзаведеніи ихъ хозяйствомъ на мѣстахъ поселенія, составляетъ весьма важный вопросъ въ дѣлѣ колонизаціи.

До 1861 года, при переселеніи государственныхъ крестьянъ въ Сибирь подъ управленіемъ министерства государственныхъ имуществъ, на время пути выдавались переселенцамъ кормовыя по 3 р. на душу и по приходѣ на мѣсто отъ 50 до 60 рублей на обзаведеніе и по 1 четв. ржаной муки. Точно также при вызовѣ переселенцевъ въ Акмолинскую область имъ предположена была выдача субсидій на обзаведеніе и льготы отъ податей на 10 и 20 лѣтъ. Льготы еще болѣе распространились на переселенцевъ амурскихъ; по вызову въ Уссурійскій край, переселенцамъ выдавалась субсидія на обзаведеніе, на скотъ, на обсѣмененіе полей; кромѣ того, имъ положенъ надѣлъ до 100 д. на душу и переселенцы на 20 лѣтъ избавлены отъ повинностей.

Такимъ образомъ, правительственная помощь осталась и до сихъ поръ для нѣкоторыхъ переселенцевъ. Помощь переселенцу при колонизаціи была традиціонной и необходимость этой помощи сознавалась давно. Помощь переселенцамъ при обзаведеніи практиковалась съ самаго начала заселенія Сибири, т.-е. съ XVI и XVII ст., когда людей „садили на пашню", выдавали имъ орудія, скотъ, мѣры хлѣба на посѣвъ. Изъ этого видно, что казна сознавала издавна обязанность поддержки переселенца въ новыхъ мѣстахъ. Помощь эта вызывалась стремленіемъ упрочить дѣло колонизаціи окраинъ, предупредить бѣдствія, бродяжничество и безпорядки при переселеніи. Чѣмъ скорѣе переселенецъ обзаведется, тѣмъ выгоднѣе для казны; чѣмъ менѣе будетъ потрачено времени при устройствѣ новосела, тѣмъ скорѣе начнется производительная жизнь и работа крестьянина; чѣмъ тверже и прочнѣе будетъ обезпечено хозяйство переселенца, тѣмъ болѣе гарантій въ его платежной исправности. Прекращеніе помощи переселяющимся съ 1861 г., т.-е. послѣ 19-го февраля, обусловливалось прекращеніемъ опеки надъ крестьянами государственныхъ имуществъ и уничтоженіемъ „устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ", гдѣ находились параграфы объ устройствѣ переселенцевъ. Кромѣ того, новыя права, предоставленныя освобожденному отъ крѣпостной зависимости крестьянству, вызывали опасенія огромныхъ передвиженій массами изъ внутренней Россіи

въ Сибирь. Такія опасенія особенно усилились по истеченіи первыхъ 9 лѣтъ обязательныхъ отношеній, но опасенія эти не оправдались. Крестьянство послѣ 19-го февраля 1861 г. не хлынуло массами въ Сибирь. Переселеніе бывшихъ крѣпостныхъ и освобожденныхъ крестьянъ началось послѣ 1863 года, когда введены были уставныя грамоты и получились надѣлы. Переселеніе обнаружилось прежде всего, какъ показало нынѣ изслѣдованіе, среди крестьянъ, получившихъ minimum надѣловъ (напримѣръ, даровыхъ надѣловъ) и страдавшихъ отъ малоземелья, сдѣлавшихъ уже усилія на мѣстахъ къ борьбѣ за существованіе и не могшихъ вынести новыхъ условій труда [1]). Словомъ, переселеніе началось не зря, но вызвано было крайне затруднительными обстоятельствами и экономическимъ положеніемъ. Крестьянинъ не легко разстается съ родными мѣстами, гдѣ онъ обжился. Онъ разставался съ ними не безъ горечи, не безъ сожалѣнія и не безъ слезъ. Поэтому потокъ переселенія начался медленно, исподволь, и въ первые года повышался медленно. По томской губ. до 80-хъ годовъ переселялось всего по 1.000 человѣкъ; въ Алтаѣ оффиціально перечислялось до 2.000. Переселенцы изъ бывшихъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ послѣ 1862 года принуждены были идти на свой счетъ, также какъ и устроиваться на новыхъ мѣстахъ. Съ этого времени начинается рядъ переселенческихъ бѣдствій.

Множество формальностей при переселеніи, а также круговая порука членовъ во всѣхъ обществахъ затрудняли переселеніе. Эти затрудненія уничтожали всякія опасенія того, что губерніи Россіи опустѣютъ и что переселеніе отразится чувствительно на внутреннемъ хозяйствѣ земледѣльческихъ губерній. Ничего подобнаго не оправдалось до сихъ поръ. Поэтому переселеніе не можетъ быть разсматриваемо какъ явленіе и фактъ вредный, убыточный для государства. Переселенецъ переносится только изъ одной мѣстности Россіи въ другую въ предѣлахъ того же государства, сохраняя всѣ обязательства. Поэтому на него нельзя смотрѣть какъ на эмигранта и бѣглеца. „Самовольныя переселенія", какъ ихъ называли въ отличіе отъ переселеній по приказу и вызову, столь же легальны, какъ и другія.

Яснѣе говоря, послѣ 19-го февраля и по прекращеніи субсидіи переселенцамъ отъ казны, всѣ переселенія явились самовольными, т.-е. не по вызову. Но вѣдь эти самовольныя переселенія узаконялись перечисленіемъ переселенцевъ въ другія губерніи. Переселенія, какъ показали изслѣдованія на мѣстахъ, совершались двумя путями:

---

[1]) См. изслѣдованіе Янсона о малоземельи, статьи о переселенцахъ Гурвича, наконецъ, перечень губерній, изъ которыхъ идетъ переселеніе, въ таблицахъ Н. А. Ваганова, изслѣдованіяхъ г. Чудновскаго и нашихъ изслѣдованіяхъ 1880 г.

1) переселенцы, снимаясь съ мѣста, заранѣе брали приговоры отъ общества, отпускной и пріемный, или, начавъ съ мѣста ходатайство, рѣшали заранѣе переселеніе; подобные переселенцы не пользовались субсидіями, но и не терпѣли особыхъ притѣсненій; 2) другая и болѣе значительная часть переселенцевъ, какъ показала статистика—до 17.900 въ одномъ Алтаѣ, отправлялась съ обыкновенными паспортами и жила по этимъ паспортамъ до пріисканія мѣстъ. На этихъ отлучающихся по паспортамъ выпала самая тяжкая доля испытаній въ послѣднія десять лѣтъ. Съ приведеніемъ въ извѣстность числа переселенцевъ въ Сибири, мѣстная администрація начала строже контролировать переселенія, и всѣхъ явившихся по паспортамъ, а не по увольнительнымъ приговорамъ стала считать *самовольными* и какими-то контрабандными бѣглыми переселенцами, которые не выполнили разныхъ формальностей. На этомъ основана была цѣлая масса циркуляровъ въ 1871—84 г., предписывавшая слѣдить за тѣмъ, чтобы переселенцы имѣли всѣ нужные документы по перечисленію—иначе имъ не позволятъ водвореніе и обзаведеніе; это значило, что предоставлялось право высылать ихъ на мѣсто жительства этапнымъ порядкомъ. Исправники, какъ, напримѣръ, минусинскій, также разсылали подобныя распоряженія по волостямъ. Статистика горнаго вѣдомства старалась выловить и разузнать этихъ переселенцевъ. Ей удалось это; впослѣдствіи мы и видимъ обнаруженное число скрывавшихся переселенцевъ. Между тѣмъ переселенцы жили по 15 и по 17 лѣтъ съ одними паспортами и обзаводились давно хозяйствомъ. Впослѣдствіи взглядъ на нихъ измѣнился и измѣнился именно въ алтайскомъ районѣ. Уступки начались съ того, что по обнаруженіи цѣлыхъ сотенъ семействъ неприписанныхъ пришлось разрѣшить дилемму—„дать ли имъ причислиться, или выслать обратно". Сначала начались ходатайства чрезъ высшія инстанціи о причисленіи ихъ, а потомъ и о взысканіи накопившейся недоимки уже въ новыхъ мѣстахъ поселенія, безъ высылки обратно. Затѣмъ, какъ мы видимъ, взглядъ на явившихся по паспортамъ совершенно выяснился, и они нынѣ какъ алтайскимъ вѣдомствомъ, такъ и чиновниками, слѣдящими за переселеніемъ, далеко не считаются совершающими что-либо противозаконное. Такое переселеніе по паспортамъ на практикѣ давно было усвоено народомъ и крестьянскія общества на новыхъ мѣстахъ не препятствовали проживать такимъ переселенцамъ. Многія мѣстности, какъ Семирѣчье, Амуръ и часть Алтая, заселялись именно благодаря этимъ переселенцамъ по паспортамъ, легальное существованіе которыхъ было впослѣдствіи заподозрѣно. Теперь, если мы сообразимъ тѣ успѣхи, которые здѣсь сдѣлала колонизація, благодаря *самовольнымъ* переселенцамъ, мы должны будемъ признать, что эти

переселенцы, совершенно безпомощные и подъ ежеминутнымъ опасеніемъ быть высланными, выполняли ту роль, которую совершали другія партіи переселенцевъ подъ вліяніемъ вызова, поощренія и особыхъ льготъ. Остается вопросомъ, почему это подвижничество колонизаторовъ, давшее видныя послѣдствія для государства въ смыслѣ заселенія пограничныхъ мѣстъ и пустынь Сибири, обречено было остаться безъ поддержки и помощи въ тѣхъ случаяхъ, когда колонизаторъ истощалъ собственныя средства? Мы видимъ, что всѣ категоріи переселенцевъ выполняли однѣ функціи въ заселеніи, какъ дѣйствующія по вызову, такъ и безъ вызова, съ тою разницею, что послѣднія брали и содержаніе въ пути на свой счетъ. Переселеніе по паспортамъ, не заключающее ничего незаконнаго, нынѣ вполнѣ признано, и среди двигающихся въ Сибирь партій, подлежащихъ наблюденію переселенческихъ чиновниковъ, не дѣлается болѣе этого различія. Послѣ первыхъ попытокъ возвращенія переселенцевъ на прежнія мѣста, съ распродажею имущества послѣднихъ,—что повело еще къ бо́льшимъ затрудненіямъ,—пришлось нынѣ признать весь контингентъ переселяющихся по паспортамъ какъ совершившихъ переселеніе на законныхъ основаніяхъ, а не самовольнымъ бѣгствомъ съ мѣстъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ обнаружилъ такимъ образомъ: 1) что *возвращеніе переселенцевъ съ дороги и еще худшее, съ мѣстъ водворенія, было бы слишкомъ несправедливо, неразсчетливо для государства* и привело бы къ огромнымъ затрудненіямъ и потерямъ; 2) *помощь бѣдствующимъ переселенцамъ во время движенія оказалась* настолько *настоятельною*, что администрація вполнѣ признала эту необходимость.

Послѣ этого само собою разрѣшается принципіально и вопросъ объ облегченіи переселенцу водворенія и обзаведенія, разъ онъ достигъ мѣста назначенія. Исторія переселеній въ Сибирь и изслѣдованіе быта переселенцевъ показываютъ, что когда казна и правительство оказывали пособіе переселенцамъ и отводили земли, то водвореніе совершалось быстрѣе; переселенцы весьма быстро строили поселки, обзаводились и являлись вполнѣ исправными въ податныхъ платежахъ; когда же не получали помощи, примѣры являются обратные. До 1858 года въ западной Сибири, и особенно въ тобольской губерніи, по вызову было водворено до 50.000 переселенцевъ, которымъ оказано было пособіе. Изслѣдованіе показало, что селенія эти достигли значительнаго благосостоянія наравнѣ съ старожилами, напр. селенія бывшихъ панцырныхъ бояръ и воронежцевъ въ ишимскомъ округѣ. Бѣдствія и нищенство переселенцевъ являлись въ тѣхъ случаяхъ, когда они устроивались сами и не получали пособій. Такъ, рязанцы и орловцы, явившіеся въ пѣтуховскую волость ишим-

скаго округа въ 1884 году, безъ всякой помощи, на свой счетъ, начали жизнь съ бѣдствія и теперь въ деревнѣ Чистовой живутъ очень бѣдно. Бѣдность и нищета переселенцевъ, являвшихся безъ пособія, засвидѣтельствованы даже въ Алтаѣ, въ мѣстностяхъ въ высшей степени благопріятныхъ для устройства переселенцевъ. На оффиціальный запросъ объ устройствѣ переселенцевъ вотъ что, напримѣръ, отвѣчало чарышское волостное правленіе бійскаго округа алтайскаго вѣдомства. „Такъ какъ преобладающее число переселенцевъ изъ бѣднаго класса, то они занимаются на полевыхъ и домашнихъ работахъ у старожиловъ, плату же получаютъ, по нерасторопности своей и непривычкѣ къ сибирскимъ нравамъ и порядкамъ, противъ сибирскихъ работниковъ, въ большинствѣ случаевъ, менѣе на одну часть стоимости; поселились они на пустолежащихъ земляхъ и устройство ихъ съ старожилами самое незавидное. Никакихъ ремеслъ, кромѣ плотничьяго, переселенцы не знаютъ. Изъ причисленныхъ многіе, проживъ годъ, полгода въ купленныхъ домикахъ и землянкахъ, уѣзжаютъ искать новыя мѣста, иногда совсѣмъ бросая домъ, если не удастся продать его".

Въ послѣднее время дѣлаются указанія, какъ быстро переселенцы достигаютъ благосостоянія въ Алтаѣ; значительное число обзаводится домами, какъ показали изслѣдованія, въ полтора года по прибытіи, —но все это относится къ переселенцамъ, явившимся въ Алтай съ своими средствами. По статистическимъ свѣденіямъ за 1884 г., было до 6.921 переселенцевъ *бездомовныхъ*. Переселенцу безъ средствъ при указанныхъ условіяхъ пониженнаго заработка у мѣстныхъ крестьянъ весьма долго приходится добиваться самостоятельности, и обзавестись хозяйствомъ въ новыхъ мѣстахъ не всегда легко. Первобытное переложное хозяйство требуетъ иногда не менѣе 5 лошадей, цѣнность которыхъ значительна. Въ то время, когда переселенецъ копитъ средства, чтобы обзавестись избой и рабочимъ скотомъ, за нимъ накопляются недоимки. При нашемъ изслѣдованіи въ Алтаѣ мы имѣли въ рукахъ документъ, изъ котораго видно, что за 25 душами переселенцевъ накопилось и взыскивалось 2.097 руб. 33 коп., хотя они ничего не имѣли, а многіе изъ нихъ умерли. Для подтвержденія свѣденій объ устройствѣ переселенцевъ служатъ также недавно опубликованныя свѣденія о недоимкахъ въ Алтаѣ.

Недоимки здѣсь быстро возросли въ послѣдніе годы, а именно съ 120.000 р. въ 1881 г. окладныхъ сборовъ; въ 1883 г. недоимка достигла 396.000, т.-е. болѣе чѣмъ утроилась; въ слѣдующій годъ уменьшилась, въ 1887 году опять возросла. Всего больше недоимки приходится по оброку въ Кабинетъ; уже въ 1885 г. она составляла $1/3$, а въ 1886 г. чуть не вся недоимка приходилась на оброкъ,—около $4/5$.

Причиной накопленія недоимки, кромѣ неурожаевъ и падежей, унесшихъ 12% головъ скота въ 1883 г. и отразившихся на мѣстномъ населеніи, считается и *переселеніе*. Изъ подробностей мы видимъ, что въ барнаульскомъ округѣ въ верхъ-чумышской волости недоимка въ 1872 г. числится за переселенцами, которые принесли ее еще изъ мѣстъ прежней приписки. Въ бійскомъ округѣ за другою волостью числится 947 р., которые принесены переселенцами изъ прежнихъ мѣстъ. Въ третьей волости, исключая числящихся за умершими мастеровыми 6.182 руб., недоимка числится за переселенцами и т. д. Авторъ изслѣдованія, П. Г., дѣлаетъ изъ этого слѣдующее заключеніе. „Этотъ нѣсколько утомительный перечень недоимочныхъ волостей и селеній мы привели для того, чтобы показать, что *недоимка* по преимуществу является *за переселенцами*; это и понятно. Являясь сюда въ огромномъ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ средствъ, доходя иногда до мѣстъ своего поселенія почти Христовымъ именемъ, переселенецъ первые годы по неволѣ обреченъ на лишенія. Такимъ образомъ, чѣмъ быстрѣе идетъ переселенческое движеніе, тѣмъ сильнѣе ростутъ недоимки страны. Разсматривая подробнѣе недоимки 1881 и 1887 годовъ, мы видимъ, что въ 1881 г., когда переселеніе еще не приняло массоваго характера, съ какимъ оно является съ средины 80-хъ годовъ, дѣйствительныя недоимки населенія почти ничтожны; бо́льшая часть числившейся тогда недоимки подлежала сложенію и проистекала отъ растратъ волостныхъ начальниковъ и по другимъ обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ экономическаго положенія населенія. Совсѣмъ другое мы видимъ въ 1887 г.: недоимка дѣйствительная по величинѣ много превосходитъ недоимки 1881 г. Вникая въ подробности распредѣленія этихъ недоимокъ, нельзя не придти къ заключенію, что за оба года недоимщиками являются если не исключительно, то въ громадномъ числѣ случаевъ *переселенцы*.

Накопленіе недоимокъ обусловливается, однако, только ненормальными условіями переселенія и есть результатъ того времени, которое употреблено на переселеніе. На самомъ дѣлѣ колонизація имѣетъ такое же врачующее и исцѣляющее значеніе, какое имѣетъ воздухъ съ перемѣною климата для больного, съ той разницей, что здѣсь истощенныя экономическія силы народа возстановляются многоземельемъ, просторомъ и плодородіемъ почвы. При благопріятныхъ условіяхъ переселенецъ обстроивается въ одинъ годъ и засѣваетъ поля. На 30.544 человѣка переселенцевъ въ Алтаѣ, не успѣвшихъ еще перечислиться, къ 1884 г. 23.623 человѣка жили уже въ своихъ домахъ. По изслѣдованіямъ г. Чудновскаго, въ смоленской волости бійскаго округа зажиточность переселенцевъ и ихъ экономическій бытъ превосходилъ старожиловъ. У старожиловъ было безлошадныхъ 14,3%,

а у новоселовъ—10,8%; безскотныхъ у старожиловъ было 13,1%, а у новоселовъ—10,9%; безпосѣвныхъ у первыхъ 12%, у вторыхъ—12,2%.

Переселенцы уступаютъ старожиламъ въ количествѣ посѣвовъ, но далеко превосходятъ послѣднихъ въ количествѣ скота. По изслѣдованіямъ оказалось также, что дворы и семьи старожиловъ менѣе многолюдны, чѣмъ у новоселовъ, что́ даетъ перевѣсъ послѣднимъ въ хозяйственной производительности. Малолюдные дворы у старожиловъ, по изслѣдованіямъ г. Чудновскаго (отъ 1 до 5 наличн. душъ), составляютъ 60,6%, у новоселовъ—только 33,6%; дворы отъ 6 до 10 душъ у первыхъ составляютъ 36,6%, у вторыхъ—47,6%; дворы отъ 11 до 15 душъ у старожиловъ 2,3%, у новоселовъ—14,1%; затѣмъ дворы отъ 16 до 23 душъ у старожиловъ 0,5%, у переселенцевъ—0,9. Мы имѣемъ основаніе думать, что у новоселовъ по вынесеннымъ ими традиціямъ семейственные союзы крѣпче и менѣе дѣлятся, тогда какъ сибирскія семьи наклонны къ раздѣламъ. Большее трудолюбіе переселенцевъ также способствуетъ ихъ быстрому обзаведенію на новыхъ мѣстахъ. Это наблюденіе сдѣлано въ различныхъ мѣстахъ Сибири и, между прочимъ, надъ ишимскими переселенцами А. А. Кауфманомъ. Старожилъ болѣе наклоненъ къ комфорту; онъ строитъ себѣ домъ чище, заводитъ платье, пиджаки, картузы; новоселъ въ Сибири остается первое время при прежнихъ своихъ привычкахъ, живетъ въ грязной избѣ, носитъ свой армякъ и копитъ деньги на хозяйственное обзаведеніе. Только чрезъ поколѣніе новоселъ осибирячивается; онъ переходитъ къ мѣстнымъ обычаямъ, къ обработкѣ полей по сибирскому способу, обстроивается, подражаетъ одеждѣ сибирской, надѣваетъ сапоги, кумачныя рубахи и совершенно измѣняетъ характеръ. Малороссы и бѣлоруссы также быстро теряютъ въ Сибири свои особенности, свой языкъ и обычаи; увеличивающееся благосостояніе ихъ скоро уже не дастъ возможности отличать ихъ деревни отъ старожиловъ. Затѣмъ по отношенію къ устройству переселенцевъ замѣчено, что хотя они первоначально и приселяются къ обществу старожиловъ, но дѣлаютъ это изъ крайности; вслѣдствіе споровъ изъ-за земель они впослѣдствіи предпочитаютъ селиться отдѣльно своими поселками. Точно то же замѣчается и въ алтайскомъ округѣ. Въ стремленіи къ образованію поселковъ сказываются особенности переселенцевъ различныхъ губерній, говоритъ П. Г. объ алтайскихъ переселеніяхъ. Свѣденія эти имѣются за послѣднее шестилѣтіе, въ которое явилось ²/₃ всѣхъ переселенцевъ съ открытіемъ для нихъ алтайскаго округа; оказывается, что за этотъ періодъ изъ 95.501 человѣка всѣхъ переселенцевъ 41.293 человѣка, или болѣе 43%, поселились во вновь образованныхъ селеніяхъ и

участкахъ. Наиболѣе наклонности къ отдѣльнымъ поселеніямъ выразили харьковцы, полтавцы, курскіе переселенцы (отъ 90% до 67%). Воронежцы на половину селились въ новыхъ поселкахъ, другая половина—при деревняхъ. Изъ вятичей 33% селились отдѣльно, изъ пермяковъ 27%, тоболяковъ около 25%, оренбуржцевъ 21%, рязанцевъ 17%, орловцевъ 13%. Замѣчается болѣе приселенія къ старожиламъ изъ восточныхъ губерній Россіи, и такое сближеніе съ сибирякомъ показываетъ родство обычаевъ и привычекъ; зато хохлы и южане вообще стремятся селиться отдѣльно. Поселенію отдѣльными деревнями и поселками въ Алтаѣ много способствовали также вымежеванные и заготовленные участки для переселенцевъ. Переселенцы, какъ видно, неохотно селились сначала на эти приготовленные участки и предпочитали сами выбирать мѣста. Въ 1884 г. изъ 12.001 переселенца на новые участки пошло только 1.838 человѣкъ, или 15%. Въ 1885 г. изъ 16.890 человѣкъ въ новыхъ поселкахъ остановилось уже 6.646 человѣкъ, или почти 40%. Въ 1886 г. изъ 16.828 человѣкъ въ новые поселки направилось 6.941 человѣкъ, или 42,6%; въ 1887 г. изъ 15.821 переселенца 6.647 человѣкъ, или также 42%. Въ 1888 г. изъ 17.201 переселенца пошло на отдѣльныя мѣста болѣе половины—9.541 человѣкъ, или 55,5%; въ 1889 г. изъ всѣхъ 17.206 переселенцевъ 9.680 человѣкъ, или 56,3% избирали новые поселки. Такимъ образомъ, въ Алтаѣ переселенцы въ послѣдніе года все болѣе и болѣе пріучались пользоваться вымежеванными участками и направляться въ указанныя мѣста. Сначала къ подобной опекѣ переселенцы обыкновенно питаютъ недовѣріе. При случайномъ переселеніи нѣсколько лѣтъ назадъ переселенцы предпочитали сами ходить и разыскивать удобныя и свободныя мѣста. Это приводило иногда къ многолѣтнимъ исканіямъ, а иногда и къ обратнымъ переселеніямъ. Съ учрежденіемъ чиновниковъ по переселенческой части начали снабжать переселенцевъ указаніями, гдѣ находятся свободныя земли; это производилось въ центральныхъ пунктахъ скопленія переселенцевъ въ Екатеринбургѣ, въ Тюмени и Томскѣ. Совѣты и рекомендаціи со стороны чиновниковъ въ первое время, конечно, встрѣчались недовѣрчиво, и едва ли имѣли большое значеніе для переселенцевъ. Къ тому же переселенцамъ нужны слишкомъ подробныя хозяйственныя свѣденія и свой глазъ. Едва ли переселенцевъ удовлетворило бы даже печатное руководство, о которомъ нѣкоторые думали, такъ какъ большинство переселенцевъ неграмотные, но маршруты, выдаваемые оффиціально, иногда помогали имъ въ пути. При дальнѣйшемъ развитіи дѣла переселенческимъ чиновникамъ и на пункты, гдѣ останавливались партіи, напримѣръ, въ Тюмени, Томскѣ, разсылались публикаціи и листки, въ которыхъ обо-

значались свободныя мѣста въ алтайскомъ округѣ, предназначенныя для переселенцевъ. Но настоятельную пользу подобныя указанія оказали всего болѣе на мѣстахъ прибытія, гдѣ этотъ вопросъ явился для переселенца на-лицо. Алтайское управленіе, желая оказать особое содѣйствіе переселенію, сдѣлало *подробное хозяйственное описаніе* вымежеванныхъ участковъ по волостямъ. Ежегодно эти свѣденія съ правилами о порядкѣ приписки какъ на особые участки, такъ и къ крестьянскимъ обществамъ, раздавались партіямъ переселенцевъ, останавливавшихся въ Томскѣ и Барнаулѣ. Эта помощь переселенцу оказала свою услугу: переселенцы осматриваютъ предварительно эти мѣста и тогда уже подаютъ прошенія объ избраніи того или другого участка. Помогло дѣлу то, что переселенцевъ не стѣсняли, не навязывали участки, но помогали выбору, имъ позволялось селиться и въ большемъ числѣ душъ сверхъ надѣла въ 15 десятинъ, предоставляется также по волѣ приселяться и къ обществамъ. Такая непринудительная система дала свои плодотворные результаты. Переселенецъ началъ пользоваться отмежеванными участками, убѣдившись, что они годны. Въ другихъ мѣстахъ Сибири бывали примѣры, что на отмежеванные участки переселенцы не шли, такъ какъ нельзя полагаться на показанія межевщиковъ. Изъ этого видно, что при оказаніи содѣйствія переселенцу на мѣстахъ водворенія весьма важно не стѣснять его свободу выбора земель и обществъ, но подготовить все, чтобы онъ скорѣе воспользовался удобными мѣстами.

Необходимость свободы выбора мѣстъ въ противоположность насильственному водворенію переселенца на отведенный участокъ обусловливается многими вѣскими соображеніями. Какъ межевщику, землемѣру, такъ и агроному трудно ручаться, что извѣстный участокъ будетъ удовлетворять хозяйственнымъ условіямъ крестьянина. Надо предоставить это чутью земледѣльца, его навыку, его соображенію. Есть много ускользающихъ отъ посторонняго взгляда обстоятельствъ, которыя усмотритъ только хозяинъ; есть такія крестьянскія потребности, которыя упускаются нами изъ виду. Тамъ, гдѣ старались усадить переселенца, помимо его желанія, на отводимые участки, оказывалась прискорбная ошибка. Это доказала казенная колонизація Амура и искусственное заселеніе трактовъ въ акмолинской степи. Поэтому переселенцу слѣдуетъ предлагать на выборъ удобные участки, но не обязывать на нихъ селиться во что бы то ни стало.

Указанные факты изъ исторіи переселеній и матеріалъ, доставленный наблюденіями почти за десять лѣтъ, даетъ намъ право на нѣкоторые опредѣленные выводы, а не гадательныя предположенія.

Намъ кажется, что нѣкоторый опытъ можетъ намъ дать руководящую нить при примѣненіи новыхъ правилъ и законоположеній о переселеніяхъ. Опытъ нашей колонизаціи и переселеній вообще указалъ, что переселенія едва ли могутъ быть задерживаемы; по крайней мѣрѣ самыя энергичныя мѣры въ этомъ отношеніи не вели ни къ чему. Задержка отдѣльныхъ партій и возвращеніе ихъ назадъ ведетъ къ новымъ затрудненіямъ, такъ какъ переселенцы, ликвидировавшіе землю и имущество, являются уже совершенно безземельнымъ и блуждающимъ элементомъ, увеличивая на родинѣ число голодающихъ и нищенствующихъ. Такой контингентъ никоимъ образомъ не можетъ почесться выгоднымъ и прибыльнымъ. Положеніе возвращенныхъ и задержанныхъ переселенцевъ составитъ только обратно-патологическое явленіе сравнительно съ тѣми сотоварищами, которые, благодаря удачѣ, успѣли переселиться, колонизоваться, пустить корни и достигли осѣдлости и обзаведенія на новыхъ мѣстахъ. Если первые, вытѣсненные жизненными условіями, будутъ обречены на бѣдность и скитаніе, ища заработковъ, если ихъ роль будетъ сбивать заработную плату, то вторые, достигнувъ осѣдлости и извѣстнаго благосостоянія, не только будутъ споспѣшествовать заселенію новыхъ мѣстъ, принесутъ огромныя выгоды государственной колонизаціи, но путемъ переселенія получатъ новые жизненные соки, бо̀льшую экономическую производительность и представятъ элементъ болѣе надежный въ смыслѣ государственнаго обложенія и выполненія повинностей.

Участь движущихся переселенческихъ партій заслуживаетъ особеннаго вниманія, а всякія бѣдствія и лишенія требуютъ помощи и поддержки во время тяжкаго пути переселенцевъ. Помощь идущимъ на переселеніе вызывается, помимо всякихъ теорій сочувствія или несочувствія выселеніямъ, практической жизненной необходимостью. Разъ переселенецъ въ пути, съ этимъ слѣдуетъ примириться какъ съ фактомъ. Всякое обвиненіе переселяющагося въ легкомысліи и непредусмотрительности, разъ фактъ совершился, неумѣстно и запоздало. Обреченіе переселенца на бѣдствія, какъ возмездіе за его рѣшимость, будетъ холодной жестокостью. Чѣмъ бы ни мотивировались переселенія, но когда пускаются въ переселенія и вынуждаются къ нему десятки тысячъ народа—ясно, что мотивы были достаточно сильны и причины уважительны. Постоянно повторяющіяся несчастія съ переселенцами и ихъ семьями изъ года въ годъ, представляютъ столь вопіющее явленіе, предъ которымъ закрывать глаза уже невозможно. Такія несчастія должны разсматриваться, какъ всякія другія бѣдствія, подобно эпидеміямъ, пожарамъ и пр., для которыхъ невозможно быть глухимъ ни государству, ни обществу.

Прискорбныя явленія эти въ послѣдніе года уже обратили на себя такъ или иначе вниманіе. Принципъ невмѣшательства и бездѣйствія нарушенъ. Въ силу необходимости пришлось приходить на помощь переселенію и этимъ самымъ признать принципъ государственной помощи переселенцу. Это выразилось въ облегченіи переселенцамъ проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, выразилось направленіемъ партій, доставленіемъ переселенцамъ необходимыхъ свѣденій и попеченіемъ о нихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учреждены конторы. Наконецъ, оно выразилось и тѣми, хотя небольшими, пособіями, которыя выдаются нынѣ бѣдствующимъ переселенцамъ чрезъ руки чиновниковъ по переселенческой части, назначаемыхъ отъ министерства [1]). Необходимость попеченія о судьбѣ переселенца признана и въ тѣхъ инструкціяхъ, какія даны этимъ чиновникамъ: заботиться о порядкѣ и удобствахъ во время передвиженія переселенцевъ на баржахъ, во время заболѣваній и открывающихся эпидемій среди новоселовъ. Разъ установлены были конторы и учреждены агенты правительства, въ лицѣ особыхъ чиновниковъ для упорядоченія переселенческаго движенія, обстоятельства и жизнь развернули предъ ними такую массу обязанностей и открыли имъ столько дѣла, что, какъ видимъ, по ихъ сознанію, они не могутъ одни съ ними справиться. Снабженіе бѣднѣйшихъ переселенцевъ необходимыми средствами въ пути, созданіе пріютовъ, возведеніе бараковъ на пунктахъ остановокъ, содержаніе ихъ, облегченіе переселенцамъ закупать нужные припасы, посредничество въ закупкѣ лошадей и телѣгъ болѣе выгоднымъ способомъ, огражденіе переселенцевъ отъ вліянія кулаковъ, устройство больницъ при пріютахъ на случай заболѣванія, снабженіе переселенцевъ необходимыми совѣтами и указаніями, разумное направленіе партій—вотъ тѣ многочисленныя заботы, которыя развернулись предъ агентами по надзору за переселеніемъ и которыя наложили на нихъ тяжкія обязанности. Къ числу мѣръ, которыя вызвало устройство быта переселенцевъ со стороны министерства государственныхъ имуществъ, было подготовленіе земель, вырѣзка участковъ для переселеній и образованіе особыхъ межевыхъ отрядовъ въ Сибири, занятыхъ этимъ дѣломъ, на что было отпущено недавно 40.000 руб. Отводъ земель для переселенцевъ въ Алтаѣ, какъ видимъ, принесъ уже значительную пользу. Опытъ примѣненныхъ попеченій и содѣйствія переселенцу въ послѣднія десять лѣтъ, рядъ мѣръ, принимаемыхъ для облегченія судьбы его, намѣчаетъ и показываетъ програму дальнѣйшихъ улучшеній въ организаціи переселенческаго

---

[1]) Чиновники по переселенческой части выдавали нуждающимся переселенцамъ пособія отъ 3 до 5 р. и иногда болѣе на семью. Сумма, которой они располагали, была отъ 4 до 6.000, но, какъ видимъ, ея не хватало.

дѣла. Какъ видимъ, для этого выдвинуты уже жизнью цѣлые òрганы (переселенческіе чиновники, переселенческіе комитеты), и остается желать, чтобы дѣятельность этихъ òргановъ и агентовъ приняла болѣе цѣлесообразное направленіе, чтобы благотворная дѣятельность ихъ не встрѣчала препятствій и они снабжены были бòльшими средствами для своихъ цѣлей.

При трудности организовать переселенческое дѣло и удовлетворить всѣмъ нуждамъ переселенцевъ, на помощь правительству явилась въ послѣднее время общественная иниціатива, развитіе которой желательно. Увеличеніе переселеній обнаружилось явленіями, къ которымъ не могло относиться безучастно мѣстное общество. Образованіе временнаго комитета для помощи переселенцамъ въ Тюмени было прекраснымъ примѣромъ образованія комитетовъ и для другихъ сибирскихъ городовъ. Дѣйствительно, нигдѣ подобныя учрежденія не могли быть болѣе умѣстны, какъ тамъ, гдѣ бѣдствія переселенцевъ были нагляднѣе, гдѣ болѣзни и смертность совершались во-очію, гдѣ язва переселенческаго страданія обнаруживалась во всей наготѣ, а стонъ несчастія раздавался явственнѣе. Здѣсь невозможно было оставаться уже сложа руки. Образованію этихъ комитетовъ способствовало и то сознаніе, которое проникло въ послѣднее время въ сибирское общество о важности и пользѣ колонизаціи для края. Оно нѣсколько лѣтъ поддерживалось мѣстной печатью. Для этихъ комитетовъ открылась широкая задача помогать тысячамъ нуждающихся, истощенныхъ и надорвавшихся въ пути; на нихъ выпало созданіе бараковъ, устройство санитарной части, больницъ, пріютъ запоздавшихъ на зиму, забота объ ихъ семьяхъ и дѣтяхъ—все это высокая и человѣколюбивая обязанность, до которой могло только возвыситься общество и которая дѣлаетъ честь ему.

Дѣятельность подобныхъ комитетовъ должна поощряться, и желательно, чтобы существованіе ихъ перешло изъ временнаго въ постоянное. Къ сожалѣнію, при всемъ изученіи нуждъ переселенія, эти комитеты съ своими ничтожными средствами и силами рѣшительно остановились предъ массою нуждъ переселенческихъ. Подписки и сборы въ небольшихъ сибирскихъ городахъ безсильны помочь тысячамъ людей. Въ этомъ отношеніи на города бѣдной окраины выпала тяжелая задача излечивать боли русскаго переселенія. Какъ бы судьбою предназначено нашей окраинѣ цѣлыя столѣтія нести всѣ тяжести направляемой сюда уголовной ссылки, и, выполняя это безпрекословно, какъ новую повинность, Сибирь взяла на свою заботу и прокормленіе идущихъ переселенцевъ. Пора, однако, раздѣлить этотъ трудъ и эти тягости во имя справедливости; необходимость помощи, какъ пока-

зываютъ обстоятельства, будетъ увеличиваться по мѣрѣ увеличенія переселеній и наплыва переселенцевъ.

Для устройства переселенческаго дѣла давно было необходимо центральное общество, какое, наконецъ, и было основано въ 1890 г. въ Петербургѣ, поставивъ себѣ задачей помощь правительству въ дѣлѣ устройства переселенія, облегченіе переселенцамъ самаго пути и водворенія на мѣстахъ, и т. д. Общество для осуществленія всего этого сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ добровольныя пожертвованія и образуетъ капиталъ изъ взносовъ членовъ и сносится съ разными учрежденіями и лицами, завѣдывающими переселенческимъ дѣломъ. Изъ нашего очерка видно, сколько настоятельныхъ нуждъ у переселенцевъ; число же ихъ доходитъ до 30.000 человѣкъ только черезъ Тюмень. Конечно, отъ энергіи общества будетъ зависѣть накопленіе бо́льшихъ средствъ,—однако на одну филантропію и случайные сборы трудно положиться. Общество должно будетъ снестись также и съ земствомъ, привлекая его къ этому дѣлу. На обязанности общества будетъ лежать также изученіе переселенческаго дѣла, собираніе свѣденій о движеніи партій ежегодно и представленіе ихъ правительству съ тѣмъ, чтобы къ предупрежденію бѣдствій были приняты мѣры.

Въ Англіи, благодаря содѣйствію государства и его фондамъ, совершилось заселеніе Новой Голландіи, упрочены владѣнія, пріобрѣтены острова и создалась могущественная колоніальная имперія. Сѣверо-американскіе штаты, сознавая всю важность колонизаціи для эмигрантовъ и переселенцевъ, облегчили доставку и перевозку эмигрантовъ на дальній западъ, устроили конторы, гдѣ они получаютъ нужныя свѣденія и покупаютъ участки, — отого такъ быстро идетъ заселеніе пустынь Америки. Будемъ надѣяться, что при организаціи подобныхъ учрежденій и при проведеніи желѣзной дороги колонизація Сибири станетъ на ту же дорогу, и тогда́ не пройдетъ столѣтія, какъ страна эта сдѣлается неузнаваемой.

Въ настоящее время, при изученіи переселенческаго вопроса, при многолѣтнихъ наблюденіяхъ за движеніемъ переселеній уже не трудно выяснить и число переселяющихся, и число нуждающихся ежегодно въ помощи, не трудно высчитать и минимумъ этой помощи, точно также какъ предусмотрительно равномѣрно и справедливо направлять ее [1]).

---

[1]) Конечно, переселеніе милліоновъ людей потребуетъ затратъ въ сотни милліоновъ, но содѣйствіе въ тѣхъ предѣлахъ, которыми теперь ограничиваются переселенія (5—6.000 семей), требуетъ совершенно ничтожныхъ затратъ,—говоритъ профес-

Траты на переселеніе такъ или иначе будутъ производиться; онѣ производятся и теперь. Раздаются вспомоществованія переселенцамъ чиновниками отъ министерствъ, дѣлаются выдачи на переселенія изъ государственныхъ суммъ генералъ-губернаторствъ иркутскаго, амурскаго, семирѣченскаго и туркестанскаго; амурская колонизація на Уссури по вызову правительства потребовала въ 10 лѣтъ значительныхъ издержекъ. Теперь все это тратится въ отдѣльности безъ всякой организаціи. Между тѣмъ эти суммы, сосредоточенныя въ одномъ источникѣ, были бы вполнѣ достаточны для переселенческаго фонда, причемъ получило бы поддержку все переселеніе, а не одинъ Амуръ, колонизація котораго, какъ видимъ, при всѣхъ субсидіяхъ все-таки требуетъ снабженія помощью идущихъ сухимъ путемъ на Амуръ переселенцевъ.

Раціональныя мѣры по отношенію къ общему переселенію, правильное направленіе переселенческаго потока, распредѣленіе его на окраинахъ и своевременная помощь можетъ быть выполнена при единой и согласной организаціи всѣхъ переселенческихъ учрежденій. Всѣ существующіе комитеты и агенты по наблюденію за переселеніями, также какъ мѣстныя начальства, удовлетворяющія нуждамъ переселенія, дѣйствуютъ разрозненно и безъ взаимныхъ сношеній. Между тѣмъ, при развивающихся нуждахъ переселенческаго дѣла, подобныя сношенія неизбѣжны. Переселенческіе комитеты доселѣ дѣйствуютъ врозь, какъ и переселенческіе чиновники. Неизвѣстно, когда будутъ на данномъ пунктѣ партіи переселенцевъ, а между тѣмъ по тракту есть телеграфъ, который заранѣе могъ бы извѣщать о приходѣ партій. Неизвѣстно, при раздачѣ пособій, гдѣ ожидаетъ переселенцевъ новая поддержка,—и ожидаетъ ли. Въ Тюмени и Томскѣ учрежденія, поставившія цѣлью заботу о переселенцахъ, не знаютъ, какъ дойдутъ они до Амура. Даже комитетъ, отправляющій партіи изъ Иркутска за Байкалъ, заботится только, чтобы переселенцы дошли до Читы, но что̀ встрѣтитъ ихъ за Читою—неизвѣстно. Собственно, переселенецъ только сбывается съ извѣстнаго пункта, ему дается толчокъ продолжать дорогу то тамъ, то здѣсь, но что̀ съ нимъ будетъ далѣе и что̀ случится во всю дорогу до мѣста водворенія—это не входитъ въ текущую дѣятельность патронирующихъ учрежденій: отъ этого—непредвидѣнныя катастрофы то въ той, то въ другой мѣст-

---

соръ Исаевъ, дѣлавшій нынѣшнимъ лѣтомъ наблюденія надъ переселеніями („Русск. Вѣдом.“, № 262, 1890 г.). Изъ числа идущихъ переселенцевъ развѣ половина (около 3.000 семей) нуждается въ помощи, причемъ нѣкоторымъ нужна прибавка нѣсколькихъ рублей на лошадь или телѣгу. Трудно представить болѣе скромныя требованія, чѣмъ предъявляетъ русскій колонистъ.

ности. Переселенца гдѣ-нибудь атакуетъ бѣдствіе, хотя бы онъ прошелъ Тюмень, Томскъ и Иркутскъ. Оно можетъ постигнуть его около Срѣтенска или на Шилкѣ, иногда въ пустынѣ, на пути къ Амуру, гдѣ никто ему не придетъ на помощь и гдѣ нельзя достать хлѣба даже за большія деньги.

Переѣздъ переселенца только отчасти обезпеченъ по желѣзнымъ дорогамъ. Здѣсь, какъ извѣстно, достигнуто соглашеніе съ желѣзнодорожными компаніями, но недостаетъ одного, чтобы эти компаніи относились къ передвиженію переселенцевъ и размѣщенію ихъ съ большею человѣчностью, а не относились къ нимъ съ той небрежностью и жестокостью, съ какой привыкли относиться къ жалкимъ, неимущимъ бѣднякамъ, которымъ дѣлается уступка, но отнимается всякое право на человѣческое обращеніе. Если въ скотскихъ вагонахъ существуетъ опредѣленное размѣщеніе и на быковъ и лошадей полагается извѣстное пространство, а не сваливаются они въ кучу и не давятъ другъ друга, если при провозѣ заботятся, чтобы скотъ былъ напоенъ и накормленъ, то, кажется, можно желать, чтобы та же предусмотрительность прилагалась и къ людямъ и положеніе ихъ не было худшимъ. Кто видѣлъ, какъ наталкиваются въ вагоны переселенцы съ женщинами и дѣтьми, съ какой давкой, съ какой борьбой захватываются мѣста при тѣснотѣ и экономіи вагоновъ,—до того, что иногда затаптываются и задушаются маленькія дѣти,—тотъ пойметъ справедливость этихъ требованій. Такъ же необходимо огражденіе переселенца и во время движенія на баржахъ и пароходахъ. Переселенцевъ везутъ цѣлыми недѣлями, то подъ палящими лучами солнца, то въ непогоду суроваго сибирскаго лѣта и осени по пустыннымъ сибирскимъ рѣкамъ. Пароходовладѣльцы, удешевивъ плату за провозъ, уже не церемонятся и часто наталкиваютъ людей на баржи такъ, что тѣ напоминаютъ сходство съ рабовладѣльческими кораблями, которые возили негровъ въ Америку, не обращая вниманія даже на смертность. Мы видимъ, какимъ катастрофамъ и болѣзнямъ подверглись переселенцы въ 1863 году отъ этой перевозки на баржахъ. Жалобы эти до послѣдняго времени не умолкаютъ, какъ свидѣтельствуютъ наблюденія; даже удешевленный проѣздъ на баржахъ не всѣмъ переселяющимся облегчаетъ путь, и переселенцы изъ Тюмени отправляются иногда на телѣгахъ.

Все это можетъ быть поставлено разумно при правильной организаціи переселенческаго дѣла.

Отъ правительства будетъ зависѣть, сочтетъ ли оно необходимымъ сосредоточить всѣ переселенческія дѣла въ одномъ центральномъ учрежденіи или даже создать „переселенческое управленіе“;

наша задача, по крайней мѣрѣ, указать способы устройства переселенческаго дѣла сообразно требованіямъ времени.

Помощь переселенцамъ въ пути не составляетъ еще всего дѣла колонизаціи. Вслѣдъ за прибытіемъ на мѣсто является цѣлый рядъ новыхъ заботъ. Необходимо облегчить пріисканіе удобныхъ мѣстъ и подготовленіе такихъ земель особымъ отмежеваніемъ, въ предупрежденіе споровъ и недоразумѣній съ старожилами. Наконецъ, надо способствовать перечисленію и помочь скорѣйшему обзаведенію хозяйствомъ при помощи ссудъ и кредита [1]).

Опытъ показалъ, что отводъ особыхъ участковъ переселенцамъ въ алтайскомъ округѣ и вымежеванные участки въ томской губерніи отъ министерства государственныхъ имуществъ принесли свою долю пользы. Горное правленіе облегчило перечисленіе переселенцевъ. Остается этому дѣлу дать прочную организацію при посредствѣ *конторъ*, образованныхъ въ главныхъ пунктахъ колонизаціи, напр. въ Бійскѣ, Барнаулѣ, въ Минусинскѣ, на Амурѣ и въ Семирѣченской области, въ Вѣрномъ; задачи и организація такихъ конторъ точно также указывались лицами, изучавшими переселенческое дѣло на мѣстахъ. Въ конторахъ этихъ прибывшіе переселенцы могли бы получать всѣ необходимыя свѣденія о свободныхъ участкахъ; чрезъ нихъ могло облегчаться переселеніе, затягивающееся при нынѣшнихъ обстоятельствахъ на много лѣтъ. Наконецъ, эти конторы могли бы завѣдывать благоустройствомъ поселковъ и деревень, которые возводятся переселенцами.

Рядомъ съ вопросомъ хозяйственнаго обзаведенія и переселенческаго устройства является и вопросъ о кредитѣ, который долженъ явиться, въ противоположность „путевой помощи", ссудою на нѣсколько лѣтъ. Такая ссуда и организація народнаго кредита, по примѣру крестьянскихъ банковъ, есть такая же потребность колонизаціи, такъ какъ далеко не всѣ переселенцы на новыхъ мѣстахъ могутъ подняться и сразу устроиться. Такія ссуды и такой кредитъ прекратитъ блужданіе переселенцевъ и предупредитъ нищенство, бродяжество и батрачество у мѣстнаго населенія. Кромѣ того, оно положитъ конецъ тѣмъ недоимкамъ, которыя накопляются годъ отъ году, какъ обнаружило мѣстное изслѣдованіе, и которыя служатъ признакомъ ненормальнаго положенія переселенцевъ.

Вотъ рядъ мѣръ, которыя намѣчаются жизнью и опытомъ на-

---

[1]) Помощь на пути и трактахъ партіямъ должна быть выдѣлена отъ помощи и ссудъ на обзаведеніе хозяйствомъ на мѣстахъ водворенія. Между тѣмъ многіе смѣшиваютъ эти два дѣла; каждое потребуетъ своей особой организаціи.

шихъ переселеній и которыя однѣ могутъ вывести изъ хаоса беспорядка переселенческое движеніе.

Послѣ обнаруженныхъ нуждъ переселенія и послѣ вопіющихъ фактовъ переселенческихъ бѣдствій, періодически повторяющихся, невозможно долѣе примиряться съ нынѣшнимъ положеніемъ вещей. Точно также, указываемое жизнью рѣшеніе переселенческаго вопроса не позволяетъ болѣе говорить, что мы не знаемъ, что̀ дѣлать съ нашими переселеніями и переселенцами.

Н. Ядринцевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1891.

Оживленіе международной политики въ Европѣ. — Пребываніе французской эскадры въ Россіи.—Вопросъ о франко-русскомъ союзѣ.—Газетныя толкованія и предположенія по этому предмету.—Споры о внѣшней политикѣ въ Италіи и во Франціи.

Въ международной политикѣ замѣчается сильное оживленіе въ послѣднее время; шумныя политическія манифестаціи повторяются одна за другою, и вся европейская печать вновь обсуждаетъ вопросы о союзахъ и сближеніяхъ между державами, о гарантіяхъ прочнаго мира и равновѣсія въ Европѣ. Тройственный союзъ возобновленъ формально на шесть лѣтъ, и всякія сомнѣнія относительно образа дѣйствій Италіи исчезли. Новое министерство Рудини подтвердило обязательства, принятыя на себя кабинетомъ Криспи, и надежды французовъ на перемѣну въ политикѣ Италіи оказались по меньшей мѣрѣ преждевременными. Въ то же время къ тройственному союзу присоединилась отчасти и Англія, хотя и безъ подписанія какого-либо договора. Германскій императоръ посѣтилъ Голландію, гдѣ былъ принятъ съ обычною торжественностью, и газеты серьезно заговорили о возможномъ присоединеніи Голландіи къ могущественной „лигѣ мира". То же самое повторилось по отношенію къ Швеціи послѣ пріѣзда туда Вильгельма II, и наконецъ еще больше матеріала для догадокъ давало пребываніе его въ Англіи, гдѣ онъ гостилъ, между прочимъ, у маркиза Сольсбери, въ его помѣстьѣ Гатфильдѣ. Незадолго предъ тѣмъ англійская броненосная эскадра была съ восторгомъ встрѣчена австрійскими властями въ Фіуме и удостоилась посѣщенія со стороны императора Франца-Іосифа, причемъ не обошлось безъ оффиціозныхъ намековъ на возможныя совмѣстныя дѣйствія флотовъ Англіи и Австріи въ случаѣ европейской войны.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти разнообразныя проявленія силы и важности тройственнаго союза, Франція послала своихъ броненосцевъ на сѣверъ, къ Кронштадту, чтобы показать степень взаимнаго сочувствія, соединяющаго французскую націю съ Россіею при современныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Французская эскадра была предметомъ овацій и въ Копенгагенѣ, и въ Стокгольмѣ, но спеціальною миссіею ея было оживить и укрѣпить дружбу съ великимъ русскимъ государствомъ, дать этой дружбѣ наглядное и яркое выраженіе, которое убѣдило бы Европу, что Франція не изолирована, что она можетъ

еще разсчитывать на сильныхъ и надежныхъ союзниковъ, вопреки враждебнымъ усиліямъ Германіи. Цѣль французскаго правительства можетъ считаться достигнутою: пріемъ, оказанный эскадрѣ адмирала Жерве въ Кронштадтѣ и Петербургѣ,—какъ оффиціальный, такъ и еще болѣе неоффиціальный,—превзошелъ всѣ ожиданія французовъ. Съ самаго дня прибытія въ русскіе предѣлы (11-го іюля), французскіе моряки должны были непрерывно испытывать на себѣ значеніе русскаго гостепріимства; это былъ непрерывный рядъ празднествъ, оффиціальныхъ обѣдовъ и торжествъ, создававшихъ атмосферу энтузіазма и общаго патріотическаго одушевленія. Столь непривычные у насъ звуки республиканской марсельезы раздавались съ полною свободою и получили временно право гражданства; возгласы въ честь Франціи и Россіи повторялись ежедневно въ той или другой формѣ и служили почти исключительною темою разсужденій нашихъ газетныхъ патріотовъ. Въ чествованіи французскихъ гостей, какъ и слѣдовало ожидать, приняла дѣятельное участіе и петербургская городская дума, ассигновавшая на этотъ предметъ довольно значительную сумму (15.000 р.). Требованія гостепріимства и политики соблюдены подобающимъ образомъ; обѣ стороны высказали столько горячихъ взаимныхъ чувствъ, что картина сближенія получаетъ какой-то особенный характеръ. Можно было бы подумать, что Франція и Россія не только находятся въ тѣсномъ союзѣ, но связаны также общностью интересовъ и стремленій, сходствомъ нравовъ, понятій и идей. Однако въ оффиціальныхъ привѣтствіяхъ и тостахъ не было ничего такого, что̀ намекало бы на вѣроятность союза или объясняло бы политическій смыслъ франко-русской дружбы; говорилось только о симпатіяхъ, безъ болѣе точнаго указанія, къ чему именно относятся эти симпатіи и чѣмъ онѣ вызываются и поддерживаются.

Очень многое въ политической жизни и общественномъ строѣ нынѣшней Франціи должно вызывать рѣшительное осужденіе среди нашихъ патріотовъ; важнѣйшія черты французскаго политическаго быта, самыя основы его и руководящіе принципы, которыми наиболѣе дорожатъ французы, старательно забываются или оставляются въ сторонѣ, когда идетъ рѣчь о нашихъ сердечныхъ отношеніяхъ къ французской націи. Точно также и для французовъ остаются совершенно чуждыми и непонятными многія существенныя особенности нашего внутренняго положенія и развитія. Въ дѣйствительности, трудно придумать болѣе рѣзкія противоположности, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ между обоими народами и государствами. Въ судьбахъ Франціи и Россіи нѣтъ ничего общаго ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ. Французская республика, праздновавшая еще недавно съ обычнымъ блескомъ день взятія Бастиліи (14-го іюля, нов. ст.), пред-

ставляетъ собою крайнее осуществленіе политическихъ началъ, которымъ у насъ присвоивается названіе западно-европейскихъ. Французы несомнѣнно являются самымъ западнымъ народомъ въ Европѣ въ томъ спеціальномъ смыслѣ, который придается слову „Западъ" въ нашей политической литературѣ. Если наши публицисты говорятъ о „гніеніи Запада" и ведутъ борьбу съ этимъ разлагающимся будто бы западно-европейскимъ міромъ, то при этомъ они прежде всего должны имѣть въ виду передовую представительницу западныхъ идей и учрежденій, Францію. Какъ же совмѣстить этотъ коренной антагонизмъ, неустанно и усердно разъясняемый въ нашей охранительной печати, съ тѣми взрывами сочувствія, которые должны свидѣтельствовать о нашей полной солидарности съ наиболѣе яркими представителями „гнилого Запада"? Говорить о безотчетныхъ народныхъ влеченіяхъ было бы едва ли справедливо въ данномъ случаѣ. Если не считать небольшого верхняго слоя нашего общества, то громадное большинство нашего населенія имѣетъ только весьма смутныя понятія о французскомъ народѣ; многіе знаютъ лишь, что въ былое время французы нападали на Россію, брали Москву и Севастополь, а затѣмъ побиты были нѣмцами. Еще менѣе свѣденій имѣетъ большинство французовъ о нашемъ отечествѣ; для нихъ Россія—отдаленная, невѣдомая, отчасти варварская страна, обладающая громадною и хорошею арміею. Гдѣ же почва для взаимнаго сближенія и серьезной дружбы? Разумѣется само собою, что эта почва заключается въ извѣстныхъ всѣмъ обстоятельствахъ современнаго международнаго положенія въ Европѣ, а вовсе не въ особыхъ внутреннихъ симпатіяхъ между французами и русскими. Эти симпатіи не мѣшали намъ враждовать съ Франціею при Наполеонѣ III и не будутъ и впредь мѣшать французамъ участвовать въ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, если того потребуютъ измѣнившіяся политическія условія.

Послѣ несчастной войны 1870-71 годовъ Франція оказалась вполнѣ изолированною и безпомощною по отношенію къ Германіи; естественныя попытки возрожденія французскихъ военныхъ силъ разсматривались въ Берлинѣ какъ посягательство на кровные германскіе интересы, чѣмъ и вызванъ былъ извѣстный планъ 1875 года—добить французовъ окончательно, чтобы не дать имъ возможности подняться въ будущемъ. Перспектива полнаго владычества германской имперіи въ западной Европѣ не могла быть желательна для Россіи, которая очутилась бы тогда лицомъ къ лицу съ черезъ-чуръ сильнымъ сосѣдомъ, увѣреннымъ въ своемъ военномъ превосходствѣ и не сдерживаемымъ никакими посторонними соображеніями. Существованіе независимой и достаточно могущественной Франціи было

дѣломъ общаго интереса; оно было особенно необходимо для обезпеченія прочнаго мира и для предупрежденія дальнѣйшихъ воинственныхъ предпріятій Германіи, которыя могли быть направлены и противъ Россіи. Понятно поэтому, что русская дипломатія должна была употребить всѣ усилія, чтобы отвести отъ Франціи грозившій ей ударъ, хотя и рисковала при этомъ возбудить неудовольствіе берлинскаго кабинета. Система оборонительныхъ союзовъ, къ которой прибѣгла затѣмъ Германія, имѣла цѣлью оставить въ одиночествѣ Францію и сдѣлать безвреднымъ противодѣйствіе Россіи. Противъ Россіи выдвинута Австро-Венгрія, играющая видную роль въ тройственномъ союзѣ и придающая ему спеціально анти-русское направленіе въ области балканскихъ дѣлъ. Противъ Франціи, для болѣе вѣрнаго изолированія ея, выдвинута Италія, морскія силы которой могутъ отчасти уравновѣсить преимущества французскаго флота передъ германскимъ. Наконецъ, соглашеніе съ Англіею направлено одинаково и противъ Франціи, и противъ Россіи. При такомъ двойственномъ характерѣ „лиги мира" является совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ взаимное сближеніе тѣхъ двухъ державъ, противъ которыхъ эта лига предназначена дѣйствовать въ случаѣ надобности. Франко-русская дружба имѣетъ поэтому чисто оборонительное значеніе; она крѣпко держится лишь въ силу существованія и распространенія тройственнаго союза, угрожающаго, повидимому, одновременно и Франціи, и Россіи, хотя и въ различной мѣрѣ. И тройственный союзъ имѣетъ вполнѣ оборонительныя цѣли, какъ можно судить не только по категорическимъ заявленіямъ его руководителей, но и по опыту послѣднихъ лѣтъ: лига мира дѣйствительно соблюдаетъ миръ и до сихъ поръ не обнаруживаетъ еще никакихъ наступательныхъ замысловъ, опасныхъ для спокойствія другихъ народовъ. Было бы однако ошибочно думать, что такая оборонительная лига не должна давать повода къ образованію столь же оборонительнаго и мирнаго противовѣса со стороны государствъ, косвенно или прямо задѣваемыхъ политикою союзовъ. Германія и группирующіяся около нея державы могутъ добросовѣстно охранять миръ, не угрожая непосредственно ни Франціи, ни Россіи; но союзъ имѣетъ силу не только на случай войны, но и въ мирное время, и уже самый фактъ формальнаго соглашенія между кабинетами предполагаетъ совмѣстныя дѣйствія ихъ по текущимъ международнымъ вопросамъ, независимо отъ соображеній о гарантіяхъ прочнаго мира. Союзъ доставляетъ выгоды участникамъ и ослабляетъ положеніе разъединенныхъ противниковъ, даже при заботливой охранѣ общаго европейскаго status quo. Если австрійская дипломатія имѣетъ возможность дѣйствовать на востокѣ за-одно съ представителями Германіи и

Англіи, то она, конечно, достигнетъ несравненно бо́льшихъ результатовъ, чѣмъ дипломатическіе дѣятели, опирающіеся на авторитетъ только одной какой-нибудь державы. При возникновеніи разногласій по какому-либо общему политическому вопросу вѣрнѣе всего побѣда останется за тою стороною, которая поддерживается дипломатами тройственнаго союза. Вліяніе одной Россіи или Франціи не можетъ быть съ успѣхомъ противопоставлено дѣйствіямъ соединенныхъ кабинетовъ Германіи, Австро-Венгріи, Англіи и Италіи. Краснорѣчивый примѣръ этого подавляющаго значенія среднеевропейской лиги мира мы видѣли въ новѣйшей исторіи Болгаріи—въ безпрепятственномъ водвореніи принца Кобургскаго на болгарскомъ престолѣ, вопреки всѣмъ нашимъ протестамъ, благодаря покровительству Австро-Венгріи и ея союзниковъ. По той же причинѣ все болѣе падаетъ наше вліяніе въ Константинополѣ за послѣдніе годы; о степени этого упадка можно судить по такимъ фактамъ, какъ недавняя оффиціальная аудіенція, данная впервые султаномъ двумъ представителямъ болгарскаго правительства (или „лже-правительства", по терминологіи нашихъ газетъ). Оставляя въ сторонѣ Болгарію, гдѣ наше дѣятельное вмѣшательство въ сущности не вызывалось дѣйствительною потребностью, легко представить себѣ случаи, когда политическая изолированность Россіи можетъ оказаться для нея весьма неудобною.

Очевидно, франко-русское соглашеніе имѣло бы большой практическій смыслъ, еслибы оно было простымъ противовѣсомъ чрезмѣрному преобладанію тройственнаго союза, направляемаго Германіею. Но едва ли думаютъ о такомъ мирномъ соглашеніи французскіе патріоты, столь восторженно относящіеся къ Россіи; они не скрываютъ своихъ истинныхъ надеждъ, для осуществленія которыхъ необходимо активное участіе милліонной русской арміи. Нельзя отрицать, что мысль объ обратномъ отнятіи Эльзаса и Лотарингіи у нѣмцевъ составляетъ завѣтную мечту французскихъ политическихъ дѣятелей и патріотовъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Для нихъ дружба съ Россіею служитъ лишь предисловіемъ къ болѣе серьезному военному сближенію для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Германіи. Французы, конечно, не имѣютъ въ виду быть нарушителями мира; они не ждутъ также внезапнаго нѣмецкаго нападенія, но они основательно готовятся къ событіямъ, которыя могутъ наступить совершенно неожиданно, въ каждый данный моментъ, подъ вліяніемъ какого-нибудь случайнаго конфликта. Франція располагаетъ теперь такими военными силами, что она можетъ не бояться разгрома со стороны Германіи; но шансы побѣды значительно увеличились бы, еслибы къ французской арміи могли примкнуть русскія войска. Мечтанія французовъ вполнѣ законны и естественны, съ точки зрѣнія

односторонняго патріотизма; вопросъ только въ томъ, соотвѣтствуютъ ли они интересамъ Россіи и можно ли серьезно говорить объ ея активномъ содѣйствіи, на которое, повидимому, твердо разсчитываютъ наши друзья. Никто не скажетъ у насъ, что Россія должна отдать своихъ солдатъ въ распоряженіе Франціи, съ цѣлью помочь ей возвратить подъ свою власть Эльзасъ и Лотарингію; подобнаго самоотверженія не ожидаютъ отъ насъ и самые легкомысленные изъ французовъ. Между тѣмъ идея о военномъ союзѣ противъ Германіи находитъ себѣ точку опоры въ томъ предположеніи, что у насъ господствуетъ ненависть и вражда къ нѣмцамъ и что эти чувства должны побудить насъ соединиться съ французами для общей борьбы съ германской имперіею. Что общая ненависть къ нѣмецкому народу составляетъ именно ту почву, на которой будто бы сходятся французы и русскіе,—это высказывается часто не только во французской печати, но и въ нашихъ патріотическихъ газетахъ, по крайней мѣрѣ косвенно и намеками. Такого рода недоразумѣнія должны быть своевременно и энергически устраняемы, для избѣжанія роковыхъ ошибокъ. Не слѣдуетъ давать укорениться убѣжденію, что русское общество проникнуто недоброжелательными чувствами къ мирной сосѣдней націи, которой мы столь многимъ обязаны въ области культурнаго и умственнаго развитія. Было бы крайне несправедливо относить къ нѣмецкому народу то раздраженіе или недовольство, которое вызывалось у насъ одно время двусмысленной политикою Бисмарка и нападками его оффиціальныхъ газетъ; матеріалъ для раздраженія исчезъ съ перемѣною канцлера, и теперь едва ли есть какое-либо основаніе приписывать генералу Каприви или самому Вильгельму II коварные планы противъ Россіи, о которыхъ столь часто говорилось въ прежнее время. Охлажденіе, установившееся между Россіею и Германіею за послѣдніе годы, не имѣетъ ничего общаго съ ненавистью или враждою; нѣтъ только союза или тѣсной дружбы, но взаимныя мирныя связи не ослабѣли, и твердое желаніе мира оставалось съ обѣихъ сторонъ руководящимъ принципомъ, отъ котораго не предвидятся уклоненія и въ ближайшемъ будущемъ. Подобно тому, какъ мы не претендуемъ на Германію за старанія ея заручиться возможно бо́льшимъ числомъ союзниковъ, такъ и германская дипломатія не имѣетъ повода удивляться попыткамъ франко-русскаго сближенія; такъ же точно въ недавнихъ торжественныхъ проявленіяхъ франко-русской дружбы нѣмцы могутъ видѣть только скромный и довольно сдержанный отвѣтъ на неоднократныя шумныя манифестаціи, которыя устроивались германскимъ правительствомъ или вѣрнѣе императоромъ Вильгельмомъ II для подтвержденія великой роли и крѣпости тройственнаго союза.

Нѣмецкая печать отнеслась вообще довольно спокойно къ извѣстіямъ о празднествахъ, происходившихъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ по случаю прибытія французской эскадры. Въ разсужденіяхъ главныхъ берлинскихъ газетъ мы не замѣтили слѣдовъ того безпокойства, о которомъ усердно телеграфировали собственные корреспонденты одной здѣшней газеты изъ Вѣны и Берлина; скорѣе можно было замѣтить оттѣнокъ ироніи при оцѣнкѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, но въ общемъ преобладали безпристрастные отзывы, иногда даже какъ бы благосклонные къ французамъ. Берлинская „National Zeitung", вспоминая плачевныя блужданія французскаго флота около нѣмецкихъ береговъ лѣтомъ 1870 года, выражаетъ удовольствіе по поводу овацій, выпавшихъ на долю „храбрыхъ французскихъ моряковъ" со стороны русскихъ властей и русскаго общества; жаль только, — говоритъ газета, — что бывшій начальникъ злополучной эскадры 1870 года не можетъ присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. „Чѣмъ полнѣе французскій флотъ испытываетъ радость своего мирнаго соединенія съ русскимъ флотомъ,—продолжаетъ „National Zeitung", — тѣмъ лучше для французовъ, ибо военная прогулка въ Балтійское море, вѣроятно, окончилась бы для нихъ болѣе печально. Нѣмецкіе крейсеры и миноноски не пропустили бы ихъ на этотъ разъ безъ крупныхъ поврежденій. Но несправедливо было бы портить имъ нынѣшнее возвышенное настроеніе. Нѣмцы, англичане, итальянцы, австрійцы и венгерцы обмѣнивались столь многочисленными тостами въ теченіе послѣднихъ недѣль, что и русскіе и французы должны наконецъ получить право слова. Это нужно уже ради возстановленія реторическаго равновѣсія, которое въ сущности соотвѣтствуетъ и политическому. Народъ, подобный французскому, опасенъ только тогда, когда ему не даютъ высказываться свободно. Онъ облегчаетъ свое сердце, когда имѣетъ возможность говорить о своей прошлой славѣ и переносить ее въ будущее. Тѣмъ охотнѣе можно предоставить русскимъ наслаждаться звуками марсельезы и дѣлать возгласы въ честь республики, въ теченіе нѣсколькихъ дней". По мнѣнію „National-Zeitung", первымъ послѣдствіемъ дѣйствительнаго союза между Франціею и Россіею было бы прямое присоединеніе Англіи къ тремъ средне-европейскимъ державамъ. Такое усиленіе тройственнаго союза не можетъ быть желательно ни французамъ, ни русскимъ; „но—замѣчаетъ газета — русскіе — народъ столь могущественный, а французы — народъ столь горячій, что никто не позволитъ себѣ давать имъ добрые совѣты". Въ другой статьѣ той же газеты обсуждается столь же сдержанно политическое значеніе кронштадтскихъ празднествъ, причемъ указываются мотивы, побудившіе будто бы русское правительство согласиться на предположенную морскую демонстрацію.

„Впрочемъ,—прибавляетъ газета,—оборонительный союзъ между Франціею и Россіею, какъ хорошо извѣстно русскому правительству, остается по прежнему излишнимъ, а союзъ наступательный представлялъ бы такія опасности, что русская дипломатія, конечно, не думаетъ о немъ. Но русскому правительству можетъ доставить нѣкоторое удовлетвореніе то обстоятельство, что кронштадтскія и петербургскія празднества служатъ какъ бы противовѣсомъ посѣщенію Лондона Вильгельмомъ II, пребыванію англійской эскадры у береговъ Италіи и Австріи, рѣчамъ лорда Сольсбери, сэра Джемса Фергюссона и маркиза ди-Рудини о тройственномъ союзѣ".

Французскіе публицисты—если не считать сотрудниковъ бульварныхъ листковъ и уличныхъ патріотовъ — стараются избѣгнуть преувеличеній, которыя могутъ быть вызваны внѣшнимъ эффектомъ послѣднихъ франко-русскихъ манифестацій. „Между Франціею и Россіею,—говоритъ „Temps", — нѣтъ прямого союза, нѣтъ формальнаго договора. Русскія традиціи, какъ извѣстно, не допускаютъ такихъ положительныхъ обязательствъ. Россія достаточно ясно доказала съ 1856 года, что она ведетъ только русскую политику. Эта политика была поочередно благопріятна самымъ различнымъ державамъ,—сначала Пруссіи, пока не совершилось ея превращеніе въ единую и могущественную Германію, а потомъ, послѣ 1870 года и особенно послѣ берлинскаго конгресса, — Франціи, представляющей даже во время полнаго мира весьма значительную силу и опору для уравновѣшенія союза центральныхъ державъ и для противодѣйствія ихъ стремленіямъ подвигаться все болѣе къ морю, по направленію къ востоку. Группировка, образовавшаяся такимъ образомъ, привела Францію и Россію къ молчаливому соглашенію, не писанному, но реальному. Ни въ одномъ пунктѣ Европы и Азіи эти державы не имѣютъ противоположныхъ интересовъ, и обѣ онѣ проникнуты сознаніемъ одной высшей потребности—равновѣсія и мира. Эта политика, не обусловленная формальнымъ трактатомъ, дѣлала меньше шуму, чѣмъ другая, но она была не менѣе дѣйствительна. Она не перестанетъ дѣйствовать и въ будущемъ, къ великому благу спокойствія Европы и въ частности восточной державы, находящейся съ нами въ дружбѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ" (т.-е. турецкой имперіи).

Неожиданное указаніе на вѣковую дружбу съ Турціею и на пользу франко-русскаго сближенія для этихъ старыхъ друзей Франціи вполнѣ правильно освѣщаетъ истинныя стремленія и взгляды французовъ относительно внѣшней политики. Газета „Temps" находится, какъ извѣстно, въ близкихъ отношеніяхъ къ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ, и ея слова о „вѣковой союзницѣ" сказаны не

на вѣтеръ. Серьезные политическіе дѣятели и публицисты Франціи вовсе не расположены отказаться отъ традиціонной политики ея на востокѣ и допустить расширеніе русскаго вліянія въ ущербъ Турціи. Молчаливое соглашеніе существуетъ, но оно распространяется лишь на западныя дѣла, а не на восточныя. Мечта нѣкоторыхъ нашихъ патріотовъ о завоеваніи Константинополя при помощи Франціи или по соглашенію съ нею есть совершенно напрасная иллюзія, ни на чемъ не основанная. Въ этомъ долженъ убѣдиться всякій, кто внимательно слѣдилъ за французскою политическою литературою и журналистикою послѣднихъ лѣтъ. Въ основѣ французскихъ сужденій о Россіи лежитъ все-таки значительный остатокъ недовѣрія къ русской политикѣ и къ ея предполагаемымъ честолюбивымъ планамъ. Французы, при всѣхъ своихъ разсчетахъ на русскую дружбу и поддержку, не забываютъ ни на минуту, что Россія—страна мало культурная, что она болѣе богата будущимъ, чѣмъ настоящимъ, и что способствовать увеличенію ея внѣшняго могущества было бы по многимъ причинамъ нежелательно съ западно-европейской и, слѣдовательно, также французской точки зрѣнія. Они согласны пользоваться содѣйствіемъ Россіи въ будущей борьбѣ съ Германіею, предполагая, что къ этой борьбѣ стремится будто бы русскій народъ. Это послѣднее заблужденіе не должно быть пропускаемо безъ вниманія, когда оно встрѣчается въ отзывахъ французской печати; необходимо избавить нашихъ французскихъ друзей отъ опасныхъ иллюзій, значеніе которыхъ хорошо оцѣнивается такими газетами, какъ „Temps“. Нужно положительно и разъ навсегда установить тотъ фактъ, что намъ нѣтъ никакого дѣла до территоріальныхъ счетовъ между Франціею и Германіею и что мы имѣемъ столь же мало основаній помогать французамъ въ дѣлѣ отобранія Эльзаса и Лотарингіи у нѣмцевъ, какъ французы—содѣйствовать намъ въ дѣлѣ завоеванія Константинополя и изгнанія турокъ изъ Европы. Не слѣдуетъ забывать, что франко-русская политическая дружба вызвана и питается лишь франко-германскою враждою: пусть сегодня Вильгельмъ II рѣшится устроить прочный компромиссъ съ французами посредствомъ отдачи имъ части Лотарингіи и нейтрализаціи Эльзаса, и наши отношенія съ Франціею тотчасъ станутъ опять такими, какими они были въ прежнее время. Подобный поворотъ вполнѣ возможенъ при частыхъ перемѣнахъ политической атмосферы въ Европѣ. Этого не отрицаютъ и сами французы, какъ видно изъ постоянно возникающихъ и серьезно обсуждаемыхъ въ парижской печати проектовъ примиренія и соглашенія съ Германіею.

Если ближе присмотрѣться къ фактамъ, возбудившимъ замѣтное движеніе въ области международной политики за послѣднее время,

то нельзя не убѣдиться, что это движеніе есть болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Все осталось какъ было: тройственный союзъ сохранилъ свою силу и значеніе; Англія по прежнему сочувствуетъ этому союзу, видя въ немъ гарантію общаго мира, и съ своей стороны признаетъ за собою обязанность заботиться о сохраненіи въ Средиземномъ морѣ существующаго status-quo, которому никто тамъ не угрожаетъ. Франко-русская дружба по прежнему не выходитъ за предѣлы простого выраженія обоюдныхъ симпатій; а чтобы лучше оттѣнить безобидный характеръ пребыванія у насъ французской эскадры, французское правительство посылаетъ ту же эскадру къ берегамъ Англіи, въ Портсмутъ, гдѣ выразила намѣреніе посѣтить ее королева Викторія. Газетные толки по поводу новыхъ доказательствъ оффиціальнаго сближенія между Франціею и Россіею не прибавили ничего новаго къ тому, что̀ было извѣстно и раньше. Общее политическое положеніе не подверглось никакимъ перемѣнамъ, но вопросы внѣшней политики едва не породили министерскихъ кризисовъ въ Италіи и Франціи.

Въ Италіи давно уже происходитъ дѣятельная агитація противъ системы союзовъ, усвоенной при министерствѣ Криспи и вовлекшей страну въ непосильныя вооруженія и затраты. Оппозиція справедливо указывала на ненужность и разорительность предпріимчивой внѣшней политики для Италіи, гдѣ большинство населенія страдаетъ отъ хроническихъ хозяйственныхъ кризисовъ и гдѣ чувствуется настоятельная потребность въ цѣломъ рядѣ элементарныхъ реформъ на пользу народа. Желаніе сблизиться съ Германіею и слѣдовать за нею въ области высшей европейской политики очень дорого обошлось Италіи; оно испортило старыя отношенія съ Франціею, увеличило требованія военнаго бюджета и совершенно разстроило финансы страны. Эти печальные результаты были настолько ясны и осязательны для всѣхъ, что Криспи не могъ удержаться на мѣстѣ, несмотря на свою ловкость и искусство. При новомъ министерствѣ Рудини предполагался нѣкоторый поворотъ въ сторону внутреннихъ задачъ и вопросовъ, которымъ правительство должно было удѣлить наибольшее вниманіе; внѣшняя политика должна была сдѣлаться болѣе умѣренною, и самое возобновленіе союза съ Германіею считалось сомнительнымъ. Значительная часть общественнаго мнѣнія въ Италіи была рѣшительно противъ этого союза; дѣятели оппозиціи устроивали публичные митинги для обсужденія вопроса, и многіе надѣялись, что министерство не рѣшится пойти противъ этого общаго, повидимому, теченія. Надежды, однако, не оправдались. Министръ внутреннихъ дѣлъ Никотера запретилъ созывать публичныя сходки для обсужденія внѣшней политики правительства. По этому поводу сдѣланы были

въ парламентѣ два запроса: депутатъ Колаянни, отъ имени пятнадцати членовъ крайней лѣвой, требовалъ объясненія, по какому праву министерство запрещаетъ публичное обсужденіе дѣла, представляющаго первостепенный публичный интересъ; съ другой стороны депутатъ Кавальотти требовалъ болѣе точныхъ и положительныхъ свѣденій о содержаніи обязательствъ, принятыхъ на себя Италіею относительно Германіи и Австро-Венгріи, а также объ основахъ новѣйшаго соглашенія съ Англіею. Министерство думало воспользоваться запросомъ Кавальотти, чтобы дать нужныя объясненія о состоявшемся возобновленіи тройственнаго вопроса и избѣгнуть подробнаго обсужденія перваго запроса, затрогивавшаго нѣкоторыя щекотливыя стороны внутренней политики. При прежнихъ кабинетахъ неоднократно высказывались упреки министрамъ за то, что правильное дѣйствіе конституціи нарушается ради соображеній международной дипломатіи, и это же обвиненіе выражалось косвенно въ запросѣ Колаянни. Бурное засѣданіе палаты депутатовъ (27-го іюня, н. ст.) было почти исключительно посвящено горячимъ спорамъ о томъ, который изъ предъявленныхъ запросовъ долженъ быть разсмотрѣнъ раньше. Оппозиція не хотѣла дать правительству возможности уклониться отъ отвѣта по поводу распоряженій Никотеры, и съ этою цѣлью, чтобы очистить мѣсто запросу Колаянни, депутатъ Кавальотти взялъ назадъ свой запросъ о тройственномъ союзѣ. Тогда одинъ изъ бывшихъ членовъ кабинета Криспи, Бринъ, предъявилъ этотъ же запросъ отъ своего имени, по соглашенію съ министерствомъ. Шумныя сцены, которыя произошли вслѣдствіе этого въ палатѣ, сдѣлали невозможнымъ какое бы то ни было обсужденіе, и президенту Біанкери пришлось закрыть засѣданіе. Тѣ же сцены повторились на слѣдующій день, 28-го іюня, когда Бринъ безуспѣшно пытался мотивировать свой запросъ, а министръ Рудини пробовалъ отвѣчать извѣстнымъ заявленіемъ о поддержаніи и укрѣпленіи союзовъ, заключенныхъ при прежнемъ министерствѣ. Никто не разслышалъ этого важнаго заявленія, прочитаннаго среди невообразимаго шума, какого не запомнятъ старѣйшіе дѣятели итальянскаго парламента. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ возвѣщенъ былъ Италіи важный фактъ возобновленія тройственнаго союза на дальнѣйшія шесть лѣтъ. Говорили о министерскомъ кризисѣ; но кабинетъ рѣшилъ отложить спорные вопросы до осени, а засѣданія парламента закрылись.

Что касается положенія министерства Фрейсинэ во Франціи, то оно подверглось серьезной опасности по поводу запроса Франсиса Лора о затрудненіяхъ въ выдачѣ паспортовъ французскимъ торговымъ агентамъ, имѣющимъ надобность въ разъѣздахъ по Эльзасъ-Лотарингіи. Министръ Рибо просилъ палату отсрочить обсужденіе

этого запроса, а палата, вопреки требованію министра, признала обсужденіе неотложнымъ, въ засѣданіи 16-го іюля (н. ст.). Впрочемъ, на слѣдующій же день, послѣ подробныхъ объясненій министра, палата поправила свою ошибку и отложила запросъ Лора на неопредѣленное время. Французская палата приняла также одно важное рѣшеніе, несогласное съ доводами и объясненіями министра Рибо, по внѣшней политикѣ: она не согласилась утвердить акты брюссельской конференціи о мѣрахъ къ уничтоженію торга невольниками, такъ какъ постановленія этихъ актовъ допускали контроль иностранныхъ военныхъ кораблей относительно судовъ, возбуждающихъ противъ себя почему-либо подозрѣніе въ прикосновенности къ означенной преступной торговлѣ. Англія, господствующая на моряхъ, пріобрѣла бы такимъ образомъ для своихъ броненосцевъ и крейсеровъ весьма существенное право задерживать и осматривать чужіе коммерческіе корабли, подъ предлогомъ предупрежденія торговли невольниками, и французская палата, большинствомъ 439 голосовъ противъ 104, оставила безъ утвержденія предложенные ей акты прошлогодней брюссельской конференціи, равно какъ и протоколъ, подписанный въ Парижѣ 9-го февраля текущаго года. Такъ какъ рѣшеніе это не касается общей политики кабинета, то оно не повліяло на его прочность, и при настоящихъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія ожидать скорой перемѣны министерства въ Парижѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1891.

— *Джьованни Боккаччьо. Декамеронъ.* Переводъ Александра *Веселовскаго*, съ этюдомъ о Боккачьо. Иллюстраціи французскихъ художниковъ: Баронъ (а?), Жоанно, Эми, Нантейля и пр. Томъ I. М. 1891.

Въ послѣднее время мы не однажды указывали на появленіе у насъ переводовъ знаменитыхъ произведеній всеобщей литературы отъ греческихъ и римскихъ классиковъ до литературы средневѣковой и восемнадцатаго вѣка, и говорили о томъ, какое значеніе имѣетъ на нашъ взглядъ перенесеніе этихъ произведеній на почву нашей словесности. Если наша литература должна служить просвѣщенію великаго народа, если ей самой суждено внести нѣкогда и свой вкладъ въ общее умственное и поэтическое достояніе человѣчества (начатки этого мы, кажется, можемъ видѣть въ послѣднее время), то однимъ изъ необходимыхъ условій для этого является усвоеніе тѣхъ общечеловѣческихъ результатовъ просвѣщенія, какіе заключены во всемірной литературѣ, а это усвоеніе требуетъ возможно широкаго изученія этихъ результатовъ не только въ современномъ состояніи литературъ, но и въ ихъ прошедшемъ. То, что̀ нѣкогда было великимъ пріобрѣтеніемъ данной эпохи у того или другого изъ руководящихъ народовъ Европы, что̀ оказало сильное вліяніе или цѣлый переворотъ въ общемъ развитіи идей литературныхъ, общественныхъ, нравственныхъ, не должно остаться чуждымъ нашей литературѣ; напротивъ, для того, чтобы сознательно, органически воспринимать движенія новѣйшей европейской мысли и поэзіи и воспользоваться въ нихъ тѣмъ, что̀ есть въ нихъ высокаго и общечеловѣческаго, мы должны знать ихъ антецеденты, ихъ прошедшее развитіе, такъ какъ только при этомъ мы въ состояніи будемъ понять ихъ въ полномъ историческомъ составѣ и значеніи. Историческая слава давно отмѣтила въ литературѣ тѣ произведенія, которымъ принадлежало нѣкогда такое

основное вліяніе на развитіе европейскаго просвѣщенія и поэзіи: онѣ до сихъ поръ у всѣхъ на устахъ; онѣ постоянно цитируются, какъ историческое воспоминаніе, какъ глубокая мысль, какъ поэтическая картина; онѣ являются дѣйствительно общимъ достояніемъ просвѣщенныхъ народовъ: Гомеръ, Софоклъ, Аристофанъ; Виргилій, Горацій, Цицеронъ, Тацитъ; Дантъ и Боккаччьо; Шекспиръ; Расинъ, Корнель и Мольеръ и т. д., бываютъ знакомы, иногда хотя по имени, со школьной поры; знать ихъ обязательно для образованнаго человѣка и усвоить ихъ въ переводѣ обязательно для большой литературы. Мы видимъ дѣйствительно, что произведенія этого всемірнаго значенія появляются въ переводѣ на всѣхъ языкахъ, имѣющихъ сколько-нибудь значительную литературу. Простая инстинктивная любознательность побуждала дѣлать переводы подобныхъ произведеній и къ этому еще болѣе должно побудить сознательное пониманіе историческаго значенія подобныхъ произведеній. Когда въ прошломъ столѣтіи наша литература впервые вышла изъ своего тѣснаго патріархальнаго горизонта, она прежде всего представила цѣлую массу переводовъ — не только такихъ эфемерныхъ произведеній, которыя были любопытны читателямъ въ данную минуту, но и произведеній классическихъ, древнихъ и новыхъ. Особенное оживленіе нашей литературы прошлаго вѣка, ея первые опыты самостоятельнаго творчества сказались во времена Екатерины II, и именно на этотъ періодъ приходится множество переводовъ того рода, о какомъ мы говоримъ. Торопились познакомиться съ знаменитыми произведеніями иноземныхъ литературъ, слава которыхъ дошла и до людей средняго уровня образованія. Знанія было еще не много; тонкости были пока мало понятны, и потому не затруднялись переводить и греческаго классика, и писателя итальянскаго и англійскаго съ французскаго языка, который былъ наиболѣе извѣстенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти переводы, при всемъ ихъ съ разныхъ сторонъ несовершенствѣ, принесли немалую пользу въ общемъ счетѣ нашего образованія.

Въ настоящее время, когда сильно развилось кромѣ литературнаго вкуса и языка историческое чувство, переводъ получаетъ, конечно, иное значеніе. Если старые переводы восемнадцатаго вѣка имѣли, такъ сказать, смыслъ элементарнаго обученія, теперь переводъ извѣстнаго классическаго произведенія является вмѣстѣ фактомъ историческаго изученія эпохи и народа, трудомъ въ области стиля и языка, которые должны передать особенный колоритъ подлинника. Послѣднее почувствовано было уже давно. Когда въ первый разъ являлось то историческое сознаніе, о которомъ мы говорили, и переводъ переставалъ быть дѣломъ одной элементарной любознательности и въ немъ стала чувствоваться другая сторона—что онъ какъ бы возстановлялъ

общечеловѣческое и историческое родство разныхъ эпохъ, племенъ и цивилизацій, — дать выработанный и изящный переводъ чужого классическаго произведенія стало считаться особой литературной заслугой, не только въ томъ смыслѣ, что литературѣ усвоивалось содержаніе знаменитаго произведенія, но и въ томъ, что дѣлалось пріобрѣтеніе для своего собственнаго языка, въ которомъ искусный переводчикъ находилъ средства для передачи чужой рѣчи, чужого содержанія съ колоритомъ иного вѣка, иныхъ нравовъ, иной внѣшней природы. Такой переводъ считался равнымъ самостоятельной литературной заслугѣ: такъ въ прошломъ столѣтіи цѣнили въ Германіи Фоссовъ переводъ Гомера или „Stimmen der Völker" Гердера; такъ цѣнили у насъ переводъ „Иліады" Гнѣдича и т. д. Это стремленіе уловить „колоритъ" мѣста и эпохи, передать народную особенность казалось на первое время достоинствомъ стилистическимъ; но за этимъ внѣшнимъ достоинствомъ шло достоинство внутреннее—умѣнье перенестись въ другую эпоху, воспринять ея нравственное, общечеловѣческое содержаніе, пережить въ немъ долю той исторіи, результатъ которой унаслѣдованъ нами въ произведеніяхъ давней чужой литературы. Это послѣднее въ особенности сознается въ наше время, когда самыя изученія литературы получили небывалые прежде размѣры и по обширности ихъ объема, и по многосторонности точекъ зрѣнія. Какъ мы замѣтили, многое изъ древнихъ и новѣйшихъ иностранныхъ литературъ являлось въ русскихъ переводахъ еще съ прошлаго столѣтія; но это могли быть только первые опыты, когда и самыя переводимыя произведенія не были достаточно ясны по неразвитости нашей собственной литературы, не былъ выработанъ и нашъ литературный языкъ настолько, чтобы свободно и стройно передать чужое содержаніе и особенности стиля; наконецъ, быстрое развитіе нашей литературы дѣлаетъ то, что не только книги конца прошлаго столѣтія, но и книги 30-хъ и 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія являются для насъ устарѣлыми. Запасъ литературнаго опыта и знаній такъ увеличился, языкъ настолько обогатился, что вопросъ о переводѣ классическаго произведенія можетъ быть поставленъ въ наше время вновь—уже съ гораздо болѣе широкимъ пониманіемъ его значенія, и отъ исполненія требуется гораздо больше, чѣмъ бывало въ прежнее время. Тѣ переводы, какіе начинаютъ появляться въ послѣднія десятилѣтія, бываютъ нерѣдко капитальнымъ пріобрѣтеніемъ нашей литературы, обогащая ея историческое содержаніе.

Къ числу такихъ пріобрѣтеній принадлежитъ знаменитый „Декамеронъ", являющійся теперь въ переводѣ г. Веселовскаго. Пока вышелъ одинъ первый томъ, и мы теперь отмѣтимъ только появленіе книги, чтобы подробнѣе остановиться на ней по окончаніи изданія,

когда долженъ появиться и спеціальный этюдъ о Боккаччьо г. Веселовскаго. Въ первомъ томѣ переводчикъ помѣстилъ только „вмѣсто предисловія" замѣтки о томъ, какъ являлся до сихъ поръ Боккаччьо въ русской литературѣ, какъ должно смотрѣть на итальянскаго писателя, произведенія котораго считали часто безнравственными, и въ чемъ должна состоять задача переводчика такого произведенія. По историческимъ справкамъ оказывается, что нѣсколько новеллъ изъ Декамерона впервые появились на русскомъ языкѣ еще въ концѣ XVII-го вѣка, въ переводѣ съ польскаго. Затѣмъ въ XVIII вѣкѣ двѣ повѣсти „Ивана Бокація, славнаго флорентинца", были помѣщены въ одномъ журналѣ 1764 года. Въ нашемъ столѣтіи опытъ переводить Боккаччьо сдѣланъ былъ Батюшковымъ и ограничился двумя эпизодами Декамерона и, наконецъ, въ послѣднее время появилось въ разныхъ изданіяхъ нѣсколько разрозненныхъ повѣстей. Такимъ образомъ, Декамеронъ, несмотря на его славу, остается у насъ очень мало извѣстенъ и настоящее изданіе является тѣмъ болѣе важнымъ вкладомъ въ историческій запасъ нашей литературы, что переводъ сдѣланъ извѣстнымъ спеціалистомъ по средневѣковой литературѣ и, вѣроятно, лучшимъ у насъ знатокомъ стараго итальянскаго языка.

О пріемахъ своего перевода г. Веселовскій говоритъ: „Предлагаемый нынѣ переводъ—первый у насъ опытъ полной (за незначительными пропусками) передачи Декамерона. Переводчикъ задался цѣлью возможно точно передать фразу подлинника, насколько то позволили средства русскаго языка и снаровка переводчика—не художника стиля, не избѣгая нѣкоторыхъ шероховатостей, накопленія эпитетовъ, длинно вьющейся фразы. Такимъ образомъ, онъ надѣялся уловить „манеру Боккаччьо", въ которой заключается не послѣднее обаяніе Декамерона для тѣхъ, кто читаетъ его въ подлинникѣ.

„Боккаччьо — своеобразный стилистъ; заставляетъ ли онъ свои дѣйствующія лица обмѣниваться летучею фразой въ будничной бесѣдѣ, или періодизируетъ, его рѣчь всегда нѣсколько торжественно поднята; его цицероновскіе періоды нравились современникамъ, надолго опредѣлили преданіе итальянской прозы и теперь еще привлекаютъ итальянца вычурной прелестью архаизма. Это впечатлѣніе и хотѣлось сохранить; далѣе этого мы никогда не пойдемъ, потому что не въ состояніи пережить впечатлѣнія, которое Декамеронъ производилъ на современниковъ".

Относительно репутаціи безнравственности, какую нерѣдко даютъ этому произведенію, г. Веселовскій замѣчаетъ:

„Въ торжественной оправѣ стиля рядомъ съ новеллами героическаго характера откровенныя картинки быта выглядываютъ наивно, вызывая веселье и смѣхъ заявленіемъ извѣстнаго, иногда нескром-

наго факта, не пряча его, но и не анализуя любовно, всего менѣе зазывая воображеніе за тотъ флёръ, который предательски набрасываетъ на него неумытный протоколизмъ современнаго французскаго романа. Сравненіе съ нимъ сниметъ съ Декамерона роковую репутацію безнравственности,—репутацію, сложившуюся отчасти вслѣдствіе смѣшенія нравственнаго съ пристойнымъ. Въ первомъ отношеніи мы не далеко ушли отъ Декамерона: тѣ же необойденные вопросы и та же неясность рѣшеній волнуютъ и насъ, только усиленные накопившимся матеріаломъ рефлексіи. Въ смыслѣ пристойности мы усовершенствовали декорумъ до ханжества, все окутывающаго и все позволяющаго разглядѣть. Въ этомъ Боккаччьо неповиненъ, онъ не бередитъ воображенія; здоровый протоколистъ жизни, онъ даетъ одинаковое мѣсто на солнцѣ и движеніямъ чувственности, и проявленіямъ той человѣчности, въ которой полагалъ источникъ истиннаго благородства. Онъ ждетъ себѣ и читателей съ такою же широтою жизненнаго взгляда".

Г. Веселовскій приводитъ еще въ томъ же смыслѣ слова извѣстнаго итальянскаго писателя Кардуччи, сказанныя въ 500-лѣтнюю годовщину Боккаччьо (нѣсколько лѣтъ тому назадъ): „Кто сталъ бы проповѣдовать, что онъ испортилъ нравы, лишилъ женщину вѣры и цѣломудрія, что онъ унижаетъ любовь и посягаетъ на семью, тотъ забылъ, либо сознательно скрываетъ многое; забылъ беззавѣтную любовь бѣдной Лизы и принцессы Гисмонды, благородную щедрость Федериго дельи Альбериги и состязаніе въ великодушіи Тито и Джизиппо; забылъ неземныя страданія Гризельды, пастушки, до муки испытанной супругомъ маркизомъ, Гризельды, образу которой не въ состояніи противопоставить подобнаго вся поэзія рыцарства,—тотъ человѣкъ сознательно скрываетъ, что лишь въ очень немногихъ новеллахъ царитъ голая чувственность, что чувственность болѣе грубая господствовала и ранѣе даже въ народной пѣснѣ, вызванная ханжествомъ рыцарской мистики и крайностями аскетизма... Боккаччьо былъ поэтъ здоровый, и появленіе порнографіи въ литературѣ было дѣломъ другихъ временъ и другихъ писателей".

— *Домрá* и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Ал. С. *Фаминцына*. Спб. 1891.

Мы имѣли случай говорить о трудахъ г. Фаминцына, посвящаемыхъ исторіи русской народной музыки или, на первый разъ, ея музыкальнымъ инструментамъ и исполненію. Таковы были его книги

о „Гусляхъ“ и о „Скоморохахъ“. Въ настоящемъ случаѣ онъ останавливается на объясненіи инструмента, о которомъ сохранились въ источникахъ только самыя неопредѣленныя указанія: „домрà“ только названа, безъ всякаго объясненія, въ старыхъ памятникахъ, — но, собравъ упоминанія объ этомъ инструментѣ у русскихъ, и поставивъ это въ связь съ извѣстіями о подобныхъ инструментахъ у другихъ народовъ, г. Фаминцынъ далъ весьма интересное изслѣдованіе, представляющее цѣлый обширный эпизодъ изъ исторіи нашей народной музыки. Дѣло въ томъ, что онъ прослѣдилъ исторію всѣхъ инструментовъ того типа, къ которому принадлежала „домрà“,—какъ балалайка, кобза, бандура, торбанъ и гитара, съ ихъ разнообразными международными формами и историческими связями.

Старая наша письменность съ ея господствующимъ аскетическимъ направленіемъ, какъ извѣстно, относилась вообще съ суровымъ осужденіемъ къ тѣмъ формамъ народнаго быта, которыя по ея мнѣнію были въ противорѣчіи съ церковнымъ благочестіемъ. Во всей древней письменности нашей нѣтъ ни одного описанія народнаго быта, которое составлено было бы въ тонѣ спокойнаго фактическаго описанія, съ какимъ-либо интересомъ къ народному обычаю, преданію, поэзіи, —обо всемъ этомъ говорится только случайно, съ единственною цѣлью изобличенія „поганскаго“ обычая. Вслѣдствіе того мы можемъ вообще реставрировать древній народный обычай только по случайнымъ упоминаніямъ старыхъ памятниковъ и по сохранившемуся обычаю современному. Древній книжникъ считалъ ниже своего достоинства описывать народный обычай, который на его взглядъ былъ только дѣломъ дьявольскаго соблазна; отъ всей нашей древней письменности не осталось ни одной записанной пѣсни — только къ концу московскаго періода являются первыя записи былинъ, получившихъ къ тому времени значеніе сказки. Такимъ же образомъ не осталось никакихъ ясныхъ указаній о народной музыкѣ и музыкальныхъ инструментахъ. Письменныя упоминанія объ инструментѣ, называвшемся домрà, начинаются съ XVI-го вѣка, продолжаются въ XVII, кончаясь въ XVIII столѣтіи, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь очень далекой стариной, и между тѣмъ историкъ нашей народной музыки встрѣчаетъ въ ея объясненіи такія трудности, какъ еслибы шла рѣчь о X—XI вѣкѣ: не сохранилось ни описанія домры, ни ея изображенія, ни тѣмъ менѣе археологическаго экземпляра въ нашихъ музеяхъ. Г. Фаминцынъ указываетъ въ первыхъ строкахъ своего изслѣдованія это смутное положеніе вопроса, когда наши наиболѣе компетентные археологи не умѣли даже составить себѣ понятія о томъ, какой это былъ инструментъ—струнный, духовой или ударный.

„Несмотря на довольно частыя упоминанія о домрѣ, — говоритъ

г. Фаминцынъ,—до насъ не дошло ни изображенія, ни даже описанія этого инструмента, вслѣдствіе чего представленія о немъ до послѣдняго времени были самыя шаткія, гадательныя: не знали даже въ точности, къ какому роду инструментовъ должна быть отнесена домра̀, и въ то время какъ нѣкоторые признавали ее за инструментъ струнный, другіе предполагали, что она была инструментъ духовой, причемъ пытались объяснить названіе его изъ санскритскаго корня... Костомаровъ, наконецъ, очевидно причислялъ домру къ разряду инструментовъ ударныхъ. Къ счастью, въ нѣкоторыхъ старинныхъ дворцовыхъ записяхъ первой половины XVII столѣтія сохранились свидѣтельства о домрачеяхъ, т.-е. игрецахъ на домрахъ, и о выдававшихся имъ деньгахъ на покупку *домерныхъ струнъ*, изъ чего съ полною несомнѣнностью заключаемъ, что домра была *инструментъ струнный*".

Не находя никакого объясненія этого инструмента въ нашихъ источникахъ, ни объясненія его названія въ русскомъ языкѣ, нашъ изслѣдователь обращаетъ свои поиски къ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ на востокѣ и западѣ: на западѣ онъ не находитъ ничего подобнаго, но у сосѣдей восточныхъ оказывается очень распространенный инструментъ съ названіемъ весьма близкимъ къ нашему, даже тождественнымъ, и этотъ инструментъ вполнѣ разрѣшаетъ вопросъ о русской домрѣ. Инструментъ съ подобнымъ названіемъ: домръ, домра, дунбура, думбра, домбуръ, весьма распространенъ и до сихъ поръ существуетъ у нашихъ восточныхъ сосѣдей—татаръ, калмыковъ, киргизовъ, монголовъ, и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями вообще очень распространенъ на востокѣ. Это инструментъ—двухъструнный, трехъ-струнный, въ родѣ балалайки, и пришелъ къ намъ, очевидно, отъ этого восточнаго сосѣдства: всего скорѣе отъ сосѣдства ближайшаго, т.-е. отъ татаръ. Разыскивая происхожденіе этой восточно-азіатской домры, г. Фаминцынъ находитъ ея прототипъ въ далекой древности въ арабско-персидскомъ тумбурѣ или танбурѣ, который былъ родоначальникомъ позднѣйшихъ формъ этого инструмента, въ томъ числѣ и русской домры. Поиски г. Фаминцына въ исторіи восточной музыки едва ли оставляютъ въ этомъ сомнѣніе. Въ старыхъ письменныхъ памятникахъ нашихъ, домра̀, по словамъ г. Фаминцына, должна пониматься какъ извѣстная форма струннаго инструмента рядомъ съ гуслями (инструментомъ арфообразнымъ) и смыками (инструментами смычковыми); восточные инструменты съ ихъ названіями, подходящими къ старому русскому названію (домбуръ—дунбура—думбра—домбра—домръ—домра), объясняются упоминающими о нихъ писателями, какъ „азіатская балалайка". „Всѣ вышеизложенныя обстоятельства,—говоритъ г. Фаминцынъ,—приво-

дятъ насъ къ вѣроятному предположенію, что русская домра была такимъ же потомкомъ древняго арабско-персидскаго танбура, какъ и только-что перечисленныя „азіатскія балалайки", а равно и южнославянская танбура. Если это предположеніе справедливо, то домра, вѣроятно, подобно азіатскимъ собратьямъ своимъ, имѣла только двѣ струны, какъ и древній танбуръ, а равно и позднѣйшая, очевидно замѣстившая домру, двуструнная же балалайка" (стр. 45).

Разсматривая однородные струнные инструменты русской народной музыки, г. Фаминцынъ между прочимъ съ большою подробностью останавливается на малорусскихъ кобзѣ и бандурѣ. Это—два различные инструмента, которыхъ названія перемѣшались однако въ народномъ употребленіи, какъ это нерѣдко случалось съ народными инструментами, такъ что кобзой стали называть и бандуру, которую употребляли пѣвцы народныхъ эпическихъ думъ, и этихъ пѣвцовъ безразлично называли и бандуристами, и кобзарями. Кобза — инструментъ несомнѣнно тюркскаго происхожденія. Слѣдя ея исторію, г. Фаминцынъ находитъ ее у древнихъ половцевъ, у татаръ, турокъ, венгерцевъ, румынъ, чеховъ, поляковъ, литовцевъ, наконецъ малоруссовъ. Старѣйшее извѣстіе о кобзѣ у малороссовъ встрѣчается въ XVI столѣтіи; козаки, по словамъ г. Фаминцына, могли заимствовать кобзу отъ сосѣднихъ татаръ черноморскихъ, съ XV в. образовавшихъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря крымскую орду (стр. 100). Съ другой стороны, родиной бандуры была Англія, гдѣ она была изобрѣтена, какъ говорятъ, въ царствованіе Елизаветы въ 1561 году (Pandorra, Bandoer). Затѣмъ мы видимъ ее у испанцевъ, итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, наконецъ въ Польшѣ и Малороссіи. „Замѣчательно,—говоритъ г. Фаминцынъ,—что инструменту, изобрѣтенному въ Англіи, обошедшему всю западную Европу, гдѣ онъ болѣе или менѣе укоренялся (напр. въ Италіи), или, вслѣдъ за появленіемъ своимъ, исчезалъ изъ употребленія, что этому инструменту суждено было сдѣлаться народнымъ инструментомъ малоруссовъ. Конечно, нынѣшняя малорусская бандура во многихъ отношеніяхъ существенно отличается отъ старинной англійской бандоры, но какъ имя ея, совпадающее съ именемъ западно-европейскаго инструмента, такъ и приблизительное время ея появленія въ рукахъ народныхъ пѣвцовъ украинскихъ, прямое отождествленіе малорусской бандуры съ соименнымъ ему западно-европейскимъ инструментомъ у писателей прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія, въ особенности же нѣкоторыя спеціальныя черты въ строѣ, названіяхъ струнъ и нѣкоторыхъ частей инструмента—убѣждаютъ въ томъ, что украинская бандура не есть наслѣдіе древнѣйшихъ временъ, о которомъ мечтаютъ нѣкоторые авторы, что она не тождественна съ классической пандурой (о кото-

рой мы никакого понятія не имѣемъ), а представляетъ заимствованіе уже въ позднѣйшія времена новѣйшаго изобрѣтенія западно-европейскаго" (стр. 119—120). Возможность проникновенія бандуры въ Малороссію г. Фаминцынъ объясняетъ тѣмъ наплывомъ западно-европейскихъ элементовъ, какой совершился здѣсь черезъ Польшу въ XVI—XVII столѣтіи. При старомъ польскомъ дворѣ процвѣтала иностранная музыка, между прочимъ съ итальянскими музыкантами, и у польскихъ писателей упоминается бандуристъ еще въ концѣ XVI столѣтія. Читатель найдетъ у г. Фаминцына любопытную исторію этого инструмента, который между прочимъ занялъ не послѣднее мѣсто и въ русской придворной музыкѣ прошлаго столѣтія. Изъ Украйны бандуристы проникли ко двору и въ дома русскихъ вельможъ, въ качествѣ домашнихъ музыкантовъ. Извѣстный Штелинъ въ „Извѣстіи о музыкѣ въ Россіи" (1769), разсказываетъ объ этомъ распространеніи бандуры: Украйна, по его словамъ, отличается въ Россіи особенною музыкальностью народа, какъ Провансъ во Франціи. „Наиболѣе употребительный инструментъ—бандура, на которой искусные украинцы играютъ прекраснѣйшіе польскіе и украинскіе танцы и звуками которой они умѣютъ сопровождать многочисленныя, весьма нѣжныя свои пѣсни. Вслѣдствіе того, что очень многіе люди въ Украйнѣ съ особеннымъ прилежаніемъ обучаются игрѣ на этомъ инструментѣ, издавна уже тамъ бываетъ изобиліе въ бандуристахъ. Изъ нихъ въ прежніе годы многіе время отъ времени отправлялись въ Москву и Петербургъ, гдѣ они принимались въ домахъ русскихъ вельможъ въ качествѣ домашнихъ музыкантовъ... Я зналъ нѣсколько отличнѣйшихъ бандуристовъ, умѣвшихъ при пѣніи и игрѣ, подъ звуки своихъ мелодій, прекрасно плясать по комнатѣ по-украински и, не прерывая игры, подносить ко рту и выпивать поставленный на бандуру полный стаканъ вина. Они постоянно отличаются въ знатныхъ домахъ отъ прочихъ слугъ своимъ одѣяніемъ, такъ какъ они носятъ не французское или нѣмецкое платье, а длинную и легкую украинскую одежду съ разрѣзными и висящими рукавами верхняго платья, подобно польскому, при чемъ они во время игры и пляски обыкновенно поднимаютъ переднія полы и подсовываютъ ихъ подъ кушакъ" (стр. 133—134). Штелинъ замѣчаетъ, что „въ послѣднія двадцать съ небольшимъ лѣтъ", т.-е. съ начала царствованія Елизаветы, эти бандуристы постепенно стали убывать изъ домовъ русскихъ вельможъ, по мѣрѣ того, какъ являлись новые инструменты (между прочимъ „клавиръ") и распространялась любовь къ итальянской музыкѣ.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ заключается здѣсь въ характерѣ той музыки, для исполненія которой служили (въ послѣднее время) кобза и бандура, музыки эпическихъ думъ и религіозно-поучи-

тельныхъ стиховъ. Въ первый разъ привлекли вниманіе къ этому вопросу думы и пѣсни извѣстнаго кобзаря Остапа Вересая, бывавшаго и въ Петербургѣ. По поводу его музыки, записанной г. Лисенкомъ, г. Фаминцынъ говоритъ, что эти думы и пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія „рѣзко отличаются отъ чисто-народныхъ пѣсенъ малорусскихъ. Мелодіи Вересая основываются по большей части на своеобразныхъ гаммахъ, хроматически украшенныхъ. Эти гаммы, съ ихъ напряженными чрезмѣрными интервалами, совсѣмъ неизвѣстны и чужды великорусскому слуху и мало свойственны малорусскому народному пѣнію".

Указавъ нѣкоторые виды такихъ гаммъ, свойственныхъ также ново-грекамъ, южнымъ и отчасти западнымъ славянамъ и венграмъ, г. Фаминцынъ говоритъ, что въ нихъ „несомнѣнно обнаруживается вліяніе востока" и дѣлаетъ предположеніе, что они могли быть заимствованы у сербскихъ пѣвцовъ, которые въ XVI и XVII столѣтіи доходили до Польши и Малороссіи (стр. 151—152). Упоминая затѣмъ другую особенность пѣсенъ Вересая, состоящую въ употребленіи мягкихъ, украшающихъ мелодію голосовыхъ фигуръ, г. Фаминцынъ находитъ, что „это опять черта чисто восточная, свойственная южнымъ славянамъ, грекамъ, цыганамъ, туркамъ, но отсутствующая въ чисто-народныхъ пѣсняхъ малорусскихъ и великорусскихъ, голосовыя украшенія которыхъ имѣютъ совсѣмъ иной характеръ" (стр. 154). Авторъ заключаетъ, что „стиль пѣсенъ слѣпцовъ-бандуристовъ является результатомъ извѣстной школы, проявляющей *какія-то* иноземныя вліянія".

Такимъ образомъ, вопросъ остается пока вопросомъ. Выше говоря о томъ, что въ гаммахъ пѣсенъ Вересая обнаруживается вліяніе востока, г. Фаминцынъ остается въ недоумѣніи, было ли это вліяніе турокъ или традицій древне-греческихъ (стр. 151). Дальше авторъ предполагалъ вліяніе сербскихъ пѣвцовъ, музыка которыхъ опять остается невыясненной. Очевидно, однимъ словомъ, что въ этомъ пунктѣ мы пока остаемся въ потьмахъ. Впослѣдствіи авторъ намѣревается остановиться на этомъ предметѣ въ особомъ изслѣдованіи о мелодическихъ основахъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ...

Рѣшеніе вопроса, конечно, должно принадлежать спеціалистамъ. Намъ кажется только, что при этомъ не должны быть забыты, кромѣ техническаго изученія музыки, тѣ культурныя условія, въ какихъ возникала поэзія эпическихъ думъ и духовно-нравственныхъ стиховъ, которыхъ напѣвы, по словамъ г. Фаминцына, не имѣютъ ничего общаго съ обыкновенной малорусской пѣсней. Малорусскія думы, какъ извѣстно, представляютъ форму эпическаго творчества, совсѣмъ не похожую на форму великорусской (и, вѣроятно, древне-русской) бы-

лины. Въ ея содержаніи мы находимъ не древнее преданіе, къ которому пѣвецъ можетъ относиться съ обычнымъ эпическимъ спокойствіемъ, быть можетъ, величавымъ, но холоднымъ; напротивъ, сюжетъ ея есть недавній фактъ, свѣжій въ народномъ воспоминаніи, изображенный еще съ неостывшимъ возбужденіемъ народной борьбы: отсюда драматическое оживленіе, отличающее думы, отсюда примѣсь лиризма, обыкновенно совершенно чуждаго эпосу. Дума создавалась подъ такимъ наплывомъ чисто народнаго возбужденія, что трудно, кажется, принять здѣсь воздѣйствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ *случайныхъ* вліяній, какимъ представлялось бы, напримѣръ, вліяніе сербскихъ пѣвцовъ, о которомъ упомянуто выше. Если тѣмъ не менѣе надо признать въ музыкѣ этой поэзіи присутствіе „какихъ-то иноземныхъ“ вліяній,—это могли бы быть только вліянія, которыя существовали бы въ самомъ быту. Такого рода вліянія дѣйствительно были. Южная Русь въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ была въ сосѣдствѣ, въ торговыхъ встрѣчахъ и военныхъ столкновеніяхъ съ черноморскими тюрками; эти связи продолжались съ половецкихъ временъ и до крымскихъ татаръ. Южно-русское козачество приняло извѣстную окраску восточнаго наѣздничества; пребываніе множества южно-русскихъ плѣнниковъ въ Крыму, откуда имъ удавалось возвращаться, знакомило съ обычаями татаръ, и извѣстное культурное ихъ вліяніе оставило свой слѣдъ въ малорусскомъ языкѣ; если могъ быть заимствованъ у татаръ музыкальный инструментъ (кобза), не было бы ничего мудренаго, что была бы при этомъ усвоена та или другая музыкальная манера, въ родѣ тѣхъ музыкальныхъ украшеній, о которыхъ упоминаетъ г. Фаминцынъ. Эти восточныя особенности могли бы съ одной стороны отличить музыку думъ отъ музыки другихъ пѣсенъ; а съ другой стороны своеобразное содержаніе козацкаго эпоса могло само по себѣ создать новый музыкальный пріемъ, отличный отъ стараго традиціоннаго пріема. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что объясненіе музыки думъ, — какъ можно полагать, сравнительно позднѣйшей,— необходимо должно принять въ соображеніе бытовыя условія народной жизни.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ образчиковъ, новое изслѣдованіе г. Фаминцына можетъ представить интересъ не для однихъ спеціалистовъ музыки или археологовъ: исторія музыкальныхъ инструментовъ дополняется подробностями изъ исторіи быта и сопровождается многочисленными рисунками, гдѣ воспроизведены старинныя изображенія предметовъ и самаго исполненія. Въ концѣ находится музыкальное приложеніе съ нотами для балалайки, бандуры и гитары.

Къ страницѣ 5—6 замѣтимъ, что относительно инструментовъ съ названіями: „замара“, „самара“, „зомры“—собраны были различныя

сопоставленія въ изслѣдованіяхъ г. Веселовскаго, которыхъ авторъ, кажется, не имѣлъ въ виду.

— *О студенческой жизни въ Дерптѣ.* (Съ эпиграфомъ: „Quieta non movere!"). Спб., 1891.

Небольшая книжка неизвѣстнаго автора, съ эпиграфомъ, совѣтующимъ не трогать того, что̀ спокойно существуетъ, разсказываетъ не мало интереснаго о студенческой жизни въ Дерптѣ, совсѣмъ не похожей на жизнь студентовъ въ другихъ нашихъ университетахъ, разсказываетъ съ цѣлью защитить этотъ студенческій бытъ Дерпта отъ упраздненія, которое представляется возможнымъ при современныхъ преобразованіяхъ учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ въ духѣ обрусенія. Авторъ описываетъ съ большими подробностями студенческіе нравы и обычаи въ Дерптѣ, которые съ нѣкоторыми видоизмѣненіями представляютъ повтореніе студенческихъ нравовъ въ Германіи; эти послѣдніе болѣе или менѣе извѣстны, и въ Дерптѣ мы встрѣчаемъ опять тѣ же корпораціи, тотъ же студенческій уставъ, тѣ же обязательные кнейпы, дуэли и т. п. Авторъ, соглашаясь, что, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ студенческая жизнь въ Дерптѣ нуждалась бы въ нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, остается, однако, ревностнымъ защитникомъ того общаго принципа, который въ упомянутыхъ формахъ студенческой жизни доставляетъ юношеству драгоцѣнныя условія нравственнаго и общественнаго воспитанія: юноша, покинувъ собственно школьную скамью гимназіи, въ университетѣ—съ его корпораціями, съ обязательнымъ на первый годъ повиновеніемъ каждому старшему студенту, съ его собраніями въ кнейпахъ, съ его судомъ чести и даже дуэлями—въ этомъ университетѣ впервые встрѣчаетъ подобіе общественной жизни, получаетъ извѣстную свободу, можетъ вдоволь повеселиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ сообразоваться съ извѣстными уставами и общественными требованіями, и во всемъ этомъ проходитъ нѣкоторую школу общественной жизни, причемъ, однако, строго исключается всякая политика. Шумная жизнь въ корпораціяхъ не мѣшаетъ, однако, занятіямъ наукою и авторъ приводитъ на основаніи точныхъ исчисленій любопытную цифру ученыхъ людей, выходящихъ изъ этой среды: дерптскій университетъ поставилъ цѣлую массу ученыхъ профессоровъ, академиковъ и т. п. въ русскихъ и иностранныхъ университетахъ, академіяхъ и высшихъ школахъ, такъ что каждый пятидесятый студентъ есть будущій профессоръ, академикъ и т. д.

Начиная свою защиту дерптскихъ университетскихъ обычаевъ,

авторъ приводитъ слѣдующее соображеніе: „Въ то время, какъ всѣ наши университеты хронически подвержены болѣе или менѣе серьезнымъ волненіямъ и безпорядкамъ среди студентовъ, пытающихся принять участіе въ соціальной и политической жизни общества, одинъ только дерптскій университетъ остается спокойнымъ; всеобщее, столь свойственное юношескому возрасту возбужденіе и безпокойное желаніе дѣятельности какъ будто не касается его питомцевъ, и невольно зарождается мысль, не должно ли такое явленіе приписать оригинальному устройству въ немъ студенческой жизни. Интересно, поэтому, прослѣдить, какъ именно удается дерптскимъ студенческимъ корпораціямъ превращать пылкіе и до извѣстной степени необузданные порывы молодежи въ благонадежныя стремленія и какимъ образомъ молодые студенты постепенно научаются отъ своихъ старшихъ товарищей, что истинная свобода состоитъ не въ необузданности и своеволіи, а въ точномъ исполненіи ими самими признанныхъ правилъ и законовъ“.

Безъ сомнѣнія, превращеніе пылкихъ порывовъ молодежи въ благонадежныя стремленія очень желательно, и весьма прискорбно видѣть, когда эти порывы въ извѣстныхъ случаяхъ влекутъ за собою тягостныя послѣдствія для всей остальной жизни человѣка,—но объясненія автора не совершенно точны. Дерптскій университетъ въ послѣднія лѣтъ тридцать, къ счастію, дѣйствительно не испыталъ треволненій, происходившихъ въ остальныхъ нашихъ университетахъ; но причина этого заключалась не въ одномъ складѣ студенческой дерптской жизни, или вовсе не въ немъ, а въ общихъ условіяхъ этого университета. Во всякомъ случаѣ это былъ университетъ нѣмецкій, съ порядками внутренними и внѣшними, скопированными съ университетовъ германскихъ, и съ большинствомъ студентовъ-нѣмцевъ. Историческая жизнь Остзейскаго края шла очень долго, до самаго послѣдняго времени, совершенно особнякомъ отъ русской жизни—до такой степени, что настоянія, производимыя теперь относительно распространенія русскаго государственнаго языка въ Остзейскомъ краѣ, представляются людямъ, выросшимъ въ прежнемъ порядкѣ вещей, какъ бы насиліемъ. Остзейскій край привыкъ къ своей обособленности; остзейскіе нѣмцы со временъ Петра, и особливо при его преемникахъ, игравшіе большую роль и въ высшей правительственной сферѣ, и въ администраціи гражданской и военной, и своимъ вліяніемъ поддерживавшіе эту обособленность, считали себя людьми привилегированными—и во многихъ случаяхъ дѣйствительно представляли болѣе высокій культурный уровень въ сравненіи съ той русской средой, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать; съ другой стороны, однако, съ самаго начала и донынѣ, эти дѣятели Остзейскаго

края всего чаще оставались чужды внутреннимъ инстинктамъ и стремленіямъ русской жизни, народной и общественной. Остзейскій край считалъ себя нѣмецкимъ; поэтому именно и въ новѣйшее время русскія внутреннія волненія остались чужды и ему, и дерптскому университету: дерптскіе студенты не только заняты были дѣлами корпорацій, коммершами, дуэлями и т. д., но и не имѣли понятія о томъ, чѣмъ волновалась тогда русская жизнь, общество, литература, самые университеты. Это и была существенная причина, почему среди волненій и безпорядковъ въ русскихъ университетахъ „одинъ только дерптскій университетъ оставался спокойнымъ".

Что сами по себѣ дерптскіе студенческіе порядки не составляютъ средства для водворенія академическаго спокойствія, объ этомъ проговаривается самъ авторъ, когда замѣчаетъ (стр. 33), что „въ настоящее время, быть можетъ, вредно и опасно примѣнить академическую свободу ко всѣмъ русскимъ университетамъ". Очевидно, что самыя условія внутренней жизни университетовъ весьма различны и что студенческіе дерптскіе обычаи, повторенные изъ Германіи, не составляютъ послѣдняго средства для нормальной организаціи университетскаго быта.

Мы, впрочемъ, вовсе не думаемъ оспаривать тѣхъ добрыхъ вліяній, какія авторъ указываетъ въ защищаемыхъ имъ порядкахъ нѣмецкаго студенческаго быта. Авторъ немного идеализируетъ ихъ, но есть правда въ томъ, что въ жизни корпорацій есть свой психологическій смыслъ и своя педагогическая цѣлесообразность. „Дерптскій университетъ, — говоритъ авторъ, — предоставляетъ образованнымъ юношамъ полный просторъ счастливо пережить этотъ трудный переходный періодъ между дѣтствомъ и возмужалостью, гораздо болѣе трудный, чѣмъ самое дѣтство, такъ какъ тутъ, и именно при условіи большой даровитости, большемъ количествѣ знаній, происходитъ наиболѣе опасное столкновеніе съ дѣйствительною жизнью. Въ Дерптѣ сознаютъ необходимость дать студенту возможность высказывать и обнаруживать свой внутренній міръ. Заботятся лишь о томъ, чтобы дѣлаемые имъ опыты не могли повредить ни ему самому, ни окружающему его обществу, ни государству. Все тотъ же самими студентами поставленный законъ строго воспрещаетъ имъ заниматься какими бы то ни было политическими вопросами. Имъ довольно того, что они могутъ осуществить свои любимыя политическія и соціальныя начала въ небольшомъ кругу своихъ сверстниковъ. Въ предѣлахъ корпораціи, въ изображеніи подобія государственной жизни, находятъ примѣненіе идеальныя стремленія и расходуется избытокъ юношескихъ силъ студента" (стр. 30—31).

Надо сказать правду, что у насъ, судя по бывшимъ примѣрамъ,

очень мало понимается эта психологія юношеской жизни или не понимается совсѣмъ.

Въ заключеніи брошюры авторъ говоритъ, ссылаясь на то, что порядки студенческой жизни въ Дерптѣ не давали мѣста противогосударственнымъ явленіямъ и нигилизму: „Отмѣнить тѣ начала, которыя оказались столь хорошими и полезными для студенческаго строя, значило бы отнять у дерптскаго университета ту основу, на которой зиждется его порядокъ и благонадежность. Съ точки зрѣнія государственнаго порядка такой образъ дѣйствія имѣлъ бы характеръ самоубійства".

Выше мы объясняли, что говорить здѣсь о волненіяхъ въ русскихъ университетахъ не совсѣмъ вѣрно и не усиливаетъ аргументаціи автора, но тѣмъ не менѣе согласимся съ его совѣтомъ и пожеланіемъ: „Quieta non movere",—потому что ломка всякаго обычая, установившагося въ жизни и имѣющаго въ ней свой смыслъ, всегда наноситъ ущербъ здоровому теченію этой жизни, подрывая въ ней ту нравственную силу, какая дается преданіемъ. Но замѣтимъ еще одно. Самъ авторъ находитъ, что дерптская академическая жизнь нуждается въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ и улучшеніяхъ. Въ самой Германіи, родоначальницѣ этихъ дерптскихъ порядковъ, складъ студенческихъ нравовъ (какъ можно было видѣть недавно, когда поднятъ былъ этотъ вопросъ по поводу рѣчи германскаго императора) начинаетъ вызывать весьма скептическое отношеніе: эти нравы, кромѣ тѣхъ сторонъ, какія указываетъ авторъ настоящей брошюры, имѣютъ свою оборотную сторону,—студенческая веселость переходитъ въ разнузданность, а удаленіе отъ „политики"—въ безпринципность. Едва ли не происходитъ нѣчто подобное и въ Дерптѣ: въ послѣднее время газеты приводили весьма неприглядные эпизоды дерптскихъ академическихъ нравовъ.—А. П.

— *Сборникъ отвѣтовъ на вопросы церковной жизни*, протоіерея церкви Императорскаго Петергофскаго Дворца, *А. А. Автономова*. Спб. Тип. Муллеръ и Богельманъ. 1891. Стр. 21.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ появились въ печати отвѣты на вопросы, „предложенные въ 1890/91 г. слушателями внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій, веденныхъ въ петергофской придворной Крестовоздвиженской церкви протоіереемъ церкви Имп. Петергофскаго Дворца А. А. Автономовымъ". По объясненію автора, въ предисловіи къ брошюрѣ, она служитъ откликомъ на одну изъ мѣръ, предпринятыхъ св. синодомъ „для расширенія предѣловъ проповѣднической

дѣятельности пастырей", а именно, въ послѣднее время священнослужителямъ было разрѣшено дѣлать внѣ-богослужебныя вечернія собранія для собесѣдованія съ народомъ. Конечно, этой превосходной мѣрѣ не соотвѣтствуетъ, быть можетъ, во многихъ случаяхъ, степень подготовленности къ такой важной новой области въ дѣятельности самихъ пастырей, — но если бы никогда такая мѣра не была принята, то тѣмъ самымъ никогда нельзя было бы ожидать и подготовленности къ сближенію священнослужителя съ его паствою. Не ограничиваясь формою, предложенною св. синодомъ, авторъ „Сборника" ввелъ особый пріемъ, а именно, предложилъ своимъ слушателямъ обращаться къ нему письменно съ различными вопросами, имѣющими отношеніе къ духовной ихъ жизни, и не только потомъ отвѣчалъ на такіе вопросы во время собесѣдованій, но и рѣшился издать свои бесѣды въ вышедшей нынѣ брошюрѣ, въ которой, безъ сомнѣнія, онъ выбралъ предметы, на его взглядъ наиболѣе существенные.

Этотъ первый опытъ заслуживаетъ, конечно, всесторонняго разсмотрѣнія, но въ настоящемъ случаѣ мы должны ограничиться только указаніемъ на одно его болѣе или менѣе существенное содержаніе. Какъ мы слышали, эта брошюра получила самое широкое распространеніе, благодаря счастливой для нея случайности. Изъ 15 вопросовъ, отвѣты на которые составляютъ все содержаніе брошюры, послѣдній вопросъ выраженъ такъ: „Не противно ли христіанской вѣрѣ и нравственности распространяющееся за послѣднее время страхованіе жизни?" Ссылаясь на различные тексты Новаго Завѣта, почтенный авторъ доказываетъ то, въ чемъ большинство нашихъ читателей, вѣроятно, всегда было убѣждено, а именно, пользу страхованія жизни, одобряемаго и благоразуміемъ, и простымъ народнымъ здравымъ смысломъ, сложившимъ извѣстное изреченіе: „береженаго и Богъ бережетъ!" Одно изъ страховыхъ обществъ, въ виду этого послѣдняго отвѣта (другіе отвѣты, конечно, меньше интересовали его), распространило эту брошюру въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Но въ ней есть много и другихъ интересныхъ вопросовъ; такъ, напримѣръ, благодаря новому ученію гр. Л. Н. Толстого, одинъ вопросъ можетъ занять тѣхъ, которые причастны „грѣху куренія". Кто-то изъ слушателей,—можетъ быть, смущенный извѣстною статьею нашего талантливаго писателя,—предложилъ вопросъ: „Откуда взялся табакъ и грѣхъ ли его курить?" Ссылаясь на тексты св. Писанія, почтенный авторъ особенно напоминаетъ то, что „извнѣ входящее въ человѣка не можетъ осквернить его... Такъ надлежитъ относиться,—говоритъ онъ, — и къ табаку, который, какъ одно изъ растеній, созданныхъ Богомъ, самъ по себѣ добро (Быт. I, 31)... Словомъ, куреніе табаку,—заключаетъ авторъ, — излишенство (sic!), ко-

торое, разъ оно не вредитъ здоровью (что̀, впрочемъ, — по мнѣнію автора,—вопросъ нерѣшенный), грѣхомъ назвать нельзя, потому что не имѣетъ того пагубнаго вліянія на нравственное состояніе и поведеніе человѣка, какъ напримѣръ — питье водки, особенно неумѣренное". Многіе изъ курильщиковъ, прочтя такую почти апологію куренія, вздохнутъ съ облегченною совѣстью, а продавцы табаку, пожалуй, обрадуются не менѣе страховыхъ обществъ; но мы предвидимъ и опасаемся одного возраженія со стороны гр. Л. Н. Толстого; онъ, сдается намъ, непремѣнно скажетъ:—вѣрно, авторъ самъ куритъ!..

Въ брошюрѣ есть, впрочемъ, и болѣе серьезные вопросы, какъ напримѣръ: „Слѣдуетъ ли православнымъ христіанамъ ходить въ храмы католическіе или лютеранскіе для знакомства съ богослуженіемъ католиковъ и лютеранъ?" Или: „Въ какихъ отношеніяхъ надлежитъ быть намъ къ евреямъ и позволительно ли христіанину трапезовать съ ними?"—При рѣшеніи этихъ вопросовъ, почтенный авторъ не ссылается больше на то, на что сейчасъ ссылался по другому поводу, а именно, что „извнѣ входящее въ человѣка не можетъ осквернить его". Имѣя въ виду другіе тексты, авторъ, по первому вопросу, „не рекомендуетъ ходить въ иновѣрные храмы" и дѣлаетъ исключеніе только для тѣхъ случаевъ, когда есть „полезная цѣль", или „надобность", или, наконецъ, когда того требуетъ „обязанность служенія" (?). Что касается до второго вопроса, то авторъ, между прочимъ, ссылается на то, что „одиннадцатое правило VI-го вселенскаго собора, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, запрещаетъ христіанамъ вступать въ содружество съ іудеями, въ болѣзняхъ призывать ихъ, врачевства принимать отъ нихъ, и въ баняхъ купно съ ними мыться". Но ка̀къ все это согласовать съ ученіемъ Спасителя, не разъ упрекавшаго евреевъ того времени, и особенно фарисеевъ, за ихъ презрительное отношеніе къ иновѣрцамъ—напримѣръ, къ самаритянамъ—почтенный авторъ не объясняетъ этого въ настоящемъ своемъ отвѣтѣ.—М. Э.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію были доставлены слѣдующія книги и брошюры:

Абаза, К. К. Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Спб. 1891. 8°. VI и 379 стр. Ц. 1 р. 50 к.

——— Отечественные героическіе разсказы. Съ рисунками, картами и планами. Спб. 1891. 8°. IV и 395 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Боккаччьо, Джьованни. Декамеронъ. Переводъ Александра Веселовскаго, съ этюдомъ о Боккаччьо. Иллюстраціи французскихъ художниковъ Баронъ,

Жоанно, Эми, Нантейля, Гранвилля, Пино, Жирардэ, Лепуатвенъ, Покэ, Гольфельди и др. Изданіе т-ва И. В. Кушнерева и К° и книжнаго магазина П. К. Прянишникова. М. 1891. Больш. 8°. XV и 417 стр. Цѣна съ билетомъ на 2-й томъ 10 руб.

Бѣляевъ, Д. Ѳ. Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Книга I. Обзоръ главныхъ частей большого дворца византійскихъ царей. Приложеніе: Матеріалы и замѣтки по исторіи византійскихъ чиновъ. Съ планомъ (Лабарта) большого дворца, ипподрома и храма св. Софіи. Спб. 1891. Больш. 8°. 200 стр. Ц. 2 р.

Велизарій, Евгеній. Стихотворенія. Одесса. 1891. 8°, 34 стр.

Викторовъ, П. Броунъ-Секаровскій способъ подкожныхъ впрыскиваній и его значеніе въ леченіи нервныхъ больныхъ, старческаго ослабленія и чахотки (бугорчатки легкихъ). Изданіе автора. М. 1891. 8°. VIII, 238 стр. и таблица.

Галіани, аббатъ. Бесѣды о торговлѣ зерномъ. Перевелъ съ французскаго М. Драгомировъ. Кіевъ. 1891. 8°. III, 209, XXII стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гейнце, Н. Э. Малюта Скуратовъ. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изданіе М. И. Троянскаго. Спб. 1891. 12°. IX и 459 стр. Ц. 1 р.

Горяиновъ, С. М., издатель. Общій уставъ о воинской повинности. Изданіе второе (неоффиціальное). Спб. 1891. 12°. V и 238 стр. Ц. 60 к., съ пер. 70 к., въ коленкоровомъ переплетѣ цѣна 75 к., съ пер. 90 к.

Гюйо, М. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи, съ предисловіемъ Альфреда Фулье. Переводъ ко 2-му французскому изданію подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1891. 8°. XXXV, 353 и IV стр. Ц. 2 р. 50 к.

Карамзинъ, Н. М. Переводы (Семейная библіотека, № 19). Спб. 1891. Май. 8°. 63 стр. Цѣна всего изданія, 12 кн. въ годъ—2 р., полгода—1 р.; отдѣльные томики по 25 к. (Редакторъ изданія А. Чудиновъ, издатель Ѳ. Трозинеръ).

Корсаковъ, Д. А. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Казань. 1891. 8°. II непомѣч., 448 и XIX стр. Ц. 3 р.

Лучицкая, М. В. Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей. Выпускъ I. Норвежскіе писатели. Переводъ съ норвежскаго (Б. Бьернсонъ, А. Гарборгъ, Г. Ибсенъ, А. Килландъ). Кіевъ. 1891. 12°. II и 292 стр. Ц. 1 р.

Николайчикъ, Ѳ. Д. Городъ Кременчукъ. Историческій очеркъ. Спб. 1891. 8°. 217 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій, Н. Простѣйшій способъ введенія у насъ новаго стиля. Спб. 1891. 8°. 13 стр.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи. Томъ III. Этнографія малорусская. Спб. 1891. 8°. VIII и 425 стр. Цѣна за все сочиненіе (въ четырехъ томахъ) 10 р.

Рейнботъ, Е. Ф., инженеръ-технологъ. Отвѣты на вопросы: какъ и изъ чего „это“ дѣлается? изъ области техническихъ производствъ. Изданіе седьмое, вполнѣ переработанное. Съ алфавитнымъ указателемъ и 125 рисунками въ текстѣ. Спб. 1891. 8°. XVII и 463 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Романовъ, Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Выпускъ пятый. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебскъ. 1891. 8°. XV и 448 стр. Ц. 2 р.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Полное собраніе сочиненій, т. II. Господа Головлевы (1872—1876 г.). Сатиры въ прозѣ (1860—1862 г.). Изданіе наслѣдниковъ автора. Спб. 1891. 8°. 569 стр. Ц. по подпискѣ на 12 томовъ—20 р., съ пер. 22 р. 50 к. Каждый томъ отдѣльно—2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Соколовъ, Корнилій, докторъ-медицины. Хирургія для фельдшеровъ. Томъ

первый. Хирургія собственно. Съ 94 рис. въ текстѣ и 2 таблицами хирургическихъ инструментовъ. Спб. 1891. 8°. XXII и 336 стр. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія. Томъ IV. Спб. 1891. 8°. 432 стр. Ц. 2 р.

Сукачевъ, В. П. Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головой В. П. С—мъ. М. 1891. 8°. 268 стр. Ц. 2 р.

Фаминцынъ, Ал. С. Домрà и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка. Кобза. Бандура. Торбанъ. Гитара. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Спб. 1891. 4°. 218 и 14 стр. „Музыкальнаго приложенія". Ц. 3 р.

Чугуевецъ, П. А. Изъ украинскаго уголка. Повѣсти и разсказы. Харьковъ. 1891. 12°. 298 стр. Ц. 1 р. 20 к.

— Баку и его окрестности. Тифлисъ. 1891. Приложеніе къ справочной книгѣ старожила „Кавказъ"—№ 34. Съ планомъ.

— Батумъ по однодневной переписи 17-го іюня 1890 г. Изданіе Батумской Городской Управы. Батумъ. 1891. 8°. 154 и 68 стр., съ планомъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

— О студенческой жизни въ Дерптѣ. „Quieta non movere!" Спб. 1891. 16°. 35 стр. Ц. 30 к.

— Протоколы съѣзда врачей Александровскаго уѣзда за 1890 г. Александровскъ. 1891. 8°. 623 и VIII стр.

— Труды Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1890—1891 годъ. Апрѣль и Май. Годъ пятьдесятъ седьмой. Спб. 1891. 8°. 36 стр.

— Ученыя Записки Импер. Казанскаго университета. Годъ LVIII. Книга четвертая. Іюль—Августъ. Казань. 1891. 8°. 216, 9, 769—901 стр.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ein Rückblick aus dem Jahre 2037 auf das Jahr 2000. Aus den Erinnerungen des Herrn Julian West. Herausgegeben von *Dr. Ernst Müller.* Berlin, 1891.

Извѣстный романъ Беллами, содержаніе котораго было въ свое время обстоятельно разобрано въ нашемъ журналѣ проф. И. И. Янжуломъ, появился у насъ почти одновременно въ двухъ переводахъ (въ изданіяхъ гг. Суворина и Павленкова), изъ которыхъ первый (г. Гея) успѣлъ уже выйти вторымъ изданіемъ. Изъ этого можно видѣть, что книга талантливаго американца пользуется и у насъ большимъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Описаніе новыхъ экономическихъ условій, среди которыхъ очутился герой романа, Юліанъ Вестъ, проспавшій болѣе ста лѣтъ въ летаргическомъ снѣ, дѣйствуетъ на читателя своимъ искреннимъ, убѣжденнымъ тономъ, и читатель невольно заражается оптимизмомъ автора, его глубокою вѣрою въ свѣтлую будущность человѣчества. Но многое въ книгѣ остается недосказаннымъ и неяснымъ. Новое общественное устройство, объясняемое авторомъ устами доктора Лита и его дочери Юдиеи, оказывается вполнѣ идеальнымъ, свободнымъ не только отъ всякихъ слѣдовъ соціальнаго неравенства и несправедливости, но и отъ проявленій какихъ-либо человѣческихъ слабостей и пороковъ; всѣ съ одинаковою преданностью служатъ обществу, работаютъ для націи и получаютъ отъ нея съ избыткомъ необходимыя средства къ спокойному культурному существованію. Въ книгѣ говорится часто о высшей распорядительной власти государства надъ отдѣльными гражданами, но сами распорядители, дѣйствующіе столь полновластно и справедливо отъ имени цѣлой націи, остаются гдѣ-то за кулисами, и весь механизмъ управленія, достигающаго столь удивительныхъ результатовъ, совершенно скрытъ отъ читателя. Въ романѣ Беллами дается понять, что распоряженія правителей всегда безукоризненны и непогрѣшимы при соціальномъ строѣ XX-го вѣка; но откуда берутся и чѣмъ обезпечиваются эти идеальныя качества многочисленныхъ

агентовъ власти? Какъ устраняется возможность злоупотребленій и произвола, крупныхъ ошибокъ и увлеченій, разногласій и конфликтовъ, вызываемыхъ естественными недостатками человѣческаго характера? На эти вопросы нѣтъ отвѣта въ книгѣ Беллами; они почему-то не приходили въ голову герою романа, Юліану Весту, когда докторъ Литъ расписывалъ ему яркими красками благодѣянія осуществившагося золотого вѣка.

Этимъ важнымъ пробѣломъ въ трудѣ Беллами воспользовался нѣмецкій писатель, Эрнстъ Мюллеръ, чтобы представить теорію, прямо противоположную взглядамъ американскаго автора, въ видѣ разсказа о позднѣйшихъ испытаніяхъ и разочарованіяхъ Юліана Веста. Продолженіе романа, придуманное Мюллеромъ, касается почти исключительно тѣхъ закулисныхъ пружинъ и особенностей новаго соціалистическаго строя, которыя остались незатронутыми въ книгѣ Беллами. Разсказъ самъ по себѣ довольно интересенъ, но онъ грѣшитъ недостаткомъ логики и явнымъ неправдоподобіемъ многихъ существенныхъ эпизодовъ.

Юліанъ Вестъ получилъ въ Бостонѣ профессорскую каѳедру по исторіи XIX-го вѣка. Проникнутый идеями доктора Лита и своей молодой жены Юдиѳи, онъ не имѣлъ понятія о способахъ практическаго примѣненія высокихъ принциповъ, положенныхъ въ основу всей окружающей жизни; онъ впервые узналъ объ оборотной сторонѣ медали отъ одного изъ своихъ слушателей, который жаловался ему на невыносимыя преслѣдованія администраціи, желавшей почему-то закрыть ему дорогу къ ученой карьерѣ и заставить его сдѣлаться простымъ рабочимъ. Отецъ молодого Норберта, честный и популярный правительственный врачъ, возбудилъ противъ себя гнѣвъ и мщеніе одного вліятельнаго семейства, которому удалось лишить его практики и погубить его въ общественномъ мнѣніи; мстительныя интриги направились и противъ сына, начиная съ его первыхъ школьныхъ лѣтъ, и весь учебный персоналъ былъ почему-то послушнымъ орудіемъ этого фантастическаго преслѣдованія. Эта наивная исторія показываетъ, что, по мнѣнію Мюллера, люди XX-го вѣка будутъ поступать хуже и глупѣе нашего; но такое своеобразное пророчество не имѣетъ, конечно, никакой связи съ вопросомъ о достоинствахъ или недостаткахъ извѣстнаго общественнаго строя. Самъ Вестъ дѣлается жертвою общей глупости и непониманія; ему запрещаютъ чтеніе лекцій за то, что въ характеристикѣ французской революціи онъ будто бы позволилъ себѣ нѣкоторые намеки на недобросовѣстныя дѣйствія и пріемы правительства, чего, однако, у него и въ мысляхъ не было. Оставаясь горячимъ поклонникомъ новыхъ по-

рядковъ, онъ былъ заподозрѣнъ въ несочувствіи къ нимъ, и у него отнята каѳедра, безъ объясненія причинъ; никто не желалъ даже выслушать его оправданій, всѣ отворачивались отъ него, и даже собственная его жена, Юдиѳь, стала относиться къ нему недовѣрчиво. Вестъ поѣхалъ въ Вашингтонъ, чтобы добиться защиты у президента; по дорогѣ онъ встрѣтилъ нѣкоего добродушнаго и разговорчиваго члена національнаго конгресса, который тутъ же сообщилъ ему много поразительныхъ свѣденій о печальныхъ послѣдствіяхъ системы равенства, о распущенности и лѣности работниковъ, о невозможности найти достаточное число добровольцевъ для исполненія непріятныхъ или опасныхъ работъ, о неизбѣжномъ произволѣ распорядителей и о деспотическомъ режимѣ президента. Во главѣ правительства стоитъ человѣкъ съ выдающимся государственнымъ талантомъ и съ желѣзною силою воли, но крайне неразборчивый въ средствахъ. Такъ какъ доступъ къ президенту открытъ для всѣхъ, то Вестъ могъ объясниться съ нимъ тотчасъ по прибытіи въ Вашингтонъ; но всѣ усилія его убѣдить президента въ своей невинности были напрасны: президентъ имѣлъ уже подробные отчеты объ его превратныхъ идеяхъ, и на столѣ лежалъ печатный экземпляръ преступной лекціи, записанной, очевидно, тайными агентами правительства. Какъ могло заниматься подобными пустяками правительство, обремененное всѣми общественными и хозяйственными дѣлами цѣлаго народа,—этого не объясняетъ Мюллеръ. Президентъ пускается въ длинные разговоры съ Вестомъ, излагаетъ ему принципы своей многолѣтней коварной политики и доказываетъ необходимость крутыхъ мѣръ для сдерживанія народнаго стада подъ прикрытіемъ возвышенныхъ и популярныхъ идей; въ заключеніе онъ предлагаетъ собесѣднику отказаться отъ оппозиціи и примкнуть къ правительству, причемъ ему легко будетъ сдѣлать себѣ блестящую карьеру. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Вестъ принимаетъ мѣсто шерифа въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ. Прежде чѣмъ ѣхать туда, онъ проводитъ нѣсколько дней въ имѣніи упомянутаго выше члена конгресса, Чекльби, и застаетъ тамъ многихъ усердныхъ слугъ, которые оказываются потомками китайскихъ поселенцевъ, не допущенныхъ къ пользованію общими правами гражданъ. Семейство пользуется имѣніемъ только временно, и по этому поводу дочь Чекльби, Флоретта, съ горечью вспоминаетъ о той счастливой эпохѣ, когда существовала еще частная собственность, когда дѣвушки не должны были думать объ общественныхъ обязанностяхъ, а могли заниматься только домашнимъ хозяйствомъ, подготовляясь къ спокойному и отрадному подчиненію волѣ мужа, и когда можно было устроиться прочно на своемъ собственномъ участкѣ земли, въ

своемъ собственномъ домѣ. Размышленія, влагаемыя Мюллеромъ въ уста Флоретты, отличаются прозаическимъ, хозяйственнымъ духомъ, довольно неожиданнымъ въ поэтической дѣвицѣ, какою выставляетъ ее авторъ.—Тѣмъ временемъ Вестъ подвергается тяжкимъ ударамъ судьбы. Жена несогласна слѣдовать за нимъ къ мѣсту его назначенія, въ виду общественныхъ дѣлъ, удерживающихъ ее въ Бостонѣ. Онъ ѣдетъ одинъ, съ твердою рѣшимостью водворить законные порядки въ городѣ, ввѣренномъ его управленію; но тамъ онъ встрѣчаетъ открытое противодѣйствіе въ лицѣ своего оффиціальнаго помощника, привыкшаго распоряжаться дѣлами самовластно. Онъ видитъ массу злоупотребленій: всѣ уклоняются отъ работы подъ разными предлогами, и національные продукты свободно расхищаются контролерами. Вестъ затѣваетъ борьбу, пробуетъ дѣйствовать круто, по примѣру президента, но вызываетъ вооруженный бунтъ радикаловъ, подъ предводительствомъ того самаго Норберта, который обращался къ нему за помощью и которому онъ доставилъ затѣмъ должность фабричнаго надзирателя. Норбертъ сталъ честолюбивымъ агитаторомъ, безъ совѣсти и чести; онъ съумѣлъ пріобрѣсть сочувствіе жены Веста, Юдиѳи, и послѣдняя сообщила мужу, что она нашла человѣка, съ которымъ болѣе сходится въ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Семейное несчастье, постигшее Веста, вытекало будто бы изъ того отрицанія семейной жизни, которое господствуетъ въ XX вѣкѣ. Норберту также не повезло: бунтъ его не удался; большинство населенія было на сторонѣ Веста,—оно давно страдало отъ неурядицы и стремилось освободиться отъ тягостнаго безправія. Президентъ бездѣйствовалъ, разочаровавшись окончательно въ преимуществахъ установленнаго соціальнаго строя; передъ смертью онъ составилъ политическое завѣщаніе, въ которомъ убѣждалъ народъ возвратиться къ индивидуализму. Вестъ, тяжело раненый Норбертомъ, нашелъ себѣ пріютъ въ семействѣ Чекльби; когда онъ впервые очнулся отъ долгаго лихорадочнаго состоянія, онъ узналъ о паденіи всего существовавшаго порядка и о повсемѣстномъ торжествѣ принциповъ личной свободы и личной собственности. Народъ ликовалъ, такъ какъ всякій опять получилъ возможность пользоваться плодами своего труда и называть ихъ своими, безъ посторонняго вмѣшательства и контроля. Само собою разумѣется, что мечтательная индивидуалистка Флоретта утѣшила Веста своею любовью и устроила ему законное семейное счастье. Злой Норбертъ погибъ, не успѣвъ соединиться съ Юдиѳью; послѣдняя застрѣлилась или отравилась. Такъ закончился соціалистическій опытъ, восхищавшій доктора Лита и нашедшій такого искренняго поклонника въ Юліанѣ Вестѣ.

Исторія, придуманная Мюллеромъ, производитъ впечатлѣніе плохого „ужаснаго“ романа, съ таинственными, но эффектными подробностями. Разнообразные эпизоды, доказывающіе несостоятельность новаго порядка, усвоеннаго XX вѣкомъ, вызываютъ недоумѣніе своею очевидною произвольностью и ненатуральностью. Непонятно напримѣръ, почему въ будущей республикѣ окажется уничтоженною свобода мнѣній, свобода слова, печати и преподаванія, съ которою давно свыклись и сжились народы даже въ современныхъ республикахъ. Непонятно также, почему въ государствѣ будущаго должны возродиться и процвѣтать старинные пріемы политическаго шпіонства и преслѣдованія въ столь безсмысленныхъ формахъ, какія не существуютъ теперь даже при консервативномъ монархическомъ режимѣ. Откуда явятся злодѣи, подобные Норберту, среди общественнаго быта, основаннаго,—по крайней мѣрѣ, въ теоріи,—на началахъ справедливости и равенства? Какъ можетъ установиться крутой деспотизмъ правительства, не располагающаго вооруженною силою? Въ разсказѣ Мюллера излагаются обстоятельства, противорѣчащія природѣ вещей и могущія служить скорѣе образчиками несообразностей, чѣмъ доводами противъ идей Беллами. Между прочимъ, относительно семейной жизни можно замѣтить, что нѣтъ надобности забираться въ XX-й вѣкъ, чтобы видѣть примѣры разрыва между супругами вслѣдствіе несходства убѣжденій; а что касается хозяйственно-разсудительной Флоретты, мечтающей о полномъ подчиненіи мужу и о сладости мирныхъ домашнихъ занятій, то никакой будущій вѣкъ не помѣшаетъ процвѣтанію женщинъ этого типа. Но,—повторяемъ,—при всей логической слабости содержанія, книжка Эрнста Мюллера о воспоминаніяхъ Юліана Веста или о „взглядѣ на 2000 годъ съ точки зрѣнія 2037 года“ написана живо, не безъ таланта, и можетъ быть прочитана съ интересомъ.

II.

Die Weltgeschichte ein Zufall? Ein Wort an die Gebildeten des deutschen Volkes, von Prof. Dr. *B. Kneisel*. Berlin, 1891.

Авторъ этой книги находитъ, что религіозный духъ все болѣе падаетъ въ нѣмецкомъ народѣ и что господствующій матеріальный взглядъ на жизнь составляетъ величайшую опасность для будущности германской націи. Чтобы противодѣйствовать этому пагубному матеріалистическому направленію, онъ пытается вновь доказать истинность

идеи, которая доказывалась уже множество разъ съ несравненно бо́льшимъ талантомъ и остроуміемъ,—идеи о разумной цѣлесообразности всего совершающагося въ природѣ и въ исторіи. Профессоръ Кнейзель перечисляетъ преимущества людей передъ животными, говоритъ о духовныхъ стремленіяхъ и идеалахъ человѣка, дѣлаетъ изъ нихъ выводъ объ участіи высшихъ руководящихъ силъ въ нашей жизни и переходитъ затѣмъ къ обзору историческихъ судебъ культурнаго человѣчества, съ точки зрѣнія христіанской религіи. Въ послѣдовательномъ ходѣ событій, сопровождающихъ возростаніе и паденіе государствъ, онъ видитъ подтвержденіе того принципа, что добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Дурные инстинкты, отсутствіе вѣры и нравственности, надменность и тщеславіе, приводятъ къ неудачамъ и даже къ гибели; смиреніе и честность, при твердомъ сознаніи долга, награждаются успѣхомъ. Когда хорошія начала все-таки подавляются дурными, то при этомъ бываетъ одно изъ двухъ: или побѣжденная сторона имѣетъ за собою какіе-нибудь явные или скрытые грѣхи, или самая побѣда зла имѣетъ свои выгодныя послѣдствія, болѣе или менѣе отдаленныя.

При такой несложной философіи можно, конечно, извлечь изъ всемірной исторіи какіе угодно выводы. Паденіе Константинополя подъ ударами турокъ было, напримѣръ, печальнымъ событіемъ; „однако,—говоритъ авторъ,— даже это нашествіе варварскихъ полчищъ повлекло за собою весьма важные результаты для культуры и просвѣщенія запада. Только черезъ посредство греческихъ ученыхъ, переселившихся въ Италію, достигло тамъ полнаго расцвѣта изученіе классической литературы. Великіе мастера итальянскихъ школъ живописи также слѣдовали древнимъ образцамъ. Искусство и наука Греціи получали благотворное и полезное значеніе для міра только черезъ вытѣсненіе ихъ изъ родныхъ мѣстъ. Какъ чудесны пути исторіи!—восторгается далѣе проф. Кнейзель:—Турки, неоднократно угрожавшіе западу, часто оказывали этимъ большое вліяніе на развитіе внутреннихъ отношеній Германіи. Позднѣйшее движеніе реформаціи едва ли могло бы сохранить свою силу безъ этой постоянной опасности, побуждавшей католическихъ государей заботиться о внутреннемъ мирѣ“ (стр. 126). Авторъ забылъ только о судьбѣ народностей, непосредственно подпавшихъ подъ вѣковое турецкое иго: для нихъ не было никакого утѣшенія въ томъ, что турки были будто бы косвенно полезны для нѣмцевъ. Говорить о пользѣ турецкаго владычества для распространенія знаній и культуры, въ виду бѣгства ученыхъ грековъ въ другія страны,—значитъ уже быть слишкомъ снисходительнымъ въ оцѣнкѣ кровавыхъ историческихъ катастрофъ.

Профессоръ Кнейзель смотритъ на новѣйшую исторію Европы съ точки зрѣнія развитія и укрѣпленія нѣмецкаго народа, что̀ и понятно; даже религіозный взглядъ его есть соціально-нѣмецкій, и само божественное вмѣшательство изображается имъ въ видѣ особой охраны интересовъ германской націи и ея великаго культурнаго призванія. Какъ авторъ подбираетъ факты для проведенія своей теоріи—можно видѣть изъ того, что̀ высказывается имъ о роли Пруссіи послѣ разгрома при Іенѣ въ 1806 году. „Освобожденіе Германіи и, можно сказать, Европы отъ ига корсиканца, — замѣчаетъ онъ, — должно было совершиться преимущественно усиліями маленькой презираемой Пруссіи. Богъ любитъ показывать свою силу возвышеніемъ тѣхъ, которые передъ нимъ смирились. Какая рѣзкая противоположность между прусскимъ королемъ и Наполеономъ! Противъ власти императора, которая держалась лишь механическими средствами и опиралась на низшія человѣческія побужденія, Фридрихъ-Вильгельмъ III находилъ силу въ нравственныхъ началахъ. Бѣдствія возвратили народу нравственное мужество и довѣріе къ Богу; безъ этого немыслимо было бы вырваться изъ безотрадной и повидимому безнадежной дѣйствительности. Выступили патріотическіе люди, оживившіе надежду на будущее. Человѣкъ матеріалистическаго направленія разсчитываетъ силу государствъ по количеству жителей, по финансамъ, по вооруженіямъ. Такъ считалъ Наполеонъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ превосходство было несомнѣнно на его сторонѣ. Какъ ничтожна должна была ему казаться эта незначительная Пруссія, истощенная страна съ четырьмя милліонами жителей, безъ денегъ, безъ кредита, безъ оружія! И однако въ его разсчетахъ была ошибка. Маленькая Пруссія имѣла одного помощника, котораго онъ не зналъ (?), и онъ былъ побѣжденъ, хотя матеріальныя условія предвѣщали противное“ (стр. 155). Авторъ хочетъ сказать, что Пруссія спаслась своею добродѣтелью, идеализмомъ короля и нравственною вѣрою подданныхъ; но всякому извѣстно, что прусская монархія была тогда спасена исключительно войсками и дипломатіею Россіи, и что возстановленіе Пруссіи, обреченной Наполеономъ на гибель, было главнѣйшимъ предметомъ усилій и заботъ Александра I при заключеніи тильзитскаго договора 1807 года. Уже былъ написанъ декретъ о томъ, что „династія Гогенцоллерновъ перестала существовать“, и не будь рѣшимости тогдашней оффиціальной Россіи жертвовать всѣмъ для спасенія Пруссіи—послѣдняя не поднялась бы. Добродѣтели короля Фридриха-Вильгельма III не мѣшали ему играть крайне жалкую, плачевную роль передъ Наполеономъ и Александромъ I, послѣ неудачъ 1806 года; а нравственныя качества его под-

данныхъ были безсильны противъ французскихъ армій, пока за Пруссію не вступилась Россія, обнаружившая въ этомъ случаѣ непонятное и совершенно ненужное самоотверженіе. Забывать или умалчивать объ этихъ фактахъ всего менѣе подобало бы писателю, стоящему за высокіе религіозные идеалы, за нравственныя блага правды и честности; но узкій націонализмъ вообще не уживается съ культомъ справедливости и съ истинно-христіанскими воззрѣніями и чувствами, такъ что попытка профессора Кнейзеля сводится къ желанію совмѣстить несовмѣстимое и потому должна быть признана по существу несостоятельною и безплодною. — Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 (13) августа 1891.

Недостатокъ въ народномъ продовольствіи.—Распространеніе законоположеній 12 іюля 1889 г. на новыя 12 губерній, съ нѣкоторыми измѣненіями въ нихъ и дополненіями.— Начало новаго учебнаго года въ столичныхъ начальныхъ училищахъ. — Училищное дѣло въ Одессѣ за послѣднія 15 лѣтъ, и одесская городская публичная библіотека.— По поводу министерскаго каталога книгъ для общественныхъ библіотекъ; его неудовлетворительность. — Новые толки въ западной печати о русской культурѣ.

Недостатокъ въ народномъ продовольствіи, всегда и вездѣ возможный, обыкновенно является результатомъ такихъ физическихъ бѣдствій, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни устранить; но не всегда и не вездѣ встрѣчается болѣе важный недостатокъ, чѣмъ самый недостатокъ въ народномъ продовольствіи, а именно,—недостатокъ или иногда и полное отсутствіе мѣръ къ тому, чтобы своевременно предвидѣть такое надвигающееся бѣдствіе, какъ голодъ, и имѣть наготовѣ цѣлый рядъ мѣръ для успѣшной борьбы съ нимъ. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ году неурожай, вслѣдствіе дурной зимы и весны, обнаружился не въ одной Россіи, но недостатокъ продовольствія вызвалъ опасенія голода и даже представилъ, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ мѣстностяхъ жестокіе случаи его послѣдствій,—и притомъ въ такихъ мѣстностяхъ, которыя по всей справедливости называются „житницами“ Россіи.

Между тѣмъ, еще въ началѣ прошедшей зимы, вѣроятно въ виду дурныхъ всходовъ озими, въ одномъ изъ отчетовъ министерства финансовъ уже ставилось на видъ, что мы позади себя оставляемъ одинъ неурожайный годъ, а впереди—насъ ожидаетъ другой, такой же; все это было уже тогда сказано въ оправданіе нѣкоторой осторожности, необходимой въ финансовомъ отношеніи, и такимъ образомъ нельзя утверждать, чтобы нынѣ наступившій недостатокъ продовольствія не былъ у насъ предвидѣнъ заблаговременно. Были ли также, заблаговременно, т.-е. еще съ начала нынѣшняго года, приняты и мѣры противъ ожидаемаго бѣдствія — мы знать не можемъ; хотя, судя по тому, что только въ самое послѣднее время начали энергически обсуждаться подобныя мѣры,—и нѣкоторыя изъ нихъ, въ качествѣ экстренныхъ, какъ, напримѣръ, уменьшеніе провозной платы

за хлѣбъ по желѣзнымъ дорогамъ, уже и приняты,—можно думать, что до начала іюня насъ не озабочивалъ тяжелый вопросъ о способахъ борьбы съ недостаткомъ продовольствія и о недопущеніи его до степени голода, и такимъ образомъ, вышеупомянутое заблаговременное предвидѣніе значительнаго неурожая въ текущемъ году не повлекло, повидимому, за собою столь же заблаговременнаго принятія мѣръ, и особенно такихъ, къ которымъ прибѣгать теперь было бы уже поздно.

Болѣе всего любопытно при этомъ, что въ первый разъ произнесено было слово о „недостаткѣ" продовольствія въ Петербургѣ. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ засѣданій столичной городской Думы, 29 мая, отчетъ о которомъ появился недавно въ іюньскихъ нумерахъ ея „Извѣстій" (№ 26), сдѣлано было заявленіе, „что въ послѣднее время (т.-е. въ концѣ мая) значительно вздорожала мука, такъ что за куль, стоившій 8 руб., приходится платить 10 руб., и причиною этому служатъ: большой спросъ хлѣба за границу, истощеніе запасовъ, а также плохой урожай въ южныхъ губерніяхъ. Такое возвышеніе цѣны на муку ложится бременемъ на различныхъ торговцевъ хлѣбомъ, которые, вслѣдствіе распоряженія г. градоначальника, не могутъ возвысить цѣны на печеный хлѣбъ и принуждены продавать его съ различною примѣсью",—иначе, дѣйствительно, имъ приходилось бы или изъ своихъ средствъ доплачивать въ общую пользу 2 рубля за каждый куль и отчасти вести торговлю съ благотворительною цѣлью, или увеличить продажную цѣну печенаго хлѣба; но послѣднее, какъ объяснено выше, было невозможно. Такое заявленіе въ Думѣ подало поводъ въ то время къ однимъ обычнымъ соображеніямъ о жадности торговцевъ, наклонности ихъ къ обману, и о необходимости усиленія надзора за ихъ промысломъ; но только теперь, заднимъ числомъ, сдѣлалось яснымъ, что злоупотребленія со стороны торговцевъ были только результатомъ запретительныхъ мѣръ, которыя вообще чаще загоняютъ болѣзнь внутрь, нежели излечиваютъ отъ нея; настоящимъ же мотивомъ служило то, что торговцы, какъ люди, стоящіе очень близко къ дѣлу, имѣли, очевидно, уже тогда весьма точныя свѣденія о томъ, что́ публикѣ не было еще извѣстно —да и не одной публикѣ. Вотъ они заблаговременно и начали принимать мѣры,—правда, весьма неодобрительныя (какъ „постороннія примѣси"), но обусловленныя административнымъ запрещеніемъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ, не прибѣгая къ запрещеніямъ повышать цѣну на хлѣбъ, городская Дума распорядилась весьма раціонально: она ассигновала 300.000 р. для закупки хлѣба—съ цѣлью заставить тѣмъ скупщиковъ понизить цѣну до нормальнаго размѣра,

и провела это дѣло съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что цѣна на хлѣбъ не могла повыситься, а въ концѣ операціи всѣ 300.000 р. оказались въ городской кассѣ на-лицо, и еще осталась небольшая прибыль около 6.000 р., которыя пошли на улучшеніе городского санитарнаго дѣла. Въ виду возможныхъ послѣдствій нынѣшняго неурожая городская Дума возвратилась къ этой же самой благоразумной мѣрѣ, и есть основаніе ожидать отъ того такихъ же счастливыхъ результатовъ.

Въ настоящее время, конечно, слѣдуетъ заботиться о борьбѣ съ наступившимъ уже зломъ тамъ, гдѣ оно наступило, а потому всякія практическія мѣры надобно предпочесть общимъ, которыя въ будущемъ могли бы предупреждать подобное зло. Въ этомъ смыслѣ и дѣйствуетъ теперь какъ правительственная администрація, такъ и общественная—земства и города. Но въ печати—извѣстнаго рода—воспользовались и такою серьезною минутою, чтобы удовлетворить своимъ инстинктамъ. „Гражданинъ" усмотрѣлъ въ недостаткѣ продовольствія вину земства и конечный результатъ 25-лѣтней его дѣятельности; по соображеніямъ этой газеты, земство попустому тратило общественныя деньги на такой „второстепенный" предметъ, какъ народныя школы, вмѣсто того, чтобы устроивать запасные магазины хлѣба. Правда, „Правительственный Вѣстникъ", опубликовавъ цѣлый рядъ мѣръ, предпринятыхъ и предпринимаемыхъ земствомъ для народнаго продовольствія, далъ такимъ образомъ какъ бы опроверженіе хитросплетеніямъ газеты, да и кромѣ того, кому неизвѣстно изъ надмывательствъ той же самой газеты надъ статистическими работами земства, какую услугу оно оказало уже однѣми такими работами въ настоящую минуту, когда, опираясь только на эти работы, можно сколько-нибудь разсчитывать на сознательную борьбу съ голодомъ. „Гражданинъ" вспомнилъ о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ изъ эпохи крѣпостного права, когда не было еще такой, какъ нынѣ, сѣти желѣзныхъ дорогъ, и когда, дѣйствительно, эта мѣра была и первая и послѣдняя. За отсутствіе нынѣ такихъ магазиновъ газета особенно и винитъ земство; но мы не думаемъ, чтобы и теперь, приступивъ, по окончаніи борьбы съ голодомъ, къ обсужденію и принятію на будущее время раціональныхъ предупредительныхъ мѣръ противъ возможности голода, возвратились къ такой мѣрѣ, какъ запасные магазины, и притомъ въ той формѣ, какъ они существовали прежде. Въ старину не было другого средства и для сохраненія денегъ, какъ кубышка, зарываемая въ землю; нѣчто подобное могутъ представлять изъ себя и тѣ запасные хлѣбные магазины, о какихъ такъ много толковалъ „Гражданинъ". Регулированія хлѣбнаго дѣла вообще нельзя требовать, особенно въ наше

время, отъ мѣстныхъ органовъ управленія; не можетъ земство остановить, напримѣръ, по своимъ соображеніямъ вывозъ хлѣба изъ губерніи, или повліять тѣмъ или другимъ способомъ на его цѣну, какъ напримѣръ то могло сдѣлать нынѣ министерство финансовъ пониженіемъ провознаго тарифа по желѣзнымъ дорогамъ на хлѣбъ; не можетъ земство воспретить водочное производство или ограничить его нормою изъ опасенія недостатка народнаго продовольствія и т. п. Такой недостатокъ, какъ недостатокъ продовольствія, требуетъ для устраненія его, въ большинствѣ случаевъ, мѣръ, которыя съ успѣхомъ можно обсуждать и принимать при совмѣстномъ ихъ обсужденіи какъ со стороны тѣхъ мѣстностей, которыя страдаютъ, такъ и тѣхъ, которыя предвидятъ остатки; а наше земское управленіе и прежде дѣйствовало всегда изолированно, каждое въ предѣлахъ своей губерніи, а потому самыя существенныя и серьезныя мѣры къ устраненію недостатка въ народномъ продовольствіи и не могли быть въ его компетенціи.

Съ 1-го числа истекшаго іюля мѣсяца, извѣстныя законоположенія „о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій“, Высочайше утвержденныя два года тому назадъ, распространяются на новыя двѣнадцать губерній (вологодскую — за исключеніемъ пяти ея юго-западныхъ уѣздовъ—воронежскую, вятскую, казанскую, орловскую, пензенскую, с.-петербургскую, самарскую, саратовскую, тамбовскую, тверскую и ярославскую). За симъ, остаются, такимъ образомъ, еще около 10 губерній, гдѣ пока еще сохраняется прежнее устройство крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій.

Уже при началѣ введенія новаго преобразованія, какъ въ шести губерніяхъ первой очереди, такъ и въ десяти—второй очереди, оказалось необходимымъ сдѣлать въ немъ извѣстныя, болѣе или менѣе существенныя измѣненія, поправки, дополненія, а иногда и отступленія отъ главныхъ основаній, послужившихъ мотивами самаго преобразованія. Точно также и нынѣшній разъ, при введеніи земскихъ начальниковъ въ 12 вышеупомянутыхъ губерніяхъ потребовалось сдѣлать опять „нѣкоторыя измѣненія и дополненія“ въ законоположеніяхъ 12-го іюля 1889 года. Самое существенное отступленіе состоитъ въ томъ, что не только въ самихъ губернскихъ городахъ, Казани и Саратовѣ, но также и въ ихъ пригородныхъ слободахъ, сохраненъ прежній порядокъ: мировые судьи и мировые съѣзды будутъ въ упомянутыхъ городахъ и ихъ пригородахъ дѣйствовать на основаніяхъ, опредѣленныхъ судебными уставами имп. Александра II.

Такое же исключеніе изъ законоположенія 12-го іюля 1889 г. сдѣлано: для столичныхъ пригородовъ г. С.-Петербурга, состоящихъ въ вѣденіи петербургскаго градоначальства; для селеній Сестрорѣцка, Шувалова и Озерковъ; для парголовской волости,—но изъ этого послѣдняго исключенія сдѣлано опять обратное исключеніе, а именно, новоселковское сельское общество вѣдается земскимъ начальникомъ; далѣе, для полюстровской, усть-ижорской и ново-саратовской волости, и, наконецъ, не для всей, а для части такъ-называемой московской волости петербургскаго уѣзда отъ взморья до линіи петергофской желѣзной дороги, включая и станцію Лигово. Исключены также и пять юго-западныхъ уѣздовъ вологодской губерніи (никольскій, сольвычегодскій, устьсысольскій, устюгскій и яренскій), съ тою только особенностью, что, за упраздненіемъ, съ 1-го іюля, въ этой губерніи губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, обязанности его по отношенію къ тѣмъ пяти уѣздамъ, гдѣ остаются въ прежней силѣ общія нынѣ дѣйствующія крестьянскія и судебныя учрежденія, будутъ исполняться вологодскимъ губернскимъ присутствіемъ, но на основаніяхъ, опредѣленныхъ положеніемъ о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ.

При введеніи законоположенія 12-го іюля 1889 г., въ 10 губерніяхъ второй очереди было сдѣлано въ такомъ же смыслѣ, какъ нынѣ для Казани и Саратова, исключеніе также для двухъ губернскихъ городовъ, Харькова и Нижняго-Новгорода. Вѣроятно, по какимъ-нибудь соображеніямъ совершенно мѣстнаго характера, мировой судъ будетъ продолжать дѣйствовать на основаніи уставовъ имп. Александра II въ такихъ селеніяхъ какъ Сестрорѣцкъ, или Шувалово, Озерки, и въ нѣкоторыхъ волостяхъ петербургскаго уѣзда; но сохраненіе въ силѣ этихъ уставовъ въ губернскихъ городахъ Казани, Саратовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Харьковѣ наводитъ на мысль, что законоположенія 12-го іюля 1889 г. не признаются пригодными для большихъ городовъ, съ значительнымъ развитіемъ торговли и промышленности, а потому „Русскія Вѣдомости“ весьма послѣдовательно пришли къ заключенію, что, вѣроятно, при дальнѣйшемъ ростѣ другихъ городовъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, можно ожидать возстановленія мирового суда и въ другихъ городахъ, съ цѣлью поддержать въ нихъ торговлю и промышленное развитіе. Исполнить это будетъ тѣмъ легче, что для того не потребуется никакихъ отступленій отъ законоположеній 12-го іюля 1889 г. и никакихъ измѣненій въ немъ, такъ какъ въ пунктѣ XIII мнѣнія государственнаго совѣта министру юстиціи предоставляется входить въ обсужденіе вопроса о томъ, не оказывается ли возможнымъ сохранить въ большихъ губернскихъ

городахъ существующія тамъ судебныя учрежденія на основаніи уставовъ имп. Александра II.

Во второй половинѣ наступающаго мѣсяца августа вновь повсюду откроются начальныя народныя училища — для пріема новыхъ учащихся на открывшіяся въ маѣ мѣсяцѣ вакансіи, а затѣмъ начнутся и учебныя занятія. Въ Петербургѣ, въ его 267 училищахъ, съ 14.000 учащихся, въ маѣ окончили курсъ около 2.400 дѣтей обоего пола, и кромѣ того въ теченіе года выбыло около 800, такъ что школы, оставаясь въ прежнемъ своемъ числѣ, могутъ вновь принять до 3.200 дѣтей; сверхъ того, съ августа мѣсяца откроется 14 новыхъ училищъ на 700 учащихся; такимъ образомъ, городъ будетъ въ состояніи помѣстить въ начальныя народныя училища всего около 4.000 дѣтей обоего пола,—и тѣмъ не менѣе, вѣроятно, дѣло не обойдется безъ отказовъ. Городскія средства, очевидно, развиваются не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ распространяется даже въ самыхъ низшихъ общественныхъ слояхъ убѣжденіе въ необходимости выростить дѣтей, по крайней мѣрѣ, грамотными. Прежде усматривали въ этомъ убѣжденіи одинъ результатъ разсчета родителей, имѣвшихъ въ виду льготу по воинской повинности для дѣтей грамотныхъ; но теперь, какъ извѣстно, такого мотива нельзя и предполагать, ибо фактически сроки службы для всѣхъ сдѣлались коротки; а потому стремленіе родителей устроить дѣтей въ начальныя училища слѣдуетъ объяснять скорѣе довѣріемъ, какое внушаютъ къ себѣ городскія училища, а также крайнею дешевизною платы за обученіе. Въ Петербургѣ городъ беретъ 1 р. за полугодіе, а въ Москвѣ—1 р. 50 к.; въ земскихъ школахъ, въ огромномъ большинствѣ, обученіе вовсе безплатное. Министерскія начальныя народныя училища, гдѣ они еще существуютъ, берутъ несравненно высшую плату; такъ, мы недавно читали въ московскихъ газетахъ объявленіе директора народныхъ училищъ въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ начальныхъ училищъ, содержимыхъ Думою, есть также и казенныя начальныя училища,—объ условіяхъ пріема учениковъ въ послѣднія съ платою за обученіе въ годъ сорока (40) рублей. Программа этихъ училищъ, надобно думать, одинакова съ начальными училищами, содержимыми на счетъ города въ Петербургѣ, такъ какъ въ объявленіи говорится, что ученики казенныхъ начальныхъ училищъ могутъ поступать въ 1-й классъ гимназій и реальныхъ училищъ; то же можно сказать объ ученикахъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ городомъ, и права ихъ тѣ же, а именно: они даютъ право на льготу по воинской повинности 4-го разряда.

Плата, взимаемая за обученіе въ петербургскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, содержимыхъ на счетъ города, такъ ничтожна, что едва покрываетъ собою 4% всѣхъ расходовъ на начальное народное образованіе: сумма, собранная за ученіе, въ послѣднее время дошла до 20.000 рублей, а весь расходъ на этотъ предметъ превышаетъ 500.000 руб. Можно подумать, что городъ, назначая,—15 лѣтъ тому назадъ, когда были имъ приняты въ его вѣденіе 16 казенныхъ начальныхъ училищъ,—подобную плату за ученіе, какъ 1 руб. въ полугодіе, желалъ во что̀ бы то ни стало, чтобъ обученіе никакъ не считалось безплатнымъ; и дѣйствительно, мотивомъ къ назначенію такого размѣра платы, какъ извѣстно, послужило то соображеніе, что людямъ достаточнымъ могло бы показаться унизительнымъ для нихъ обучать своихъ дѣтей на счетъ города, а это стѣснило бы ихъ посылать дѣтей въ даровую школу. Но никому не пришло тогда на мысль, что, съ другой стороны, люди столь самолюбивые, должны были бы не менѣе стѣсняться тѣмъ, что имъ обходится обученіе ребенка 2 руб., а городу—42 рубля въ годъ! Развѣ подобное обученіе можно назвать платнымъ?! Такъ какъ по всѣмъ училищамъ освобождается до 16% бѣдныхъ учащихся отъ всякой платы, и еще по 3 рубля отпускается на снабженіе ихъ учебными пособіями, а въ нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ городскихъ кварталахъ освобождается до 25% учащихся, — то каждое училище обходится городу свыше 1.800 рублей въ годъ, а городъ собираетъ въ возвратъ такого расхода не болѣе 75 рублей! Кромѣ того, какъ мы слышали, за всѣ 15 лѣтъ существованія училищъ городскихъ не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь изъ родителей достаточныхъ, для которыхъ плата за ученіе 2 рубля въ годъ дѣйствительно ничтожна, не пожелалъ, чтобы городъ приплачивалъ къ этимъ 2 рублямъ своихъ сорокъ рублей—и добровольно увеличилъ бы плату; а между тѣмъ именно предполагаемое въ родителяхъ самолюбіе, какъ мы видѣли, заставило Думу назначить за ученіе хотя бы самую ничтожную плату. Итакъ, 15-лѣтній опытъ доказалъ, что никто не огорчается тѣмъ, что съ него берутъ слишкомъ мало; годовой сборъ въ 75 рублей въ каждой отдѣльной школѣ никакъ не можетъ быть названъ пособіемъ городу при его собственномъ годовомъ расходѣ на эту же школу въ 1.800 руб.,—а потому городское общественное управленіе могло бы, повидимому, теперь отказаться вовсе отъ платы за ученіе въ своихъ училищахъ, или, по крайней мѣрѣ, установить ее совершенно на другихъ основаніяхъ, какъ, напримѣръ, то практикуется въ Москвѣ. Тамъ взимается плата за ученіе и притомъ нѣсколько высшая сравнительно съ петербургской —3 рубля въ годъ; бѣдные также освобождаются вовсе отъ платы, а

слѣдовательно, освобождаются и въ большемъ числѣ, но общая сумма сбора чрезъ то, вѣроятно, не уменьшается, если сравнить ее съ петербургской, — только она не поступаетъ въ московскую городскую кассу, а остается въ распоряженіи училища на его собственныя нужды; къ числу такихъ нуждъ прежде всего нужно отнести помощь бѣднымъ дѣтямъ пищею, одеждою и т. п.

Кромѣ Петербурга и Москвы, есть еще одинъ городъ, обращающій на себя вниманіе успѣхами начальнаго народнаго образованія, именно, Одесса.—Намъ до сихъ поръ почти не случалось говорить о положеніи этого дѣла въ Одессѣ, а въ нынѣшнемъ году кстати появился въ печати очеркъ, подъ заглавіемъ: „Народное образованіе въ Одессѣ въ вѣденіи городского общественнаго управленія—1873-1889 гг.“. Этотъ очеркъ составленъ мѣстнымъ городскимъ статистическимъ бюро, основаннымъ года полтора тому назадъ. Изъ этого очерка видно, что начальное народное образованіе въ Одессѣ въ рукахъ городского общественнаго управленія, въ теченіе менѣе 20 лѣтъ, сдѣлало, также какъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, весьма значительные успѣхи: лѣтъ 20 тому назадъ, при введеніи нынѣ еще дѣйствующаго городового Положенія 1870 г., Одесса издерживала на начальное народное образованіе всего 47 тысячъ рублей, а въ 1889 г. этотъ расходъ увеличился до 127 тысячъ, что̀ составляетъ безъ малаго 10% всего нынѣшняго городского бюджета (въ Петербургѣ и въ Москвѣ—около 8%). Весь же расходъ на образованіе въ Одессѣ достигъ въ 1889 г. до 206 тысячъ рублей. Городъ Одесса принялъ въ 1873 г. въ свое вѣденіе, кромѣ 22 начальныхъ народныхъ училищъ, маріинскую женскую гимназію и сиротскій домъ, а нынѣ въ вѣденіи города состоятъ: до 50 народныхъ школъ и еще вторая женская гимназія и „городское“ училище, мужское и дѣвичье (по Положенію 1862 г., которымъ г. Петербургъ до сихъ поръ не могъ воспользоваться, а потому и до сихъ поръ не имѣетъ ни одного своего „городского“ училища, ни мужского, ни женскаго, гдѣ могли бы продолжать ученіе окончившіе курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ).

Изъ того же очерка видно, что въ Одессѣ, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ городахъ, дѣло начальнаго народнаго образованія есть, можно сказать, совершенно новое: въ Одессѣ первое начальное народное училище было открыто только въ 1835 году! До 60-хъ годовъ это дѣло стояло почти неподвижно, и только въ 60-хъ годахъ оно начало развиваться, но все же въ теченіе 35 лѣтъ было открыто не болѣе какъ 22 училища; только со времени введенія городового Положенія 1870 г. число училищъ начинаетъ возростать быстро и въ теченіе 19 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоивается (50 училищъ въ 1889 г.).

Несмотря на то, однако, и въ Одессѣ число школъ далеко не соотвѣтствуетъ существующей въ нихъ потребности, и отказы въ пріемѣ дѣтей далеко превышаютъ 1.000 въ годъ. Устройство смѣнъ учащихся, къ которому прибѣгаютъ въ Одессѣ, оказываетъ нѣкоторую услугу, но эта мѣра представляетъ и нѣкоторыя неудобства въ другихъ отношеніяхъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя въ Одессѣ городская публичная библіотека, основанная еще въ 1829 г., при князѣ М. С. Воронцовѣ; поступивъ въ вѣденіе города съ 1865 г., она получила и собственное помѣщеніе, сооруженное на средства городского головы г. Маразли. Въ 1889 г. библіотека города Одессы состояла изъ 58.800 томовъ (27.300 названій) и нынѣ обходится городу ежегодно свыше 6.600 р. (городъ Петербургъ расходуетъ почти столько же на 2 городскія читальни). Въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ число посѣщеній возросло съ 2.300 почти до 37.500. Лѣтъ 50 тому назадъ число посѣтителей въ годъ не составляло и 3% всего городского населенія, а въ 1889 г. оно дошло до 18%. Такое же постоянное увеличеніе числа лицъ, пользующихся общественными библіотеками, замѣчается вездѣ и свидѣтельствуетъ о возростающей въ нихъ потребности. Возможно-широкое ея удовлетвореніе особенно необходимо у насъ, гдѣ только въ послѣднія десятилѣтія начало развиваться „начальное народное образованіе", а такъ-называемое „городское" образованіе, какое можно получать въ „городскихъ" училищахъ, и до сихъ поръ находится почти въ зачаточномъ состояніи, за недостаткомъ—а иногда и за полнымъ отсутствіемъ—общественныхъ „городскихъ" училищъ. Въ Петербургѣ, какъ мы сказали, нѣтъ совсѣмъ ни одного; въ Москвѣ 3 или 4, а въ Одессѣ 2. Такимъ образомъ, огромный процентъ дѣтей въ городахъ оканчиваетъ свое ученіе въ 12 лѣтъ и остается на всю жизнь при начальномъ образованіи; вотъ почему общественныя публичныя библіотеки могутъ быть разсматриваемы какъ вспомогательное средство для самообразованія. Съ другой стороны, казна была бы не въ состояніи, при всемъ ея добромъ желаніи, сдѣлать для каждаго города то, что сдѣлано въ Петербургѣ, имѣющемъ для себя Публичную Библіотеку; да и въ Петербургѣ такая библіотека не представляетъ удобствъ для окраинъ города, а потому общественныя библіотеки могутъ имѣть и здѣсь значеніе подспорья для нея, уменьшая въ ней приливъ читателей.

Новыя правила о допущеніи въ общественныхъ и, слѣдовательно, даровыхъ библіотекахъ только тѣхъ книгъ, которыя одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія, должны будутъ измѣнить вышеуказанное ихъ значеніе. Частныя, но платныя библіотеки, конечно, много выиграютъ отъ новаго порядка, но обще-

ственныя безплатныя читальни потеряютъ свое назначеніе и превратятся въ училищныя библіотеки для малолѣтнихъ. Нельзя отрицать пользу послѣднихъ, но эта польза нисколько не исключаетъ пользы безплатныхъ общественныхъ читаленъ для взрослыхъ. Если при введеніи новаго порядка руководились какимъ-нибудь принципомъ,—напримѣръ, что книги могутъ раздѣляться на полезныя и вредныя,—то и въ такомъ случаѣ останется неяснымъ, почему тогда дозволяется „вредную" книгу читать въ платной библіотекѣ или купить, но нельзя ее прочесть даромъ, какъ будто въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключается весь вредъ. Мало понятно также и то обстоятельство, почему „вредную книгу", т.-е. недопущенную въ общественныхъ читальняхъ, какъ даровыхъ,—нельзя получить, а эту же книгу и тотъ же обыватель Петербурга можетъ получить даромъ въ императорской Публичной Библіотекѣ? Намъ кажется, что во всемъ этомъ надобно видѣть нѣкоторое недоразумѣніе: городу нужны и даровыя *народныя* читальни, и даровыя *общественныя* читальни. Если правила министерскія отнести къ первымъ, то противъ этого въ принципѣ трудно было бы возражать, но отнести ихъ безразлично и ко вторымъ значило бы не допускать различія между ними,—различія очевиднаго,—и вмѣстѣ съ тѣмъ свести общественныя библіотеки на степень народныхъ, т.-е. уничтожить первыя.

Но, допуская въ принципѣ возможность исключительныхъ правилъ и каталоговъ для „народныхъ" читаленъ, мы, однако, не можемъ не согласиться съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ г. В. Якушкина, доказавшаго весьма убѣдительно, по нашему мнѣнію, всю неудовлетворительность новаго министерскаго каталога народныхъ книгъ [1]. Первый и главный его недостатокъ происходитъ, какъ оказывается, отъ физической невозможности для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія своевременно разсмотрѣть всю массу вновь появляющихся книгъ и новыхъ изданій—прежнихъ. Примѣры, приводимые г. Якушкинымъ, казались бы баснословными, если бы авторъ не подтверждалъ своихъ словъ фактами: такія громкія произведенія, какъ „Тарасъ Бульба", „Ночь предъ Рождествомъ", „Майская ночь", Гоголя, изданныя въ 1874 г., были одобрены комитетомъ въ 1883 г., т.-е. 9 лѣтъ спустя; повѣсть Григоровича „Четыре времени года" издана въ 1871 г., а одобрена въ 1882 г.—11 лѣтъ спустя; поэма Жуковскаго „Агасверъ", въ изданіи 1870 г., одобрена лишь въ 1887 г.—17 лѣтъ спустя!!.

Не менѣе поразителенъ и другой фактъ, указываемый г. Якуш-

---

[1]) См. статью: „Министерскій каталогъ народныхъ книгъ", В. Якушкина,—„Русск. Вѣдомости", іюнь 1891, №№ 165 и 168.

кинымъ: за послѣднія 30 лѣтъ (1860—1890 гг.) комитетомъ было одобрено 1.600 книгъ для народныхъ библіотекъ, и въ томъ числѣ еще значительное количество учебниковъ (450), а въ дѣйствительности за этотъ періодъ времени появилось до 12.000 книгъ, не считая учебниковъ. Такимъ образомъ, министерствомъ было одобрено всего 10%; значитъ, остальные 90% книгъ слѣдуетъ отнести къ числу неодобренныхъ, что́, конечно, немыслимо, такъ какъ изъ этихъ 90% добрая половина, конечно, была бы одобрена, еслибы только комитетъ могъ прочесть своевременно всѣ вышедшія 12.000 книгъ, а не ограничился однѣми 1.600 книгъ. По этому поводу г. Якушкинъ указываетъ на печальную участь, постигшую даже нашего „народнаго" поэта Пушкина; съ окончаніемъ срока литературной собственности въ 1887 г., какъ извѣстно, появилась масса народныхъ дешевыхъ изданій Пушкина, а по каталогу министерства 1891 г. оказывается, что такихъ изданій явилось не болѣе 7, и названныя семь изданій принадлежатъ далеко не къ лучшимъ и не къ самымъ дешевымъ: такъ, нѣтъ такого изданія, каково изданіе спб. комитета грамотности; указана „Полтава" въ 10 коп., а не упомянуты другія ея изданія въ 5, 3 и $1^1/_2$ коп., и т. д.

Въ виду такого положенія дѣла относительно каталоговъ, представляющаго, повидимому, непреодолимыя затрудненія и для самого ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, нельзя не согласиться съ вполнѣ справедливымъ, по нашему мнѣнію, предложеніемъ г. Якушкина: „нужно,—говоритъ онъ,—чтобы министерство издавало не каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ (какъ это теперь дѣлается, а какъ дѣлается—мы видѣли выше), а, напротивъ, каталогъ книгъ, запрещенныхъ для народныхъ библіотекъ". Въ подкрѣпленіе своего предложенія и въ доказательство его практичности, г. Якушкинъ ссылается на тотъ фактъ, что такой списокъ запретительнаго характера тоже существуетъ для всѣхъ частныхъ библіотекъ для чтенія; этимъ спискомъ указываются тѣ книги, которыя запрещены для выдачи, а не тѣ, которыя дозволены. И ученый комитетъ народнаго просвѣщенія могъ бы выполнить такую задачу несравненно легче той, которая на него возлагается теперь, безъ возможности осуществленія ея, да и развитіе народныхъ читаленъ не встрѣчало бы себѣ никакихъ препятствій. Что же касается до даровыхъ общественныхъ библіотекъ, то онѣ могли бы быть ограничены только тѣмъ вышеупомянутымъ спискомъ, какой уже существуетъ для всѣхъ частныхъ библіотекъ для чтенія.

Весьма основательно потому г. Якушкинъ заключаетъ свой трудъ слѣдующимъ соображеніемъ:

„Потребность въ чтеніи все ростетъ и ростетъ среди нашего на-

рода. Вопросъ о народномъ чтеніи—одинъ изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ вопросовъ современной русской жизни. Это живое дѣло, для блага Россіи, не должно быть стѣсняемо сухими формальностями. Обращаясь съ совѣтомъ къ составителямъ народныхъ книгъ, покойный Достоевскій вполнѣ справедливо говорилъ: „прежде непремѣнной, немедленной пользы народныхъ книжекъ, кромѣ всѣхъ солей, искореневій и нравоученій, очень бы не худо было имѣть въ виду просто распространеніе въ народѣ чтенія, постараться заохотить народъ къ чтенію—занимательностью книги, и потому пусть вещь будетъ хоть и безъ соли, да если чуть-чуть занимательна и положительно *невредна* (надѣюсь, поймутъ, что мы подразумѣваемъ подъ словомъ „невредна"), такъ и спасибо за нее"... Этотъ справедливый совѣтъ до сихъ поръ имѣетъ значеніе для нашихъ народныхъ писателей и издателей; но и взглядъ контролирующей власти долженъ быть тотъ же: *невредная книга полезна.* И этотъ справедливый взглядъ можетъ получить осуществленіе въ дѣятельности ученаго комитета лишь тогда, когда въ ней будетъ сдѣлана указанная выше перемѣна".

Въ послѣднее время не одна наша политика, но также и наша общественная жизнь, наша литература, обращаютъ на себя вниманіе иностранныхъ читателей, а соотвѣтственно тому все чаще и чаще появляются за границей спеціальныя изслѣдованія нашего историческаго и современнаго быта. На основаніи такихъ изслѣдованій создается на западѣ общественное мнѣніе о Россіи, какъ извѣстно, въ рѣдкихъ случаяхъ благопріятное намъ; но такъ какъ самыя изслѣдованія остаются въ большинствѣ неизвѣстны русскому читателю, то онъ и лишенъ возможности знать причины такого нерасположенія къ намъ и судить о степени ихъ основательности; онъ видитъ предъ собою одни ихъ послѣдствія, отражающіяся на иностранныхъ газетахъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ одна изъ петербургскихъ газетъ („Гражданинъ", № 165) сама познакомилась съ подобнымъ произведеніемъ одного изъ новѣйшихъ публицистовъ, сдѣлавшагося извѣстнымъ подъ именемъ H. v. Samson-Himmelstjerna (Victor Franck), чрезъ посредство газеты „Pester Lloyd", и привела ея отзывъ о Россіи на основаніи послѣдняго произведенія упомянутаго автора: „St.-Petersburger Schilderungen und Briefe, mit Rückblicken auf die jüngste Vergangenheit" („Петербургскія очерки и письма, съ обзоромъ недавняго прошлаго"). Нашимъ читателямъ имя этого публициста нѣсколько знакомо по его книгѣ, разобранной нѣкогда въ „В. Е." покойнымъ К. Д. Кавелинымъ, и по другому его произведенію: „Revanche ou

ligue douanière" [1]); новая его книга, посвященная петербургскому обществу, характеризуется въ упомянутомъ органѣ иностранной печати такимъ образомъ (какъ излагаетъ въ русскомъ переводѣ „Гражданинъ"):

„Какъ грозный древній сфинксъ, — говоритъ „Pester Lloyd",— стоитъ Россія на порогѣ Европы. Если когда-нибудь явится новый Эдипъ, который съумѣетъ дать настоящій отвѣтъ на восточный вопросъ, то было бы желательно, чтобы вслѣдъ за этимъ провалился въ преисподнюю и московскій сфинксъ, что было бы искупленіемъ за тѣ безчисленныя жертвы, которыя теперь истекаютъ кровью въ его когтяхъ.

„Русскій, по всей вѣроятности балтійскій нѣмецъ, финнъ или лифляндецъ, г. Самсонъ-Химмельстьерна, издалъ объемистую, хорошо написанную книгу, въ которой онъ снова обращаетъ вниманіе западной Европы на опасность, грозящую ей со стороны Россіи. Не слѣдуетъ убаюкивать себя, не слѣдуетъ надменно отворачиваться отъ „русскихъ дѣлъ". Судьба Европы тѣсно связана съ берегами Невы. Страшнѣйшаго изъ враговъ всегда слѣдуетъ знать хорошо, и всегда слѣдуетъ быть готовымъ къ нападенію съ его стороны. Болѣе четырехъ милліоновъ солдатъ стоятъ на-готовѣ въ Россіи; этому громадному сонмищу можетъ противостоять только Европа, соединенная ради общей цѣли. Но Химмельстьерна, авторъ упомянутой книги, считаетъ насильственное сохраненіе мира не особенно выгоднымъ, потому что Россіи дается только время еще больше усилиться и воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, когда Европа снова будетъ разъединена, для приведенія въ исполненіе своихъ вандальскихъ намѣреній.

„Авторъ,—говоритъ „Pester Lloyd",—выдаетъ себя за русскаго, и мы не имѣемъ никакого основанія считать его врагомъ Россіи. Какъ онъ ни либераленъ и какъ ни расположенъ къ нѣмцамъ, а все же въ его разсужденіяхъ проглядываютъ русскія когти и монгольскіе буйвольи рога. Онъ ратуетъ за культуру и права Финляндіи—этого перла русской короны—и за выдающееся положеніе, которое должны занимать Остзейскія провинціи въ Россіи, и не забываетъ постоянно настаивать на томъ, что у Русскаго Царя никогда не было вѣрнѣйшихъ (!), благороднѣйшихъ и преданнѣйшихъ подданныхъ, какъ финны и остзейскіе нѣмцы (!!). Очевидно, авторъ готовъ примириться съ какими угодно деспотическими мѣрами въ Россіи, лишь бы только онѣ не примѣнялись къ этимъ не-русскимъ народностямъ. Съ такими партикуляристскими воззрѣніями, готовыми равнодушно смотрѣть на порабощеніе милліоновъ, лишь бы какая-нибудь кучка „лучшихъ людей" ничего не потеряла отъ этого, мы не можемъ быть солидарны и не можемъ быть согласны съ авторомъ, когда онъ жалуется на то, что абсолютный славянофильскій принципъ старается о томъ, чтобы пригнать къ общему шаблону Финляндію и Остзейскія провинціи, и не видитъ никакой бѣды въ торжествѣ этого принципа въ другихъ мѣстахъ Россіи. Авторъ, слѣдо-

[1]) См. „Новости иностранной литературы" въ іюнѣ 1891 г.

вательно, дѣлаетъ огромное различіе между тѣми и другими русскими подданными и, являясь либераломъ и прогрессистомъ въ отношеніи однихъ, становится реакціонеромъ въ отношеніи другихъ. Изъ всѣхъ разсужденій автора мы невольно приходимъ къ заключенію, что онъ принадлежитъ къ консервативно-либеральной партіи конца прошлаго царствованія въ Россіи, уступившей мѣсто славянофиламъ въ настоящее время, но не теряющей надежды снова вернуть свою прежнюю силу.

„Въ Россіи господствуютъ славянофилы, говоритъ авторъ; ихъ лозунгъ — единая русская нація и во главѣ единая Православная Церковь. Они стремятся къ подчиненію Европы русскому самодержавію и Восточной Православной Церкви. Но Русскій Государь признаетъ только одни честныя средства и, управляя всѣмъ самолично, видитъ въ самодержавіи единственный путь ко благу Россіи.

„Никто въ Россіи не можетъ похвалиться, что имѣетъ рѣшающее вліяніе: вся политика въ рукахъ Русскаго Царя, и никто не направляетъ ея согласно своимъ воззрѣніямъ. Самодержавіе для Россіи дѣйствительно является необходимостью, и парламентъ въ Россіи былъ бы, по меньшей мѣрѣ, смѣшнымъ или явился бы началомъ конца. Съ этой стороны перемѣны въ Россіи нежелательны, лишь бы не было нарушенія правъ Финляндіи и Лифляндіи и была бы дарована автономія Остзейскимъ провинціямъ. Но авторъ сильно осуждаетъ дѣйствія славянофиловъ, которыя въ концѣ концовъ таки-поведутъ къ столкновенію съ Европой и, по мнѣнію автора,—лучше, если это столкновеніе произойдетъ раньше, нежели позже. Очевидно, авторъ желаетъ войны, но войны съ увѣренно-несчастливымъ исходомъ для Россіи, которая бы прекратила панславистскія мечтанія, водворила бы просвѣщенный абсолютизмъ съ космополитическою окраской въ Россіи. Тогда для нея наступятъ счастливыя времена... Авторъ возлагаетъ большія надежды при этомъ на русское духовенство; реформированное и просвѣщенное, оно поведетъ русскій народъ къ прогрессу. Поэтому въ этомъ направленіи должны дѣйствовать усилія цивилизаторовъ въ Россіи“...

Петербургская газета, приведя въ русскомъ переводѣ такую статью „Пештскаго Ллойда“, оставляетъ ее безъ всякихъ замѣчаній съ своей стороны, если не считать такими нѣсколькихъ восклицательныхъ знаковъ отъ редакціи. Но пештская газета, какъ оказывается, не столько имѣла въ виду книгу г. С.-Химмельстьерна, сколько усматривала въ ея появленіи случай еще разъ повторить то, что́ въ ней уже не разъ говорилось о русской культурѣ. Другія иностранныя газеты отнеслись иначе къ этой же книгѣ, а именно, болѣе объективно, и изъ ихъ отзывовъ видны несравненно лучше ея существенные недостатки которые могутъ однако неправильно и нежелательно воздѣйствовать на общественное мнѣніе западной Европы, сбивая его окончательно съ толку. Изъ выдержекъ, приведенныхъ въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, видно, что авторъ, задавшись мыслью дать читателю „петербургскіе“ очерки, собственно ведетъ полемику съ „славянофилами“

и притомъ прежнихъ эпохъ, а потому борется съ славянофильствомъ, которое не существуетъ, и, повидимому, вовсе незнакомъ съ существующимъ—положеніе, для изслѣдователя по меньшей степени неудобное! Но хуже всего то, что авторъ, въ пылу борьбы à l'outrance, самъ, только въ другой формѣ, приходитъ незамѣтно для себя къ одному заключенію съ славянофилами, взгляды которыхъ онъ какъ будто оспариваетъ. Онъ упрекаетъ славянофиловъ главнымъ образомъ за то, что они считаютъ русскій народъ какимъ-то исключительнымъ въ общечеловѣческой семьѣ и потому идущимъ необыкновенными путями, которые недоступны для другихъ народовъ. Авторъ книги, собственно говоря, утверждаетъ то же самое, съ тою только разницею, что славянофилы, по его словамъ, приписываютъ русскому народу прирожденныя добродѣтели, а г. С.-Химмельстьерна находитъ въ немъ прирожденные пороки, которые не дозволяютъ даже обсуждать вопросы русской культуры съ точки зрѣнія другихъ народныхъ культуръ. Такимъ образомъ, и авторъ книги дѣлаетъ свои послѣдніе выводы, какъ оказывается, съ той же точки зрѣнія, которую онъ съ большимъ пыломъ осуждаетъ, говоря объ основахъ ученія славянофиловъ, какъ оно имъ понято. Впрочемъ, авторъ самъ взялъ на себя трудъ опредѣлить значеніе своей книги, когда онъ въ концѣ ея, какъ бы резюмируя собственные взгляды, вывелъ на сцену какого-то собесѣдника—и надобно отдать справедливость безпристрастію автора — онъ далъ возможность своему собесѣднику возражать автору такъ умно, что этотъ собесѣдникъ, т.-е. самъ же авторъ, рѣшительно прижалъ автора, т.-е. самого себя, какъ говорится, къ стѣнѣ.

Выслушавъ заключительное слово г. С.-Химмельстьерна, невидимый его собесѣдникъ прервалъ его рѣчь восклицаніемъ:—„Но вы—совершеннѣйшій пессимистъ! Существующее вы безусловно осуждаете и не ждете отъ него никакого добра; отъ всякаго другого порядка, который вы считаете лучшимъ, вы не ожидаете также ничего, кромѣ еще худшаго зла! Но такъ какъ при этомъ ничего третьяго не можетъ быть, то по вашему въ результатѣ во всякомъ случаѣ является нуль!"

Авторъ возражаетъ на это своему собесѣднику не чѣмъ другимъ, какъ повтореніемъ всего того, что̀ пространно изложено въ его книгѣ и что̀ подало основательный поводъ его собесѣднику привести всѣ его соображенія къ нулю, а въ заключеніе и самъ „сознается къ собственному сожалѣнію" (ich muss vielmehr leider bekennen), что и его идеи не имѣютъ „большихъ шансовъ успѣха". Спрашивается: стоило ли писать цѣлую книгу только для того, чтобы заключить сожалѣніемъ о томъ, что въ результатѣ ея оказался—нуль?

„Гражданинъ", какъ мы видѣли, почтилъ помѣщеніемъ у себя,

безъ всякихъ возраженій или замѣчаній, статью „Пештскаго Ллойда" о Россіи; но вскорѣ объяснилось все: взгляды „Гражданина" на нашу культуру и ея отношенія къ культурѣ міровой, какъ оказалось, мало чѣмъ отличаются отъ такихъ же взглядовъ „Ллойда" и даже оставляютъ пештскую газету позади себя. Приведя въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ нумеровъ еще другой, такой же неблагосклонный отзывъ о Россіи французскаго сенатора Бартелеми Сентъ-Илера, всѣмъ извѣстный по газетамъ, „Гражданинъ" не только нашелъ автора подобнаго отзыва „правымъ", но счелъ долгомъ съ своей стороны подкрѣпить его, дѣйствительно, „варварскими" соображеніями: „Наша сила,—поучаетъ петербургская газета,—именно въ гордомъ (?!) сознаніи себя *варварами* (курсивъ авторскій) въ Европѣ... Насъ, русскихъ, должно воспитывать въ убѣжденіи, что нѣтъ *умнаго человѣка* въ Европѣ, который не считалъ бы насъ своимъ заклятымъ врагомъ, своимъ ненавистнымъ монстромъ (!)—варварскимъ народомъ". Повидимому, „Гражданинъ и взялъ на себя тяжелый трудъ воспитать русское общество въ такомъ счастливомъ убѣжденіи; но кому же, какъ не „Гражданину", знать, за кого принимаютъ тѣхъ, кому удалось наконецъ сдѣлаться врагомъ всѣхъ умныхъ людей"...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ предприняло изданіе періодическаго сборника подъ названіемъ „Историческаго Обозрѣнія", поручивъ редактированіе его своему предсѣдателю, проф. Н. И. Карѣеву. Желая, чтобы въ этомъ изданіи были сосредоточены извѣстія о всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи историческихъ книгахъ, Комитетъ Общества обращается къ авторамъ-издателямъ историческихъ книгъ съ покорнѣйшей просьбой присылать въ Общество свои труды (начиная съ помѣченныхъ 1891 г.) съ краткими, ими самими составленными, замѣтками (Selbstanzeigen) объ этихъ трудахъ, размѣрами отъ нѣсколькихъ строкъ до печатной страницы, дабы въ „Историческомъ Обозрѣніи" могла вестись систематическая библіографія съ краткими указаніями на содержаніе обозначаемыхъ въ ней трудовъ; въ томъ случаѣ, если присланная книга не найдетъ рецензента, будетъ напечатана (цѣликомъ, въ изложеніи или сокращеніи) замѣтка ея автора, для чего такія замѣтки должны содержать въ себѣ то, что обыкновенно авторами пишется въ предисловіяхъ. Самыя книги будутъ поступать въ библіотеку Общества. Посылки могутъ быть адресованы (заказными бандерольными отправленіями) на имя Н. И. Карѣева въ С.-Петербургскій Университетъ (въ августѣ—на Воскресенскую почтовую ст. смоленской губ., сычовскаго уѣзда).

ПОПРАВКА:

Въ „Библіографическомъ Листкѣ" іюльской книги, по недосмотру, остались неисправленными два мѣста въ первой его колоннѣ: строк. 1 сн., напечатано: „дополнительное"—слѣдуетъ: *дополненное*; 11 строк. сн., напечатано: „законодательства"—слѣдуетъ: *доказательства*.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1891.

Книга седьмая. — Іюль. СТР.

Августъ. — Книга восьмая.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Что такое научная философія? Этюдъ В. Лесевича. Спб. 91. Стр. 256. Ц. 2 р.

Въ трудѣ г. Лесевича подробно излагается ходъ новѣйшей философской литературы, преимущественно нѣмецкой, выработавшей тотъ взглядъ на научную философію, который кажется автору наиболѣе основательнымъ. Послѣ небольшого введенія и двухъ главъ объ Огюстѣ Контѣ и объ англійскомъ позитивизмѣ, авторъ переходитъ къ своей главной задачѣ—къ изученію воззрѣній главныхъ представителей современной научной философіи въ Германіи, причемъ наибольше мѣста удѣлено Эристу Лаасу и Рихарду Авенаріусу. По словамъ г. Лесевича, положеніе философіи, какъ отдѣльной науки, потеряло почву, и теперь философія становится „такимъ знаніемъ дѣйствительности, при которомъ представленіе цѣлаго привлекается для изученія единичнаго, а единичное охватывается взглядомъ, устремленнымъ на цѣлое“; она перестала „играть обманчивую роль отдѣльной отрасли познанія“ и должна сдѣлаться „знаніемъ общимъ: она проникаетъ во всѣ отдѣльныя дисциплины, всѣмъ имъ сообщаетъ присущій ей духъ и такимъ образомъ завершаетъ то движеніе, которымъ испытующая критическая мысль свершала процессъ своего развитія; она придаетъ окончательную устойчивость тому положенію, которое подготовлялось всѣмъ предшествующимъ развитіемъ и которое, ранѣе окончательнаго распаденія всей совокупности познанія на отдѣльныя самостоятельныя группы, было невозможно, немыслимо“ (стр. 241 и 250—1). Философія „сдѣлалась мѣрою высоты и захвата познающей силы; она не отдѣляетъ себѣ особой области, не претендуетъ на отдѣльный объектъ и свой собственный методъ; но ей и не нужно всего этого: она опять стала наукою въ широкомъ значеніи этого слова, она опять получила значеніе познанія въ возвышеннѣйшемъ и прекраснѣйшемъ значеніи этого слова“ (стр. 8)—съ тѣхъ поръ какъ перестала быть отдѣльною самостоятельною наукою. Нельзя сказать, чтобы эти опредѣленія „научной философіи“ отличались ясностью; но главная цѣнность книги г. Лесевича заключается въ обиліи собраннаго имъ и систематически излагаемаго литературнаго матеріала.

И. Иванюковъ. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Третье изданіе, исправленное и дополненное. М. 91. Стр. 235. Ц. 2 р. 50 к.

Книга проф. Иванюкова даетъ живую и поучительную характеристику главныхъ школъ и направленій политической экономіи, съ точки зрѣнія общихъ соціальныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ останавливается на попыткахъ практическихъ программъ въ видахъ лучшей организаціи народнаго хозяйства и посвящаетъ особую главу оцѣнкѣ значенія берлинской конференціи по рабочему вопросу (стр. 192—235). Всѣ симпатіи автора принадлежатъ нѣмецкой реалистической или соціальной школѣ экономистовъ, все болѣе вытѣсняющей прежнія абстрактныя теоріи и выдвигающей на первый планъ необходимость преобразованія народно-хозяйственной жизни согласно потребностямъ народныхъ массъ. Крупныя достоинства книги г. Иванюкова доставили ей вполнѣ заслуженный успѣхъ, о которомъ свидѣтельствуетъ теперь выходъ ея третьимъ изданіемъ.

Джонъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею И. И. Янжула, проф. моск. унив. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 91. Стр. XI, 322 и IV. Ц. 1. 50 к.

Авторъ этого сочиненія пріобрѣлъ большую извѣстность въ качествѣ рѣшительнаго противника тѣхъ научныхъ пріемовъ и взглядовъ, которые почти безраздѣльно господствовали въ трудахъ такъ-называемой классической школы политической экономіи. Въ брошюрѣ Ингрэма, появившейся около десяти лѣтъ тому назадъ, были сжато и убѣдительно изложены главнѣйшіе доводы противъ отвлеченнаго, дедуктивнаго направленія въ экономической наукѣ и въ пользу необходимаго преобразованія ея, въ духѣ положительныхъ изслѣдованій хозяйственной и соціальной жизни. Сознаніе неразрывной связи хозяйственнаго быта съ другими сторонами общественной жизни народовъ должно побудить экономистовъ разсматривать политическую экономію какъ часть болѣе обширной науки—соціологіи. Въ этомъ заключается главная мысль Ингрэма, которая положена также въ основаніе его небольшой, сжато и интересно написанной „Исторіи политической экономіи“. Изданіемъ этой книги въ русскомъ переводѣ проф. Янжулъ оказалъ несомнѣнную услугу всѣмъ занимающимся и интересующимся у насъ вопросами экономической науки. Въ небольшомъ предисловіи И. И. Янжула указано значеніе трудовъ Ингрэма, и сверхъ того прибавлены къ тексту нѣкоторыя примѣчанія, преимущественно библіографическаго характера.

М. Горенбергъ. Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. Спб. 91. Стр. V и 221. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросъ о союзномъ государствѣ въ отличіе отъ союза государствъ (Bundesstaat и Staatenbund) давно уже служитъ предметомъ разработки и обсужденія въ спеціальной нѣмецкой литературѣ, такъ какъ онъ представляетъ особый интересъ для Германіи, въ виду ея своеобразнаго политическаго устройства. Г. Горенбергъ обстоятельно знакомитъ насъ съ новѣйшимъ научнымъ движеніемъ въ этой области, причемъ выставляетъ на видъ общіе успѣхи нѣмецкой науки въ разработкѣ государственнаго права, со времени возстановленія германскаго единства.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, отъ начала русской образованности до нашихъ дней. С. А. Венгерова. Вып. 30. Спб. 91. Стр. 383—422.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается второй томъ, и дальнѣйшее изданіе словаря будетъ выполняться не отдѣльными выпусками, какъ то было до сихъ поръ, но законченными томами, изъ которыхъ каждый будетъ равенъ 10 выпускамъ. Значительная часть настоящаго выпуска посвящена большой статьѣ о поэтѣ старыхъ временъ Бенедиктовѣ; авторъ статьи не отрицаетъ того, что Бенедиктовъ въ свое время пользовался значеніемъ, но полагаетъ, что такимъ значеніемъ пользовался лишь у „умственной (?) черни“; впрочемъ, вспомнивъ поэзію ближайшаго времени, авторъ уменьшилъ въ концѣ статьи свою требовательность по отношенію къ Бенедиктову, и призналъ, что все-таки у него „есть мысли и чувства, облагораживающія всякаго, кто къ нимъ приближается“.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Января	Іюля	Января	Апрѣля	Іюля	Октября
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Съ перваго іюля открыта подписка на второе полугодіе 1891 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

КАТАЛОГЪ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“ за 25 лѣтъ: 1866—90 гг., съ алфавитнымъ указателемъ именъ авторовъ. Спб. 1891 г. Стр. 166. Цѣна 1 р., съ пересылкою.